

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

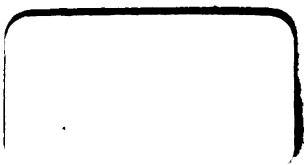
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

3 3433 07919795 4

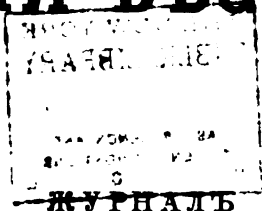

10
11

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

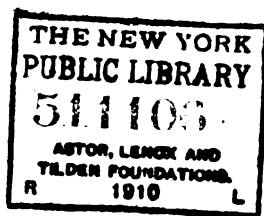

МОСКВА.

Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°).

1863.

21 -
1749

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 8 апрѣля 1863 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

МАРТЪ.

стр.

Европа въ концѣ XVIII вѣка. Статья шестая. <i>С. М. Соловьева.</i>	5
Картаны ангайскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 г. въ Лондонѣ. (Окончаніе.) <i>Д. В. Григоровича.</i>	31
Взбааламученное море. Романъ въ шести частяхъ. Часть первая. <i>А. Ѡ. Писемскаго.</i>	93
Разказы новѣйшихъ туристовъ о Югѣ Соединенныхъ Штатовъ. <i>А. В. Дружинина.</i>	185
Потѣдка на Припенскую ярмарку и въ монастыри Св. Архангелъ и Тресковецъ. Изъ путевыхъ записокъ. <i>М. А. Хитрово.</i>	207
Дя или нѣтъ. Повѣсть. (Окончаніе.) <i>Сосногорова.</i>	245
Изъ деревни. VII—XIV. <i>А. А. Фета.</i>	299
Съ натуры. Стихотвореніе. <i>К. Альбинскаго.</i>	351
По вопросу объ улучшеніи тюремъ. <i>А. К. Забѣлина.</i>	353
Томасъ Эрскинъ. <i>М. И. Заруднаго.</i>	396
Польша по Quarterly Review.	429
Отзывы и замѣтки. —Что намъ дѣлать съ Польшей?	469

АПРѢЛЬ.

Взбаламученное море. Романъ въ шести частяхъ. Часть вторая. <i>А. Ф. Писемскаго</i>	481
Савиньи и его отношеніе къ современной юриспруденціи. <i>Г. Кенига</i>	571
Старообрядческіе архіереи. I—III. <i>П. И. Мельникова</i>	599
Сельская жизнь въ Англіи или воспоминанія французскаго изгнанника. (<i>La vie rurale en Angleterre</i> .) I—XI.	657
Общяные налоги и мірскіе сборы. <i>Н. П. Воронцова-Вельяминова</i>	731
Унія. Стихотвореніе. <i>А. Цурикова</i>	759
Очерки—I. Коллекція старичковъ и старушекъ. <i>Г. М. Лосева</i>	765
Стихотвореніе. <i>А. А. Фета</i>	792
Отрывокъ изъ записокъ. <i>С. Н. Глинки</i>	793
Отклоненія отвѣса въ Московской губерніи. <i>Ф. А. Бредихина</i>	819
О нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Западной Европѣ. <i>А. С. Ершова</i>	835
Сибирская Тайга. (Окончаніе.) <i>К. Золотилова</i>	849
Еще о крестьянскомъ дѣлѣ. (Отвѣтъ на статью г. Ржевскаго: „Да или нѣтъ?“) <i>Н. П. Семенова</i>	883

ПОПРАВКА. Въ мартовской книжкѣ, подъ статью „Поѣздка на Прилепскую ярмарку и въ монастыри Св. Архангелъ и Тресковецъ“, по ошибкѣ, имя автора обозначено неправильно: *А. Хитрово*; слѣдуетъ быть *М. Хитрово*.

ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ¹.

На мѣсто Волконскаго хотѣли назначить въ Варшаву кого-нибудь въ родѣ Репнина, и назначили Салдерня. Салдернь дѣйствительно отличался характеромъ противоположнымъ характеру Волконскаго, котораго онъ называлъ старою бабой, позволявшею себѣ сносить всевозможныя оскорбленія. Но дуга была перегнута въ противную сторону: Салдернь, человекъ очень даровитый, отличался большою энергіей, но тутъ примѣшивалась значительная доля раздражительности, увлеченія, не доставало необходимой въ его положеніи холодности, спокойствія. Салдернь, человекъ старый и больной, ѣхалъ въ Варшаву очень неохотно, составивъ себѣ напередъ самое печальное представленіе о томъ, что его ожидало; его уговорили ѣхать только обѣщаніемъ, что больше года не пробудеть на своемъ постѣ. Это нерасположеніе къ дѣлу, которое Салдернь взялъ на себя, разумѣется, не могло содѣйствовать успокоенію его раздражительности; и такъ какъ большинство польскихъ магнатовъ, съ которыми посолъ долженъ былъ имѣть дѣло, не могло внушать къ себѣ никакого

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 5, 6 и 11, 1862 г., и № 2, 1863 г.

уваженія, то Салдернъ далъ полную волю своему презрѣнiю къ нимъ и сердился на тѣхъ изъ Русскихъ, которые были сдержаннѣе въ этомъ отношенiи; съ другой стороны, Салдернъ, по болѣзненной впечатлительности своей, готовъ былъ преувеличивать трудности, опасности своего положенiя и положенiя представляемаго имъ государства относительно Польши.

Прiѣхавъ въ Варшаву, Салдернъ занялся изученiемъ лицъ и партiй, и результаты этого изученiя отправилъ къ императрицѣ. Посолъ дѣлить дѣйствующихъ въ Польшѣ лицъ на пять частей: 1) король, 2) мнимые королевскiе друзья, 3) мнимые друзья Россiи, 4) конфедераты явные, 5) конфедераты тайные. Конфедератами онъ называетъ всѣхъ тѣхъ, которые ненавидятъ короля и число которыхъ превышаетъ $\frac{1}{4}$ населенiя государства. Саксонскую партiю посолъ нашелъ гораздо многочисленнѣе чѣмъ думали: первыя фамилiи въ Варшавѣ держались еще Саксонскаго дома. Кромѣ преданныхъ Саксонскому дому, былъ другой родъ конфедератовъ, именно тѣ, которые не терпятъ короля; число ихъ не малое, ибо невѣроятно до какой степени простирается ненависть къ этому государю. „Если я, пишетъ Салдернъ, съ генераломъ Веймарномъ сегодня выйду изъ Варшавы, взявъ съ собою войска и пушки, то въ 24 часа вся Варшава сконфедеруется, и короля во дворцѣ убьютъ камнями. Я не скрылъ отъ короля этой истины и видѣлъ его въ жестокой необходимости со мною согласиться. Но есть еще другой родъ конфедератовъ: это духовные, которыми Польша, а особенно столица преисполнена. Эти адскiе служители злоупотребляютъ властiю своею надъ слабыми душами до такой степени, что подъ страхомъ отлученiя отъ святыхъ таинъ и неразрѣшенiя грѣховъ принуждаютъ ихъ помогать явно и тайно конфедератамъ. Женщины служатъ вмѣсто шпионовъ и набираютъ солдатъ для конфедерацiй. Сюда же должно причислить и газетчиковъ, наполняющихъ Варшаву и разсылающихъ по всѣмъ провинцiямъ ложныя новости.“ Характеры дѣйствующихъ лицъ Салдернъ очерчиваетъ такимъ образомъ: мнимые друзья Россiи: 1) примасъ Подоскiй, не терпящiй короля Саксонецъ, непримиримый врагъ Чарторыйскихъ, имѣющiй въ деньгахъ нашихъ нужду, есть первый изъ друзей нашихъ. Онъ не имѣетъ ни закона, ни вѣры, ни кредита, не уважается народомъ, презрѣнъ большими и не любимъ малыми. Въ

немъ есть одна добрая черта: онъ имѣеть честность объявлять: „Если я не могу имѣть короля изъ Саксонскаго дома, то всегда изъ благодарности буду повиноваться волѣ ея императорскаго величества.“ Впрочемъ онъ такой человѣкъ, которому никогда никакой тайны ввѣрить нельзя, котораго дѣйствующимъ лицомъ употребить нельзя и съ которымъ ни одинъ честный человѣкъ здѣсь дѣйствовать вмѣстѣ не согласится.

2) Епископъ виленскій, князь Мосальскій, человѣкъ тонкаго и хитраго разума, но такъ вѣтренъ, какъ французскій аббатъ петиметръ, надутый въ то же время своими достоинствами и дарованіями, стремящійся къ приобрѣтенію важнаго значенія въ странѣ, желающій возвыситься съ паденіемъ Чарторыйскихъ. Надежда собрать сильную партію привлекла его къ нашей сторонѣ. Это человѣкъ лукавый, ненадежный; онъ имѣеть нѣкоторый кредитъ въ Литвѣ, но и то у мелкихъ людей.

Богѣ его кредита въ Литвѣ имѣеть 3) графъ Флемингъ, воевода померанскій, единственный твердый и надежный человѣкъ; онъ другъ Россіи по внутреннему убѣжденію.

4) Воевода подляскій получаетъ отъ насъ пенсію; деньги единственное божество его. За деньги намъ вѣренъ и добрый крикунъ если нужда потребуетъ.

5) Воевода калышскій, вполне предавшійся графу Мнишку, безъ системы и трусъ преестественный.

6) Зять его, графъ Роголинскій похожъ на тестя и для насъ нашихъ совершенно бесполезенъ.

7) Великій канцлеръ коронный, епископъ познанскій Млодзѣвскій, Макиавель Польши, продающій себя тому, кто дастъ дороже, безъ уваженія и кредита въ государствѣ.

8) Епископъ куявскій, братъ познанскаго, во всемъ подобный ему, только не такъ уменъ.

9) Великій кухмистръ коронный Понинскій получаетъ пенсію. Легкомысленъ и любитъ играть важную роль; для вѣстей способенъ, проворенъ.

10) Маршалъ литовскій Гуровскій хитрый человѣкъ, съ разумомъ, но безъ искры честности. Я буду имѣть въ немъ нужду для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей.

Мнимые друзья королевскіе: 1) Воевода русскій князь Чарторыйскій. Онъ передъ всѣми отличается великими качествами души. Кажется мнѣ, что онъ сильно начинаетъ упадать; несмотря на то, онъ управляетъ всѣми движеніями

государства, человекъ просвѣщенный, пронизательный, умный, знающій совершенно Польшу, уважаемый одинаково друзьями и врагами: твердъ въ намѣреніяхъ и остороженъ, съ безпримѣрнымъ дарованіемъ пріобрѣтаетъ себѣ сердца человѣческія, хитростью раздѣляетъ, краснорѣчіемъ соединяетъ, проникаетъ другихъ, а самъ не пронизаемъ. Воевода русскій умѣлъ заставить короля отстать отъ Россіи; король дѣлаетъ все, что онъ захочетъ. 2) Братъ воеводы русскаго, канцлеръ, человекъ разумный, въ коварствахъ весьма много обращавшійся, нынѣ уже престарѣлый и служащій только орудіемъ своему брату, но впрочемъ любимый народомъ и умѣвшій найти себѣ друзей въ государствѣ, а особливо въ Литвѣ. 3) Князь Любомирскій, великій маршалъ коронный, зять воеводы русскаго, человекъ проворный, предприимчивый, но средняго разума, дѣйствующій только тогда, когда старики его заводятъ. Ненавидитъ короля, не взирая на родство; не любитъ Россіи. Есть еще два человека, которыхъ можно назвать спутниками князя Чарторыйскаго, Борхъ и Пржоздецкій, одинъ вице-канцлеръ коронный, а другой литовскій: оба ябедники, оба жалкіе политики, оба безъ уваженія и кредита. Графъ Браницкій одинъ изъ друзей королевскихъ, который говоритъ ему правду твердо и необинуясь. Онъ одинъ, на котораго я могу положиться. У короля честное сердце, но слабъ онъ до невозможности; широты и твердости нѣтъ въ его разумѣ, не привыкшемъ разсуждать и повелѣвать воображеніемъ. Онъ непременно требуетъ руководителя, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшается и послѣ того какъ уже рѣшеніе принято.

Убѣдившись очень скоро въ слабости и лукавствѣ мнимыхъ друзей Россіи, Салдернъ рѣшился дѣйствовать на короля, чтобы привлечь его и друзей его на свою сторону. Онъ постарался представить Станиславу Августу весь ужасъ его положенія: ненависть къ нему народа, отсутствіе всякой помощи извнѣ, ибо и русская императрица готова лишить его своего покровительства; посолъ постарался уничтожить въ немъ убѣжденіе въ невозможности послѣдняго, объявивъ, что если король будетъ поступать попрежнему, то онъ немедленно же выѣдетъ въ Гродно, забравъ съ собою войско и всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ за нимъ слѣдовать, и въ Гроднѣ будетъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній императрицы. Испуганный король далъ запись: „Вслѣдствіе увѣреній посла

ея величества императрицы всероссійской въ томъ, что августѣйшая государыня его намѣрена поддерживать меня на тронѣ польскомъ и готова употребить всѣ необходимыя средства для успокоенія моего государства; вслѣдствіе изъясненія средствъ, какія, по словамъ посла, императрица намѣрена употребить для достиженія этой цѣли; вслѣдствіе обѣщанія, что она будетъ считать моихъ друзей своими, если только они будутъ вести себя какъ искренніе мои приверженцы, и что она будетъ обращать вниманіе на представлянія мои относительно средствъ успокоить Польшу,—вслѣдствіе всего этого я обязуюсь совѣщаться съ ея величествомъ обо всемъ и дѣйствовать согласно съ нею, не награждать, безъ ея согласія, нашихъ общихъ друзей, не раздавать вакантныхъ должностей и староствъ, въ полной увѣренности, что ея величество будетъ поступать со мною дружественно, откровенно и съ уваженіемъ, на что я въ правѣ разчитывать послѣ всего сказаннаго ея посломъ.“ Подписано 16 мая 1771 года. Станиславъ Августъ король.

Салдернъ, съ своей стороны, далъ королю записку: 1) кромѣ ея императорскаго величества только два человека будутъ знать о записки королевской: графъ Панивъ и графъ Орловъ. 2) Россія не сообщитъ объ этомъ ни одному двору иностранному и ни одному Поляку, однимъ словомъ, записка останется подъ глубочайшимъ секретомъ. 3) Записка будетъ возвращена королю по возстановленіи спокойствія въ Польшѣ. 4) Императорскій посолъ будетъ обходиться съ королевскими друзьями, которые станутъ на сторону Россіи, какъ съ друзьями искренно примирившимися. 5) Императорскій посолъ въ теченіи трехъ дней распорядится освобожденіемъ изъ-подъ секвестра имѣній тѣхъ лицъ, списокъ которыхъ представитъ король.

Чтобы показать свое единеніе съ Россіею, король согласился вывести въ поле, противъ конфедератовъ, двухтысячный отрядъ своего войска, подъ начальствомъ Браницкаго. Но прежде всего нужно было обратить вниманіе на состояніе русскаго войска. Отправляясь въ Варшаву, Салдернъ представилъ императрицѣ свои опасенія насчетъ генерала Веймарна, представилъ, что у него не достаетъ твердости и быстроты въ исполненіи. Императрица согласилась, что у Веймарна дѣйствительно не доставало многихъ способностей, необходимыхъ въ его положеніи. Пріѣхавъ въ Варшаву, Салдернъ убѣдился

еще болѣе въ неспособности Веймарна. Посоль былъ пораженъ жалобами, которыя слышались со всѣхъ сторонъ на поведеніе русскихъ войскъ въ городахъ и селахъ. „Веймарнъ столько же огорченъ этимъ, какъ и я, писалъ Салдернъ императрицѣ¹, но что толку въ его бесплодномъ сожалѣніи? Онъ сталъ желченъ, нервѣшителемъ, робокъ, мелочень. Я не смѣю надѣяться на успѣхъ, если здѣсь не будетъ другаго генерала.“ Салдернъ просилъ прислать или Бибикова, или князя Репнина; относительно послѣдняго онъ писалъ: „Смѣю увѣрить, что здѣсь мнѣнія перемѣнились на его счетъ; предубѣжденіе исчезло и уступило мѣсто уваженію, какое дѣйствительно заслуживаютъ его честность и достоинства. Здѣсь начинаютъ даже желать его возвращенія; всѣ, кого только я видѣлъ, только отъ его присутствія ждутъ улучшенія своего положенія, относительно русскаго войска.“

Войска этого было тогда въ Польшѣ 12.169 человекъ, да въ Литвѣ 3.818; 74 пушки и при нихъ 316 артиллеристовъ. Волконскій и Веймарнъ раздѣлили все войско по постамамъ неподвижнымъ и подвижнымъ. Подъ именемъ неподвижныхъ постовъ разумѣлись городскіе гарнизоны и посты, необходимые для поддержанія сообщеній. Подвижными постами назывались летучіе отряды, назначенные дѣйствовать противъ конфедератовъ всюду, по мѣрѣ надобности. Салдернъ никакъ не могъ согласиться, чтобы было полезно ограничиться одною оборонительною войною, какъ было въ послѣднее время, и употреблять на борьбу съ конфедератами только четвертую часть войска, оставляя другія три части въ гарнизонахъ. Войска, по мнѣнію Салдерна, портились отъ постоянного пребыванія въ гарнизонахъ, приучались къ неряшеству, солдаты начинали заниматься мелкою торговлею какъ Жиды. „Я, писалъ Салдернъ, займусь серіозно установленіемъ лучшаго порядка и лучшей полиціи въ столицѣ и ея окрестностяхъ, ни мало не безпокоюсь, будетъ ли это нравиться его польскому величеству или магнатамъ. Я выгоню изъ Варшавы конфедератскихъ вербовщиковъ: дѣло неслыханное, которое уже два года сряду здѣсь дѣлается! Я не позволю, чтобы бросали камни и черепицу на патрули русскихъ солдатъ; дерзость доходить до того, что въ нихъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ. Я не буду терять времени въ жалобахъ на

¹ 11 (22) мая 1771 года.

эти преступленія великому маршалу, который находитъ всегда тысячу увертокъ, чтобъ уклониться отъ преданія виновныхъ въ руки правосудія. Образъ веденія войны въ Польшѣ нѣ не нравится. Первая наша забота должна состоять въ томъ чтобъ овладѣть большими рѣками. Недостатокъ въ офицерахъ, способныхъ командовать отрядами, или маленькими летучими корпусами, невѣроятенъ. Есть храбрые воины, но не способные управлять ни другими, ни самими собою. Другіе думаютъ только о томъ, какъ бы нажитья. На способность и благоразуміе офицеровъ генеральнаго штаба положиться нельзя. Все, что здѣсь дѣлается хорошаго, дѣлается только благодаря доблести и неустрашимости солдатъ. Исключая генералъ-майора Суворова и полковника Лопухина, дѣятельность другихъ начальниковъ ограничивается тѣмъ, чтобы давать отъ времени до времени щелчки конфедератскимъ шайкамъ. Давши одинъ, другой щелчокъ, наши командиры ретируются съ добычею, собранною по дорогѣ въ имѣніяхъ мелкой шляхты и, расположившись на квартирахъ, ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ поръ, пока конфедераты не начнутъ снова собираться. Бывали примѣры, что наши начальники отрядовъ связались съ конфедератскими и вмѣстѣ пировали¹.

Порѣшивши съ королемъ, Салдернъ обратился къ націи; 14 мая (по ст. стилю) онъ издалъ декларацію, въ которой отъ имени императрицы приглашалъ благонамѣренныхъ Поляковъ соединиться и подумать о средствахъ вывести Польшу изъ того ужаснаго положенія, въ какомъ она находилась; приглашалъ снести съ насчетъ этого съ нимъ, посломъ, обѣщалъ убѣдить націю въ безкорыстіи императрицы, которая не желаетъ ничего, что могло бы вредить независимости республики; наконецъ приглашалъ и конфедератовъ къ примиренію. Оказалось, что декларація была написана слишкомъ мягко; насъ зовутъ, значить въ насъ имѣютъ нужду, значить мы сильны и можемъ поднимать головы, можемъ не пойти на зовъ; дѣлай что хочешь, что возьмешь! Салдернъ началъ хлопотать, какъ бы поправить дѣло, сталъ повторять всѣмъ, что пріѣхалъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы выпрашивать Христа-ради или покупать успокоеніе Польши. Потомъ Салдернъ въ продолженіи восьми дней избѣгалъ разговоры съ глазу на глазъ съ кѣмъ бы то ни было, давая чувствовать, что онъ

¹ Салдернъ императрицѣ 1 (12) іюля.

сдѣлалъ свое дѣло, передъ всею Европою сказалъ свое слово королю и націи; теперь ихъ чередъ отвѣчать ему. 27 мая явилась къ послу торжественная депутація отъ имени королевскаго; оба великіе канцлера, коронный и литовскій разсыпались въ похвалахъ, въ выраженіяхъ удовольствія и глубочайшаго уваженія къ ея императорскому величеству, по поводу деклараціи. Посоль отвѣчалъ на все это, что если король хочетъ воспользоваться деклараціею, то долженъ созвать всѣхъ епископовъ, сенаторовъ, сановниковъ и шляхту, находящуюся въ Варшавѣ, и представить имъ печальное состояніе государства.¹

Король исполнилъ желаніе Салдерна, созвалъ всѣхъ и предложилъ вопросъ: что дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ? За отвѣтомъ король обратился къ первому примасу Подоскому. Тотъ отвѣчалъ, что надобно подождать, какое впечатлѣніе декларація произведетъ въ странѣ, и особенно между конфедератами. Двое другихъ *друзей Россіи*—виленскій епископъ Мосальскій и кухмистръ Понинскій отвѣчали, что надобно снестись съ конфедератами и потомъ созвать сеймъ для разсужденія о томъ, что русскій дворъ представить для будущихъ соглашеній. Раздраженный Салдернъ принялся за Подоскаго, объявилъ ему, что интриги его съ саксонскимъ министромъ и конфедератами для низложенія короля извѣстны: „Вы меня больше не обманете вашими увѣреніями въ искренности, которая вамъ извѣстна только по имени“. Потомъ посоль пересчиталъ ему всѣ мелкія плутовства, которыя архіепископъ позволялъ себѣ при Волконскомъ, водя старика за носъ. На все это примасъ отвѣчалъ съ *нѣкотораго рода гнѣвомъ*, что хочетъ выѣхать изъ Варшавы. „Для этого, сказалъ Салдернъ, я дамъ вамъ эскортъ, достойную того мѣста, какое вы занимаете въ государствѣ, и которая можетъ замѣнить саксонскую гвардію.“ Надобно замѣтить, что прелать жилъ въ саксонскомъ дворцѣ, что прислуга его состояла частію изъ Саксонцевъ, и гвардіею служили ему два отряда саксонскихъ войскъ, которымъ позволено было оставаться въ Варшавѣ. Салдернъ упрекалъ Подоскаго за разныя плутовства его при Волконскомъ; но и съ нимъ архіепископъ сыгралъ хорошую штуку: вызвался перевести декларацію на польскій языкъ и въ разныхъ мѣстахъ передѣлалъ;

¹ Салдернъ Паничу 28 мая (8 іюля).

такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣствѣ говорилось о Польшѣ, что она до послѣдняго печальнаго времени была цвѣтущею, а въ переводѣ Подоскаго оказалось: „подъ правленіемъ саксонской династіи цвѣтущая“. Въ другомъ мѣствѣ говорилось: „Добродѣтельные граждане, которые стенають въ молчаніи“; а Подоскій перевелъ: „Добродѣтельные граждане, которые стенають въ Сибири“. Когда Салдернъ сталъ упрекать его за такія искаженія, примасъ сложилъ всю вину на переписчика. „Вотъ съ какими людьми долженъ я имѣть дѣло въ этой странѣ, куда Богъ перенесъ меня въ крайнемъ гнѣвѣ своемъ,“ писалъ Салдернъ Панину ¹.

Послѣ примаса Салдернъ принялся за двоихъ другихъ друзей Россіи. Два часа старался онъ „исправить голову Мосальскаго“, но понапрасну потерялъ время. Посолъ говорилъ ему о дѣлахъ государственныхъ, а епископъ гнулъ все въ одну сторону, чтобы Салдернъ помогъ ему въ процессахъ, которые онъ велъ въ литовскихъ трибуналахъ. Выведенный изъ терпѣнія посолъ сказалъ ему начисто, что считаетъ для себя безчестнымъ вмѣшиваться въ частныя тяжбы и помогать кому-нибудь въ судахъ, и что императрица будетъ презирать всѣхъ тѣхъ, которые будутъ имѣть въ виду свои частныя интересы въ то время, когда идетъ дѣло о прекращеніи бѣдствій общественныхъ. Епископъ замѣтилъ на это, что въ Литвѣ 52.000 шляхты тайно сконфедерированной. „Жаль, что не вы командуете этою шляхтою,“ отвѣчалъ Салдернъ, потому что 6.000 русскихъ солдатъ, находящихся въ Литвѣ, разбили бы васъ въ пухъ.“ Наконецъ дѣло дошло до Понинскаго. Салдернъ прямо выставилъ ему всю злобность его отвѣта въ то время, когда дѣло шло о спасеніи отечества, отвѣта, обнаружившаго скрытый ядъ, который онъ давно уже носилъ въ своей груди. „Я за вами слѣдилъ, я знаю, какъ вы вели себя съ княземъ Волконскимъ, которому вы обѣщали содѣйствовать всегда намѣреніямъ Россіи, у котораго вы вытянули 2.000 червонныхъ заразъ и пенсію въ 200 червонныхъ каждыи мѣсяць. Я считаю васъ негоднымъ человѣкомъ и не дамъ вамъ ни копѣйки пенсіи.“ ²

Дней черезъ двадцать послѣ этихъ объясненій Салдернъ ишлъ конференцію съ обоими канцлерами, короннымъ и

¹ Салдернъ Панину 1 (12) іюля.

² Салдернъ Панину 4 (15) іюля.

литовскимъ, и маршаломъ Любомирскимъ, по поводу деклараціи. Эти господа начали увѣреніями въ правотѣ своихъ намѣреній, что они очень хорошо чувствуютъ свои бѣдствія и потому серьезно желаютъ ихъ прекращенія, но, прежде чѣмъ вступить въ реконфедерацію, они должны взвѣсить всѣ послѣдствія предпріятія, которое можетъ быть еще гибельнѣе для ихъ отечества, и потому считаютъ необходимою со стороны Россіи новую декларацію публичную, въ которой бы яснѣе высказались намѣренія императрицы относительно двухъ пунктовъ, наведшихъ такой ужасъ на націю, именно относительно гарантіи и диссидентовъ. Они настаивали, чтобы посолъ изъяснился положительно насчетъ каждаго пункта, и только тогда они могутъ поручиться ему за довольно значительное число довольно сильныхъ людей, могущихъ содѣйствовать образованію представительнаго корпуса. При этомъ они ловко намекнули, что ихъ кредитъ чрезвычайно ослабѣлъ съ нѣкотораго времени, что враги короля въ то же время и ихъ враги, и что они нуждаются въ оружіи для устрашенія завистниковъ и враговъ. Они намекнули также очень толко, что иностранное вліяніе противодѣйствуетъ ихъ спасительнымъ видамъ и старались внушить послу опасенія насчетъ двусмысленнаго поведенія вѣнскаго двора, который не переставалъ явно покровительствовать конфедератамъ. Наконецъ они высказали свои сомнѣнія и насчетъ поведенія короля прусскаго, который не желаетъ прекращенія смуты въ Польшѣ. Салдернъ отвѣчалъ имъ, что ихъ авторитетъ и кредитъ чрезвычайно возвысились съ тѣхъ поръ, какъ они овладѣли особою короля и стали располагать важнѣйшими мѣстами и всѣми староствами. Салдернъ удостовѣрилъ ихъ, что онъ очень хорошо знаетъ степень ихъ вліянія и большее число ихъ креатуръ. Посолъ покончилъ тѣмъ, что не откажется дать имъ письменныя объясненія и деклараціи, если они, съ своей стороны, дадутъ ему манифестъ какой должно, въ выраженіяхъ ясныхъ и приличныхъ, подписанный значительнымъ числомъ лицъ, которыя желали бы составить конфедерацію и предложили бы ему послу хлопотать вмѣстѣ для умноженія членовъ этой новой конфедераціи. Конференція этимъ и кончилась.¹

Канцлеры приходили только за тѣмъ, чтобъ узнать, на

¹ Салдернъ Павлицу 25 іюля (6 іюля).

какія уступки готова Россія, находившаяся, по ихъ мнѣнію, въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ. Король также оправился отъ страха, нагнаннаго на него Салдерномъ въ первое время, и также увѣрился, что Россія больше всего нуждается въ успокоеніи Польши, и что слѣдовательно надобно только твердо держаться и этимъ принудить ее къ всевозможнымъ уступкамъ. Король и Любомирскій торжественно проповѣдывали придворнымъ и молодежи, что ихъ твердость въ послѣдніе два или три года положила границы русскому господству въ Польшѣ, что только эта твердость заставила Россію отказаться отъ гарантіи и диссидентовъ. Эти рѣчи страшно мучили раздражительнаго Салдерна, вонзали кинжалъ въ сердце, по его собственному выраженію. „Я вполне убѣжденъ, писалъ онъ въ Петербургъ, что князь Репнинъ совершенно правъ во всемъ томъ, что онъ здѣсь сдѣлалъ; бываютъ минуты, когда я плачу о томъ, что онъ не сдѣлалъ больше, то-есть зачѣмъ не выслалъ изъ Польши Любомирскаго и Борха. Этихъ двоихъ людей я боюсь гораздо больше, чѣмъ всѣхъ конфедератовъ.“¹ Твердость короля и окружающихъ его, которою они такъ хвалились, поддерживалась извѣстіями изъ Вѣны: оттуда писалъ братъ королевскій, генералъ Понятовскій, находившійся въ австрійской службѣ, что наврядъ ли Россія заключитъ миръ съ Турціей этою зимою, что война, быть-можетъ всеобщая, неизбѣжна. Король и Любомирскій съ товарищами толковали, что бояться нечего, что успѣхи Русскихъ въ Крыму и на Дунаѣ вовсе не такъ велики, какъ объ нихъ идетъ молва. Они нарочно говорили это при людяхъ, которые могли пересказать ихъ рѣчи Салдерну. У бѣднаго посла портилась кровь; были и другія обстоятельства, которыя ее портили: домъ, въ которомъ жили предшественники Салдерна, обветшалъ, и ни одинъ изъ вельможъ не хотѣлъ отдать своего дома въ наймы русскому послу, хотя дома стояли пустые, владѣльцы не жили въ Варшавѣ. Русскихъ казаковъ, которыхъ разсылалъ Салдернъ, били вездѣ; около Варшавы происходили безпрестанныя воровства и убійства.² „Неизвѣстность, въ какой я нахожусь, и страхъ сдѣлать слишкомъ много, меня убиваютъ“, писалъ Салдернъ Панину. Наконецъ извѣстія о возстаніи въ

¹ Салдернъ Панину 13 (24) іюля.

² Салдернъ императрицѣ 15 (26) іюля.

Литвъ, возбужденномъ гетманомъ Огинскимъ, переполнили чашу горести, и посолъ отправилъ отчаянное письмо въ Петербургъ: „Большинство пробуждается отъ летаргическаго сна. Нація начинаетъ себя чувствовать. Ее поджигаютъ со всѣхъ сторонъ. Австрія не только не хочетъ ее выводить изъ заблужденія, но колетъ ее, стыдитъ, что горсть Русскихъ держитъ ее въ рабствѣ. Франція всюду кричитъ, что надобно принимать болѣе къ сердцу польскіе интересы. Присылка офицеровъ и денегъ изъ Франціи поддерживаетъ пустыя надежды въ несчастныхъ Полякахъ. Все это увеличиваетъ наши затрудненія. Присоедините къ этому бунтъ Огинскаго въ Литвѣ. Если этотъ огонь разгорится, то будьте увѣрены, что всѣ наши преимущества будутъ потеряны. Краковъ не продержится шести недѣль, у насъ мало людей въ этомъ городѣ. Прибавьте къ тому, что мы будемъ принуждены очистить Познань. Каково же будетъ наше положеніе! Время не терпитъ; настoitъ крайняя необходимость принять другія мѣры, мѣры сильныя, которыхъ никто не ожидаетъ. Нельзя ли чтобы прусскій король отправилъ нѣсколько гусарскихъ полковъ къ литовскимъ границамъ?—это испугаетъ. Наше положеніе гораздо хуже чѣмъ я его вамъ описываю. Наше войско въ Литвѣ—жалкій отрядъ, внушающій всѣмъ презрѣніе; полковникъ Чернышевъ—человѣкъ совершенно безъ головы. Вообще воинскій духъ, съ немногими исключеніями, исчезъ. Оружіе у нашихъ солдатъ негодное; лошади—хуже себѣ представить нельзя; въ артиллеріи дурная прислуга.“¹

Посолъ не имѣлъ никакого права такъ отчаиваться, и нечего было выставлять на видъ неспособности какого-нибудь полковника. Въ Польшѣ былъ Суворовъ. Ночью съ 22 на 23 сентября Суворовъ разгромилъ Огинскаго и возстанія литовскаго какъ не бывало. Въмѣсто Веймарна присланъ былъ Бибииковъ. Салдернъ успокоился съ этой стороны; но возникло другое новое безпокойство, и теперь уже не отъ польскихъ, но отъ прусскихъ войскъ.

Еще въ половинѣ 1770 года австрійскія войска изъ Венгріи вступили въ польскія владѣнія, заняли два староства, причемъ вмѣстѣ съ 500 деревень захватили богатые солянныя копи Велички и Бохни. Это было не временное занятіе:

¹ Салдернъ Памину 3 (14) сентября.

установленное въ этихъ земляхъ правленіе употребляло печать съ надписью: „печать управленія возвращенныхъ земель“. Земли объявлены были возвращенными на томъ основаніи, что въ 1412 году они отошли къ Польшѣ отъ Венгріи. Прусскій король, подъ предлогомъ защиты своихъ владѣній отъ мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшего въ южной Польшѣ, занялъ своими войсками пограничныя польскія земли. Осенью 1770 года принцъ Георгій Прусскій захватилъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, прогостилъ здѣсь довольно долго и впервые повелъ рѣчи о раздѣлѣ Польши. Рѣчи эти остались безъ непосредственныхъ послѣдствій, потому что необходимо было участіе Австріи. 2 марта 1771 года прусскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Сольмсъ получалъ отъ своего короля слѣдующую депешу: „Изъ паспорта, даннаго правителемъ польской области, занятой Австріяцами, одному старостѣ, оказывается ясно, что вѣнскій дворъ смотритъ на эту область уже какъ на принадлежащую къ Венгерскому королевству, и нельзя надѣяться, чтобъ Австрія отказалась отъ нея, если не будетъ принуждена къ тому силою. Это заставляетъ меня думать, что мы съ Россіей должны воспользоваться благоприятнымъ случаемъ, и, подражая примѣру вѣнскаго двора, позаботиться также о собственныхъ нашихъ интересахъ и пріобрѣсти какую-нибудь существенную выгоду. Мнѣ кажется, что для Россіи все равно, откуда она получитъ вознагражденіе, на которое она имѣетъ право за военные убытки, и такъ какъ война (турецкая) началась единственно изъ-за Польши, то я не знаю, почему Россія не можетъ взять себѣ вознагражденіе изъ пограничныхъ областей этой республики. Что же касается до меня, то и я никакъ не могу обойтись безъ того чтобы не пріобрѣсти себѣ такимъ же способомъ часть Польши. Это послужитъ мнѣ вознагражденіемъ за мои субсидіи¹, равно какъ за потери, которые я также потерпѣлъ въ этой войнѣ. Я буду очень радъ возможности говорить, что новымъ пріобрѣтеніемъ я обязанъ Россіи, что еще болѣе укрѣпитъ нашъ союзъ и дастъ мнѣ возможность быть полезнымъ для Россіи въ другомъ случаѣ.“

Депеша была передана Сольмсомъ Панину. Протешъ мартъ,

¹ Фридрихъ II, вслѣдствіе союзнаго договора, платилъ субсидіи Россіи на время войны.

апрѣль, половина мая; 16 мая Сольмсъ пишетъ Панину: „Передъ отъѣздомъ въ Царское Село имѣю честь еще разъ напомнить вашему сіятельству о послѣднихъ представленіяхъ моихъ насчетъ необходимости прекратить военныя дѣйствія противъ Турокъ, по крайней мѣрѣ на морѣ. Осмѣливаюсь также напомнить о дѣлѣ, которое касается особенныхъ интересовъ короля моего государя, равно какъ и особенныхъ интересовъ Россіи. Король горячо заинтересованъ этимъ дѣломъ и не отступится отъ него, и если я не буду въ состояніи дать ему скоро положительныхъ удостовѣреній, то навлеку на себя жестокіе выговоры и сверхъ того не ручаюсь за рѣшеніе, которое его величество приметъ по собственному усмотрѣнію. Ово руководится слѣдующимъ: такъ какъ въ этомъ дѣлѣ будетъ только подражаніе примѣру другаго, то этотъ другой не можетъ вооружиться противъ насъ, дѣло идетъ только о приведеніи въ исполненіе уже рѣшеннаго. Умоляю ваше сіятельство не отлагать рѣшенія здѣшняго двора.“

Рѣшеніе послѣдовало: войти въ соглашенія съ прусскимъ королемъ и потребовать у графа Сольмса изложенія видовъ и требованій его двора. 11 іюня объ этомъ рѣшеніи дано было знать Салдерну въ Варшаву. Но еще прежде Бенуа сказалъ Салдерну: „Я знаю, что вы другъ моего государя: ради Бога устроимъ такъ, чтобъ ему можно было получить достаточную долю Польши; я вамъ отвѣчаю за благодарность моего государя.“ Салдернъ отвѣчалъ холодно: „Не намъ съ вами дѣлить Польшу.“¹

Между тѣмъ депеша за депешей изъ Берлина въ Петербургъ, отъ Фридриха II къ Сольмсу. Россія должна согласиться на раздѣлъ Польши: это единственный для нея выходъ; Австрія не дастъ ей вознаградить себя на счетъ Турціи, не согласится никогда на независимость Молдавіи и Валахіи, къ двумъ войнамъ у Россіи будетъ еще третья, съ Австріей, Пруссія будетъ не въ состояніи помогать ей; если же Россія согласится на раздѣлъ Польши, тѣсно сблизится для этой цѣли съ Пруссіей, то Австрія не посмѣетъ ничего сдѣлать. „Австрія (писалъ Фридрихъ Сольмсу для сообщенія Панину), Австрія нисколько не можетъ разчитывать на помощь Франціи, которая находится въ такомъ страшномъ истощеніи, что не могла оказать никакой помощи Испаніи, когда

¹ Салдернъ Панину 4 (15) іюня 1771 года.

та готова была объявить войну Англіи. Я разсуждаю такъ: еслибы вѣнскій дворъ и желалъ начать войну, то захочетъ ли онъ объявить ее безъ надежды имѣть кого-либо союзникомъ, и вести войну съ Россіей и Пруссіей въ одно время? Это невѣроятно, и потому намъ нечего бояться при исполненіи проекта насчетъ приобрѣтеній отъ Польши. Я гарантирую Русскимъ все, что имъ захочется взять; они поступятъ точно также относительно меня; а если Австрійцамъ покажется ихъ доля мала, то ихъ можно успокоить тою частію венеціанскихъ владѣній, которыя отрѣзываютъ Австрію отъ Триеста, а еслибъ они и тутъ заупрямились, то я отвѣчаю головой, что тѣсный союзъ Пруссіи съ Россіей заставитъ ихъ сдѣлать все что намъ угодно. Вотъ почему я принимаю на себя всевозможныя гарантіи, какихъ только Россія потребуетъ отъ меня относительно областей, которыя она почтетъ нужными для своего округленія, и думаю, что не рискую войной вслѣдствіе этихъ гарантіи. Это дѣло требуетъ только твердости, и я отвѣчаю за успѣхъ именно потому что Австрійцы должны перевѣдываться съ двумя державами, не имѣя ни одного союзника.“¹

Россія для окончанія турецкой, а слѣдовательно и польской войны требуетъ независимости Молдавіи и Валахіи; если Австрія на это согласится, то Польша останется ветроутою; но этого Фридрихъ II никакъ не хочетъ допустить: „Молдавія и Валахія будутъ всегда камнемъ преткновенія; но если ихъ присоединить къ Польшѣ, то Австрія не будетъ противиться ихъ отторженію отъ Турціи. Это присоединеніе къ державѣ, которая слаба сама по себѣ, не можетъ возбудить въ Австріи никакой ревности, тѣмъ болѣе что оно должно служить вознагражденіемъ Польшѣ за области, которыя возьмутъ у нея Россія, Пруссія и Австрія, слѣдовательно Польша не получитъ больше того сколько прежде имѣла.“²

За успокоеніями, обѣщаніями всевозможныхъ гарантіи, слѣдовали угрозы: „Если вѣнскій дворъ объявитъ войну Россіи за Турцію, то надобно ожидать, что Австрійцы станутъ дѣйствовать соединенно съ Турками въ Молдавіи и Валахіи, чтобы вытѣснить оттуда графа Румянцова. Вотъ уже большая опасность имѣть передъ собою двухъ враговъ вмѣсто

¹ Денеша отъ 14 іюля.

² Денеша отъ 3 іюля.

одного, но это еще не все. Какъ только поднимется Австрія, то въ Польшѣ образуется генеральная конфедерація противъ Россіи, изберутъ другаго короля, и, быть-можетъ, Польша сдѣлаютъ впаденіе въ Россію и принудятъ содержать отдѣльный корпусъ для прикрытія собственныхъ границъ. Мы говорять на это, что если я сдѣлаю диверсію, то Россія легко управится; но въ такомъ случаѣ я обращаю на себя всѣ силы австрійскаго дома, союзный корпусъ французскій¹ и всѣ войска, которыя вѣнскій дворъ наберетъ у мелкихъ владѣльцевъ германскихъ, такъ что у меня можетъ очутиться на плечахъ 200.000 враговъ. Прибавьте къ тому два года сряду неурожая въ Пруссіи, что отнимаетъ у меня возможность выставить и 10.000 войска. Послѣ этого спрашиваю, не требуетъ ли благоразуміе попытаться уладить дѣло посредствомъ мирныхъ соглашеній?.. Я думаю, что Австрійцы вооружаются только для того чтобы дать больше вѣсу своимъ предложеніямъ. Я думаю, что они никогда не согласятся на отдѣленіе Молдавіи и Валахіи отъ Турціи. Я думаю, что присоединеніе Азова и все то, чего Россія потребуетъ отъ Турціи въ видахъ торговыхъ, не встрѣтитъ затрудненія. Я думаю, что татарское дѣло (то-есть независимость Крыма) можетъ еще уладиться по желанію Россіи. Всѣ эти мои мнѣнія основываются на объясненіяхъ, которыя я имѣлъ съ вѣнскимъ дворомъ. Вотъ почему я предлагаю, что для вознагражденія себя за военныя издержки, Россія должна получить въ Польшѣ кусокъ по своему выбору. Если она согласится на это вознагражденіе, то я ручаюсь, что она его получитъ безъ кровопролитія.“²

Итакъ было ясно, что Россія можетъ разчитывать на прусскую помощь только при условіи раздѣла Польши; въ противномъ случаѣ она должна будетъ безъ союзника бороться противъ Турціи, Польши и Австріи. Относительно послѣдней Фридрихъ II не ошибался, и имѣлъ полное право закладывать голову, что при условіи вознагражденія Россіи на счетъ Польши, а не Турціи, войны не будетъ. Не дать Россіи утвердить свое вліяніе на Дунаѣ, сохранить цѣлость Турціи не входя въ опасную войну съ Россіей за Турцію, выйдти изъ затрудни-

¹ Вспомнимъ, какъ прежде утверждалось, что Франція никакъ не можетъ помочь Австріи.

² Денеша 10 сентября.

тельнаго положенія не потерявъ ни одного человѣка и ни гроша денегъ, мало того, приобрѣтя богатую добычу,—все это было неотразимо привлекательно.

5 февраля 1772 года Фридрихъ II далъ знать Сольмсу о разговорѣ своемъ съ австрійскимъ посломъ въ Берлинѣ, барономъ фанъ-Свитеномъ. *Ф. Свитенъ*: Для предотвращенія всѣхъ недоразумѣній, хорошо было бы объясниться насчетъ претензій относительно Польши, насчетъ раздѣла, который намѣреваются сдѣлать. *Король*: Это трудно, потому что еще нѣтъ ничего рѣшеннаго, впрочемъ, дѣло возможное. *Ф. Свитенъ*: По крайней мѣрѣ можно дать письменное удостовѣреніе, что доли трехъ государствъ будутъ совершенно равныя. *Король*: Дѣло возможное; думаю, что и Россія отъ этого не откажется. *Ф. Свитенъ*: Нельзя ли намъ помѣняться: Австрія уступить В. В—отву свою долю Польши, а вы возвратите ей графство Гладъ? *Король*: У меня подагра только въ ногахъ; а такія предложенія можно было бы мнѣ дѣлать, еслибы подагра была у меня въ головѣ; дѣло идетъ о Польшѣ, а не о моихъ владѣніяхъ; притомъ я держусь трактатовъ и удостовѣреній, сдѣланныхъ мнѣ императоромъ, что онъ не думаетъ больше о Силезіи. *Ф. Свитенъ*: Но Карпатскія горы отдѣляютъ Венгрію отъ Польши, и всѣхъ приобретенія, какія мы можемъ сдѣлать за горами, намъ не выгодны. *Король*: Альпы отдѣляютъ васъ отъ Италіи, однако вы вовсе равнодушны къ обладанію Миланомъ и Мантуею. *Ф. Свитенъ*: Намъ было бы гораздо выгоднѣе приобрести отъ Турокъ Бѣлградъ и Сербію. *Король*: Мнѣ очень пріятно слышать, что Австрія не подверглась еще обряду обрѣзанія, въ чемъ ихъ обвиняютъ, и что они хотятъ получить свою долю отъ своихъ пріятелей Турокъ. *Ф. Свитенъ*: Но чтѣ ваше величество думаетъ объ этой идеѣ? *Король*: Я не думаю, чтобы было невозможно осуществить ее. *Ф. Свитенъ*: Я отпишу объ этомъ къ своему двору, который будетъ очень радъ.—Но 22 февраля Фридрихъ далъ знать Сольмсу, что въ Вѣнѣ перемѣнили намѣреніе: отказываются отъ Сербіи и хотятъ взять свою долю изъ Польши.

Дѣло было окончено въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ; теперь возвратимся въ Варшаву, къ Салдерну, котораго мы оставили въ сильномъ безпокойствѣ насчетъ поведенія прусскихъ войскъ въ польскихъ областяхъ: „Тягости, налагаемыя королемъ прусскимъ становятся день ото дня невыносимѣе, писалъ онъ Панину. Пруссаки забираютъ все въ десяти

милахъ отъ Варшавы. Я не знаю, какъ генералъ Бибииковъ извернется, чтобы наполнить обыкновенные магазины, назначенные для продовольствія нашихъ войскъ, которыя теперь въ Польшѣ, не говоря уже о тѣхъ войскахъ, которыя мы безпрестанно поджидаемъ. Поведеніе прусскихъ офицеровъ приводитъ въ движеніе всю Польшу. Всякій ищетъ средствъ какъ помочь бѣдѣ, и сколько головъ, столько умовъ. Одни кричатъ что надобно сдѣлать представленія тремъ дворамъ, петербургскому, вѣнскому, и самому берлинскому, насчетъ крайностей, какія позволяетъ себѣ прусскій король; другіе въ ярости требуютъ самыхъ недѣльныхъ мѣръ; но всѣ одинаково кричатъ противъ притѣсненій и насилій. Когда мнѣ объ этомъ говорятъ публично, то я отвѣчаю одно: обратитесь къ прусскому министру. Когда же мнѣ говорятъ межъ четырехъ глазъ, я отвѣчаю, что это наказаніе Божіе за то какъ Поляки поступили этимъ лѣтомъ относительно деклараціи ея императорскаго величества, и за то что они кричали противъ русскихъ войскъ.“¹

Черезъ нѣсколько дней пошла новая депеша изъ Варшавы въ Петербургъ, опять о Прусакахъ: „Поведеніе прусскихъ офицеровъ становится день ото дня оскорбительнѣе. Не жалобы Поляковъ заставляютъ меня говорить объ этомъ, но жестокая необходимость, наше собственное существованіе, самая ужасная будущность, которая насъ ожидаетъ. Прусскія войска забираютъ весь хлѣбъ въ воеводствахъ, и продовольствія намъ не будетъ доставать здѣсь, какъ уже не достаетъ для нашихъ отрядовъ въ Ловичѣ и Торнѣ. Голодъ неизбѣженъ, и необходимымъ слѣдствіемъ голода будетъ возмущеніе шляхты и крестьянъ. Бѣдствія умножаютъ безпрестанно число конфедератовъ. Прусскій министръ глухъ ко всему этому, говорить, что король не отвѣчаетъ ему ни слова на всѣ его представленія. Къ довершенію бѣдствія, прусскій король ввезъ въ Польшу посредствомъ жидовъ два милліона фальшивыхъ флориновъ.“²

Салдерну отвѣчали изъ Петербурга, что нельзя дѣлать представленій прусскому королю при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится теперь петербургскій дворъ къ берлинскому. Представленія Салдерна о бѣдствіяхъ настоящихъ и будущихъ для русскаго войска въ Польшѣ отъ поведенія

¹ Салдернъ Пашалу 19 (30) ноября 1771 года.

² Салдернъ Пашалу 3 (14) декабря.

Прусаковъ много теряли силы вслѣдствіе донесеній Биби-кова, который, по характеру своему, смотрѣлъ на вещи другими глазами чѣмъ Саадернъ, то-есть гораздо спокойнѣе. Вотъ что писалъ онъ Панину въ концѣ 1771 года: „Не заботьтесь о конфедератахъ: они такъ малы, что если не помѣшаетъ что особенное, то будущую весну выживу и изъ тѣхъ гнѣздъ, въ которыхъ они теперь величаются со всѣми французскими вертопрахами, а развѣ одно имъ убѣжище будутъ австрійскія земли. Да бѣда моя общій нашъ другъ посоль: такая горячность и такая нетерпѣливость, что съ ногъ бьеть. При самой пустой и неосновательной отъ Поляковъ вѣсти (а ихъ, къ несчастію, здѣсь много) зашумитъ и заворчитъ: вотъ конфедераты усиливаются, вотъ ужъ они тамъ и сямъ, а мы ничего не дѣлаемъ! мы пропадемъ! они всѣ субстанціи у насъ отнимутъ. Вся моя холодность и все почтение къ сему старыку нужны бывають, чтобы сохранить въ предѣлахъ его запальчивость и напуски. Но будьте увѣрены, ваше сіятельство, что сохраню, не взирая на странности его свойствъ. Часто мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не тотъ, котораго мы прежде знали, подозрѣнія странныя въ немъ примѣчаю, между прочимъ кажется ему, что я съ Поляками очень вѣжливъ, и что я на его счетъ хочу быть любимымъ; иногда не довольно бѣднаго посла почитаю. Нерѣдко уже и объяснялись, и я не разъ отъ него слышалъ: „Souvenez, mon cher et digne ami, que je suis representant de la Russie et votre pauvre ambassadeur.“ Я его иногда смѣхомъ, иногда суріозно переувѣрю, что у меня въ головѣ кѣтъ его уменьшать, и что я и безъ посольства его почитать привычку сдѣлалъ, да и теперь онъ дороже мнѣ какъ мой другъ Саадернъ, нежели посоль. И послѣ сего опять хорошо идетъ. А когда придетъ на вѣжливость мою подозрѣніе, то начнетъ говорить: „Vous donnez un démenti à votre ami et à votre ambassadeur, vous êtes si poli vis-à-vis de ces coquins de Polonais, il faut les traiter en canaille comme ils méritent.“ Въ семъ случаѣ нужно мнѣ бываетъ мое краснорѣчіе и шутка, и съ смѣхомъ стану я ему говорить, что я не могу этакъ грубіянить, какъ онъ; ему какъ старому человѣку больше простятъ нежели мнѣ, а про меня скажутъ: русскій невѣжа жить не умѣетъ. Клянусь вамъ Богомъ, что временемъ дѣлаетъ онъ мнѣ больше заботы, нежели всѣ вмѣстѣ конфедераты. Здѣшнія наши политическія дѣла буде имѣють

по желанію нашему какой успѣхъ, тому глупость, трусость и нерѣшимость польскую извольте твердо почитать основаніемъ и ни къ чему иному его не приписывать, какъ семь польскимъ качествамъ. А ненависть ихъ на нашего друга непересказуема. Боятся же его какъ какое пугалище.“

Отдаленные отъ описываемыхъ событій почти вѣкомъ, мы можемъ спокойно взглянуть и на дѣятельность Салдерна и на дѣятельность Бибикова. Мы не можемъ не замѣтить въ Салдернѣ раздражительности, запальчивости, склонности къ преувеличеніямъ. *Грубѣяишь* дѣйствительно было не нужно; твердость и силу всего лучше можно выказать безъ грубѣяиства. Но, съ другой стороны, нужно было подальше гнать отъ себя мысль, что скажутъ: „русскій невѣжа жить не умѣетъ“. Хорошо еще, когда были Бибиковы да Суворовы; но при другой обстановкѣ мысль эта приносила большой вредъ русскимъ людямъ, которые съ чужими иногда черезчуръ сдерживались этою мыслию, а съ своими ничѣмъ не сдерживались. Послѣдними строками своего письма Бибиковъ даетъ понять Панину, что если есть какой успѣхъ, то его никакъ нельзя приписать Салдерну, а только дурнымъ качествамъ Поляковъ. Бибиковъ выставляетъ трусость Поляковъ какъ средство къ успѣху для Русскихъ; но чтобъ пользоваться этимъ средствомъ, чтобъ заставлять труса трусить, надобно его пугать. Салдерна боялись, говорить Бибиковъ, и этими словами, вмѣсто обвиненія, оправдываетъ Салдерна, прямо показываетъ, что Салдернъ былъ полезенъ, умѣлъ пользоваться качествами враговъ.

Въ началѣ 1772 года, когда въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ дѣло подвигалось къ окончательному соглашенію между тремя державами относительно раздѣла Польши, въ Варшавѣ все еще толковали о притѣвленіяхъ отъ прусскихъ войскъ. Въ квартирѣ русскаго посла шелъ разговоръ между Салдерномъ и короннымъ канцлеромъ Млодзѣвскимъ. *Канцлеръ*: Не считаете ли вы приличнымъ, чтобы король обратился къ ея императорскому величеству, отправилъ къ ней министра для увѣдомленія о поступкахъ и притѣвленіяхъ прусскаго короля? *Посолъ*: Я думаю, что императрица не приметъ никакого посла отъ Польши пока смута продолжается. Ея императорское величество очень хорошо помнитъ все происшедшее здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ; она замѣчаетъ не только равнодушіе польскаго двора относительно ея, но и явное сопротивленіе

всѣмъ ея добрымъ намѣреніямъ. Какъ вы хотите, чтобъ императрица заступилась за Польшу передъ прусскимъ королемъ, когда это единственный государь, который дѣйствуетъ единодушно съ нею въ настоящихъ дѣлахъ, и какъ вы можете думать, чтобы моя государыня захотѣла сдѣлать не-пріятность другу, заступаясь за Поляковъ, которые ни теплыя ни холодныя и на которыхъ можно смотрѣть какъ на враговъ Россіи? Я говорю не объ однихъ конфедератахъ, но и обо всѣхъ тѣхъ, которые хотя не замѣшаны открыто въ настоящую смуту, но которые дѣйствуютъ подъ рукою и которыми напооляютъ Варшаву. Я не исключаю даже и двора. Ея императорское величество не забудетъ холодности, невниманія, непослѣдовательности и неправильности въ поступкахъ, какія король и его фамилія позволили себѣ, покровительствуя части народа, которая возмущалась противъ своего короля, поддерживаемого моею государыней. Послѣ моей деклараціи я нѣсколько разъ имѣлъ разговоры съ дядьми короля и вице-канцлерами, и объявлялъ имъ о намѣреніяхъ ея императорскаго величества успокоить Польшу, излагая имъ, что императрица согласна на измѣненія въ самыхъ существенныхъ пунктахъ послѣдняго договора; именно, что дастъ объясненія относительно гарантіи и не откажется ограничить права диссидентовъ въ томъ случаѣ, если они согласятся сами пожертвовать частью своихъ правъ для отнятія предлога у злонамѣренныхъ людей продолжать разбойничества подъ религіознымъ знаменемъ. Что же касается внутреннихъ дѣлъ, то императрица требуетъ только сохраненія *liberum veto* для всей шляхты... Они были очень довольны; но захотѣли ли воспользоваться добрыми намѣреніями ея императорскаго величества? приступили ли къ дѣлу? Князь воевода русскій сказалъ, что у насъ мало войска въ Польшѣ для поддержанія этого дѣла, что республика находится въ кризисѣ, и положеніе ея таково, что не можетъ ухудшиться. Я очень хорошо понимаю смыслъ этихъ словъ: воевода хотѣлъ сказать, что у насъ на плечахъ война, которая можетъ пойти для насъ неудачно, ибо онъ не могъ не знать что у насъ въ Польшѣ 12000 войска, число очень достаточное для ихъ поддержанія, еслибы они захотѣли серьезно воспользоваться нашимъ добрымъ расположеніемъ, вмѣсто того чтобъ увеличивать смуту своимъ бездѣйствіемъ. Короля и республику никто не поддерживаетъ кромѣ императрицы: но оказывается ли къ ней довѣріе?

Король обращается въ другую сторону, обольщаясь надеждою, что можетъ найдти подпору въ сосѣдѣ, который до сихъ поръ не оказалъ ему ни малѣйшихъ знаковъ дружбы и пользы, наоборотъ, покровительствуетъ людямъ посягающимъ на его власть и жизнь. Вѣнскій дворъ знаетъ и видитъ все, что король прусскій дѣлаетъ въ Польшѣ. Въ другое время онъ не смотрѣлъ бы на это равнодушно. Теперь Австрія не только овладѣла польскими землями, но, быть-можетъ, имѣетъ еще какіе-нибудь скрытые виды. Императрица требуетъ у короля и республики благоразумной дружбы, основанной на поддержаніи естественной польской конституціи. Если король и его друзья предпочитаютъ оставаться въ бездѣйствии и упорствовать въ своемъ равнодушіи, то не ея вина, если она приметъ мѣры, соотвѣтствующія ея достоинству и интересамъ ея имперіи. Я предсказываю, что Польша должна ждать крайней смуты. Не разъ я давалъ вамъ чувствовать, что прошлое лѣто вы упустили самую благоприятную минуту успокоить Польшу вашими собственными силами при поддержкѣ Россіи; я давалъ вамъ чувствовать, что по упущеніи этой благоприятной минуты успокоеніе Польши уже не будетъ болѣе зависѣть отъ свободной націи, но что вы получите законы и миръ изъ рукъ вашихъ сосѣдей. Когда начались жалобы на поведеніе короля прусскаго, то никогда не скрывалъ я ни отъ короля, ни отъ васъ, что этотъ король будетъ для васъ еще тягостнѣе и что онъ болѣе всѣхъ воспользуется смутою польскою ¹.

Посолъ высказался ясно насчетъ того, что ожидало Польшу. Это было послѣднее его объясненіе. Вслѣдъ за тѣмъ Салдеръ сталъ умолять объ отзвѣвѣ: „Я не сплю больше, желудокъ у меня уже больше не варитъ!“ писалъ онъ Паяину. ² Не онъ долженъ былъ присутствовать при исполненіи своихъ предсказаній. Въ іюль 1772 онъ получилъ желанный отзвѣвъ, но, покидая свой постъ, старикъ не утерпѣлъ, послалъ въ Петербургъ жалобу на Бибикова: „Поведеніе Бибикова вовсе не соотвѣтствуетъ русской системѣ. Король, его братья и дядья поймали его за его слабую сторону: имъ управляютъ женщины—жена маршала Любожарскаго, гетмана Огинскаго и другія подставленныя королю, чтобы не дать ему придти въ себя. Чарторыйскій канцлеръ, эта старая лисица,

¹ Салдеръ Паяину 20 января (1 февраля) 1772 года.

² 24 января.

вызвалъ съ тою же цѣлю изъ Литвы дочь Пршездецкаго. Биби-ковъ дѣлаетъ все, что эти люди внушаютъ ему посредствомъ женщинъ; ему не даютъ ни одного дня отдыха, чтобъ онъ могъ опомниться: то охота, то загородная прогулка, то балъ, развлечения всякаго рода, сопровождаемая самою низкою лестью и угодничествомъ со стороны Поляковъ, держать его въ цѣпяхъ. Онъ не пропускаетъ ни одного вечера у госпожи Огинской, бывать у которой генералъ Веймаркъ запретилъ русскимъ офицерамъ по причинѣ поведенія мужа и фамиліи и по причинѣ азартной игры. Но теперь все позволено. Биби-ковъ забывается до такой степени, что преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ненавидятъ Чарторыйскіе и братъ короля. Судите, ваше сіятельство, сколько случаевъ имѣетъ войсковой начальникъ притѣснить кого захочетъ. Я употреблялъ всѣ средства для удержанія его отъ этого, и иногда успѣвалъ, особенно когда обращался къ нему письменно: онъ боялся, что отошлю копию ко двору. У него нѣтъ секрета, какъ скоро найдено средство возбудить его тщеславіе. Лѣнь, которая беретъ свое начало въ образѣ его жизни, останавливаетъ движеніе дѣлъ, часто случается, что болѣе 60 приказовъ по 8 дней лежатъ безъ подписи.¹

Премникомъ Садерна былъ Штакельбергъ. 7 (18) сентябръ 1772 года, вмѣстѣ съ прусскимъ уполномоченнымъ Бенуа (австрійскій, баронъ Ревуцкій, еще не пріѣзжалъ), онъ подалъ министерству республики декларацію о раздѣлѣ². Начались частыя конференціи между королемъ и его приближенными, результатомъ было рѣшеніе—сносить все терпѣливо, ничего не уступать добровольно, пусть берутъ все силою, и требовать помощи у дворовъ европейскихъ; при этомъ проволочить время, противопоставлять требованія трехъ державъ цѣлый лабиринтъ шikanствъ и формальностей³. Король однимъ декламировалъ противъ Россіи, другимъ внушалъ, что русская императрица согласна вмѣстѣ съ нимъ на образованіе конфедераціи противъ раздѣла; король даже далъ знать объ этомъ австрійскому послу, чтобы пустить черную кошку между союзниками. Штакельбергъ вслѣдствіе этого старался внушить Полякамъ, что Россія не покровительствуетъ

¹ Садерна Палину 25 юля (5 августа).

² Штакельбергъ Палину 8 (19) сентябръ.

³ Штакельбергъ Палину 13 (24) сентябръ.

королю, и что такъ какъ Чарторыйскіе теперь болѣе не монополисты нашихъ сношеній въ Польшѣ, то надія не рискуетъ быть обманутою.¹ Въ концѣ октября Штакельбергъ имѣлъ объясненіе съ королемъ. Станиславъ Августъ приготовился и далъ полную свободу своему краснорѣчію: „Претерпѣвъ столько страданій за отечество, запечатлѣвъ своею кровью дружбу и приверженность къ императрицѣ, и видя, что государство мое обираютъ самымъ несправедливымъ образомъ, и меня самого доводятъ до нищенства, я понимаю, что меня могутъ постигнуть еще большія бѣдствія, но я ихъ уже не боюсь. Убитый, умирающій почти съ голода, я научился—погибнуть.“ Штакельбергъ отвѣчалъ спокойно: „Краснорѣчіе вашего величества и сила вашего воображенія перенесли васъ къ лучшимъ страницамъ Плутарха и древней исторіи: но все это не можетъ служить предметомъ нашего разговора; удостойте ваше величество спуститься къ исторіи Польши и къ исторіи графа Понятовскаго.“ За этимъ послѣдовало изложеніе обстоятельствъ, поведшихъ къ несчастію, которое оплакивалъ король; отъ прошедшаго Штакельбергъ перешелъ къ настоящему и предложилъ вопросъ, что станется съ нимъ, королемъ, если 100.000 войска наводнятъ Польшу, возьмутъ контрибуцію, заставятъ сеймъ подписать все, что угодно сосѣднимъ державамъ, и уйдутъ, оставя его, короля, въ жертву злобѣ враговъ его? Король поблѣднѣлъ. Штакельбергъ воспользовался этимъ и началъ доказывать ему, что его существованіе зависитъ отъ двухъ условій: отъ немедленнаго созванія сейма и отреченія отъ всякой интриги, которая бы имѣла цѣлю ожесточить Поляковъ и вводитъ ихъ въ заблужденіе. Король обѣщаль дѣлать все по желанію посла².

Штакельбергъ еще не привыкъ къ варшавскимъ сюрпризамъ, и потому не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда, черезъ два дня послѣ приведеннаго разговора, король призвалъ его опять къ себѣ и объявилъ, что считаетъ своею обязанностію отправить Бранцкаго въ Парижъ съ протестомъ противъ раздѣла. „Мнѣ ничего больше не остается, отвѣчалъ Штакельбергъ, какъ жалѣть о вашемъ величествѣ и увѣдомить свой дворъ о вашемъ поступкѣ. Чего вы, государь, ожидаете отъ Франціи противъ трехъ державъ, способныхъ сокрушить всю

¹ Штакельбергъ Панику 14 (26) октября.

² Штакельбергъ Панику, 29 октября (9 ноября).

Европу? — „Ничего, отвѣчалъ король: но я исполню свою обязанность.“ 23 ноября (4 декабря), Штакельбергъ подавъ декларацію: „Есть предѣлъ умѣренности, которую предписываютъ правосудіе и достоинство дворовъ. Ея величество императрица надѣется, что король не захочетъ подвергать Польшу бѣдствіямъ, необходимому результату медленности, съ какою его величество приступаетъ къ созванію сейма и переговоровъ, которыя одни могутъ спасти его отечество.“ Но въ то время какъ Штакельбергъ принималъ мѣры, чтобы заставить короля переменить его несчастное поведеніе, Бенуа твердилъ ему: „Оставьте его; тѣмъ лучше для насъ, мы больше возьмемъ“.

Это стремленіе больше взять было причиною, что Штакельбергъ въ маѣ 1773 года получилъ отъ Панина слѣдующія инструкціи для предстоящихъ переговоровъ по поводъ урэдѣла и вообще устройства польскихъ дѣлъ: „Такъ какъ Польша болѣе всего опасается короля прусскаго, и такъ какъ торговля по Вислѣ составляетъ самый важный пунктъ для нея, то вы должны взять на себя роль посредника; вы должны пригласить барона Ревизкаго присоединиться къ вамъ, и двоимъ, однообразными представленіями старайтесь доставить Польшѣ самыя спосныя условія. Отправляясь отъ начала, что три двора намѣрены сохранить Польшу въ положеніи державы посредствующей, которая имѣла бы соотвѣтственную этой цѣли силу, вы можете представить слабость, до какой доведена Польша многолѣтнею смутю и усобицами, потерями отъ раздѣла, и сколько нужно лѣтъ, чтобы она могла оправиться, а оправиться ей будетъ нельзя, если пресѣкнутся къ тому способы относительно торговли. При опредѣленіи отношеній къ Австріи есть одинъ важный предметъ — это соль, предметъ первой необходимости: надобно, чтобы Полки могли получать ее по умѣреннымъ цѣнамъ; говоря за Поляковъ въ этомъ случаѣ, вы исполните предписаніе состраданія и человѣчества. Я чувствую, какъ подобное поведеніе ваше будетъ щекотливо относительно короля прусскаго, котораго распоряженія облачаютъ совершенно другіе виды; но, во крайней мѣрѣ, вы можете требовать, чтобы дали Польшѣ вздохнуть прежде чѣмъ извлекать изъ нея новыя выгоды, и чтобы первые годы послѣ раздѣла были наименѣе тяжки для

¹ Штакельбергъ Панину, 1 (12) ноября.

² Штакельбергъ Панину, 26 ноября (6 декабря).

нея. Всякій разъ, какъ прусскій министръ будетъ совѣтовать вамъ употреблять силу, а вы замѣтите, что есть еще другіе способы, то умѣряйте его стремленіе и принимайте его мѣрныя только въ крайности. Представляйте ему дружески, не вмѣшивая свой дворъ, все что узнаете вопіющаго насчетъ поведенія прусскихъ войскъ, уговаривайте его сдерживать ихъ, представляйте ему, что временныя выгоды солдата, который сытно кормится въ чужой землѣ, неидутъ въ сравненіе съ необходимостію извлечь Европу изъ кризиса, въ которомъ она теперь находится: внушайте все это осторожно, но вмѣстѣ съ силою истины.“

Когда дѣло было покончено, Сольмсъ въ Петербургѣ получилъ письмо отъ принца Генриха: „Во всемъ этомъ дѣлѣ я не думалъ о собственныхъ выгодахъ. Когда дѣло идетъ о счастіи государствъ, не должно примѣшивать сюда частныхъ интересовъ. Я вмѣняю себя въ славу, что служилъ великой императрицѣ и былъ полезенъ королю и моему отечеству; это мнѣ льститъ гораздо больше чѣмъ приобрѣтеніе какой-нибудь области. Я имѣю право говорить, что пребываніе мое въ Петербургѣ ознаменовано началомъ сношеній, поведшихъ къ тѣснѣйшему союзу между королемъ и Россіей. Я имѣю доказательство болѣе чѣмъ въ 20 собственноручныхъ письмахъ короля, что я поставилъ вопросъ, который повелъ къ соглашенію. Но я не требую за это вознагражденія; я ищу только славы, и признаюсь вамъ, что я буду счастливъ, получа эту славу изъ рукъ ея величества императрицы русской; желаніе мое исполнится, если она удостоитъ, по случаю принятія во владѣніе земель отъ Польши, почтить меня письмомъ, которое будетъ служить доказательствомъ, что я содѣйствовалъ этому великому дѣлу. Повторяю вамъ откровенно, что я буду смотрѣть на это письмо какъ на величайшій монументъ моей славы.“

Желаніе принца было исполнено, Императрица написала ему: „По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше величество можетъ считаться первымъ виновникомъ.“

С. СОЛОВЬЕВЪ.

КАРТИНЫ
АНГЛІЙСКИХЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ
НА ВЫСТАВКАХЪ 1862 ГОДА
ВЪ ЛОНДОНѢ ¹

II.

Постараюсь теперь познакомить васъ съ тѣми живописцами Англіи, которые преимущественно занимались или занимаются изображеніемъ сценъ изъ домашней жизни, и которыхъ правильно или неправильно, но принято уже называть *жанристами*. Въ этомъ родѣ Англичане безспорно занимаютъ первое мѣсто между современниками. Многие изъ нихъ съ успѣхомъ выдержатъ сравненіе съ первокласснѣйшими представителями этого рода между старыми мастерами Голландіи; если нѣкоторые изъ первыхъ уступаютъ послѣднимъ въ техническомъ отношеніи, за то они стоятъ неизмѣримо выше по тонкой наблюдательности, по уму и смыслу, и внутреннему содержанию въ своихъ произведеніяхъ.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

Начнемъ съ Гогарта, старшаго изъ нихъ (р. 1698, † 1764), перваго основателя, можно сказать, самостоятельной школы живописи въ своемъ отечествѣ. Все что считается лучшимъ въ твореніяхъ этого замѣчательнаго человѣка собрано здѣсь съ тою нѣжною заботливостію, которая прилагается Англичанами ко всему, что сколько-нибудь возвышаетъ ихъ національную славу. На международной выставкѣ находились тридцать два его произведенія.

Гогартъ, лучше чѣмъ кто-нибудь, подтверждаетъ то что говорили я вамъ о самобытности, которая составляетъ отличительную особенность англійской школы. Съ самаго вступленія своего на поприще искусства, Гогартъ презрѣлъ знакомыми путями; никогда не шелъ онъ по слѣдамъ другихъ, никогда не вращался въ положенныхъ до него предѣлахъ, никогда не прибѣгалъ къ существовавшимъ до него приемамъ. У него меньше условнаго, меньше мертваго матеріала, чѣмъ у кого-нибудь изъ художниковъ, имѣющихъ съ нимъ что-нибудь общее. Планы, группировка, характеръ лицъ, характеръ самого сочиненія, стиль, рисунокъ, все носитъ печать рѣзкой оригинальности, все простирается прямо изъ собственной его натуры.

Что до меня касается, я нахожу очень натуральнымъ, что большинство скорѣе всегда удивлялось Гогарту чѣмъ находило въ его произведеніяхъ предметъ непосредственнаго изящнаго наслажденія. Гогартъ не поэтъ, или, по крайней мѣрѣ, поэзія его заключаетъ въ себѣ слишкомъ много мрачнаго, трагическаго, серьезнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ ее слишкомъ часто надо отыскивать въ глубокомъ смыслѣ содержанія, а потому она не дѣйствуетъ непосредственно на зрителя. Кромѣ того, и это главная причина его неуспѣха въ массѣ публики, картины Гогарта не блещутъ внѣшними достоинствами: колоритъ его, сѣрый или желтоватый, по большей части тусклъ; въ немъ преобладаютъ далеко не привлекательные буро-коричневые тоны; письмо, за исключеніемъ головъ и нѣкоторыхъ деталей, въ общемъ грубо и жестко; рисунокъ, хотя всегда живъ, вѣрнѣе природѣ и всегда сразу передаетъ мысль художника, не отличается щегольствомъ и красотою.

Этимъ объясняется, почему съ самаго начала своей карьеры, Гогартъ не имѣлъ успѣха. Онъ едва находилъ случай продавать картины свои по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Самъ Орасъ Вальполь, знатокъ тогдашняго времени и первый за-

защитникъ Гогарта въ томъ кругу, который управляетъ общественнымъ мнѣніемъ, не признавалъ въ его произведеніяхъ художественнаго достоинства. Говоря о Гогартѣ, онъ настаиваетъ, что это скорѣе комическій писатель, употребляющій кисть вмѣсто пера, чѣмъ живописецъ; онъ иначе не называетъ его какъ литераторомъ.

Въ этомъ замѣчаніи, конечно, много правды. Умъ, сатира, поучительная цѣль, дѣйствительно, выступаютъ какъ преобладающія черты въ большей части произведеній Гогарта; сравнительно съ ихъ значеніемъ, краски, письмо, живописность цѣлаго, играютъ второстепенную роль. При всемъ томъ, несправедливо считать талантъ Гогарта только аналитическимъ и отрицать въ немъ художественныя стороны. Средства живописнаго искусства такъ многосторонни и разнообразны, что недостатокъ одного часто съ избыткомъ пополяется другимъ: не на каждомъ ли шагу встрѣчаемъ мы даже замѣчательныя произведенія, которыя отличаются однимъ какимъ-нибудь качествомъ? Иное произведеніе выступаетъ изъ ряда обыкновенныхъ, благодаря одному колориту; въ другомъ, удивляемся мы только стилю и рисунку; въ третьемъ пошлое содержаніе или полное его отсутствіе выкупается блескомъ кисти, и т. д. Гдѣ же искать полныхъ, совершеннѣйшихъ произведеній искусства, и будто ужъ ихъ такъ много?

Художественная сторона Гогартовскаго таланта заключается въ мастерствѣ композиціи, въ которой все, отъ главнаго лица до послѣдней мелочи, служитъ объясненіемъ основной мысли, а главное, въ необыкновенномъ искусствѣ придавать человѣческой физиономіи то выраженіе, которое съ разу безошибочно опредѣляетъ характеръ челоуѣка. По мастерству композиціи, умѣнью передавать чертами лица внутреннюю драму,—нѣтъ художника, который былъ бы сильнѣе Гогарта; не владѣи онъ тѣмъ и другимъ въ высшей степени, произведенія его, несмотря на весь ихъ умъ и глубину содержанія, дѣйствительно заслуживали бы названіе памфлетовъ или литературныхъ сочиненій; дѣло именно въ томъ, что изображенныя въ нихъ фигуры не бездушныя куклы, не фикціи, а одушевленные полные жизни люди; переносить дѣйствительную жизнь на полотно, въ мраморъ или на бумагу, можетъ только художникъ.

Если мелкіе детали, разсыпанные съ такимъ изобиліемъ въ картинахъ Гогарта, часто требуютъ коментарій,—главная

мысль всегда цѣликомъ вытекаетъ изъ выраженія лица его героевъ; сила выраженія не ограничивается у него игрою физиономіи; его дополняетъ еще мимика и движеніе. Никто не вникалъ такъ глубоко въ характеръ своихъ героевъ, никто не умѣлъ выдерживать ихъ такъ вѣрно и съ такою послѣдовательностію. Въ ряду картинъ его, часто служащихъ продолженіемъ одна другой и гдѣ дѣйствуютъ одни и тѣ же герои, взгляните на любое лицо при началѣ его поприща и потомъ при концѣ; это положительно тотъ же человѣкъ; нельзя достаточно надивиться умѣнью прослѣдить и выразить отгѣнки и всѣ измѣненія, которые проведены на одномъ и томъ же лицѣ временемъ и страстьми. Каждая физиономія краснорѣчиво повѣствуетъ исторію страстей волновавшихъ душу человѣка. Но этого еще мало; для достиженія такихъ эффектовъ Гогартъ не прибѣгаетъ къ утрировкѣ чертъ, что было бы очевидно легче, и что поставило бы его скорѣе въ разрядъ каррикатуристовъ чѣмъ художниковъ. Многіе не выдавшіе его произведеній или знающіе о нихъ только по наслышкѣ, называютъ Гогарта каррикатуристомъ. Дать ему сознательно такое названіе, значило бы отказаться отъ пониманія неизмѣримой разницы между фарсеромъ и комикомъ. Жестоко ошибается тотъ, кто думаетъ встрѣтить въ его произведеніяхъ что-либо забавное. Они по большей части заключаютъ въ себѣ глубокую, потрясающую жизненную драму; комизмъ служитъ только оболочкой; онъ не столько проявляется во внѣшней формѣ, сколько вытекаетъ изъ смысла произведенія. Комическіи и драматическіи элементы взаимно сливаются и отгѣняются у Гогарта съ такою же вѣрностію природѣ какъ у Шекспира. Выборъ сюжета и выборъ эпизодовъ, поясняющихъ главный мотивъ, показываютъ, что Гогартъ скорѣе даже драматургъ чѣмъ комикъ; юмористическія и комическія черты очевидно служатъ только средствомъ для поясненія основной мысли; наконецъ, въ нихъ часто не столько комизма, сколько ядовитой безощадной ироніи и сарказма. Переведите любую картину Гогарта въ форму разказа или драмы; возьмите его „Модный бракъ“, „Жизнь распутнаго“, „Жизнь погибшей женщины“, „Джинъ“, и т. д. Все это, конечно, болѣе потрясетъ васъ чѣмъ дастъ случай посмѣяться.

Возьмемъ хоть ту сцену изъ „Жизни распутнаго“, гдѣ изображено бракосочетаніе.

Герой, пройдя, какъ говорится, огонь и воду, промотавъ отцовское наслѣдство, ведетъ къ алтарю старую, но богатую вѣвсту; картина представляетъ внутренность старой Мериле-бонской церкви: она находилась тогда еще въ предмѣстьи Лондона, и потому преимущественно избиралась для тайныхъ браковъ, и въ тѣхъ случаяхъ когда одно изъ сочетающихся лицъ стыдилось своего брака; церковь страшно запущена; другой живописецъ нашелъ бы въ этомъ запущеніи цѣлый кладъ; оно открыло бы ему случай придать картинѣ ту живописность, которую такъ жадно ловятъ художники. Для Гогарта этого мало; онъ ищетъ эффектовъ другаго рода; самое важное для него — внутренняя, нравственная сторона того эпизода, который онъ изображаетъ; ему, главное, хочется показать всю безнравственность своего героя, все уродство такого брака и все чего можно ждать отъ него въ послѣдствіи. Въ глубинѣ церкви молоденькая дѣвушка, оболыщенная распутнымъ, тщетно борется съ прислужниками, которые, заранѣе предупрежденные и подкупленные, толкаютъ ее вонъ, не трогаясь даже ея беременнымъ положеніемъ. Не довольствуясь выраженіемъ досады на лицѣ героя, его насмѣшливою, презрительною улыбкой и глазами, которые щурятся по направленію къ хорошенькой прислужницѣ будущей жены, Гогартъ разбиваетъ скрижаль закона вложенную въ стѣну, проводитъ по ней трещину на томъ мѣстѣ, которое предписываетъ супружескую вѣрность; желая въ той же картинѣ выставить эгоизмъ и холодность въ дѣлѣ милосердія, онъ покрываетъ паутиной отверстіе кружки для бѣдныхъ. Въ послѣдней картинѣ „Модный бракъ“, у ногъ умирающей жены лежитъ пустая стклянка съ ярлыкомъ: „лауданумъ“; Гогартъ положилъ еще подлѣ нея „предсмертную рѣчь юрисконсульта Сильверстонга, только что казненнаго“; изъ этого можно видѣть, что не смерть мужа, а смерть Сильверстонга, который былъ ея возлюбленнымъ, побудила ее отравиться. Какъ видите, самые детали не имѣютъ здѣсь ничего комическаго; напротивъ, каждый изъ нихъ — трагическая черта.

Эффекты у Гогарта часто основываются на контрастахъ. Въ картинѣ „Долговая тюрьма Флита“, изъ „Жизни распутнаго“, всѣ группы перваго плана выражаютъ бѣдствіе и горечь. Старая, раззоренная жена, отрезвленная отъ безобразной любви къ мужу, въ ярости поднимаетъ на него руку;

дѣвушка, которую онъ обольстилъ и которая послѣдовала за нимъ въ тюрьму и столкнулась съ законною супругой, лежить въ судорогахъ. Бѣдный ученый старается привести ее въ чувство; его, очевидно, не столько занимаетъ положеніе несчастной, сколько результатъ его опыта надъ нею; онъ страшно суетится, не замѣчая, что изъ кармана его вывалился проектъ „объ уплатѣ государственнаго долга“— трудъ, который, отнявъ у него время заняться собственными дѣлами, привелъ его въ долговую тюрьму. Вдали отъ этихъ группъ, сидитъ ученый алхимикъ, окруженный своими аппаратами: ихъ не приняли даже кредиторы въ уплату долга; онъ весь погруженъ въ свои занятія, и такъ же спокоенъ какъ у себя въ лабораторіи.

Собственно веселость не встрѣчается у Гогарта даже въ тѣхъ сюжетахъ, которые, повидимому, не дають повода къ драматическому мотиву. Какой живописецъ или писатель, начиная съ Калло и Скарона и кончая Поль-де-Коккомъ, рисуя нравы странствующихъ актеровъ, не старался выставить забавную, комическую сторону быта этихъ людей? Избирая тотъ же сюжетъ, Гогартъ смотритъ на него съ другой точки зрѣнія. Въ картинахъ его „Странствующие комедіанты“ (strolling players), сквозь комическіе детали проглядываетъ вся нищета, всѣ горькія нужды, которыя такъ часто скрываются за внѣшнимъ блескомъ и видимою веселостью. Онъ выставляетъ фойе театра расположеннаго въ жалкомъ сараѣ; богиня ночи (Негрятка) штопаетъ чулки Юноны, которая возсѣдаетъ подлѣ, на тачкѣ, и поднявъ глаза къ потолку, восторженно декламируетъ роль; неподалеку Флора смотрится въ обломокъ зеркала и маслитъ волосы остаткомъ сальнаго огарка; Аполлонъ усиливается снять кончикомъ золотого лука пару прованныхъ носковъ, висящихъ для просушки на облакѣ; ему подсобляетъ крылатый Амуръ; онъ точно также не можетъ достать облака, даромъ что взлѣзъ на верхнюю перекладину лѣстницы. Въ правомъ углу, человекъ, въ костюмѣ Юпитерова орла, кормитъ кашей своего ребенка; послѣдній, при видѣ страшной наружности своего родителя, испускаетъ пронзительные крики; чашка съ кашей поставлена на корону, въ содѣйствіе съ извѣстною вазой и сальными свѣчами, воткнутыми въ комъ мокрой глины.

По мастерству выраженій и по впечатлѣнію, я ничего не знаю сильнѣе его картины „Джинъ“ (Gin-Lane, соб-

ственно: „водочный переулочек“). Въ ней выражены дѣйствія и результаты пристрастія къ этому напитку. Картина изображаетъ улицу въ одномъ изъ тѣхъ кварталовъ, который не безъ причины называютъ „Развалины Сентъ-Джильза“. Тутъ преимущественно гнѣздится нищета; украшеніемъ улицы служатъ только вывѣски тавернъ. На дворѣ холодно; небо облачно; перекосившіяся вывѣски и флаги свидѣтельствуютъ о сильномъ вѣтрѣ. На второмъ планѣ, группы оборванныхъ людей жмутся въ кучу, чтобы какъ-нибудь обогрѣться; двое нищихъ, на костыляхъ, дерутся за право, кто первый войдетъ въ кабакъ; тутъ же, нѣсколько лицъ, въ сопровожденіи полицейскаго, укладываютъ въ гробъ трупъ женщины, подлѣ котораго плачетъ ребенокъ; на вывѣскѣ таверны, гдѣ складъ водки обозначается рядами бочекъ,—надпись: „Killertan“ (Душегубъ.). Справа входъ къ ростовщику; надъ дверью начертано: „Gripe-Rawn-Broker“ (дающій подъ закладъ); здѣсь работникъ закладываетъ свой инструментъ, и женщина кухонную посуду. Ближе, каменная крутая лѣстница, подъ сводомъ которой погребъ; входъ въ него обозначается узаконенною казенною мѣрой для измѣренія крѣпкихъ напитковъ; на ней надпись: „Gin-Royal“; надъ самою дверью этого убѣжища отчаянія другая надпись: „Drunk for a penny, dead drunk for two pence, clean straw for nothing.“ (Пьянъ на копѣтку, до смерти пьянъ за двѣ копѣтки;—свѣжія солома даромъ!) Джинъ въ простонародьи называютъ: „Strip me naked“ (обери меня до гола). По серединѣ лѣстницы сидитъ пьяная женщина; отброшенная въ сторону, и желая по инстинктивному чувству самосохраненія удержать равновѣсіе, она выпустила изъ рукъ груднаго ребенка, который падаетъ на мостовую внизъ головою; она такъ пьяна, что едва осмысливаетъ свой поступокъ. Въ углу, въ самомъ глухомъ мѣстѣ лѣстницы, на первомъ планѣ картины, жметса человекъ, представляющій крайнюю степень, до которой можетъ довести пьянство. Живопись не производила образа страшнаго. По силѣ впечатлѣнія, но только совсѣмъ другаго рода, фигура эта можетъ идти въ параллель развѣ только съ фигурой „Меланхолич“, въ гравюрѣ того же названія, Албрехта Дюрера. Но у Дюрера нѣтъ ничего отталкивающаго; напротивъ, красота лица выбрана нарочно съ тѣмъ чтобъ усилить въ зрителѣ чувство безотрадной грусти, разлитой во всей фигурѣ. Цѣль Гогарта совсѣмъ другаго рода; у него каждая черта производитъ оттал-

кивающее дѣйствіе; пьяница, которому не достаетъ уже силъ двигаться и который притащился сюда какъ бы съ тѣмъ чтобы умереть, едва прикрытъ; изъ безобразныхъ лохмотій высовываются во всѣ стороны старческіе чахлые костлявые члены; черты его служатъ олицетвореніемъ всѣхъ порочныхъ наклонностей человѣка, неизбѣжныхъ спутниковъ пьянства; джинъ все взялъ: силу, здоровье, умъ, душу; передъ вами почти бездушный трупъ; потухшіе глаза бессмысленно смотрятъ изъ своихъ впадинъ; волосы вылѣзли, ротъ провалился; испитое лицо свинцоваго цвѣта такъ исхудало и осунулось, что на первый взглядъ кажется какъ бы мертвою головой; только при нѣкоторомъ вниманіи открываются въ немъ признаки жизни, но отъ этого оно дѣлается еще страшнѣе....

Въ этой картинѣ, если хотите, нѣтъ ничего изящнаго; колоритъ, письмо, живописность, все, что заставляетъ насъ не только забывать далеко некрасивыя формы пьяницъ Остада, Теньера и другихъ, а даже восхищаться ими, несравненно слабѣе у Гогарта. Но за то здѣсь, не говоря уже о внутреннемъ содержаніи произведенія, нельзя довольно удивиться мастерству, съ какимъ передано выраженіе лицъ; оно съ перваго взгляда оставляетъ такое впечатлѣніе, такъ приковываетъ вниманіе, что по неволѣ забываешь о техническихъ красотахъ. Весьма можетъ быть справедливо, что Гогартъ отдавалъ черезчуръ много вниманія моральной сторонѣ своихъ произведеній, что кистію его слишкомъ часто водило исключительное желаніе срывать личину порока и пробуждать совѣсть въ порочныхъ; исправительная цѣль, конечно, менѣе всего идетъ къ предмету живописнаго искусства. Но надо также сказать, что въ этихъ обвиненіяхъ много преувеличеннаго; задняя мысль и цѣль не всегда обращаются у Гогарта неизбѣжно во вредъ чисто-художественнымъ достоинствамъ. Въ доказательство можно привести рядъ картинъ подъ общимъ названіемъ: „Модный бракъ“; онѣ отличаются большею тонкостію письма; первыя двѣ замѣчательны даже по колориту. Тѣ же качества бросаются въ глаза въ картинѣ, представляющей домашній театръ. Последняя — во всѣхъ отношеніяхъ прелестное произведеніе. Здѣсь дѣти играютъ главную роль; три дѣвочки и одинъ мальчикъ стоятъ на сценѣ и съ комическою, миловидною важностію сядятъ проговорить свои роли какъ можно лучше; тутъ же, въ первомъ ряду зрителей, сидитъ еще дѣвочка; выраженіе ея лица — верхъ

совершенства. Она выпрямилась, вытянулась, и такъ увлечена представленіемъ, что, кажется, вся душа ея переселилась на сцену; восторгъ блещетъ въ каждой чертѣ ея свѣженькаго личика; онъ тѣмъ сильнѣе и живѣе, что на сценѣ такія же дѣти какъ она сама. Рѣдкая картина Гогарта не представляетъ дѣтей, и всѣ они, по большей части, прелестны. Что можетъ быть милѣе, напримѣръ, дѣвочки въ „Обѣдѣ на выборахъ“, которая такъ внимательно разсматриваетъ перстень на мизинцѣ важнаго господина, или группы дѣтей въ картинѣ „Негодующій музыкантъ“, которыя сажаютъ обломанные вѣтви въ кучки песку и дѣлаютъ себѣ садикъ, или двухъ дѣвочекъ въ картинѣ „Утро“, которыя такъ тихо, такъ чинно идутъ въ школу, и которыхъ слѣдъ рисуется по снѣгу? Трудно сыскать также что-нибудь прелестнѣе мальчика одѣтаго въ трауръ и участвующаго въ „Похоронахъ потерянной женщины“: онъ въ томъ возрастѣ когда не сознаютъ еще всего ужаса смерти; онъ играетъ трещоткой, и во всемъ шествіи одинъ не лицемеритъ.

Положимъ, Гогартъ ничего не дѣлаетъ случайно, по вдохновенію, какъ обвиняютъ его многіе; положимъ, самыя эти дѣти въ его картинахъ нарочно такъ хороши, чтобъ ярче выставились порочныя лица взрослыхъ людей, ихъ окружающихъ; но развѣ отъ того изображеніе дѣтей теряетъ въ художественномъ отношеніи? Удивляться одному внутреннему содержанію въ произведеніяхъ Гогарта, и отрицать въ нихъ всякое художественное достоинство, отрицать въ Гогартѣ всякое сочувствіе къ красотѣ и природѣ, такъ же несправедливо, какъ обвинять его безусловно въ суровомъ скептицизмѣ и озлобленіи по принципу противъ всего рода человѣческаго.

Въ первомъ случаѣ, кромѣ дѣтей, можно привести тѣ кроткіе, симпатическіе и вполне художественные женскіе образы, которые такъ часто производитъ кисть его; такова обольщенная дѣвушка, лицо которой проходитъ во всѣхъ картинахъ „Жизни распутнаго“; другая женщина, подруга героини въ картинѣ „Смерть погибшей женщины“ и т. д. Наконецъ, самыя эти женскіе образы не поставлены ли здѣсь нарочно съ тѣмъ, чтобы насмѣшка и желчная сатира, такъ часто возбуждаемая главнымъ сюжетомъ, не переходили въ душѣ зрителя въ ядовитое, безотрадное чувство презрѣнія и ненависти? Эти женскія фигуры поставлены здѣсь очевидно не для контраста, не изъ художественнаго расчета; онѣ здѣсь для того,

чтобы распространить на все остальное духъ примиренія и любви, и сообщить его зрителю.

Очень сожалѣю, что долженъ здѣсь остановиться. Картины Гогарта, хотя и отлично поддаются описанію, представляютъ однакожь то неудобство, что онѣ рѣдко выставляютъ отдѣльный эпизодъ; сюжетомъ ихъ бываетъ по большей части цѣлая драма или жизнь человѣка, высказанная цѣлымъ рядомъ картинъ. Кромѣ богатства внутренняго содержанія, драмы эти представляютъ также полную картину англійскихъ нравовъ извѣстнаго времени; въ этомъ отношеніи Гогартъ не уступаетъ Смоллету и Фильдингу. У него ничтожная черта говоритъ иногда болѣе чѣмъ цѣлая страница нравоописательнаго сатирическаго романа. Подробное описаніе картинъ Гогарта, даже только тѣхъ которыя находились на выставкѣ, едва ли бы умѣстилось въ цѣломъ томѣ. Я уже тѣмъ доволенъ, что хоть сколько-нибудь познакомилъ васъ съ общимъ характеромъ произведеній этого замѣчательнаго художника.

Гогартъ не оставилъ послѣ себя учениковъ; характеръ его таланта слишкомъ индивидуаленъ. Чтобы идти по стопамъ Гогарта, не довольно было имѣть художественное дарованіе, — надо было имѣть глубину и складъ его ума. Къ тому же, самый этотъ родъ живописи возбуждалъ въ то время мало сочувствія; его считали низкимъ. Художники исключительно посвящали свою кисть мифологіи, греческимъ и римскимъ героямъ. Не забудьте, что даже много лѣтъ спустя, въ концѣ XVIII столѣтія, во Франціи рѣшено было общимъ голосомъ выключить Грѣза изъ академіи, какъ живописца, употребляющаго кисть на изображеніе предметовъ низкихъ и несомвѣстныхъ съ достоинствомъ искусства.

Между 1768 г. (годъ смерти Гогарта) и концомъ XVIII столѣтія, въ Англійи начинаютъ однакожь появляться *жанристы*. На международной выставкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ произведеній Гогарта, находится картина: „Слѣпой нищій и его дочь“; имя художника — Опи (Ope). Тутъ же, неподалеку, выставлено нѣсколько картинъ Райта (Wright): „Дѣвочка и мальчикъ, пускающіе мыльные пузыри“, „Дѣти, играющіе мячикомъ“, „Кузница“, и прелестная картинка Оуэна (Owen): „Дѣти съ кошкой“. Въ этихъ произведеніяхъ, особенно въ „Слѣпомъ нищемъ“, несмотря на явное желаніе подойти ближе къ природѣ, къ дѣйствительности, замѣтна еще нѣкоторая робость; художника все еще какъ будто пугаютъ

любомъ во всей ихъ правдивости; онъ смягчаетъ грубость ткани и умышленно облагораживаетъ складки. Еще немножко, ищій и его дочь превратились бы въ классическаго Эдипа, вѣдомаго Антигоной. Путь къ самому полному реализму былъ уже давно однакожь проложенъ Гогартомъ, Генсборо въ его пейзажахъ, Констеблемъ, Морландомъ и другими пейзажистами прошлаго столѣтія. Но какъ я уже замѣтилъ, одна изъ отличительныхъ чертъ англійской школы заключается въ томъ, что развитіе и успѣхъ живописи не представляютъ въ ней послѣдовательности; здѣсь самыя оригинальныя, самыя яркія таланты возникаютъ вдругъ, независимо одинъ отъ другаго, совершенно сами собою. Такъ неожиданно за Опи, Райтомъ и Оузномъ, является вдругъ Давидъ Вильки (р. 1785—1841).

Собственно какъ живописецъ домашнихъ сценъ, Вильки стоитъ совершенно особо; ни по взгляду на искусство, ни по манеру и приемамъ, онъ не имѣетъ ничего общаго съ предшественниками. Даромъ что картины его ограничиваются по большей части изображеніемъ народныхъ сценъ, представленныхъ со всевозможною *натуральною* правдивостію, онъ не причисляется уже къ низкому роду; напротивъ, Вильки скоро дѣлается любимцемъ, баловнемъ публики; аристократія гордится имъ какъ первымъ своимъ художникомъ; появленіе каждой его картины считается національнымъ событіемъ; о ней кричатъ заранѣе весь Лондонъ, и всѣ газеты ею заняты.

Вильки по преимуществу живописецъ домашняго очага, столь дорогаго каждому Англичанину. Поэзія скромнаго семейнаго быта съ его радостями и горемъ знакома ему въ совершенствѣ; переданная имъ на полотно, она невольно увлекаетъ и трогаетъ зрителя, пробуждаетъ въ немъ самое теплое, сердечное чувство. Вильки точно также юмористъ; но юморъ у него веселый, исполненный наивности и неисчерпаемаго добродушія. Между творцомъ „Погибшей женщины“, „Джина“, „Жизни распутнаго“ и Вильки — такая же разница какъ между Гольдсмитомъ или Борнсомъ и Шекспиромъ, между Свифтомъ и мрачнымъ Мильтономъ. Комизмъ Вильки, если только онъ проявляется въ картинѣ, никогда не обращается во вредъ его героямъ. Стоитъ взглянуть на нихъ, чтобы сразу почувствовать къ нимъ сердечное влеченіе; точно вступаешь въ кругъ людей добродушно-веселыхъ и привѣтливыхъ. Сюжеты многихъ его картинъ невольно вызываютъ изъ

памяти дорогія воспоминанія, испытанныя въ семьѣ родной или чужой, но, все равно, близкой сердцу.

На дворѣ густѣютъ сумерки; продрогнувъ на холодномъ вѣтрѣ, нетерпѣливо подвѣзжаешь къ знакомому дому; яркій свѣтъ разгорѣвшейся печки освѣщаетъ прихожую; за ближайшею дверью раздаются знакомые голоса и дѣтскія восклицанія; тамъ происходитъ страшная суматоха; вся молодежь многочисленнаго семейства, включая маленькихъ дѣтей, многіе изъ молодыхъ близкихъ сосѣдей и сосѣдокъ, которыхъ, частію, привела сюда сердечная зазноба, все это поднялось на ноги; пока дѣдушка и бабушка отдыхаютъ и пока не подали еще свѣчекъ, всѣ сговорились воспользоваться дорогимъ временемъ и повеселиться; жмурки въ полномъ разгарѣ. Очередь завязать себѣ глаза выпала на долю самому бойкому изъ молодыхъ людей; приподнявъ слегка голову, протянувъ руки, онъ то осторожно пробирается впередъ, то вдругъ стремительно бросается въ отдаленные углы просторной залы; всѣ бѣгутъ отъ него съ крикомъ и прячутся. Кто, застигнутый въ расплохъ, вскочилъ на скамью и бережно крадется, придерживаясь руками за стѣну; кто жметъ въ уголь; мѣстами всѣ сбились въ кучку,—и конечно, не обходится безъ того чтобы кто-нибудь не пожалъ украдкой чью-нибудь хорошенькую ручку; мѣстами, все несется въ разсыпную; дѣти, испуская пронзительные крики, катятся по полу или прячутъ голову въ юпки старшихъ сестеръ; стулъ валится; кошка, дремавшая подъ нимъ, летитъ со всѣхъ ногъ, распушивъ хвостъ; все скачетъ, тискается, несется, опрокидывая одинъ другаго,—и надъ всѣмъ этимъ стоитъ неумолкаемый шумъ восклицаній и веселаго смѣха... Такова картина Вильки „Жмурки“. Прелесть подобныхъ сценъ, выраженныхъ умною граціозною композиціей и оживленными красками, не ограничиваетъ собою таланта Вильки; не этимъ однимъ заслужилъ онъ такую любовь и популярность; поэзія и душевное чувство заключенное въ его произведеніяхъ, идутъ параллельно высокимъ художественнымъ достоинствамъ; какъ техникъ, какъ живописецъ, онъ такъ же высокъ какъ и поэтъ. Превосходныя гравюры Рембаха, очень вѣрно передающія произведенія Вильки, все-таки далеко недостаточны для оцѣнки этого мастера; насколько картины Гогарта выигрываютъ въ гравюрѣ, настолько же гравюра не выгодна для картинъ Вильки, отличающихся высокими качествами письма и колорита. Манера

Вильки необыкновенно разнообразна; не изучивъ основательно его произведеній, рискуешь на каждомъ шагѣ ошибиться.

Нѣкоторыя картины, по колориту, близко напоминаютъ Исаака Остада: тотъ же густой янтарный тонъ, который возвышается сильными тѣнями; письмо, между тѣмъ, такъ же смачно и отчетливо какъ въ лучшихъ произведеніяхъ Адриана Остада. Въ легчайшемъ прикосновеніи кисти нѣтъ ничего случайнаго; мельчайшая блеска свѣта на лицахъ, рукахъ или аксессуарѣ показываетъ умъ, и сдѣлана не ради эффекта, но чтобы подойти ближе къ натурѣ, чтобы придать тѣлу или физиономіи еще больше жизненной правды и выраженія. Такъ написаны картины „Жмурки“ и „Сельскій праздникъ“—одно изъ лучшихъ его произведеній. Неподалеку, подъ № 276, небольшая картинка: „Общинный сторожъ“; на ней представленъ старый, но еще крѣпкій, коренастый слуга общины, ревностный исполнитель своего долга, гроза всѣхъ браконьеровъ околотка; онъ привелъ къ дверямъ сельскаго правленія бѣдное цыганское семейство захваченное въ сосѣднемъ лѣсу съ охабками валежника; этотъ сторожъ—второй экземпляръ мистера Бумбая, изъ романа *Оливеръ Твистъ* Диккенса. Стоитъ взглянуть на полное, откормленное лицо его, раскрасѣвшееся отъ скорой ходьбы, внутренняго самодовольствія и частаго употребленія джина и портера, чтобы понять, что отъ такого человѣка нечего ждать пощады; просьбы оборваннаго цыгана, стоящаго тутъ съ блѣднымъ перепуганнымъ лицомъ, слезы его жены и дѣтей, не тронуть блюстителя порядка; онъ вцѣпился въ своихъ жертвъ какъ ястребъ, и не выпуститъ ихъ изъ когтей. Эта небольшая картина, въ которой каждое движеніе, каждая черта, трепещетъ жизнью, исполнена опять другимъ образомъ чѣмъ предыдущія. Свѣтлыя части отливаютъ серебромъ какъ у Тербурга; краски наложены густо; несмотря на небольшой масштабъ фигуръ, головы и ручки выбраны планами какъ у Метцю. По манерѣ письма, „Деревенскіе политики“ представляютъ опять другое; точно Теньеръ приложилъ тутъ руку въ лучшія свои минуты; та же быстрая, легкая кисть, и между тѣмъ нѣтъ такой крапинки, которая не оправдывалась бы необходимостію и казалась бы неоконченною.

При всемъ уваженіи моемъ и любви къ старымъ мастерамъ Голландіи, долженъ сказать однакожь, что еслибы дали мнѣ выбирать между любую таверной Теньера и „Деревенскими

политиками“ Вильки, я не задумываясь взялъ бы эту послѣднюю картину. Не уступая тавернамъ Теньера ни по письму, ни по живописности, картина Вильки (дѣйствіе происходитъ здѣсь также въ тавернѣ) беретъ перевѣсъ надъ первыми своею умственною и жизненною стороною. Нельзя не согласиться, что Теньера мало занимаетъ личность его героевъ; въ обширныхъ композиціяхъ они играютъ, большею частію, пассивную роль; поставленныя ли отдѣльно, или связанныя группами, фигуры его, несмотря на всю ихъ правдивость, приняты художникомъ скорѣе какъ единицы чѣмъ какъ дѣйствующія лица, одушевленные каждое своимъ характеромъ и темпераментомъ. Глядя на картины Теньера, можно только собирательно говорить о лицахъ. Скажешь: какъ здѣсь люди веселятся, какъ лихо они пьютъ и курятъ! Любая фигура оторванная отъ общаго дѣйствія сама по себѣ ничего не скажетъ въ пользу или во вредъ своей личности; это статисты разставленные въ картинѣ ради общаго живописнаго эффекта. Въ картинахъ своихъ, Теньеръ изображаетъ только внѣшность; въ человѣческой драмѣ, онъ видитъ только картинный эффектъ. Изображаетъ ли онъ борьбу, — его болѣе занимаетъ случай поставить интересную комическую группу чѣмъ самые люди; выставляетъ ли онъ уединенную лабораторію ученаго алхимика или келью философа, его очевидно болѣе увлекаетъ счастливое сочетаніе стклянокъ и фоліантовъ, лучъ свѣта, чѣмъ самое лицо составляющее собственно предметъ картины. У Вильки не такъ; у него фигуры не аксессуаръ, не пятно; оторвите любую фигуру изъ общаго дѣйствія, — оно будетъ интересно какъ живая личность.

Изъ того что я сказалъ о сходствѣ пріемовъ и колорита Вильки съ пріемами и колоритомъ Остадъвъ, Теньера, Тербурга и Метцю, — не слѣдуетъ заключать чтооъ онъ подражалъ имъ; нѣтъ такого произведенія Вильки, глядя на которое вы могли бы сказать: „Это напоминаетъ Теньера, Метцю“ и пр. При всемъ разнообразіи своей манеры, Вильки прежде всего похожъ на самого себя. Нѣтъ сомнѣнія, онъ много изучалъ старыхъ мастеровъ Голландіи; но сила природнаго таланта переработала все по-своему и ни на волосъ не утратила своей самобытности. Глядя на его произведенія, нельзя ошибиться въ ихъ англійскомъ происхожденіи; они насквозь проникнуты духомъ національности; перенесите въ

картину любой школы последнее незамѣтное лицо изъ картины Вильки,—оно будетъ рѣзко отдѣляться своимъ типомъ отъ всего остальнаго; вы безошибочно скажете, что сюда затесался Англичанинъ.

Вильки произвелъ очень много. Онъ пробовалъ себя въ разныхъ родахъ. Нельзя не удивляться и внутренно не досадовать, видя такую неувѣренность художника въ своемъ призваніи. Зачѣмъ было ему писать такъ много италіянскихъ и испанскихъ сценъ? Чтò могло заставить его употребить кисть хоть бы напримѣръ на изображеніе этихъ двухъ нимфъ срывающихъ виноградъ (№ 256)? Припомная обаятельное дѣйствіе его національныхъ произведеній, поневолю скажешь, что тутъ онъ попусту тратилъ время. Всѣ эти картины, если хотите, прекрасно написаны, отличаются мастерскимъ рисункомъ, блещутъ колоритомъ; многія такъ драгоцѣнны, что владѣльцы рѣшились выставить ихъ только подъ прикрытіемъ стекла; при всемъ томъ, рассматривая ихъ, невольно ищешь глазами, нѣтъ ли еще по близости чего-нибудь въ родѣ „Жмурокъ“, или „Общиннаго сторожа“, или „Деревенскихъ политиковъ“. Не странно ли, что иногда нѣсколько фигуръ не отличающихся красотой типа, — фигуръ ежеминутно встрѣчаемыхъ на улицѣ и занимающихся самымъ прозаическимъ ремесломъ или хозяйственнымъ дѣломъ, — пробуждаютъ въ высшей степени любопытство и заставляютъ сладко задумываться, тогда какъ, повидимому, интереснѣйшій эпизодъ и героическія личности,—даже искусно выполненныя, — оставляютъ зрителя совершенно равнодушнымъ?

Впечатлѣніе этого рода приходится испытывать передъ тѣми или другими картинами Вильки. Все дѣло въ томъ, сколько мнѣ кажется, что въ первомъ случаѣ, то-есть въ картинахъ національнаго содержанія, между Вильки и самимъ предметомъ картины, существуетъ близкая внутренняя связь, чего не было, когда онъ бралъ иноземные или героическіе сюжеты. Последніе поражали его воображеніе только своею внѣшнею стороною; только эта внѣшняя сторона и вышла въ картинахъ этого рода. Напрасно старается онъ пополнить ее, придумывая интересныя положенія своимъ лицамъ: они все-таки отзываются сочиненіемъ и никого не трогаютъ. Во второмъ случаѣ, онъ приступаетъ къ своимъ героямъ безо всякой напряженности и насилія воображенія; онъ словно

пишетъ портреты близкихъ любимыхъ родственниковъ; съ ними, онъ какъ посреди родной семьи; онъ живо сочувствуетъ ихъ интересамъ и обычаю. Не только лица, но ихъ жилища, самые предметы ихъ окружающіе, вся домашняя обстановка въ совершенствѣ знакомы ему и близки его сердцу. Воодушевляемый любовью къ своимъ героямъ, онъ относится къ нимъ искренно, сердечно; невольно вноситъ онъ въ произведеніе часть самого себя, свое сердце и душу. Только присутствіе того и другаго объясняетъ, почему иногда картина, часто лишенная внѣшнихъ блестящихъ красотъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе силу приковывать къ себѣ зрителя. Искренность внутренняго чувства, положеннаго художникомъ въ произведеніе, всегда инстинктивно чувствуется и выше всего цѣнится въ произведеніи живописнаго искусства; его не замѣняютъ ни умъ, ни даже красота внѣшнихъ формъ. На выставкѣ легче всего было судить о впечатлѣніи того или другаго произведенія на публику. Толпа часто показываетъ себя невѣждою во всемъ что касается оцѣнки частныхъ художественнаго произведенія; но ею управляетъ почти всегда вѣрное чутье. Такъ на международной выставкѣ можно было безъ всякаго затрудненія любоваться картинами Вильки: „Пилигримы и Пифферари поющіе гимнъ передъ Мадонной“, „Католическая исповѣдная“, „Принцесса Дорія обмывающая ноги пилигримовъ“ и проч. и не было почти никакой возможности пробраться къ картинамъ изображающимъ сцены изъ домашняго англійскаго быта. Приходя на выставку специально для англійской школы, и всегда стараясь заглянуть на работы Вильки, мнѣ помнится, только на второй день удалось взглянуть на его картину: „Рекомендательное письмо“. Молодой деревенскій парень пришелъ наниматься въ батраки къ старому фермеру. Старикъ, прочитавъ письмо, погрузился въ кресло, поднявъ очки на лобъ, и внимательно разсматриваетъ вошедшаго. Страшная минута! Судьба молодаго дѣтныи зависитъ отъ этого перваго впечатлѣнія; онъ ясно чувствуетъ это; стараясь выказать себя какъ можно болѣе съ выгодной стороны, онъ пучитъ грудь, хочетъ похвастать своею ловкостью, силою и проворствомъ; но вотъ бѣда: домашняя собака, свирѣпаго вида, словно раздѣляя недовѣріе и заботливость хозяина, подошла къ незнакомцу и пылливо обнюхиваетъ его; неувѣренный въ ея гостепріимныхъ свойствахъ, парень поневолѣ

терять присутствіе духа; онъ пятится, опускаетъ голову, отодвигаетъ ногу, жметса,—и увы!—самъ видитъ какъ много теряетъ своей молодцоватости въ глазахъ будущаго хозяина. Какъ видите, ничего нѣтъ особенно замысловатаго; но все дышетъ здѣсь такою жизнью, такою правдой, что кажется видишь передъ собою живыхъ людей; такъ и тянетъ крикнуть старому фермеру: „Наймите же его скорѣе, не томите его больше; онъ, право, славный малый и добрый батракъ!“

Не могу вамъ сказать, кто были ученики Вильки; не знаю даже, были ли они у него. Во всякомъ случаѣ, разсматривая со всевозможнымъ вниманіемъ многочисленныя картины жанра на выставкахъ Лондона, я не замѣтилъ ни одной, которая бы въ какомъ-нибудь отношеніи близко напоминала ваяніе этого мастера.

Такое несходство, конечно, приводится мною не въ укоръ современнымъ художникамъ Англiи; совсѣмъ напротивъ: нѣкоторые изъ нихъ такъ высоко стоятъ въ искусствѣ и такъ оригинальны, что имъ нечего подражать и завидовать кому бы то ни было. Изъ этого слѣдуетъ только заключить о страшномъ богатствѣ здѣшнихъ талантовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о ихъ безконечномъ разнообразіи. Не говорю уже о двухъ современныхъ живописцахъ, Мюльреди и Фритѣ, теперь первыхъ представителяхъ этого рода: находясь въ художественномъ отношеніи почти на одной высотѣ съ Вильки, они не имѣютъ съ нимъ ничего общаго, точно такъ же какъ не похожи другъ на друга; но даже въ произведеніяхъ остальныхъ живописцевъ, занимающихъ болѣе скромное мѣсто или не успѣвшихъ еще прославиться, явно проглядываетъ то же стремленіе дѣлать свое, никому не подражая.

Англійскіе художники привлекаютъ вниманіе еще другою особенностію, повидимому, имъ только свойственно. Стоитъ увидать два-три произведенія извѣстнаго мастера любой европейской школы, чтобъ ознакомиться съ его манерой и потомъ безошибочно отличать его картины между другими; выработавъ себѣ извѣстный типъ и приемы, почти каждый художникъ считаетъ себя уже достигшимъ крайняго предѣла, — если не искусства, то своей цѣли; при всемъ разнообразіи мотивовъ композиціи, которые у иныхъ точно также укладываются иногда въ извѣстную форму,—манера, стиль, приемы остаются неизмѣнно тѣ же; одна картина

служить повтореніемъ другой. Англійскіе живописцы не такъ легко удовлетворяются сами собою. Я уже замѣтилъ эту черту у Вильки; но она бросается въ глаза въ произведеніяхъ всей школы. Часто, остановившись передъ нѣсколькими картинами, вы, при всей вашей опытности, припишете ихъ разнымъ мастерамъ, между тѣмъ какъ онѣ исполнены однимъ и тѣмъ же художникомъ. Отсюда-то и выходитъ это страшное разнообразіе, которое такъ поражаетъ въ собраніи картинъ британской школы.

Такъ напримѣръ „Сцены изъ Декамерона“ Пуля (P. F. Poole) положительно не имѣютъ ничего общаго съ его „Царицей цыганокъ“, находящейся на выставкѣ Королевской академіи. Первая представляетъ нѣсколько мушкетъ и женщинъ сидящихъ группами посреди роскошнаго лѣснстаго пейзажа, на берегу озера; здѣсь краски наложены густо и смѣло; цвѣты и тоны, составленные какъ бы заранѣе на палитрѣ, прямо перешли на полотно; нигдѣ не замѣтно присутствія столь употребительныхъ фокусовъ; колоритъ такъ же блестящъ и свѣжъ какъ еслибы на полотно высыпанъ былъ цѣлый ларецъ драгоценныхъ камней. Вторая картина изображаетъ сидящую молоденькую цыганку, съ веселымъ лицомъ, сверкающими зубами, придерживающую на мизинцѣ сороку, и одѣтую въ восточный фантастическій костюмъ; здѣсь художникъ хотѣлъ, кажется, поспорить, тонкостію кисти, съ Тербургомъ; тѣло выполнированное какъ слоновою костью, показываетъ трудъ неимовѣрный; на всемъ присутствіе бережной тщательной лессировки; контуръ главной фигуры и аксессуаръ рѣзко выдѣляются на свѣтломъ фонѣ нѣжнаго янтарнаго тона. Третья картина его, „Переходъ въ бродъ“,—опять другое. Тутъ дѣвочка переходитъ ручей съ мальчикомъ, который вскарабкался на ея спину и обхватилъ ручонками ея шею. Контуръ повсюду обвѣянъ словно паромъ; все писано какъ будто пушистою кистью и вдобавокъ сухими красками безъ капли масла. Краски слиты, спутаны, одинъ цвѣтъ притертъ другимъ. Вся эта путаница сливается однакожь въ общій чрезвычайно гармоническій серебристый тонъ, какой встрѣчается иногда на днѣ морскихъ раковинъ. Головки дѣвочки и мальчика, съ волосами развѣвающимися по вѣтру, съ щеками разрумяненными свѣжестью воздуха, тронуты съ необыкновеннымъ вкусомъ. Тонъ влажнаго,

стро-голубоватаго неба такъ вѣрнѣй природѣ, такъ далеко уходить въ неизмѣримую глубь, что обѣ фигуры совершенно выдѣляются изъ полотна и кажутся живыми.

Одна изъ особенностей английскихъ жанристовъ, — особенность, которая точно также бросается въ глаза, состоитъ въ томъ, что въ картинахъ ихъ чуть ли не главную роль играютъ всегда дѣти. Въ этомъ случаѣ, живопись идетъ объ руку съ тою литературой Англiи, предметъ которой описанiе нравовъ. Здѣсь точно также дѣти почти всегда выступаютъ на сцену, нерѣдко даже являются главными героями романа; вспомните только Диккенса, вспомните его Оливера Твиста, маленькаго Павла въ Домби, крошку Дорритъ, Копперфильда, его святочные разказы и проч. Если литература представляетъ болѣе или менѣе вѣрный сколокъ жизни, стремленiй, характеровъ и вкусовъ страны, живопись „жанръ“ въ Англiи идетъ въ этомъ отношенiи на перебой съ литературой. Здѣсь точно также любимымъ предметомъ служить изображенiе семейнаго быта; отсюда въ картинахъ такое множество дѣтей, которые изображаются английскими художниками съ особенною любовью. Иначе впрочемъ и быть не можетъ. Недаромъ только въ Англiи встрѣчаешь на афишахъ народныхъ театровъ, заключительную строку, которая какъ бы служить лучшею приманкой для публики; въ заключение пiесы будетъ представлено, говоритъ афиша: „*Magical and distant view of the Happy Family!!!*...“ то-есть: волшебная картина, изображающая счастливое семейство. Недавно еще въ Лондонѣ, на театрѣ Адельфи, французская труппа давала драматому; въ одной сценѣ, Пьеро пришлось исполнять роль заботливой матери и кормить ребенка; парижскiй актеръ игравшiй Пьеро, думая посмѣшить публику, нѣсколько разъ подносилъ ложку съ кашей ребенку, но съ тѣмъ чтобъ отправить ее въ собственный ротъ; въ партерѣ тотчасъ же послышалось ворчанье; одинъ матросъ всталъ и прокричалъ громкимъ голосомъ: „Damn son of a bitch!“ (Чортъ тебя побери, собачiй сынъ!). „Вонъ, вонъ!“ закричали другiе. Пьеро, спрavedливо опасаясь града картофелю, побѣжалъ за кулисы. „Что вы дѣлаете?“ сказалъ ему директоръ: развѣ вы не видите, публика не хочетъ чтобы вы смѣялись надъ ребенкомъ и обижали его? Ступайте скорѣе на сцену и показывайте видъ, что кормите его до-сыта!“ Пьеро въ точности исполнилъ совѣтъ, и это мгновенно вызвало страшные аплодисменты.

Этому чувству домашняго очага, которое раздѣляетъ вся нація, а не материализму и недостатку чувства изящнаго, какъ думаютъ иные, надо приписать въ Англии такое множество живописцевъ домашнихъ сценъ и, сравнительно, такое незначительное число историческихъ живописцевъ. На сто картинъ британской школы, по крайней мѣрѣ восемьдесятъ будутъ изображать сцены изъ домашней жизни; изъ ихъ числа вѣрно наберется шестьдесятъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами будутъ дѣти. Въ доказательство этого, мимо картинъ Мюльреди, о которыхъ скажу ниже, приведу на обумъ нѣсколько произведеній, самыхъ замѣчательныхъ здѣшнихъ жанристовъ. Уже самое названіе картинъ достаточно покажетъ въ чемъ дѣло. Смита: „Дѣтскій завтракъ“; Кларка: „Больной ребенокъ“; Смирка: „Играющіе дѣти“; Гудала: „Первенецъ-новорожденный“; Гада: „Маленькая бабушка“; Бостока: „Молитва дѣдушки передъ обѣдомъ“; Каррика: „Домъ и его сокровища“ (отецъ и дѣдъ только что воротились съ работы; каминъ топится; столъ накрытъ; куча маленькихъ дѣтей бросается на встрѣчу вошедшимъ); Доссона: „Дѣти на ярмаркѣ“; Горслея: „Возвращеніе няни“; Мочельза: „Мамаши нѣтъ дома“; Феда (Гаед): „Катерина Никльби“ и „Новая война для стараго солдата“ (на послѣдней, старый инвалидъ усѣлся за столъ окруженный дѣтьми и играетъ съ ними въ оловянные солдаты); Гукка: „Прибой“ (группа дѣтей на носу рыбацкой лодки; они выбиваются изъ силъ, чтобы забросить веревку и пристать къ берегу), и т. д.

Несмотря на то, что я назвалъ здѣсь только тѣ произведенія, которыя отмѣчены истинными художественными достоинствами, между ними все-таки ярко выступаютъ картины Вильяма Коллинса и Вебстера. Мимо прелести исполненія, талантъ обоихъ этихъ художниковъ возвышается еще необыкновенною граціей композиціи и присутствіемъ чего-то особенно поэтическаго.

Вильямъ Коллинсъ (р. 1788, †1847)—такой же превосходный маринистъ и пейзажистъ какъ живописецъ домашнихъ сценъ. Его картины часто представляютъ соединеніе всѣхъ этихъ трехъ родовъ. Его нельзя назвать чистымъ реалистомъ; ища правды, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается отыскать въ природѣ только то что благородно и что оправдывается самымъ тонкимъ вкусомъ; онъ врагъ всякой искусственности и преувеличенія. Какъ колористъ, онъ скорѣе ищетъ гармоніи въ общемъ чѣмъ

желает удивить эффектами или блескомъ красокъ. Какъ поэтъ, онъ преимущественно обращается къ мирнымъ сельскимъ сценамъ; любимый предметъ его—дѣти и природа въ ея спокойствіи. „Морозное утро послѣ бури“, „Уженье“, „Утреннее купанье“, „Игра въ кегли“, „Дѣти съ птичьимъ гнѣздомъ“, „Продажа любимаго ягненка“ (гравирована два раза, и каждый разъ отпечатана въ числѣ 15.000 экземпляровъ, которые были раскуплены немедленно по изданіи въ свѣтъ), „Деревенская учтивость“,—вотъ обычные его сюжеты. Последняя представляетъ дорогу посреди тучнаго зеленѣющаго пейзажа, облагаго полуденнымъ солнцемъ; кое-гдѣ, въ глубинѣ, показываются черепичныя кровли фермъ; дорога запирается околлицей, подлѣ которой играли дѣти; увидавъ всадника (его нѣтъ на картинѣ, но тѣнь его и лошади отпечатываются на дорогѣ), дѣти бросились къ околлицѣ и отворили ее настежь; мальчикъ лѣтъ восьми, старшій изъ группы, прислонился къ околлицѣ, приставилъ ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза отъ солнца, и улыбаясь, смотритъ на подъѣзжающаго, между тѣмъ какъ маленькіе братья и сестры, попрыгавшись за его спиной, лукаво выглядываютъ изъ-за своей засады. Трудно представить себѣ что-нибудь милѣе, наивнѣе этихъ дѣтскихъ головокъ. Пейзажъ самъ по себѣ—верхъ совершенства.

Талантъ Т. Вебстера не такъ разностороненъ. Онъ слабѣе Коллинса въ пейзажѣ и не пишетъ морскихъ видовъ; но недостатокъ этотъ выкупается у него тѣмъ, что картины его, между произведеніями многихъ, весьма даровитыхъ художниковъ, невольно останавливаютъ вниманіе своимъ интимно-національнымъ характеромъ. У Вебстера, кромѣ того, больше движенія чѣмъ у Коллинса. Насколько послѣдній любитъ задумчивость и спокойствіе въ маленькихъ своихъ герояхъ, настолько первый заставляетъ своихъ дѣтей прыгать, скакать и рѣзвиться. Какъ бы сознавая беспіе свое въ пейзажѣ, онъ обращаетъ большую наблюдательность на мелкіе домашніе аксессуары, которые придаютъ всегда столько живописности самой неказистой избушкѣ. Бочки, посуда, плошки, бутылки, мѣдные тазы, кастрюли вылуженныя оловомъ, исполнены у него съ такимъ же тщаніемъ какъ у тончайшихъ голландскихъ мастеровъ. Это можно видѣть въ картинахъ его: „Маленькая продавица вишенъ“ и „Противные вѣтры“. Последняя удивительно мила: передъ вами внутренность бѣдой рыбацкой лачуги съ окномъ, у котораго старушка

вяжетъ чулокъ; посреди старый столъ; на немъ мѣдный тазъ съ водою; его окружаетъ цѣлая гирлянда ребятшекъ; тискающаяся одинъ на другаго, они дуютъ изо всѣхъ силъ на маленькую деревянную лодочку съ бумажнымъ парусомъ.

Картина „Хоры сельской церкви“ ставитъ Вебстера на ряду съ первокласснѣйшими жанристами Европы, Кнаусомъ, Деканомъ, Жеромомъ и Лейсомъ. Крестьяне всѣхъ возрастовъ, мужчины и женщины, расположились на темныхъ дубовыхъ хорахъ, кто съ флейтой, кто съ виолончелемъ, кто просто съ нотами въ рукахъ; они поютъ псалмы подь звукъ органа. Но дѣло здѣсь, какъ увидите, не въ сюжетѣ.

Раза три или четыре привелось мнѣ встрѣтить тотъ же сюжетъ, исполненный хорошими живописцами Франціи и Бельгіи. Эти картины, помнится, всегда производили на меня одинаковое впечатлѣніе: изображенныя на нихъ фигуры и лица, слагающія выводить высокія ноты или выражающія наивное смущеніе, когда голосъ неожиданно обрывается на самомъ патетическомъ мѣствѣ, казались очень забавными, и только. У Вебстера выходитъ иначе: держась натуры, не отступая ни на волосъ отъ правды, не идеализируя ни чертъ лица, ни характера головъ, онъ между тѣмъ придалъ всѣмъ своимъ лицамъ выраженіе такого искренняго, серьезно-религіознаго чувства, что въ голову не придетъ посмѣяться надъ ними. Въ его картинѣ, чѣмъ менѣе иногда интересна наружность, тѣмъ она симпатичнѣе по чувству на ней выраженному. Беззубый, дряхлый старикъ, у котораго сорвалась нота отъ чрезмѣрнаго усердія, выражаетъ столько смущенія и внутренняго недовольства собою, что его искренно жаль; чувство это раздѣляютъ, повидимому, его сосѣди; только одна молоденькая дѣвушка украдкой повела глаза въ его сторону, и едва замѣтно улыбулась. Нужно много таланта, чтобы заставить, такимъ образомъ, душевное чувство такъ сильно торжествовать надъ внѣшнею формою.

Изъ огромнаго числа англійскихъ жанристовъ, особенною извѣстностію пользуются Фритъ и Мюльреди.

Произведенія того и другаго, разсыпанныя по разнымъ выставкамъ Лондона, оправдываютъ, какъ нельзя болѣе, такую популярность; вообще говоря, она никогда даромъ не достается. Несмотря на то, что Фритъ и Мюльреди занимаются однимъ и тѣмъ же родомъ, и сверхъ того, оба могутъ быть причислены къ реалистамъ,—въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ

ничего общаго. Не говоря о разницѣ въ техническомъ отношеніи, Мюльреди больше поэтъ, тогда какъ Фритъ чисто матеріалистъ, съ легкимъ оттѣнкомъ юмориста. Оба въ одинаковой степени обращаютъ вниманіе на ту сторону искусства, которая, сколько кажется, составляетъ одну изъ главныхъ задачъ современныхъ художниковъ Англій. Задача эта, какъ вы, я думаю, уже замѣтили, состоитъ въ изученіи человѣческой фізіономіи и передачѣ на ней страстей и внутреннихъ душевныхъ движеній. У Фрита и Мюльреди очень часто встрѣчаются самыя простыя, незамысловатыя фигуры, несвязанныя ни съ какимъ драматическимъ дѣйствіемъ; достаточно однакожь всмотрѣться въ нихъ, чтобы тотчасъ же ознакомиться съ нравственнымъ характеромъ этихъ лицъ, оказать, приблизительно, о чемъ можетъ думать такое-то лицо, чего оно ищетъ и чего желаетъ. Такая поразительная сила индивидуальности встрѣчается развѣ только въ портретахъ Рембранта. Замѣтите однакожь, здѣсь дѣло не въ портретахъ; здѣсь лица принимаютъ то выраженіе, которое преднамѣренно хотѣлъ дать имъ художникъ; здѣсь, слѣдовательно, являются они уже какъ созданіе, а не какъ копія оживленная талантомъ живописца. Характеръ обоихъ художниковъ всего лучше будетъ виденъ изъ ихъ произведеній.

Небольшая картина Мюльреди „Воспитаніе ребенка“, представляетъ аллею въ отдаленной части парка. Двѣ леди и хорошенькая, блѣлая дѣвочка лѣтъ семи, случайно встрѣтились съ группою цыганъ, старухой и двумя мужчинами, которые расположились отдохнуть на краю дороги. Неожиданность этой встрѣчи испугала ребенка. Старая цыганка, со включенными сѣдыми волосами и покрытая лохмотьями — совершеннѣйшій типъ вѣдьмы; ея оборванные товарищи также не внушаютъ большаго довѣрія. Старшая дама, мать дѣвочки, желая прежде всего побѣдить страхъ въ ней, дала ей монету и велѣла пойти къ цыганамъ и подать имъ милостыню. Дѣвочка повинуется, хотя ей, очевидно, куда какъ жутко оторваться въ эту минуту отъ юбки матери! Раскрывъ глаза, въ которыхъ навертываются слезы, поджавъ нижнюю губку, она робко, какъ-то бочкомъ, выступаетъ впередъ, и боязливо, кончикомъ тоненькихъ дрожащихъ пальчиковъ, кладетъ монету въ морщинистую ладонь старой цыганки. Борьба между желаніемъ угодить матери и страхомъ выражена на этомъ маленькомъ личикѣ съ такимъ талантомъ, такъ явно

высказывается въ самыхъ неуловимыхъ движеніяхъ ребенка, что дальше, кажется, не можетъ идти мимическое чувство въ живописи. Прибавьте къ этому прелесть остальныхъ головъ, дикую энергичность цыганской группы, живописность которой усиливается отъ контраста съ граціозными нѣжными дамами; прибавьте поэтическое расположеніе ландшафта, силу колорита и необычайную тонкость кисти.

Въ послѣднемъ отношеніи трудно впрочемъ вообразить что-нибудь совершеннѣе другой картины того же художника: „Купающіяся.“ Молоденькая женщина съ роскошными волосами, которые рассыпаются по плечамъ и груди какъ золотой шелкъ, сидитъ, подогнувъ одну ногу подъ другую, въ глухой чащѣ лѣса, на берегу ручья, окаймленнаго высокими берегами; мохъ, трава и цвѣты спускаются къ водѣ, сквозь которую просвѣчиваетъ обнаженная розовая ножка и песчаное дно, усыпанное мелкими раковинами. Женщина только-что вышла изъ воды; мѣстами, на ея тѣлѣ, нѣжнѣе какъ лилія, проступаютъ розовые тоны свѣжести; мѣстами на немъ серебрится влага, какъ на листьяхъ цвѣтка послѣ росы; сквозь тонкую ткань кожи, неуловимыми отбѣнками, сквозятъ кое-гдѣ голубоватыя вены. Нужно много вниманія, чтобъ удостовѣриться, что передъ вами не тончайшая миниатюрная работанакости, но картина, писанная точно такъ же какъ и другія, масляными красками, и вдобавокъ, писанная необыкновенно просто, безъ всякихъ притираній, лесировокъ и другихъ фокусовъ. За первую фигурой молоденькая дѣвушка выскакиваетъ изъ воды, съ видомъ испуганной газели; еще дальше, третья принимаетъ одежду отъ женщины, стоящей на уступѣ, съ ребенкомъ въ рукахъ. Въ глубинѣ чащи, позолоченной солнцемъ, пасутся ослы; лучезарное небо, слегка умягченное пушистыми облачками, кротко улыбается этой граціозной композиціи, исполненной той простоты и спокойствія, которыя передаются душѣ, оставляя въ ней только мирное эстетическое чувство.

Не могу утерпѣть, чтобы не описать вамъ еще одной картины Мюльреди. Хотя ея нѣтъ на выставкѣ (она составляетъ собственность королевы), но она служитъ самымъ полнымъ выраженіемъ таланта мастера. Картина названа: „Волкъ и ягненокъ“. Роль ягненка исполняетъ здѣсь бѣлокурый, робкій и слабый мальчуганъ, одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые обречены въ школѣ, со стороны товарищей, всѣмъ возможнымъ

пресѣдованіямъ, толчкамъ и щелчкамъ; сумка съ аспидною доскою и тетрадами, войлочная сѣрая шляпа, опутанная чернымъ крепомъ, бѣдная одежда, протертая отъ долгаго употребленія, дорисовываютъ его фигуру. Передъ нимъ, въ торжествующей, наступательной позѣ, остановился его товарищъ, коренастый, приземистый мальчишка, съ грубыми бойкими чертами лица, низенькимъ лбомъ, вздернутымъ носомъ и вихрами на смуглой головѣ. Это одинъ изъ тѣхъ неукротимыхъ мальчишекъ, которыхъ безощадно колотятъ дома и сѣкутъ въ школѣ и которымъ все ни по чемъ. Глядя на него, невольно тянетъ предречь ему худой конецъ. Онъ бросилъ на землю свою мѣховую шапку и класные доспѣхи, чтобъ они не стѣсняли его движеній. Чтò подало поводъ къ его негодovanію? Не жаловался ли на него учителю его противникъ, или не уличилъ ли его въ какой-нибудь плутнѣ? Онъ, впрочемъ, объ этомъ, кажется, мало заботится; онъ радъ только встрѣчѣ, радъ случаю расправитъ кулаки и испытать силу надъ рохлей и кислякомъ-товарищемъ. Нижняя губа его презрительно выдвинулась впередъ, брови скрециваются у переносицы, ноздри дрожать, зрачки смотрять съ угрозой; желтый жилетъ, съ котораго соскочили пуговицы, и встрепанная рубашонка открываютъ коротенькую грудь, выпученную какъ у боксера. Еще секунда и поднятые кулаки его посыплются на бѣлокурого мальчика. Этотъ послѣдній окончательно растерялся, поджалъ ногу, сталъ бокомъ и боязливо защищается локтемъ. Свидѣтелями этой сцены шаршавая собаченка, которая силится своимъ лаемъ призвать кого-нибудь на помощь, и еще четырехлѣтній ребенокъ, который совсѣмъ замеръ отъ страха: онъ, безъ сомнѣнія, пустился бы въ бѣгство, еслибы не мѣшали ему длинный фартукъ и огромная старая женская шляпа, которая въ Англіи часто служитъ покрывкомъ дѣтямъ простыхъ классовъ. Крикъ ребенка и лай собаки раздались однакожь не даромъ; старушка, спускающаяся съ лѣстницы, спѣшитъ, кажется, на выручку. Эти два мальчика въ картинѣ осуществляютъ два характера; никакой анализъ не могъ бы опредѣлить съ такою полнотою ихъ типичность, какъ сдѣлали это вѣсколько ударовъ кисти. Картина, кромѣ того, такъ локальна, такъ проникнута духомъ національности, что знакомитъ зрителя съ извѣстною стороною англійскаго быта не хуже Диккенсова романа. Аксессуары безподобны; они также характерны какъ и самыя лица; они дополняютъ впечатлѣніе:

дверь загородки, украшенная мѣдною дощечкой, кусты бузины, покрытые цвѣтомъ и выглядывающіе черезъ заборъ; стѣны выложенныя тонкимъ кирпичомъ съ голубоватою лазурью, клѣтка съ птицей надъ наружнымъ косякомъ двери, розовыя черепичныя кровли въ отдаленіи, блѣдная зелень тополей, которые рисуются частію на закоптѣлой стѣнѣ, частію на свѣромъ небѣ, туманномъ и влажномъ; все это до такой степени вѣрно характеризуетъ страну, что мельчайшій деталь, выброшенный отсюда, разрушилъ бы, кажется, общую гармонію впечатлѣнія.

Теперь перейдемъ къ Фриту. Онъ уступаетъ Мюльреди только развѣ въ этой изящной оконченности письма. Онъ такъ же какъ Мюльреди владѣетъ чувствомъ мимики и силою выраженія; каждое лицо въ его картинахъ точно также типъ, и говорить само за себя. Послѣднее произведеніе Фрита: „Derby day“ считается лучшею его картиною; выставленная въ German Gallery, она въ мое время привлекала весь Лондонъ. Вы знаете, конечно, какое значеніе имѣетъ „Дербіевъ день“ (эпсомскія скачки) не только для жителей Лондона, но чуть ли не для всѣхъ Англичанъ. Въ этотъ день (который, не мѣшаетъ замѣтить, продолжается двое-трое сутокъ), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона происходятъ знаменитыя скачки. Derby day, національный праздникъ. Не только магазины, но и бѣднѣйшія лавчонки закрыты; люди живущіе изо дня въ день, бросаютъ прилавокъ, нанимаютъ на послѣдніе пенсы телѣжки или мѣста въ омнибусахъ и съ позаранку несутся въ Эпсомъ. Кто не позаботился заблаговременно объ экипажѣ, тотъ уже ни за какія деньги не достанетъ мѣста въ самый день скачки; билеты на имперіалахъ омнибусовъ продаются въ три-дорога; все занято; гривы лошадей, шляпы кучеровъ и многихъ джентльменовъ увиты лентами; нищій мальчишка, и тотъ въ знакъ торжества навязываетъ себѣ на рукавъ или шляпу какой-нибудь яркій лоскутокъ. Уже въ десятомъ часу утра тысячи экипажей несутся изъ Лондона, сопровождаемые многочисленными кавалькадами. Въ полдень Лондонъ почти опустѣлъ.

Не думайте однакожь, чтобы картина Фрита была обязана своимъ успѣхомъ сюжету, столь симпатичному и близкому для каждаго Англичанина. Въ Лондонѣ появляются сотни картинъ, изображающихъ скачки, а объ нихъ никто не говоритъ. Фритъ потому воспользовался Эпсомскими скачками, что онъ открывали широкое поле его наблюдательности, давали

возможность выставить множество типовъ и комическихъ правоописательныхъ сценъ. Наконецъ, въ картинѣ его, скачка собственно не играетъ никакой роли; онъ выбралъ минуту, когда лошади только что проскакали, наступилъ антрактъ, и вся масса публики, спѣша воспользоваться минутой свободы, приходитъ въ страшное движеніе.

Въ экипажахъ и на травѣ суетливо развязываютъ узлы и корзины съ провизіей и напитками; бѣдняки, ждавшіе только этой минуты, протискиваются впередъ въ надеждѣ воспользоваться остатками отъ завтрака богача. Слѣва, надъ толпою развѣваются пестрые флаги безчисленныхъ баракъ и палатокъ: это временные игорные дома и рестораны, куда валятъ джентльмены всѣхъ возрастовъ и состояній; нѣсколько банж, группа спортсменовъ торопливо сводитъ свои счеты; груды гиней и банкнотъ быстро переходятъ изъ кармановъ проигравшихъ пари; кто флегматически покоряется своей судьбѣ, кто выходитъ изъ себя, удваиваетъ ставки и возобновляетъ закладъ; на первомъ планѣ стоитъ, растопыря руки и представляя недоумѣвающую комическую мину, юноша лѣтъ девятнадцати. Ограниченность его умственныхъ способностей бросается въ глаза; увлекаемый тупоумнымъ тщеславіемъ, онъ сунулся было въ кружокъ извѣстнаго рода джентльменовъ, которые окружаютъ себя внѣшнимъ аристократическимъ блескомъ съ цѣлюю приманивать богатыхъ гаупцовъ; по всему видно, юноша подстрекаемый новыми друзьями, кутилъ все утро очертя голову: игралъ въ банкъ, въ рулетку, держалъ заклады, пилъ вино сколько хотѣлось его партнерамъ; отуманенный хмѣлемъ, оглушенный криками, онъ все еще не можетъ взять въ толкъ, какъ люди, часъ еще назадъ бывшіе лучшими друзьями, знать его теперь не хотятъ, и вдобавокъ, какъ это случилось, что въ карманахъ его, набитыхъ утромъ золотомъ и банковыми билетами, — не остается теперь ни полшиллинга! Посреди картины, красивый гаеръ въ трико, обшитомъ блестками, спѣшитъ воспользоваться удобною минутой чтобы дать свое представленіе; онъ разостлалъ по травѣ коверъ, бросился на одно колѣно и нетерпѣливо бьетъ въ ладоши, призывая маленькаго гаера, своего товарища, который между тѣмъ никакъ не можетъ оторвать глазъ отъ вкуснаго завтрака, соблазнительно разложеннаго въ двухъ шагахъ. Вокругъ завтрака расположилась многочисленная семья скромнаго, но честнаго купца; круглыя лица

его и его супруги дышать веселостью; они пожираютъ пироги съ ветчиной, яблоки, сандвичи и пьютъ портеръ, не замѣчая высококомѣрно насмѣшливыхъ улыбокъ двухъ подозрительныхъ дамъ, одѣтыхъ съ неумовѣрною роскошью и развалившихся въ богатой коляскѣ; экипажъ, какъ видно, принадлежитъ молодому денди фамилиарно съ ними бесѣдующему. Но всѣхъ группъ, отдѣльныхъ типовъ и чертъ подмѣченныхъ художникомъ, описать невозможно.

Замѣчательно, между прочимъ, что въ этой обширной картинѣ нѣтъ признака тѣхъ рутинныхъ приемовъ въ композици, которые всегда даютъ произведенію отпечатокъ чего-то преднамѣреннаго, напряженнаго, натянутого. Фритъ какъ будто вовсе не сочинялъ своей картины; самая разнородныя лица и группы вяжутся между собою такъ же натурально какъ въ самой дѣйствительности; картина какъ будто цѣликомъ выхвачена прямо съ натуры и перенесена на полотно. Дальнѣйшіе планы представляютъ безкрайную панораму плоской мѣстности, по которой, въ перспективѣ, движется нѣсколько сотенъ тысячъ людей и экипажей. Тамъ точно также, и въ отдѣльныхъ частяхъ, и въ общей массѣ народа, происходитъ страшное движеніе. Надъ всѣмъ этимъ, мѣстами скользятъ тѣни облаковъ, мѣстами проходятъ лучи свѣта; дальніе планы, постепенно затушевываясь пространствомъ, наконецъ незамѣтно сливаются съ горизонтомъ.

Воздушная перспектива въ этой картинѣ, прозрачность неба, кое-гдѣ тронутаго легкими серебристыми облаками,—сдѣлали бы честь первоклассному пейзажисту. Влажнымъ морскимъ воздухомъ вѣветъ на васъ какъ словно изъ безконечной глубины: воздухъ свободно проходитъ между группами, колышетъ флаги, вуали, заворачиваетъ фалды и мантильи. Кромѣ того что Фритъ блестящій колористъ, онъ еще и превосходный рисовальщикъ. Вы положительно не найдете у него самаго ничтожнаго детала, который бы не былъ тщательно изученъ и выслѣженъ съ натуры.

Все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ Фрита въ рядъ тѣхъ немногихъ художниковъ, которые смотрятъ на свое дѣло съ глубокимъ уваженіемъ, для которыхъ цѣль художественной дѣятельности не спекуляція, а постоянное стремленіе къ усовершенствованію въ любимомъ выше всего искусствѣ. Другія картины Фрита: „Время морскаго купанья“, „Берегъ подлѣ Рамсгета“, „Увеселенія стараго времени“, отличаются

тѣми же достоинствами какъ и „Скачка.“ Я выбралъ для описанія послѣднюю какъ самую новую изъ его картинъ, и кромѣ того, лучше другихъ поддающуюся описанію.

Эта картина пріобрѣтена частнымъ лицомъ за *восемьдесятъ семь тысячъ франковъ*. Выставленная въ German Gallery въ особой комнатѣ, куда входъ полагается по шиллингу, она выручила своему владѣльцу огромный капиталъ. Я забылъ вамъ сказать, что за картину Вильяма Гонта: „Христосъ въ храмѣ“ заплачено художнику также частнымъ лицомъ четыре съ половиною тысячи фунтовъ стерлинговъ (112.000 франковъ). Она выставлена особо, и также принесла состояніе своему владѣльцу.

При такихъ условіяхъ, художнику, конечно, можно работать соп аморге и не торопиться. Но, съ другой стороны, надобно также сказать, что такія баснословныя суммы не даромъ даются. Нужно имѣть много таланта, надо много трудиться, чтобы возбуждать своимъ произведеніемъ любопытство сотенъ тысячъ людей и сдѣлаться популярнымъ въ Англіи, гдѣ болѣе пяти тысячъ живописцевъ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ отличаются болѣе или менѣе значительнымъ дарованіемъ.

Въ числѣ художниковъ, которые какъ Вильки, Мюльреди и Фритъ, выбираютъ преимущественно національныя сюжеты, нельзя не упомянуть А. Саломона. Онъ выставилъ двѣ картины: „Ожиданіе суда присяжныхъ“ и *pendant* къ ней: „Не виновать!“ (Въ этой послѣдней присяжные оправдываютъ обвиненнаго.) Изъ названія ихъ уже видно въ чемъ дѣло. Саломонъ точно также избралъ себѣ главнымъ предметомъ челоуѣка,—его физиономію и отраженіе на ней внутреннихъ душевныхъ движеній. Картины его очень умно сочинены и производятъ для глаза пріятное впечатлѣніе.

За тѣмъ, выставляется цѣлый строй произведеній, которыя, не отступая отъ національнаго характера, представляютъ что-то среднее между наивно-поэтическимъ жанромъ во вкусѣ Мюльреди, и собственно анекдотическимъ или историческимъ. Особенно хороша въ этомъ родѣ картина Эгга „Отвергнутая любовь герцога Бокингема“. Она представляетъ внутренность роскошной гостиной; вокругъ стола съ золочеными скульптурными ножками, въ креслахъ обитыхъ драгоцѣннымъ штофомъ, расположилось нѣсколько молоденькихъ леди. Хорошенькая женщина въ розовомъ атласномъ

корсажъ, кружевныхъ робронахъ обшитыхъ лентами, въ пудреномъ парикѣ украшенномъ перьями и жемчугомъ, воздвигаетъ посреди стола башню изъ картъ; она съ лукавымъ видомъ прикидывается, будто вовсе не замѣчаетъ знаменитаго герцога; тотъ, между тѣмъ, сдвинувъ брови и сжавъ судорожно кулакъ, едва скрываетъ свою досаду. Сосѣдки его шепчутся и въ тихомолку посмѣиваются. Въ глубинѣ, въ дверяхъ сосѣдней комнаты, группа вельможъ играющихъ въ карты. Къ тому же классу надо причислить картины: „Монастырка“ Эльмора; „Дождливый день“ Попа; „Джонъ Бюрьянъ и его слѣпая дочь у воротъ Бедфордской тюрьмы“ Герви; „Письмо эмигранта“ Гемслея; „Сестры милосердія“ Ганаха.

Этотъ послѣдній пишетъ маленькія картины, которыя, по тонкости письма, превышаютъ все, что дѣлается въ этомъ родѣ современными живописцами, не выключая даже знаменитаго Мессонье. Чтобы сдѣлать интересными свои микроскопическія произведенія, Ганахъ не прибѣгаетъ, какъ Мессонье, къ живописнымъ костюмамъ и роскошной обстановкѣ прошлаго столѣтія; онъ беретъ сюжеты свои гдѣ ни попало, лишь бы они были современны. Такова его картина: „Ложа въ театрѣ“. Молодой джентльменъ и леди облокотились на перекладину ложи обитую малиновымъ бархатомъ; первый смотритъ въ бинокль, вторая читаетъ газету. Группа облита яркимъ свѣтомъ, который проникаетъ сквознымъ полусвѣтомъ въ самую отдаленную часть ложи. Съ помощію увеличительнаго стекла, можно было бы, кажется, прочесть статью газеты и различить декорацию сцены отражающуюся на стеклѣ бинокля. Оконечность достигаетъ здѣсь крайнихъ своихъ предѣловъ, и поклонники Міерисовской живописи, могутъ признать въ Ганахѣ новаго идола.

Такъ какъ мнѣ хочется прежде всего ознакомить васъ съ общимъ характеромъ англійской школы и выставить тѣ изъ ея особенностей, которыя составляютъ ея отличіе отъ другихъ школъ Европы, я пропущу безъ вниманія всѣ картины, представляющія восточныя, италіянскія и испанскія сцены. Такихъ произведеній очень много; англійскіе художники много путешествуютъ. По поводу этихъ произведеній можно сказать то же, что говорено было о картинахъ Вильки, взятыхъ изъ италіянской жизни. Нельзя не замѣтить однакожь, что многія изъ нихъ, какъ на примѣръ

испанскія сцены Филипа: „Жена контрабандиста“, „Милостыня“, „Окно темницы“, а также италянскія сцены Гуральстона, невольно обращаютъ на себя вниманіе блескомъ южного колорита и добросовѣстнымъ изученіемъ мѣстныхъ типовъ и природы.

Пробѣгая для памяти листки моихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ на разныхъ выставкахъ Лондона, я пропускаю теперь сразу десятки именъ. Англія такъ богата живописцами, причисленными къ разряду жанристовъ, что одни ихъ имена и названія картинъ заняли бы втрое больше мѣста чѣмъ эти и безъ того уже длинныя письма. Къ тому же, повторяю, я пишу здѣсь не исторію английской живописи, но передаю только личныя впечатлѣнія. Я, слѣдовательно, имѣю полное право дѣлать какія мнѣ угодно отступленія, лишь бы въ общемъ дѣлъ была достигнута; а она состоитъ въ томъ, чтобъ оставить въ вашей памяти тѣ картины, которыя особенно характеризуютъ роды талантовъ и направленіе, господствующее въ живописи Англіи.

Основываясь на этомъ, мнѣ остается еще обратить ваше вниманіе на картину Патона (J. N. Paton) „Ссора Оберона и Титаніи“ (№ 389).

Въ этомъ произведеніи такъ сильно отражается духъ Шекспировской поэзіи и юморъ Британіи; оно до такой степени пропитано английскимъ элементомъ, что слѣдуетъ подолѣе надъ нимъ остановиться. Кромѣ достоинствъ своихъ, какъ художественное произведеніе, картина Патона важна потому еще, что характеризуетъ совершенно особый родъ, который, сколько мнѣ извѣстно, процвѣтаетъ теперь въ живописи только въ Англіи.

Вы, конечно, хорошо знаете содержаніе драматической поэмы Шекспира: *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. Художникъ выобразилъ второе дѣйствіе; оно совершается въ глухой чащѣ волшебнаго лѣса, куда поочередно являются влюбленные: Елена, Гермія и Тезей, гдѣ совершается репетиція Пирама и Тизбы, гдѣ Оберонъ, царь духовъ, и супруга его, волшебница Титанія, ревнуя другъ друга, такъ горячо спорятъ и ссорятся, что „маленькіе сильфы спѣшатъ отъ страха спрятаться въ чашечки отставшія отъ желудей“; гдѣ, наконецъ, изощряется вся ловкость и все пронырство лукаваго домашняго духа, потѣшника Оберона, который сбиваетъ съ дорожки запоздалаго путника, приводитъ въ отчаяніе хозяйку

дома, снимаая у ней по ночамъ сливки, который, по собственному сознанию, „заставляетъ своротить съ дороги борзаго коня, подражая въ отдаленіи ржанію кобылицы; пробирается въ пивную кружку кумушки въ видѣ печенаго яблока, и когда она подноситъ пиво къ губамъ, обливааетъ ея грудь шипящею пѣной, или оборачивается скамейкой, даетъ время старушкѣ усѣсться, чтобы въ ту же минуту выскочить изъ-подъ нея...“

Если смотрѣть на картину Патона издали, глазу представляется только густая чаща лѣса и посреди ея фигуры Оберана и Титаниа, посеребренные лучомъ мѣсяца. По мѣрѣ приближенія, предметы начинаютъ мало-по-малу выдѣляться и принимаютъ одинъ за другимъ странные фантастическіе образы. Вѣтви превращаются въ руки дриадъ, отягченныя листьями, плодами и цвѣтами; складки и трещины древесной коры, мохъ на старыхъ пняхъ, гуца травъ, чаща листьевъ все это, какъ въ волшебномъ видѣніи, растетъ и переплетается, образуя длинныя, темныя и свѣтлыя переходы, гроты, своды, глубокія перспективы, арки и углубленія. Не успѣваешь дать себѣ отчета во всемъ этомъ, какъ уже глазъ открываетъ повсюду жизнь и самое кипучее одушевленіе. Еще ближе, — и переносишься словно въ волшебное царство сновъ, въ дремучій боръ, гдѣ переживаешь тотъ таинственный часъ ночи, когда природа, не обезпокоенная человѣкомъ, открываетъ тайну своего существованія...

Весь фантастическій, неосязаемый міръ духовъ, населяющихъ природу, повинуюсь Оберону и Титаниа (которыя, какъ я замѣтилъ, занимаютъ середину картины), является здѣсь въ полномъ своемъ составѣ. Все это вмѣстѣ, шумя какъ улей, ползаетъ въ травѣ, цвѣтахъ и листьяхъ, снуетъ и лѣзетъ во всѣ стороны, вертится и кувыркается, сверкая въ воздухѣ какъ пыль въ лучѣ солнца.

Тутъ воздушный хороводъ вилился, въ одеждѣ сотканной изъ луннаго свѣта, бѣшено кружится съ саламандрами на гляцовитомъ листѣ водянаго кувшинчика, распластанномъ надъ водою; тутъ же группа эльфовъ силится окунуть въ воду маленькаго уродливаго гнома, который изнемогаетъ въ борьбѣ и дѣлаетъ самыя уморительныя гримасы, стараясь избавить себя отъ купанья. Нѣсколько далѣе, блудящій огонекъ воздвигся вмѣсто фонаря надъ цвѣткомъ водяной

лиліи и освѣщаетъ въ глубинахъ его балъ насѣкомыхъ, пляшущихъ ярую сарабанду, между тѣмъ какъ ландышъ потрясаетъ надъ ними своими бѣлыми колокольчиками, засохшій стволъ травки играетъ роль кларнета, а сверчокъ аросто трещитъ звонкими крылушками какъ мѣдными тарелками, и будто управляетъ здѣсь оркестромъ. Старый громъ, доснящійся отъ металлической пыли, какъ бы испуганный всею этою кутерьмой и музыкой, боязливо прячется подъ тяжелый листъ лопуха; присѣвъ на корточкахъ, онъ бережно пробуетъ на камнѣ твердость золотой монеты, но и здѣсь ему нѣтъ покоя: десятки крошечныхъ ручонокъ судорожно тлутся къ нему со всѣхъ сторонъ, силясь вырвать у него сокровище. Далѣе, нѣсколько маленькихъ фей, смиренно усѣвшись въ кружокъ и пользуясь лучемъ мѣсяца, который проникъ въ скважину, провѣдленную червячкомъ въ цвѣткѣ, занимаются рукодѣльемъ: кто нжетъ ожерелье изъ капель росы, кто усердно развѣтываетъ почку розана какъ какой-нибудь кусокъ матеріи и выкраиваетъ себѣ одѣянье. Крошечная индѣйская пери таинственно шепчется съ сѣвернымъ шаманомъ; карликъ, заботливо укутывая голову бѣлымъ колокольчикомъ павлики и ворчливо укладываясь спать, дуетъ изо всей мочи на пушистый шаръ одуванчика, принимая его, вѣроятно, за свѣчку и боясь, чтобы безъ этой предосторожности не произошло пожара; товарищъ его, взобравшись между тѣмъ на гибкую верхушку длинной травки, аросто борется противъ божьей коровки, червячка и нѣсколькихъ насѣкомыхъ, и повидимому, заботится болѣе всего о томъ чтобы въ этой трудной битвѣ не потерять равновѣсія. Сборище какихъ-то странныхъ личностей съ золотыми кольцами въ носдряхъ, перьями на головѣ и узорами на желтомъ тѣлѣ, укрывшись въ дупло стараго пня, простираются ницъ передъ чудовищнымъ истуканомъ съ бычачьею головой и множествомъ рукъ распростертыхъ въ разныя стороны. Лучи мѣсяца, изламываясь между вѣтвями и лепестками цвѣтовъ, проникаютъ въ глубокую разсѣлину дерева, гдѣ добрая, миниатюрная волшебница подсобляетъ пауку исправить его паутину, испорченную двумя шаловливыми духами, которые, принявъ ее за мастическую сѣтку, прорвали ее, дѣлая свои бѣшенныя эволюціи; неподалеку двѣ хорошенькія нимфы, вытянувшись во всю длину на листѣ лиліи, предаются такому сладкому отдыху, что не замѣчаютъ подкравшихся къ нимъ уродцевъ,

которые, надрываясь со смѣху, пачкаютъ имъ лица золотистую пылью какого-то цвѣтка.

Надъ головой Оберона и Титаніи (размѣрами своими она вчетверо больше остальныхъ фигуръ) роится, какъ въ орелѣ, цѣлый міръ воздушныхъ духовъ ночи, пронизанныхъ насквозь мѣсяцемъ; выше, между вѣтвями, летитъ сова, сверкающая въ темнотѣ фосфорическими зрачками и увѣшанная причудливыми созданіями самаго живаго поэтическаго воображенія.

Кромѣ мистическаго круга духовъ подвластныхъ Оберону и Титаніи, въ этомъ лѣсу кишатъ еще цѣлый міръ мѣстныхъ обитателей, которыхъ поэтъ-художникъ вызвалъ изъ античной греческой мѣологии, и которые, повидимому, совершенно враждебны первымъ. Обнаженные дриады, застигнутыя врасплохъ, пугливо прячутся, заворачиваются въ листья или взбираются на вѣтки, стараясь укрыться отъ пресѣдованій незваныхъ гостей; фавны, сатиры, сивьяны — въ страшной суматохѣ; они выбѣгаютъ изъ всѣхъ угловъ, и какъ бы пылая мщениемъ, вездѣ схватываются съ врагами, ставятъ имъ препятствія, борются, ожесточенно пресѣдуютъ маленькихъ обероновскихъ нимфъ, бросаютъ ихъ въ траву, топчутъ козлиными ногами, или бросаютъ въ цвѣты, жадно обнимаютъ и пламенно цѣлуютъ ихъ.

Голова стараго фавна, оживленная какимъ-то чудомъ, между тѣмъ какъ торсъ и ноги закованы въ мраморный столбъ, лукаво поглядываетъ вокругъ, и весело, снисходительно, какъ греческое божество, улыбается волшебной вакханаліи, созданной воображеніемъ англійскаго художника.

Написавъ такъ много, я ничего еще почти не сказалъ, сравнительно съ тѣми неисчерпаемыми богатствами вымысла и фантазіи, которыми Патонъ населилъ свою картину. Едва ли описалъ я вамъ даже то, что совершается на первомъ планѣ этого замѣчательнаго произведенія, осуществившаго, какъ нельзя лучше, поэтическую мечту Шекспира. Невозможно глубже проникнуть въ тайны сверхъестественнаго; воображеніе, въ минуты самаго пламеннаго поэтическаго настроенія къ фантастическому, едва ли можетъ уловить то что Патонъ умѣлъ облечь въ форму и перенести на полотно.

Онъ показалъ себя здѣсь, между прочимъ, удивительнымъ рисовальщикомъ. Нельзя себѣ представить болѣе безконечнаго разнообразія положеній, поворотовъ, движеній и ракурсовъ;

фигуры представляются перспективно сверху, снизу, летятъ на зрителя головой впередъ, въ три четверти, вертятся въ воздухѣ, словомъ являютъ во всѣхъ позахъ возможныхъ только существамъ созданнымъ изъ пара, свѣта, аромата, и для которыхъ не существуетъ законовъ равновѣсія и тяготѣнія; при всемъ томъ, нѣтъ однакожь линіи, которая бы оскорбляла анатомическую правду.

Не менѣе удивительна картина по своему письму и колориту; съ перваго взгляда, она производитъ странное впечатлѣніе: безчисленное множество отдѣльныхъ группъ и фигуръ, путаясь въ хаотическомъ беспорядкѣ, представляютъ столько же пятенъ; но стоить присмотрѣться ближе и внимательнѣе, и вся эта пестрота незамѣтно, сама собою, исчезнетъ; все войдетъ и сольется въ одинъ общій голубовато-серебристый тонъ, посреди котораго рѣзко выставляются только фигуры Оберона и Титаніи. Когда, мало-по-малу, глазъ успокоится и свыкнется съ непривычными свѣтомъ и тѣнью, составленными изъ лучей мѣсяца, фосфорическаго блеска, безчисленныхъ переливовъ, мерцаній и отраженій, тогда уже съ трудомъ оторвешься отъ картины. Съ каждою секундой, то тутъ, то тамъ, открываешь новыя радужныя и глубокія перспективы, которыя неволью заманиваютъ любопытство, воображеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство эстетическое. Всѣ эти маленькіе эпизоды, о которыхъ старался я дать вамъ приблизительное понятіе; мельчайшіе детали, ихъ окружающіе; цвѣты, зелень, травы, насккомыя, предметы одушевленные и мертвые, при умѣ съ какимъ они сочинены и сгруппированы, исполнены такъ изящно, такъ изумительно тонко, что, право, не знаешь чему больше удивляться: мастерству ли кисти, или поэтической фантазіи художника.

Картины этого рода вообще цѣнятся въ Англіи и всегда вызываютъ большое сочувствіе публики. Быть-можетъ это происходитъ отъ того, что художники по большей части черпаютъ свои сюжеты изъ твореній любимыхъ народныхъ поэтовъ, каковы Шекспиръ, Мильтонъ, Спенсеръ и проч., или заимствуютъ содержаніе въ наиболѣе популярныхъ, старыхъ балладахъ и поэмахъ. Во всякомъ случаѣ, какъ въ старой, такъ и въ новой школѣ, является множество произведеній въ этомъ родѣ. Въ прежнюю пору отличался въ немъ Фюзелли (1742—1825), родомъ Швейцарецъ, и ученикъ Рейнольдса. Не считая Патона, который теперь представитель фантастическаго

жанра, изъ современныхъ художниковъ, болѣе другихъ пользуются извѣстностію Севернъ, Антони и Фростъ. Картина послѣдняго „Уна“, такъ прекрасна, что грѣхъ пропустить ее безъ вниманія... Но дѣлать нечего, надо принять такой грѣхъ на душу, а то, право, не знаю когда бы пришлось остановиться.

III.

Каждый, сколько-нибудь внимательно занимавшійся исторіей живописи, необходимо долженъ былъ замѣтить, что пейзажный родъ процвѣталъ преимущественно тамъ, гдѣ, казалось бы, всего менѣе можно было ожидать этого. Фактъ тотъ, что гдѣ роскошнѣе природа и теплѣе климатъ, тамъ всего менѣе было замѣчательныхъ пейзажистовъ.

Пейзажная живопись, показавшійся въ первый разъ на югѣ въ миниатюрахъ и на фрескахъ, около трехъ столѣтій не дѣлаетъ никакого успѣха; она неизмѣнно остается на степени знака или символа: тоненькій стебелекъ съ нѣсколькими симметрично расположенными листьями представляетъ лѣсъ и замѣняетъ ландшафтъ. Но даже потомъ, въ самое блестящее время для художествъ, когда въ Италиіи всѣ роды искусства достигли высшаго своего развитія, никто специально не разрабатываетъ пейзажа. Только въ половинѣ XVI столѣтія, въ Венеціи, въ картинахъ Джорджоне, Скьявоне, Кампаньололы и особенно Тиціана являются первыя серіозныя попытки. Послѣдній, въ картинѣ: „Убіеніе Св. Петра мученика“, показалъ себя, можно сказать, настоящимъ творцомъ этого рода въ Италиіи. Послѣ него, пейзажную живопись поддерживаютъ: Доменикино, Альбано и братья Каррачи. Всѣ эти художники занимаются ею однакожь случайно, мимоходомъ; ландшафтъ у нихъ не болѣе какъ аксессуаръ.

Пейзажная живопись получаетъ въ Италиіи полное свое значеніе тогда только, какъ являются сюда иностранцы: Пуссенъ, Клодъ-Лорренъ (Желе), Дюгэ (Гаспаръ Пуссенъ) изъ Франціи;—и братья Бриль, Ельцгеймеръ, Ботъ, Бергемъ, Ванъантъ и другіе мастера изъ Фландріи и Голландіи. Собственно изъ италіянскихъ художниковъ, писавшихъ пейзажъ, можно назвать только Сальватора Розу, Муцциано, Лукателли и Каммего; послѣдній, впрочемъ, болѣе извѣстенъ какъ живописецъ

развалинъ и видовъ Венеціи. Въ Испаніи то же самое; здѣсь можно привести одного Мурильо; но и у него ландшафтъ имѣетъ второстепенное значеніе; онъ служитъ только фономъ въ его картинахъ. Принимая во вниманіе свидѣтельство старыхъ и новыхъ писателей, говорившихъ о художествѣ древнихъ,—въ Греціи встрѣчается тотъ же фактъ; тамъ разрабатывались въ совершенствѣ всѣ роды искусства, даже каррикатура, несмотря на законъ Эвиль, требовавшій только подражанія прекрасному и строго взыскивавшій за всякое извращеніе формъ природы; никто, между тѣмъ, не упоминаетъ о существованіи пейзажа какъ особенной отрасли изящнаго.

Совсѣмъ противоположное этому встрѣчается, между тѣмъ, на сѣверѣ. Стоитъ взглянуть на эстампы Альбрехта Дюрера, какъ на примѣръ: „Св. Губертъ на охотѣ“, чтобы замѣтить, что пейзажный родъ обратилъ на себя и прежде и больше вниманія въ Германіи чѣмъ въ Италіи. Чѣмъ ближе подвигается къ сѣверу, тѣмъ очевиднѣе становится эта особенность. Едва во Фландріи и Голландіи возникаетъ искусство, пейзажная живопись тотчасъ же становится серіозною отраслю; ею занимаются съ любовью, со страстію; она уважается наравнѣ съ другими родами живописи; ей исключительно посвящаютъ себя многіе великіе мастера. Въ туманной, плоской Голландіи она пускаетъ такія могучія вѣтви, что скоро дробится на спеціальности: одни пишутъ деревья, другіе воду, третьи животныхъ, четвертые цвѣты, плоды и т. д.

Странный съ перваго взгляда фактъ, что пейзажная живопись принялась сравнительно слабо тамъ гдѣ природа раскрывается во всей красѣ своей, и наоборотъ, проявляется во всей силѣ своей посреди тумановъ и унылой мѣстности, объясняется, мнѣ кажется, столько же внѣшними климатическими условіями, сколько свойствами темперамента южнаго и сѣвернаго племени.

У южныхъ народовъ, живущихъ, благодаря климату, всегда на воздухѣ, глазъ на глазъ съ природой, не могло быть такой сильной потребности искусственнаго воспроизведенія ея; какими бы средствами ни владѣла живопись, она никогда не могла бы вполне передать лучезарное сіяніе южнаго голубаго неба, прозрачность воздуха, мягкую яркость отдаленныхъ горъ, блескъ красокъ въ соединеніи съ тѣми красотами линий, которыя составляютъ принадлежность южнаго ландшафта;

какъ бы ни была хороша картина, она, при сравненіи съ дѣйствительностію, всегда проигрывала бы слишкомъ явно; она всегда была бы неудовлетворительнымъ, жалкимъ подражаніемъ того волшебнаго оригинала, которымъ круглый годъ можно безпрепятственно любоваться. Въ позднѣйшее время, пейзажъ не сдѣлался на югѣ отраслію искусства потому также, можетъ-быть, что ему мѣшала, отчасти и религія; она слишкомъ исключительно направляла умъ и воображеніе художниковъ къ изображенію духовнаго міра; живость воображенія и пылкость темперамента охотно поддавались такому увлеченію. Природа въ томъ естественномъ видѣ, какъ она представлялась, никого не удовлетворяла; она казалась слишкомъ обыкновенною, матеріальною. Не даромъ считали ее недостойною занять серіозное мѣсто въ искусствѣ, не даромъ низводили ее на степень аксессуара и фона картины.

На сѣверѣ, напротивъ, все способствовало процвѣтанію ландшафта въ живописи.

Тамъ климатъ поневолѣ заставляетъ человѣка вести замкнутую жизнь; человѣку дается такой короткій срокъ пользоваться даже тѣми сравнительно бѣдными красотами природы, которыя его окружаютъ, что онъ, весьма естественно, долженъ желать продлить такое наслажденіе. Сидя дома и видя изъ окна столько мѣсяцевъ въ году туманы, снѣгъ или дождикъ, онъ радъ встрѣтить хоть напоминаніе того чѣмъ такъ скудно и на такое короткое время надѣлила его природа. Какъ же не обрадоваться ему той формѣ искусства, которая идетъ на встрѣчу его желанію, вноситъ въ его жизнь лишнюю радость, вознаграждаетъ за лишеніе, которое ему такъ чувствительно. Пейзажная живопись привилась на сѣверѣ такъ скоро, благодаря, вѣроятно, тому также, что человѣкъ здѣсь, будучи по натурѣ болѣе положительнымъ и созерцательнымъ, охотнѣе всматривался въ предметы внѣшней, вещественной природы и скорѣе удовлетворялся ими чѣмъ житель юга.

Разница нравственныхъ свойствъ и климатическихъ условій, весьма натурально, должна была ярко отразиться въ пейзажной живописи юга и сѣвера. Стоитъ взглянуть на пейзажъ Италіянца и Голландца, чтобъ убѣдиться какъ мало въ нихъ общаго; самое несходство природы сѣвера и юга не бросается такъ рѣзко въ глаза, какъ разница въ чувствѣ,

во взглядѣ, въ способахъ художественнаго воспроизведе-
 нія природы. Тогда какъ въ Италіи исключительно почти
 процвѣтаетъ такъ-называемый историческій, идеальный пей-
 зажъ, въ которомъ изображаются избранныя красоты при-
 роды, находятъ мѣсто только облагороженныя ея формы, —
 пейзажъ, въ которомъ не столько выражается дѣйстви-
 тельность, сколько ея поэтическое идеальное представленіе; во
 Фландріи и Голландіи художники, наоборотъ, стремятся
 передавать природу въ ея повседневной дѣйствительно-
 сти. Художниками Голландіи руководятъ въ пейзажѣ тѣ
 же самыя свойства, которыя отражаются у нихъ въ кар-
 тинахъ религіознаго содержанія, гдѣ матеріальное чувство
 беретъ перевѣсъ надъ духовнымъ, гдѣ идеальная красота при-
 носится въ жертву натуральнымъ формамъ. Но матеріальныя
 свойства Голландца приносятъ однакожъ въ пейзажѣ совсѣмъ
 другіе результаты; то, что мѣшало голландскимъ художни-
 камъ достигнуть въ картинахъ религіознаго содержанія,
 идеала духовной красоты, которая такъ высоко ставитъ
 Италианца; — то, что заставило сказать о Рубенсѣ, что онъ
 улетѣлъ бы на небо, еслибы не придерживала его къ землѣ
 тяжесть голландскаго сыра: — то самое въ пейзажной живо-
 писи обращается прямо въ пользу голландскаго живописца и
 ставитъ его выше всякаго другаго. Его реализмъ и по-
 ложительность не исключаютъ въ его душѣ присутствія тон-
 каго поэтическаго чувства; прикрѣпляя его къ вещественному
 міру, они сблизили его, сроднили съ природой, развили въ
 немъ любовь къ ней, помогли короче съ нею ознакомиться, и
 такимъ образомъ дали ему возможность передавать ее во всей
 ея поэтической правдѣ.

Чтобы разрѣшить, чей взглядъ на природу вѣрнѣе въ при-
 ложеніи его къ пейзажной живописи, и какой пейзажъ, гол-
 ландскій или италіанскій, ближе достигаетъ своей цѣли, надо
 прежде всего обратиться къ собственному чувству; вообще
 говоря, нельзя сказать чтобы ландшафтъ Пуссена, Дюге,
 или Лоррена, сильнѣе дѣйствовалъ на душу и пробуждалъ въ
 ней такое поэтическое чувство, какъ пейзажи Рюйздаля и
 Гоббеми.

Все сказанное мною о пейзажной живописи Голландіи и
 Фландріи, совпадаетъ какъ нельзя лучше съ исторіей этого
 рода искусства въ Англии. Здѣсь точно также, съ первыхъ
 шаговъ живописи, пейзажный родъ дѣлается одною изъ

самыхъ важныхъ и любимыхъ отраслей художества; реализмъ точно также проявляется во всей своей силѣ съ самыхъ первыхъ попытокъ.

Такое направленіе тѣмъ удивительнѣе въ Англии, что тамъ, долго до появленія перваго національнаго пейзажиста, находилось множество знаменитѣйшихъ ландшафтовъ Пуссена и Лоррена; не было художника, который бы, въ свое время, сотни разъ не имѣлъ ихъ передъ глазами; кромѣ того, въ то самое время, вездѣ, гдѣ только процвѣтала живопись, и преимущественно во Франціи, господствовалъ еще во всей своей силѣ жанръ пейзажа, который былъ въ самомъ крайнемъ противорѣчii съ реализмомъ.

Художники исключительно держались двухъ методовъ. Одни, рабски подражая Пуссену и Лоррену, *сочиняли* свои картины, составляя ихъ подобно этимъ двумъ мастерамъ, изъ отдѣльныхъ этюдовъ, снятыхъ впрочемъ съ природы; этюды эти дѣлались по большей части не красками, а карандашомъ или сепіей; въ этомъ легко удостовѣриться по рисункамъ Пуссена и Лоррена, сохраняющимся въ музеяхъ Европы и частныхъ коллекціяхъ; въ Англии, между прочимъ, у герцога Девонширскаго существуетъ знаменитое собраніе этюдовъ и рисунковъ Лоррена; всѣ они сдѣланы сепіей. Для составленія ландшафта выбирались только тѣ деревья, скалы, водопады, облака и зданія, которыя казались наиболѣе красивыми и подходящими къ характеру сочиняемаго ландшафта; за тѣмъ все разставлялось какъ декорацию въ театрѣ; оставалось привести эти отдѣльныя части въ общую гармонію, дать имъ характеръ времени года или освѣтить ихъ такимъ образомъ, чтобъ обозначался часъ дня; все это, то-есть, собственно уже картина, писалась *на память*. Ландшафты такого рода, получившіе названіе классическихъ или историческихъ, потому, вѣроятно, что фигуры на нихъ представляли большею частію эпизодъ изъ древней языческой или священной исторіи, могли быть хороши только у такихъ мастеровъ какъ Лоррентъ или Пуссенъ; высокія художественныя достоинства этихъ живописцевъ отражались въ ихъ произведеніяхъ; они придавали имъ какую-то особенную поэтическую величавость. Нельзя не сознаться однакожь, что метода сама по себѣ была крайне ложная. Это доказывается тѣмъ, что какъ только стали ея руководствоваться послѣдователи Пуссена и Лор-

рена, она привела ихъ къ самому жалкому результату; избавляя художниковъ отъ труда строго изучать природу и писать прямо съ натуры, она скоро обратила искусство въ механизмъ и рутинерство. Пейзажная живопись сдѣлалась ремесломъ весьма схожимъ съ трафаретнымъ. Стоило набить руку и заучить извѣстныя формы деревь, скалъ и мѣстности,—они неизмѣнно являлись у художника во всѣхъ его картинахъ; въ извѣстномъ случаѣ писались такія-то деревья, въ другомъ такія-то. Все это оправдывалось тѣмъ, что такъ требовали законы строгой эстетики. „Живописецъ, который подражаетъ другому, какъ бы великъ ни былъ послѣдній,—говорить Леонардо да-Винчи,—перестаетъ быть сыномъ природы; онъ превращается въ ея внука.“ Другая метода,—слѣдствіе первой и установившаяся позже,—состояла въ томъ чтобы выдумывать ландшафтъ прямо изъ головы, не заботясь даже присматриваться къ дѣйствительности,—словомъ выдумывать природу. Эта метода привела къ тѣмъ фальшиво-приторнымъ пастушескимъ видамъ и мѣологическимъ садамъ съ голубыми деревьями, которые процвѣтали сначала во Франціи, потомъ во всей Европѣ въ эпоху Лудовика XV и XVI.

Ни одинъ изъ этихъ способовъ не принялся въ Англии. Совѣтъ Стерна: „Не заботьтесь о предписаніяхъ и догматахъ школы; дѣйствуйте какъ знаете, по собственному побужденію, во только дѣйствуйте прямо на сердце!“ какъ будто взяты быль за девизъ английскими пейзажистами. Ландшафты, Пуссена и Лоррена, даромъ что всегда высоко цѣнились въ Англии и жадно приобрѣтались охотниками, не имѣли здѣсь какъ я замѣтилъ, никакого вліянія; они такъ же мало подѣйствовали на здѣшнихъ историческихъ живописцевъ какъ италянскія картины высокаго стила; въ обоихъ случаяхъ національное чувство не даетъ побѣдить себя чужеземному вліянію. Классическій пейзажъ производитъ только двухъ послѣдователей: Томсона и Уильсона, — отчасти также Филдингга. На выставкѣ, гдѣ старались представить всю школу во всей ея полнотѣ, находятся образчики ихъ кисти; одно названіе ихъ произведеній: „Развалины въ окрестностяхъ Тиволи“, „Истребленіе дѣтей Ніобеи“ (фигуры Мортимера), „Аполлонъ и времена года“,—достаточно доказываютъ, что тутъ нѣтъ ничего національнаго. Но ими и оканчивается этотъ родъ. Генсборо (1727—1788), основатель

національнаго пейзажа въ Англіи, наноситъ классическому ландшафту первый и послѣдній смертный ударъ.

Благодаря ли внутреннему сродству во вкусахъ и стремленіяхъ Англичанъ и Голландцевъ, благодаря ли чувству той врожденной независимости составляющей черту Англичанъ, но только начиная съ Генсборо, —англійскіе пейзажисты, точно такъ же какъ Рюйзаль и Гоббема, признаютъ одного только профессора—природу. Они съ перваго шагу становятся на настоящую дорогу, вокругъ которой, со времени Голландцевъ, болѣе ста лѣтъ бродили остальные пейзажисты Европы. Замѣчательно, что здѣсь съ ландшафтною живописью было то же что съ исторической: она не проходитъ періоды постепеннаго возрастанія, но сразу, безъ приуготовленій и колебаній, становится на ту высокую степень полного развитія, до которой развѣ только теперь, въ позднѣйшее время, доросла она въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Франціи. Сравните любой ландшафтъ Генсборо съ картинами любого современнаго первокласнаго художника Европы: вы увидите, что въ послѣднихъ не сказано ничего новаго, не сдѣлано никакого усовершенствованія ни въ какомъ отношеніи. Правда и поэзія соединяются у Генсборо съ тою страшною свободою исполненія, которую и теперь еще ищутъ многіе художники, которая и теперь въ иныхъ школахъ кажется новостію. Въ то время какъ во Франціи условный классическій пейзажъ былъ во всей своей силѣ, и первымъ пейзажистомъ считался давно забытый Мшалоуъ (Michalon), Англія имѣла уже пейзажистовъ, имена которыхъ навсегда останутся въ исторіи искусства.

Этихъ художниковъ слѣдуетъ считать настоящими основателями той школы, той манеры въ пейзажѣ, которая усвоилась теперь въ Европѣ. „При видѣ англійскихъ пейзажей на Манчестерской выставкѣ, говоритъ Бланъ въ книгѣ своей *Les Trésors de l'art à Manchester*, я убѣдился окончательно кому обязаны наши теперешніе художники перевороту сдѣланному ими въ пейзажѣ; кто первый содѣйствовалъ тому, чтобы выгнать у насъ со сцены сентиментальныя виды и ультра-миѳологическіе сады; одинъ Констебль сдѣлалъ въ этомъ отношеніи цѣлую революцію. Отъ него собственно происходятъ Дюпре и Тройкъ; не менѣе обязаны мы Тэрнеру, Стенфильду, Бонингтону“ и пр. То же самое говорятъ

Планшэ, Бюргеръ, Вилло, и другіе иностранные критики ка-
савшіеся живописи въ Ангаіи.

Переворотъ, сдѣланный английскими пейзажистами, въ са-
момъ дѣлѣ очень важенъ. Не ухитряясь сортировать приро-
ду или отыскивать въ ней только красивѣйшія явленія, но
считая въ ней все достойнымъ изученія, они первые научили
смотреть на нее настоящими глазами. Въ ихъ картинахъ, въ
первый разъ, знакомишься съ тою широкою, свободою мане-
рой исполненія, которая ближе всего подходитъ къ истинѣ.
Они вислолько не виноваты, что реализмъ, основанный ими и
привившійся такъ скоро, принявъ въ послѣдствіи грубую, уз-
кую форму, которая справедливо подвергается гоненіямъ
отъ пуристовъ. Англійскіе художники, тѣ по крайней мѣрѣ
которые во главѣ школы, проповѣдая реализмъ, не думали
посагать на эстетическій принципъ. Картины Гонта, какъ
послѣднее выраженіе господствующаго реальнаго направ-
ленія, служатъ, кажется, яснымъ тому доказательствомъ;
пейзажисты всегда держались того же направленія. Изоб-
ражая природу во всей ея истинѣ, они прежде всего
старались передать *впечатленіе*, которое оставляетъ въ ду-
шѣ такая-то мѣстность, предметъ или моментальное явленіе
природы. Достигнуть такой цѣли можно тогда только, когда
художникъ сильно почувствуетъ то что должно перейти
на полотно; ничтожнѣйшій предметъ, пройдя такимъ обра-
зомъ сквозь личное задушевное чувство художника и обо-
грѣтый имъ, уже лишается своей грубой матеріальной на-
готы; онъ получаетъ смыслъ, просвѣчиваетъ чѣмъ-то жизнен-
нымъ и дѣлается интереснымъ. Что особеннаго, напримѣръ,
въ картинѣ Генсборо, „*Cottage Door*“ (дверь коттеджа)? Она
представляетъ бѣдную хижину запрятанную въ зелени; на
ея порогѣ семейство; оно вышло подышать вечернимъ воз-
духомъ и полюбоваться яснымъ закатомъ, который блещетъ
между старыми пнями и вѣтвями деревъ; а нельзя между тѣмъ
оторваться отъ картины. Поэтическое чувство, вложенное
въ нее художникомъ, мгновенно передается душѣ зрителя
и дѣйствуетъ сильнѣе красота природы разсыпанныхъ въ
другихъ картинахъ, но не согрѣтыхъ душою художника.

Не считая картинъ въ Национальной Галлерей и въ другихъ
собраніяхъ Лондона, на одной международной выставкѣ
въ отдѣленіи англійскаго художества, можно встрѣтить

нѣсколько десятковъ такихъ ландшафтовъ, которыхъ, увидавъ разъ, никогда уже потомъ не забудешь. Большая часть подписана чаще всего одними и тѣми же именами: Констеблъ, Тэрнеръ, Кромъ, Стенфильдъ, Бонингтонъ, Мореландъ. Художники эти такъ же популярны въ своемъ родѣ и занимаютъ въ національномъ искусствѣ такое же почетное мѣсто какъ Вильки, Коллинсъ, Гонтъ, Вебстеръ, Мюльреди, Фритъ.

Къ сожалѣнiю, пейзажный родъ всего труднѣе поддается описанiю. Чтѣ сказать о картинахъ, которыя разнятся одна отъ другой оттѣнками свѣта едва уловимыми для глаза, и характеръ которыхъ опредѣляется болѣе или менѣе схожими деревьями, скалами, водою, изгибами мѣстности такъ или иначе расположенными? То чтѣ сразу объясняется и дѣлается понятнымъ для глаза, невольно ускользаетъ при описанiи. Ничего болѣе нельзя сдѣлать какъ только выказать особенности отличающiя одинъ талантъ передъ другимъ. Этимъ способомъ выскажется само собою направление, и выступитъ общiй характеръ англiйской школы по пейзажной части.

Если попрежнему держаться хронологическаго порядка, то непосредственно за Генсборо надо назвать Мореланда (1764—1804). Картины его: „Морской берегъ“, „Цыгане въ лѣсу“ и другiя, которыя привелось мнѣ видѣть, пользуются въ Англии большою извѣстностiю. Популярность Мореланда основывается прежде всего на томъ, мнѣ кажется, что, въ свое время, онъ дѣлательнѣе другихъ началъ писать во вкусѣ созданномъ Генсборо и вошедшемъ тогда въ моду. Онъ перенялъ у великаго мастера только внѣшнюю сторону его таланта. Генсборо писалъ широко и бойко; Мореландъ довелъ бойкость до такой степени, гдѣ она переходитъ за извѣстную черту и дѣлается уже недостаткомъ. Картины его похожи скорѣе на эскизы, писанные съ природы, чѣмъ на строго выполненные произведенiя; но это еще не бѣда; мало ли эскизовъ, которые въ художественномъ отношенiи стоятъ неизмѣримо выше картинъ совершенно оконченныхъ! Съ бойкостiю Мореланда можно еще примириться; она выкупается необыкновенною свѣжестiю колорита и чѣмъ-то огненнымъ, страстнымъ въ приѣмъ. Дѣло въ томъ, что картины его представляютъ всегда такiе мотивы, которые, особенно въ ландшафтахъ, всего менѣе способны оставлять выгодное впечатлѣнiе на зрителя. Природа у него постоянно въ напряженномъ состоянiи:

деревья крутятся и гнутся под напором вѣтра; вихрь вьется по полянѣ, поднимая цѣлую тучу листьевъ; все въ тревогѣ, въ безпокойствѣ, даже самыя фигуры; передъ картинами Мореланда всегда ждешь чего-то: ждешь, не сломится ли то дерево, не сорветъ ли шапку съ этого всадника, не унесетъ ли вихремъ соломы съ кровли; отходишь отъ нихъ съ неудовлетвореннымъ чувствомъ, и въ этомъ ихъ главный недостатокъ; цѣль живописнаго искусства, и тѣмъ болѣе въ пейзажѣ, тогда только вполне достигнута, когда, дѣйствуя эстетически, оно пробуждаетъ въ душѣ спокойное созерцательное ощущеніе.

Рядомъ съ произведеніями Мореланда висятъ ландшафты Крома. Съ этимъ художникомъ англійская публика познакомилась только въ настоящее время; даже любители говорили о немъ по наслышкѣ. Кромъ, между тѣмъ, засталъ еще въ живыхъ Генсборо и былъ современникомъ Мореланда. Старый Кромъ (old Cromie), какъ его теперь прозвали, по всей вѣроятности, даже не подозрѣвалъ въ себѣ присутствія огромнаго таланта. Человѣкъ смиренный, отецъ многочисленнаго семейства, онъ проживалъ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей Англiи, не помышляя о славѣ и Лондонѣ, и довольствуясь продажей своихъ картинъ мѣстнымъ фермерамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Жизнь и нравъ его какъ нельзя болѣе отражаются въ его произведеніяхъ. Представляя самую простую неэффективную мѣстность: „Опушка лѣса“, „Группа деревьевъ“, „Большой дубъ“, „Старая пристань въ Ярмутъ“, картины его проникнуты сильнымъ чувствомъ природы. Мотивъ освѣщенія всегда одинъ и тотъ же: яркій блескъ зари тихаго лѣтняго вечера. Картины Крома тѣмъ именно останавливаютъ на себѣ вниманіе, что сразу дѣйствуютъ на душу, пробуждая въ ней цѣлый міръ сладчайшихъ воспоминаній. Тихіе, свѣтлые лѣтніе вечера, которые болѣе или менѣе заставляли каждого изъ насъ въ мечтательномъ настроеніи, воскресаютъ въ памяти при видѣ ландшафтовъ Крома; они какъ бы сосредоточены въ этихъ ландшафтахъ: такъ вѣрно передано и схвачено общее впечатлѣніе мотива. Письмо его бойкое, доходящее иногда даже до дерзости какъ у Мореланда, не вредитъ такому эффекту; напротивъ, не давая развлекаться деталями, оно еще сильнѣе сосредоточиваетъ вниманіе на общемъ ансамблѣ. Сочность кисти даже идетъ какъ-то къ широкимъ изгибамъ мѣстности

въ его картинахъ; она согласуется съ большими массами раскидистыхъ деревьевъ, стоящихъ въ величавомъ покоѣ и какъ бы вѣжащихся въ пурпурѣ заката. Съ первыхъ дней выставки, весь Лондонъ заговорилъ о Кромѣ какъ о значительномъ художникѣ. Отнынѣ ему опредѣлено и отведено одно изъ почетныхъ мѣстъ въ національной школѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ по порядку: Насмита „Ландшафтъ“, „Прудъ со шлязами“; Гофлянда „Ричмондскій холмъ“; Шалона „Гастингсъ“, „Деревня“; Стенфильда „Старая Голландія“, „Ричмондъ“, и т. д. Имена этихъ живописцевъ отмѣчены въ моихъ замѣткахъ особымъ знакомъ, — лучшее доказательство, что произведенія ихъ произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Изъ нихъ лучше всѣхъ, по моему, Стенфильдъ. Онъ въ высшей степени обладаетъ способностію неизгладимо запечатлѣть въ памяти зрителя тѣ моменты природы, которые вздумаетъ набросать на полотнѣ кистию. Поэтическое чувство лежитъ въ основаніи всѣхъ его твореній; онъ не приноситъ ему въ жертву техники, даромъ что Стенфильду легче было бы извинить неряшество кисти чѣмъ всякому другому. Онъ началъ свое поприще съ того что былъ декораторомъ. Поэзія въ его картинахъ скорѣе даетъ себя чувствовать въ прелести деталей чѣмъ выходитъ изъ общаго состава картины. Талантъ Стенфильда обнимаетъ всѣ роды живописи, гдѣ только играетъ главную роль природа. Морскіе виды его не уступаютъ его ландшафтамъ. Картина: „Барка, уносимая бурей“, по своей силѣ и поэтической правдѣ, можетъ стать на ряду только съ „Морскимъ видомъ“ Калькота, который считается въ Англіи первымъ морскимъ живописцемъ, а это много значить, потому что изъ числа англійскихъ живописцевъ можно привести цѣлый десятокъ превосходнѣйшихъ маринистовъ.

Приходится однакожь умолчать о нихъ, точно также, какъ пришлось только мелькомъ упомянуть о Стенфильдѣ и Калькотѣ. Намъ еще предстоитъ поговорить о трехъ художникахъ: каждый изъ нихъ отдѣльно выражаетъ особое направленіе; взятые вмѣстѣ, они сосредоточиваютъ въ себѣ общій характеръ пейзажной живописи Британіи. Художники эти: Констебль, Тэрнеръ и Бѳнингтонъ.

По крайнему моему разумнію, Констебль выше ихъ всѣхъ. Какъ пейзажистъ, онъ во многихъ отношеніяхъ выше Генсбс-ро. Сила его, какъ у всякаго геніяльнаго художника, мгновенно

охватывает зрителя и покоряет его въ свою пользу; она сразу сказывается въ его произведеніяхъ; она дѣйствуетъ особеннымъ какимъ-то обаяніемъ, чѣмъ-то влекущимъ къ произведенію, сначала даже мимо качествъ письма, колорита и красоты въ общемъ составѣ картины. На выставкѣ множество его произведеній: „Сализбурійскіе луга“, „Долина въ Генмингельскомъ паркѣ“, „Телъга съ сѣномъ“, „Гемстедскій берегъ“, „Просѣка“, „Шлюзъ“, „Ферма въ долину“; но положительно не знаешь какой изъ нихъ отдать преимущество. Каждая вызываетъ удивленіе. Остановишься передъ первой,—думаешь, что ничего ужъ не можетъ быть совершеннѣе; подходишь рядомъ къ другой,—думаешь то же самое.

Въ общемъ своемъ характерѣ, ландшафты Констебля не имѣютъ ничего сочиненнаго, придуманнаго, а между тѣмъ они, очевидно, не рабская копія съ природы. Изъ всего видно, что художникъ выбиралъ мѣстность не потому только что она красива и представляетъ выгодный мотивъ для картины, но потому что прежде всего она отвѣчала личному его чувству, его внутреннимъ наклонностямъ, тронула его сердце. Производя свои пейзажи, Констебль какъ будто смотритъ на природу глазами увлажненными слезами нѣжнаго умиленнаго чувства; въ нихъ душа художника какъ бы заодно работаетъ съ кистію; такова, на примѣръ, картина его: „Просѣка“.

Между высокими деревьями опутанными снизу кустарникомъ и плутомъ, проходитъ колеиная дорога, поперекъ исполованная тѣнями и свѣтомъ. По ней поднимается стадо; собака остановилась и задумчиво смотритъ въ даль; пастухъ, между тѣмъ, плашмя улегшись на траву, пьетъ изъ ручья съ помощію ладони; въ глубинѣ хмѣлевой садъ, а дальше зеленѣющіе холмы увѣчаные розовыми черепичными крышами фермъ. Во всемъ этомъ столько тишины, столько наивнаго кроткаго чувства, что сердце невольно располагается къ мирной сельской жизни. Другой ландшафтъ: „Ферма въ долину“, по моему, еще сильнѣе удовлетворяетъ этому чувству. При всей своей правдивости и простотѣ, это такой поэтической уголокъ земли, который могъ бы, кажется, примирить самаго закоснѣлаго мизантропа съ жизнью. Одна изъ самыхъ удивительныхъ картинъ Констебля,—„Шлюзъ“, № 320; она изображаетъ выложенную дерномъ канаву, наполненную водой и перехваченную на первомъ планѣ массивнымъ старымъ

шлюзомъ. Темныя перекладыны съ висящею желѣзною цѣпью рѣзко отдѣляются, вмѣстѣ съ стоящею на плотинѣ фигурою человѣка, на сѣромъ горизонтѣ; надъ ними одиноко возвышается столѣтній вязъ. Ничего кажется не можетъ быть проще, и однако картина эта справедливо считается однимъ изъ лучшихъ произведеній мастера. Сколько бы вы ни ѣздили по Англiи, она сразу приведетъ вамъ почему-то на память всѣ впечатлѣнія когда-либо навѣянные страной.

Въ общемъ своемъ дѣйствии, картины Констебля пробуждаютъ мысль о тѣхъ блестящихъ серебристыхъ дняхъ ранней весны, когда, къ послудню, небо неожиданно покрывается первыми дождевыми тучами, когда тѣни отъ нихъ, захватывая мѣстами поля, холмы и луга, рѣзко выдають яркость зелени, свойственную этому времени года. Природа Англiи, ея влажная атмосфера, туманъ сквозь который просвѣчиваетъ солнце, зелень сверкающая послѣ дождя, сѣрыя тучи несомыя порывами морскаго вѣтра, — все это находить себѣ въ Констеблѣ лучшаго переводчика. Бѣнистеръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ любителей живописи и современникъ Констебля, не даромъ говорилъ: „Глядя на картины Констебля, чувствую всегда свѣжесть воздуха на моемъ лицѣ;“ не даромъ повторялъ за нимъ Фузелли, съ свойственнымъ ему юморомъ: „Картины Констебля заставляютъ меня всегда спохватиться: со мной ли зонтикъ?“ Картины его не всегда однакожь изображаютъ дождливое ненастное время. Сколько у него и лучезарныхъ дней и вечеровъ! Произведенія его поражаютъ чѣмъ-то новымъ, неожиданнымъ даже между ландшафтами его соотечественниковъ. Онъ былъ совершенно искрененъ когда говорилъ въ своихъ письмахъ: „Сядясь съ палитрою и кистию передъ природою, я прежде всего стараюсь забыть, что я когда-нибудь видѣлъ какое-нибудь произведеніе живописи.“ Въ изображеніи тучъ и вообще неба Констебль положительно оставляетъ за собою все что было сдѣлано по этой части въ живописи. Небо играетъ у него важную роль; оно даетъ всегда главный тонъ, главный аккордъ въ картинѣ; оно всегда поддерживаетъ силу общаго впечатлѣнія; по тучамъ и цвѣту ихъ, вы сразу заключите о силѣ и направленіи вѣтра, о времени года; кромѣ того, облака какъ бы для того здѣсь, чтобъ еще больше расширить просторъ и дать еще больше глубины воздушной перспективѣ. „Я сдѣлалъ съ величайшимъ тщаніемъ

пятьдесят больших этюдовъ неба,“ писалъ онъ въ 1822 году другу своему Лесли. Эти этюды сохранены; они писаны масляными красками на листахъ масляной бумаги; на оборотѣ они исписаны замѣтками касательно направленія вѣтра, времени года, положенія солнца. Деревья, растительность, вода, земля, камни, изучались имъ внимательно. Не было художника, который бы такъ любилъ природу, какъ Констеблъ. Биографы его приводятъ какъ фактъ, что стоило написать изъ деревни: „Пріѣзжай, я открылъ вдоль рѣчки три великолѣпныя старыя дерева“, — Констеблъ бросалъ мгновенно мастерскую, и стремглавъ бѣжалъ изъ Лондона. Констеблъ рѣдко, едва замѣтно, останавливается на деталяхъ; въ этомъ отношеніи манера его схожа съ манерой Генсборо и Крома. Нѣтъ однакожъ такого дерева и растенія, которыя не выказывали бы съ перваго взгляда своего характера. Все писано сочно, жирно, исполнено той точности но вмѣстѣ съ тѣмъ и той неотчетливости, которая замѣтна въ самой природѣ, гдѣ рѣзкость контура всегда пропадаетъ и какъ бы таетъ въ воздухѣ и блескъ свѣта. Многимъ не нравится эта сочность письма, которою, сколько помню, особенно отличается между нашими художниками покойный Лебедевъ; много упрекали въ этомъ Констебля при его жизни; онъ отвѣчалъ всегда, что пишетъ такъ не изъ принципа, не по принятой методѣ, а потому что способъ этотъ кажется ему самымъ удобнымъ передавать природу такъ какъ онъ ее чувствуетъ.

Картины Констебля такъ несхожи характеромъ своимъ съ произведеніями Тёрнера, что переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ, поражаетъ такъ же неожиданно, какъ иногда въ театрѣ перемена декораціи: мирный сельскій видъ представлявшійся сначала, величественныя деревья и пространныя луга отъ которыхъ вѣяло запахомъ скошенаго сѣна и зелени осыпанной дождемъ, — вдругъ исчезли, чтобы дать мѣсто волшебнымъ, фантастически неопредѣленнымъ перспективамъ, облитымъ яркимъ свѣтомъ, въ которомъ переливаются столбы сѣвернаго сіянія и играютъ радуги.

Первый разъ какъ я увидалъ картины Тёрнера, онѣ не то чтобы мнѣ не понравились: сила таланта инстинктивно давала себя въ нихъ чувствовать и невольно влекла къ нимъ; но я не могъ дать себѣ яснаго отчета въ своемъ ощущеніи и внутренно раздражался, чувствуя, что тамъ есть что-то такое

что я не совершенно понимаю, что мнѣ недоступно. Припоминая все что приводилось читать о Тэрнерѣ, я не могъ объяснить себѣ восторженныхъ похвалъ его соотечественниковъ. Мало-по-малу однакожь, по мѣрѣ того какъ я заживался въ Англіи, картины Тэрнера замѣтно производили на меня другое дѣйствіе. Неправдоподобность, которая съ перваго раза особенно поражала, перестала удивлять меня. Не скажу чтобы время, давшее мнѣ возможность присмотрѣться къ произведеніямъ Тэрнера, сдѣлало меня его поклонникомъ; какъ прежде, такъ и теперь похвалы Англичанъ кажутся мнѣ преувеличенными; никакъ не могу согласиться чтобы Тэрнеръ былъ „величайшимъ пейзажистомъ когда-либо существовавшимъ“ или, какъ называетъ его г. Роскинъ въ своихъ запискахъ, чтобы онъ „былъ пророкомъ посланнымъ отъ Бога, чтобы открыть тайны вселенной.....“. Но съ другой стороны, еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ Плайна и Мерсе, которые называютъ его ни болѣе, ни менѣе какъ пустымъ фантазеромъ. Неправедливость ихъ основывается на томъ, что они вѣроятно судили о картинахъ Тэрнера по эстампамъ; но главное: и тотъ и другой не знакомы, вѣроятно, съ природою Англіи. Лица не бывавшія на южныхъ моряхъ и на востокѣ всегда какъ-то недовѣрчиво смотрятъ на картины гдѣ вода ярко голубаго или зеленого цвѣта, гдѣ скалы и зданія охваченныя закатомъ горятъ какъ бы облѣпленные фольгой. Чтобы вѣрно судить о произведеніи искусства, и тѣмъ болѣе пейзажа, необходимо всегда имѣть въ виду характеръ страны и природы, которыя служили ему моделью. Если принять это за общее правило, оно особенно можетъ быть примѣнено къ произведеніямъ англійской живописи: здѣсь художники болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь вдохновляются тѣмъ что ихъ окружаетъ. Знакомство съ климатомъ Британіи объясняетъ отчасти ту сторону произведеній Тэрнера, тѣ ихъ эффекты, которые съ перваго взгляда кажутся такими странными, почти невозможными. Гдѣ какъ не здѣсь, близость океана и частая переменна вѣтровъ подвергаетъ атмосферу такимъ быстрымъ, такимъ причудливымъ превращеніямъ?

То мѣстность облакается густымъ туманомъ, въ которомъ деревья и зданія, теряя свою опредѣленность, представляются островами плавающими въ пространствѣ; немного погода, туманъ, поднявшись выше, открываетъ ландшафтъ, разливая въ немъ мягкій серебристый токъ, въ которомъ отчетливо

рисуются очертанія, и особенно ярко блещетъ влажная зелень; еще минута, все снова помутилось: мелкій дождикъ свѣтается съ неба, и все окуталось какъ дымкой; думаешь: конца ему не будетъ! ни чуть не бывало; откуда ни возмись, скользнулъ вдругъ лучъ солнца, и въ то время какъ съ одной стороны сгущается сизый мракъ и косыми полосами льетъ дождикъ, — съ другой играютъ блестящія радуги и ослѣпительно блещутъ колеи налитыя водой; а выше клубятся облака, открывая лучезарно движущіяся перспективы съ голубымъ дномъ. Туманъ въ небѣ, когда оно свободно отъ тучъ, производитъ здѣсь одинъ изъ самыхъ сильныхъ эффектовъ: окрашенный солнцемъ и сквозя какъ ятарь, онъ рѣдко разливается ровнымъ сводомъ; приводимый въ движеніе вѣтромъ, онъ медленно переливается, принимая самыя фантастическія, самыя причудливыя формы. Вѣтеръ здѣсь никогда не оставляетъ въ покоѣ облаковъ; онъ безпощадно гонитъ ихъ, рветъ, треплетъ и комкаетъ. Солнце сквозь дождь, радуга въ сумракѣ, влажный серебристый тонъ и блестящій неожиданный ударъ свѣта, смѣняясь непрерывно, даютъ здѣсь тотъ странный видъ природѣ, который, для непривычнаго глаза, такъ рѣзко поражаетъ въ ландшафтахъ британской школы, и болѣе всего у Тэрнера.

Упрекнуть его можно развѣ въ томъ, что онъ усиливалъ то что и безъ этого уже кажется необыкновеннымъ. Быть-можетъ, онъ повиновался въ этомъ отчасти врожденному инстинкту влекущему людей его націи къ фантастическому. Не даромъ выставляютъ въ Англіи, какъ величайшую черту его гевія, способность приподнимать передъ зрителемъ завѣсу „таинственной, мистической природы“. При всей разнородности мѣтвѣй, при всей разности вкусовъ, нельзя не сойтись въ одномъ относительно Тэрнера; именно, что въ талантѣ его присутствуетъ какой-то пламень, какая-то энергія, которыми въ такой мѣрѣ какъ у него, такъ щедро, надѣляются только избранныя, особо отмѣченныя личности. Все къ чему ни прикасается кисть его, мгновенно вырастаетъ и расширяется. Онъ мало заботится о томъ что представляетъ простому глазу; повидимому, ему нѣтъ даже дѣла какую природу онъ пишетъ: природу ли Италіи или сѣвера. Ему нужны прежде всего просторъ, въ которомъ бы въ безконечность неслись и клубились тучи, росли горы и убѣгали

ливи, разстилось море, и яростно плескались и пѣвились волны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ обойти нѣсколько десятковъ его картинъ выставленныхъ постоянно въ Национальной Галлерей.

Между его многочисленными произведеніями на выставкѣ, два особенно характеризуютъ его взглядъ и манеру исполненія: „Италія“ и „Гастингсъ“. Въ первой картинѣ ни одинъ туристъ и тѣмъ менѣе Итальянецъ не встрѣтитъ напоминанія о родинѣ Данта и Рафаэля; ее даже нельзя назвать идеальнымъ представленіемъ италіанской природы; такой пейзажъ можетъ возникнуть только въ воображеніи возбужденномъ хашишемъ, представиться во снѣ, вѣстепномъ миражѣ, или существовать въ царствѣ воздушныхъ духовъ и волшебницъ; горы, какого-то страннаго, хотя величаваго очертанія, отличаются всѣми цвѣтами драгоцѣнныхъ камней; небо горитъ и кипитъ какъ плавленное золото; деревья и зелень сверкаютъ скорѣе какъ изумруды чѣмъ какъ листья; все это между тѣмъ такъ широко и пространно, такъ заманиваетъ глазъ и воображеніе,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, писано съ такимъ изумительнымъ мастерствомъ, съ такимъ могуществомъ и силой, что невольно засматриваешься по часамъ. Второй пейзажъ характеризуетъ первую манеру мастера когда онъ болѣе держался правды, когда искалъ поэзіи въ дѣйствительности. Въ Англіи каждый день встрѣчаешь эти облака сизо-перловаго цвѣта несомыя вѣтромъ; сплошь и рядомъ открываются въ нихъ, какъ на картинѣ Тэрнера, эти провалы, въ которыхъ солнце, разливаясь полосой по дальнему морю, трогаетъ блестящими точками паруса; плоскій песчаный берегъ и городъ Гастингсъ пересѣчены радугой; на первомъ планѣ большія рыбацкія лодки съ трепещущими парусами,—все это такъ же полно жизни и вѣрно какъ въ самой природѣ. Потомъ уже, во второй половинѣ своего поприща, Тэрнеръ началъ искать въ природѣ особенныхъ эффектовъ и обнаружилъ стремленіе къ сверхъестественному, фантастическому. Хотя въ твореніяхъ искусства надо прежде всего умѣть открыть хорошую сторону и насладиться ею прежде чѣмъ требовать отъ художника того чего бы хотѣлось, однако нельзя, глядя на картины Тэрнера, воздержаться отъ сожалѣнія: зачѣмъ принялъ онъ послѣднее направленіе! Сравнивалъ картины написанныя подъ непосредственнымъ влияніемъ природы съ тѣми, въ которыхъ фантазія беретъ перевѣсъ надъ дѣйстви-

тельностью, нельзя не сознаться, что талант его принялъ въ послѣдствіи ложное, какое-то лихорадочное направленіе. Онъ точно увлеченъ былъ къ концу своей жизни какимъ-то головокруженіемъ. Не довольствуясь красотой и поэзіей природы, но усиливаясь изображать безконечность, онъ какъ будто былъ ослѣпленъ лучами ея свѣта и потерялся въ ней...

Вмѣстѣ съ Тэрнеромъ слѣдуетъ упомянуть о Робертѣ, Голландѣ, Денби и Мэртинѣ. Всѣ четверо писали и пишутъ картины въ которыхъ фантазія точно также играетъ преимущественно первую роль. Съ именемъ Мэртина (1789, † 1854), вы больше знакомы; гравюра и акватинта давно распространили по Европѣ его композиціи: „Пиръ Бальтазара“, „Разрушеніе Ниневіи“, „Послѣдній день Вавилона“, „Потопъ“, „Паденіе перваго человѣка“, „Иисусъ Навинъ останавливающий солнце“, и пр. и пр. Я называю его картины композиціями, потому что Мэртинъ, собственно какъ живописецъ, не заслуживаетъ никакого вниманія. Онъ прямой послѣдователь Тэрнера только въ фантастическомъ родѣ. Картина Тэрнера, помѣщенная на выставкѣ, подъ названіемъ: „Седьмая Египетская язва“, какъ будто опредѣлила призваніе Мэртина. Одаренный пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ, направленнымъ къ чудесному, къ громадному, онъ употребилъ свой талантъ на изображеніе сверхъестественнаго, небывалаго: дѣйствительность существуетъ для него еще менѣе чѣмъ для Тэрнера въ послѣднее время. Картины его, средняго размѣра, представляютъ обыкновенно, какъ напримѣръ въ Бальтазаровомъ пирѣ“, безконечныя перспективы причудливыхъ зданій, колоннадъ, арокъ, лѣстницъ, переходовъ, террасъ. Посреди всего этого, при сверканіи молніи и сверхъестественныхъ лучахъ свѣта, прорывающихся тучи, движутся какъ муравьи десятки тысячъ людей. Въ „Потопѣ“, фантазія художника окончательно переноситъ зрителя за предѣлы возможнаго; глазъ и воображеніе теряются въ путаницѣ тучъ, разверстыхъ со всѣхъ сторонъ и объятыхъ фосфорическимъ пламенемъ; внизу, переливаются въ безконечность громадныя волны, въ которыхъ тонуть цѣлыя народы...

Къ сожалѣнію, все что при такой обстановкѣ должно было бы составлять одно изъ главныхъ условій картинъ Мэртина, то-есть колоритъ и мастерская техника, такъ у него неудовлетворительны, что весь эффектъ композиціи окончательное

пропадаетъ; его картины во сто разъ больше выигрываютъ въ эстампахъ.

Какъ бы въ вознагражденіе за бурожелтый тонъ на композиціяхъ Мэртина, по близости выставленъ цѣлый рядъ картинъ Бонингтона, одного изъ первѣйшихъ колористовъ Англіи. Бонингтонъ (1801, † 1828), принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ художниковъ, которые прокладываютъ новые пути въ искусствѣ. Болѣе невыгодной обстановки для развитія его таланта не могло быть. Шестнадцати лѣтъ отправили его въ Парижъ и опредѣлили въ мастерскую Гросса, ученика Давида. Съ первыхъ уроковъ чувствуетъ онъ непреодолимое отвращеніе къ классическимъ Римлянамъ, которыхъ заставляетъ его рисовать Гроссъ. Англійская *self-dependence*, чувство независимости, инстинктивная побужденія врожденнаго таланта, не даютъ ему ужиться въ академической атмосферѣ. Онъ оставляетъ мастерскую Гросса; съ этого дня, единственнымъ его учителемъ дѣлается природа. Онъ началъ съ акварелей, и первый, можно сказать, распространилъ этотъ родъ живописи во Франціи. Первые картины его, виды Нормандіи, въ 1822 году на выставкѣ Парижа, произвели революцію въ кругу художниковъ. Въ послѣднее время всѣ чувствовали пресыщеніе отъ классицизма; романтизмъ носился уже въ воздухѣ; его возбудилъ Жерико своею картиною „Плоть послѣ крушенія корабля Медуза“. Но пейзажисты все еще какъ будто робѣли; картины Бонингтона развязали всѣмъ руки.

Эти виды Нормандіи были первыми *натуральными* ландшафтами на почвѣ Франціи. Въ нихъ, въ первый разъ, открывалась правда и поэзія въ нравѣхъ. Пренебрегая академическими уставами, Бонингтонъ первый научилъ французскихъ художниковъ изображать природу безъ прикрасъ, во всей ея дѣйствительности, какъ понимали ее Генсборо и Констеблъ. Онъ первый отбросилъ условные приемы письма и познакомилъ съ тою широкою, сочною манерой, которая, кромѣ того что ближе подходитъ къ правдѣ, даетъ художнику полную возможность высказывать свою индивидуальность. Картины Констебля, выставленныя въ Парижѣ въ 1824 году, довершили переворотъ начатой его молодымъ соотечественникомъ. Бонингтонъ умеръ двадцати семи лѣтъ отъ роду. Онъ произвелъ однакожь такъ много, что не считая картинъ находящихся во

множествѣ въ частныхъ коллекціяхъ, на одной выставкѣ собрано ихъ болѣе десяти. Любой изъ нихъ довольно чтобъ обезсмертить художника.

Послѣ колорита, отличительная черта его произведеній правда, та правда, которая, какъ у Констебля, пробуждаетъ въ душѣ поэтическія ощущенія. Я не знаю ничего проще картинъ Бонингтона. То что называютъ обыкновенно *сюжетомъ*, для него не существуетъ. Составить картину, расположить въ ней предметы такимъ образомъ, чтобъ они выражали какую-нибудь идею — это у него послѣдняя забота. Передъ его картинами мысль рождается сама собою какъ передъ лицомъ природы. Сила его заключается въ таинственномъ дарѣ привлекать симпатію и пробуждать участіе къ предметамъ, мимо которыхъ, въ натурѣ, пройдеши безо всякаго вниманія. Онъ довольствуется первымъ встрѣчнымъ мотивомъ; старая лодка вытасченная на песчаный берегъ заросшій лопухомъ; тонкій дворъ покрытый дождевыми лужами въ которыхъ отражается развѣшанное на веревкѣ тряпье, и гдѣ барахтаются утки; узенькая уллица съ перекосившимися старыми домами; полоска земли на краю моря, и надъ нею лучезарное воздушное пространство безъ облаковъ; сарай съ провалившеюся кровлей; скалистый обрывъ, въ который бьютъ волны и пѣна, — достаточно ему чтобы написать картину, которую потомъ жадно будутъ вырывать другъ у друга охотники. Подъ кистью его, быстрою и какъ бы одушевленною, все получаетъ значеніе; камень, бочка, обломокъ крыши, принимаютъ печать чего-то жизненнаго, смотрятъ какъ-то умно и типично. Какъ колористъ, Бонингтонъ положительно не имѣетъ соперниковъ. По блеску и тонкой гармоніи красокъ, его „Турокъ“, „Венеція“, „Процессія монаховъ“, — убиваютъ все что сколько-нибудь приближается къ этому роду. Краска какъ-будто капаетъ съ его кисти; густо вездѣ нанесенная и отливающая какъ серебро, она при всей густотѣ своего слоя, какъ бы совершенно улетучивается; ея нигдѣ не видно; рассматривая небо въ картинахъ Бонингтона, глазъ встрѣчаетъ только пространство, мерцаніе свѣта, въ которомъ струями переливается паръ и ходитъ воздухъ. Какая прелесть его морскіе виды: „Видъ въ Нормандіи“ и „Морской берегъ въ сѣверной Франціи“! Передъ ними такъ свободно дышется, что на минуту совершенно забываешься.

Произведенія Генсборо, Констебля, Тёрнера и Бонингтона, знакомятъ васъ съ характеромъ и стремленіями остальныхъ пейзажистовъ и маринистовъ Англіи, въ главѣ которыхъ находятся теперь Мюллеръ, Оксъ, Даніель, Дайсъ, Автоми, Ливель и другіе. Картина послѣдняго особенно осталась въ моей памяти: солнце только что съшло за холмы, разливая по небу багровое зарево; оно отсвѣчиваетъ на скалахъ и поляхъ покрытыхъ жнивьемъ; въ этомъ золотисто-пурпуровомъ полусвѣтѣ, нѣсколько женщинъ и мужчинъ убираютъ послѣдніе снопы; безъ темныхъ пятенъ и сильныхъ ударовъ свѣта, но только постепенными градаціями неуловимо-тонкихъ тоновъ полусвѣта и отраженій,—Ливель успѣлъ придать фигурамъ такую рельефность, что онѣ кажутся Богъ знаетъ насколько отдаленными отъ послѣднихъ холмовъ въ глубинѣ картины; общее впечатлѣніе прелестно.

Но всѣхъ великолѣпныхъ ландшафтовъ здѣсь не пересчитаешь. Ихъ даже несравненно больше чѣмъ картинъ жанра. Изъ этого я заключаю, что пейзажъ—самый любимый родъ живописи въ Англіи. Это объясняется тѣмъ, что вообще нѣтъ страны, гдѣ бы такъ любили природу какъ въ Англіи. Надо видѣть какимъ уваженіемъ пользуется здѣсь растительность; ничтожнѣйшее деревцо, брошенное случайно на лужайку, холится и бережется своимъ владѣльцемъ, будь онъ самый простой пахарь, съ отеческою нѣжностію; онъ ни за что не прикоснется топоромъ къ вѣткѣ подъ предлогомъ что она скосилась на сторону или лѣзетъ на его крышу; натуральная красота инстинктивно тѣшитъ его. Парки вельможъ, гдѣ все точно также произрастаетъ на свободѣ, гдѣ ничего нѣтъ подстриженнаго, *исправленнаго*, какъ бываетъ въ паркахъ Франціи и Германіи, распространили мало-по-малу этотъ вкусъ и вмѣстѣ съ нимъ уваженіе къ естественнымъ предестямъ растительности. Внутреннее влеченіе въ природѣ безъ вычуръ, но во всей ея первобытной наивной простотѣ, разумѣется, должно было холодно встрѣтить сочиненный, придуманный ландшафтъ классической школы и возбудить отвращеніе къ искусственнымъ ландшафтамъ во вкусѣ Буше, Ланкре и Патера; отъ національнаго искусства оно прежде всего требовало отвѣта національному чувству. Требованіе это имѣло своимъ послѣдствіемъ именно ту свободу, ту непринужденную естественность

и правду, которыя даютъ такую оригинальную печать ландшафтамъ англійской школы.

Насколько національныя стремленія выразились въ пейзажѣ, настолько способствовали они здѣсь развитію той отрасли живописнаго искусства, которая, въ такой мѣрѣ, существуетъ только въ Англій; я говорю о живописи животныхъ. Нигдѣ любовь къ нимъ не простирается такъ далеко какъ въ Англій. Не только улучшение породъ, но улучшение жизни животныхъ давно обратило на себя вниманіе общества. Кошья, птичный и скотный дворъ, столько же здѣсь важные предметы хозяйства, сколько любимое развлеченіе и удовольствіе. Жизнь Англичанъ такъ уже сложилась, что все въ ней сближаетъ человѣка съ природою; бóльшая часть года проводимая внѣ городовъ, въ замкахъ, коттеджахъ, тѣсный семейный кругъ, сосредоточеніе у домашняго очага, все это, располагая искать развлеченій въ длинныхъ прогулкахъ, въ охотѣ по лѣсамъ и полямъ, сильно содѣйствуетъ такому сближенію; сочувствіе къ животнымъ необходимо вяжется съ любовью въ природѣ. Теперь Французы уже перестали смѣяться надъ страстью своихъ сосѣдей къ лошадямъ и собакамъ. Страсть эта, говорили они, доходить до того, что Британцы совершенно оправдываютъ поступокъ Магомета, который рѣшился скорѣе отрѣзать рукавъ своей одежды чѣмъ разбудить заснувшую на немъ кошку. Французы сами стали теперь какъ будто раздѣлять эту страсть Англичанъ. Неизвѣстно только изъ какого источника выходитъ ихъ любовь къ животнымъ: изъ гуманнаго ли чувства, или утилитарнаго.

Страсть къ животнымъ возбудила въ Англій желаніе видѣть ихъ воспроизведенными искусствомъ. Нашлись живописцы, которые специально посвящали свой талантъ изображенію животныхъ. Между ними Ландсиръ довелъ этотъ родъ живописи до степени высокаго художества. Гравюра, литографія, акватинта, распространяя повсюду его произведенія, сдѣлали имя его извѣстнымъ въ Европѣ. Но гравюра даетъ слабое понятіе о талантѣ Ландсира; при всей своей отчетливости, она не уловляетъ всей тонкости выраженія; она не передаетъ, наконецъ, прелести письма и колорита, которыми такъ блещутъ его произведенія.

Художники, писавшіе до сихъ поръ животныхъ, не исключая Розы Бонеръ, Жадена, Тройона, смотрѣли на нихъ только

съ точки зрѣнія живописнаго эффекта; они прежде всего заботятся о вѣрности вѣшняго матеріальнаго типа животныхъ; они превосходно передають ихъ наружную форму, цвѣтъ рубашки, характеръ шерсти, отливъ кожи и т. д. Ландсиръ, сверхъ того, даетъ своимъ героямъ душу, языкъ, страсти,—словомъ личность. На картинахъ его, физиономія животного, даже взглядъ его, говоритъ иногда больше чѣмъ его наружность. Онъ какъ будто читаетъ въ ихъ задумчивыхъ зрачкахъ, вопросительно устремленныхъ на природу и на человѣка, проникаетъ ихъ помыслы, уловляетъ ихъ побужденія и желанія. Кто видѣлъ его картины, того не удивитъ разказъ, будто бы какая-то женщина залилась слезами, разсматривая его картину: „утка, у которой только что зарѣзали селезня“. Очень сожалью, что не было на выставкѣ картины его: „Отправка пастуховъ съ горъ въ нижнія долины“; это, говорятъ, лучшее его произведеніе. Впрочемъ, здѣсь было чѣмъ вознаградить себя за такую потерю. Картина, изображающая принца Альберта, который, прямо съ охоты, окруженный стаей собакъ, входитъ на террасу гдѣ ожидаютъ его королева и дѣти, и другая—„Животныя на кузницѣ“—сами по себѣ два совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: какая грація, какой колоритъ, сколько правды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое искусное, мастерское письмо! Композиція послѣдней чрезвычайно проста: она представляетъ внутренность законченной кузницы; на этомъ темномъ фонѣ стоитъ лошадь сѣро-молочнаго цвѣта съ могучими формами, на которыхъ тщательно вычищенная шерсть отлиываетъ атласомъ; она повернула голову и доврчиво смотритъ на кузнеца ухватившаго ея заднюю ногу; подлѣ стоитъ осленокъ самаго упрямаго, строптиваго вида; пунцовый цвѣтокъ, воткнутый ему за ухо какою-нибудь шаловливою деревенскою дѣвушкой, придаетъ его физиономіи невыразимо комическое выраженіе; худоцавая собака, изъ породы шавокъ, слѣдитъ за движеніями кузнеца и взглядомъ ловитъ отлетающія струпыя отъ копыта, которое счищаетъ ея хозяинъ; надъ дверью въ клѣткѣ изъ хвороста целкаетъ скворецъ; въ умныхъ глазахъ его едва замѣтнымъ бликомъ отражается небесная лазурь. Картина эта, исполненная самыхъ тонкихъ милыхъ деталей, показываетъ въ Ландсирѣ такого же великаго живописца какъ и поэта. Здѣсь есть нѣсколько картинъ, которыя, могли бы поставить

Ландскапа въ число превосходныхъ пейзажистовъ и жанристовъ.

Не считая Ансделя, Купера, Девида, Ланса, художниковъ съ замѣчательнымъ талантомъ, въ английской школѣ множество еще другихъ болѣе или менѣе даровитыхъ живописцевъ, которые преимущественно пишутъ только животныхъ.

Мнѣ еще остается сказать вамъ объ аквареляхъ. Вы знаете что этотъ родъ играетъ въ Англии почти такую же важную роль какъ масляная живопись. Въ Лондонѣ ежегодно бываютъ двѣ большія выставки состоящія специально изъ однихъ акварелей; въ зданіи международной выставки имѣ посвящено большое отдѣленіе. Этотъ родъ называютъ здѣсь по всей справедливости національнымъ; онъ вошелъ въ употребленіе съ первыхъ годовъ какъ началось здѣсь искусство. Водяными красками писали Генсборо, Рейнольдсъ, Констебль, Тэрнеръ, Бонингтонъ,—словомъ, всѣ великіе мастера Британіи. Число акварелистовъ такъ теперь значительно, что они составляютъ двѣ большія корпораціи представляющія какъ бы двѣ отдѣльныя школы. Живопись водяными красками доведена здѣсь до такого высокаго совершенства, что многіе художники съ успѣхомъ примѣняютъ ее къ изображенію большихъ сюжетовъ требующихъ строгаго стиля. Сила свѣта и тѣни, блескъ колорита, энергія и густота тоновъ, строгость рисунка, широта письма, — все дѣлаетъ здѣсь изъ акварели не игрушку, не альбомное украшеніе, но серіозную отрасль искусства.

Акварели представляютъ здѣсь чуть ли еще не больше разнообразія чѣмъ масляныя картины; вы переходите всѣ жанры, начиная отъ историческихъ библейскихъ сюжетовъ и кончая плодами и цвѣтами. Разнообразіе въ приѣмахъ исполненія свидѣтельствуетъ, что акварелистами управляетъ принципъ совершенной независимости и личной свободы. Видно, что каждый дѣлаетъ по-своему, какъ знаетъ, не стѣсняясь никакими правилами, никакими соображеніями своихъ предшественниковъ или современниковъ; въ виду одно только: чтобъ у каждаго художника выходило такъ какъ ему кажется удобнѣе и лучше. Одни, какъ Люисъ, Гагъ, Корбульдъ и Варренъ, — первый въ своихъ восточныхъ аквареляхъ, послѣдніе три въ историческихъ сюжетахъ,—пишутъ тонко, отчетливо, почти миниатюрно, примѣшивая въ свѣтлыхъ

частяхъ гуашь. Другіе, какъ напримѣръ Катермоль и Гонгамъ, не только не употребляютъ бѣлизъ, но пишутъ какъ будто одною чуть-чуть подкрашенною водою: до того легки и прозрачны ихъ картины. Третьи, какъ Фильдингъ въ своихъ морскихъ видахъ весьма схожихъ съ такими же картинами Бонингтона, и Прауть (Prout) въ своихъ ландшафтахъ,— пишутъ сочно, но оконченно, и только одними соковыми красками; словомъ, здѣсь все найдете, всѣ манеры, всѣ извѣстные и незнакомые способы, всѣ стили и жанры. Многія изъ этихъ акварелей поражаютъ громадностію своихъ размѣровъ.

Принимая въ соображеніе трудность акварельнаго искусства, гдѣ все должно быть сдѣлано сразу, гдѣ малѣйшій промахъ остается неизгладимымъ, неисправимымъ пятномъ, и сравнивая его съ масляною живописью, нельзя не пожалѣть, что такое множество блестящихъ талантовъ довѣряютъ свой трудъ бумагѣ и краскамъ, которыя такъ не прочны, такъ скоро истребляются временемъ.

Послѣ всего сказаннаго здѣсь объ англійской живописи, вы согласитесь вѣроятно, что она заслуживаетъ больше вниманія противъ того какъ вы думали прежде и какъ старались увѣрить васъ въ этомъ французскіе критики. Уже со времени Манчестерской выставки дѣло, какъ видно, приняло другой оборотъ; Планшъ, Бланъ, Мерсе и другіе сдѣлались гораздо снисходительнѣе; международная выставка окончательно перемѣнила ихъ мнѣніе. Жаль что у насъ вообще мало читаютъ и пишутъ объ искусствѣ. Нѣмецкіе писатели, Бюргеръ и Вагенъ, давно отдали полную справедливость англійскому искусству. Но еслибы вы даже не захотѣли принять къ свѣдѣнію всѣхъ этихъ критиковъ, и заподозрили меня въ пристрастіи къ англійскимъ живописцамъ,—вы все-таки должны будете заключить, что мнѣніе, будто англійское искусство маловажно и что сами Англичане скудно надѣлены артистическимъ чувствомъ, — не имѣетъ положительно никакого основанія. Дѣло выходитъ не изъ моихъ описаній и личнаго вкуса, — но изъ самихъ фактовъ. Рейнольдсъ, Гогартъ, Генсборо, Констебль, Вильки, изъ старыхъ, — Лауренсъ, Гонтъ, Мюльреди, Фритъ, Бонингтонъ и множество другихъ изъ молодаго поколѣнія,—достаточно, кажется, свидѣтельствуютъ, что ни въ одной школѣ, и въ такое короткое время, не было такого множества первокласныхъ талантовъ.

Эти имена обличаютъ всю несостоятельность аргумента, который хватался обыкновенно за климатъ и темпераментъ, какъ главные препятствія мѣшающія будто бы развитію искусства на сѣверѣ; они доказываютъ, вмѣстѣ съ Голландцами и Фламандцами, что климатъ и темпераментъ, способствуя, конечно, болѣе или менѣе процвѣтанію преимущественно одного рода передъ другимъ, — нисколько не мѣшаютъ вообще успѣхамъ художества, — не мѣшаютъ даже высказываться той сторонѣ его, которая, въ туманахъ и снѣгахъ, всего менѣе, кажется, могла бы найдти мѣсто, — именно силѣ колорита и блеску красокъ.

Пройдя въ памяти все то что уже сдѣлало здѣсь искусство, можно утвердительно сказать, что все ручается здѣсь за будущее преуспѣваніе искусства.

Жизненная обстановка, сосредоточенность и разумное спокойствіе ума и нравовъ, атлетическое сложеніе англо-саксонской расы, возбуждающее даже въ образованномъ кругу уваженіе къ породѣ и физической силѣ, — все доказываетъ, что въ настоящее время, Англичане ближе къ природѣ, ближе къ идеалу красоты чѣмъ другіе народы. Если при красотѣ формъ, наружный типъ Британца блѣднѣе и не такъ выразителенъ какъ у Итальянца, — въ замѣнъ этого на каждомъ шагу встрѣчаются здѣсь женщины, которыя, своею величавою, энергическою или вѣжною красотою могли бы служить моделью для Фидія и Праксителя; на каждомъ шагу встрѣчаются юноши приводящіе на память Антиноя и молодого Бахуса. А дѣти! — дѣти такъ хороши, какъ ангелы на картинахъ Фра-Анджелико, Перуджино и Рафаэля. Соединеніе этой изящной красоты формъ, очертаній, свѣжести и блеска кожи, съ выраженіемъ поэтической задумчивости въ ихъ голубыхъ глазахъ отъявляемыхъ шелковистыми рѣсницами, производятъ ту идеально-поэтическую комбинацію, которую уловили отчасти Лауренсъ въ портретѣ молодого Ламбтона, Рейнольдсъ въ лицѣ Нелли Обрайнь, Генсборо въ молоденькой дѣвушкѣ съ бѣлымъ платьемъ, и т. п. Рѣдкое сочетаніе совершеннѣйшихъ формъ природы, безъ сомнѣнія, сильно должно способствовать английскимъ художникамъ приблизиться къ тому высокому идеалу, къ которому уже многіе, — и Гонтъ между прочимъ, — начали прокладывать дорогу.

Твердость въ стремленіи къ своей цѣли, стойкость и

послѣдовательность въ убѣжденіяхъ,—столь свойственныя національному характеру,—въ соединеніи у художниковъ съ врожденнымъ талантомъ и благородствомъ стремленій, очищенныхъ высокимъ просвѣщеніемъ,—все это поддерживаетъ увѣренность въ блестящемъ будущемъ, которое предстоить искусству въ Британіи.

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Басардины.

По улицамъ и полямъ усадьбы Спинова мела и передувала безтоковѣйшая декабрьская вьюга: то зачѣмъ-то несла цѣлое облако снѣгу и, выйдя за ворота, тотчасъ же клала его на огромнѣйшій и безъ того сугробъ; то точно сверломъ сверкала, и завывала въ разбитое слуховое окно на барскомъ домѣ; то съ какимъ-то упорствомъ дула въ задъ скотнику Климу, рубившему передъ скотнымъ дворомъ дрова и не обращавшему на это рѣшительно никакого вниманія. На крыльцѣ избы стояла старуха Михайловна, и съ ней вѣтеръ какъ бы заигрывалъ, крутя и завывая ея истасканный передникъ.

— Чьи такіе, дѣдушко, это проѣхали? окликнула она Клима.

— Басардины, надо быть... къ тестю ѣдутъ.

— И то дѣло. Да, да!

— На балтировку, видно, ладятъ, заключилъ Клима.

— Да, да! согласилась и съ этимъ Михайловна; а потомъ о чемъ-то звонко вздохнувъ, вернулась въ избу.

На Спировскомъ полѣ, по переметеной и ухабистой дорогѣ, дѣйствительно тянулася цѣлый обозъ. На передней лошади ѣхалъ молодой, дворовый малый, Митька. Онъ сидѣлъ спокойно, какъ истуканъ, и только когда его очень ужъ трянетъ въ ухабѣ, онъ моргнетъ носомъ и ткнетъ лошадь кнутовищемъ, на что та обыкновенно отмахнетъ ему хвостомъ.

Въ тѣхъ же саняхъ, за спиной у Митьки, сидѣла горничная дѣвица Дарья, закутанная по самый носъ въ какія-то лохмотья. Странное явленіе представляли собой эти два молодые существа: жизнь ли ихъ очень заколотила, или ихъ организмы, питаемые круглый годъ постными щами и мякиннымъ хлѣбомъ, содержали въ себѣ болѣе лимфы чѣмъ крови, но только пятидесятью версту они ѣхали вдвоемъ и во все это время хоть бы переглянулись, пошутили бы между собой, переговорили слова два, три. Митька, положительно можно сказать, даже ничего и не думалъ; а Дарья всю дорогу смутно соображала, куда это она положила барышницы чулки: старая барыня, какъ прѣдутъ на мѣсто, непременно ихъ спроситъ, а она и не помнитъ, куда ихъ засунула.

За передней ѣхалъ самъ баринъ, въ розвальняхъ, парой гусемъ. Заложенный у него на выносъ сивый меренокъ, по прозванью Репейникъ, обнаруживалъ удивительное стараніе. Онъ везъ, потѣлъ, обтирался, и все-таки везъ, какъ будто бы сотни начальническихъ глазъ смотрѣли на него и любовались его усердіемъ, между тѣмъ какъ шедшая въ корню, сухопарая саврасая кобыла рѣшительно парализовала всѣ его старанія. Лошадь эта, пока дорога шла еще прямая, везла кое-какъ; не чуть-чуть встрѣчался крутой поворотъ, или надобно было обойти какую-нибудь рытвину, такъ сейчасъ же и терялась: не понимала ли она какъ это сдѣлать надо, или ей трудно было ладить съ своимъ неуклюжимъ тѣломъ, только непременно сядетъ въ хомутъ, начнетъ болтаться изъ стороны въ сторону и по крайней мѣрѣ съ полверсты не устоится. На подобное неравенство въ распредѣленіи трудовъ сидѣвшій кучеромъ задѣльный

мужику Потапъ, такъ какъ настоящихъ дворовыхъ кучеровъ ужъ не хватало, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія: все его стараніе было направлено на то, чтобы самому какъ-нибудь примоститься на облучкѣ, скорѣе изображая собою касательную къ облучку линію, чѣмъ сидящаго на немъ человѣка. Едва позаберется нѣсколько поспокойнѣе, какъ сани занесетъ въ его сторону, и поѣхалъ внизъ; опять начнетъ забирать вверхъ, да такъ всю дорогу, даже потъ прошибъ!

На всѣ эти продѣлки съ Потапомъ баринъ, мущина съ просьбою, но довольно еще молодцоватыѣ, въ потертой медвѣжьей шубѣ и шапкѣ съ собачьимъ околышкомъ, надѣтой нѣсколько на бекрень, смотрѣлъ не безъ удовольствія.

— Опять съѣхалъ? говорилъ онъ, слегка улыбаясь, когда Потапъ, спустившись съ саней до самаго горла, отчаянно хватался за передокъ.

— Ты сѣди крѣпче! совѣтовалъ онъ ему.

На все это Потапъ отвѣчалъ сердитымъ взглядомъ и забирался на передокъ почти съ ногами.

Баринъ между тѣмъ переносилъ свое вниманіе на другіе предметы.

„Ишь, какъ дугу-то погнуло,“ думалъ онъ, глядя какъ сбившаяся съ панталыку коренная шла совершенно бокомъ.

На краяхъ поля замелькали какія-то черныя пятна.

„Кусты это или деревья, чортъ знаетъ?“ продолжалъ онъ соображать съ замѣтнымъ вниманіемъ.

„Кусты!“ рѣшалъ онъ мысленно и самодовольно.

Налетѣвшая вьюга заслѣпляла ему глаза. Онъ повертывался и начиналъ смотрѣть въ другую сторону.

Волновали ли, въ настоящую минуту, какія-либо иныя, болѣе серіозныя мысли и болѣе раздражительныя чувствавія этого, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, отца довольно многочисленнаго семейства, мы не знаемъ, и даже имѣемъ всѣ основанія подозрѣвать, что какъ къ совершаемому имъ теперь пути, такъ и вообще ко всей громадѣ плывущей на него жизни, онъ относился довольно созерцательно и совершенно спокойно.

Бжавшая за розвальнями тройка, въ крытыхъ саняхъ, представляла гораздо большій порядокъ: лошади всѣ въ ней были одной масти, коренная шла даже съ нѣкоторою гордостью. Молодой кучеръ Михайло, съ черкесскимъ лицомъ, стройный, перетянутый ремнемъ съ посеребрянымъ наборомъ,

ловко сидѣлъ на облучкѣ. Пожилой лакей, хоть и въ очень старинной, но замѣтно сбереженной гороховой шинели, съ нѣсколькими воротничками и со свѣтлыми пуговицами, тоже привычно сидѣлъ рядомъ съ нимъ и при малѣйшемъ наклоненіи саней на его сторону сейчасъ же соскакивалъ и подпиралъ ихъ плечомъ. Видно, онъ понималъ, что ѣдетъ съ дамами, изъ которыхъ одна, молоденькая, съ прелестнымъ, свѣжимъ личикомъ, безпрестанно выглядывала изъ-подъ опущеннаго фордека, и оглянувъ окрестность, снова опускалась въ глубь саней, проговаривая съ досадою: „нѣтъ еще, далеко“.

Сидѣвшая съ ней пожилая дама, казалось, и не слышала этихъ восклицаній.

Еслибы какой-нибудь художникъ захотѣлъ изобразить идею житейской озабоченности въ видѣ женщины, то лучшаго образца не нашелъ бы для себя, какъ эта дама, со впалыми, желтоватыми щеками, съ довольно еще свѣтлымъ, умнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, но который весь былъ погруженъ въ себя и ушелъ въ глубь души. Въ противоположность своему на все спокойно взиравшему супругу, своей пятнадцатилѣтней дочери, чѣмъ-то своимъ, должно-быть, занятой, въ противоположность наконецъ вялой и далеко не заботливой прислугѣ, она одна тутъ обо всѣмъ думала и надъ всѣмъ бодрствовала.

Трудно перечислить, сколько заботъ, предположеній, надеждъ и опасеній проходило въ ея бѣдной женской головѣ, а тутъ еще... смѣшно даже сказать... отъ дорожной ли вѣды или отъ несущагося со всѣхъ сторонъ свѣжаго воздуха, передъ ней, какъ нарочно, начали возставать такъ давно ужъ кажется забываемыя воспоминанія...

ГЛАВА II.

Вельможи-благодѣтели.

Надежда Павловна Басардина была чуть ли не пятая дочь секундъ-майора Рылова, который, еще на ея памяти, ходилъ въ кафтанѣ съ борами, въ чулкахъ и башмакахъ, и, какъ что-то вѣроятно очень умное, любилъ выдѣлывать передъ гостями палкой, какъ павловскимъ эшпатономъ. Потомъ, она воспи-

таблица въ домѣ князя Д.... Цѣлый верхъ огромнаго московскаго дома отведенъ былъ для десяти питомицъ, все почти прехорошенькихъ собой дѣвочекъ... Какъ живой стоялъ передъ ней старый князь, всегда въ синемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ тремя звѣздами. Каждое утро онъ гуртомъ сходилъ къ нему внизъ дѣлать реверансъ, дѣлау при этомъ его бѣлую и благоуханную руку... Шли потомъ къ его дочери, величественной, бойкой красавицѣ, графинѣ N..., авантюристкѣ по жизни, вышедшей сначала за французскаго эмигранта, бросившей его потомъ въ Парижѣ для италіянскаго тенора и теперь жившей, какъ знали всѣ, даже маленькія воспитанницы, почти въ открытой связи съ правителемъ дѣлъ отца, безобразнымъ, рябымъ, косымъ, но умнымъ и пронырливымъ поповичемъ, грабившимъ всю Москву и при этомъ сохранившимъ какую-то демонскую власть надъ старымъ княземъ и его дочерью. Помнила Надина и огромную красную комнату, съ длиннымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ котораго всегда возсѣдала Mlle Dorothee, высокая, плоская Швейцарка, скорѣй бы допустившая, чтобы міръ перевернулся вверхъ дномъ чѣмъ которая-нибудь изъ воспитанницъ произнесла при ней русское слово. Помнила и танцовальнаго учителя, ставившаго ихъ всѣхъ въ рядъ, и довольно нецеремонно вытягивавшаго ихъ маленькія ножки для довольно трудныхъ минутныхъ па. Помнила наконецъ и многознаменательный день: въ домѣ шумъ, бѣготня; это прѣхалъ сынъ князя, юный дипломатъ, любимецъ двора. Надинѣ было уже пятнадцать лѣтъ, она все внимательнѣй и внимательнѣй прислушивалась къ шепоту подругъ о непонятныхъ и въ то же время какъ будто бы и знакомыхъ ей вещахъ. Въ тотъ же день, на petite soirée, всѣ воспитанницы были представлены молодому князю. Онъ ихъ благосклонно, хоть нѣсколько и свысока, опривѣтствовалъ. Никогда уже, во всю свою жизнь, ни прежде, ни послѣ, Надина не видала мужчины красивѣе, умнѣе и любезнѣе. Не давая себѣ хорошенько отчета, она обыкновенно засматривалась на князя, когда онъ стоялъ гдѣ-нибудь вдали и рисовался своимъ почти еще юношескимъ станомъ. Разъ князь, именно въ это самое время, обернулся къ ней; Надина сконфузилась, покраснѣла. Онъ все это видѣлъ и улыбнулся ей.

Вскорѣ послѣ того въ довольно темноватую залу, гдѣ воспитанницамъ обыкновенно давали музыкальный урокъ,

вошелъ князь. Надина сидѣла вдали отъ прочихъ дѣвушекъ. Онъ прямо подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нею. Она сконфузилась и поотодвинулась отъ него.

Князь ласково смотрѣлъ на нее.

— *Avez vous des parents?* спросилъ онъ ее, вѣроятно затѣмъ чтобы только заговорить съ ней.

— *Non, mes parents, c'est votre père,* отвѣчала Надина, сама не помня что говоритъ.

— *Donc, je suis votre frère,* подхватилъ князь...—такъ?

— *Non, non,* отвѣчала Надина, еще болѣе сконфузившись.

— *Et je puis vous aimer?* продолжалъ уже шепотомъ князь.

— *Non, non!* повторяла шепотомъ Надина.

Всѣ прочія воспитанницы, окружавшія роюль, стояли къ нимъ спиной.

— *Et vous embrasser?* заключилъ тѣмъ же шепотомъ князь, наклоня свое лицо къ лицу Надины.

— *Monsieur!* произнесла та, отодвигаясь отъ него.

Голосъ учителя, позвавшего Надину, прервалъ эту сцену. Она проворно встала и подошла къ фортепіано.

Князь, хотъ и вдали, но сталъ противъ нея.

Надина пропѣла свой урокъ дрожащимъ голосомъ и почти со слезами на глазахъ.

На другой день ее остановила графиня.

— *Chère enfant, un mot!* сказала она. Надина стала передъ ней навыважку. — *Je veux voir votre figure et votre taille!*

Надина потупилась.

— *Vous êtes charmante!* продолжала графиня съ улыбкой. — *Mon frère est amoureux de vous.*

— *Non, madame,* произнесла Надина, вся вспыхнувъ.

— *Comment non?* спросила графиня, устремляя на молодую дѣвушку почти любострастный взглядъ.

Въ домѣ между тѣмъ приготавливалось новое торжество.

Молодой князь, по величайшей милости Государя и въ уваженіе къ знаменитому роду, какихъ-нибудь двадцати семи лѣтъ, назначенъ былъ уполномоченнымъ при одномъ изъ маленькихъ дворовъ. Сама графиня—сестра взялась устраивать, по этому случаю, праздникъ. Всѣ воспитанницы, одѣтыя тирольскими пастушками, должны были поднести юному амфитріону цвѣты, а Надина, какъ болѣе умненька,

была выбрана сказать ему поздравительное стихотворение. Князь, въ свою очередь, имѣлъ у себя въ запасѣ для прелестныхъ Тиролокъ цѣлую коллекцію довольно цѣнныхъ бездѣлушекъ: милый вѣкъ имѣлъ и милые обычаи!

— Vous récitez si bien, qu'il m'est difficile de trouver quelque chose à vous offrir, говорилъ молодой посланникъ, торопливо роясь въ бездѣлушкахъ, когда Надина нетвердымъ и сконфуженнымъ голосомъ произнесла ему свое осмысленное.

— Je voudrais bien avoir votre portrait, отвѣчала она почти уже шепотомъ и не помня сама что говорить.

— Vrai? Je vais vous l'apporter, воскликнулъ князь и бросился въ кабинетъ отца, сорвалъ тамъ со стѣны свой очень дорогой медальонъ на кости, и подавъ его Надивѣ. Та проворно спрятала его за корсетъ, и вся пылающая, убѣжала къ себѣ наверхъ. Вечеромъ, на балѣ во вкусѣ Трианона, всѣ юные смертные были обращены въ боговъ. Надина изображала Минерву. Князь танцевалъ съ ней котильонъ и безцеремонно жаль ей руку. За ужиномъ онъ сѣлъ противъ нея, кидаль въ нее шариками, выбираль ей лучшія конфеты и цвѣты и заставляль много пить вина. Сидѣвшая тутъ же рядомъ *Mlle Dorothee* на все это только улыбалась своимъ широкимъ ртомъ. Въ домѣ стараго князя все дышало однимъ воздухомъ: даже строгая Швейцарка, позабывъ цѣломудренныя нравы родины, любила шаловливыя и слегка скандалѣзныя сцены.

Послѣ ужина, дѣтей, а въ томъ числѣ и шестнадцатилѣтнихъ воспитанницъ, отправили спать раньше. Дежурная горничная, чего прежде никогда не бывало, повернула и затушила ночную лампу.

— Что ты дѣлаешь? закричали было ей со всѣхъ сторонъ. Но она, ни слова не отвѣтивъ, ушла.

— Mesdames! Мы во мракѣ! говорили съ хохотомъ маленькія шалуны, но вскорѣ потомъ, разумѣется, и заснули. Надина тоже уже спала.... Вдругъ она почувствовала на щекѣ своей чье-то горячее дыханіе. Она въ испугѣ открыла глаза... Передъ ней стояль князь.

Надина приподнялась съ постели.

— Que voulez vous, monsieur? проговорила она утрашеннымъ голосомъ и закрывая руками обнаженную шею.

Князь хотѣль обнять ее. Надина движеніемъ руки остановила его и сейчасъ же вскочила на окно дортуара.

— Si vous m'approchez, je me précipite de la fenêtre, проговорила она.

— De grâce, ma petite, retirez vous de là, молилъ ее князь.

— Monsieur, sortez! сказала Надина. Голосъ ея былъ твердъ и громокъ.

— Vous êtes cruelle! проговорилъ князь, и сдѣлавъ ручкой, удалился.

Какъ ни граціозно была разыграна эта сцена, но она сильно поразила Надину: дрожавшая отъ страха, униженная, оскорбленная, она сошла съ окна. Нравственный инстинктъ женщины заговорилъ въ ней; ей какъ бы оразу представилось гдѣ она, и что она такое тутъ. Загадочная исторія съ Mlle Горкиной, чудо какою хорошенькою и двумя годами старше ея воспитанницей, стала для нея ясна. Ту, какъ сама она разказывала, каждый вечеръ водили въ кабинетъ къ старому князю, и тотъ, несмотря на ея слезы, посыпалъ ей на грудь табаку и нюхалъ его.

Родители Горкиной ужасно рассорились за это съ княземъ и взяли дочь къ себѣ.

Надина тоже рѣшилась написать отцу и сестрѣ. Въ тысячѣ выраженій она умоляла взять ее. Она писала: „*Sauvez moi, ma soeur, de moi même. Le jeune prince est amoureux de moi et je puis perdre ma pudeur.*“

Старый майоръ въ это время находился окончательно забраннымъ въ строгія и благочестивыя руки старшей своей дочери, оставшейся при немъ въ дѣвкахъ, Богъ знаетъ когда и къ-то названной Биби и до сихъ поръ сохранившей это имя между родными и знакомыми. Секундъ-майоръ, слушая письмо своей *московки*, только хлопалъ глазами; но пожилая дѣвственница, сама нѣкогда воспитанница Смольнаго монастыря и недоучившаяся тамъ единственно потому что въ петербургскомъ климатѣ ее безпрестанно обсыпала золотуха, поняла все. Пиши сестра, что ея не кормятъ, не одѣваютъ, что каждый день ее мучать, кодесуютъ, сердце Биби не дрогнуло бы, но тутъ угрожала опасность чести ихъ фамиліи.

— Въ нашемъ семействѣ не было еще такихъ! проговорила она почти съ ужасомъ и настояла, чтобы въ тотъ же день за сестрой была послана въ Москву на парѣ, въ кибиточкѣ, подвода, на которой отправила любимаго своего кучера Ивана Горькаго. Вмѣстѣ съ нимъ также поѣхала и приближенная къ

секундъ-майору двѣца Матрена. Старикъ, бывъ въ такихъ уже лѣтахъ, все еще не могъ оставить своихъ глупостей, и Биби терпѣла ихъ, помня только великое правило, что двѣ родителямъ не судьи.

Майоръ, подъ диктовку дочери, нацарапалъ къ князю письмо, которое началъ такъ: „Ваше Высокопревосходительство, Господинъ Генералъ-Аншефъ и Сіятельныйшій Князь!“—форма, которой научилъ его еще въ полку писарь и которую онъ запомнилъ на всю жизнь.

Прописавъ титулъ, онъ просилъ отпустить къ нему дочь его Надину, такъ какъ самъ онъ приближается къ старости, а старшая дочь его, и безъ того ужъ посвятившая ему всю жизнь свою, желаетъ подумать и о себѣ, и себѣ что-нибудь сдѣлать для будущей жизни.

Диктуя послѣднія строки, Биби рѣшительно думала поразить ими все семейство князя и внушить къ себѣ огромное уваженіе.

Въ заключеніи письма старикъ вопіялъ къ именитому вельможѣ излить на свою питомицу послѣднія милости и благословить ее образомъ Иверской Божіей Матери, которая вѣчно будетъ ей заступницей въ жизни, и затѣмъ подписался, слегка размахнувшись: „Вашего Сіятельства, низжайшій рабъ, секундъ-майоръ Рыловъ.“

Нѣсколько странно было видѣть, когда Иванъ Горькій, съ удивленнымъ лицомъ и растопыренными ногами, очутился на княжескомъ дворѣ, а Матрена, въ своей пестрядинной шубенкѣ и ваденыхъ сапогахъ, между накрахмаленными и раздушенными горничными въ княжеской кофименской. Надина чуть не умерла отъ стыда, когда увидала посланныхъ за нею: такіе они были оборванные.

Старый князь, занятый въ это время планами женитьбы сына чуть ли не на принцессѣ Брауншвейгской, нѣсколько удивилась, прочитавъ письмо секундъ-майора; но впрочемъ величественнымъ наклоненіемъ головы изъявилъ свое согласіе, и въ день отъѣзда подарилъ Надинѣ на приданое бриллиантовое ожерелье въ десять тысячъ ассигнаціями. Что же касается до благословенія, то православной иконы въ домъ не нашлось, и князь благословилъ свою рыдающую питомицу копіей съ Рафаэлевой Мадонны.

ГЛАВА III.

Совсѣмъ дичь.

Дней черезъ шесть Надина, вся разбитая отъ непривычной ѣзды въ нересорномъ экипажѣ, пріѣхала къ родительскому крову, и какъ бы чудомъ какимъ была перенесена изъ французскаго, фоблазовскимъ духомъ преисполненнаго дома, въ самый центръ деревенскаго православія.

Еслибы пришлось подробно описывать жизнь секундъ-майора и пожилой его дочери, то безпрестанно надобно было бы говорить: „Это было, когда поднимали иконы передъ постомъ.“ „Это,—когда служили наканунѣ Николы всенощную.“ „Это,—когда на дѣвкахъ обьарывали усадьбу кругомъ, по случаю появившагося въ сосѣднихъ деревняхъ скотскаго падежа.“

Въѣзжая въ усадьбу, Надина еще издали увидѣла стараго отца, въ томъ же чепанѣ и съ развѣвавшимся по воздуху сѣдыми волосами, а за нимъ сухощавую фигуру сестры въ черномъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ на шеѣ.

Она хотѣла было броситься къ нимъ въ объятія; но Биби движеніемъ руки остановила ее и указала на вынесенную домашнюю чудотворную икону. Надина приложилась къ ней, и за тѣмъ уже почувствовала на щекахъ своихъ сморщенное, плачущее и заскорбленное лицо отца и сухія, тонкія губы сестры. Въ комнатахъ, ее поразилъ сильный и совершенно незнакомый запахъ ладона и деревяннаго масла, и къ ней какъ-то раболѣпно и суеливо стали подходить горничныя дѣвицы, одна другой пожилѣе и некрасивѣе. Биби не любила выдавать замужъ свою женскую прислугу, и ея дѣвки годами къ тридцати страшно худѣли и старѣлись, а потомъ такъ и засыхали въ этомъ видѣ на всю остальную жизнь.

На другой день Биби возила сестру къ приходу и заставила ее тамъ подать за упокой всѣхъ умершихъ родныхъ, а по матери отслужить панихиду, непремѣнно требуя, чтобъ

она за все это заплатила из своих карманных денег. Образъ, которымъ благословили Надину, тоже не мало заималъ Биби: она все недоумывала, какого онъ *воиля*, и соображалась, по этому случаю, съ заѣхавшимъ къ нимъ не долговъ настоятелемъ Рѣчинской пустыни.

— Это врядъ ли не католическій образъ, замѣтилъ ей тотъ.

Биби была удивлена и огорчена, и какъ ее потомъ монахи ни увѣрялъ, что это ничего, что это все-таки образъ, она оставила его въ кѣлтѣ ниже православныхъ иконъ.

О причинѣ, заставившей сестру бѣжать изъ княжескаго дома, Биби не сказала съ ней ни слова: о подобныхъ вещахъ она не только что говорить, но даже думать не любила.

Для Надины такимъ образомъ началось все чтò и прежде дѣлалось въ домѣ отца ея: болѣе полугодомъ скудный, на постоемъ маслѣ, столѣ, почти каждую недѣлю какая-нибудь церковная служба въ домѣ; Биби цѣлый день или принимала и угощала разныхъ странницъ, или тихо, но злобно хлопотала по хозяйству. Старый отецъ, по ея приказанію, тоже все былъ больше въ полѣ и смотрѣлъ тамъ за рабочими. Первое время Надина, по своему нѣсколько идилическому воспитанію, мечтала было о прогулкахъ по полямъ, о разговорахъ съ добрыми поселянами и поселянками. Но изъ всего этого ея артистическій взглядъ только и увидалъ, какъ весной задѣваемые мужики, по большей части все старики, съ перекосенными отъ натуги лицами, взрывали неуклюжими косулами глинистую почву, а вечеромъ ужинали однимъ квасомъ съ хлѣбомъ, и хорошо-хорошо когда холодными щами съ забѣлкой, или какъ дворовыя женщины, а въ томъ числѣ и ходившія послѣднее время беременности, не чувствуя собственной спины, часто, послѣ заката солнца, дожинали отмѣреянныя имъ десятины, и ихъ же потомъ бранили, что онѣ высоко жнутъ, или какъ наконецъ, эти же самые добрые мужички, при первой же Никольщинѣ, напивались какъ звѣри дикіе, и въ этомъ видѣ ругались такими словами, что слушать было невозможно.

Самымъ живымъ развлеченіемъ для Надины было ходить, въ сопровожденіи горничныхъ, за грибами и ягодами; но сестра и въ этомъ ей всегда препятствовала, говоря что не прилично дѣвкамъ бѣгать по лѣсамъ: мало ли на чтò онѣ тамъ могутъ наскочить? Изъ прежнихъ ея элегантныхъ занятій у ней только

и осталось, что вышиваніе безконечнаго ковра, который Биби заранѣе назначила для приношенія въ церковь.

Такъ прошли годъ, два, три, наконецъ десять. Скука и бездѣйствіе (изъ хозяйства Надинѣ только и предоставляемо было разливать чай), безпрестанное созерцаніе какого-то безсердечнаго богомольства сестры, и наконецъ совершенно бессмысленная любовь отца дѣлала свое: Надина худѣла, дурнѣла; но въ то же время она умнѣла!... Трудно передать ту степень неуваженія, которое она чувствовала къ своему ничего не могшему для нея сдѣлать родителю, и того ожесточенія, которое питала противъ занятой какими-то неземными дѣлами сестры.

Въ домѣ шла постоянная, хоть и сдерживаемая и скрываема подъ наружнымъ видомъ ласковости, борьба: Надина и приближенная къ майору дѣвица Матрена тянули въ одну сторону, а Биби въ другую и, по высотъ своей исходной точки, всегда одерживала надъ ними верхъ.

Жениховъ у Надины все это время не было никого: всѣмъ молодымъ сосѣднимъ помѣщикамъ, по большей части кутиламъ и собачникамъ, она, по своему умѣнію одѣться, ловко держать себя, по своему отвращенію отъ разныхъ деревенскихъ блюдъ, казалась очень ужъ образованною: „Жидка, братецъ ты мой, ничего съ ней не подѣлаешь!“ говорилъ иной. „Поди-ка, женись на ней: такихъ супе и фрикасе потребуешь!“ разчитывалъ другой.

Часто, гуляя по саду до полуночи, съ пылающимъ лицомъ и сильно бьющимся пульсомъ, Надина хватала себя съ отчаяніемъ за голову, и думала: „Господи! хоть бы за чорта да выйдти замужъ!“ И это рѣшительно было въ ней не движеніемъ крови, а просто желаніемъ пережвннуть свое положеніе.

ГЛАВА IV.

Самецъ.

Въ благородныхъ строяхъ кирасирскаго Его Величества Короля В...го полка, конечно, ужъ было не много такихъ скромныхъ и молодцоватыхъ офицеровъ, какъ ротмистръ Басардинъ.

По формулярному его списку значилось: „родомъ изъ бѣд-

ныхъ дворянъ; воспитаніе получилъ домашнее (то-есть никакого); на службу поступилъ рядовымъ и черезъ два мѣсяца, по своей превосходной выправкѣ, ѣхалъ уже ординарцемъ на высочайшемъ смотру.“ Закройщикъ Швецовъ про него говорилъ: „Вотъ на корнета Басардина шить любо: грудь на выкатъ, кость прямая, тонкая!“ Невѣжа! понималъ ли онъ, что одѣваемый имъ корнетъ, по правильности своихъ формъ, былъ статуя античная! Даже въ настоящемъ его чинѣ, съ начинавшею уже нѣсколько поднѣтъ таліей, когда Басардинъ шелъ по расположенной на горкѣ деревнѣ, въ разстегнутомъ вицъ-мундирѣ, въ надѣтой на бекрень фуражкѣ, или когда гдѣ-нибудь сидѣлъ на бревнахъ, по большей части глядя себѣ на сапоги и опустивъ на нижнюю губу свои каштановые усы, между тѣмъ какъ, при вечернемъ закатѣ, съ поля гнали коровъ, по улицамъ бродили лошади, глядя на него, невольно приходилось подумать: „Да, человекъ красивѣйшее созданіе между всеми животными, и онъ одинъ только можетъ до такой степени оживлять ландшафтъ!“

Здоровьемъ Басардинъ пользовался замѣчательнымъ: онъ могъ не спать три ночи, и при этомъ ни мало не воспалялись его большіе, красивые глаза; за то и спать, послѣ каждого утомительнаго перехода, часовъ по пятнадцати сряду. Курить могъ всегда: утромъ, за обѣдомъ, послѣ обѣда, даже ночью, еслибъ его разбудили для этого.

Другое дѣло для ротмистра было думать: мышленіе у насъ все-таки есть, какъ хотите, болѣзнь, усиленная дѣятельность мозга насчетъ другихъ органовъ. Но жизненная сила была сашкомъ равномерно распределена въ тѣлѣ Басардина, и едва только позаберется ея нѣсколько побольше во вмѣстѣлице разума и начнетъ тамъ работать, какъ ея сейчасъ же потребуютъ другія части. Такимъ образомъ ротмистръ не то что былъ глупъ, напротивъ того: о многихъ предметахъ онъ судилъ очень здраво, но только всѣ мысли его были какъ-то черезчуръ обыкновенны, ограничены и лишены всякаго полета; а между тѣмъ, по этому проклятому командованію эскадрономъ, стали случаться слѣдственные дѣла, надобно было отписываться, приходилось кое-что и по счетной части, а тутъ, пожалуй, пошли и распеканья за нестрогость характера. Все это весьма утомляло Басардина, и въ послѣднее время, прѣхавъ въ свою маленькую деревеньку, сосѣдную

съ имѣніемъ секундъ-майора, онъ уже сильно тяготился службой.

Надина и прежде еще слыхала о красивомъ сосѣдѣ офицерѣ. Въ первый разъ они встрѣтились въ церкви, и она тутъ же принялась за него, какъ за якорь спасенія: сама пригласила пріѣхать къ нимъ обѣдать. Басардинъ, на своей полковой тройкѣ, молодцовато пріѣхалъ, промолчалъ весь визитъ, потомъ черезъ недѣлю, по приглашенію той же молодой хозяйки, опять былъ и опять промолчалъ весь день. Надина безбожно кокетничала съ нимъ: „Онъ не далекъ, но онъ добръ!“ рѣшила она мысленно, и почти сама объяснилась съ ротмастромъ въ любви. Тотъ при этомъ слегка вспыхнулъ, и свадьба состоялась. Что потомъ послѣдовало изъ сочетанія этихъ двухъ организмовъ: одного, если можно такъ выразиться, могуче-плотскаго, а другаго душевнаго и нервнаго,—угадать не трудно. Басардинъ, бывъ еще женихомъ, подалъ въ отставку, и молодые поселились въ деревнѣ. Надина, къ концу же года, родила ребенка мальчика и, къ ужасу, съ такими же большими глазами и прямыми ушами, какъ и у отца; на другой годъ опять ребенокъ, и опять съ прямыми ушами. Супруга своего она уже совершенно понимала и видѣла, что онъ ей не помощникъ. Онъ обыкновенно цѣлый день ходилъ по комнатѣ, курилъ, молчалъ, послѣ обѣда спалъ; но когда жена сказала ему, что ей противенъ его храпъ, онъ и не спалъ. Между тѣмъ родился еще ребенокъ. Нужда въ домѣ росла. Надина хозяйничала на своихъ тридцати душонкахъ какъ только умѣла; сама устраивала кирпичный заводъ, сама откармливала свиней, и все-таки, по свойственному женщинамъ самолюбію, не желая мужа обнаружить передъ обществомъ, разказывала, что будто бы все это придумываетъ и всѣмъ этимъ заправляетъ ея Петръ Григорьевичъ; а потомъ, воспользовавшись первою же подошедшею баллотировкой, свезла его въ губернскій городъ, и тамъ, чисто изъ уваженія къ ней, его выбрали въ судьи.

Бывшему воину снова была задана въ жизни задача. Напрасно онъ часовъ по семи сидѣлъ въ присутствіи, читалъ всякое дѣло отъ начала до конца, теръ себѣ лобъ, потѣлъ; ничего изъ того не выходило. Къ концу трехлѣтія плутишка-секретарь успѣлъ таки подвернуть ему такую бумажку, за которую ихъ обоихъ отдали подъ судъ. Басардинъ выра-

заять при этомъ только небольшой знакъ удивленія въ лицѣ.

— Какъ это тебя угораздило? спросила его почти съ отчаяніемъ Надина.

— Не прочелъ.... совершенно нынче не могу читать безъ очковъ, отвѣчалъ онъ преспокойно.

— И прочелъ бы, не много бы толку прибавилось, замѣтила ему на это Надина, и говорить больше не стала. За тѣмъ снова послѣдовали деревня.... снова бѣдность.... хлопоты по грошовому хозяйству и снова ребенокъ, но ужь дѣвочка и, о счастье! не съ огромными ушами, а съ быстрыми и умными, какъ у матери, глазками. Надина привязалась къ этому ребенку съ первыхъ же дней, и стоя на колѣняхъ передъ предсѣдателемъ уголовной палаты, своимъ родственникомъ, она выхлопотала, что мужа оправдали, опредѣлила его потомъ въ лѣсничіе, вникала въ его должность, брала за него взятки, но ничто не помогло: года черезъ два, Басардина, за обнаруженное передъ начальствомъ совершенное незнаніе лѣсной части, удалили снова отъ должности. Надина на этотъ разъ ничего ужь и не сказала, а сама между тѣмъ высохла до состоянія щепки, и начала подозрительно кашлять.

И не одну, не двухъ, а сотни и тысячи, мы знаемъ подобныхъ труженницъ-матерей, которыя на своихъ скорбныхъ плечахъ, часто подъ колотками и бранью, поднимаютъ огромныя семьи, и не безправственныхъ правъ требуютъ онѣ у общества, а чтобы хоть сколько-нибудь подсобили имъ нести труды, которые возложили на нихъ самцы-супруги.

Спихнувъ кое-какъ своихъ старшихъ сыновей въ корпусъ, Надина, на сколоченные съ грѣхомъ пополамъ гроши, стала воспитывать свою дочурочку. Она ее мыла, наряжала, сама учила говорить по-французски, присѣдать, танцовать. Обрывая потомъ себя до послѣдней нитки, отдала ее въ пансіонъ и безпрестанно вѣдила къ ней, чтобъ она не скучала.... Соня, дѣйствительно, была предестный ребенокъ: высокенькая, граціозная, съ прекраснымъ и уже недѣтскимъ выраженіемъ на лицѣ, она, видимо, наслѣдовала душу матери и тѣло отца. Но Надинѣ, въ ея материнскомъ увлеченіи, казалось въ красотѣ дочери нѣкоторое сходство съ красотой князя, медальйонъ котораго до сихъ поръ еще хранился далеко, далеко запрятаннымъ въ старомъ комодѣ, въ потайномъ ящикѣ: въ жизни ея была

одна поэтическая минута, и она осталась ей вѣрна до гроба...

Изъ Петербурга, между тѣмъ, пришло извѣстiе, что двое старшихъ сыновей ея, очень добрые мальчики, но очень плохо учившіеся и сырой комплексiи, умерли отъ скарлатины. Надежда Павловна даже не огорчилась: бѣдность иногда измѣняетъ и чувства матери! „Что жъ? Соня больше останется,“ шевельнулась въ головѣ ея нечистая мысль.

Впрочемъ въ корпусѣ у нея оставался еще младшій сыночекъ Викторъ; но лучше бы было и не вспоминать о немъ. Только по великой добротѣ благодѣтеля-директора, онъ не былъ выгнанъ, потому что, кромѣ ужь лѣности, грубости и шалостей, дѣлалъ такія вещи, отъ которыхъ у бѣдной матери сердце кровью обливалось!

Соня, наконецъ, кончила курсъ, и Надежда Павловна везла ее теперь къ дѣду и теткѣ, передъ которыми, какъ это ей ни было тяжело, въ послѣднее время она ужасно унижалась, все надвѣясь, не сдѣлаютъ ли они Соню своею наследницей.

ГЛАВА V.

Молодые отпрыски.

Ковригино, усадьба секундъ-майора, было уже видно. Въ наугольной комнатѣ господскаго дома свѣтился огонекъ. Всѣ очень хорошо знали, что это отъ лампадки передъ иконами. Направо въ окнахъ кухни пылало цѣлое пламя: значить, готовился ужинъ. День былъ канунъ 1843 года и, вѣроятно, ожидали священниковъ.

Почувявъ знакомыя мѣста, даже Митька оживился и началъ бить безпрестанно свою клячу кнутовищемъ по заду. Потапъ едва поворотилъ на гору саврасую кобылу, до того она раскакалась. Шаркуны на тройкѣ Михайла вссело звѣбли. Первая ихъ услышала и узнала выбѣжавшая было за квасомъ горничная дѣвка Прасковья, добрѣйшее и глупѣйшее существо въ мiрѣ. Она воротилась въ дѣвичью, какъ сумашедшая.

— Надежда Павловна ѣдетъ, чертовки! объявила она весело своимъ товаркамъ сидѣвшимъ за прѣлками.

— Перины готовить надо! Гдѣ у тебя перины-то? Поди, чай, на холоду! сказала заботливо другая дѣвица Федора третьей дѣвкѣ.

— Принесу!... отвѣчала ей та, и тоже не безъ удовольствія.

Пріѣздъ гостей для этихъ полузатворницъ всегда былъ чѣмъ-то въ родѣ праздника.

— Чтò сидите! Барышнѣ сказать надо! сказала наконецъ какимъ-то холоднымъ, металлическимъ голосомъ, вставая и уходя, четвертая дѣвушка, Иродіада, молодая, красивая и лучше всѣхъ одѣтая.

Митька прокатилъ Дарью къ дѣвичьему крыльцу, а Басардинъ остановился у передняго, и вылѣзши изъ саней, хотѣлъ подслужиться къ женѣ и высадить ее; но та даже не замѣтила его и прошла, опершись на руку лакея. Сося, какъ птичка, порхнула вслѣдъ за матерью.

Биби, въ сопровожденіи двухъ, трехъ горничныхъ дѣвицъ со свѣчами, дождалась ихъ въ передней, и со свойственною ей проицательностью сейчасъ же замѣтила, что на самой Надеждѣ Павловнѣ сялопшкò веретенòмъ встряхни, а на дочкѣ новый, атласный, на лисьемъ мѣху. Сося сейчасъ же бросилась къ теткѣ и начала цѣловать ея руки—разъ, два, три... Биби сама цѣловала ее въ лицо, въ шею. У ней при этомъ даже навернулись слезы на глазахъ. Между собой сестры почтительно и нѣсколько церемонно поцѣловали одна у другой руку.

— Здравствуй, другъ мой, отнеслась потомъ Биби къ зятю, не допуская его поцѣловать у ней руку, и сама цѣлуя его въ губы. Она любила Петра Григорьевича за его кроткій и богомольный нравъ.

По залѣ въ это время ходилъ молодой человѣкъ въ студенческой формѣ. Глаза его, кажется, искали молоденькихъ глазъ дѣвушки, и когда они переглянулись, Сося сейчасъ же потупилась и начала какъ будто бы поправлять платье, а студентъ, со вспыхнувшимъ лицомъ, продолжалъ на нее смотрѣть, и только черезъ нѣсколько секундъ сообразилъ и подошелъ къ рукѣ Надежды Павловны.

— Ахъ, Саша? Ты какъ здѣсь? невольно воскликнула та.

— Такъ-съ, пріѣхалъ.... отвѣчалъ Александръ сконфуженнымъ тономъ.

— Его мать сюда нарочно прислала, произнесла Биби съ замѣтнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ.

Это былъ единственный сынъ ихъ родной племянницы, богатой женщины: Надежда Павловна бесконечно завидовала всему этому семейству и считала ихъ соперниками по наслѣдству отъ Биби.

Студентъ подошелъ также и къ рукѣ Сони. Она проворно подала ему свою ручку, и что-то бѣленькое, въ родѣ свернутого клочка бумажки, осталось въ его рукѣ.

Онъ проворно спряталъ это въ карманъ.

— Что батюшка?... спросила Надежда Павловна печальнымъ голосомъ сестру.

— Слабъ, отвѣчала та въ томъ же тонѣ, и когда всѣ было пошли за нею, она прибавила:—не ходите всѣ вдругъ.

Секундъ-майору въ это время было безъ году сто лѣтъ; но онъ сохранилъ всѣ зубы и прекрасный цвѣтъ лица; лишился только ногъ и былъ слабъ въ разсудкѣ. Съ сѣдою какъ лунъ бородою, совсѣмъ пѣшивый, съ старческими, слезливыми глазами, въ заячьемъ тулупчикѣ и кожаныхъ котлахъ, онъ сидѣлъ въ своей комнаткѣ, въ креслахъ, у маленькаго столика, на которомъ горѣла сальная свѣча.

Передъ нимъ стоялъ дворовый мальчикъ въ рубашкѣ и босикомъ. Биби только въ недавнее время успѣла удалить отъ отца его приближенную мерзавку, и то ужъ уличивъ ее почти на мѣстѣ преступления въ пьянствѣ и воровствѣ. Старикъ болѣе полугода все печалился о своей нянькѣ, но воспротивиться дочери не смѣлъ.

Теперь онъ цѣлые дни игралъ съ дворовыми ребятишками въ карты въ дурачки, въ ладышки, и съ настоящимъ своимъ собесѣдникомъ они въ чемъ-то, должно-быть, разссорились.

— Ты зачѣмъ у меня краю-то укралъ? говорилъ онъ мальчику.

— Что ты? Гдѣ укралъ? Она у тебя, баринъ, на рукахъ, отвѣчалъ тотъ дерзко.

— Гдѣ на рукахъ? повторялъ старикъ, плохо ужъ разбиравшій и карты.

Въ это время вошла Биби, и мальчикъ сѣчасъ же вытянулся въ струнку.

— У васъ на рукахъ-съ!... отвѣчалъ онъ вѣжливо, и показавъ на дѣйствительно находившуюся въ рукахъ майора даму.

— Батюшка, Надина пріѣхала, объявила Биби отцу почтительнымъ тономъ, и потомъ первая бросилась къ дѣду Соны. Она схватила его грязную руку и цѣловала.

— Ну вотъ!... говорилъ онъ, въ одно и то же время плача и смѣясь.

— Я вамъ, дѣдушка, конфетъ привезла.... Мнѣ ихъ подарили въ пансіонѣ, а я ихъ вамъ сберегла, продолжала Соны, проворно вынимая изъ своего кармашка цѣлую кучу конфетъ.

— Ну вотъ!... повторялъ старикъ совсѣмъ довольный. Лучшее этого для него ничего не могло быть.... Сахоръ и конфеты онъ обыкновенно клалъ во все, даже во щи.

— Чай до службы или послѣ службы будете пить? спросила Биби своихъ гостей.

— Я думаю послѣ службы, отвѣчала Надежда Павловна, чтобъ угодить сестрѣ.—Переодѣться только Сонѣ надобно!... прибавила она робко и не желая чтобы дочь, хоть на минуту, являлась передъ посторонними глазами не мило одѣтою.

— Ну, ну, поди, принарядись, козочка! сказала ей и тетка ласково.

Соны съ жаромъ поцѣловала ее въ грудь.

Биби на этотъ разъ до того простерла свою ласковость къ племянницѣ, что сама пошла и показала отведенную для нея комнату, гдѣ замѣтивъ, что у Соны башмачки худы (единственная вещь, которую мать не успѣла сдѣлать ей), она сейчасъ же позвала дворового башмачника Сережку и велѣла ему снять съ барышни мѣрку и изъ домашней замши сдѣлать ей ботиночки крѣпкія, теплыя и просторныя.

— Можно это.... отвѣчалъ Сережка, по обычаю своего званія съ ремнемъ на головѣ, нѣсколько кривобокій, перепачканный въ купоросѣ и сажѣ, и сильно, должно-быть, пристрастный къ махоркѣ.

Басардинъ между тѣмъ ходилъ по залѣ съ Александромъ.

— Вотъ, какъ это разсудить! говорилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ, и доставая длинною бумажкой отъ образъ огня:—грѣхъ отъ лампы закуривать или нѣтъ?

— Нѣтъ!... что жь? отвѣчалъ студентъ.—Нынче вотъ электричествомъ изобрѣли закуривать.... при химическомъ соединеніи обнаруживается электричество.... если теперь искру пропустятъ сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается пламя....

Студентъ замѣтно поддѣлывался къ родителю Сони, и желая ему разказать что-нибудь интересное, толковалъ ему вещь, которую и самъ не совсѣмъ хорошо понималъ.

— Не знаю-съ, не видалъ! отвѣчалъ Басардинъ.

Пріѣхали священники. Отецъ Николай, начавъ еще въ сѣняхъ надѣвать рясу, въ залу входилъ выправляя изъ-подъ нея свои волосы. Басардинъ сейчасъ же подошелъ къ нему подъ благословеніе и движеніемъ руки просилъ его садиться. Студентъ поклонился священнику издали.

Оставшіеся въ передней дьячки тотчасъ же попросили у ключницы барскаго квасу, и выпили его стакана по четыре.

— Чтѣ, перемело дорогу-то? заговорилъ Петръ Григорьевичъ первый. Онъ умѣлъ и любилъ потолковать съ духовенствомъ.

— И Господи какъ! отвѣчалъ священникъ.—Я, признаться сказать, собачку держу, такъ бѣжитъ впередъ, поѣзжай за ней, никогда не собьешься.... прибавилъ онъ и, вѣроятно занятый какимъ-нибудь своимъ горемъ, задумался.

Петръ Григорьевичъ нѣкоторое время какъ бы недоумѣвалъ.

— А чтѣ, отецъ Петръ все еще при церкви? проговорилъ онъ наконецъ съ улыбкой.

Видимо, сдѣланный имъ вопросъ былъ нѣсколько щекотливаго свойства.

— Все еще тутъ, отвѣчалъ отецъ Николай.

— И все, попрежнему, неудовольствія идутъ!

— Все также и тоже; idem per idem.

— Хуже этихъ неудовольствій ничего быть не можетъ! заключилъ Басардинъ. По своему миролюбивому нраву, онъ искренно полагалъ, что всѣ несчастія происходятъ отъ того, что люди ссорятся.

Священникъ ничего на это не отвѣчалъ: передъ тѣмъ только начальство выдержало ихъ обоихъ подъ началомъ и все-таки не помирило.

Вошли: Биби, нѣсколько чопорной походкой, Надежда Павловна, въ своемъ томъ же дорожномъ капотѣ, и Соня, вся блистающая своимъ свѣжимъ личикомъ и новымъ, съ иглоочки, холстинковымъ платицемъ. Всѣ они, по примѣру хозяйки, подошли къ благословенію отца Николая, который послѣ того сталъ надѣвать рясы, а изъ лакейской появились, съ раздутымъ кадиломъ и съ замасленными книгами, дьячки. Петръ Григорьевичъ пододвинулся къ нимъ, чтобы поддѣлывать во

время службы: онъ до сихъ поръ имѣлъ еще довольно порядочный теноръ. Надежда Павловна, Соня и Биби помѣстись въ дверяхъ гостиной. Изъ дѣвичьей и изъ лакейской стали появляться горничныя дѣвицы, дворовыя бабы съ ребятишками и мужики. Биби непремѣнно требовала, чтобы вся ея прислуга ходила за каждую въ домъ церковную службу, и если при этомъ хоть какая-нибудь даже трехлѣтняя дѣвочка, поклонившись въ землю, позазѣвается, она непремѣнно замѣтитъ это и погрозитъ ей пальцемъ. Запахъ отъ мужичьихъ тулуповъ и бабъ, пришедшихъ съ грудными младенцами, сдѣлался невыносимъ. Горничныя дѣвицы, въ угоду госпожѣ, молились до поту лица. Соня тоже ужасно усердно молилась и постоянно старалась быть на глазахъ у тетки. Студентъ, со сложенными руками, стоялъ посреди народа. Всенощная и молебень съ акаѳистомъ въ Ковригинѣ обыкновенно продолжались часовъ по пяти.

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ,“ раздалось послѣ службы. Въ самомъ дѣлѣ, было уже двѣнадцать часовъ. Затѣмъ сдѣлалъ наскоро чай, котораго однако отецъ Николай успѣлъ выпить чашекъ пять, а дьячки попросили было и по шестой, но имъ уже не дали. За ужиномъ господамъ подавали одни кушанья, а причту другія: несмотря на свою религіозность, Биби почему-то считала для себя за правило кормить духовенство еще хуже чѣмъ другихъ гостей; но тѣ, совершенно этого и не замѣчали.

Александръ во все время былъ взволнованъ. Онъ только послѣ службы улучилъ минуточку и прочелъ полученный имъ лоскутокъ бумаги. Тамъ было написано: *Любите меня и будьте осторожны*. Къ концу ужина онъ, наконецъ, осмѣлился, и обратился къ Сонѣ, сидѣвшей съ потупленными глазами около тетки.

— Что вы желаете этому шаруку? сказалъ онъ, показывая ей скатанный куеочекъ хлѣба.

— Быть скромнымъ! отвѣчала скороговоркой Соня.

— Это я! сказалъ, краснѣя, студентъ.

Черезъ часъ послѣ того въ Ковригинѣ все улеглось по своимъ комнатамъ: молодость съ какой-то жгучею радостью въ сердцѣ, а старость и зрѣлость съ своими обычными недугами и житейскими заботами, и врядъ ли не одни только во всемъ селеніи Митька и баринъ его Петръ Григорьевичъ заснули, ничего не думая.

ГЛАВА VI.

Подставленная шпилька.

Не высоко стоявшее зимнее солнце тускло свѣтило въ нечистые и съ двойными рамами окна ковригинской гостиной, въ которую на этотъ разъ выкатили на креслахъ и стараго майора, въ новомъ нанковомъ, по случаю праздника, чепанъ, причесаннаго и примазаннаго. Вчерашній дворовый мальчишка, тоже въ новой рубахъ, но попрежнему босикомъ, стоялъ передъ нимъ на вытяжкѣ. Соня сидѣла около дѣдушки и безпрестанно подавала ему то табатерку, то платокъ. Надежда Павловна была погружена въ пріятныя мысли, что неужели же Биби не подаритъ Сонѣ, по случаю выхода ея изъ пансіона, хоть рублей сто, а Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ, и сидя на диванъ, чертилъ на пыльномъ столѣ какіе-то зигзаги: жена ему только сегодня поугру сказала, что они дѣйстви-тельно ѣдутъ на баллотировку.

„Опять этотъ городъ, незнакомые люди, а можетъ-быть, и эта служба проклятая!“ думалъ онъ: деревенскую свободу и удивленіе Петръ Григорьевичъ предпочиталъ всему на свѣтѣ.

Стали подавать закуску, и вошла Биби. Она была, какъ замѣтно, въ дурномъ расположеніи духа: ее сейчасъ только рас-тревожила ходившая за ней и отчасти уже знакомая намъ дѣвица Иродіада.

Дѣвка эта представляла собой довольно загадочное созда-ніе: дѣтъ до шестнадцати, она, по мнѣнію Биби, была вѣтре-ница и мерзавка, и дошла, наконецъ, до того, что имѣла дитя. Случаи эти, бывавшіе, разумеется, въ Ковригинѣ не часто, всегда имѣли нѣсколько трагическій характеръ.

Когда преступница не имѣла долѣе возможности скрывать свой грѣхъ, то обыкновенно выбиралась какая-нибудь изъ пожилыхъ и болѣе любимыхъ госпожою дѣвицъ чтобы до-ложить ей, и по этому случаю, прямо, безъ зову, входила къ ней.

— Чтѣ тебѣ? спрашивала Биби нѣсколько встревоженнымъ голосомъ.

— Насчетъ Катерины пришла доложить-съ, отвѣчала протяжно пришедшая.

— Что такое? спрашивала госпожа, уже блѣднѣя.

— Въ тягости изволить быть, беременна-съ.

Преступница, стоявшая въ это время за дверьми, рассказывала ихъ, и ползя на козлянахъ, стонала.

— Матушка, прости! государыня, помилуй!

— Прочь отъ меня, мерзавка!.. Видѣть тебя не хочу! восклицала Биби съ ужасомъ и омерзениемъ.

Дѣвка продолжала ползти на козлянахъ.

— Я любила твою мать, твоего отца... и чѣмъ ты меня за все, это возблагодарила? Тебѣ еще мало, что на конюшнѣ выдеруть, что косу обрѣжутъ, тебѣ этого мало,—продолжала госпожа, все болѣе и болѣе разгораясь: и у дѣвки, дѣйствительно обстригали косу, а иногда и подсѣкали ее. Ребенокъ, во большей части, умираетъ, и бѣдная грѣшница, съ обезображенною головою, въ затрапезномъ сарафаншкѣ, пряталась отъ господъ, ходила ободворками на полевую работу, и часто только спустя годъ призывалась въ горницу; но и тутъ являлась какою-то робкою, старалась всегда стоять и сидѣть въ темныхъ мѣстахъ, и на всю жизнь обыкновенно теряла милость госпожи. То же самое повторилось и съ Иродіадою; но только она, посавъ своего несчастія, какъ бы окаменѣла, и призванная снова въ горницу прямо явилась къ барышнямъ.

— Простите меня, сударыня, я исправлюсь и засажу вамъ, проговорила она.

Видно было, что въ голосѣ ея прозвучало что-то особенное, такъ что даже Биби это замѣтила.

— Я ходить бы, сударыня, за вами желала, продолжала между тѣмъ смѣло Иродіада.

— Хорошо, тамъ увидимъ, отвѣчала ей Биби, и черезъ двѣ недѣли, сверхъ всѣхъ своихъ правилъ, надумала и допустила Иродіаду ходить за собой. Та начала служить ей нелицемѣрно: ни съ однимъ мужчиной посавъ того она уже не пошутила; никто никогда не смѣлъ браннаго звука произнести при ней про госпожу; спавъ всегда въ комнатѣ Биби, она, какъ это видали почти каждую ночь, уходила въ образную, и стоя на козлянахъ, молилась тамъ до утренней зари; когда прѣзжали гости и хоть на минуту оставались одни, безъ хозяевъ, Иродіада подслушивала у дверей, что они говорятъ. Въ настоящемъ случаѣ она доложила барышнямъ, какъ Надежда

Павловна и Софья Петровна, ложившись вчера почивать, изволили между собою разговаривать, что-де въ Ковригинѣ изъ такого все запаса и такъ все скверно готовится, что онѣ ничего въ ротъ не могутъ взять.

Биби на это только хмыкнула.

Войдя въ гостиную и усѣвшись на диванѣ, она прямо обратилась къ зятю.

— Петръ Григорьевичъ, выпей водочки и скушай что-нибудь. Не побрезгуй хоть ты-то нашимъ хлѣбомъ-солью.

Въ послѣднихъ словахъ ея послышалось что-то злобщее для Надеины. Но Петръ Григорьевичъ, ничего этого, конечно, не появившій, положилъ себѣ не безъ удовольствія на тарелку два куска пирога, и отправившись въ уголь, началъ тамъ смиренно ѣсть.

— Сама, покушай, другъ мой! обратилась Биби къ Александру и нарочно необыкновенно ласковымъ голосомъ.

Студентъ тоже, со свойственнымъ его возрасту аппетитомъ, наложивъ себѣ на тарелку не совсѣмъ свѣжей печенки, сухой икры и трехгодовалыхъ рыжиковъ, принялся все это уничтожать. Надежда Павловна и Соня намазали себѣ только немного масла на хлѣбъ.

Биби рѣшительно шипѣла.

— Викторъ вашъ скоро долженъ выйдти въ офицеры, отнеслась она къ сестрѣ.

При этомъ ужъ Надежда Павловна вспыхнула. Биби всегда колола ее тѣмъ, что въ отношеніи къ сыновьямъ она дурно исполняетъ свои обязанности.

— Да, если выдержитъ экзаменъ, отвѣчала она коротко, чтобы прекратить этотъ разговоръ.

— Я получила отъ него довольно странное письмо, продолжала Биби съ разстановкой.— Вотъ оно, не хочешь ли любопытствовать, прибавила она, вынимая изъ кармана и подавая Надеждѣ Павловнѣ кругомъ исписанный листъ почтовой бумаги. Та взяла его дрожащею и сконфуженною рукой. Она заранѣе предчувствовала что тутъ заключается; но, съ продолженіемъ чтенія, гнѣвный румянецъ все больше и больше выступалъ на ея щекахъ. Молодой Басардинъ, несмотря на кадетскій почеркъ и обильное число грамматическихъ ошибокъ, владѣлъ, какъ видно, перомъ. „Дражайшая тетушка!“ писалъ онъ: „я еще помню васъ маленькимъ, и драгоценный образъ вашъ навсегда сохранилъ въ моей памяти.

Простите великодушно, почтеннѣйшая тетушка, что никогда не писалъ къ вамъ. Причиной тому мои родители, которые отвергнули меня еще отъ груди матери, но теперь я скоро буду офицеръ и хочу самъ себѣ пробить дорогу въ жизни или умереть на полѣ чести.“

— Боже, какъ онъ гаупт! почти простонала бѣдная мать. „Я, вѣроятно, по успѣхамъ въ наукахъ буду выпущенъ въ гвардію, продолжалъ кадетъ, но, къ несчастію моему, не имѣю не только что на обмундировку, но даже купить получше смазныхъ сапоговъ для выхода изъ корпуса по праздникамъ. На васъ теперь, высокоуважаемая тетушка, вся надежда молодого несчастливца, который послѣ многихъ писемъ къ родителямъ, на которыя не получалъ даже отвѣта....“

Далѣе Надежда Павловна не въ состояніи была читать.

— Онъ вретъ, мерзкій мальчишка! Я недавно послала ему пятьдесятъ рублей, и никогда онъ не будетъ выпущенъ въ гвардію! проговорила она гнѣвно и съ полными слезъ глазами.

— Я ничего того не знала и не знаю, и конечно пособила ему сколько могла.... произнесла Биби напыщеннымъ тономъ.

— Напрасно! возразила Надежда Павловна:—вамъ бы лучше слѣдовало это письмо прислать ко мнѣ.

— Ну ужъ извините, этого я не сообразила, отвѣчала ядовито-покорно Биби.

— Потому что, продолжала Надежда Павловна рыдающимъ голосомъ,—ссорить мать съ дѣтьми....

— Кто же это васъ ссорить? перебила ее строго Биби. Надежда Павловна нѣсколько приостановилась.—Кто же это ссорить? повторила Биби:—а что то, чтѣ видятъ всѣ добрые люди, того скрыть нельзя.... заключила она многозначительно.

— Ну да, всѣ видятъ.... вы всегда были противъ меня во всемъ.... а хоть бы немного пощадилъ меня, произнесла окончательно разрывающаяся Надежда Павловна, и ушла. Сося послѣдовала за матерью.

— Я же виновата! сказала Биби, и преспокойно принялась за свою работу.

Огорченіе, которое причила она на этотъ разъ сестрѣ, было очень сильно. Надежда Павловна, позабывъ всякій расчетъ на наследство, прислала черезъ нѣсколько минутъ Сою въ гостиную.

Та первоначально подошла къ отцу.

— Папаша! мамаша велѣла вамъ сказать о лошадяхъ.... Послѣ обѣда мы поѣдемъ.

Что-то въ родѣ улыбки промелькнуло на лицѣ Биби. Соня подошла къ ней.

— Мамаша велѣла васъ спросить, сколько вы послали братцу, и вотъ она деньги прислала вамъ, говорила она, протягивая къ теткѣ руку съ пачкой ассигнацій.

Биби покраснѣла.

— Я не беру назадъ того чѣмъ дарю, сказала она, хотъ бы однимъ членомъ пошевелившись.

Соня на нѣкоторое время осталась сконфуженною.

Сначала она, съ потупленною головою, пошла было къ матери, потомъ тотчасъ же вернулась оттуда и сѣла опять около дѣдушки. Петръ Григорьевичъ, не совсѣмъ понявшій переданное ему отъ жены приказаніе, обратился къ дочери.

— Что же закладывать, что ли, надо?..

— Да-съ, отвѣчала Соня, и въ это время какая-то мгновенная игра во взорахъ произошла между ею и Александромъ, который сейчасъ послѣ того всталъ и пошелъ за Басардинымъ.

Тонкій слухъ Биби донесъ ей, что и онъ тоже велѣлъ себѣ закладывать лошадей.

— Ты это куда? спросила она, когда Александръ возвратился.

— Нужно, бабенка; мнѣ въ городѣ еще надобно пребыть; потомъ къ маменькѣ заѣхать; въ дорогѣ тоже дня четыре пробудешь.... говорилъ онъ, краснѣя и путаясь.

— Врешь все! сказала Биби и, по самолюбію своему, ничего больше не прибавила. Она очень хорошо видѣла, что вникъ оказывалъ въ этомъ случаѣ Басардинымъ предпочтеніе противъ нея; но объ истинной тому причинѣ, врядъ ли догадывалась. Обоихъ молодыхъ людей она еще считала за совершенныхъ дѣтей.

Передъ самымъ отъѣздомъ Соня выкинула маленькую и не совсѣмъ, кажется, искреннюю штуку. Оставшись случайно съ теткой вдвоемъ, она вдругъ бросилась къ ней на шею и проговорила.

— Тетенька, простите маменьку!

— Я ничего не имѣю противъ нея, отвѣчала сухо Биби; и затѣмъ объявивъ племянницѣ, что ботиночки она вышлетъ ей въ городъ съ первою же оказіей, повѣсила ей на шею

маленькій образокъ Митрофанія на золотой цѣпочкѣ, но и только!

При разставаньи, всѣ пошли первоначально проститься съ старикомъ, который и не уразумѣлъ что это такое, и непрежнему повторялъ свое: „ну вотъ! ну вотъ!“ Биби простилась съ нѣкоторымъ чувствомъ съ однимъ только Петромъ Григорьевичемъ, и сказала ему: „прощай, мой другъ!“ Всѣ тронулись. Александръ на своей щегольской тройкѣ, которую мать дала ему въ распоряженіе, поѣхалъ впереди. Онъ упросилъ также сѣсть съ собой и Петра Григорьевича, а парѣ его и Митькѣ съ Дарьей велѣно было ѣхать сзади.

Надежда Павловна, сѣвъ въ экипажъ, дала полную волю своему гнѣву и горю.

— Этакое зелье... змѣя!... повторяла она нѣсколько разъ.

— Кто это, мамаша? тетенька? спросила Соня.

— Да, отвѣчала Надежда Павловна и продолжала:—этакая чертовка... вѣдьма!

Бѣдная женщина такъ была взволнована, что совершенно забыла свой обычно-приличный тонъ и всякую осторожность въ присутствіи дочери.

Морозъ, между тѣмъ, съ закатомъ солнца, страшно свирѣпѣлъ; лошади, сплошь покрытыя инеемъ, бѣжали быстро; полозья скрипѣли, какъ будто бы ѣхали по льду. Кучера, а въ томъ числѣ и флегматическій Митька, безпрестанно соскакивали съ передковъ и бѣжали около повозокъ. Потанъ, забравшись на барское мѣсто, хоть бы чортъ все побралъ, пересталъ ужъ и править лошадьми. У Надежды Павловны, отъ холода и душевныхъ волненій, до сумашествія болѣла голова. Даже Петра Григорьевича, несмотря на капитальный запасъ собственной теплоты, сильно пробирало. Его потерянные медвѣди— какъ бы совсѣмъ отказались служить ему. „Шубой тоже называется, шваль этакая!“ начиналъ онъ думать съ нѣкоторою досадою.

Такимъ образомъ только два существа были тутъ счастливы. Студентъ, который съ какимъ-то опьяненіемъ думалъ, что съ нимъ будетъ сегодня же вечеромъ, и Соня въ своемъ тепломъ салопчикѣ, мечтавшая, какъ и съ кѣмъ она будетъ танцовать на балахъ. Передъ ними обоими мысли разстиались мильною и заманчивою пеленой.

ГЛАВА VII.

Блаженнѣйшія минуты.

Басардины всегда останавливались почевать въ Захарьинѣ у Никиты Семенова, мужика зажиточнаго, нѣсколько дерзкаго и грубаго на языкъ, но правдиваго, и рѣшительно всѣхъ своихъ постояльцевъ—и мужика, и барина—одинаково разумѣвшаго.

Въ большой избѣ его была зажжена огромная лучина и не было ни души. Самъ онъ только сейчасъ возвратился съ базару и въ одной рубахѣ, съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ въ зубахъ, что-то не совсѣмъ ловко возился съ запоромъ, который никакъ не входилъ у него въ скобку. Погнуло ли ее, проклятую, или у самого Никиты косило въ глазахъ, прахъ ее знаетъ!

Хозяйка его, большуха, пошла въ коровьей избѣ теленка, который никакъ не хотѣлъ совать морду въ крынку, но принявъ, наконецъ, ея палецъ за материнскій сосокъ, принялся тянуть молоко. Баушка старуха, со внучатами, давно уже спала въ третьей избенкѣ.

Въ окно большой избы громко застучали кнутовищемъ... Никита, услышавъ это, выглянулъ со свѣчей за калитку, и узнавъ своего стараго пріятеля сиваго меренка, тотчасъ же отпахнулъ ворота и поднялъ одною рукой длинную подворотню.

— Въѣзжайте! проговорилъ онъ.

Первый изъ саней выскочилъ Петръ Григорьевичъ: едва снявъ съ себя шапку и сбросивъ свою шубейку, онъ прямо полѣзъ на печь.

— Этакого чорта мороза еще и не бывало, объяснялъ онъ оттуда, скидая съ себя сапоги и ставя свои ноги на самое горячее мѣсто печи.

Студентъ тоже, самъ не зная какъ, отморозилъ себѣ два пальца.

Дарья, совершенно околѣтѣвшая отъ холоду, ввела барыню

пад руку. Надежда Павловна сейчас же стала распорядиться о чае. Ее по преимуществу беспокоило, не прозябла ли Соня; но та только пылала румянцемъ, и съ ея улыбки и розовыхъ щечекъ какъ бы летѣли мириады амурчиковъ.

— Ничего, мамаша, говорила она, когда мать вытирала ей лицо холодною водою и совѣтовала не снимать теплыхъ ботинокъ.

— Ничего!... повторила Соня и въ дорожномъ капотѣ, съ выпущенными, бѣлыми зарукавничками, положила ручки на столъ и стала лукаво глядѣть на студента, давно уже помѣтившагося не вдалекѣ отъ нея и жадно на нее смотрѣвшаго.

Надежда Павловна, напоивъ молодежь чаемъ, наконецъ вспомнила о мужѣ.

— Гдѣ же Петръ Григорычъ? спросила она.

— Я здѣсь... озябъ ужасно! отозвался тотъ съ печи.

— Какой нѣжный, скажите! замѣтила ему на это Надежда Павловна.

— Чего нѣжный!... Шуба никуда не годится...

Шуба въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ еще стояла коломъ. Надежда Павловна послала на печку стаканъ чаю, а у самой въ теплѣ такъ разболѣлась голова, что она и сидѣть не могла: вставши какъ пьяная съ мѣста, она сказала:

• — Я пойду прилягу!

Имъ съ Соней было послано за перегородкой.

— А ты еще посидишь? прибавила она, обращаясь къ дочери.

— Посижу! отвѣчала та.

Надежда Павловна осталась какъ бы въ недоумѣннн нѣсколько минутъ; но потомъ проговоря: „Хорошо!“ ушла.

Въ этомъ словѣ заключалось цѣлое море материнской нѣжности. Она очень хорошо видѣла, что дочери хочется посидѣть съ студентомъ, и хотъ, можетъ-быть, считала это съ своей стороны не совсѣмъ приличнымъ; но не въ состоянн была воспрепятствовать тому.

Оставшись вдвоемъ, молодые люди нѣсколько конфузались другъ друга.

— Ахъ, какіе у этого господина ужасные усы! проговорила Соня, показывая на ползшаго по столу таракана.

— А вотъ я его заключу сейчасъ, сказалъ студентъ, и обвелъ кругомъ таракана водяную окрѣжность. Тараканъ

дѣйствительно засовался рыльцомъ туда и сюда и не могъ ни откуда выползти.

— Ну что, освободите его! возразила Сося, и протянула было ручку чтобъ обтереть воду. Студентъ не допускалъ ея. Руки ихъ встрѣтились.

— Отпустите его! сказала наконецъ Сося строго и серьезно, и Александръ сейчасъ же ей повиновался.

Послѣ того она обратила вниманіе на висѣвшее передъ образомъ яйцо.

— Ахъ, какое большое яйцо! сказала она.

— Это, должно быть, лебединое, объяснилъ ей студентъ.

— Зачѣмъ же оно тутъ виситъ?

— У крестьянъ всегда такъ, отвѣчалъ Александръ не хотя. Видимо, оба они говорили совершенно не о томъ, о чемъ бы имъ хотѣлось.

Съ печки въ это время началъ ужъ явственно слышаться храпъ Петра Григорьевича.

— Опустите вашу ручку подъ столъ, проговорилъ вдругъ Александръ, наклоняясь низко, низко надъ столомъ.

Сося сдѣлала движеніе, чтобы къ самому дѣлу опустить ручку; но въ это время дверь скрипнула. Молодые люди вздрогнули и поразодвинулись.

Въ избу вошелъ хозяинъ съ еще болѣе всклокоченною головой и бородой, и сталъ оглядывать избу.

— Гдѣ ваша дѣвушка-то тутъ? Шла бы ужинать!... Дашутка! крикнулъ онъ.

И Дарья дѣйствительно появилась откуда-то изъ-за печки гдѣ она было прикурнула.

— Она была здѣсь! сказала, закусивъ губки, Сося.

— Да, пропенталъ и студентъ не менѣе ея сконфуженнымъ голосомъ.

Дарья однако, ни въ чемъ, кажется, неповинная, смиренно ушла, а Никита не уходилъ.

— Я вотъ все на молодого-то баринка гляжу, признать никакъ не могу, чей такой? сказалъ онъ, не спуская съ Александра глазъ.

— Я Аполинаріи Матвевны Бакалановой сынъ, отвѣчалъ тотъ.

— Слыхалъ... Папенька-то у тебя вѣдь нынѣ померъ!

— Да!

— Ты самъ-то изъ военныхъ, что ли, али, можетъ, межевой? продолжалъ Никита, уже садясь на лавку.

Онъ замѣтно былъ выпивши.

— Я студентъ, отвѣчалъ Александръ.

— Въ ученьи еще, значить. По росту-то словно бы и службу тяпать пора.

— Это все равно, что на службѣ: намъ дають два чина.

— За что жь это?

— За ученье.

Никита покачалъ головой.

— Плохо, что-то, паря, ваше ученье-то, сказалъ онъ, — много тоже вотъ вашей братьи этакихъ произраетъ и изъ кутейниковъ, и изъ дворянства: пустой народъ, хабальный... офицеры не въ примѣръ подбориствѣ будутъ, складнѣе.

Александръ на это счелъ за лучшее только усмѣхнуться.

— Въ женихи, что ли, къ барышнѣ-то ладишь? не отставай отъ него Никита и показывая головой на Сою.

— Нѣтъ, не въ женихи, отвѣтилъ ему насмѣшливо Александръ.

— Намъ нельзя, мы родня, подхватила Сося.

— Родня! Ишь ты, а! произнесъ Никита, какъ бы удивившись. — Коли родня, значить, нельзя теперь.

— Отчего жь? спросилъ ужь Александръ.

— Въ законѣ не показано.

— Что жь что не показано! Это вздоръ!

— Какъ вздоръ!... Нѣтъ!.. Счастья при томъ не бываетъ. Коли тоже, гдѣ эдакъ вотъ повѣнчаются, такъ опосля, чу! и не спать вмѣстѣ, все врозь.... опротиветь! объяснилъ Никита откровенно, и Богъ знаетъ, до чего бы еще договорился, но въ это время въ дверяхъ показалось лицо Михайлы, кучера Надежды Павловны.

— Что тѣ? спросилъ онъ его.

— Съна-сь! отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— А не хочешь ли полѣна-сь! отвѣчалъ ему Никита, впрочемъ сейчасъ же всталъ и пошелъ.

Глядя на его огромную курчавую голову, двухаршинные плечи и медвѣжью спину, не удивительно было, что онъ куражился надъ прочимъ человечествомъ.

— Какой онъ гадкiй! сказала, по уходѣ его, Сося.

— И веселосый! прибавилъ студентъ. Ручки Сося въ это время были подъ столомъ, Александръ и свою протянулъ

туда и осмѣлился взять ее за кончики пальчиковъ... Ему отвѣтили полнымъ пожатіемъ. Онъ захватилъ уже всю ручку, и потомъ наклонившись, какъ бы поднять что-то съ полу, поцѣловалъ ее.

— Перестаньте, шепнула Соня.

— Отчего же? спросилъ Александръ.

— Такъ, я и то уже сдѣлала три ступени къ пороку, говорила Соня.

— Нѣтъ, отчего же? повторялъ студентъ.

Блаженству ихъ не было предѣловъ!

Часто, глядя на казармо-подобные дома городовъ, слыша вѣчные толки о житейскихъ, служебныхъ и политическихъ дразгахъ, глядя по театрамъ на бездарныхъ актеровъ, слушающая музыку, которая больше бьетъ васъ по нервамъ чѣмъ по душѣ, невольно приходилось думать: „гдѣ жь поэзія въ наше время?“ А вотъ гдѣ! На постояломъ дворѣ Никиты Семенова!... Въ какомъ-нибудь маленькомъ домикѣ, гдѣ молодая мать, съ обнаженною шею и распущенною косой, глядитъ на своего милаго ребенка: кругомъ ея нищета, а она на небѣ!... На небольшой холмъ вышелъ труженникъ мысли, извѣдавшій своимъ разумомъ и теченіе водъ земныхъ, и ходъ свѣтилъ небесныхъ, а теперь съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ, глядитъ на закатъ солнца и на окружающій его со всѣхъ сторонъ пурпуръ облаковъ!... Сонный таперъ въ большой, грязной, но позолоченой комнатѣ играетъ на нестройной рояли; полупьяные пары нетвердую поступью танцуютъ холодный и безстрастный канканъ; разбитыя и выпитыя бутылки катаются у нихъ подъ ногами; но тутъ же, въ полусвѣтѣ, рисуется стройный станъ молодой женщины и черныи профиль мужчины, и они говорятъ—говорятъ—говорятъ между собой! Посреди этой душной атмосферы винныхъ паровъ, безстыдныхъ и нахальныхъ рѣчей, посреди смрада болѣзни и разврата, ихъ искреннее чувство, какъ чистый эфиръ, возносится къ небу.... Гдѣ поэзія? Выкинуть ее изъ жизни все равно, что выкинуть изъ міра душу, мысль.

Сальная свѣчка, освѣщавшая Сою и студента, очень однако нагорѣла и только что не гасла. Храпъ Петра Григорьевича раздавался по избѣ. Изъ комнаты Надежды Павловны не слышно было ни звука. Дарья все еще не возвращалась. Молодые люди уже нѣсколько минутъ держали другъ друга въ объятіяхъ и тихо, тихо цѣловались.

— Соля! окликнула наконецъ мать.

— Сейчасъ, мамаша, отвѣчала та, и вырвавшись изъ робко распутившихся рукъ Александра, ушла за перегородку, и черезъ нѣсколько минутъ вся пылающая, но повидимому спокойная, лежала около матери.

Александръ влѣзъ на палату.

Думали ли они, что это были послѣднія для нихъ счастливыя минуты, и что они долго потомъ не сойдутся, а если и сойдутся, такъ далеко не полною рукой будутъ срывать розы счастья, и хорошо еще, если въ душахъ ихъ останутся отъ нихъ лепестки, не разбитые житейскими бурями и непогодами. О, молодость, великое ты дѣло!

ГЛАВА VIII.

Александръ совсѣмъ на небѣ.

Губернскій городъ, по случаю сошедшихся въ одно и то же время баллотировки и рекрутскаго набора, значительно поживши: на его длинныхъ и заборами исполненныхъ улицахъ стало попадаться, во всевозможныхъ деревенскихъ экипажахъ, много помѣщичьихъ физиономій. По лавкамъ болѣе обыкновеннаго толпились дамы, по большей части полныя и съ закругленными, красноватыми лицами. Петръ Григорьевичъ тоже вѣздилъ по визитамъ, сидя чопорно и прямо на своихъ пошевняхъ, и не съ неуклюжимъ Потапомъ, а съ Михайломъ, и не на соврасой кобылѣ, а на женивой коренной. Легче было бы для этого бѣдняка ворочать жернова чѣмъ дѣлать то, что заставляла его Надежда Павловна. Хорошо еще гдѣ говорили: „дома нѣтъ!“ а въ другихъ мѣстахъ и принимали.

— Какъ здоровье вашей супруги?... вашихъ дѣточекъ? говорилъ онъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, и потомъ заключивъ все это фразой: „Имѣю честь поручить себя вашему расположенію“, заканчивалъ тѣмъ свое посѣщеніе.

Щотъ уже градомъ катился съ его лба, и мысли его были въ самомъ дурномъ настроеніи.

— Выдумали эти окаянныя балтировки, съѣзжаются тоже, толкуютъ, бѣсуются, а изъ чего, чортъ знаетъ! думалъ онъ.

подъѣзжая къ своей квартиркѣ, которую нанимали они у Покровскаго священника во флигелькѣ.

Въ небольшой комнаткѣ, оклеенной чистенькими обоями и сейчасъ же слѣдовавшей за передней, на небольшомъ кожаномъ диванчикѣ, сидѣла Соня. Въ своей утренней блузѣ, съ завитыми въ папильотки волосами, она была олицетворенная прелесть и свѣжесть.

Будь у Петра Григорьевича хоть капля эстетическаго чувства, онъ, возвратясь съ визитовъ и увидѣвъ свою дочурочку, непременно бы почувствовалъ желаніе привлечь ее къ своей груди и расцѣловать ее въ губки, въ глазки, въ голову; но онъ только и есть что робко спросилъ ее.

— А что, мамаша дома?

— Дома, отвѣчала Соня.

Басардинъ сѣлъ: ему всего бы больше хотѣлось поскорѣй стянуть съ себя проклятый мундиръ, но онъ не смѣлъ этого, не зная, не прощаютъ ли его еще куда-нибудь.

Александръ, обыкновенно забиравшійся къ Басардинымъ съ ранняго утра, былъ тутъ же. Лицо его сіяло счастьемъ. Каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ, Соня исполняла его какимъ-то восторгомъ. Въ сосѣдней комнатѣ Надежда Павловна все хлопотала съ балнымъ нарядомъ дочери, которая въ этотъ день должна была въ первый разъ выѣхать въ собраніе; но Соня, напротивъ, оставалась совершенно спокойна, она даже смѣялась надъ хлопотами и безпокойствомъ матери. Будущая пожирательница мужскихъ сердецъ заранѣе предчувствовала, что выйдетъ оттуда побѣдительницей.

Надежда Павловна утомленная, нечесаная, наконецъ вышла.

— Что же столъ не накрываютъ? сказала она усталымъ голосомъ.

Александръ сейчасъ же началъ раскланиваться. Чтобы не стѣснять Басардиныхъ въ ихъ хозяйствѣ, онъ никогда не оставался у нихъ обѣдать.

— Adieu! сказала ему Надежда Павловна, сама хорошеенько не помня что говорить. Соня посмотрѣла на студента съ нѣжастью. Петръ Григорьевичъ пошелъ проводить его до передней.

— Славный конь! сказалъ онъ, когда Александръ подкрикнулъ своего извозчика, на сѣромъ въ яблокахъ жеребцѣ, и съ медвѣжьей полостью на саняхъ. Чтобы представить изъ себя

моднѣ губернскаго денди, молодой человекъ не ѣздилъ на своихъ дорожныхъ лошадяхъ, а нанималъ лучшаго въ городѣ лихача-извозчика. Усѣвшись въ сани и завернувшись нѣсколько по-офицерски въ свою, съ бровнымъ воротникомъ, шивель, онъ крикнулъ: „пошелъ!“

Извозчикъ сразу продернулъ его мимо Басардинскихъ оконъ, причеиъ студентъ едва только успѣлъ приложиться рукой къ фуражкѣ, а Соня кивнуть ему черезъ стекло головой.

— Славный конь! славный! повторялъ ему вслѣдъ Петръ Григорьевичъ. Старый кавалеристъ до сихъ поръ любилъ еще считать себя большимъ знатокомъ въ лошадяхъ, и врядъ ли это была не единственная вещь, которою онъ гордился въ жизни. Александръ между тѣмъ, черезъ двѣ, три улицы, подѣхалъ къ большому, деревянному дому. Это былъ ихъ собственный домъ. Покойный отецъ его былъ какой-то несмысленный председатель уголовной палаты. Онъ-то обыкновенно, изъ сожалѣнія къ Надеждѣ Павловнѣ, выпараивалъ Петра Григорьевича изъ-подъ суда и считалъ его въ то же время дуракомъ набитѣйшимъ. Въ прежніе годы онъ и побиралъ порядочно; но передъ смертью только и жилъ, что въ ѣду и комфортъ. Домъ у него былъ отдѣланъ на барскую руку. Александръ вошелъ со передняго крыльца. Его встрѣтилъ губернскаго закала мрачный и грязный лакей, и проводивъ барина до кабинета, хотѣлъ было тутъ же подать обѣдать.

— Накрой въ столовой! сказалъ ему Александръ, сколько могъ строго, и лакей въ насмѣшку ли, или изъ угодливости, размахнулъ тамъ дубовый столикъ, на которомъ прежде обѣдывало человекъ по двадцати, покрылъ его длиннѣйшею скатертью и поставивъ передъ приборомъ миску съ плоховатымъ супомъ собственнаго приготовленія, доложилъ барину: „готово-съ!“ Александръ пошелъ и съѣлъ не безъ удовольствія на занимаемое прежде отцомъ его мѣсто.

Припомните, читатель, ваше юношество, первое, раннее юношество! Вы живете съ родителями. Вамъ все какъ-то неловко курить трубку или папирску въ присутствіи вашего отца. Къ вамъ пришли гости и вы должны идти къ матери, сказать ей: „шашан, ко мнѣ пришло двое товарищей, прикажите намъ подать чаю наверхъ!“ Вамъ на-то, разумеется, ничего не скажутъ, но все-таки, пожалуй, сдѣлаютъ недовольную мину. Вамъ ужасно захотѣлось маленькій голубой диванъ, что стоитъ въ залѣ,

перспести въ вашу комнату, и вы совершенно спокойно просите объ этомъ отца, и вдругъ на васъ за это крикнуть.... О, какъ вамъ при этомъ горько, и обидно, и досадно! Но вотъ родители ваши собрались и уѣхали, и вамъ не только что не грустно объ нихъ, напротивъ, вамъ очень весело! Вы полный господинъ и самого себя, и всѣхъ вещей, и всего дома. Вы, съ улыбкой совершеннолѣтняго человѣка, ходите по залѣ; поглядываете на шкафъ съ книгами, зная, что можете взять любую изъ нихъ; вы поправляете лампу на среднемъ столѣ, вы сдуваете наконецъ пыль съ окна. Вамъ кажется, что все это ужь ваше.

То же, или почти то же самое, чувствовалъ и мой девятнадцатилѣтній герой.

— Тамъ въ погребѣ должно быть вино! сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу повелительный тонъ.

— Есть, отвѣчалъ лакей протяжно.

— Принеси мнѣ бутылку сенъ-жюльена.

Лакей не торопливо пошелъ и принесъ вино вмѣстѣ съ подгорѣлымъ жаренымъ. Александръ налилъ себѣ цѣлый стаканъ и сталъ изъ него самодовольно прихлебывать.

— Затопи каминъ! распорядился онъ еще разъ.

Лакей повиновался и, возвратясь, притащилъ цѣлую охапку сырыхъ дровъ.

— Затопи каменнымъ углемъ; развѣ нѣтъ каменнаго угля? воскликнулъ Александръ.

Лакей, ни слова не отвѣтивъ, унесъ дрова назадъ, и вмѣсто ихъ принесъ, въ полѣ собственного сюртука, около пуда угля, и вваливъ все это въ каминъ, принялся съ раскраснѣвшимся и озлобленнымъ лицомъ, раздувать огонь.

Александръ ушелъ въ кабинетъ, и тамъ сѣвъ за письменный столъ отца, къ которому прежде прикоснуться не смѣлъ, написалъ записочку.

„Любезный другъ! Я пріѣхалъ, и затѣваю ужасную вещь! Если ты свободенъ, пріѣзжай поболтать съ симъ же посланнымъ. Мнѣ нужно обо многомъ съ тобой поговорить.“

Написавъ на конвертѣ „Венявину“, онъ это письмо велѣлъ свезти извозчику, а самъ, надѣвъ бархатный, съ таліей и съ шелковыми кистями, халатъ, нарочно спитый имъ въ Москвѣ, для произведенія въ провинціи эффекта, возвратился въ столовую.

Тамъ огонь уже ярко пылалъ въ каминѣ; зимнія сумерки

совершенно потухали, и стекла оконъ сдѣлались какъ бы покрыты сзади сажей. Александръ пододвинулъ къ огню козетку и прилесть на нее. Окружающіе его предметы все болѣе и болѣе принимали какой-то странный видъ: длинная, отдѣланная подъ дубъ комната казалась безконечною; по ней какъ-то величественно протягивался обѣденный столъ, покрытый бѣлою скатертью. Черный буфетъ рококо имѣлъ какую-то средневѣковую, солидную наружность. Картины на стѣнахъ, изображавшія разрѣзанный арбузъ, дыню, свеклу, мертвого зайца, свиной окорокъ, скорѣй представляли собой какія-то цвѣтныя пятна, чѣмъ опредѣленной формы рисунки. Толстая драпировка, висѣвшая на дверяхъ въ кабинетъ, слегка, но безпрестанно колебалась.

Александрю начало дѣлаться немного страшно. Онъ живо припомнилъ покойнаго отца, какъ тотъ, шлепая туфлями, сходилъ сверху изъ спальни въ кабинетъ, и теперь въ самомъ дѣлѣ, въ коридорѣ, раздались какъ будто чьи-то шаги.... Александрю такъ и чудилось, что вотъ, вотъ, надъ головой его раздался гробовой голосъ!... Онъ еще не былъ чуждъ дѣтскихъ ощущеній. Шаги наконецъ явственно стали слышны. Онъ не вытерпѣлъ и закричалъ.

— Семень, кто тутъ?

— Это я, другъ мой милый, произнесъ чей-то необыкновенно добрый голосъ.

Въ комнату входилъ привезенный извощикомъ Венявинъ, бѣлокурый студентъ, съ широкимъ лицомъ, съ торчащими прямо волосами, и весь какъ бы погнутой напередъ.

— Здравствуй! садись! произнесъ Александръ, не перемѣняя положенія и не совсѣмъ успокоившимся голосомъ.

Венявинъ сѣлъ на ближайшее кресло.

— Какъ у тебя тутъ чудесно! Точно какая-нибудь таинственная ниша! говорилъ онъ, оглядываясь.

Александръ молчалъ.

— Ну, скажи однако, давно ли сюда прибыть изволил?

— Дня три.

— Съ *нею*, значитъ, ужь видѣлся.

Последніе слова Венявинъ произнесъ, устремляя на пріятеля лукаво-добродушный взглядъ.

— Разумѣется! отвѣчалъ Александръ и закинулъ, какъ бы въ утомленіи, голову назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, извольте разказывать, какъ и что

было, продолжалъ Венявинъ, самодовольно упирая руки въ козлы и не спуская съ пріятеля добраго взгляда.

— А было, отвѣчалъ тотъ (онъ все еще не спускалъ глазъ съ драпировки, которая не переставала шевелиться),— что я сталъ къ ней въ такія отношенія, при которыхъ уже пачтаться нельзя! прибавилъ онъ съ разстановкой.

Венявинъ даже поблѣднѣлъ.

— Какъ такъ?

— Такъ!

И Александръ еще дальше закинулъ голову назадъ.

— Она была, продолжалъ онъ, закрывая глаза,— грустна, какъ падшій ангелъ.... Только и молила: „что вы, что вы со мной дѣлаете?...“ Но я былъ бѣшеный! прибавилъ онъ, сжимая кулаки.

Далѣе Александръ не продолжалъ и, повернувшись внизъ лицомъ, уткнулся головой въ спинку козетки.

— Но гдѣ же и когда это было, безумный ты человекъ! воскликнулъ Венявинъ, старая любопытствомъ и удивленіемъ.

— Въ Захарьинѣ, на постояломъ дворѣ, отвѣчалъ Александръ глухимъ голосомъ.

Читатель очень хорошо видитъ, что молодой человекъ тутъ лгалъ безбожно, немилосердно! Но что дѣлать? Это была не ложь, а скорѣе черезчуръ разыгравшаяся мечта!

Огонь въ каминѣ, между тѣмъ, горѣлъ красноватымъ пламенемъ. Фантастическому характеру бесѣды сталъ нѣсколько подпадать и Венявинъ: онъ сидѣлъ какъ ошеломленный.

— Я всегда боялся одного, началъ онъ какимъ-то наставническимъ голосомъ,— что ты увлечешься, надѣлаешь глупостей, и погубишь твою даровитую, скажу болѣе, гениальную натуру!

На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе, какъ бы говорилъ непреложнѣйшую истину.

— Но изъ чего ты это видишь? отозвался Александръ насмѣшливо.

— Изъ всего. И какъ теперь эта дѣвушка ни прелестна, въ чемъ я нѣсколько не сомнѣваюсь, но все-таки ты долженъ оставить ее.

Александръ молчалъ и не перемѣнялъ положенія.

— А что же с ней послѣ будетъ? проговорилъ онъ наконецъ.

О выдуманномъ имъ положеніи онъ разсуждалъ, какъ будто бы это была полнѣйшая дѣйствительность.

Венявинъ пожалъ плечами.

— Пускай винить самое себя! сказалъ онъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

Бумъ! раздалось въ эту минуту.

— Что такое? воскликнулъ Александръ, вскакивая.

— Часы, должно-быть, отвѣчалъ Венявинъ.

Въ комнатѣ, въ самомъ-дѣлѣ, пробили полугодовые часы, заведенные еще рукою покойнаго старика, и Александру почудился въ нихъ его голосъ. Въ какой-то непонятной для него самого тоскѣ, онъ опять прилежъ. Нервы его были сильно возбуждены.

— Чтожь, однако, ты намѣренъ дѣлать? не отставалъ отъ него Венявинъ.

— Ничего.... Останусь здѣсь.... Напишу матери и женюсь, отвѣчалъ Александръ.

— И не кончишь курса?

— Конечно.

Венявинъ схватилъ себя за голову.

— О, безуміе! безуміе! воскликнулъ онъ, и очень ужъ огорченный всталъ и отошелъ къ окну.

Въ комнатѣ опять воцарилось молчаніе, и только ходилъ не то трескъ, не то шелестъ, который часто бываетъ въ нежилыхъ, пустыхъ покояхъ. На горизонтѣ вдали, какъ бы огромнымъ заревомъ пожара, показывалось красноватое лицо луны.

— Ты этого, другъ любезный, не имѣешь права, сдѣлать! бормоталъ Венявинъ, — тебя, можетъ-быть, ждетъ министерскій портфель; тебя ждетъ родина, Александръ! Ты передъ ней долженъ будешь дать отвѣтъ за себя.

Говоря это, добрякъ нѣсколько не льстилъ. Онъ былъ товарищъ Александра по гимназіи, и теперь они вмѣстѣ учились въ университетѣ. Умненькій, красивый изъ себя и получившій нѣсколько свѣткое воспитаніе, Баклановъ рѣшительно казался Венявину какимъ-то полубогомъ.

— Господи, Боже мой! продолжалъ онъ въ своемъ углу: — сама дѣвушка, еслибы только растолковать ей, не потребо-

вала бы этой жертвы. Женщины рождены на самоотверженіе, а не на то чтобы губить насъ.

Александру въ это время, передъ его умственнымъ окомъ, представлялось, что Соня уже живетъ съ нимъ въ этомъ домѣ, и вотъ она, въ бѣлой блузѣ, вся блистающая, входитъ и садится около него на козеткѣ. Онъ чувствуетъ, какъ она прикасается къ нему теплою грудью и съ стыдливымъ румянцемъ шепчетъ ему.

— А что, если она будетъ матерью? проговорилъ онъ вдругъ, обертывая къ другу лицо.

У того при этомъ волосы и уши заходили на черепѣ.

— И въ такомъ случаѣ ты долженъ оставить ее! сказалъ онъ, не шевелясь съ мѣста.

Ему было слишкомъ тяжело произносить эти суровые приговоры; но что дѣлать?—надобно было спасти друга и спасти еще для блага отечества.

— Хорошо такъ говорить, отвѣчалъ Александръ со вздохомъ. — Семень! крикнулъ онъ.

Тотъ вошелъ.

— Одѣваться!

— Покажи ты мнѣ ее, я хочу ее видѣть! проговорилъ Венявинъ, выходя наконецъ изъ угла.

Въ томъ, что другъ, во всей этой исторіи, прилагалъ, онъ и тѣни не имѣлъ подозрѣнія: онъ вѣрилъ въ его силу и могущество во всѣ стороны.

— Поѣзжай сегодня въ собраніе и увидишь, отвѣчалъ Александръ.

— Въ собраніе-то, братецъ, вѣать какъ-то не того... не при- выкъ я!

— Поѣзжай на хоры.

— На хдры еще пожалуй.

Семень въ это время принесъ Бакланову его бальную форму.

— Какой, вѣдь, чертенокъ, стройненькій! говоритъ Венявинъ, когда Александръ затягивалъ ремнемъ свои мундирные брюки. — А воротникъ, братъ, чудный! Чудо какъ вышитъ! любовался онъ.

Все, что принадлежало Александру, Венявину обыкновенно казалось необыкновенно какимъ прекраснымъ.

— Ну, такъ прощай! Зайду къ матери и явлюсь! сказалъ онъ.

Хорошо, отвѣчалъ Александръ.

Раздраженно-нервное состояніе въ немъ еще продолжалось. Совсѣмъ уже собравшись и выходя, онъ сказалъ въ передней человѣку:

— Ты ляжешь у меня въ кабинетъ. Дворнику тоже вели какъ и вчера, лечь въ столовой, а кучеру — въ лакейской!

— Кучеръ говоритъ, что ему надобно-съ быть около лошадей, объяснилъ было ему лакей.

— Чтобы чортъ все побралъ! крикнулъ Александръ и съѣлъ въ сани.

На улицѣ луна освѣтила его фигуру, экипажъ, кучера и лошадь яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ.

ГЛАВА IX.

Спущенъ на землю.

Домъ Дворянскаго Собранія горѣлъ всѣми своими двадцатью пятью окнами. Публики ожидалось довольное число. Въ каждую баллотировку обыкновенно говорили: „Ну, сегодня вся Таганка въ Собраніе тронется.“ Дамы высшаго общества, то-есть, жены мужей пятаго класса, за исключеніемъ губернаторши, бывшей тутъ почти по обязанности своей службы, обыкновенно не ѣздили въ эти собранія, и даже дамъ и кавалеровъ, бывавшихъ тамъ, называли вторичными кавалерами, и вторичными дамами. (Собраніе всегда бывало по вторникамъ). Надежда Павловна, по своему состоянію, могла вывести дочь только въ собраніе. Бывать же съ ней на балахъ и на вечерахъ она не имѣла ни средствъ, ни знакомствъ.

Проиграли уже ригурнель передъ кадриалью, когда Александръ, съ воодушевленною фізіономіей, вошелъ въ залъ, и первое что взмахнулъ глазами на хоры: добродушное лицо Венявина уже видѣлось оттуда.

Александръ, надѣвъ на носъ *pinse-nez* и закинувъ нѣсколько голову назадъ, началъ обводить глазами залъ. Онъ не былъ близорукъ, но носилъ это орудіе собственно для того, чтобы представить изъ себя человѣка мыслящаго и занимающагося.

Около балюстрады, на самомъ видномъ мѣстѣ залы, онъ увидѣлъ Надежду Павловну съ дочерью. Петра Григорьевича, къ величайшему его блаженству, покинули дома.

Соня, выше почти всѣхъ другихъ дѣвицъ, съ развитою впопавъ грудью (Александръ въ первый еще разъ видѣлъ ее въ бальномъ нарядѣ), въ бѣломъ роскошномъ платьѣ, на которомъ, съ удивительнымъ умѣиємъ было брошено нѣсколько розановъ; съ черной косой, въ которую тоже впивались два розана, весело разговаривала съ высокимъ, стройнымъ полковникомъ, въ бѣлыхъ серебряныхъ эполетахъ и съ бѣлымъ аксельбантомъ. Въ нѣкоторомъ разстояннн отъ него, но какъ бы стремясь къ нему всѣмъ тѣломъ, стояла губернаторша Начальникъ губерннн, несмотря на свою гордость, тоже замѣтно старался держать себя невдалекѣ отъ этой группы.

Все это Александра сильно удивило.

Разговаривавшнй съ Соней былъ присланный по наборамъ флигель-адъютантъ Корнѣевъ. До какой степени онъ съ первыхъ своихъ шаговъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ дамъ, авторъ даже затрудняется сказать. Отъ большей части дамъ только и слышно было. „У меня былъ Корнѣевъ!“ „Корнѣевъ то-то разказывалъ!“ „Корнѣевъ говоритъ, что онъ знакомъ съ М-ме Внрдо!“ И хорошо еще, еслибы въ этомъ случаѣ прекраснымъ полемъ руководствовала любовь къ изящному (Корнѣевъ дѣйствительно былъ красивъ собою); но нѣтъ. Тутъ лежало въ основаннн гораздо болѣе ничтожное, чтобы не сказать холопское, чувство.

Когда музыканты заиграли кадрили, Соня преспокойно подала руку флигель-адъютанту и пошла съ нимъ. Это ужъ совершенно озадачило студента. Первую кадрили она еще въ Ковригинѣ обѣщала танцовать съ нимъ. Нѣсколько скорфуженный, но заложивъ руку за бортъ мундира и выпячивая грудь, онъ гордо подошелъ къ ней.

— Вы обѣщались эту кадрили танцовать со мной, сказалъ онъ.

— Ахъ, да, pardon!... Я и забыла... Ну, ничего, все равно, слѣдующую, проговорила она скороговоркой, и какъ ни въ чемъ не бывало, обернулась къ своему кавалеру.

— Да какъ же это? забормоталъ было Александръ.

— Не могла жъ она отказать флигель-адъютанту, какой ты глупый! объяснила ему напрямкъ находившаяся невдалекѣ Надежда Павловна.

Александръ этимъ окончательно обидѣлся. Сдѣлавъ прерзительную мину, онъ отошелъ и сѣлъ на дальнѣйшій стулъ. На верхъ, на хоры онъ не смѣлъ и взглянуть, до того ему было стыдно Венявина. Но это было еще только начало его мученій. Соня безпрестанно заговаривала съ своимъ кавалеромъ вскидывала на него свои чудные глаза и мѣшалась въ кадрили. Чтобы не видѣть этого, Александръ отвернулся и съ упорствомъ школьника сталъ смотрѣть на одну точку совершенно въ противоположной сторонѣ.

Наконецъ подали сигналъ ко второй кадрили. Онъ всталъ и пошелъ. Соня въ это время разсѣянно стояла посреди залы.

— Надѣюсь, что эту кадрили я съ вами танцую, проговорилъ онъ ей мрачно.

— Да, отвѣчала Соня, а между тѣмъ глаза ея кого-то искали по залѣ.

Александръ, вставъ около нея, даже не предложилъ ей стула. Онъ рѣшился быть дерзкимъ съ ней.

— Вы съ такимъ удовольствіемъ танцовали съ вашимъ кавалеромъ. Вотъ, я думаю, разсыпалъ передъ вами перлы ума! сказалъ онъ насмѣшливо.

— Да, онъ премилый, отвѣчала Соня, какъ бы не появь.

Александръ закусилъ губы.

— Я все теперь вспоминаю о Захарьинѣ! продолжалъ онъ перемѣнивъ тонъ.

— Чтò? спросила Соня, какъ бы не разслышавъ.

— О Захарьинѣ! повторилъ студентъ и вздохнулъ.

Въ лицѣ Сони промелькнуло что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки, но потомъ она вдругъ вся засіяла радостію. Къ ней, пробираясь между парами, ловкою, и осторожною походкой, подходилъ Корнѣевъ. Это превышало всякую мѣру терпѣнія. Александръ рѣшился наговорить ему дерзостей, толкнуть его и вызвать на дуэль. Корнѣевъ выразилъ Сонѣ просьбу, чтобы она представила его матери.

— Ахъ, да, да! почти воскликнула Соня, и безпрестанно стала обращаться къ нему то со взглядомъ, то съ вопросомъ.

Корнѣевъ отвѣчалъ ей; но стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Александръ никакимъ образомъ не могъ придраться къ нему.

Послѣ кадрили Корнѣевъ представился Надеждѣ Павловнѣ. У той отъ радости ротъ распространился до ушей. Она улыбалась, кланялась, пылала румянцемъ. На нее Александръ

сердилася еще болѣе, чѣмъ на Союю. „Презрѣнная тварь, торгующая своею дочерью“, шевелилось въ его душѣ.

Между тѣмъ вниманіе блестящаго петербургскаго кавалера къ бѣдной, но прекрасной собою дѣвушкѣ, сейчасъ же возымѣло свои послѣдствія. Отпускной комно-піонеръ, лучшій полькеръ въ городѣ, пригласилъ ее на польку. Эффектъ, который Союя произвела при этомъ своимъ высокымъ, граціознымъ станомъ, былъ выше всякаго описанія. Одинъ изъ самыхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, чиновникъ особыхъ порученій, и врядъ ли не камеръ-юнкеръ, пригласилъ ее на кадрили, наконецъ самъ губернаторъ провальсировалъ съ нею, причѣмъ фалды на его армейскомъ задѣ ужасно смѣшно раздувались. Но Союя и съ нимъ была прелестна. Александръ самъ, своими ушами, слышалъ, какъ флигель-адъютантъ, ходя съ губернаторшей, говорилъ ей.

— Она первая здѣсь красавица!

— Поздравляю, вы ужь, значить, влюблены, замѣчала ему та.

— Рѣшительно, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.

У Александра не достало болѣе силъ переносить всей этой, по выраженію его, гадости. Онъ вышелъ въ другія комнаты и началъ безъ всякой цѣли шалтаться около игроковъ. Къ нему подошелъ клубный лакей.

— Васъ просить какой-то господинъ на хоры, сказалъ онъ.

— Скажи, что не пойду, отвѣчалъ было сначала Александръ съ досадою; но сообразивъ, что это будетъ совсѣмъ ужь неловко, остановилъ лакея.

— Погоди, постой! Я пойду! И дѣйствительно вошелъ на хоры.

Венявинъ встрѣтилъ его тамъ съ своимъ добродушно-улыбающимся лицомъ.

— Которая она? Та, что съ тобой кадрили танцевала? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ Александръ.

— Прелестъ какая, братецъ, а! Чудо! Дѣлаетъ честь твоему вкусу. Я вотъ давеча тебя укорялъ, а какъ теперь посмотрѣлъ на васъ въ парѣ, такъ бы сейчасъ и поставилъ васъ подъ вѣнецъ.

Слова эти острымъ ножомъ рѣзали сердце Александра.

— Только за ней что-то флигель-адъютантъ очень ужь приударяетъ, продолжалъ Венявинъ.

Александръ ничего не отвѣчалъ.

— Да и она что-то къ нему льнеть! не отставала мучить его Весаивикъ.

— Это все нарочно... маска! едва нашелся Александръ.

— Вонъ оно что! произнесъ простодушно добракъ.

— Я съ ней больше и танцевать не буду, сказалъ Александръ, взглянувъ въ это время внизъ, и видя что Сомя становится съ флигель-адъютантомъ въ мазуркѣ, онъ прибавилъ:—я сейчасъ уйду домой.

— А я такъ посижу еще, полюбуюсь ею.

— Любишься, сколько хочешь; а мнѣ, признаться, немножко ужъ это и наскучило! произнесъ Александръ и пошелъ: въ голосъ его слышалось цѣлое море горя и досады.

Резвость, говорятъ, есть усиленная зависть; въ ней мы и смакиваемъ потерянное нами счастье, и завидуемъ, что имъ владѣть другой.

Возвратившись домой, Бакаановъ изрыгалъ проклятья, рвалъ на себѣ волосы, дрегалъ на постели ногами. Избалованный, а отчасти и по самой натурѣ своей, онъ любилъ страдать шумно!

ГЛАВА X.

Выборы.

Въ той же самой замѣ, гдѣ безпечная младость танцевала и веселилась, совершалось и серьезное дѣло жизни—баллотировка. Еслибы надобно было сказать, какая въ ней преобладала партія, я не задумавшись бы сказалъ: губернаторская. Начальникъ губерніи, обыкновенно очень просто и безъ всякой церемоніи, призывалъ къ себѣ нѣсколько дворянъ повліятельнѣй, и прямо имъ говорилъ: „Пожалуста, господа, на такое-то мѣсто выберите такого-то!“ И когда выбирали другаго, онъ его не утверждалъ, а если нужно было представить на утвержденіе, такъ дѣлалъ такого рода отмѣтки: *неблагонадеженъ, преданъ пьянству и картамъ*; но чаще всего и всего успѣвшіе опредѣлялъ такъ: *читаетъ иностранныя журналы и прилагаетъ ихъ идеи къ интересамъ дворянства*, и выбраннаго, разумеется, отстраняли. Въ настоящую баллотировку,

впрочемъ, все шло благополучно: по уѣздамъ она была кончена, и выбрались губернскія власти. Около стола губернскаго предводителя толпилось дворянство въ отставныхъ военныхъ, а еще болѣе того въ дворянскихъ мундирахъ. Басардинъ, въ своемъ бѣломъ кирасирскомъ колетѣ, въ своихъ лосинахъ и ботфортахъ, сохраненныхъ имъ еще отъ полковой службы, тоже стоялъ у окна. Лицо его не выражало ничего. Онъ ужъ баллотировался и въ исправники, и въ судьи, даже въ застѣдатели; но никуда не попалъ. Надежда Павловна не помнила себя съ горя, и къ тому же, ко всѣмъ ея радостямъ, получила письмо отъ сына, который начиналъ и оканчивалъ тѣмъ, что просилъ у нея денегъ. „Какъ сынъ русскаго кавалериста, писалъ онъ, я считаю унизительнымъ посвятить себя пѣхотной службѣ; а потому хочу выйти офицеромъ въ кавалерію. Прошу васъ, маменька, прислать мнѣ реверсъ, что вы обезпечиваете мнѣ содержаніе.“

— Ну да, я тебѣ дамъ, пришлю тебѣ фигу, сынъ русскаго кавалериста! говорила бѣдная женщина, чуть не рва на себѣ волосы.

Мужа своего она не могла видѣть безъ нервнаго раздраженія. Чтобъ испытать послѣднее и почти безнадежное средство, она велѣла ему баллотироваться въ депутаты въ дорожную комиссію, и сегодня, ради этого, еще до свѣту разбудила его и отправила. Такимъ образомъ Петръ Григорьевичъ, въ мундирѣ и ботфортахъ, съ семи часовъ утра, стоялъ уже въ Собраніи. Когда онъ заявилъ о своемъ желаніи баллотироваться, губернскій предводитель даже усмѣхнулся.

— Вездѣ и на все считаете себя способнымъ, проговорилъ онъ.

— Не оставьте! сказалъ какъ-то односложно Басардинъ и отошелъ на свое мѣсто.

При баллотированіи его, вышелъ такого рода случай, что большая часть, кладя ему шары, думали: „этому дуралею всѣ вѣроятно положить налѣво, положить ужъ ему направо.“ Другіе подсыпали ему бѣлковъ по добротѣ душевной, имѣя привычку всѣмъ класть бѣлые шары; третьи наконецъ вотировали за него, чтобы какъ-нибудь не выскочилъ на это мѣсто его конкурентъ, процалыга Колоколовъ.

Губернскій предводитель, сосчитавъ шары, звучнымъ, но не лишеннымъ удивленія голосомъ, произнесъ:

— Г. Басардинъ выбранъ и все почти бѣлыми.

При этомъ многіе не могли удержаться, и разведя руками, проговорили другъ другу: „Вотъ вамъ и баллотировка наша!“

Самъ же Петръ Григорьевичъ, все продолжавшій стоять у окна, слегка только вспыхнулъ и раскланявшись передъ дворянствомъ, объяснилъ:

— Постараюсь заслужить....

— Да, да, постарайся, Петруша! замѣтилъ ему Неплюевъ, сосѣдъ его по деревнѣ и совершенно безъ церемоніи съ нимъ обращавшійся:—прежде только пять дураковъ тебѣ клали направо, а теперь набралось ихъ пятьдесятъ. Слава Богу, совершенствуемся!

Общій хохотъ распространился по залѣ; но Петръ Григорьевичъ нисколько этимъ не обидѣлся, и самъ улыбался. Онъ, кажется, хорошенько и не понялъ, въ чемъ тутъ соавъ-то заключалась, и затѣмъ, спокойнѣйшимъ манеромъ достоявъ всю баллотировку, сошелъ съ дѣйствицы степенною, неторопливою походкой, сѣлъ въ свои развалыи и прибылъ домой.

— Выбрали.. въ депутаты въ комиссію, сказалъ онъ совершенно не взволнованнымъ голосомъ.

— Боже мой! вскрикнула Надежда Павловна и, истерически зарыдавъ, бросилась передъ образомъ на колѣни. — Благодарю тебѣ, Царица Небесная!.. Благодарю, Иисусе Христе, что не далъ несчастнымъ совершенно погибнуть!.. бормотала она, воплескивая руками и потомъ обратилась къ мужу.— Да встань и ты, помолись, безчувственный ты человекъ!

Петръ Григорьевичъ повиновался. Вставъ на одно колѣно и дѣлая, по обыкновенію своему, маленькія крестныя знаменія, онъ началъ молиться.

Соня, слышавшая все это изъ сосѣдней комнаты, тоже прибѣжала.

— Мамаша! Папаша, вѣроятно, избранъ! вскричала она.

Послѣдніе дни она еще какъ-то больше развилась, и стала совершенно похожа на взрослую дѣвицу.

— Выбранъ, другъ мой, избранъ! отвѣчала Надежда Павловна, а у самой слезы такъ и текли по впалымъ щекамъ.

Мать и дочь бросились другъ другу въ объятія. Соня несаъ того бросилась на шею отцу. Петра Григорьевича наконецъ пробрало, и у него навернулись слезы.

— Ну, папаша, смотри же, служи хорошенько! говорила ему Соня.

— А вотъ я напередъ говорю, сказала Надежда Павловна,

— что если онъ и въ этой должности что-нибудь набѣдокурить или проротоувѣдничаетъ, я разойдусь съ нимъ... Пускай живетъ гдѣ захочетъ и на что захочетъ.

— Я буду служить, отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Тамъ вонъ, говорятъ, продолжала Надежда Павловна настоятельно, — берутъ съ каждаго подрядчика по десяти процентовъ, и этихъ доходовъ упускать нечего; другіе не попадаютъ же, и ты попадаться не долженъ.

— Я буду не упускать, отвѣчалъ и на это пятидесятилѣтній ребенокъ, и принялся стягивать съ себя свой мундиръ.

— Постой, папа, я тебѣ помогу, говорила Соня, очень ужъ довольная, что отецъ выбранъ, и что она останется въ городѣ.

— Ф-фу! комутъ проклятый, говорилъ Петръ Григорьевичъ, съ наслажденіемъ растегивая свой, черезъ-чуръ ужъ узкій ему, мундиръ.

Затѣмъ послѣдовала довольно умиленная сцена.

— Людямъ дать водки!... водки! говорила радостно-жапоптивно Надежда Павловна и потомъ, когда въ комнату пришла Дарья, она сказала ей:

— Дура!... Дарья!... барина на службу выбрали!

— Вотъ, матушка! отвѣчала та и почему-то поцѣловала у Петра Григорьевича руку.

Послѣ обѣда Надежда Павловна предложила мужу отдохнуть на ея постель, а сама отъ волненія не знала, гдѣ ужъ себѣ и мѣсто найдти. Петръ Григорьевичъ, конечно, сейчасъ же этимъ воспользовался и отхвatalъ часовъ до девяти. Во все это время, Надежда Павловна и Соня, чтобы не разбудить его, разговаривали между собой шепотомъ: такого почета отъ семьи онъ во всю жизнь свою еще не видалъ.

ГЛАВА XI.

Герой теоретикъ, а героиня практикъ.

Наболѣвшее сердце не долго вѣрить счастью. Надежда Павловна на другой же день начала хлопотать и охать: „Ну какъ Петра Григорьевича губернаторъ не утвердить... Ну какъ онъ ужъ кого-нибудь имѣетъ на это мѣсто...“

Сонѣ, наконецъ, наскучило это.

— Я самого его, мамаша, попрошу, сказала она.

— Что ты попросишь?... возразила ей мать съ досадой.

Петръ Григорьевичъ тоже попробовалъ было успокоить жену; но на него она прямо прикрикнула:

— Хоть ты-то ужь не говори!... Вонъ на дворѣ: день или ночь? Видишь ли хоть это-то!

Въ это время Соня вдругъ проговорила: „ай, мамаша!“ и убѣжала.

Надежда Павловна, взглянувъ въ окно, тоже начала проворно поправлять на себѣ чепецъ и накинула на плечи свой единственный нарядный синелевой платокъ. Къ крыльцу ихъ подъѣзжалъ, на щегольской парѣ предсѣдателя Казенной палаты, флигель-адъютантъ. Онъ въ первый еще разъ дѣлалъ имъ визитъ, хотя въ собраніи и на балахъ съ одною Соней только и танцевалъ.

Войдя въ приемную комнату и видя что Надежда Павловна перекидываетъ съ дивана за ширмы какую-то ветошь, Корнѣевъ нѣсколько сконфузился.

— Pardon! сказалъ онъ своимъ слегка картавымъ голосомъ.

— У насъ такая маленькая квартирка... По случаю баллотировки не могли найти лучше... отвѣчала Надежда Павловна, сгарая отъ стыда, и потомъ, пригласивъ гостя садиться, сама помѣстилась на диванѣ

По тому, какую она приняла позу, какъ завернулась въ свой синелевый платокъ, можно было видѣть, что когда-то и она была, или, по крайней-мѣрѣ, готовилась быть свѣтскою женщиной: въ ея сужоцовомъ тѣлѣ было что-то аристократическое—свойство, которое наследовала отъ нея и Соня.

Петръ Григорьевичъ, между тѣмъ, помня военное правило, что чинъ чина почитаетъ, продолжалъ стоять на вытяжку, такъ что Корнѣевъ замѣтилъ это, и пододвигая ему стулъ, проговорилъ: „Пожалуста!“ Петръ Григорьевичъ сѣлъ; но все-таки продолжалъ держать себя прямѣ обыкновеннаго.

— Mlle Sophie? обратился Корнѣевъ къ Надеждѣ Павловнѣ.

— Она сейчасъ выйдетъ! отвѣчала та, и продолжала уже съ грустію:— мужа моего выбрали въ депутаты въ комиссію, и теперь мы въ такой, право, нервѣтельности: не знаемъ, утвердить ли губернаторъ или нѣтъ!

— Отчего же? Имъ такъ нравится Mlle Sophie! возразилъ Корнѣевъ.

— Да, но.... произнесла Надежда Павловна.

— Если позволите, я ему скажу, присовокупилъ Корявевъ.

— Ахъ, пожалуста! воскликнула Надежда Павловна униженно просительскимъ тономъ.

— А вы въ первый еще разъ мѣняете шпату на перо? обратилась Корявевъ къ Петру Григорьевичу.

— Нѣтъ, онъ ужъ нѣсколько разъ служилъ въ штатской службѣ, успѣшила отвѣтить за мужа Надежда Павловна.

— Она боялась, что онъ, пожалуй, не пойметъ фразы флигель-адъютанта.

— Но все какъ-то не могу привыкнуть! объяснилъ самъ Петръ Григорьевичъ.

— О да! согласился Корявевъ.

Вошла Соня. Трудно понять, когда она успѣла поправить свой туалетъ, а главное, какъ-то удивительно эффектно завернуть свою толстую косу подъ одну гребенку.

— Bonjour! сказала она развязно, и пройдя за столомъ мимо матери, сѣла рядомъ съ гостемъ.

Корявевъ сначала какъ бы не находился.

— А что Мше Михрѣева будетъ у губернаторши на балѣ? спросила его Соня.

— Не думаю, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами, по крайней мѣрѣ Марья Николаевна (имя губернаторши) очень не любитъ, когда она у нея бываетъ.

Соня нарочно намекнула на эту даму, имѣвшую привычку влюбляться во всѣхъ генеральскихъ адъютантовъ и теперь безбожно ухаживавшую за Корявевымъ.

— Вообразите, говорятъ, она каждое воскресенье ѣздитъ къ архимандриту въ гости.... прилично ли это? повторила за дочерью Надежда Павловна.

Корявевъ на это молча улыбнулся: не любилъ ли онъ сплетень, или вообще насмѣшливый разговоръ считалъ не совсѣмъ приличнымъ для общества; но только каждый разъ, когда губернскія дамы начинали его очень сильно пробирать по этой части, онъ обыкновенно принимался крутить усы и производить скорѣе какіе-то звуки чѣмъ слова.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Соня какъ бы вдругъ встрепелась вся и подвинулась на диванѣ. Къ нимъ подъѣзжалъ, тоже на щегольской сѣрой лошади, новый гость, Александръ. Увидѣвъ въ передней ильковую военную шинель, онъ позеленѣлъ отъ досады. Войдя, онъ небрежно поклонился хозяйкамъ и сѣлъ.

Блѣдный мальчикъ не въ состоянiи былъ скрыть волновавшихъ его чувствованiй.

— Чтò вы у насъ такъ давно не были? спросила его Соня.

— Я былъ боленъ.

— Чѣмъ?

— Такъ, ничѣмъ!... Какъ васъ это беспокоитъ!... отвѣчалъ Александръ и такимъ тономъ, что всѣ, не исключая и Петра Григорьевича, посмотрѣли на него, а Соня сейчасъ же отвернулась, и начала говорить съ Корнѣевымъ.

— Покажите, пожалуйста, фокусъ, который вы показывали у Марьи Николаевны.... Я никакъ не могла разказать его мамашѣ.

— Ну чтò! возразилъ Корнѣевъ, потупая глаза.

— Пожалуйста! повторила Соня.

— Но надобно карты.

Надежда Павловна сейчасъ же пошла и принесла карты.

Корнѣевъ съ улыбкою разложилъ ихъ въ формѣ четверогольника на восемь кучекъ, по три карты въ каждой.

— Тутъ девять.... тутъ, тутъ и тутъ! пересчиталъ онъ ихъ своимъ красивымъ пальцемъ. Беру четыре карты и перекладываю такъ: тутъ девять, тутъ, тутъ и тутъ!

Мать и дочь съ удивленiемъ посмотрѣли другъ на друга. Петръ Григорьевичъ тоже смотрѣлъ на фокусъ съ глубокомысленнымъ вниманiемъ.

— Возвращаю прежнiя четыре карты, продолжалъ Корнѣевъ,—и прибавляю къ нимъ еще четыре, перекладываю и считаю: тутъ девять, тутъ, тутъ и тутъ!...

— Но какъ же это? воскликнула какъ бы вышедшая наконецъ изъ терпѣнiя Надежда Павловна.

— Удивительно! сказала Соня.

— Прибавляю къ этимъ картамъ еще восемь, продолжалъ удивлять ихъ Корнѣевъ, раскладывая и считаю: девять, девять и девять.

— Вы зачѣмъ боковыя-то считаете по два раза?... Ужасно какъ замысловато!... вѣшался вдругъ въ разговоръ Александръ. Голосъ его былъ въ одно и то же время, голосомъ разъяреннаго тигра и дыпленка. Корнѣевъ ничего не отвѣчалъ ему, а Соня и Надежда Павловна потупились; но Петръ Григорьевичъ окончательно дорѣзалъ молодого человѣка.

— Давно ли вы получали письма отъ вашей маменьки? спросилъ онъ его вдругъ.

— Давно-съ... я самъ къ ней завтра ѣду..... отвѣчалъ грубо Александръ.

Соля при этомъ вскинула на него свои глаза, и нѣсколько времени не опускала ихъ съ него.... Вскорѣ потомъ Корнѣевъ взялся за каску и поднялся: всѣ хозяева устремились къ нему.

— Если Марья Николаевна уже поѣдетъ кататься и заѣдетъ за вами, вы примете участіе въ нашемъ partie de plaisir? сказалъ онъ Сонѣ.

— Да, отвѣчала та, выпрямляясь своимъ стройнымъ станомъ и складывая ручки на груди.

— Она сочтетъ это за счастье для себя! подхватила Надежда Павловна. „Дочь поѣдетъ кататься съ губернаторшей; право недурно для первыхъ разовъ!“ подумала она въ припадкѣ материнскаго честолюбія.

По отъѣздѣ Корнѣева, Александръ тоже всталъ: у него готовы были слезы брызнуть изъ глазъ, такъ что Надежда Павловна, врядъ ли не догадавшаяся объ его чувствахъ къ дочери, сжалась надъ нимъ.

— Куда же вы?... Оставайтесь обѣдать, сказала она, когда онъ брася было за фуражку.

— Оставайтесь! повторила и Соля.

Студентъ, при этомъ магическомъ голосѣ, не могъ устоять. Рука его какъ бы невольно опустила фуражку, и онъ сѣлъ. За обѣдомъ онъ протянулъ было ногу, чтобы, по обыкновенію, пожать ею ножку Соня, и уже коснулся конца ея башмака; но ножку сейчасъ отняли. Вообще, Соля была замѣтно церемонна и только послѣ стола, когда они остались вдвоемъ, она сказала Александру.

— Зачѣмъ вы такъ скоро уѣзжаете?

— Чтò жь мнѣ здѣсь оставаться.... очень весело!

— А, такъ вамъ скучно здѣсь, я и не знала! сказала жесткая дѣвочка.

У Александра дыханіе захватывало.

— Не всѣмъ здѣсь такъ весело, какъ вамъ! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Соля грустно усмѣхнулась.

— Желаю вамъ, продолжалъ онъ, снова берясь за фуражку:— выйдти замужъ, народить кучу дѣтей..

— Ну да, выйду замужъ, нарожу кучу дѣтей, повторяла за нимъ Соля.

— Adieu! сказалъ Александръ, и когда Сова подала ему руку, онъ крѣпко сжалъ ее и проговорилъ нѣсколько трагическимъ тономъ:—*если я не найду въ прекрасномъ, такъ найду въ дурномъ.*

— Не понимаете вы меня! сказала ему на это со вздохомъ Сова.

Александръ шибко хлопнулъ дверьми и ушелъ.

Черезъ минуту сѣрый рысакъ пронесся мимо оконъ съ свѣдомъ.

Сова сѣла. На глазахъ ея навернулись слезы. Это были первыя слезы, которыя она вырвала изъ своего сердца!

ГЛАВА XII.

Взоръ героя устремляется въ другую сторону.

Возвратясь домой, Александръ увидѣлъ, что дорожный экипажъ его былъ ужъ вывезенъ изъ сарая, а въ комнатахъ онъ засталъ Венявина.

— Помилуй, братецъ, говорилъ тотъ, топорщась, по обыкновенію, волосами и руками: послѣ того пріятнаго вечера.... ужъ именно пріятнаго, за который я тебѣ душевно благодаренъ!... (При этомъ онъ пожалъ у пріятеля руку.) Я захожу къ тебѣ разъ, два.... дома нѣтъ!.... Самъ тоже не присылаешь!....

Александръ нарочно не посылалъ и не принималъ Венявина. Ему казалось, что тотъ непременно замѣтилъ его упрямство въ Собраніи.

— Я сейчасъ совсѣмъ увѣжаю, сказалъ онъ, садясь въ мрачной позѣ.

— Какъ такъ? А разныя эти намѣренія и планы? сказалъ Венявинъ, изобразивъ изъ всей своей особы удивленіе.

Александръ грустно усмѣхнулся.

— Какіе тутъ планы! Такія пошлости и гадости пошли!

— Что такое? спросилъ Венявинъ.

— Мать тутъ все кутить и мутить, отвѣчалъ Александръ. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что причиной всему была Надежда Павловна.

— Да кого же, какого еще чорта имъ послѣ этого надобно?

Ахъ, они дураки этикіе! свиньи!... Извини меня, пожалуйста! слышимъ Венявинъ.

Александръ сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость.

— Родители! началъ онъ какъ бы самъ съ собой:—Для собственнаго своего удовольствія, можетъ-быть; вслѣдствіе выпитой лишней рюмки вина, они родили меня, и по чувству инстинктивной привязанности, выкормили... Да это всё животныя, всё самки имѣютъ къ своимъ птенцамъ, и за это мы должны всю жизнь имъ повиноваться, уважать ихъ!...

— Именно такъ! подтвердилъ Венявинъ.

Изъ угожденія пріятелю, онъ не прочь былъ и повольнოდумничать.

— Чтò жь, неужели она такъ-таки совершенно и подчинилась матери? прибавилъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.

— Разумѣется! показали ей впереди пряникъ съ сусальнымъ золотомъ, и побѣжала за нимъ.

— Да, вонъ онъ женщины-то! Всё вотъ онъ тутъ, какъ на ладоши! воскликнулъ Венявинъ.—Впрочемъ, прибавилъ онъ пожимая плечами:—все-таки нельзя ихъ не любить!

Интересно было бы знать, кого этотъ добрякъ не любилъ, начиная съ своего чернаго, съ отбитымъ задомъ, пуделя до старухи матери, къ которой онъ каждую вакацію, святки, святую, на послѣдніе свои грошешки, пріѣзжалъ повидаться.

— Печалиться тутъ нечего.... я даже радъ, что такъ случилось, утѣшалъ онъ Александра.

— Я и не печалюсь, отвѣчалъ тотъ:—я въ жизни столько перенесъ, что однимъ больше и однимъ меньше щелчкомъ отъ судьбы—разница не большая.

Какіе Александръ получалъ отъ судьбы щелчки, это одному ему было извѣстно!

— Я знаю, что ты сила! поддакнулъ ему пріятель.

Вошелъ мрачный лакей.

— Лошади готовы-съ, проговорилъ онъ.

Александръ всталъ и сейчасъ же сталъ одѣваться. Ему поскорѣй хотѣлось оставить этотъ городъ, Сою и даже Венявина.

— Прощай, другъ любезный! говорилъ тотъ съ чувствомъ.

— Прощай! отвѣчалъ Александръ скороговоркой, и сѣвъ въ повозку торопливо и небрежно мотнулъ пріятелю головой.

— Да, этотъ человекъ сила! повторилъ тотъ еще разъ самъ съ собою.

Баклановъ между тѣмъ быстро проѣзжалъ одну за другой улицы роднаго города, и чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ больше появлялось въ окнахъ огней. Когда онъ выѣхалъ за заставу, небо совершенно вызвѣздилось; кругомъ была безконечная, свѣжняя поляна; въ воздухѣ, наподнесенномъ мелькающимъ свѣгомъ, стали обрисовываться точно очерки какихъ то фигуръ; колокольчикъ отъ быстрой ѣзды заливался, не переставая.

Александрю было досадно и грустно.

Онъ усиленно старался думать о Москвѣ, о томъ какъ въ свѣренькомъ домикѣ, въ свѣренькомъ залцѣ, онъ съ панной Казимірой, дочерью хозяйки, подъ игру ея матери на плоховатомъ фортепіано, танцуетъ вальсъ, и Казиміра держитъ на него нѣжно, нѣжно устремленными свои голубые глаза, наконецъ онъ сажаетъ ее и самъ, ставъ противъ нея, замижно кокетничаетъ всею своею фигурой, а Казиміра сидитъ въ робкой и грустной позѣ.

Баклановъ торжествуетъ и смѣется въ душѣ.

Соня, такимъ образомъ, отодвинулась болѣе чѣмъ на задній планъ.

У молодости никогда не взять всего. Богатства ея въ этомъ случаѣ неистощимы!

ГЛАВА XIII.

На распутьѣ.

У губернаторши, по случаю отъѣзда флигель-адъютанта въ Петербургъ, собственно для него и для самыхъ близкихъ ему знакомыхъ, былъ назначенъ вечеръ. Въ наугольной комнатѣ, обитой голубыми бархатными обоями и убранной двумя огромными горками съ фарфоромъ, хрусталемъ и серебромъ, сидѣла Соня. Последнее время она рѣшительно сдѣлалась царицею всѣхъ баловъ и съѣздовъ: въ настоящій вечеръ ковно-піонеръ вертѣлся передъ ней, какъ флюгеръ; нѣкто князь Шленкохвостовъ убѣждалъ для нея за мороженымъ; наконецъ самъ хозяинъ, въ разстегнутомъ на распашку генеральскомъ сюртукѣ, помѣщался все время около нея, и какъ-то кровожадно на нее смотрѣлъ. Соня пріѣхала на вечеръ

безъ матери: Надежда Павловна, шившая дочери седьмое платье, себѣ не имѣла на что купить ни башмаковъ, ни перчатокъ. Чистое, ясное чело моей героини было, на этотъ разъ, омрачено легкимъ облачкомъ грусти. Въ городѣ про нее, Богъ знаетъ, что ужь разказывалось. Даже въ этомъ самомъ обществѣ двѣ дамы, одна блондинка, съ ангелоподобнымъ лицомъ, а другая шатень, тоже съ чрезвычайно благообразною физиономіей, ходившія вдвоемъ по большой залѣ, изливали про нее такого рода ядъ, что будто бы она ѣздила къ флигель-адъютанту на квартиру. Но это было совершенно несправедливо: къ нему дѣйствительно прѣвѣжала—только не она, а Мше Михрѣева, которая какъ ни какъ, и хоть на короткое время, но успѣла овладѣть петербургскимъ гостемъ. Соня же дѣлала гораздо болѣе невинныя вещи. Она ему говорила:

— Вотъ вы уѣзжаете въ Петербургъ, оставляете здѣсь насъ бѣдныхъ.

— Что дѣлать! отвѣчалъ Корнѣевъ, пожимая плечами.

Соня при этомъ отъ досады пристукивала слегка и незамѣтно ножкой. Она видѣла, что этотъ человекъ неравнодушенъ къ ней, и отдѣлывается фразами.

— Жалко ли вамъ здѣсь кого-нибудь?... Пожалуйте ли вы кого-нибудь? спрашивала наконецъ она его.

— Я буду жалѣть всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, отвѣчалъ и на это Корнѣевъ.

Соня сегодня прѣвѣжала съ надеждой, что неужели же онъ и при прощаньи не скажетъ ей чего-нибудь: обѣщается, можетъ-быть, опять прѣѣхать; но Корнѣевъ цѣлый вечеръ игралъ въ карты, и съ дамами почти не разговаривалъ.

— Яковъ Назарычъ здѣсь? спросила наконецъ Соня конно-пюнера.

— Здѣсь-съ!

— Что онъ дѣлаетъ?

— Въ карты играетъ съ Корнѣевымъ.

— Променадъ, вѣроятно, желаете сдѣлать? сказалъ ей начальникъ губерніи, тоже вставая и идя за ней.

— Да, отвѣчала Соня, обертываясь къ нему съ улыбкой.

Яковъ Назаровичъ Ленева былъ богатый, подгородный помѣщикъ, холостякъ. У него были своя музыка, псовая охота, домъ огромный. Не выѣзжая шагу изъ своей губерніи, онъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ какъ постоянно служилъ то предводителемъ, то попечителемъ разныхъ

учебныхъ заведеній, а между прочимъ и того пансіона, въ которомъ училась Соня.

По наружности своей, Ленева была коротенькій, кругленькій толстачокъ не столько съ старческимъ, сколько съ дряблымъ лицомъ, съ маленькими красивыми руками. Всегда почти во фракѣ, съ огромнымъ солитеромъ на пальцѣ, онъ ходилъ, слегка притрачивая животомъ, и тяжело сопѣлъ, когда садясь на мѣсть.

Соня подошла къ нему и встала около него, такъ что очутилась прямо противъ Корнѣева.

— Дѣдушка, вы въ каретѣ пріѣхали? спросила она Ленева.

— Въ каретѣ-съ.

— Вы возьмете меня?

— Съ величайшимъ блаженствомъ.

— А вы дорогой меня не скушаете?

— Нѣтъ, не скушаю, отвѣчала Ленева, и покраснѣвъ.

Онъ, говорятъ, когда еще Соня находилась въ пансіонѣ, былъ влюбленъ въ нее и даже дѣлалъ объ этомъ декларацію одной красной дамѣ.

Во весь этотъ разговоръ Корнѣевъ хоть бы разъ приподнял глаза отъ картъ, какъ будто бы все его состояніе было поставлено на нихъ.

Соня отошла и пошла къ губернаторшѣ.

— Марья Николаевна, дайте мнѣ конфетку, хорошенькую, хорошенькую, говорила она, какъ избалованный ребенокъ.

— Изволь, моя милочка, изволь! отвѣчала та, подавая ей изъ стоявшихъ на столѣ конфетъ самую лучшую. (Марья Николаевна была очень добрая женщина.)

— Не хотите ли потанцевать? Я сейчасъ пошлю за музыкантами, спросилъ любезно губернаторъ.

— Ахъ, да.. или, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Соня.

Какъ ни старалась она скрыть, но она замѣтно была грустна. Корнѣевъ сталъ собираться. Онъ, почти по родственному, распрощался съ Марьей Николаевной, взявъ отъ нея нѣсколько порученій въ Петербургъ; съ губернаторомъ онъ ушелъ въ кабинетъ и долго съ нимъ разговаривалъ шепотомъ; но Соня только мимоходомъ, и то какъ-то разсѣянно, сказалъ: „Adieu, mademoiselle!“

— Adieu! отвѣчала она ему, не вставая и не подавая руки: „дуракъ!“ подумала она въ то же время про себя, когда скрылась за драпировкой кофчикъ его сабли.

Корнѣевъ, впрочемъ, также небрежно поклонился въ залъ и другимъ дамамъ. Онъ, по самой натурѣ своей, былъ нѣсколько фатъ.

— Дѣвушка, что же вы? прикрикнула Соня на Ленева, который тыкался изъ угла въ уголь, и искалъ шляпы.

— Готовъ-съ, ожидаю, произнесъ онъ наконецъ.

Соня начала прощаться съ Марьей Николаевной.

— Смотрите же, доведите ее у меня бережно! говорила та, грозя Ленеvu пальцемъ.

— Пять вѣдь лѣтъ ужъ нячичася съ ней въ пансіонѣ, отвѣчалъ тотъ дребезжавшимъ голосомъ.

— Ну ужъ нечего сказать: хорошу и выныччали! сказала Соня, сходя съ лѣстницы и мило потряхивая головкой.

— Еще бы не хорошу! Ну можетъ ли быть что-нибудь предствѣе этого личика! говорила Марья Николаевна, смотря сверху, когда Соня надѣвала капоръ. |

— Да! подтвердилъ и начальникъ губерніи.

Яковъ Назаровичъ отъ удовольствія и отъ стыда весь горѣлъ румянцемъ. Когда они сѣли въ карету, Соня помѣстилась въ одинъ уголь, а Ленеvъ придвинулся въ другой.

— У васъ это свои лошади, Яковъ Назарычъ? спросила Соня.

— Свои.

— А что вы за нихъ заплатили.

— За пару три тысячи.

— Ахъ, какія славныя! Какъ бы я желала имѣть такихъ.

Яковъ Назаровичъ на это ухмыльнулся.

— Какъ здоровье вашей маменьки? спросилъ онъ.

— Такъ себѣ... все она въ хлопотахъ: папенька... вы знаете что онъ можетъ... Вотъ онъ служить теперь будетъ, а какъ, еще Богъ знаетъ!

— Да! произнесъ Яковъ Назаровичъ съ грустью.

Онъ рѣшительно не догадывался, къ чему плутовочка вела разговоръ.

— Право, продолжала Соня, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія,—сейчасъ бы вышла замужъ, только бы у жениха состояніе было.

— Даже бы и за старика?

— Что жъ такое старикъ!.. Стариковъ я люблю еще болѣе чѣмъ молодыхъ.

Карета въ это время подъѣхала къ квартирѣ Басардиныхъ.

— Что вы, дѣдушка, никогда къ намъ не заѣдете? Какой вы право! говорила Соня, отворяя двери.

— Обезпокоить боюсь.

— Чего беспокоить!.. Пріѣзжайте хоть завтра... послѣзавтра, когда хотите, говорила она, уходя.

— Непремѣнно-съ! отвѣчалъ Ленева, и съ какими-то восторгомъ, откинувшись на задокъ кареты, поѣхалъ домой.

Надежда Павловна, какъ обыкновенно, не спала и дожидалась дочери. По выраженію ея лица, она сейчасъ же замѣтила, что та была не въ духѣ.

— Ты устала? спросила она ее съ беспокойствомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Соня, садясь и закидывая голову на спинку кресель:—Корнѣевъ совсѣмъ распрощался... завтра уѣзжаетъ... прибавила она, послѣ короткаго молчанія.

— Ну и что же? спросила, съ полуулыбкой, Надежда Павловна.

— Разумѣется, ничего! отвѣчала Соня тоже съ улыбкой. Разговоръ на нѣсколько времени прекратился.

— Меня сюда Ленева подвезъ! сказала Соня, какъ бы къ слову.

— А, произнесла Надежда Павловна не безъ удовольствія.— Славный онъ человекъ! прибавила она.

— Отличный! подтвердила Соня, и пошла раздѣваться.

Личико ея снова повесѣло и точно говорило: „ничего поправится!“

ГЛАВА XIV.

Милый мальчикъ.

Ужь разсвѣтало. На почтовой станціи, послѣдней передъ губернскимъ городомъ, въ сырой, холодной комнаткѣ, по искривленному полу, ходилъ молодой офицеръ, въ прапорщичьи эпюлетахъ, въ лѣтнихъ кадошахъ, и въ весьма легко подбитой ватой, съ холоднымъ воротничкомъ, шинели. На столѣ стоялъ кипящій самоваръ, чашки и раскрытый чайникъ, но ни чаю, ни сахару не было... Въ углу видѣлась мрачная фюзіомія станціоннаго старосты, въ бараньемъ тулупѣ и съ тѣмъ злымъ лицомъ, которое обыкновенно бываетъ у не

проснавшихся, съ похмѣля, мужиковъ. Онъ съ пренебреженіемъ клалъ на столъ подорожную.

— Какъ ты смѣешь не давать мнѣ лошадей! говорилъ офицеръ, горячась.

— Кто не даетъ? Вамъ даютъ... Давайте деньги-то! отвѣчалъ ему настойчиво мужикъ.

— Деньги, говорятъ тебѣ, мерзавецъ, что тамъ отдадутъ...

Мужикъ злобно усмѣхнулся.

— Вѣрно платить впередъ, не отъ насъ эти распоряженія-то идутъ.

— А если меня губернаторъ ждетъ... Я адъютантъ губернатора!

Мужикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— У меня вотъ тутъ, началъ онъ, протягивая обѣ руки къ окну:—черезъ пять минутъ почта пойдетъ... Пидшите туда. Хоть шестерикомъ откачу, коли предпишутъ-то.

— Гдѣ здѣсь становой живетъ? Гдѣ?.. говоритъ офицеръ, окончательно выходя изъ себя.

— Становаго здѣсь нѣту, отвѣчалъ спокойно мужикъ.

— Да вѣдь есть же какое-нибудь начальство, скотина ты эдакая! говорилъ офицеръ, уже наступая на мужика.

— Да какого вамъ еще начальства надо?.. Вонъ, есть бурмистръ, съ краю живетъ, отвѣчалъ тотъ, несколько не струся.

Офицеръ въ бѣшенствѣ схватилъ свой сакъ, въ которомъ состоялъ весь его багажъ, и убѣжалъ изъ комнаты.

— Чаю тоже спрашивалъ! проговорилъ ему мужикъ вслѣдъ насмѣшливо и сталъ убирать чашки.

Офицеръ, между тѣмъ, шелъ по деревнѣ. На горизонтѣ показалось солнышко, и точно яхонтомъ подернуло поля, деревья и крыши избъ. По дорогѣ вѣхалъ мужикъ въ дровняхъ. Офицеръ вдругъ остановился и, какъ бы сообразивъ что-то, обратился къ нему.

— Ты мужичокъ въ городъ ѣдешь? спросилъ онъ.

— Въ городъ, батюшка, въ городъ.

— Довези меня, пожалуйста, за цѣлковый или за два. Почтовыхъ лошадей нѣтъ, а мнѣ крайне тамъ надо быть.

— Садиса! отвѣчалъ мужикъ добродушно и подвинулся. Офицеръ, не задумавшись, бросилъ къ нему въ сана свой сакъ, и самъ сѣлъ. Мужикъ прихлестнулъ лошадку, и она весело побѣжала.

— Что это у тебя, мужичокъ, хлѣбъ, вѣрно? оказавъ офицеръ, показывая на нѣсколько открывшуюся котомку мужика.

— Хлѣбушко, батюшка, хлѣбъ!

— Что жь ты, вѣсть себѣ это везешь?

— Да, батюшка!.. Въ харчевнѣ-то тоже дорого.

— Ты въ харчевню, значить, не пойдешь?

— Ну какъ не пойти, схожу: чайку тоже попьешь и щей полабаешь.

— Зачѣмъ же хлѣбъ-то тебѣ?

— Да такъ, на закусочку: ну, да и лошаdkв коли даю.

— Дай мнѣ, пожадуста, немного: я очень люблю черныи хлѣбъ.

— Покушай, батюшка, покушай! отвѣчалъ мужикъ, торопливо развязывая свою котомку и подавая изъ нея цѣлую краюшку, которую съдокъ его въ нѣсколько минутъ и уничтожилъ.

Совершающій такимъ образомъ свой путь былъ никто иной, какъ юный Басардинъ. Онъ два дня передъ тѣмъ ничего не ѣлъ. Выпущенный около мѣсяца въ офицеры, онъ, подписавшись подъ руку матери, собралъ со всѣхъ ихъ мужиковъ, проживающихъ въ Петербургѣ, за годъ оброкъ,—рублей триста; отъ тетки получилъ сначала сто рублей; потомъ, по новому клаузному письму, еще сто рублей,—сумма, казалось бы, образовалась порядочная,—но, желая воспользоваться удовольствіями своего званія, онъ первоначально съ товарищами покутилъ въ Екатерингоффъ, гдѣ они перебили всѣ отекла и избили до полусмерти какого-то Нѣмца, и за все это, конечно, порядочно заплатили; потомъ пожурировали въ Гороховой, и наконецъ, чтобы не отстать отъ прапорщиковъ гвардейской школы, пообѣдали у Дюме. Такимъ образомъ, когда Басардинъ выѣхалъ въ отпускъ, у него оставалось только на проганы. Содержалъ и питалъ себя въ дорогѣ онъ не столько деньгами, сколько искусствомъ и расторопностію. Въ каждомъ побольше городѣ, онъ обыкновенно съ почтовой станціи уходилъ въ лучший трактиръ, спрашивалъ тамъ лучший обѣдъ, и потомъ съѣлъ два, три блюда, вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, вставалъ: „Я, говорить, сейчасъ приду,“ и преспокойно уходилъ, а потомъ и совсѣмъ уважалъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему это не вполнѣ удавалось: въ Переяславлѣ, на-примѣръ, половые за нимъ гнались, и онъ отъ нихъ отбѣгавъ уже вооруженною рукою, обнаживъ саблю. Теперь передъ

нимъ, посреди превосходнѣйшаго зимняго ландшафта, въ какомъ-то молочномъ отъ мороза свѣтѣ, открывались колокольни и дома города, въ которомъ онъ, послѣ такой продолжительной разлуки, увидить мать, отца, сестру. Но изъ всего этого ничто не шевелило души его. Суровое корпусное воспитаніе и не совсѣмъ хорошія природныя качества такъ и лѣзли въ немъ во всѣ стороны! Выхавъ въ городъ, молодой человѣкъ сейчасъ всталъ съ дровень.

— Ты поѣзжай около меня, будто такъ этакъ ѣдешь, а я побѣду пѣшкомъ, сказалъ онъ мужику.

Видимо, онъ стыдился, но только не въ ту сторону, въ которую сѣдовало бы.

Передъ попавшеюся наконецъ будкой, Басардинъ остановился.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ? спросилъ онъ, толкая ногой будочника, который нагнулся было, чтобы набрать охачку дровецъ.

Тотъ поднялся.

— Гдѣ тутъ Басардины живутъ? повторилъ строго офицеръ.

— Я не знаю, отвѣчалъ было солдатъ.

— Какъ ты не знаешь и какъ ты смѣешь стоять передо мной въ фуражкѣ, а? произнесъ, вспыхнувъ, Басардинъ, и трахъ будочника по зубамъ.

Тотъ видя, что шутить нельзя, повытянулся немного и приложилъ руки ко швамъ.

— Ихъ много тутъ, ваше благородіе: гдѣ мнѣ ихъ всѣхъ тутъ знать.

— Гдѣ тебѣ знать? А вотъ гдѣ! объяснилъ Басардинъ и съвздымъ солдата по второй ужъ скудѣ.

— Басардины у меня стоятъ, отнесся къ нему проходившій мимо священникъ, и видѣвшій съ самаго начала всю эту сцену.—Вы кто такіе?

— Я сынъ ихній.

— Черезъ два дома извольте идти на дворъ, указалъ священникъ.

— И ты тоже, братецъ! подъ носомъ у тебя живутъ, а ты не знаешь! укорилъ священникъ будочника.

— Ученый я, что ли? отвѣчалъ тотъ сердито.

Такому безпричинному и мгновенному гнѣву молодого офицера конечно много способствовало, впервыхъ, его званіе, а вовторыхъ, и перенесенный имъ холодъ и голодъ.

ГЛАВА XV.

Милый мальчикъ у матери, и онъ же у тетки.

— Кто тамъ? Ахъ, Вита! воскликнула Надежда Павловна, увидя входившаго офицера.

— Здравствуйте, маменька! сказалъ тотъ.

— Петръ Григорьевичъ! Соня! Викторъ прѣхалъ! продолжала Надежда Павловна, цѣлуя и обнимая сына. Чувство матери невольна въ ней проснулось.

— Вита! произнесла, входя, и тоже непритворно радостнымъ голосомъ, Соня.

— Вотъ кто! Ну, поздравляю, поздравляю! говорилъ Петръ Григорьевичъ, идя за нею. Несмотря на радушный пріемъ, Викторъ смотрѣлъ на родныхъ мрачно.

— Тамъ, маменька, началъ онъ небрежно, сядь на диванъ: съ мужикомъ надо разчесться.... Самъ я прѣхалъ на почтовыхъ, а онъ вещи мои привезъ,—рубль или два дать ему, — у меня мелкихъ нѣтъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчала Надежда Павловна, и подзывая дочь, что-то шепнула ей.

Та пошла.

Стыдно сказать, но у Басардинныхъ въ домѣ рубля не было. Надежда Павловна послала Соню, чтобъ она, Бога ради, выпросила у попадьи хоть сколько-нибудь; а сама между тѣмъ своими руками притащила для сына тяжелый самоваръ, залила ему самого крѣпкаго чаю, поставила сливockъ, булокъ.

Соня, вся пылая отъ стыда, исполнила порученіе матери и достала денегъ, которыхъ рубль серебромъ попадьи отсчитала ей мѣдными пятаками. Она со смѣхомъ высыпала ихъ передъ братомъ. Тотъ отсчиталъ полтину.

— Прикажете, началъ онъ, — это отдать мужику, а если стаетъ говорить что мало, велите по шеѣ прогнать.

Распорядясь такимъ образомъ, Басардинъ остальные деньги положилъ себѣ въ карманъ, и затѣмъ, уткнувъ носъ

въ горячій стаканъ чая, и почти мгновенно поглощая его съ огромными кусками булки, ни на что ужъ болѣе не обращалъ никакого вниманія.

Соня сѣла напротивъ его и старалась ласково смотрѣть на него.

— Какіе у него кудри славныя! говорила Надежда Павловна, перебирая волосы сына. Викторъ даже не оглянулся на эту ласку, и до самаго обѣда почти не отвѣчалъ на непрерывные вопросы, которые дѣлали ему мать, сестра и отецъ.

За столомъ онъ попрежаему мрачно и жадно ѣлъ, и вставъ сейчасъ же отыскалъ себѣ мѣстечко и отправился спать.

Выспавшись, онъ какъ будто бы одѣвался нѣсколько по добрѣе, и придя къ матери, сталъ показывать ей своей гардеробъ и хвастаться имъ.

— Хорошо, прекрасно все это, отвѣчала та ему въ тонъ.

— Однако у тебя все это нѣхотное платьѣ-то! угораздило вдругъ сказать Петра Григорьевича.

Викторъ сейчасъ же весь вспыхнулъ.

— Что дѣлать! Я писалъ, писалъ маминькѣ объ реверсѣ, отвѣчалъ онъ съ гримасой.

— Не успѣла еще, помилуй, отвѣчала было ему ласково Надежда Павловна.

— Вы для меня никогда не успѣваете, пробовалъ Викторъ, а потомъ громко прибавилъ:—а что тетенька Биби далеко отсюда живетъ?

— Верстъ пятьдесятъ, отвѣчала Надежда Павловна сухо.

Викторъ заложилъ руки въ карманы и началъ съ важною ходитъ по комнатѣ.

— Надобно къ ней ѣхать! сказалъ онъ, какъ бы соображая что-то такое.

Надежда Павловна при этомъ невольно вспомнила обилу, которую нанесла ей Биби, и письмо, которое писалъ къ ней Викторъ.

— Прежде, я полагаю, тебѣ слѣдовало бы побывать у отца съ матерью, замѣтила она.

— А почему это слѣдовало бы? опросилъ тотъ.

Надежда Павловна горько уагнулась и пожала плечами.

— Если ты этого не понимаешь, такъ я и толковать тебѣ не намѣрена.

— Да и толковать-то вамъ нечего! произнесъ Викторъ.

Надежда Павловна начинала краснѣть отъ гнѣва.

— Ты, кажется, затѣмъ только и прїѣхалъ, чтобы съ первыхъ же словъ дѣлать мнѣ непрїятности.

Викторъ насмѣшливо посмотрѣлъ на мать.

— А вы отъ меня прїятнаго ожидали?... Вотъ это странно, право.

— Никогда я отъ тебя, по твоему уму, ничего прїятнаго не ожидала; но, какъ мать, я имѣю право требовать отъ тебя уваженія! произнесла Надежда Павловна съ удареніемъ.

— Требовать могутъ родители, которые что-нибудь сдѣлали для дѣтей.... Вотъ съ нея требуйте, а съ меня—нѣтъ!

И Викторъ указалъ на сестру.

Надежда Павловна, чтобы смягчить колкость этого отвѣта, усмѣхнулась.

— Думала я, что ты глупъ; но все не до такой степени! сказала она болѣе насмѣшливымъ чѣмъ сердитымъ голосомъ. Петръ Григорьевичъ, бывшій нѣмымъ зрителемъ всей этой сцены, вдругъ всталъ.

— Не смѣй такъ грубить матери! Не смѣй! закричалъ онъ сверхъ всякаго ожиданія и погрозилъ сыну пальцемъ.

— Полноте, папенька! прикрикнулъ тотъ на него; ничего вы, видно, не знаете: потому я и глупъ, и дуракъ, что на васъ похожъ, и вашъ сынъ.

— Молчи, говорятъ тебѣ.

Петръ Григорьевичъ уже топалъ на него ногой.

— погоди, постой! сказала Надежда Павловна, растирая себѣ горло, въ которомъ начиналось удущье:—онъ говоритъ, что онъ твой сынъ; кто же у меня дѣти не отъ моего мужа?

— А вотъ она! хватилъ Викторъ, показывая на сестру.

Надежда Павловна разсмѣялась.

— Ахъ ты, мерзкій паценокъ! Клеветникъ! воскликнула она.

— Братецъ, что ты! воскликнула и Соня, вскидывая на него свои большіе глаза и вся покраснѣвъ.

— Что ты, братецъ! Да, любимица! передразнилъ онъ ее.— Не хочешь ли вотъ этого? прибавилъ онъ и показалъ сестрѣ кулакъ.

Когда они еще росли, такъ ихъ невозможно было пустить вмѣстѣ: одинъ пользуясь своею силой, а другая покровительствомъ матери, сейчасъ и кинутся другъ на друга. Великая исторія Каина и Авеля врядъ ли не повторяется въ каждой семьѣ.

Послѣднихъ угрозъ сына было достаточно, чтобы Надежда Павловна вышла изъ себя.

— Вонъ изъ моего дома! вонъ! закричала она истерически. Виктора, кажется, нисколько это не поразило.

— Али вы думаете не уйду? И уйду! говорилъ онъ совершенно кадетскимъ тономъ.

— Ступай! ступай! повторилъ за женой и Петръ Григорьевичъ.

— Иду-съ! Слушаю-съ! отвѣчалъ Викторъ, собирая пожитки и ядовито раскланиваясь перелъ отцомъ и матерью.

По двору онъ прошелъ бойко и съ гордо приподнятыми плечами.

Надежда Павловна взглянула въ окно.

— Боже мой, онъ въ холодной шинелишкѣ и безъ калошъ! воскликнула она, да такъ безъ чувствъ и упала на диванъ.

Викторъ впрочемъ преспокойно отправился на постоянный дворъ и нанялъ тамъ извозчика, съ тѣмъ чтобы тотъ прокормилъ и свезъ его въ долгъ до Ковригина.

Къ теткѣ онъ явился ниже травы и тише воды, и подѣхавъ къ дому, велѣлъ сначала доложить о себѣ. Биби даже взвизгнула, услыхавъ его имя. Выбѣжавъ къ нему на встрѣчу, онъ обняла его и нѣсколько минутъ держала у груди.

— Что папенька, маменька? спросила она, нѣсколько успокоившись, заставивъ племянника прежде всего помолиться и сводивъ его къ дѣдушкѣ, который, увидавъ внука, заревѣлъ дикимъ голосомъ.

— Маменька, отвѣчалъ Басардинъ скромнымъ голосомъ, — меня прогнала.

Биби даже попятилась назадъ.

— Я пріѣхалъ, разумѣется, безъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя вы, по добротѣ вашей, прислали мнѣ.... (При этомъ онъ поцѣловалъ у тетки руку.) Я сталъ просить у нихъ заплатить за извозчика; онъ раскричался.

Биби развела руками, и печально склонила голову.

— Я говорю.... „маменька, говорю, я вамъ восемь лѣтъ ничего не стоилъ, можно же вамъ помочь мнѣ чѣмъ-нибудь“. Она еще больше разсердилась: „вонъ, вонъ изъ моего дома!“ закричала.

— Да проститъ ей Богъ! сказала, со вздохомъ, Биби.

— Вотъ и теперь, тетюшка, я буду просить васъ заплатить извозчику.

Викторъ, при этомъ, опять поцѣловалъ у тетки ручку.

— Ахъ, Боже мой, сдѣлай милость! воскликнула она и сейчасъ же велѣла извожника разчестъ, а племянника напоила, накормила, положила его спать въ лучшей комнатѣ, велѣла безъ всякой осторожности, прислуживать ему любимца своей Иродіадѣ, сама потомъ пришла посмотреть, хорошо ли ему. Сердце старой дѣвы стремилось еще любить, но только она не знала кого.

Викторъ, всѣмъ этимъ очень довольный, какъ будто бы съ нимъ ничего неприятнаго не случилось, сейчасъ-же беззаботно заснулъ. Онъ грубилъ матери, а къ теткѣ поддѣлывался по весьма простому разчету: зная, что та бѣдна, и какъ ни какъ, но, по своей обязанности, будетъ ему помогать; а къ теткѣ, чтобы выторгошить у нея что-нибудь, надобно было подлизиваться. Лишенный всякихъ нравственныхъ правилъ, восторгающійся только паркетомъ, по которому ходилъ въ корпусъ, тонкимъ сукномъ, которое видѣлъ на мундирахъ у офицеровъ, и въ то же время съ головой, набитою какой-то бессмысленной протестаціей противъ всего, что имѣло надъ нимъ какую-нибудь власть, онъ и въ помыслахъ не имѣлъ до какой степени были безобразны его настоящіе поступки.

ГЛАВА XVI.

Причины, побудившія жениха и невѣсту къ браку.

Послѣ свиданія съ сыномъ у Надежды Павловны сдѣлалось кровохарканье; къ вечеру она чуть не умерла, а потомъ обнаружилось воспаленіе въ груди. Первое пришло ей въ голову: что будетъ съ Соней, если она умретъ? Оставить ее на рукахъ подобнаго папеньки и злодѣя брата, — отъ одной этой мысли бѣдная мать едва не сходила съ ума, а тутъ, какъ нарочно, пріѣхалъ Яковъ Назаровичъ.

— Попроси его ко мнѣ, попроси! скороговоркой сказала дочери Надежда Павловна, подъ вліяніемъ какого-то тайнаго предчувствія.

Соня пригласила гостя, а сама осталась въ другой комнатѣ, сѣла и задумалась. Молоденькій умъ ея начиналъ понимать и оглядывать свое положеніе: съ отъѣздомъ

флигель-адъютанта роль ея въ обществѣ оразу понизилась; даже добрѣйшая Марья Николаевна, показывавшая къ ней такую пылкую дружбу, какъ будто бы охладѣла. Семь павловъ ея очень хорошо были извѣстны всѣмъ знакомымъ, а спить въ нынѣшнемъ году еще новое, она знала, нѣтъ ни малѣйшей возможности; а между тѣмъ, блистать въ обществѣ нарядами и общимъ вниманіемъ къ себѣ—какъ это пріятно! Соня даже не знала и не слыхала, чтобы что-нибудь могло быть лучше этого. Тысячи пламовъ проходили въ головѣ ея, чтобы какъ-нибудь все это поправить и устроить!

— Что это вы? А? Какъ вамъ не стыдно? говорилъ Яковъ Назаровичъ, входя къ Надеждѣ Павловнѣ.

Та, закутавшись въ свой синевелый платокъ, сѣла на постелѣ.

— Умираю! произнесла она, хватая себя за грудь.

-- Полноте, что-й-то! хотѣлъ ее утѣшить Яковъ Назаровичъ, садясь не вдаль отъ нея.

— Да, батюшка, я не о себѣ! воскликнула капризно Надежда Павловна:—давно мнѣ, окаянной, пора на тотъ свѣтъ. А вотъ о Сонѣ, что съ ней будетъ, когда я умру?

— Замужъ выдавать надо! сказала полусерьезно и полушутя Яковъ Назаровичъ.

— Рада бы я была, Господи какъ! проговорила, разведя руками, Надежда Павловна.—Да гдѣ нынче жениховъ-то возьмешь? Гдѣ сви, прахъ ихъ знаетъ!

— Да хоть бы я!... Какъ это вы, сударыня, при женихѣ, молодомъ человѣкѣ, такія рѣчи говорите! шутилъ Яковъ Назаровичъ.

— Женишься ужь ты! сказала ему тоже въ шутку Надежда Павловна. Она была очень дружна съ Яковомъ Назаровичемъ, и постоянно говорила ему: „ты“.

— Попробуйте только, отдайте! повторилъ старый холостякъ. Лицо его начинало краснѣть, потъ градомъ выступалъ на лбу.

Надежда Павловна усмѣхнулась.

— Не знаю, правду ли ты говоришь, или шутишь? произнесла она.

— Какое шучу!... Давно ужь влюбленъ!

— Слышала это я....

И Надежда Павловна сомнительно покачала головой.

Яковъ Назаровича точно кто кольнулъ въ спину. Онъ привскочилъ съ мѣста.

— Так что же? заговорилъ онъ какимъ-то необыкновенно одушевленнымъ голосомъ:— состояніе, слава Богу, у меня есть... Всѣхъ бы васъ я устроилъ. Что мнѣ оставаться хлостаконъ-то... Надоѣли ужъ эти милликриссы-то!...

— Чтобы ни одной ихъ не было; всѣхъ вонъ! проговорила въ раздумьѣ Надежда Павловна.

— Всѣхъ прогоню!...

— Ой, какой ты смѣшной! сказала она, слегка протонавъ.

Несмотря на шутивый тонъ, мысль выдать дочь за Якова Назаровича, исполнила Надежду Павловну неизмеримаго восторга: измученная бѣдностію, она богатство считала единственнымъ счастьемъ въ жизни, и сдѣлавшись отъ болѣзни своей неугомонно нетерпѣливою, сказала гостю.

— Ну, такъ повъзжай домой; я переговорю съ ней.

— Не можетъ быть!... Будто! восклицалъ толстякъ, цѣлуя въ восхищеніи ея костлявую руку, потомъ расшаркался съ ней и вышелъ въ другую комнату.

— Куда же это вы, дѣдушка? спросила его Соня.

— Нужно-съ! отвѣчалъ онъ ей съ лукавою улыбкой, и уѣхалъ.

— Милочка, душечка! говорилъ онъ, сидя въ каретѣ и дѣлая странныя тѣлодвиженія:— Всю тебя разцѣлую! Тутъ ямочка, тутъ возвышеніе!... О, ангельчикъ!... говорилъ онъ, вѣжно цѣлуя пустое мѣсто и тыкая пальцемъ въ воздухъ.

Соня между тѣмъ продолжала сидѣть на прежнемъ мѣстѣ. Мать наконецъ ее окликнула. Соня перешла къ ней и, взявъ свою работу, помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ. Разговоръ между ними начался издалека, и какъ бы случайно склонился на Якова Назаровича.

— Что онъ у васъ мало посидѣлъ? спросила Соня.

— Приѣдетъ еще!... Такой онъ странный, такъ удивилъ меня, отвѣчала довольно нерѣшительно Надежда Павловна. Она никакъ не предполагала, что дочь сама нѣкоторымъ образомъ подготовила объясненіе Якова Назаровича.

— А что же?

— Да сватается къ тебѣ! Послѣ этой фразы Надежда Павловна едва перевела дыханіе.

Соня тоже вспыхнула.

— Что же вы? спросила она съ улыбкой.

— Что же я могла ему сказать! Ты знаешь, что я въ этомъ

случаѣ не только принуждать тебя, но даже совѣтовать считаю себя не въ правѣ.

По суевѣрной любви своей, Надежда Павловна дѣйствительно дала себѣ слово даже не совѣтовать дочери въ этомъ случаѣ.

Выраженіе лица у Сони было очень серьезное.

— Конечно, чѣмъ терпѣть эту вѣчную нужду и бѣдность, лучше выходить замужъ, проговорила она.

— Но будешь ли ты любить его?... Немолодъ онъ!

— Я ничего къ нему особеннаго не чувствую, ни любви, ни не любви, отвѣчала Соня.

Въ это время Надеждѣ Павловнѣ подали ея бульйонъ. Когда она, покушавъ его и чувствуя себя гораздо лучше, спокойно улеглась, Соня спросила ее.

— Что же онъ за отвѣтомъ, стало, пріѣдетъ?

— Да!

Сонѣ, повидимому, хотѣлось продолжать этотъ разговоръ, но только она немного конфузилась.

— Не знаю, что и отвѣчать ему! проговорила мать въ раздумьѣ.

— Да скажите, что да! отвѣтила Соня.

— Хорошо, произнесла Надежда Павловна протяжно.

Такъ необдуманно и такъ вѣтрено упала для Сони завѣса, навсегда отдѣлившая непроницаемою стѣной одну половину ея жизни отъ другой. Соня, кажется, первое слово въ жизни услышала: „*О Господи! денегъ нѣтъ!*“ Кругомъ ея всюду и вездѣ говорили: „*Вотъ женились! ни у того, ни у другаго ни села, ни перегороды. Вотъ дура нашла за кого выйти: ни чина, ни должности!*“ Въ самомъ простомъ быту, какая-нибудь крестьянская дѣвка, которая позвонче другихъ поетъ, покрасивѣй и подороднѣй другихъ, поумнѣй и складнѣй на словахъ, и та пользуется почетомъ и уваженіемъ; а Соня дома, въ пансіонѣ, въ свѣтѣ, насколько она успѣла въ него заглянуть, только и видѣла, что почитается знатность и богатство: за дурами, ея подругами, отвратительными собой, молодежь ухаживала, начальство дарило имъ книги за успѣхи въ наукахъ. Даже красотѣ своей Соня, послѣ поступка съ ней флигель-адъютанта, перестала давать цѣну. Объ Александрѣ она иногда подумывала; но онъ былъ такой еще мальчикъ: любви его невозможно было придать никакого практическаго значенія!

Вечеромъ прѣхалъ Яковъ Назаровичъ, разфранченный, раздушенный до нельзя, и въ то же время, робѣющій. Стараясь быть любезнымъ, онъ былъ порядочно смѣшенъ. Петру Григорьевичу, не бывшему по утру дома, не сочли за нужное и сказать что произошло въ семействѣ. Впрочемъ онъ, видя дружеское и безцеремонное обращеніе Надежды Павловны съ Яковомъ Назаровичемъ, нисколько тому не удивился, такъ какъ и прежде еще въ разговорахъ своихъ съ деревенскими знакомыми, священниками и управляющими, онъ обыкновенно объяснял: „У меня вѣдь жена министръ по уму; съ этими, тамъ, директорами и попечителями, такъ запанибрата и рѣжетъ!“ Самъ же онъ Якова Назаровича всегда называлъ, „ваше превосходительство.“ Изъ настоящей вечеръ онъ только обратилъ вниманіе на то, когда Соня отнеслась къ Ленеу и сказала:

— А что вы подарите мнѣ лошадей, на которыхъ мы съ вами ѣхали?

— Подарю, подарю, цѣлую четверку!

— А сами à jour у васъ будутъ, какъ у губернатора?

— У меня ужъ есть такіе, вдвое лучше только!

Соня, разумѣется, говорила шутя, хотя въ то же время, нельзя умолчать, что и эта причина была одною изъ побудительнѣйшихъ.... Бѣдная птичка! Она замужество представляла не совсѣмъ такъ, какъ оно есть, не во всѣхъ еще подробностяхъ.

ГЛАВА XVII.

Губернская тетеха.

Вѣсть о замужествѣ Сони за Ленева дала Надеждѣ Павловнѣ возможность взять по лавкамъ въ долгъ всевозможныхъ матерій, и только было онѣ со всѣмъ этимъ расклались, какъ на дворъ въѣхала карета. Соня и мать вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Здоровый лакей едва вытащилъ изъ кареты толстѣйшую, въ траурѣ, барыню, которая войдя, запыхавшись, въ маленькую переднюю, сейчасъ же закричала:

— Не могла, тетущка.... родная моя!... Не могла утерпѣть!...

— Ахъ, Аполинарія Матвѣвна! оказала Надежда Павловна, встрѣчая гостью и цѣлуя ее въ румяную и пухлую щеку.

— Какъ только услышала, что вы здѣсь,—везите, говорю... продолжала та, не переставая тяжело дышать и усаживаясь на диванѣ.

Это была мать Александра, нѣкогда стройная и хорошенькая собой дѣвушка, а теперь какое-то чудовище. Покойный Баклановъ, женись на ней, отчасти обманутый ея наружностью, а еще болѣе того, прельщенный ея состояніемъ, въ послѣдствіи иначе и не называлъ ее, какъ *тетейхой*. Сына своего Аполлиарія Матвѣевна боготворила, хотя и возмущалась многими его поступками и словами.

Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, она нашла болѣе приличнымъ, сначала заговорить о мужѣ.

— Горе-то, ну-те-ка, тетенька, какое у меня надѣлалось! начала она, помахивая длинными оборками своего траурнаго чепца.

— Слышала, слышала, отвѣчала ей Надежда Павловна.

— Все вотъ, бывало, говорилъ: „ишь, говорить, какъ тебя дуешь горой, скоро лопнешь“; а вотъ самъ напередъ и убрался.

Находясь у мужа въ страшно ежовыхъ рукавицахъ, Аполлиарія Матвѣевна, рѣшительно была рада, что онъ умеръ.

— А это Соня моя! Вы, вѣрно, не узнали ея, отнеслась было къ ней Надежда Павловна.

— Ай, нѣтъ!... Какъ это возможно! здравствуй, душечка! проговорила, проворно цѣлуясь съ Соней, Бакланова, и снова принялась за свое:—въ гробу-то, родная моя, говорить, лежалъ такой черный, да нехорошій.

— Замужъ выходить! попробовала было еще разъ пояснить ей Надежда Павловна.

— Ну, вотъ, поздравляю! сказала и на это полувнимательно Аполлиарія Матвѣевна.

— Не прикажете ли кофею? отнеслась ужъ къ ней Соня.

— Ой, пожалуй! отвѣчала Аполлиарія Матвѣевна какимъ-то сентиментальнымъ голосомъ.

Сколько эта дама пила и ѣла, представить себѣ даже невозможно!

Соня принесла ей огромную чашку кофею и цѣлый ворохъ сухарей.

— А Саша-то мой, ну-те-ка, тетенька, продолжала Аполлиарія Матвѣевна:—послала я его къ тетушкѣ, ну, тоже думаю, можетъ и наследство отъ нея быть... объяснила она откровенно.

Надежда Павловна незамѣтно, но злобно улыбнулась.

— Только слышу, что онъ вмѣсто того здѣсь, а тамъ и въ Москвѣ.... Я такъ и обмерла: въ глазахъ у меня потемнѣло.... (При этомъ Аполлиарія Матвѣевна въ самомъ дѣлѣ закрыла нѣсколько свои глаза.) Писала ужъ и жаловалась на него братцу, Евсеью Осипычу... Онъ, спасибо, нарочно своего московскаго управляющаго посылалъ разузнавать, тотъ все и описываетъ, всѣ ихъ каверзы.... На послѣднихъ словахъ Аполлиарія Матвѣевна, въ полнѣйшемъ отчаяніи, развела руками.

Сомя все внимательнѣй и внимательнѣй къ ней прислушивалась.

— Чтò же такое? спросила Надежда Павловна.

— Пьютъ, родная! Въ пору большимъ такъ пить. (Сашу своего Аполлиарія Матвѣевна считала до сихъ поръ еще чуть ли не десятилѣткомъ.) Управляющій-то прямо за ними въ трактиръ и прошель: дымъ коромысломъ стоитъ.... двоимъ ужъ тамъ въ снѣгахъ голову холодною водою обливали.... „рѣчи говорятъ....“ самъ уже братецъ въ письмѣ своею ручкой прибавляетъ: „такія говорятъ, что нынѣ времена строгія, пожалуй, того и гляди, улетятъ куда-нибудь“.

— Но, можетъ-быть, это другіе, а не вашъ Александръ, попробовала было утѣшить ее Надежда Павловна.

— О, полноте-ка, тетенька! воскликнула Аполлиарія Матвѣевна, махнувъ рукой:—первый, говорятъ, коноводъ на все. Онъ, вѣдь, у меня умный: не въ меня, а въ покойника. Какъ оредъ, говорятъ, такъ и ходить. Больно боюсь, тетенька, чтобъ онъ распутничать не началъ!

— Чтò-й-то, какія глупости! произнесла Надежда Павловна, показывая Аполлиаріи Матвѣевнѣ глазами на дочь, но та ничего не поняла.

— Говорятъ ужъ и есть это... очень боюсь. Научите меня, тетенька, вы у насъ умная эдакая, чтò мнѣ дѣлать-то?

— Напишите ему письмо построже.

— Писала, родная... Священника и сочинить-то просила, чтобы поскладнѣй-то вышло. Таково чувствительно написала... Такъ вѣдь чтò ови, балбесы? Только то и отвѣчаетъ: „Вольно вамъ, маменька, говорить, всякимъ глупостямъ вѣрить.“

Надежда Павловна, чтобы какъ-нибудь поскорѣй прекратить этотъ визитъ, ничего ей не отвѣчала.

— Сама, тетенька, думала вѣхать въ Москву-то, да тоже

думаю: они тамъ меня совсѣмъ засмѣютъ! заключила Аполонарія Матвѣевна и затѣмъ, видно, выболтавъ все что ей нужно было, поднялась.

— Прощайте, тетенька! Неужели въ этихъ канурахъ вы свадьбу-то станете дѣлать!.. Наняли бы домъ у меня... И то ужь съ полгода стоитъ безъ постояльцевъ, раззоренье такое! прибавила она, уходя и попрежнему небрежно прощаясь съ Соней.

Мать и дочь, оставшись вдвоемъ, молчали.

Соня стояла у окна. Въ свѣтлыхъ глазахъ ея блестяли слезы. Печальный образъ прощавшагося съ ней Александра невольно возсталъ передъ ней.

„Слова, сказанныя имъ при прощаньи: „Если я не найду въ прекрасномъ, то найду въ дурномъ,“ значить, были не фраза.

— Мамаша, я поѣду прокатиться! проговорила она.

— Поѣзжай! отвѣчала та.

Яковъ Назаровичъ, зная наклонности невесты, первое что подарилъ ей чудесныя, чухонскія саночки, съ красивымъ кучеромъ и съ превосходнымъ воронымъ рысакомъ.

Соня почти каждый день ѣздила кататься въ своемъ экипажѣ, и теперь, сѣвъ въ него, и оставивъ свое хорошенькое личико противъ морозу, велѣла себя везти скорѣй, скорѣй. Ей, кажется, хотѣлось какъ-нибудь, поразмыкать свое горе. Она пролѣтела такимъ образомъ площадь, Ивановскую улицу, Калязинскую; но потомъ вдругъ, какъ бы встрепенувшись, закричала кучеру.

— Постой! стой!

Тотъ остановился.

— Monsieur, Венявинъ! крикнула Соня студенту въ плоховатой шинели, смиренно проходившему, по свѣжному тротуару.

Тотъ обернулся, и узнавъ кто его кличетъ, подошелъ улыбаясь, краснѣя, застегивая свой вицъ-мундиръ и даже приглаживая волосы.

— Pardon, Monsieur Венявинъ, что я васъ беспокою! сказала Соня,—(Александръ не однократно говорилъ ей о своемъ приятелѣ и даже показывалъ ей его). Parlez vous français? прибавила она.

— Ахъ, oui, madame! отвѣчалъ Венявинъ, страшно конфузясь и варварски произнося.

— Avez vous l'adresse de monsieur Баклановъ?

— *Oui, madame!* отвѣчалъ Венявинъ, сдѣлавъ все умственное усиліе, чтобы понять то, что ему сказали.

— *Je vous prie de lui envoyer un petit billet de ma part...* Нѣтъ ли съ вами карандаша? Последнія слова Соня нарочно сказала порусски.

— *Oui, madame!* отвѣчалъ торопливо Венявинъ и выхватилъ изъ бокового кармана карандашъ.

Соня отъ обертки, въ которую завернута была матерія, взятая ею, чтобы переменить въ лавкахъ, оторвала клочокъ бумаги и написала на немъ: „Вы безумный человекъ! Васъ любятъ, но что же дѣлать!.. Того не велитъ Богъ и люди, и если теперь выходить замужъ, такъ, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы, смѣяться надъ святымъ таинствомъ. Прощайте, не дѣлайте глупостей и забудьте душой всю вашу Софи.“

— *Votre parole d'honneur que vous ne lirez pas mon billet et m'en garderez le secret!* говорила Соня, подавая ему бумажку.

Само небо, кажется, осѣнила голову Венявина, что онъ понималъ эту фразу и даже отвѣтилъ на нее такимъ образомъ.

— *Oui, madame, je prendrai moi cette... j'ai retardé ici; mais aujourd'hui, je partirai á Moscou!*

— *Merci!* сказала Соня, и пожавъ красную и неуклюжую руку студента своею хорошенькою ручкой, затянутою въ французскую перчатку, сказала кучеру: „въ гостиный дворъ!“ и какъ стрѣла скрылась изъ глазъ. Венявинъ тутъ только сообразилъ свою ошибку: „Ахъ, я болванъ, болванъ! Ей вѣдь еще слѣдуетъ говорить *mademoiselle*, а я бухнулъ *madame!*“ думалъ онъ, и съ досады готовъ былъ прибить себя.

Придя домой, онъ тотчасъ запряталъ драгоценное посланіе сначала въ карманъ своихъ лучшихъ брюкъ, а потомъ брюки эти засунулъ въ треугольную шляпу, и ту положилъ на самый низъ чемодана.

ГЛАВА XVIII.

Сынъ, возвращающійся съ раскаяніемъ.

Юный Басардинъ началъ преприятно жить у тетки. Она ему нашла бѣлья, велѣла навязать карпетокъ, и наконецъ, отъ имени дѣдушки, подарила старинные, золотые часы. Викторъ, въ свою очередь, сталъ входить и помогать ей нѣсколько

по хозяйству. У Биби былъ одинъ заѣвъный мужикъ, ужа-
снѣй грубиянъ: какъ только напивался онъ пьянъ, сейчасъ же
съ пѣной у рта являлся передъ барышниками окнами.

„Барыня!... барыня!... угорѣла барыня въ нетопленной гор-
ницѣ...“ напѣвалъ онъ, присѣдая и дѣлая другія глупости.

Иногда даже онъ ловилъ ее въ церкви, когда она выходила
оттуда.

— Сторонитесь, сторонитесь—улита ѣдетъ, наша барыня...
госпожа.... говорилъ онъ, расталкивая передъ ней народъ.

Биби его за это наказывала, возила въ рекруты от-
давать; но не проходило полугоду, какъ онъ снова повто-
рялъ свои штуки, которыя вздумалъ выкинуть и при Вик-
торѣ. Тотъ его, на мѣстѣ же преступленія, схватилъ за
шиворотокъ, пригнулъ къ землѣ и изъ собственныхъ рукъ,
такъ отзвонилъ плетью, что даже другіе мужики, стояшіе
не вдалекѣ, при этомъ, почесавъ въ затылкѣ, проговорили:
„это ужъ, братъ, видно, по настоящему, по военному!“ а самъ
наказанный ничего и не объяснялъ, а только слезливо мор-
галь носомъ.

Очень довольная всѣмъ этимъ, Биби начала говорить про
племянника:

— Преумный и превнимательный... На что я, кажется, гла-
зомъ посмотрю, и то онъ видитъ!

Когда она постыдила Виктора, что какъ это онъ, такой
большой, не умѣетъ читать по-славянски, онъ сейчасъ же
подъучилъ и, уже довольно бойко разбирая титлы, сталъ по
вечерамъ читать теткѣ, по ея указаніямъ, нѣкоторыя мѣста
изъ Четьи-Минеи. Происходившія при этомъ сцены были до-
вольно оригинальнаго свойства: зеленая гостиная обыкновен-
но освѣщалась двумя салными свѣчками; молодой офицеръ,
съ самымъ смиреннымъ выраженіемъ, глядѣлъ, не поднимая
глазъ, въ книгу и произносилъ: „И бѣ Аванасію страхъ вели!“

Биби при этомъ какъ-то порывисто нюхала табакъ и прини-
малась торопливо распускать свое вязанье. Это означало,
что она сильно была тронута.

Дѣдушка-майоръ, тоже вывезенный на своихъ креслахъ
слушать, начиналъ понемногу высовывать языкъ; а потомъ
все больше и больше, и наконецъ вытягивалъ его почти что
до половины.

— Папенька, опять языкъ! вскрикивала на него Биби.

Старикъ сейчасъ же убиралъ органъ слова въ надлежащее

кто: но потомъ, черезъ минуту, начиналъ его снова выпускать понемногу: зачѣмъ онъ это дѣлалъ, никто у него спроситься не могъ!

„И придоша къ нему бѣси“, продолжалъ, между тѣмъ, Басардинъ, невольно улыбаясь. У него самого въ это время были порялочные бѣсенята въ головѣ: „Когда такъ все пройдетъ, такъ съ тетки-то рублей пятьсотъ сорвать можно будетъ!“ думалъ онъ и продолжалъ читать: „отъидите отъ меня, окаянные, рекъ Аванасій.“

— А Иродіадка, стерва, все отвертывается! вертѣлось въ это время въ головѣ молодого человѣка, и голосъ его дѣлался совершенно невнимателенъ.

— Ну, будетъ, другъ мой! говорила Биби, думая, что онъ усталъ.

Викторъ закрывалъ книгу, осторожно подавалъ ее теткѣ, и самъ, усѣвшись смиренно въ кресло, задумывался. Въ эти минуты, его волновали самосильнѣйшія страсти: благодаря усиленному питанію, которымъ угощала его тетенька, и спанью на мягкой перинѣ, онъ рѣшительно не въ состояніи былъ равнодушно видѣть ни стройнаго стана Иродіады, ни ея толстой косы, красиво расположенной на затылкѣ.

— Иродіада, куда ты! Постой! говорилъ онъ ей, когда она, вечеромъ послѣ ужина, приходила и ставила ему графинъ на столъ. Первоначально Иродіада отвѣчала на это однимъ холоднымъ взглядомъ; но Викторъ простеръ свои искательства и дальше.

— погоди, постой! говорилъ онъ, встрѣтивъ ее разъ въ темномъ корридорѣ.

— Баринъ, что вы? Перестаньте... Право, тетенькѣ скажу! проговорила Иродіада, стараясь поскорѣе пройти мимо его.

— Ну, да! какъ же! скажешь! говорилъ Викторъ и сдѣлалъ черезчуръ смѣлое движеніе.

Иродіада сердито оттолкнула его и прошла.

Биби она въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, разказала, потому что та была день или два очень суха съ Викторомъ. Злоба въ душѣ его забушевала. Поймавъ снова Иродіаду въ корридорѣ, именно послѣ описаннаго нами чтенія, онъ остановилъ ее.

— А, такъ ты ябедничать! произнесъ онъ, и такъ распорядился, что Иродіада, для спасенія себя, сначала толкалась, а потомъ укусила ему плечо.

— Ты еще кусаться! проговорилъ Викторъ и схватилъ ее за косу.

Иродіада закричала на весь домъ: „батьюшки, бьютъ“. На этотъ крикъ со всѣхъ сторонъ высыпали дѣвки со свѣчами, и сама Биби.

— Она мнѣ грубитъ! сказалъ Викторъ, указывая на Иродіаду.

— Матюшка, вся ваша воля, отвѣчала та, поправляя свою косу и куда-то мгновенно скрываясь отъ стыда.

— Викторъ Петровичъ, чтѣ такое? произнесла Биби.

— Викторъ Петровичъ!.. передразнилъ ее Викторъ: кадетская натура его не выдержала при видѣ сморщенного и сердитаго лица тетки. Кромѣ того, онъ былъ очень ужъ и взбѣшенъ.

— А, такъ вы такъ! произнесла Биби, и сейчасъ же удалилась.

Изъ всей этой сцены она очень хорошо поняла, чтѣ это за господинъ, и просто струсила его. Онъ, пожалуй, до того дойдетъ, что и ее приколотитъ; а потому, на другой же день, не входя съ нимъ ни въ какія объясненія, когда Викторъ еще спалъ, она, запрятавъ стараго отца и Иродіаду въ возокъ, сама сѣла съ нимъ и уѣхала на богомолье, верстъ за триста, захвативъ съ собою всѣ ключи отъ чая, сахару и погреба. Молодой человѣкъ остался такимъ образомъ снова безъ всякаго содержанія. Первоначально онъ сталъ было всего требовать отъ ключника; но тотъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ничего. Викторъ хотѣлъ было его прибить; ключникъ убѣжалъ отъ него. Басардинъ, дѣлать нечего, рѣшился ѣхать обратно въ городъ, хватить тамъ по боку дѣдушкины часы, и съ этою суммой прямо отправиться въ Петербургъ. Но на постояломъ дворѣ, у Никиты Семенова, онъ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, возвращавшимся изъ города.

— Ваша фамилія? спросилъ тотъ.

— Басардинъ.

— Это не ваша ли сестрица выходитъ замужъ?

— Должно-быть, моя! Я не знаю, я только еще ѣду къ нимъ. За кого же она идетъ?

— За очень хорошаго человѣка.

— И богатаго?

— Да, съ большимъ состояніемъ. И она-то вѣдь прелестная. Съ вами вотъ имѣеть не малое сходство!

— Да, она премилая! отвѣчалъ Викторъ, и въ головѣ его сейчасъ же измѣнился планъ. Пріѣхавъ въ городъ, и остановясь въ номеръ, онъ тотчасъ же сѣлъ и написалъ къ матери письмо.

„Дражайшая маменька! Я сознаю теперь вполне, что я блудный сынъ, но когда тотъ сказалъ отцу своему: „отче! я согрѣшилъ на небо и предъ тобою,“ отецъ сказалъ: „Иди въ домъ мой! заколите тельца и празднуйте: сынъ, котораго я считалъ мертвымъ—живъ.“ Сдѣлайте, маменька, и вы то же!“

Начитавшись у Биби книгъ духовнаго содержанія, Викторъ хотѣлъ посланье поразить мать примѣромъ изъ Священнаго Писанія, и затѣмъ, по своей всегдашней методѣ, въ письмахъ къ одному побранить другаго, прибавилъ:

„Тетенька, хоть Богу и молится, но дѣла ея далеко тому не соответствуютъ, и великую поговорку: что нѣтъ такого друга, какъ родная матушка, я узналъ теперь вполне.“

Отправивъ это письмо, Викторъ заранѣе былъ увѣренъ въ его успѣхѣ.

Чему другому, а нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ и тому какъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать, его, видно, понаучили въ корпусѣ.

ГЛАВА XIX.

Сынъ, еще не чувствующій никакого раскаянія.

Надежда Паваовна въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, была совершенно счастлива. Мало того что Петра Григорьевича утвердили въ должности; но сама губернаторша обѣщалась къ нимъ пріѣхать посидѣть вечеромъ.хлопотъ, и самыхъ, разумеется, пріятныхъ, было, по этому случаю, не мало. Дарья еще съ раннего утра все мыла: полы, окна, двери; потомъ, часамъ къ семи, нарядилась въ накрахмаленную юбку и въ подаренное ей барыней, старое, шерстяное платье, и какъ пава ходила въ немъ изъ кухни въ горницу и обратно. На воцѣнномъ столикѣ, покрытомъ камчатною скатертью, зажжены были двѣ стеариновыя свѣчи, а на столикѣ подъ зеркаломъ еще двѣ, такъ что свѣту было, пожалуй, пущено болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Накурено Сокинымъ одеколономъ на горячемъ утюгѣ тоже достаточно. Для десерта куплены были яблоки и виноградъ, такъ какъ Марья Нико-

лаевна обѣщалась пріѣхать не одна, а съ маленькимъ сыномъ своимъ Колей, который, какъ смѣялись сама мать и всѣ близкіе знакомые, былъ не на шутку влюбленъ въ Соню, называлъ ее своею невѣстой и все хотѣлъ застрѣлить изъ ружья Ленева, который, говорилъ, отнимаетъ ее у него.

Когда губернаторша, дама въ такомъ рангѣ, въ своемъ шумящемъ, шелковомъ платьѣ, въ своемъ дорогомъ блондовомъ чепцѣ, и наконецъ съ своимъ ангелоподобнымъ сыночкомъ Колей, пріѣхала и усѣлась въ маленькой квартиркѣ Басардиныхъ, такъ эту сцену нѣсколько даже трудно вообразить себѣ. Надеждѣ Павловнѣ было необыкновенно совѣстно и пріятно. Петръ Григорьевичъ, начавшій умываться и обрѣзаться чуть ли не раньше всѣхъ, и при этомъ обнаружившій такое фырканье и отхаркиванье, что даже дочь ему замѣтила: „что это, папенька, вы точно бегемотъ!“—Петръ Григорьевичъ сильно трусилъ. Въ продолженіе всего вечера, какихъ жена ни дѣлала ему знаковъ руками и глазами, онъ ни за что не хотѣлъ сѣсть.

Надежда Павловна какъ-то подобострастно занимала губернаторшу. Соня играла съ Колей. Милый ребенокъ избрѣлъ такого рода забаву: онъ цѣловалъ у Сони руку въ засосъ, то-есть хваталъ ее ртомъ своимъ и втягивалъ въ себя воздухъ, такъ что на рукѣ появились пятна.

— Перестань, говорила ему Соня.

Но влюбленный крошка не унимался и хотѣлъ было насосать ей и лицо.

— А, когда такъ, такъ ступайте же! сказала Соня сердито и спуская его съ колѣнъ. Она не на шутку испугалась, что онъ испортитъ ей и лицо. Игру эту Коля избрѣлъ съ одною изъ горничныхъ.

— Пусти! пусти! говорилъ онъ, хватая Соню за платье.

— Ну, такъ я и советѣмъ уйду! сказала она, въ самомъ дѣлѣ уходя въ соседнюю комнату, и притворивъ дверь, заперла ее задвижкой. Коля сталъ плечикомъ и ножками стучать что есть силы въ дверь.

— Коля! Коля! перестань! подуумывала его мать.

Марья Николаевна принадлежала къ тѣмъ нѣжнымъ матерямъ, которыя воспрещать что-либо птенцамъ своимъ считаютъ за какое-то святотатство.

„Чего этому ангелу, въ которомъ всѣ чувства такъ еще чисты, можно не позволить?“ говорила она.

Коля до сихъ поръ жилъ такъ какъ будто весь міръ былъ созданъ для услуги ему: у него были игрушки, маленькія лошадки, конфеты. Даже самъ кровожадный родитель ни въ чемъ ему не препятствовалъ: ненавидя почти весь родъ человѣческій, онъ свой собственный кусокъ мяса, отторгнутый отъ него и получившій отвѣдное существованіе, боготворилъ.

Коля у дверей наконецъ заревѣлъ.

Надежда Павловна начинала сильно конфузиться и хотѣла было послать Петра Григорьевича, чтобъ онъ велѣлъ Сою выйти занимать маленькаго гостя; но Дарья въ это время внесла на подносѣ яблоки и виноградъ. Коля сейчасъ же устремился къ этимъ, не менѣе любезнымъ ему, предметамъ. Мать и хозяйка сейчасъ же поспѣшили усадить его и надавали ему всего, чтобы только онъ не плакалъ. Соля, такимъ образомъ, получила возможность выйти и сѣла уже подальше отъ шалуна, который однако не переставалъ на нее плутовски поглядывать: протянетъ и будто даетъ ей яблоко, а потомъ самъ и возьметъ его назадъ. Соля дѣлала видъ, что ничего этого не замѣчаетъ.

Надеждѣ Павловнѣ подали письмо. Сначала она, взглянувъ на адресъ, нѣсколько сконфузилась; но прочитавъ, улыбнулась, и подавая его дочери, проговорила: „посмотри!“

— Да! отвѣчала и та съ улыбкой.

Надежда Павловна встала, и извинившись передъ губернаторшей, сама вышла къ посланному.

— Скажи Виктору Петровичу, что мнѣ писать къ нему нѣкогда и нечего: у меня гости.... губернаторша.... пускай бы самъ прѣзжалъ.

Викторъ черезъ пять же минутъ явился, прифранченный, въ шпэгъ и каскѣ. У матери онъ поцѣловалъ руку съ нѣжностью, съ сестрой поцѣловался съ улыбкой, и поцѣловалъ также руку у Петра Григорьевича, который отъ удивленія не зналъ куда и глядѣть: какъ сынъ тутъ попалъ, откуда, и почему его пустили. ничего онъ этого не понималъ.

Губернаторшѣ Викторъ раскланялся модно.

Надежда Павловна поспѣшила его отрекомендовать.

— Старшій сынъ мой!

— Вотъ уже какой! произнесла Марья Николаевна, осматривая молодого человѣка въ лорнетъ:—какъ приятно для матери дожидаться дѣтей въ такомъ возрастѣ! Вотъ вы теперь

офицеръ: сколько, я думаю, удовольствія и радости доставляете вашимъ родителямъ!

— Да, разумеется! отвѣчалъ совершенно безстыдно Викторъ. „Много отъ него удовольствія и радости!“ подумала Надежда Павловна.

— Вотъ у меня такъ еще малъ... мнѣ долго не дождаться. А, можетъ-быть, и совсѣмъ не дождусь! произнесла, почти со слезами на глазахъ, Марья Николаевна.

„Немного, кажется, и ты-то отъ своего пострѣленка радости получишь!“ подумала Надежда Павловна, а потомъ, обратясь къ сыну, она спросила:

— Хорошо погостилъ у тетеньки?

— Да-съ, она теперь на богомолье уѣхала.

— Чтò такъ? Прежде она въ такую распутицу никогда не ѣздила!

— Не знаю-съ!... А мнѣ на станціи разказывали, что Сося помолвлена, прибавилъ Викторъ скромно.

— Да, за богача и за генерала.... за прекраснаго человѣка, отвѣчала Надежда Павловна.

— Безподобный человѣкъ! Безподобный! подтвердила Марья Николаевна.

— Ну такъ вотъ, значить, поздравляю! проговорилъ Викторъ, иѣжно смотря на сестру,

Коля между тѣмъ, замѣтивъ у новаго гостя саблю, перелазилъ къ нему.

— Чтò это у тебя, сабля? спросилъ онъ его дерзко.

— Сабля, душенька! отвѣчалъ Викторъ.

— Дай мнѣ!

Викторъ вынулъ.

— Не беспокойтесь: она не отпущена, успокоилъ онъ Марью Николаевну.

— Это каска? спрашивалъ Коля.

— Каска!

— Дай мнѣ се.

Викторъ сейчасъ же ловко подвернулъ въ каску платокъ и надѣлъ ее на голову Коля. Мальчикъ, съ обнаженною саблей, сталъ ходить и маршировать по комнатѣ.

— Ахъ, да онъ отлично маршируетъ!... Прекрасно! прекрасно!... разъ, два!... разъ, два!... командовалъ Викторъ.— Чудесно! прибавилъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Николаевнѣ, которая была въ упоеніи.

Петръ Григорьевичъ, думая, что сынъ въ самомъ дѣлѣ искренно хвалилъ Колю, тоже повторялъ: „отлично! неподобно!“

— Удивительный ребенокъ! восклицалъ Викторъ.

Марья Николаевна, наконецъ, начала собираться домой; но Коля никакъ не хотѣлъ оставить ни каски, ни сабли.

— Полно, душечка, какъ это возможно! заикнулась было мать.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша!.. закричалъ онъ, задрягавъ руками и ногами.

— Боже мой! оставьте у него, говорилъ Викторъ.

— Но мнѣ, право, совѣстно! произнесла жеманно Марья Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша, повторялъ Коля, и разревался такъ, что его едва сунули въ карету, не взявъ у него ничего.

Когда проводили губернаторшу до сѣней и всѣ возвращались въ комнаты, Викторъ подошелъ къ матери.

— Маменька, я могу у васъ остаться? проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Остайся, тебѣ комната приготовлена, сказала Надежда Павловна, показывая на виднѣвшуюся черезъ сѣни комнату, и затѣмъ, ничего больше не сказавъ, ушла къ себѣ.

Викторъ на нѣсколько мгновений попризадумался, а потомъ повернулся и пошелъ въ показанное ему мѣсто.

ГЛАВА XX.

Капелька поэзiи и море прозы.

Послѣднее время у Соны гостила дочь ихъ хозяина, священника, Мама, молоденькая, прехорошенькая собою дѣвушка, преумненькая; но въ то же время пресмѣшная: повеселиться, поохотать, а, пожалуй, и поплакать была большая охотница. Сначала она робко ходила къ Сонѣ; а потомъ все чаще и чаще, и теперь выпросилась у Надежды Павловны шить Сонѣ свадебное бѣлье. Дѣла этого она была великая мастерица: точно по линейкѣ, по размѣру, ея маленькая ручка выводила мельчайшія строчки на бѣльѣ. Сама Соня не умѣла иголки взять въ руки.

Онѣ уже съ часъ сидѣли вдвоємъ. Соня, чѣмъ ближе под-

ходила ся свадьба, тѣмъ становилась грустнѣй и грустнѣй. Маша между тѣмъ все что-то егозила на стулѣ.

— Софья Петровна, можно свадебную пѣсенку спѣть? проговорила, наконецъ, она робко.

— Спои, отвѣчала та.

Маша звонкимъ, но въ то же время мягкимъ голосомъ запѣла:

„Не на дѣвичье гулянье
„Собирается, снаряжается
„Наша Союшка.

— Охъ, полно, перестань, не надсажй ты меня! воскликнула вдругъ Соня и залилась горькими слезами.

— Чтò-й-то, барышня, вы все плачете? Хорошо ли это! утѣшала ее Маша, сама готовая расплакаться.

— Тошно мнѣ, Маша, тошно! говорила Соня, пересаживаясь къ подругѣ и обнимая ее.

Маша была совсѣмъ счастлива.

— Чтò же вамъ тошно-то? спросила она.

— Замужъ не хочется идти....—Соня не кончила.

— Али вамъ не любъ женихъ-то?

— Да.... Я люблю другаго! прибавила Соня уже шепотомъ и скрывая свое лицо на груди Маши.

— Дѣло-то какое! произнесла та, качая головой:—для-че-жь вы, барышня, за того-то нейдете?

— Молодъ онъ очень, да и мать у него скверная! произнесла Соня.

— Поди-ты! удивлялась Маша.

— А тебѣ, Маша, нравится кто-нибудь? спросила Соня уставляя на подругу свое пылающее лицо.

— Нѣту еще, отвѣчала та наивно:—вонъ къ папсыкъ семи-наристы ходятъ, да не хороши только: нескладные такіе!

— А чтò, Маша, какъ выйдешь замужъ, другаго любить грѣхъ?

— О, чтò за важность, ничего! Вотъ въ нашемъ званьи такъ нельзя!

— Отчего же у васъ нельзя?

— Ну батюшку-то разстригутъ, какъ попадейка-ка полюбить другаго.

— Стало-быть, и намъ нельзя! проговорила Соня печально. Такъ журчали ихъ тихіе голоски, какъ бы чистый, малень-

кій ручеекъ среди неприступныхъ скалъ и горъ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Но дверь распахнулась и вошелъ Викторъ, тоже одинъ изъ порядочныхъ обломковъ, задерживающихъ въ человѣкѣ всякое искреннее чувство. Соня сейчасъ же поспѣшила обтереть слезы и сдѣлала видъ, будто бы смотритъ на работу Маши. Та, въ свою очередь, не смѣла глазъ поднять: Викторъ и ее, какъ Иродіаду, ловилъ въ сѣняхъ. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ былъ очень серіозенъ и важенъ. Вслѣдъ за нимъ прѣхала Надежда Павловна. Викторъ отнесся къ ней какъ-то свысока.

— Что Яковъ-то Назарычъ такъ долго дѣлаетъ въ Москвѣ? спросилъ онъ ее вдругъ.

Надежда Павловна посмотрѣла на него.

— Извѣстно что!

— Онъ, говорятъ, тамъ лѣчится?

Надежда Павловна еще съ большимъ удивленіемъ взглянула на сына.

— Кто жь это тебѣ сказывалъ?

— Водой, говорятъ, лѣчится; хорошъ женихъ! отвѣчалъ Викторъ насмѣшливо.

При всемъ стараніи, онъ никакъ не могъ скрыть ненависть къ сестрѣ, и, кажется, величайшимъ бы счастіемъ его было ея несчастіе.

Надежда Павловна сейчасъ же поняла къ чему онъ это говорилъ. „Этакое эхидное животное!“ сказала она мысленно себѣ и спросила его въ слухъ суровымъ голосомъ:

— Что долго ты здѣсь пробудешь? Долго еще продолжится твой отпускъ?

Викторъ, заложивъ руки въ карманы, отвѣчалъ съ важностью:

— Я здѣсь совсѣмъ остаюсь... поступаю къ губернатору въ адъютанты.

Надежда Павловна почти затрепетала отъ страха.

— Развѣ тебя берутъ? спросила она.

— Вѣроятно! отвѣчалъ Викторъ.

Онъ, дѣйствительно, послѣ перваго же знакомства съ Марьей Николаевной, началъ безпрестанно вѣдить къ нимъ въ домъ, ужасно какъ умѣлъ поддѣлаться, взялся учить Колю гимнастикѣ, и для этого были нарочно, по его рисунку, сдѣланы гимнастическія орудія: лѣстница и козель.

Викторъ былъ такой мастеръ производить всѣ эти штуки, и такъ увлекательно это дѣлалъ, что не говоря уже о Колѣ, который за нимъ лазилъ какъ сумашедшій, даже сама Марья Николаевна, несмотря на свою полноту, увлеклась и ползла было на лѣстницу. Викторъ при этомъ слегка поддерживалъ ее, и умѣлъ такъ это сдѣлать, что Марья Николаевна нѣсколько даже сконфузилась, и когда слѣзла съ лѣстницы, то проговорила:

— Какой вы шалунъ!

Начальнику губерніи тоже нравилось это удовольствие. Часто, сидя у себя въ кабинетѣ и занимаясь подписываніемъ бумагъ, онъ вдругъ вставалъ, приходилъ въ залу и начиналъ тамъ прыгать на козла, взадъ и впередъ; а потомъ, какъ бы ничего этого не дѣлавъ, возвращался къ себѣ въ комнату и снова начиналъ подписывать.

— А что въ губернаторскихъ адъютантахъ есть доходы или нѣтъ? спросилъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, Викторъ, обращаясь къ матери.

— Не знаю! отвѣчала Надежда Павловна. „На что другое, а на это видно есть толкъ, этакой мерзавецъ!“ невольно подумала она.

Въ комнату вбѣжала Дарья.

— Яковъ Назарычъ пріѣхали-съ! объявила она, а вслѣдъ за ней входилъ и самъ Яковъ Назаровичъ.

— Сейчасъ только вѣхалъ въ городъ, и сейчасъ, не выходя изъ повозки, къ вамъ! проговорилъ онъ. Въ рукахъ онъ держалъ огромнѣйшій подносъ, на которомъ горами были навалены брилліантовыя и золотыя вещи, разныя фантастическія корзинки и дорогія конфеты.

Двое лакеевъ несли за нимъ свертки дорогихъ матерій, кружевъ и куньи мѣха.

Всѣ, не выключая и наивной Машы, какъ бы преклонились передъ нимъ съ благоговѣніемъ, а Виктора отъ зависти даже подергивало.

ГЛАВА XXI.

Невольный протестъ.

Церковь Николы Явленнаго, самая аристократическая въ городѣ, видѣлась своею черною массой на огромной площади. По всѣмъ ея карнизамъ горѣли, колеблясь пламенемъ во всѣ стороны и страшно воняя скапидаромъ, плошки. Въ самой церкви, сырой и холодной, стояла толпа пѣвчихъ, въ своихъ голубыхъ, обшитыхъ галунами, кафтанахъ. Между ними происходилъ легкій говоръ, какъ бы въ родѣ перебранки.

— Гдѣ у тебя Боршнянскій-то? говорилъ совсѣмъ низкій октавой басъ, и при этомъ у него изо рта вылеталъ паръ.

— Тамъ въ нотахъ! отвѣчалъ ему тоненькою фистулой дискантъ, тоже испуская паръ изъ ротика.

— Тамъ только альтовая партія, дьяволъ! заключалъ басъ и давалъ бѣдному ребенку такой подзатыльникъ, что тотъ взмахивалъ на него свои голубые глазенки и удивленнымъ личикомъ какъ бы говорилъ: „Ну, братъ, этакого еще никогда не бывало.“

Три мужика, съ помощію высочайшихъ лѣстницъ, зажигли три главныя паникадила, свѣчь по сту въ каждомъ. Женихъ, съ приподнятою на накрахмаленномъ галстукѣ головой, завитой, раздушенный, въ бѣлыхъ генеральскихъ штанахъ и въ синемъ ученомъ мундирѣ, былъ уже въ церкви и, какъ пѣтушокъ, вертѣлся около Марьи Николаевны. (Она была почетною дамою съ его стороны.)

— Будуарь у меня обитъ бѣлымъ атласомъ, а мебель розово-свѣтлою матеріей, и изъ бѣлой слоновой кости трюмо, разказывалъ онъ.

— Да, да, говорила съ чувствомъ Марья Николаевна.

— Въ гостиной рытые подъ бархатъ голубые обои, а зала подъ мраморъ, объяснялъ Яковъ Назаровичъ.

— Да, да, подтверждала добрая губернаторша.

Между тѣмъ сынокъ ея, Коля, непременно хотѣвшій быть

въ церкви и въ качествѣ шафера привезшій образъ, теперь въ одномъ изъ дальнихъ угловъ возился съ своею гувернанткою Англичанкой, которая напрягала всѣ свои почти не женскія силы, чтобъ удержать его: онъ все рвался у нея, чтобы раскатать одну изъ передъ-иконныхъ лампадъ и посмотреть, какъ она треснется объ стекло, что онъ передъ тѣмъ и сдѣлалъ разъ.

„Невѣста!“ раздалось, наконецъ, въ церкви. Женихъ вытянулся и еще какъ-то больше засѣмнилъ ножками. Двери распахнулись, и Соня, въ сопровожденіи Аполинарія Матвѣевны, разодѣвшейся во всевозможныя цвѣта: самій, красный, желтый, вошла въ церковь. Ее велъ подъ руку, съ перетянутою, какъ у осы, талией и гремя по церковному полу саблей, Викторъ. Соня, повидимому, употребляла всѣ усилія надъ собой, чтобы не рыдать. Лицо ея было блѣдно и судорожно: она окончательно уже понимала, что продаетъ себя, и хотѣла по крайней мѣрѣ сдѣлать это такъ, чтобы было за что: одно подвѣчное платье ея стоило тысячи три, на лбу ея горѣла брилліантовая діадема въ пять тысячъ.

„Гряди!“ заплѣли верховые басы. „Гряди!“ выводили за ними дисканты. „Гряди!“ поддавали октавы, и одна изъ нихъ дольше другихъ протянувшаяся, какъ бы падучею звѣздой, прокатилась по церковному своду. Соня невольно затрепетала всѣмъ тѣломъ и затѣмъ, устремивъ взоръ на символическое изображеніе Святаго Духа, дѣлаемое обыкновенно надъ церковными вратами, не спускала съ него глазъ. Сдѣлать это умоляла ее ѣхавшая съ ней въ каретѣ Аполинарія Матвѣевна, говоря, что будто бы это необходимо для будущаго семейнаго счастья. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ къ губернаторшѣ адъютантъ ея мужа и привезъ ей теплую мантилью; за нимъ пріѣхалъ самъ начальникъ губерніи, за которымъ явился, разумѣется, полицеймейстеръ. По дружбѣ къ Якову Назаровичу, пріѣхали губернский предводитель и уѣздный предводитель. Вицъ-губернаторъ, жившій противъ самой церкви, тоже пришелъ полюбопытствовать на вѣнчанье. Вышелъ священникъ и діаконъ въ самыхъ дорогихъ ризахъ, — одинъ съ евангеліемъ, другой съ кадиломъ; по церкви распространился запахъ самаго чистаго, ливанскаго ладона. Начался обрядъ. На вопросъ священника: „не обѣщались ли?“ Соня отвѣчала: „нѣтъ“. Голосъ ея при этомъ слегка задрожалъ. Когда надѣли на нихъ вѣнцы, Яковъ Назаровичъ былъ рѣшительно смѣшенъ; а Соня, напротивъ,

была царственно хороша: какъ бѣлая лебедь, ходила она въ своемъ вѣнчальномъ вуалѣ, съ потупленною головкой и съ обнаженными руками, вокругъ наоя.

Послѣ вѣнчанія двери церкви снова распахнулись, молодая вышла и сѣла уже съ мужемъ въ его дормезь, преисполненный шелку и пружинъ. Широкіе, лаковые козлы кучера имѣли рѣшительно характеръ королевскихъ экипажей; шестеро сѣрыхъ жеребцовъ, въ серебряной сбруѣ, могли быть уподоблены баснословнымъ конямъ. Яковъ Назаровичъ везъ молодую супругу въ свою подгородную деревню, расположенную сейчасъ же за рѣкой, на красивѣйшемъ противоположномъ берегу. Провѣхавъ площадь, надобно было спускаться подъ гору. Экипажъ окружила со всѣхъ сторонъ темнота. Съ рѣки, какъ изъ пропасти, потянуло сырими, порывистыми, апрѣльскимъ вѣтромъ. На самомъ льду, чтобы какъ-нибудь экипажи не сбились съ дороги и не попали въ полыньи, ихъ встрѣтили, по приказанію Якова Назаровича, человекъ двѣнадцать верховыхъ людей, съ зажженными факелами. Свадебный повѣздъ какъ бы превратился въ погребальную процессію.

— Что это меня точно хоронятъ! проговорила Соня испуганнымъ голосомъ.

— Нѣту, моя душечка, нѣту, моя кралячка! говорилъ супругъ, нѣжно цѣлуя ея ручки.

Но Соня дрожала.

Лошади потомъ дружно внесли экипажъ въ гору и остановились передъ освѣщеннымъ крыльцомъ, гдѣ молодыхъ встрѣтила цѣлая толпа лакеевъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и жилетахъ; а въ залѣ подъ мраморъ стояли Надежда Павловна и Петръ Григорьевичъ съ образами и стриженная, помѣшанная сестра Якова Назаровича, Валентина, дѣтъ шестидесяти дѣвица, проживавшая съ нимъ и воображавшая ни много ни мало, что она плѣняетъ всѣхъ мужчинъ. Ее тоже вывели благословить брата.

— Покажи-ка, покажи свою молодую! говорила она, прищуривая глаза.

Яковъ Назаровичъ подвелъ къ ней Сою.

— О, недурна! Черна только! произнесла помѣшанная.

Соня была бѣла какъ мраморъ; но Валентина совершенною красавицей считала только самое себя, и потомъ когда начали пріѣзжать губернаторъ, вице-губернаторъ, предводитель

— мушны все видныя, она то на того, то на другаго стала кидать нѣжныя взоры, раскланывалась, расшаркивалась передъ ними, такъ что ходившая за ней горничная дѣвушка сочла за нужное увести ее.

— Полноте, барышня, ступайте! Пора къ себѣ въ комнату, сказала она, беря ее подъ руку.

— Но должна же я занять этихъ господъ! отвѣчала помѣшанная, кидая на служанку гордый и гнѣвный взглядъ.

— Чего тутъ занять! Вѣдь Кузьма Ивановичъ дожидается.

— Ахъ, да! воскликнула Валентина, сейчасъ же переѣхивъ токъ,—и уходя къ себѣ, все повторяла: „ахъ, несчастный! несчастный!“

Кузьма Ивановичъ былъ совершенно вымышленное лицо; но она воображала, что отъ любви къ ней онъ потонулъ; его спасли, и онъ идетъ къ ней. Чтобы она ни дѣлала, какъ бы ни дурачилась, достаточно было сказать: „Кузьма Ивановичъ идетъ къ вамъ!“ она сейчасъ же отправлялась въ свою комнату и дожидалась его: „Какъ странно однако, такъ долго неидеть!“ повторяла она до тѣхъ поръ, пока не засыпала отъ усталости.

Гости между тѣмъ перешли въ гостиную. Стали подавать шампанское, и музыка заиграла тушь. Сося въ какомъ-то утомленіи сѣла на диванъ и невольно склонила на его спячку свою чудную головку. Марья Николаевна тоже была разстроена и почти со слезами на глазахъ, такъ что Надежда Павловна спросила ее:

— Что съ вами?

Достойная эта женщина сначала ничего не отвѣчала; но потомъ, взявъ Басардину за руку и крѣпко сжавъ ее, проговорила.

— Я любила ваше семейство и теперь люблю; но я была ужасно оскорблена!

Изъ церкви Марья Николаевна взяла къ себѣ въ карету Виктора, и что уже у нихъ произошло тамъ неизвѣстно; но только и тотъ какъ-то совался изъ стороны въ сторону, былъ замѣтно чѣмъ-то встревоженъ и наконецъ, улучивъ минутку, онъ остановилъ мать.

— Мнѣ маменька, надобно завтра ѣхать въ Петербургъ.

— Это что такое?

— Отпускъ выходить!..

И Викторъ въ самомъ дѣлѣ показалъ ей отпускъ, которому всего оставалось дня три.

— Что жь здѣсь-то не остаешься на службѣ? спросила насмѣшливо Надежда Павловна.

— Очень нужно со скотами этакими! возразилъ Викторъ обыкновеннымъ своимъ тономъ.— Мнѣ, маменька, дайте денегъ-то!

— Дамъ, отвѣчала Надежда Павловна. Она была рада, какъ бы нибудь только отвязаться отъ него.

Свадебный ужинъ начался баснословной величины рыбой, сопровождаемую соусами изъ сои и омаровъ. Поваръ Якова Назаровича, по искусству, былъ первый въ городѣ. Надежда Павловна, сидѣвшая на самомъ почетномъ мѣстѣ и глядя на стоявшіе въ хрустальныхъ вазахъ дорогіе фрукты, на двухпудовыя серебряныя блюда подъ кушаньями, на шифрованыя и съ превосходною живописью тарелки, на богемскій тонкій какъ бумага хрусталь, блаженствовала. Подобной роскоши, оставивъ домъ князя, она уже не видывала. И все это теперь принадлежитъ ея Сонѣ.

А Петръ Григорьевичъ, напротивъ, былъ грустенъ. Неизвѣстно по какому инстинкту, онъ лучше и яснѣе, чѣмъ его супруга, понималъ, что они дѣлали нехорошо, выдавая такимъ образомъ дочь: Богъ умудряетъ иногда и младенцевъ!

Но вотъ шафера возгласили послѣдній тостъ,—здоровье какого-то осмыслѣвлаго внука Якова Назаровича; стулья задвигались, и гости стали вставать, прощаться и развѣзжаться. Аполлиарія Матвѣевна и двѣ другія дамы отвели Соню въ спальню.

Яковъ Назаровичъ прошелъ туда съ другой стороны. Огни въ домѣ погасали, и все стало мало-по-малу затихать. Не спалъ только Викторъ, мрачно ходившій по совершенно темной биллиардной; вдругъ промелькнула чья-то тѣнь.

Викторъ повзглядѣлся. Оказалось, что это была молодой въ халатѣ и съ подушкой въ рукахъ.

— Что вы? спросилъ его Викторъ.

Яковъ Назаровичъ грустно усмѣхался.

— Прогнала... Плачетъ... Не велитъ оставаться мнѣ тамъ! проговорилъ онъ, и прошелъ въ свою прежнюю, холостую спальню.

— То-то, дуракъ-то! сказалъ ему вслѣдъ Викторъ.

На другой день Надежда Павловна была очень встревожена, впервыхъ, тѣмъ что у Сони замѣтно дрожала ручка

и голова, и она ужь безъ ужаса, кажется, видѣть не могла мужа, а кромѣ того къ ней вдругъ прибѣжала горничная помѣшанной Валентины.

— У насъ несчастье-съ, табатерка барышнина пропала, объявила она.

— Какимъ это образомъ? спросила Надежда Павловна сначала совершенно покойно. Она передъ тѣмъ только проводила Виктора, который уѣхалъ на почтовыхъ въ Петербургъ.

— Не знаю-съ, отвѣчала горничная какимъ-то нервистельнымъ голосомъ.— Дорогая табатерка очень.... Мы имъ только когда по праздникамъ и даемъ изъ нея нюхать.

Надежда Павловна пошла къ Валентинѣ.

— Только и всего.... Ко мнѣ пришелъ этотъ молодой офицеръ—прекрасный, прекрасный молодой человекъ!... Поцѣловалъ у меня руку!... Только и всего!... разказывала сумасшедшая.

Надежда Павловна ее больше не разспрашивала, и возвратившись въ свою комнату, опустилась на кресла.

— Господи! Только этого не доставало! воскликнула она.

„А кто въ этомъ виновать?“ шевельнулось въ ея мысляхъ.
„И онъ, и я, и люди, и Богъ!“ произнесла мысленно бѣдная мать.

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

РАЗКАЗЫ НОВѢЙШИХЪ ТУРИСТОВЪ

0

ЮГЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

Сочувствіе англійской публики и англійской журналистики къ отложившимся отъ Союза областямъ Соединенныхъ Штатовъ растетъ все болѣе и болѣе. Имена генераловъ Ли, и въ особенности Джексона Каменной Стѣны, стали въ Англіи популярными именами. Туристы, пренебрегая опасностями и лишениями, такъ и норовятъ пробираться на таинственный Югъ. Всякое свѣдѣніе о военномъ бытѣ Южанъ и о ихъ домашнихъ дѣлахъ возбуждаетъ сильное любопытство публики. Заатлантическій братецъ Джонатанъ совершенно вышелъ изъ моды, и задорный Янки начинаетъ пожинать плоды ругательства направляемыхъ имъ столько лѣтъ противъ своей бывшей метрополи. Но не слѣдуетъ думать, однакоже, чтобы сочувствіе Англичанъ къ дѣлу Юга было простымъ результатомъ международнаго соперничества: причины этого сочувствія надобно искать глубже.

Мѣсяца два тому назадъ, почти всѣ англійскіе журналы, словно сговорясь между собою, поочередно представили по объясненію относительно своего взгляда на дѣла Юга и Сѣвера. Въ объясненіяхъ этихъ есть весьма много оригинальнаго. „Филантропы упрекаютъ насъ въ томъ, говорить одна газета, что мы

открыто желаемъ успѣха и независимости обществу зараженному язвой невольничества,—мало того, что мы желаемъ зла той воюющей сторонѣ, которая враждебна рабству. Мы ненавидимъ рабство и надѣмся, что каждый изъ нашихъ соотечественниковъ въ душѣ ненавидитъ его. Но мы вовсе не видимъ связи между уничтоженіемъ невольничества (разумнымъ и постепеннымъ) и возвращеніемъ Южныхъ Штатовъ подъ власть Союза. Мы очень хорошо видимъ, что заступничество за негровъ никогда не входило въ политику Сѣвера, а ежели теперь Сѣверъ сдѣлался такъ жалостливъ къ невольникамъ, то это потому что онъ надѣется ослабить своего врага, возбудивъ возстаніе въ непокорныхъ Штатахъ. Поработивъ Югъ и проливъ потоки крови, вашингтонское правительство или снова сохранитъ права рабовладельцевъ, или произнесетъ слово освобожденія, не имѣя средствъ ни вознаградить собственниковъ, ни сдержать въ порядкѣ неготовое къ свободѣ племя. Въ обоихъ случаяхъ результатомъ окажется зло, то-есть или несправедливость, или бѣшеное кровопролитіе. Аболиціи *quand tēte*, освобожденію рабовъ во что бы ни стало, съ пролитіемъ крови и истребленіемъ собственности, мы сочувствуемъ также мало, какъ сочувствовали возмущенію Джона Брауна.“

Другое изданіе идетъ гораздо далѣе въ своемъ объясненіи. „Допустимъ, говоритъ оно, что съ торжествомъ Сѣвера вопросъ о невольничествѣ приблизится къ развязкѣ, что Югъ, сокрушенный и залитый кровью, долженъ быть покоренъ для облегченія участи 4.000.000 находящихся въ немъ негровъ. Этими неграмъ и мы желаемъ всякаго добра; невольничество, въ которомъ они находятся, намъ ненавистно. Но, кажется намъ, покуда міръ нашъ еще не наполненъ космополитами, и покуда всякое отдѣльное государство имѣетъ свои особенныя жизненные интересы, Англія должна прежде всего дорожить благомъ Аягаіи. Интересы нашей торговли, страданіе рабочихъ массъ на нашей родинѣ заставляютъ насъ горячо желать окончанія распри терзающей Соединенные Штаты; а ходъ событій показалъ весьма ясно, что распря эта всего скорѣе кончится чрезъ признаніе Юга Европой и его конечное отдѣленіе отъ федеральнаго правительства. Неужели же мы виноваты въ томъ, что желая этой развязки, имѣемъ въ виду интересъ ланкаширскихъ труженниковъ, а не интересъ негровъ живущихъ въ Луизианѣ и Южной Каролинѣ? Да

если въ политическихъ дѣлахъ увлекаться одною филантропией, то гдѣ же конецъ такому увлеченію? Поддавшимся короля Дагомейскаго несравненно хуже нежели неграмъ у самаго свирѣпаго плавтатора: этому почтенному королю весьма недавно захотѣлось, по случаю какого-то праздника, *кататься въ челнокъ по пруду наполненному человѣческою кровью!* Отчего же мы не идемъ въ Африку крестовымъ походомъ на такого тирана? Всѣмъ извѣстны ужасныя казни, совершаемыя въ Китаѣ, какъ мандаринами, такъ и инсургентами: что же наши филантропы, такъ грустя объ американскихъ неграхъ, остаются холодны къ страданіямъ бѣдныхъ Китайцевъ?“

Въ заключеніе, приводимъ еще третью выписку, уже не изъ газеты, а изъ критическаго журнала, по поводу книги, въ которой Югъ и его дѣятели описываются блестящими красками. „Страшная язва невольничества тяготѣетъ надъ Югомъ; всакій Англичанинъ это знаетъ и скорбитъ объ этомъ. Но мы еще не видимъ причины, почему бы рабство, даже предположивъ его въ самыхъ ужасныхъ видахъ, могло помѣшать Англичанину удивляться военнымъ доблестямъ Юга. Во всякомъ обществѣ есть свои язвы, пороки и даже постыдные недуги; тѣмъ болѣе энергіи выказываетъ то государство, которое, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ своего органиана, въ неравной борьбѣ ведетъ себя геройски. Мы сами не на столько безукоризненны, чтобы поражать анаеомой соціальныя грѣхи Южныхъ Штатовъ; мы сами съ усиліями избавлялись отъ многихъ золъ, а потому никакъ не видимъ въ язвѣ невольничества язвы неопытной. Всякій знаетъ, каково было европейское общество въ феодаальный періодъ; но развѣ мы смотримъ на этотъ періодъ какъ на нѣчто позорное, развѣ мы не отдаемъ справедливости гражданскимъ, воинскимъ и другимъ подвигамъ, которыми онъ изобилуетъ? Смѣло сознаемся, что не взирая на рабство, не взирая на деспотизмъ, тяготящіе надъ Югомъ Соединенныхъ Штатовъ, героизмъ его гражданъ повергаетъ насъ въ изумленіе. Его послѣднія битвы съ Сѣверомъ начинаютъ принимать характеръ эпической, грандіозной. Его войны добыли себѣ славу великихъ воиновъ. Его населеніе выказало патріотизмъ безпредѣльный. Геройскою защитой родной территоріи оно показало, что достойно независимости; обиліемъ славныхъ полководцевъ и гражданскихъ дѣятелей, выказало свои права на самостоятельность политическую. Невольничество—великая язва, но страна такъ

побѣдоносно сокрушающая враговъ внѣшнихъ, сумѣетъ, понявъ свои интересы, также геройски покончить съ своею внутреннею язвой. И, наконецъ, рабство — рабствомъ, а подвиги — подвигами. Помимо всѣхъ постороннихъ соображеній мы сочувствуемъ Югу какъ безстрашному бойцу, который, наперекоръ всѣмъ вѣроятностямъ, наперекоръ своимъ слабымъ средствамъ, колотитъ своего колоссальнаго противника и шагу не отступаетъ передъ его непомерными силами.⁴

Мы привели самые откровенные и разумно высказанные отзывы лучшихъ органовъ великобританской печати: объ апологіяхъ невольничьихъ и недобросовѣстныхъ¹ мы упоминать не намѣрены. Равнымъ образомъ, мы вовсе не желаемъ разбирать вышеприведенныхъ доводовъ и въ двадцатый разъ рѣшать вопросъ о томъ справедливо или несправедливо общественное мнѣніе Англіи въ его симпатіяхъ къ согражданамъ Джаксона Каменной Стѣны и президента Девиса. Какъ бы то ни было, нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ настоящую минуту для Англіи Югъ Соединенныхъ Штатовъ есть не только отдѣльное государство, заслуживающее полного признанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ романтическая страна чудесъ, героизма, гражданскихъ доблестей и всякаго сорта характерныхъ личностей.

Всякая замѣтка о бытѣ Южныхъ Штатовъ, всякій разказъ людей, заглянувшихъ въ южную армію, читается съ жадностью, а такъ какъ путешественникамъ весьма и весьма не легко пробираться въ обѣтованный край, такъ занимающій любопытство публики, то и до сей поры жадность читателя удовлетворяется не очень обильно. Книга Росселя: *My diary, North and South*, до крайности занимательна, но она оборвалась до начала самыхъ потрясающихъ событій: авторъ не могъ уже присутствовать при разительныхъ перипетіяхъ войны; потомакскій походъ Макъ-Клеллана, разгромъ генерала Попа, вторженіе побѣдоносныхъ Южанъ въ Сѣвер-

¹ Какъ наприѣтъ о статьяхъ, гдѣ доказывается что негры на плантаціяхъ почти что блаженствуютъ. Но какъ ни преувеличены эти застрелія, мы советуемъ читателю интересующемуся американскимъ вопросомъ, не оставлять ихъ безъ прочтенія. Давно извѣстно что писатели-аболіціонисты, за весьма рѣдкими исключеніями, очень мало знакомы съ бытомъ невольничьихъ штатовъ, а тамъ гдѣ одна сторона предвзято мжетъ и преувеличиваетъ, необходимо знать апологію противниковъ, хотя бы и столь же живыя.

ные Штаты, наконецъ партизанскія дѣла Джексона и побѣда Ли подъ Фридриксбургомъ случились гораздо позже отъѣзда Росселя. Самимъ Южанамъ писать о себѣ некогда; сверхъ того ихъ журналы, никогда не биаствовашіе своею дѣятельностью, находятся подъ желѣзнымъ произволомъ правительства. Остаются стало-быть туристы, повременамъ заглядывающіе въ Ричмондъ, его окрестности, или, что нѣсколько удобнѣе, пробирающіеся въ *Сеуссисю* около побережья свъ рѣки Миссиссипи: ихъ принимаютъ хорошо, даютъ имъ пропускъ въ армію, но генералы видимо тяготятся ихъ присутствіемъ, зная всю опасность какую можетъ накликать иногда самая доброжелательная нескромность корреспондента. Сверхъ того, наблюдателямъ приходится вести жизнь трудную, полную лишеній, да еще тратить огромныя деньги на удовлетвореніе самыхъ умѣренныхъ потребностей жизни. До сей поры большинство новѣйшихъ разказовъ о Югѣ имѣетъ одну общую фizioномію. Наблюдатель съ большимъ трудомъ добирается до Ричмонда или до главной квартиры южной арміи, знакомится съ нѣкоторыми изъ замѣчательныхъ личностей края; но по мѣрѣ того какъ интересъ наблюденій возрастаетъ, возрастаютъ всякаго рода лишенія, а путешествіе внутрь страны оказывается просто невозможнымъ, болѣе всего по огромному количеству времени, которымъ пришлось бы пожертвовать. Послѣ нѣсколькихъ утомительныхъ недѣль слѣдуетъ возвращеніе и напечатаніе замѣтокъ. Имѣя это въ виду, мы намѣрены передать читателю кое-какія свѣдѣнія о Югѣ, не держась за котораго-нибудь изъ туристовъ, бывшихъ тамъ въ послѣднее время. Мы просто сведемъ въ одно сокращеніе разказы прочитанные нами въ *Корнгильскомъ*, *Блаквудовомъ* и *Фрезеровомъ* сборникахъ, присоединивъ къ нимъ два или три анекдота изъ мелкихъ газетныхъ корреспонденцій.

Было уже сказано что попасть изъ Сѣверныхъ Штатовъ на Югъ, или вѣрнѣе въ ту часть Южныхъ Штатовъ, гдѣ сосредоточены главныя военныя силы, дѣло крайне не легкое. ¹

По пограничнымъ рѣкамъ ходятъ сторожевыя пароходы, на сухомъ пути расположены легкіе передовыя отряды

¹ Самый легкій путь—изъ Мемфиса, занятаго Сѣверянами, на Герландо, Джексона, Виксбургъ и Мабиль; но избравъ его, придется или отказаться отъ возможности видѣть Ричмондъ и главную армію, или рѣшиться на весьма долгое, крайне утомительное путешествіе.

сѣверной арміи, и наблюденіе производится бойко, такъ бойко, что лица захваченныя безъ пропусковъ очень часто подвергаются одной участи съ признанными шпионами. Одинъ туристъ, принадлежавшій къ числу офицеровъ англійской арміи, посвятилъ двое сутокъ на то, чтобы переѣхать Потомакъ въ рыбацкѣй лодкѣ: по близости поминутно показывались дозорныя суда и приходилось отъ нихъ скрываться въ тростникѣ, и сидѣть притаивъ дыханіе. И Сѣверяне совершенно разумны въ своихъ предосторожностяхъ, потому что вся широкая полоса земли около границъ (въ особенности часть ея разоренная близостью воюющихъ армій) населена народомъ отчаяннымъ, которому, кромѣ жизни, терять нечего. Въ этомъ населеніи есть множество лицъ занимающихся военною контрбандой, много эмиссаровъ Юга, и что всего любопытнѣе, агентовъ по части дезертирства и шпионства. Эти послѣдніе имѣютъ видъ поселянъ, разоренныхъ въ конецъ и живущихъ въ опасныхъ мѣстахъ единственно за неимѣніемъ никакихъ средствъ для передвиженія; но на самомъ дѣлѣ у нихъ много денегъ, и порядокъ ихъ операций мастерски организованъ. Каждый день къ нимъ являются, малыми партіями, бѣглецы изъ сѣверной арміи, южные шпионы, окончившіе свои порученія, граждане задумавшіе эмигрировать на Югъ, наконецъ туристы, не получившіе отъ военныхъ властей пропуска, или не желавшіе имѣть непріятностей неизбѣжныхъ при добываніи этого пропуска. Совѣщанія происходятъ въ лѣсу, на покинутыхъ фермахъ, въ тростникахъ у рѣки, напоминая собою время англійскихъ якобитовъ и ихъ притоны у моря, такъ живописно изображенныя Маколеемъ въ его исторіи. За порядочныя деньги агентъ берется переправить своихъ кліентовъ куда слѣдуетъ, проводить ихъ лично до известнаго пункта и дать имъ рекомендаціи къ какому-нибудь товарищу, который, снова получивъ подать, доставляетъ ихъ къ южнымъ аванпостамъ или къ иному мѣсту назначенія, считаемою безопаснымъ. Повидимому, можно ожидать что авантюрьеру, миновавшему опасности со стороны Сѣвера, придется вытерпѣть кое-что отъ пограничныхъ дозоровъ южной арміи, но выходить напротивъ Южане охраняютъ свои границы безъ особенной строгости. Они очень хорошо знаютъ, что отъ нихъ на Сѣверъ вывезти нечего, что граждане желавшіе эмигрировать, могли это сдѣлать давно, что побѣги въ южномъ войскѣ рѣдки, и что также рѣдко приходятъ съ Сѣвера шпионы, боясь населе-

нѣ безжалостнаго и страшно раздраженнаго противъ проклятыхъ Янки.

Благополучно добравшись до запретнаго края и отдохнувъ въ шамашѣ какого-нибудь гостепріимца указаннаго свѣрымъ агентомъ по части дезертированія, туристъ видитъ себя въ положеніи затруднительномъ до комизма. Съ нимъ ковчево нѣтъ вещей, ни дорожныхъ припасовъ: съ чемоданами или саками и думать нечего пускаться въ подобное путешествіе. Достать нельзя ничего ни за какія деньги. Полоса земли, на которой туристъ очутился, сѣдена войною, опустошена огромными арміями. Вообще города Южныхъ Штатовъ никогда не были очень цвѣтущими: можно себѣ представить каковы они теперь, у границы, и послѣ происшествій 1862 года. Сообщенія затруднительны,— не столько по плохому состоянію дорогъ, сколько по совершенному отсутствію почтовыхъ лошадей, экипажей и подводчиковъ. Все забрано для военныхъ потребностей или удалось внутрь страны, такъ что туристу имѣющему желаніе отъ своего пограничнаго притона добраться до мѣстностей сколько-нибудь напоминающихъ цивилизованный міръ, по большей части приходится брести пѣшкомъ, не имѣя передъ глазами никакихъ прелестей природы, обыкновенно вознаграждающихъ Европейца за пѣшеходныя странствованія. Такъ и дѣлали многіе наблюдатели, скрѣпя сердце. Другіе, посчастливѣе или посмѣливѣе, выжидали какого-нибудь военнаго обоза, и, хотя не безъ труда, добывали себѣ уголокъ въ лазаретной фурѣ, въ сукарной повозкѣ, на негодномъ лафетѣ и такъ далѣе. Солдаты и офицеры южной арміи ведутъ себя съ путешественниками привѣтливо, хотя, сами состоя на спартанскомъ положеніи, должны ограничивать свою любезность добрымъ словомъ и какою-нибудь очень небольшою услугой.

Само собой разумѣется, что физіономія южной арміи, въ такое короткое время прославившей себя десятками блестящихъ побѣдъ, на первыхъ порахъ поглощаетъ все вниманіе туристовъ. Видъ отдѣльныхъ частей этой арміи непривлекателенъ, а за послѣднее время даже и не оригиналенъ, потому что совершенно напоминаетъ собою армію Соединенныхъ Штатовъ. Иные полки словно сейчасъ изъ окрестностей Вашингтона, даже на пуговицахъ ихъ мундировъ буквы U. S. (United States, Соединенные Штаты) красуются невозбранно. Совершенно такія же нарѣзныя ружья,

такіе же высокіе сапоги, такіе же темносиніе кафтаны, хотя офиціальныи цвѣтъ южныхъ мундировъ — сѣросиневатый. Не трудно догадаться въ чемъ дѣло. Ружья отобранны у пѣвннхъ Сѣверянъ или подобраны на полѣ сраженія, сапоги сняты съ убитыхъ, мундиры составляютъ часть складовъ, въ разное время захваченныхъ Джексономъ Каменною Стѣной, во время его неожиданныхъ вторженій въ такія мѣстности, гдѣ никто не ожидалъ его отрядовъ. Тоже съ пушками, тоже съ лошадьми, тоже съ медицинскими запасами. Буквы U. S. (Соединенные Штаты) красуются на сухарныхъ фурахъ, на госпитальныхъ экипажахъ, на зарядныхъ ящикахъ. Никогда еще ни одна армія такъ не снабжала себя на счетъ непріятеля,—а для Юга это очень важно, ибо онъ всегда нуждался въ хорошемъ оружіи, да и вообще, по малому своему промышленному развитію, онъ затрудняется заготовкою военныхъ принадлежностей. *

Отряды еще не бывшіе въ дѣлахъ, или почему-нибудь не получившіе своей доли изъ боевой добычи, всего болѣе доказываютъ скудость матеріальныхъ средствъ отложившагося края. Въ иныхъ полкахъ только офицеры имѣютъ что-то похожее на мундиръ, то-есть родъ синевато-сѣраго сюртука съ серебрянымъ галуномъ на воротникѣ: остальные люди въ пальто, блузахъ, пестрыхъ пиджакахъ и въ чемъ пришлось явиться подъ знамена. Въ хорошей обуви большой недостатокъ; ружья пѣхоты и кавалерійскія сабли крайне плохи; при началѣ войны всякій хламъ пошелъ въ дѣло, и только надо дивиться тому какъ могли войска, вооруженныя такимъ образомъ, на первыхъ порахъ устоять противъ солдатъ Сѣвера, вооруженныхъ превосходно. Исключеніе изъ общаго правила составляли лишь стрѣлковыя батальоны и конные отряды, исключительно набранныя изъ людей достаточныхъ, изъ аристократіи Юга. Тутъ всякій имѣлъ свое собственное оружіе, очень часто богатое и во всѣхъ отношеніяхъ отличное. Навыкъ къ охотничьимъ винтовкамъ здѣсь такъ великъ, что люди отка-

* Вътхъ какихъ способнхъ, до богатой добычи, отбитой у Сѣвера, обмундировывались многіе полки южной арміи. Изъ каждой роты выбирались люди, особенно ловкіе и краснорѣчивые, преимущественно изъ горожанъ. Изъ давали отпускъ на родину, и они, пользуясь имъ, собирали отъ своихъ согражданъ пожертвованія натурой. Запасшись такимъ образомъ, они возвращались въ армію съ грузомъ бѣлья, одѣяла, стараго платья, сукна и т. д.

зываются отъ самыхъ лучшихъ штуцеровъ, кое-какъ принадлежащихъ интендантствомъ арміи, или доставшихся на ихъ долю послѣ счастливаго сраженія.

Солдаты бородъ не брѣютъ, волосъ не чешутъ, и стригутъ ихъ очень рѣдко *, что, конечно, не украшаетъ строя и не располагаетъ къ опрятности, такъ нужной въ гигиеническомъ отношеніи. Въ лѣкарствахъ и хирургическихъ предметахъ страшный недостатокъ, равно какъ во всѣхъ предметахъ медкаго комфорта, такъ важнаго для выздоравливающихъ. Можно сказать, что строгая блокада съ моря и съ большихъ рѣкъ положительно посадила весь этотъ земледѣльческій край, если не на пицу Святаго Антонія, то по крайней мѣрѣ на немногосложный *тели* самаго простаго сельскаго работника.

Энтузіазмъ южнаго войска безпредѣленъ, хотя скорѣе можно назвать свирѣпымъ нежели возвышеннымъ. Причина очень понятна: онъ основанъ на враждѣ, а не на какомъ-либо, правильномъ или неправильномъ, политическомъ стремленіи. Собственно отдѣленія и политической независимости желаетъ лишь аристократія края: остальные классы знаютъ и хотятъ знать только то, что надо бить Янки, не давать ему пощадъ, и отплатить ему сторицею за вторженіе его войскъ въ области Юга. Это болѣе чѣмъ вражда національностей, это ненависть двухъ братьевъ, которые воспитаны разны, развились разны, возненавидѣли одинъ другаго вслѣдствіе кровавыхъ обидъ, десятки лѣтъ вскармливали свою ненависть и наконецъ сцѣпились какъ бульдоги. Южный житель заѣ Сѣверянина, горячѣе его по характеру, менѣе его склоненъ къ промышленности; наконецъ онъ сознаетъ себя въ положеніи опасномъ и дерется *pro aris et focis*. Какъ бы ни былъ патриотиченъ житель Нью-Йорка или штата Айовы, онъ хорошо знаетъ, что послѣ десяти фридериксбургскихъ пораженій Сѣверъ все-таки останется Сѣверомъ, между тѣмъ какъ почти весь Югъ способный носить оружіе стянуть передъ непріателемъ на побѣду или на погибель.

Давно извѣстно, что у Американца, какъ говорить русская поговорка: „языкъ безъ костей“; поэтому туристамъ и не слѣдовало обращать большаго вниманія на хвастовство

* Въ городахъ зубная щетка стѣитъ около трехъ долларовъ, головная швабра и другое дороже.

и возгласы южныхъ воиновъ: „Мы всё ляжемъ до послѣдняго. Наши жены пойдутъ на нихъ съ ножами и револьверами. Мы сметемъ съ лица земли эту подлую толпу мерзавцевъ, смѣющую прозываться войскомъ Соединенныхъ Штатовъ.“ И такъ далѣе, и такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Но гораздо знаменательнѣе этихъ фразъ было то обстоятельство, что англійскій туристъ-офицеръ, о которомъ мы упоминали, совершая въ какомъ-то обозномъ фургонѣ свой путь отъ границы до главной арміи, встрѣчалъ и обгонялъ цѣлыя толпы едва оправившихся раненыхъ, не долѣжившихся больныхъ, усердно поспѣшавшихъ къ своимъ отрядамъ и торопившихся какъ на праздникъ. Иные изъ нихъ едва волочили ноги, у другихъ не прошла лихорадка неразлучная съ ранами, третьи на походѣ сами дѣлали себѣ перевязки. Большая часть ихъ лѣчили не по госпиталямъ, а въ своихъ семьяхъ: никто не выгонялъ ихъ ранѣ срока, никто ихъ не подзадоривалъ, да и глупо было бы сгонять подъ знамена полуживыхъ людей, отъ которыхъ, кромѣ стѣсненія, ничего нельзя было ожидать. Особенно люди, служившіе подъ начальствомъ Джаксона, отличались невѣроятнымъ рвеніемъ: можно было подумать, что одинъ взглядъ на обожаемаго полководца принесетъ имъ чудотворное исцѣленіе, и они бѣжали къ нему, забывая, что у генерала Каменной Стѣны пѣхота дѣлаетъ переходы, какіе и лучшая кавалерія не всегда себѣ позволяла.

Главные квартиры южныхъ отрядовъ, и въ особенности образъ жизни въ этихъ главныхъ квартирахъ, стоять довольно подробнаго описанія. Какая-то совершенно спартанская, спокойная и горделивая скудость сказывается во всемъ. Сравнивъ съ лагеремъ Юга лагерь Сѣвера, гдѣ главнокомандующій поитъ свою многочисленную свиту шампанскимъ, а солдаты ѣдятъ пикули и ростбифъ, можно подумать, что генералъ Попъ ведетъ на войну избалованныхъ рабовладѣльцевъ, и что, напротивъ того, другъ народа генералъ Ли противопоставляетъ его легіонамъ свой строй безукоризненныхъ, во всякой скудости вскормленныхъ защитниковъ равенства. Южная армія сыта, и этого ужъ довольно. Палатки скверны и ихъ мало; объ одеждѣ людей мы говорили. Крѣпкіе напитки строго запрещены, по крайней мѣрѣ, въ войскахъ подъ непосредственною командой генерала Ли. Старшіе генералы живутъ гдѣ попало и какъ попало, офицеры спятъ подъ повозками,

ѣдятъ изъ одного котла съ рядовыми. Такъ часто упоминаемый Ли, *Вашингтонъ Юга* (и дѣйствительно близкій потомокъ Вашингтона), во время посѣщенія его арміи однимъ изъ туристовъ, жилъ въ домикѣ болѣе достойномъ названія шалаша: въ распоряженіи главнокомандующаго оказывалась всего одна комната, въ которой онъ и обѣдалъ, и спалъ, и принималъ подчиненныхъ. Обѣдъ предложенный генераломъ своему гостю состоялъ изъ ветчины, изъ какой-то маринованной рыбы въ жестянкѣ и изъ куска сыра. Участники пиршества сидѣли на ящичкахъ и на чемоданахъ. Тѣсная комната казалась еще тѣснѣе, оттого что одинъ изъ ея угловъ былъ заваленъ какими-то палками и яркими тряпичами: по ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что этотъ хламъ, сваленный такъ небрежно и не обращавшій на себя ничьего вниманія, состоялъ изъ знаменъ арміи Сѣвера, отбитыхъ въ послѣдніа сраженія. О некрасивомъ и неопрятномъ видѣ солдатъ мы говорили; но опытный глазъ военныхъ туристовъ безъ труда различалъ въ этихъ солдатахъ людей привыкшихъ къ огню, и что еще важнѣе, чрезвычайно полныхъ въ нравственномъ отношеніи вслѣдствіе ряда блестящихъ успѣховъ. Не смотря на пестрые наряды и зачастую на лохмотья, южный полкъ въ строю имѣетъ свою оригинальную и энергическую фізіономію. Выборные офицеры или перебиты или отодвинуты назадъ, если не поддержали довѣрія имъ оказаннаго; на ихъ мѣстѣ находятся люди уже показавшіе себя. Первая шеренга и фланговые ряды составлены изъ людей опытныхъ и отличившихся: ихъ смѣлая поступь, рѣшительный видъ и уваженіе, которымъ они пользуются отъ молодежи, замѣтны съ перваго взгляда. Если школа южнаго солдата трудна, то по крайней мѣрѣ она не продолжительна, и офицеры говорятъ, что, напримѣръ, одной Джексоновской экспедиціи съ двумя или тремя сраженіями довольно для того чтобы закалить въ военномъ дѣлѣ тысячи молодаго народа. Слабые не выдерживаютъ невѣроятныхъ переходовъ; при жесткости южныхъ воиновъ, трусу опаснѣе бѣжать нежели идти на непріятеля, постоянная удача воодушевляетъ народъ, а между тѣмъ частные начальники умѣютъ возбуждать духъ подчиненныхъ, и старшіе изъ полководцевъ не только популярны, но мастерски пользуются своею популярностью въ войскахъ.

Генералъ Ли, патриархъ и первый полководецъ отложившихся штатовъ, всюду пользуется доброю славой, которой даже и сѣверные противники отдають справедливость. Это человекъ величаваго вида, еще не старыи, но кажущійся далеко старѣе своихъ лѣтъ, съ большою бородой и пронизательнымъ, всегда спокойнымъ, взглядомъ. По манерамъ онъ—джентльменъ и аристократъ: онъ потомокъ Вашингтона, ему принадлежитъ Вашингтоново помѣстье въ Виргиніи,—то самое, гдѣ жилъ и похороненъ великій основатель Соединенныхъ Штатовъ.¹ Какъ рабовладѣлецъ, Ли отличался чрезвычайною гуманностью, и это подтверждается тѣмъ, что многіе изъ его виргинскихъ негровъ, имѣя полнѣйшую возможность уйти куда вздумается, посѣдовали на Югъ за своимъ господиномъ. Болѣе чѣмъ кто-либо изъ его военныхъ товарищей, Ли похожъ на отлично-воспитаннаго Европейца. Онъ свободенъ отъ всѣхъ неприятныхъ причудъ поражающихъ насъ въ Американцѣ, то-есть не хвастается, не ругаетъ Европы за невмѣстительство, не унижаетъ непріятеля, не плюетъ направо и налево, не жуесть табакъ и не задираетъ ногъ выше головы, сидя у каміна. При своемъ спокойномъ и привѣтливомъ обращеніи, онъ строгъ до неумолимости: офицеръ, что-нибудь разболтавшій о предстоящихъ дѣйствіяхъ, начальникъ отдѣльной части струсившій передъ непріателемъ, солдатъ обвиненный въ какомъ-нибудь недостойномъ поступкѣ, знаютъ, что съ генераломъ Ли расчетъ коротокъ. Самъ онъ никогда не говоритъ ни о политическихъ, ни о военныхъ дѣлахъ, особенно съ заѣзжими наблюдателями.

Джаксонъ (кажется Вилліамъ) Каменная Стѣна, принадлежитъ къ совершенно другому разряду людей, и какъ кажется, возможныхъ только въ Америкѣ. Онъ воинъ въ душѣ, а имѣетъ видъ какого-то неловкаго профессора; онъ фанатически набоженъ, но на тонкихъ губахъ его вѣчно порхаетъ какая-то шаловливо-ядовитая усмѣшка; солдаты обожаютъ его, сотнями погибая отъ его почти безумныхъ форсированныхъ маршей и тысячами ложась въ бояхъ, почти всегда неравныхъ, а потому страшно кровопролитныхъ. Худой,

¹ Теперь это помѣстье, какъ принадлежащее территоріи Сѣвера, не можетъ называться собственностью генерала Ли. Отъ постоянныхъ лагерей и передвиженій войскъ въ его сосѣдствѣ, оно совершенно раззорено; но Вашингтоновъ домъ цѣлъ и охраняется какъ должно.

нескладный¹, молчаливый и неласковый въ обращеніи, Джек-сонъ кажется еще мизернѣе отъ своего оципаннаго наряда; на немъ всегда сѣрый форменный сюртучокъ со звѣздочка-ми на воротникѣ; этотъ истертый казимировый сюртучокъ и скверный тяжелый папашъ у пояса, со временемъ будутъ такъ же извѣстны какъ Наполеонова шляпа, высокіе сапоги Фридриха Великаго, или красная фланелевая рубашка Гари-баальди. Джексонъ никогда не былъ плантаторомъ и не вла-дѣлъ рабами; вся его прислуга состоитъ изъ невольника-негра, который его въ грошъ не ставитъ, а по домашней и хозяй-ственной части распоряжается своимъ господиномъ какъ взрослымъ ребенкомъ. Этотъ негръ даже позволяетъ себѣ безнаказанно военныя нескромности. „Скоро мы двинемся,“ говоритъ онъ иногда солдатамъ, жадно слушающимъ вѣ-сти про любимаго начальника. „Эту ночь *масса* напролетъ молился. Какъ онъ не замолился до смерти, не понимаю. Будьте готовы.“ И почти всегда, послѣ ночи проведенной въ молитвахъ, слѣдовалъ одинъ изъ тѣхъ набѣговъ, послѣ кото-рыхъ армія Сѣвера не досчитывалась многихъ знаменъ и многихъ пушекъ, а нѣсколько полковъ южной арміи обмунди-ровывались на счетъ непріятели.

По воспитанію, связямъ и даже политическимъ воззрѣніямъ, Джексонъ Каменная Стѣна весьма близокъ къ Сѣверу, такъ близокъ, что когда, при началѣ войны, пришлось выбирать себѣ настоящее отечество, онъ очутился въ большомъ затрудненіи. Тестъ его, ревностный защитникъ Союза и чело-вѣкъ великой набожности, пригласилъ Джексона къ себѣ, и зять выжилъ у него нѣсколько дней бывшихъ кризисомъ въ его жизни. Сперва оба родственника обсуждали весь вопросъ съ точки зрѣнія гражданской, политической, исторической и на на чемъ не сошлись: сомнѣнія Джексона остались какъ были. Тогда тестъ и зять положили кончить дальнѣйшіе споры и умствованія, упали на колѣна и провели цѣлыя сутки въ молитвѣ. Послѣ молитвы Джексонъ объявилъ что ѣдетъ на Югъ, и старикъ уже не останавливалъ его.

Въ одной русской газетѣ было сообщено что Джексонъ Каменная Стѣна, никогда не имѣвъ понятія о военной службѣ, былъ сперва плохимъ профессоромъ, потомъ адвокатомъ и

¹ Одинъ глаза у Джексона, какъ пишутъ туристы, необычайно хороша.

лишь по случаю попалъ на свою настоящую дорогу. Это со-
всѣмъ не такъ. Джексоу вышелъ изъ Вестъ-пойнтской во-
енной академіи однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ. Все
время онъ служилъ въ регулярныхъ войскахъ; военное дѣло
далось ему не по вдохновенію свыше. Прозваніемъ *Каменной*
Стѣны онъ болѣе обязанъ своимъ организаторскимъ способ-
ностямъ. Блестящій талантъ полководца явился лишь въ послѣд-
ствіи. Передъ буллъ-ронскимъ сраженіемъ, на военномъ со-
вѣтѣ южныхъ генераловъ, Борегаръ (Бьюригардъ) говорилъ
о необходимости того, чтобы полки и бригады, сформиро-
ванные и обученные *настоящими строевыми* офицерами,
были выдвинуты впередъ, какъ наиболѣе стойкіе. Джексона,
какъ вестъ-пойнтскаго академика и бывшего офицера регу-
лярныхъ войскъ, спросили, можно ли разчитывать на его
бригаду. „Какъ на каменную стѣну“, отвѣчалъ Джексоу, и
бригада поддержала эту рекомендацію.

Джексоу около тридцати восьми лѣтъ. Онъ не честолюбивъ,
и готовъ служить подъ чьимъ угодно начальствомъ. На генерала
Ли, въ особенности, смотритъ онъ какъ на великаго полко-
водца. Чѣмъ Джексоу добылъ себѣ безпредѣльное обожаніе
подчиненныхъ, никто сказать не можетъ, потому что генералъ
также молчаливъ, не ласковъ и нескладенъ съ солдатомъ сво-
имъ, какъ и съ завѣщимъ путешественникомъ. Въ минуты са-
мага горячаго боя онъ почти не оживляется, у него нѣтъ ми-
нута увлеченія, голосъ у него не громокъ, верхомъ онъ ѣздитъ
очень не красиво и вообще онъ лишенъ всякой военной щеголе-
витости. А между тѣмъ можно сказать, что солдаты Джексона
заявляли ему свою приверженность такими дѣлами, на кото-
рыя не могъ бы разчитывать наипопулярнѣйшій изъ пол-
ководцевъ міра. Во время одной экспедиціи во флангъ непрі-
тельской арміи, передъ ужаснѣйшимъ форсированнымъ мар-
шемъ Джексонова отряда, оказалось, что одна изъ бригадъ это-
го отряда, частью не имѣла обуви, а частью была въ сапогахъ
до крайности изношенныхъ. Пришлось оставить эту бригаду
на дорогѣ, приказавъ ей двигаться впередъ самыми малыми
переходами. Каково же было изумленіе всего партизанскаго
отряда, когда, отхвативъ нѣсколько десятковъ миль и тот-
часъ же ударивъ на непріятеля, онъ, въ самую рѣшительную
минуту боя, увидѣлъ у себя на флангѣ „босую бригаду“, при-
бѣжавшую на поле и отчаянно ударившую на сѣверныя ко-
лонны! Люди не рѣшились отстать отъ Джексона. Напрасно

офицеры останавливали ихъ, напрасно десятки несбутыхъ солдатъ падали по дорогѣ: удержать порыва было невозможно, и къ вечеру остатки босой бригады уже щеголяли въ высокихъ сапогахъ снятыхъ съ солдатъ сѣверной арміи.

Генераль Борегаръ, на долю котораго выпала честь первой побѣды въ настоящей войнѣ, былъ отодвинутъ въ тѣнь заслугами Ли и Джексона, хотя его значеніе въ войскѣ всегда оставалось почетнымъ. По счастливой ли случайности, или что вѣрнѣе, по умѣнію Джефферсона Девиса выбирать настоящихъ людей, всѣ главные дѣятели южной арміи такого рода лица, къ которымъ солдатъ привязанъ, и привязанъ не безъ основанія. Ли—любимецъ офицеровъ и лицъ высшаго сословія. Къ Джексону привязано все неукротимое, порывистое и жаждущее подвиговъ. Борегаръ же, какъ Американецъ французскаго племени, популяренъ преимущественно между жителями Луизианы и областей съ нею сопредѣльныхъ. Борегаръ, какъ можно видѣть изъ его фамиліи, происходитъ отъ французскихъ креоловъ: онъ не высокъ ростомъ, красивъ собою, еще молодъ, но почти сѣдъ; страшные полтора года войны тяжко легли на него, какъ и на его товарищей!

Разказывая о популярныхъ генералахъ Юга, не слѣдуетъ забывать кавалерійскаго генерала Стюарта, мастера по части малой войны, отличавшагося во множествѣ сраженій и сформировавшаго конные отряды, по увѣренію военныхъ людей, достойные равняться съ лучшею конницею Европы. Само собою разумется, это сравненіе не относится къ наружному виду: конные полки Юга одѣты не красиво. Что же касается до особенно знаменитыхъ, иррегулярныхъ отрядовъ, то они, съ своимъ сборнымъ оружіемъ, въ пляхахъ съ широкими полями, безъ малѣйшаго пристрастія къ военной выправкѣ, скорѣе похожи на наѣздниковъ цирка въ домашнемъ уборѣ, на испанскихъ сальтеадоровъ Сьерры Морены, на что угодно въ томъ же родѣ, чѣмъ на войско, хотя бы самое иррегулярное.

Оставляя армію, и по возможности углубляясь внутрь отложившагося края, всѣ извѣстные намъ туристы, безъ исключенія, ограничивались осмотромъ Ричмонда, Чарльстона и другихъ городовъ, не удаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій. Ихъ предувѣдомляли, что странствіе чужеземныхъ соглядатаевъ по отдаленнымъ мѣстностямъ не можетъ быть пріятно правительству, не говоря уже о томъ, что населеніе,

подозрительное и раздраженное, можетъ принять любопытнаго путника за Яки, распространителя возмутительныхъ манифестовъ. Сверхъ того, самая жизнь въ вышеназванныхъ, по возможности снабженныхъ удобствами городахъ, достаточно показывала, съ какими трудами и лишениями сопряжены поѣздки по южнымъ штатамъ. Въ Ричмондѣ, столицѣ края и резиденціи президента, за грязный чуланъ для ночлега, приходится платить большія деньги, а по части провизіи за все сколько-нибудь похожее на прихоть платить на вѣсь золота¹. Торговли нѣтъ, во всемъ полная скудость, дома наполнены ранеными, о какихъ-либо развлеченияхъ нечего и думать. Засѣданія конгресса, происходящія въ некрасивомъ, наскоро отдѣланномъ зданіи, въ родѣ сарая, лишены всякой занимательности. При спартанскомъ положеніи страны, законодателямъ разговаривать неудобно, а иногда и опасно. Подробностей или характеристическихъ разказовъ о внутреннемъ состояніи южныхъ штатовъ туристу не добиться: желѣзная диктатура, подѣ которой они находятся, отразилась во всемъ и наложила печать молчанія на народъ, и безъ того никогда не отличавшійся общительностью съ чужеземцемъ.

Подобно тому какъ генералъ Ли, самый строгій изъ полководцевъ, нисколько не похожъ на грознаго военачальника президентъ Джефферсонъ Девисъ вовсе не напоминаетъ собой диктатора страны, управляемой желѣзною рукою. Этотъ человекъ, призывавшій къ оружію всѣхъ Южанъ способныхъ поднять штуцеръ, крайне миролюбивъ по виду и здоровьемъ такъ плохъ, что лишь одна нравственная энергія помогаетъ ему переносить трудности сопряженныя съ его званіемъ. Онъ много лѣтъ боленъ чахоткой, знаетъ слабость своего организма, но не бережетъ себя и не печалится по случаю недуга. Въ манерахъ онъ изященъ и простъ, разговоръ его отличается веселостью и остроуміемъ; его домъ считался всегда домою чрезвычайно пріятнымъ, благодаря мистриссъ Веринъ Девисъ, одной изъ красивѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ Юга. Мистриссъ Девисъ очень популярна

¹ Въ городѣ Герландо, разказываетъ сотрудникъ журнала *Cornhill Magazine*, главная часть ужина состояла изъ кукурузнаго хлѣба, маленькихъ пироговъ и какого-то ржанаго декокта вмѣсто кофе. Для ночлега онъ шлъ комнату съ тремя постелями, на которыхъ спало пятеро другихъ посетителей.

въ Ричмондѣ и окрестностяхъ. Какъ свидѣетъ первой дамѣ края, она находится во главѣ попечительныхъ и патриотическихкихъ комитетовъ, дѣятельность которыхъ, увы! не можетъ удовлетворить тысячамъ потребностей отовсюду возникающихъ. Война оставила множество семей безъ куска хлѣба, наполнила госпитали ранеными, пустила по міру толпы бѣдныхъ калѣкъ, между тѣмъ какъ тюрьмы переполнены политическими преступниками и пѣвными солдатами Сѣвера. За исключеніемъ хлѣба, котораго всегда было довольно на Югѣ¹, во всѣхъ предметахъ первой потребности такой недостатокъ, что медики, за неимѣніемъ лѣкарствъ, не знаютъ что дѣлать съ больными, а тюрьмы напоминаютъ собой мѣста заточенія въ Китаѣ, о которыхъ еще недавно газетные корреспонденты писали съ такимъ ужасомъ.

Джефферсонъ Девисъ, помимо своей диктатуры и президентской власти, имѣетъ большой вѣсъ между генералами и популяренъ въ арміи. Онъ не только служилъ въ дѣйствительной военной службѣ, но видѣлъ войну; въ мексиканскую экспедицію командовалъ отдѣльною частью, не разъ отличаясь во время этого романическаго похода. Разказываютъ, что ни одна изъ важнѣйшихъ операций южной арміи не предпринималась до сей поры безъ совѣта и одобренія президента; но еслибъ этого и не было, всякій скажетъ, что человекъ сумѣвшій распознать и поставить во главѣ военныхъ силъ дѣятелей подобныхъ Ли, Борегару, Стюарту и Джексону, долженъ быть одаренъ несомнѣннымъ военнымъ взглядомъ.

Таковы дѣйствующія лица и такова жизнь на окраинахъ возмущившихся штатовъ, по близости театра военныхъ дѣйствій. Но что дѣлается внутри? Какъ живутъ люди на дальнихъ плантаціяхъ, по центрамъ населенія еще не видавшего враждебныхъ знаменъ на родной почвѣ? Въ какомъ настроеніи находится четырехмилліонное черное населеніе? Источила ли война всѣ средства края, и въ случаѣ гибели своихъ пограничныхъ армій, найдетъ ли Югъ новыхъ бойцовъ за свою независимость? На всѣ эти вопросы отвѣчать до крайности трудно. Самы Южане или молчатъ, или отдѣлываются обычными патриотическими тирадами. Ихъ

¹ По послѣднимъ извѣстіямъ, и въ хлѣбѣ начинается оскуднѣніе для южныхъ штатовъ, по крайней мѣрѣ близъ театра военныхъ дѣйствій.

журналистика конечно не станетъ сообщать ничего невыгоднаго для хода войны, а еслибъ и стала, то ей зажутъ ротъ безъ малѣйшей церемоніи. О туристахъ мы говорили. Малое количество свидѣній, доставленныхъ въ европейскіе журналы мѣстными жителями, грѣшитъ очевиднымъ пристрастіемъ.

Постараемся однакоже въ немногихъ словахъ передать то, что намъ кажется сколько-нибудь достовернымъ по части быта въ той части южныхъ штатовъ, которая удалена отъ пунктовъ занятыхъ военными отрядами.

По поводу самаго важнаго предмета, то-есть состоянія чернаго населенія, можно сказать съ увѣренностію, что покуда сѣверныя арміи не проникнуть до центровъ, по преимуществу заселенныхъ невольниками и ихъ владѣльцами, не только возстанія негровъ, но даже замѣтнаго волненія между ними не случится. Въ спокойствіи Южанъ въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего хвастливаго; основательность ихъ спокойствія доказывается тѣмъ, что на случай возстанія не принимается никакихъ военныхъ мѣръ, а по мѣстамъ, преисполненнымъ чернаго населенія, не расположено даже малыхъ отрядовъ. Надзоръ остается тотъ же что до войны, только замѣсто плантаторовъ, по большей части поступившихъ въ армію, вѣдутъ дѣла ихъ управляющіе. Въ случаѣ побѣга негра или какихъ-либо оказій частнаго неповиновенія, начальники плантацій, ихъ бѣлая прислуга и охотники изъ ближайшихъ мѣстечекъ или городовъ пускаются въ разѣзды; ихъ же производу предоставлены дальнѣйшія полицейскія распоряженія. Жестокость этой импровизованной полиціи ужасна, но она была совершенно такою же и до настоящихъ обстоятельствъ. Задолго до войны, бѣжавшихъ негровъ ловили съ собаками и подвергали безчеловѣчнымъ истязаніямъ, а что касается до продавцовъ аболіціонистскихъ книгъ и другихъ авантюрьеровъ въ этомъ родѣ, то ихъ жгли на кострахъ и вѣшали. Были примѣры самыхъ звѣрскихъ казней надъ эмиссарами, пробравшимися съ Сѣвера; но казни эти тоже ничего не доказываютъ, и южные эмиссары, попадавшіеся въ руки сѣверной полиціи, испытывали участь немногимъ лучшую. Для того чтобы масса поработеннаго народа могла возстать на своихъ угнѣснителей, нужно или то чтобы ея матеріальныя страданія дошли до невыносимой степени, или то чтобы масса эта имѣла въ умахъ хотя самый скромный идеалъ

лучшаго существованія. Негры же южныхъ штатовъ, какъ въ томъ сознается всякій добросовѣстный аболиціонистъ, не имѣютъ ни того, ни другаго побужденія къ риску возстанія. Ихъ матеріальный бытъ всегда былъ весьма сносенъ, а по части пропитанія и одежды изобилень, отчасти вслѣдствіе дешевизны (до войны) первыхъ потребностей, отчасти вслѣдствіе разчета владѣльцевъ, хорошо знающихъ что человекъ сытый, и имѣющій возможность пестро нарядиться въ день воскресный, къ бунтованіямъ не склоненъ. Все что мы читаемъ про изнурительныя работы и жестокія наказанія надо принимать *снъ grano mris*: самый яростный плантаторъ по возможности избѣгаетъ того и другаго. Негръ стоить очень дорого (отъ 500 до 1000 долл. и боаѳе); съ потерей здоровья онъ теряетъ, конечно, свою цѣну, а между тѣмъ здоровье лучшаго Негра, несокрушимое при нѣсколько заботливомъ съ нимъ обхожденіи, дѣлается весьма шаткимъ при скудной пищѣ или несоразмѣрномъ трудѣ; земляки дяди Тома во многихъ отношеніяхъ совершенныя дѣти. У нихъ нѣтъ той нравственной энергіи, которая безсознательно поддерживаетъ Европейца въ трудахъ и лишенияхъ. Очень вѣроятно, что не одинъ скряга-плантаторъ охотно засадилъ бы своихъ невольниковъ на діету французскаго фабричнаго работника и притомъ потребовалъ бы съ него бычьей работы англійскаго поселаннина, но онъ хорошо знаетъ, что подобная афера раззорила бы его самого въ одинъ годъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія чисто матеріальныхъ условій быта, спокойствіе южныхъ невольниковъ довольно понятно. Оно будетъ еще понятнѣе, если стать на точку зрѣнія, съ которой американскій несвободный негръ смотритъ на дѣло свободы. Для немногихъ невольниковъ, свобода есть возможность съ небольшими деньгами уѣхать въ Либерію, о которой онъ изрѣдка слышалъ, или заниматься какимъ-нибудь ремесломъ въ свободныхъ штатахъ.¹ Для большинства свобода есть полное отсутствіе какихъ бы то ни было работъ, съ готовымъ прокормленіемъ.... на

¹ Такихъ развитыхъ негровъ порядочное количество ушло съ плантаціи ближайшихъ къ отрядамъ Шермана и Ботлера. Но замѣчательно, что не смотря на близость федеральныхъ силъ и выселеніе части негровъ внутрь штата Миссисипи, между бѣдными людьми не было ни заговоровъ, ни попытокъ къ возстанію.

чей счетъ?—неизвѣстно. Ни къ праву владѣть землей, ни къ своей хижинѣ негръ не имѣетъ никакого пристрастія. Родившійся въ неволѣ или привезенный изъ полудикихъ странъ управляемыхъ безчеловѣчными царьками, онъ не носитъ въ душѣ своей никакого идеала свободной жизни. Ни въ разказахъ стариковъ, ни въ преданіяхъ, ни въ сказкахъ не находить онъ даже намека на что-либо подобное. Макиавеллическою политикою своихъ владѣльцевъ онъ огражденъ отъ вліяній извнѣ, отъ возбужденій, книгъ и даже проповѣдей. Если добавить къ этому, что негръ вообще есть существо кроткое, беззаботное, и въ самомъ гнѣвѣ страшное лишь на нѣсколько первыхъ мгновеній, то всякій безъ труда пойметъ, что при весьма небольшомъ здоровомъ смыслѣ со стороны рабовладѣльцевъ, его легко сдѣлать безвреднымъ и даже привязать къ себѣ до извѣстной степени.

Если теперь мы пожелаемъ сдѣлать какое-либо заключеніе о размѣрѣ военныхъ средствъ остающихся за Югомъ, помимо армій имъ уже выставленныхъ и сформированныхъ, то намъ позволѣнъ придется ограничиваться одними догадками. Не только о количествѣ резервныхъ войскъ внутри штатовъ мы ничего не знаемъ; но самыя свѣдѣнія о численности дѣйствующихъ армій до крайности скудны. Это происходитъ не случайно, и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не можетъ быть приписано одному правительству, какъ оно ни энергично. Молчаніе и тайна, хранимая Югомъ по всѣмъ предметамъ сколько-нибудь важнымъ для непріятели, выказываютъ въ его населеніи свойства несомнѣнно патріотическія и военныя. Никакимъ терроромъ и никакими казнями не добьешься такого единодушія, никакими крутыми мѣрами не оградишь отъ шпіонства тотъ край, гдѣ сами жители или шатки, или беззаботны къ общему дѣлу. Южное правительство сумѣло достигнуть того, что его военныя средства, настоящія и будущія, тайна для цѣлаго свѣта. Съ булль-ронскаго сраженія, въ которомъ численность южныхъ войскъ такъ и осталась неизвѣстною до сей поры, до побѣды подъ Фридриксбургомъ исторія шла одна и та же. Генералы Сѣвера утверждали что непріятель одерживалъ верхъ вслѣдствіе непомѣрнаго превосходства въ силахъ, и никто не опровергалъ ихъ невѣроятныхъ показаній. Велика ли была армія отразившая Макъ - Клеелана и едва не истребившая всю потомакскую армію Сѣвера? Съ какими силами Ли и Джексонъ

разбили въ прахъ кваставаго генерала Попа? Сколько батальоновъ и вскадроновъ вторглось въ предѣлы Сѣверныхъ Штатовъ въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго лѣта? Никто не знаетъ, или, что почти то же, всякій называетъ совершенно разныя цифры. Кто же послѣ этого добудетъ вѣрныя свѣдѣнія о силахъ еще нетронутыхъ, о рекрутскихъ депо и резервахъ, о размѣрѣ ближайшей конскрипціи, и т. д.?

Туристы, не лишеныя военной опытности, по большей части согласны въ томъ что Югъ Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для веденія войны наступательной, но что послѣ лѣтней кампаніи прошлаго года онъ положительно *неодолимъ на своей территоріи*. Пока его дѣйствующія войска еще не закалились въ дѣлахъ, Сѣверъ, сосредоточивъ свои огромныя силы и поручивъ ихъ талантливому генералу, могъ нѣсколькими ударами разгромить противника, привести его армію въ разстройство и перейти къ системѣ малой войны, потому что другой большой арміи Югъ не могъ сосредоточить въ короткій періодъ времени. Теперь всѣ условія измѣнились, и нравственное превосходство добытое войсками Юга такъ явно, что его и оспаривать никто не беретъ. Солдаты Ли и Джексона могутъ терять сраженія, отступать, терять часть своей самоувѣренности, но повести окончательный разгромъ и обратиться въ нестройную толпу бродягъ они уже не могутъ. Ядро арміи остается несокрушимымъ, и покуда ея кадры не истребятся, передъ полководцами Сѣвера постоянно будетъ находиться сильный и хорошо подготовленный соперникъ.

Гораздо болѣе опасности для отложившихся штатовъ, говорятъ намъ туристы, заключается въ чрезвычайномъ истощеніи края, столько времени ведущаго борьбу не по силамъ. Одинъ англійскій полковникъ, проѣхавшій, какъ сказано выше, всю сѣверную окраину отдѣлившихся штатовъ, отъ города Гервардо до города Ричмонда, по желѣзнымъ дорогамъ, верхохъ и въ телѣгахъ, говорить, что общее оскудѣніе во всемъ доходитъ до ужасающей степени. Повсюду виднѣются брошенные поля, склады хлопка, преданные огню или ожидающіе той же участи, покинутыя фермы и дома землевладѣльцевъ. Большая часть полей, на которыхъ росла хлопчатая бумага, теперь засѣяны кукурузой; но для сбора ея не доставало рукъ, и значительное ея количество сгнило на корню. Желѣзныя дороги, оказавшія такія услуги по части передвиженія и

снабженія армій, находятся, за недостаткомъ ремонта, въ такомъ положеніи, что если о нихъ не подумаютъ еще съ годъ, то отъ нихъ останутся лишь станціи да насыпь, потому что рельсы истерты, вагоны почти разрушены, а локомотивы въ такомъ положеніи, что даже умѣренно скорая ѣзда становится опасною. Про удобства пассажировъ говорить нечего: всякій питается въ дорогѣ тѣмъ что имѣетъ съ собою, а по недостатку прислуги, самъ долженъ укладывать свои вещи въ вагонъ и снимать ихъ съ платформы.

О скудости и дороговизнѣ предметовъ первой потребности мы уже говорили довольно. За помѣщеніе въ гостиницѣ, обѣдъ и возможность уснуть на полу или постели занятой незнакомымъ гостемъ, приходится платить около пяти долларовъ въ сутки. Въ городѣ Джексонѣ кусокъ мыла стѣитъ полъ-доллара. За кукурузную лепешку и вѣсколько печеныхъ яицъ, продаваемыхъ неграми по станціямъ, берутъ долларъ и полтора доллара. И въ Сѣверныхъ Штатахъ, по мѣстамъ наполненнымъ войсками, дороговизна большая, но тамъ дороговизна привлекаетъ торговцевъ и спекуляторовъ, такъ что путешественникъ съ деньгами нужды терпѣть не будетъ. На Югѣ оказывается совершенно противное; тамъ и за большія деньги добудешь немного, и одно это уже достаточно показываетъ до какихъ тяжкихъ испытаній доведенъ Югъ, еще такъ недавно жившій жизнію изобильнаго, тучнаго, привольнаго земледѣльческаго края.

А. ДРУЖИНИНЪ.

ПОЊЗДКА

НА

ПРИЛЕПСКУЮ ЯРМАРКУ И ВЪ МОНАСТЫРИ

СВ. АРХАНГЕЛЪ И ТРЕСКОВЕЦЪ

(Изъ путевыхъ записокъ.)

I.

Пробывъ шесть мѣсяцевъ въ Битолѣ, съ нетерпѣнiемъ ожидаю я когда мнѣ наконецъ удастся сдѣлать поѡздку на сѣверъ, гдѣ такъ близко начинается мiръ уже совершенно славянскiй, безъ всякой примѣси Грековъ и Влаховъ. Но занятiя и нѣкоторыя поѡздки въ южныя части Македонiи долго не позволяли мнѣ выполнить давнишнее намѣренiе. Такимъ образомъ настало 1-е августа и открытiе ярмарки въ Прилепѣ.

Ярмарка, или *панагирь*, въ Прилепѣ бываетъ ежегодно, какъ здѣсь говорятъ, *на малую Богородицу* (Успенiе Пресвятой Богородицы 15-го августа) и продолжается около мѣсяца. Ярмарка эта, послѣ Сересской, значительнѣйшая во всей Македонiи. Она имѣетъ предметомъ обмѣнъ произведенiй Албани на разные товары привозимые изъ Вѣны, Триеста и

Константинополя. Здѣсь вся средняя и отчасти сѣверная Албанія запасается всѣмъ необходимымъ на цѣлый годъ. Въ Турціи поражаетъ васъ прежде всего совершенное отсутствіе мѣстныхъ, самыхъ простыхъ мануфактурныхъ произведеній. Безъ Европы житель Турціи, и въ особенности Турокъ, рѣшительно не можетъ существовать; его платье, вся домашняя утварь, предметы крайней необходимости, — все везется изъ Европы и преимущественно изъ Австріи. Не знаю что случилось бы съ Турціей безъ Австріи, и съ Австріей безъ Турціи. Всѣ тѣ живописные наряды, мужскіе и женскіе, которыми мы любуемся и которые привыкли называть восточными, шьются изъ матерій большею частию нѣмецкаго происхожденія. Сколько разныхъ вещей, которыя иногда привозятся путешественниками съ Востока и показываются ими въ Европѣ за рѣдкость, — произведенія, быть-можетъ, того самаго европейскаго города, гдѣ любуются на нихъ какъ на диковинку! Забудьте при томъ, что въ Турцію везется все что оказывается никуда негоднымъ въ Европѣ. Въ Австріи, говорятъ, есть цѣлыя фабрики работающія исключительно на Турцію, и тѣ самые предметы австрийскаго приготовленія, которые продаются въ Турціи весьма дешево, въ самой Австріи нельзя иногда купить ни за какія деньги, именно потому что на нихъ не нашлось бы покупателей. Вы встрѣчаете Албанца въ живописномъ нарядѣ яркихъ цвѣтовъ, съ золотымъ шитьемъ: выверните его куртку, и вы вѣрно найдете гдѣ-нибудь на изнанкѣ штемпель съ изображеніемъ австрийскаго орла и фирмы фабрики. Вамъ подають кофе въ маленькой, особенной формы, чашкѣ, называемой *финджана*, какой вы вѣрно не встрѣчали нигдѣ кромѣ Турціи; оберните чашку, и вы увидите какое-нибудь нѣмецкое имя, съ дополненіемъ *in Wien*. Рѣшительно, можно сказать, все что поражаетъ вашъ непривычный глазъ странностію формы, яркостію красокъ, совершенно особеннымъ мѣстнымъ отпечаткомъ, есть почти всегда произведеніе той же Европы, умѣющей такъ хорошо поддѣлываться подъ всѣ вкусы и обычаи. Даже наша матушка Тула не забываетъ надѣлать своими произведеніями безрукую Оттоманскую имперію. Сядясь поджавши ноги за турецкій обѣденный столъ, гдѣ ножи и вилки еще не вошли въ обычай, вы исполняете благой обычай мыться рукъ, что дѣлается болѣе по привычкѣ чѣмъ по чистоплотности.

Съ этою цѣлю подають обыкновенно весьма причудливые, особенной, совершенно восточной, формы, мѣдные умывальники. Сколько разъ приходилось мнѣ читать на нихъ: Москвинъ, Тула, такого-то года! Сколько встрѣчалъ я соотечественниковъ въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, кастрюляхъ и пр.! Но зачѣмъ же все это перепродается черезъ двадцать рукъ, и не было ли бы выгоднѣе нашимъ торговцамъ прямо производить эту торговлю? А ужь потребителямъ вѣрно пришлось бы платить дешевле.

Вотъ этихъ-то разноплеменныхъ предметовъ привозится большое количество на Прилепскую ярмарку для распродажи во внутреннія провинціи. Прилепъ, обыкновенно мертвый, ничтожный городишко, безъ всякаго торговаго значенія, совершенно перераждается на время *панагиры*. Тогда съѣзжаются сюда купцы изъ всей Румелии, Македоніи и Албаніи. Огромное *чарши* (гостиный дворъ), обыкновенно пустое и запертое, отворяетъ на это время свои незатѣливые магазины и оживаетъ самымъ пестрымъ движеніемъ. Но надо замѣтить, что собственно прилепскіе жители принимаютъ незначительное участіе въ ярмарочной торговлѣ; крестьяне изъ окрестныхъ селъ приносятъ на ярмарку свои простыя произведенія; вся же торговля преимущественно находится въ рукахъ битольскихъ и велесскихъ купцовъ.

Уже недѣли за двѣ до открытія ярмарки, дорога изъ Битоли въ Прилепъ представляетъ какой-то праздничный видъ и оживляется необычнымъ движеніемъ. Вездѣ по пути раскидываются холщевыя палатки, гдѣ предлагаются путешественникамъ сочныя арбузы и дыни, тутъ же растущіе на бакчахъ. Толпа нищихъ располагается посрединѣ дороги, подъ открытымъ небомъ, на цѣлыя двѣ недѣли. Безпрестанно встрѣчаются цѣлыя партіи перевозимыхъ товаровъ, то нагруженныхъ на неуклюжія тяжелыя *колы* (телѣги) запряженныя буйволами, то навьюченныхъ на коней. *Керадѣжи* (извощики) плетутся пѣшкомъ, нехотя понукая своихъ лѣнивыхъ негасовъ. *Забтѣ* (мѣстные тѣлохранители изъ Арнаутовъ), въ красивыхъ костюмахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ за поясомъ, сопровождаютъ эти товарные поѣзды, то красуясь на лихихъ коняхъ, то граціозно выступая съ длиннымъ перекинутымъ за плечами албанскимъ ружьемъ. Костюмъ Албанца, небрежно болтающіеся разрѣзные рукава его шитой куртки и бѣлая пышная *фустанелла* (юбка) придаетъ особенную грацію его

походкѣ. Вся фигура Албанца являетъ какую-то странную смѣсь воинственной отваги и въ то же время женственной, граціозной томности. Посмотрите на этого дикаря съ смугло-блѣднымъ лицомъ, съ орлинымъ носомъ, съ выразительными страстными глазами, разрѣзанными наподобіе миндалинъ, и съ опущенными длинными, черными рѣсницами, съ красивымъ станомъ и небольшими жилистыми руками безукоризненной формы, и сравните его съ нашими сѣверными, обрюзгими, золотушными физиономіями.... передъ вами типъ челоуѣка во всей его первобытной породистой чистотѣ. Какъ бѣло загнулись эти тонкіе черные усы, какая отвага дышитъ во всей этой живописной фигурѣ! Изъза широкаго кушака, перехватывающаго тонкую талію, выглядываютъ серебряная ручка и богатые ножны криваго ятагана вмѣстѣ съ длинными албанскими пистолетами. Ему иногда бываетъ нечего ѣсть, но онъ положить послѣднюю копѣйку на богатое оружіе, и за то какъ гордо будетъ носить его! На лицѣ его написано, что жизнь для него послѣднее дѣло, лишь былъ бы просторъ и дикая свобода. Но вотъ, въ самомъ концѣ товарнаго поѣзда, важно подвигается подъ большимъ бѣлымъ зонтикомъ толстая фигура, одѣтая въ нѣсколько халатовъ и, несмотря на жару, закутанная въ какую-то странной формы шубку съ короткими рукавами, открытую спереди и явно имѣющую своимъ назначеніемъ не столько согрѣвать владѣльца, сколько внушать уваженіе къ его жирной особѣ. Фигура эта обыкновенно помѣщается, какъ воробей на крышѣ, на ужасно высокомъ, громадномъ сѣдлѣ, совершенно раздавливающимъ небольшую, чрезвычайно смирную лошадку, которая выступаетъ некрасивымъ *рахваномъ* (иноходью). Эта почтенная особа, разумѣется, владѣлецъ транспорта, богатый купецъ, христіанинъ. Мало утѣшительнаго представляютъ эти богатые здѣшніе христіяне. Въ то время какъ въ простомъ народѣ живутъ еще преданія прошедшаго и, быть-можетъ, тайныя надежды на лучшіе будущіе дни, для этихъ богачей и родину, и семейную честь, и даже достоинство челоуѣка, все замѣнила любовь къ деньгамъ. Долгіи гнетъ турецкаго ига страшно унизили эти натуры; всѣ душевныя стремленія ихъ направлены къ приобрѣтенію богатства; всѣ они низкопоклонничаютъ передъ высокимъ и рными Турками. Вмѣстѣ съ чувствомъ народности, они утрачиваютъ и самую чистоту типа; теперь они являютъ какую-то

обабившуюся, изнѣженную натуру, неспособную ни на какое занятіе, кромѣ сидѣнія поджавши ноги въ душной лавкѣ, считанія грязныхъ турецкихъ денегъ и надуванія покупателя. Впрочемъ, эти занятія еще изъ самыхъ невинныхъ. А то она берутъ на откупъ разные государственные налоги, и тогда-то являются они злѣйшими врагами сельскаго христіанскаго народонаселенія, изъ котораго вышли сами. Купцы эти большею частію Куцо-Влахи. Но произнося это строгое сужденіе надъ богатымъ торговымъ сословіемъ, я долженъ сказать, что и здѣсь все чаще и чаще встрѣчаются счастливыя исключенія. Въ нынѣшнемъ поколѣніи начинаютъ проявляться иныя лучшія чувства и благородныя надежды.

Такимъ образомъ, всѣ битольскіе купцы, одинъ за другимъ, отправляются съ товарами въ путь, не всегда безопасный. Мало-по-малу вся Битоля, паша со всѣмъ меджлисомъ (административнымъ совѣтомъ), и кади, и муфти, и чиновники всевозможныхъ наименованій, и консулы, и всѣ Европейцы, все отправляется въ Прилепъ, и Битоля, на время *панагира*, совершенно пустѣетъ. Впрочемъ, битольское общество наѣзжаетъ въ Прилепъ лишь на нѣсколько дней, въ самый развалъ; во все же время ярмарки остаются тамъ одни торговцы.

Я выѣхалъ изъ Битоли 8-го августа. Въ это время дорога была пустынна; всѣ товары давно уже были доставлены на мѣсто, а развѣзжаться еще не начинали. Изъ Битоли въ Прилепъ три пути: два кратчайшихъ, прямо перерѣзывающихъ равнину, и одинъ дальнѣйшій, огибающій ее у подошвы горъ. Лѣтомъ всѣ три довольно удобны; зимой же сообщеніе совершается только дальнѣйшею дорогой, по причинѣ образующихся въ равнинѣ болотъ. Впрочемъ, разница въ разстояніи незначительная; кратчайшими путями до Прилепа около восьми часовъ, а дальнѣйшимъ путемъ считается девять часовъ (около 40 верстѣ), то-есть собственно часовъ шесть обыкновенной ходьбы. Мы избрали этотъ послѣдній, болѣе торный путь, и выѣхавъ рано утромъ, могли разчитывать къ полудню добраться въ Прилепъ.

День былъ страшно знойный, солнце жгло невыносимо съ безоблачнаго неба, воздухъ былъ раскаленъ, надъ землей стоялъ синій паръ. Прилепская дорога одна изъ самыхъ грустныхъ и пустынныхъ, по какимъ когда-либо случалось мнѣ проѣзжать. На всемъ пути нѣтъ ни одного хана (постоялаго двора); только въ полчаса отъ Битоли, нѣсколько въ сторонѣ

отъ дороги, одно близъ другаго, находятся села Оризари, Тървъ Карамани, и потомъ, на полпути, село Тополчаны, близъ рѣки Черной. Сзади осталась Битоля у подножія угрюмаго и величественнаго Перистерія; вѣтвь безплодная, выгорѣвшія холмообразныя отрасли его; впереди и справа разстилается широкая равнина древней Пелагоніи и далеко на горизонтѣ высятся строгіе профили Горъ Бабунской плавнины съ острокопечнымъ конусомъ Златоверха. Во всей этой картинѣ есть что-то торжественно-печальное, что-то траурное. Посреди этой мертвой мѣстности, мысль невольно уносится въ темную даль минувшаго, невольно возстаетъ въ памяти цѣлая вереница событій, которыхъ страна эта была свидѣтельницею. Чего, чего не видала классическая почва Македоніи? Эта безжизненная картина какъ будто говорить вамъ, что страна эта жила много и утомлена жизнью... Это декорация давно разыгранныхъ трагедій...

Послѣ трехъ часовъ утомительнаго пути подъ жгучимъ солнцемъ, достигли мы села Тополчаны при рѣкѣ Черной. Черная беретъ начало недалеко отъ Кърчева, на границахъ Гегалыка, изъ Турьянской плавнины, протекаетъ чрезъ всю равнину Пелагоніи, потомъ поворачиваетъ круто на сѣверъ, и нѣсколько южнѣ Велесы, вливается въ Вардаръ. Въ срединѣ Пелагонійской равнины, между Прилепомъ и Битоей, Черная, по принятіи нѣсколькихъ горныхъ потоковъ, разливается въ непроходимыя, бѣольшую часть года, болота. Болота эти годъ отъ году затопляютъ окрестную мѣстность. Уже нѣсколько деревень пострадали отъ этого медленно, но постоянно прибывающаго наводненія, и жители ихъ принуждены были перебраться на новыя мѣста, откуда наводненіе, вѣроятно, не замедлитъ снова прогнать ихъ. Вся равнина Пелагоніи имѣетъ весьма слабый естественный склонъ; вся она находится почти на одинаково-высокомъ уровнѣ (болѣе 2.000 фут. надъ уровнемъ моря).

Село Тополчаны лежитъ вѣтвь отъ дороги, въ небольшой долинѣ, образуемой отраслями Перистерія. Здѣсь та же безплодность, тотъ же красноватый цвѣтъ выжженныхъ солнцемъ холмовъ. Село состоитъ изъ сорока одного дома все христіанскихъ. Небольшая каменная бѣлая церковь новѣйшей постройки стоитъ одиноко, нѣсколько въ сторонѣ отъ села. Церковь эта, четырехугольная, съ едва-замѣтными маленькими окнами, низкая, какъ бы раздавленная подъ огромною

аспидною крышей, ничѣмъ не отличается отъ другихъ христіанскихъ церквей, выстроенныхъ въ здѣшней мѣстности въ послѣднее время. Отсутствіе креста свидѣтельствуетъ о вѣротерпимости новой, прогрессивной Турціи.

Отсюда, послѣ переѣзда черезъ рѣку Червую въ бродъ, у развалившагося деревяннаго моста, который чинить конечно никому не придется въ голову, дорога поворачиваетъ нѣсколько вправо. Потомъ слѣдуетъ перевалъ чрезъ одинокую цѣпь невысокихъ холмовъ, лишенныхъ всякой растительности, и снова передъ усталыми взорами открывается та же однообразная равнина Пелагоніи. Но отсюда уже можно различить въ дали, будто въ туманѣ, городъ Прилепъ съ осѣняющею его горою и зубчатыми развалинами замка Марка Краевича, отъ котораго и самая гора получила названіе. Вотъ нѣсколько вѣво большое село Стары-Варошъ, мѣсто древняго Прилепа, и надъ нимъ высоко въ горахъ бѣлое зданіе—монастырь Святаго Архангела. Вотъ еще лѣвѣе, и еще выше,—другое бѣлое зданіе, древній монастырь Тресковецъ подъ самою вершиной остроконечнаго Златоверха, и далѣе опять нескончаемые профили, лиловыхъ горъ выдвигающихся одна изъ-за другой и сливающихся съ горизонтомъ, будто волны окаменѣлаго моря.

Проѣхавъ еще часть, мы встрѣтили близъ дороги одинокую чешле (колодезь), сошли съ коней и съ наслажденіемъ напились холодной воды. Житель юга понимаетъ всю цѣну воды,—и съ какими стараніями онъ добываетъ ее! На турецкихъ дорогахъ, усталый странникъ, лишенный всякаго другаго удобства, находитъ по крайней мѣрѣ на каждомъ часу пути, гдѣ только позволяетъ природа, студеныи фонтанъ и какую-нибудь чашу для питья. Обыкновенно, фонтаны эти сложены изъ бѣлаго камня, съ двумя мѣдными кранами, изъ которыхъ невозможно льется вода въ большую каменную чашу. Этотъ обычай строить общественные колодцы при дорогахъ относится къ весьма давнимъ временамъ. Въ Салоникахъ существуютъ еще нѣсколько колодцевъ временъ греческихъ и римскихъ, совершенно такого же устройства какъ теперешніе. Колодезь, близъ котораго мы остановились, окруженъ полемъ, оставленнымъ подъ паромъ, и все оно было покрыто, какъ снѣгомъ, бѣлыми геліотропами; изъ острымъ благоуханіемъ былъ пропитанъ полдневный жгучій воздухъ.

Отсюда до самаго Прилепа (3 часа—12 верстъ) дорога

идеть все время подъ гору, но склонъ едва ощутителевъ. Ковы наши, будто почуявъ близость стоила и ячменя, стали горячиться и проситься впередъ. Мы пустились на рысакъ, и скоро были у вѣзда въ городъ.

Прилепъ лежитъ въ котловинѣ, образуемой, разступившимся въ этомъ мѣстѣ полукругомъ, горами Бабунской планины. Котловина эта продолжается далѣе на сѣверъ узкою долиной, и все мѣсто называется Дервентомъ (*дервентъ* по-турецки—долина, но многія долины получили это названіе въ собственное имя). Изъ Дервентской долины выходитъ горный потокъ Кондрисъ, протекающій черезъ городъ небольшою рѣчкой, вездѣ переходимою въ бродъ, и впадающій нѣсколько ниже въ рѣку Черную. Пейзажъ ближайшей, окрестности Прилепа не имѣетъ въ себѣ ничего теплаго и мягкаго, и отличается какою-то дикою красотой. Горы окружающія Прилепъ являютъ видъ совершенно бесплодной пустыни. Вообще вся Бабунская планина, не такъ высокая, поражаетъ совершенно особенною формаціей; земли почти нигдѣ не видно; вездѣ глыбы голой плиты, безпорядочно набросанныя однѣ на другія, и гранитныя остроковечныя вершины. Надъ самымъ Прилепомъ возвышается ломаный профиль огромной каменной массы съ развалинами древняго замка на вершинѣ, называемой *Маркомъ Кралевичемъ*, и еще выше, въ перспективѣ, конусообразная вершина Златоверха, до того острая, что издали можно было бы принять ее скорѣе за развалину какой-нибудь башни чѣмъ за вершину горы. Со стороны равнины, Прилепъ окруженъ ровнымъ бесплоднымъ пустыремъ, поросшимъ жиденькою травой, сквозь которую вездѣ просвѣчиваетъ песчаный грунтъ. Картину дополняли зеленыя платки двухъ ротъ низама (регулярнаго войска), пришедшихъ изъ Битоли, для содержанія карауловъ на время *панагиря* и расположенныхъ лагеремъ при вѣздѣ въ городъ.

Самый городъ ничѣмъ не отличается отъ множества подобныхъ ему турецкихъ городовъ. Тѣ же маленькіе домики изъ нежженаго кирпича и *гязи*, тѣ же узкія, грязныя и кривыя улицы и тѣ же *джамии* (магометанскіе храмы) съ свинцовыми куполами и тонкими, какъ иглы, бѣлыми минаретами, изъ которыхъ нѣсколько непремѣнно развалившихся. Дополните все это рѣдкими, одиноко тамъ и сямъ растущими, высокими, пирамидальными тополями, и вы получите вѣрнѣйшую картину любого турецкаго города.

Въ Прилепѣ считается отъ 1.500 до 2.000 домовъ, вмѣщающихъ въ себѣ народонаселеніе отъ 6.500 до 7.000 душъ; христіане вдвое многочисленнѣе Турокъ и почти всѣ Болгары, за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ Куду-Влаховъ. Во всемъ же Прилепскомъ или по-турецки *Перлея-каза* (уѣздѣ) 160 селъ, большею частію христіанскихъ, и 40.000 жителей¹. Здѣсь числительное отношеніе мусульманъ къ христіанамъ то же что и въ городѣ. Въ Прилепѣ только одна христіанская церковь, постройка новѣйшаго времени. Древностей никакихъ въ ней нѣтъ; церковь довольно обширна, но бѣдна, и въ особенности ощущается недостатокъ въ богослужебныхъ книгахъ и облаченіи. Въ Прилепѣ двѣ школы, при которыхъ три учителя, и изъ нихъ только одинъ славянскій. Вообще прилепское народонаселеніе мало заинтересовано гражданскою жизнью и дѣломъ воспитанія; оно, во всѣхъ отношеніяхъ, далеко отстало отъ другихъ христіанскихъ общинъ въ Турціи.

Во всемъ Прилепѣ отыщется три, четыре порядочныхъ дома, а остальное все мазанки. Въ одномъ изъ этихъ прилепскихъ дворцовъ была отведена мнѣ квартира, при самомъ въѣздѣ въ городъ; что весьма насъ обрадовало, потому что избавило отъ ѣзды по отвратительной мостовой, на которой лошадь безпрестанно скользитъ, и безпрестанно рискуешь сломить себѣ шею. Когда мы пріѣхали, хозяевъ не оказалось дома; всѣ они были на ярмаркѣ. Намъ отворила дверь какая-то старуха, и провела насъ въ приготовленныя комнаты. Я былъ счастливъ, что хотя на этотъ разъ избавился отъ обычнаго церемоніальнаго приѣма. Комната моя оказалась чиста и удобна, и я уже намѣревался воспользоваться счастливымъ одиночествомъ и, до осмотра города, отдохнуть на привѣтливомъ диванѣ послѣ утомительнаго пути. Но не продолжительна была моя радость. Вскорѣ прибѣжалъ хозяинъ дома и началъ рассыпаться въ безконечныхъ извиненіяхъ, что не успѣлъ встрѣтить насъ, и въ утомительныхъ разспросахъ не утомлены ли мы съ дороги, каково наше здоровье, хорошо ли намъ будетъ въ приготовленныхъ комнатахъ и пр. и пр. Вслѣдъ за тѣмъ явился мурдырь (градоначальникъ), потомъ

¹ Мужескаго пола. Приведенная численность народонаселенія взята изъ *кофуза*—турецкой переписи для рекрутскаго набора, и *серги*—подати платимой христіанамъ въ замѣнъ рекрутской повинности. Цифры *кофуза* сомнительны.

намѣстникъ митрополита, потомъ еще какіе-то священники, потомъ *чербаджи* (городская аристократія), потомъ разные битовльскіе посѣтители ярмарки, и вскорѣ временное мое помѣщеніе совершенно наполнилось народомъ. Началось обычное подаваніе сластей на огромномъ подносѣ съ двумя безпрестанно наполняющимися стаканами воды, и чашекъ неизбѣжнаго кофе.

Трудно представить себѣ что-либо утомительнѣе этихъ обычныхъ на Востокѣ церемоніальныхъ приемовъ. Каждый изъ посѣтителей входитъ, нагибаясь, протягиваетъ вамъ руку (причемъ пожатія руки не бываетъ, руки только какъ-то неловко прикасаются одна къ другой съ вытянутыми пальцами), и свѣшить присѣсть на кончикъ дивана, поджавши ноги. Потомъ, когда всѣ усѣлись и вооружились чашками кофе, а вы терпѣливѣе, начинаются, съ прижатіемъ правой руки то къ груди, то ко лбу, безконечныя привѣтствія: *добро дошли, добро нашили, како-стеѣ добро, харно, шекюрз* и проч. Потомъ слѣдуютъ направо чрезъ драгомана тѣ же комплименты по-турецки, потомъ налѣво опять чрезъ драгомана по-гречески. Потомъ является какой-нибудь *даскаль* (школьный учитель), и принимая театральную позу, начинаетъ вамъ держать длинное краснорѣчивое привѣтствіе по-гречески, стараясь побольше испестрить свою рѣчь древне-греческими оборотами и словами. Знакомство съ древне-греческимъ языкомъ почитается вершиною человѣческихъ познаній. Вы не понимаете ни слова, но должны, выпуча глаза, терпѣливо прослушивать мѣстнаго Демосѣена, и когда онъ кончитъ, обратиться къ нему чрезъ драгомана съ приличнымъ отвѣтомъ, въ которомъ необходимо упомянуть о прелестяхъ эллинизма и о разныхъ доблестяхъ, украшавшихъ и украшающихъ древнихъ и нынѣшнихъ Эллиновъ. Путешествуя по Турціи, вы дѣлаетесь мученикомъ приторной любезности и нескончаемыхъ церемоній. Вы устали съ дороги, вы съ отрадою мечтаете объ отдыхѣ, не тутъ-то было: васъ осыпаютъ любезностями, на которыя вамъ приходится отвѣчать опять любезностями; но вы одни противъ всѣхъ, и наповѣрку выходите, что вы еще болѣе утомлены отъ этихъ нескончаемыхъ комплиментовъ чѣмъ отъ цѣлаго дня проведеннаго на конѣ.

Долго продолжался этотъ босоногій рауть,—я говорю, босоногій, потому что каждый изъ посѣтителей, входя къ вамъ въ

комнату, оставляет свои башмаки при входѣ и является передъ вашею особою не иначе какъ въ однихъ чулкахъ. Здѣсь войти въ комнату обутымъ было бы такою же невѣжливостію, какъ у насъ войти, не снявъ шапки. Впрочемъ иностранцамъ прощается несоблюденіе этого приличія, а Турки новаго покроя и тѣ изъ христіанъ, которые считаютъ себя пообразованнѣе, прибѣгаютъ, въ этомъ случаѣ, къ маленькой хитрости, именно къ калошамъ, которыя они носятъ во всякое время года, какъ бы ни было сухо, и оставляютъ, вмѣсто башмаковъ, при входѣ въ комнату. Наконецъ, послѣ двухчасоваго мученія, дорогіе мои посѣтители, кажется, сдались надо мною; комната моя начала мало-по-малу пустѣть, и когда дверь затворилась за послѣднимъ гостемъ, я вздохнулъ свободно. Но времени до вечера оставалось уже не такъ много, и мы поспѣшили въ *чарши*, гдѣ сосредоточена ярмарочная суматоха.

Чарши находится въ центрѣ города; оно выстроено частными лицами, которымъ принесло въ нынѣшнемъ году около 60 тысячъ піастровъ (3.500 р. с.) дохода, несмотря на то что торговля была, говорятъ, несравненно хуже другихъ годовъ. *Чарши* заключаетъ въ себѣ 240 лавокъ¹, изъ которыхъ было занято въ нынѣшнемъ году 180. Это объясняютъ конкуренціей ярмарки въ Невроконѣ происходящей въ одно время съ прилепскою; говорятъ, невроконскіе торговцы намѣренно распустили слухъ, будто бы они выхлопотали султанскій фирманъ (приказъ), въ силу котораго время прилепской ярмарки отодвигается однимъ мѣсяцемъ; нѣкоторые купцы повѣрили этому слуху и не попали во-время въ Прилепъ. Здѣсь кстати разказать, какимъ образомъ производится торговля на прилепской ярмаркѣ. Розничная торговля тутъ весьма незначительна въ сравненіи съ торговлею оптовою. Приѣзжающіе купцы продаютъ свои товары оптомъ другимъ мелкимъ торговцамъ, которые распродаютъ ихъ въ теченіи года по другимъ городамъ и по селамъ. При этомъ мелкіе торговцы не вносятъ наличныхъ денегъ; деньги выплачиваются только черезъ годъ на слѣдующую ярмарку. Такія сдѣлки совершаются безъ всякихъ явочныхъ обязательствъ и основываются исключительно на личномъ довѣріи. Не только здѣсь

¹ Это собственно въ *чарши*. Кромѣ того, на ярмаркѣ до 8 лавокъ въ городѣ и ярмарочныхъ шатровъ.

на ярмаркѣ, но и вообще въ Турціи значительной торговли на наличныя деньги почти не существуетъ. Основываясь на такомъ широкомъ кредитѣ, при теперешнемъ положеніи Турціи, торговля естественно должна была значительно пострадать. Оптовый купецъ можетъ разчитывать только на успѣхъ, съ которымъ удастся розничному торговцу перепродать закупленные у него въ кредитъ товары. Но при теперешней неблагомадежности дорогъ, вслѣдствіе грабежей, при слабости и бездѣйствіи правительства, при ощущаемомъ повсюду недостаткѣ денегъ, и наконецъ при плохомъ положеніи турецкихъ финансовъ, успѣхъ этотъ весьма сомнителенъ; а поэтому, весьма натурально, кредитъ падаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ является застой въ торговлѣ. Въ случаѣ, если торговецъ захочетъ прекратить свои дѣла, вы можете себѣ представить съ какими затрудненіями сопряженъ теперь возвратъ денегъ за распущенные въ долгъ товары, какая является запутанность въ ликвидаціи, и сколько возникаетъ нескончаемыхъ процессовъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни суда, ни расправы. Естественно, всѣ эти обстоятельства должны были отозваться и на торговыхъ оборотахъ прилепской ярмарки.

Прилепское *чарши*, какъ и всѣ *чарши* въ Турціи, состоитъ изъ лабиринта крытыхъ галлерей, по сторонамъ которыхъ тянутся одна за другою маленькія лавки. Лавки эти выше общаго уровня галлерей, но за то тутъ нѣтъ ни дверей, ни оконъ; весь фасадъ обращенный внутрь—открытый. На перекресткахъ длинныхъ галлерей устроены каменные бассейны съ водой. Но не спѣшите представлять себѣ роскошное восточное зданіе и сравнивать его съ тѣми рисунками константинопольскаго базара, которые вамъ вѣрно случалось видѣть. Рисунки эти также мало похожи на прилепское *чарши*, какъ и на тотъ базаръ, который они изображаютъ. *Чарши* это, какъ и все въ Турціи, выстроено кое-какъ, и скорѣе всего можетъ быть сравнено, по способу стройки, съ нашими масляничными балаганами. Длиныя крытыя галлерей темны и душны; дурно построенныя бассейны пропускаютъ воду, которая, разливаясь по неровной каменной мостовой, дѣлаетъ ее до того скользкою, что любопытный отправляющійся любоваться восточными диковинками нѣмецкаго приготовления, рискуетъ на каждомъ шагѣ упасть въ смрадный ручей, бѣгущій по самой срединѣ галлерей.

Когда мы пришли, входъ въ *чарши* былъ запруженъ самою

пестрою разнохарактерною толпою. Всякая національность всякое сословіе, въ томъ пестромъ обродѣ, который зовется Турецкою имперіей, отличается своимъ собственнымъ наследственнымъ костюмомъ. Здѣсь можно было встрѣтить всевозможные обрацики. Тутъ вмѣстѣ толпились и важные бѣлородые старые Турки въ огромныхъ чалмахъ, и оборванные хамады (носильщики), и не очень нарядные турецкіе солдаты, и снующія, какъ привидѣнія, закрытыя турецкія жены, и общипанные Европейцы, и пышные разукрашенные золотомъ Арнауты, и красивые статные Дебряне въ своихъ траурныхъ нарядахъ. Костюмъ Дебрянъ—длинный кафтанъ зъ бѣлаго сукна, съ узкими рукавами, сверхъ котораго накинуто что-то въ родѣ короткаго чернаго ментика, обшитаго черною же длиною бахромой; за широкимъ кушакомъ непременно ятаганъ и пара пистолетовъ. Есть странное преданіе объ этомъ нарядѣ. Говорятъ, что Дебряне и часть жителей верхней Албаніи стали носить его по смерти Георгія Кастріота, въ знакъ траура по славномъ вождѣ, и съ тѣхъ поръ нарядъ этотъ сохранился безо всякихъ измѣненій. Вотъ Грекъъ, въ безконечно-широкихъ, черныхъ каленкоровыхъ шароварахъ, въ невообразимо-узкой курткѣ и въ чудовищномъ красномъ фесѣ съ огромною синею кистью. А вотъ и Еврей, тотъ же Еврей, котораго вы встрѣтите и у насъ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ, и на германскихъ водахъ, и въ Испаніи, и въ Іерусалимѣ. Поѣзжайте отъ одного поляса къ другому, и вездѣ вамъ будетъ попадаться эта поджарая фигура, съ жиденькою бородкой, съ пейсиками, и съ бойкими черными глазами. Костюмъ можетъ измѣняться, но типъ вѣчно тотъ же. И вездѣ эта фигура, гдѣ бы вы ее ни встрѣтили, будетъ суетиться, картавая кричать то на испорченно-нѣмецкомъ, то на испорченно-испанскомъ языкахъ, и всегда или что-нибудь покупать, или что-нибудь продавать. А вотъ въ сторонѣ кружокъ поселянъ Болгаръ; ихъ можно узнать по пестрому, красному съ бѣлымъ, полотенцу, обвивающему ихъ фесѣ въ видѣ чалмы. Костюмъ здѣшнихъ Болгаръ состоитъ изъ бѣлыхъ узкихъ штиблетъ, обвитыхъ ремешками завязками башмаковъ изъ буйволовои кожи, весьма напоминающихъ древнія сандаліи; на штиблеты падаетъ нѣсколькими складками бѣлая холщевая юбка; потомъ слѣдуетъ темно-синій жилетъ, вышитый красными узорами, съ узкими рукавами, перетянутый въ талии широкимъ кушакомъ съ

металлическими застежками и, наконецъ, синій же, открытый, длиннополый кафтанъ безъ рукавовъ, съ стоячимъ воротникомъ и выложенный красною тесьмой. Ничего не можетъ быть страшнѣе и безобразнѣе наряда болгарской женщины. Передъ вами движется какъ будто бы оживившаяся вѣшалка, на которую беспорядочно нагруженъ цѣлый гардеробъ. Тутъ всевозможные кафтаны и сарафаны, съ рукавами и безъ рукавовъ, надѣтые одинъ на другой. Спереди виситъ неуклюжій передникъ изъ толстаго холста, тяжело вышитый разноцвѣтными шерстями и нитками. Сзади болтается, вплетенный въ волосы, тяжелый, аршина въ полтора длины, пукъ черныхъ веревокъ, оканчивающійся стеклянными побракушками. Все это довершается неимоверно громаднымъ кушакомъ съ огромными серебряными застежками. На шеѣ, кромѣ множества ожерелій, висятъ въ нѣсколько рядовъ монеты,—цѣлое приданое, если дѣвушка,—весь капиталъ мужа, если женщина. Головной уборъ не менѣе страненъ: это какой-то красный треугольникъ торчащій бокомъ на лбу; сверхъ треугольника, бѣлый платокъ, весьма не пригоже завязанный подъ подбородкомъ. Въ этомъ нарядѣ самая молоденькая женщина кажется старухой.

Вся эта пестрая толпа суетилась, толкалась и кричала при входѣ въ *чарши*. Тутъ же, при входѣ, выстроены маленькій балаганъ, единственное незатѣливое мѣстное увеселеніе. Увеселеніе это, изобрѣтеніе одного битольскаго купца-Армянина, въ нынѣшнемъ году въ первый разъ расточало передъ прилепскою публикой свои невиданныя диковинки. Находчивый Армянинъ собралъ въ этомъ балаганѣ все имѣвшіяся по разнымъ битольскимъ лавкамъ стереоскопы, и разставивъ ихъ въ видѣ панорамы, показывалъ народу за извѣстную плату, за что и собралъ порядочныя деньги. Тутъ являлись въ самомъ поэтическомъ беспорядкѣ: возлѣ Наполеона изображеніе Томъ-Пуса; рядомъ съ Гарибальди и папой — Юлія Пастрана; возлѣ вида Исакиевской площади—картина похищенія Европы. Въ одномъ углу этого незатѣливаго святилища искусствъ, нѣсколько образованныхъ Турокъ, въ нѣмецкомъ платьѣ на турецкій ладъ, жадно впивались глазами въ три стереоскопа съ эротическими картинками. Все образованіе Турка заключается въ ношеніи полуевропейскаго платья, въ страсти къ раки (водкѣ) и къ циническимъ разговорамъ. Въ балаганѣ завывалъ отвратительный мѣстный оркестръ; при входѣ, не

затѣливый паяцъ, съ лисьимъ хвостомъ на головѣ, зазывалъ публику, отпуская ей разныя шутки и страшно криваясь.

Трудно было пробраться чрезъ эту сплошную массу народа, заслонявшую входъ въ *чарши*; но, благодаря не всегда вѣжливой расторопности кавазовъ, мы кое-какъ превозмогли всѣ трудности, что, разумеется, не обошлось безъ весьма краснорѣчивыхъ понуканій со стороны нашихъ тѣлохранителей. Въ Турціи безъ кулачныхъ аргументовъ нельзя сдѣлать ни шагу, и аргументы эти до того общеприняты, что рѣшительно никого не удивляютъ. Въ *чарши* опять та же свующая взадъ и впередъ толпа; то же суетливое движеніе, и тотъ же оглушающій крикъ и гамъ. Мы вошли или, лучше сказать, вскарабкались въ одну изъ лавокъ къ знакомому купцу. Сейчасъ же явился кафежки съ подвижнымъ таганчикомъ, съ чашками и ассортиментомъ маленькихъ кофейниковъ. Вооружившись чубуками, мы усѣлись на устланный ковромъ полъ лавки, и прихлебывая ароматическій кофе, стали смотрѣть на происходившее вокругъ насъ движеніе. Пестрая толпа, съ говоромъ и шумомъ, бродила взадъ и впередъ по длиннымъ галереямъ. Всюду сновали оглушительные разнощики со всевозможными сладостями, до которыхъ такъ падки жители Востока. Купцы, сидя поджавши ноги въ своихъ кѣлткахъ и крехтя подъ шубами, несмотря на знойный лѣтній день и невыносимую духоту спертаго въ крытыхъ галереяхъ воздуха, громко торговались съ покупателями на всевозможныхъ языкахъ. Странно звучало непривычному уху это смѣшеніе языковъ, гдѣ въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ раздавались со всѣхъ сторонъ слова турецкія, греческія, болгарскія, куцо-влахскія и странные носовые звуки албанскихъ нарѣчій. Право, можно было вообразить себя при новомъ Вавилонскомъ столпотвореніи. Безпрестанно, мелькали мимо насъ суетливые *таланджи* (коммиссіонеры аукціоннаго торга), оглушавшіе насъ своимъ неистовымъ крикомъ. Аукціоны въ Турціи происходятъ совсѣмъ иначе чѣмъ у насъ; владѣлецъ продаваемой вещи поручаетъ ее *таланджи*, назначая цѣну; *таланджи* бѣгаетъ взадъ и впередъ по базару, показывая вещь и во все горло объявляя постепенно возвышающуюся цѣну. Эти *таланджи* исполняютъ свое дѣло съ невообразимой быстротой. Неожиданно налетаетъ на васъ эта фигура, какъ подвижная лавка обвѣшанная разными вещами, суетъ вамъ что-нибудь въ лицо, и оглушаетъ васъ

неистовымъ крикомъ... Вы не успѣли еще опомниться и еле выговорили, что прибавляете нѣсколько паръ, какъ тотъ же голосъ уже раздастся въ другомъ концѣ базара, громко возвѣщая новую цѣну. Когда, такимъ образомъ, вещь погуляла нѣкоторое время по базару, и никто уже ничего не прибавляетъ, *таланджи* приносятъ ее къ владѣльцу. Если окажется, что послѣдняя цѣна не удовлетворяетъ владѣльца, онъ спокойно беретъ вещь обратно; если же, напротивъ, онъ согласенъ на продажу, то покупательъ уже не имѣетъ права отказать отъ предложенной цѣны, и *таланджи*, несмотря на давку и суету, мгновенно отыщется его въ толпѣ. Огромное количество продаваемыхъ съ аукціона въ послѣднее время турецкихъ вещей, свидѣтельствуетъ о жалкомъ положеніи бѣднѣющаго съ каждымъ днемъ турецкаго населенія. Турки, какъ будто накануне переѣзда съ одной квартиры на другую, продаютъ теперь все, самые дорогіе для нихъ предметы, какъ напимѣръ, наследственное оружіе, старинное серебро и женскія украшенія. Мнѣ случалось видѣть на аукціонахъ кокосовыя чашки, приносимыя дервишами изъ Мекки, будто святыня, и теперь продаваемые за нѣсколько піастровъ.

Трудно себѣ представить весь этотъ шумъ, все это оживленное пестрое движеніе и толкотню, въ узкихъ и длинныхъ галлереяхъ. Но это еще аристократическое, такъ сказать, отдѣленіе *чарши*, занятое преимущественно битольскими купцами и заваленное европейскими товарами на турецкій ладь. Здѣсь продаются всевозможныя шелковыя, шерстяныя и въ особенности бумажныя ткани, рѣдко хорошихъ достоинствъ, но за то всегда самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Затѣмъ слѣдуютъ: всевозможная посуда, фарфоръ, хрусталь, туалетныя вещи, ленты, европейская обувь и пр. и пр.,—все привезенное изъ Триеста, Вѣны и Константинополя.

Въ другихъ отдѣленіяхъ *чарши*, толпа еще многочисленнѣе, шумъ и говоръ еще оглушительнѣе. Здѣсь лавки заняты прѣхавшими съ разныхъ концовъ купцами всевозможныхъ націй, и здѣсь можно встрѣтить товары дѣйствительно восточныя. Вотъ лавки съ турецкою обувью и готовыми красивыми, мѣстными костюмами. Вотъ далѣе болгарскія лавки съ прекрасными шаркіойскими (пиротскими) коврами. Еще далѣе—нѣсколько лавокъ принадлежащихъ купцамъ Мирдитагъ (Арнаутамъ-католикамъ) изъ Скодры; въ этихъ лавкахъ, кромѣ немецкихъ и триестскихъ товаровъ, особеннаго вниманія

заслуживаютъ прекрасныя ткани изъ сыраго шелка екодрскаго издѣлія. Потомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ оружейныхъ лавокъ, потомъ лавки серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, потомъ мѣдьяныя лавки, разумеется, принадлежація Евреямъ, отъ которыхъ мнѣ удалось купить нѣсколько хорошихъ экземпляровъ древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ; потомъ сѣдельники, мѣдники и пр. и пр. Здѣсь же, въ самомъ темномъ закоулкѣ, помѣщалась и книжная лавка, незатѣшливый разсѣякъ просвѣщенія, принадлежащая филиппопольскому купцу. Кромѣ церковныхъ книгъ русской печати, сербскихъ и болгарскихъ пѣсенниковъ, нѣсколькихъ болгарскихъ историческихъ книгъ, изданныхъ въ Бѣлградѣ и Константинополѣ, и множества брошюръ, я нашелъ тутъ довольно значительное число дѣтскихъ учебныхъ книгъ на болгарскомъ языкѣ. Дай Богъ успѣха этимъ первымъ попыткамъ!

Не стану далѣе обременять читателя уже и безъ того слишкомъ скучнымъ описаніемъ *панагира*. Скажу только, что глядя на эту разноплеменную толпу торговцевъ, сѣкшихся со всего свѣта, грустно мнѣ было не встрѣтить здѣсь ни одного русскаго купца, не найди не одной русской лавки, тогда какъ нашимъ купцамъ было бы такъ легко торговать здѣсь, благодаря сходству языковъ и единству вѣры съ большинствомъ здѣшняго населенія. Неужели это только недостатокъ духа предприимчивости въ нашемъ торговомъ сословіи? Но вѣдь торговцы наши бросаются же съ жадностію на далекій востокъ, къ берегамъ Амура и границамъ Китая: отчего же ни одинъ изъ нихъ не попробовалъ завести торговыхъ сношеній съ Европейскою Турціей, гдѣ сношенія эти могли бы быть такъ полезны для Россіи во многихъ отношеніяхъ? Что торговля въ Турціи выгодна, это доказывается безпрестанными примѣрами разбогатѣвшихъ здѣсь торговлю Европейцевъ. Чтѣ же пугаетъ нашихъ торговцевъ? Удаленіе?... Но вѣдь вѣрно изъ Швейцаріи не ближе въ Турцію чѣмъ изъ Россіи, а между тѣмъ вотъ подъ рядъ нѣсколько завокъ въ Прилепскомъ *чарши*, занятыхъ агентствомъ давно учредившагося въ Салоникахъ, швейцарскаго торговаго дома Бургардъ, Райтаръ и К°. Домъ этотъ вывозитъ изъ Швейцаріи множество всякаго рода фабричныхъ произведеній, находящихся въ Турціи отличной обитъ; онъ имѣетъ во всей Румеліи, Македоніи и Албаніи свои агентства. Какая оживленная дѣятельность кипитъ въ этихъ европейскихъ

лавкахъ! Мѣстные мелкіе торговцы на расхватъ разбираютъ привезенный хламъ, перья нѣсколькихъ оборотливыхъ прикащиковъ такъ и летаютъ по листамъ торговыхъ книгъ... Конечно, при нынѣшнемъ финансовомъ положеніи Турціи, торговля сношенія съ нею, быть-можетъ не совсѣмъ безопасны, но Европейцы предупредили насъ здѣсь уже давно, еще въ ту пору, когда эти сношенія были очень выгодны...

На другой день, послѣ посѣщенія церкви и школы и визита мудиру, уже ничего болѣе не оставалось осматривать въ Прилепѣ. Но насъ ожидали новыя картины и новыя впечатлѣнія въ монастыряхъ Святыхъ Архангеловъ и въ Тресковцѣ. Любезный турецкій градоначальникъ не согласился отпустить меня иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ *завтѣ*, по причинѣ распространившихся во всей окрестности разбоевъ.

II.

Мы выбрались изъ Прилепа около полудня и, послѣ полу-часоваго пути, достигли села Стары-Варошъ, гдѣ стоялъ древній Прилепъ. Дорога отъ города все время пролегаетъ у подошвы высокой и крутой каменной массы, увѣнчанной развалинами стараго замка, и поднимается въ гору до самаго села. Налѣво, по краю оврага служившаго русломъ высохшему горному потоку, тянутся табачныя плантаціи. Окрестности Прилепа производятъ довольно значительное количество табаку низкаго достоинства.

Древнее село Стары-Варошъ лежитъ у подошвы горы на отлогомъ ея склонѣ. Здѣсь живетъ трудолюбивою жизнію двухтысячное православное славянское народонаселеніе вѣрное своимъ преданіямъ. Хлѣбопашество, овцеводство и нѣкоторые простые домашніе промыслы, вотъ занятія и источники существованія Варошанъ. Но въ то время какъ мелочные торговые расчеты сдѣлались единственною цѣлю жизни богатыхъ прилепскихъ сосѣдей, бѣдные жители Стараго Вароша свято сохраняютъ древніе обычаи и нравы, и, по своему, горячо сочувствуютъ славянской старинѣ. Когда-то Старый Варошъ вмѣщалъ въ себѣ многочисленное зажиточное народонаселеніе, но рука времени и турецкое владычество сдѣлали свое дѣло.... Грустное впечатлѣніе производятъ эти живописныя развалины семидесяти православныхъ храмовъ, когда-то осѣнявшихъ Старый Варошъ. Теперь только въ трехъ изъ этихъ древнихъ

церквей совершается богослуженіе, и то не постоянно, кое-какъ, по разрозненнымъ листамъ старыхъ церковныхъ книгъ. Но врадѣ ли литургія, совершаемая въ прилепской церкви греческимъ священникомъ, на языкѣ незнакомомъ народу, болѣе угодна Богу, чѣмъ простая молитва неученыхъ Варошанъ въ старомъ полуразвалившемся храмѣ. Вся здѣшняя мѣстность полна памятниками древней славянской жизни. Народъ смотритъ съ благоговѣніемъ на эти развалины, постоянно напоминая ему бывшее и послужившія темою не одной незатѣливой легенды и простой народной пѣснѣ. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не позволилъ мнѣ осмотрѣть подробно эти интересныя развалины.

Отъ Старога Вароша мы повернули вправо, и начали подниматься по вымощенной дорогѣ въ видѣ извивающейся лѣстницы съ широкими наклонными ступенями, до того крутой, что приходилось держаться за гриву лошади, чтобы не сползти чрезъ заднюю луку. По сторонамъ дороги стоятъ кое-гдѣ одинокія, громадныя, старинныхъ формъ, гранитныя скалы, на которыхъ тамъ и сямъ видны большія древнія иконы, нарисованныя на дикомъ камнѣ и до сихъ поръ прекрасно сохранившіяся. Эти гигантскія фигуры въ древнихъ одѣянїяхъ, словно выдвигающіяся изъ сѣраго гранита, среди этой дикой природы, придаютъ совершенно фантастическій характеръ всей этой странной декораціи. Впереди, въ концѣ утомительнаго подъема, видѣются привѣтливыя, словно улыбающіяся, новыя выбѣленные стѣны монастыря Св. Архангела (Св. Архистратига Михаила). Кругомъ и выше надъ обителью опять тотъ же дикій мїръ и тѣ же голыя, наваленныя одна на другую гранитныя массы, и еще выше, почти вертикально, надъ самымъ монастыремъ, словно воздушное зданіе, зубчатая стѣна древняго замка.

При входѣ, насъ встрѣтили съ выраженїями непритворной радости старые мои знакомые, варошскій коджа-баша (старшина), монастырскіе сборщики и священникъ, замѣняющій игумена. Начались обычныя привѣтствія, но какая разница отъ тѣхъ приторностей, которыя пришлось мнѣ вытерпѣть въ Прилепѣ. Убогая обитель въ первый разъ видѣла далекаго русскаго гостя, и чистосердечная радость добрыхъ людей не находила выраженій. Насъ повели по недостроенной еще лѣстницѣ въ свѣтаую комнату, изъ которой взорамъ нашимъ открылся неподобный видъ на дикую окрестность, на

Старый Варошъ съ его семьюдесятью развалинами, на всю равнину Пелагоии и на далекіе профили лиловыхъ горъ, утопавшіе въ знойномъ полуденномъ небѣ. Явилось мѣстное вино, виноградъ и неизбѣжный кофе; завязался откровенный, дружескій разговоръ. Долгіѣ гнетъ турецкаго ига сдѣлалъ здѣшнихъ христіанъ въ высшей степени скрытными и подозрительными; не скоро добьетесь вы откровенности отъ здѣшняго простолюдина, но за то, если разъ успѣете внушить къ себѣ довѣріе, чистосердечнымъ разказамъ его не будетъ конца.

Монастырь Св. Архангелъ только что отстроенъ въ нынѣшнемъ году, на мѣстѣ древней разрушенной обители, иждивеніемъ благочестивыхъ жителей Стараго Вароша. Нѣкоторыя строенія еще не достроены, но ктиторы неутомимо заботятся объ окончаніи богоугодной постройки, воздвигающей на ихъ трудовую копѣйку. При монастырѣ только одинъ свѣтскій священникъ, простой добрый старичокъ, еле умѣющий разбирать церковную грамоту и находящійся на жалованьи у Варошской общины. Община управляетъ всѣми монастырскими доходами (весьма ничтожными); но къ сожалѣнію, митрополитъ начинаетъ уже оспаривать у нея это право и собирается, кажется, назначить игумена. Вотъ участь всѣхъ здѣшнихъ обителей: онѣ воздвигаются богоугоднымъ усердіемъ бѣднѣйшихъ христіанъ для того чтобы сдѣлаться потомъ доходною статью высшаго греческаго духовенства.

Весь монастырь состоитъ изъ церкви и небольшого помѣщенія для священника, служителей и богомольцевъ. Надъ монастырскими воротами возвышается небольшая колокольня, ожидающая колоколовъ. Храмъ весьма не обширенъ, но свѣтелъ и довольно красивъ; онъ отличается отъ другихъ церквей мѣстности красивою, высокою, открытою трапезой. При входѣ, на стѣнѣ изображены: съ одной стороны Вукашинъ, съ другой Марко Кралевичъ. Незатѣливая монастырская живопись—произведеніе мѣстнаго художника, убитаго недавно разбойниками между Прилепомъ и Старымъ Варошемъ и оставшаго иконostasъ не оконченнымъ. Монастырь нуждается во всемъ; сосуды оловянные, облаченій нѣтъ, даже нѣтъ необходимыхъ церковныхъ книгъ. Все богатство монастыря составляетъ теперь, недавно имъ полученное, красивое евангеліе,—пожертвованіе изъ Россіи. Какъ гордятся благочестивые Варошане этимъ драгоценнымъ евангеліемъ, и съ какимъ благоговѣніемъ вспоминаютъся на литургіи имена далекихъ незнакомыхъ жертвователей!

Жители Вароша рассказываютъ, что древняя обитель, на мѣстѣ которой воздвигся новый монастырь, существовала тысячу лѣтъ тому назадъ; но теперь отъ нея не осталось никакихъ слѣдовъ. Вся мѣстность, окружающая Прилепъ, полна преданіями о Маркѣ Кралевичѣ. Съ каждымъ памятникомъ старины здѣсь связываютъ воспоминаніе о любимомъ полу-миѣическомъ героѣ болгарскаго народа. Вотъ легенда, рассказанная мнѣ жителями Вароша, въ которой имя Марко Кралевича связано съ преданіемъ о монастырѣ Св. Архангела:

„Богаче и *льпше* монастыря Св. Архангела не было въ цѣломъ свѣтѣ; собирались люди изъ далекихъ странъ полюбоваться этою святою обителью. Храмъ былъ сложенъ изъ драгоценныхъ мраморовъ и покрытъ широкимъ куполомъ изъ чистаго серебра, опиравшимся на толстыя, золотыя колонны. Давно хотѣлось Туркамъ попользоваться богатствами монастырскими и разрушить драгоценный храмъ. Но Краль Марко, сидя въ высокой своей *куль* (крѣпости), зорко сторожилъ святыню христіанскую. Вотъ посылаютъ разъ Турки одного *Чуфута* (Жида), именемъ Лева, поразвѣдать, какъ бы имъ легче пробраться къ воротамъ монастырскимъ. Но монастырскій стражъ, Улогавъ, замѣтивъ Леву, бродившаго вокругъ монастыря, побѣжалъ въ *градъ* предупредить Кралевича Марка. Кралевичъ сидѣлъ въ это время за трапезою съ славнымъ воеводой своимъ и любимцемъ Янкуломъ. Заслышавъ недобрыя вѣсти, онъ посылаетъ немедленно Янкула расправиться съ Левомъ. Настигши Чуфута, Янкулъ втащилъ его на высокій утесъ и бросилъ оттуда въ бездонную пропасть.“

Пробывъ часа два въ монастырѣ, мы отправились, въ сопровожденіи коджа-баши, сборщиковъ и цѣлой свиты кавазовъ, забтѣе и поселянъ, на *Марка Кралевича*. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть вблизи на развалины древняго замка. Восхождение на эту каменную гору чрезвычайно затруднительно. Прокарабкавшись съ четверть часа руками и ногами по почти отвѣсной, голой скалѣ, мы достигли, измученные, до значительной покатой площади, заваленной громадными массами гранита. Здѣсь паслось стадо козъ, живописно тамъ и сямъ прильпившихся на скалахъ, или смѣло прыгавшихъ чрезъ широкія расщелины, или спавшихъ подъ жгучимъ солнцемъ надъ безднами. Не менѣе беззаботно сидѣлъ и пастилъ, взгромоздившись высоко надъ нашими головами на

одинокій камень, висящій надъ бездною, и наигрывая на звукъ плачевную, безпрестанно прерывавшуюся мелодію. И мы присѣли тутъ отдохнуть, въ прохладной тѣни наклоненнаго утеса. Но мы не прошли еще и половины пути. Отсюда начинается уже совершенно голая, конусообразная гранитная масса, увѣнчанная развалинами замка. Нигдѣ ни малѣйшей тропинки; дорогою служатъ широкія трещины гранита, по которымъ приходится прыгать какъ по гигантскимъ ступенямъ. Извѣстіе, что выше мы найдемъ воду, придаю намъ новыя силы, и мы смѣло принялись опять за утомительную гимнастику, пока съ помощію рукъ и ногъ достигли наконецъ, запыхавшіеся и покрытые потомъ, широкой бреши въ первой крѣпостной оградѣ.

При нашемъ появленіи, изъ-подъ камней съ шумомъ вырвался выводокъ горныхъ, красныхъ куропатокъ (кеклицъ), теперешнихъ обитателей этой воздушной руины. Обширныя стѣны замка, извиваясь, тянутся въ нѣсколько рядовъ по краямъ широкой, неровной вершины горы, то спускаясь въ глубокіе овраги, то всползая на вершины. Эти толстыя стѣны, сложенныя изъ мелкаго кирпича, связываютъ нѣсколько угловыхъ башенъ разныхъ формъ и величинъ. Вся вершина полна развалинами; въ самой срединѣ ея возвышается надъ всѣми другими однокій конусъ съ развалинами массивной круглой цитадели, соединявшейся съ стѣнами посредствомъ крытыхъ ходовъ и подземелій. Всѣ эти развалины еще очень хорошо сохранились, и по нимъ легко составить себѣ весь планъ этой, когда-то неприступной, крѣпости. Глядя на эти громадныя постройки, удивляешься, какъ могли выполнить ихъ тогдашніе люди, и съ какими трудностями должны быть ввозимы эти массы кирпича на едва-приступную каменную гору. Внутренность цитадели представляетъ совершенный лабиринтъ подземелій, крытыхъ ходовъ, стѣвъ и башенъ, привлеченныхъ къ голому граниту и висящихъ надъ бездною. Всѣ эти постройки носятъ отпечатокъ строгой, средневѣковой, военной архитектуры.

Множество легендъ и преданій связано съ замкомъ Марка Кралевича. Воображеніе мѣстныхъ жителей населило этотъ нѣмой памятникъ цѣлымъ сказочнымъ міромъ невидимой жизни. Существуетъ повѣрье, что всякую ночь, среди развалинъ, раздается громкое ржаніе Шарца, любимаго боеваго коня Кралевича Марка. Спросите любого пастуха, каждый

будетъ вамъ казаться, что не разъ самъ слышалъ это ржаніе. Говорятъ, что каждую ночь невидимый конюхъ чиститъ окрестницей этого вороного коня, и самъ богатырь-хозяинъ кормитъ его просомъ; въ доказательство приводятъ присутствіе проса въ одной изъ крѣпостныхъ башенъ. Мы отправились въ таинственную башню. Эта четырехугольная постройка, явно служила когда-то хлѣбнымъ амбаромъ. Проводники мои, въ доказательство справедливости словъ своихъ о загадочномъ конѣ, выскребаи цѣлую пригоршню проса изъ круглыхъ дыръ въ стѣнѣ, служившихъ вѣроятно гнѣздами давно стланившимъ деревяннымъ стропиламъ. Сохранилось ли это просо съ тѣхъ поръ, когда замокъ кипѣлъ еще боевою жизнію, или натаскали его потомъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ залуствіа пернатые его обитатели,—это рѣшить мудрено, но, во всякомъ случаѣ, его присутствіе поддерживаетъ въ воображеніи мѣстныхъ жителей крѣпкую вѣру въ цѣлую вереницу таинственныхъ легендъ и повѣрій. Нужно слышать съ какимъ убѣжденіемъ разказываются эти вымыслы народнаго воображенія, какъ воодушевляется до краснорѣчія самый простой человѣкъ, передавая эти длинныя разказы, убаюкивавшіе его дѣтство, гдѣ съ наивными предразсудками связана исторія былаго, народныя воспоминанія о давно минувшей славѣ и свободѣ... Что осталось теперь этому народу, все утратившему, кромѣ воспоминаній? Когда поселянинъ возвращается на отдыхъ, послѣ тяжелаго рабочаго дня, что усадить ему вечерній досугъ, какъ не пѣсни про Марка Краевича или Милоша Обиловича, заповѣдныхъ его героев? Онъ отдохнетъ душою, хотя на минуту, въ этомъ славномъ сказочномъ мимувшемъ отъ ежедневныхъ обидъ и оскорбленій. Съ этими воспоминаніями связана въ его воображеніи и православная его вѣра, которую онъ сохранилъ въ чистотѣ, чрезъ столько вѣковъ преслѣдованій и гоненій, и на поддержку которой онъ и теперь ежедневно жертвуетъ трудовую свою деньгу, безсознательно приготовляя грядущія событія... Бѣдный народъ, скоро ли запоешь ты пѣсни про новыя событія?...

- Карабкаясь по камнямъ и помогая другъ другу, мы добрались до вершины цитадели. Что за картина открылась тутъ нашимъ взорамъ! Далеко подъ нашими ногами, въ каменной долині, лежалъ, какъ на ладоши, кипѣвшій ярмарочною жизнію Прилепъ. Даже разстилалась широкая равнина съ извивающимися рѣчками, съ блестящими тамъ и сямъ

водами болотъ и съ утопающими вдали безчиленными селами, какъ островами въ морѣ. Потомъ таялась по горизонту безконечными цѣпи прекрасныхъ синихъ горъ, которыхъ профили, смягченные удаленіемъ, казались, сливаясь съ синевой прозрачнаго неба. Надъ нами вились два орла, то исчеза въ вышинѣ, то быстро спускаясь и описывая безконечные круги гордыми, плавными полетомъ. Какое странное чувство независимости овладѣваетъ душою когда глядишь на земаю съ высоты! Словно крылья приросли, и не то хочется броситься внизъ, не то улетѣть въ пространство...

Мы спустились съ горы по другую ея сторону въ живописную долину между горами Маркомъ Кралевичемъ и Златоверхомъ. Здѣсь ожидали насъ кони наши, часть кавалькады и выѣхавшіе къ намъ на встрѣчу изъ Тресковца игумень и его люди. Распростившись съ добрыми Варошанами, мы сѣли на коней и пустились въ дальнѣйшій путь. Тресковецкій игумень на маленькой сѣренькой лошаdkѣ повхалъ во главѣ кавалькады, указывая намъ дорогу.

III.

Отъ развалинъ замка Марко-Краевича до монастыря Тресковца часа два съ половиной, или *три пужи*. Дорога пролегаетъ сначала близъ подошвы горъ. Опять Пелагонійская равнина; но здѣсь она уже не представляетъ той мертвенной безнадности, какъ между Битолей и Прилепомъ. Горы со всѣхъ сторонъ сдвинулись довольно близко, и дорога незамѣтно поднимается все выше и выше. Слѣва, въ равнинѣ, разстилаются хорошо воздѣланные поля; тамъ и сямъ видѣются многочисленныя села, расположенныя по теченію рѣки Черной. Справа, по склону горъ, лежатъ коврами зеленныя пастбища, изрѣзанная, словно серебряными нитями, множествомъ быстрыхъ горныхъ потоковъ. Выше—каменная гора, гдѣ между рѣдкихъ сухихъ кустарниковъ, побрякивая колокольчиками и весело прыгая по скаламъ, пасутся многочисленные стада овецъ и козъ. Глядя на эту привѣтливую, словно улыбающуюся картину, невольно забываешь на минуту, что все это въ Турціи, забываешь, подъ какими тяжѣлыми условіями живетъ это несчастное христіанское населеніе, водѣлавшее эти просторныя поля, отъ которыхъ такъ мало достается бѣдному пахарю изъ всего добытаго потомъ и кровью.

Мы ѣхали равниною около часа; потомъ дорога круто повернула въ узкое ущелье, между двухъ высокихъ каменныхъ стѣнъ съ торчащими отовсюду, взерошенными скалами. Декорація совершенно измѣнилась: путь стала вся тягостнѣе и тягостнѣе; дорога уставлена большими камнями, и лошади пробирались между ними, круто поворачиваясь направо и налево; умныя животныя отлично исполняли свое дѣло, безпрестанно останавливаясь и осторожно выбирая мѣсто куда поставить копыто. Но и эту дорогу мы скоро покинули, свернувъ на едва примѣтную тропинку, извивающуюся по крутой, почти отвѣсной горѣ, густо поросшей мелкимъ дубякомъ и орѣшникомъ. Наша длинная кавалькада, какъ стадо журавлей, начала описывать самые причудливые зигзаги: то вытягивалась она въ длинную прямую линію, то до того изламывалась, что игумень на маленькой лошаdkѣ, ѣхавшій во главѣ кавалькады, иногда приходился совсѣмъ рядомъ съ *сеисомъ* (конюхомъ), на вьюкѣ замыкавшемъ шествіе. Подъемъ становился чрезвычайно утомителенъ для нашихъ бѣдныхъ коней; безпрестанно скользили они на голой плитѣ, и на каждомъ изгибѣ тропинки приходилось объѣзжать бездонныя пропасти. Окружающая мѣстность представляла самую живописную картину. Со всѣхъ сторонъ, изъ густой дубовой и орѣховой зелени выдвигались гранитныя массы, поросшія мохомъ и обвитыя плющомъ; передъ нами безпрестанно срывались испуганныя птички, наполнявшія воздухъ громкимъ чиликаньемъ; косвенные лучи заходящаго солнца играли по макушкамъ скалъ, по листьямъ густаго кустарника и по монастырскимъ кровлямъ, выдвигавшимся изъ-за неровностей горы, высоко надъ нашими головами. Вокругъ насъ, изъ темныхъ ущелій, быстро росли и расплзались во всѣ стороны вечернія тѣни, а громадный, каменный конусъ Златоверха словно висѣлъ въ воздухѣ, весь облитый солнечнымъ свѣтомъ. Какъ легко и отрадно становилось въ этомъ свѣжающемъ воздухѣ! Вскорѣ стали долетать до насъ изъ монастыря давно не слышанные нами звуки колокольнаго звона и частые ружейныя выстрѣлы, приветствовавшіе наше посѣщеніе. Какъ отрадно звучалъ намъ этотъ колокольный звонъ, повторяемый перекатами горнаго эха, какъ торжественно нарушалъ онъ, среди этой дикой, очаровательной природы тишину прекраснаго вечера!

Наконецъ добрались мы до большой наклонной плоскости,

поросшей рѣдкими буковыми лѣсомъ, на которой, прижавшись къ громадному Заотоверку, столько вѣковъ стоять стѣны древней обители Трековецкой. Здѣсь ожидали насъ жители монастыря и ошедшіеся изъ окрестныхъ селъ поселяне. При появленіи нашемъ раздались громкія привѣтствія и залпъ ружейныхъ выстрѣловъ. Испуганные кони встрепенулись, и фыркая, вспрыгнули на звонкія плиты монастырскихъ воротъ. Мы очутились среди широкаго двора, расположеннаго террасами и обнесеннаго монастырскими зданіями, предъ пятиглавымъ храмомъ, отъ котораго такъ и вѣетъ стариною. На колокольнѣ шелъ звонъ во всѣ колокола....

Мы сошли съ усталыхъ лошадей и отправились прямо въ церковь, гдѣ всемогущая была уже на исходѣ. Тусклое мерцаніе лампадъ еще освѣщало темный, почернѣвшій отъ времени, иконостасъ. Народу было мало. Хоръ составляли нѣсколько мальчиковъ подъ управленіемъ престарѣлаго священника; стройно звучали ихъ свѣжіе голоса подъ сводами древняго храма. Какое глубокое впечатлѣніе производили на насъ эти, давно неслышанныя нами, всемогущія молитвы священника и клира на понятномъ намъ языкѣ церковно-славянскомъ!... И внезапно нахлынувшія воспоминанія изъ собственной жизни, воспоминанія о далекой Россіи, и глубокое впечатлѣніе, производимое этимъ старымъ мрачнымъ храмомъ,— все сливалось воедино, все высоко настраивало душу и располагало къ молитвѣ и благоговѣнію.

По окончаніи всеобщей, игуменъ ввелъ меня въ алтарь и указалъ на лежащее на престолѣ евангеліе, переплетенное въ досыщійся, вытертый отъ времени, малиновый бархатъ и украшенное массивнымъ серебромъ и камнями. Я раскрылъ святую книгу, и на ея первой страницѣ было напечатано слѣдующее:

„Во славу челоувѣколюбца единого, тріипостаснаго Бога Отца и Сына и Св. Духа: напечатана въ типографіи царствующаго великаго града Москвы: повелѣніемъ благочестивѣйшаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца: при благороднѣйшемъ Государѣ нашемъ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ: благословеніемъ же преосвященныхъ архіереевъ между патріаршествомъ. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7281: отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1798 (1703) индикта 11 мѣсяца августа.“

Между тѣмъ наступила ночь и осматривать монастырь въ

подробностейъ былъ уже саникомъ познано: пришлось отложить этотъ осмотръ до слѣдующаго дня. Мы расположились на разостланныхъ коврахъ въ открытомъ киоскѣ, заканчивающемся съ одной стороны широкою галлереею, которая окружаетъ по всей длинѣ внутренній, обращенный на дворъ, фасадъ монастырскихъ зданій. Здѣсь ожидалъ насъ сытный обѣдъ, поданный, по восточному обычаю, на низенькомъ кругломъ столѣ. Игуменъ хотѣлъ насъ угостить на славу, и безчисленныя блюда быстро сменялись одни другими, а между тѣмъ у насъ завязался оживленный разговоръ. Игуменъ, два священника, его помощники, сопровождавшій насъ изъ Прилепа *чорбаджи* и еще нѣсколько человекъ окружили насъ и принялись разказывать намъ о своемъ незатѣйливомъ житьѣ-бытьѣ, о притѣсненіяхъ Турокъ и митрополита: все тѣ же вѣчные варианты на ту же печальную, неистощимую тему, которые приходится выслушивать здѣсь всегда и повсемѣстно....

Я сталъ разспрашивать моихъ собесѣдниковъ о монастырѣ и его примѣчательностяхъ. Въ настоящее время, древняго, въ монастырѣ Тресковцѣ, остался одинъ только храмъ; всѣ прочія строения были возведены въ позднѣйшее время. Монаховъ нѣтъ, весь причетъ состоитъ изъ игумена, простаго, далеко не ученаго Болгарина, котораго всѣ хвалятъ, и трехъ престарѣлыхъ священниковъ, совершающихъ требы во окрестныхъ селахъ и поочередно служащихъ въ монастырскомъ храмѣ. Самая же замѣчательная личность здѣсь — старый Турокъ, кавазъ, разыгрывающій чуть ли не болѣе важную роль чѣмъ самъ игуменъ. Этотъ кавазъ уже тридцать лѣтъ служить въ монастырѣ и заглавствуетъ всѣмъ его хозяйствомъ и даже управленіемъ двумя небольшими *чафтыками* (деревнями), до сихъ поръ принадлежащими монастырю. Игуменъ - Турокъ каждое утро усердно вымететъ церковь, приведетъ въ ней все въ порядокъ, загаляетъ въ алтарь, отзвонитъ къ заутрени, и пойдетъ себѣ творить свой турецкій намазъ. Личность этого Турка необходима въ монастырѣ; безъ него монастырь былъ бы давнымъ давно разграбленъ разбойниками и турецкими чиновниками, которымъ никакъ не посмѣлъ бы противорѣчить христіянинъ.

Доходы монастыря весьма ограничены. Изъ всѣхъ прежде принадлежавшихъ ему недвижимыхъ имѣній, онъ сохранилъ за собою только два *чафтыка*; но и эта собственность ничѣмъ не обезпечена. Монастырю былъ данъ когда-то султанскій фарманъ, которымъ предоставлялись ему различныя права и преимущества и подтверждалось за нимъ право владѣнія

нѣкоторую недвижимую собственность; но фарманъ этотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ затерянъ, не то по оплошности, не то по злоупотребленію прежняго игумена, бывшаго, быть-можетъ, орудіемъ турецкой администраціи. Теперь, въ случаѣ какого-либо спора, монастырь не могъ бы ничѣмъ доказать права свои на владѣніе ничтожною, уплывшею еще за нимъ собственностію. Главный источникъ монастырскаго дохода составляетъ его храмовой праздникъ 8 сентября; но митрополитъ, архіепископъ пелагонійскій, пріѣзжающій на это время въ Тресковецъ, забираетъ въ свою пользу часть сбора. На храмовой праздникъ, совпадающій съ временемъ окончанія Прилепской ярмарки, завязаютъ обыкновенно купцы на обратномъ пути изъ Прилепа, въ особенности вилескіе. Поселяне изъ окрестныхъ селъ также сходятся въ монастырь, и тогда въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ стѣнахъ внезапно оживляющейся древней обители кочуетъ многочисленное христіанское населеніе. Но все это не доставляетъ значительныхъ доходовъ, и монастырь все-таки бѣдетъ и обремененъ долгами.

Не такою была Тресковецкая обитель въ старину; это былъ замѣчательнѣйшій монастырь во всей Македоніи. Тресковецкая обитель заключала когда-то въ стѣнахъ своихъ многочисленную монашествующую братію и обладала огромными богатствами. Мнѣ показывали древнюю пергаменную книгу, всю исписанную именами прежнихъ обитателей монастыря, давно отошедшихъ къ иной жизни. Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ не обозначены ни года, ни числа, ни свѣтскія званія именовъ, записанныхъ только подъ однимъ монашескимъ именемъ. Въ монастырѣ не сохранилось никакихъ вѣрныхъ свидѣній о времени его построенія, и только одна грамота и нѣсколько камней свидѣтельствуютъ о существованіи его во времена Неманичей. Грамота эта—хрисовула царя Стефана (вѣроятно Дечанскаго), въ силу которой монастырю Тресковцу даруются сербскимъ государемъ разныя населенныя ижвня, мельницы и другія угодыя. Тутъ встрѣчается множество именъ разныхъ селъ до сихъ поръ существующихъ, но, разумѣется, уже давно не принадлежащихъ монастырю и сдѣлавшихся собственностію разныхъ турецкихъ беговъ. Хрисовула оканчивается слѣдующимъ образомъ:

СВѢДѢНІЯ О ДѢЯТЕЛНОСТИ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРІОДЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОВАНІЯ ПРІЛЕПСКОГО МОНАХА:

На числа ни года нѣтъ. Я видѣлъ только древнюю копію съ этой хрисовулы, съ которой и списывалъ; оригиналъ же, равно какъ и двѣ другія хрисовулы, были отправлены въ нынѣшнемъ году въ Сербію къ князю Михаилу, пожелавшему видѣть ихъ.

Множество повѣрій и легендъ сохранилось въ народѣ о монастырѣ Тресковцѣ и прилежащей къ нему горѣ Златоверхъ. Мѣстные жители разказываютъ, что въ окрестностяхъ Тресковца умерщвленъ послѣдній Неманичъ. Это печальное событіе сербской исторіи, котораго театромъ, по историческимъ даннымъ, была совсѣмъ иная мѣстность ¹. Но и здѣсь жители указываютъ на вытекающую, въ недалекомъ разстояніи отъ монастыря, рѣчку Урошицу, какъ на мѣсто преступленія, и утверждаютъ, что тѣло царево было принесено въ церковь Тресковскую. О рѣчкѣ Урошицѣ они разказываютъ, что она вытекала изъ камня въ минуту самаго преступленія. Вообще во всѣхъ историческихъ изустныхъ преданіяхъ, сохранившихся въ окрестностяхъ Прилепа, господствуетъ ужасная запутанность; обозначенія мѣстностей чрезвычайно обивчивы и противорѣчатъ однѣ другимъ, и историческій фактъ, переданный изустнымъ преданіемъ, смѣшивается съ переиначенною передачею того же факта въ народной пѣснѣ. Такимъ образомъ, въ разказѣ объ убіеніи младаго Уроша, дѣйствіе происходитъ въ одно и то же время и на Косовомъ полѣ, и въ окрестностяхъ Тресковца. Вѣроятно тождественность названій (Пр. Богородицы) двухъ различныхъ храмовъ—Тресковецкаго и того, гдѣ дѣйствительно положено тѣло убитаго царя—было причиною этой запутанности. Приведу наивный разказъ одного крестьянина изъ окрестностей Прилепа, записанный мною сколь возможно близко со словъ самого разказчика. Разказъ этотъ можетъ познакомить читателя съ дѣйствующимъ нарѣчіемъ, составляющимъ уже переходъ отъ языка придунайско-богарскаго къ языку сербскому: ²

„Кѡга Владкашикъ царство дѣржалъ отъ мѡли царь Уроша,

¹ Гальфердингъ: *Поѣздка по Старой Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ*.

² Когда Владкашикъ управлялъ царствомъ за малолѣтняго царя Уроша, ребенокъ былъ слишкомъ малъ, и не могъ самъ управлять царствомъ. Тогда собрались короли на Косовомъ полѣ и стали держать совѣтъ о томъ, что

„детѣ било мало, не можело да държи своѣ царство. Како се соб-
 „рале краѣ у Косово, заночнаѣ совѣтъ начините да ѣе Урошъ
 „на паметъ дошелъ, онъ да може своѣ царство държати. Краљъ
 „Волакашинъ царство не му даваше, Марка тука не бѣше,
 „никои нѣ го да го суди нѣма. Допратили Марку да го зовуть;
 „у него били кнѣге староставне, онъ можеть да каже, чѣе било
 „царство. Кадѣ дойде Марко у Косово поле; та извади кнѣги
 „староставни, та му каза да ѣе царство Урошево. Се разлѣти
 „Волакашинъ краљъ, испотѣгне нѣжу отъ кайша, да убѣе своѣга
 „сина Марка. Марко бѣже и у црковь побѣже. Онъ (Во-
 „лакашинъ) силено удрио ножемъ у дирека; отъ нѣга крва про-
 „ливаше, отъ небесе гласе доходяше: той да убилъ Божяго
 „ангела. Тогатъ царство на Уроша даѣе, и за мало време по-
 „стояло, на прилагалъ Волакашинъ Уроша да излѣгне у поле ши-
 „роко, тѣгаѣ сабля, му прѣсѣче глава. Зна се мѣсто гдѣ поги-
 „налъ Урошъ, ту изшла вода велика и данасъ се зове Урошица.“

Построеніе монастыря Пресвятой Богородицы мѣстные жи-
 тели относятъ къ весьма отдаленной эпохѣ, хотя и не обо-
 значаютъ ея никакимъ годомъ и никакимъ событіемъ. Они увѣ-
 ряютъ, что въ древности монастырь назывался другимъ име-
 немъ и только въ послѣдствіи былъ названъ Тресковцемъ.
 И тутъ народное воображеніе нашло богатую пищу, и по этому
 поводу создало множество легендъ, гдѣ историческіе факты
 смѣшиваются съ вымыслами фантазіи.

Мѣстные жители разказываютъ, что какой-то царь (по
 ихъ словамъ Болгарскій) приказалъ поставить на макушку
 остроконечной горы огромное яблоко изъ чистаго золота
 осыпанное драгоценными камнями, которое было видно со
 всѣхъ концовъ земли и такъ блестяло, что, откуда ни посмо-
 тришь, казалось въ небѣ стоять два солнца: одно солнце

Урошъ пришелъ въ возрастъ и можеть самъ управлять государствомъ.
 Краљъ Волакашинъ царства не уступалъ ему, Марка тамъ не было, не-
 кому было ихъ разсудить. Послали за Маркомъ, у него находились старо-
 ставныя кнѣги, и онъ могъ сказать, кому должно принадлежать царство.
 Когда Марко пришелъ на Косово поле и досталъ староставныя кнѣги,
 онъ сказалъ, что царство Урошево. Разгнѣвался Волакашинъ краљъ и вы-
 хватилъ ножъ изъ-за кушака, чтобъ убить своего сына Марка. Марко
 убѣжалъ и скрылся въ црковь. Волакашинъ сильно ударилъ ножомъ въ
 колодку, изъ которой полилась кровь и послышался голосъ съ неба: „онъ
 убилъ Божяго ангела“. Тогда царство отдалъ Урошу, но въ скоромъ
 времени Волакашинъ пригласилъ его выйти изъ широкое поле, и махнулъ
 сабляю, отрубилъ ему голову. Мѣсто, гдѣ погибъ Урошъ, извѣстно; тамъ
 вытекаетъ изъ канала рѣка, которая до сихъ поръ называется Урошица.

Божіе, другое солнце славнаго царя болгарскаго, а отъ того и самая гора получила названіе *Златоверхъ*. Кто былъ этотъ царь и что потомъ стало съ драгоцѣннымъ яблокомъ, легенда не говоритъ; но, перескочивъ, вѣроятно, чрезъ длинную эпоху, она продолжается разказомъ о томъ, какъ царь (императоръ) Андроникъ (но который изъ четырехъ?) будто бы короновался въ монастырѣ Пр. Богородицы, и одарилъ его самымъ щедрымъ образомъ. Далѣе о переименованіи монастыря Тресковцемъ легенда разказываетъ слѣдующее:

„Въ то время дочь одного христіянскаго царя, Капа Марія (прекрасная Марія), вышла замужъ за турецкаго султана. Проживъ съ нимъ въ замужествѣ нѣсколько лѣтъ и приживъ ему много дѣтей, Марія приходитъ разъ къ своему супругу и говоритъ ему: „мы жили съ тобой счастливо многіе годы, Богъ наградилъ насъ дѣтьми, теперь прошу тебя, отпусти меня; я хочу окончить жизнь въ монастырѣ, хочу потрудиться за вѣру свою (*сакамъ да радемъ за своя-то вѣра*).“ Отпускаетъ султанъ свою прекрасную супругу, одѣляетъ ее богатствомъ и даетъ ей несмѣтную стражу. Вотъ приходитъ Капа Марія съ многочисленною свитой и войскомъ къ монастырю Пр. Богородицы. *Калугери* (монахи), завидя такое множество Турокъ, испугались, затворили ворота и не впустили Марію въ монастырь. Царица много се разлютила (прогнѣвалась, приказала навести свои *топы* (пушки) на святую обитель, разгромила стѣны и убила всѣхъ иноковъ. Потомъ она отправилась на святую гору Аѳонскую, ¹ гдѣ и скончалась, предоставивъ всѣ свои богатства аѳонскимъ монастырямъ. Между тѣмъ, въ монастырѣ Пресв. Богородицы, тѣла убитыхъ иноковъ остались безъ погребенія. На запахъ труповъ явилось какое-то чудовище,—*Гуцерь*, которое поѣло тѣла и поселилось въ самомъ алтарѣ храма. Тридцать шесть лѣтъ жило чудовище въ храмѣ и никого не пускало въ окрестности Златоверха; всякій, кто отваживался, дѣлался жертвою Гуцера. Наконецъ Господь смилостивился надъ несчастною страной, приведя ея въ ужасъ присутствіемъ чудовища; молнія ударила въ монастырь и убила Гуцера въ самомъ алтарѣ (*отъ небесе пала расія, погубила Гуцера*); причемъ стѣны монастырскія треснули на четыре части. Монастырь былъ вскорѣ возобновленъ и названъ—*Тресковцемъ* въ память этого событія.

¹ По Аѳонскому уставу женщины на святую гору не допускаются.

² Не говорится ли въ приведенной легендѣ, подъ именемъ Капа Марія,

Далѣ легенда переходитъ въ длинное повѣствованіе о заслугахъ и богатырскихъ подвигахъ народнаго героя, Марка Кралевича, сдѣлавшагося защитникомъ монастыря Пр. Богородицы противъ Турокъ. Преданіе говоритъ, что имя Марка Кралевича было такъ страшно для Турокъ, что и по смерти его они боялись войти въ монастырь до тѣхъ поръ пока барабанъ билъ въ замкѣ Марковомъ („до тѣмъ Турци у монастырь не смѣли, докле билъ тобумъ на востеръ на куля Маркова; устыли Турци да го нѣма Марка и посажи се бояли тамо поити у нѣгови двори“). Потомъ они взяли съ собою Грековъ и „пшли у двори Маркови, попланили, что имало тамо. Нѣнкумъ пшли на Богородицу, тамо нѣшли сѣ царски нишѣни и нѣкоква нѣсьма отъ Грка не нѣшли. На Грци не дрѣго-му пѣдло (не понравилось это Грекамъ); окупиле (собрали) кнѣге староставне, нѣчто више днде не остало,—попланиле у Св. Богородице сѣ иманіе“...

Здѣшніе люди сжились съ этими изустными преданіями темной старины, убаюкивавшими ихъ въ дни ихъ бѣднаго дѣтства, утѣшавшими и подкрѣплявшими ихъ въ тяжелое время испытаній и гоненій. Живя на классической почвѣ усѣянной памятниками былого, здѣшній поселянинъ нашелъ въ этихъ памятникахъ много пищи для воображенія. Изустный разказъ, переходящій отъ отца къ сыну, сдѣлался насущною его потребностію. Нужно видѣть какъ оживляется онъ передавая этотъ разказъ, какъ въ соприкосновеніи съ героическою стариною необразованный языкъ его становится краснорѣчивъ и силенъ. Самородный эпосъ льется, кажется, самъ собою изъ его души, и облетая села и хаты, поддерживаетъ дремлющія силы народа. Если бы не было этихъ преданій, можно было бы усумниться въ его будущемъ; но, нѣтъ! этому обширному кладбищу суждено еще стать поприщемъ жизни...

о дочери деспота Сербскаго, Георгія Бранковича, супругѣ султана Амурата II (1438—1448 г.), которая послѣ смерти супруга своего удалась въ Ясено на рѣкѣ Стримонѣ (нынѣ Вардаръ) въ Македонію, не далеко отъ Аѳонской горы, гдѣ и окончалась, отказавъ значительныя богатства въ пользу Аѳонскаго монастыря Св. Павла, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся въ этомъ монастырѣ документы? Но въ такомъ случаѣ преданіе находится въ прямомъ противорѣчій съ историческимъ документомъ; преданіе приписываетъ переименованіе монастыря Тресковцевъ времени поздѣйшему 1448 г., тогда какъ обитель уже называется Тресковецкою въ привадевой выше хрисовулѣ Стефана Дечанскаго (1321—1333г.).

Слушая эти рассказы, я не замечалъ какъ бышло время. Давно уже наступила ночь... и что за чудная, освѣжающая, ночь! Полная луна стояла высоко въ небѣ,—нигда ни облачка... ни одинъ листъ не шевельлся на деревьяхъ. Рѣзко обозначались въ небѣ темные профили древняго пятиглаваго храма и монастырскихъ стѣнъ, и дыловыя силуэты горъ. Далекая равнина словно утопала въ прозрачной синевѣ луннаго свѣта. Тишина была невозмутимая... Мы распростлались. Какой сладкій сонъ послѣдовалъ за этимъ полнымъ впечатлѣніями днемъ!...

Рано былъ я пробужденъ колокольнымъ звономъ. Утро было свѣжее, росистое; солнце еще не вставало, а ужъ прилежный Турокъ-цгумень усердно звонилъ къ заутрени. По окончаніи литургіи, мы приступили къ подробному осмотру монастыря.

Дворъ, какъ я уже сказалъ, расположенъ на наклонной плоскости террасами, уступы которыхъ изсѣчены въ скалѣ. Его окружаютъ монастырскія зданія и службы, которыхъ всѣ окна и двери обращены внутрь двора на широкую галлерей, такъ что снаружи монастырь походить на крѣпость. Надъ воротами, четырехугольная небольшая колокольня, съ тремя колоколами, освѣщенная крестомъ. Посрединѣ двора возвышается древній пятиглавый храмъ византийскаго архитектурѣ, совершенно схожій съ нѣкоторыми древними храмами, обращенными въ мечети, которые случилось мнѣ видѣть въ Солунѣ. Онъ сложенъ изъ мелкихъ кирпичей, красиво расположенныхъ рядами. Кровля и куполы покрыты мелкою черепицею, совершенно почернѣвшею отъ времени, и мѣстами поросшею мохомъ. Въ одномъ углу, на вѣданной въ стѣну мраморной плитѣ, я прочелъ слѣдующую надпись:

✠: МЕЦАГЕНАРА

.....: ОУСПЕ

РАБЪ БОИДАВНЖИ

ВЪ: ЕМОХИНАРЬ: ЦР

СУРОША: ВЪСЕСЪБЪ

СКНЄ: ЗЕНЪАЄ: РЪУЪ

СКІЄ: НПОНОРЬСКІЄ

ВЪ Л'Є: 2: W: O:

СЪКТА: ЄІ.....

что составляетъ 6870 г. отъ сотворенія міра, по Р. Х. 1290, соответствующій царствованію Стефана VI Милутина Уроша III Саларуки вовсе нѣтъ стѣнной живописи; полукруглый выступъ въ восточной стѣнѣ образуетъ вмѣстѣ алтара. Наружная дверь, ведущая въ закрытую трапезу, чрезвычайно мала и низка; внутренность трапезы и храма врыта въ землю на три ступени. Стѣны узкой и длинной трапезы покрыты живописью, по обыкновенію, изображающею страшный судъ и адскія мученія. Изъ трапезы три двери ведутъ въ храмъ. Средній главный храмъ крестообразный. Своды главного и малыхъ куполовъ опираются на четыре тяжелые четырехугольные столба, покрытые сверху до низу стѣнною живописью, вѣроятно, возобновляемою въ позднѣйшее время. По сторонамъ главного храма два малые придѣла. Вся внутренность мрачна и темна; всѣ три иконостаса сплошные; иконы на нихъ чрезвычайно темныя, вѣроятно весьма древней живописи. Полъ выложенъ плитами; на одной изъ нихъ, въ среднѣй главнаго храма, я еще могъ разобрать сабдующую, почти стертую отъ времени, греческую надпись:

∴ ΕΚΟΙΝΗΘΗ
 ΔΥΛΟΤΥ Θ^ΑΥ,
 ΝΙΚΟΛΛΟΣ Ο΄ΤΟΣΟ
 ΗΣ ΗΝ ΛΥΒ΄ ΥΣΤΟ
 ΗΝΕΡ΄ ΚΑ
 ΣΠΗΤΗΣ ΒΑ
 ΣΗΛΕΙΑΣ ΣΤΕ
 ΦΑ.....
 ΕΝΕΠ
 Ὑ Ξ:
 ΚΟΛ
 ΑΑΝΑΡΗ
 ΗΡΟΦΗ

Въ нѣштѣ, [надъ аркою, отдѣляющею правый придѣлъ отъ главнаго храма, мнѣ указали, написанную *al fresco*, икону Богоматери, чрезвычайно чтимую. Не слишкомъ ли это съ

одной изъ аеонскихъ весьма древнихъ иконъ? Я заключаю это изъ надписи, оканчивающейся слѣдующимъ образомъ:

Ѣ^ТЪ, ЄЦΛΘ то-есть отъ сотворенія міра 5939, что соотвѣтствуетъ 359 г. нашей эры.

Жертвенникомъ въ главномъ алтарѣ служитъ почти кубическій гранитный камень, покрытый полинявшею шелковою одеждой. На лицевой сторонѣ этого камня я прочелъ слѣдующую греческую надпись, отчасти стертую и вѣроятно весьма древнюю:

ΑΠΟΜΩΝΙΟΣ
 ΤΕΥΔΑΝΟΣ
 Τ.ΦΛΑΟΝΙΟΥ
 ΑΝΤΙΓΟΝΟΥ
 ΙΟΥΣΑΠΟΛΛΟ
 ΔΟΡΟΣ
 ΕΥΖΑΝΕ
 ΝΟΣ

Ризница монастыря Пресвятой Богородицы заключаетъ мѣ-
 которыя довольно цѣнныя вещи, и сравнительно съ другими
 монастырями здѣшней мѣстности, можетъ быть почитаема
 даже богатою. Почти всѣ церковно-служебныя книги русской
 печати изъ времяя Петра Великаго, но въ нихъ встрѣчается
 большой недостатокъ, и священники жаловались мнѣ, что у
 нихъ нѣтъ даже необходимаго требника.

Близъ трапезы, въ сыромъ и темномъ подвалѣ, въ который
 приходится спускаться черезъ неимоверно-микроскопическую
 дверь, мы нашли сундукъ съ древними рукописями. Когда
 мы открыли его, распространился такой сильный прѣхлый
 запахъ, что мы еле могли выдержать и поспѣшили вытащить
 сундукъ на чистый воздухъ. Особенно замѣчательнаго ниче-
 го не оказалось; искатели древностей уже нѣсколько разъ
 посѣщали Тресковецъ и, говорятъ, вывезли множество книгъ;
 остались лишь нѣсколько рукописныхъ евангелій и книгъ
 богослужебныхъ, до того перегнувшихъ, что пергамень рвет-
 ся при перелистываніи.

Осматривать въ монастырѣ болѣе было нечего. Мы отправились, въ сопровожденіи многочисленной свиты, на Златоверхъ, эту таинственную гору, которой имя такъ прославлено народными легендами. Мнѣ хотѣлось посмотреть въблизи на эту остроконечную макушку, на которой, по словамъ преданія, блисталъ когда-то, какъ второе солнце, *ниманъ отъ Царевъ*. Дѣйствительно, посмотрѣвъ на эту гору, такъ причудливо созданную природой, становится понятно, что она должна была поразить неразвитое воображеніе поселянина и сдѣлаться любимымъ предметомъ народной поэзіи. Весь Златоверхъ, котораго вершина возвышается слишкомъ на 4.000 ф. надъ уровнемъ моря, какъ бы отдѣлился отъ прочихъ горъ и представляетъ огромную отдѣльную массу, до того изрѣзанную глубокими лѣсистыми ущеліями, что она кажется какъ бы разодранною какою-то силой. Та же конусообразная часть горы, которая еще возвышается (по крайней мѣрѣ на 800 фут.) надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ построены монастырь, такъ крута и обрывиста, что ее можно всего удачнѣе сравнить съ колоссальною сахарною головой. Но она не представляетъ ничего цѣльнаго въ своемъ строеніи; это громадныя массы сѣраго гранита, наваленныя одна на другую и держащіяся въ силу какихъ-то еще невѣдомыхъ законовъ равновѣсія. Неприкасающіяся одна къ другой, громадныя массы, образуютъ множество узкихъ, глубокихъ, иногда сквозныхъ пещеръ, которыя, какъ длинные темные коридоры, извиваются во внутренности горы. Кое-гдѣ, въ разсѣлинахъ гранита, налипло немного зелени и выросли одинокія, странныхъ формъ, деревья, висящія надъ бездною. Глядя на эту странную игру природы, на это диковинное зданіе, дивишься, что оно стоитъ неподвижно, и какъ оно не разсыплется. Самая макушка увѣнчивается огромнымъ плоскимъ камнемъ, опирающимся только двумя точками, и висящимъ надъ пропастью будто досчатая перекладина. Тутъ-то намъ предстояло проходить.

Сначала, выйдя за ворота монастырскія и обогнувъ весь конусъ сѣва, мы стали взбираться, поросшею густымъ кустарникомъ, его покатою, до того крутою, что приходилось на каждомъ шагѣ останавливаться, чтобы перевести духъ, и хвататься за кусты, чтобы не оборваться. Такимъ образомъ достигли мы до маленькой площадки, которой поверхность, въ вѣчной тѣни нависаго надъ ней утеса, поросла свѣжою

зеленою травой. Здѣсь намъ предложили посѣтить жилище *постника* (пустынника) — находящуюся вблизи пещеру. Вотъ истинная пустыня, совершенно отрѣзанная отъ живаго міра. Отверстіе пещеры находится на совершенно отвѣсной покатоности горы, и окружено со всѣхъ сторонъ нависшими скалами. Чтобы попасть въ пещеру, приходится карабкаться на одну изъ скалъ, висящую надъ нею, и отсюда, съ помощію тутъ же растущаго въ разсѣлинѣ гибкаго дерева, перекачнуться надъ пропастью на узкій природный гранитный карнизъ, служащій какъ бы порогомъ при самомъ входѣ; впрочемъ, чрезъ внутренность горы, чрезъ трещины между скалами, существуетъ другой проходъ, который, вѣроятно, и служилъ пустыннику, но тотъ проходъ гораздо утомительнѣе и длиннѣе. Внутренность пещеры темна, сыра и угрюма,—но чтò за неподобный видъ открывается въ ея узкое отверстіе будто въ окно! Преданіе не сохранило имени отшельника; здѣсь, въ этомъ сыромъ убѣжищѣ, провелъ онъ созерцательную жизнь свою; здѣсь онъ и кончилъ ее. Въ темномъ углубленномъ углу пещеры еле виднѣется гробница; никакой надписи не видно на ея холодной плитѣ. Тутъ же стоитъ каменный столъ, съ совершенно почернѣвшею отъ времени и сырости иконою, передъ которою иногда теплится лампада, зажигаемая усердіемъ богомольцевъ.

Изъ пещеры мы, опять тѣмъ же путемъ и съ тѣми же гимнастическими усиліями, выбрались на площадку. Но отсюда продолжать восхожденіе въ сапогахъ оказалось невозможнымъ; дѣлать нечего, пришлось разуться и пуститься въ дальнѣйшій путь уже босикомъ. Далѣе боролись мы съ препятствіями и усталостію, то ползя на четверенькахъ въ узкихъ корридорахъ между скалъ, то карабкаясь по голымъ крутизнамъ гранита; наконецъ, послѣ перехода чрезъ длинную узкую разсѣлину, мы добрались до такого мѣста, что я пришелъ въ совершенное недоумѣніе, какъ продолжать путь, и вчерашнее восхожденіе на Марка Краевича казалось мнѣ прогулкою по гладкимъ аллеямъ Лѣтняго Сада. Передъ нами была рѣшительно голая гранитная стѣна, гладкая какъ ледъ, и приходилось идти по поднимающейся спиралью еле примѣтной трещинѣ, до того узкой что ступня едва помѣщалась на ней, такъ что надо было осторожно переносить одну ногу за другою; слѣва была отвѣсная стѣна, справа бездна, гдѣ на голомъ гранитѣ до

самаго низу, не до монастыря, а до равнины, ни одного кустика, за который можно было бы уцѣпиться въ случаѣ паденія. Этотъ опасный переходъ идетъ сажени на три длины. Признаюсь, на половинѣ этого перехода, голова у меня закружилась, въ глазахъ позеленѣло, и я самъ не помню какъ добрался до маленькаго пространства, уставленнаго массою взерошенныхъ остроконечныхъ скалъ, образовавшихъ изъ себя какъ бы естественныя перила. Отсюда, до макушки, гдѣ находится широкая каменная платформа, такъ странно помѣщенная природой на остроконечной вершинѣ, что она перекачивается подъ тяжестью посторонняго тѣла, оставалось всего сажени двѣ въ вышину. Чтобы добраться туда, надо было съ узкаго остроконечнаго утеса перескочить черезъ глубокую щель на возвышающуюся аршинами двумя выше, другую совершенно отвѣсную скалу, и оттуда уже, по невысокой естественной лѣстницѣ, образуемой скалами, взойти на колеблющуюся платформу. Признаюсь, я не рѣшился на послѣдній шагъ.

Надо замѣтить, что восхожденіе на Златоверхъ почитается богомольнымъ путешествіемъ, и жители монастыря, сопровождая богомольцевъ, до того привыкли карабкаться по скаламъ, что имъ совершенно ни по чемъ соединенныя съ этимъ восхожденіемъ опасности. Когда я спрашивалъ потомъ игумена, зачѣмъ онъ не устроитъ мѣстами какихъ-нибудь перилъ или лѣстницы, чтобы сдѣлать восхожденіе болѣе удобнымъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что это дѣло лишнее, потому что самъ Богъ хранить путешественниковъ, и еще не было примѣра, чтобы кто-нибудь сорвался. Убѣжденіе въ богоугодномъ смыслѣ восхожденія на Златоверхъ сильно укоренено въ окрестныхъ жителяхъ. Есть даже обычай качать, для счастья, дѣтей на зыблющемся камнѣ, и женщины всходятъ сюда съ грудными младенцами на рукахъ. Большею частію, по достиженіи вершины, когда приходится предпринимать обратное путешествіе, съ ними дѣлается дурно, и въ этомъ случаѣ ихъ обыкновенно привязываютъ къ длинной веревкѣ, и спускаютъ какъ тюки въ парходный трюмъ.

А. ХИТРОВО.

ДА ИЛИ НѢТЬ¹

ПОВѢСТЬ.

VII.

Какъ то разъ Юрій Николаевичъ пріѣхалъ въ Крутыя Горки и засталъ тамъ кучу гостей: толстую помѣщицу съ мужемъ и четырьмя барышнями, изъ которыхъ двѣ были давненько на выданьи, и до смерти хотѣли выйдти замужъ.

Нина придумывала разныя средства, чтобы занять гостей; разложила передъ ними альбомы съ видами Италіи, Швейцаріи; показывала имъ разныя вывезенныя изъ-за границы вещички. Но какъ ни напрягала она свой умъ, чтобы быть разговорчивою и любезною, на ея хорошенькомъ личикѣ крупными буквами было написано: „я скучаю“.

Радомскій потихоньку подтрунивалъ надъ нею и безбожно кокетничалъ съ барышнями. Анна Семеновна, какъ вполне свѣтская дама, была со всѣми мила, и можно было подумать, что она очень рада видѣть у себя все это общество.

¹ Окончаніе См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

Послѣ обѣда, Нина предложила гостямъ прогулку, въ продолженіе которой Радомскій успѣлъ окончательно очаровать, а можетъ быть даже и влюбить въ себя обѣихъ барышень. Когда наконецъ всѣ живописные points de vue были осмотрѣны, катанье въ лодкѣ по пруду окончено, Нина истощила всѣ запасы любезности и уже начинала приходиться въ рѣшительное отчаяніе, не зная что предпринять. Но къ ея счастью, гости, какъ будто чувствуя, что имъ ничего не оставалось болѣе осматривать изъ домашнихъ и заграничныхъ рѣдкостей, распрощались и уѣхали, обѣщаясь какъ можно скорѣе опять навѣстить любезныхъ хозяекъ.

— Уфъ! наконецъ-то! простонала Нина, когда допотопныя колымаги скрылись изъ виду.

— Ахъ, Нина! сказала Анна Семеновна: — ты рѣшительно не умѣешь преодолѣть себя. На что это похоже? Дѣвушка твоихъ лѣтъ, привыкшая жить въ свѣтѣ, не умѣешь занять гостей!

— Развѣ Антонина Александровна не была любезна? вступился за нее Радомскій.—Я право удивлялся ея изобрѣтательности. Посмотрите, сколько вещей она принесла. Я ожидалъ, что скоро дойдетъ дѣло до хрустала и фарфора. А разговоры! Увѣряю васъ, откуда все бралось! И моды, и Парижъ, и Лондонъ, и театръ, и горы Швейцаріи. Только она немного забыла географію, и случилось, что Mont Blanc попадалъ въ Неаполь, а Везувій пламенѣлъ въ Лондонѣ.

— Какой вздоръ! Не вѣрьте ему, татап, отозвалась Нина, лѣживо отдыхая на диванѣ отъ перенесенныхъ трудовъ.

— Нѣтъ, я очень вѣрю, отъ тебя всего можно ожидать. Ты, я сама видѣла, все время зѣвала.

— Это тоже для довершенія любезностей, сказалъ Радомскій:—впрочемъ, почему же и не зѣвнуть, когда можно такою хорошенькою ручкой прикрыть ротикъ.

— Фать! съ досадою проговорила Нина.

— Я рѣшительно не понимаю, продолжала между тѣмъ ворчать Анна Семеновна:—какъ ты не умѣешь заставить себя быть любезною.

— Это слушкъомъ мудреная наука, татап; я вамъ всегда удивляюсь какъ вы можете дѣлать *bonne mine à mauvais jeu*. Вѣдь, согласитесь, и вамъ было скучно.

— Напротивъ, иногда очень пріятно видѣть разнаго рода людей. Вотъ и Юрій Николаичъ былъ же любезенъ съ вами.

— Юрій шалилъ и кокетничалъ.

— Мнѣ было превесело, и я готовъ цѣлый день наблюдать и восхищаться, какъ Антонина Александровна занимаетъ гостей.

— Вы несносны! проворчала Нина.

— Какая же вы сердитая! это страшно. Вѣдь я не принадлежу къ роду Сусликовыхъ, за что же вы на меня гнѣваетесь? сказалъ Радомскій, сядясь подлѣ нея на диванъ.

— И какъ это люди могутъ жить такъ скучно, заговорила опять Нина, не обращая вниманія на Юрія Николаевича.

— Чѣмъ же скучно? возразила Анна Семеновна:—они живутъ гораздо веселѣе нашего. Зимой собираются, танцуютъ, лѣтомъ затѣваютъ гулянья, ѣздятъ гостить другъ къ другу. Мало ли у нихъ удовольствій!

— Еслибы мнѣ предложили такую жизнь, я скорѣе согласилась бы сейчасъ же умереть, возразила Нина.

— Для чего же умирать? Еще какъ бы свыклись, и остались довольны, подхватилъ Радомскій.

— Никогда! воскликнула Нина.—Маменьки только хлопочутъ о томъ чтобы приготовить дочкамъ приданое и сбыть ихъ съ рукъ, дочки въ свою очередь думаютъ только о томъ чтобы найдти жениховъ. Всѣ ихъ гулянья, танцы, не что иное какъ охота на жениховъ; и когда, наконецъ, онѣ выйдутъ замужъ, то слушаютъ пискотню дѣтей, возятся съ няньками, мамками; заботятся, чтобы мужья и дѣти ихъ были сыто накормлены. Что жь, по вашему, это жизнь?

— Почему же и не жизнь? У нихъ есть своя цѣль, отвѣчалъ Радомскій.—Между ними есть женщины очень хорошия, хотя бѣольшая часть изъ нихъ носятъ съ собою запахъ кухни, но это не мѣшаетъ все-таки имѣть свою цѣль въ жизни; часто цѣль эта довольно мелочна, впрочемъ, смотря... будутъ онѣ развитѣе и цѣль у нихъ будетъ возвышеннѣе.

— Однако, съ этою убійственной прозой жизни!

— Что называете вы прозой жизни? спросилъ Радомскій.

— Я называю прозою жизни эту будничную обстановку съ ея грязными мелочами, скучными подробностями, ссорами, дразгами, свадьбами, крестинами, солеными грибами, огурцами, и пр.

— Спорьте и разсуждайте, сказала Анна Семеновна.—Я желаю вамъ, Юрій Николаичъ, успѣха; защитите нашихъ добрыхъ сосѣдей.

Съ этими словами Анна Семеновна вышла въ садъ осматривать свои цвѣтники.

— Итакъ, продолжалъ Радомскій,—вамъ не нравится жизнь Сусликовыхъ, вы ее называете прозой, но я опять повторяю, что она имѣетъ цѣль.

— Какую?

— Жить, ѣсть, пить, хозяйничать, богатѣть, если возможно; воспитывать дѣтей, и сдѣлать ихъ порядочными людьми; иногда даже очень порядочными. Развѣ все это не цѣль, и цѣль не похвальная?

— Благодарю за такую цѣль, съ презрительною миной отвѣчала она.

— Вамъ эта цѣль не нравится? Но скажите мнѣ, Нина, какая у васъ цѣль?

— У меня, у меня?..—Она замолчала.

— Вы не хотите отвѣчать мнѣ на мой вопросъ, то-есть не хотите мнѣ сказать въ чемъ цѣль вашей жизни; но вѣдь у васъ она есть.

— Разумѣется. Но такой цѣли жизни, такой безцвѣтной жизни я не понимаю.

— А какая же ваша цѣль, Нина, для которой бы вы хотѣли жить?

Радомскій остановился и ждалъ отвѣта. Нина молчала, и казалось разсматривала цвѣтокъ, который держала въ рукахъ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, Нина, съ тою откровенностію, съ которою я привыкъ съ вами говорить, что у васъ нѣтъ цѣли; если и есть, то вы ее не сознали еще, да и узнаете ли? А жить безъ цѣли, безъ дѣла, *au jour le jour*, это не жить. Многие, къ несчастію, живутъ не живя, а такая жизнь ужасна. И вы, Нина, хотите жить этою жизнью, боясь будничной жизни. Позвольте высказать все, позвольте мнѣ какъ другу вашего дѣтства, если вы не хотите дать мнѣ другаго названія. Позволяете?

— Говорите.

— Вы боитесь взглянуть на дѣйствительность. Вы всѣ ваши надежды возложили на случайность. Пусть будетъ какъ будетъ, подождемъ, говорите вы постоянно; это вашъ девизъ. Вы боитесь на что-нибудь рѣшиться, вы всего ожидаете отъ обстоятельствъ. Вы не имѣете въ себѣ источника живой дѣятельности, боясь встрѣтиться съ прозою жизни, какъ вы выражаетесь. Вы бы хотѣли себѣ счастья, хотѣли бы дать

его и другимъ, но безъ вашей воли, а такъ, чтобъ оно пришло само. Вы глядите въ туманную даль, и боитесь, чтобы туманъ какъ-нибудь не разсыпался, и передъ вами не явилась бы эта пугающая васъ дѣйствительность. До сихъ поръ вы не жили, Нина; вы только мечтали и разсуждали о жизни. Вы сами не знаете, что вы такое, что вамъ надо, и чего не надо. Вы живете не на землѣ, а на облакахъ, и вамъ страшно спуститься, хоть одною ногой, на землю. Вамъ кажется, что вы любите человечество, но вы любите его, смотря на него съ облаковъ; толпу вы презираете, вы ее боитесь, хотя вы увѣрены, что вы ее любите. Положимъ, что и любите, но такъ, чтобы вамъ не видѣть ее, и тѣмъ болѣе не прикасаться къ ней, чтобы прикосновеніе не замарало вашей изящной одежды, вашихъ нѣжныхъ рукъ.

— Вы обо мнѣ прекраснаго мнѣнія, и я удивляюсь, какъ вы послѣ этого можете любить меня.

— Потому-то и люблю, что знаю васъ, милая Нина, сказалъ Радомскій, взявъ руку дѣвушки.—Изъ васъ можетъ выйдти чудная женщина, если вы захотите ясно взглянуть на дѣйствительность, если захотите жить, а не мечтать.

— Но, по вашему, я ничего и никого не люблю? У меня нѣтъ сердца!

— У васъ чудесное сердце, но заковано въ разсужденія.

— Продолжайте, продолжайте! Я хочу вполне себя знать.

— Хорошо. Я продолжаю. Скажите мнѣ, что вы любите и кого вы любите? Вы любите вашу маман; вы будете не спать ночь, если она заболѣетъ. Но вы знаете, что самое пламенное желаніе вашей матери—выдать васъ за меня. Однако вы не исполняете этого желанія.

— *Nous y voilà!* проговорила Нина, смѣясь.

— *Nous y voilà,* повторилъ Юрій Николаевичъ.—Но позвольте продолжать. Вы любите меня, вамъ больно видѣть, что я страдаю, вамъ даже больно, когда я бываю грустенъ. Но вы все-таки не рѣшаетесь дать мнѣ счастья. Вы любите людей, но не любите сталкиваться съ ними. Вы любите помогать страждущимъ, но издали. Вы будете скорбѣть душою, видя страданія; но въ дурную погоду побоитесь поѣхать навѣстить больного, не оттого что вамъ страшно простудиться, нѣтъ, вы объ этомъ не подумаете, но вамъ непріятно ѣздить въ дурную погоду. Увидя избитаго, израненаго бѣдняка, вы придете

въ отчаяніе, въ негодованіе, въ ужасъ, но не рѣшитесь съѣсть на его грязную постель, перевязать и обмыть его раны, стереть кровавый потъ съ его изуродованнаго лица. Вы поручите сдѣлать это вашей горничной. А то вамъ такъ все и будетъ казаться, что по васъ ползають разнаго рода живыя существа.

— Фи, Радомскій! Ну что вамъ за охота объ этомъ говорить!

— А, то-то, фи! Видите, не правъ ли я? Вамъ даже слышать объ этомъ противно.

— Я, точно, не люблю грязи; но могу преодолѣть себя.

— И даже на стоалько, чтобы не думать, не замѣчать ея, помогая несчастному бѣдняку?

— За это я не могу поручиться, но можетъ-быть хватить рѣшимости и на это.

— Какъ же не хватить у васъ рѣшимости сказать мнѣ: да, или нѣтъ.

— Юрій, я опять скажу, *peus y voilà*.

— Что дѣлать! Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Ахъ Нина, Нина! Теперь-то и надо жить, теперь-то и надо дѣйствовать, *tant que la vie déborde*. А вы, вы только разсуждаете. И къ чему ведутъ всѣ эти разсужденія? Скажите прямо: „Юрій, я люблю тебя, и пусть будетъ что будетъ.“ А вамъ непременно нужно знать, что именно будетъ. Съ вашими размышленіями, Нина, вы разрушите и свое и мое счастье, и когда спохватитесь, будетъ поздно: мы оба будемъ разбиты и ни на что не годны; и вамъ будетъ больно, моя милая Нина. Пошло жить не мысля, скажете вы; но мыслить и не жить, по мнѣ, еще хуже.

Нина молчала; лицо ея стало грустно. Радомскій замѣтилъ это:

— Нина, неужели слова мои могли такъ огорчить васъ? Вѣдь вы знаете, какъ я васъ глубоко и преданно люблю.

— Нѣтъ, вы не огорчили меня, Юрій, но, слушая васъ, мнѣ стало жаль насъ обоихъ.

— Если вамъ жаль насъ обоихъ, то такъ легко поправить бѣду. Нужно сказать только одно слово: да, и мы оба счастливы.

— То-то, что это *да* мнѣ страшно. Какъ только я хочу его выговорить, передо мною встаетъ эта ужасная проза,

о которой вы сейчасъ говорили, и которой я такъ боюсь.... Да, вы правы, правы, другъ мой.

Она встала, положила руку на голову Радомскаго, посмотрѣла на него долгимъ, грустнымъ взглядомъ, и поспѣшно вышла.

Анна Семеновна очень удивилась, найдя Радомскаго одного. Онъ сидѣлъ на диванѣ, склонявъ голову на руки.

— Что съ вами? спросила она его съ испугомъ: — вы такъ грустны?

Радомскій поднялъ голову, глаза его были влажны. Анна Семеновна взяла его за руку.

— Что она вамъ сказала? Вы поссорились?

— Нѣтъ, дорогая Анна Семеновна, мы не ссорились, но я вижу, что она боится и своего и моего счастья. А какъ бы я сумѣлъ сдѣлать ее счастливою!

— Боже мой! Боже мой! проговорила Анна Семеновна. — Хотите, я поговорю съ ней?

— Нѣтъ, это ей будетъ больно; она и такъ страдает. Она меня любитъ, я это вижу, чувствую, но какія-то фантазіи мѣшаютъ нашему счастью.

Радомскій, совершенно разстроенный, вернулся домой.

Анна Семеновна любила Юрія Николаевича какъ роднаго. Она знала его доброту и прямой характеръ; знала, какъ давно онъ любитъ ея дочь; кромѣ того, по ея понятіямъ, Юрій Николаевичъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ приличный женихъ для Нины: богатъ, хорошъ собой, образованъ, старинной фамиліи. Нервѣзительность Нины мучила ее до болѣзни. Ее также беспокоило и то что стануть говорить о частыхъ посѣщеніяхъ Радомскаго, о его долгихъ прогулкахъ вдвоемъ съ Ниной. Прекратить же этого она не могла, вопервыхъ, потому что все еще надѣялась; а вовторыхъ, ей жалъ было огорчить Радомскаго. Сколько она ни уговаривала, ни умоляла, ни бранила Нину, ничто не помогало. Нина была воспитана въ полной свободѣ, и уже давно привыкла жить своимъ умомъ; и бѣдной Аннѣ Семеновнѣ приходилось, скрѣпя сердце, молчать и ждать.

VIII.

Дарью Андреевну не на шутку тревожила пережвѣна, которую она замѣчала въ племянникѣ. Юрій Николаевичъ то былъ безмѣрно веселъ, то грустенъ и молчаливъ до того что отъ него трудно было добиться слова, и онъ по цѣлымъ часамъ бродилъ по лѣсу, покуря голову, или лежалъ на диванѣ безъ всякаго занятія, съ заложеными за голову руками.

Одинъ разъ случилось, что Радомскій вышелъ изъ мастерской, не задернувъ занавѣски на портретъ Нины. Дарья Андреевна воспользовалась его отсутствіемъ, вошла въ мастерскую, начала прибирать, и вдругъ съ удивленіемъ осталась передъ портретомъ.

— Ахъ, отецъ мой! словно живая сидитъ, проговорила старуха, всматриваясь въ картину:—когда это онъ успѣлъ написать-то ее? Видно Анна Семеновна просила, или это онъ такъ, по своей охотѣ.

Дарья Андреевна довольно долго любовалась прекрасною картиной; но вошелъ Радомскій. Сначала онъ съ досадою спросилъ тетку:

— Чтò вы тутъ дѣлаете, тетущка?

Но подойдя поближе и замѣтивъ удовольствіе на лицѣ старухи, сказалъ ей уже съ улыбкой:

— Правда, хороша?

— Красавица! Ты не сердись, прибавила старушка,—что я хожу къ тебѣ, надо же у тебя прибрать; не людей же сюда пускать, еще испортятъ что-нибудь, а я тихонько. Когда ты чтò пишешь, да закрываешь, я уже никогда не подниму занавѣски; а чтò открыто, такъ не грѣхъ и посмотреть.

Юрій Николаевичъ обнялъ тетку.

— Вы моя добрая, дорогая тетущка; вы, какъ нѣжная мать, любите и балуете меня. Я этого не стою.

— Какъ не стоишь, голубчикъ! И гдѣ же ужь я такъ нѣжу тебя? Посмотри-ка какъ ты похудѣлъ. Еслибъ я больше нѣжила, да меньше ворчала, ты бы, можетъ-быть, здоровѣе былъ.

— Милая тетущка! Еслибъ отъ васъ зависѣло, я бы разжирѣлъ, какъ нашъ сосѣдъ Кирилъ Кирилычъ.

— Да что же съ тобою? Ужь не горе ли какое? Я это только такъ спрашиваю; не хочешь, не говори. Ты не малолѣтокъ, чтобы все, какъ бывало, старой теткѣ болтать. Я вѣдь только такъ....—И на глазахъ старухи навернулись слезы.

Радомскій былъ глубоко тронуть нѣжностію тетки. Онъ понялъ, что она видитъ его грусть, но не напрашивается на его довѣренность. Онъ сѣлъ подлѣ нея и, какъ дитя, склонился на грудь старухи.

— Голубчикъ мой, что такое съ тобою?

— Тоска, тетушка, тоска! отвѣчалъ Юрій Николаевичъ, и взглянулъ на портретъ Нины.

— Разогнать надо эту тоску, говорила старуха, глядя червя кудри племянника.

— Нечѣмъ, тетушка.

— Быть-можетъ ты скучаешь здѣсь? Можетъ тебѣ опять хотѣлось бы ѣхать куда-нибудь? Повзжай съ Богомъ, голубчикъ мой; деньги есть, ты ужь ни о чемъ не заботься; я скучать не буду, лишь бы тебѣ хорошо было.

— Никуда я, тетушка, не хочу, отвѣчалъ Радомскій и остановился предъ портретомъ Нины.

— Ахъ тетушка, какъ она хороша! проговорилъ онъ.

Радостная мысль блеснула въ умѣ Дарьи Андреевны: что, еслибъ ея Юря женился? Онъ бы, вѣроятно, пересталъ тогда тосковать, и ужь не покидалъ бы Проселокъ. Она сказала:

— А что, голубчикъ! Еслибы ты женился? Вотъ вѣдь барышня, точно, красавица, и умная, воспитанная какая, и богатая: чѣмъ тебѣ не пара? Къ тому же, ты ее съ малыхъ лѣтъ знаешь.

— Милая тетушка! Вы только теперь подумали объ этомъ? А я ужь нѣсколько лѣтъ объ этомъ думаю.

— За чѣмъ же дѣло стало? Женись. Лучшаго жениха, какъ ты, во всемъ свѣтѣ не найдетъ Антонина Александровна. И молодецъ, и красивъ, и добрый, и съ состояніемъ. Если ты самъ боишься, или тебѣ не ловко, изволь, я свахой буду. Хоть сегодня же поѣду: еще не поздно.

Радомскій печально улыбнулся и сѣлъ подлѣ тетки.

— Нѣтъ, тетушка, вамъ незначѣмъ ѣздить, я и самъ, можетъ, ужь слишкомъ часто туда ѣзжу.

— Отчего же слишкомъ часто? Это-то и хорошо.

— Иногда хорошо, а иногда и очень худо.

При этихъ словахъ Радомскій склонилъ голову на грудь старухи. Оба они молчали.

Дарья Андреевна рѣшительно недоумѣвала отчего тоскуетъ ея племянникъ. Вдругъ Радомскій зарыдалъ; сердце его слышкомъ наболѣло.

— Батюшка ты мой! Голубчикъ, родимый мой, что съ тобою? Христось да утѣшить тебя, приговаривала старушка, не замѣчая, что и по ея загорѣаому лицу текутъ слезы, и падаютъ на голову любимца ея души.

— Дайте мнѣ поплакать, тетушка. На вашей материнской груди мнѣ не стыдно плакать, говорилъ Юрій Николаевичъ.

— Плачь, плачь, сокровище мое; лишь бы слезы облегчили твое сердце.

Слезы точно облегчили Юрія Николаевича, онъ поднялъ голову и улыбнулся. Еслибы Нина могла видѣть его въ эту минуту, неужели она и теперь не произнесла бы столь желаннаго *да?*

— Что же, голубчикъ мой, спросила Дарья Андреевна, видя что племянникъ улыбается:—зачѣмъ ты не хочешь, чтобъ я ѣхала въ Крутыя Горки и поговорила съ Анной Семеновной? Тутъ вѣдь ничего худаго нѣтъ; я не чужая тебѣ.

— Ужъ не первый годъ я самъ предлагаю себя въ женихи, да меня не хотятъ, отвѣчалъ Радомскій.

Дарья Андреевна вскочила, хотѣла что-то сказать, но отъ удивленія, что могутъ отвергать ея Юрю, не сейчасъ нашлась что сказать, и стояла съ открытымъ ртомъ.

— Какъ же это? наконецъ проговорила она.—Чѣмъ же ты не хороше?

— Не находятъ, видно, такимъ хорошимъ какъ вы, милая тетушка, улыбаясь сказалъ Юрій Николаевичъ.

— Кого же еще надо этой барышнѣ? Принца или короля какого? За кого прочить Анна Семеновна свою дочку, ужъ не за султана ли турецкаго?—И Дарья Андреевна съ горечью заомѣялась.

— Нѣтъ, Анна Семеновна тутъ не виновата, она меня любить и очень бы желала породниться съ вами, тетушка. Но Antonina Александровна!...—Юрій Николаевичъ не договорилъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Antoninъ Александровъ не угодно? Вотъ что! Чѣмъ же это она гордится, чѣмъ ты ей не годишься, чѣмъ ты хуже ея?

— Не сердитесь на все, тетюшка, никакого ей короля не надо. Она и сама, бѣдная, не знаетъ что ей надо, оттого и страдаетъ сама. Радомскій замолчалъ прошелся по комнатѣ и прибавилъ:—Она вѣдь любить меня, тетюшка; только жеюю мою быть не рѣшается. Но можетъ-быть... Кто знаетъ! Можетъ она еще рѣшится. Оставимъ это пока, тетюшка. Пождемъ.

Радомскій поцѣловалъ руку тетки и вышелъ изъ комнаты.

Дарья Андреевна еще долго стояла въ мастерской, грозно смотря на портретъ Антонины Александровны, и что-то сердито ворчала сквозь зубы.

Съ этого дня, входя въ мастерскую, она всегда поворачивалась спиною къ портрету Нины, приговаривая: „Вишь ея царское величество! Юри ей не пара!!“

Какъ-то разъ, Дарья Андреевна, проводивъ своего племянника къ Арнугинымъ, и постоявъ на крыльцѣ, пока не скрылся изъ виду его экипажъ, взяла метелку, щетку и готовилась идти убирать мастерскую, какъ вбѣжала Манечка.

— Здравствуйте, Дарья Андреевна! сказала дѣвушка, цѣлуя старуху:—я прѣехала къ вамъ на цѣлый день, и если позволите, останусь ночевать. Отецъ въ городъ уѣхалъ. Позволите?

— Очень рада, моя пташка. Кстати, я одна сегодня.

— А гдѣ Юрій Николаичъ?

— Въ Крутыя Горки уѣхалъ. Къ обѣду пригласили, сухо отвѣчала Дарья Андреевна.—Ты поди погуляй пока въ саду, или на крыльцѣ посиди, прибавила она,—а я пойду, приберу у него въ комнатѣ.

— А вы не позволите мнѣ помочь вамъ? Я буду осторожна; ничего не испорчу.

— Пожалуй, помоги,—и Дарья Андреевна, первая войдя въ мастерскую, поспѣшно задернула портретъ Нины. Она не хотѣла, чтобы кто-либо видѣлъ его и, пожалуй, угадалъ бы тайну ея племянника; хотя она считала Манечку еще совершеннымъ ребенкомъ, но не хотѣла, чтобъ и она видѣла то что такъ сильно занимало Юрія Николаевича.

— Вы садьте, душенька, Дарья Андреевна, а я буду одна убирать; вы посмотрите какъ я все аккуратно сдѣлаю, только...—Манечка покраснѣла, подошла къ старухѣ и проговорила застѣнчиво:—Вы пожалуста не говорите Юрію Николаичу, что я убирала у него; онъ можетъ-быть разсердится.

— Ну, зачѣмъ же ему сердиться? Онъ знаетъ какая ты добрая дѣвочка, онъ не церемонится съ тобою. Впрочемъ, какъ хочешь, пожалуй не скажу; но убирать съ тобой буду. Ты глупа, не скоро справишься, да и до полокъ не доберешься, онъ высоки.

Уборка мастерской еще не совсѣмъ была окончена, какъ Дарью Андреевну вызвали по хозяйству.

— Ну, смотри же, Манечка, я пойду, сказала старуха,—а ты кончай скорѣе, да ничего не урони, не пережѣмай, не разсматривай, Юрій этого не любитъ, а я сейчасъ вернусь.

Оставшись одна, Манечка оглянулась во всѣ стороны, подошла къ кровати, поцѣловала подушку, одѣяло, книгу раскрытую на столѣ; она готова была перецѣловать всѣ вещи, къ которымъ прикасалась рука Юрія Николаевича. Завѣшенная картина возбуждала любопытство Манечки; она вспомнила, что когда она была здѣсь съ отцомъ, картина эта была тоже завѣшена. „Онъ вѣрно надъ нею работаетъ и закрываетъ, чтобы не пылилась,“ подумала она и осторожно приподняла тафту.

Бѣдная Манечка едва не вскрикнула отъ удивленія, при видѣ портрета Антонины Александровны; это удивленіе болѣзненно отозвалось въ ея сердцѣ, и она сама не поняла отчего. Ее не поражадо ни необыкновенное сходство, ни живость красокъ, ни прекрасная отдѣлка; ее поразило только то, что портретъ этотъ, какъ видно давно оконченный, потому что была начата другая картина, стоялъ въ мастерской Юрія Николаевича, прямо передъ диваномъ, на которомъ онъ вѣрно часто сидитъ.

Манечка долго стояла, не спуская глазъ съ полотна. Лицо ея было встревожено, глаза наполнились слезами. „Онъ вѣрно любитъ ее, подумала она, но отчего же онъ бываетъ такъ часто грустенъ? Вѣдь онъ можетъ видѣть ее часто, можетъ жениться на ней.“ Что его не любятъ, этого не могло и въ голову придти бѣдной дѣвочкѣ. Ей казалось, что не любить Радомскаго, было не возможно. Весь свѣтъ долженъ былъ любить его, удивляться ему, какъ она ему удивлялась.

Шаги Дарьи Андреевны заставили Манечку быстро задернуть тафту, и отскочить въ другой конецъ комнаты.

— Что же, ты еще не кончила? спросила Дарья Андреевна.

— Вотъ, сію минуту, отвѣчала Манечка, торопливо становя на мѣсто вещи на столѣ.

Послѣ уборки комнаты, Манечка, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія Радомскаго. Всякій стукъ бросалъ ее въ жаръ. Она надѣялась, увидя его, разгадать любить ли онъ Нину или нѣтъ, а главное, почему онъ бываетъ такъ часто грустенъ.

Юрій Николаевичъ вернулся поздно. Онъ былъ веселъ, обрадовался Манечкѣ, много шутилъ съ ней. Ложась спать, Манечка думала: „Онъ непременно ее любитъ и веселъ потому что провелъ съ нею цѣлый день, какъ мнѣ всегда бываетъ весело въ тотъ день, когда онъ приходитъ въ Грачовку. Но отчего же бываетъ онъ грустенъ?“

Манечка никакъ не могла этого понять. Въ ея сердце никогда не закрадывалось ни малѣйшей надежды на взаимную любовь; подобная мысль, подобное желаніе, и въ голову ей не приходили. Она сознала, что любить сама; тосковала, не видя его; страшилась думать о томъ, что онъ можетъ опять оставить Проселки и что она никогда не увидитъ его, не услышитъ его голоса, который былъ для нея небесною музыкой, такъ что она слышала его и во снѣ. Она жила лишь мыслию о немъ, припоминала всѣ его слова, выраженіе лица, малѣйшія жесты его.

Когда она видѣла его, она чувствовала себя такою счастливою, что ей казалось счастливѣе и быть не возможно. Любовь ея была сильна, но не требовательна; она походила на поклоненіе.

Радомскій, по ея понятіямъ, стоялъ такъ высоко; въ ея воображеніи онъ былъ окруженъ такимъ ореоломъ совершенства, что она готова была ему молиться. Еслибы бѣдной дѣвочкѣ и пришло на мысль, что Юрій Николаевичъ могъ полюбить ее, она бы вознегодовала на себя за эту дерзкую мысль. Ей казалось, что женщина, которую онъ любить, должна быть чѣмъ-то особеннымъ,—красоты небесной, съ голосомъ ангельскимъ,—и она не только не ревновала бы его къ этой женщинѣ (да Манечка и не понимала, что такое ревность), но даже благословляла бы ее. Мысль, что Радомскій любитъ Нину, сильно потрясла все ея существо, и бодръвенно отозвалась въ ея душѣ. Нина, которую она знаетъ, съ которою она говорила, казалась ей недостойною того, кому она сама поклонялась. Она отгадывала эту мысль, какъ что-то невозможное, совершенно невѣроятное. Вспоминала

Нину на портретѣ, она находила ее прекрасною; но Нина дѣйствительная, съ пассивнымъ выраженіемъ лица, съ благосклонною улыбкой при разговорѣ съ простою дѣвочкой, была, по мнѣнію Манечки, гораздо ниже Радомскаго, и никакъ не могла быть имъ любима.

Манечка, во что бы то ни стало, хотѣла узнать истину. Она не спала всю ночь и никогда не было ей такъ больно, такъ тяжело, какъ теперь. Отчего? Она не понимала.

Утромъ, только что поднялась Дарья Андреевна и ушла на свои работы, поднялась и Манечка. На цыпочкахъ вошла она въ залу, боясь разбудить Юрія Николаевича, хотя его комната была довольно далеко отъ залы. Ей хотѣлось пробраться въ садъ; но каково было ея удивленіе, когда на крыльцѣ она увидѣла Радомскаго. Завернувшись въ широкій плащъ, онъ спалъ на своемъ любимомъ диванѣ.

Манечка не знала идти ли ей далѣе или вернуться назадъ. Она остановилась и невольно засмотрѣлась на его прекрасное лицо, на его нѣжныя руки, на шелковистыя кудри. Какъ хотѣлось ей тихонько прикоснуться къ его рукѣ, закинутой за голову!—но она боялась разбудить его. И долго бы простояла тутъ влюбленная дѣвочка, еслибы Радомскій не пошевелился. Она поспѣшно спряталась за дверь, и на цыпочкахъ вернулась въ комнату Дарьи Андреевны.

За чаемъ, когда пришелъ Юрій Николаевичъ, Дарья Андреевна сказала ему:

— Что это, Юря, ты спишь на открытомъ воздухѣ? Вѣдь передъ разсвѣтомъ довольно свѣжо, долго ли простудиться!

— А вы какъ знаете, тетушка? спросилъ Радомскій, смѣясь.

— Еще бы я не знала! Встала, вышла на крыльцо и увидѣла тебя. Вотъ, старшій сынъ Василевыхъ, какъ былъ здѣсь прошлымъ лѣтомъ, вздумалъ разъ ночевать въ саду, жарко было въ комнатѣ; такъ такую горячку схватилъ, чуть не умеръ.

— Я заснулъ тамъ случайно. Мнѣ что-то не спалось, видно тоже жарко было, я передъ свѣтомъ вышелъ посидѣть на крыльцѣ, меня склонило ко сну, и я пресладко проспалъ, пока солнышко не заглянуло мнѣ въ лицо.

Дарья Андреевна покачала головой. „Онъ и ночью не спитъ“, подумала она.

То же самое подумала и Манечка.

— А вы хорошо спали? спросилъ Радомскій, ласково по-смотрявъ на дѣвушку.

— Благодарю васъ.

— Вы вѣрно всегда хорошо спите, счастливица! Въ ваши годы я тоже хорошо спалъ, а теперь вѣрно стариться начинаю, что бессоница мучить.

— Такъ вы часто дурно спите? рѣшилась спросить Манечка.

— Случается, и всегда здюсь на себя за это. Сонъ такая чудесная вещь! Не такъ ли, Манечка?

— Вы вчера были у Арнудиныхъ? опять спросила Манечка, сама пугаясь своего вопроса.—Антонина Александровна здорова?

— Здорова. Она вчера говорила о васъ, и просила вамъ кланяться.

Манечка не отвѣчала на это.

— Отчего вы никогда не бываете у нея? продолжалъ Юрій Николаевичъ.—Знаете что, Манечка? Пріѣзжайте на дняхъ съ Егоромъ Евстафьичемъ въ Крутыя Горки, и я пріѣду; поѣдемъ кататься на лодкѣ, я самъ буду грѣсть. Вѣдь вы вѣрно любите кататься на лодкѣ?

— Люблю.

— Ну, вотъ видите! Уговорите же своего папашу; онъ вѣдь васъ слушается.

— Я его попрошу. Только когда?

— Хоть въ субботу. Въ воскресенье въ Крутыхъ Горкахъ бываютъ гости, это скучно; а вотъ въ субботу. Антонина Александровна спрашивала, когда вы выйдете, Манечка, замужъ.

— Я? спросила дѣвочка съ удивленіемъ.

— Да, вы, отвѣчалъ Радомскій улыбаясь.

— Я никогда не выйду замужъ, отвѣчала нахмурившись Манечка.

— Значить, останетесь старою дѣвой.

— Нѣтъ, ни дѣвой старой не останусь, ни замужъ не выйду.

— Въ монастырь поѣдете; но это еще хуже чѣмъ быть старою дѣвой.

— Нѣтъ,—и въ монастырь не пойду, но я не буду долго жить, не доживу до старости и потому не буду сухаремъ.

— Господь съ тобою! проговорила Дарья Андреевна:—съ чего это ты вздумала о смерти говорить? Стыдно, голубчикъ

Съ этими словами Дарья Андреевна вышла изъ комнаты.

— Почему это вы, Манечка, вздумали умирать? спросилъ Радомскій, на котораго произвела тяжелое впечатлѣніе мысль о смерти милой дѣвушки, къ которой онъ привязывался какъ къ родной сестрѣ.

— Я не вздумала умирать, но мнѣ кажется, что я не доживу до старости и умру молодой.—Она остановилась, какъ бы раздумывая и потомъ прибавила:—Зачѣмъ же мнѣ будетъ жить, когда не станетъ моего отца? Для кого? У меня вѣдь никого больше нѣтъ.

— Но у васъ будетъ мужъ, будутъ дѣти.

Манечка улыбнулась, и покачала головой.

„Вотъ странная дѣвочка, подумалъ Радомскій, ужь не у Нины ли она научилась бояться замужства.“

— Такъ вы рѣшительно не хотите замужъ? опять спросилъ Радомскій.

— Нѣтъ.

— А если полюбите?

— Вѣдь вы говорили, чтобъ я никого не любила.

— Да, потому что любовь, если она не взаимна, даетъ много горя; но если она взаимна, то она можетъ дать много счастья.

Манечка молчала и думала: „Отчего же онъ бываетъ такъ часто грустенъ?“

— Такъ какъ же, Манечка? допытывался Радомскій.—Я васъ напугалъ любовью, и потому вы не хотите выходить замужъ?

— Нѣтъ, не потому. Вы меня совсѣмъ не напугали.

— Ну, а если бы вы полюбили крѣпко, крѣпко, и тогда бы не вышли?

Манечка обдумала свой отвѣтъ, и сказала:

— Еслибы меня такъ полюбили какъ бы полюбила я, тогда бы вышла.

— Ага! вотъ такъ хорошо. Вы умница. Не думайте же о смерти. А то мнѣ стало грустно. Вѣдь я васъ люблю, моя маленькая сестрица.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду думать о смерти, съ живостью проговорила Манечка:—ради Бога, Юрій Николаичъ, чтобъ изъ-за меня вамъ не было грустно. Вы и такъ часто бываете не веселы.

— Что же дѣлать! За то вы умѣете всегда меня разве-
селить.

— И я этимъ бываю такъ счастлива, пробормотала дѣ-
вушка.

Радомскій съ чувствомъ пожалъ ей руку.

IX.

Въ слѣдующую субботу, Манечка съ отцомъ отправилась къ Арнугинымъ. Анна Семеновна была одна на террасѣ. Она, съ своею обыкновенною любезностью приняла гостей и просила Манечку посидѣть съ нею, пока ея дочь придетъ изъ сада, куда она пошла походить съ Юріемъ Николаевичемъ. Долго Манечкѣ пришлось дожидаться молодой хозяйки, наконецъ послышались голоса, и Анна Семеновна сказала:

— Вотъ они идутъ. Подите къ нимъ, Манечка. Они, кажется, вонъ тамъ, въ той аллеѣ.

Манечка повиновалась, спустилась съ террасы и пошла очень тихо къ указанному мѣсту. Сначала голоса все приближались, но потомъ гуляющіе остановились, и Манечка, сквозь кусты, увидѣла Нину и Юрія Николаевича. Оба они стояли къ ней спиной и живо разговаривали. Манечка не могла понять ихъ: хотя они говорили громко, но по-французски. Если она не могла понимать, то могла видѣть и смотрѣла во всѣ глаза. Радомскій взялъ обѣ руки Нины, смотрѣлъ ей въ лицо, и говорилъ такимъ голосомъ, какого Манечка еще никогда не слышала. И какъ ни нѣженъ, какъ ни мелодиченъ былъ этотъ голосъ, но онъ отзывался острою болью въ сердцѣ дѣвушки. Нина отворачивалась, улыбалась, качала головой и вдругъ вырвавъ свои руки, сказала по-русски: „Вы поэтъ, въ васъ говорить воображеніе,“ и побѣжала къ дому. Радомскій постоялъ немного и также пошелъ за ней. Манечка боялась, чтобы не подумали, что она подслушивала, и потому, проскользнувъ черезъ кусты, остановилась у цвѣтника. Юрій Николаевичъ увидалъ ее, весело подошелъ и ласково ее приветствовалъ; но дѣвушка сейчасъ замѣтила, что голосъ его звучалъ совсѣмъ не такъ нѣжно, какъ за минуту передъ тѣмъ.

— Вотъ умница, что сдержали слово, сказалъ Радомскій:— мы поѣдемъ кататься въ лодкѣ; будетъ превесело.

Нина тоже подошла къ маленькой гостьѣ, поцѣловала ее,

упрекнула, впрочемъ довольно холодно, что она такъ давно не была у нихъ и повела ее обратно на террасу. Манечка внимательно всматривалась въ Антонину Александровну, и хотя ей и казалось, что еще никогда не видѣла она ее такою прекрасною какъ теперь, въ воздушномъ розовомъ платьѣ, съ бѣлою розой въ блестящихъ черныхъ волосахъ, но, по мнѣнiю Манечки, она все-таки не была достойна любви Юрiя Николаевича.

Сейчасъ же завели рѣчь о катаньѣ въ лодкѣ. Анна Семеновна настаивала, чтобы взяли гребцовъ, или по крайней мѣрѣ челоуѣка, для большей безопасности; но Юрiй Николаевичъ бралъ всю отвѣтственность на себя, и молодые люди отправились втроемъ.

Нина взялась управлять рулемъ, Манечка, какъ запуганная птичка, сѣла немного поодаль отъ нея. Радомскiй, посадивъ дамъ, взялъ весла и оттолкнулъ лодку далеко отъ берега.

— Вы давеча сказали, Антонина Александровна, что у меня очень пылкое воображенiе; вы справедливы: я вообразилъ себѣ теперь, что вмѣсто пруда, это безбрежный океанъ, лодочка представляется мнѣ кораблемъ и я спрашиваю васъ, беретесь ли вы быть моимъ кормчимъ, согласны ли вы управлять кормиломъ?..

— То-есть рулемъ, перебила Нина.— Ваше воображенiе заставляетъ васъ выражаться слiшкомъ высокимъ слогомъ; нынче это не въ модѣ.

— Я вдохновляю и не обращаю вниманiе на моду, желаю только быть понятымъ.

— Я очень понимаю, и видите, держу руль и ожидаю, чтобы вы скорѣе принялись за весла.

Радомскiй все не садился, игралъ веслами, и отъ его быстрыхъ движенiй маленькая лодочка сильно качалась на водѣ.

— Вы хотите, кажется, опрокинуть лодку. Мы упадемъ въ воду и увлечемъ за собою Манечку.

Радомскiй быстро сѣлъ, сдѣлался серiозенъ и проговорилъ, какъ бы про себя:

— Мы увлечемъ за собою Манечку!

Странная мысль промелькнула въ головѣ его; онъ подумалъ: для чего онъ сблизился съ этимъ милымъ ребенкомъ?

Онъ, съ своею безпокойной душою, можетъ ли быть друженъ съ новикною дѣвочкой, едва выходящею изъ дѣтства? Для

чего онъ это дѣлаетъ и не вовлечетъ ли онъ ее въ самое дѣлѣ въ бездну? Душа Юрія Николаевича была до того впечатлительна, что иногда самыя незначущія обстоятельства заставляли его задумываться. Онъ часто вѣрилъ въ сны, въ предчувствія, хотя и самъ потомъ смѣялся надъ этимъ.

— Чтѣ вы сказали? спросила Нина, которая не разслышала его словъ.

— Управляйте вѣрнѣе, прекрасный кормчій, и избѣгайте подводныхъ камней.

— Да, это опасно; ихъ здѣсь такъ много, смѣясь, отвѣчала Нина.

— А вы бы очень испугались, Манечка, еслибъ я опрокинулъ лодку, и мы увлекли бы васъ съ собой? спросилъ Радомскій.

— Нѣтъ. Вѣдь здѣсь мелко и утонуть нельзя.

— Можно утонуть и въ мелкой водѣ. Ну, а еслибы мы плыли въ самомъ дѣлѣ по морю, вамъ было бы очень страшно?

— Не знаю, я никогда нѣ видала моря.

— Я увѣренъ, что вы не испугались бы и на морѣ. Вы очень храбрая дѣвушка. А вы, Антонина Александровна, вы бы не захотѣли плыть со мною въ открытомъ морѣ?

— Опять за то же, возразила Нина:—я поверну къ берегу.

— Такъ вы рѣшительно не хотите?

— Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ. Перестаньте, прошу васъ. *Vous me faites souffrir; taisez vous, je vous prie, et pensez à cette enfant qui nous regarde*, проговорила Нина съ нетерпѣнїемъ.

Радомскій ударилъ веслами, лодка повеслась по пруду, а онъ, глядя на воду, запѣлъ баркаролу.

Нина сначала молчала, на лицѣ ея было замѣтно волненіе, но скоро она овладѣла собою и также начала пѣть.

Манечка все время молчала, играла рукою въ водѣ, стараясь какъ можно менѣе обращать на себя вниманіе. Она понимаетъ, что Радомскій, разговорамъ своимъ и вопросамъ, придаетъ какой-то непонятный для нея смыслъ, которымъ недовольна Антонина Александровна.

Во все время катанья, Юрій Николаевичъ и Нина продолжали пѣть; они пѣли по-италїански.

Манечка замѣтила, что на нѣкоторыхъ словахъ Юрій Николаевичъ дѣлалъ особенныя ударенія, какъ бы продолжая свой загадочный разговоръ. Когда выходили изъ лодки, Радомскій выскочилъ первый, схватилъ Манечку за тальму, и легко поднявъ ее въ воздухъ, поставилъ на землю. Но Нина

не позволила сдѣлать этого съ собою, она вышла сама, едва опираясь на его руку. Манечка замѣтила также, когда шла немного впередъ, что Радомскій, играя длиннымъ поясомъ Нины, прикоснулся къ нему губами. Она уже болѣе не сомнѣвалась въ томъ, что Юрій Николаевичъ любитъ Нину, которая казалась ей теперь еще менѣе достойна его любви чѣмъ прежде. Обращеніе Нины съ Юріемъ Николаевичемъ крайне оскорбляло Манечку, и въ ея кроткой душѣ закипѣла противъ нея почти злоба. Ей и въ голову не пришло обижаться, что ею мало занимались; она и не замѣтила этого; ей было не до самой себя, всѣ чувства свои она сосредоточила на любимомъ человѣкѣ. Ей было больно, грустно за него, и слезы каждую минуту готовы были брызнуть изъ ея глазъ.

Послѣ чаю, Радомскій, видя что Нина мало занимается своею гостьей и что-то особенно разсѣяна, попросилъ ее спѣть съ нимъ дуэтъ. А потомъ Нина долго играла одна любимыя піесы Радомскаго.

Взошла луна, Егоръ Евстафьевичъ началъ собираться домой. Юрій Николаевичъ также поднялся. Простившись съ Анной Семеновной, онъ подошелъ къ Антонинѣ Александровнѣ, вышедшей провожать Манечку и вполголоса сказалъ:

— Видно приходится ставить паруса и отчаливать?

— Нѣтъ, Боже мой, подождите, отвѣчала ему Нина отрывисто.

Х.

Прошло недѣли двѣ послѣ того какъ Годубковы были въ Крутыхъ Горкахъ. Радомскій, въ продолженіе этого времени, ни разу не приходилъ въ Грачовку. Его безпокоили слова, такъ внезапно пришедшія ему на мысль: „мы увлечемъ ее въ бездну.“ Онъ не думалъ, чтобы Манечка могла полюбить его. Она казалась ему еще такимъ ребенкомъ; но онъ боялся, чтобъ его грусть не имѣла на нее вреднаго вліянія. Впрочемъ, онъ и самъ хорошо не разбиралъ, чего онъ боялся. Слишкомъ занятый своими страданіями, онъ мало думалъ о другихъ; но все-таки рѣшился ходить какъ можно рѣже къ Манечкѣ.

Разъ, однакожь, Манечка сидѣла одна въ палисадникѣ.

Егора Евстафьевича не было дома, онъ ушелъ на работы. Дѣвушка прилежно шила, поглядывая на тропинку, по которой такъ часто, бывало, хаживалъ къ нимъ Радомскій.

Было начало сентября. Погода стояла еще теплая, прекрасная; поля и дуга были зелены, и листья еще не думали желтѣть. Вдругъ руки Манечки задрожали. Она бросила работу, вскочила, и ухватившись за рѣшетку, стала смотрѣть въ даль. Она увидѣла, на знакомой тропинкѣ, Юрія Николаевича. Замѣтя Манечку, онъ не крикнулъ ей, какъ бывало: „Здравствуйте, моя маленькая сестрица“. Онъ шелъ тихо, опустя голову.

„Какъ онъ грустенъ!“ подумала Манечка, и подошла къ калиткѣ.

Радомскій протянулъ ей руку, вошелъ въ палисадникъ и сѣлъ на скамью.

Манечка стояла передъ нимъ, и со слезами на глазахъ смотрѣла на него.

— Я пошелъ бродить по лѣсу, набрелъ на вашу тропинку, и пришелъ посидѣть съ вами.

— Я очень рада.

— Скучно, что-то. Хочу опять ухватъ, сказалъ Юрій Николаевичъ.

Манечка поблѣднѣла, слезы закапали изъ ея глазъ. Она подошла къ нему ближе, и взяла его руку.

Радомскій взглянулъ на дѣвушку и замѣтилъ ея слезы.

— Вамъ жаль меня, милое дитя! сказалъ онъ, и какъ добраго, ласковаго ребенка, привлекъ къ себѣ и положилъ свою голову на ея плечо.

Манечка почувствовала сильное волненіе; слезы потекли изъ глазъ ея еще быстрее; она ихъ не замѣчала, она чувствовала себя невыразимо счастливою, въ первый разъ въ жизни, и боялась вздохнуть и пошевелиться, чтобы не ускользнуло отъ нея это счастье. Радомскій нѣсколько минутъ держалъ Манечку такъ близко къ себѣ, а мысли его, можетъ-быть, были далеко отъ нея. Наконецъ онъ поднялъ голову и увидя, что слезы такъ и льются изъ глазъ дѣвушки, проговорилъ:

— Ей точно жаль меня. Милая!—и взявъ обѣими руками ея головку, онъ поцѣловалъ ее нѣжнымъ братскимъ поцѣлуемъ.

— Чѣмъ же я заслужилъ, что вы такъ полюбили меня, дитя дорогое? Вы не знаете, какъ мнѣ хорошо отъ этого. Ну не плачьте же, Божья птичка, скажу я вамъ, какъ моя тетушка.

Вы вѣдь, точно, Божья птичка, такая же маленькая, жилая, невинная.—Радомскій опять привлекъ ее и посадилъ подлѣ себя. Отрите ваши слезки. О чемъ же плачете? Скажите, вамъ жаль, что я уѣду?

— Да, прошептала едва слышно Манечка, и отеревъ слезы, старалась улыбнуться.—Зачѣмъ же вы хотите уѣхать отсюда? спросила она, оправившись.

— Надо будетъ ѣхать, хоть мнѣ бы и не хотѣлось.

— А Дарья Андревна?

— Да, бѣдная тетушка, она меня такъ любить, не знаю только за что?

— Какъ за что?

— Да я только горе ей дѣлаю, когда уѣзжаю, и теперь уѣду, а она бѣдная все будетъ ждать меня.

— И когда же вы вернетесь?

— Богъ знаетъ, можетъ и никогда.

— Но развѣ вамъ такъ нужно ѣхать? пробормотала Манечка, стараясь удержать свои слезы, готовая опять брызнуть изъ глазъ.

— Нужно, милая сестрица.

— Такъ у васъ тамъ дѣла какія-нибудь, или вамъ здѣсь не хорошо?

— Дѣлъ у меня нѣтъ никакихъ, и здѣсь мнѣ хорошо. Да тяжело, Манечка.—Радомскій задумался, и помолчавъ, спросилъ:—Какъ вы думаете, Манечка, что бы вы сдѣлали, еслибы вамъ пришлось кого-нибудь полюбить, да не очень крѣпко, а такъ, немножко, а васъ бы любили такъ крѣпко, что не могли бы жить безъ васъ. Рѣшились ли бы вы выйдти замужъ за этого человѣка?

— Да, я бы вышла за него, мнѣ было бы жаль его. Но вѣдь меня никто бы не полюбилъ такъ крѣпко.

— Кто знаетъ! Смотрите же, моя маленькая сестрица, никогда никого не заставляйте страдать.

Радомскій погладилъ ея волосы, ласково смотря на нее.

— Ну, не будьте же печальны. Неужели мой отъездъ такъ огорчилъ васъ? Это, вѣдь, еще не совсѣмъ вѣрно. Можетъ-быть обстоятельства измѣнятся, и я останусь.

Манечка старалась быть веселой и улыбаться.

— Да вы никому не говорите, что я собираюсь опять уѣзжать. Я еще и тетушкѣ не говорилъ. И Егору Евстафичу не говорите; онъ будетъ спрашивать: зачѣмъ? а я не могу

сказать причины; выдумывать же я не люблю. Но, вотъ хорошо, прибавилъ Радомскій смѣясь,—я учу васъ скрывать съ отцомъ. Хорошо же у васъ братецъ!

— Вѣдь это не моя тайна, Юрій Николаичъ, я и не должна о ней говорить.

— Вы и сами забудьте объ этомъ.

— Нѣтъ, я не забуду.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ, помолчавъ, Радомскій,—помолитесь, чтобы Богъ не допустилъ меня увѣхать отсюда: вы не знаете какъ мнѣ не хочется скитаться по свѣту и плавать не видя берега. Да и тетюшку жаль оставить, и васъ жаль, Манечка. Я у васъ провелъ много отрадныхъ минутъ. Благодарю васъ.

Манечка молчала и глотала слезы.

— Да, я и забылъ. А вы прочли *Русскій Вѣстникъ*, что я вамъ тогда далъ?

— Прочла.

— Что же, какія тамъ были повѣсти?

— Повѣсть „На Рубежѣ“.

— Ну, и чувствительная? Вы вѣрно плакали, пожалуй ночь не спали, когда дочитали до того мѣста, гдѣ такъ замучили бѣдную генеральшу?

— Нѣтъ, я не плакала и спала, но мнѣ было жаль ее. Однако мнѣ казалось, что эта бѣдная женщина, могла бы какъ-нибудь избавиться отъ своихъ родственниковъ, могла бы найти возможность убѣжать.

— Какая же вы энергическая! А еще говорили, что не хотите выходить замужъ. Видите ли что дѣлаетъ любовь,—съ ума сводитъ! Я не для того это говорю, чтобы васъ напугать, а чтобы вы никого современемъ не сводили съ ума. Ну, а ту дѣвушку, что любила доктора, вамъ было жаль ее?

— Нѣтъ, я была ею недовольна.

— За что?

— Она любила себя больше чѣмъ его. Она все думала о своемъ счастьѣ.

— Что же дѣлать, Манечка? Таково свойство любви.

— Я не думала.

— Вотъ что! Какая же вы странная дѣвушка! Я васъ прежде совсѣмъ не такую считалъ. Смотрите же, не мучьте того, кто васъ полюбитъ, не сводите съ ума, проговорилъ Радомскій смѣясь. — Однако я пойду, пора. Прощайте,

сестрица,—и Юрій Николаевичъ взялъ обѣими руками голову дѣвушки и поцѣловалъ ея волосы.

— Прощайте, Манечка, прокричалъ онъ, оглядываясь съ дороги, и замѣчая, что она все еще смотреть ему вслѣдъ.

Чтоъ случилось съ бѣдною Манечкой, когда она осталась одна. Что-то особенное, дотогдѣ невѣдомое, кипѣло въ ея крови. Пока тутъ былъ Радомскій, она все таила въ себѣ; но теперь, взволнованныя чувства разразились въ страшныхъ рыданіяхъ, она убѣжала въ свою комнату, заперлась тамъ, и долго рыдала. Это было не отъ горя, ея слезы были сладки, были упоительны; она чувствовала себя счастливою. Но отчего же она плакала? Въ ней проснулась женщина, и женщина страстная, горячо любящая, но не любимая. Въ первыя минуты она думала только о немъ и о себѣ, чувствовала еще его объятія, его поцѣлуй. Но когда она вспомнила, что онъ скоро уѣдетъ, и этому причиной Нина,—слезы ея вдругъ высохли. Она встала, выпрямилась, казалось выросла. Глаза ея загорѣлись; на ея обыкновенно кроткомъ лицѣ можно было прочесть ненависть.

— Онъ уѣдетъ, уѣдетъ, шептала Манечка,—и все это изъза нея. Я это чувствую. Онъ уѣдетъ, и я можетъ-быть никогда его не увижу.

Сердце ея разрывалось при этой мысли, она упала на кровать, зарылась въ подушки и опять заплакала.

Когда Егоръ Евстафьевичъ вернулся домой, Манечка встрѣтила его съ своею обычною привѣтливою улыбкой, хлопотала объ обѣдѣ, прислуживала отцу, какъ всегда. Но еслибъ Егоръ Евстафьевичъ былъ не нѣжно любящимъ отцомъ, а матерью, или одаренъ былъ прозорливостью матери, онъ бы замѣтилъ, что глаза его дочери горѣли лихорадочнымъ огнемъ, губы были сухи, голосъ порывистъ, немного глухъ; даже улыбка была какъ-то неестественна.

Нѣсколько дней спустя, Радомскій лежалъ послѣ обѣда на крыльцѣ, съ закрытыми глазами. Тяжелый стукъ экипажа вывелъ его изъ дремоты; онъ вскочилъ и опрометью бросился переодѣваться. Онъ увидѣлъ, что изъ кареты выпорхнула Нина, за нею вышла Анна Семеновна.

Дарья Андреевна не была свѣтскою дамою и довольно сухо приняла гостей, но сейчасъ же вошелъ Юрій Николаевичъ и оживилъ бесѣду. Онъ былъ невыразимо счастливъ пріѣздомъ

Арнугиныхъ, и нѣсколько разъ поцѣловаль руку Анны Семеновны.

— Я давно собиралась къ вамъ, сказала Анна Семеновна тихо Радомскому,—да вы знаете эту капризницу. Однако сегодня я настояла, увѣрила ее, что поѣду одна къ вамъ.

Дарья Андреевна, видя какъ доволенъ ея племянникъ, смягчилась, и пошла распорядиться чтобы было готово мороженое и печенья къ чаю. Когда подали чай, послышался опять стукъ экипажа.

— Кто бы это былъ? замѣтила Дарья Андреевна.

— По звуку узнаю допотопныя дрожки Егора Евстафича, съ досадою сказалъ Радомскій. Онъ боялся, что ему не удастся быть одному съ Ниной.

— А! вотъ хорошо, что я вздумалъ пріѣхать къ вамъ, Дарья Андреевна. И Анна Семеновна у насъ. Очень, очень радъ, говорилъ Егоръ Евстафьевичъ, цѣлуя руки старушекъ.—Да и Антонина Александровна здѣсь! Авось моя дочка развеселится.

Манечка не раздѣляла удовольствія отца при видѣ владѣтельница Крутыхъ Горокъ; напротивъ, взглянувъ на Нину, она страшно поблѣдѣла. Когда Антонина Александровна обратилась къ ней съ привѣтомъ, Манечка молча ей поклонилась и поскорѣе съѣла подлѣ Дарьи Андреевны.

— Я, видите, пріѣхалъ къ вамъ за совѣтомъ, Дарья Андреевна, продолжалъ старикъ Голубковъ.—Авось вы чѣмъ поможете. Моя дочка что-то хвораетъ все, продолжалъ старикъ, показывая ей рукою на дочь; вчера вдругъ, за обѣдомъ, какъ крикнетъ, ухватилась за грудь, да такъ и упала безъ памяти. Мы насилу ее съ Матреной оттерли. Ночь тоже всю не спала, бредить, лицо такое странное.

— Чтò ты это, Божья птичка? сказала Дарья Андреевна.—Ужь не простудилась ли? Въ твои годы еще не годится хворать. Я вотъ бабушкой могу тебѣ быть, а смотри какая еще!

— Я здорова; ужъ давно все прошло.

— Ай, ай! Манечка, а еще такая храбрая! замѣтилъ Радомскій взявъ дѣвушку за руку и ласково смотря ей въ лицо.—И не стыдно.

— Я теперь совсѣмъ здорова; это такъ; отецъ напрасно испугался.

— То-то, смотрите; впередъ никого не пугайте.

Нина нѣсколько разъ хотѣла заговорить съ Манечкой, но

дѣвочка не отходила отъ Дарьи Андреевны, и Антонина Александровна оставила ее въ покоѣ; она и не сердилась на это: ей всегда было скучно съ Манечкой.

Послѣ чаю Радомскій пригласилъ Нину погулять, и Нина обратилась къ Манечкѣ.

— Пойдемте, Манечка, сказала она:—вамъ здорово походить.

— Благодарю васъ, я устала, отвѣчала дѣвочка,—я посижу лучше въ комнатѣ.

Радомскій былъ очень доволенъ отказомъ Манечки и ушелъ одинъ съ Ниной. Манечка съ полчаса посидѣла подлѣ Дарьи Андреевны; но ей наскучило слушать ея разговоры съ гостями. Она встала, вышла въ залу, усѣлась на окно, выходящее въ садъ, отворила его, и вдыхая свѣжій вечерній воздухъ, стала дожидаться возвращенія гуляющихъ. Чтобы никому не мѣшать, да чтобъ и ей не мѣшали, она спустила оконные занавѣси. Уже совсѣмъ смерклось. Большая, старинная зала была слабо освѣщена. Все было тихо вокругъ Манечки; только изъ гостиной иногда раздавался веселый смѣхъ ея отца. Вдругъ она увидѣла въ саду двѣ тѣни; онѣ медленно шли къ дому, подвѣлись на крыльцо и сѣли на диванъ. Манечка притаила дыханіе. Сердце ея сильно застучало въ груди.

— Такъ вы не сожалѣете, что пріѣхали въ Проселки? спросилъ Радомскій.

— Нѣтъ.

— Но, для чего же до сихъ поръ вы не соглашались пріѣхать сюда? Вѣдь вы знали какое мнѣ это доставитъ счастье. Или именно потому-то и не хотѣли? Вы скупы, Нина.

— Да, я потому и не пріѣзжала, смѣясь отвѣчала Нина.

— И вамъ не грѣшно?

— Нѣтъ, не потому; я шучу. Я боялась сюда ѣхать.

— Боялась чего?

— Да, именно боялась. Все здѣсь такъ громко говорить о давнопрошедшемъ. Я боялась, что здѣсь я разнѣжничаясь, начну сентиментальничать, и пожалуй, сдѣлаю какую-нибудь глупость.

— То-есть, что-нибудь очень хорошее: дадите счастье чело-вѣчку, воскресите его изъ мертвыхъ. Становитесь же скорѣе глупы, Нина; вы увидите, какъ много вы сдѣлаете тогда хорошаго.

— Значить, я только тогда могу сдѣлать что-нибудь хорошее, когда поглупѣю?

— Да, вы тогда перестанете разсуждать. Разсужденія ваш—мой злѣйшій врагъ, да и вашъ тоже.

— Почему же?

— А потому что сколько мѣсяцевъ я ожидаю? Жизнь наконецъ становится невыносима. Еслибъ я не сознавала, что это мѣлодушіе, я бы давно всадила себѣ пулю въ лобъ.

— Не говорите такъ, Юрій, ради Бога! воскликнула Нина, схвативъ его за руку.

— Не бойтесь, я этого не сдѣлаю; это недостойно человека; но я долженъ ухватъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Говорите, Нина, рѣшайте. Если вы меня не любите, завтра же меня не будетъ въ Проселкахъ.

— Нѣтъ, Юрій, не увѣжайте.

— Вы согласны, о Боже мой! Вы согласны быть моею, Нина?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не это хотѣла сказать. Успокойтесь, другъ мой, и выслушайте меня хладнокровно. Я васъ люблю, и не могу равнодушно видѣть ваше горе, но все-таки не на столько...

— Чтобы дать мнѣ счастье? перебилъ съ горечью Радомирскій.

— Не это я хотѣла сказать. Послушайте. Я вѣдь тоже это время худо спала и много, много думала.

— И какъ напрасно! Перестаньте думать, и дѣйствуйте хоть разъ въ жизни.

— Не могу. Я отброшу женскій стыдъ, и буду говорить прямо. Я люблю васъ, и никогда не полюблю другаго. Кромѣ васъ, ни для кого не забьется мое сердце; въ этомъ я увѣрена, и вы можете мнѣ вѣрить. Но... но я не на столько люблю васъ, чтобы быть вашею. Мысль объ этомъ пугаетъ меня.

— Я заставляю васъ любить настолько, что это не будетъ пугать васъ, Нина. Вѣрьте любви моей. Отдайтесь мнѣ. Я сумѣю заставить васъ забыть всѣ ваши разсужденія.

— Нѣтъ. Я понимаю, что еслибъ я васъ любила истинно, страстно, какъ вы меня, я не разсуждала бы, и мысль быть вашею не пугала бы меня. Что же это будетъ за счастье, если ваша ласка будетъ пугать меня?

— Нина, вы еще дитя. Моя любовь разбудитъ въ васъ женщину.

— Нѣтъ. Если до сихъ поръ вы не разбудили моего чувства, то и не разбудите. Оно бы кажется давно должно

было проскнуться. Но это еще не все. Меня пугаетъ мысль, что когда пройдутъ первые восторги любви вашей, потому что не предполагаю ихъ въ себѣ, когда пройдутъ эти восторги, мы съ вами совершенно опошамся, станемъ жить, какъ живутъ наши сосѣди. А такая жизнь для меня не жизнь. Помните, что вы мнѣ говорили какъ-то вечеромъ? Да, другъ мой, вы были тогда совершенно справедливы. Жизнь, съ ея дѣйствительностію, ужасна для меня. Я боюсь, страшно боюсь всѣхъ этихъ неизбежныхъ мелочей, крестинъ, нянекъ, дѣтскаго крика, прибавила она краснѣя.—Да, что радуетъ каждую женщину, мысль быть матерью, эта мысль страшно пугаетъ меня. Обязанность матери имѣетъ такую скучную обстановку, и я съ ужасомъ думаю объ этомъ. Все это не есть ли ясное доказательство, что я не доволенъ люблю васъ, что я не умѣю любить. А безъ любви я не выйду замужъ.

— Такъ нѣтъ, Нина?

— Нѣтъ, Юрій, я рѣшилась.

— Прощайте же Нина, прощенталь Радомскій,—будьте счастливы. Онъ всталъ и хотѣлъ уйдти.

— Юрій! проговорила Нина, схвативъ его за руку. Въ голосѣ ея были слышны слезы.

— Вамъ жаль меня? Да, я точно жалокъ. Я, какъ дитя, столько лѣтъ лелѣялъ надежду на счастье, надежду на любовь вашу. И вы меня дразнили такъ же какъ дитя, но какъ злое дитя. Для чего давно не сказали вы мнѣ: нѣтъ, я не люблю васъ, оставьте меня. Но вы все подавали мнѣ надежду, говорили что любите и просили ждать. Я ждалъ, сколько лѣтъ ждалъ! Для чего вы не написали мнѣ въ Вѣну, какъ я васъ просилъ? Вамъ хотѣлось, чтобъ я пріѣхалъ. Вамъ приятно было играть моею любовью, моими страданіями... Вы ими наигрались? Для васъ я искалъ славы. Съ какою тревогой, въ какомъ лихорадочномъ волненіи, я писалъ свою первую картину для выставки. Я старался перелить въ нее всю душу свою, чтобы только сдѣлаться извѣстнымъ и стать, насколько возможно, достойнымъ васъ. Я зналъ, что вы будете видѣть мое произведеніе, слышать сужденія обо мнѣ. Сколько ночей провелъ я безъ сна, пока не узналъ, что мой трудъ оцѣненъ. Я зналъ, что этимъ я выиграю въ вашемъ мнѣніи. И все это напрасно!...

Нина плакала.

— Вы плачете? Я не могу видѣть вашихъ слезъ, сказалъ Юрій Николаевичъ, взявъ ея руки и прижимая къ своей груди.— Не плачьте, я не вижу васъ. Нѣтъ простите, забудьте если я сказалъ вамъ что-нибудь горькое. Мнѣ было слишкомъ тяжело. Простите, будьте счастливы, Нина. Постарайтесь полюбить, не умирайте для жизни, для счастья. Если я не могъ внушить вамъ любви, пусть кто-нибудь другой будетъ счастливымъ меня. Но если.... когда я уѣду.... вы почувствуете, что вамъ безъ меня тяжело, если сердце ваше будетъ требовать моего возвращенія, напишите одно слово: да. Я сейчасъ же помечу къ вамъ.

— Юрій, вы не знаете, какъ мнѣ больно разбивать ваши надежды, проговорила Автомина Александровна.

Радомскій пожалъ плечами: — Однако вы разбиваете ихъ, Прощайте, мнѣ слишкомъ тяжело съ вами оставаться. Помните, что я буду ждать вѣстей отъ васъ. И какъ еще ждать!

— Прощайте, Юрій. Да хранить васъ Богъ. Прощайте другъ моего дѣтства, проговорила Нина, рыдая.

Радомскій бросился къ ней и прижалъ ее къ груди своей.

— Нина, Нина! Вы меня любите, я это чувствую.

— Нѣтъ, нѣтъ я не люблю васъ проговорила она, вырываясь изъ его объятій.

— Зачѣмъ же эти слезы?

— Я не люблю васъ, повторила Нина, и отирая глаза, вошла въ залу, оставивъ Радомскаго одного на балконѣ.

Автомина Александровна хотѣла войти въ гостиную и просить мать ѣхать домой, но дойдя до половины залы, она на что-то споткнулась. Нагнувшись, она увидѣла Манечку, безъ чувствъ лежавшую на полу. Боясь испугать старика Голубкова, Нина позвала Радомскаго, и они вмѣстѣ перенесли обѣдную дѣвочку въ комнату Дарьи Андреевны, уложили ее на диванъ и употребили всѣ средства, чтобы привести ее въ чувство. Оба они и не подозрѣвали, что Манечка, не проронила ни одного слова изъ ихъ разговора. Они были слишкомъ заняты собственными чувствами, чтобы разгадать причину ея страданій. Могли ли они подозрѣвать, что въ этой дѣвочкѣ билось страстное сердце женщины?

Позвали Дарью Андреевну. Она рѣшила, что Манечку, въ этомъ состояніи невозможно везти домой. Ее раздѣли, укутали одеялами, терли, давали нюхать разные спирты изъ домашней аптеки хозяйки. Но Манечка не приходила въ себя.

Она лежала съ открытыми глазами, съ стиснутыми зубами, съ прижатыми къ груди руками; пульсъ былъ едва слышенъ. Надо было сказать обо всемъ Егору Евстафьевичу. Когда старикъ увидѣлъ въ такомъ положеніи свою дочку, онъ вообразилъ, что она уже мертва и совсѣмъ обезумѣлъ отъ отчаянія. Его не могли оторвать отъ ея ногъ, къ которымъ онъ прижималъ свою сѣдую голову, и всхлипывая приговаривалъ: „Господи, сжаляся надъ старикомъ, не дай мнѣ пережить ее.“ Архитины, видя что онѣ не могутъ подать больной никакой помощи, спѣшили уѣхать. Нина еще разъ протянула руку Радомскому и сквозь слезы пролепетала: „прощайте, Юрій“.

XI.

Внезапная болѣзнь Манечки такъ перепугала всѣхъ, что никто не замѣтилъ печальнаго лица Нины и ея заплаканныхъ глазъ.

Когда же Антонина Александровна, вернувшись домой, пошла къ матери, чтобы пожелать ей покойной ночи, Анна Семеновна внимательно взглянула на нее и съ безпокойствомъ спросила:

- Что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ. Ты больна?
- Нѣтъ, маман, я здорова.
- Но ты на себя не похожа. Что случилось?
- Все кончено; онъ уѣзжаетъ.
- Какъ кончено? Зачѣмъ онъ уѣзжаетъ?
- Я ему сказала, что не могу быть его женой, и потому онъ уѣзжаетъ.
- Какъ уѣзжаетъ? Что такое между вами произошло?
- То, что давно должно было произойти. Мнѣ давно, маман, надобно было сказать ему, что я не могу быть его женою. Но я все не могла на это рѣшиться.
- Ты не могла рѣшиться, а теперь рѣшилась и плачешь? Нина объясни мнѣ все.
- Что же объяснять? Я уже сказала, что мы разстались навсегда.

— Боже мой! Боже мой! Да ты съ ума сошла, Нина.

Антонина Александровна покачала головой.

Анна Семеновна въ волненіи ходила по комнатѣ, и остановясь предъ дочерью, спросила.

— Что же онъ-то? Его это убьетъ, онъ сойдетъ съ ума. Развѣ ты не знаешь какъ онъ тебя любить? Да нѣтъ, не можетъ быть. Ты не могла сдѣлать такой глупости.... Разойдись съ человѣкомъ, котораго ты любишь, и который обожаетъ тебя.

— Я не люблю его.

— Ты не любишь? А вся эта тревога твоя, эта радость когда онъ пріѣхалъ? Эти долгія прогулки вдвоемъ, эти нескончаемые разговоры, что все это?

— Это дружба, татап. Я люблю его какъ брата.

— А!... я не знала, что дружба и братская любовь могутъ такъ волновать, тревожить, лишать сна по ночамъ... Что же онъ сказалъ тебѣ, когда ты ему отказала?

— Ему было тяжело.

— Тяжело! Еще бы! Бѣдный Юрій. Но вѣдь и ты теперь плачешь слезы.

— Что же дѣлать? Вѣдь я не могу быть его женой.

— Не можешь?

— Нѣтъ, не могу, я не довольно люблю его.

— Плачешь, стоишь какъ убитая, а все твердишь, что не довольно любишь. Какой же еще любви ты хочешь? За кого же ты хочешь выйти? Вѣдь пора рѣшиться, Нина. Ты давно вышла изъ дѣтства, кажется. Что же будетъ съ тобою? А онъ... вѣдь ты испортила всю его будущую жизнь.

Анна Семеновна заплакала.

— Боже мой, говорила она сквозь слезы. — А я такъ надѣялась, такъ радовалась! Я думала, что наконецъ увижу тебя счастливою, буду имѣть такого добраго, милаго сына. Вѣдь я уже не молода, Нина. Что будетъ съ тобою послѣ моей смерти? Какъ будешь ты жить одна, безъ друга, безъ опоры? Вѣдь ты совсѣмъ не знаешь жизни. Вотъ къ чему привело это фантастическое воспитаніе, которое далъ тебѣ отецъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ изъ тебя вышла какая-то фея, боялся показать тебѣ жизнь какъ она есть, чтобы ты какъ-нибудь не запачкалась, чтобы не сдѣлалась похожей на прочихъ женщинъ. Онъ старался отстранять на пути твоёмъ каждый камышекъ, каждую песчинку, чтобы не поскользнулась твоя ножка. Онъ являлся передъ тобою въ парадѣ; онъ заботился только о томъ, чтобъ его дочь имѣла передъ глазами все изящное, красивое. И когда я дала тебѣ свободу, и передъ

тобой открылась жизнь, ты ужаснулась, закрыла глаза. Безобразный вищій пугалъ тебя. Добрый, простой сосѣдъ въ наковомъ сюртукѣ казался тебѣ какимъ-то уродомъ. И когда меня не станетъ, какъ ты справишься съ жизнью? Бѣдное ты дитя мое! Чтѣ мы изъ тебя сдѣлали?—И Анна Семеновна заплакала еще сильнѣе.

— Ахъ, маман, зачѣмъ вы такъ горюете? Мнѣ это такъ больно видѣть.

— Чтѣ за дѣло до моего горя? Теперь не до этого. Ты мнѣ скажи, чтѣ ты будешь теперь дѣлать? Вѣдь ты никого другаго не полюбишь?

— Нѣтъ.

— И чтѣ же будетъ съ тобою?

— Я останусь старою дѣвой.

— Я тебя поздравляю! Знаешь ты, чтѣ такое старая дѣва? Это жалкое существо, не женщина, а что-то неопредѣленное, не имѣющее ни значенія, ни цѣли въ обществѣ, надъ которымъ всѣ смѣются. Старая дѣва—с'est une existence manquée, старая дѣва—существо никому не нужное, всюду лишнее, напрасно родившееся на свѣтъ.

Анна Семеновна залилась слезами, и долго не могла говорить.

— Маман, не плачьте; мнѣ и безъ того тяжело.

— Но если тебѣ тяжело, такъ вороти его, дай ему и себѣ счастье. Вѣдь все зависитъ отъ тебя одной.

— Нѣтъ, это не возможно и уже поздно. Все кончено между нами.

— Все кончено, а ты плачешь, тебѣ тяжело.

— Мнѣ жаль его.

— Такъ вороти его.

— Но я не могу его любить такъ какъ бы я хотѣла любить.

— Да вѣдь ты сама себя не знаешь; я тебѣ говорю что ты его любишь, я тебя хорошо знаю.

— Нѣтъ, я не люблю, мнѣ только жаль его.

— Нуна, ради Бога, опомнись; вѣдь еще есть время. Напиши ему.

— Нѣтъ, все кончено.

— Все кончено, но тебѣ его жаль, тебѣ тяжело, ты плачешь, и все это доказываетъ, что ты его любишь. Если ты не хочешь написать, дай я напишу,—и Анна Семеновна подошла къ своему письменному столу.

— Нѣтъ, нѣтъ, шатаю, не дѣлайте этого, я васъ прошу.

— А если ты одумаешься ночью, а въ ночь онъ увидѣтъ. Для чего же заставлятъ его страдать понапрасну, огорчать эту славную, честную старуху, которая только и живетъ имъ ты думаешь, ей будетъ легко опять разставаться съ нимъ?

— Онъ не увидѣтъ въ эту ночь. Я увѣрена, онъ не оставитъ старика Голубкова въ такомъ отчаяніи. Вы знаете какъ онъ добръ.

— А! ты признаешь, что онъ добръ. И добръ, и уменъ, и какъ хорошъ собою! и любитъ тебя до безумія! Все это ты знаешь.

— Да, я это все знаю, и не хочу сдѣлать его несчастнымъ.

— Почему же ты сдѣлаешь его несчастнымъ?

— Потому что я не люблю его. Я все обдумала, и поняла что не люблю его. Ни онъ, ни я, мы не будемъ счастливы.

Анна Семеновна почти въ отчаяніи подняла глаза къ небу.

— Боже мой, Боже мой! произнесла она.

Нина сѣла около нея, взяла ея обѣ руки, закрыла ими себѣ лицо и заплакала.

— Нина, дитя мое, позволь мнѣ написать ему, позволь мнѣ устроить твое счастье. Я беру все на себя; тебѣ ни въ чемъ не придется упрекать себя. А я убѣждена, вполне убѣждена, что вы оба будете счастливы.

— Нѣтъ, это напрасно. Не думайте объ этомъ. Я не могу быть его женой.

— Такъ не плачь же; ты раздраешь мою душу.

Анна Семеновна выходила изъ себя. Ей самой было смертельно грустно; она беспокоилась о дочери, не могла видѣть ея слезъ, ее пугало будущее Нины, страхъ, что она останется старою дѣвой, une existence manquée. Ей было жаль Радомскаго, и наконецъ, ее выводило изъ терпѣнія то что она не могла понять своей дочери. Сколько она ни убѣждала, ни уговаривала, даже сердилась и выходила изъ себя, на все получала одинъ отвѣтъ:

— Мнѣ жаль его, но я не люблю его.

Когда Нина, далеко за полночь, ушла наконецъ къ себѣ, Анна Семеновна проводила ее, сама помогла ей раздѣться, уложила ее, и благословивъ, вышла изъ комнаты. Но сама

лечь не рѣшалась. Она сѣла въ кресло, не сводила глазъ съ дверей комнаты Нины, сквозь которую свѣтился огонь, и едва занялась заря, написала Радомскому, чтобъ онъ не уѣзжалъ, не простившись съ нею, и получила въ отвѣтъ нѣсколько словъ, въ которыхъ Юрій Николаевичъ писалъ, что онъ самъ не знаетъ когда ѣдетъ, потому что не можетъ оставить Егора Евстафьевича въ своемъ домѣ, въ такомъ ужасномъ положеніи, и не уѣдетъ пока Манечка не поправится и не оставитъ его домъ; иначе его теткѣ будетъ слишкомъ много заботъ и безпокойства.

Если въ эту ночь не спали въ Крутыхъ Горкахъ, то тѣмъ менѣе спали и въ Проселкахъ.

Манечка лежала до утра безъ всякаго движенія, и что въ ней еще теплилась жизнь, можно было узнать только по едва слышному пульсу. Егоръ Евстафьевичъ, обезумѣвшій отъ внезапнаго горя, сидѣлъ въ креслѣ, куда съ трудомъ усадилъ его Радомскій, и тупо глядѣлъ на дочь.

Юрій Николаевичъ послалъ въ городъ за докторомъ, а самъ вмѣстѣ съ теткой не отходилъ отъ больной. Докторъ пріѣхалъ къ вечеру; онъ сказалъ, что больная въ крайней опасности, и что онъ не ручается за ея жизнь. Въ слѣдующую ночь Манечка пришла въ себя. Съ ея сознаніемъ возвратилось сознаніе и Егора Евстафьевича. Ему казалось, что дочь его спасена; онъ совершенно развеселился и со слезами благодарности цѣловалъ руки Дарьи Андреевны, обнималъ Радомскаго, доктора и всѣхъ попадавшихся на глаза.

Но радость старика была не продолжительна. Манечка опять впала въ безпамятство; съ ней сдѣлался бредъ и страшный жаръ. Она никого не узнавала, дико водила глазами, все кого-то отталкивала и что-то безсвязно лепетала, иногда плакала, какъ будто просила о чемъ-то, но разобратъ ея слова было невозможно. Радомскій, съ нѣжностію брата, заботился о больной, просиживалъ около нея часто по цѣлымъ ночамъ. Онъ радъ былъ отдаться другимъ, чтобы хоть немного забыться.

— Ты бы пошелъ да уснулъ теперь, Юря. Я посижу съ нею, сказала Дарья Андреевна племяннику, найдя его у постели больной.—Ты всю ночь, кажется, не ложишься. Я-то выспалась.

— Я не усталъ, тетущка, не безпокойтесь; ступайте лучше вы, сосните: вамъ сонъ необходимъ, а для меня это ничего.

— Да, разказывай! Ничего!

— Увѣряю васъ. Притомъ же нельзя ее, бѣдняжку, оставить съ людьми, или съ бѣднымъ старикомъ, которому тоже нужно няньку. Когда ей дурно, онъ совершенно теряется.

— Еще бы! Вѣдь только и есть у него что эта радость, зашѣтила Дарья Андреевна.—Ну, поди же, голубчикъ, прилягь; авось уснешь.

Юрій Николаевичъ вышелъ, но Дарья Андреевна какъ-то не вѣрилось, что онъ ляжетъ; она посидѣла съ полчаса около Манечки и пошла взглянуть, легъ ли онъ. Но Радомскій и не думалъ ложиться. Онъ ходилъ по комнатѣ.

— А ты такъ не легъ? Ахъ, Господи! Ну, на что это похоже? Изведешься совсѣмъ.

— Не беспокойтесь, тетушка; все это пройдетъ.

— Пройдетъ, пройдетъ! Я такъ вотъ думаю, что и ты сляжешь. Ты все такой...

— Какой же, тетушка? Не такой развѣ какъ былъ?

Дарья Андреевна тяжело вздохнула.

— Что же дѣлать? сказалъ Радомскій.—Если мои надежды не сбылись, то видно такъ суждено, чтобы вашему Юрѣ не знать счастья. Впрочемъ, вѣдь еще не все пропало; у меня есть мое любимое искусство, которому я предамся теперь всю душой.

— Такъ ужъ рѣшительно между вами все кончено? спросила Дарья Андреевна, которой все не вѣрилось, чтобы могли отказать ее племяннику.

— Все кончено; я навсегда простился съ нею.

— Такъ она такъ-таки напрямикъ отказала тебѣ?

— Отказала, отвѣчалъ Радомскій, какъ-то странно улыбаясь.

— Она, видно, совсѣмъ съ ума спятила?

— Не браните ее, тетушка, возразилъ серьезно Радомскій.

— Я ее не обвиняю. Она дитя по понятіямъ. Она поступила честно и добросовѣстно. Она не надѣялась сдѣлать меня счастливымъ и отказала мнѣ; но увѣряю васъ, что она меня любитъ... Она только не понимаетъ себя хорошо.

— Да, батюшка ты мой, вѣдь ужъ она давненько перестала пеленаться. Слава тебѣ, Господи, я вѣдь знаю сколько ей лѣтъ!

— Да, тетушка, она не дитя годами, но дитя по своему воспитанію. Вы другое дѣло, тетушка, вы въ шестнадцать

лѣтъ были опытиѣе нежели она будетъ въ тридцать. Вы и тогда уже глядяи на жизнь открытыми глазами, знали ее какъ она есть. Если вы сами, собственнымъ сердцемъ, были не опыты, то все васъ окружающее открывало вамъ глаза на мѣръ. Вы съ дѣтства привыкли называть вещи ихъ дѣйствительными именами. Она другое дѣло. Она выросла съ закрытыми глазами. Она знаетъ свѣтъ, но только наружно. Она знаетъ только свѣтъ гостивыхъ, съ его наружнымъ блескомъ, и его искусственное сіаніе принимаетъ за блескъ дѣйствительный. Она росла, говорю я, съ закрытыми глазами, видѣла одни цвѣты, никогда не заглядывая въ землю, въ которой они прячуть свои корни. Ей показывали одно красивое, скрывая отъ ея глазъ безобразіе и уродливость. Она привыкла глядѣть на небо, и ей страшно опускать глаза на землю. Она живетъ и всегда будетъ жить съ покрываломъ въ рукахъ, набрасывая его на глаза, когда на пути ей встрѣтится что-нибудь непривычное ей. Вы ее не понимаете, милая тетушка; а я ее понимаю и жалѣю ее. Пожаляйте и вы ее, смотрите на нее какъ на ребенка, который восхищается пестрою бабочкой и отворачивается отъ червячка, не вѣря что изъ червячка будетъ тоже бабочка. Отъ жизни она требуетъ однихъ радостей. Ей хотѣлось бы, чтобъ я всегда оставался ея женихомъ; ей страшень мужъ, она представляетъ собѣ его въ халатѣ, съ заспанными глазами, и боится этого. Она не хочетъ понять, что для нея, да и для себя самого, я не измѣнюсь никогда и останусь всегда тѣмъ, какимъ она меня знаетъ теперь.

— Я, мой голубчикъ, все-таки ничего тутъ понять не могу, возразила Дарья Андреевна.—Антонина Александровна, видно, черезчуръ ужъ мудрена для моего глупаго разума. По мнѣ, видишь ли, ужъ любить такъ любить, будь онъ въ золотѣ, въ халатѣ или въ рогожѣ.

— Такъ-то такъ, а она думаетъ иначе, возразилъ Радомскій.

Состояніе Манечки нѣсколько дней было очень плохо. Послѣ страшнаго кризиса, во время котораго бредъ доходилъ до того, что больная кричала и въ безпамятствѣ начинала бѣгать по комнатѣ, воображая, что ее кто-то преслѣдуетъ, она наконецъ заснула, ее уложили, и она проспала цѣлый день тихимъ, покойнымъ сномъ. Проснувшись ночью, она совершенно пришла въ себя и съ удивленіемъ озиралась, не понимая гдѣ она находится. Вдругъ она увидѣла Юрія Николае-

виза: онъ дремалъ въ большомъ креслѣ, въ рукѣ его была раскрытая книга. Жизнь возвратилась къ Манечкѣ, а вмѣстѣ съ нею и любовь, которая была теперь ея настоящею жизнію. Манечка стала всматриваться въ черты Радомскаго, и чѣмъ долѣе она на него глядѣла, тѣмъ яснѣе становилось ея впечатлѣніе, тѣмъ живѣе начинала она сознавать себя и свою любовь. Наконецъ возвратилась и память. Сначала она припомнила ту минуту, когда Радомскій обнялъ ее и положилъ свою голову къ ней на плечо, потомъ его поцѣлуй. Но вотъ она вспомнила, что онъ хотѣлъ ухватить, ухватить,—зачѣмъ? когда?—и весь его разговоръ съ Ниной, подслушанный ею у окна, возобновился въ ея памяти. Отказъ Нины, тотъ голосъ, полный тоски и отчаянія, которымъ Радомскій упрекалъ Нину за свое разбитое счастье, — все припомнила Манечка, и ей представилась Нина, съ ея пассивнымъ выраженіемъ лица, съ ея безжалостными словами: „я не люблю васъ“, и чувство ненависти зашевелилось въ груди дѣвушки, ненависти противъ женщины, которая такъ безжалостно разбила сердце человѣка, для котораго Манечка готова была отдать всю жизнь свою. Нина представилась въ эту минуту слабому воображенію Манечки какимъ-то чудовищемъ, готовымъ растерзать спящаго въ креслѣ Юрія Николаевича. Она приподнялась на кровати, чтобы защитить его отъ страшнаго призрака; но отъ слабости упала на подушки, слегка вскрикнувъ.

Радомскій проснулся, вскочилъ, думая что больной опять худо, и пощупалъ пульсъ. Манечка схватила его руку и поднесла къ губамъ.

— Каково вамъ, дитя мое? спросилъ Юрій Николаевичъ.

— Отчего я здѣсь? Отчего вы здѣсь и не спите?

— Вы была больны, и мы боялись везти васъ домой.

— Зачѣмъ вы не спите? опять повторила Манечка.

— Вамъ было не хорошо утромъ, я беспокоился.

— Изъ-за меня?

— Чтò же тутъ удивительнаго? Вѣдь вы моя сестрица.

Манечка помолчала нѣсколько минутъ и опять спросила:

— Гдѣ отецъ?

— Онъ тамъ, въ другой комнатѣ. Я уговорилъ его прилечь.

Онъ столько ночей не спалъ.

— Какъ вы добры, какъ вы объ насъ заботитесь! Но для чего же вы сами не ляжете? Вы устали?

— Нѣтъ я спалъ въ креслѣ. Какъ будетъ счастливъ Егоръ Евстафьевичъ, когда увидитъ, что вамъ лучше! Онъ такъ безпокоился.

— Бѣдный отецъ! Развѣ я такъ была больна?

— Да, вы были очень больны. Но спите, спите, и я буду спать.

Радомскій высвободилъ свою руку изъ рукъ больной и опять сѣлъ въ кресло.

Но Манечка не спала и все смотрѣла на него.

— Вы не уйдете? прошептала она.

— Видите я здѣсь, явьчусь съ вами.

— Такъ не уйдете? повторила дѣвушка.

— Спите, спите, больные не разсуждаютъ.

Она закрыла глаза. Юрій Николаевичъ, думая, что она заснула, затушилъ свѣчу и сѣлъ къ окну.

Манечка все видѣла, она слѣдила за всѣми его движеніями, и прилежно всматриваясь въ его лицо, старалась угадать его мысли. Она все болѣе и болѣе оживлялась; чувство] любви было такъ сильно въ ней, что не находило мѣста въ ея слабой груди, оно просилось наружу, и Манечка съ твердостью подавляла его, чтобы никто не могъ угадать ея заветной тайны.

XII.

Здоровье Манечки возстановлялось плохо; силы ея возвращались медленно. По ночамъ была едва замѣтная лихорадка, однако черезъ нѣсколько дней ей позволили вставать съ постели и сидѣть въ креслѣ. Докторъ уѣхалъ, наказывая беречь больную и не выпускать на воздухъ. Егоръ Евстафьевичъ опять повеселѣлъ и больше прежняго радовался и любовался своею дочкой. Были дожди, о переѣздѣ Манечки въ Грачовку нельзя было и думать. Старикъ жилъ пока въ Проселкахъ, и каждый день ѣздилъ наблюдать за своимъ хозяйствомъ.

Радомскій, успокоенный насчетъ Манечки, рѣшился уѣхать. Ему было невыносимо тяжело жить близко отъ Нины, и не видѣть ея.

Въ одинъ день Манечку вынесли наконецъ въ креслахъ въ гостиную.

— Вотъ вы, слава Богу, поправляетесь, моя маленькая сестрица, сказалъ ей Радомскій.

— Да, мнѣ теперь хорошо, отвѣчала Манечка; только ходить не могу.

— А вы мнѣ будете писать, когда я уѣду?

— Вы уѣдете?... Вы все-таки хотите ѣхать?... А я думала.... пробормотала Манечка дрожащимъ голосомъ.

— Вѣдь помните, я говорилъ вамъ, кажется, что мнѣ надо ѣхать.

— Вы возвратитесь?

— Да, я думаю, и вѣроятно найду васъ, уже не Манечкой Голубковой, а Марьей Егоровной съ переменною фамилію.

Манечка не отвѣчала, и смотрѣла въ окно. Вдругъ она повернула голову и отрывисто спросила:

— Юрій Николаичъ! Вы больны?.... Вы ѣдете лѣчиться?... Да?

— Почему вы думаете, что я боленъ?

— Это видно по всему.... только.....

— Только что?

— Вы больны и не хотите выздоровѣть?

— Вотъ что! Вы иногда дѣлаете престранныя заключенія! Радомскій всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Юрій Николаичъ, спросила опять Манечка, съ какою-то болѣзненною настойчивостью.—Вы хотите выздоровѣть?

— Есть, Манечка, такого рода болѣзни, отъ которыхъ излѣчивается только время.

— Долгое время? опять спросила Манечка, которая послѣ болѣзни стала смѣлѣе.

— Я думаю, долгое.

— Такъ вы уѣдете очень на долгое время, проговорила Манечка очень тихо, но Радомскій разслышалъ и спросилъ:

— Почему вы это думаете? вамъ кажется, что моя болѣзнь требуетъ долгаго лѣченія? Однако вы престранная дѣвушка, моя милая сестрица, съ вашими заключеніями.

— Вы сердитесь, не довольны мною? съ испугомъ спросила Манечка.

— Нѣтъ, напротивъ. Меня только забавляетъ, съ чего вы взяли, что я боленъ.

— Вы сами говорили, давно, еще въ Грачовкѣ, нервѣнительно отвѣчала Манечка.—Притомъ же, вы такъ часто бываете грустны, и вы очень похудѣли въ это время.

— Что дѣлать, дитя мое? Веселье, счастье, все это иногда не отъ насъ зависитъ.

— И вамъ не жаль будетъ уѣхать отсюда?

— Нѣтъ, очень жаль; но все-таки ѣхать необходимо.

— А какъ вы были довольны, когда пріѣхали! Я помню, я видѣла.

— Да, я тогда былъ очень счастливъ.

— А теперь?

Радомскій не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ.

. Когда Манечка осталась одна, она долго сидѣла безъ движенія: лицо ея имѣло такое злобное выраженіе, что еслибы кто увидѣлъ въ это время эту обыкновенно миловидную дѣвушку, не узналъ бы ея. Глазъ ея горѣли, губы были сжаты.

На другое утро Дарья Андреевна сказала своему племяннику:

— Манечка эту ночь очень худо спала; ея лихорадка усилилась. Она опять бредила, я нѣсколько разъ подходила къ ней: бѣдняжка лежала вся какъ въ огнѣ, глаза открыты, а меня не узнаетъ. И сегодня такая желтая; я хотѣла, чтобъ она не вставала, такъ и слышать не хочетъ, такая нетерпѣливая сдѣлалась. Сходи-ка, посмотри ее, она въ гостиной у окна. Это ея любимое мѣсто. Сидить, точно твоя покойная матушка, все въ окно смотреть. Я ей книжку дала: не читаетъ.

Радомскій вошелъ въ гостиную. Манечка его не замѣтила; она смотрѣла въ окно, опершись на руки.

Юрій Николаевичъ сѣлъ подлѣ, взялъ ея руку; рука была горяча. Манечка посмотрѣла на него, и Радомскій замѣтилъ, что она плакала.

— Что съ вами Манечка? Вотъ и вы грустны, отчего?

— Ужъ листья падаютъ, сказала она, указывая на садъ.

— И вы оттого плакали?

Манечка не отвѣчала.

— Такъ о чемъ же вы плакали?

— Вѣдь я больна. Кто боленъ, тотъ всегда не веселъ. Скоро зима.

— Вы не любите зиму?

— Нѣтъ, я ее любила прежде, но весну больше, а теперь полюбуюсь хоть осенью. Вы когда ѣдете, Юрій Николаичъ?

— Не знаю, на дядѣхъ. Мою коляску поправляютъ въ

городъ, еще не готова. Тетушка и слышать не хочетъ, чтобъ я ѣхалъ на перекладной. Да, кстати, я вспомнилъ: хотите Манечка сѣмень изъ моего цвѣтника, чтобы весною посѣять въ вашемъ палисадникѣ, и нѣсколько луковиць? Я ужь говорилъ, чтобы тетушка вамъ дала.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Отчего же нѣтъ?

— Я ихъ не буду сѣять.

— Почему? Они очень хороши.

Манечка не отвѣчала, посмотрѣла нѣсколько минутъ въ окно, и тихо спросила:

— Вы вѣдь не увидите тихонько, такъ чтобъ я не знала.

— А что?

— Такъ. Скажите мнѣ.

— Нѣтъ, не уѣду. Я вамъ скажу наканунѣ, и прощусь съ вами.

— Юрій Николаичъ, вы были такъ добры ко мнѣ, позвольте мнѣ попросить васъ о чемъ-то.

— Говорите, я сдѣлаю съ удовольствіемъ.

— Вы общаете?

— Общаю.

— Мнѣ хочется видѣть, какъ вы поѣдете.

— А если я выѣду ночью?

— Это ничего. Позвольте?

— Хорошо, я не могу вамъ запретить; но вамъ вредно не спать ночью.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я буду здорова.

— Когда такъ, то хорошо.

Манечка схватила руку Юрія Николаевича, быстро поцѣловала ее, и вся покраснѣла.

Радомскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дѣвушку. „Что за странный ребенокъ,“ подумалъ онъ, „что съ нею?“ И ему вдругъ пришло на мысль, неужели онъ, своею лаской, своимъ братскимъ обращеніемъ, заронилъ чувство любви въ это ревнивое молодое существо. Онъ съ ужасомъ оттолкнулъ эту мысль. Но она противъ воли приходила ему на память и беспокоила его.

— Вамъ не хорошо? спросилъ онъ, замѣтивъ что Манечка тяжело дышетъ.

— Нѣтъ, мнѣ очень хорошо.

— Зачѣмъ же вы не хотите взять моихъ сѣмень.

— Потому что мнѣ не придется ихъ сѣять; я не доживу до весны.

— Полно, Манечка! Какія у васъ скверныя мысли!

— Чѣмъ же скверныя? Только жаль отца. А вы будете вспоминать иногда вашу маленькую сестрицу?

— И очень часто; но вѣдь вы будете писать мнѣ, неправда ли?

— Нѣтъ, я писать не буду. Я буду только молиться о вашемъ счастьѣ.

— Отчего же вы не хотите мнѣ писать, какъ бы писали брату?

— Оттуда не пишутъ, отвѣчала Манечка и указала на небо.

— Чтò съ вами, ради Бога? Вы меня пугаете? сказалъ Радомскій, не на шутку испуганный словами дѣвочки и ея рѣшительнымъ тономъ.

— Я не боюсь смерти. И вы....

Въ это время послышался голосъ Егора Евстафьевича.

— Юрій Николаичъ, не говорите ничего отцу. Не надо его беспокоить. Не скажете?

— Нѣтъ, нѣтъ; но и вы не думайте о смерти. Вы увидите какъ вы скоро поправитесь.

Егоръ Евстафьевичъ прервалъ ихъ разговоръ. Радомскій скоро вышелъ; его страшно беспокоила Манечка, онъ не могъ простить себѣ, что такъ гаупо, такъ безразсудно увлекся тѣмъ отраднымъ впечатлѣніемъ, которое производило на него общество милаго ребенка. И онъ рѣшился до своего отъѣзда избѣгать разговоръ съ нею, чтобы какъ можно менѣе дать возможности вспоминать о немъ, когда онъ увидитъ.

Для черезъ три привезли изъ города коляску. Радомскій отправился въ Крутыя Горки, чтобы проститься съ Арнугиными, какъ желала и постоянно напоминала объ этомъ Анна Семеновна въ своихъ частыхъ утѣшительныхъ письмахъ къ Юрію Николаевичу.

Чтò было въ это послѣднее свиданіе, не беремъ описывать. Радомскій пробылъ у Арнугиныхъ очень не долго, и возвратившись, заперся у себя.

Дарья Андреевна нѣсколько разъ ночью подходила къ дверямъ его и слышала, что онъ ходилъ по комнатѣ.

Утромъ она пришла къ племяннику, внимательно взглянула на его утомленное отъ бессонной ночи лицо, и спросила нужно ли укладывать его вещи?

— Да, милая тетушка, я бы думалъ въ ночь выѣхать.

— Хорошо, голубчикъ. Повзжай себя, я покоянѣе буду. Тебѣ здѣсь, я вижу, не одобрывать.

— А что Манечка?

— Манечкѣ что-то плохо. Я ужь боюсь говорить Егору Евстафичу, а кажется, придется.

— А что? съ испугомъ спросилъ Радомскій, которому опять пришли на мысль его опасенія.

— Да не жилица она на бѣломъ свѣтѣ, птичка наша Божія. Видно на родину вспорхнуть хочеть.

— Я пошлю за докторомъ.

— Нѣтъ, повремени еще. Если ей будетъ къ ночи легче, такъ еще есть надежда, а нѣтъ, такъ никакой докторъ не поможетъ.

— Однако, тетушка, какъ же оставить безъ помощи? Можетъ-быть можно спасти.

— Поди, самъ посмотри. По мнѣ, докторъ только напугаетъ и отца, и ее. А она такъ и уснетъ, какъ малое дитя, и перелететь къ Господу своею чистою душой. Она едва двигается. Ночь всю не спала, въ жару лежала, но не бредила. Я часто подходила къ ней; къ утру былъ бредъ, все тебя поминала, просила о чемъ-то, я не могла разобрать.

— А гдѣ Егоръ Евстафичъ?

— Онъ, бѣдный, веселехонекъ, ничего не знаетъ; еще чуть свѣтъ въ Грачовку увѣхалъ.

Радомскій вошелъ въ гостиную, и нашелъ Манечку на обычномъ мѣстѣ. Но она не сидѣла, а лежала въ подушкахъ. Она была страшно блѣдна; впалые глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, высохшія губы были сжаты. Увидѣвъ Радомскаго, она оживилась, щеки покрылись румянцемъ.

— Вы худо спали, Манечка?

— Да. Я скоро умру, отрывисто отвѣчала дѣвушка.

— Что вамъ за охота все говорить о смерти!

— Вы сами знаете, что это правда, и Дарья Андревна знаетъ; я вижу по ея лицу. Только отецъ не знаетъ, тѣмъ лучше. Не говорите ему, я сама ему скажу.—Голосъ ея какъ-то странно и глухо звучалъ.

— Вы завтра ѣдете? спросила она, когда Юрій Николаевичъ сѣлъ подлѣ нея.

— Да, я думаю; еще не знаю, посмотрю.

Манечка молчала, приподнялась съ подушекъ, опустила голову и долго о чемъ-то думала. Потомъ вдругъ сказала:

— Я умру скоро. Исполните вы мою послѣднюю просьбу?

— Съ радостью, Манечка. Говорите что?

— Оставайтесь еще нѣсколько дней, если это вамъ не будетъ тяжело.

— Хорошо если вы этого желаете.

Глаза Манечки заблестали. Она протянула къ нему обѣ руки; Радомскій наклонился къ ней, она схватила его руки, прижала къ груди и прошептала: „Благодарю васъ, благодарю васъ!“ Волненіе утомило ее, она лишилась чувствъ. Юрій Николаевичъ хотѣлъ бѣжать, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, но не могъ освободить своей руки. Больная скоро пришла въ себя, открыла глаза, улыбнулась и прошептала:

„Благодарю васъ.“

Смотря на бѣдную Манечку, Радомскій невольно припомнилъ катанье въ лодкѣ въ Крутыхъ Горкахъ, и то неприятное впечатлѣніе, которое произвела на него мысль: „Мы увлечемъ ее въ бездну.“ „Неужели я точно буду причиною ея смерти? Неужели она точно полюбила меня, и полюбила уже такъ сильно?“ думалъ Юрій Николаевичъ.

Онъ сталъ припоминать всѣ разговоры свои съ Манечкой, всѣ обстоятельства. Тутъ онъ припоминалъ, какъ она постоянно спрашивала когда онъ ѣдетъ, какъ она плакала когда узнала объ его отъѣздѣ. Страшное раскаяніе терзало его душу, и мысль, что онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ причиною ея смерти, ужасала его.

— О чемъ вы думаете? спросила Манечка.

— О васъ, милая сестрица.

— Вамъ жаль меня? Не жалѣйте; я не хочу, чтобы вы обо мнѣ жалѣли. Я не хочу, чтобы вамъ было тяжело изъ-за меня, умоляла она.

— Вѣдь я васъ, какъ братъ, люблю. Мнѣ больно видѣть, что вы страдаете, хотя я вполнѣ увѣренъ, что вы выздоровѣете.

Манечка долго смотрѣла на него своими блестящими глазами, и потомъ проговорила:—Какъ вы добры!

Юрій Николаевичъ въ то же утро послалъ за докторомъ, и просилъ его пріѣхать, не медля ни минуты; но чтобы не беспокоить никого, просилъ его сказать, что онъ самъ отъ себя вздумалъ навѣстить больную. Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ Манечку, прописалъ лѣкарство, но, уѣзжая, сказалъ Юрію Николаевичу, что больная только при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ прожить недѣли двѣ, много

мѣсяць, что ее убиваетъ изнурительная лихорадка, а главною причиною ея болѣзни должна быть болѣзнь душевная.

— Можетъ тутъ замѣшана любовь, говорить докторъ,—или какое-нибудь внезапное семейное несчастье; это должны знать ея близкіе лучше меня.

— Но развѣ можетъ дѣйствовать такъ сильно душевное потрясеніе на такое молодое существо?

— Организмъ ея отъ природы очень слабъ. У нея нервная система до того потрясена, что я удивляюсь какъ она все это вынесла. А теперь, повторяю, ее убиваетъ лихорадка, и, какъ я думаю, какое-нибудь затаенное горе. Въ ней чувство развилось слишкомъ рано и въ ущербъ физической силѣ. При этомъ у нея страданія легкихъ; вы можете замѣтить это по ея голосу и отрывистому кашлю. Если она не умретъ теперь, то умретъ немного позже отъ скоротечной чахотки, которая уже, кажется, начинаетъ свое разрушительное дѣйствіе.

XIII.

Прошли недѣли двѣ. Радомскій не смѣлъ и помышлять объ отъѣздѣ, чувствуя себя невольною причиною страданія и приближающейся смерти бѣдной Манечки. Ей было то лучше, то хуже, смотря по силѣ лихорадки по ночамъ. По утрамъ она была до того слаба, что уже не поднималась съ постели. Къ вечеру она оживлялась; ее выносили въ гостиную, и она весело разговаривала, и была необыкновенно оживлена. На щекахъ ея игралъ яркій румянецъ, наводившій еще большую грусть на душу Радомскаго. Румянецъ этотъ безпрерывно напоминалъ ему слова: „мы увлечемъ ее въ бездну“. Она совсѣмъ преобразилась, казалось даже выросла, больше говорила, и въ словахъ ея слышалась какая-то торжественность. Она уже не была прежнею застѣнчивою дѣвочкой: близость къ вѣчности, любовь и страданія, развили ее.

Егоръ Евстафьевичъ, видя живость и веселую улыбку дочери, былъ веселъ и покоенъ.

— Знаете, Дарья Андревна, сказалъ онъ однажды,—я думаю, что ужь скоро можно будетъ перевести дочку мою домой. Я нанялъ рабочихъ немного домъ подновить, перекрасить. А то стѣны ужь очень закоптились. Она до-

вольна будетъ, какъ найдетъ все чистенько. Она вѣдь у меня это любитъ. Какъ будетъ все готово, къ тому времени и она совсѣмъ поправится. Мы и переберемся, а то ужъ мы, я думаю, очень вамъ насолили.

Больно было Дарьѣ Андреевнѣ разрушать заблужденія старика. Она молчала и все ждала, что онъ самъ увидитъ въ какомъ положеніи его дочь. Но бѣдный отецъ не понималъ, что дитя его вянеть какъ цвѣтокъ въ раннюю осень. Могъ ли онъ знать, что въ его тихой Манечкѣ кипятъ страсти, сердце изнываетъ отъ страданій, отъ ненависти къ другой женщинѣ. Это угадала бы мать,—но у Манечки не было матери.

Послѣ страшной, безсонной ночи, Манечка сказала Радомскому:

— Юрій Николаичъ, мнѣ бы очень хотѣлось видѣть Антонину Александровну. Вы скажете, можетъ-быть, что это глупо, да, можетъ-быть, оно и такъ; но вы простите; мнѣ ужъ такъ мало осталось жить. Да и пора. Черезъ меня вы не ѣдете. Вы такъ добры, жалѣете меня. Какъ вы думаете, пріѣдетъ она, если вы напишете?

— Развѣ вы такъ любите Антонину Александровну?

— Я бы очень желала ее видѣть, продолжала Манечка оживляясь и не давая отвѣта на вопросъ Радомскаго.—Попросите. Она можетъ-быть не откажетъ. Напишите, что я умираю.

— Милая Манечка, не думайте о смерти. Я буду еще долго жить въ Проселкахъ, зимой на саняхъ будемъ кататься.

Манечка покачала головой.

— Что жь, пріѣдетъ Антонина Александровна?

— Я думаю, пріѣдетъ.

— Такъ напишите ей. Я ужъ очень скоро умру. Я знаю. Мнѣ снилось.

— Что же вамъ снилось?

— Я не могу сказать, но я знаю, что я умру на дняхъ. Напишите, умоляла Манечка.—Только не сердитесь на меня, что я все васъ беспокою.

— Вы должны знать, что я все для васъ сдѣлаю, и очень охотно.

— Да, я знаю, вѣдь вы для меня остались, и какъ долго! ужъ совсѣмъ осень. Вамъ будетъ худо ѣхать.

— Я останусь охотно всю зиму.

— Нѣтъ, нѣтъ; такъ долго не надо. Если останетесь, то ужъ не для меня. Напишите же.

— Когда же?

— Сегодня, если можно, сейчасъ. Да просите, чтобы сегодня, а нѣтъ, такъ завтра утромъ, непременно, просите прѣхать.

Радомскій исполнилъ просьбу Манечки, и написалъ о ея желаніи Аннѣ Семеновнѣ.

Когда гонецъ былъ отосланъ, Манечка съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стала ждать отвѣта, и когда получили отвѣтъ отъ Анны Семеновны, что онѣ будутъ на другой день, больная повеселѣла и опять нашла въ себѣ силы выйдти къ чаю, хотя безъ посторонней помощи она не могла подняться съ кресель и Радомскій перенесъ ее на рукахъ. Она такъ исхудала, что была легка какъ дитя. Юрій Николаевичъ возился съ своею больною, какъ съ своимъ ребенкомъ; душу его постоянно терзала мысль, что онъ убилъ Манечку.

На другое утро она просила, чтобы ее какъ можно скорѣе одѣли и посадили въ кресло. Она съ безпокойствомъ и болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждала Арнутиныхъ, вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ и мѣнялась въ лицѣ. Радомскій тревожно слѣдилъ за всѣми движеніями больной.

Когда наконецъ, часовъ въ двѣнадцать, подкатила къ крыльцу карета, Манечка страшно поблѣднѣла, задрожала и сильно закашлялась, но скоро оправилась и просила оставить ее одну, когда придетъ Антонина Александровна.

— Вы желали меня видѣть, милая Манечка, сказала Нина подходя къ больной, и протягивая ей руку, хотѣла поцѣловать бѣдную дѣвушку. Но Манечка откинулась въ кресло, спрятала свои худыя, блѣдныя ручки, и молчала, потупивъ голову и нахмуря брови.

— Я давно желала навѣстить васъ, но боялась обезпокоить, вы были такъ больны. Какъ вы теперь себя чувствуете? продолжала Нина.

Манечка не вдругъ рѣшилась ей отвѣчать и долго не глядѣла на свою гостью, которая видѣла въ этомъ молчаніи обычную робость бѣдной дѣвочки и слѣла подлѣ, придумывая чѣмъ разсвѣять и занять больную. Но Манечка преодолѣла себя, подняла голову, и вглядываясь въ лицо Антонины Александровны, тихо, дрожащимъ голосомъ, сказала:

— Я думаю, вы удивились моей смѣлости просить васъ къ себѣ. Я вѣдь умираю и мнѣ нужно было видѣть васъ, Антонина Александровна, продолжала она болѣе твердымъ голосомъ, и очень торопливо, какъ бы боясь, что не успѣетъ всего сказать.—Я очень больна и умру, можетъ сегодня, можетъ завтра, но скоро, очень скоро. Выслушайте же меня терпѣливо. Можетъ-быть, не слѣдуетъ говорить вамъ этого, но надо, надо непременно. Вы вѣдь давно знаете Дарью Андревну, знаете, какая она прекрасная женщина, сколько она дѣлаетъ добра. Пожалуйте ее, сдѣлайте ее счастливою, успокойте ее; это отъ васъ зависитъ.

Нина хотѣла что-то возразить, но Манечка торопливо перебила ее:

— Дайте мнѣ говорить, мнѣ вѣдь надо торопиться. Слушайте! Вотъ ужъ сколько вечеровъ вижу я, какъ она молится; она думаетъ, что я сплю, а я все вижу и слышу, какъ она плачетъ. Она плачетъ о своемъ сынѣ, проситъ ему счастья у Бога. Успокойте бѣдную мать, дайте счастье ея сыну.

Нина вообразила, что Манечка бредитъ, или сошла съ ума; ей становилось страшно.

— Антонина Александровна, вы знаете какъ любить васъ Юрій Николаичъ. Вы хорошо это знаете. Но, вы можетъ-быть не знаете, какъ онъ страдаетъ. А я это вижу. Ему очень, очень тяжело. Онъ уѣдетъ отсюда навсегда. Ему жизнь не мила теперь. Можетъ-быть онъ станетъ искать смерти,—такъ страдаетъ онъ! Вы, вы сгубили его жизнь. И вамъ будетъ грѣшно и страшно тяжело, если вы сдѣлаетесь причиною его смерти. Я все знаю, все вижу; я давно лежу здѣсь больная, и потому рѣшилась просить васъ, зная, что ни Дарья Андревна, ни Юрій Николаичъ не рѣшатся на это. Если у васъ душа добрая, если вы знаете Бога, который судить наши поступки, не отталкивайте любви Юрія Николаича. Согласитесь быть его женой. Вы увидите, какъ вы будете счастливы. Можно ли быть несчастною съ нимъ? Да и неужели можно думать только о собственномъ счастьѣ, и не забыть о себѣ, чтобы дать счастье другому. Вѣдь Господь наградитъ васъ, если вы это сдѣлаете...

— Я право не понимаю, Манечка, почему вы мнѣ все это говорите, сказала Нина холодно.

— Я напередъ знала, что вы это скажете, раздражительно произнесла Манечка.—Но мнѣ все равно, что бы вы ни

говорила, я должна вамъ все высказать. Я не умру спокойно, зная, что тѣ, которые такъ много для меня сдѣлали, страдаютъ, и какъ глубоко страдаютъ, черезъ васъ, Антонина Александровна, да, черезъ васъ!

Нина хотѣла возражать, но Манечка продолжала:

— Сдѣлайте счастливымъ Юрія Николаича, именемъ Бога прошу васъ, согласитесь быть его женой. Я умру, и если Господь проститъ мнѣ мои невольныя прегрѣшенія, я буду молить Его тамъ, откуда постоянно буду васъ видѣть, чтобъ Онъ наградилъ васъ, послалъ бы вамъ счастье. Милосердый Господь исполнитъ мои молитвы, Онъ дастъ вамъ это счастье. Антонина Александровна, сжальтесь надъ нимъ! молила Манечка. — Онъ любитъ васъ больше жизни своей.

— Полноте, Манечка, ради Бога, успокойтесь и объясните мнѣ, кто вамъ все это сказалъ, какъ вы все это знаете? Для чего вы меня такъ просите?

— Я не перестану, если вы мнѣ не обѣщаете быть женою Юрія Николаича.

— Вы напрасно себя мучите.

— Такъ вы хотите убить его? Вы хотите передъ Богомъ отвѣчать за этотъ грѣхъ? Развѣ это не будетъ мучить вашей совѣсти?

— Еслибъ это было и въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ вы говорите, то Юрій Николаичъ самъ бы могъ сказать мнѣ все это.

— А онъ не говорилъ вамъ?

Нина смутилась: ей было и страшно, и неловко, и неприятно.

— А! Вы молчите. То-то! Онъ вамъ все это говорилъ, да вы ему отвѣчали, что мало любите его. Чтò же, если и мало, вы все-таки его любите, а счастье не хотите ему дать?

Антонинъ Александровнѣ было до крайности неприятно видѣть, что Манечка все знаетъ. Она не понимала, какимъ образомъ могла она узнать ея тайну. Она холодно сказала:

— Еслибъ я могла дать счастье Юрiю Николаичу, я бы давно это сдѣлала и безъ вашей просьбы.

Больная вдругъ приподнялась, выпрямилась и глухо сказала:

— Какое же у васъ сердце, если вы неспособны дать счастья ему, когда онъ васъ такъ любитъ.

— Оставьте, прошу васъ, Манечка; вы совершенно напрасно тревожите себя. Пусть будетъ такъ какъ угодно Богу; не будемъ говорить объ этомъ.

— Я не умѣю такъ жить какъ вы, Антонина Александровна, и думать только о себѣ. Со мною точно будетъ то что будетъ. Отъ этого пострадаетъ только мой бѣдный отецъ, но онъ старъ, и скоро послѣдуетъ за мной... А если вы говорите, пусть съ вами будетъ что угодно Богу, то вы вѣрно забыли, что Богъ велитъ любить людей, какъ самихъ себя. Если вы этого не дѣлаете, то вы и Бога не знаете!

— Къ чему вы дѣлаете мнѣ всѣ эти наставленія.

— Вы гордая, жестокая дѣвушка! Вамъ неприятно, что я такъ прямо вамъ въ глаза говорю правду. А когда его не станетъ, и совѣсть ваша будетъ повторять вамъ то же что я говорю, тогда что вы скажете вашей совѣсти? Или у васъ нѣтъ совѣсти?

— Совѣсть скорѣе упрекнула бы меня, еслибы я стала женою Юрія Николаича и сдѣлала его несчастнымъ.

— Такъ у васъ нѣтъ сердца, нѣтъ души, нѣтъ и Бога у васъ, еслибы вы могли сдѣлать его несчастнымъ. Нѣтъ у васъ Бога, если вы на это рѣшаетесь, зная его, зная какъ онъ васъ любитъ, проговорила Манечка, сверкая глазами и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Антонинъ Александровичъ стало очень страшно. „Она помѣшана“, подумала она.

— Чего же вы хотите отъ меня? спросила Антонина Александровна, отодвигаясь отъ больной.

— Я... Я хочу отъ васъ счастья ему. Дайте ему счастья! Вамъ это такъ легко.

— Вы хотите, чтобъ я пожертвовала собою? Пожалуй, я готова собою жертвовать. Но приметъ ли онъ мою жертву?

— Нѣтъ, Нина. Я не принимаю жертвъ, успокойтесь, сказалъ Радомскій, входя въ комнату. Ни я, ни тетка моя, не уполномочивали Манечку говорить съ вами. Въ этомъ увѣряю васъ честью. Это ей внушилъ самъ Богъ, я ничего не зналъ.

— Ей дурно, сказала Нина, указывая на Манечку, которая при видѣ Радомскаго откинулась назадъ и лежала безъ чувствъ.

— Бѣдная! замѣтилъ Радомскій, укладывая ее въ кресла.— Нина, вы вѣрите, что ни я, ни моя тетка, ничего ей не говорили.

— Вѣрю. Я вамъ всегда вѣрю.

— Благодарю васъ, Нина, за это. Теперь я ужь не буду ждать отъ васъ, въ моемъ *далекъ*, того желаннаго *да*, кото-

раго я добивался. Я вижу, что вы меня никогда не любили. Это была только привычка дѣтства. Будьте счастливы съ другимиъ.

Нина вротянула руку Радомскому.

— Кто же сказалъ ей все это? спросила она, указывая на Манечку.

— Никто не могъ ей сказать. Но не беспокойтесь, что она все знаетъ; она не передастъ этого никому, кромѣ Бога; жизнь ея не долга.

— Бѣдная! Нина еще разъ пожала руку Радомскаго, и вышла изъ комнаты. Скоро послышался стукъ кареты. Арнунтины оставили Проселки.

Радомскій привелъ въ чувство Манечку. Она открыла глаза, и воображая, что тутъ Антонина Александровна, проговорила: — У васъ нѣтъ сердца, нѣтъ души, нѣтъ Бога. Вы жестокая дѣвушка. Но гдѣ она? спросила Манечка, замѣтивъ подлѣ себя Радомскаго.

— Она уѣхала.

— Уѣхала?.. уѣхала и не дала, не хотѣла дать счастья.

— Манечка, милая Манечка. Зачѣмъ вы желали говорить съ нею?

— Я все надѣялась.

— На что?

— На ваше счастье?

— Оно вамъ такъ дорого?

— Дорого ли оно мнѣ?.. Богъ видитъ, какъ оно мнѣ дорого. Господи! прибавила она, сложивъ руки.—Прости мнѣ, я ненавижу ее. Я не могу простить ей.

— Манечка, Манечка, что вы говорите?

— Молитесь обо мнѣ, чтобы Господь помиловалъ меня. Я умираю, но простить ей не могу. Она не хотѣла дать вамъ счастья. Боже мой, Боже мой! шептала Манечка.—Не сердитесь на меня, Юрій Николаичъ. Простите мнѣ, молитесь за меня.

Радомскій поцѣловалъ ее.

Затѣмъ она замолчала, и потребовала, чтобы ее перенесли на постель. Къ вечеру лихорадка усилилась. Она почти не могла ужъ говорить.

Егоръ Евстафьевичъ, никакъ этого не ожидавшій, былъ какъ ошеломленный... Онъ машинально слушалъ, что кругомъ его

говорилось, машинально подавалъ вещи, которыхъ спрашивали для больной.

Утромъ, оставшись съ Радомскимъ вдвоемъ, Манечка долго глядѣла на него, положивъ руки на его плечи и наконецъ проговорила едва внятно: „Благословите меня, поцѣлуйте меня.“ Радомскій исполнилъ ея желаніе, прижалъ ее къ себѣ какъ дитя, и чувствовалъ какъ она становилась все тяжелѣе, тяжелѣе. Она нѣсколько разъ хотѣла говорить, но уже не имѣла силы, и скоро замолкла навсегда.

Три дня спустя, изъ Проселокъ тянулась печальная погребальная процессія. Везли Манечку въ Грачовку. Егоръ Евстафьевичъ не плакалъ, но шелъ нетвердыми шагами, часто спотыкался и придерживался за гробъ. Дарья Андреевна шла подлѣ Егора Евстафьевича, внимательно наблюдая за нимъ. По ея заплаканному лицу видно было, какъ ей жаль „Божьей птички“. Радомскій слѣдовалъ за ними.

Гробъ привезли въ Грачовку. Старый священникъ, крестившій Манечку, совершилъ отпѣваніе, и гробъ опустили въ могилу, передъ окнами дома, гдѣ прожила Манечка свои семнадцать лѣтъ.

Долго стоялъ Радомскій надъ могилой и невольно шепталъ: „Мы увлекли ее въ бездну.“

Могъ ли онъ себѣ представить, что это маленькое, невинное существо, казавшееся ему совершеннымъ ребенкомъ, могло полюбить его съ такою страстью? Могъ ли онъ вообразить въ то время, когда онъ приходилъ къ ней размыкивать горе, что онъ вливалъ въ ея сердце огонь, отъ котораго она сгоритъ. Онъ былъ слишкомъ занятъ своею собственною любовью, и не могъ обратить вниманіе на душу Манечки. Могъ ли онъ себѣ представить, что въ этой дѣвчкѣ кипятъ страсти женщины?

Наканунъ своего отъѣзда, Радомскій пошелъ взглянуть на Егора Евстафьевича. Уже вечерѣло. Холодный вѣтеръ сбивалъ послѣднія листья съ деревъ, засыпая свѣжую могилку Манечки.

Егора Евстафьевича Радомскій засталъ въ его маленькой гостиной у окна.

Въ комнатѣ было довольно темно; старикъ глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ покоилась его дочка. Увидя Юрія Николаевича, онъ всталъ, протянулъ ему руку и посадилъ подлѣ себя.

— Еще свѣтло, сказалъ онъ, указывая на крестъ могилы,

и помолчавъ прибавилъ:—я радъ, что ты пришелъ. Хотѣлъ было самъ идти къ тебѣ. Дай мнѣ сѣмень отъ твоихъ цвѣтовъ: я посею въ парничкѣ, а лѣтомъ устрою ей цвѣтникъ на могилкѣ. Да, видишь, скоро зима. Снѣгъ пойдетъ, вовъ тучи какія свѣрыя по небу ходять. Боюсь, засыплетъ ее. Хочу домикъ надъ нею деревянный поставить, чтобы снѣгомъ не закрывало, а лѣтомъ снимать буду. И памятникъ ей красивенькій закажу. Деньги-то я ей же, братецъ, копилъ; думалъ, въ приданое пригодятся. Ну, да она не захотѣла, къ жениху небесному отошла. Да будетъ Его святая воля. Да и какой женихъ на землѣ былъ достоинъ ея, думаю я теперь. Вѣдь она была у меня такая... Вотъ ты бы, Юря, еще могъ бы быть ей мужемъ. Я и думалъ иногда; да Господь лучше знаетъ что дѣлаетъ. Она это всегда говорила. А я не плачу по ней, право нѣтъ, говорилъ старикъ, не замѣчая, что слезы текли по его морщинистымъ щекамъ.

Радомскій вышелъ отъ Егора Евстафьевича совсѣмъ расстроганный. Онъ подошелъ къ могилѣ Манечки и долго стоялъ надъ нею. „Я увлекъ ее въ бездну“, думалъ онъ, и склонившись надъ могилой, началъ горячо молиться, какъ никогда не молился. Молитва успокоила его взволнованную душу. Видно Манечкина душа и теперь дѣйствовала на него успокоительно. Бѣдная Манечка!

Предчувствіе Егора Евстафьевича сбылось; въ ночь выпалъ снѣгъ. Еще до свѣту передъ крыльцомъ ожидала Радомскаго дорожная коляска. Юрій Николаевичъ, въ шубѣ и шарфѣ, укутанный доброю теткой, вышелъ на крыльцо. Дарья Андреевна провожала его.

— Прощай, голубчикъ мой! Ненаглядный ты мой! говорила она, крестя племянника.—Иди же мнѣ, смотри. Не забывай старухи.

— Буду, буду писать, тетушка.

— Да смотри не загуливайся долго, скорѣе домой пріѣзжай. Да привези мнѣ молодую хозяйку. Порадуй меня подъ старость.

— Постараюсь, тетушка; только не тоскуйте безъ меня.

— Не буду, родимый, не буду. Не безпокойся, возьму къ себѣ ту сиротку, что я тебѣ говорила; веселѣе будетъ. Да и Егора Евстафьяча надо каждый день провѣдывать. Ты ужъ обо мнѣ не хлопочи.

— Да и вы мнѣ почаще пишете, говорилъ Радомскій, садясь въ экипажъ.

— Какъ же, какъ же! Еще бы я тебѣ не писала! Да ты не забывай писать, когда деньги нужны.

— Хорошо, тетюшка. Прощайте, до свиданія.

— Прощай, ненаглядный ты мой! крикнула старуха, крестя въ воздухъ отъѣзжающій экипажъ. Ужь Юрій Николаевичъ давно скрылся, а Дарья Андреевна все стояла на крыльцѣ, и отирая слезы, крестила воздухъ. Когда она рѣшилась наконецъ войти въ домъ, она повернулась въ сторону Крутыхъ Горокъ, бормоча: „Королева этакая! Онъ ей не пара!“

Выѣзжая изъ своей усадьбы, Радомскій велѣлъ повернуть направо, чтобъ ѣхать чрезъ село Крутые Горки. Когда показался домъ, Юрій Николаевичъ велѣлъ остановиться, выпрыгнувъ изъ экипажа, тихо пошелъ по снѣжной аллеѣ, обошелъ домъ со всѣхъ сторонъ, постоялъ подъ окномъ Нины, гдѣ замѣтилъ свѣтъ отъ ночной лампы, и быстро вернулся къ коляскѣ.

— Пошелъ, крикнулъ онъ, и лихіе кони помчали Юрія Николаевича по широкой дорогѣ, слегка посыпанной только что выпавшимъ снѣгомъ. Мѣсяцъ выглянулъ изъ-за тучъ, и тускло освѣтилъ снѣжную равнину.

Что же сталося съ Ниной?

Анна Семеновна, по первому установившемуся пути, увезла ее въ Москву. Я недавно ее видѣлъ. Она такъ же хорошо играетъ Бетговена, выраженіе лица ея осталось то же. Но румянецъ и свѣжесть исчезли, и потухъ блескъ ея черныхъ глазъ. Я долго глядѣлъ на нее, и невольно подумалъ: „C'est une existence manquée!“ Но кто же виноватъ?

М. СОСНОГОРОВЪ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ¹

VII. Ферма, пробы и клеверъ.

Въ запискахъ моихъ изображающихъ первоначальное устройство моей фермы,² въ самую, можно сказать, минуту хаотическаго броженія двухъ разнородныхъ элементовъ земледѣльческаго труда: крѣпостнаго и вольнонаемнаго, я рѣшился ограничиться фотографическою передачей фактовъ, предоставляя имъ говорить за себя. Съ тѣхъ поръ какъ все это происходило у меня, прошло два года. Въ это время многое измѣнилось въ понятіяхъ и на дѣлѣ. Теперь уже не слышать фразъ въ родѣ слѣдующей: вольный трудъ для производства гораздо выгоднѣе крѣпостнаго и т. п. Теперь всякій понимаетъ, что фермерское хозяйство такое же чисто коммерческое предпріятіе какъ фабрика, заводъ и т. д.; но не для всякаго, быть-можетъ, ясно, до какой степени подобное заведеніе (я готовъ сказать моральное лицо) чувствительно ко всѣмъ экономико-соціальнымъ перемѣнамъ. Чѣмъ меньше ферма, чѣмъ менѣе у нея средствъ прибѣгать къ раздѣленію труда, тѣмъ

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* 1863 года, № 1.

² См. *Русскій Вѣстникъ* 1862 года, №№ 3 и 5, „Замѣтки о вольнонаемномъ трудѣ.“

чувствительнѣе она къ такимъ переменамъ. Если и въ большихъ городахъ, этихъ центрахъ раздѣленія занятій, подобныя перемены ощутительны для жителей, на которыхъ онѣ вліяютъ изъ третьихъ, четвертыхъ рукъ, то легко представить себѣ, какъ онѣ дѣйствуютъ на изолированную ферму, гдѣ надобно имѣть все, что есть въ городѣ, только при содѣйствіи самаго ограниченнаго числа рукъ, во многихъ случаяхъ не болѣе какъ двухъ рукъ для десяти и болѣе самыхъ разнообразныхъ занятій. Мнѣ кажется, что самая чувствительность элементовъ новаго дѣла интересна какъ признакъ извѣстной кристаллизаціи его. Великій законодатель и хозяинъ фермы стоятъ на двухъ противоположныхъ концахъ галванической цѣпи. Геніальное соображеніе всѣхъ разнородныхъ послѣдствій новаго закона, необходимое первому, совершенно не нужно послѣднему. Только вообразите отмѣну дѣльнаго, или введеніе недѣльнаго закона, и вы легко поймете, что ежедневный, можно сказать, ежечасный опытъ немедленно укажетъ фермеру на неизбѣжныя для него послѣдствія предстоящей перемены.

За два года вся задача состояла въ прекращеніи крѣпостнаго труда. Эта задача разрѣшена и въ нѣкоторомъ отношеніи отступила на второй планъ; теперь вопросъ въ томъ, какъ и чѣмъ замѣнить этотъ трудъ на дѣлѣ, а не на словахъ. По этому поводу возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, и вотъ почему я не могъ и не хотѣлъ на этотъ разъ пройти молчаніемъ тѣ изъ нихъ, которые казались мнѣ главными по вліянію на фермерскую (въ настоящее время, вѣрнѣе сказать земледѣльческую) дѣятельность. Что касается до приводимыхъ мною фактовъ, я стараюсь и на этотъ разъ отнестись къ нимъ фотографически, предоставляя имъ, по возможности, говорить самимъ за себя.

Будь я на столько же способенъ ослабляться собственной дѣятельностью, какъ извѣстная молочница съ горшкомъ на головѣ, читатель, быть-можетъ, не безъ удовольствія нашелъ бы на этихъ страницахъ много отрадныхъ диковинокъ, а иной, начинающій хозяинъ, не зная какъ и что ему дѣлать, воскликнулъ бы: „нашелъ! нашелъ!“ Но увы! я не могу видѣть того чего еще нѣтъ, да быть-можетъ и не будетъ, а два года слишкомъ незначительный срокъ для новаго, во всѣхъ отношеніяхъ, хозяйства. Въ прошломъ году я обѣщалъ поопредѣленнѣе поговорить о принятой мною хозяйственной системѣ,

и постараюсь теперь, въ возможно сжатомъ видѣ, исполнить обещаніе, безъ всякихъ самообольстительныхъ прикрасъ.

Какъ извѣстно прошлогоднему читателю, я получалъ въ управленіе двѣсти десятинъ, которыя обрабатывались на всѣ манеры: крѣпостнымъ и вольнымъ трудомъ, исполу и отдачей въ наемъ. Мы видѣли плачевный результатъ такого образа дѣйствій. Разумѣется, пахотная земля раздѣлена была, по барщинскому, на три поля. Самая поверхностная выкладка покажетъ, до какой степени барщина была права въ отношеніи къ своей вѣковой рутинѣ. Изъ двухсотъ десятинъ, примѣрно, шестьдесятъ находились въ пользованіи крестьянъ, и полагая кругомъ по 4 рубля за десятину, владѣлецъ имѣлъ ежегоднаго, но единственнаго расхода 240 руб. Затѣмъ ему оставалось въ трехъ поляхъ по тридцати по три десятины пашни и двадцать съ чѣмъ-нибудь десятинъ сѣнокосу, не считая выгона, да четырехъ десятинъ лѣсу. Какъ ни былъ бы дурень урожай на прѣсной землѣ, владѣлецъ могъ дѣлать такой расчетъ:

	За домашн. расходомъ.	Делегъ.
Съ 33 десятинъ ржи по 4 четверт.—132 четв.	100 четверт.	300 руб.
— 33 — — овса — 6 — — 198 —	150 —	300 —
— 20 десят. лугу—сѣна по 100 пуд.—2.000. 1.000 пудовъ.		150 —
<u>Итого чистаго доходу</u>		750 руб.

При этомъ онъ могъ держать четырехъ лошадей, четырехъ коровъ и штукъ двадцать овецъ для собственной надобности, что вполне достаточно при такомъ миниатюрномъ хозяйствѣ. Итакъ, хозяйничая спустя рукава, невозможно было, при старой рутинѣ, получить на этомъ клочкѣ, кромѣ собственного продовольствія, менѣе 750 руб. Посмотримъ, сколько дастъ тотъ же клочокъ, при новомъ затруднительномъ и хлопотливомъ хозяйствѣ? Принимая урожай прошлаго 1862 года за норму (лишь бы никогда отъ нея не отступать!), мы должны выставить слѣдующія цифры:

Съ 40 десятинъ озимаго:		
Продано 35 четвертей пшеницы по 7 р.	245	руб.
Ржи 280 четвер. по 3 р.	540	—
Полагая, что со временемъ можно будетъ продавать по 100 четвертей овса и по 2 руб.	200	—
<u>Итого валоваго доходу</u>		985 —

Надо имѣть въ виду, что вмѣсто 8 или 10 штукъ крупнаго скота, мнѣ необходимо держать до 120. Взглянемъ на неизбѣжный годовою расходъ.

Десяти рабочимъ, считая кругомъ годовымъ и лѣтнимъ жалованья по 30 руб.	300 руб.
Двумъ скотникамъ	55 —
Расходъ на приварокъ	100 —
Наемъ постороннихъ рабочихъ	100 —
Ремонтъ орудій и сбруи	100 —
Прикащику	100 —
	<hr/>
Получимъ расходоу	755 руб.
Затѣмъ остается чистаго доходу	230 —

Не забудьте, изчисленный мною расходъ относится къ четыремъ полямъ, изъ которыхъ въ каждомъ только по 40 десятинъ. А еслибъ оставить трехпольную запашку, то-есть обрабатывать попрежнему въ каждомъ полѣ 53 десятины вмѣсто сорока, то за исключеніемъ неизмѣннаго расхода на прикащика и скотниковъ, пришлось бы остальной расходъ въ 600 руб., увеличить на $\frac{1}{3}$, то-есть на 200 руб., что составило бы вмѣстѣ уже не 755, а 955 руб. Ясно, что удержать, при подобныхъ условіяхъ, трехпольную систему—верхъ неразумія. Нужно было выбрать такую, которая была бы не многосложна, удобопонятна самому безхитроственному уму, и давала бы возможность сосредоточить большія силы на меньшемъ пространствѣ. Кажется, проще моей системы быть не можетъ. Раздѣливъ 160 десятинъ пашни на 4 поля, я забросилъ одно изъ четырехъ, а съ остальными поступаю по старой трехпольной системѣ. На бумагѣ забросить поле весьма легко, а на практикѣ я забрасывалъ свое два года, и только прошлую осенью окончательно забросилъ. По нѣкоторымъ даннымъ, я предполагаю, что въ нашей полосѣ шестилѣтняя *залежь* успѣетъ превратиться въ новъ или по крайней мѣрѣ дойти до возможности поднять пшеницу. Если это правда, то одно это отчасти вознаграждаетъ за прогуленные шесть лѣтъ. Кромѣ того, поле не перестаетъ и во время отдыха служить экономіи, въ началѣ въ видѣ пара, а подъ конецъ, можно надѣяться, и въ видѣ сѣнокоса.

Если меня спросятъ, на чемъ основаны такія блестящія надежды?—то, вмѣсто отвѣта, представлю краткую исторію моего четвертаго клена. Двадцать десятинъ этого поля я, въ 1860 году, засталъ уже подъ паромъ, а остальные 20 вспаханными подъ

рожь. Рожь снялъ въ 1861 году, а 20 десятинь двухгодовалого пару уже довольно густо покрылись всякаго рода сорьями и кислыми травами, между которыми мѣстами стали показываться луговая травка и бѣлый клеверъ. За что же, подумалъ я, одна половина поля будетъ уже зеленѣть, а другая лежать черною Сахарой, да еще не давъ мнѣ яроваго? Не лучше ли засѣять эти 20 десятинь овсомъ съ тимоеемъ и клеверомъ, хоть для пробы? Въ такомъ случаѣ, при удачѣ, черезъ годъ все четвертое поле представитъ сплошную массу травъ. Такъ я и сдѣлалъ, а пока прекрасный овесъ мой выспѣвалъ, скотина все дѣло ходила по шестнадцати десятинамъ отличнаго подножнаго корму, да съ заказанныхъ, для пробы, четырехъ десятинь того же трехлѣтняго пару сложено до 100 пудовъ сѣна не высокаго достоинства.

Зная по опыту какіе тонкіе и вѣжные ростки пускаютъ клеверъ и тимоеева трава, я принялъ за правило сѣять ихъ не съ яровымъ, а послѣ такъ-называемой ломки овса, отдѣльно, и не подъ соху, а только подъ борону. Это мнѣ напоминаетъ прошлогодній анекдотъ, разказанный не безъ ироніи моимъ прикащикомъ объ одномъ значительномъ (обязательномъ) сосѣднемъ хозяйствѣ. Прибывшій изъ Москвы управляющій тоже принялся за травосѣяніе и, разумѣется, въ значительныхъ размѣрахъ. „Вотъ и разсѣяли они, говоритъ прикащикъ, десятинахъ на 100 выписныхъ сѣменъ, рублей на 700, а управляющій кричитъ пахарямъ:—Паши глубже! По положенію на 2 $\frac{1}{2}$ вершка.—Да глубоко, батюшка, будетъ.—Не твое дѣло. Паши по Положенію. И запахали эти сѣмена. Что же? Хоть бы одно перышко брызнуло! Такъ черная пахта и осталась.“

На нашей фермѣ проба травосѣянія была мною сдѣлана еще съ весны 1861 года. Я высѣялъ пять пудовъ, выписанныхъ отъ К. Я. Мейера сѣменъ: Четыре пуда по четыремъ десятинамъ бывшаго ковопляннику, а одинъ на десятину двухгодовалого пара попавшаго подъ садъ. Послѣднюю можно считать обыкновенною прѣсною землей. Тѣмъ не менѣе, несмотря на отвратительную распашку и такой же сѣвъ, тимоеей и клеверъ вышли и дозрѣли до сѣменъ прекрасно. Клеверъ даже повалился. Но сколько сѣна дала бы эта десятина,—судить не могу, запустивъ траву на сѣмена. Что касается до первыхъ четырехъ десятинь, то хотя онѣ и не могутъ служить примѣромъ обыкновенному

полевому травосѣянію, однако не могу не сказать нѣсколько словъ о родившемся на нихъ клеверѣ. Я назвалъ эти четыре десятины громкимъ именемъ конопляника; но конопля, которую я на нихъ засталъ въ 1860 году, была до того плоха, что во избѣжаніе возни я продалъ всѣ четыре десятины на корню, за 35 рублей.

Весной 1861 года я по той же землѣ разсѣялъ яровую пшеницу съ тимоеемъ и клеверомъ, на свой рискъ. Я зналъ, что эти травы сѣютъ и за границей съ овсомъ, но до сихъ поръ не знаю дѣлаютъ ли то же съ яровою пшеницей. Теперь положительнo могу сказать, что это можно. Пшеница родилась хорошо, и подъ нею оказался прекрасный всходъ травъ. По неопытности я дозволилъ цѣлую осень гонять по молодому всходу лошадей. Этого очевидно дѣлать не слѣдуетъ, и мена увѣряли, что травы погибнутъ. Въ какой мѣрѣ сбылись предсказанія, видно по прошлогоднему урожаю. Клеверъ, котораго сѣялось только $\frac{1}{4}$ на $\frac{2}{4}$ тимоеемъ, почти исключительно завладѣлъ почвой и далъ въ первый укосъ около 1.200, а во второй около 600 пудовъ превосходнаго сѣна; итого около 1.800 пудовъ съ четырехъ казенныхъ десятинь. По 450 пудовъ съ десятины!

Желательно бы знать, родится ли онъ гдѣ-либо въ болѣе громадномъ количествѣ. Вотъ минута, когда можно бы пуститься въ постройку воздушныхъ замковъ. Помните! на прѣсной, чуть-чуть разцарапанной землѣ, клеверъ повалился, на истощенномъ конопляникѣ далъ по 450 пудовъ съ десятины. Ну, если онъ въ нынѣшнемъ году дастъ на двадцати десятинахъ только по двѣсти пудовъ, да двадцать десятинь залежи дастъ хотя по пятидесяти пудовъ простаго сѣна? Вѣдь это представитъ количество 5.000 пудовъ лишняго въ экономіи сѣна, т. е. около 1.000 рублей новаго дохода. Куда же послѣ того годится прежнее трехлѣтнее хозяйство, если взять еще въ соображеніе, что при новомъ плодородіи полей должно возрастать, а при старомъ оно падало съ каждымъ годомъ? Но мы будемъ пробовать, а не мечтать, тѣмъ болѣе что прошлою осенью, подъ прекраснымъ овсомъ, оказался—увы!—самый чахлый всходъ сѣяемыхъ травъ. Остается одно: ждать, припоминая народную поговорку: „осень говорить: раскуцу; а весна говорить: какъ я захочу“.

VIII. Въ какой мѣрѣ возможно у насъ требовать нововведеній.

Въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ случилось намъ когда-то прочесть слѣдующія строки: „Гибельное вліяніе на наше земледѣліе имѣли слѣдующія причины: 1) отсутствіе умственного развитія въ народѣ, 2) упадокъ его энергіи, 3) крѣпостное состояніе, 4) недостатокъ оборотнаго капитала, 5) неразвитость торговли и промышленности, 6) плохое состояніе путей сообщенія, 7) слабое развитіе городовъ, 8) незначительная степень населенности и т. д.“

По нашему простому пониманію, вся эта тирада—образецъ преднамѣреннаго или невольнаго смѣшенія понятій, гдѣ въ видѣ причинъ выставлены послѣдствія, а главная и быть-можетъ единственная причина зла попала только въ восьмой номеръ, именно: „незначительная степень населенности“, противъ которой только два средства, или вѣковое терпѣніе или немедленная иммиграція. Народонаселенія искусственно не выгоняешь, какъ спаржу на пару. Неужели нужно повторять tritum pertritum, что въ природѣ нѣтъ богатства, въ экономическомъ смыслѣ, безъ содѣйствія человѣческаго труда; что огромный золотой островъ, у полюса, куда не можетъ забраться человѣкъ, совершенно бесполезенъ, и все равно, существуетъ онъ или нѣтъ; что гдѣ нѣтъ рукъ, тамъ нѣтъ и богатства, нѣтъ не только оборотнаго, но никакого капитала, нѣтъ торговли и промышленности, не можетъ быть ни путей сообщенія, ни сильныхъ городовъ, ни хорошей администраціи, ни высшихъ потребностей, ни энергіи, ни умственного развитія, а есть одна непроходимая бѣдность, беспомощность и перебиваніе изо дня въ день, какъ у первобытныхъ кочевниковъ. Стоитъ наступить неурожайному году, и люди валяются какъ мухи на свою хлѣбороднѣйшую землю. Намъ все толковали о пролетаріатѣ, точно будто мы страдаемъ подъ бременемъ этого зла. Да, господа! гдѣ же этотъ пролетаріатъ, ищущій на Руси работы и не находящій ея? Покажите хоть одинъ экземпляръ этого класса. Вотъ, третьяго дня къ сосѣду моему заѣзжалъ становой и жаловался, что, живя въ огромномъ селѣ и имѣя подъ руками всевѣдающихъ сотскихъ, ни за какія деньги не можетъ достать бабу въ кухарки. „Слава

Богу, что у меня жена (прибавилъ онъ) умѣетъ сама стряпать, а то хоть съ голоду умирай. Да и точно (продолжалъ становой), что за неволя бабѣ идти теперь въ чужіе люди, когда она цѣлую зиму прядетъ, тчетъ, да денежки у печки зарабатываетъ? Холстина-то, съ 1½ да 2 копѣекъ за аршинъ, стала 6 да 7 копѣекъ. А тутъ къ веснѣ свой же мужикъ найметъ ее пеньку мять, а тамъ сажать, полоть, грѣсть да вязать, такъ она около дому сыта, и за лишнимъ рублемъ въ мѣсяцъ не погонится.“ Вотъ это фактъ. Вы намъ суете развитіе, а вы намъ кухарку-то дайте! Нѣтъ рукъ! Нѣтъ рукъ! Вотъ нашъ постоянный припѣвъ.

А вотъ вамъ другой фактъ: Прошлымъ лѣтомъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, почти вся наша округа поднялась переселиться въ Тобольскую губернію, и первые загадали идти на *вольную степь* крестьяне огромнаго села С., получившіе въ надѣлъ всю барскую землю, безъ остатка въ пользу владѣльца. Тѣмъ не менѣе, они отъ нея отказывались, лишь бы пустили ихъ на *вольную степь*. Слухъ объ ихъ переселеніи облетѣлъ округу, и всѣ крестьяне рѣшили идти на вольную степь, не зная, разумѣется, что это такое.

Естественныя условія жизни — лучшая школа. Вотъ пусть-ка крестьянинъ, и въ 250 лѣтъ не забывшій шатаній Юрьева дня, повладѣетъ девять лѣтъ собственнымъ полемъ *лично*, а не на безобразномъ общинномъ основаніи, да вложить въ родимую земаю свой потъ и трудъ, тогда посмотримъ, возьметъ ли онъ втрое большій клочъ на *вольной степи*? Пусть онъ заведетъ свой садъ, своихъ пчелъ, да свяжется возрастающими потребностями съ ближайшими рынками и торговыми путями: тогда отдайте ему Юрьевъ день и будьте увѣрены, онъ такъ же мало имъ воспользуется, какъ богатый столичный домовладѣлецъ. Община понятна и разумна какъ общество, но какъ владѣніе—она не болѣе какъ книжничество, если не фарисейство. Россію не разъ упрекали въ до-Геродотовской методѣ строиться изъ бревенъ на живую нитку. Хороша бы она теперь была, обстроившись изъ камня до окончательнаго размежеванія!

О другихъ будто бы причинахъ, а въ сущности послѣдствіяхъ низкаго уровня земледѣлія и говорить не стоить, напримѣръ о дорогахъ и полицейскомъ надзорѣ. Мало ли есть хорошаго въ странахъ съ густымъ населеніемъ? Да это хорошее намъ пока недоступно. Въ Германіи вы протянули

руку за вывальною придорожною славой, а сторожъ уже кричить: „halt!“ и хватаетъ ослушника за воротъ. Вы ломаете въ лѣсу вѣтку, или подымаете еловую шишку, а лѣсничій уже кричитъ: „halt!“ цѣлаясь въ ослушника изъ нарѣзнаго штуцера. У насъ утромъ цѣлая волость мучилась, достраивая на степи несчастный осиноый мостикъ, а къ вечеру, около него, въ тинѣ, завязнуль мужикъ съ возомъ и ось въ грязи сломалась. На двадцать верстъ кругомъ пособить некому, а топоръ про случай припасень въ возу. Удивительно ли, что погибающій начнетъ ломать первое перило или мостовину, не размышляя о томъ, что слѣдующій за нимъ путникъ ужь окончательно погибнетъ? Да какой консерваторъ поступитъ въ подобномъ случаѣ иначе? Признаюсь, еслибы меня въ подобномъ положеніи окружали обѣ англійскія палаты, увѣщевая не нарушать общественнаго порядка, я бы подѣ ихъ краснорѣчіе еще съ большимъ ожесточеніемъ рубилъ нужную мнѣ балку. Будь мостъ вѣчный, каменный, съ хорошими звѣздами и будкой со сторожемъ, тогда другое дѣло! И не зачѣмъ рубить, и не позволять. А у насъ, даже безъ надобности, руби съ плеча, благо до Бога высоко, а до Царя далеко. Нѣмцы все дѣлають и берегутъ руками да капиталомъ, а мы достигай того же нравственнымъ уровнемъ.

Въ прошагоднихъ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* выставяли на видѣ фактъ конкуренціи воловъ съ желѣзною дорогою. За границей это дѣйствиительно не мыслимо. Но у насъ, гдѣ иной торговый капиталъ не оборачивается и разу въ годъ, разнища вѣсколькихъ дней и недѣль въ доставкѣ не можетъ идти въ соображеніе. Если это правда, и волю требуютъ съ меня за извозъ дешевле чугунокъ, за что же я заплачу лишнее въ пользу того или другаго способа перевозки? Развѣ въ видѣ преміи за искусство? Но торговля и благотворительность два дѣла разныя. Вѣчный опытъ показываетъ, что никакая регламентація не можетъ соперничать результатами съ конкуренціей. Доказательство наши почты. Давно ли почтовое вѣдомство само просило о замѣткахъ насчетъ неисправностей? Что же? Его закидали замѣтками, а толку нѣтъ по очевидной причинѣ: кто бы ни взялся гонять почту, несмотря ни на какія льготы со стороны правительства, не сведетъ концовъ. Нельзя человѣку дошедшему до нуля сказать: лѣзь въ мивусъ.

Должно согласиться, что во всякомъ жизненномъ явленіи

выражается не одна кака-либо причина; но въ хаотическомъ беспорядкѣ кричатъ всѣ факторы вмѣстѣ, какъ настоящіе еврей-факторы у офицерскаго порога въ Польшѣ или Малороссіи. Тутъ и причины, и слѣдствія равно даютъ себя чувствовать.

Два брата Ш—вы, одинъ въ Москвѣ, другой во Мценскѣ, содержатъ постоянные дворы и подражаются доставлять вещи черезъ извозчиковъ туда и обратно. Нынѣшній годъ за недѣлю до отъѣзда изъ Москвы, я отправилъ черезъ московскаго Ш—ва ко мценскому на свое имя два экипажа и вещи. Пріѣзжаю во Мценскъ,—экипажей нѣтъ, хотя они должны придти на шестой день, иначе извозчикъ въ убыткѣ. За то мнѣ говорятъ: не оставляйте экипажей у Ш—ва. Онъ записалъ и у него такой беспорядокъ, что заѣзжіе извозчики возами обломаютъ экипажи, и вы ни съ кого не получите. Справедливость послѣдняго замѣчанія я испыталъ надъ экипажемъ, доставленнымъ мнѣ изъ Москвы въ прошломъ году, и потому, по пріѣздѣ въ деревню, со вторника масленицы до чистаго понедѣльника, меня беспокоила мысль, что я опоздаю послать къ Ш—ву, и не успѣю принять мѣръ противъ крушенія. Наконецъ блины кончились, рабочіе сползлись въ понедѣльникъ утромъ, и прикащикъ съ двумя изъ нихъ отправился на двухъ парахъ въ городъ. Въ среду вечеромъ, въ сильную метель, посланные вернулись. „Что? цѣло?“—„Ничего нѣтъ. Не приехали.“—„Можетъ ли это быть? Служкомъ двѣ недѣли!“—„Тамъ былъ извозчикъ изъ Москвы, такъ говоритъ: знать не скоро ваши экипажи будутъ. Онъ видѣлъ у Ш—ва на дворѣ: такъ зашитые въ рогожахъ и стоятъ. Московскій-то Ш—въ записалъ.“—Порядокъ! одинъ записалъ на одномъ концѣ, другой на другомъ, а люди проѣздили даромъ 120 верстъ и потратили деньги и кормъ понапрасну.

Мы говорили о нашей общей бѣдности. Иной *метафизикъ* въ ямѣ спроситъ: что такое бѣдность? *Отецъ* на это отвѣчаетъ: немѣняе того, что есть у всѣхъ добрыхъ людей. *Метафизикъ* недоволенъ и говоритъ: „бѣдность есть немѣняе необходимаго. Съ этой точки зрѣнія, Діогенъ богаче Александра и Россія богаче расчесанной, разукрашенной и упорядоченной Европы, съ ея полями, мостами, садами и училищами.“

На такое опредѣленіе богатства и бѣдности мы только спросимъ метафизика: не фразы ли это? И возможно ли, чтобы человѣкъ голодая, токулъ въ грязи, мучился, и между тѣмъ

не чувствовала тяжести своего положения? „Не сознает, так не чувствует.“ Должно сознаться, результат почти оправдывает *seculo | vicieus* метафизика. Въ неразвитомъ народѣ можно разчитывать только на его слабости, а не на человѣчески законныя потребности. Разъ изъ неудавшагося квасу мои рабочіе подняли шумъ, а дайте имъ дурнаго качества мясо или сало, они докажутъ, что отличаютъ хорошее отъ дурнаго. Чтò же ждать они въ своей семьѣ, это дѣло другое. Кабаки растутъ не по днямъ, а по часамъ; суммы за *дешевку* собираются громадныя. Мяса въ нашей сторонѣ нельзя поставить дешевле трехъ копѣекъ за фунтъ. Не угодно ли кому открыть, вмѣсто кабаковъ, мясныя лавки съ говядиной по одной копѣикѣ за фунтъ. Много ли будетъ покупателей? Да! Это низкая степень развитія, но она все-таки результатъ, а не причина бѣдности. Не отъ того я бѣденъ, что у меня нѣтъ кареты, а наоборотъ. Но не по метафизическому понятію, а по простому будничному сравненію, многіе называютъ Россію богатой. Неудивительно, что иностранцы, выдавшіе однихъ баръ, въѣзжавшихъ въ ихъ столицы шестернею въ собственныхъ экипажахъ, кричали о баснословномъ богатствѣ Русскихъ. Неудивительно, что французскіе журналы, по поводу распродажи картинъ Анатолія Демидова, и теперь кричатъ, завидуя огромнымъ суммамъ. Но вѣдь подобныя отдѣльныя явленія—не Россія, тѣмъ болѣе не двигатели земледѣльческаго прогресса. Пусть не считаютъ насъ непослѣдовательными. Говоря о главномъ земледѣльческомъ факторѣ (извините!), мы не отстаемъ отъ нашего тезиса. Для правильнаго, предусмотрительнаго хозяйства, у насъ ни на что не хватаетъ рукъ. Это не даетъ права высшей правительственной или частной интеллигенціи сидѣть сложа руки. Она обязана предусмотрительно и ревниво наблюдать, чтобы хотя наличныя силы не пропадали даромъ. Въ этомъ смыслѣ, если только дѣло пойдетъ разумно, эманципация труда, между неисчислимыми послѣдствіями, должна заставить города помѣняться ролю съ деревнями. При старомъ порядкѣ, городъ былъ единственною цѣлюю всякой интеллигенціи, а деревня не болѣе какъ гнуснымъ средствомъ. Въ деревнѣ скупилась, терзались, дрались и подвѣргали себя строгой лозѣ иностранныхъ наставниковъ, лишь бы приобрѣсть возможно болѣе шансовъ для городской дѣятельности. Деревня была училищемъ, чистилищемъ для

вшествія въ городской рай. Наступила иная пора, и меньшинство городовъ должно занять настоящее мѣсто въ отношеніи къ большинству деревень. Гостиная и зала пусть будутъ въ деревнѣ, а городъ можетъ и долженъ быть классною, кладовою колониальныхъ и паяскихъ товаровъ, базарною площадью, архивомъ, сторожкой и т. д. Прежде и въ отношеніи социальномъ дѣлали то же, что въ земледѣльческомъ. Распахивали нощи. Теперь, господа! Новей нѣтъ, а надо по старымъ бороздамъ пускаться съ новыми усиліями. Надо приложить къ дѣлу умственную гимнастику.

Надо недостатокъ рукъ замѣнить машинами.

Развѣ это не дѣлается? Посмотрите по большимъ дорогамъ! Сколько везутъ машинъ изъ Москвы и изъ-за границы! Въ губернскихъ городахъ появились магазины земледѣльческихъ машинъ и орудій. Но за то сколько съ ними и бѣдъ! Кому за ними смотрѣть? Кому ихъ ладить? Сколько капитала, въ видѣ этихъ машинъ, пропадаетъ и еще будетъ пропадать на Руси даромъ! Опять стѣна безрукости и бѣдности. Не будемъ говорить о недостаткѣ спеціального образованія. Предположимъ, что есть у насъ механики, ветеринары, счетоводы, пчеловоды и т. п. Возьмемъ чистый доходъ съ моей фермы, и спросимъ что она можетъ удѣлить всѣмъ этимъ господамъ, даже при рѣшеніи не получать ни копѣйки съ основнаго капитала? И какой образованный спеціалистъ можетъ довольствоваться приходящимся ему дивидендомъ? Опять роковая стѣна. На основаніи однихъ этихъ данныхъ, видна несостоятельность надеждъ нашихъ кабинетныхъ агрономовъ на такъ-называемыя образцовыя фермы. Хорошо этимъ фермамъ быть образцовыми, имѣя за собой капиталъ Общества. Отчего не произвести отличнаго овса, котораго десятина выручить 60 рублей, если на нее потрачено 120. Такой образецъ не маякъ, а фалшфейеръ заманивающій на кораблекрушеніе. Даже при подобныхъ условіяхъ ферма Московскаго Земледѣльческаго Общества не удержалась и сдана изъ профессорскихъ рукъ въ частныя. На что намъ эти фермы? А наши-то хозяйства развѣ не образцовыя пробныя фермы, на которыхъ каждый пробуетъ ворочать дѣло на всѣ стороны? Одинъ мѣтитъ въ Нѣнца, другой въ Американца, а третій присматривается къ приѣмамъ русскаго мужика, коли замѣтилъ, что у мужика извѣстная отрасль хозяйства идетъ исправнѣе чѣмъ у него. На дняхъ, по поводу одного конгресса-

водскаго вопроса, я былъ у совѣда К. Я поवालъ къ нему въ подваль, то-есть въ часъ окончанія утреннихъ работъ.

— Дева баринъ?— „Никакъ нѣтъ.“ — Гдѣ же онъ? — „На гумнѣ.“ Въ это время мимо меня съ гумна возвращались три работника, верхомъ на трехъ лошадахъ, какихъ я еще не видывалъ между барскими разгонными: огромныя, сильныя, здоровыя и какъ бочки сытыя. Я ничего не понималъ въ подобномъ явленіи, и только про себя пробормоталъ: „волшебство!“ Барина побѣжали искать, а я отправился въ его кабинетъ.

— Ну батюшка! воскликнулъ я неволью, когда К. показался въ дверяхъ.—Рабочія лошадки у васъ прелесть! Какъ вы это дѣлаете?— „Овсомъ.“—Да развѣ можно кормить рабочихъ лошадей своимъ овсомъ, не раззорившись въ конецъ?— „Нельзя.“— Стало-быть вы сознательно хотите раззориться?— „Нѣтъ. Я всю зиму дѣлалъ то же что мужику. Я извозничалъ и даже бралъ съ постороннихъ полкопѣйкой на пудъ хлѣба дешевле мужиковъ. Работалъ, правда, немного себѣ въ убытокъ; за то видите въ какомъ состояніи лошади и въ какомъ видѣ я самъ.“ К. показалъ на полушубокъ и валенки. „Безъ этого нельзя“, прибавилъ онъ. „Въ ночь, въ полночь не лѣнюсь, бѣгу ощупывать вернувшихся лошадей: что холка? что плеча? что спина?“

Если это не химерическое пересыпаніе денегъ изъ праваго кармана въ лѣвый, такъ хорошо. Главное, хорошо то, что всякій пробуетъ все возможное. Одинъ поступаетъ по расчету, другой по рутинѣ: посмотришь—результатъ тотъ же. Рядомъ съ моими полями—поля О. У меня четыре поля, у него еще три. У меня бурьянъ по залежи, и у него тоже. Только я забросилъ четвертую часть пашни, вслѣдствіе ариметическаго расчета, а онъ забросилъ свое за невозможностію управиться. Я предвидѣлъ стѣну и не пошелъ, а онъ не захотѣлъ на нее взглянуть и уперся въ нее. Тѣмъ не менѣе бурьянъ и у него растетъ точно такъ же, какъ будто входилъ въ ариметическія вычисленія.

Однако, къ какому окончательному выводу придемъ мы съ вопросомъ о мѣрѣ, въ какой у насъ можно требовать нововведеній? Вспомнимъ не разъ *Водолазовъ* дѣдушки Крылова. Въ глубь моря полѣземъ, утонемъ; по берегу будемъ таскаться, обняцаемъ; а держась середины, авось поправимся и хоть немного наловимъ жемчугу. Впрочемъ человечество такъ

устроено, что всегда и безъ насъ найдутся охотники, не спросясь броду, нырнуть въ воду. Вспомнимъ судьбы всевозможныхъ акцій и акціонеровъ. Нельзя отрицать великой заслуги подобныхъ водолазовъ. Надъ ихъ вразумительными или матеріальными могилами исторія пишетъ: „Сюда не надо ходить.“ Но цѣлый народъ безъ остатка не можетъ и не долженъ нырять подобнымъ образомъ, очертя голову, на авось. Странно спрашивать: нужны или не нужны нововведенія, когда всѣ, кто волей, кто не волей, несутся по самой ихъ быстринѣ, и когда сама нужда заставляетъ ихъ сочувствовать. Только не будемъ искать такихъ нововведеній, которыя неминуемо припрутъ насъ къ стѣнѣ. Вотъ хоть бы моею экономіи необходима зерносушилка, а я настроилъ дешевыхъ крестьянскихъ овиновъ, да и пацкаюсь съ ними. Что же дѣлать? Не строить же барщинскую, дорогую и несостоятельную ригу? А мало-мальски удовлетворительной зерносушилки нѣтъ. Вся Россія кричитъ: дайте зерносушилку! а ея все нѣтъ. Другія орудія нужны не однимъ намъ, вотъ онѣ и изобрѣтаются и усовершенствуются иностранцами. Зерносушилка нужна только намъ. Гнилой западъ въ это дѣло не вмѣшивается, а гноимъ-то свой хлѣбъ—мы. Вотъ тутъ всякое поощреніе со стороны ревнителей земледѣлія будетъ уместно. Назначьте хоть миллионъ преміи за практическую, всѣмъ доступную по цѣнѣ, зерносушилку, и премія въ первый же годъ окупится однимъ зерномъ, пропадающимъ на дорогахъ къ ригамъ и овинамъ. Такая премія будетъ полезнѣе мнимообразцовыхъ фермъ и иныхъ затѣй въ подобномъ родѣ. Попробуйте выставить значительную премію на всемірную конкуренцію, и у насъ чрезъ годъ будутъ зерносушилки. Прежде всего будемте здоровыми людьми. *Mens sana in corpore sano*. Хуже всего эта болѣзненная, узкогрудая раздражительность. Судьба сводила меня съ нѣкоторыми представителями нѣмецкой науки. Какіе они всѣ здоровые, свѣжіе, хлѣбъ съ солью! А ужъ какіе милые, свисходительные къ непосвященнымъ, и говорить нечего. Никогда не забуду вечернихъ бесѣдъ съ однимъ изъ свѣтилъ астрономіи. Какое высокое наслажденіе ходить по незнакомымъ пространствамъ и невѣдомымъ путямъ, опираясь на опытную руку матерински-свисходительнаго вождя, любуясь въ то же время благородно-человѣчною личностію, не утратившею ни одного интереса, отдавшия главному! Въ противоположность такимъ явленіямъ,

едина изъ нашихъ талантливейшихъ писателей разказывалъ мнѣ на днѣхъ свою встрѣчу съ замѣчательнымъ типомъ нашего ученаго. Заранѣе прошу извиненія разказчика, если не сумѣю передать слышаннаго его же словами. Я всегда, началъ разказчикъ, представлялъ себѣ этотъ типъ такимъ, какимъ наконецъ встрѣтилъ его. Жидкіе, моккіе, бѣдвожелтые волоса, узкія плечи и свалившаяся грудь, сухія ноги искомъ, голосъ и выраженіе лица птицы. Весь вечеръ этотъ человѣчекъ провѣчески подсмѣивался надъ людьми, которые въ состояніи тратить время на шатаваніе по лѣсамъ и болотамъ съ ружьемъ за птицами. Этому господину непонятно удовольствіе проскакать на лихой лошади, врубиться въ непріятельскій фронтъ, перенестись вплавъ черезъ Геллеспонтъ. Онъ не пойметъ отвѣта русскаго мужика, пришедшаго добровольно служить въ теченіи двухъ мѣсяцевъ на одномъ изъ Севастопольскихъ бастионовъ. На вопросъ: А что твои домашніе теперь думаютъ? Мужикъ отвѣчалъ:—когда бы домашніе знали какъ тутъ хорошо, всѣ бы сюда пришли.—Этотъ ученый воображаетъ, что можетъ устраивать судьбы народовъ, а не подозреваетъ, что ему самому одно мѣсто на свѣтѣ, богоугодное заведеніе, одинъ костюмъ—больничный халатъ и колпакъ.“

Если, въ извѣстныхъ явленіяхъ нашей жизни, низкая степень развитія и является наглядною причиною отсталости, или лучше сказать преградой на пути усовершенствованій и нововведеній, то, какъ мы сказали, это не измѣняетъ нашего главнаго положенія. Источникъ зла, все та же малонаселенность съ ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ—бѣдностію. Видя быстрые успѣхи колоній въ новыхъ частяхъ свѣта, при сходныхъ съ нами условіяхъ, мы не должны упускать изъ виду, что европейскіе колонисты вносятъ въ новую страну силу, энергію и средства образованности уже какъ готовый матеріалъ, выработанный въ метрополіяхъ богатствомъ, совокупностью труда и густотой населенія. Вотъ еслибы кочующіе народы похвастали гдѣ-либо высокими спеціальными школами, земледѣіемъ, садоводствомъ, архитектурой, торговыми городами и путями, мы бы увѣровали въ отрѣшенную силу какаго-то съ неба сваливающагося образованія.

Въ наши дни эфемерныхъ обще-философскихъ галлюцинацій, эфемериды забрались и въ положительную область

земледѣля, и у насъ нѣтъ недостатка въ обольстительныхъ рекламъ, въ которыхъ цифрами доказывается возможность, въ настоящее время, наживать милліоны при вольнонаемномъ трудѣ. Господа! вы безцеремонно величаете неученаго сельскаго хозяина невѣждой; что же, вмѣсто того чтобы торговать мнимо-спасительными книжечками, не возьметесь вы сами за дѣло и блистательно не наживете милліоновъ?

Пожелаемъ же себѣ любви къ труду, ясныхъ понятій о главной цѣли каждаго изъ насъ, строго охранительныхъ законовъ, возбраняющихъ разъ навсегда вторженіе посторонняго произвола въ наши законныя дѣйствія, взаимнаго довѣрія, основаннаго на той же строгой законности отношеній, — а главное здоровья.

IX. Еще молотилка. Есть ли какой контроль надъ безцеремонностью въ отношеніи къ чужой собственности?

Заглавіе показываетъ, что изъ міра общихъ спорныхъ положеній, мы переходимъ въ міръ неоспоримыхъ фактовъ. Приведутъ ли они читателя къ убѣжденіямъ сходнымъ съ нашими или къ противоположнымъ, мы тѣмъ не менѣе считаемъ нелишнимъ ихъ обнаруженіе. Въ прошлогоднихъ запискахъ, я довольно подробно описалъ всѣ мытарства, черезъ которыя заставила меня пройти выписанная отъ г. Вильсона молотилка. Разказъ остановился на томъ, что приводъ машины требовалъ, вмѣсто двухъ, четырехъ лошадей, и ломался едва ли не ежедневно. Такъ ли, сякъ ли, урожай 1861 года былъ, хотя съ страшными мученіями, перемолоченъ частію дѣвнами, частію убогою машиной. Мы слышали отговорку г. Вильсона, показывавшаго паспорта машинистовъ, разбѣжавшихся по своимъ деревнямъ съ забранными задатками, и слышали его обѣщаніе выслать ко мнѣ непременно машиниста въ концѣ мая 1862 г., на условіи чтобы послѣдній получалъ по рублю въ день во все продолженіе работы. Надо отдать справедливость молотилкѣ г. Вильсона (хотя онъ и надѣлалъ мнѣ около 1.000 рублей невознаграждаемаго убытку): она, можно сказать, вполне удовлетворительна; но за то самая дорогая и сложная часть машины, *приводъ*, никуда не годится. Оборони Боже отъ

него всякаго человѣка! Въ нашихъ степныхъ хозяйствахъ чугуныя машины, да еще состоящія изъ цѣльныхъ литыхъ частей, убійственны. Приводы къ молотилкамъ должны быть деревянныя, составныя. Сломался зубъ, — вонъ его! Каждый рабочій можетъ вбить такой же деревянный запасный, и дѣлу конецъ. А тутъ выломился зубъ, — тащи все десятипудовое колесо на заводъ и переливай его, а тою порой сиди у моря да жди погоды. Таковъ общій недостатокъ чугунныхъ приводовъ. Но приводъ г. Вильсона, кромѣ того, по своей конструкціи, которую здѣсь объяснять не буду, не выдерживаетъ давленія при нашей, даже самой правильной работѣ, хотя, предназначенный для Русскихъ, долженъ бы быть рачитаннымъ на вѣчное *авось* русскаго человѣка. Трудно описать что дѣлалось съ приводомъ г. Вильсона. Ломалась то одна, то другая часть, и спасать машину являлись всевозможные знахари, подвергавшіе ее самымъ разнообразнымъ искусамъ, бывшимъ въ открытой враждѣ съ элементарными законами механики. Гдѣ нѣтъ сознательнаго разумнаго, является клятва и божба, — и эти люди клялись на чемъ свѣтъ стоитъ въ истинахъ подобныхъ слѣдующей: „*чтобъ облегчить экипажъ, надо уменьшить колеса.*“ Они клялись, а я находился въ положеніи философа, который видитъ несостоятельность чужой системы, но не въ силахъ составить своей. Ну, дѣлайте какъ знаете. Они дѣлали — и о, Боже! что выходило!

Зная по горькому опыту, что г. Вильсонъ

„ — смѣясь всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою острой на водъ“,

а съ весны заказавъ сосѣднему машинисту, такой же деревянный приводъ, съ горизонтальнымъ чугуннымъ колесомъ, какой онъ дѣлалъ для своей экономіи.

Какъ у насъ нѣтъ ни телеграфовъ, ни коммиссіонеровъ ни спеціалистовъ, то мы ничего навѣрное не знаемъ, а земля только слухомъ полнится. И до насъ съ сосѣдомъ дошелъ слухъ, что въ Елецѣ чугунъ лучше и гораздо дешевле Орловскаго. Отправили за чугуномъ въ Елецъ за 180 верстъ. Оказалось, дѣла чугуна та же; но рачитавъ дальній провозъ и двухнедѣльную задержку посланныхъ на заводъ, вещи обошлись намъ почти вдвое дороже противъ Орловскаго. „*Не всякому слуху стѣрь.*“

На этотъ разъ г. Вильсонъ сдержалъ слово. Въ началѣ іюня, въ мое отсутствіе, забѣжалъ къ намъ, часа на два, его машинистъ, и объявилъ, что впервыхъ менѣе какъ по два рубля въ день не останется (зри уговоръ), а восторыхъ не станетъ ладить молотилку, если ему не дадутъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была на заводѣ.

Съ тѣмъ и уѣхалъ. Наступилъ августъ,—время ржаного сѣва. Нужны сѣмена. У сосѣда приводъ, близнецъ моему, уже работаетъ, а мнѣ оставалось только къ вильсоновской молотилкѣ приладить деревянный приводъ. Нынче да завтра, будетъ готовъ, и ужь не знаю какъ я наколотилъ ржи на сѣмена старымъ приводомъ. Наконецъ одинъ изъ чугунныхъ зубьевъ главнаго колеса не вытерпѣлъ давленія, и машина стала. Обстоятельства заставляли меня на нѣсколько дней уѣхать въ Воронежскую губернію. Погода стояла райская. „Теперь ни старой, ни новой машины, говорю я прикащику, собираясь въ дорогу:—Надо не упуская погоды, молотить наймомъ.“ — „Почемъ прикажете давать съ копны? Съ меня просятъ по восьми копѣекъ, да я не рѣшаюсь дать болѣе семи.“ — „Давай по пятнадцати.“ — „Помилуйте! съ насъ просятъ по восьми, а мы станемъ давать по пятнадцати?“ — „Да, да! Словомъ, на мою отвѣтственность.“ — Съ тѣмъ и уѣхалъ. Во всю дорогу, туда и обратно, погода не измѣнялась. Прѣвзомъ по деревнямъ только и слышна была дихорадочная стукотня цѣповъ. Какъ же молотить до упаду въ такую погоду! Чѣмъ ближе я подвигался къ цѣли поѣздки, тѣмъ пыннѣе становился урожай и поневолѣ напоминалъ стихи:

„Уже румяна осень носить
Снопъ затые на гумно.“

Разумѣется, первымъ вопросомъ, по возвращеніи было: „Много ли обмолотили?“ — „Ничего.“ — „Отчего?“ — „Да, обѣщались по восьми копѣекъ, придти народу сколько угодно, а тутъ, по вашему приказанію, давалъ по пятнадцати, никто не пошелъ. Всѣ себя спѣшатъ.“ Тѣмъ временемъ приводъ поспѣлъ. Пошли рыть землю, старый станокъ вынимать, новый вкапывать, и вотъ стоить наложить ремень на вильсоновскую молотилку, и дѣло пойдетъ какъ по маслу. Но тутъ, увы! одно непредвидѣнное обстоятельство мелькнуло у меня въ головѣ. Приводъ дѣланъ для барабана съ зубьями, а вильсоновскій барабанъ, съ билами, требуетъ вчетверо болѣе оборотовъ.

Доморощенские механики, мы съ сосѣдомъ взяли по листу бумаги да по карандашу и стали въ запуски разчитывать обороты того и другаго привода. Результатъ вышелъ тотъ же: съ новымъ приводомъ вильсоновская машина должна идти вчетверо тише чѣмъ слѣдуетъ—и не молотить, а только мять да путать хлѣбъ. Пойдемъ пробовать! Опытъ подтвердилъ наши мудрыя, но увы! слишкомъ позднія вычисления. Судьба и услужливый сосѣдъ и тутъ выручили. У него оказались два станка съ зубчатыми цилиндрами, изъ которыхъ онъ однимъ снабдилъ меня. Опять вырывать старый и вкапывать новый станокъ. Теперь вся машина новая, и дѣло пойдетъ на ладъ. Мастеръ получилъ на чай и остался доволенъ, а я въ десять разъ довольнѣе. Черезъ три дня, къ ужасу моему, прикащикъ объявляетъ, что главное колесо, на одномъ мѣстѣ оборота прыгаетъ. Бѣгу, смотрю: прыгаетъ. „Стои! стои! за мастеромъ! А то все полетитъ въ дребезги.“ Остановили, и пятнадцать рабочихъ ничего не дѣлаютъ, то-есть пьютъ, ѣдятъ и жалованье получаютъ. Явился мастеръ, весь выпачкался въ маслѣ и дегтѣ, и объявилъ, что можно пускать. Пятницу прочинились, а въ субботу опять запрыгало. Слава Богу! Въ понедѣльникъ справимъ и будемъ работать. Но мастеръ закапризничалъ и запилъ. Какъ быть? Подъ вліяніемъ велерѣчиваго Вакха, онъ объявилъ на отрѣзъ, что не можетъ теперь устанавливать машину. „Я, говорить, забылъ имъ сказать, чтобы мазали верхнюю шейку въ ходовомъ колесѣ; они не мазали да истерли ее. Теперь ни веретено, ни подшипники не годятся. Я не повѣду.“—„Что же дѣлать?“—„Тутъ есть, говорятъ, по сосѣдству, такой мастеръ.“—„Это тотъ что въ прошломъ году забралъ вещи и деньги, да увѣхалъ въ Елецъ?“—„Нѣтъ, помилуйте-съ! То человекъ совсѣмъ не обстоятельный, а это настоящій мастеръ. Онъ мужикъ, но еще отецъ его былъ машинистомъ, дѣлалъ телѣжку-самокатъ.“—„Посылай за нимъ сейчасъ.“ Привезли мужика, которому и живописецъ, и скульпторъ дорого бы дали за позволеніе взять его въ модель сатира.

Надо было разобрать машину, и сатаръ съ такимъ адскимъ озлобленіемъ принялся за дѣло, что я ежеминутно ожидалъ окончательнаго истребленія привода. Вотъ все разобрано, повыдергано. Дѣйствительно ни веретено, ни подшипники негодны. Они съѣли другъ друга. Подшипники можно купить готовые, а веретено (двухпудовой желѣзный брусъ) должно

быть не только обварено на стертомъ мѣстѣ, но и обточено на станкѣ. Воскресенье я напрасно прождалъ мастера-строителя, понедѣльникъ мы провозимся съ сатиромъ и только во вторникъ вечеромъ я очутился въ Орлѣ у воротъ литейнаго завода П — на. Главнаго механика не засталъ дома, и напрасно прождавъ его часа два, отправился на усталыхъ лошадяхъ въ почтовую гостиницу, передавъ помощнику испорченное веретено и просьбу къ знакомому мастеру.

„Будьте покойны.“

Однако я не успокоился и рано утромъ послалъ узнать о судьбѣ веретена. „Никакъ не могутъ раньше будущаго понедѣльника взяться за эту работу, такъ какъ они на срокъ дѣлають блоки для домашняго театра.“ — „Извозчикъ здѣсь?“ — „Здѣсь.“ — Скачу на заводъ. — „Пожалуста!“ — „Не могу, не могу.“ — „Для знакомства.“ — „Не могу, не могу. Ради Бога, не просите.“ — „Войдите въ мое положеніе. Рабочіе гуляютъ. Вамъ это трехчасовая работа, а я долженъ ѣхать домой съ пустыми руками и въ понедѣльникъ гнать нарочнаго семьдесятъ верстѣ. Только въ среду дай Богъ уладить машину. Вѣдь это двѣ недѣли лучшаго времени пропало!“ — „Не могу, не могу!“ Дѣлать нечего. Вернувшись въ гостиницу, я сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, раздумывая какъ тутъ поступить? Служитель принесъ кофей. Я спросилъ, не знаетъ ли онъ, какъ пособить моему горю. „Прикажете позвать фактора? Онъ здѣсь въ коридорѣ во всякое время обрѣтается.“ — „Позови.“ — Вошелъ рабой мѣщанинъ, съ тѣмъ выраженіемъ, которое бываетъ у трактирныхъ половыхъ, когда они объявляютъ, что есть все что прикажете. Факторъ сказалъ, что приведетъ такого кузнеца-слесаря, какихъ въ Россіи на рѣдкость и который мнѣ все дѣло мигомъ обдѣлаетъ. — „Хорошо, веди слесаря, да заѣзжай на моемъ извозчикѣ на заводъ за веретеномъ.“ Заводъ въ трехъ верстахъ отъ гостиницы, и это за утро третій конецъ, следовательно восемнадцать верстѣ. Явился слесарь. Кто изобразить все внушительное величіе синей сибирки, краснаго носа и чувства собственнаго достоинства? — „Будьте покойны. Представимъ вещь, въ настоящемъ видѣ. Я мастеръ. Безъ хвастовства могу сказать, мастеръ. Покойному Государю Александру Павловичу чинилъ экипажи. Извольте справиться, имѣю медаль на анненской лентѣ.“ — „Что же это будетъ стоить?“ — „Всего пять рублей.“ — „Когда можетъ быть готова?“ — „Въ четыре часа

пополудни.“—„Раньше нельзя?“—„Ни коимъ родомъ.“—„Вѣдь надо на станкѣ обточить.“—„Помилуйте! Неужели мы выпустимъ изъ рукъ недоделанную вещь? У насъ при заведеніи свой станокъ. Всего дѣла-то на полчаса.“ Я отдалъ мастеру веретено, а фактору на водку. Въ то же утро заѣхавъ въ заведеніе садовыхъ и нѣкоторыхъ земледѣльческихъ орудій, я, слово за слово, передалъ хозяину мой недавній разговоръ съ мастеромъ. „Да вы пьюнть ему въ рожу“, воскликнулъ неожиданно хозяинъ. „Какой у него токарный станокъ? У насъ въ цѣломъ городѣ одинъ только и есть на литейномъ заводѣ.“ Былъ третій часъ дня. По условію работа должна была быть скоро готова. Поѣду, подумалъ я, къ слесарю: увижу, по крайней мѣрѣ, что тамъ дѣлается. Пріѣзжаю по адресу. Длинный, грязный дворъ. Налѣво жилой домъ, направо сарай съ хламомъ, въ глубинѣ невзрачная кузница и ни живой души. Вхожу въ кузницу, сопровождаемый ожесточеннымъ лаемъ цѣпной собаки, и первый предметъ попадающійся на глаза, мое веретено, въ первобытномъ видѣ, сунутое въ тлѣющіе угольки горна. Хорошее начало! Иду на крылечко дома. Стучусь. Отвѣта нѣтъ. Повторяю ударъ. Выходитъ толстая баба. „Гдѣ хозяинъ?“—„Отдыхаютъ.“—„Позови.“—„Сейчасъ.“ Минутъ черезъ десять въ кузницу явился преображенный хозяинъ, пьяный, пошатывающийся въ какомъ-то фантастическомъ, поварскомъ костюмѣ съ кожанымъ фартукомъ. За нимъ явились два замазанныхъ оборванныхъ парня. Одинъ сталъ разбуравливать ступки у новаго стама колесъ, а другому хозяинъ сильнымъ голосомъ крикнулъ: „Дуй!“ Началась перековка инструментовъ. Опытъ показалъ, что отъ подобнаго мастера нельзя отлучиться, и я далъ себѣ слово остаться до окончанія работы. Три битыхъ часа простоялъ я надъ мало-по-малу отрезвлявшимся вулканомъ. Довольно за это время перебывало посѣтителей. Замѣтнѣйшими и почетнѣйшими оказались солдаты пожарной команды.

— Что жь ты? скоро тамъ? кричалъ одинъ изъ нихъ со двора, въ то время какъ другой, присѣвъ, въ самой кузницѣ, на новомъ колесѣ, просилъ:—Ребята, нѣтъ ли трубочки покурить?

— Ты у ребятъ-то попроси.

— Ну! а ты чего клещами-то съ боку берешься. Развѣ такъ можно? Эхъ вы! Ты вотъ какъ, во! Видѣлъ? А то гдѣ ее съ боку удержать? Вѣдь это не что-либо такое.

— Да ну! Скоро ль ты взаправду тамъ? кричалъ слова голось со двора.—Я ужь давно мериву ногу-то подиалъ.

— Эхъ право! Ну его тамъ, объѣдай да оторви ему подкову.

— Что это, гдѣ у васъ утромъ пожаръ-то былъ? За Подѣвской площадью что ли?

— Да, за Подѣвской. Таки продрало.

Въ это время мамый отдиравшій подкову, снова устаса вертѣть колесо.—Что это, вмѣшался онъ, оскаливъ зубы, — у васъ на Дворянской-то ось что ли подъ бочкой звать лопнула? Эхъ вы команда!

— Какая тамъ ось? Грядка соскочила. Да что-й-то у тебя у самого на затылкѣ-то? Точно губы красныя? Обжогъ что ли?

— Какое обжогъ? Золотуха была. Два года ломала. Ужъ и допекла же, проклятая. Мало ли я отъ нея постранствовалъ.

— Полно дуть-то, да и ты брось вертѣть, да бери кувалду.

— Такъ! бей! еще! бей!

И замѣтилъ плеву между обваренною шейкой и новымъ желѣзомъ.

— Вѣдь ты плохо проварилъ, любезный!

— Помилуйте! Одно слово! На дѣломъ сдать, а тутъ вѣку не будетъ. Сами изводили видѣть, не желѣзомъ обвариваю, а сталью. На заводѣ вамъ такого матеріалу не поставятъ. Одно слово.

— Гдѣ же точить то?

— Да вотъ, у насъ черезъ улицу станокъ.

— Черезъ полчаса остынетъ?

— Остынетъ.

И уѣхалъ и черезъ полчаса вернулся.

— Готово?

— Готово.

— Гдѣ жь точить то?

— Да мы у того же П—на въ полчаса обточимъ. Онъ не смѣетъ намъ отказать, мы ему сами не отказываемъ.

Тутъ я увидалъ, что обмануть самымъ мошенническимъ образомъ. Но дѣлать было нечего. „Садись! поѣдемъ!“ П—ий механикъ принялъ мастера-самозванца, какъ и слѣдовало ожидать, весьма нелюбезно. Никакія увѣщанія не помогали, и только по моей просьбѣ, кузнецу дозволили воспользоваться токарнымъ станкомъ, безъ содѣйствія заводскихъ рабочихъ. Оказалось, что самозванецъ не только не умѣетъ точить, но не можетъ даже вставить бруска въ станокъ, а когда лошадь

тровола приводъ, и онъ положилъ точильный крюкъ на желѣзо, я ожидаю, что онъ и меня и себя убьетъ. Солнце село. Работы нашей для опытной руки оставалось не болѣе какъ на одинъ часъ; но при такой обстановкѣ можно было ожидать только несчастія. Видя, что дѣло пошло на капризъ и личность противъ кузнеца, со стороны механика, я бросилъ самозванца на заводъ и поѣхалъ къ главному хозяину заведенія съ просьбой уладить дѣло. Сейчасъ же поскакалъ нарочный съ приказаніемъ сдать дѣло своему рабочему, а я поѣхалъ въ гостиницу обѣдать. Лучше поздно чѣмъ никогда. Часовъ въ 8 вечера явился мой первѣйшій въ Россіи мастеръ, неся тяжелое веретено.

— Извольте сударь, взглянуть. Безъ хвастовства могу сказать. Работа—одно слово! Чтò жь? Ребята на заводъ, въ одно слово сами говорили: намъ такъ ни за чтò не одѣлать!

Я самъ видѣлъ, какъ рабочіе не могли удерживать смѣха, глядя на его приемы.

— Ужъ подлинно, рубликъ серебреномъ на чаекъ заработалъ у вашей милости.

Не говоря ни слова, я отдалъ ему деньги по условію и указалъ на дверь. Къ свѣту я былъ дома, гдѣ меня ожидалъ сатиръ, и—увы!—пятнадцать болтавшихся безъ дѣла рабочихъ. Если разборка машины была рѣшительная, то какъ назвать сборку? Сатиръ долбней колотилъ по колесамъ, ломилъ ихъ рычагами и, повидимому, хотѣлъ все раздробить.

— Помилуй, чтò жь ты загоняешь клинья, а ни разу не прикинулъ по ватерпасу?

— Тутъ ватерпасъ не пользуется.

— Хотъ бы мѣломъ понамѣтилъ гдѣ невѣрно.

— Тутъ мѣлъ не пользуется.

Я отвернулся и ушелъ, и долго еще меня провожали удары долбни: бухъ! бухъ!

Въ пятницу утромъ пришелъ прикащикъ:

— Пожаайте машину пробовать.

Попробовали: пошла молотить какъ ни въ чемъ не бывало. Сатиръ, безъ всякаго восторга, смотрѣлъ на успѣшный результатъ своей системы, получилъ деньги и уѣхалъ. Вотъ и подумалъ я: кузнецъ дѣйствительно нахальный обманщикъ, а и за того слава Богу. Въ субботу съ ранняго утра молотилка оялъ пошла работать. Въ одиннадцать часовъ явился прикащикъ. У меня сердце такъ и обмерло.

— Что?

— Да слава Богу! Богъ помиловалъ. Чуть, чуть она меня не убила. Я лѣзь подмазать на ходу большое колесо (это запрещено, но ихъ не урезонишь), какъ она вдругъ хватить надо мной, а малаго таки водиломъ сшибло. Спасибо не больно убился.

— Да, что такое?

— Какъ разъ на самой сваркѣ веретено лопнуло.

— Посылай опять за мастеромъ, а я въ воскресенье опять въ Орель. Знать суждено пропадать двумъ недѣлямъ лучшаго рабочаго времени.

Сельскимъ хозяевамъ вѣроятно памятна въ № 264 *Московскихъ Вѣдомостей* 1862 года статья г. Михаловскаго, въ которой онъ жалуется на непростительную небрежность гг. Сосульникова, изобрѣтателя зерносушилки, и Корчагина, механика принимавшаго заказы на изобрѣтенную имъ машину?

Кто бы и что бы ни говорилъ въ оправданіе гг. Сосульникова и Корчагина, дѣло для г. Михаловскаго разыгралось самымъ плачевнымъ образомъ.

Вмѣсто заказанной имъ машины, онъ черезъ два мѣсяца и десять дней послѣ срока получилъ желѣзный хламъ, за провозъ котораго съ него взяли втрое противъ дѣйствительной цѣны. Деньги за машину 175 рублей и всѣ хлопоты пропали даромъ; да весь хлѣбъ, около 4.000 четвертей, оставшись въ сыромъ видѣ, не могъ поступить въ продажу. Вѣдь это въ большей части случаевъ равняется конечному раззоренію. Такихъ примѣровъ безнаказаннаго производа надъ чужимъ имуществомъ у насъ не перечесть. Прошлымъ лѣтомъ крестьяне деревни З—щи, везшіе съ завода партію сахару въ Москву, свернули съ шоссе въ свою деревню, и распродали сахаръ въ собственную пользу.

Вотъ кстати! Когда я дописывалъ послѣднія слова, мнѣ объявили о прибытіи изъ Мценска несчастныхъ московскихъ экипажей. Привезъ ихъ обратно вѣхавшій изъ города знакомый крестьянинъ. Я велѣлъ расшить рогожи. По счету все оказалось цѣло, но верхъ тарантаса отъ удара перекосялся. Этого мало. Тарантасъ пришелъ къ намъ зашитымъ, а между тѣмъ по вскрытіи рогожи, оказалось, что московскій извозчикъ расшивалъ его и вѣхалъ въ немъ всю дорогу. Новый трипъ на спинкѣ и локотникахъ замасленъ грязнымъ полушубкомъ, а клеенка подъ ногами стерта и изцарапана сапожными гвоз-

дами. Стало-быть, кромѣ провоза, я заплатилъ тридцать рублей за то, что мнѣ сдѣлали убытку на пятьдесятъ рублей. Желательно бы знать, есть ли какой-либо контроль надъ подобными продѣлками, контроль не на словахъ а на дѣлѣ? Отчего въ Парижѣ вы поручаете что вамъ угодно первому уличному коммиссіонеру, безъ всякаго опасенія, а у насъ никому ничего довѣрить нельзя? Не говорите о низкой степени образованія. Это фраза несостоятельная передъ ежедневнымъ опытомъ. Развѣ у насъ, въ образованныхъ, и пожалуй по преимуществу образованныхъ слояхъ, не то же самое? Тутъ не невѣжество виной, а безнаказанность. Развѣ литература наша не дѣлаетъ съ первымъ попавшимся имевъ того же, что извоцикъ сдѣлалъ съ моимъ тарантасомъ? Уваженіе къ незыблемой силѣ закона, уваженіе по преданію и привычкѣ, всосанное съ молокомъ матери, вотъ основа и сущность воспитанія. Мы всѣ большею частію дурно, или пожалуй вовсе не воспитаны. Но объ этомъ послѣ.

Х. Новое Положеніе о потравахъ и загнанныя лошади.

Что ни говорите, а нѣкоторыя явленія обыденной жизни во очію показываютъ переѣзку къ лучшему и заставляютъ съ недоувѣріемъ оглядываться на недавнее прошедшее. Не дашьте какъ два года тому назадъ не было иныхъ средствъ сколько-нибудь оградить поля и сады отъ вторженій чужаго скота, какъ увѣчить и чужую скотину, и чужихъ пастуховъ. Эта единственно цѣлесообразная система была, по безмолвному соглашенію, принята повсемѣстно, и нерѣдко проявлялась въ правильныхъ набѣгахъ, отпорахъ и побоищахъ. Дѣло требовало стратегическихъ способностей съ той и съ другой стороны,—но увы!—всѣ пинки, зуботычины и арапники не исправляли вѣковаго зла. И вотъ, не прошло двухъ лѣтъ, какъ стало невозможнымъ и ненужнымъ бить и ловить кого бы то ни было. Никому, вѣроятно, и въ голову не придетъ гнать скотину на ваше поле, а если какая случайно забѣжитъ, то хозяинъ вѣроятно прежде васъ бросится отыскивать и загонять ее. „Не бей дубиной, а бей полтиной.“ Крестьянинъ безъ особаго сожалѣнія проплетъ рубль, другой, въ кабакъ, но заплатитъ два рубля за забѣглую свинью для него очень чувствительно. Прошаю осенью, табунъ мой, подъ надзоромъ двухъ мальчишекъ, пасся по отавѣ, рядомъ съ

овсянѣемъ сосѣда Р—а, по которому тоже паслись барскія лошади. Наши пастухи, помня строгое приказаніе не пускать скота по чужимъ полямъ, не рѣшались перейти къ мальчишкѣ-пастухамъ Р—а, которымъ, какъ видно, очень захотѣлось проводить время въ общей пріятельской бесѣдѣ. Правда, они могли бы устроить раутъ на межѣ, но тутъ надо наблюдать за лошадьми. Всего лучше перегнать весь табунъ въ лугъ, что они и сдѣлали. Видя такой радушный пріемъ со стороны нашихъ пастуховъ, Р—скіе крестьянскіе пастухи, въ свою очередь, пригнали въ лугъ сорокъ крестьянскихъ лошадей, и все было бы какъ нельзя лучше, еслибы прикащикъ нашъ не наѣхалъ на эту семейную картину. Со случившимся въ полѣ Р—скимъ старостой онъ пересчиталъ крестьянскихъ лошадей, а съ помощію рабочихъ загналъ къ намъ на дворъ восемь барскихъ. Разумѣется, первыми парламентарями явились виновники, мальчишки-табуныцики. Я имъ объявилъ наотрѣвъ, чтобъ они несли по двадцати коп. сер. за лошадь, всего рубль шестьдесятъ коп., и что безъ этого лошади будутъ кормиться у насъ на ихъ счетъ.

Оъ тѣмъ они и ушли. Несмотря на сырую погоду и мѣстами стоявшія лужи, я вышелъ въ поле посмотреть на всходы кормовыхъ травъ. Возвращаясь, вижу на гумнѣ колоссальную фигуру крестьянина. Вѣрно за лошадьми, подумалъ я, и не ошибся.

— Отпустите лошадокъ, явите Божескую милость, завопилъ онъ еще издали:—мальчишка-то мой ихъ пасеть. Такъ теперь баринъ скажетъ: выручайте какъ хотите. Лошади-то господскія. А и барину-то обидно будетъ, затѣмъ что мы вашу скотину ловили да отдавали. (Дѣйствительно, скотникъ упустилъ однажды быка къ Р—мъ, и выпросилъ его обратно, не сказавъ мнѣ ни слова.)

— Напрасно отдавали! Я только объ одномъ прошу всѣхъ сосѣдей: ловите мою скотину и берите законный штрафъ. За то и я никому безъ штрафа не отпускаю.

— Да оно точно, батюшка. Вѣдь вотъ и крестьянскихъ нашихъ насчитали у васъ сорокъ лошадей; вотъ вы съ ними-то и возьмите. Полно имъ озорничать по чужимъ дачамъ. А ужъ барскихъ-то отпустите. Повѣкъ этого не увидите. Тогда хоть по два рубля съ лошади возьмите.

— Я беру по Положенію, а не по своей волѣ, и ты хоть

до завтра толкуй, а рубль шестьдесятъ копѣекъ штрафу носи. Безъ этого нѣтъ лошадей.

— Сдѣлай же милость батюшка! и колоссъ шлепнулся въ грязь на колѣни.

Я махнулъ рукой и пошелъ по направленію къ дому, а мужикъ, стоя на колѣняхъ, продолжалъ жалобно выводить:—Батюшка, да гдѣ же намъ взять рубль шестьдесятъ копѣекъ. Огладнитесь на мужицкія слезы.—Видя, что я ухожу, мужикъ всталъ и догналъ меня у крыльца:—Ваше благородіе, хотъ что-нибудь.

Какъ и всегда, эта продѣлка мнѣ надоѣла:—Ну слушай шестьдесятъ копѣекъ тебѣ спущу, а рубль носи.

— Батюшка! огладнитесь на мужицкія слезы.

— Эхъ братъ, ты пришелъ Лазаря пѣтъ, а мнѣ некогда.— При этомъ я пошелъ на крыльцо.

— Ваше благородіе, надо же намъ расходиться.

— Я тебѣ сказалъ.

— Стало, получайте рубль.

Съ этими словами мужикъ вынулъ изъ-за пазухи и подалъ мнѣ ассигнацію. Смотрю, новенькая красная.

— Значить мнѣ девять рублей сдать приходится.

— Девять рублей.

Сдача и лошади отданы по принадлежности. О сорока крестьянскихъ подано объявленіе сельскому старостѣ, съ угрозой беспокоить посредника, въ случаѣ неуплаты. А какъ я не беспокоилъ посредника, то не получилъ и денегъ.

XI. Вѣзда по клину и сосѣдъ А. Свинцовъ.

Одинъ изъ четырехъ моихъ клиновъ имѣетъ видъ сапога съ голенищемъ, идущимъ къ верху раструбомъ. Сапогъ этотъ повернулся голенищемъ къ усадьбѣ, подошвой на востокъ, а носкомъ на сѣверъ. Линія соответствующая подошвѣ—граница съ землей А. Свинцова. Двѣ сѣверныя линіи отъ носка до подъема и отъ подъема до раструба,—граница съ землей К., а южная отъ каблука до раструба рубежъ съ землей тоже Свинцова, но только Свинцова Порфирія Николаевича. Съ давнихъ поръ, когда земля моя состояла въ общемъ владѣніи Свинцовыхъ, крестьяне и владѣльцы проложили дорогу по моему геометрическому сапогу, перерѣзая его отъ половины подошвы къ подъему, и

затѣмъ продолжая ѣзду по К — му рубежу. Казенная мѣра рубежа не позволяла принимать ни вправо, ни влево, и потому рубежь со временемъ проѣздили въ видѣ корыта, по дну котораго удобно ѣхать только одноконной подводѣ. Да мужику больше и не нужно. За то, отъ подошвы къ подъему, стѣсняться было нечѣмъ, и по цѣлому клину набили дорогу саженей въ пять ширину. Для моей экономіи эта дорога не нужна. На генеральномъ планѣ ея нѣтъ. Со времени отчужденія моей дачи, ѣзда черезъ нее сдѣлалась и для Свищовскихъ бесполезной. Тѣмъ не менѣе въ первый годъ моего хозяйства они все еще продолжали ѣздить черезъ мою усадьбу. Тотъ съ громомъ и грохотомъ гонитъ на парѣ съ базару; этотъ слѣзъ съ кумомъ или съ кумой потолковать, третій—водицы напиться. Тѣ пьяны, эти и пьяны и съ трубками. Чтò ни говорите, въ настоящее время, всякій старается, насколько возможно, держаться отъ крестьянъ въ сторонѣ. Пользы отъ ихъ близости никакой, а заботъ, хлопотъ и убытковъ не перечесть. Нагляднымъ для меня подтвержденіемъ этой истины служить деревня Плоты, расположенная чуть не въ упоръ противъ носка моего поля сапога. Крестьянская скотина не сходила съ моего поля и заставила меня, во избѣжаніе дальнѣйшихъ неудовольствій, обрыть землю канавой до Свищовской дороги.

Потраву чужихъ полей можно еще объяснить прибылью, которую доставляетъ крестьянамъ подобная промышленность. Но чѣмъ объяснить слѣдующій фактъ?

Вчера, проѣзжая по дорогѣ мимо рожицы, я замѣтилъ, что изъ-подъ снѣга въ аллеѣ торчатъ одни столбики скамейки, а верхней доски нѣтъ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что крашеная доска дѣйствительно сорвана и увесена вмѣстѣ съ четырьмя большими гвоздями, забытыми въ дубовые стулья. Отрѣзать, обдѣлать и выкрасить садовую скамью стоить денегъ, но за сорванную доску никто и двадцати копѣекъ не дастъ. Стоило ли трудиться красть ее, и для чего?

Когда землемѣръ обходилъ всѣ наши дачи, я спросилъ, могу ли я запахать Свищовскую дорогу? „Имѣете полное право.“ Пока клинъ отдыхалъ подъ паромъ, ѣзда по немъ не представляла особыхъ неудобствъ, но когда прошлымъ лѣтомъ пришлось готовить его подъ рожь и частью подъ пшевицу,—дѣло принимало серьезный видъ. Я велѣлъ дорогу запахать, а у вѣзда со Свищовскаго поля прорыть канавку. Надо

прибавить, что Свицковскіе, славу Богу, перестали ѣздить через мою усадьбу, а добравъ до конца К—го рубежа, поворачивали подъ прямымъ угломъ направо на большую дорогу, перѣѣзая такимъ образомъ и другой рубежъ Порфирія Свицова. Поле подъ рожь вспахали и передѣлали отлично, такъ что оно приняло видъ чернаго бархатнаго ковра, и какъ ни были надъ утоптанною и укатанною дорогою, а добились до того, что и слѣдъ ея исчезъ. „Ну, думаю, слава Богу! авось отвыкнутъ.“

Въ одно истинно прекрасное и жаркое іюльское утро, толкуя съ поваромъ на балконѣ, я замѣтилъ двухъ человѣкъ, въ какой-то фантастической телѣжкѣ, подѣзжавшихъ къ намъ со стороны Свицковской дороги. Большая, статная, бурая лошадь была запряжена натяжною дугою. Или помѣщикъ, подумалъ я, или франтъ-купецъ. „Михайло! не знаешь ли кто это такой?“ — „Не знаю. Никогда не видалъ.“ — „Ну, да Богъ съ ними! Въ намъ—узнаемъ, а мимо—не нужно.“ Въ это время я услышалъ шорохъ въ передней, и не успѣвъ выйдти въ залу, какъ дверь изъ передней отворилась, и на порогѣ появился съдой, довольно подвыій господинъ, въ коричневомъ сюртукѣ.

— Честь имѣю рекомендоваться, сосѣдъ вашъ, А. Свицковъ.

— Очень радъ. Не прикажете ли чаю, кофею или закусить? Мы только отпили кофея.

— Благодарю. Завтракать рано, а чаю я уже давно напился.

— Не угодно ли садиться?

— Благодарю. Все сидѣлъ дорогою. А знаете ли? Я пріѣхалъ къ вамъ съ жалобой.

— На кого или на что? Позвольте узнать.

— На васъ! воскликнулъ сосѣдъ, серіозно раскатывая глазами.—Вы сдѣлали такое распоряженіе (тутъ онъ откинулъ верхнюю часть корпуса назадъ и значительно разставилъ руки) *qui bouleverse tout mon bien-être!* Вы запахали дорогу, по которой мы испоконъ вѣку ѣздимъ. Согласитесь, что этого нельзя дѣлать.

— Этой дороги и на генеральномъ планѣ нѣтъ.

— Это все равно, есть она на планѣ или нѣтъ ея. Куда же вамъ-то дѣваться? Какъ намъ теперь попасть на большую дорогу?

— Вопервыхъ, позвольте замѣтить, что съ юридической точки зрѣнія далеко не все равно, нанесена ли дорога на планъ или

нѣтъ. А въ вторыхъ, сошлюсь на васъ самихъ, удобна ли эта дорога для моей экономіи или нѣтъ?

— О! съ этимъ я и спорить не буду. Она забиваетъ вамъ цѣлое поле, и по вашей дачѣ такъ много дорогъ, что одною больше, одною, меньше вамъ ничего не значить. А намъ остаться безъ дороги нельзя.

— Помилуйте! Неужели на томъ только основаніи, что если мнѣ въ извѣстномъ отношеніи очень плохо, то я не долженъ и помышлять о какомъ-либо улучшеніи? Что же касается до васъ, вы ни въ какомъ случаѣ не останетесь безъ дороги.

— Какимъ образомъ?

— Вы не добиваетесь права ѣздить черезъ мою усадьбу и остальную дачу?

— Нисколько. Проѣхавъ К—ій рубежъ, мы круто сворачиваетъ направо, на большакъ.

— Прекрасно.

— Нѣтъ; оно было прекрасно, а вы сдѣлали теперь очень дурно, и, воля ваша, я буду жаловаться. Непремѣнно буду жаловаться.

— Какъ вамъ угодно! Но если вы такъ неизмѣнно рѣшились жаловаться, зачѣмъ же брали трудъ толковать со мною объ этомъ дѣлѣ?

— Мнѣ хотѣлось уладить дѣло полюбовно.

— Вполнѣ раздѣляю ваше желаніе, и если вы потрудитесь выслушать, постараюсь объяснить мою мысль. Вы согласны, что проселокъ, которымъ вы, по моей землѣ, поворачиваете на большую дорогу идетъ параллельно вашей, то-есть нашей общей межѣ?

— Согласенъ. Да къ чему это?

— Позвольте! Вы согласны, что запаханная дорога и рубежъ между мной и Порфиріемъ Николаичемъ Свинцовымъ идутъ отъ вашей межи къ моей усадьбѣ нѣсколько расходясь, такъ что четыре эти линіи составляютъ почти правильный четверугольникъ?

— Да, да, согласенъ, согласенъ. Да къ чему все это ведетъ?

— Минуту терпѣнія! Если вамъ или крестьянамъ вашимъ необходимо выѣзжать съ вашего поля на большую дорогу, то не лучше ли сворачивать сейчасъ же по вашей межѣ направо, до межи Порфирія Николаича, а потомъ ѣхать этою межою до проселка?

— Какъ это возможно! Это гораздо дальше.

— Согласно вы, что старая дорога не короче межъ Порфирія Николаича?

— Согласнось.

— Мы уже говорили, что эти двѣ линіи въ мою сторону нѣсколько расходятся, и потому ваша межа короче моего проселка. Это докажетъ вамъ и планъ. По вашей межѣ два даника то-есть 160 сажень, а по моему проселку три даника то-есть 240 сажень. Итакъ предлагаемая мною дорога на 80 сажень короче прежней.

— Помилуйте! Какъ это можетъ-быть? Вы меня никогда не увѣрите.

— Я бы предложилъ пари 1000 противъ вашихъ 10. Но это значило бы взять съ васъ деньги даромъ.

— Стало-быть вы отсылаете меня на Порфиріеву межу? Онъ никогда не позволитъ ѣздить по своей межѣ.

— Не позволитъ ѣздить по казенной и потому никому лично не принадлежащей межѣ онъ не имѣетъ права, да кромѣ того межа столько же его какъ и моя. Представьте, какъ было бы забавно, еслибы Порфирій Николаичъ придумалъ запретить мнѣ ѣздить по моей межѣ?

— Вы другое дѣло, а постороннихъ онъ не пуститъ.

— Да вы же сами ѣздите по моей межѣ, только не по Свицовой, на которую я вамъ указываю, а по К—ой. Почему же по одной должно ѣздить, а по другой нельзя? Мой сосѣдъ не пуститъ по общей межѣ, а я обязалъ пускать не только по межѣ, о чемъ бы я и не спорилъ, а цѣликомъ, черезъ каизъ?

— Помилуйте, какъ вы не хотите понять? Тамъ я ѣду по дорогѣ, а вы меня посылаете по межѣ. Я на это не согласенъ. Тамъ дальше, ни за что не пустятъ ѣздить, и главное, дорога хуже. Тамъ и проѣхать нельзя.

— Не прикажете ли мнѣ проводить васъ верхомъ и указать предлагаемую мною дорогу?

— Сдѣлайте милость. Любопытно посмотреть на вашу дорогу.

— Петръ! Вели осѣдлать лошадь.

Черезъ десять минутъ я былъ уже верхомъ передъ телѣжкой сосѣда, и вывелъ его, безъ малѣйшаго труда, на гладкій, высокій рубежъ, по которому даже были накатаны колея.

— Вотъ и накатанная дорога, замѣтилъ я вслухъ, обращаясь къ сосѣду. Но онъ сидѣлъ видимо недовольный, и при

малѣйшей неровности, восклицалъ: — Хороша дорога. Нѣтъ, какъ можно по рубежамъ ѣздить!

Наконецъ я вывелъ его на исходную точку, то-есть на мѣсто, гдѣ на его рубежахъ дорога была мною запахана.—Вотъ вы и на вашей дорогѣ! И покойнѣе и ближе.

— Какое, помилуйте, покойнѣе и ближе. Вглядитесь-ка на вашу пашню. Пашня славная, охотницкая, а видите ли по ней этотъ слѣдъ колесъ?

Я оглянулся, и дѣйствительно увидалъ свѣжій слѣдъ.

— Это я къ вамъ ѣхалъ... Не могу! Дѣлайте со мною что хотите, а я все-таки буду ѣздить по вашему клину, хоть вы его пшеницей засѣйте. Ловите меня, отпрягайте моихъ лошадей, словомъ, дѣлайте что хотите, а я буду тутъ ѣздить.

Какія ни старался я приводить доказательства правоты моего дѣла, старикъ оставался при своемъ, и твердилъ:—А я буду ѣздить.

Солнце пекло немилосердо, оводы до того кусали лошадей, что удерживать ихъ долѣе на мѣстѣ не было возможности.

— Теперь поступайте какъ вамъ угодно, и позвольте пожелать вамъ добраго пути, сказалъ я, и повернувъ лошадь, пустился рысью домой.—Что копачи, спросилъ я вечеромъ прикащика:—кончили канаву на новомъ огородѣ?

— Немного не кончили.

— Скажи имъ: если хотятъ, пусть по той же цѣнѣ становятся въ полѣ. Ты знаешь, свинцовскій рубежъ окопанъ канавой до бывшей дороги. Пусть они прогоняютъ эту канаву до самаго Порфиріева рубежа. Мнѣ эта комедія съ ихъ ѣздой надоѣла.

Осенью, послѣ хлѣбной уборки, я вздумалъ нанять нѣсколько десятинъ на весну подъ овесъ. Удобнѣе всего было нанять у Свинцова, а потому мой прикащикъ отправился къ нему по этому дѣлу.—Отдаетъ онъ земаю? спрашиваю я вернушагося прикащика.

— И отдаетъ и нѣтъ. Я, говорить, еще и самъ не рѣшился. А ты скажи своему барину, что я буду ѣздить по вашему клину, какъ ему угодно.—Нѣтъ, говорю, сударь! теперь ужъ не поѣдете.—Какъ! Кто мнѣ запретить? Ну, ловите меня!—Мы ловить не будемъ, да вы сами не поѣдете. Тамъ ровъ прорыть по самый рубежъ Порфирія Николаевича.—Не можетъ быть! Успѣли канаву прорыть? Нѣтъ, не можетъ быть!—Извольте послать справиться. — Ну, не ждалъ такъ скоро. Да, впрочемъ, братъ, мнѣ и самому въ одномъ мѣстѣ нужно канаву прорыть. Вотъ седьмой годъ собираюсь, да все не соберусь.

XII. О вѣроятности вліянія винокуренія и южной желѣзной дороги на наше земледѣліе.

Живя въ земледѣльческой полосѣ Россіи, мы поневолѣ, въ каждомъ новомъ вопросѣ, обращаемся къ той его сторонѣ, которая прямо относится къ земледѣлію. Такихъ, въ высшей степени важныхъ, вопросовъ задано на разрѣшеніе русской жизни—два: винокуреніе, и если проектъ осуществится, южная желѣзная дорога. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное ихъ разсмотрѣніе. Разрѣшить ихъ окончательно сама жизнь, которая нерѣдко любитъ подводить совершенно неожиданныя итоги. Позволимъ себѣ высказать только нѣкоторыя соображенія о вѣроятномъ вліяніи этихъ учрежденій на наше земледѣліе. Начнемъ съ винокуренія. Выше говорено, что куда бы мы ни обратились съ нашею жаждой улучшеній и преобразованій, всюду натываемся на несокрушимую стѣну малонаселенности. Работать некому, распоряжаться некому, беречь некому, продавать некому и разбирать некому; а если случайно и явится дѣятель на одну изъ функцій, то въ качествѣ монополиста, такъ что почти было бы лучше безъ него. Извѣстно, что нравственное развитіе идетъ объ руку съ возрастающими потребностями. Мы уже не можемъ, какъ въ старину, довольствоваться хозяйствами, въ которыхъ господская усадьба заключалась въ каменной ригѣ посреди огромнаго гумна. Да и къ чему было затѣвать лишнее? Баринъ жилъ въ Питерѣ или за границей, староста жилъ на деревнѣ въ своей избѣ, крестьяне привозили готовый хлѣбъ на гумно, а сторожа всю зиму сидѣли подъ ригой. Теперь давай усадьбу со всевозможными заведеніями, домъ со всѣмъ комфортомъ, давай книги, журналы, вѣялки, сѣялки, молотилки, зерносушилки, конныя грабли, словомъ, безконечную вереницу улучшенныхъ орудій. На все это потребность возрастаетъ съ каждымъ днемъ, а средства едва ли не идутъ въ обратной пропорціи. Только принимая въ соображеніе такое ненормальное отношеніе вліятельныхъ условій, можно отчасти уразумѣть странныя явленія нашей экономической жизни.

Въ запрошломъ году, напримѣръ, урожай ржи въ нашихъ мѣстахъ, былъ далеко не дурной, и рожь зимою въ Орлѣ была

3 р. 30 к. за четверть. Прошлое лѣто рожь родилась лучше, хотя разница урожая и не была слишкомъ значительна. Зато на сѣверѣ Россіи неурожай, и почти рядомъ съ нами, въ Малороссійскихъ губерніяхъ, тоже неурожай, такъ что нѣкоторые пророки, повидимому не безъ основанія, говорили, что съ установившимся саннымъ путемъ, то-есть къ новому году, рожь пойдетъ изъ Орла не на сѣверъ, а напротивъ—на югъ. Пришелъ и прошелъ новый годъ, и ничего подобнаго не бывало. Рожь въ Орлѣ, только на короткое время, поднялась до 3 рублей съ копѣйками, а то продавалась и ниже 3; да и то говорятъ: скажите спасибо винокурамъ, а безъ нихъ вы отдавали бы вашу рожь чуть не даромъ. Чѣмъ же объяснить подобное явленіе? Тѣмъ, что наши хлѣбородныя мѣстности, за исключеніемъ развѣ лежащихъ у самыхъ бойкихъ сплавовъ, могутъ и должны смотрѣть на себя какъ на отдѣленныя отъ внѣшняго міра непроницаемою стѣной и предоставленныя исключительному вліянію домашнихъ обстоятельствъ. Эти домашнія обстоятельства наконецъ мѣняются. По освобожденію крѣпостнаго труда, освободилось и крѣпостное винокуреніе. Всякій помѣщикъ имѣетъ право въ большихъ и малыхъ размѣрахъ перегонять рожь въ спиртъ. Винокуры гребутъ деньги лопатами и не успѣваютъ готовить живительную влагу; кабаки вырастаютъ какъ грибы, а народъ благословляетъ судьбу, и забывъ, вынужденныя откупомъ, общества трезвости, пьетъ *дешевку* какъ воду. Было бы близорукостію безусловно радоваться этимъ явленіямъ, но стойте! дайте срокъ! Конкуренція подѣлитъ болѣе равномерно барыши винокуровъ, а постоянная возможность дешево напиться, успокоитъ рьяность любителей. У свободнаго винокурения есть другая сторона, другая перспектива, которая должна быть близка сердцу земледѣльца.

Сколько писано и говорено о томъ, что сосѣднія государства, благодаря новѣйшимъ устройствамъ путей сообщенія, отбиваютъ у насъ хлѣбные рынки! До какой степени трудно намъ съ ними соперничать видно изъ слѣдующаго разчета: въ Орлѣ пудъ ржи съ небольшимъ 30 к., въ Москвѣ 40 к. Доставка до Москвы съ небольшимъ 60 к. за пудъ. Слѣдовательно, мнѣ почти вдвое выгоднѣе сжечь свою рожь на мѣстѣ чѣмъ тащить ее жукомъ въ Москву. Тутъ еще до заграничной торговли далеко, а намъ необходимо продавать за границу, если мы сами

покупаемъ тамъ товары. Поэтому, каждое производство, добывающее изъ громоздкаго, тяжеловѣснаго и дешеваго матеріала необъемистый, легкій и дорогой продуктъ, составляетъ величайшее благо для всей страны. Не имѣя подъ руками положительныхъ данныхъ касательно вѣроятности успѣха русскаго спирта, въ качествѣ конкурента на западныхъ рынкахъ, не говоримъ ничего утвердительно; но еслибы Россія сдѣлалась исключительною и естественною поставщицею этого продукта за границу, то земледѣліе наше выиграло бы немовѣрно. Не забудемъ, что вывозя зерна, мы истощаемъ поля, а вывозя спиртъ, оставляемъ даже удобрительныя части въ видѣ *барды*. Какое другое производство представляетъ разомъ такія двѣ выгоды? Всѣ эти соображенія ясно показываютъ, что мы какъ рыба объ ледъ бьемся о плачевное состояніе нашихъ торговыхъ и всяческихъ путей, и что каждый новый шагъ къ ихъ улучшенію, каждый замыселъ въ родѣ проекта южной дороги, не можетъ не вызывать общей радости. Не будемъ спрашивать, устоитъ ли тотъ или другой путь на собственныхъ коммерческихъ ногахъ? Предполагается, что всякому антрепренеру извѣстно мудрое изреченіе азбуки: *„взирай на концы“*. Насъ и въ этомъ вопросѣ интересуесть одно вѣроятное вліяніе его на земледѣліе.

Насколько мы понимаемъ духъ крестьянской реформы, она должна разрѣшить два вопроса: эманципацію личности и эманципацію труда, что почти одно и то же. Если я непременно обязанъ трудиться такъ, а не иначе, то не могу еще назвать свою личность вполне свободною.

Трудъ только тогда свободенъ, когда подобно всѣмъ остальнымъ цѣностямъ, обуславливается предложеніемъ и требованіемъ, когда онъ *вольнаемаемый*. Итакъ вольноемаемый трудъ является логическимъ послѣдствіемъ и конечною цѣлью реформы, о которой, во избѣжаніе недоразумѣній, скажемъ разъ навсегда, что мы ей и въ принципѣ, и во всѣхъ проявленіяхъ по сей день — глубоко сочувствуемъ. Если, съ одной стороны, понятны тысячи препятствій къ достиженію конечной цѣли преобразованія, то не менѣе понятны, съ другой, и матеріальныя жертвы въ пользу идеи. То и другое въ порядкѣ вещей. Называютъ же себя Французы единственною націей, сражающеюся за идею; почему же не взять намъ, въ томъ же смыслѣ, монополію матеріальныхъ жертвъ? Служа главной идеѣ, невозможно избѣгать необхо-

димыхъ, и очевидно враждебныхъ, самому дѣлу, уступокъ. Такъ въ самой формѣ освобожденія кроются два, враждебные его конечной цѣли, дѣятеля. Первый не болѣе какъ временный (такъ онъ и называется) обязательный трудъ. Будучи обязательнымъ, онъ въ то же время не можетъ быть вольнонаемнымъ. Второй враждебный дѣятель—поземельный надѣлъ. Если вы скажете, что онъ нисколько не мѣшаетъ вольному труду, — я вполне согласенъ. За то и вы въ свою очередь должны согласиться, что онъ сильно мѣшаетъ вольнонаемному, безъ котораго столь вождедѣнный разцвѣтъ нашего земледѣлія не мыслимъ. Я нарочно указалъ на условія, неизбежныя, но тѣмъ не менѣе враждебныя вольнонаемному труду,—этому по сей день чахламу продукту русской флоры, чуть было не сказалъ фауны. До сихъ поръ все понятно. Нельзя, признавая самую вещь, враждовать противъ ея существенныхъ качествъ.

Въ прошломъ году, по причинѣ дружной весны, всѣ поля разомъ покрылись водою, и мыши съ отчаяніемъ бросались къ жильямъ. Садовникъ, желая пораньше выгнать зелень въ парникъ, долженъ былъ три раза все снѣять снова. Мыши систематически снѣдали всходы, пока обсохнувшая земля не распустила мышей во свояси. Тутъ нечего дѣлать. Кто въ степи заводитъ парники, долженъ заранѣе мириться съ возможностью мышиныхъ набѣговъ. Но еслибы садовникъ, подъ предлогомъ просушки рамъ, сталъ раскрывать на ночь парники и морозить вождедѣнный салатъ и огурцы, это показалось бы непонятнымъ или заставило бы спросить: нельзя ли предохранить рамы отъ сырости, не губя и безъ того хилыхъ посѣвовъ? По нашему крайнему разумѣнію, постройка огромной дороги, быть-можетъ на много лѣтъ, станетъ разыгрывать въ нашемъ краю роль моего садовника. Этому могучему, самобытному дѣятелю предстоитъ на выборъ: укрѣпить, умножить и взлелѣвать вольнонаемный трудъ и водворить общую увѣренность въ его силахъ, или на первыхъ порахъ задержать его ростъ. Читатели, вѣроятно, помнятъ прекрасную статью, въ прошлогодней *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*,¹ о выгодной замѣнѣ войсками постороннихъ рабочихъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ? Совершаясь на такомъ основаніи, постройка южнаго пути явится для всего края истиннымъ благодѣаніемъ

¹ N 39.

въ земледѣльческомъ отношеніи. Обильное продовольствіе, рабочихъ солдатъ заставить каждаго земледѣльца, съ новымъ рвеніемъ, трудиться въ хлѣбѣ, полѣ и огородѣ, и земледѣліе мало-по-малу возмужаетъ до степени зрѣлости, какой отъ него въ правѣ будетъ ожидать новый торговый путь. Если же напротивъ, работа будетъ производиться частными вольнонаемными рабочими, то должно ожидать явленій противоположныхъ. Земледѣліе, предоставленное собственнымъ ограниченнымъ силамъ, не можетъ и помышлять о борьбѣ съ капитальнымъ предпріятіемъ, разчитаннымъ на большіе расходы. Всѣ, и безъ того малочисленные, вольнорабочіе уйдутъ на чугунку.

XIII. Разказъ знакомаго съ Юга.

Нынѣшнею зимой, въ Москвѣ, я неожиданно получилъ записку съ приглашеніемъ повидаться съ однимъ проѣзжимъ семействомъ, съ которымъ я былъ знакомъ, состоя на службѣ въ Новороссійскомъ краю. Нечего говорить, какъ я обрадовался случаю увидать давнишнихъ добрыхъ знакомыхъ, и потолковать обо всемъ что такими живыми и глубокими чертами врѣзалось въ моемъ воспоминаніи. Дѣти, которыхъ долго не видишь, лучшее мѣрило прожитыхъ нами лѣтъ. Такое мѣрило встрѣтилъ я и въ знакомомъ семействѣ. Мальчикъ, котораго я знавалъ въ курточкѣ, теперь вышелъ ко мнѣ молодымъ помѣщикомъ и бывшимъ студентомъ. Перебравъ всѣхъ общихъ знакомыхъ, я обратился къ моему собесѣднику съ такими словами:—Видите, какъ я помню всѣ подробности и радуюсь движенію вашего земледѣлія, вашимъ паровымъ молотилкамъ, развѣзжающимъ на волахъ по помѣщикамъ, и молодящимъ за 25 рублей въ день до 250 копеекъ и т. п. Признаюсь, я всегда считалъ общій уровень образованія въ вашей мѣстности гораздо выше того же уровня во многихъ и преимногихъ углахъ Россіи. Въ этомъ отношеніи, съ каждымъ днемъ, можно ожидать только лучшаго; но въ качествѣ чуть-чуть не земляка, позволю себѣ обратиться къ вамъ съ вопросомъ, на который прошу отвѣчать вполне и откровенно. Какой отголосокъ находятъ въ вашей сторонѣ малороссійская пропаганда? Въ мое время ничего этого не было, а потому этотъ элементъ для меня совершенно новый, и мнѣ хотѣлось бы имѣть понятіе объ отношеніи его къ вашему краю.

— Вполнѣ понимаю вашъ вопросъ, сказалъ знакомый,—и постараюсь правдиво отвѣчать на него. То, что вы называете

новымъ элементомъ, въ отношеніи къ странѣ, вовсе не элементъ, потому что не пользуется ни малѣйшимъ сочувствіемъ съ чьей бы то ни было стороны. Простой народъ ничего не читаетъ и потому мнимо-народныя книжки—всего менѣе народныя, а образованный классъ, если говорить по-малороссійски, такъ только съ чернью, а между собою, какъ вы сами знаете, порядочные люди говорятъ чистымъ русскимъ языкомъ и читаютъ русскія книги. Степень чистоты произношенія и оборотовъ, почти безъ исключенія, вѣрное мѣрило степени образованія. Мы такъ искренно любимъ нашъ край на дѣлѣ, а не на словахъ, что не нуждаемся въ косноязычныхъ заявленіяхъ этой любви на мѣстномъ нарѣчій, на которомъ и заявлять-то ничего нельзя. Неужели, чтобы любить Новгородъ, Вологду или Мценскъ нужно непременно говорить на ихъ мѣстныхъ нарѣчійхъ, и писать *по-амченски*: я *гукорилъ* (вмѣсто говорилъ) и *побалалхнѣй* (вмѣсто побольше)? Для того чтобы правильно выражать всевозможныя отбѣнки мыслей на языкѣ Карамзина, Пушкина и др., необходимо, кромѣ тщательнаго образованія, заpastись многимъ; а чтобы *гукорить побалалхнѣй*, нужно только не родиться нѣмымъ. Съ недавнихъ поръ наши Русскіе—не знаю какъ ихъ назвать—философы что ли?...

— Я ихъ называю *учѣные* и пишу черезъ оборотное в.

— Именно *учѣные*! Съ недавнихъ поръ наши *учѣные* стараются представить Россію какимъ-то луннымъ міромъ, въ которомъ все не такъ какъ у людей на землѣ. Намъ однимъ не нужно ни Бога, ни чести, ни положительныхъ законовъ, ни святости договоровъ, ни личной собственности, ни общаго литературно-образованнаго языка. Положимъ, они все это хотятъ пробовать для блага человечества, да что бы имъ для своихъ экспериментовъ выбрать *corpus vile* поменьше Россіи? А то право смѣшно.

— Да, замѣтилъ я,—на что, кажется, болѣе разнообразія въ нарѣчійхъ и произношеніи какъ въ Германіи или Франціи? Другъ друга не понимаютъ. А пусть-ка эти господа увѣрятъ образованныхъ Швабовъ, Австрійцевъ или Валоневъ, что не надо говорить языкомъ Гете или Мольера? Что касается до простаго народа, то наши *учѣные* всего менѣе имѣютъ понятія о его настоящихъ нуждахъ. Истинно-учѣные другое дѣло. Г. Буслаевъ любитъ и изучаетъ русскую старину, что не мѣшаетъ ему въ этомъ серьезномъ занятіи видѣть пищу

для специалистовъ, а никакъ не для народа. Народъ стыдится собирателей пѣсень и сказокъ, потому что пѣсня, сказка и грамота могутъ, въ его глазахъ, быть сопоставлены только на смѣхъ. Но я увлекъ и прервалъ васъ, а мнѣ одинаково, если не болѣе интересна, и другая сторона вопроса, сторона политико-соціальная.

— Понимаю о чемъ вы говорите, и смѣло могу васъ увѣрить, что и эта сторона находится въ нашемъ краю не болѣе сочувствія чѣмъ первая. Въ подтвержденіе моихъ словъ могу разказать анекдотъ, въ которомъ мнѣ по неволѣ пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ.

— Сдѣлайте милость! Я васъ слушаю.

— Мы, какъ вы знаете, живемъ и хозяйничаемъ вдвоемъ съ братомъ. Отношенія наши къ крестьянамъ самыя мирныя, и съ перваго дня реформы все болѣе превращаются въ простыя сосѣдскія. За все время я вынужденъ былъ одинъ только разъ выѣхать на косовицу (сѣнокосъ), по поводу возникшаго шума и беспорядка. Тутъ я довольно крупно поговорилъ съ громадою (міромъ), и дѣло кончилось тѣмъ, что громада сама выдвинула впередъ зачинщиковъ и тутъ же наказала ихъ. Кромѣ этого не было ни столкновеній, ни недоразумѣній. Крестьяне вполнѣ довольны своимъ положеніемъ и нами, а мы не можемъ сказать про нихъ ничего худого. Съ весны прошлаго года стали ходить слухи о переодѣтыхъ бродягахъ, старающихся вступать въ разговоры съ крестьянами и всячески волновать ихъ. Такъ какъ обычный нашъ форумъ и агора—шинокъ, то позвавъ шинкаря, нашего же крестьянина, я объяснилъ ему дѣло и поручилъ дать мнѣ знать, если кто-нибудь чужой въ простонародномъ платьѣ станетъ слишкомъ красно разказывать. Не за долго до рабочей поры, въ воскресенье, часовъ въ 5 вечера, прибѣжалъ шинкарь съ извѣстіемъ, что какой-то *не нашъ* что-то очень красно разказываетъ. „Хорошо, ступай!“ Отправляясь въ шинокъ слѣдомъ за шинкаремъ, я зашелъ на конный заводъ, и изъ двѣнадцати конюховъ выбралъ четырехъ посильнѣй и порасторопнѣй. „Ступайте за мною къ шинку, да держитесь у дверей. Можетъ вы мнѣ занадобиться.“ — „Слушаемъ.“ Я вошелъ въ шинокъ, и не обращая ни на кого вниманія, сѣлъ на лавку. Крестьянъ было много, и они въ свою очередь, повидимому, не обратили вниманія на мой приходъ, а продолжали стоять или сидѣть попрежнему. Убѣдясь въ присутствіи незнакомца,

я легкимъ движеніемъ пальца указалъ въ некоторымъ изъ тѣхъ, что постарше, на дверь. Мало-по-малу громада очистила шинокъ, и мы остались втроемъ: шинкаръ, незнакомецъ и я.

— Ступай-ка братъ и ты, оказалъ я шинкарю, и онъ исчезъ за дверью.

— Позвольте узнать, милостивый государь, обратился я къ незнакомцу по-русски,—что значить этотъ маскарадъ? Напрасно вы старались наряжаться. Вашъ костюмъ никого не обманетъ. Цвѣтъ вашего лица и рукъ доказываетъ, что вы не чернорабочій.

Поддерживая роль костюма, незнакомецъ повесъ какую-то галиматью, притворяясь, что не понимаетъ меня и стараясь въ то же время говорить чистымъ хохломъ. Это ему не удавалось, что я ему тотчасъ замѣтилъ. Мое замѣчаніе, неожиданнымъ образомъ, сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ комедіи. Оно разсердило народнаго витію, и онъ уже по-русски пустился доказывать, что я не имѣю права останавливать путешественника.

— Послушайте! Не горячитесь! прервалъ я его.—Вопервыхъ, вы въ той западнѣ, въ которую вѣзли по доброй волѣ. Вовторыхъ, я увѣренъ, стоить васъ обыскать, чтобы находящіеся при васъ документы увели васъ слишкомъ далеко. А втретьихъ, достаточно не защищать васъ, и нельзя ручаться за вашу судьбу. Громада, столковавшись въ настоящую минуту объ истинномъ значеніи вашемъ, можетъ заставить васъ полетѣть въ прудъ. Это я говорю въ видѣ предостереженія, а теперь позвольте узнать зачѣмъ вы здѣсь? Не можетъ быть, чтобы вамъ не были извѣстны наши мирныя отношенія къ крестьянамъ. Вы знали, что они нами довольны. Зачѣмъ же вы пришли сюда? Смущать, возстановлять, вызывать на беспорядки и несправедливости? Согласитесь, это положительно безчестно. Теперь можете идти своею дорогой, и я позабочусь о вашей безопасности.

— Милостивый государь! воскликнулъ онъ вдругъ.—Мы встрѣтимся съ вами въ другомъ мѣстѣ.

— Что это? перебилъ я его.—Дуэль? Посмотрите на свой костюмъ, и вамъ самимъ станетъ смѣшно. Впрочемъ встрѣчайтесь гдѣ угодно; не совѣтую только здѣсь возобновлять нашей встрѣчи.

Затѣмъ я велѣлъ выпроводить его по добру по здорову изъ деревни, и только на другой день узналъ, что въ знакомой

вамъ Петровкѣ оны обращался съ своимъ краснорѣчіемъ къ громадѣ. За это краснорѣчіе мужики избили его до того, что староста, во избѣжаніе дальнѣйшихъ послѣдствій, выпроводилъ его куда-то на своей подводѣ. Дальнѣйшая судьба этого человѣка мнѣ неизвѣстна.

Что касается до меня, то я отвѣчаю за вполне вѣрную передачу разказа.

XIV. Кому всего естественнѣе принять обязанность народныхъ воспитателей.

Съ первыхъ дней эманципаціи, много у насъ было говорено, писано, жертвовано и дѣлано въ пользу народнаго образованія. Чего логичнѣе простаго положенія: „рабу не нужно образованія, свободному оно необходимо?“ Но логика жизни показываетъ, что это не такъ просто какъ кажется, и что никакими внѣшними стимулами нельзя развить того, въ чемъ не чувствуется насущной потребности. Эта неумолимая логика указываетъ на охлажденіе къ народному образованію въ слояхъ, откуда вышло самое движеніе, и на болѣзненное состояніе народныхъ школъ. Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Въ прошлогоднихъ замѣткахъ моихъ я указалъ мимоходомъ на существенную разницу между образованіемъ и воспитаніемъ. И на этотъ разъ, приближаясь къ подобнымъ вопросамъ, мы, по свойству статьи, должны ограничиться общимъ указаніемъ на предметъ, не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе его. Болѣе всего мы желаемъ, чтобы наша мысль не была понята превратно.

Говоря объ образованіи, въ противоположность воспитанію, мы находимъ, что воспитаніе должно имѣть своимъ результатомъ привычку свободно дѣйствовать въ кругу ясно обозначенныхъ неизмѣнныхъ законовъ, привычку переходящую наконецъ въ природу. Итакъ, первое средство къ народному воспитанію—положительные и бдительно охраняемые законы, относятся ли они къ нравственному или только физическому проявленію воли, и выражаются ли въ писменахъ или изустныхъ преданіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ назваться народомъ воспитаннымъ. Но и въ общей невоспитанности есть свои степени. Крестьянинъ, старообрядецъ, строго держащійся древнихъ преданій—люди болѣе или менѣе воспитанные въ народнорусскихъ понятіяхъ; высшій кругъ—люди болѣе или менѣе воспитанные

во французскихъ понятіяхъ. Раждается вопросъ: въ какихъ преданіяхъ воспитаны люди, отвергающіе всякое преданіе во имя *мнимо-научнаго* движенія? Мы не разъ говорили и приводили примѣры тому, что истинная наука чужда враждебныхъ отношеній къ жизни. Но недоноски науки, преимущественно у насъ на Руси, по исключительности положенія, находятся въ особыхъ нравственныхъ условіяхъ. Они, среди общей невоспитанности, могутъ по преимуществу назваться невоспитанными. Какое явленіе представляетъ намъ въ этомъ смыслѣ Базаровъ? Онъ отсталъ отъ народа и не присталъ къ обществу. Отъ перваго онъ самъ и руками и ногами, а во второе его не пускаютъ. Нашлась одна Одицова, да и та потомъ раскаялась.

Базаровъ одинаково непонятенъ и угловатъ въ избѣ и въ гостиной. Ему хорошо только въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, гдѣ нѣтъ преданій, нѣтъ законовъ, гдѣ все хорошо, все дозволено, гдѣ съ равнымъ безсмысліемъ можно рыться не мытыми руками и въ чужихъ вѣрованіяхъ, и во внутренностяхъ лягушекъ и разложившихся труповъ.

Но оставимъ Базаровыхъ въ сторонѣ, и взглянемъ на воспитаніе вообще и на русское въ особенности. Воспитаніе, какъ мы видѣли, можетъ преимущественно обращаться къ нравственной сторонѣ, или ко внѣшней, или къ той и другой вмѣстѣ. Но куда бы оно ни обращалось, воспитаніе представляетъ уже возможность жить въ обществѣ, не истребляя другъ друга, подобно дикарямъ. Исключительно наружное воспитаніе, удерживая извѣстную стройность общества, лишаетъ его всякой силы движенія. Разъ узаконенная, отлитая форма неизмѣнна и, подобно китайскому башмаку, препятствуетъ росту живаго организма. Между тѣмъ нравственныя узы, оказывая обществу ту же услугу какъ и внѣшнія, способны постепенно расширяться, согласуясь съ нравственнымъ развитіемъ духовнаго организма.

Христіанство является, безспорно, высшимъ выраженіемъ человѣческой нравственности и основано на трехъ главныхъ дѣятеляхъ: вѣрѣ, надеждѣ и любви. Первыми двумя оно обладаетъ наравнѣ съ прочими религіями. Нѣтъ религіи безъ вѣры и надежды; за то *любовь*—исключительный даръ христіанства, и только ею Галилеянинъ побѣдилъ весь міръ. Излишне говорить, что вѣра, надежда и любовь свойственны душѣ *человѣка*. Христіанство и не могло бы быть такимъ могучимъ

двигателемъ, опираясь на несуществующее. И важна не та любовь, которая, какъ связующее начало, разлита во всей природѣ, а то духовное начало, которое составляетъ исключительный даръ христіанскаго воспитанія.

Что вѣрующій вѣритъ въ своего Бога и надѣется на него— очевидно, но любить ли онъ его въ христіанскомъ смыслѣ, это другой вопросъ.

„И другъ степей, Калмыкъ“

ставитъ передъ бурханомъ свѣчку и откладываетъ частицу съѣстнаго на особое блюдо. *Господи помилуй*, сказанное въ минуту опасности въ томъ же смыслѣ, въ какомъ по минованіи ея говорится: *Господь помиловалъ*, только подтверждаетъ пословицу: *громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится*, и далеко отстоитъ отъ христіанскаго: „*Господи помилуй* меня грѣшнаго, недостойнаго твоей чистоты, и сдѣлай меня сопричастникомъ правды Твоей, во имя моей къ Тебѣ любви.“ Между этими двумя *Господи помилуй* цѣлая бездна.

Въ послѣднее время литература не скупилась на заявленія односторонности семинарскаго образованія. Та же нота звучитъ въ воспоминаніяхъ г. Заилійскаго. („Кадетская юность.“ *От. Зап.* ноябрь 1862 года.) Вотъ его слова: „Все касающееся до сердца изгнано.... осталась сухая процедура исполненій, приказаній и процессъ бессмысленнаго заучиванія заданныхъ уроковъ самого разнороднаго содержанія.“ Недавно одинъ почтенный педагогъ разказалъ мнѣ о слѣдующемъ куріозномъ экзаменѣ вновь прибывшаго въ Москву семинариста: „Желая узнать въ какой мѣрѣ владѣетъ онъ русскимъ языкомъ, я попросилъ его описать свой пріѣздъ въ Москву. Съ этою задачей онъ вышелъ въ сосѣдную комнату и долго сидѣлъ за затворенными дверями. Выходитъ наконецъ измученный, весь красный и въ испаринѣ. „Нѣтъ, говорить, воля ваша, наэту тему немогу.“ — „Помилуйте, что же вы послѣ этого можете?“ — „Этого рѣшительно не могу, а если угодно о безсмертіи души, сейчасъ изготовлю.“ Мы слышали голоса бывшихъ семинаристовъ и кадетъ. Еслибы можно было разомъ спросить питомцевъ и другихъ воспитательныхъ учрежденій, не исключая и домашнихъ, мы вѣроятно, въ общемъ итогъ услышали бы, то же самое. Если русскій ребенокъ не въ правѣ жаловаться на обузу образованія, то тѣмъ болѣе ему некого упрекнуть за излишніе труды, потраченные на его моральное воспитаніе. Думай и чувствуй

какъ знаешь, только не попадайся въ наружныхъ проявленія твоей нравственности.

Не такъ идетъ дѣло воспитанія тамъ гдѣ воспитаніе есть серьезное дѣло. Пишущій эти строки имѣлъ счастье воспитываться (увы! не долѣе трехъ лѣтъ) въ нѣмецкой школѣ. Отчего, скажите, не только посторонніе мнѣ воспитанники, но я самъ озираюсь съ такимъ тяжелымъ чувствомъ (хорошо бы, еслибы только съ комическимъ) на наше русское школьное воспитаніе, и отчего, вслѣдъ затѣмъ, я же не могу безъ чувства искренней признательности переноситься мысленно въ нѣмецкую школу? Отчего это? Очень просто! „Какъ аукнется, такъ и откликнется.“ Я чувствую всю мѣру добра, котораго мнѣ желали мои воспитатели, ту любовь къ дѣлу и къ намъ дѣтямъ, которая не позволяла имъ довольствоваться большею или меньшею степенью успѣховъ, болѣе или менѣе приличнымъ поведеніемъ, а заставляла по поводу всякаго поступка ученика обращаться къ нравственной почвѣ, на которой созрѣвалъ поступокъ. Тутъ все сводилось на нравственную сторону человѣка. Бывали и у насъ взысканія и наказанія. Но самымъ жестокимъ мученіемъ было идти получать выговоръ отъ директора. Въ случаѣ проступковъ избличавшихъ порочныя наклонности, выговоръ продолжался иногда болѣе часу. При словахъ: „поди-ка сюда“ виновный входилъ въ кабинетъ директора, и останавливался передъ нимъ съ глазу на глазъ. Увы! Не разъ приходилось и мнѣ стоять подобнымъ образомъ, и еслибы мнѣ въ то время предложили жестокое тѣлесное наказаніе какъ средство избавиться отъ выговора, я бы съ радостію принялъ предложеніе. Самъ директоръ, въ подобныхъ случаяхъ, не садился, а стоялъ въ красномъ халатѣ, съ огромною пѣвковой трубкой, нѣсколько перегнувшись черезъ спинку кресла. Никто изъ насъ не забудетъ этого халата и этой трубки. Намъ подъ конецъ казалось, что сама трубка имѣетъ свойство знать всѣ изгибы и сокровеннѣйшія тайны нашего сердца. Разумѣется, такимъ всевѣднѣемъ директоръ былъ обязанъ собственной пронизательности и неусыпному надзору учителей-надзирателей, собиравшихся подъ его предсѣдательствомъ въ 1-е число каждаго мѣсяца на ночныя конференціи. Дѣлая выговоръ, что онъ называлъ *sogeth pehnen*, директоръ никогда не возвышалъ голоса, не прибѣгалъ къ угрозамъ, но тѣмъ не менѣе былъ неумолимъ. Обрадивъ всю душу виновнаго, онъ

дѣломъ рядомъ заключеній доводилъ его до той страшной бездны отверженія, въ которую съ каждымъ шагомъ готовился столкнуть его господствующій въ его душѣ порокъ. Подобныя увѣщанія страшно дѣйствовали на мальчиковъ. Многие не выносили нравственнаго потрясенія; имъ дѣлалось дурно, и ни одинъ, даже изъ самыхъ упорныхъ, не покидалъ кабинета безъ громкихъ рыданій.

Въ этомъ же направленіи, въ продолженіе многихъ столѣтій, безъ устали работаетъ въ хорошо воспитываемыхъ народахъ церковная проповѣдь, и изъ устъ пастырей переходитъ въ уста каждаго главы семейства. Бабушка, рядомъ съ сказками и преданіями старины, передаетъ дѣтямъ правила нравственности и толкованія на изреченія ея настольной книги, Библии. Удивительно ли послѣ этого, что народы, живущіе при такихъ воспитательныхъ условіяхъ, отличаются твердостью нравственныхъ началъ и глубокимъ къ нимъ сочувствемъ? Все это еще такъ отъ насъ далеко, что многіе способны воскликнуть: „Это все нѣмечина! Намъ этого совсѣмъ не нужно!“

Что же намъ нужно? Нравственное шатаніе? Поблажка всевозможнымъ страстямъ и порокамъ? Словомъ, теорія ощущеній? Съ раздѣляющими подобныя убѣжденія спорить не будемъ. Съ ними мы слишкомъ далеко расходимся. Къ счастью, не всѣ Русскіе раздѣляютъ такія мысли, чему доказательствомъ служатъ попытки къ народному образованію. Русское самосознаніе желаетъ школъ и только озирается во всѣ стороны, ища воспитателей. Гдѣ же они? кто такіе?

Прежде отвѣта на этотъ вопросъ, позволимъ себѣ еще разъ небольшое отступленіе. Поражая неподвижность внѣшняго воспитанія, мы не могли не признать за нимъ заслуги охраненія даннаго порядка. Лучше какой-нибудь порядокъ чѣмъ совершеннѣйшій хаосъ и столпотвореніе. Человѣкъ воспитанный въ преданіяхъ русской старины неизмѣримо выше чело-вѣка вовсе невоспитаннаго. Первобытный русскій чело-вѣкъ вовсе не склоненъ къ смятеніямъ и волненіямъ, и если есть въ немъ къ тому возможность, такъ только при мысли, что нарушается то, во что онъ привыкъ вѣрить какъ въ непреложное.

Никто не можетъ сказать, чтобы русскій священникъ былъ способенъ преднамѣренно волновать свою паству въ смыслѣ политическомъ или социальномъ. Въ этомъ отношеніи русское священство, какъ истинно христіанское, стоитъ неизмѣримо

выше католическаго, постоянно стремящагося къ приобрѣтенію мірской власти. Одно это качество даетъ нашимъ священникамъ полное право, предпочтительно передъ всѣми соискателями, на званіе народныхъ воспитателей. Довѣривъ имъ школы, можно быть совершенно покойнымъ насчетъ политическихъ и общественныхъ убѣжденій учениковъ.

Почему же, спросите вы, Базаровы, которые по преимуществу вышли.....?

Постойте! Постойте! Возраженіе ваше, повидимому, уничтожаетъ все сказанное выше. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ люди, съ самымъ мирнымъ направленіемъ въ своей средѣ, могутъ являться такими радикалами, перешагнувъ заветную черту? Или то или другое не вѣрно. Напротивъ, не только и то и другое вѣрно, но одно вытекаетъ изъ другаго. Базаровъ, оставаясь въ своей средѣ строго ограниченной на всѣхъ пунктахъ, отлично покатился бы по обычному полю. Тутъ исключительно-вышняя гимнастика ума не привела бы его ко враждѣ съ самимъ собою, а была бы напротивъ даже полезна ему лично. Чтò за бѣда, что небольшое поле огорожено со всѣхъ сторонъ? Рикшетируй всю жизнь, благо тоачокъ данъ и благо уголъ паденія равенъ углу отраженія, рикшетируй, лишь бы не сорваться за бортъ, рикшетируй, пока прямымъ и ослабѣвающимъ ходомъ не побѣдишь умирать—въ лузу. Но при подобныхъ условіяхъ выскочить за бортъ—бѣда, и чѣмъ умнѣе сорвавшаяся личность тѣмъ для нея хуже. Помилуйте! Чтò дѣлать тому, для кого существованіе духовъ (*ergo spiritus existunt*) было попеременно то положеніемъ, то отрицаніемъ, единственно ради гимнастики. Человѣка съ основами нравственнаго воспитанія влекутъ извѣстныя симпатіи въ ту или другую сторону жизни. А тутъ нѣтъ никакихъ симпатій, а есть одна непримиримая антипатія къ своему прошедшему. Но антипатія—безплодное отрицаніе. Чтò же, повторяемъ мы, дѣлать выскочившему за бортъ? Всѣ предметы для него безразличны. Онъ на все смотритъ при помощи источниковъ изобрѣтенія. Для него все, чтò только есть во вселенной, существуетъ подъ условіями: „*Quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando.*“ Въ немъ живъ импульсъ, заставившій его выскочить за бортъ; онъ чувствуетъ потребность рикшетировать, а тутъ на бѣду бортовъ—то и нѣтъ. Чтò жъ дѣлать? Остается одинъ исходъ. Рѣшить разъ навсегда, что всѣ предметы бортъ, и

пошелъ задавать рикометы. Пень—рикометь; человекъ—рикометь; законъ—рикометь; наука—рикометь; искусство—рикометь, et sic in infinitum.

Часто Базаровъ, повидимому облаканный судьбою, особливо если сравнить его настоящее съ прошедшимъ, тѣмъ не менѣе, судя по боязливому шепоту его кліентовъ, озлобленъ. Намъ смѣшно. Мы думаемъ: *Господи! на кого и за что?* А войдите въ его положеніе. Онъ на столько уменъ, что чувствуетъ невозможность основать жизнь на рикометахъ. Но въ извѣстныхъ дѣлахъ не дашь себѣ нравственной основы, если ея нѣтъ. Не даромъ Нѣмцы говорятъ: „Чему Ванюшка не выучился, Иванъ не выучится во вѣки.“ (*Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr.*)

Мы страдаемъ болѣзненнымъ продуктомъ нашего несоразмѣрнаго стремленія къ высшему образованію. Объяснимся. Мы толкуемъ объ исключительности правительственной инициативы. Эта инициатива нигдѣ не выразилась съ такою силой, какъ въ Петровской реформѣ. Передъ лицомъ прогресса правительство было *все*, а народъ *ничто*, и отношеніе между ними было чисто крѣпостное. Пріѣхалъ баринъ изъ-за границы въ имѣніе и видить, что старое не годится. Ломай старое! Сломали. Надо же и новое: надо повара, слесаря, бухгалтера, столяра и т. д., а гдѣ ихъ взять? Не дожидаться же, въ продолженіе тысячи лѣтъ, добровольнаго предложенія на спросъ со стороны народа? Баринъ собралъ первыхъ попавшихся мальчиковъ и отдалъ *въ науку*. Разумѣется, первая отдача сопровождалась похоронными проводами и годосьбой; но когда родители и сверстники убѣдились, что преждевременная смерть не есть неминуемое слѣдствіе науки, а увидали напротивъ преуспѣяніе ученыхъ, то начали являться добровольныя жертвы, при непремѣнномъ условіи получить за выучку тѣ же льготы и выгоды, какими пользуются ихъ предшественники. Такъ, у многихъ помѣщиковъ, обучившійся какому-либо мастерству крестьянинъ получалъ исключительное право жениться и выбирать невѣсту. То же самое дѣлало правительство, вербуя для своихъ цѣлей специалистовъ.

Съ паденіемъ крѣпостныхъ отношеній рушился и подобный порядокъ вещей. Дѣло стало на коммерческую ногу, и пошло на предложеніе и требованіе. Теперь посмотримъ, много ли найдется охотниковъ, изъ дворовыхъ или мѣщанъ, платить Яру

и повару Англійскаго клуба, за усовершенствованіе своихъ сыновей въ поваренномъ искусствѣ по 300 рублей въ годъ? За то ни одинъ безумецъ не потребуеъ отъ помѣщика подобной жертвы въ пользу перваго желающаго, какъ бы ни были велики способности послѣдняго къ стряпнѣ. Естественный ходъ дѣла предоставляетъ каждому учиться на свой страхъ и на свой счетъ. Правительство, вербуя на извѣстныхъ условіяхъ специалистовъ, должно же наконецъ дойти до момента, въ который всѣ вакантныя мѣста будутъ заняты. Оно можетъ продолжать давать чины, но вынуждено будетъ отказываться въ мѣстахъ. Чтò жь изъ этого произойдетъ? Излишекъ приготовленныхъ или полуприготовленныхъ специалистовъ, навсегда оторванныхъ отъ родной почвы, останется безъ занятія и составитъ единственно возможную на Руси форму чистѣйшаго пролетаріата.

Таковы всегда слѣдствія искусственнаго нарушенія экономическаго равновѣсія. Искусственное приготовленіе неограниченнаго числа специалистовъ—въ своемъ родѣ то же чтò неограниченное заготовленіе шляпъ въ національныхъ мастерскихъ. Дѣло другое, еслибы въ народѣ чувствовалась потребность въ специалистахъ и была возможность ее удовлетворить. Но ничего подобнаго нѣтъ. Возьмемъ для примѣра медиковъ. Предположимъ, что всѣ казенныя мѣста заняты, а въ столицахъ конкуренція низвела плату неизвѣстному медику средней руки до послѣдняго minimum: спрашивается, куда дѣваться кончившему курсъ? Въ провинцію лѣчить мужиковъ? Дѣйствительно, у многихъ помѣщиковъ были сельскія больницы, въ которыхъ вольнопрактикующіе медики получали приличное содержаніе. Но когда крестьянскимъ общинамъ пришлось принимать эти учрежденія на свои руки, они рѣшительно отозвались, что имъ больницъ не нужно. Даже официальные наши медики, уѣздные врачи—не болѣе какъ судебно-медицинскіе чиновники. Крестьяне и не думаютъ у нихъ лѣчиться. Если таково положеніе медика, чтò сказать про филолога, математика, юриста? Поневолѣ пустись въ литературу изъ-за хлѣба, хотя ни для кого не секретъ, какая это ненадежная богадѣльня. Говоря о жертвахъ искусственнаго нарушенія экономическихъ законовъ, мы до сихъ поръ имѣли въ виду кончившихъ полный курсъ наукъ. Ихъ сравнительно немного. Въ пользу ихъ энергіи, любви къ труду, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстной пригодности въ практической жизни, говоритъ доведенное ими до конца серьезное дѣло. Но сколько не-

зрѣлыхъ плодовъ, недоносковъ науки, высыпается ежегодно на столичныя мостовыя, уможая массу единственно возможной у насъ формы пролетаріата? Весь этотъ пустоцвѣтъ сдѣлалъ бы на своемъ родномъ стеблѣ, и былъ бы тамъ по своему полезенъ или хотя безвреденъ. Перемищался бы на новую почву только тотъ, кто, десять разъ взвѣсивъ съ одной стороны свои силы, а съ другой матеріальныя пожертвованія неразлучныя съ такимъ перемѣщеніемъ, дѣйствительно нашелъ бы, что игра для него стоить свѣчъ. Но пока освѣщеніе и музыка казенныя, отчего же не пуститься въ плясъ?

Вы скажете: вездѣ гдѣ есть школы есть недоучившіеся люди. Дѣйствительно. Но образованіе, а тѣмъ болѣе полуобразованіе предпринимаемое на собственный рискъ, не позволяетъ ученику окончательно отрываться отъ родной среды, между тѣмъ какъ у насъ человѣкъ смотрящій на науку какъ на карьеру сжигаетъ мостъ за собою. Въ Парижѣ, въ знакомомъ мнѣ отелѣ, кухарка на трудовыя деньги дала своей дочери классическое воспитаніе. Дѣвушка знала по-гречески и по-латыни, и готовилась въ наставницы. Хорошо, что усилія матери увѣнчались успѣхомъ; но въ противномъ случаѣ кухарка не задумалась бы отдать свою недоученую дочь въ прачечное, корсетное или иное заведеніе. Тамъ это ежедневное явленіе. Но кто видалъ у насъ институтку прачкой, кадета или студента поваромъ или по крайней мѣрѣ дьячкомъ? И такъ, представляется слѣдующая дилемма: или не нарушайте искусственно экономическихъ законовъ, или устройте воспитаніе, не ставящее человѣка во вражду съ окружающимъ бытомъ.

Возвращаясь къ народному воспитанію, мы наконецъ въ состояніи формулировать нашу мысль. Нравственно-христіанское воспитаніе, какой бы высоты оно ни достигало, только умягчаетъ и воздвѣиваетъ духовную почву для плодотворнаго воспріятія всего высоко-человѣчнаго, не ставя человѣка во враждебное отношеніе къ его жребію, какъ бы этотъ жребій ни былъ скроменъ.

Напротивъ того, искусственное умственное развитіе, раскрывающее цѣлый міръ новыхъ потребностей и тѣмъ самымъ далеко опережающее матеріальныя средства извѣстной среды, неминуемо ведетъ къ новымъ, небывалымъ страданіямъ, а затѣмъ и ко враждѣ съ самою средою.

„Какой же практической выводъ изъ всего этого?“ спросить вы. „Стало-быть вы отвергаете умственное развитіе народа,

отвергаете школы?" Ни мало. Впервыхъ, я отъ души сочувствую народнымъ школамъ, лишь бы онѣ смотрѣли на грамотность не какъ на конечную цѣль, а какъ на одно изъ средствъ къ смягченію, очищенію, а также и утверженію народныхъ нравовъ. А вовторыхъ, считаю величайшимъ неразуміемъ и жестокостью преднамѣренно развивать въ человѣкѣ новыя потребности, не имѣя возможности дать ему и средства къ ихъ удовлетворенію. Не то же ли это, что въ безводной степи накормить неопытнаго человѣка селедкой, снять шпанку и сказать: „Теперь, мой другъ, я свое дѣло сдѣлалъ, накормилъ тебя а ужъ водицы поищи самъ“?

Въ настоящее время я лично обучаю двухъ крестьянскихъ мальчиковъ грамотѣ. Не могу сказать, чтобъ они были слишкомъ тупы; но они неразвиты до невѣроятности. Желая насколько возможно сократить обученіе грамотѣ, я всѣми силами стараюсь развить ихъ мышленіе. Дѣло, кажется, идетъ успѣшно, но я считалъ бы себя или злодѣемъ или несчастнымъ, еслибы хотя одно неумѣстное слово мое возмутило ихъ противъ среды, въ которой они до сего дня совершенно счастливы, несмотря на отрепанные рукава ихъ кафтановъ. Даже Фамусовъ въ минуту жесточайшаго гнѣва чувствовалъ, что ничего не можетъ сдѣлать хуже надъ вертявою Лизой, воспитанницей Кузнецкаго моста, какъ: „Въ избу маршь, за птицами ходить.“ Но изъ птичника есть надежда опять попасть на Кузнецкій мостъ, а что сказала бы Лиза, еслибъ ее на вѣкъ упекли за криваго скотника?

Теперь посмотримъ откуда могутъ явиться конкуренты на званіе народнаго учителя?

О помѣщикахъ и дамахъ говорить нечего. Какъ ни похвально въ этомъ случаѣ ихъ рвеніе, въ общей сложности оно представляетъ не болѣе какъ дилеттантизмъ, на который не можетъ положительно разчитывать народная экономія.

Грамотные солдаты, то тамъ, то сямъ появляющіеся въ безсрочномъ отпуску или чистой отставкѣ, въ качествѣ народныхъ наставниковъ, представляютъ два неудобства: 1) порученное имъ воспитаніе, при благоприятнѣйшихъ обстоятельствахъ, ограничится механизмомъ чтенія и письма, составляющимъ не болѣе какъ средство, а главная, нравственная цѣль потеряется изъ виду. 2) Такое воспитаніе, предоставляемое случайности, лишено будетъ нравственнаго единства, которое должно быть первымъ условіемъ такого многозначительнаго

дѣла. Не желательна также чтобы каждый могъ ковырять въ народной совѣсти, этомъ священномъ тайникѣ всѣхъ грядущихъ судебъ самаго народа, а потому еще менѣе слѣдуетъ помышлять о представленіи учительскихъ мѣстъ людямъ изъ среды нравственнаго и матеріальнаго пролетаріата. Это значило бы поступать не только неосмотрительно, но преднамѣренно губить народную нравственность. Впрочемъ, нечего и опасаться претендентовъ съ этой стороны. Крайняя стѣсненность нашихъ земледѣльческихъ средствъ еще надолго не позволитъ мало-мальски развитому человѣку взять у насъ на себя какую бы то ни было отрасль личной услуги. Возьмемъ ближайшій примѣръ нашей фермы. Вотъ матеріальныя средства прикащика. Онъ съ женою (оба грамотные) и двумя дѣтьми помѣщаются въ комнату, въ 8 аршинъ длиною и 4 шириною. Все семейство, кромѣ готовой пищи, получаетъ 100 р. годоваго жалованья, имѣетъ право держать на корму лошадь, корову и нѣсколько овецъ. Я знаю, что прикащикъ доволенъ своимъ положеніемъ и крайне дорожитъ мѣстомъ, на которомъ долженъ быть вѣчнымъ, неусыпнымъ труженикомъ. Спрашивается, какой, вкусившій отъ древа познанія, человѣкъ удовлетворится подобною скромною долей? А ни одно изъ окрестныхъ крестьянскихъ обществъ не можетъ дать своему школьному учителю и такого содержанія. Солдаты, отъ котораго мальчики поступили ко мнѣ и который въ два мѣсяца не выучилъ ихъ распознавать буквы, а только вдолбилъ, даже не *како—у, ку—ку*, а *како—икъ, ку—ку, люди—икъ, лу—лу*, беретъ за выучку 5 р. Предполагая, что онъ такимъ способомъ обучить въ годъ двадцать мальчиковъ, онъ получитъ заработка до 100 р., а за вычетомъ содержанія и найма квартиры, только 60 рублей. Но и такой заработокъ для простомудина верхъ благополучія. Онъ добываетъ деньги, по народному выраженію, на печкѣ сидя, подъ сухою крышей. Кухарка, получающая въ настоящее время на фермѣ 16 руб. въ годъ, получала до меня, по найму (правда, кромѣ одежды) три рубля за круглый годъ и должна была еще работать въ поля. Вотъ они, не фантастическіе, а дѣйствительные наши оклады.

Не могу не сказать нѣсколько словъ объ удовольствіи, съ какимъ прочелъ я октябрьскую книжку *Ясной Поляны*. Гг. сотрудники журнала, школьные учителя, остались вѣрны направлению графа Л. Н. Толстаго. Направленіе это главнымъ

образомъ состоитъ въ томъ, чтобы не вносить заранее составленныхъ плановъ въ неизвѣстную область крестьянской интеллигенціи, а изучать ее и стараться пользоваться своими открытіями. Въ настоящее время химеръ, намъ всего дороже правда. Желаніе добра и чистосердечная правда дышать въ каждой строкѣ сотрудниковъ *Ясной Поляны*. За то ничто не можетъ сравниться съ наивностію ихъ разказовъ, изображающихъ систематическое крушеніе юныхъ мечтаній въ мірѣ грубой неумолимой дѣйствительности. Что можетъ быть наивнѣе слѣдующихъ строкъ (стр. 36)? „Послѣ масленицы я слыхаль, что мужики смѣялись надо мной, когда я былъ у нихъ пьянъ, и стали считать за пустаго человека. И это за то, что съ ними вздумалъ *компанію свести*.“

Я увѣренъ, не одни мужики, но и вы сами Г. П. П. П. осудите себя за то, что были пьяны, и при томъ у мужичковъ! Къ сожалѣнію, не однимъ вамъ непонятно, почему русскій мужикъ смотритъ недовѣрчиво на всѣ попытки съ нимъ сблизиться. Почему онъ считаетъ барина въ поддевки за вѣмца? Удерживаюсь отъ дальнѣйшихъ выписокъ, чтобы не лишить читателя истиннаго наслажденія—самому прочесть всю книжку журнала.

Кого же было бы всего желательнѣе видѣть теперь народнымъ воспитателемъ? Безспорно священника, пока не явятся спеціальныя педагоги воспитанные въ духѣ христіанскаго смиренія и любви. Остается прибавить, что священники имѣли до сихъ поръ средства къ жизни и помимо школь. Поэтому жалованье школьнаго учителя только увеличить настоящія средства священника, въ видѣ преміи за его новый трудъ.

Въ послѣднее время заговорили о преобразованіяхъ по духовному вѣдомству. Еслибъ эти реформы, увеличивъ матеріальныя средства духовенства, что тоже составляетъ предметъ первой важности, обратились и къ нравственно-педагогическому образованію будущихъ пастырей-наставниковъ, то вскорѣ, вмѣсто отвлеченныхъ проповѣдей, мало доступныхъ массамъ, въ храмахъ и школахъ раздалось бы то простое и высокое слово любви, безъ котораго нѣтъ истиннаго, христіанскаго воспитанія.

А. ФЕТЬ.

СЪ НАТУРЫ

I.

Она была предестное дитя,
Она рѣзвилась и играла,
И жизнь ея легко, казалось, и шутя,
Какъ сонъ волшебный протекала.
Свободно ей жилось, привольно, хорошо;
Въ дни свѣтлыхъ грезъ, дни тихаго досуга,
Невинный взоръ глядѣлъ и смѣло, и свѣтло,
И шелкъ волосъ густѣлъ и рдѣлося лицо,
И наливалась грудь подъ жгучимъ солнцемъ юга.

II.

Онъ знатенъ былъ, богатъ, съ посредственнымъ умомъ,
Съ душой развратной и холодной,
Съ звѣздой на груди, съ бессмысленнымъ лицомъ
Съ приличной важностью въ походкѣ благородной.

III.

Они стоятъ предъ алтаремъ:
Онъ съ видомъ праздничнымъ, съ лицомъ
Надменно-важнымъ, а она
Блѣдна, печальна, холодна.

Лавиты впали: много слезъ
 Въ тиши ночей уже пролито,
 И много, видно, дѣтскихъ грезъ
 Схоронено и позабыто.
 Тоской, не страхомъ половъ взоръ:
 Такъ иногда, въ минуту казни,
 Нѣмая жертва безъ боязни,
 Но съ грустью смотреть на топоръ.

IV.

Проходятъ дни, проходятъ годы
 Съ своей мертвящей пустотой;
 Былинка слабая предъ силой непогоды
 Въ нѣмомъ отчаяньи покинула головой;
 Въ ней силъ ужъ болѣ нѣтъ; порокъ ее уноситъ,
 Ее мертвить отравленной струей;
 Она молчитъ; сродняясь съ толпой,
 Съ усмѣшкой горькою махнувъ на все рукой,
 Безъ ропота, безъ слезъ, страданья переноситъ.

V.

Лѣтъ тридцать ей; спокойнъ дерскій взглядъ.
 Въ немъ нѣтъ ни горькихъ думъ, ни тягостныхъ сомнѣній,
 Ни юныхъ грезъ, ни позднихъ сожалѣній.
 Она спѣшитъ на балъ. Изысканный нарядъ
 Искусно обилъ ей и плечи восковыя,
 И пышный полный станъ; цвѣтовъ душистый рядъ
 Вплетенъ ей въ волосы густые;
 Въ рѣчахъ обманъ, притворство, пустота,
 Порою страсть, подавленная силы...
 А въ сердцѣ—холодъ и тоска
 И непробудный сонъ могилы!

К. АЛЬБИНСКИЙ.

1862 года.

ПО ВОПРОСУ

ОБЪ

УЛУЧШЕНИИ ТЮРЕМЪ

Въ половинѣ апрѣля прошлаго 1862 года, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, были разсланы къ начальникамъ губерній циркулярныя предписанія доставить свѣдѣнія о состояніи мѣстъ заключенія въ управляемыхъ ими губерніяхъ и соображенія объ ихъ улучшеніи. Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ этого замѣчательнаго документа:

„По уставу о содержащихся подъ стражею, у насъ существуютъ тюремные замки, рабочіе и смирительные дома и другія мѣста исправленія. Всѣ эти заведенія устраивались въ разное время, подъ вліяніемъ разныхъ началъ, безъ общаго плана и системы; самое управленіе и завѣдываніе ими разединено между многими вѣдомствами и отдѣльными начальствами, и въ приемахъ къ исправленію преступниковъ не соблюдается никакой опредѣленной системы. Неудовлетворительное состояніе ихъ постоянно обращало на себя особенное вниманіе высшаго правительства; но всѣ принимаемыя въ этомъ отношеніи мѣры не привели къ желаннымъ результатамъ. Съ теченіемъ же времени, существовавшія неудобства сдѣлались еще болѣе ощутительными, и убѣждаютъ въ необходимости коренныхъ преобразованій.“ Далѣе говорится, что начальники тѣхъ губерній, гдѣ есть смирительные дома ходатайствуютъ объ ихъ закрытіи по совершенной ихъ бесполезности. Какъ по этому, такъ и потому что съ предстоящими

преобразованіями въ нашей карательной системѣ, безъ сомнѣнія, увеличится потребность въ большемъ числѣ мѣстъ заключенія и въ лучшемъ ихъ устройствѣ, признано необходимымъ приступить нынѣ же ко всестороннему изслѣдованію этой важной отрасли государственнаго благочинія и къ организаціи ея на началахъ единообразныхъ и соответствующихъ настоящему времени и способамъ государства.

Министерство внутреннихъ дѣлъ требуетъ слѣдующихъ свѣдѣній: 1) Статистическихъ данныхъ о числѣ арестантовъ содержавшихся во всѣхъ мѣстахъ заключенія въ 1857, 58 и 59 годахъ. Сюда относятся слѣдующіе вопросы: на сколько человекъ устроена тюрьма по нормальнымъ чертежамъ, или сколько человекъ можетъ быть помѣщено по кубическому содержанію комнатнаго воздуха, и есть ли отдѣльныя камеры и мастерскія; сколько дѣйствительно содержалось состоящихъ подъ слѣдствіемъ, судомъ и высиживающихъ сроки, за исключеніемъ пересыльныхъ арестантовъ; о наибольшемъ и наименьшемъ числѣ арестантовъ; сколько изъ всего числа содержащихся обвинено и сколько освобождено; во что обходилось содержаніе арестантовъ; изъ какихъ источниковъ покрывались эти расходы; введены ли работы въ тюрьмахъ и какія именно, и сколько заработано арестантами денегъ; о суммахъ тюремныхъ комитетовъ; о времени устройства тюремъ, а также о ремонтѣ зданій. 2) Въ какомъ состояніи находятся тюрьмы? по какимъ причинамъ? и какія мѣры могутъ быть приняты къ ихъ улучшенію. 3) Есть ли мастерскія, какія именно, и есть ли нѣтъ, то почему? Есть ли мѣстные способы къ ихъ устройству при настоящемъ состояніи тюремъ? 4) Можно ли, по закрытіи смиренныхъ и рабочихъ домовъ, размѣстить арестантовъ по тюрьмамъ и тамъ подбѣргнуть ихъ принудительнымъ работамъ, отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ, или потребуются новыя исправительныя заведенія, и какія есть для этого мѣстные средства? 5) Нельзя ли, при настоящемъ устройствѣ тюремъ, отдѣлить арестантовъ состоящихъ еще подъ слѣдствіемъ, отъ арестантовъ отданныхъ уже подъ судъ? 6) Нельзя ли объ эти категоріи содержать отдѣльно отъ высиживающихъ сроки? 7) Въ какомъ положеніи находятся полицейскія арестантскія, въ которыхъ помѣщаются люди по первому оглашенію въ преступленіи и за проступки маловажныя. Сюда, конечно, относятся, кромѣ арестантскихъ при городскихъ полиціяхъ, городническихъ правленійхъ и земскихъ судахъ,

также арестантскія при частныхъ домахъ и станovýchъ квартирахъ. На полицейскія арестантскія, въ самомъ циркулярѣ министерства, требуется обратить особенное вниманіе, такъ какъ многіе изъ попадающихъ въ нихъ оказываются невинными, а между тѣмъ они нерѣдко подвергаются тамъ гораздо большимъ тягостямъ нежели содержащіеся въ тюрьмахъ, и никакихъ заботъ о нихъ не прилагаются, тогда какъ въ это время заботы о нихъ могли бы быть имъ полезнѣе чѣмъ когда-либо. Равнымъ образомъ требуется обратить особенное вниманіе на изысканіе возможности, при настоящемъ устройствѣ нашихъ тюремъ, отдѣлить арестантовъ состоящихъ еще подъ слѣдствіемъ отъ арестантовъ отданныхъ уже подъ судъ, такъ какъ въ числѣ первыхъ могутъ быть люди вовсе невинные; изъ вторыхъ же оставляются подъ стражею тѣ только, которые навлекли на себя сильное подозрѣніе въ совершеніи преступленія.

Программа министерства обнимаетъ всѣ предметы относящіяся до тюремъ; но каковы-то будутъ отвѣты на предлагаемые ею вопросы? Такъ какъ министерство недавно уже повторяло о скорѣйшемъ доставленіи требуемыхъ свѣдѣній, то надобно полагать, что ихъ или вовсе не доставлено, или доставлено очень мало, а между тѣмъ съ апрѣля до октября прошло столько времени, что требуемыя министерствомъ свѣдѣнія могли быть доставлены не одинъ, а два и даже три раза. Составленіе всѣхъ этихъ свѣдѣній и извлеченіе изъ нихъ практическихъ выводовъ, могущихъ содѣйствовать обстоятельному рѣшенію вопроса о тюрьмахъ самимъ министерствомъ, указано было возложить на опытнѣйшихъ чиновниковъ, и затѣмъ, по надлежащемъ сношеніи съ предсѣдателями уголовныхъ палатъ и губернскими прокурорами, начальники губерній обязывались доставить въ министерство свои соображенія и статистическія данныя, по возможности, въ непродолжительный срокъ. Такъ указано было идти этому дѣлу сверху. Конечно, люди, которые подписывали циркуляръ министерства, подписывали его не для того чтобы только спихнуть съ рукъ лишнюю бумагу, а для того чтобы бумага дѣйствительно обновила мѣста заключенія обвиняемыхъ и обвиненныхъ въ преступленіяхъ. Но лучъ добраго начинанія, какъ обыкновенно, теряетъ все болѣе и болѣе свою силу, спускаясь въ низъ по бюрократической лѣстницѣ.

Извѣстно, что первая тюремная реформа произошла у

насть въ послѣдніе годы царствованія Александра I, и начинъ этого дѣла принадлежитъ троимъ Англичанамъ-квакерамъ, которые нарочно прїѣзжали въ Россію чтобъ осмотрѣть тюрьмы. Въ настоящее время, министерство требуетъ обстоятельныхъ свѣдѣній о состояніи тюремъ, не дожидаясь представленій объ этомъ со стороны иностранцевъ, и указываетъ какъ добыть эти свѣдѣнія; но требуемыя свѣдѣнія, какъ видно изъ подтвержденія, все еще не являются. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы чиновникъ, которому поручено это дѣло, по доставленіи ему затребованныхъ отъ тюремныхъ комитетовъ и полицій свѣдѣній, тотчасъ же отправился бы самъ для осмотра тюремъ и провѣрки доставленныхъ ему свѣдѣній, не входя уже ни въ какое бумагописаніе,—то онъ могъ бы на мѣстѣ сдѣлать многіе дѣйствительно полезныя практическіе выводы. Тутъ могъ бы онъ узнать дѣйствительныя причины, отчего въ тюрьмахъ не заводится мастерскихъ и школъ. Онъ узналъ бы также, какую пользу приносятъ улучшенію тюремной системы наши комитеты; однимъ словомъ, при желаніи, онъ могъ бы узнать все что нужно знать министерству для улучшенія тюремъ. Одни цифровыя статистическія данныя, по опредѣленной формѣ, министерство всегда могло получить непосредственно само, затребовавъ ихъ отъ тюремныхъ комитетовъ, и получило бы ихъ давнымъ-давно. Однако министерству нужны не одни только эти данныя, но и мѣстные практическіе выводы и соображенія людей опытныхъ и развитыхъ, и еслибы губернскіе чиновники, на которыхъ возложено это дѣло, повели его практическимъ образомъ, то большая часть соображеній уже была бы представлена въ министерство. Недоставленіе ихъ, обнаруживающееся изъ подтвержденій министерства о ихъ доставленіи, мы приписываемъ единственно тому, что такое важное дѣло, требующее самаго горячаго сочувствія, ведется канцелярскимъ порядкомъ.

Зная многія тюрьмы въ своей и другихъ мѣстностяхъ, мы рѣшаемся высказать нѣкоторыя замѣтки о ихъ состояніи и о средствахъ къ ихъ улучшенію.

Мы видѣли тюрьмы и уѣздныя, и губернскія, и старыя, и новыя. Вездѣ дурной воздухъ, сырость, отсутствіе или весьма малое число отдѣльныхъ камеръ, отсутствіе мастерскихъ, весьма малое развитіе грамотности и элемента религіознаго, скудное содержаніе вольнонаемныхъ служителей и смотрителя, и недостаточное его вліяніе на арестантовъ. Вотъ въ чемъ,

на нашъ взглядъ, состоятъ недостатки нашихъ тюремъ. Недостатки полицейскихъ помѣщеній тѣ же, и кромѣ того, въ большей ихъ части, тѣснота, невыносимая нечистота, и при всемъ этомъ недостатокъ той пищи и того надзора и попеченія, которыми пользуются арестанты сидящіе въ тюрьмахъ.

Поговоримъ о каждомъ изъ этихъ недостатковъ въ отдѣльности.

I.

Воздухъ въ тюрьмахъ дуренъ главнымъ образомъ отъ того, что простой народъ вообще неопрятенъ. Мы говоримъ вообще, потому что къ неопрятности причисляемъ не только неряшество и грязь, но и равнодушіе къ нимъ. Въ тѣхъ острогахъ, гдѣ арестантовъ немного и размѣщены они просторно, всегда можно бы имѣть чистый воздухъ, и приучить арестантовъ къ опрятности, еслибы завѣдывающіе острогомъ хотѣли этого и понимали всю важность чистаго воздуха для здоровья и вліянія опрятности не только на чистоту воздуха, но и на улучшеніе нравственности. Обратите вниманіе прежде всего на то, что порядочной вентиляціи нѣтъ, кажется, ни въ одномъ острогѣ, хотя на устройство остроговъ идутъ хорошія деньги. Наука, какъ извѣстно, вообще у насъ не процвѣтаетъ, ни отвлеченная, какъ у Нѣмцевъ, ни въ приложеніи къ жизни, какъ у Англичанъ. Какая тутъ вентиляція, когда въ нѣкоторыхъ острогахъ нѣтъ даже надлежащей тяги въ трубахъ, и во время топки печей всѣ камеры и корридоры наполняются тучами тѣлаго дыма, какъ въ черныхъ деревенскихъ избахъ? Хорошая вентиляція въ острогахъ такъ же необходима, какъ и въ больницахъ; потому что и здѣсь и тамъ помѣщаются люди лишенные движенія на открытомъ чистомъ воздухѣ. Намъ скажутъ, что въ больницахъ вентиляція необходима, потому что тамъ воздухъ наполненъ миазмами отъ больныхъ, а въ острогахъ сидятъ люди здоровые. На это мы отвѣтимъ, что въ больничныхъ палатахъ не позволено держать никакихъ постороннихъ веществъ, и надзоръ за чистотою бѣлья и вообще опрятностію чрезвычайно бдительный; а въ острогахъ у много арестанта бѣлье изнашивается до гла безъ перемѣны, кожа по нѣскольку мѣсяцевъ не знаетъ мыла, постель никогда не провѣтривается и не выколачивается, а подъ нарами навалена всякая мерзость. Присоедините къ этому вонь отъ сквернѣйшаго табаку, который

потихоньку курится во всѣхъ острогахъ, грязь на полу, на-
рахъ и стѣнахъ, которая счищается весьма рѣдко, и заво-
не отъ ночныхъ сосудовъ (деревянныхъ и даже безъ кры-
шекъ) остающихся въ камерахъ цѣлую ночь, — и вы будете
имѣть понятіе о качествѣ воздуха въ острогахъ вообще.
Если же къ этому присоединить ту тѣсноту, которая быва-
етъ когда число арестантовъ увеличивается вдвое противъ
нормальнаго по объему помѣщеній, что часто случается при
наплывѣ такъ-называемыхъ пересыльныхъ арестантовъ, то
вы поймете почему въ острогахъ, какъ въ госпиталяхъ, раз-
виваются заразительныя горячки, поносы, цынга и другія бо-
лѣзни, которыя разносятся изъ остроговъ и по ихъ окрест-
ностямъ. Послѣ этого будетъ также понятно, почему въ остро-
гахъ необходима хорошая вентиляція. Правда, почти во всѣхъ
острогахъ есть форточки въ окнахъ; но арестанты ни-
когда не открываютъ ихъ, ссылаясь на холодъ. Извѣстно,
что нашъ простой народъ привыкаетъ съ дѣтства не только
грѣться на печкѣ, но и лѣчиться на ней и въ ней отъ вся-
кихъ недуговъ. Что воздухъ спертъ и дурень, этого му-
жикъ не понимаетъ, было бы только тепло ему. Когда вы, въ
хорошій лѣтній день, проѣзжаете деревнею, увидите ли вы
хоть въ одной деревенской избѣ открытое окно? А между
тѣмъ нерѣдко избы еще натоплены для печенія хлѣбовъ.
Скажутъ: въ это время народъ въ полѣ, въ избахъ же оста-
ются одни малыя дѣти и старики да старухи. Ну, а вечеромъ
когда народъ возвращается съ полей, видали вы чтобъ от-
крывались окна? Представьте же себѣ большую семью въ
тѣснотѣ и грязи, и въ такой температурѣ отходящую ко
сну. Кто входилъ ночью съ ароматнаго лѣтнаго воздуха въ
крестьянскія избы, тотъ знаетъ, что человѣку нервному легко
упасть въ обморокъ.

Удивительное дѣло, что люди, завѣдывающіе острогами,
почти вовсе не обращаютъ вниманія на этотъ важный пред-
метъ. Нерадѣніе ли, или собственное неряшество тутъ при-
чиной, Богъ знаетъ; но дѣло въ томъ, что изъ цыныхъ остро-
говъ мы едва выкатывались на чистый воздухъ. Въ городѣ,
поставленномъ въ самыя благопріятныя условія, свирѣство-
валъ тифъ занесенный изъ острога, и никто не хотѣлъ знать
откуда онъ явился. Врачъ въ подобныхъ случаяхъ можетъ
надорвать себѣ грудь, говоря о причинахъ эпидеміи, и никто
не станетъ слушать его, развѣ только нѣкоторые изъ членовъ

тюремнаго комитета скажутъ: „Этакій безпокойный человекъ! Чего ему хочется? Развѣ того чтобы всѣмъ намъ присаали нахлобучку, что у насъ скверный острогъ. Да развѣ мы въ этомъ виноваты? Сумашедшій человекъ! Хоть бы его спровадили куда-нибудь въ другое мѣсто.“ И пожалуй, чего добраго, безпокойнаго человека дѣйствительно спровадить въ другое мѣсто, и вотъ предъ очами правительства все въ острогѣ обстоитъ благополучно. Мы нисколько не преувеличиваемъ того, о чемъ говоримъ. Какъ не сказать, напримѣръ, о той удивительной попечительности всѣхъ членовъ тюремныхъ комитетовъ, которую они выказываютъ относительно пища арестантовъ? Ъда рѣшительно занимаетъ у насъ первое мѣсто. Безъ нея не дѣлается ни встрѣчи, ни проводовъ, ни сбора на благотворительныя заведенія,—однимъ словомъ, ни одного добраго дѣла. Точно также и въ острогахъ она занимаетъ первое мѣсто. Посмотрите, вотъ сейчасъ пріѣхалъ въ острогъ губернской чиновникъ, очень умный и образованный человекъ. Какъ вы думаете, куда онъ прежде всего отправился, и о чемъ спрашивалъ арестантовъ? Отправился прямо въ кухню и спрашивалъ, хороша ли пища, и сдѣлалъ замѣчаніе смотрителю, что щи жидки. Мы уже не говоримъ о тѣхъ членахъ тюремныхъ комитетовъ, которые заглядываютъ въ острогъ весьма рѣдко, и чтобы показать свое участіе къ арестантамъ, естественно задаютъ единственный вопросъ, хорошо ли ихъ кормятъ. Отъ такихъ мертвыхъ членовъ и ждать другихъ вопросовъ нельзя, потому что и сами-то они нерѣдко живутъ для того чтобы ѣсть. Ни одинъ мыслящій человекъ, конечно, не посоветуетъ кормить арестантовъ до отвала, какъ швейцарскихъ пѣтуховъ на убой, а у насъ многіе именно объ этомъ только и заботятся. Наши арестанты въ острогахъ ѣдятъ жирныя щи съ говядиной или съ саломъ, нерѣдко гречневую кашу, отличный хлѣбъ и пьютъ хорошій квасъ,—однимъ словомъ, живутъ гораздо лучше большей части нашихъ крестьянъ, которые ѣдятъ пустыя щи и мякинный хлѣбъ. Арестанты, получая по 6 к. сер. въ день кормовыхъ, могутъ имѣть лучший приварокъ чѣмъ служащіе солдаты, которые за приварокъ получаютъ только по 2 к. сер. въ день, тогда какъ изъ 6 к. конечно 3 останутся для приварка. Сверхъ того, въ остроги добрые люди жертвуютъ говядину, казачи и т. д. Какое же можетъ быть при такомъ кормленіи исправленіе нравственности и укрощеніе страстей, тогда какъ, наоборотъ,

отъ корма не слишкомъ питательнаго и хищные звѣри дѣлаются болѣе кроткими? Боже сохрани ърритъ арестантовъ съ голоду; но думаемъ, что щей съ сѣбѣмъ, или построй картофельной похлебки, хорошаго хлѣба и квасу было бы для нихъ и безъ говядины очень достаточно. Но за то чистый воздухъ, чистую постель, чистые полы, чистыя стѣны, чистое бѣлье, чистыя нары, мы считаемъ для нихъ предметомъ первой необходимости, тѣмъ болѣе что всѣмъ этимъ потребностямъ легко удовлетворить: стоить только самихъ же арестантовъ почаще заставлять выколачивать свои постели, мыть полы, бѣлье и нары, и красить стѣны,—да при этомъ устроить хорошую вентиляцію. Это было бы для нихъ и мѣрой наказанія, и средствомъ исправленія. Необходимо также обратить особое вниманіе и на мѣста для нечистотъ, и устройство ихъ поручить лучшимъ архитекторамъ, а для истребленія зловонія въ ночныхъ сосудахъ, такъ какъ ночью арестантовъ нельзя пускать въ отхожія мѣста, въ каждой камерѣ слѣдуетъ устроить особенную чугунную трубу для спусковъ нечистотъ, или вмѣсто деревянныхъ сосудовъ завести чугунные съ крышками, и въ каждую камеру человекъ на десять отпустить въ сутки 1 ф. желѣзнаго купороса истребляющаго зловоніе. Пудъ купороса стоить около 60 к. сер. Самымъ же важнымъ средствомъ для очищенія воздуха все-таки остается хорошая вентиляция. Самая простая и дешевая вентиляция, по нашему мнѣнію, состоитъ въ устройствѣ форточекъ не въ окнахъ, а въ печкахъ. Для этой цѣли могутъ служить и самыя простыя печи. Но еще лучше устраивать въ острогахъ печи по способу Свйазева, съ герметическими заслонками, поддувалою и форточками для освѣженія воздуха. Эти печи, служащія и для отопленія и для вентиляціи, впервые введены въ Максимилиановской лѣчебницѣ въ Петербургѣ, а потомъ и во многихъ казенныхъ заведеніяхъ. При такомъ устройствѣ печей, при удобствахъ сильной вентиляціи, и топлива требуется гораздо менѣе. Если же топить вмѣсто дровъ углемъ, то отопленіе будетъ стоить втрое или вчетверо дешевле дроваго. Куль березовыхъ углей въ Москвѣ стоить 80 к. с., а сажень березовыхъ дровъ 8 р. с. На одну печку нужно не болѣе двухъ кулей, и не менѣе одной сажени въ мѣсяцъ. Разчетъ очень простой и ясный, но непріятный для многихъ экономовъ и стотрителей.

Сырость есть второе отрицательное качество наших остроговъ. По^едимъ, что климатъ у насъ суровый и капризный, но въ-таки и у насъ хорошіе архитекторы строятъ сухіе каменные дома. Сырость постигаетъ почти исключительно только казенныя каменные зданія. Пѣсьень на стѣнахъ намъ случалось видѣть даже въ такомъ колоссальномъ и великолѣпномъ зданіи, какъ Московскій почтамтъ. Что же послѣ того дѣлается въ острогахъ, особенно уѣздныхъ, можете сами легко представить. Мы съ своей стороны только приведемъ для примѣра два уѣздные острога. Вотъ слова донесенія одного тюремнаго комитета: „Въ зимнее время холодъ и сырость исключаютъ всѣ необходимыя для здоровья арестантовъ удобства, и подраздѣленіе ихъ по полу, званію, возрасту и роду преступленій совершенно невозможно; во многихъ камерахъ стѣны промерзаютъ насквозь, а неудовлетворительное устройство рамъ усиливаетъ холодъ и сырость. Едва наступаетъ третій годъ, какъ устроенъ острогъ, а уже все зданіе требуетъ почти капитальной перестройки, не говоря о томъ, что въ 1860 и 1861 годахъ производимы были, по распоряженію правительства, значительныя передѣлки, которыя не привели однако къ желаемымъ результатамъ. Работы обыкновенно производятся подъ присмотромъ инженеровъ, по смѣтамъ составленнымъ примѣнительно урочному положенію и по современнымъ мѣстнымъ цѣнамъ, но изъ дурныхъ матеріаловъ, несвоевременно и въ дурномъ видѣ, безъ всякаго опасенія за отвѣтственность; повторка же работъ въ ихъ внутренней доброкачественности производится также инженерами.“ Это слова офиціальнаго донесенія, которое между прочимъ проситъ передѣлки даже дымовыхъ трубъ. Вотъ какъ иногда строятся наши остроги: даже дымовыя трубы оказываются негодными, а между тѣмъ острогъ, о которомъ идетъ рѣчь, выстроенъ на семьдесятъ пять человекъ, и стоилъ около тридцати тысячъ рублей серебромъ. Относительно другаго острога построеннаго въ томъ же году, какъ и первый, то - есть въ 1859, замѣчено, что онъ построенъ близь болота и на такой почвѣ, которая вся бьетъ ключами. Еще не входя въ острогъ мы полюбовались на канаву, только что вырытую для спуска воды, затопившей нижній этажъ острога. Изъ обоихъ боковъ канавы такъ и бьютъ ключи, и земля ежеминутно осыпается, такъ что сама канаву стоила, какъ мы слышали, болѣе 1000 руб.

сер. Входя въ ворота острога, мы были удивлены невиданнымъ зрѣлищемъ. Каменные ворота его подперты деревянными столбами, и по всѣмъ стѣнамъ огромныя трещины. То же самое мы увидѣли и въ самомъ острогѣ, который весь разтѣвжается въ разныя стороны, вѣроятно отъ сырости самыхъ кирпичей и грунта, не представляющаго твердой опоры. Нижній этажъ острога: погреба, кухня, мастерскія, служительскія, баня, все это весной затоплено было водой, отъ которой избавились посредствомъ упомянутой канавы уже въ июль мѣсяцъ. Такой острогъ все равно, что каменный домъ на деревянномъ фундаментѣ: выстроить его стоило болѣе 15 т. руб. сер. Поправокъ съ 1859 года было, говорятъ, болѣе чѣмъ на 4.000 р. с., и все-таки его придется сломать и перенести на другое, болѣе сухое мѣсто. Нечего ужъ и говорить, что всѣ стѣны въ пѣсени и воздухъ пропитанъ сыростью.

Довольно этихъ двухъ образчиковъ. Говорить о другихъ незначѣмъ, потому что одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, одинаковыя строители строятъ одинаковыя зданія. При предстоящей судебной реформѣ и отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, число заключенныхъ въ острогахъ должно значительно увеличиться. Кромѣ того, для достиженія цѣлей правосудія, для кары и для исправленія преступниковъ, необходимо потребуется одиночное заключеніе и мастерскія, которыхъ при нынѣшнихъ острогахъ почти вовсе не существуетъ. Поэтому придется пристраивать къ острогамъ отдѣльные корпуса съ одиночными камерами и мастерскими. Чтобы огромныя суммы не поѣдались тѣми, для кого онѣ не назначаются, а дѣйствительно шли на улучшение остроговъ, надзоръ за постройкой и приемъ зданій необходимо предоставлять не тѣмъ кто ихъ строилъ, а тюремнымъ комитетамъ, или еще лучше тѣмъ городскимъ обществамъ, на землѣ которыхъ стоятъ остроги. При готовящемся преобразованіи городского управленія, общая городская дума, состоя изъ членовъ всѣхъ сословій, легко можетъ выбрать изъ себя комитетъ свѣдущихъ и честныхъ людей, которые не позволятъ выстроить такихъ остроговъ, какіе нами описаны. По нашему понятію, всѣ нужныя къ острогамъ пристройки, на первое время, по крайней мѣрѣ въ губерніяхъ лѣсистыхъ, можно дѣлать деревянныя, какъ болѣе дешевыя и болѣе удобныя для мелкихъ помѣщеній. Вѣдь можно и деревянную постройку сдѣлать прочнѣе такихъ каменныхъ, о которыхъ говорено

выше. Ученыхъ архитекторовъ мы не смѣемъ учить о томъ, что въ предполагаемыхъ нами пристройкахъ должны быть широкіе и свѣтлые корридоры, хорошая вентиляція и порядочное устройство мѣсть для нечистотъ, такъ чтобъ онѣ не заражали тюремнаго воздуха, и чтобы для этого были тамъ вытяжныя трубы и наклонныя полы, а не ровныя, какъ это намъ случилось видѣть даже въ одномъ губерскомъ острогѣ, строившемся на виду высшаго начальства. Этотъ острогъ замѣчательнъ тѣмъ, что послѣ постройки онъ около десяти лѣтъ стоялъ пустой, потому что въ это время происходила о немъ переписка. Строили его для гражданскихъ арестантскихъ ротъ, систему которыхъ имѣли въ виду распространить по многимъ городамъ. Потомъ, вѣроятно, нашли ее несоответствующею цѣли, то-есть цѣли исправленія преступниковъ, и въ этотъ острогъ перевели арестантовъ содержавшихся въ крайней, почти невѣроятной, тѣсотѣ въ прежнемъ острогѣ. Настоящій острогъ оказался сырымъ, но, говорятъ, отъ того что онъ долго стоялъ нежилымъ. Другіе же утверждаютъ, что чѣмъ дольше выстаивается каменное зданіе, тѣмъ оно лучше. Богъ знаетъ, кому вѣрить.

II.

Отсутствіе отдѣльныхъ камеръ, при предстоящемъ преобразованіи судопроизводства, не можетъ быть долѣе терпимо. Неимѣніе отдѣльныхъ камеръ и доселѣ составляло величайшее зло. Вотъ что сказано въ официальномъ донесеніи по этому предмету: „При свободномъ сообщеніи между арестантами и скопленіи ихъ съ разныхъ сторонъ, люди попадающіе въ острогъ портятся и нравственно упадаютъ гораздо ниже чѣмъ были до заключенія. Достаточно попасть арестанту въ тюрьму, чтобъ онъ не только отказался отъ прежде данныхъ имъ показаній, если таковыя клонятся къ его обвиненію, но наглымъ и дерзкимъ запирательствомъ и клеветами на свидѣателей явно смѣялся надъ судомъ, зная твердо, что приговоръ будетъ основанъ на формальныхъ доказательствахъ, которые добыть, при запирательствѣ и стачкѣ виновныхъ весьма трудно.“ Теперь, хотя система судопроизводства и измѣняется, но, при заключеніи находящихся подъ сѣдствиемъ и судомъ арестантовъ въ общихъ камерахъ и при стачкѣ ихъ, также трудно будетъ добывать достаточныя доказательства ихъ виновности. Прежде они могли быть оставляемы въ

подозрѣннѣи, теперь же положительно будутъ оправдываться. Арестантовъ высиживающихъ сроки до сихъ поръ очень мало; во съ отмѣною телѣсныхъ наказаній, если при этомъ не получать обширнаго примѣненія другіе роды наказанія, напримѣръ, денежные пени, ссылка на поселеніе въ Сибирь, на Кавказъ, на Амуръ и т. д., тюрьмы будутъ значительно наполняться ими. Заключеніе въ общихъ камерахъ было бы для нихъ наказаніемъ весьма слабымъ даже и при обязательныхъ работахъ, а между тѣмъ было бы сильнымъ средствомъ нравственной порчи, такъ что тюрьмы сдѣлались бы рассадниками преступленій. Ужь если наказывать тюремнымъ заключеніемъ, то одиночнымъ, которое послужитъ и средствомъ исправленія. Въ общихъ камерахъ будутъ содержаться тѣ люди, которые состоятъ подъ сѣдствіемъ и судомъ, и которыхъ судебный сѣдователь, или судебное мѣсто, не найдутъ необходимымъ во время производства сѣдствія и суда содержать въ одиночныхъ камерахъ. Трудно сказать заранѣе на сколько процентовъ можетъ увеличиться число содержаемыхъ въ острогахъ, потому что множество проступковъ и преступленій будутъ судиться и рѣшаться мировымъ судомъ, безъ заключенія въ острогъ, а потому теперь невозможно еще предвидѣть какія именно пристройки потребуются къ существующимъ уже тюрьмамъ. Это можетъ быть указано только временемъ. Можетъ быть, въ цѣлой губерніи придется одинъ или два острога отвести собственно для высиживающихъ сроки, а остальные тюрьмы обратить въ предварительныя для арестантовъ, находящихся подъ сѣдствіемъ и судомъ, и въ нихъ же устроить приличныя помѣщенія для заключаемыхъ за проступки полицейскіе. Въ такомъ случаѣ, въ тюрьмахъ исправительныхъ, потребуется устройство келій и мастерскихъ; въ тюрьмахъ же предварительныхъ, каковыми были донныя всѣ существующія тюрьмы, нужно будетъ устроить лишь въ-сколько келій для тѣхъ лицъ, которыхъ судебный сѣдователь или судебное мѣсто на время производства сѣдствія и суда, сочтутъ необходимымъ содержать въ отдѣльныхъ камерахъ. Правда, что устройство келейныхъ тюремъ и содержаніе въ нихъ арестантовъ будетъ стоить весьма не дешево. Мы слышали отъ людей опытныхъ, что въ такихъ тюрьмахъ содержаніе каждаго арестанта обойдется около 200 р. сер. въ годъ, тогда какъ содержаніе его въ общихъ камерахъ обходится около 25 р. с. Разница громадная, и для ограниченаго

бюджета весьма чувствительная. Но ужь если предпринимать преобразование, то необходимо, чтобъ оно было дѣйствительно преобразованиемъ, а не одною переименованіемъ старыхъ именъ на новыя; сверхъ того надобно имѣть въ виду, что въ келейныхъ тюрьмахъ большое пособіе къ ихъ содержанію можетъ доставляться собственными работами заключенныхъ. Пособіе это нисколько не унижительно для правительства; напротивъ, не пользоваться работами заключенныхъ для ихъ же собственного содержанія было бы непростительнымъ мотовствомъ даже и при богатомъ бюджетѣ. Можетъ-быть спросать, куда пойдутъ такіе громадныя расходы при устройствѣ келейнаго заключенія? А вотъ куда: во первыхъ, устройство каждой кельи съ капитальными стѣнами обойдется весьма дорого, а безъ капитальныхъ стѣнъ нечего и думать о келейномъ заключеніи, потому что арестанты не только будутъ разговаривать между собою, но и разломаютъ раздѣляющія ихъ перегородки. Во вторыхъ, освѣщеніе будетъ стоить также не дешево, и, третьихъ, очень не дешево обойдется отопленіе въ губерніяхъ безлѣсныхъ. Въ западной Европѣ топятъ тюрьмы углемъ или торфомъ и не болѣе двухъ мѣсяцевъ. И у насъ на югѣ Россіи, близъ каменноугольныхъ копей или въ губерніяхъ богатыхъ лѣсомъ, устройство келейныхъ тюремъ обойдется гораздо дешевле, принимая въ разчетъ даже и пересылку туда арестантовъ изъ другихъ губерній. Въ другихъ же мѣстахъ Россіи, выгоднѣе было бы оставить тюрьмы предварительныя. Въ такомъ случаѣ, въ существующихъ уже острогахъ, потребовались бы не очень значительныя передѣлки, состоящія главнымъ образомъ въ устройствѣ, въ каждомъ изъ нихъ, по нѣсколькимъ келей, какъ уже сказано выше. Намъ удалось прочесть проектъ одного предсѣдателя уголовной палаты объ устройствѣ, для арестантовъ высиживающихъ сроки, земледѣльческой фермы. Но въ такихъ фермахъ смотрителями и смотрительницами могутъ быть только люди подобные Роберту Оуэну и Елисаветѣ Фрей. Мы не теряемъ надежды имѣть и такихъ смотрителей, но только не въ настоящее время. Въ упомянутомъ проектѣ исправительной фермы, написанномъ очень обстоятельно и дѣльно, намъ показалось чрезвычайно страннымъ, что составитель его, предоставляя все ближайшее управленіе фермой смотрителю, ни слова не говоритъ о тѣхъ нравственныхъ качествахъ, какія онъ долженъ имѣть, и назначаетъ ему то же самое содержаніе, какое получаетъ теперь смотри-

тель острога, и только общая ему въ будущемъ часть при-
былей отъ фермы. Очевидно, авторъ считаетъ настоящихъ
смотрителей вполне удовлетворяющими своему назначе-
нію. Каковы эти смотрители на дѣлѣ, мы будемъ говорить
ниже. Но какъ бы то ни было, желательно, чтобъ этотъ про-
ектъ былъ авторомъ напечатанъ. Въ немъ все-таки видно
движеніе ума на пользу ближняго. Мы убѣждены, что невѣ-
жество и бѣдность—главныя причины преступленій, что нѣтъ
преступниковъ, которыхъ нельзя было бы исправить не звѣр-
скими, а человѣческими, разумными средствами, и что, на-
противъ, жестокія мѣры только портятъ, а не исправляютъ
людей. Результаты, добытые Оуэномъ въ его земледѣльче-
ской колоніи для исправленія порочнѣйшихъ членовъ обще-
ства, слишкомъ хорошо извѣстны.

Обращикъ келейнаго заключенія, съ цѣлю карательною и
исправительною, мы видѣли въ Парижѣ въ тюрьмѣ для исправ-
ленія молодыхъ преступниковъ (*la prison des jeunes déte-
nues*). Въ ней помѣщается около 500 несовершеннолѣтнихъ
преступниковъ, каждый въ особенной комнатѣ. Въ каждой
комнаткѣ большое окно, желѣзная кровать съ матрацомъ,
подушкой, постельнымъ бѣльемъ и шерстянымъ одѣяломъ,
столъ, стулъ, книги, бумага, перья, карандаши и рабочіе ин-
струменты. Мы видѣли большею частію слесарные инстру-
менты. Намъ случилось видѣть даже и обѣдъ преступниковъ,
состоящій изъ варенаго гороха и бѣлаго хлѣба. Ежедневно
къ нимъ приходятъ мастера, которые, выучивъ ихъ какому-
нибудь мастерству, даютъ имъ инструменты, приносятъ работу,
и сами продаютъ ее. Часть вырученныхъ денегъ идетъ масте-
рамъ, часть въ пользу тюрьмы и часть въ пользу арестанта.
Кромѣ того, ежедневно приходятъ къ нимъ духовныя лица
(*frères de la doctrine chrétienne*), которыя безграмотныхъ
выучиваютъ грамотѣ, а грамотнымъ даютъ полезныя для
нихъ занятія, и знакомя съ божественнымъ закономъ, со-
дѣйствуютъ исправленію ихъ нравственности. Каждую не-
дѣлю преступники бываютъ въ своей домовой церкви, но
такъ что они не видятъ другъ друга. Входятъ они по оди-
ночкѣ, садятся въ нарочно устроенныя для нихъ амфитеа-
тромъ мѣста и видятъ всѣ только алтарь, устроенный на воз-
вышеніи, и священника. Каждый преступникъ сидитъ въ осо-
бенной, со всѣхъ сторонъ закрытой ложѣ. Если преступнику
нужно выйдти изъ своей камеры, и что-нибудь ему нужно,

то ему стоить только въ отверстіе, находящееся въ двери, просунуть желѣзную пластинку, въ нее вдѣланную, и корридорный служитель, постоянно расхаживающій по корридору, сейчасъ же является къ нему въ камеру. Не мѣшало бы и въ нашихъ тюрьмахъ ввести этотъ способъ, вмѣсто нынѣ употребляемаго, состоящаго въ томъ, что если арестантамъ сидящимъ въ камерѣ что-нибудь понадобится, то они начинаютъ изъ всѣхъ силъ стучать въ дверь ногами и руками, до тѣхъ поръ пока не услышитъ часовой. Стукъ раздастся по всему острогу, и постороннему человѣку легко можетъ представиться, что въ острогѣ бунтъ. Чтò за дикіе обычаи! Отъ нихъ грубые люди дѣлаются еще грубѣе, тогда какъ надобно заботиться о смягченіи ихъ нравовъ. Но возвращаюсь къ парижской тюрьмѣ. Молодыхъ арестантовъ ежедневно выпускаютъ на нѣсколько минутъ на чистый воздухъ погулять на дворѣ, который раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, чтобъ и здѣсь арестанты не видѣлись другъ съ другомъ. Цѣль этого уединенія состоитъ въ томъ, чтобы въ послѣдствіи, когда арестантъ исправится, выйдетъ изъ тюрьмы и вступить въ общество, никто не могъ упрекнуть его, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Кромѣ близкихъ къ нему лицъ, никто къ нему не допускается. Большая часть преступниковъ исправляются, и ихъ наставники заботятся о приисканіи имъ мѣстъ. Выходя изъ тюрьмы, арестанты, вмѣстѣ съ пріобрѣтенными знаніями, выносятъ порядочный запасъ денегъ, который на первыхъ порахъ можетъ поддержать ихъ на честномъ поприщѣ.

Келейная тюрьма въ Берлинѣ (in Moabit) устроена по той же системѣ какъ и парижская; но здѣсь эта система при настоящемъ директорѣ доведена уже до крайности. Желающимъ узнать это учрежденіе въ подробностяхъ, мы рекомендуемъ недавно вышедшую брошюру доктора Густава Раша, подъ заглавіемъ: *Die dunkeln Häuser Berlins*.

Тюрьма эта выстроена около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. При входѣ въ нее, по обѣимъ сторонамъ, находятся комнаты, гдѣ помѣщается управленіе, и комната для свиданій арестантовъ съ ихъ посѣтителями. Последняя не имѣетъ въ себѣ ничего похожего на тюрьму. Большія окна дѣлаютъ ее свѣтлою и веселою, мебель ея состоитъ изъ простаго стола и стульевъ; проволочной рѣшетки, которая обыкновенно дѣлаетъ приемную комнату въ тюрьмахъ на двѣ половины, здѣсь нѣтъ.

Арестантъ одинъ разъ въ мѣсяцъ или въ двѣ недѣли, можетъ принимать здѣсь тѣхъ, кто его не забыть, разговаривать съ ними въ присутствіи надзирателя, и, хоть на полчаса, забывать, что онъ находится въ кельномъ заключеніи.

Внутренность тюрьмы докторъ Рашъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Тюрьма выстроена, съ нѣкоторыми измѣненіями, по системѣ филадельфійской, называемой Strahlenplan, въ видѣ лучей. Четыре флигеля сходятся въ центрѣ въ формѣ звѣзды и могутъ быть осматриваемы отъ полу до крыши. Отдѣльные этажи каждаго флигеля соединяются посредствомъ галлерей, а всѣ галлерей соединяются въ среднихъ висячихъ лѣстницахъ, которыя идутъ по всему зданію сверху до низу. Свѣтъ падаетъ въ эти пространства сверху. Кто не знаетъ, что по сторонамъ этихъ чугунныхъ, изящныхъ галлерей и лѣстницъ, которыхъ ступени и полъ состоятъ изъ аспидныхъ досокъ, находятся отдѣльныя, маленькія кельи заключенныхъ, двери которыхъ отворяются на галлерей, кто не знаетъ, что въ каждомъ изъ этихъ огромныхъ флигелей содержится по полутораста человѣкъ несчастныхъ арестантовъ, тотъ, стоя въ центрѣ этого колоссальнаго зданія и смотря на эти переплетающіяся галлерей до самаго ихъ конца, никакъ не подумаетъ что находится въ тюрьмѣ, если только ему не знакома эта особенная архитектура. Могильная тишина царствуетъ во всемъ зданіи. Я слышалъ только ударъ маятника большихъ часовъ, которыя здѣсь отмѣриваютъ минуты и часы уединенія и молчанія, да по временамъ звонъ колокольчика, который приводится въ движеніе подергиваніемъ изъ какой-нибудь кельи, или шагу надзирателя, который отправляется по длиннымъ галлереймъ въ тѣ кельи, откуда былъ слышенъ зовъ. Потомъ я услышалъ позади себя какой-то неопредѣленный звукъ, какъ будто кто-нибудь подкрадывался по полу въ войлочныхъ башмакахъ; звукъ этотъ то приближался, то отдалялся, и былъ то сильнѣе, то слабѣе. Я обернулся, и что же увидѣлъ? Около пятидесяти темныхъ фигуръ медленно шагали вдоль стѣны по галлерей. Всѣ были одѣты въ темно-коричневая куртки и такіе же короткіе штаны. Черные длинные чулки и войлочные башмаки довершали нарядъ. Каждая изъ этихъ фигуръ шла позади передней на десять шаговъ, и всѣ онѣ маршировали какъ солдаты, однимъ и тѣмъ же шагомъ и въ тактъ, постоянно на одномъ и томъ же разстояніи. На головѣ у

каждой фигуры былъ коричневый шерстяной капшонъ, котораго передняя часть была опущена на подобіе зонтика и такъ плотно закрывала лицо, что въ продѣланные отверстія можно было видѣть только два глаза. Такимъ образомъ двигался мимо насъ весь этотъ строй нѣмыхъ темныхъ фигуръ къ противоположному флигелю, поднимаясь на верхъ по вьющимся чугуннымъ лѣстницамъ. Я видѣлъ какъ они скользили по одной изъ длинныхъ узкихъ галлерей и наконецъ исчезли въ маленькихъ дверяхъ келій. Удивленный, я посмотрѣлъ на своего проводника.

„— Это заключенные, господинъ докторъ, сказалъ онъ, видя вопросъ на моемъ лицѣ.—Они возвращаются изъ ваннъ въ свои кельи. Одинъ разъ въ двѣ недѣли каждый заключенный долженъ брать ванну.

„— И они ходятъ всегда такимъ же шагомъ и въ такомъ же разстояніи другъ отъ друга?

„— Всегда. Такъ они идутъ въ ванну, въ церковь, на прогулку, чтобъ имъ нельзя было говорить другъ съ другомъ.

„— Гдѣ же они прогуливаются?

„— Я вамъ покажу.

„Мы поднялись по висячей лѣстницѣ вверхъ и вступили въ первую галерею; вторая такая же лѣстница съ чугунными перилами вела во вторую галерею, которую мы и прошли до самаго ея конца. Цѣлый рядъ маленькихъ дверей, одна подлѣ другой, видѣлся здѣсь во всю длину галереи. Каждая дверь хорошо задвинута засовомъ и заперта. Такъ и представляется цѣлый рядъ заживо погребенныхъ, которые не могутъ выйти изъ своихъ гробовъ. Надъ всѣми дверями идетъ проволока отъ колокольчика, устроенная такъ что надзиратель знаетъ по какому направленію идти и въ какую келью войти. Такимъ образомъ мы дошли до конца галереи этого флигеля. Большое окно выходитъ на внутренній дворъ, на которомъ я замѣтилъ какое-то странное зданіе. Двадцать стѣвъ сходились лучеобразно, или на подобіе вѣра, къ одному центру. Въ этомъ центрѣ возвышалась, можетъ-быть на высотѣ 50 футовъ, каменная башня, которою верхняя часть вся сдѣлана изъ стекла. Внутри этой башни, устроена лѣстница ведущая въ стеклянную верхушку. Это странное вѣрообразное зданіе устроено для прогулки заключенныхъ. Всегда на разстояніи десяти шаговъ другъ отъ друга, заключенные выводятся на этотъ дворъ и

распредѣляются въ эти вѣрообразныя кѣтки, такъ чтобы въ каждой было только по одному человѣку. Когда арестантъ вступитъ въ эту кѣтку между двумя стѣнами, то онъ можетъ поднять зонтикъ своего шерстянаго капшона, можетъ любоваться на обѣ стѣны и двигаться между ними цѣлые полчаса. Сверху башни надзиратель легко можетъ наблюдать за прогуливающимися такимъ образомъ двадцатью человѣками, которые чрезъ полчаса, молча, въ томъ же разстояніи другъ отъ друга и тѣмъ же шагомъ, опустивъ свои зонтики, возвращаются въ свои кельи, а другіе двадцать вступаютъ на ихъ мѣсто. Различать ихъ можно только по номерамъ, которые они носятъ на груди. Прогулка необходима заключеннымъ для поддержанія тѣлесныхъ и душевныхъ силъ; но это не прогулка, а механическое движеніе костей. Если бы прогулка происходила въ саду, среди зелени и цвѣтовъ, хотя при томъ же молчаніи и отдаленіи арестантовъ другъ отъ друга, но конечно съ поднятыми зонтиками капшоновъ, то такая прогулка, не нарушая принципа молчанія и уединенія, была бы освѣжительною и для глазъ, цѣлыя сутки выдающихъ однѣ стѣны, и для духа, и для тѣла. Надзоръ за соблюденіемъ молчанія и уединенія легко было бы устроить съ построенной въ срединѣ сада башни. Что заключенные могли бы видѣть другъ друга, это не могло бы вредить ихъ исправленію.

„Мы пошли назадъ по длинной, узкой висачей чугунной галлерей. Часы пробили шесть, время ужина. Заключенные, въ томъ же коричневомъ костюмѣ, съ зонтиками передъ глазами, съ номерами камеръ на груди, подъ предводительствомъ надзирателя, тихими, почти не слышными шагами, поднимались по лѣстницамъ и галлерейамъ, неся въ глиняныхъ чашкахъ супъ и большіе ломти чернаго, хорошо испеченнаго хлѣба, и распространяли жизнь и движеніе въ этихъ тихихъ и уединенныхъ мѣстахъ, въ которыхъ можно было принять ихъ не за людей, а за привидѣнія. Надзиратели открывали одно за другимъ окошечки (впрочемъ безъ стеколъ), сдѣланныя въ дверяхъ келій, просовывали туда чашки со словами: „Вотъ тебѣ супъ,“ или „вотъ тебѣ хлѣбъ,“ опять запирали окошечки, и шли далѣе. Иногда и изнутри кельи слышался вопросъ, но большею частію дѣло происходило въ молчаніи. Только и слышалось шарканье ногъ и отпирание и запираніе окошечекъ. По моему желанію, водившій меня надзиратель отворилъ одну изъ этихъ маленькихъ тяжелыхъ дверей, и я,

нагнувъ голову, вошелъ въ келью. Три шага въ длину и не много болѣе въ ширину, вотъ ея объемъ. Свѣтъ падалъ чрезъ окно съ рѣшеткой, продѣланное въ стѣнѣ противоположной двери, около десяти футовъ отъ полу. Опущенныя шторы не позволяли различать цвѣтъ неба и облаковъ. Подлѣ двери стояла скамейка, и на ней глиняная чашка съ супомъ; по другую сторону двери лежалъ свернутый матрацъ, который вечеромъ, въ 6½ часовъ, заключенный разстилаетъ, и готовится себѣ постель. Передо мной, подлѣ стола, стояла нѣмая человѣческая фигура съ кожей, сапогомъ и сапожными инструментами въ рукахъ, въ такомъ же точно костюмѣ, какой уже описанъ выше. Лицо его было безъ капшона и безъ зонтака, номеръ его кельи висѣлъ на стѣнѣ, на которой, кромѣ того, висѣли грифельная доска съ грифелемъ и тюремный уставъ.

„Я заговорилъ съ этимъ несчастнымъ, который разказалъ мнѣ, что онъ здѣсь уже четвертый годъ, и съ невыразимою радостію прибавилъ, что чрезъ три мѣсяца конецъ его наказанію. Впрочемъ, его лицо не показывало ни обезсилія, ни худобы; оно было только блѣдно-желтовато, какъ это обыкновенно бываетъ, отъ продолжительнаго заключенія. Онъ былъ сапожникъ, и занимался этимъ ремесломъ и здѣсь. Я снялъ со стѣны аспидную доску. На ней была ариѳметическая задача съ дробями, заданная въ состоящей при тюремѣ школѣ. Задачу эту заключенный сегодня уже рѣшилъ самъ. Потомъ я прочелъ висяцій на стѣнѣ тюремный уставъ.

„Въ 5 часовъ утра, заключенный встаетъ, его платье подается ему черезъ окошечко, также какъ острые и рѣзущіе инструменты нужны ему для работъ. Онъ долженъ умыться, помолиться, и затѣмъ уже получаетъ утренній супъ. Въ 12 часовъ ему дается обѣдъ, состояцій изъ супа съ крупами, горохомъ или бобами, и ломтя хлѣба. Потомъ онъ опять принимается за свою работу, которая продолжается до 6 часовъ вечера. Въ 6½ часовъ онъ получаетъ третій ломоть хлѣба и вечерній супъ, разстилаетъ свой матрацъ, долженъ вымыться, раздѣться, подать въ окошко платье, инструменты, и ложиться спать, ровно въ 7 часовъ и зимою, и лѣтомъ. Итакъ ночь продолжается здѣсь отъ 7 часовъ вечера до 5 утра,—цѣлые 10 часовъ. Ночи здѣсь какъ въ могилѣ, но съ присутствіемъ чувства и сознанія,—ночи, во мракѣ которыхъ мерцаетъ отдаленный лучъ надежды на освобожденіе черезъ столько-то

лѣтъ. День прерывается только вышеописанною прогулкою и хожденіемъ въ школу, въ которой особые учителя учатъ элементарнымъ предметамъ. Въ воскресенье заключенные ходятъ въ церковь. Говорить они могутъ только съ своимъ надзирателемъ; если же кто-нибудь осмѣлится сказать хоть слово съ другимъ заключеннымъ, встрѣтившись гдѣ-нибудь случайно, то подвергается болѣе строгому заключенію и лишенію теплой пищи. Еженедѣльно посвѣщаютъ заключенныхъ директоръ тюрьмы и прикомандированныя къ тюрьмѣ духовныя лица, которыя должны содѣйствовать ихъ религіозно-нравственному улучшенію. Часть того что заключенный приобретаетъ своею работою употребляется на него, или для него же собирается, и выдается ему по окончаніи его заключенія. Разъ въ мѣсяцъ онъ можетъ видѣться съ знакомыми въ разговорной комнатѣ, находящейся внизу, въ сѣняхъ, при входѣ въ тюрьму. Всякій шумъ, свистъ, пѣніе и даже громкій разговоръ строгойше воспрещены.

„Церковь находится въ центрѣ зданія. Она устроена совершенно такъ же, какъ церковь въ парижской тюрьмѣ для исправленія молодыхъ преступниковъ. Заключенные видятъ только алтарь, кафедру и ложу тюремныхъ чиновниковъ. Ни при входѣ, ни при выходѣ, они не видятъ другъ друга и не могутъ перемолвиться другъ съ другомъ ни однимъ словомъ. Школьныя комнаты устроены точно также. Каждое мѣсто, занимаемое ученикомъ, есть съ трехъ сторонъ и сверху закрытая клѣтка, которой переднее отверстіе обращено къ учителю, такъ что всѣ учащіеся видятъ только его. Такъ устроены шесть комнатъ. По своимъ занятіямъ и успѣхамъ, учащіеся раздѣляются на четыре класса.

„При тюрьмѣ есть мельница и пекарня, кухня и прачешная, въ которыхъ работаютъ заключенные. Здѣсь, при работахъ, они, конечно, могутъ видѣть другъ друга, но говорить не смѣютъ, находясь постоянно подъ надзоромъ. Точно такъ же производится чистка тюрьмы, которую можно назвать образцовою. Заключенные метутъ, чистятъ пескомъ галереи и ходы, полы которыхъ натираются воскомъ и покрываются лакомъ; на это время заключеннымъ позволено поднимать зонтики ихъ капюшоновъ. Все заведеніе нагревается водяными парами и освѣщается газомъ.“

Докторъ Рашъ говоритъ, что съ недавнею переменою директора этой тюрьмы, произошла перемена въ управленіи.

Заключенные прежде работали вмѣстѣ, въ большихъ комнатахъ четырехъ флигелей. Портные работали вмѣстѣ за однимъ длиннымъ столомъ, сапожники также. Въ другомъ отдѣленіи занимались сигарные работники, въ третьемъ литографчики, въ четвертомъ столяры, кузнецы и т. д. Они работали подъ строгимъ надзоромъ и не смѣли сказать ни слова, развѣ только что требовалось самою работой. Часть заключенныхъ работала, какъ и теперь, въ кельяхъ; но двери келій днемъ отворялись и запирались только на ночь.

Принципъ отдѣленія заключенныхъ другъ отъ друга соблюдался только относительно *молчанія*. Школьное обученіе, посвященіе духовными лицами и директоромъ, производились такъ же, какъ и теперь. При новомъ управленіи устранено не только всякое духовное общеніе, но и всякое совокупное пребываніе въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Принципъ *удиненія* при новомъ управленіи сравнивался по своей строгости съ принципомъ молчанія.

Что управленіе тюрьмы при такомъ порядкѣ сдѣлалось значительно дороже, что выполненіе многихъ работъ, которыя требуютъ совокупнаго труда многихъ, сдѣлалось невозможнымъ, что доходы тюрьмы чрезъ это уменьшились,—объ этомъ нечего говорить. Еслибы все это имѣло вліяніе на исправленіе преступниковъ, то можно бы еще съ этимъ помириться. Но ведетъ ли такое до крайности строгое уединеніе къ исправленію преступниковъ, и слѣдуетъ ли подвергать преступника такому уединенію на продолжительное время? На оба вопроса, по крайней мѣрѣ на послѣдній, кажется, приходится отвѣчать отрицательно.

О заключеніи преступниковъ въ общихъ камерахъ въ рабочихъ домахъ и тюрьмахъ, докторъ Рашъ говоритъ то же самое и почти тѣми же словами, какъ и наши тюремные комитеты. Изъ этихъ мѣстъ заключенный всегда выходитъ хуже чѣмъ въ нихъ вошелъ. Порча однихъ другими такъ очевидна, что о ней не стоить и распространяться. Устраненіе этого зла можно найти только въ системѣ уединенія, но она не должна состоять въ одиночномъ заключеніи преступника безъ всякихъ занятій, и исправленіе преступника должно достигаться его образованіемъ, бесѣдой съ нимъ и пробужденіемъ въ немъ чувства чести. Уединеніе главнымъ образомъ, должно состоять только въ прекращеніи духовнаго общенія между заключенными; слѣдовательно, въ молчаніи днемъ и въ заключеніи по кельямъ ночью.

До сихъ поръ наши русскія тюрьмы были почти исключительно только предварительными тюрьмами: такъ мало содержалось въ нихъ арестантовъ, высиживающихъ сроки по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ. Тюремъ, собственно исправительныхъ, какъ только что описанныя нами парижская и берлинская, у насъ вовсе нѣтъ. Обязательная работа, въ смыслѣ наказанія, ведется у насъ, смотря по роду преступленій, въ смиренныхъ и рабочихъ домахъ, арестантскихъ ротахъ; наконецъ, это такъ-называемая каторжная работа. Но гораздо обширнѣе примѣненіе у насъ имѣлъ другой родъ наказаній, именно: тѣлесное наказаніе и ссылка на поселеніе. Тѣлесное наказаніе отмѣняется; но мы еще не знаемъ, какія перемѣны послѣдуютъ въ кодексъ уголовныхъ и исправительныхъ наказаній, и какой взглядъ на значеніе наказанія преступниковъ установится въ нашемъ законодательствѣ: будетъ ли оно видѣть въ наказаніи только кару за преступленіе, или также и исправленіе преступника. Поэтому и нельзя раньше съ точностью говорить о томъ, какія именно преобразованія должны произойти въ тюрьмахъ. Если въ наказаніи преступника мы будемъ видѣть не только кару за его преступленіе, но и средство къ его исправленію, то намъ будутъ необходимы такія же келейныя тюрьмы, какъ только что описанныя нами. Можно ихъ видоизмѣнять, смотря по мѣстностямъ, нравамъ и другимъ обстоятельствамъ, но безъ соблюденія правила уединенія не возможно исправленіе преступниковъ. Безъ этого правила ни обученіе арестантовъ, ни обязательныя работы не принесутъ никакой пользы. Это уже испытано, не у насъ только, въ смиренныхъ и рабочихъ домахъ и арестантскихъ ротахъ, но и въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Самое необходимое условіе для исправленія — уединеніе и молчаніе. Къ такому выводу пришли величайшіе филантропы нашего времени, посвятившіе всю свою жизнь заботамъ объ исправленіи преступниковъ.

Если же не ставить на первомъ планѣ исправленія преступниковъ, то для обязательныхъ работъ лучше всего ссылать ихъ въ отдаленныя колоніи, напримѣръ, какъ у насъ, въ каторжныя работы или просто на поселеніе въ Сибирь и на Кавказъ, причемъ перемѣна мѣста и общества дѣйствовала бы на преступника исправляющимъ образомъ. Въ такомъ случаѣ большая часть нашихъ тюремъ должны сдѣлаться полицейскими и предварительными, и развѣ нѣкоторыя послужили бы

для кратковременнаго заключенія преступниковъ. Но во всѣхъ этихъ тюрьмахъ все-таки непременно должны быть устроены кельи, хотя не въ большомъ числѣ; какъ для находящихся подъ слѣдствіемъ и судомъ, такъ и для высиживающихъ сроки.

Одиночное заключеніе для людей находящихся подъ слѣдствіемъ, при новой системѣ судопроизводства, очевидно, не можетъ быть продолжительно, такъ какъ судебные слѣдователи будутъ производить только предварительныя дознанія; дальнѣйшее же изслѣдованіе дѣла будетъ производиться самимъ судомъ. Гдѣ есть хорошія полицейскія тюрьмы, тамъ онѣ, вмѣсто остроговъ, могутъ служить для этой цѣли. Но, къ сожалѣнію, губернскія полицейскія тюрьмы большею частію такъ дурны, что не стоятъ и поправокъ. А между тѣмъ, лица, находяціяся только подъ слѣдствіемъ, имѣютъ полное право пользоваться бѣльшими удобствами чѣмъ находяціяся подъ судомъ. Для арестованныхъ на время производства слѣдствія, и пища, и помѣщеніе должны быть лучше, потому что подъ слѣдствіемъ легко могутъ быть лица совершенно невинныя. Уединеніе ихъ нужно, главнымъ образомъ, для скорѣйшаго и правильнѣйшаго хода дѣла, и зависитъ вполне отъ судебного слѣдователя. Но лица находяціяся подъ судомъ, и слѣдовательно навлекшія на себя сильное подозрѣніе въ совершеніи преступленія и заключенныя по опредѣленію суда, впредь до рѣшенія дѣла, въ общія или одиночныя камеры, не могутъ требовать тѣхъ удобствъ, какъ арестанты, находяціяся только подъ слѣдствіемъ.

При настоящемъ состояніи тюремъ и переполненіи ихъ пересыльными арестантами, въ большей части тюремъ не было возможности отдѣлить людей находящихся подъ слѣдствіемъ отъ лицъ находящихся подъ судомъ. Кое-какъ еще отдѣляли однихъ отъ другихъ по роду преступленій. Да и для чего послужило бы отдѣленіе одной группы отъ другой? Для доставленія какихъ-нибудь удобствъ арестантамъ слѣдственнымъ? Но для этого потребовались бы для нихъ и другое содержаніе, и другая пища, и другой надзоръ. Могли ли доставить все это наши нынѣшнія тюрьмы? Какъ охраненіе арестантовъ отъ нравственной порчи, это отдѣленіе было также бесполезно, потому что и между людьми, находящимися еще только подъ слѣдствіемъ, бываютъ самыя исгорченныя преступники, которые такъ же вредно могутъ дѣйствовать на живущихъ вмѣстѣ съ ними другихъ слѣдственныхъ арестантовъ.

стантовъ, какъ и тѣ преступники, которые уже находятся подъ судомъ. Только арестантовъ высидивающихъ сроки по приговору суда можно было помѣщать отдѣльно, потому что такихъ арестантовъ было очень мало; но и въ отношеніи къ нимъ цѣль отдѣленія, исправленіе арестантовъ, рѣшительно не достигалась, за отсутствіемъ необходимыхъ условій подобнаго отдѣленія. До настоящаго времени законъ не принуждалъ обитателей остроговъ ни къ какимъ работамъ. Они просидивали въ острогѣ иногда по нѣскольку лѣтъ безъ всякаго дѣла, въ веселой компаніи, ѣли даромъ казенный хлѣбъ и образовывали преимвственно цѣлыя поколѣнія преступниковъ. Непонятно, почему законъ былъ такъ мягокъ къ этимъ вреднымъ членамъ общества и не заставлялъ ихъ, во время ихъ заключенія въ тюрьмахъ, зарабатывать себѣ своими трудами хоть пищу и одежду. Въ послѣднее время, во многихъ тюрьмахъ, обращено вниманіе на занятіе арестантовъ грамотой; но только немногіе болѣе дѣятельные комитеты заставляли арестантовъ производить кое-какія работы для нихъ же самихъ или для зданій остроговъ.

III.

Отсутствіе мастерскихъ въ нашихъ нынѣшнихъ острогахъ—недостатокъ всѣмъ извѣстный и нелегко исправимый. Почему же нѣтъ мастерскихъ? Тюремные комитеты въ своихъ отчетахъ ссылаются на недостатокъ мѣста для работъ, на неимѣніе заказовъ, и на невозможность исполненія ихъ при настоящемъ порядкѣ надзора за арестантами. Другіе говорятъ, что хотя заказы и были, но сношенія заказчиковъ съ арестантами способствовали побѣгамъ послѣднихъ, что и вынудило закрыть мастерскія.

Если гдѣ нѣтъ мѣста для устройства мастерскихъ, такъ и толковать нечего. Но при этомъ ссылаются еще на недостатокъ заказовъ, между тѣмъ какъ порядочныхъ мастеровъ у насъ не только въ узданныхъ, но и въ губернскихъ городахъ очень мало. Повѣрять ли, напримеръ, что въ такомъ городѣ, какъ Тверь, нельзя найти порядочной мебели, и надобно выписывать ее изъ Москвы, а между тѣмъ въ мѣстномъ острогѣ слѣшкомъ треста человекъ даромъ ѣдятъ казенный хлѣбъ. Закажите въ

Твери мебель, и вы прождете ея Богъ знаетъ сколько времени, не говоря уже о томъ, что вы получите топорную работу. Зѣвшіе портные берутъ не дешевле московскихъ и петербургскихъ; слесаря и другіе мастеровые—ниже посредственности, а берутъ очень дорого. До сихъ поръ въ тверскомъ острогѣ арестантскихъ работъ почти вовсе не было: такъ онѣ были незначительны; но это потому что число высиживающихъ сроки было очень не велико а другихъ арестантовъ, по закону, нельзя заставлять работать, хотя, конечно, можно приглашать ихъ къ тому, безъ принужденія. Предположимъ, что тверской острогъ весь будетъ наполненъ арестантами, высиживающими сроки по рѣшенію суда, слѣдовательно, именно тѣми людьми, которыхъ по закону можно употреблять для работъ. Еслибы въ острогѣ нашлись порядочные мастера, и стали бы исполнять заказы въ назначенное время и брать въ половину дешевле такъ-называемыхъ цеховыхъ мастеровъ то тюремныя мастерскія были бы завалены заказами. Окажутъ, что въ острогѣ можетъ и не найдтись хорошихъ мастеровъ? Но для устройства мастерскихъ довольно двухъ-трехъ главныхъ мастеровъ, а трудно повѣрить, чтобъ изъ числа трехъ сотъ человѣкъ не нашлось двухъ, трехъ хорошихъ мастеровъ; подъ руководствомъ же ихъ могутъ выучиваться всѣ остальные. Да если предположить даже, что изъ трехъ сотъ человѣкъ нѣтъ ни одного мастера, развѣ нельзя принимать мастеровъ съ стороны для обученія арестантовъ разнымъ ремесламъ на тѣхъ условіяхъ, какія приняты, напримѣръ, въ описанной нами парижской тюрьмѣ? При келейномъ заключеніи, арестанты сами будутъ просить работы, потому что иначе можно одурѣть. Заработки пойдутъ частью на содержаніе острога, частью въ пользу самихъ заключенныхъ. Но если не будетъ келейнаго заключенія, то арестантамъ будетъ весело и при совершенной праздности. Тогда останутся два средства для введенія въ острогахъ работъ: или поужденіе, или поощреніе. Принудительныя работы, при неизбежныхъ въ такомъ случаѣ стачкахъ арестантовъ, будутъ дурны сами по себѣ и соединены съ частою порчей рабочихъ инструментовъ, что отобьетъ и закащиковъ, и мастеровъ-учителей. Поощреніе же къ работамъ можетъ состоять или въ сокращеніи срока содержанія, или въ улучшеніи самого содержанія, или наконецъ въ выдачѣ части заработанныхъ денегъ въ полное распоряженіе арестантовъ. Положимъ, что при хоро-

шемъ управленіи острогомъ и при строгомъ надзорѣ за арестантами нельзя будетъ сдѣлать изъ этихъ денегъ дурнаго употребленія. Арестанты будутъ покупать себѣ чай, табакъ, улучшать пищу, дѣлать себѣ хорошую одежду и обувь; дурнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Но спрашивается, что же это будутъ у насъ за тюрьмы, когда онѣ не будутъ имѣть ни характера наказанія, ни характера исправленія преступниковъ? Это уже будутъ никакъ не тюрьмы, а что-то въ родѣ національныхъ парижскихъ мастерскихъ, нарочно устроенныхъ для всѣхъ лѣнтяевъ, бродягъ и негодяевъ. И теперь въ наши тюрьмы, особенно въ большихъ городахъ, является много бродягъ, чтобы просидѣть въ нихъ только зиму, а тогда тюрьмы рѣшительно обратятся въ пристанища негодяевъ. Мы слышали, что въ Финляндіи арестанты употребляются на устройство каналовъ, дорогъ и т. д. Задѣльной платы въ руки они не получаютъ; но каждому изъ нихъ выдается книжка, по которой онъ въ известной лавкѣ можетъ забирать что ему нужно для улучшенія своего житья-бытья. Къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать, какіе это арестанты: состоящіе подъ сѣдствіемъ и судомъ, или высиживающіе сроки.

Говорять, не было заказовъ на работы въ тюрьмахъ, и что никогда ихъ и не будетъ: кто же пойдетъ заказывать въ тюрьму? Для этого надобно выправлять въ комитетъ билетъ на пропускъ, показывать его военному караулу, который можетъ продержатъ закащика сколько ему вздумается, прежде чѣмъ вызоветъ къ нему нужнаго ему мастера. На караульныхъ вообще жалуются, что они не столько стерегутъ арестантовъ и поддерживаютъ между ними порядокъ, сколько портятъ ихъ. Караульные солдаты доставляютъ арестантамъ и табакъ, и карты, и водку, и даже былъ у насъ въ острогѣ случай, что одинъ доставилъ машинку для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій. Такіе караульные, конечно, могутъ мѣшать заказамъ, если для нихъ лично не будетъ выгоды. Но развѣ нельзя внутренній надзоръ за арестантами предоставить одному смотрителю съ вольнонаемными надзирателями, и не впускать туда ни одного солдата? Военный караулъ можно и должно ставить только внѣ остроговъ съ тѣмъ чтобъ онъ не стоялъ на одномъ мѣстѣ, а ходилъ вокругъ всего острога; для большихъ остроговъ, конечно, нуженъ не одинъ часовой, а два и три, но это не будетъ для караула

обремененіемъ, потому что въ большихъ острогахъ, по коридорамъ, и теперь стоятъ на часахъ по нѣскольку человекъ. Это признается необходимымъ всѣми комитетами. Внутри острога военный караулъ можетъ проникать только по требованію смотрителя, когда вслѣдствіе какихъ-нибудь безпорядковъ потребуется сила. Въ такомъ случаѣ, при недостаткѣ заказовъ, нельзя уже будетъ жаловаться на военный караулъ, а развѣ только на тюремныхъ надзирателей и смотрителя. Говорятъ также, что арестанты черезъ сообщенія съ закащиками легко могутъ найдти средства къ побѣгу, а безъ непосредственнаго сообщенія закащиковъ съ самими мастерами-арестантами невозможны заказы работъ въ широкихъ размѣрахъ. Хорошій смотритель и хорошіе надзиратели знаютъ арестантовъ, какъ свои пять пальцевъ, и видятъ ихъ всегда передъ собою. Бѣгаютъ арестанты только при небрежномъ смотрителѣ и такомъ же надзорѣ, если только еще не способствуютъ ихъ побѣгамъ сами караульные. Кромѣ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, препятствіями къ устройству мастерскихъ въ настоящихъ острогахъ служили недостатокъ денегъ, мѣста и одежды, а также недостатокъ доброй воли въ управляющихъ тюрьмами.

Недостатокъ мѣста для мастерскихъ ощутителенъ во многихъ острогахъ, особенно стоящихъ на трактахъ, по которымъ идутъ пересыльные. Эти послѣдніе переполняютъ остроги до невозможности, а между тѣмъ нельзя же отказать имъ въ отдыхѣ послѣ продолжительнаго странствія. Въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ мы живемъ, пересыльных въ острогѣ содержалось въ 1857 году 2.299 чел., въ 1858—1.122, въ 1859—822. Какія огромныя цифры! Отдыхомъ арестанты часто злоупотребляютъ, и подъ видомъ болѣзней остаются въ острогѣ, особенно гдѣ хорошо кормятъ, продолжительное время. При новомъ судопроизводствѣ и новыхъ законахъ, пересыльных будетъ, конечно, меньше; бродягами непомнящими родства сказываться будетъ нельзя, а бродягъ помнящихъ родство, и при нынѣшнемъ порядкѣ, въ некоторыхъ острогахъ не держали, а прямо, не дожидаясь конца переписки, отсылали на родину. Въ большей части остроговъ доселѣ содержится арестантовъ болѣе чѣмъ, по положенію, можетъ въ нихъ помѣщаться. Гдѣ же тутъ взять мѣста для мастерскихъ, когда нерѣдко нѣтъ возможности даже отбѣить преступниковъ находящихся подъ сѣдствіемъ

отъ высживающихъ ороки, раздѣлить ихъ по роду преступленій и отдѣлить малолѣтнихъ отъ взрослыхъ? Въ большей части остроговъ нѣтъ даже и часовень, куда арестанты могли бы ежедневно, или хотъ еженедѣльно, собираться на молитву. Въ нѣкоторыхъ только, менѣе переполняемыхъ арестантами острогахъ, отдѣлена особенная комната для моленной, служащая также и для обученія желающихъ грамотѣ.

Недостатокъ бѣлья и одежды въ острогахъ такъ великъ, что арестантъ, въ жестокой морозъ, идетъ въ баню, черезъ дворъ, въ одномъ холодномъ халатикѣ и въ котлахъ на босу ногу; тамъ сниметъ онъ свое перепрѣлое и покрытое насккомыми бѣлье, вымоетъ его; и хорошо если оно высохнетъ, пока онъ моется самъ, въ противномъ случаѣ, онъ надѣваетъ мокрое бѣлье и отправляется изъ бани въ свою камеру высушивать его на своемъ тѣлѣ. По нашему понятію, не столько нужно заботиться о томъ, чтобы брюхо арестантовъ было набито жирною пищей, сколько о томъ, чтобы тѣло его не было покрыто грязью, а бѣлье насккомыми, и чтобъ идя въ баню онъ могъ одѣться въ тулупъ. Объ этомъ стоить позаботиться. Одежды въ острогахъ такъ мало, что прибывающіе арестанты большею частью ходятъ въ своей, до тѣхъ поръ пока она у нихъ не сгніетъ на плечахъ. Только бывалые арестанты сумѣютъ вытребовать казенную одежду въ самый день своего поступленія въ острогъ; новички же, поступая въ острогъ, стыдятся на первыхъ порахъ надѣвать арестантскую одежду, и только въ послѣдствіи сами просятъ ея, да и тогда съ трудомъ получаютъ. Точно то же можетъ встрѣтиться и при устройствѣ мастерскихъ. Работая, арестанты, конечно, изнасятъ втрое больше платяя чѣмъ сидя или переваливаясь съ боку на бокъ на нарахъ. Откуда же взять одежды? Чтобы помочь бѣдѣ необходимо увеличить денежныя средства остроговъ, въ настоящее время крайне скудныхъ. Можно положительно сказать, что ни въ одномъ острогѣ (мы не знаемъ столичныхъ) нѣтъ достаточныхъ экономическихъ суммъ, для того чтобъ устроить на свой счетъ мастерскія съ инструментами и сдѣлать для арестантовъ надлежащій запасъ бѣлья и платяя. О матрацахъ, наволочкахъ и простыняхъ и понятія не имѣютъ.

Суммы на содержаніе нашихъ остроговъ отпускаются изъ разныхъ источниковъ: изъ казны, изъ городскихъ доходовъ, изъ земскаго сбора, изъ суммы тюремныхъ комитетовъ.

Представляемъ для обсужденія нѣсколько цифръ относящихся къ одному губернскому острогу. Въ три года: 1857, 1858 и 1859, содержалось въ немъ 926 человѣкъ. (Замѣчательно, что высуживающихъ сроки по рѣшенію суда во все это время въ немъ было только 13 человѣкъ.) Острогъ построенъ только на 80 человѣкъ; между тѣмъ наименьшее число содержащихся въ немъ было 110, а наибольшее 190 человѣкъ, кромѣ пересыльныхъ. Содержаніе всѣхъ этихъ арестантовъ обошлось въ 22.976 руб. 26 коп. Средняя годовая стоимость содержанія каждаго арестанта около 25 руб. сер. Расходъ этотъ покрытъ изъ слѣдующихъ источниковъ и въ слѣдующей пропорціи: изъ казны 13.901 руб., 76 коп., изъ городскихъ доходовъ 1.440 руб., изъ земскихъ сборовъ 3.897 руб. 62 коп., изъ суммъ тюремнаго комитета 3.736 руб. 87 коп. Арестантами въ этомъ острогѣ выработано 110 руб. 50 коп. Поступило въ острогъ въ это время пожертвованій и прочихъ денегъ 4.675 руб. 31 коп.; отъ прежнихъ лѣтъ состояло къ 1862 году экономіи 5.421 р. Самый меньшій расходъ въ острогѣ, въ это трехлѣтіе, былъ на одежду и на обувь, именно 1.111 руб. 72 коп., тогда какъ на служебный персоналъ истрачено 3.633 руб. 55 коп. Конечно, этихъ денегъ не жалко, лишь бы персоналъ былъ порядочный.

Всѣ эти приведенныя нами цифры относятся къ губернскому острогу. Въ вѣдомостяхъ же уѣздныхъ остроговъ, экономическихъ суммъ или совсѣмъ не показано, или показано нѣсколько рублей. Суммы тюремныхъ комитетовъ тоже не простираются выше сотни рублей въ годъ. Самый важный источникъ, изъ котораго онѣ составляются,—пожертвованія членами благотворителями, которые, внеся 5 или 10 руб. сер., получаютъ титулъ директоровъ тюремнаго комитета. Такимъ образомъ естественно, что титулъ этотъ упалъ довольно низко, и номинальные директора доставляютъ мало пользы комитетамъ. Намъ кажется, не мѣшало бы возвысить значеніе директоровъ какимъ-нибудь знакомъ отличія или какою-нибудь наградой за два, за три трехлѣтія, увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ норму пожертвованія рублей до 50. Кружечный сборъ—самый плохой источникъ для составленія тюремныхъ суммъ, и доставляетъ въ мѣсяцъ не рубли, а копейки. По духовнымъ завѣщаніямъ, въ пользу арестантовъ не поступаетъ почти ничего. За арестантскія работы, которыхъ нѣтъ, разумѣется, ничего и не поступаетъ въ приходъ. Однимъ словомъ, въ итогѣ на содержаніе

остроговъ больше всего идетъ денегъ изъ казны, отъ городовъ и земства, а придуманные въ пользу тюремъ источники доходовъ, о которыхъ мы только что говорили, въ уѣздныхъ городахъ такъ же ничтожны какъ капля въ морѣ. Въ губернскихъ они, конечно, доставляютъ болѣе, какъ мы уже и видѣли. Здѣсь болѣе зажиточныхъ людей, и директоры комитета лица болѣе вліятельныя, которыя и сами отъ себя жертвуютъ больше чѣмъ бѣдныя уѣздные чиновники, и подаютъ собою примѣръ другимъ для большихъ пожертвованій. Приглашенные же листы, выдаваемые каждому директору комитета для сбора пожертвованій отъ доброхотныхъ дателей, почти всѣ возвращаются въ комитетъ такими же чистыми, какъ изъ него вышли. Между тѣмъ средняя годовая стоимость содержанія арестанта и въ губернскихъ, и въ уѣздныхъ городахъ одна и та же.

Гдѣ же взять средствъ на устройство мастерскихъ съ необходимыми инструментами и одеждой для работъ? Скажутъ, что мастерскія могутъ сами себя поддерживать. Это такъ; но надобно сперва ихъ завести; а для этого остается единственное средство, именно то, которое употребляется въ Парижѣ, то-есть просить городскихъ вольныхъ мастеровъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе и помочь на первый разъ, на извѣстныхъ условіяхъ, своими инструментами и своими уроками мовичкамъ. Но необходимо крайнее усердіе управляющихъ острогами, чтобы дѣло не было испорчено въ самомъ началѣ небрежностью арестантовъ въ исполненіи заказовъ и въ сохраненіи самихъ инструментовъ. Иначе мастерскія не устроятся никогда.

Принудительныя работы, при отсутствіи келейнаго заключенія въ острогахъ, по нашему мнѣнію, возможны только земляныя; порядочнаго исполненія другихъ работъ, болѣе тонкихъ, при принужденіи ждать нельзя, а дрянная обязательная работа не лучше безцѣльнаго переваливанія камней съ одного мѣста на другое.

Весьма было бы полезно и прибыльно для остроговъ, заставлять высиживающихъ сроки работать на огородахъ, нарочно арендуемыхъ, для сбора необходимыхъ овощей, что имѣло бы хорошее вліяніе и на здоровье арестантовъ. Но еще разъ повторимъ: если мастерскія въ острогахъ и будутъ устроены и работы арестантовъ будутъ приносить острогамъ порядочные доходы, все-таки арестанты, высиживая

сроки заключенія вмѣстѣ, будутъ взаимно портить другъ друга, и по окончаніи сроковъ заключенія выйдутъ изъ тюрьмы хуже чѣмъ были до заключенія и съ большими наклонностями къ новымъ преступленіямъ. Безъ келейнаго заключенія исправленіе невозможно.

IV.

Слабое развитіе въ нашихъ острогахъ религіознаго элемента и грамотности—недостатокъ до того извѣстный, что объ немъ нечего и распространяться. Извѣстно, что и то и другое, то-есть, и религіозность и грамотность легче всего достигаются вліяніемъ и дѣятельностью духовенства. Но духовенство наше не только на острога, но и вообще на весь простой народъ имѣетъ слишкомъ мало вліянія, по нежеланію ли, или по неумѣнію приобрѣсти его; на высшіе классы народа оно также имѣетъ мало вліянія. Духовенство въ свою защиту говоритъ, что многія внѣшнія причины парализовали его вліяніе на народъ, и наконецъ, что оно, отягченное бѣдностью и исполненіемъ церковныхъ требъ, не имѣетъ времени дѣйствовать на народъ другими способами, кромѣ богослуженія. Мы не имѣемъ намѣренія обсуждать этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, но въ частности, по отношенію къ острогамъ, духовенство почти всюду, за весьма рѣдкими исключеніями, обнаружило полное безучастіе къ нравственному улучшенію арестантовъ. Въ каждомъ тюремномъ комитетѣ есть членъ отъ мѣстнаго духовенства; но эти члены почти никогда не показываются въ острогахъ, а если и показываются, то большею частію безъ всякой пользы: пройдетъ по камерамъ, посмотритъ на арестантовъ и благословитъ тѣхъ, которые подойдутъ подъ благословеніе; пожалуй, болѣе рѣчистый, скажетъ нѣсколько риторическихъ фразъ и подкрѣпитъ ихъ славянскимъ текстомъ; все это дѣлается какъ-будто по установленной формѣ, и дѣлу конецъ. Можетъ ли, при такихъ условіяхъ, установиться какая-нибудь нравственная связь между духовнымъ лицомъ и арестантами, и можетъ ли быть какая-нибудь польза отъ такихъ посѣщеній? Но большею частію этихъ посѣщеній и вовсе не бываетъ. Есть, кромѣ того, при острогахъ священники, такъ-называемые увѣщатели, которые обязаны своими увѣщаніями склонять арестантовъ къ сознанію въ совершенныхъ преступленіяхъ; но

и объ этихъ священникахъ мы должны сказать то же самое. На свою обязанность они смотрятъ большею частію какъ на тяжкое бремя, и исполняютъ ее какъ обязанность наложенную извнѣ, а не изъ собственного побужденія. Увѣщанія ихъ совершенно похожи на тѣ, которыя дѣлаютъ священники, приводя къ присягѣ крестьянъ по требованію судебныхъ слѣдователей. Мы видали въ подобныхъ случаяхъ десятки священниковъ и не видали ни одного, который бы сказалъ, вразумительно и убѣдительно для крестьянъ, хоть нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ состоитъ присяга, слова которой крестьяне произносятъ большею частію безъ всякаго смысла. Между тѣмъ нашъ народъ очень довѣрчивъ ко всему носящему религіозный характеръ и любитъ слушать все сюда относящееся. Наши арестанты—дѣти въ сравненіи съ арестантами, напримѣръ, французскими и англійскими, а между тѣмъ тамошнее духовенство умѣетъ же дѣйствовать и на этихъ преступниковъ, какъ и на весь народъ, и дѣйствовать только словомъ, безъ всякой помощи полицейскихъ мѣръ, которыя всюду роютъ и религію, и духовенство. Вѣдь одни и тѣ же слова, смотря по тому какъ они говорятся, могутъ быть и живыми, и мертвыми. Когда протестантскій или католическій пасторъ, или даже просто какой-нибудь братъ или сестра милосердія убѣждаютъ арестанта, конечно основываясь на Св. Писаніи, въ какой-нибудь теоретической, или практической христіанской истинѣ, то арестантъ видитъ и въ глазахъ, и въ движеніяхъ, и въ голосѣ, и во всемъ существѣ своего учителя, что онъ самъ убѣжденъ въ томъ что говоритъ и отъ всей души жаждаетъ убѣдить въ томъ же и своего слушателя. Вотъ это-то внутреннее убѣжденіе и покоряетъ самую непокорную сердца. Мы вполне увѣрены, что стѣнитъ только разумному священнику придти въ острогъ, и нѣсколько не нѣжничая съ арестантами, пригласить ихъ на молитву въ какую-нибудь камеру, если нѣтъ особой молельной, и прочитать вразумительно и съ чувствомъ нѣсколько молитвъ, потомъ обратиться къ нимъ съ живымъ словомъ вразумленія для упорныхъ и утѣшенія для унывшихъ, и вліяніе духовнаго лица утвердится сразу. Затѣмъ нужно будетъ только поддерживать это вліяніе, приходя по временамъ молиться вмѣстѣ съ ними, и совершая хоть разъ въ недѣлю, по субботамъ, всенощное служеніе. Это отчасти и исполняется, но въ весьма немногихъ острогахъ, болѣе находящихся на виду

у высшаго начальства. Въ уѣздныхъ же острогахъ священникъ весьма рѣдко является въ острогъ, и большею частію только по приглашенію, для исполненія требъ, но не для бесѣды. А еслибы священники принесли съ собой въ тюрьмы еще и даръ грамотности, то, конечно, ихъ вліяніе на арестантовъ могло бы быть очень глубоко и значительно. Но, къ сожалѣнію, даже и въ тѣхъ острогахъ, гдѣ показались слабые зачатки грамотности, это доброе дѣло большею частію начало по мимо духовенства. Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, что бѣдные учителя не только уѣздныхъ, но даже приходскихъ училищъ, предлагали безмездные труды для обученія арестантовъ грамотѣ. Обстановка приходскаго учителя не лучше обстановки приходскаго священника однако онъ не стѣсняется ни своею бѣдностію, ни своею службой, для того чтобы сдѣлать доступное ему доброе дѣло. Наиболѣе же, изъ всѣхъ членовъ тюремныхъ комитетовъ, содѣйствовали распространенію грамотности въ острогахъ стряпчіе. Надобно отдать имъ справедливость, что они вообще болѣе всѣхъ прочихъ членовъ комитетовъ имѣютъ попеченіе объ острогахъ. Въ уѣздныхъ городахъ, письмоводитель предводителя, какъ предсѣдателя тюремнаго комитета, сочиняетъ обыкновенно на дому у предводителя протоколы о нуждахъ острога, и разсылаетъ ихъ на домъ къ прочимъ членамъ, которые подписываютъ ихъ, большею частію не читая. Одни только стряпчіе знаютъ дѣйствительныя нужды остроговъ, но ихъ голосъ не имѣетъ большаго значенія. Въ губернскихъ комитетахъ членами самыя важныя лица въ губерніи: губернаторъ, архіерей, прокуроръ, архимандритъ, батальонный командиръ, жандармскій штабъ-офицеръ, совѣтникъ казенной палаты. Что они дѣлаютъ въ своихъ засѣданіяхъ, мы не знаемъ; но знаемъ, что и религіознаго элемента, и грамотности, въ губернскихъ острогахъ такъ же мало какъ и въ уѣздныхъ, а пожалуй и еще менѣе. Недавно мы были въ одномъ губернскомъ острогѣ. Въ немъ есть комнаты и для молитвъ, и для школы. Въ этотъ острогъ арестанты перебрались около двухъ мѣсяцевъ. Въ молитвенной комнатѣ по временамъ бываетъ богослуженіе, но классная комната пуста, безъ столовъ и скамеекъ, которые преспокойно стоятъ на дворѣ. Поговоривъ съ смотрителемъ, мы узнали, что столы и скамьи потому не вносятся въ школу, что онъ считаетъ совершенно бесполезнымъ обученіе

арестантовъ грамотѣ; это, по его понятіямъ, только поблажка ихъ шалостямъ. При такомъ взглядѣ ближайшаго начальника надъ острогомъ, конечно, грамотности трудно развиться, хотя обученіе грамотѣ и показывается въ вѣдомостяхъ тюремнаго комитета. При дальнѣйшихъ разспросахъ открылось, что грамотѣ учатся человекъ десять мальчиковъ (большею частію убійць). Какъ вы думаете, кто ихъ учитъ? Тоже уголовный преступникъ, лѣтъ двадцати двухъ. Хорошъ наставникъ! Такъ какъ классная комната не готова, то они учатся, въ камерѣ, въ которой и сидятъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ. Замѣчательно, что въ этой камерѣ содержатся около двадцати человекъ, все молодыхъ, отъ двѣнадцати до двадцати пяти лѣтъ. Можете представить себѣ, какіе пороки возможны между этими выкидышами общества, кромѣ тѣхъ преступленій, которыя они уже совершили и о которыхъ разказываютъ со смѣхомъ; на примѣръ, какъ трое мальчишекъ, лѣтъ по четырнадцать, идя съ фабрики домой, убили своего четвертаго товарища, несшаго домой 15 р. с., и раздѣлили эти деньги поровну, или какъ одинъ мальчишка, лѣтъ двѣнадцати, убилъ своего товарища, пастуха, за то что тотъ выигралъ у него въ бабки сапоги. Отличный разсадникъ злодѣевъ эта камера, на которую смотрятъ совершенно равнодушно. Смотритель говорилъ, что нельзя принимать въ арестантахъ участія, потому что они всѣ страшные мошенники и притворщики. Одинъ архимандритъ, по разказу смотрителя, часто ѣздилъ въ острогъ и раздавалъ грамотнымъ духовныя книги, а охотникамъ до чтенія давалъ даже деньги на чай. Одинъ арестантъ ничего не читалъ, но, при своихъ посѣщеніяхъ, архимандритъ всегда находилъ его за книгою, съ самымъ постнымъ и благочестивымъ лицомъ, и вздыхающимъ о своихъ грѣхахъ. На эту удочку онъ вытянулъ у архимандрита довольно рублевиковъ, и дѣло дошло наконецъ до того, что арестантъ смиренно началъ просить у архимандрита дорогія четки, висѣвшія у него на рукѣ, будто для счету поклоновъ, и когда тотъ обѣщалъ привезти ему другія, арестантъ нагло засмѣялся ему въ лицо. Архимандритъ ужасно сконфузился и пересталъ ѣздить въ острогъ. Этотъ примѣръ кажется смотрителю неопровержимымъ доказательствомъ того, что объ улучшеніи и исправленіи арестантовъ нечего и думать. Онъ всѣмъ ихъ знаетъ какъ свои пять палцевъ. Предположите же, что большинство смотри-

телей и духовныхъ оеобъ смотрять на арестантовъ тѣми же глазами (что весьма вѣроятно), и подумайте, можно ли при этомъ ожидать исправленія арестантовъ, какія бы превосходныя тюрьмы мы для нихъ ни построили? Этотъ смотритель, служащій при губернскомъ острогѣ уже болѣе шести лѣтъ, едва ли не долженъ быть сочтенъ за тѣхъ нынѣшнихъ смотрителей. Мы видѣли какъ онъ являлся къ высшему губернскому начальству съ рапортомъ о благосостояніи своего острога. Начнемъ съ того, что физіономія изъ самоувѣренной, какою мы видѣли ее въ острогѣ, поразительно превращалась въ физіономію фельдфебеля, готовящагося рапортовать своему ротному командиру. „Вашему превосходительству честь имѣю рапортовать, что въ острогѣ все обстоитъ благополучно“: вотъ вамъ буквальный рапортъ смотрителя, и уже изъ одного такого рапорта не трудно убѣдиться, что не такихъ смотрителей нужно для улучшенія нашихъ тюремъ.

Въ заключеніе этой главы замѣтимъ, что если бѣлое духовенство, отзываясь своею бѣдностію и занятіями по приходу и по своему дому, не можетъ безвозмездно принимать дѣятельное участіе въ улучшеніи тюремъ, то, по нашему мнѣнію, это дѣло можно бы возложить на обязанность монашества. Къ каждому острогу, для исполненія религіозныхъ обязанностей, можно прикомандировывать (какъ прикомандировываютъ къ военнымъ судамъ отправляющимся въ море) по одному іеромонаху, съ тѣмъ чтобъ онъ ежедневно навѣщалъ острогъ, молился вмѣстѣ съ арестантами и бесѣдовалъ съ ними. Такое служеніе будетъ едва ли не выше пребыванія въ монастырскихъ стѣнахъ.

V.

Содержаніе смотрителя острога и надзирателей необходимо возвысить. Въ настоящее время въ губернскихъ острогахъ смотритель получаетъ 240 р. с., вольнонаемные надзиратели по 5 р. сер., пользуясь сверхъ этого казенною квартирою въ острогѣ и пайкомъ. Можно ли за такую плату имѣть хорошихъ людей на такой тяжелой, опасной и важной службѣ? А между тѣмъ смотритель—душа острога, а надзиратели—тѣлесные органы этой души. Надобно имѣть въ

виду, что число надзирателей теперь слишкомъ недостаточно; напримеръ, на триста арестантовъ всего семь человекъ. Въ уздныхъ острогахъ смотритель получаетъ не болѣе 100 р. Что же за люди идутъ въ тюремные смотрители? Большою частію жалкіе чиновники, лишенные возможности служить на другомъ поприщѣ, а по нѣкоторымъ узднымъ острогамъ служатъ смотрителями даже отставные унтеръ-офицеры. Впрочемъ, смотрители и изъ чиновниковъ понимаютъ и отправляютъ свое дѣло не лучше отставныхъ солдатъ. Всякій согласится, что для того чтобы приносить нравственную пользу острогу, смотритель долженъ быть образованнымъ и нравственнымъ человекомъ, и кромѣ того обладать твердымъ характеромъ и имѣть призваніе къ этой должности, то-есть къ управленію арестантами и къ ихъ улучшенію. У насъ же считается отличнымъ уже и тотъ смотритель, который только не обкрадываетъ арестантовъ и котораго арестанты слушаются. Однимъ словомъ, до сихъ поръ лучшіе наши смотрители были только хорошими и честными экономами, но не смотрителями. Кромѣ ничтожнаго содержанія, появленію надлежащихъ смотрителей препятствовало еще и то обстоятельство, что они поставлены у насъ въ крайне-зависимое положеніе. Управляющіе тюрьмами обыкновенно смотрятъ на нихъ съ высоты своего величія, главнымъ образомъ какъ на экономовъ, но не какъ на людей могущихъ имѣть самое большое вліяніе на заключенныхъ въ острогахъ. Въ смотрителяхъ не предполагается ничего подобнаго; ихъ можно распекаать, и ихъ распекають за все случающееся въ острогахъ: и за пищу, и за воздухъ, и за бѣлье, и за дурное поведеніе арестантовъ, за все, за все. Въ смотрителѣ видятъ прикащика и ключника въ острогѣ, а никакъ не хозяина. Фальшивое положеніе приноситъ свойственные ему плоды. Умный смотритель дѣлается хитрецомъ, угождающимъ и арестантамъ и начальникамъ, и извлекающимъ отовсюду выгоды. Такой смотритель пользуется отъ тюрьмы доходшками, отъ начальства получаетъ кое-какія награды и избѣгаетъ распеканцій; а наблюденія его и опыты остаются мертвымъ капиталомъ, не приносящимъ никакой пользы. Смотритель болѣе ограниченный старается подражать этому, и подражаетъ болѣе или менѣе удачно, рѣже или чаще получая распеканцію. Съ арестантами онъ вступаетъ въ тѣсный союзъ, обираетъ ихъ по возможности, и за то предоставляетъ имъ разныя льготы, смотря сквозь

пальцы на всѣ ихъ мерзости, а начальству ежедневно рапортуетъ, что все обстоитъ благополучно. Если мы хотимъ, чтобы тюремное заключеніе не только карало, но и исправляло преступниковъ, то должны прежде всего озаботиться выборомъ хорошихъ людей какъ въ смотрители остроговъ, такъ и въ надзиратели при нихъ. Въ острогахъ, гдѣ не менѣе ста арестантовъ, у смотрителя долженъ быть помощникъ. Число надзирателей въ сравненіи съ настоящимъ должно быть увеличено, потому что военный караулъ совершенно не долженъ являться внутри острога, кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда его потребуеъ самъ смотритель. За сохранность арестантовъ должны отвѣчать смотритель и надзиратели. За то смотрителю должно быть утроено нынѣшнее содержаніе, а надзирателямъ удвоено. Смотрителю должно быть предоставлено все управленіе острогомъ и хозяйственное, и нравственное. Тюремный комитетъ обязанъ чрезъ своихъ членовъ слѣдить за дѣятельностью смотрителя, но ни одинъ членъ не долженъ обращаться съ смотрителемъ свысока. Найдя несправности, посѣщающій членъ долженъ довести комитету, и только комитетъ можетъ имѣть право требовать отъ смотрителя объясненій, производить объ немъ дознанія и подвергать его дѣйствія своему разсмотрѣнію. Усчитать по книгамъ и провѣрить разспросами хозяйственную часть острога очень не трудно, потому что хозяйство остроговъ очень не многосложно. За нравственною же стороной неужели не усмотрятъ нѣсколько членовъ каждаго тюремнаго комитета? Если нѣтъ, то бесполезно и самое существованіе этихъ комитетовъ, подписывающихъ только протоколы, большею частію, о самыхъ пустыхъ вещественныхъ нуждахъ остроговъ. Если бы ежедневно въ каждый острогъ являлся одинъ изъ членовъ тюремнаго комитета, хоть на полчаса, то, конечно, это было бы несравненно полезнѣе теперешняго заглазнаго подписыванія протоколовъ и бесплоднаго пересыпанія словъ тамъ, гдѣ комитеты имѣютъ еще обыкновеніе собираться потолковать объ арестантскихъ котахъ, халатахъ и рубахахъ, знакомыхъ многимъ изъ членовъ только по образцамъ представляемымъ въ комитетъ. Смотритель долженъ имѣть право наказывать и разжѣцать арестантовъ по своему усмотрѣнію. Онъ можетъ ихъ сажать на хлѣбъ и на воду и даже въ келейную камеру за дурное поведеніе. Для этого онъ ежедневно ведетъ книгу о поведеніи арестантовъ. Человѣкъ хорошій и преданный

своему долгу можетъ принести много пользы человѣчеству, занимая мѣсто смотрителя острога. Заслуга смотрителя по улучшенію нравственности арестантовъ не ниже заслугъ миссіонеровъ, обращающихъ язычниковъ въ христіанство.

VI.

Обратимся теперь къ полицейскимъ тюрьмамъ. Еслибы тюрьмы при городскихъ и земскихъ полиціяхъ были порядочныя, то ихъ можно было бы обратить въ мѣста заключенія для лицъ находящихся подъ сѣдствіемъ и для тѣхъ, которыя арестуются полиціей за полицейскіе проступки. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти помѣщенія и сравнивать нельзя съ острогами. Сырость, холодъ, нечистота, тѣснота и зловоніе—отличительныя качества этихъ помѣщеній. Исключенія весьма рѣдки. Изъ двѣнадцати уѣздныхъ городовъ одной губерніи намъ только въ одномъ удалось видѣть полицейскую тюрьму удовлетворительную въ отношеніи къ воздуху, свѣту и теплотѣ. Она выстроена при присутственныхъ мѣстахъ на городскія суммы. Въ другихъ же городахъ, не исключая и губернскаго, тюрьмы при городскихъ полиціяхъ и земскихъ судахъ требуютъ значительныхъ исправленій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для нихъ отведены особыя помѣщенія въ какихъ-нибудь надворныхъ, старыхъ, негодныхъ для жилья строеніяхъ, нисколько не приспособленныхъ къ цѣлямъ тюремнаго заключенія. Въ другихъ городахъ, при городскихъ полиціяхъ и земскихъ судахъ, арестантамъ отводятъ, за неимѣніемъ другаго помѣщенія, просто какія-нибудь конуры, около архива или прихожей. Хорошо еще, если эти конуры довольно просторны и отдѣлены другъ отъ друга хоть деревянными перегородками. Иначе приходится сидѣть вмѣстѣ лицамъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, какъ преступникамъ такъ и совершенно невиновнымъ, потому что при полиціяхъ содержатся и люди пересылаемые для водворенія на мѣста ихъ жительства, и люди прикосновенные къ дѣлу по первому оглашенію въ преступленіи, въ числѣ которыхъ много бываетъ совершенно ни въ чемъ невиновныхъ, и люди заключаемые за проступки полицейскіе, между которыми пьянство и буйство занимаютъ первое мѣсто. Объ одиночныхъ помѣщеніяхъ тутъ никто и не воображаетъ. Тутъ сидятъ и ребенокъ, и взрослая дѣвушка, и распут-

ная и пьяная женщина, и должны слушать ругательства своихъ сосѣдей; одиночное заключеніе для пьяницы и буяна было бы и наказаніемъ и исправленіемъ, а заключеніе въ общемъ помѣщеніи служить наказаніемъ только для людей принужденныхъ сидѣть съ ними вмѣстѣ. Можете судить какъ хорошъ долженъ быть воздухъ, когда полицейскіе солдаты натаскаютъ сюда съ базара нѣсколько пьяницъ, едва не опившихся, и возвращаемыхъ къ жизни самыми сильными простонародными средствами, о которыхъ даже не удобно говорить въ печати.

Содержимымъ въ полицейскихъ тюрьмахъ по закону идутъ тѣ же кормовыя деньги что и въ острогахъ; даже одежда, обувь, и постель должны быть отпускаемы имъ изъ острога; но не многіе [пользуются всѣми этими благами, впервыхъ по незнанію, а ввторыхъ изъ нежеланія стать на одну доску съ арестантами. Конечно, кормовыя деньги требуются полиціями весьма исправно. Какъ бы то ни было, полицейскіе заключенные носятъ свою одежду. Хорошо если есть вблизи родственники, въ такомъ случаѣ арестованные могутъ, по крайней мѣрѣ, переѣмлять бѣлье; но если родственниковъ вблизи нѣтъ, бѣдныя изнашиваютъ его до тла, и покрываются слоями насквожныхъ. Ни при одной полицейской тюрьмѣ нѣтъ бань, а между тѣмъ въ полицейскихъ тюрьмахъ иногда сидятъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ и даже по цѣлому году, что извѣстно изъ официальныхъ донесеній полицейскихъ начальствъ за 1857, 1858 и 1859 годы. Ни при одной тюрьмѣ нѣтъ кухни, такъ что заключенные не имѣютъ возможности готовить себѣ какую-нибудь жидкую теплую пищу, и сидятъ на одномъ сухояденіи, а тѣ у кого нѣтъ родственниковъ,—даже на одномъ хлѣбѣ, потому что эти жалкіе люди, получая по 6 коп. сер. въ день, не могутъ составить артели, за неимѣніемъ кухни. А что можно купить на рынкѣ на 6 коп. сер? По официальнымъ свидѣніямъ, въ нѣкоторыхъ полицейскихъ тюрьмахъ не полагается даже освѣщенія, и арестанты сидятъ въ потьмахъ. Согласитесь, что острожные арестанты блаженствуютъ въ сравненіи съ этими несчастными, которые, дѣйствительно, очень часто просятся въ острогъ. Присмотръ и попеченіе за ними лежатъ на обязанности полицейскихъ солдатъ. Какъ это удобно для женщинъ, можетъ судить каждый, а также не трудно представить себѣ что дѣлается подъ пьяную руку этими попечителями заключенныхъ. Въ острогахъ

часто бываютъ стряпчіе, изрѣдка заглядываютъ и другіе члены тюремныхъ комитетовъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, смотритель и вольнонаемные надзиратели постоянно могутъ ожидать кого-нибудь изъ нихъ, и должны постоянно держаться на сторожѣ. Въ полицейской же тюрьмѣ чьего посвященія будетъ ждать полицейскій солдатъ? Онъ очень хорошо знаетъ, что его начальство, когда ему нужно будетъ видѣть заключенныхъ, позоветъ ихъ въ присутствіе, а само къ нимъ въ эти конуры, пропитанныя зловоніемъ, зачѣмъ оно пойдетъ? Да и какъ содержать прилично эти помѣщенія, когда они вовсе не приспособлены для этой цѣли?

Какъ примѣръ того, что могло дѣлаться въ полицейскихъ тюрьмахъ, при доживающемъ свой вѣкъ порядкѣ судопроизводства, разкажемъ слѣдующій случай: Въ одномъ городишкѣ остановился проѣздомъ въ гостиницѣ молодой человѣкъ, съ молоденькою хорошенькою женщиной, одѣтою какъ одѣваются служанки. Городничій, молодой малый опредѣленный по протекціи, распутный, пьяный и буйный, проходя мимо, увидѣлъ эту парочку, и послалъ квартальнаго разузнать подъ рукою что это за люди. Тотъ узналъ, что молодой человѣкъ—помѣщикъ сосѣдняго уѣзда, а женщина—его экономка, государственная крестьянка. Городничій послалъ квартальнаго спросить у нихъ видъ. Въ паспортѣ у крестьянки оказалась какая-то помарка. Городничій придрался и потребовалъ, чтобъ она осталась при полиціи до полученія отвѣта изъ мѣста ея жительства, вѣренъ ли ей паспортъ. Во время полицейскаго ареста, городничій надѣялся достигнуть своей цѣли. Молодой человѣкъ испугался, женщина еще больше; но къ счастью, квартальный научилъ ихъ поймать самого городничаго на удочку, посоветовавъ позвать его и упометь до положенія ризъ, что они и сдѣлали. Квартальный получилъ малую толчку за совѣтъ, городничій остался спать въ гостиницѣ, а молодые люди въ это время благополучно уѣхали. Случай этотъ доказываетъ всю возможность употребленія во зло такого страшнаго средства, какъ, на примѣръ, арестъ при полиціи! Удивительно ли послѣ того, что не только женщина, но и мужчина, побывавшіе подъ полицейскимъ арестомъ, считаются не лучше осторожныхъ арестантовъ? Не лучше ли вовсе уничтожить всѣ дрянныя полицейскія тюрьмы, конечно кромѣ хорошихъ, и помѣщать полицейскихъ арестантовъ въ общихъ острогахъ? Не думайте, чтобы число арестуемыхъ при полиціяхъ было

очень мало. Оно никогда не было мало. Съ учрежденіемъ же судебныхъ слѣдователей, слѣдственные арестанты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стаи содержаться при полиціяхъ до окончанія слѣдствія и представленія его въ судебное мѣсто. Слѣдствіе же иногда продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Такова была фантазія нѣкоторыхъ судебныхъ слѣдователей, не хотѣвшихъ знать что такое полицейскія тюрьмы. Такъ по крайней мѣрѣ было въ нѣкоторыхъ городахъ нашей губерніи. Конечно, такой порядокъ, или лучше безпорядокъ, вызывалъ наконецъ протесты отъ нѣкоторыхъ полицейскихъ властей тяготившихся караулить не принадлежащихъ имъ арестантовъ, и дѣло пришло или приходитъ въ прежнее состояніе, то есть слѣдственные арестанты отсылаются въ остроги. Самый краткій срокъ содержанія въ полицейскихъ тюрьмахъ за полицейскіе проступки—день, два, три; пересылаемые для водворенія на мѣста жительства сидятъ не долѣ этого же срока, но слѣдственные арестанты содержались по нѣсколько мѣсяцевъ и даже по цѣлому году, какъ уже сказано выше.

Арестанты въ станахъ большею частію помѣщаются въ какой-нибудь банѣ, или нежилой избѣ, или на кухнѣ становаго пристава, и при неимѣніи вблизи родныхъ и знакомыхъ, питаются крупницами падающими отъ его собственнаго стола. Оттого тамъ верѣдки и побѣги. Такъ какъ число арестуемыхъ при квартирахъ становыхъ незначительно, и самый долгій срокъ ихъ содержанія не болѣе двухъ недѣль, и такъ какъ квартиры становыхъ приставовъ наемныя и часто мѣняются, то постоянныхъ тюремъ при нихъ устраивать незачѣмъ. Но необходимо устраивать ихъ въ приличномъ видѣ при волостныхъ правленіяхъ. Для этой цѣли должна быть назначаема хорошая изба со всѣми удобствами и необходимыми предосторожностями, какъ напримѣръ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, крѣпкими дверьми, и т. д.

Для полицейскихъ тюремъ, уздныхъ и губернскихъ, требуется прежде всего устраненіе описанныхъ выше недостатковъ; потомъ новыя постройки съ одиночными камерами, и наконецъ подчиненіе ихъ одному съ острогами управленію и надзору. Если будутъ оставлены тюремные комитеты, то пусть они наблюдаютъ за всѣми тюрьмами; если же надзоръ за ними будетъ переданъ непосредственно губернаторамъ и узднымъ начальникамъ, то желательно чтобы полицейскія тюрьмы перешли подъ ихъ непосредственный надзоръ.

Остается сказать нѣсколько словъ о рабочихъ и смиренныхъ домахъ. Гдѣ они просторны и хорошо устроены, тамъ нѣтъ никакой надобности уничтожать ихъ. Противъ нихъ поднимались жалобы, потому что они оказывались крайне тѣсными, и по тѣсотѣ не представляли заключеннымъ возможности заниматься какою-нибудь работой. При перемѣнѣ системы судопроизводства и наказаній, рабочіе и смиренные дома могутъ быть обращены или въ исправительныя тюрьмы, если они достаточно просторны и представляютъ возможность устроить кельи и мастерскія; или ихъ можно обратить въ мѣста заключенія для находящихся подъ слѣдствіемъ или судомъ, если есть возможность сдѣлать въ нихъ необходимыя передѣлки для нѣсколькихъ одиночныхъ камеръ. Въ противномъ случаѣ ихъ придется продать, и деньги употребить на улучшеніе остроговъ.

Для улучшенія всѣхъ тюремъ вообще, необходимо, по нашему мнѣнію, измѣнить составъ и самихъ тюремныхъ комитетовъ. Въ нихъ непременно должно допустить и женщинъ. Въ качествѣ почетныхъ членовъ, слѣдуетъ допустить и тѣхъ, которыя изъ любви къ ближнему пожелаютъ сдѣлать значительныя пожертвованія, и за это, въ знакъ отличія, можно давать имъ особеннаго рода кресты. Можно допустить женщинъ и въ дѣйствительныя члены; напримѣръ, монахинь и сестеръ милосердія, которыя пожелаютъ посвѣщать въ тюрьмахъ женщинъ, учить ихъ грамотѣ и рукодѣльямъ, бесѣдовать съ ними, заботиться объ ихъ дѣтяхъ, и своимъ сообществомъ дѣйствовать на ихъ исправленіе. Почетные члены изъ мужчинъ могутъ имѣть такіе же кресты, какъ и женщины, хоть по примѣру членовъ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Эти знаки, по всей вѣроятности, привлекутъ многихъ жертвователей на улучшеніе остроговъ. Иначе надѣяться на пожертвованія нельзя: до сихъ поръ они были ничтожны. Горожане годъ отъ году дѣлаются равнодушнѣе къ тюрьмамъ, имѣя множество своихъ, болѣе близкихъ и настоятельныхъ, нуждъ и заботъ объ улучшеніи своего быта и образованіи своихъ дѣтей. Наши города такъ бѣдны, что въ нихъ еще мало порядочныхъ школъ, не говоря уже о скудости городскихъ хозяйствъ и бѣдности самихъ жителей. До тюремъ ли тутъ, наполненныхъ отверженцами общества? Разчетъ на кружечный сборъ со всего міра оказался

ошибочнымъ. Хотя народъ нашъ и выставляютъ слишкомъ добродушнымъ въ отношеніи къ арестантамъ, которыхъ онъ называетъ несчастными, но это добродушіе все-таки не наполняетъ тюремныхъ кружекъ, а если и есть это добродушіе, то оно дѣлаетъ болѣе зла чѣмъ добра. Близко гранича съ равнодушіемъ къ преступленію, оно служитъ только помѣхой для слѣдователей и судебныхъ мѣстъ при открытіи слѣдовъ преступленія, и дай Богъ, чтобъ этотъ восхваляемый индифферентизмъ отошелъ поскорѣе, съ развитіемъ образованія и пониманія своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей, въ область славянофильскихъ грезъ!

А. ЗАБѢЛИНЪ.

1863 года, 1 января.

ТОМАСЪ ЭРСКИНЪ

Въ числѣ вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время умы юристовъ Европы, не послѣднее мѣсто принадлежитъ независимости адвокатуры. Въ Пруссіи, Бельгіи и особенно Франціи вопросъ этотъ служитъ неизсякаемымъ источникомъ разногласій и споровъ. Только въ Англіи и Америкѣ видимъ мы полную гармонію между судомъ и адвокатурой. Тамъ эти два учрежденія взаимно пополняютъ одно другое и устремляютъ соединенныя силы къ огражденію благоденствія націи и независимости отдѣльнаго лица. Независимость адвокатуры есть, безъ сомнѣнія, одна изъ существеннѣйшихъ гарантій народной свободы. Чѣмъ болѣе законодатель дорожитъ этою свободой, тѣмъ болѣе правъ предоставляетъ онъ адвокатурѣ. Въ Америкѣ, принявшей отъ Англіи готовыя учрежденія, права и независимость адвокатуры совпадаютъ со временемъ ея учрежденія. Но въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, адвокатура претерпѣвала въ прежнія времена притѣсненія отъ администраціи и судей. Настоящій порядокъ вещей образовался въ Англіи не съ перваго раза: какъ вездѣ, и тамъ было время смутъ и раздоровъ. Англійская адвокатура имѣла своихъ героевъ, и одно изъ первыхъ мѣстъ между ними принадлежитъ Томасу Эрскину. Чтобъ оцѣнить услугу, оказанную имъ англійской адвокатурѣ, надо припомнить время и характеръ эпохи, въ которую суждено ему было дѣйствовать. Онъ началъ свое адвокатское поприще

въ концѣ прошедшаго столѣтія, то-есть когда событія французской революціи приводили въ трепетъ весь образованный міръ. Впечатлѣніе, произведенное на Европу казню Людовика XVI и терроризмомъ, отразилось и въ Англіи, гдѣ тогда образовалась сильная реакція, угрожавшая свободѣ англійскаго народа. Успѣхи реакціи были такъ сильны, что парламентъ прекратилъ дѣйствіе *habeas corpus*, главнаго стража англійской свободы. вмѣстѣ съ тѣмъ начались преслѣдованія разныхъ лицъ подъ предлогомъ участія ихъ въ заговорѣ противъ короля и парламента. Всякая попытка къ измѣненію избирательной системы, или какой бы то ни было другой отрасли конституціи, ставилась въ вину какъ покушеніе на испроверженіе существующаго порядка. Свобода англійской націи находилась въ опасности. Но къ счастью для Англіи, судъ присяжныхъ явился въ помощь умиравшей свободѣ, и при содѣйствіи Эрскина возобновилъ правосудіе. Замѣчательно, что большая часть дѣлъ, въ которыхъ отличался Эрскинъ, имѣла политическій характеръ. Вѣрный своему долгу и довѣряя своимъ силамъ, онъ брался именно за тѣ дѣла, отъ которыхъ всѣ уклонялись изъ опасенія возбудить противъ себя неудовольствіе правительства. Эрскину такой мелкій и узкій разчетъ былъ чуждъ. Самоотверженіе, выказанное имъ въ ту критическую эпоху, и польза, которую онъ принесъ народной свободѣ, сдѣлали имя его бессмертнымъ въ англійской исторіи ¹.

I.

Томас Эрскинъ родился 10-го января 1750 года, въ бѣдной комнаткѣ пятого этажа одного изъ громаднѣхъ домовъ Единбурга. Предки его имѣли обширныя земли на берегахъ Клайда, но земли эти мало-по-малу уходили изъ рукъ его фамиліи, такъ что отецъ Томаса получилъ въ наслѣдство отъ родителей участокъ, приносящій ему неболѣе 200 ф. стерлинговъ ежегоднаго дохода. Наконецъ и эта послѣдняя собственность была продана. Мать Томаса, изъ рода баронетовъ Гудтризъ

¹ Въ основаніе этого біографическаго очерка приняты VIII и IX томы сочиненія лорда Кампбелля *Lives of the Lords Chancellors*; VII томъ исторіи Англіи, лорда Магона, и сборникъ рѣчей Эрскина.

(Goodtrees), была женщина высокой души; она скоро примирилась съ мыслию о бѣдности, и обратила все свое вниманіе на воспитаніе дѣтей. Родители Эрскина разстались съ древнимъ замкомъ своихъ предковъ, и переѣхали въ столицу Шотландіи, гдѣ они надѣялись найдти болѣе легкій и дешевый способъ къ воспитанію троихъ сыновей своихъ. Мать Томаса сама учила дѣтей читать, и старалась утвердить въ нихъ начала пресвитеріанской религіи. Несмотря на бѣдность обстановки, квартира ихъ была усердно посѣщаема не только духовными лицами, но и членами парламента и разными эдинбургскими сановниками. Образованность и радушіе хозяевъ заставляли забывать ихъ бѣдность, и скромная гостиная г-жи Эрскинъ стала средоточіемъ всего образованнаго эдинбургскаго міра. Томасъ жилъ постоянно дома, но ходилъ учиться въ Высшую Эдинбургскую Школу (High School of Edinburgh), и считался тамъ изъ лучшихъ учениковъ, хотя нерѣдко и подвергался наказаніямъ за излишнее остроуміе. Не взирая на стараніе г-жи Эрскинъ соблюдать всевозможную экономію, жизнь въ Эдинбургѣ оказалась несоответственною средствамъ семейства, и она, въ началѣ 1762 года, принуждена была переѣхать изъ столицы въ городъ Сентъ-Андрусъ¹. Томасъ Эрскинъ долженъ былъ такимъ образомъ перейти изъ Эдинбургской Высшей Школы въ Грамматическую Школу Св. Андрея. Здѣсь онъ занимался изученіемъ латинскаго и греческаго языковъ, и обнаружилъ особенную склонность къ литературѣ. Чтеніе англійскихъ поэмъ, трагедій, путешествій, сдѣлалось его главною страстію. По окончаніи курса въ школѣ, Эрскинъ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ въ университетѣ курсы математики и естественныхъ наукъ; но имя его не встрѣчается въ студентскихъ спискахъ того времени, изъ чего слѣдуетъ, что Эрскинъ не былъ матрикулированъ.

Любимою мечтою Эрскина было вступить на какое-либо ученое поприще, которое дало бы ему средства къ безбѣдному существованію. Но родители склоняли его къ морской службѣ, представлявшей въ то время многія выгоды. Эрскинъ, по природному отвращенію отъ моря, долго не хотѣлъ вступать на это поприще, но наконецъ, скрѣпя сердце, согласился.

¹ *St. Andrews*—приморскій городъ, славящійся самымъ древнимъ въ Шотландіи университетомъ. Тамъ замѣчательны между прочимъ развалины собора, разрушеннаго народомъ послѣ одной изъ проповѣдей Джона Нокса.

Дѣлаясь морякомъ, онъ однакожь не оставлялъ своего намѣренія учиться. Весною 1764 года, Эрскинъ поступилъ подъ команду сэръ-Давида Линдзая, весьма опытнаго моряка, и отправился съ нимъ въ Остъ-Индію. Голубая куртка и шага помирили юношу съ нежеланною долей, и онъ вступилъ на корабль съ полною рѣшимостію служить по долгу и совѣсти. Въ Лейтѣ онъ простился съ родителями: отца онъ послѣ того уже не видалъ, но его мать дожила до блестящей эпохи въ жизни любимаго сына.

Природная страсть Эрскина къ наукѣ, подъ вліяніемъ препятствій усиливалась. Въ то время низшіе морскіе чины не имѣли тѣхъ средствъ къ образованію, которыя предоставляются имъ въ Англіи теперь; они не могли получать на кораблѣ ни книгъ, ни другихъ средствъ къ развитію умственныхъ способностей, и проводили досуги въ куреніи или питьѣ. Не то дѣлалъ Эрскинъ въ четыре года плаванія между Остъ-Индіей и Америкой. Неся обязанности службы, онъ не терялъ ни одной свободной минуты. Удаляясь отъ шумнаго табачнаго кружка гардемариновъ, Эрскинъ выбиралъ себѣ покойный уголокъ корабля, и съ наслажденіемъ предавался чтенію книгъ взятыхъ имъ изъ Шотландіи. Въ каждомъ новомъ портѣ бібліотека его увеличивалась. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался воспользоваться путешествіемъ для своего наученія и со вниманіемъ слѣдилъ за правами и учрежденіями странъ, куда приводила его судьба. Между прочимъ онъ познакомился съ невольничествомъ и всѣми его послѣдствіями, и впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ Индіи, отозвалось въ позднѣйшую пору его жизни, когда онъ былъ уже членомъ парламента. Воротившись въ Англію, Эрскинъ намѣревался дожидаться новой экспедиціи; но смерть отца заставила его избрать новое поприще. Устроивъ свои домашнія дѣла, Эрскинъ, въ то время двадцати лѣтъ, помышлялъ о поступленіи въ Оксфордъ или Кембриджъ для продолженія занятій. Но доставшаяся ему отъ отца сумма денегъ была недостаточна для удовлетворенія всѣхъ университетскихъ потребностей, и потому онъ рѣшился поступить въ военную службу. Первый пѣхотный полкъ (First regiment of foot), куда онъ опредѣлился, переходилъ изъ одного провинціального города Англіи въ другой. И на новомъ поприщѣ Эрскинъ продолжалъ свои занятія. Въ 1770 году Эрскинъ женился. Семейяниномъ, онъ съ двойнымъ усердіемъ углубился въ науку. Жена Эрскина принадлежала къ числу тѣхъ

женщинъ, въ которыхъ природа попомялетъ недостатокъ образованія. Она согрѣвала его душу и отвращала его отъ вредныхъ послѣдствій усиленныхъ занятій. Люди, предающіеся постояннымъ и усиленнымъ занятіямъ, несмотря на природную доброту, нерѣдко впадаютъ въ крайности и непримѣтнымъ образомъ превращаются въ ходячія сентенціи. Преданные своимъ занятіямъ, они забываютъ, что на землѣ есть другіе люди и другіе интересы. Такая односторонность можетъ переходить и въ самый узкій эгоизмъ. Но теплое сердце жены охранило Эрскина отъ этой опасности, и онъ, при всѣхъ превратностяхъ своей жизни, до конца остался вѣренъ себѣ.

Первый пѣхотный полкъ, вскорѣ по поступленіи Эрскина, былъ посланъ въ Минорку. Отправился и Эрскинъ съ женою. Два года, проведенные имъ на этомъ уединенномъ острову, принесли ему не мало пользы. Онъ оказалъ тутъ такіе успѣхи, какихъ рѣдко достигаютъ студенты береговъ Кемы, и систематически изучилъ англійскую литературу. Мильтонъ сталъ его кумиромъ; языкъ *Потеряннаго Рая* отразился въ рѣчахъ великаго адвоката. Шекспира, Драйдена и Попа онъ также изучалъ, и большую часть ихъ произведеній зналъ наизусть. По болѣзни полковаго капеллана, Эрскинъ нѣкоторое время исполнялъ его обязанности и сказалъ нѣсколько проповѣдей, которыя произвели на его сослуживцевъ сильное впечатлѣніе. Пребываніе въ Миноркѣ было въ послѣдствіи однимъ изъ любимѣйшихъ воспоминаній Эрскина. Въ 1772 году, онъ воротился въ Англію и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ въ кругу извѣстнѣйшихъ писателей. Леди Монтегю, докторъ Джонсонъ, Берни и другія знаменитости того времени принимали Эрскина съ особеннымъ радушіемъ. Живость ума и благородство мнѣній молодого офицера не прошли незамѣченными въ кругу лучшихъ людей Англіи того времени. На одномъ вечерѣ Эрскинъ вступилъ въ споръ съ Джонсономъ и, новый Давидъ, одержалъ побѣду надъ литературнымъ Голиафомъ. Вскорѣ Эрскинъ написалъ брошюру о состояніи англійской арміи, гдѣ изобличилъ злоупотребленія главныхъ начальниковъ и полковыхъ командировъ. Эта брошюра, заключающая въ себѣ много правды, распространилась по всей Англіи и, залогъ будущей славы автора, доставила ему еще и чинъ лейтенанта. Удовольствіе повышенія было однакожь не продолжительнымъ, и Эрскинъ все болѣе и болѣе тяготился своимъ положеніемъ. Онъ долженъ былъ опять странствовать съ

полкомъ изъгородавъ городъ, и такой родъ жизни, потерявъ для него прелесть новизны, уже не соответствовалъ положенію человѣка семейнаго, Эрскина въ особенности. Нерѣдко онъ бывалъ вынуждаемъ помѣщать жену въ сырыхъ казармахъ или въ палаткѣ. Къ тому же онъ начиналъ сознавать себя способнымъ къ болѣе сродной ему дѣятельности. Среди его раздумій, полкъ пришелъ въ одинъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ бываетъ ассизный судъ. Въ городъ только что въѣхалъ судъ. Торжественная встрѣча судьи, и самый видъ лорда Мансфильда, знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ судей, произвели на Эрскина сильное впечатлѣніе. Онъ отправился въ судъ, о которомъ не имѣлъ никакого понятія. Мундиръ молодого офицера возбуждалъ вниманіе судьи, и онъ спросилъ кто этотъ молодой человѣкъ и что могло привлечь его въ судъ. Узнавъ имя Эрскина и причину его посѣщенія, лордъ Мансфильдъ пригласилъ его сѣсть возлѣ себя и объяснилъ ему все что его такъ интересовало. Шелъ очень интересный уголовный процессъ, и защитникомъ подсудимаго былъ одинъ изъ первоклассныхъ адвокатовъ. Тѣмъ не менѣе произнесенная имъ рѣчь не вполне удовлетворила Эрскина, который тутъ впервые почувствовалъ свое истинное призваніе. Ему пришла въ голову мысль, что онъ еще имѣетъ время приготовить себя къ адвокатурѣ. Онъ предвидѣлъ всѣ трудности, но рѣшился преодолѣть ихъ. Кромѣ природнаго влеченія, его побуждало и желаніе доставить семейству матеріальное благосостояніе: въ то время самый посредственный адвокатъ получалъ болѣе дохода чѣмъ всѣ офицеры 1-го пѣхотнаго полка взятые вмѣстѣ. Лордъ Мансфильдъ пригласилъ Эрскина обѣдать и, очарованный умомъ офицера, продержалъ его до поздней ночи. Когда всѣ разъѣхались, Эрскинъ рѣшился сообщить свой планъ посланному ему судьбою покровителю, и въ откровенной бесѣдѣ высказалъ Мансфильду все что было у него на душѣ. Мансфильдъ одобрилъ намѣреніе Эрскина, и онъ немедленно переѣхалъ въ Лондонъ для подготовленія себя къ новому поприщу. Для поступленія въ сословіе адвокатовъ необходимо было предварительно пребыть пять лѣтъ въ какой-либо изъ судебныхъ школъ (inns of court). Эрскинъ матрикулировался въ январѣ 1776 года въ Кембриджскомъ университетѣ и поступилъ въ Троицкую коллегію, въ качествѣ *fellow commoner*. Здѣсь занимался онъ преимущественно классиками, и получилъ премію за

англійскую декламацию. Въ юнѣ 1778 года, онъ получилъ степень *master of arts* (магистра словесности). Кембриджскій студентъ слушалъ лекціи и въ *Lincoln's inn*. По окончаніи университетскаго курса, Эрскинъ переѣхалъ въ Лондонъ, и тамъ пользовался уроками Буллера и Вуда, юристовъ, ставшихъ въ послѣдствіи знаменитыми судьями. Въ свободное время Эрскинъ принималъ участіе въ преніяхъ Робинъ Гуда и посѣщалъ публичныя собранія, гдѣ образовывались тогда народныя ораторы.

Эрскинъ находился въ самыхъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. При самой строгой экономіи, онъ едва могъ существовать въ Лондонѣ, нерѣдко не зная какъ прокормить семейство. Но всѣ эти затрудненія только побуждали его къ усиленной дѣятельности и не убивали въ немъ надежды достигнуть цѣли. Бертамъ, знавшій Эрскина съ изданія его знаменитаго памфлета на полковыхъ командировъ, встрѣчался съ нимъ довольно часто у доктора Бартона (*Burton*). Отдавая справедливость талантамъ Эрскина, славный юристъ удивлялся его неряшеству, не подозрѣвая, что оно происходило отъ бѣдности. Но тяжелыя времена наконецъ миновали.

II.

Эрскинъ былъ призванъ въ адвокатуру корпораціей *Lincoln's inn* въ юнѣ 1778 года. На первыхъ порахъ судьба не улыбалась ему; имя его было неизвѣстно, и потому онъ нѣсколько мѣсяцевъ не имѣлъ никакой практики. Наконецъ онъ случайно былъ избранъ адвокатомъ по одному весьма важному дѣлу. Капитанъ Белли, ставъ начальникомъ Гриничскаго госпиталя, открылъ въ немъ множество злоупотребленій и донесъ о томъ лордамъ адмиралтейства, прося нарядить слѣдствіе. Не получая отвѣта на это представленіе, Белли напечаталъ брошюру, въ которой изложилъ всѣ подробности дѣла и отозвался съ негодованіемъ о нерадѣніи главнаго лорда адмиралтейства, лорда Сандвича, и другихъ властей. Белли былъ немедленно оставленъ, и независимо отъ того, адмиралтейскія власти открыли противъ него уголовный искъ какъ противъ автора пасквиля. Лордъ Сандвичъ, побудившій ихъ къ тому, самъ уклонился отъ участія въ дѣлѣ, изъ боязни гласности.

Между тѣмъ наступили длинныя судебныя вакаціи, во время которыхъ Белли и Эрскинъ, никогда не знавшіе другъ друга, случайно столкнулись у общихъ знакомыхъ. За обѣдомъ завязался разговоръ о гриничскомъ дѣлѣ, и Эрскинъ, не зная, что тутъ самъ Белли, высказался въ его пользу и горячо возсталъ противъ несправедливости и деспотическаго образа дѣйствій лорда Сандвича. Белли узнавъ, что Эрскинъ служилъ въ морской службѣ и недавно вступилъ въ адвокатуру, далъ себѣ слово избрать его своимъ адвокатомъ. На слѣдующій вечеръ Эрскинъ сидѣлъ одинъ въ своей квартирѣ, и съ горестію помышлялъ о своихъ неудачахъ и бѣдственномъ положеніи. Стукъ въ двери вывелъ его изъ размышленій. Ему подали бумагу съ надписью: „King's Bench. The King v. Baillie. Retainer for the defendent, the honourable Thomas Erskine, one guinea.“ (Судъ Королевской Скамьи. По процессу короля противъ Белли. Задатокъ защитнику, его высокоблагородію Томасу Эрскину, одна гиней.)

Это была первая гиней, которую Эрскинъ получилъ на адвокатскомъ поприщѣ; онъ всегда хранилъ ее какъ дорогое воспоминаніе. Говорятъ, почернѣвшая золотая монета сохраняется и по сіе время потомками великаго адвоката.

Несмотря на скромное вознагражденіе, Эрскинъ былъ въ восторгѣ отъ первой удачи, и думая, что будетъ единственнымъ адвокатомъ своего кліента, ожидалъ съ нетерпѣніемъ случая показать силу своего краснорѣчія. Но радость была преждевременна. Наканунѣ торжественнаго дня, Эрскинъ узналъ, что Белли имѣлъ, кромѣ него, еще четырехъ адвокатовъ, въ числѣ которыхъ были Морфи и Гаргревъ, пользовавшіеся значительною извѣстностію. Это сильно встревожило Эрскина. Предполагая, что честь защиты будетъ предоставлена исключительно старѣйшимъ, онъ даже не далъ себѣ труда привести въ систему факты и мысли, которыя были набросаны имъ наскоро на бумагѣ. 23 ноября 1778 года, въ 10 часовъ утра, генераль-соллиситоръ провозгласилъ въ судѣ Королевской Скамьи процессъ Белли съ адмиралтейскими властями. Процессъ тянулся очень долго. Въ тотъ день говорили всѣ адвокаты Белли, кромѣ Эрскина, и было уже совершенно темно, когда лордъ Мансфильдъ, думая что всѣ адвокаты отвѣтчика заслушаны, объявилъ, что онъ откладываетъ судейскій обзоръ дѣла до слѣдующаго утра. Еслибы пренія въ тотъ день продолжались, Эрскинъ развѣ

только про форма сказалъ бы нѣсколько словъ, и такимъ образомъ быть-можетъ еще долгое время оставался бы въ не-извѣстности. Но судьба распорядилась иначе, и ничтожный случай имѣлъ для Эрскина самыя важныя послѣдствія. На слѣдующій день, судъ Королевской Скамьи былъ наполненъ публикою, интересовавшеюся знать чѣмъ разрѣшится любопытный процессъ. По ходу предыдущихъ преній, большинство ожидало разрѣшенія дѣла въ пользу истцовъ. Но на скамьѣ защиты сидѣлъ еще одинъ молодой и послѣдній боецъ, о которомъ всѣ забыли и который рѣшился напомнить о себѣ.

„Милордъ, сказалъ Эрскинъ, я также избранъ въ защитники авторомъ предполагаемаго пасквиля, и еслибы вопросъ имѣлъ только личный интересъ, то послѣ вчерашнихъ рѣчей моихъ ученыхъ собратьевъ я не сталъ бы утомлять судъ продолженіемъ защиты. Но въ столь серіозномъ случаѣ, когда британскій подданный привлеченъ къ суду за то только что рѣшился напасть на злоупотребленія, когда британскій подданный, побуждаемый сознаниемъ долга и сочувствіемъ къ интересамъ общества, рѣшился возстать противъ злоупотребленій, несмотря на то что они поддерживаются властями, — въ такомъ случаѣ я не могу лишить себя высокой чести принести и свою скудную лепту въ дань справедливости.“

Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній о сочинителяхъ пасквилей, Эрскинъ сталъ доказывать, что кліентъ его не написалъ ничего кромѣ суедей правды, и въ точности исполнилъ свой долгъ.

„Белли не вмѣшивался, говорилъ онъ, въ чужое вѣдомство, но заботился объ исправленіи того, къ которому принадлежалъ; онъ рисковалъ своимъ личнымъ благосостояніемъ, что доказывается теперь несправедливымъ отрѣшеніемъ его отъ должности. Лордъ Сандвичъ поступилъ противозаконно.“

Здѣсь Эрскинъ былъ прерванъ судьей, замѣтившимъ ему, что лордъ Сандвичъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ и не состоялъ въ числѣ истцовъ.

„Я знаю, возразилъ Эрскинъ, что онъ формально не участвуетъ въ дѣлѣ, но я считаю долгомъ привлечь и его къ суду. Онъ возбудилъ этихъ господъ (то-есть адмиралтейскія власти) къ дѣйствию, надѣясь спрятаться за ними, но я не хочу воевать съ ними: они не достойны вызова на бой. Я хочу вывести на свѣтъ темнаго двигателя настоящаго процесса. Я утверждаю, что лорду Сандвичу представляется одинъ

только исходить изъ неблаговиднаго положенія, и исходить этотъ — публичное порицаніе дѣйствій истцовъ и возвращеніе капитану Белли его должности. Если лордъ Сандвичъ поступитъ такъ, то его прежнія дѣйствія по отношенію къ Белли будутъ лишь служить доказательствомъ столь общаго людямъ стремленія жертвовать общественнымъ долгомъ для личнаго интереса. Но если онъ будетъ поддерживать преслѣдователей Белли, несмотря на ихъ очевидную недобросовѣстность, если онъ не возвратитъ оскорбленному его должности, то я смѣло объявлю его участникомъ въ ихъ преступленіи, безстыднымъ притѣснителемъ, роняющимъ достоинство своего званія, измѣнникомъ присяги. Милорды! Настоящее дѣло слишкомъ важно. Я говорю не только какъ адвокатъ, — я говорю какъ членъ государства, все могущество котораго зависитъ отъ морской силы. Если въ нашемъ флотѣ заведется неправда, мы погибнемъ. Морякъ, поступающій во флотъ и подвергающійся трудностямъ и опасностямъ своего званія, съ упованіемъ смотритъ на Гриничъ, гдѣ онъ надѣется найти прибѣжище въ случаѣ болѣзни и старости. Это даетъ ему энергію. Но когда морякъ узнаетъ, что въ Гриничѣ воцарилась неправда, когда онъ узнаетъ, что двери адмиралтейства отворяются только для недостойныхъ любимцевъ мѣстныхъ властей, и затворяются передъ злополучными товарищами его славы, тогда не ожидайте отъ него рвенія. Адмиралтейскія власти могутъ распоряжаться тѣломъ моряка, но онъ не можетъ распоряжаться его духомъ; онъ не можетъ вселить геройское чувство въ сердце британскаго моряка; вмѣсто могущественнаго флота, пользующагося общимъ уваженіемъ во время мира и производящаго общій ужасъ во время войны, мы будемъ имѣть карточные игрушки для забавы на смотрахъ и парадахъ. Преслѣдователи Белли домогаются того чтобы подвергнуть его штрафу и тюремному заключенію! Нѣтъ, не тюрьмы, а дворца достоинъ тотъ, кто рѣшился жертвовать своимъ личнымъ интересомъ для пользы отечества. Милорды, я предоставляю моего кліента въ ваши руки съ полнымъ довѣріемъ. Развратъ, разлившійся къ несчастію по многимъ частямъ нашей конституціи, былъ, по милости Провидѣнія, оставленъ у дверей суда священною независимостію судей. Я надѣюсь, судъ разрѣшитъ дѣло на основаніи законовъ и совѣсти. Въ случаѣ приговора Белли, я смѣло объявилъ бы, что для всякаго честнаго человѣка настало время бѣжать изъ

страны, гдѣ онъ не можетъ безбоязненно исполнять свой долгъ, гдѣ тираннія и неправда убиваютъ добродѣтель и гдѣ порокъ проходитъ черезъ судъ безъ наказанія и исправленія!“

Таковъ былъ дебютъ молодого адвоката, говорившаго впервые передъ судомъ, наполненнымъ учтивѣйшими юристами того времени. Во главѣ ихъ былъ и лордъ Мансфильдъ, слово котораго въ продолженіе цѣлаго полстольтія считалось закономъ. Несмотря на запрещеніе упоминать о лордѣ Сандвичѣ, Эрскинъ, увлекаемый убѣжденіемъ въ правотѣ своего кліента, не задумался произнести страшный приговоръ надъ человѣкомъ, стоявшимъ на высшей ступени государственнаго управленія и безбоязненно угрожалъ лорду Сандвичу репутаціей клятвopреступника. Молодой человѣкъ, не упрочившій своего положенія, обремененный семействомъ, безъ связей, безъ состоянія, прямо и смѣло громилъ неправду высшихъ государственныхъ властей. Эрскинъ забылъ себя, жену, дѣтей, все на свѣтѣ; онъ помнилъ долгъ и стоялъ за правду. Блистательная побѣда или окончательное пораженіе—что-нибудь изъ двухъ: середины быть не могло. На долю Эрскина выпала первая. По выходѣ изъ суда, онъ былъ окруженъ въ Вестминстерской залѣ толпою адвокатовъ и частныхъ лицъ, приносившихъ ему поздравленія и похвалы. Съ той поры приглашенія и деньги сыпались Эрскину со всѣхъ сторонъ. При этомъ, къ чести англійской адвокатуры, нельзя не замѣтить, что внезапная перемена въ судьбѣ Эрскина не возбудила въ кругу его собратовъ ни малѣйшей зависти. Напротивъ, всеобщая симпатія стала его удѣломъ, и онъ остался навсегда любимцемъ своего сословія, считавшаго за честь имѣть его въ своихъ рядахъ. Эрскинъ постоянно находился при судѣ Королевской Скамьи, гдѣ председательствовалъ лордъ Мансфильдъ. Эрскинъ оказывалъ полное уваженіе этому знаменитому судѣ и другимъ судьямъ, но держалъ себя совершенно самостоятельно.

Въ началѣ 1779 года онъ защищалъ адмирала лорда Кенпеля, обвиненнаго по случаю морскаго дѣла съ Французами. Знаніе морской службы помогло успѣху Эрскина, и оправданный лордъ прислалъ своему адвокату 1.000 ф. ст.

Въ началѣ 1780 года Эрскинъ явился защитникомъ въ дѣлѣ по обвиненію лорда Гордона въ мятежѣ. Лордъ Джонъ Гордонъ былъ избранъ президентомъ Протестантскаго Общества (Protestant-Association) и во главѣ сорока тысячъ

народа отправился въ нижнюю палату, съ тѣмъ чтобы представить просьбу объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей существовавшего тогда для католиковъ варварскаго уголовного кодекса. Хотя этотъ митингъ вовсе не имѣлъ цѣлю противодействовать конституціи, а напротивъ былъ составленъ изъ людей вполнѣ преданныхъ королю и парламенту, но, къ несчастію, онъ послужилъ поводомъ къ раздорамъ, вызваннымъ Лондономъ на нѣсколько дней: они остались извѣстны въ исторіи подъ названіемъ *Lord George Gordon's riots*. Гордонъ, виновный лишь въ необдуманномъ возбужденіи народнаго фанатизма, вмѣстѣ съ шерифами самъ отправился въ Сити, чтобы своимъ вліяніемъ помочь усмиренію народа. Тѣмъ не менѣе, когда спокойствіе было восстановлено, Гордонъ былъ заключенъ въ Тауэръ и преданъ суду какъ государственный преступникъ. Положеніе было чрезвычайно опасное. Страхъ господствовалъ между тѣми, кому предстояло быть его присяжными; они боялись, что дома ихъ будутъ сожжены; они уже видѣли какъ растворяются тюрьмы, гремитъ оружіе, и летитъ кровь по Лондону. Правительство признавало необходимымъ, для восстановленія спокойствія столицы, принести кого-либо въ жертву оскорбленному закону, хотя бы жертва и заслуживала сожалѣнія. Повтому искъ противъ Гордона былъ веденъ съ твердымъ намѣреніемъ добиться осужденія. Процессъ Гордона разсматривался въ судѣ Королевской Скамьи передъ лордомъ Мансфильдомъ. Послѣ допроса и передопроса свидѣтелей и рѣчей обвинителей, Кеніонъ, вмѣстѣ съ Эрскиномъ адвокатъ Гордона, произнесъ рѣчь въ его защиту. Въ послѣдствіи лордъ и судья, Кеніонъ былъ хорошо знакомъ съ техническою частію судебного дѣла, но не имѣлъ ораторскаго дара и былъ мало свѣдуещъ въ государственномъ правѣ. Послѣ его рѣчи, друзья Гордона стали еще болѣе опасаться за его судьбу. Всталъ Эрскинъ. Онъ говорилъ нѣсколько часовъ среди невозмутимой тишины и религіознаго вниманія присяжныхъ, судей, публики. Напомнивъ присяжнымъ, что Гордонъ не только не участвовалъ въ мятежѣ, но напротивъ самъ содѣйствовалъ мѣстнымъ властямъ къ его усмиренію, Эрскинъ воскликнулъ: „Послѣ этого, клянусь Богомъ, лжецъ и предатель будетъ тотъ, кто рѣшится признать вину въ такомъ благородномъ и прямомъ образѣ дѣйствій Гордона!“ Заклятіе, произнесенное магическимъ голосомъ, съ величественнымъ движеніемъ руки, произвело на присяжныхъ

поразительное впечатлѣніе. Нарушеніе коренныхъ судебныхъ правилъ, не позволяющихъ адвокатамъ призывать Бога въ свидѣтели истины своихъ доводовъ, могло бы имѣть для адвоката самая гибельныя послѣдствія. Одинъ только Эрскинъ могъ рѣшиться на такое средство защиты. Опасность этого средства доказывается тѣмъ, что ни прежде, ни послѣ Эрскина никто изъ англійскихъ адвокатовъ не прибѣгалъ къ нему. Воззваніе къ Богу, сдѣланное обыкновеннымъ адвокатомъ, могло бы оскорбить вкусъ и религіозныя понятія судей, присяжныхъ и публики. Но Эрскину все прощалось, и самыя ошибки ставились ему иногда въ заслугу.

Послѣ тщательнаго и строгаго обзора дѣла лордомъ Мансфильдомъ, присяжные вышли для совѣщанія въ свою камеру, гдѣ и оставались цѣлую ночь. Наконецъ, въ пятомъ часу утра, они воротились и ихъ старшина произнесъ торжественный приговоръ: *Not guilty!* (Не виновать!)

Счастливый исходъ процесса лорда Гордона былъ залогомъ новыхъ успѣховъ, которые ожидали Эрскина въ 1794 году, въ самое царство террора.

III.

Успѣхи знаменитаго адвоката на политическомъ поприщѣ были далеко не такъ блистательны какъ на судебномъ. Происходя изъ фамиліи виговъ, Эрскинъ никогда не оставлялъ своей партіи. При поступленіи его на политическое поприще, три великіе вождя партіи виговъ: Фоксъ, Боркъ и Шериданъ были въ полномъ блескѣ своей славы. Эрскинъ поступилъ въ нижнюю палату на мѣсто Вильяма Гордона, представителя Портсмута. Первая его рѣчь въ парламентѣ не имѣла никакого успѣха. Замѣчательно, что Эрскинъ и лордъ Эльдонъ, бывшій въ послѣдствіи лордомъ канцлеромъ, произнесли одновременно свои первыя рѣчи въ парламентѣ по поводу внесеннаго Фоксомъ индійскаго билля, и съ одинаковою неудачею. Эльдонъ имѣлъ нѣкоторый перевѣсъ, но въ сущности оба были на голову разбиты Питтомъ. Очевидцы этого засѣданія утверждали, что Эрскинъ, возвышавшійся до необычайныхъ предѣловъ при воззваніи къ присяжнымъ, палъ ниже обыкновеннаго уровня между членами парламента. Говорятъ, что Питтъ, узнавъ о появленіи въ нижней

память знаменитаго адвоката, взявъ перо и бумагу, пригото-
 ваясь записывать его замѣчанія съ тѣмъ чтобы послѣ возра-
 жать ему. При началѣ Эрскиновой рѣчи, Питтъ записалъ слова
 два-три, но по мѣрѣ ея продолженія вниманіе великаго госу-
 дарственнаго человѣка замѣтно ослабѣвало, и наконецъ онъ
 бросилъ бумагу и перо. Эрскинъ, глубоко оскорбленный та-
 кимъ пренебреженіемъ со стороны Питта, едва могъ докон-
 чить рѣчь и сѣлъ на свое мѣсто въ совершенномъ отчаяніи.
 Хотя въ послѣдствіи времени Эрскинъ говорилъ въ парламен-
 тѣ съ большою удачей, но онъ постоянно былъ побѣждаемъ
 Питтомъ, бравшимъ надъ нимъ верхъ своимъ повелительнымъ
 тономъ и ѣдкою провѣй. На одномъ изъ обѣдовъ у Дудласа,
 гдѣ присутствовали Аддингтонъ, Шериданъ и Эрскинъ, Ше-
 риданъ выразилъ удивленіе, что знаменитый юристъ не поль-
 зуется въ парламентѣ тою славой, какой онъ заслуживаетъ
 по своему высокому таланту.

— Я вамъ скажу, замѣтилъ онъ, обращаясь къ Эрскину,—
 отчего это происходитъ: вы боитесь Питта, и это слабая сто-
 рона вашего характера.

Вообще семилѣтнее пребываніе Эрскина въ парламентѣ
 представляетъ мало интереснаго для его біографіи. Гораздо
 болѣе занимательнаго въ его дальнѣйшей дѣятельности на
 поприщѣ адвокатуры.

Въ маѣ 1783 года онъ получилъ, по ходатайству Мансфиль-
 да, шелковую рясу (*silk gown*), которая тогда считалась чрез-
 вычайно важнымъ знакомъ отличія и предоставлялась только
 судьямъ и самымъ заслуженнымъ изъ адвокатовъ. Съ этого
 времени Эрскинъ сталъ являться во всѣхъ судебныхъ окру-
 гахъ Англіи. Въ 1784 году онъ съ огромнымъ успѣхомъ хо-
 датайствовалъ въ дѣлѣ декана церкви Св. Асафа. Знамени-
 тый Вильямъ Джонсъ, ученѣйшій изъ людей своего времени,
 написалъ небольшой трактатъ о необходимости парламент-
 ской реформы и общихъ началахъ правительства, подъ загла-
 віемъ: *Разговоръ джентльмена съ фермеромъ*. Зять Джонса,
 докторъ Шиплей, передалъ эту брошюру обществу рефор-
 маторовъ въ княжествѣ Вельсскомъ и перепечаталъ ее.
 Вслѣдствіе этого Фитцморисъ завелъ искъ противъ декана
 Св. Асафа за изданіе пасквиля. Возникшій по этому поводу
 процессъ былъ разрѣшенъ лѣтнимъ судомъ ассизовъ, подъ
 предсѣдательствомъ судьи Буллера въ округѣ Салопъ. Послѣ

рѣчи обвинителя и допроса свидѣтелей, Эрскинъ обратился къ присяжнымъ съ защитительною рѣчью.

„Единственное затрудненіе, которое я нахожу, сказалъ онъ, къ опроверженію столь ложнаго и бессмысленнаго обвиненія, состоитъ въ томъ, чтобы сохранить возможное хладнокровіе и не дать воли негодованію. Я не сталъ бы передавать вамъ мои личныя чувства, еслибы дѣло это касалось только частнаго права и не имѣло всеобщихъ послѣдствій. Гдѣ обвиненіе затрагиваетъ драгоценнѣйшія права общества, гдѣ обвиняемая сторона представляетъ собою цѣлое общество, и гдѣ обвиненіе одного лица было бы равносильно уничтоженію публичныхъ привилегій, — въ такомъ дѣлѣ адвокатъ несетъ двойную обязанность: долгъ гражданина соединяется съ его обязанностію къ своему кліенту, и адвокатъ унижаетъ свое сословіе и измѣняетъ своему долгу, если не вооружается своимъ личнымъ чувствомъ для защиты правъ своихъ согражданъ, которые подвергаются нападенію въ лицѣ его кліента. Гг. присяжные, я смѣло объявляю вамъ, что я считаю себя соучастникомъ въ дѣйстви обвиняемаго; если вы признаете его виновнымъ въ пасквилѣ, то я даю здѣсь торжественный обѣтъ повторить, при первомъ удобномъ случаѣ, въ новой печатной брошюрѣ, каждое изъ положеній выказанныхъ отвѣтчикомъ.“

Перейдя къ разбору подробностей брошюры, Эрскинъ старался доказать, что въ этой брошюрѣ высказаны тѣ самыя основанія, которыя были изложены въ биллѣ о реформѣ народнаго представительства, находившемся неоднократно на обсужденіи парламента. Судья Буллеръ приступилъ къ обзору. Онъ замѣтилъ присяжнымъ, что единственный вопросъ, подлежащій ихъ обсужденію, состоитъ въ томъ: „доказано ли, что отвѣтчикъ издалъ пасквиль? Если присяжные убѣждены, что отвѣтчикъ издалъ пасквиль, тогда они должны по закону признать его виновнымъ.“

Присяжные вышли для совѣщанія и воротились въ судъ черезъ полчаса. Произошла слѣдующая весьма оригинальная сцена. На обычный вопросъ клерка: признаютъ они отвѣтника виновнымъ, или же невиновнымъ, первый изъ присяжныхъ отвѣчалъ: „Мы признаемъ его виновнымъ только въ изданіи.“

Эрскинъ. Только въ изданіи?

Присяжный. Виновнымъ только въ изданіи.

Судья. Я полагаю, приговоръ этотъ не совсѣмъ прави-

лень. Вы должны объяснить его такъ или иначе; если вы находите отвѣтчика виновнымъ въ изданіи пасквиля, вы не должны прибавлять слова „только“.

Эрскинъ. Они подъ этимъ разумѣютъ, что въ изданіи не было ничего пасквильнаго (*seditious*).

Присяжный. Мы признаемъ его виновнымъ только въ изданіи. Мы не находимъ ничего болѣе.

Эрскинъ. Я осмѣлюсь замѣтить суду, что я нахожу приговоръ присяжныхъ правильнымъ; они находятъ отвѣтчика виновнымъ только въ изданіи.

Присяжный. Да, мы находимъ только это.

Судья. Въ такомъ случаѣ слово „только“ не имѣетъ существеннаго значенія.

Эрскинъ. Гг. присяжные, я хочу знать, желаете ли вы, чтобы слово „только“ оставалось въ вашемъ приговорѣ?

Присяжный. Конечно.

Судья. Значитъ вы хотите отвергнуть обвиненіе?

Эрскинъ. Я прошу судъ записать приговоръ присяжныхъ въ протоколъ буквально.

Судья. Вы признаете, гг. присяжные, отвѣтчика виновнымъ въ изданіи памфлета, и признаете значеніе обвиненія въ томъ смыслѣ какъ это обозначено въ обвинительномъ актѣ?

Присяжный. Конечно.

Эрскинъ. Но должно ли слово „только“ составлять часть вашего приговора?

Присяжный. Конечно.

Эрскинъ. Въ такомъ случаѣ я настаиваю на томъ, чтобы оно было внесено въ протоколъ.

Судья. Тогда приговоръ будетъ двусмысленный; надо объяснить это присяжнымъ.

Эрскинъ. Присяжные понимаютъ свой приговоръ.

Судья. Я прошу г. адвоката не прерывать меня.

Эрскинъ. Какъ адвокатъ и согражданинъ отвѣтчика, я требую, чтобы слово „только“ было внесено въ протоколъ.

Судья. Садитесь на ваше мѣсто, сэръ, и помните вашу обязанность, иначе я буду вынужденъ поступить съ вами иначе.

Эрскинъ. Вы можете поступить какъ знаете; я знаю свою обязанность не хуже чѣмъ вы свою. Я не измѣню своего образа дѣйствій.

Ученый судья не нашелъ ничего возразить на послѣднія слова Эрскина и не продолжалъ угрозъ. Эта отважная защита независимости адвокатуры давала бы Эрскину сама по себѣ право на статью, воздвигнутую въ его память благодарными собратьями въ залѣ *Lincoln's inn's*. Примѣръ Эрскина послужилъ прочнымъ основаніемъ тѣхъ отношеній, которыя установились между англійскими судьями и адвокатами. Присяжные, озадаченные такимъ столкновеніемъ между судьей и адвокатомъ, выразили желаніе постановить новое заключеніе, и объявили наконецъ слѣдующій приговоръ.

„Виновенъ въ изданіи, но пасквиль оно или нѣтъ, мы не знаемъ.“

Приговоръ этотъ судъ нашелъ неяснымъ, и дѣло было перенесено на ревизію высшаго суда *King's Bench*. Въ этомъ судѣ Эрскинъ произнесъ новую рѣчь, которую Фоксъ признавалъ за одинъ изъ превосходнѣйшихъ образцовъ англійскаго ораторскаго искусства. Тѣмъ не менѣе судъ постановилъ заключеніе, которымъ призналъ, что вопросъ о пасквилѣ или непасквилѣ — есть исключительно вопросъ закона, и потому разрѣшеніе его зависитъ отъ судей, а не отъ присяжныхъ. Такое заключеніе суда представлялось подрывомъ принципа, по которому свобода печати находилась подъ охраненіемъ англійскихъ присяжныхъ, и возбудило противъ себя общественное мнѣніе страны. Слѣдствіемъ общественнаго неудовольствія былъ знаменитый билль, внесенный въ парламентъ Фоксомъ и извѣстный подъ названіемъ *Fox's Libel-Bill* (Фоксовъ законъ о пасквильяхъ). Билль этотъ былъ утвержденъ парламентомъ и упрочилъ навсегда права присяжныхъ по вопросамъ о пасквильяхъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ описаннаго процесса, въ судьбѣ Эрскина не произошло никакихъ перемѣнъ, и онъ не имѣлъ особеннаго случая приобрести себѣ новую славу. Въ 1788 году преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе принудили лорда Мансфильда оставить должность главнаго судьи въ Королевской Скамьѣ,—должность, которую онъ блистательно отправлялъ тридцать два года. Эрскинъ написалъ ему отъ лица всѣхъ своихъ собратьевъ благодарственное письмо за правдивыя и пріязненные отношенія, въ которыхъ онъ постоянно нисходилъ къ адвокатурѣ. Мансфильдъ отвѣчалъ, что оказанное ему адвокатами вниманіе будетъ всегда служить ему утѣшеніемъ на склонѣ лѣтъ. Преемникъ Манс-

фильда по предсѣдательству въ судѣ Королевской Скамьи, лордъ Кеніонъ, былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Эрскиномъ, и потому эта перемѣна не имѣла никакого вліянія на судьбу послѣдняго.

IV.

Въ 1789 году священникъ шотландской церкви Логенъ написалъ брошюру въ защиту остъ-индскаго губернатора Гастингса, отрѣшеннаго парламентомъ по обвиненію въ злоупотребленіи властію. Брошюра эта была издана книгопродавцемъ Стокдалемъ и имѣла цѣлю доказать, что взведенныя на Гастингса обвиненія несправедливы, и что нижняя палата поступила въ этомъ дѣлѣ какъ инквизиторскій трибуналъ, а не какъ судъ парламента. Авторъ разсмотрѣлъ дѣло очень тщательно и былъ очевидно одушевленъ сознаніемъ правоты Гастингса и желаніемъ доказать его невинность. Члены нижней палаты, Фоксъ и Боркъ, начали процессъ противъ этой брошюры, какъ направленной противъ парламента, и возникшее по этому предмету дѣло было рѣшено лордомъ Кеніономъ и спеціальными присяжными въ судѣ Королевской Скамьи. Эрскинъ явился въ этомъ дѣлѣ адвокатомъ отвѣтчика. Прежде всего, чтобы возбудить въ присяжныхъ состраданіе къ Гастингсу и заставить ихъ взглянуть благосклонно на нѣкоторыя жесткія замѣчанія, выраженныя въ брошюрѣ написанной въ его защиту, Эрскинъ представилъ слѣдующую живописную картину суда, происходившаго надъ Гастингсомъ въ Вестминстерской залѣ.

„Тамъ, говорилъ онъ, совершается ежедневно предъ лицомъ всего міра самое торжественное зрѣлище. Тамъ устроено обширное возвышеніе для суда, страшнаго по авторитету, сіяющаго достоинствомъ, внушающаго уваженіе по учености и мудрости своихъ членовъ, по необычайному стеченію людей всѣхъ званій и состояній. Тамъ появлялись день за днемъ и одинъ за другимъ люди самыхъ высокихъ талантовъ, которые затмѣваютъ своимъ краснорѣчіемъ величайшихъ ораторовъ древности. Каждый изъ нихъ, одушевляемый желаніемъ славы обнаруживалъ весь блескъ своего таланта, всю глубину своего знанія, чтобы доказать справедливость обвиненія Гастингса. Господа присяжные, въ то время когда авторъ брошюры,

находящейся теперь передъ вами, принимался писать ее, вся эта могучая артиллерія ораторскаго искусства, горячаго рвенія, обширныхъ познаній, ежедневно дѣйствовала въ дружномъ соединеніи противъ одного безоружнаго человѣка, который былъ обязанъ безмолвно принимать всѣ ея удары передъ лицомъ цѣлой Англіи.“

Затѣмъ Эркинъ объяснилъ присяжнымъ причину побудившую къ составленію брошюры, и вывелъ вопросъ подлежащій ихъ разрѣшенію.

„Отвѣтчикъ, говорилъ онъ, сочувствовалъ горькому положенію своего согражданина, подвергавшагося процессу, который не имѣлъ ничего общаго съ другими уголовными процессами. Процессъ касался не одного какого-либо дѣйствія подсудимаго, но обнималъ всю его жизнь: процессъ этотъ не представлялъ никакихъ видимыхъ границъ своей продолжительности и сдѣлался общимъ предметомъ разговора цѣлой страны. Между тѣмъ, дѣло очень просто. Въ то время, когда обвиненія противъ Гастингса, съ разрѣшенія нижней палаты, были въ каждой рукѣ и на каждомъ столѣ,—въ то время, когда всѣ усилія краснорѣчія были направлены къ тому, чтобъ унижить Гастингса въ глазахъ общества, — въ то время, когда каждый могъ безнаказанно писать и печатать все что кому ни приходило въ голову о предполагаемомъ нарушителѣ общественнаго спокойствія, — въ то время, было ли бы преступно со стороны Гастингса, еслибъ онъ напомнилъ публикѣ, что онъ уроженецъ свободной страны, и представилъ опроверженія уликъ направленныхъ противъ него съ разныхъ сторонъ? Неужели англійскій подданный не могъ, подѣ страхомъ строжайшаго наказанія, сказать публично нѣсколько словъ въ свое оправданіе? Чувство самосохраненія, одинаково свойственное какъ мудрецамъ, такъ и невѣждамъ, не можетъ быть поставлено въ вину англійскому подданному. Точно также не можетъ быть поставлено ему въ вину и стремленіе оградить жизнь или честь брата или друга.“

Эркинъ перешелъ къ подробному разбору содержанія брошюры и коснулся образа дѣйствій самого Гастингса. По поводу крутости мѣръ, употребленныхъ Гастингсомъ въ Остѣ-Индіи, Эркинъ доказывалъ, что онѣ происходили отъ общаго духа англійскаго управленія Остѣ-Индіей, основаннаго на варварствѣ и страхѣ.

„Легко можетъ быть, сказалъ онъ, и даже очень вѣроятно, что Гастингсъ не разъ нарушалъ права и привилегіи азіятскаго правительства. Онъ былъ вынужденъ дѣйствовать противъ законамъ Божескимъ и естественнымъ, управляя страню, гдѣ пролито столько крови. Онъ долженъ былъ поступать жестоко съ Индійцами, если былъ вѣрнымъ представителемъ англійскаго правительства, которое, не имѣя ничего общаго съ націей ему чуждою, не можетъ существовать иначе какъ съ помощью силы и страха. Господа присяжные, я не смотрю на предметъ черезъ холодное посредство книгъ, но говорю о странѣ и людяхъ, которыхъ самъ видѣлъ, и на основаніи опыта приобретеннаго мною между народами находящимися подъ нашимъ владычествомъ. Я знаю что они чувствуютъ, и какимъ образомъ могутъ быть подавлены эти чувства. Я въ молодости слышалъ изліаніе этихъ чувствъ изъ устъ голаго дикаря, начальника племени, обращавшагося съ рѣчью къ губернатору одной британской колоніи; онъ держалъ въ рукѣ связку прутьевъ, служившихъ какъ бы символомъ его неграмотнаго краснорѣчія. „Кто это, говорилъ завистливый вождь пустыни, утопанной неугомонными англійскими удалъцами,—кто заставляетъ рѣку выходить изъ высокихъ горъ и выливаться въ океанъ? Кто заставляетъ вѣтры бушевать зимою и усмиряетъ ихъ лѣтомъ? Кто бросаетъ тѣнь на эти высокіе лѣса и уничтожаетъ ее внезапнымъ свѣтомъ по своей волѣ? То самое Существо, которое дало вамъ страну на томъ берегу океана, а намъ предоставило нашу. И по этому праву мы будемъ защищать ее!“ сказалъ воинъ, бросая на землю свой томагаукъ и оглашая воздухъ воинственнымъ національнымъ кликомъ... Таковы, продолжалъ Эркинъ, чувства подавленныхъ нами народовъ, и потому ничто кромѣ страха и силы не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ бесполезно было бы искать симпатіи. Но подъ гнетомъ такихъ постоянныхъ затрудненій, столь опасныхъ для національной чести, быть-можетъ было бы благоразумнѣе отозвать наши войска и оставить нашу Азіятскую имперію. Пока не будетъ этого, ни религія, ни философія, не помогутъ системѣ тамошняго управленія. Если Англія, подъ вліяніемъ властолюбія, будетъ настаивать на поддержаніи деспотизма надъ отдаленными странами и враждебными націями, несравненно болѣе обширными и многочисленными нежели сама она, и посылать туда вице-королей, не снабдивъ ихъ никакою иною инструкціей кромѣ

задачи поддерживать власть и исправно доставлять доходы, какимъ образомъ можетъ она прикидываться оскорбленною исполненіемъ ея собственныхъ начертаній и ставить въ вину тѣ дѣйствія правителей, которыя вытекаютъ изъ сущности всей системы оствъ-индскаго управленія? Такая система вызываетъ на глубокія размышленія.“

Затѣмъ Эрскинъ говорилъ въ защиту лицъ, рѣшающихся выражать въ печати свои задушевные мысли.

„Отъ умовъ, подавляемыхъ страхомъ наказанія, говорилъ онъ, не можетъ исходить ничто способствующее разработкѣ человеческого разумнія въ обществѣ; они бы не производили тѣхъ мастерскихъ твореній объ общихъ началахъ, при помощи которыхъ образовались величайшія государства; тѣмъ менѣе могли бы они рѣшиться на критику, которая принесла столько пользы нашей конституціи и привела ее къ настоящему блестящему положенію. Подъ вліяніемъ подобнаго страха, свѣтъ науки и искусства погасъ бы, потому что люди не могутъ свободно обмѣниваться мыслями, когда надъ вами виситъ бичъ. Геній умираетъ въ оковахъ неволи. Бури сносятъ иногда наши жилища и причиняютъ намъ временный вредъ, но онѣ изгоняютъ злокачественныя начала атмосферы, которыя произвели бы заразу. Такъ и свобода, послѣдній и лучший даръ Творца, должна быть принимаема со всѣми ея атрибутами.“

Одинъ изъ очевидцевъ послѣдней побѣды Эрскина, лордъ Абингеръ пишетъ, что рѣчь его была исполнена необыкновенной силы. Слушателямъ въ очію представлялся индійскій вождь съ его томагаукомъ. Присяжные, послѣ двухъ часоваго совѣщанія приговорили: „Невиновень!“ Рѣчь Эрскина прибрѣла громадную литературную извѣстность; профессоры въ университетахъ ставили ее въ образецъ ораторскаго краснорѣчія; отцы заставляли дѣтей учить ее наизусть. Эрскинъ достигъ апогея своей славы.

Вскорѣ, именно весною 1790 года, онъ отправился на нѣсколько недѣль въ Парижъ, чтобы слѣдить за ходомъ революціи, которая была тогда въ самомъ разгарѣ.

Осенью того же года онъ былъ опять избранъ въ парламентъ отъ Портсмута, и оставался его представителемъ до полученія перства. Въ парламентѣ Эрскинъ имѣлъ неоднократно столкновенія съ Боркомъ, не имѣвшимъ къ нему особенной симпатіи. Такъ между прочимъ, когда Эрскинъ защищая оппозицію

виговъ, замѣтилъ, что онъ желалъ бы, чтобъ Англія управлялась закономъ; Боркъ возражалъ, что онъ бы съ своей стороны желалъ, чтобы страна управлялась закономъ, а не законовѣдами (*by law, but not by lawyers*). Вообще Эрскинъ былъ плохой политическій дѣлатель; онъ продолжалъ играть въ парламентѣ не совсемъ завидную роль и постоянно былъ разбиваемъ Питтомъ, Боркомъ и другими знаменитыми публицистами. Когда въ парламентъ былъ внесенъ билль о пасквилляхъ (*bill of libel*), многіе надѣялись, что Эрскинъ покажетъ и въ парламентѣ свойственный ему талантъ. Но въ этомъ случаѣ Эрскинъ, по отзывамъ самыхъ горячихъ друзей своихъ, говорилъ очень слабо и не оправдалъ ихъ надеждъ.

Французская революція произвела разъединеніе въ партіи виговъ. Одна часть ихъ смотрѣла на нее благопріятно; другая опасалась вредныхъ послѣдствій для Англіи. Эрскинъ принадлежалъ всегда въ первой категоріи, а его патронъ, принцъ Вельскій ко второй. Будущій Георгъ IV очень любилъ Эрскина и сдѣлалъ его своимъ генералъ-атторнеемъ. Эрскинъ цѣнилъ вниманіе наследнаго принца, но никогда не кривилъ душой изъ личнаго интереса, и потому часто имѣлъ весьма горячія объясненія съ принцемъ, которыя, какъ увидимъ, привели ихъ къ полному разрыву. Среди парламентарскихъ неудачъ, Эрскина ожидали новыя лавры на поприщѣ адвокатуры. Появилось въ печати сочиненіе Пена: *Права человека*. Первая часть этого сочиненія прошла безъ протеста со стороны правительства; вторая же, заключавшая въ себѣ намеки на королей Вильгельма III и Георга I, и разсужденія о монархической и аристократической сторонахъ англійскаго правительства, послужила поводомъ къ процессу, въ которомъ опять явился Эрскинъ. Получивъ приглашеніе отъ автора защищать его, знаменитый адвокатъ, не колебался ни минуты. Многіе изъ друзей Эрскина, предвидя, что его участіе въ дѣлѣ Пена повредитъ ему въ высшихъ сферахъ, убѣждали его отказаться. Принцъ Вельскій писалъ ему, увѣщевая его не принимать приглашенія Пена. Эрскинъ оставался непоколебимъ. На него возстали и многія изъ газетъ. Такое открытое нападеніе дало Эрскину поводъ высказать передъ судомъ свое мнѣніе объ обязанностяхъ адвоката. Онъ замѣтилъ, что редакторы газетъ, рѣшившіеся печатно порицать его участіе въ дѣлѣ Пена, засвидѣтельствовали о своемъ непониманіи основнаго значенія адвокатуры.

„Всегда и не взирая ни на какія препятствія, говорилъ онъ, я буду защищать достоинство и независимость англійской адвокатуры; безъ нихъ не можетъ существовать безпристрастный судъ, составляющій самую главную часть англійской конституціи. Съ той минуты, когда адвокату дозволено будетъ сказать, что онъ хочетъ или не хочетъ защищать человѣка обвиняемаго въ политическомъ преступленіи, съ той минуты погибнетъ и свобода англійскаго народа. Адвокатъ, отказывающій подобному человѣку въ защитѣ, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя характеръ судьи до суда. Притомъ, чѣмъ выше званіе и репутація адвоката, тѣмъ непростительнѣе ставовится его отказъ и тѣмъ болѣе пагубныя послѣдствія можетъ онъ имѣть для обвиняемаго, въ пользу котораго, по духу англійскаго закона, должны клониться всѣ предположенія (*presumptions*).“

Эрскинъ употребилъ все свое стараніе, чтобы расположить присяжныхъ за Пена, и быть-можетъ достигъ бы своей цѣли, еслибы непредвидѣнное обстоятельство не измѣнило видъ этого дѣла. Генераль-атторней предъявилъ суду собственноручное письмо Пена, писанное изъ Парижа, въ которомъ онъ не только не отказывался отъ намековъ на короля и принца Вельскаго, но напротивъ прибавлялъ къ нимъ новыя, самыя рѣзкія замѣчанія. Вслѣдствіе этого присяжные признали Пена виновнымъ. Между тѣмъ, еще прежде чѣмъ судья представилъ обычный обзоръ дѣла, Эрскинъ лишился званія генераль-атторнея, и нѣсколько лѣтъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ принцемъ Вельскимъ.

Въ 1793 году лордомъ канцлеромъ Англійи былъ назначенъ лордъ Лоборо (*lord Loughborough*), и началось преслѣдованіе политическихъ преступниковъ, вслѣдствіе чего это время названо было царствомъ террора. Первою жертвою его былъ Джонъ Фростъ, сужденный по донесенію какого-то шпіона за неосторожныя слова, произнесенныя имъ въ кофейномъ домѣ. Несмотря на усилія Эрскина, Фростъ, признанный виновнымъ, былъ приговоренъ къ выставкѣ у позорнаго столба и тюремному заключенію. Въ другомъ однородномъ дѣлѣ, Эрскинъ на передпросѣ обилъ донощика и заставилъ его сознаться въ лживости его первоначальнаго показанія.

V.

Съ 1794 года, въ Англіи начались пресѣдованія различныхъ политическихъ обществъ, имѣвшихъ въ виду парламентскую реформу. Особенному гоненію подверглось общество, назвавшееся *Society for Constitutional Information* и *Corresponding Society*. Хотя бѣольшая часть членовъ этихъ обществъ и были преданы конституціи, тѣмъ не менѣе на ихъ митингахъ были неоднократно произносимы весьма горячія рѣчи противъ короля и министровъ, и нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей появились и въ печати. При такихъ обстоятельствахъ, министерство Питта рѣшилось обвинить членовъ обществъ въ стремленіи произвести революцію и въ злоумышленіи противъ короля. По настоянію министровъ, парламентъ издалъ билль, прекращавшій на время дѣйствіе *habeas corpus*, вслѣдствіе предательскаго заговора, какъ сказано было въ биллѣ, „имѣвшаго цѣлю низверженіе существующаго порядка и конституціи и водвореніе анархіи, какъ въ послѣднее время во Франціи.“ При этомъ случаѣ Эрскинъ навсегда обезсмертилъ свое имя. Еслибъ онъ отличался только краснорѣчіемъ и знаніемъ своего дѣла, имя его пользовалось бы славою лишь между современниками и было бы забыто по смерти. Но самоотверженіе, выказанное имъ въ эту критическую эпоху, и польза, которую онъ принесъ народной свободѣ, сдѣлали его безсмертнымъ въ глазахъ благодарнаго потомства.

Большой присяжный судъ Мидльсекскаго графства призналъ основательнымъ обвиненіе, взведенное на двѣнадцать лицъ, принадлежавшихъ къ вышеупомянутымъ обществамъ, въ государственной измѣнѣ (*high treason*). Преступленіе это, по мнѣнію присяжныхъ, состояло въ заговорѣ, чтобы произвести революцію въ странѣ; но былъ ли при томъ заговоръ противъ жизни короля, и началось ли приготовленіе къ революціи, объ этомъ въ биллѣ большаго присяжнаго суда не упоминалось. Подсудимые избрали своими адвокатами Эрскина и Гиббса (*Gibbs*), не пользовавшагося до того времени большою извѣстностію, но съ той поры стяжавшаго громадную славу и сдѣлавшагося въ послѣдствіи генераль-атторнеемъ и главнымъ судьей суда *Common Pleas*. Подсудимые

выразили желаніе быть судимыми порознь, и вслѣдствіе этого генераль-атторней назначилъ прежде всего къ осужденію Томаса Гарди (Hardy), считавшагося наиболѣе виновнымъ. Замѣчательный процессъ начался 28 октября 1794 года въ Ольдъ-Белл¹ передъ главнымъ судьей Эйромъ (Eyre) и нѣсколькими другими судьями. Генераль-атторней Джонъ Скоттъ, въ послѣдствіи лордъ-канцлеръ Эльдери, девять часовъ излагалъ основанія преслѣдованія. Преслѣдователь долженъ былъ упоминать о безчисленныхъ рѣчахъ, которыя произнесъ Гарди въ разное время не только въ Лондонѣ, но и въ Манчестерѣ, Шеффилдѣ, Норвичѣ, Эдинбургѣ и другихъ мѣстахъ королевства. Процессъ Гарди продолжался нѣсколько дней съ ранняго утра до поздней ночи. Свидѣтелей было спрошено множество; присяжные проводили ночи въ одной изъ ближайшихъ тавернъ, подъ присмотромъ четырехъ беллифовъ, обязавшихся клятвенно не допускать къ нимъ постороннихъ. Во время допроса и передопроса свидѣтелей, Эрскинъ дѣйствовалъ съ необычайнымъ искусствомъ и смѣлостію. Такъ, между прочимъ, при допросѣ одного изъ бывшихъ членовъ *Correspondent Society*, онъ принялъ слѣдующую систему:

Эрскинъ. Имѣли ли вы при поступленіи въ Общество какое-либо помятіе объ умыслахъ его противъ короля и палаты лордовъ?

Свидѣтель. Ни малѣйшаго, никогда.

Эрскинъ. Я спрашиваю васъ передъ Богомъ, которому вы будете отвѣчать, имѣли ли вы мысль объ умерщвленіи короля и членовъ палаты лордовъ?

Свидѣтель. Сохрани меня Богъ!

Эрскинъ. Не знаете ли, не имѣлъ ли кто-либо изъ другихъ членовъ Общества подобнаго замысла? Не могли ли вы вывести подобное предположеніе изъ чьихъ-либо словъ или дѣйствій?

Свидѣтель. Никогда.

Эрскинъ. Имѣете ли вы поводъ думать, что еси при первоначальномъ образованіи Общества не было никакой преступной цѣли, то члены его въ послѣдствіи задумали эту цѣль?

Свидѣтель. Никогда.

¹ Центральныи уголовный судъ города Лондона (City).

Допросъ свидѣтелей и дѣйствія преслѣдователей преступленія окончились 31-го октября въ два часа по полудни. Затѣмъ очередь была за Эрскиномъ. Утомленный четырехдневнымъ процессомъ и постоянно напряженнымъ вниманіемъ, онъ просилъ главнаго судью дозволить ему отложить защитительную рѣчь до слѣдующаго утра. Судья долго не соглашался исполнить это, находя желаніе адвоката противнымъ правилу и обременительнымъ для присяжныхъ. Наконецъ, по убѣдительной просьбѣ самихъ присяжныхъ, дѣло было отложено до слѣдующаго дня.

1-го ноября утромъ Эрскинъ началъ свою рѣчь и говорилъ въ продолженіе семи часовъ, и однакоже рѣчь его показалась очень короткою его слушателямъ. Чтобы оцѣнить ее, равно какъ и прежнія его рѣчи, необходимо прочесть ихъ систематически и въ полномъ объемѣ. Тѣмъ не менѣе біографія величайшаго изъ англійскихъ адвокатовъ была бы слѣшкомъ не полна, еслибы не разказать здѣсь процессъ Гарди хоть въ самомъ краткомъ видѣ.

Въ началѣ рѣчи, Эрскинъ выразилъ прежде всего свое благоговѣніе предъ англійскою конституціей, убѣждая присяжныхъ судить поступокъ Гарди по точному и строгому ея смыслу. Онъ просилъ присяжныхъ дать законное опредѣленіе поступку Гарди, то-есть обозначить его уголовный характеръ.

„Я протестую, продолжалъ онъ, противъ всѣхъ спекулятивныхъ соображеній о послѣдствіяхъ, когда законъ велитъ намъ лишь судить о намѣреніяхъ. Молю Бога, да озаритъ Онъ вашу совѣсть и вашъ разумъ свѣтомъ истины, для того чтобы вы могли найти дорогу въ лабиринтъ излагаемыхъ передъ вами фактовъ. Несчастный человѣкъ, невинность котораго я защищаю, обвиняется въ государственномъ преступленіи по доказательствамъ, которыя не только противны основнымъ законамъ страны, но и совершенно нелѣпы; по доказательствамъ, которыя были излагаемы въ теченіи четырехъ дней, и которыхъ ни вы, ни я, при всемъ вниманіи, понять не можемъ; по разнорѣчивымъ показаніямъ тысячи разныхъ лицъ, по тысячѣ разныхъ предметовъ, мы не можемъ даже вывести заключеніе, какія именно дѣйствія остаются въ вину подсудимому. Господа присяжные, я дрожу отъ собственной отваги при мысли, что защищаю жизнь человѣка обвиняемаго въ дѣйствіяхъ, которыхъ никто

понять не въ состояніи. Но будемъ ли мы обдумывать ихъ годъ или день, существенный вопросъ все одинъ и тотъ же: виновенъ ли Гарди въ намѣреніи умертвить короля? Если вы можете утвердительно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи доказательствъ, вы обязаны произнести такой приговоръ, и можете съ спокойною совѣстію возвратиться къ своимъ семействамъ, хотя вслѣдствіе вашего рѣшенія несчастный, который ему подвергнется, никогда уже не возвратится къ своему. Увы, господа присяжные, что я говорю? У него уже нѣтъ семейства; его жена умерла отъ ужаса при мысли о драмѣ, при которой мы теперь присутствуемъ. Но оставимъ это грустное воспоминаніе, оно не должно имѣть на васъ никакого вліянія, вы обязаны рѣшить дѣло по смыслу присяги. Я не желаю, чтобы подъ впечатлѣніемъ жалости вы впали въ клятвенное преступленіе, но мое увлеченіе можетъ быть прощено мнѣ: оно происходитъ отъ слабости всѣмъ намъ общей. Мое участіе къ подсудимому происходитъ изъ эгоистическаго чувства, врожденнаго человѣческому сердцу. Я адвокатъ за самого себя. Я ходатайствую за безопасность собственной жизни, за жизнь моихъ дѣтей, за свободу моего отечества.“

Затѣмъ Эрскинъ доказывалъ, что преслѣдуемая общества приняла только тѣ начала, которыя были уже заявлены лордомъ Чатамомъ, герцогомъ Ричмондомъ и другими извѣстными преобразователями, не возбудившими противъ себя ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ напомнилъ присяжнымъ, что самъ первый министръ Питтъ былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ реформаторовъ и первый подалъ примѣръ, подражаніе которому теперь ставится въ вину подсудимому. Что же касается до нѣкоторыхъ сочувствій изъявленныхъ этими обществами къ французскимъ переворотамъ, то Эрскинъ указывалъ на вмѣшательство европейскихъ государей во внутреннія дѣла Франціи.

„Пора, говорилъ онъ, признать за каждымъ народомъ право устраиваться по собственному желанію. Многія изъ убѣжденій, которыя ставятся въ вину подсудимымъ, я раздѣляю и буду стараться распространять ихъ до конца жизни, предоставляя государственнымъ соглядатаямъ слѣдить за моими дѣйствіями. Я буду говорить вездѣ безъ боязни, и скажу въ этомъ судѣ, гдѣ я теперь стою, что всякая попытка къ деспотическому вмѣшательству въ политическія дѣла другаго народа, всякая попытка противъ

той формы правленія, которая избрана этимъ народомъ, несмотря на то хороша ли она или дурна, есть наглое приписаніе и испроверженіе естественныхъ правъ человѣка. Хотя бы правительство Англіи и одобряло подобную систему вѣдѣтельности, я все-таки счелъ бы своимъ долгомъ выражать вездѣ и всегда мое отвращеніе отъ такой политики. Если допустить вѣдѣтельность монарховъ континента во внутреннія дѣла Франціи, гдѣ будетъ предѣлъ ихъ деспотизму? Кто поручится, что ихъ честолюбіе не пойдетъ искать добычи въ другой странѣ? Если отвергнемъ право каждаго народа на самоуправленіе, какимъ образомъ будемъ мы сопротивляться Французамъ, если они вздумаютъ силою навязывать намъ свою форму правленія? Я дорого цѣню привилегіи, за которыя борюсь; эти привилегіи не только не враждебны нашей конституціи, но необходимы для ея поддержанія. Еслибы какому-нибудь народу, вздумалось силою измѣнить правительство, основанное на нашемъ свободномъ выборѣ, я бросилъ бы всѣ эти бумаги и воротился бы къ ремеслу, которое быть-можетъ лучше разумѣю.“

Представляя затѣмъ присяжнымъ, что къ этому дѣлу прикосновенны болѣе сорока тысячъ лицъ, и что обвиненіе подсудимыхъ можетъ повлечь за собою тысячи новыхъ обвиненій, Эрскинъ угрожалъ повтореніемъ тѣхъ инквизицій и ужасовъ, которые опозорили Англію во время судьи Джефрейса. Далѣе Эрскинъ съ необычайнымъ искусствомъ доказывалъ присяжнымъ ничтожность свидѣтельскихъ показаній, ихъ взаимныя противорѣчія, отсутствіе положительныхъ фактовъ и недобросовѣстность обвинителей.

„Мое горячее желаніе, продолжалъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы мы сами не впади въ тѣ ошибки, которыя видимъ въ другихъ странахъ. Будемъ лучше слѣдовать древнимъ обычаямъ и законамъ нашихъ праотцевъ. Пусть наша судебная администрація останется чиста и могущественна. Пусть наши присяжные охраняютъ жизнь своихъ согражданъ какъ свою собственную. Позвольте мнѣ, заключилъ онъ, повторить желаніе съ котораго я началъ и которое исходитъ изъ глубины моего сердца: да поможетъ намъ Провидѣніе всегда освѣщавшее нашу страну своею благодатію, направить и укрѣпить вашу совѣсть. Съ довѣріемъ и надеждою предаю подсудимаго въ ваши руки.“

Последнія слова были произнесены такимъ слабымъ

голосомъ, что ихъ едва можно было разслышать. Утомлен-
ный душою и тѣломъ. Эрскинъ едва могъ докончить свою
рѣчь. Раздалась канка одобренія, повторившіяся по все-
му Лондону. Улицы были напоены восты народонаселе-
ніемъ столицы, и судьи нѣсколько времени не могли до-
браться до своихъ каретъ. Эрскинъ, пользуясь своею популяр-
ностію, обратился къ народу, убеждая его имѣть довѣріе къ
законамъ страны и справедливости присяжныхъ; онъ про-
силъ толпу разойтись и не прибѣгать къ насилію, утвер-
ждая, что оно можетъ лишь повредить подсудимымъ. Покор-
ная голосу любимаго адвоката, толпа скоро разошлась, и го-
родъ опять принялъ свой спокойный видъ. Послѣ судейскаго
обзора дѣла, присяжные удалились для совѣщанія, и черезъ
нѣсколько часовъ возвратились съ приговоромъ: „не виновны“.
Казалось, съ оправданіемъ Гарди всѣ соучастники его мнѣ-
маго преступленія должны были бы немедленно получить
освобожденіе отъ суда. Но правительство распорядилось иначе,
и вслѣдъ за процессомъ Гарди назначенъ былъ процессъ
Джона Тука, пользовавшагося большою популярностію по
своимъ литературнымъ трудамъ. Эрскинъ явился и его за-
щитникомъ, и присяжные, послѣ нѣсколькихъ минутъ обсу-
жденія, признали и его невиновнымъ. Вслѣдъ за Туконъ былъ
судимъ Тевель, также оправданный по настоянію Эрскина.
Тѣмъ заключилось преслѣдованіе помянутыхъ обществъ, и
всѣ остальные, прикосновенныя къ этому дѣлу, лица, полу-
чили немедленно свободу.

Торжеству Эрскина не было предѣловъ. Послѣ процесса
Тевеля, кончившагося въ двѣнадцать часовъ ночи, лошадей
его экипажа отпрягли, и донесли его домой на рукахъ, при
яркомъ освѣщеніи факеловъ. Прощаясь съ народомъ, Эр-
скинъ сказалъ:

„Гонимая невинность ограждена британскими присяжны-
ми, и я увѣренъ, что вы разоидетесь съ миромъ.“

Портреты и бюсты Эрскина стали продаваться тысячами
по всѣмъ концамъ Англіи. Утомленный неусыпною дѣятель-
ностію, Эрскинъ, по окончаніи государственныхъ процессовъ,
отправился въ свою родину, на берега Клайда, и тамъ въ
теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наслаждался спокойствіемъ
сельской жизни.

Въ 1795 году Эрскинъ опять является на политическомъ
поприщѣ. Онъ произвелъ въ нижней палатѣ сильное

значительнѣе рѣчью, направленною противъ била о прекращеніи дѣйствія *habeas corpus* (*Habeas Corpus Suspension Act*).

Постоянный сподвижникъ виговъ, Эрскинъ дѣйствовалъ заодно съ Фоксомъ и другими вождями этой партіи. Въ 1797 году онъ произнесъ съ большимъ успѣхомъ рѣчь въ подкрѣпленіе била о парламентской реформѣ, а въ послѣдствіи еще нѣсколько рѣчей, не отличававшихся особеннымъ краснорѣчіемъ, но исполненныхъ здраваго смысла и опытности. На поприщѣ адвокатуры Эрскинъ продолжалъ пожирать лавры, и въ 1800 году опять показалъ свою необычайную силу въ процессѣ по обвиненію Якова Гадфильда въ посягательствѣ на жизнь Георга III. Гадфильдъ выстрѣлилъ въ короля изъ пистолета въ Дрюри-Ленскомъ театрѣ, но выстрѣлъ, по счастью, не достигъ своей цѣли. Защитникъ подсудимаго, Эрскинъ выказалъ себя великимъ криминалистомъ. Рѣчь его была въ послѣдствіи изучаема медиками по отчетливому объясненію различныхъ видовъ помѣшательства, юристами по необыкновенно ясному опредѣленію понятія о вѣняемости преступленія и по строгой ея логикѣ, наконецъ всѣми любителями изящнаго по ея трогательному краснорѣчію.

Изложивъ въ подробности различныя теоріи величайшихъ криминалистовъ о вѣняемости и постановленія англійскаго законодательства по этому предмету, Эрскинъ перешелъ къ обстоятельствамъ жизни подсудимаго. Онъ напомнилъ присяжнымъ, что обвиняемый служилъ въ арміи, участвовалъ въ заграничныхъ походахъ и получилъ въ голову рану, которая имѣла пагубныя послѣдствія для его умственныхъ способностей. Послѣдствія эти оказались въ покушеніи на самоубійство и въ выстрѣлѣ въ короля, которому онъ былъ постоянно вѣренъ и къ которому не могъ чувствовать ничего кромѣ глубокой преданности. Самое мѣсто, избранное для совершенія преступленія, доказывало помѣшательство. Подсудимый выстрѣлилъ въ короля не изъ-за угла, и не въ потемкахъ, а при яркомъ освѣщеніи, изъ партера театра, при тысячѣ свидѣтелей; слѣдовательно, при очевидной невозможности скрыть свое дѣйствіе. Представляя, наконецъ, на усмотрѣніе присяжныхъ, что подсудимый, изъяслявшій постоянную любовь къ своимъ дѣтямъ, не задолго до того покусился на жизнь своего ребенка, спасеннаго отъ смерти матерью, Эрскинъ убѣждалъ ихъ не подвергать сумашедшаго

смертной казни. Усилія его не остались тщетны, и Гадфильдъ, заключенный въ домъ умалишенныхъ, пережилъ не только Георга III, но и всѣхъ судей, присяжныхъ и адвокатовъ, которые принимали участіе въ его процессѣ.

Въ гражданскихъ, какъ и въ уголовныхъ процессахъ, Эрскинъ обнаруживалъ глубокое пониманіе дѣла и жгучее краснорѣчіе. Онъ не имѣлъ соперниковъ ни въ Вестминстерѣ, ни въ Гильдгаллѣ, ни въ судебныхъ округахъ Англіи. Особенно отличался Эрскинъ въ гражданскихъ дѣлахъ, имѣвшихъ уголовный характеръ. По двумъ дѣламъ о разводѣ онъ коснулся вопроса нравственности и религіи съ такою силой и убѣдительностію, какихъ рѣдко достигаютъ священники въ своихъ проповѣдяхъ. Моракъ, нѣкогда говорившій проповѣди матросамъ, сталъ увлекать сердца всей Англіи. По бракоразводному дѣлу г. Тортона, Эрскинъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе изображеніемъ состоянія мужа, горячо любящаго свою жену, но подозрѣвающаго ее въ невѣрности. Представивъ разнообразныя волненія его души и лихорадочное безпокойство, возбуждаемое ревностію, Эрскинъ произнесъ знаменитый стихъ Отелло:

„Oh! what damned minutes tells he o'er
Who dotes yet doubts, suspects yet strongly loves.“

и окончилъ среди рыданій тронутыхъ слушателей.

Эта рѣчь была послѣднею изъ блистательныхъ рѣчей произнесенныхъ Эрскиномъ въ судахъ общаго закона.

На попрещъ парламентской дѣятельности Эрскинъ ознаменовалъ себя проведеніемъ закона противъ мучителей домашнихъ животныхъ. Законъ этотъ дѣйствуетъ до настоящаго времени въ полной силѣ, и вслѣдствіе того въ Англіи рѣдко можно видѣть возмутительныя сцены варварства и жестокости въ обращеніи съ лошадьми и другими домашними животными.

Въ 1802 году, Эрскинъ опять посѣтилъ Парижъ и былъ принятъ съ большимъ почетомъ тамошними адвокатами. Въ декабрѣ 1805 года, Эрскинъ имѣлъ несчастіе лишиться жены. Вскорѣ послѣ того скончался Питтъ, и Гренвиллю поручено было составить новое министерство. Самое главное затрудненіе состояло въ приисканіи лорда-канцлера. Лордъ Эленборо отказался отъ этого званія по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ; лордъ

Мансфильдъ также не хотѣлъ, осылаясь на свои преклонныя лѣта. Фоксъ указавъ Греввилю на Эрскина, Греввилю испросилъ согласіе короля. Георгъ III не любилъ Эрскина за его либеральныя убѣжденія; тѣмъ не менѣе онъ далъ свое согласіе, но оговорившись: „Помните только, что это вашъ лордъ-канцлеръ, а не мой.“

Эрскинъ принялъ предложеніе Греввиля, и 7-го февраля 1806 года, получилъ во дворцѣ, изъ рукъ короля, большую печать и жезлъ лорда-канцлера. Въ тотъ же день онъ былъ сдѣланъ перомъ Соединеннаго Королевства и получилъ титулъ барона. Но съ принятіемъ новаго званія Эрскинъ навсегда разстался съ славою и побѣдами. Съ этой поры его жизнь и дѣятельность не представляютъ никакого интереса. Одинъ изъ современниковъ великаго адвоката замѣтилъ, что для славы его было бы лучше, еслибъ онъ умеръ прежде принятія канцлерскаго званія. Это замѣчаніе, несмотря на всю свою горечь, имѣетъ довольно сильное основаніе. Во всякомъ случаѣ, продолженіе біографіи Эрскина, послѣ оставленія имъ адвокатскаго поприща, могло бы лишь повредить впечатлѣнію производимому предыдущею его дѣятельностью.

Назначеніе Эрскина лордомъ-канцлеромъ не было одобрено общественнымъ мнѣніемъ страны. Великій юристъ общаго закона (*common law*), Эрскинъ былъ совершенно неспособенъ къ исполненію должности главы судовъ *справедливости* (*equity*). Онъ никогда не практиковался въ этихъ судахъ и былъ знакомъ съ правилами этого рода судовъ не болѣе чѣмъ съ законами какого-либо иностраннаго государства. Хотя онъ и отличался необычайными способностями, но въ преклонныхъ лѣтахъ и при обширности занятій канцлерскаго званія, онъ не имѣлъ никакой возможности изучить въ системѣ и въ подробности тѣ законы, за правильнымъ примѣненіемъ которыхъ обязанъ былъ наблюдать.

Притомъ, съ принятіемъ званія канцлера, Эрскинъ лишился возможности дѣйствовать своимъ страстнымъ краснорѣчіемъ, составлявшимъ его главное достоинство на поприщѣ адвокатуры. Краснорѣчіе и живость чувства не имѣютъ никакого значенія въ канцелярскихъ судахъ, гдѣ требуется одна холодная обдуманность и глубокое знаніе дѣла. Самъ Эрскинъ не могъ не сознать своей неспособности и старался окружить себя людьми, которые своимъ спеціальнымъ образованіемъ пополняли бы недостатокъ его знанія въ области *equity*.

По оставленіи канцлерскаго званія, Эрскинъ удалился на родину, на берега Клайды, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ умеръ 17-го ноября 1823 года, на 73-мъ году отъ рожденія.

Такъ кончилъ свое поприще знаменитѣйшій изъ англійскихъ адвокатовъ. Быть-можетъ, многія поколѣнія пройдутъ прежде нежели англійская адвокатура приобрѣтетъ оратора ему равнаго. Сила Эрскина на адвокатскомъ поприщѣ тѣмъ болѣе замѣчательна, что во всякой другой сферѣ онъ не имѣлъ никакого успѣха. Онъ не имѣлъ успѣха въ парламентѣ; онъ не имѣлъ успѣха на судейскомъ креслѣ; онъ не имѣлъ успѣха какъ писатель; онъ не имѣлъ успѣха въ обществѣ: тутъ онъ совершенно ступезывался. Но передъ судомъ и присяжными Эрскинъ внезапно выросталъ и выказывалъ талантъ гениальный. Современники, въ томъ числѣ лордъ Брумъ, утверждаютъ, что онъ имѣлъ магнетическое дѣйствіе на присяжныхъ и вполне подчинялъ ихъ себѣ. По краснорѣчію, на адвокатскомъ поприщѣ, Эрскинъ стоитъ наравнѣ съ Паттомъ, Фоксомъ, Боркомъ, Шериданомъ и другими великими англійскими ораторами.

Въ частной своей жизни Эрскинъ отличался необыкновеннымъ добродушіемъ и пользовался любовью всѣхъ его окружавшихъ. Многіе обвиняютъ его въ излишнемъ честолюбіи, но какъ современники такъ и потомство единогласно отдають честь его безкорыстію и прямотѣ.

Какъ адвокатъ и какъ человѣкъ, онъ исполнялъ свой долгъ по совѣсти и убѣжденію. Разставаясь съ жизнью, Эрскинъ завѣщалъ своимъ собратамъ постоянно воевать противъ произвола сильныхъ и жертвовать своимъ личнымъ интересомъ для общей пользы. Эрскина не стало, но имя его напоминаетъ Англійскимъ адвокатамъ всю важность и достоинство ихъ призванія.

М. ЗАРУДНЫЙ.

ПОЛЬША

Предлагаемая статья заимствована нами изъ послѣдней книжки англійскаго журнала *Quarterly Review*. Авторъ статьи, пользуясь и русскими, и польскими источниками, разказываетъ исторію давней тяжбы между Россіей и Польшей. Главный интересъ статьи состоитъ именно въ томъ, что она вышла изъ-подъ пера иностранца и появилась въ одномъ изъ значительныхъ англійскихъ журналовъ, не имѣющимъ никакихъ побужденій смотрѣть на дѣло въ свѣтъ благопріятномъ для Россіи. Напротивъ, мы должны оговориться, что въ началѣ этой статьи, служащемъ какъ бы предисловіемъ къ историческому изложенію дѣла, авторъ не щадитъ системы нашего управленія и присоединяется къ общимъ толкамъ, поднявшимся противъ насъ въ настоящее время, какъ бы соглашаясь, вопреки всѣмъ такъ хорошо изложеннымъ въ его статьѣ даннымъ, будто въ нынѣшнемъ возстаніи Польши виновна одна Россія, а не тѣ притязанія, которыя авторъ такъ побѣдоносно опровергаетъ въ своей статьѣ. При всемъ безпристрастіи и основательности своего взгляда, онъ не хотѣлъ однако помѣшать той политикѣ, которой держится правительство его страны въ настоящее время. Журналъ, въ которомъ появилась эта статья, есть теперѣ журналъ оппозиціонной партіи; но такъ какъ англійское правительство, поднимая въ Европѣ польскій вопросъ, имѣетъ въ виду особыя цѣли, съ которыми соединяются многіе интересы Англій, то авторъ,

возстановляя историческую истину, тѣмъ не менѣе поддерживаетъ политику своего правительства. Всѣмъ извѣстно, что въ Англіи нисколько не заботятся о возстановленіи Польши, что ея возстановленіе было бы противно интересамъ Европы. Изъ всего того что говорилось и печаталось въ Англіи по польскому дѣлу, ясно проглядываетъ совершенное убѣжденіе въ невозможности рѣшить вопросъ польскій такъ, какъ того желаютъ возставшіе Поляки. Каждое одобрительное для Поляковъ слово собственно означаетъ только намѣреніе узавить Россію. Нарочно экзальтируется значеніе польскаго возстанія; нарочно придаются ему великіе размѣры; нарочно распадается воображеніе Поляковъ, для того только чтобъ этимъ смутить Россію, обезсилить и унижить ее, пока это нужно посреди возникшихъ затрудненій. Минаютъ эти затрудненія, кончатся и восторги посвященные разоженію польскаго національнаго чувства, и оно будетъ предоставлено самому себѣ. Сами собою прекратятся сравненія г. Лангевича съ генераломъ Гарибальди и нынѣшняго польскаго мятежа съ италіянскимъ движеніемъ, или лучше сказать, не сравненія, а превознесенія перваго надъ послѣднимъ. Особенно разительны неискренность и фальшивость этихъ превознесеній въ тѣхъ строкахъ, которыя служатъ предисловіемъ къ предлагаемой статьѣ изъ англійскаго журнала и относится къ текущимъ событіямъ. Эти странныя, впрочемъ весьма немногія, строки такъ рѣзко отдѣляются отъ смысла и направленія всей статьи и находятся съ нею въ такомъ разительномъ противорѣчій, что нельзя не подивиться безцеремонности, съ какою обманываютъ польскій патриотизмъ. Представивъ параллель между нынѣшнимъ польскимъ возстаніемъ и борьбою, которая недавно создала Италіянское королевство, авторъ статьи тотчасъ же объясняетъ смыслъ „заботливаго участія“ принимаемаго Англіей въ польскомъ дѣлѣ. „Отъ исхода этого дѣла, говоритъ авторъ, зависятъ судьбы восточной Европы. Сокрушится ли Австрія подъ давленіемъ собственныхъ недовольныхъ ею народовъ и раздвигающейся Русской имперіи? Осуществится ли или разсѣется какъ сонъ страшная мечта о нашествіи Калмыковъ на Европу, приводившая въ ужасъ даже спокойный умъ лорда Касслери, и искажавшая политику многихъ государственныхъ людей? Съ какой стороны, изъ Петербурга или изъ Аѳинъ, должно ожидать наслѣдника для великой Греческой имперіи, которая съ

каждымъ годомъ все менѣе и менѣе чувствуетъ надъ собою слабѣющую руку *больнаго чловѣка*? Вотъ немногіе изъ тѣхъ вопросовъ, на которые, можетъ-быть, отвѣтитъ намъ война....“ И этихъ немногихъ вопросовъ уже достаточно для того, чтобы усмотрѣть какой смыслъ Англія соединяетъ съ борьбою изъ-за Польши. Надобно распорядиться наслѣдіемъ „*больнаго чловѣка*“, и вотъ Поляковъ поднимаютъ на ноги. Еще разъ, послѣ многихъ опытовъ, польскіе патриоты становятся въ ряды нашихъ противниковъ въ европейской борьбѣ, еще разъ становятся они оружіемъ въ чужихъ рукахъ для постороннихъ имъ цѣлей, еще разъ измѣняютъ они Россіи въ надеждѣ попировать на ея развалинахъ... Опыты прошедшаго остались безплодны для нашихъ единоплеменниковъ; они упорствуютъ въ принятомъ ими пути, они еще разъ хотятъ попытаться на немъ счастья. Напрасно! Они еще разъ горько ошибутся въ разчетъ. Много зла могутъ они надѣлать Россіи; но зло это въ концѣ концовъ падетъ на ихъ же голову. Нѣтъ, не измѣна можетъ спасти Поляковъ, не слѣпая мечь, не возмутительные идеалы коварства и зла, созданные большимъ вдохновеніемъ польской поэзіи, не ужасныя злоупотребленія религіи: изъ всей этой бездны джи и зла не могутъ выйдти возрожденіе и жизнь. Грустная и напрасная мысль основать народную жизнь на одномъ чувствѣ мести и озлобленія! Еслибы лучшіе изъ польскихъ патриотовъ могли спокойно вникнуть въ смыслъ прошедшаго и отдать себѣ ясный отчетъ въ своихъ стремленіяхъ, они поняли бы на какую дорогу слѣдуетъ имъ выйдти, чего хотѣть, отъ чего отказаться;—они поняли бы, что не въ разрывѣ, а въ искреннемъ соединеніи съ Россіей, въ искреннемъ согласіи съ нею, могутъ они достигнуть того, чего могутъ разумно желать. Но мы поговоримъ объ этомъ послѣ. А теперь послушаемъ какъ рассказываетъ исторію нашей исторической тяжбы съ Поляками посторонній наблюдатель, поставленный текущими событіями не за насъ, а противъ насъ. Мы опускаемъ предисловіе, и беремъ статью съ того мѣста, откуда начинается самое изложеніе дѣла.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что борьба на берегахъ Вислы поглощаетъ теперь все вниманіе Европы. Наши задорные братья по ту сторону Атлантического океана совершенно

правы, надѣясь, что Польша послужитъ отводомъ для той, не совсѣмъ пріятной имъ, заботливости, съ которою европейскія націи до сихъ поръ свѣдѣли за американскою междуусобною войной.

Мы не имѣемъ намѣренія предугадывать будущія затрудненія или предсказывать исходъ борьбы, которая съ каждымъ днемъ принимаетъ новый видъ; но этотъ кризисъ имѣетъ столько же историческій, сколько и политическій характеръ. Въ немъ замѣшаны вопросы относящіеся не къ однимъ современнымъ событіямъ, но и къ фактамъ прошедшаго, и объ этихъ-то послѣднихъ мы можемъ разсуждать безъ всякой стѣснительной мысли, что главный предметъ нашихъ замѣчаній измѣнитъ свою сущность, форму и видъ, прежде нежели читатели наши прочтутъ то что мы изложили. Замѣчательнымъ доказательствомъ того значенія, которое свѣтъ приписываетъ традиціоннымъ титуламъ, служитъ то, что люди, достигшіе блестящихъ успѣховъ личною храбростію или способностями, рѣдко довольствуются такимъ основаніемъ для своего высокаго положенія. Они почти всегда требуютъ услугъ отъ исторіи, и насилуютъ ее, стараясь доказать, что власть, ими устанавливаемая, есть или воскрешеніе какого-нибудь похороненнаго права, или копія съ какого-нибудь стариннаго образца. Наполеонъ обыкновенно насмѣхался надъ этою слабостію и хвалился тѣмъ, что его первая дворянская грамота была дана ему при Монтебелло. Но когда онъ утвердилъ свою династію, то символы, связанные съ именемъ изгнанныхъ Бурбоновъ, до тѣхъ поръ казались ему опасными, пока онъ самъ не окружилъ себя еще болѣе величественными символами. Его пародія на дворъ Карла Великаго была безмолвнымъ признаніемъ прѣвосходства историческаго титула надъ всякимъ другимъ. Друзья Польши, хотя по большей части принадлежащіе къ крайней либеральной политической школѣ, чувствовали бы себя какъ-то неловко, если бы не могли предъявить какого-либо историческаго права на тѣ симпатіи, къ которымъ они взываютъ.

Потому-то теперь громко повторяются историческіе взгляды, придуманные польскими эмигрантами въ тѣ дни, когда не было свѣдущихъ возражателей. До нѣкоторой степени въ Англіи, и гораздо болѣе во Франціи, снова былъ поднятъ старый вопросъ о раздѣлѣ Польши, пущены въ ходъ старыя укорины и изобличенія въ „величайшемъ преступленіи

новѣйшихъ временъ“. Еще интереснѣе то, что насъ снова хотятъ увѣрить, будто главною виновницею, этого такъ-называемаго преступленія была Россія, будто Пруссія была только жалкою, подчиненною сообщницею, а Австрія почти ни въ чемъ не виновна и противъ воли принимала участіе въ раздѣлѣ.

Такіе взгляды на прошедшее нисколько не могутъ имѣть вліянія на тѣ интересы, которые связаны съ борьбою происходящею теперь въ Польшѣ. Каковъ бы ни былъ нашъ взглядъ на сдѣлки 1764—1795, наше мнѣніе о наборѣ произведенномъ въ Варшавѣ не измѣнилось; мы во всякомъ случаѣ можемъ указывать на нарушеніе вѣнскаго трактата системою управленія въ Польшѣ. Но искаженія исторіи, еслибы даже они могли дѣйствительно измѣнить будущую судьбу Польши, едва ли могутъ назваться законнымъ оружіемъ въ инсургекціонной войнѣ; а взглядъ на раздѣлъ Польши, настойчиво поддерживаемый ея защитниками, такъ одностороненъ, что мы считаемъ нелишнимъ подвергнуть краткому обзору обстоятельства этого дѣла.

Разсуждая о томъ, заслуживаетъ ли захватъ польскихъ областей Россіею названіе „великаго преступленія“, должно сначала опредѣлить значеніе этихъ словъ въ примѣненіи къ политическимъ сдѣлкамъ. Съ нѣкоторой точки зрѣнія, всякій захватъ земли или чего-либо другаго, пожалуй, можетъ быть названъ преступленіемъ. Если кто вздумаетъ примѣнять нравственныя правила, господствующія въ частной жизни, къ дѣйствіямъ націй, то окажется, что всякая нація присвоивающая себѣ чужую собственность нарушаетъ прямой смыслъ восьмой заповѣди, и слѣдовательно можетъ быть обвиняема въ великомъ преступленіи. Въ какой степени правила частной жизни примѣнимы къ политической—вопросъ сашкомъ обширный, и мы не будемъ разсуждать о немъ мимоходомъ. Но уже одно то обстоятельство, что нація не можетъ, подобно отдѣльному человѣку, обратиться къ какому-либо судилищу, а можетъ искать удовлетворенія только съ помощью своего оружія или оружія своихъ союзниковъ, уже одно это обстоятельство создаетъ между обоими положеніями такую разницу, предѣлы которой трудно обозначить. Во всякомъ случаѣ, если не безусловная, то по крайней мѣрѣ сравнительная оцѣнка преступности можетъ имѣть интересъ съ этой точки зрѣнія. Обвиненіе падающее

на Россію вслѣдствіе захвата польской территоріи основывалось не на той строгой нравственности, о которой мы сейчас упоминали. Люди, толкующіе о раздѣлѣ, какъ о „великомъ преступленіи новѣйшей исторіи“, разумѣютъ подъ этимъ нѣчто несравненно худшее чѣмъ обыкновенное территоріальное присоединеніе. Какъ бы мы ни думали о нравственномъ значеніи завоеваній вообще, мы должны признать, что степень виновности зависитъ отъ причинъ вызвавшихъ завоеваніе, или лучше сказать отъ тѣхъ второстепенныхъ побужденій, которыя даютъ характеръ главному побужденію, имѣющему цѣлю приращеніе власти. Самую низкую степень въ нравственной лѣстницѣ должны занять тѣ, которыя предприняты были единственно въ видахъ завоеванія. Такія предпріятія, на примѣръ, какъ захватъ Силезіи Фридрихомъ или Эльзаса Людовикомъ XIV, безъ малѣйшаго признака права, безъ всякаго предлога почерпаемаго въ симпатіи, или негодованіи, или необходимости, за которыми можно было бы скрыть свою неправоту, должны низвергнуть виновнаго въ самую глубину той сферы ада, которая отведена для завоевателей. Менѣе яркій отгѣнокъ преступленія ложится на тѣхъ, которые подобно Наполеону вызваны были на завоеванія честолюбивыми требованіями своихъ подданныхъ, и въ самомъ дѣлѣ воевали для того чтобъ отстоять свое право на существованіе. Неразборчивое чувство самосохраненія стоитъ ступенью выше добровольнаго и произвольнаго грабежа. Еще меньшая отвѣтственность падаетъ на тѣ державы, которыя завоевали обширныя земли во время усилій употребленныхъ ими для отраженія несправедливыхъ и ничѣмъ не вызванныхъ съ ихъ стороны нападений. Такой доводъ можно привести въ извиненіе большей части,—мы желали бы сказать всѣхъ,—приобрѣтеній сдѣланныхъ Англіей въ Индіи. Но побужденія наменьше преступныя изъ всѣхъ, и которыя, по общему признанію, заключаютъ въ себѣ такъ мало виновности, что государи, не стѣсняясь, приводятъ ихъ въ безусловное оправданіе своихъ поступковъ суть тѣ, въ основаніи которыхъ лежитъ или древнее право на атакуемую территорію, или сочувствіе внушаемое единствомъ народности и религіи къ страданіямъ ея жителей. Такой характеръ имѣло завоеваніе Кале—Французами, Гренады—Испанцами и въ наше время Милана—Италіянцами. Мы не хотимъ

сказать, чтобы дѣйствіе Екатерины не подлежало никакому порицанію, ни въ своемъ замыслѣ, ни въ своихъ подробностяхъ. Въ наступательныхъ войнахъ проливается не розовая вода, а та безкровная часть ихъ, которая ведется коварною дипломатіей, обыкновенно возбуждаетъ еще большее отвращеніе чѣмъ даже жестокости войны. Мы рѣшаемся только замѣтить, что въ нравственномъ отношеніи эти войны должны занять мѣсто не на днѣ, а на самомъ верху нашей классификаціи. Онѣ стоятъ на одномъ уровнѣ съ завоеваніемъ Гренады и Милана, и гораздо выше британскаго присоединенія Ауда.

Людямъ, усвоившимъ себѣ распространенный взглядъ на это дѣло, такое сравненіе покажется чистымъ парадоксомъ. Обыкновенный способъ въ обсужденіи этого вопроса состоитъ въ полномъ нехотѣннн знать никакой исторіи до XVIII столѣтія. Въ эту эпоху обѣ страны, Россія и Польша, обратили на себя вниманіе западной Европы. Одна слабая, приходящая въ упадокъ, раздираемая партіями, была добычей иностранныхъ интригъ. Другая, сильная, развивающаяся и находящаяся подъ управленіемъ государя удивительныхъ способностей, пріобрѣтала опасное первенство надъ своею слабою сосѣдкой. Въ продолженіе этого столѣтія, сильная держава вдругъ захватила большую полосу территоріи у слабой; и такъ какъ другіе сосѣды, въ то же самое время, поступили точно также, то слабая держава перестала существовать.

Разсматриваемый такимъ образомъ самъ-по-себѣ, безъ всякаго отношенія къ предшествовавшей исторіи, раздѣлъ Польши представляется почти въ тѣхъ самыхъ мрачныхъ краскахъ, въ какихъ изобразили его польскіе эмигранты. Нѣтъ ничего удивительнаго, что современная Европа, для которой польскій вопросъ былъ новостью, спокойно довольствовалась такимъ взглядомъ на дѣло. Еслибъ она наблюдала надъ взаимными отношеніями Поляковъ и Русскихъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій такъ какъ наблюдала надъ отношеніями Французовъ и Нѣмцевъ, то ей, вѣроятно, иначе представилась бы нравственный видъ этого дѣла. Тогда она увидѣла бы, что это завоеваніе было не болѣе какъ возвращеніе нѣкогда отнятыхъ у Россіи владѣній; что сдѣлки, происходившія на ея глазахъ, были только заключительною сценою долгой и обильной перипетіями драмы, и что масса жителей въ

присоединенныхъ областяхъ не только не лишилась свободы и отечества, но напротивъ вновь соединилась съ своими одноплеменниками и возвратилась къ своей собственной религию, отъ которой такъ долго отрывало ее властолюбіе польскихъ магнатовъ.

Бѣглый взглядъ на исторію обѣихъ народностей покажетъ событія 1764—95 годовъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ какъ міру стало извѣстно о Русскихъ и Полякахъ, они всегда являлись воодушевленными взаимною ненавистью, которая такъ естественна въ народностяхъ соплеменныхъ, но не тождественныхъ. Польша въ собственномъ смыслѣ,—то-есть округъ обитаемый Поляками,—находился почти весь по одну сторону Вислы на ея западномъ берегу, хотя небольшая полоса его, заключающая въ себѣ часть провинцій Мазовіи и Сандомира, простиралась и на другой берегъ. Около 1000 л. по Р. Х., когда исторія обѣихъ народовъ начинаетъ принимать опредѣленную форму, обѣ народности сосѣдствовали въ формѣ могущественныхъ монархій. Болеславъ Храбрый, въ качествѣ короля польскаго, господствовалъ надъ территоріей, въ составъ которой входило много земель принадлежащихъ теперь Германіи. Кромѣ Польши, онъ управлялъ всею восточною полосою нынѣшней Пруссіи, небольшою частью Саксоніи и большею частью сѣверныхъ владѣній нынѣшней Австрійской имперіи. Но хотя власть Болеслава распространялась такъ далеко на западъ, ей не подлежали племена чисто русскія. Русскіе около того же времени находились подъ управленіемъ Владиміра Великаго, который впервые возвелъ Русь на степень христіанскаго государства. Линію, раздѣлявшую владѣнія Владиміра и Болеслава, можно представить себѣ начинающемся около пятидесяти миль на востокъ отъ Мемеля и идущею прямо на Югъ до самыхъ Карпатскихъ горъ. Она весьма близко сходится съ тою границей, которую, восемь столѣтій спустя, Екатерина приобрѣла для Россійской имперіи передъ самою своею смертію. Единственная разница между обѣими границами состоитъ въ томъ, что прежняя на пятьдесятъ миль была выгоднѣе для Россіи нежели эта новая.

Начавшись такимъ образомъ, оба государства имѣли весьма различную участь. Россія подверглась дѣйствию двухъ разрушительныхъ причинъ, изъ которыхъ ни та, ни другая не

дѣйствовали въ той же мѣрѣ на ея соперницу. Первое зло Россіи заключалось въ ея безконечномъ раздробленіи. По смерти Владиміра, въ 1015 году, государство его распалось между его сыновьями, а въ слѣдующемъ поколѣніи дробленіе пошло еще дальше. Раздѣлъ слѣдовалъ за раздѣломъ: отъ времени до времени происходили новыя и недолговременныя сліянія отдѣльныхъ княжествъ; но Русскіе до тѣхъ поръ не обрѣли утраченнаго единства, пока ужасное бѣдствіе, во время котораго они едва избѣгли совершенной гибели, не научило ихъ дорого цѣнить это единство. Это второе бѣдствіе было нашествіе Монголовъ, устремившихся по слѣдамъ Чингисъ-хана. Эти орды, разлившись по Европѣ въ ужасающемъ множествѣ, и опустошая страны, чрезъ которыя проходили, легко подчинили своей власти истощенную внутренними раздорами Россію. Завоеванія ихъ на сѣверѣ обнимали почти все пространство до нынѣшняго С.-Петербурга, а на югѣ простирались до Кіева, и въ продолженіе двухсотъ лѣтъ иго ихъ тяготѣло надъ Русскими. Сила перваго набѣга увлекла ихъ за предѣлы Россіи, даже до самой Силезіи; но послѣ того какъ передовыя ихъ толпища были разбиты, эти варвары болѣе не проникали въ польскія владѣнія. Много времени имѣла Польша, въ продолженіе этихъ двухъ столѣтій, для того чтобы воспользоваться смутами своей сосѣдки.

Въ самомъ дѣлѣ, одною изъ важныхъ причинъ такого продолжительнаго владычества Татаръ въ Россіи, была помощь, которую Польша оказывала варварамъ. Этимъ удобнымъ случаемъ воспользовались еще другіе сосѣди Россіи, которые усилились на счетъ ея упадка. Около ста лѣтъ спустя послѣ роковыхъ раздоровъ, послѣдовавшихъ за смертью Владиміра, Литовцы, данники Руси, жившіе на берегахъ Балтійскаго моря, основали отдѣльное государство, и стали быстро отнимать у ослабленныхъ русскихъ князей одну область за другою. Они захватили Гродно, Минскъ, Полоцкъ и Смоленскъ; и не взирая на Монголовъ, перенесли свое оружіе, въ 1320 г., въ Вольты и южную Россію до самаго Кіева. Всѣ эти побѣды послужили къ выгодѣ Польши, такъ какъ въ 1386 г. обѣ короны соединились вмѣстѣ вслѣдствіе брака Ягелла, великаго князя литовскаго, съ королевою польскою, Ядвигой. Политическое соединеніе обѣихъ странъ послѣдовало со временемъ, но не тотчасъ; и слѣдствіемъ его было то, что всѣ русскія области отвѣтыя Литвою, также какъ и

захваченныя Поляками соединились подъ однимъ скипетромъ. Вслѣдствіе такого раздѣла Россіи, который Русскими той эпохи могъ бы быть названъ „величайшимъ преступленіемъ новаго времени“, вся территория, занятая хищническими державами, дѣлилась между ними, въ 1450, слѣдующимъ образомъ: Монголы занимали все пространство орошаемое Волгою и Дономъ; Поляки же, оставивъ далеко позади себя Вислу, овладѣли большою промежуточною равниною, въ 500 миль шириною, орошаемою на сѣверѣ главными рѣками: Двиной и Нѣманомъ, а на югѣ — Днѣпромъ. Заключенные между тѣмъ и другимъ народомъ, Русскіе сдѣлались ихъ плѣнниками. Тѣ изъ князей, которые еще оставались у нихъ, потеряли свою независимость, и стали вассалами если не Монголовъ, такъ Поляковъ. Они находились подъ властью народовъ чуждыхъ имъ не только по происхожденію, но и по вѣрѣ.

Къ концу XV столѣтія, судьба, въ продолженіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ не благопріятствовавшая Русскимъ, улыбулась имъ наконецъ. Настало время, когда они могли стряхнуть съ себя долговременное рабство, и начать медленный процессъ постепеннаго освобожденія. Прежде всего они начали съ Монголовъ. Небольшое Московское княжество, одинъ изъ обломковъ монархіи Владиміра, настойчиво стремилось проложить себѣ путь къ независимости. Князья его сумѣли расширить свои границы на счетъ небольшихъ сосѣднихъ удѣловъ. Въ 1477 г. могущество великаго князя Іоанна III было уже такъ велико, что внушило ему смѣлую мысль отказать въ дану Монголамъ. [Его возстаніе увѣнчалось успѣхомъ, и черезъ четыре года послѣ того послѣдній ханъ Золотой Орды погибъ въ битвѣ. Иго Монголовъ было свергнуто въ Россіи, также какъ иго ихъ единовѣрцевъ Мавровъ въ Испаніи около того же самаго времени. Освободившись отъ своихъ азіатскихъ притѣснителей, Русскіе, не теряя времени, попытались уничтожить результаты тѣхъ событій, вслѣдствіе которыхъ такая огромная масса русскаго народонаселенія обращена была въ польское подданство. Но прошло еще два столѣтія, прежде нежели опредѣлился окончательный исходъ этой борьбы. Въ продолженіе XVI столѣтія, области Смоленская, Черниговская и другія были возвращены; но русское правительство еще не довольно окрѣпло тогда, чтобъ удержать ихъ подъ своею властью. Сила его всегда заключалась въ силѣ

правителей, если же они были слабы, то національная организация не представляла ничего что могло бы восполнить этот недостаток. При Иоаннѣ III, Василіи и Иоаннѣ Грозномъ возприсоединеніе нѣсколькихъ русскихъ областей шло своимъ чередомъ, хотя и съ нѣкоторыми превратностями счастія. Цѣлыя населенія, кровно-русскія и говоряція русскимъ языкомъ, присоединялись одно за другимъ къ своему корню. Въ 1598 родъ Рюрика пресѣкъся. Борисъ Годуновъ, шурина послѣдняго царя, заставилъ избрать себя на упразднвшійся престолъ; но онъ не былъ въ состояніи приобрести то обаяніе, которымъ потомство Рюрика окружено было въ глазахъ Русскихъ. Народъ, терпѣливо сносившій жестокости Иоанна Грознаго, не переносилъ гораздо болѣе легкихъ своихъ нравій выскочки Бориса. Годъ или два страшнаго голода усилили тяготѣвшую надъ нимъ непопулярность, и не прошло пяти лѣтъ по его восшествіи на престолъ, какъ народъ былъ уже совершенно готовъ къ возстанію. Въ Польшѣ царствовалъ въ то время Сигизмундъ III, родомъ Шведъ, а по религіи восторженный католикъ-изувѣръ. Нелюбовь Русскихъ къ своему царю представляла ему, повидимому, весьма удобный случай расширить господство какъ своего новаго отечества, такъ и своей вѣры. Для исполненія этого намѣренія, онъ задумалъ такой же планъ, который за сто лѣтъ передъ тѣмъ приведенъ былъ въ исполненіе Яковомъ IV, король шотландскимъ, противъ Генриха VII, короля англійскаго. Онъ нашелъ претендента на русскій престолъ. Самозванецъ былъ сумасбродный монахъ, выгнанный изъ своего монастыря и бѣжавшій въ Польшу. Его наставили въ данной ему роли, торжественно обратили въ католическую вѣру, обязали торжественнымъ условіемъ, черезъ папскаго нунція, ввести эту вѣру въ Русское государство, женили его на дочери польскаго магната, и потомъ выдали свѣту за сына Иоанна Грознаго, Дмитрія. Онъ посланъ былъ въ Россію, вмѣстѣ съ польскою арміею, въ то время, когда нелюбовь народа къ Борису достигла крайняго предѣла. Его встрѣтили съ энтузіазмомъ; онъ безъ затрудненія разбилъ царское войско, и былъ избавленъ отъ дальнѣйшей борьбы внезапною и своевременною смертью царя, которую его недоброжелатели приписывали отравѣ.

Но когда Русскіе возвели на престолъ своего Перкина Варбека, они далеко не были удовлетворены своимъ

приобрѣтеніемъ. Лжедимитрій ввелъ польскіе обычаи въ свои празднества и приемы; жена его, Польшка, носила свой національный костюмъ, и выставяла всѣмъ на видъ свою преданность католической вѣрѣ. Скоро образовалась сильная оппозиціонная партія, и Лжедимитрій, въ тревогѣ за свое положеніе, выскочилъ изъ окна и сломалъ себѣ шею. Но король польскій, Сигизмундъ, сознавая выгоду частыхъ переворотовъ, долженствовавшихъ поглотить энергію его наслѣдственнаго врага, не упразднилъ должность претендента, хотя претендентъ и сломалъ себѣ шею. Скоро былъ найденъ новый Димитрій, такъ скоро какъ только можно было найти охотника на такое опасное предпріятіе, и отправленъ къ стѣнамъ Москвы съ новою польскою ратью. Много было битвъ, и много былъ осадъ. Польскія войска въ разныхъ мѣстахъ грабили, жгли и опустошали все не хуже татарской орды. Но черезъ нѣсколько времени королю Сигизмунду вспало на умъ, что онъ могъ бы извлечь болѣе прямыя выгоды изъ такого положенія дѣлъ, тѣмъ болѣе что новый Димитрій оказался менѣе податливымъ насчетъ католической вѣры чѣмъ его предшественникъ, и болѣе обнаруживалъ намѣреніе упрочить свое положеніе посредствомъ сближенія съ греческимъ духовенствомъ. Правда, только за годъ передъ тѣмъ, Сигизмундъ подписалъ договоръ, торжественно обѣщая не вступать въ войну съ Россіей. Но это обстоятельство не смутило его. Какъ въ интересахъ своего семейства, такъ и въ интересахъ своей религіи, онъ двинулся къ Москвѣ съ многочисленною арміею, чтобъ овладѣть русскимъ престоломъ. Впрочемъ, ради приличія, онъ согласился наконецъ замѣнить свое имя именемъ сына своего Владислава. Дворяне, находившіеся въ столицѣ, принуждены были, подъ страхомъ смерти, формально избрать Владислава на русскій престолъ. Второй Лжедимитрій былъ устраненъ, и для того, — какъ отечески замѣтилъ Сигизмундъ, — чтобъ удалить всякую возможность несогласій между собой и сыномъ, онъ снова занялъ Смоленскую и Черниговскую области, возвращенныя отъ Польши Василиемъ за 80 лѣтъ предъ тѣмъ. Родственники Сигизмунда въ Швеціи пользовались между тѣмъ какъ нельзя лучше этимъ неопѣненнымъ случаемъ. По словамъ ихъ, они пришли помогать русскому царю противъ его польскихъ враговъ, но на дѣлѣ воспользовались случаемъ, безъ малѣйшаго повода или права, присоединить къ себѣ Новгородъ и русскія

области по берегу Балтійскаго моря. Слѣдствіемъ этого было то, что Россіи совершенно запертъ былъ входъ въ это море. За избраніемъ Владислава послѣдовало нѣсколько смутныхъ годовъ. Онъ продолжалъ царствовать, по крайней мѣрѣ по имени, поддерживаемый польскою военною силой. Польскіе солдаты занимали Москву и разыгрывали въ ней сцены почти такого же характера, какъ тѣ, которыя происходили потомъ въ Варшавѣ въ слѣдующее столѣтіе. Они сначала обезоружили народонаселеніе и потомъ стали грабить по произволу, начавъ съ общественной казны. Въ продолженіе нѣкотораго времени, Москвитяне показывали большое терпѣніе, даже когда Поляки, въ пылу католическаго рвенія, стрѣляли по иконамъ греческихъ святыхъ; но наконецъ не выдержали и возстали противъ своихъ притѣснителей. Съ величайшимъ хладнокровіемъ начальникъ польскихъ войскъ отдалъ приказаніе зажечь Москву съ нѣсколькихъ концовъ. Приказъ былъ исполненъ, и городъ сгорѣлъ до тла. Все, за исключеніемъ Кремля и нѣсколькихъ церквей, обращено было въ пепель, а многочисленное населеніе, лишенное крова и имуществъ, разбрелось искать пристанищъ и убѣжищъ отъ жестокаго мартовскаго холода. Наконецъ угнетеніе сдѣлалось невыносимымъ. Жители восточной Россіи вооружились, изгнали Поляковъ изъ Москвы, и до тѣхъ поръ держали Сигизмунда въ страхѣ, пока народъ не успѣлъ избрать себѣ въ цари сына патриарха Филарета, Михаила Романова. Послѣ этого Поляки продолжали воевать еще пять лѣтъ. Наконецъ заключенъ былъ миръ на условіи, что Сигизмундъ удержитъ за собой всѣ свои завоеванія, но откажется отъ притязаній на русскую корону. Михаилъ Романовъ провозглашенъ былъ царемъ Русскимъ, и Владиславъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ мечтаній. Но прошло пятьдесятъ лѣтъ, прежде нежели Россія оправилась отъ ударовъ нанесенныхъ ей Польшею въ эпоху ея временнаго ослабленія. Не ранѣе какъ въ 1667 году, Русскіе въ состояніи были возвратить Смоленскую и Черниговскую области, которыя Сигизмундъ занялъ съ тѣмъ чтобъ устранить всякій поводъ къ раздору между собой и сыномъ. Еще позднѣе возвратила Россія дорогія ей земли, которыя Швеція, воспользовавшись тѣмъ же случаемъ одновременно съ Польшей, отняла у нея на другой границѣ.

Этотъ раздѣлъ русской территоріи между Швеціей и Польшею не является въ разглагольствіи либеральныхъ авторовъ подъ именемъ „величайшаго преступленія новыхъ временъ“. Онъ произошелъ въ столѣтіе, предшествовавшее раздѣлу Польши, и во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ нимъ. Оба совершились въ періодъ внутренней анархіи. Оба начались тѣмъ, что на престолъ страны возведенъ былъ креатура державы замышлявшей раздѣлъ, и окончились захватомъ территоріи. Оба предприняты были съ явною цѣлью содѣйствовать интересамъ религіи, равно какъ и интересамъ властолюбивой династіи. Оба заслуживаютъ упрека въ нарушеніи обязательствъ, подтвержденныхъ трактатами. Между ними есть только одна разница. Екатерина присоединила къ своей имперіи населенія одной народности и религіи; между тѣмъ, какъ Сигизмундъ присоединилъ къ своему королевству населенія чуждыя ему и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Несмотря на это, виновность дѣйствій Екатерины сдѣлалась почти политическою аксіомой, а о преступленіяхъ Сигизмунда никто не слыхивалъ. Дѣло въ томъ, что русскіе дворяне не эмигрировали за границу, чтобы расписывать въ ложныхъ краскахъ исторію своего притѣсненія въ каждой европейской столицѣ. Не было у нихъ могущественнаго духовенства, которое подъ видомъ участія къ притѣсненнымъ, оплакивало бы неудавшіяся надежды вооруженной пропаганды.

Во всякомъ случаѣ нельзя было ожидать, чтобы также и Русскіе забыли свое прошедшее, и не воспользовались его уроками. Едва не лишившись своего національнаго существованія, утративъ на цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ двѣ обширныя и богатыя свои области, благодаря религіознымъ и династическимъ замысламъ польскаго короля, Русскіе должны были принять дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей. Они горькимъ опытомъ уразумѣли значеніе избирательнаго правленія въ Польшѣ. Послѣдній изъ Ягеллоновъ умеръ въ 1572 г., и избраніе монарховъ на польскій престолъ, бывший наследственнымъ въ родѣ Ягеллоновъ, сдѣлалось предметомъ состязанія между иностранными властителями, старавшимися взять Польшу на откупъ какъ военную силу. Послѣ кратковременной интермедіи царствованія Генриха Валуа, Стефанъ Батерій, воевода трансильванскій, сталъ первымъ преемникомъ Ягеллоновъ. Слѣдствіемъ этого было то,

что Россія подверглась нападенію, и у Польши возникли затрудненія съ Турками. За Стефаномъ слѣдовалъ ярый католикъ Сигизмундъ. Слѣдствіемъ этого было то, что явился новый претендентъ на русскій престолъ, связанный клятвеннымъ обѣщаніемъ ввести въ Россіи католицизмъ. Очевидно, что для всѣхъ сосѣдей Польши стало чрезвычайно важно кѣмъ и какъ занять будетъ ея престолъ. Россія же въ особенности вынуждена была неуспѣшно наблюдать за нею въ этомъ отношеніи, такъ какъ опытъ завѣщалъ ей слишкомъ сильныя уроки, которыми она не могла пренебречь. Когда, по прошествіи пятидесяти лѣтъ смутъ и беспорядка, Русскіе возвратили завоеванныя у нихъ земли, и у нихъ снова водворился тотъ политическій миръ, которымъ они пользовались до тѣхъ поръ, пока Сигизмундъ не послалъ къ нимъ перваго Лжедмитрія,— русская дипломатія очень естественно стала принимать дѣятельное участіе въ судьбахъ польскаго престола. Весьма замѣчательнымъ обращеніемъ несправедливости, съ которою судили о взаимныхъ отношеніяхъ Польши и Россіи, служить тотъ фактъ, что послѣ всего сдѣланнаго Поляками въ Россіи, царей и царицъ изъ дома Романовыхъ громко обвиняли за ихъ вмѣшательство въ избраніе польскихъ королей. Такой упрекъ можно сдѣлать только на основаніи общаго правила, которымъ обыкновенно руководствуются либеральные авторы, то-есть на основаніи того правила чтобы не хотѣть во все знать ни польской, ни русской исторіи до Петра Великаго. Не Россія первая положила основаніе системѣ вмѣшательства въ избраніе польскихъ королей; она не прежде приняла ее, какъ подвергшись лукавому и почти смертному удару, грозившему ей именно вслѣдствіе того, что она представляла польскую военную силу въ распоряженіе другимъ. Не она также начала опасную игру въ войну съ соперничающею народностью, посредствомъ вмѣшательства въ ея престолонаслѣдіе. Борьба на такихъ основаніяхъ могла окончиться лишь разрушеніемъ и политическою смертію одной изъ спорящихъ сторонъ. Польша сама избрала оружіе для этого поединка на смерть. Она не имѣетъ права жаловаться на него теперь, единственно потому только что не сумѣла воспользоваться имъ такъ же успѣшно, какъ ея противникъ.

Дѣйствительно, со стороны Поляковъ было безуміемъ вызывать борьбу на такихъ условіяхъ. Сѣмена анархіи запали

такъ глубоко въ ихъ почву, что не нуждались въ отеческой попечительности иностранныхъ дипломатовъ. Это было блистательно доказано въ 1668 году, когда Россія изгладила послѣднiе слѣды нашествiя Сигизмунда и принудила Польшу отказаться отъ своихъ завоеванiй. Иоаннъ-Казимиръ, сынъ Сигизмунда, чувствуя глубокое отвращенiе отъ анархiи, посреди которой онъ царствовалъ, отрекся отъ престола. Польскiе магнаты, желая найдти противовѣсие возраставшему превосходству Россiи, и нѣсколько упростить свое государственное устройство для увеличенiя собственной власти, предложили избрать въ короли какого-либо знаменитаго французскаго полководца, какъ Тюреннъ или Конде. Но мелкое дворянство, большею частiю находившееся почти въ нищетѣ, высоко цѣнило систему уравнивавшую его въ политическихъ правахъ съ магнатами. Они крѣпко ухватились за свои привилегiи. Однажды имъ предложили отмѣнить „*Libertum Veto*“ на томъ основанiи, что если сеймъ не будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣхъ голосовъ, то армию, которая содержалась изъ суммъ ежегодно отпускавшихся сеймомъ, придется распустить, и отечество ихъ будетъ открыто для иностранныхъ завоевателей. Патриотическiй отвѣтъ ихъ былъ таковъ: „Пусть лучше отечество подвергается иностранному вторженiю нежели потерпѣть хотя ничтожное нарушенiе своихъ правъ.“¹ Эти права имѣли цѣнность денегъ. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что во всѣхъ послѣдующихъ выборахъ подкупы играли большую роль и оказывались чрезвычайно дѣйствительными. Поведенiе мелкаго дворянства во время избранiя преемника Иоанну-Казимиру видно изъ того, что Россiя уже тогда, въ огражденiе своихъ интересовъ, начала употреблять происки для того чтобы воспрепятствовать избранiю другаго враждебнаго ей короля. Каковы бы ни были побужденiя польскихъ дворянъ, но они положительно не хотѣли слышать о французскомъ кандидатѣ, и избрали изъ своей среды человѣка темнаго, бѣднаго, безобразнаго, по имени Михаила Корибута, который самъ удивился этому избранiю. Магнаты отказались утвердить это избранiе, и провозгласили своимъ вождемъ Иоанна Собѣскаго. Протекло нѣсколько лѣтъ анархiи. Одна сторона просила помощи у Францiи, другая у Австрiи. Въ то самое время когда Собѣсскiй, во

¹ Рюльеръ, т. I.

главъ польской арміи, спасая свое отечество отъ Турокъ, голава его была оцѣнена въ Варшавѣ законною властью. Наконецъ борьба окончилась смертью Михаила и единодушнымъ избраніемъ Собѣскаго. Но онъ былъ избранъ лишь подъ условіемъ свято сохранять „*Libertum Veto*“ и всѣ злоупотребленія польской конституціи. Царствование его было рядомъ блестящихъ подвиговъ, достойно украсившихъ царствование послѣдняго независимаго короля Польши. Но военная слава уже не могла спасти республику. Зло, причиняемое подкупнымъ партизанствомъ, въѣлось такъ глубоко, что ничья могучая рука не могла искоренить его. Одинъ изъ многихъ пороковъ конституціи заключался въ тѣхъ выгодахъ, которыя она предоставляла партіи, успѣвшей возвести своего кандидата на престолъ. Коронныя земли были чрезвычайно обширны и, по обычаю того времени, избранный король отдавалъ ихъ въ аренду главнѣйшимъ изъ своихъ партизановъ по самой низкой цѣнѣ. Счастье человѣка было упрочено, если онъ замѣтно выдавался между лицами стоявшими за одержавшаго верхъ кандидата. Система эта походила на ту, которая въ наше время дѣйствовала въ Америкѣ, и результаты были одинаковыя. Духъ партій, усиленный ярою борьбой за эти огромныя призы, совершенно загубилъ духъ патриотизма. Но Поляки подвержены были еще другому соблазну, которому американскій патриотизмъ никогда не подвергался. Вслѣдствіе храбрости польской арміи и недобросовѣстности, съ которою употребляли ее, сосѣднія державы должны были необходимо заботиться о томъ, чтобы польскій престолъ занять былъ безвреднымъ для нихъ королемъ. Слѣдовательно имъ было изъ-за чего прибѣгать къ подкупамъ. Польскіе дворяне, привыкшіе смотрѣть на выборы какъ на дѣло партій и личнаго интереса, не были такъ добродѣтельны чтобы не даваться въ соблазнъ. Слѣдствіемъ этого было то, что образовались русская, шведская, французская и австрійская партія, изъ которыхъ каждая имѣла во главѣ своей посланника представляемой ею державы. Какъ скоро образовалась и окрѣпла подобная система внутренней политики, независимость Польши пришла къ концу. Раздѣлъ уже начался, и хотя территория еще не была раздроблена, но сердца народонаселенія уже раздѣлялись. Каждые новые выборы все болѣе и болѣе обуславливались относительнымъ вліяніемъ иностранцевъ, и все менѣе и менѣе собственными интересами Польши.

По смерти Собѣскаго, избранъ былъ Фридрихъ-Августъ Саксонскій подѣ влияніемъ Россіи. Между обѣими странами заключенъ былъ тѣсный союзъ, такъ какъ 20.000 рублей изъ русской государственной казны препровождены были въ Варшаву, чтобы дать возможность королю обезпечить этою суммой согласіе своего патриотическаго сената на этотъ трактатъ. Но Петръ Великій разбитъ былъ подѣ Нарвою Карломъ XII, и естественнымъ слѣдствіемъ этого событія была перемѣна польскаго короля. Фридрихъ-Августъ былъ изгнанъ, и шведскій завоеватель возложилъ польскую корону на своего избранника, Станислава Лещинскаго. Черезъ годъ или два послѣ того, счастье войны измѣнилось: могущество Карла было совершенно сокрушено подѣ Полтавой, и необходимымъ слѣдствіемъ этого было изгнаніе Станислава и возвращеніе Фридриха Августа. Въ время своего изгнанія Станиславъ укрѣпился союзомъ съ французскимъ королемъ Лудовикомъ XV, за котораго онъ выдалъ свою дочь, и когда, въ 1732 г., соперникъ его умеръ, онъ снова заставилъ избрать себя на польскій престолъ, опираясь на ожидаемую помощь со стороны Франціи. Но кардиналъ Флери имѣлъ врожденное отвращеніе отъ войны, и ожидаемая французская помощь ограничилась появленіемъ отряда въ 3.000 человекъ, пришедшихъ слишкомъ поздно. Русская партія устроила новый сеймъ, избравшій на этотъ разъ русскаго кандидата, и Станиславъ былъ опять свергнутъ съ престола. Съ тѣхъ поръ русское господство въ Польшѣ такъ упрочилось, что уже не предпринималось никакой дальнѣйшей попытки для его ниспроверженія. Послѣдній польскій король, Станиславъ Понятовскій, назначенъ былъ императрицею Екатериною въ 1764 г., безъ всякой серіозной оппозиціи со стороны прочихъ европейскихъ державъ. Болѣе 100.000 рублей истрчено было на подкупъ патриотовъ; разказываютъ, что одинъ примасъ стоилъ 12.000 дукатовъ. Но, кромѣ этого застѣнчиваго сопротивленія, русская императрица не встрѣтила другаго препятствія для совершеннаго исполненія своей воли.

Что касается до императрицы, то по ней такое положеніе дѣлъ могло бы продолжаться сколько угодно времени. Этотъ порядокъ вещей, повидимому, не противный Полякамъ, обезпечивалъ за Россіей такую же полную власть надъ польскимъ правительствомъ, какую имѣетъ Англія надъ правительствомъ Декана въ Индіи. Онъ удовлетворялъ всѣмъ чувствамъ, какія

только могли одушевлять Русскихъ: и честолюбію, и національной гордости, и религіозной симпатіи. Онъ вполнѣ обезпечивалъ ихъ въ томъ, что могущество Польши никогда не обратится противъ нихъ, что русскія области, находившіяся подъ польскимъ игомъ, будутъ пользоваться покровительствомъ Россіи, и греческая религія не будетъ терпѣть отъ преслѣдованій, которыя въ послѣднее время сдѣлались постояннымъ правиломъ польскаго правительства. Россія не имѣла причины желать переменъ. Тогдашнее положеніе дѣлъ давало ей то, что въ послѣдующихъ сдѣлкахъ она утратила,—вліяніе, распространявшееся до границъ Силезіи и Моравіи. Планъ раздѣла задуманъ былъ не ею. Это было уже высказано не разъ. Къ концу XVI столѣтія, мысль эта родилась при австрійскомъ дворѣ. Въ половинѣ XVII столѣтія, король шведскій Карлъ XI, передъ самымъ отреченіемъ Іоанна Казимира отъ престола, возбудилъ ту же мысль, пытаясь удержать за своимъ домою, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторую долю въ управленіи Польшей. Но оба эти предложенія остались безъ послѣдствій, за неимѣніемъ достаточной поддержки. Есть плоды, которые до тѣхъ поръ считаются незрѣлыми, пока не загниютъ. Этимъ взглядомъ руководились, кажется, люди разсуждавшіе о зрѣлости Польши для раздѣла. Фридриху Великому, королю прусскому, принадлежитъ честь инициативы въ этомъ планѣ, который дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе. Даже германскими историками признано теперь, что первый раздѣлъ предложенъ былъ Екатериной принцемъ Генрихомъ Прусскимъ отъ имени брата его Фридриха, при полномъ согласіи Іосифа, императора германскаго. Въ дѣлѣ территоріальныхъ приобрѣтеній совѣсть Фридриха никогда не была слишкомъ разборчива, и ужь конечно она ни мало не угрызала его въ польскомъ вопросѣ. Присвоеніе чужой собственности было наслѣдственнымъ преданіемъ его дома. Вся исторія его королевства состояла изъ цѣлаго ряда незаконныхъ присоединеній. Оно образовалось изъ земель, захваченныхъ у другихъ народовъ и другихъ державъ, и ни у одной державы не было захвачено столько, сколько у Польши. Предшественники его были польскими вассалами. А самъ онъ распространяя предѣлы своего государства, на счетъ Австріи, совершенно свободно распоряжался Польшей, не спрашиваясь ея правительства, устроилъ тамъ вербовку для своей арміи и

фуражировку для своего комиссариата. Слѣдовательно, намѣреніе его расширить свое королевство присоединеніемъ куска польской территоріи было для него весьма обыкновеннымъ дѣломъ. Предки его поступали точно также до него; и онъ самъ сдѣлался великимъ человѣкомъ, и занялъ такое видное мѣсто въ исторіи, единственно съ помощію своего искусства въ подобныхъ предпріятіяхъ. Еслибъ ему сказали тогда, что крайніе европейскіе либералы, его собственный любимый кружокъ (coterie), поднимуть противъ него когда-нибудь такой вой негодования, за то что онъ поступилъ съ Кульмомъ такъ же какъ съ Силезіей, то онъ выслушалъ бы это конечно съ презрѣніемъ, но также и съ невыразимымъ удивленіемъ. Прусскіе историки новаго времени усмеленно старались доказать, что въ оправданіе поступковъ Фридриха можно привести „оправданіе тирана—необходимость“. Самъ же этотъ великій человѣкъ, вѣроятно, счелъ бы лишнимъ оправдываться въ томъ, на что онъ смотрѣлъ какъ на естественное призваніе своей династіи. Но еслибы наконецъ растолковали ему что именно въ его поступкахъ подвергается обвиненію, онъ былъ бы еще болѣе озадаченъ тѣмъ, что въ порядкѣ степеней „великаго преступленія“ его считаютъ меньшимъ преступникомъ нежели Екатерину.

Положеніе, принятое относительно этого вопроса двумя германскими державами, совершенно измѣнило политику Россіи. Не вмѣшивайся никакая другая держава, существованіе Польши въ такомъ зависимомъ и подчиненномъ положеніи нисколько не вредило бы интересамъ Россіи. Нельзя было бы ожидать, чтобъ она стала воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ польскія дѣла. Горькое соперничество, длившееся цѣлыя столѣтія,—событія сравнительно недавнія, доказавшія, что въ груди Поляковъ это чувство никогда не засыпало,—ужасныя оскорбленія, которыя еще не такъ давно Россія терпѣла отъ руки Поляковъ,—сотни тысячъ людей русской народности и религіи, все еще находившіеся подъ незаконнымъ владычествомъ польскихъ дворянъ,—а наконецъ совершенная анархія, въ которую погружена была Польша въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній, равно враждебная, какъ для внутренняго ея спокойствія, такъ и для соблюденія добросовѣстныхъ отношеній къ иностраннымъ державамъ,—все это вмѣстѣ не дозволяло Россіи дремать. Но до тѣхъ поръ пока она могла контролировать иностранную политику республики и сдерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ ея военныя силы, ей

почти не было никакого дѣла до внутренней администраціи этой страны. Но такое положеніе дѣла могло продолжаться лишь покуда остальные границы Польши не подвергались нападеніямъ. Вопросъ совершенно измѣнилъ свой видъ, какъ скоро двѣ сильныя военныя державы обнаружили намѣреніе раздвинуть свои границы на счетъ польской территоріи и стать въ сосѣдство съ Россіей. Развѣ только какой-нибудь государь съ характеромъ донь-Кихота, и съ воображеніемъ настолько сильнымъ чтобы приходиться въ восторгъ даже отъ правительства польскихъ дворянъ, могъ начать войну съ Пруссіей и Австріей за неприкосновенность Польши. Кто наблюдалъ за дѣйствіемъ опытовъ поддержать жизнь въ „большомъ человѣкѣ“ съ помощію иностранной гарантіи, тѣ могутъ сами судить о шансахъ успѣха или о выгодахъ такой политики. Екатерина, конечно, не была донь-Кихотомъ. Но образъ дѣйствій, принятый ею, былъ однакоже таковъ, что сами Поляки, бывшіе въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій завоевательнымъ народомъ, и преимущественно въ ущербъ Россіи, не имѣли никакого права жаловаться. Она изгладила послѣдніе слѣды польскаго владычества въ Россіи. Она возприсоединила къ главной массѣ русскаго народа тѣхъ изъ его соплеменниковъ, которые находились цѣлыя столѣтія подъ польскимъ игомъ. Она заняла находившуюся еще подъ польскимъ владычествомъ ¹ страну между Нѣманомъ и Днѣпромъ, принадлежавшую нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ монархіи Владиміра и Ярослава; но она не захватила ни одной десятины чисто польской земли. Единственные Поляки, очутившіеся подъ ея скипетромъ, были дворяне получившіе огромное количество земли изъ польскихъ завоеваній, и нѣкоторое число новыхъ выходцевъ, которые, бѣжавъ отъ строгости польскаго крѣпостнаго права, нашли пріютъ между казаками Украйны. Но гдѣ ни развѣвался русскій флагъ, масса народонаселенія была русская, языкъ былъ русскій, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ помѣстій, гдѣ владѣльцы насильно обратили народъ въ католичество, религія также вездѣ была греческая.

Не объ этомъ ли поступкѣ недавно; въ Манчестерѣ, графъ

¹ Подлякія и Холмъ, принадлежавшіе прежде Русскимъ и завоеванные Польшою, не были удержаны Екатериной. Первая отошла къ Пруссіи, а второй былъ присоединенъ къ Австріи.

Замойскій отзывался какъ „о великомъ преступленіи“? Еслибы взять и судить его отвѣченно, то и тогда нельзя было бы дать ему такой титулъ. Въ совершеніи его, конечно, могли оказаться поводы къ обвиненіямъ въ нарушеніи трактатовъ. Съ точки зрѣнія національной нравственности, можно сколько угодно разсуждать, въ какой мѣрѣ поступки одной изъ связанныхъ условіемъ сторонъ увольняютъ другую отъ принятыхъ ею на себя обязательствъ, и можно стало-быть разсуждать и о томъ, была ли освобождена Екатерина отъ своихъ обещаній соблюдать неприкосновенность Польши, несмотря на усилія господствующей въ Польшѣ партіи отдать эту страну въ руки Австріи. Но во всякомъ случаѣ, образъ дѣйствій Россіи можетъ быть названъ въ высшей степени добросовѣстнымъ въ сравненіи съ другими дѣяніями того же времени. Тутъ не было такого явнаго нарушенія трактатовъ, какъ напримѣръ захватъ Силезіи; тутъ не было и того безстыдства, которымъ отличался кровавый трактатъ Кляйва, давшій Англіи господство надъ Бенгаліей. Было бы однакожь очень узкимъ взглядомъ упустить изъ виду остальную исторію Россіи и Польши, и судить о ней по началамъ, которыхъ мы не держимся, когда рѣчь идетъ о націяхъ, болѣе извѣстныхъ намъ въ первыхъ стадіяхъ ихъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, столкновеніе это было лишь отдѣльною эпизодическою битвой въ восьмисотлѣтней войнѣ, которая еще не кончилась и до сего времени. Подобный примѣръ представляетъ собою исторія Мавровъ въ Испаніи. Въ 700 году христіянскіе Готы владѣли всею Испаніей. Но ихъ покоряютъ Мавры, и на многія столѣтія христіянскіе Готы могли называть своимъ только небольшой клочокъ своего прежняго блистательнаго царства. Отъ поколѣнія къ поколѣнію продолжается съ перемѣннымъ успѣхомъ дѣло завоеванія. Христіянское могущество ослаблено раздробленіемъ монархіи на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Наконецъ, политическія несогласія Мавровъ подають христіянамъ надежду возвратить потерянные владѣнія. Шагъ за шагомъ, съ продолжительными остановками и при весьма перемѣнномъ счастьи, христіянамъ удается возстановить свое прежнее господство, и черезъ восемьсотъ лѣтъ соединить раздробленныя владѣнія подъ властью христіянскаго монарха. Завоевателямъ осталась одна Гренадская область. Чтò сдѣлалъ тогда Фердинандъ Католическій? Примиряется ли онъ съ мыслию,

чтобъ Испанцы и христіяне подлежали иноплеменному игу, потому только что оно давно было наложено на нихъ. Счелъ ли онъ за преступленіе возвратити людей своей народности и вѣры подъ скипетръ христіанскаго государя? Дѣйствительно, Мавры безпрепятственно владѣли Гренадой въ продолженіи цѣлыхъ восьми вѣковъ. То было владычество гораздо болѣе продолжительное чѣмъ то, на которое могли ссылаться Поляки когда Екатерина взяла подъ свою власть Витебскъ и Волинію. Тѣмъ не менѣе, завоеванія Фердинанда вовсе не считались въ его время за преступленіе. То самое, что должно бы говорить съ точки зрѣнія нынѣшней теоріи въ пользу Поляковъ противъ Екатерины, говорило и въ пользу Мавровъ противъ Фердинанда. Но историки, близко знакомые съ борьбою, которой взятіе Гренады послужило только заключительнымъ актомъ, не хотятъ видѣть властолюбія и насилія въ этомъ отобраніи своего, и не рѣшаются произносить судъ надъ отдѣльнымъ эпизодомъ вѣковой борьбы. Еслибы съ такимъ же вниманіемъ изучили они и долгую борьбу между Русскими и Поляками, то не произнесли бы такого поверхностнаго сужденія надъ событіями 1773—1795. Война, въ какой бы формѣ она ни происходила, есть всегда ужасное и варварское дѣло. Она ведетъ къ убійству и грабежу; часто отдастъ она свободнаго въ зависимость, и богатаго обращаетъ въ бѣдняка; гордые и самостоятельныя народности часто осуждаетъ она на ничтожество и даже вовсе сметать съ лица земли. Но ея нравственный характеръ не измѣняется отъ ея продолжительности или непродолжительности. Она должна быть судима по однимъ и тѣмъ же правиламъ и началамъ, продолжалась ли она цѣлыя столѣтія или нѣсколько лѣтъ.

Мы не разъ указывали на религіозныя несогласія между Поляками и подчиненными имъ народностями къ востоку отъ Нѣмана и Буга, какъ на существенный элементъ борьбы. Этотъ пунктъ постоянно имѣла въ виду Екатерина. Притѣсненія, которымъ подвергались со стороны католиковъ диссиденты, то-есть не-католики, часто вызывали жалобы протестантской Пруссіи и православной Россіи. Писатели польской стороны относились обыкновенно къ этому обстоятельству съ пренебреженіемъ, на томъ основаніи, что извѣстные недостатки Екатерины не вязались въ ихъ глазахъ съ такимъ религіознымъ усердіемъ. Но такое разсужденіе вовсе не ладитъ съ дѣйствительностью. Домашнія качества Екатерины не имѣютъ

ничего общаго съ ея политическими дѣйствіями, хотя и остались не безъ вліянія на составившееся о ней сужденіе. Защитники религіи вездѣ и всегда бывали обыкновенно не прочь вознаградить себя за свое общественное усердіе болѣе либеральнымъ взглядомъ на свои домашнія обязанности. Нѣтъ надобности видѣть искреннаго крестомосца въ нынѣшнемъ императорѣ Наполеонѣ, когда онъ воюетъ за права латинскихъ монаховъ на ключъ отъ храма Гроба Господня въ Іерусалимѣ, или приписывать страстной набожности этого государя защиту папской независимости. Но чрезъ то нисколько не уменьшается его право принимать участіе во всѣхъ этихъ вопросахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда государи ратуютъ за какое-нибудь религіозное чувство, они остаются вѣрны самимъ себѣ не по отношенію къ собственнымъ ихъ убѣжденіямъ, но по отношенію къ убѣжденіямъ ихъ подданныхъ, и когда чувствованія этихъ посажденных по данному вопросу искренни и глубоки, тогда государь имѣетъ неоспоримое право выступать въ качествѣ религіознаго воителя, каковы бы ни были его собственные нравственныя правила. Какихъ бы личныхъ свойствъ ни былъ государь, онъ, обнаживъ мечъ на защиту религіи, дѣйствуетъ уже не за себя, а какъ представитель своихъ подданныхъ. Хотя бы Екатерина лично и не питала особенно горячаго усердія къ греческой вѣрѣ; однако она царствовала надъ тысячами священниковъ и милліонами простыхъ людей, взрослыхъ въ этой вѣрѣ, и не могла не сообразоваться съ ихъ чувствованіями въ дѣлѣ, которое всегда такъ могущественно движетъ народными массами. А такъ какъ она вступила на престолъ, между прочимъ, вслѣдствіе неудовольствія возбужденнаго въ духовенствѣ мѣрами ея супруга, то она особенно должна была знать цѣну ихъ политической поддержки.

Вмѣшательство Екатерины въ пользу польскихъ диссидентовъ развѣ только въ томъ случаѣ могло бы быть подозрѣваемо въ неискренности, еслибы могло быть доказано, что жалобы этихъ диссидентовъ были несправедливы и неосновательны. Но тутъ-то и есть слабый пунктъ польскаго дѣла. Несмотря на восторженное поклоненіе со стороны европейскихъ либераловъ, Поляки были единственною націей, которая при полномъ торжествѣ новѣйшей цивилизаціи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, отказалась отъ прежней своей вѣротерпимости и ударилась въ религіозное преслѣдованіе.

Не совсѣмъ ясна причина этого страннаго возвращенія ко злу, отъ котораго бóльшая часть другихъ народовъ Европы такъ энергически освобождалась. Отчасти надобно приписать это неразумной ревности Сигизмунда Шведекаго, отчасти прозелитизму іезуитовъ, а болѣе всего раздраженію партій, которое дѣлало польскихъ пановъ съ каждымъ годомъ все нетерпимѣе и буйнѣе. Но какова бы ни была причина, дѣйствіе ея было во всякомъ случаѣ значительное. Собственно въ Польшѣ и въ западныхъ провинціяхъ республики, измѣненіе политики главнѣйшимъ образомъ отозвалось на протестантахъ. Въ началѣ XVII столѣтія Сигизмундъ началъ съ того, что отнялъ у иновѣрцевъ право занимать государственныя должности или засѣдать въ сенатѣ, и это распоряженіе, въ странѣ гдѣ вообще дѣйствіе закона было ничтожно, равнялось совершенному лишенію покровительства законовъ. Противъ нихъ разжигали чернь. Одни иновѣрцы были совсѣмъ изгнаны изъ страны; другіе лишены своихъ храмовъ. Преслѣдованіе не ограничивалось стѣсненіемъ вѣроисповѣданія диссидентовъ. Обычай истреблять религіозныя несогласія посредствомъ избіенія сектантовъ перешелъ даже и въ XVIII столѣтіе. Въ 1687 г. мы снова встрѣчаемъ примѣры сожженія на кострѣ за религіозныя заблужденія, и даже не далѣе какъ въ 1714 г. одинъ изъ судей въ Торкѣ былъ казненъ за свои протестантскія убѣжденія. Въ восточныхъ областяхъ Польши приходилось страдать Русскимъ православнаго исповѣданія. Ненависть Поляковъ къ греко-россійской вѣрѣ, безъ сомнѣнія, усиливалась и отъ политическихъ причинъ. Война ихъ противъ Россіи въ 1610 была главнѣйшимъ образомъ войною прозелитизма, и не могла оставить по себѣ дружелюбнаго чувства къ вѣроисповѣданію, поколебать которое никакія усилія не были въ состояніи. Естественнымъ послѣдствіемъ этой войны было преслѣдованіе украинскіхъ казаковъ. Жестокости въ Украйнѣ совершались, какъ говорилось, съ цѣлью привести народъ къ открытому возстанію, прежде чѣмъ общее неудовольствіе разрастется такъ широко, что его не легко было бы подавить. Издавъ былъ законъ, разомъ обращавшій въ рабство все украинское казачество. Священниковъ, которые отказывались признать главенство папы, заточали въ темницы, храмы отнимались у „схизматиковъ“ и отдавались католикамъ. Священные останки многихъ поколѣній,

покоившіеся въ церковныхъ оградахъ, святотатственно выбрасывались вонъ. Даже суды не были свободны отъ этого преобладающаго вліянія и дѣйствовали, по словамъ историка, *instinctu Reverendorum Patrum Societatis Jesu*. Планъ удался какъ нельзя болѣе. Выведенные изъ терпѣнія насміемъ и оскорбленіями, казаки возстали. Нѣкоторое время, подъ предводительствомъ героя Сулимы, они блистательно выдерживали борьбу противъ Поляковъ, подобно тому какъ теперь выдерживаютъ сами Поляки борьбу противъ преобладающей силы казаковъ. Но ихъ отважныя шапки, безъ дисциплины и порядочнаго вооруженія, не могли устоять противъ хорошо устроеннаго и все еще храбраго польскаго войска. Возстаніе было кровавымъ образомъ подавлено. Сулима былъ взятъ въ плѣнъ, и его живаго посадили на колъ; его ближайшіе помощники стали жертвами такого же варварства, и на время „порядокъ былъ восстановленъ“ на Украинѣ. Въ остальные годы XVII столѣтія непрерывно продолжалась такая евангелизація еретиковъ. Непрерывны и громки были жалобы русскаго населенія, даже высшихъ его классовъ, на притѣсненія, которымъ подвергалась ихъ религія. Воззваніе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ при Хмельницкомъ, въ 1658, ясно доказываетъ, что бѣдствія греческой церкви были сильно воспаляющимъ возбужденіемъ. Хотя послѣ этого послѣдняго великаго возстанія нѣтъ ужъ явнаго и открытаго притѣсненія казаковъ, тѣмъ не менѣе диссиденты все-таки подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ и считались анти-національною партіей. Усилія польскихъ землевладельцевъ обратить своихъ русскихъ подданныхъ въ католическую вѣру не разъ возобновлялись въ эпоху предшествовавшую раздѣлу Польши, и вызывались, безъ сомнѣнія, подобно энергическому вмѣшательству Екатерины, не пыломъ религіознаго увлеченія, а очень естественными политическими побужденіями. Послѣдствіемъ этого было то, что присоединился новый зловредный элементъ къ тѣмъ внутреннимъ раздорамъ, которые ускорили паденіе республики. Вслѣдъ за двумя вѣками преслѣдованія вѣрноподданничество диссидентовъ стало весьма сомнительнымъ качествомъ. Они прямо обратились къ Россіи и Пруссіи за помощью противъ ихъ католическихъ угнетателей. Когда Екатерина поддерживала послѣдняго польскаго короля, Понятовскаго, конфедераціи диссидентовъ явно стали на ея сторону. Въ его царствованіе, два отдѣль-

ныя возстанія крестьянъ православнаго вѣроисповѣданія способствовали разложенію республики и замѣчательны были въ томъ отношеніи, что служили единственнымъ проявленіемъ чувствъ и убѣжденій крестьянства въ ту пору, когда пало его такъ-называемое отечество. Когда въ послѣдствіи дошло дѣло до раздѣла, ни одна рука изъ низшихъ классовъ тѣхъ областей, которыя присоединены были къ Россіи, не поднялась въ защиту Польши.

Дѣйствія Екатерины могутъ быть, сколько намъ кажется, совершенно оправданы. Общность религіи, которая всегда оправдывала завоеванія въ прежнія времена; общность національности, которая въ новѣйшее время признается достаточною причиною для самой кровавой войны и самаго явнаго нарушенія трактатовъ; давность владѣнія, которая во всѣ времена считалась по крайней мѣрѣ извинительнымъ поводомъ къ войнѣ; необходимость усилить свои границы и противостать чрезмѣрному усиленію своихъ могущественныхъ сосѣдей, что тоже не безызвѣстно выѣшней европейской политикѣ:—все говорить въ пользу присоединенія къ Россіи областей, отнятыхъ Екатериною у стариннаго врага ея монархіи. Все что можетъ быть приведено въ пользу завоеванія Гренады Испанцами, Ломбардіи Италианцами, или Савоиіи выѣшнимъ императоромъ Французовъ, можетъ быть съ такою же справедливостію приведено и въ пользу того завоеванія, которое Европа почему-то привыкла называть „великимъ преступленіемъ нашего времени“.

Мы изложили причины, оправдывающія, по нашему мнѣнію, дѣйствія императрицы Екатерины: скажемъ нѣсколько словъ и объ ея соучастникахъ въ раздѣлѣ Польши. Оправдать ихъ не такъ легко. Фонъ-Зибель принялъ на себя защиту Пруссіи, и исполнилъ это съ обычною ясностію и энергіей. Но онъ не многое можетъ сказать въ пользу прусскихъ государей. Онъ допускаетъ, что раздѣлъ Польши былъ дѣломъ не Екатерининской политики, и что на рѣшеніе императрицы сильно вліяли вѣнскій и берлинскій кабинеты; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что не настаивавшія германскія державы на раздѣлѣ Польши, границы Польши стали бы въ сущности границами Россіи, такъ какъ вліяніе Екатерины на польское правительство было чрезвычайно велико. Слова эти доказываютъ, что, по мнѣнію г. фонъ-Зибеля, позволительно и законно вооруженнымъ нападеніемъ на сосѣднее государство

противодѣйствовать иноземному въ немъ вліянію. Такой взглядъ трудно возвести въ законъ международнаго права. Тѣмъ не менѣе, за нимъ нельзя не признать нѣкоторой основательности, если только политическое равновѣсіе не пустая фраза. Сильное и постоянное политическое вліяніе равняется маскированному завоеванію. Изъ этого неоспоримаго факта проистекаетъ и постоянная томительная забота великихъ европейскихъ державъ устранять одна другую отъ престоловъ Бельгіи и Греціи. На томъ же началѣ основаны и представленія западныхъ державъ Австріи противъ тайныхъ договоровъ, въ силу которыхъ она держала подъ своимъ вліяніемъ небольшія италіянскія государства. Изъ этого слѣдуетъ, что если для поддержанія политическаго равновѣсія, завоеваніе можетъ быть остановлено завоеваніемъ, то и противъ политическаго вліянія, если оно достигаетъ размѣровъ завоеванія, можно тоже дѣйствовать завоеваніемъ. Дѣло въ томъ, что при столь заботливо уравновѣшенной системѣ европейскихъ державъ, каждое государство заинтересовано независимостью своего сосѣда и имѣетъ право заботиться объ этомъ. Право это такъ тѣсно связано съ самыми жизненными интересами сосѣднихъ державъ, что онѣ не могутъ оставлять безъ вниманія тѣ перемѣны въ обстоятельствахъ, которыя сколько-нибудь угрожаютъ этой независимости. Если, вслѣдствіе внутренняго разложенія, независимость даннаго государства стала невозможна, то сосѣднія державы не могутъ изъ деликатности смотрѣть сквозь пальцы на этотъ фактъ. Онѣ должны, ради собственной безопасности, принять мѣры, чтобъ это государство, если ужъ должно оно подпасть подъ чье-либо вліяніе, подпало подъ общее вліяніе всѣхъ этихъ сосѣднихъ державъ. Онѣ должны достигнуть этого или посредствомъ совокупной дипломатической опеки черезъ посланниковъ, какъ въ Константинополь, или посредствомъ раздѣла. Безспорно, что и тотъ и другой образъ дѣйствій равно несовмѣстимы съ внутреннею народною жизнію этого опекаемаго или раздѣляемаго государства. Притомъ, нельзя сказать и того, чтобы на примѣръ положеніе дѣлъ въ Турціи, дѣйствительно, устраняло случайности войны. Да и сомнительно, чтобы такой порядокъ вещей былъ возможенъ относительно народа, не одареннаго свойствомъ восточнаго раболѣпства. Но въ видахъ самосохраненія, сосѣднія державы должны непременно принять ту или другую мѣру

въ отношеніи къ государству, которое стало беззащитною жертвой анархіи и безпорядковъ.

Нѣтъ спора, что Польша находилась именно въ такомъ безвыходномъ положеніи. Даже по смерти Сигизмунда, полтораста лѣтъ тому назадъ, анархія стала тамъ совершенно нормальнымъ состояніемъ. Конституція не могла дѣйствовать ни одною своею частью. Всѣ должности были продажныя, и возвращались лихою потраченную на приобрѣтеніе ихъ сумму. Не было исходительной власти, которая могла бы, какъ во Франціи, исправлять зло посредствомъ корпораціи администраторовъ, непосредственно зависящихъ отъ короны. Армія находилась подъ командой генераловъ, которыхъ нельзя было смѣстить королевскою властью. Она содержалась на счетъ суммъ, ежегодно вотируемыхъ сеймомъ; но этотъ послѣдній могъ управлять дѣлами только тогда, когда патриотизмъ всѣхъ его членовъ былъ достаточно силенъ чтобы предупредить какое-нибудь одиночное *вето*, могущее разомъ и въ одно мгновеніе положить конецъ всякому рѣшенію. Правда, депутату, произнесшему это роковое слово, часто приходилось платиться за него жизнью, если только онъ не успѣвалъ скрыться; дѣйствіе этого слова не было, однако, оттого менѣе дѣйствительно и неотвратимо. Съ усиленіемъ антагонизма увеличивалась и безпорядочность въ исполненіи этой сеймовой прерогативы, такъ что армія часто цѣлые мѣсяцы оставалась рѣшительно безъ жалованія. Нужно было прибѣгать къ многоразличнымъ средствамъ, чтобы поддержать единодушіе въ сеймѣ. Случалось, что паны облагали въ значительныхъ силахъ Варшаву и грозили упорнымъ спорщикамъ; случалось, что и сама армія располагалась лагеремъ подъ стѣнами города, и суммы на ея содержаніе вотиrowались, такъ-сказать, подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ. Однажды король оставилъ сеймъ безъ пищи, пока члены его не сошлись на единодушномъ рѣшеніи. Позже забота о единогласіи сеймовыхъ рѣшеній досталась на долю русскимъ посланникамъ, которые обыкновенно дѣйствовали подкупомъ, а въ экстренныхъ случаяхъ прибѣгали къ угрозѣ. Всѣ эти сдѣлки совершенно немислимы въ благоустроенномъ государствѣ, и еслибъ у пановъ было побольше патриотизма и благоразумія, эти злоупотребленія были бы непременно искоренены. Впрочемъ, недостатки эти совершенно ничтожны въ сравненіи съ другимъ великимъ препятствіемъ

ко всякой реформѣ, съ *конфедерациями*. Ихъ справедливо называютъ узаконеннымъ возмущеніемъ. Когда что-либо въ дѣйствіяхъ сейма или короля не нравилось болѣе или мѣнѣе значительному числу лицъ, то они имѣли право свободно собираться вооруженными партіями и поддерживать силою мечъ свое мнѣніе. Если они одерживали верхъ, непріятный имъ законъ или выборъ отменялись; если же терпѣли пораженіе, то съ ними вовсе не поступали какъ съ измѣнниками, и ихъ поступки вовсе не признавали непатріотическими. Среди впечатлительной націи, не легко сдерживаемой въ своихъ порывахъ, такое злоупотребленіе, разъ пустивъ корни, разрасталось въ громадныхъ размѣрахъ. Конфедерации скоро стали обыкновеннымъ средствомъ недовольнаго меньшинства. Въ каждую сколько-нибудь критическую минуту польской исторіи непремѣнно появлялась одна или нѣсколько такихъ конфедераций. Всякая иностранная держава, если только хотѣла, всегда могла образовать конфедерацию въ свою пользу. Всевозможные политическіе вопросы, относительныя достоинства кандидатовъ на польскій престолъ, жалобы диссидентовъ противъ католиковъ, предложенія реформеровъ, притязанія реакціонеровъ, обыкновенно рѣшались не судебнымъ или законодательнымъ порядкомъ, а именно этою систематическою, гражданскою войною. Лучшимъ доказательствомъ совершенной непрактичности убѣжденій Жанъ-Жака Руссо служить безспорно то, что онъ во всей системѣ польскаго правительства болѣе всего восхищался этимъ учрежденіемъ. Впрочемъ, опытъ подтвердилъ то, что давно предвидѣли болѣе спокойные мыслители, и полная анархія съ необходимымъ ея послѣдствіемъ, паденіемъ свободы и независимости, была единственнымъ плодомъ этой безобразной системы политическаго устройства.

Правда, нѣкоторые изъ людей, истинно любившихъ свое отечество, прибѣгали къ чрезвычайнымъ усиліямъ, чтобъ измѣнить сколько-нибудь конституцію, прежде чѣмъ она окончательно потеряла все свое значеніе. Но ихъ патріотизмъ оказался уже несвоевременнымъ. Съ каждымъ столѣтіемъ Поляки все болѣе и болѣе погружались въ страшныя злоупотребленія, постоянно отвергая всякую мысль о реформѣ и пренебрегая указаніями на неотразимый и роковой исходъ ихъ политической сумятицы. Только уже когда пробилъ послѣдній часъ и когда уже и слѣпой могъ прямо предсказать

имъ наступавшее паденіе, Поляки согласились принять проектъ реформы. Много хвалили конституцію 1791; но она прежде всего подлежитъ тому страшному упреку, что была саяшкомъ позднимъ раскаяніемъ у двери гроба. Она была столь же бессильна предотвратитьъ расплату за грѣхи многихъ вѣковъ, какъ бессильны были позднія уступки Людовика XVI предотвратитьъ грозу французской революціи, или вынужденная конституція Франциска II остановить побѣдоносное шествіе Гарибальди на Неаполь. Но и сама эта хваленая конституція, несмотря на благовидность нѣкоторыхъ статей ея, въ сущности все-таки вела къ политической зависимости и вмѣшательству. Такова уже злосчастная судьба Польши, что даже лучшіе ея порывы были науцеными иностранныхъ интригъ. На бумагѣ, конституція 1791 была патріотическимъ усиліемъ искоренить явныя злоупотребленія, и по мнѣнію ея защитниковъ, дѣйствительно отличалась этимъ характеромъ. Но на самомъ дѣлѣ, мысль этой конституціи вышла изъ Австріи и созрѣла подъ австрійскимъ вліяніемъ. Она заключаетъ въ себѣ статьи интересныя для историковъ и филантроповъ нашего времени; но въ глазахъ современныхъ дипломатовъ главною статьею была та, въ силу которой королевская власть объявлялась наследственной, получала новое значеніе и силу, и предназначалась династіи курфирста саксонскаго, католическаго принца, преданнаго австрійской партіи и очень враждебнаго Пруссіи. Въ сущности, эта мѣра была лишь маскированной попыткой перенести вассальство Польши изъ Петербурга въ Вѣну, и достигнуть, въ ущербъ безопасности Пруссіи на будущее время, вознагражденія за потери понесенныя Австріей, благодаря Пруссіи. Едва ли можно осуждать Пруссію за то, что она отказалась уступить Австріи территорію, которая надвое разрывала ее самое. Сильно упрекали Россію и Пруссію за ихъ противодѣйствіе преобразованной конституціи 1791 года и за то что онѣ, вслѣдъ за ея принятіемъ, снова подняли вопросъ о раздѣлѣ Польши. Побужденія обѣихъ державъ были тутъ дурно поняты. Польская реформа падала совсѣмъ не на такую почву, чтобы напугать честолюбіе Екатерины и Фридриха-Вильгельма. Оба они очень хорошо понимали значеніе польскихъ сеймовъ и не могли бояться никакихъ номинальныхъ реформъ. Но приближеніе Австріи къ Днѣпру и Нетцѣ рождало дѣйствительныя опасенія, и Екате-

рина отвѣчала торговицкою конфедераціей, которая уничтожала новую конституцію, а Фридрихъ-Вильгельмъ поспѣшилъ занять области, изъ которыхъ Австрія надѣялась постоянно грозить Берлину. Въ то же время нельзя отрицать, что и Австрія находилась подъ грозою той же самой опасности, и что такого же рода защита была нужна и для нея. Когда государство уже начало разлагаться подъ вліяніемъ внутренняго броженія, трудно провести границу между преобладающимъ вліяніемъ и настоящимъ завоеваніемъ, трудно рѣшить кто изъ сосѣдей — первый виновникъ расхищенія. Но несомнѣнно, что лишь только начнетъ одинъ, остальные, по чувству самосохраненія, вынуждены послѣдовать его примѣру. Какъ только становится достовѣрнымъ, что такое-то государство должно распасться, то жизненные интересы его сосѣдей побуждаютъ ихъ принять одинаковое участіе въ дѣлѣ его территоріи.

Но это, скажутъ, старыи династическій взглядъ на вещи. Начала, на которыхъ основывается перемѣна правительства въ той или другой странѣ сообразуются теперь не съ интересами царствующихъ домовъ, которые улаживаютъ эту перемѣну, а съ желаніями самого народа, который подлежитъ такой перемѣнѣ. Интересы Пруссіи, Австріи, Россіи ничего тутъ не могли значить, говорятъ намъ, если только народъ, подлежавшій ихъ дипломатическимъ сдѣлкамъ, не желалъ перемѣны правительства. Народъ! Но что же думалъ народъ обо всемъ этомъ? Или, чтобъ ужъ коснуться самаго корня, гдѣ былъ этотъ народъ? Обыкновенно утверждаютъ, что 18 милліоновъ, населявшихъ территорію Польской республики, раздѣлены были какъ стада барановъ между тремя великими державами, несмотря на глубокую преданность народа своему прежнему правительству и сильную ненависть къ новымъ властителямъ. Таковъ очеркъ, который бойкою рукой набрасываютъ адвокаты Польши, и въ который читающій міръ привыкъ почему-то вѣрить безусловно. Но въ этомъ очеркѣ очень мало общаго съ дѣйствительностью, которую онъ думаетъ изображать. Польша, которой суждено было, вслѣдствіе внутренняго безсилія и испорченности, утратить свою независимость, состояла всего изъ какихъ-нибудь 150.000 душъ. Такова именно была, во время раздѣла, численность католическихъ пановъ и шляхты, и имъ однимъ принадлежить честь управленія анархическимъ церемониаломъ,

которому напрасно придавалось имя правительства¹. Только их національность была поправа; только их жалобы безпрестанно раздавались въ Европѣ въ минувшую половину нашего столѣтія. Тутъ не было настоящаго представительства; тутъ не было аристократіи во главѣ правительства, той аристократіи, которая раздѣляетъ чувстваванія всего народа и всегда готова поддержать ихъ. Польская нація престо состояла изъ польской шляхты. За нею были миллионы рабочихъ, которые ни разу, за исключеніемъ собственно-религіозныхъ вопросовъ, не изъявляли никакихъ убѣжденій, никакихъ стремленій по отношенію къ государственному быту. Ни одно изъ несогласій, раздиравшихъ высшіе классы, не вызвало въ крестьянахъ и тѣни сочувствія. Междоусобіе слѣдовало за междоусобіемъ; шляхта грабила своихъ сосѣдей, или сама была раззоряема ими; территоріи присоединялись и уступались, раздѣлялись и передѣлялись; но крестьянство, подъ ураганомъ этихъ политическихъ раздоровъ, оставалось столь же спокойнымъ, какъ остаются спокойными глубокія воды океана въ бурю, которая волнуется только его поверхность. Польскіе крестьяне оставались неизмѣнно спокойными и во весь этотъ бурный событіями періодъ времени, который окончился паденіемъ польской національности. За исключеніемъ двухъ религіозныхъ движеній, 1768 и 1789, возбужденныхъ, говорятъ, самою Екатериной, грубыя массы простолюдиновъ, изъ которыхъ собственно состоялъ польскій народъ, не обнаружили ни малѣйшаго признака радости или горя при всѣхъ перемѣнахъ, на которыя такъ тревожно устремлено было вниманіе просвѣщенной Европы. Послѣ этого не трудно понять паденіе Польши. Было бы совершенно непонятно, какъ могли быть приведены восемнадцать миллионовъ людей подъ иностранное иго, не обнаруживъ ни малѣйшаго сопротивленія, еслибы не тотъ фактъ, что изъ восемнадцати миллионовъ только 150 тысячъ были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Но какъ произошелъ такой страшный разладъ между высшими и низшими слоями Польши?

Либеральная симпатія, которою пользовалась въ Европѣ Польша, всегда была нѣсколько парадоксальною, такъ какъ изъ европейскихъ націй одни Поляки, въ теченіе трехъ столѣтій слѣдовавшихъ за реформаціей, шли постоянно назадъ въ дѣлѣ гражданской и политической свободы. Мы уже

¹ Лелевель, т. II. стр. 203.

указывали на возникшій у нихъ духъ нетерпимости и на развитие системы религиозныхъ преслѣдованій, замѣнившей неограниченную свободу и терпимость прежнихъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что это настроеніе было въ значительной степени врѣшшимъ и наноснымъ; но стремленіе къ водворенію рабства върасло уже совершенно на туземной почвѣ. При этомъ замѣчательно, что оно обнаружилось именно въ ту пору, когда остальные европейскія державы стали отказываться отъ него. Въ древній періодъ польской исторіи, до конца XV столѣтія, дворяне и свободные граждане имѣли очень явственное отличіе. Существовалъ огромный классъ, заключавшій въ себя большую часть рабочаго населенія и извѣстный въ законѣ подъ именемъ *кметовъ*, или *плебеовъ*; классъ этотъ былъ неблагороднаго происхожденія, но все-таки состоялъ изъ людей свободныхъ. Они доходили на крѣпостныхъ только тѣмъ, что навимая землю, платили за нее не чистыми деньгами, а извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней; за то они пользовались совершенною свободою идти куда имъ заблагоразсудится. Свобода эта строго обезпечивалась за ними закономъ. Но къ концу XV столѣтія тонъ польскаго законодательства сталъ измѣняться. Дворянство, отъ котораго и исходила законодательная власть, начало ставить плебеовъ все болѣе и болѣе въ зависимость отъ ея воли. Въ 1496 изданъ былъ статутъ, который можетъ быть названъ великою хартіей польскихъ рабовладѣльцевъ. По этому статуту, плебеи лишены были права владѣть землею и права переходить съ мѣста на мѣсто безъ разрѣшенія помѣщика. Чтобы поддержать это новое установленіе издано было нѣсколько законовъ о бѣглецахъ. Такимъ образомъ плебеи обращенъ былъ въ раба. Онъ пересталъ быть собственникомъ своего клочка земли и сталъ крѣпкимъ землѣ принадлежащей другому человѣку. При такомъ порядкѣ вещей положеніе крестьянина, не носившее однако имени рабства, было хуже чѣмъ самое рабство. Дѣйствительно, крестьянинъ обязанъ былъ оставаться на землѣ господина, а этому послѣднему предоставлено было назначать условія, на которыхъ онъ отдавалъ въ пользованіе свою землю; поэтому онъ могъ требовать отъ крестьянина столько работы, сколько ему хотѣлось, не считая себя обязаннымъ содержать его и заботиться о немъ. Были, разумѣется, благоразумные помѣщики, которые требовали отъ крестьянъ только трехъ дней

работы, предоставляла остальные четыре на ихъ собственныхъ нужды. Но съ теченіемъ времени помѣщики становились все расточительнѣе, а потому и требовательнѣе, вслѣдствіе чего крестьянину зачастую приходилось работать шесть дней на господина и только одинъ день, воскресный, на себя. Въ XVIII столѣтіи, въ послѣдній періодъ существованія Польша, число барщинныхъ дней умножено было по всѣмъ польскимъ провинціямъ. Но этимъ не кончались бѣдствія крестьянъ. Существовало еще множество мелкихъ поборовъ, которые крестьянинъ долженъ былъ отдавать изъ своихъ скудныхъ заработковъ. Довершеніемъ всего служило обязательство закупать все необходимое не иначе какъ въ лавкѣ своего господина и по тѣмъ цѣнамъ, которыя угодно ему назначить. И если, вслѣдствіе всѣхъ этихъ притѣвленій, крестьянину не чѣмъ было поддержать свое существованіе, онъ умиралъ съ голоду — въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ. Въ Литвѣ, гдѣ рабство признавалось откровеннѣе, помѣщикъ обязанъ былъ содержать своихъ крестьянъ, и по одной изъ статей Литовскаго статута опредѣлялось, съ гуманною, но вѣсколько ирландскою предусмотрительностію, что если помѣщикъ допускалъ своего крестьянина умирать съ голоду, то крестьянинъ становился свободнымъ.

Гражданское положеніе польскаго крестьянина было не лучше его общественнаго положенія. Въ началѣ XVI столѣтія постановлено было не принимать въ судѣ отъ крестьянъ никакихъ жалобъ иначе какъ съ разрѣшенія помѣщиковъ. Косвеннымъ образомъ это постановленіе ставило крестьянина въ полную зависимость отъ его господина. Но польскому дворянству мало было косвенной тираниі. Въ 1573 году, помѣщикамъ дано было право подвергать крестьянъ наказаніямъ по своему произволу. Не задолго передъ тѣмъ, вниманіе ученыхъ въ Польшѣ обращено было на римское право, и польскими законодателями овладѣла манія воспроизводить у себя его положенія. Трудно было найти теорію болѣе удобную для польскихъ рабовладѣльцевъ. Они потребовали себѣ всю власть, которою римскій гражданинъ пользовался надъ рабомъ своимъ, и эта власть была имъ дарована. Дреснеръ говорилъ въ 1607 году, что „вся та законная власть, которую древніе Римляне имѣли надъ рабами, принадлежитъ и польскимъ дворянамъ надъ плебеями“. И эта теорія не оставалась только теоріей: она доходила до самыхъ крайнихъ сво-

ихъ посаждотвій. Жизнь плебеевъ находилась въ полномъ распорядкѣ ихъ господъ. Писатель, вышедшій изъ среды самихъ господъ, горько упрекалъ ихъ за ихъ варварство, и слова его должны быть серьезно взвѣшены тѣми, которые привыкли думать, будто бы свобода пала въ Польшѣ только съ паденіемъ республики. „Изъ устъ вашихъ льется свобода, писалъ Моджевскій въ 1559, а на дѣлѣ господствуетъ у васъ варварское рабство, и жизнь человека зависитъ отъ милости или жестокосердія его господина.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ упрекаетъ польскихъ помѣщиковъ за то, что они продаютъ своихъ крестьянъ какъ скоть. Съ теченіемъ времени, законъ все менѣе и менѣе оказывалъ покровительство крестьянамъ. Умерщвление крѣпостныхъ, не только по какимъ-нибудь законнымъ основаніямъ, но и безъ всякихъ основаній, постепенно освящалось или по крайней мѣрѣ допускалось судебною властью и закономъ. Въ 1588 г., литовскимъ закономъ опредѣлена была пеня приблизительно въ десять гиней за убіеніе домашняго слуги. Въ 1651, если вѣрить авторитету Олигаровія, каждому разрѣшено было убивать раба за десять золотыхъ монетъ штрафа, а господина его могъ убить его даромъ. Этотъ фактъ знакомитъ насъ съ рыночною цѣною польскаго раба, который, какъ видно, цѣнился меньше чѣмъ теперь цѣнится негръ. Вотъ что писалъ, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, дважды изгнанный король Польши, Станиславъ Лещинскій, свидѣтельство котораго имѣетъ для насъ большое значеніе: „эти полезные люди (рабы), конечно, должны быть уважаемы, но мы едва ли дѣлаемъ различіе между ними и волами, которые пашутъ наши поля. Мы даже менѣе цадимъ ихъ чѣмъ воловъ, и часто продаемъ ихъ жестокимъ владѣльцамъ, которые обременяютъ ихъ усиленною работой, чтобы выручить заплаченную за нихъ сумму. Съ ужасомъ указываю я на статью закона, въ силу которой всякій шляхтичъ можетъ убить раба подъ страхомъ заплатить только пятнадцать франковъ.“ Даже грозившее распаденіе не образумило шляхты и не заставило ея съ бѣльшимъ уваженіемъ взирать на священнѣйшія человѣческія права и чувства. Даже въ 1781 путешественникъ Бернульи рассказываетъ, что „польскіе дворяне безнаказанно насиловали дѣвушекъ, которыя имъ нравились, и осыпали побоями тѣхъ, кто за нихъ вступался“.

Чтобы почувствовать всю глубину униженія, до котораго

польскіе дворяне довели крѣпостныхъ своихъ, нужно припомнить, что то были не негры, не другой крови люди, не люди низшей породы, привезенные изъ дикой страны, мало способные къ тонкимъ ощущеніямъ благаго человѣка. То были люди одной съ ними породы, съ случайнымъ только различіемъ въ происхожденіи, и ихъ то довели они до самаго низкаго, скотскаго состоянія, въ какомъ не находятся и негры. Имѣя въ виду эти факты, нельзя не согласиться съ слѣдующимъ сужденіемъ фонъ-Зибеля: „взвѣсивъ это взаимное отношеніе классовъ въ Польшѣ, никто не скажетъ, что польская нація была попрана актомъ раздѣла. Въ 1793 пало только безчеловѣчное владычество немногихъ надъ цѣлымъ польскимъ народомъ. Для этого послѣдняго измѣнились только повелители, и онъ остался равнодушнымъ къ перемѣнѣ, потому что даже съ русской стороны не могъ онъ ожидать большаго зла чѣмъ то, которое уже тяготѣло надъ нимъ.“

Не на такомъ прошедшемъ могутъ Поляки основывать свои надежды на сочувствіе Европы. Пусть, если имъ угодно, доводятъ они старыи свой споръ до горькаго конца и полагаютъ животъ свой въ послѣдней отчаянной битвѣ за восстановление старой Польши. Но въ этой попыткѣ они не должны разчитывать на сочувствіе Европы. Англичанъ, преданныхъ свободѣ и порядку, они не соблазнятъ воспоминаніемъ о тиранніи рабовладѣльцевъ и объ анархіи, конецъ которой положенъ Екатериною. Мало подѣйствуетъ и сказаніе о раздѣлѣ, хотя бы и дѣйствительно онъ былъ такъ тяжелъ для польскихъ дворянъ, какъ любятъ изображать это польскіе выходцы. Какъ бы ошибочно ни казалось тогда право Екатерины, оно было подтверждено послѣдующими событіями. Съ тѣхъ поръ польская шляхта снова рѣшалась испытать военное счастье. Чтобы восстановить свою независимость, или, по крайней мѣрѣ, чтобы перенести свое вассальство отъ Россіи къ Франціи, они пристали къ Наполеону въ его разрушительныхъ попыткахъ противъ независимости всѣхъ европейскихъ націй. То былъ отчаянный рискъ Поляковъ. Еслибъ онъ удался имъ, они могли получить отъ Россіи все что было потеряно ими отъ временъ Василія до Екатерины. Россія вернулась бы къ размѣрамъ и значенію полуазіятскаго княжества, а Польша, подъ могущественнымъ покровительствомъ Франціи, стала бы обширнѣйшею державой восточной Европы, съ надеждою занять со временемъ то положеніе, которое она занимала

въ средніе вѣка. Но этой минутной мечтѣ не суждено было осуществиться. Жребій войны, къ которому прибѣгли Поляки, рѣшилъ дѣло не въ ихъ пользу. Ранніе ноябрскіе морозы 1812, возвратившіе жизнь и свободу столькимъ европейскимъ народамъ, поразили смертью надежды Польши. Россія, на которую напали безъ малѣйшаго предлога и которая спасена была безпримѣрною въ исторіи преданностью ея народа, заняла, по чистѣйшему праву завоеванія, какое только можетъ быть на свѣтѣ, землю того народа, который замышлялъ ея пагубу. Герцогство Варшавское, соединившее судьбу свою съ судьбою Наполеона, раздѣлило съ нимъ и его паденіе. Александръ сталъ повелителемъ не только тѣхъ русскихъ областей, которыя взяла Екатерина, но и настоящей Польши по лѣвую сторону Вислы, и это совершилось по тому праву, которое всегда даетъ насиліе тому, противъ кого оно направлено. Поляки вѣрили мечу всѣ надежды своей національности, и они не имѣютъ никакого права жаловаться, что мечомъ рѣшена ихъ гибель.

Но съ тѣхъ поръ польское дѣло пріобрѣтаетъ силу. Какъ нація, Поляки пали въ силу самаго справедливаго возмездія за свое властолюбіе во внѣшней политикѣ, и за варварское тираническое управленіе дома. Но они не теряли своихъ правъ какъ люди. Они имѣли все право на хорошее управленіе и даже на часть потерянной ими свободы. Право это было такъ очевидно, что европейскіе уполномоченные въ Вѣнѣ не отдали его на произволь новаго государя Польши, а оградилі одну изъ статей трактата, самаго значительнаго изъ трактатовъ Европы послѣ Вестфальскаго договора. Съ самаго 1815 дурное управленіе Польши возрастало съ каждымъ годомъ¹. Рядомъ съ дурнымъ управленіемъ возрастало, разумѣется, и недовольство Поляковъ. А между тѣмъ, имъ не такъ ужъ въ самомъ дѣлѣ трудно было управлять. Самыя злоупотребленія, которыми они подвергались въ теченіе столькихъ вѣковъ, должны были облегчить задачу. Австрія сумѣла же удовлетворить Галичанъ до такой степени, что даже зараза нынѣшняго возмущенія не переступаетъ ея границу. Если этой державѣ и

¹ И однако, имѣя въ этотъ промежутокъ времени, Поляки имѣли особую либеральную конституцію и управлялись сами собою. Чего же хотятъ въ Европѣ, настаивая на возстановленіе этой самой конституціи? Ред.

не удалось совершенно умиротворить помѣщиковъ, за то хорошее управленіе крестьянами обезпечиваетъ ее отъ недовольствія, которое своими размѣрами могло бы стать опаснымъ. ¹ Даже Пруссія, управленіе которой просто карикатура административнаго педантства, успѣла убѣдить своихъ польскихъ подданныхъ, что въ ея управленіи нѣтъ еще такого зла, изъ-за котораго стоило бы рисковать открытымъ возстаніемъ. ² Поляки не были очень требовательны въ дѣлѣ правительства. Ихъ преданія не даютъ имъ никакого высокаго начала, которымъ они могли бы измѣрять дѣйствія своихъ повелителей. Именно это обстоятельство и служитъ самымъ тяжелымъ пунктомъ обвиненія противъ Россіи. Даже тираннія старой польской шляхты, которая могла бы расположить низшіе классы къ новому правительству, послужила противъ него самымъ тяжелымъ свидѣтельствомъ. Всѣ факты, которые говорили въ пользу прежней Россіи, съ какою-то роковою силою говорятъ противъ нынѣшней Россіи.

Замѣчательное единодушіе, съ которымъ всѣ участники вѣнскаго трактата, за однимъ исключеніемъ Пруссіи, сочили своею обязанностью сдѣлать свои представленія императору Александру II насчетъ его угнетенныхъ подданныхъ, раскрываетъ предъ Поляками будущее, болѣе свѣтлое чѣмъ можно было надѣяться нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но для успѣха подобнаго вмѣшательства необходимо, чтобы лица руководящія общественнымъ мнѣніемъ Европы, дѣлали строгое различіе между дѣйствительно достижимыми цѣлями и цѣлями мечтательными. Полная независимость Польши—чистѣйшая химера. Нѣтъ власти, которая даровала бы ей эту независимость, а если и допустить, что она будетъ достигнута, и Россійская имперія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ останется неприкосновенною, то нѣтъ власти, которая удержала бы за Польшей ея независимость. По-

¹ Польскіе крестьяне никогда не жаловались на русское управленіе и не возставали противъ него. Но Россія не пользовалась преданностью крестьянъ такъ какъ пользовалась ею Австрія въ Галиціи, и не польскимъ папамъ винить Россію за это. *Ред.*

² Чтò же отсюда выходитъ? Не то ли, что для удовлетворительнаго рѣшенія польскаго вопроса слѣдуетъ прежде всего поступить такъ какъ поступила Австрія и Пруссія, то-есть соединить окончательно съ Россіей принадлежащую ей часть Польши, а не давать ей особаго политическаго устройства. *Ред.*

слѣднія событія доказали, что польскія усилія столь же могутъ быть единодушны, какъ и во времена барской и радомской конфедерацій. Независимое польское королевство, еслибъ и могло оно быть возстановлено, всегда было бы игроулицемъ въ рукахъ иностранныхъ дипломатовъ. Личное честолюбіе, которое даже и въ настоящій кризисъ разъединяетъ польское оружіе, давало бы каждому посланнику возможность, въ интересъ своего двора, образовать партію въ Польшѣ. Страна управляемая подобнымъ образомъ не можетъ быть названа государствомъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Она служитъ только поприщемъ для иностранныхъ интригъ.

Лучшее, чего только можно желать для Польши, заключается въ улучшеніи ея быта подъ русскимъ управленіемъ. Очень просты и удобоисполнимы тѣ условія, на основаніи которыхъ можетъ произойти примиреніе между русскимъ государемъ и его польскими подданными. Поляки не только были утѣсняемы, но и оскорбляемы, а въ ихъ положеніи оскорбленіе труднѣе снести чѣмъ утѣсненіе. Нація, которая находится подъ чужимъ владычествомъ, всегда бываетъ особенно чувствительна относительно своей національности. Подобно раззоренному вельможѣ, она придаетъ слишкомъ большую важность внѣшней формѣ. Она постоянно требуетъ почета своему происхожденію и вѣчно стоитъ на стражѣ противъ дѣйствительныхъ, а чаще воображаемыхъ оскорбленій. Если Россія хочетъ мирно управлять Поляками, она должна уважить эту слабость, отъ которой не излѣчатъ ихъ ни какія суровыя мѣры. Вся существенная сторона власти можетъ столь же удобно выполняться польскими, какъ и русскими администраторами. Практическое, дѣйствительное единство между обѣими странами можетъ оставаться полнымъ, хотя законодательные акты и будутъ обнародоваться, а науки въ школахъ преподаваться на польскомъ языкѣ. Извѣстный характеръ Александра II порукой намъ, что уже не повторится впередъ ничто подобное послѣднему рекрутскому набору. Если же будутъ возобновлены нѣкоторыя изъ тѣхъ обезпеченій свободы, которыя заключались въ хартіи 1815, то нельзя ужь опасаться, что они будутъ снова устранены, равно какъ нельзя опасаться и того, чтобы какое-нибудь будущее русское правительство возобновило бесплодный трудъ лишать Поляковъ ихъ національности.

ОТЗЫВЫ И ЗАМѢТКИ

ЧТО НАМЪ ДѢЛАТЬ СЪ ПОЛЬШЕЙ?

Итакъ, что же намъ дѣлать съ Польшей? Обидный вопросъ! Совѣстно задавать себѣ этотъ вопросъ въ нынѣшнюю торжественную минуту, когда такъ высоко поднялся строй патриотическаго чувства на Руси.

Что намъ дѣлать съ Польшей? Посмотримъ, однакожь, что намъ дѣлать съ Польшей. Можно представить себѣ, въ видѣ предположенія, три случая, которыми исчерпывается весь этотъ вопросъ безъ остатка.

Можно дать Польшѣ нѣчто въ родѣ того чѣмъ она пользовалась съ 1815 по 1830 годъ,—особое политическое устройство, только при династическомъ соединеніи съ Россіей.

Можно вообразить себѣ отторженіе Польши, съ тѣмъ ли чтобъ она существовала какъ особое государство, или чтобъ она вошла въ составъ другихъ государствъ.

Наконецъ, представляется возможность полнаго политическаго соединенія Польскаго края съ Россіей.

Первое предположеніе было уже испытано исторіей. Это фактъ, доказывающій совершенную невозможность дать когда-либо польскому вопросу такое рѣшеніе. Этотъ прискорбный фактъ нашей исторіи является грознымъ изобличителемъ

всякой мысли о возможности дать соединенному съ Россіей владѣнію особую политическую, и тѣмъ паче привилегированную организацію. Что еще было возможно въ прежнее время, когда русское народное чувство, при всей силѣ и энергіи, было темно въ своихъ заявленіяхъ, о томъ невозможно думать въ настоящую пору, когда русскій народъ вышелъ изъ темной области одного инстинктивнаго чувства, изъ сферы безсознательнаго историческаго творчества, когда онъ уже сознаетъ свое достоинство и требуетъ себѣ чести посреди другихъ народовъ, и когда всякое оскорбленіе этого достоинства, всякое нарушеніе этой чести, отзывается въ немъ съ возрастающею энергіей, съ верху до низу, до послѣдней глубины. Всякая попытка рѣшить дѣло съ Польшей въ этомъ смыслѣ омрачила бы наше будущее, была бы виною глубокаго внутренняго упадка и не только не примирила бы Польшу съ Россіей, но подвергла бы народъ нашъ тяжкимъ испытаніямъ и бѣдствіямъ. Если бы намъ удалось какъ-нибудь уладить въ этомъ смыслѣ наши затрудненія съ Польшей, при опасности подорвать чувство нашего народнаго достоинства и отравить всѣ источники нашей обновляющейся и входящей въ силу народной жизни, то мы только отсрочили бы эти затрудненія, которыя встали бы съ новою силой и нашли бы въ насъ несравненно меньшую силу отпора; мы только съ непростительнымъ малодушіемъ промѣняли бы меньшее зло на большее. Кто не будетъ согласенъ, что лучше расплатиться съ меньшимъ долгомъ, когда у насъ больше денегъ въ рукахъ, чѣмъ потомъ расплачиваться съ увеличившимся долгомъ, при уменьшившихся орудствахъ къ расплатѣ? Кто не скажетъ, что поступить такъ значило бы готовить себѣ или ближайшимъ потомкамъ своимъ неизбѣжное банкротство?

Несчастливая комбинація, которую выманили у насъ въ 1815 году, осуждена исторіей и возвращаться къ ней невозможно. Мы не имѣемъ права передѣлывать исторію, мы не можемъ идти вспять. Кровь, пролитая въ 1830—31 годахъ, есть нѣчто powerful простаго логическаго опроверженія ошибочной мысли. Бю поплатились мы за нашъ промахъ. Кто осмѣлится сказать, что эти многія тысячи русскихъ людей навшихъ за восстановленіе расторгнутой связи между Россіей и Польшей, не тяготѣютъ надъ нами всею силой неискупимаго обязательства? Мы не можемъ, мы не смѣемъ считать эти тысячи жертвъ

безплодною жертвою несчастной ошибки, и не можемъ повторить ту же ошибку, какъ будто этихъ жертвъ вовсе не было и какъ будто русская кровь не имѣетъ въ себѣ никакой обязательной силы даже для Русскихъ. Мы не можемъ перешагнуть черезъ нее; мы не можемъ сдѣлать того, противъ чего вопіетъ она и что она намъ запрещаетъ....

Да наконецъ, что же значать эти послѣднія событія, которыя заставляютъ насъ задавать вопросъ о Польшѣ? Не служатъ ли они для насъ указаніемъ, что и малѣйшая попытка рѣшить этотъ вопросъ въ смыслѣ особаго государственнаго положенія Польши, хотя бы и подъ русскою державой, есть вопросъ жизни и смерти для Россіи. Едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи, какъ разразилась катастрофа, повергшая насъ на крайнюю степень униженія. Неужели недостаточно для насъ и этого предостереженія? Неужели и теперь, при ясномъ свѣтѣ политическаго сознанія, можемъ мы еще думать о возможности многихъ раздѣльныхъ и разнокачественныхъ государствъ подъ одною державой? Неужели и доселѣ не научились мы, что исторія поставила русскую и польскую народность въ такое отношеніе, что либо та, либо другая непременно должна отказаться отъ самостоятельнаго политическаго существованія, и что русская народность не можетъ отказаться отъ своего тысячелѣтія? Все что удержало бы за Польшей хоть тѣнь государственной отдѣльности, было бы новымъ, тяжкимъ грѣхомъ, непростительнымъ послѣ всѣхъ уроковъ исторіи.

Малѣйшее уклоненіе въ эту сторону, малѣйшій неосторожный шагъ, малѣйшая уступка въ этомъ смыслѣ, какъ бы по-видимому ни облегчала она для насъ теперешнее затрудненіе и какъ бы ни казалась намъ благопріятною, будетъ имѣть роковыя послѣдствія, и на столько же обезсилитъ насъ, на сколько усилитъ будущія неизбѣжныя и очень близкія опасности.

Должны ли мы серіозно разсуждать о неудобоисполнимости втораго, поочередно, предположенія,—предположенія о полномъ отдѣленіи Польши отъ русской державы? Не всякій можетъ быть отдастъ себѣ отчетъ, въ чемъ собственно состоитъ невозможность этого предположенія. Отдѣлить Польшу! Но какъ это сдѣлать? Такъ ли легко это сдѣлать, какъ отрѣзать лишнюю десятину отъ своего поля, особенно если она ничего кромѣ

волчцовъ и тернiевъ не производить, и отдать ее сосѣду, который удобрить ее своимъ трудомъ и промысломъ? И какъ совершить это отдѣленiе? И какъ приступить къ нему? Изъ какого побужденiя, изъ какого источника вызвать это рѣшенiе, и какое дать ему имя, и какими средствами совершить это дѣло?

Будеть ли это дѣломъ нашего безкорыстiя, великодушiя, милосердiя и иныхъ весьма похвальныхъ движенiй человѣческаго сердца? Но кто эти мы? Кто эти особы съ столь прекрасными свойствами сердца? Мы,—сколько бы насъ ни было и кто бы мы ни были,—мы можемъ чувствовать такъ или иначе, желать того или другаго, подвергаться, каждый по свойству своего темперамента, разнообразнымъ впечатлѣнiямъ, но никакiя чувствованiя, ни возвышенныя, ни низкiя, никакiе мотивы, управляющiе нравственною жизнiю человѣка и опредѣляющiе его образъ дѣйствиiй, не могутъ рѣшать вопросъ о государственной области, никакiя личныя побужденiя не имѣютъ силы дѣйствовать на то крѣпкое стигийское заклятiе, которымъ держится и запечатлѣвается государственная область. Сказать можно все обо всемъ; говорить можете чтò хотите и о государственной территорiи; въ воображенiи вашемъ можете раздвигать и сдвигать ея предѣлы сколько угодно, можете сколько угодно передѣлывать географическую карту на бумагѣ: но на дѣлѣ измѣнить предѣлы государственной области можно только одною силою, — силою меча. Циркуль чертитъ географическую карту на бумагѣ, а на землѣ чертитъ ее мечъ, и только его черта обязательна, только его черта есть граница. Государственная область есть созданiе войны, и только военная сила государства опредѣляетъ, хранить и держать ее; только сила войны можетъ нарушить и измѣнить ее. Нашими чувствованiями, какъ бы они ни были похвальны, ничего нельзя тутъ сдѣлать, точно также какъ самыми лучшими нравственными движенiями нашей души не можемъ мы ни укоротить, ни удлинить нашего носа. Война предшествуетъ гражданской жизни, и на военной силѣ покоится все зданiе государства. Чѣмъ сила эта несомнѣннѣе, тѣмъ спокойнѣе государство, тѣмъ обезпеченнѣе, богаче и независимѣе развивается гражданская жизнь внутри государства, тѣмъ рѣзче, явственнѣе и обязательнѣе пограничная черта государственной области.

Въ недавнее время, благодаря такъ-называемымъ *наполеоновскимъ идеямъ*, развилось ученіе о поголовномъ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, о такъ-называемомъ *universal suffrage*. Не одни ловкіе люди, но и люди наивные проповѣдываютъ это ученіе, и готовы видѣть въ немъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ политическихъ вопросовъ. Мы не будемъ указывать на грубые обманъ, которые сопровождаютъ совершеніе этого таинства на практикѣ; мы укажемъ только на грубость того механическаго воззрѣнія, которое полагается въ основаніе этому ученію. Народъ не стадо головъ и не сумма голосовъ; онъ также не въ однихъ только нынѣ живущихъ людяхъ. Въ народѣ живетъ его прошедшее, въ народѣ живетъ его будущее. Не въ случайномъ настроеніи, хотя бы милліоновъ людей живущихъ на территоріи государства, не въ суммѣ праздныхъ *да* или *нѣтъ*, какъ бы ни была она громадна, заключается судьба государственной области, а въ той дѣйствительной силѣ, которая опредѣляетъ и держитъ ее. Государство или народъ уступаетъ часть своей территоріи не потому что его жителямъ заблагоразсудилось принести такую жертву, а потому что не достало силы удержать границы своей области. Крѣпка эта сила, и она держитъ всю свою область; ослабѣетъ она, и это сейчасъ окажется разложеніемъ ея области, отторженіемъ ея частей и нападеніями сосѣдей. Въ чемъ бы ни ослабѣла сила народа и крѣпость государства, это ослабленіе сейчасъ же обнаружится въ колебаніи государственнаго состава. И на оборотъ, коль скоро подвергаются опасности границы государства, коль скоро возникаетъ вопросъ о той или другой части его территоріи, коль скоро въ различныхъ частяхъ его возникаетъ стремленіе къ отложенію, значитъ произошло общее ослабленіе государственнаго организма, значитъ есть какія-нибудь причины угрожающія его здоровью или даже самой жизни, значитъ есть въ немъ какое-нибудь зло, отъ котораго нужно скорѣе освободиться, значитъ есть въ немъ какіе-нибудь недостатки, о которыхъ нужно скорѣе позаботиться. Если народная жизнь течетъ нормально, если въ государственномъ организмѣ не случилось ничего вредоноснаго, то ни одна частица его государственной области не шевельнется, и никому не придетъ въ голову поднимать вопросъ о его границахъ.

Но, скажутъ иные ревностные патріоты, мы будемъ крѣпко

стоять за русскую землю и въ то же время можемъ допустить вопросъ о возможности отдѣленія польской земли. Однако что такое польская земля и что такое русская земля? Неужели государственная область опредѣляется этнографическими признаками? Неужели судьба государственной области можетъ колебаться и рѣшатся вслѣдствіе этнографическихъ или лингвистическихъ изслѣдованій и споровъ? Неужели словарь и грамматика пойдутъ когда-нибудь распредѣлять государственныя территоріи? Государство не совпадаетъ съ племенемъ, и государственная область не есть только то пространство земли, которое заселено людьми одного языка. Въ области государства могутъ жить разнообразныя народности, но сила государства равно простирается на каждую часть его территоріи. Все что развошло въ государственную область, становится такою же существенною частью ея, какъ и все остальное, и за каждую часть государственной территоріи равно ручается вся сила государства. Честь и достоинство государства, его сила и право, одинаково связаны со всѣми частями его территоріи, а не съ тѣми только, которыя заселены людьми того или другаго племени. Когда возникаетъ вопросъ о государственной области, то имѣется въ виду не языкъ, не племя ея обитателей, а самое государство, та общая сила, которая равно простирается на всѣ части своихъ владѣній. Нарушеніе границъ оскорбляетъ честь всего государства, а не исключительно того или другаго племени, живущаго въ его границахъ. Нѣтъ разницы, съ востока или съ запада, съ юга или съ сѣвера, въ польскомъ краю, или въ Крыму, или на Кавказѣ, понесетъ оскорбленіе и ущербъ государственная сила, равно отвѣчающая за всѣ свои границы; въ каждой части своей территоріи, какого бы она ни была свойства и объема, оскорбляется цѣлое государство, нарушается вся его сила, и это оскорбленіе и это нарушеніе отзываются въ цѣломъ его составѣ. Значить, оно слабо въ своемъ центрѣ, когда не обезпечиваетъ равномерно своихъ границъ, и это чувство внутренней слабости служитъ укоромъ государству, и подвергаетъ сомнѣнію самую крѣпость его существованія.

Итакъ, съ государственною областію связанъ вопросъ не о народности ея обитателей, а о самомъ существованіи государства. Когда Венгерцы уперлись противъ Австріи на началѣ народности, то Австрія охотно приняла это начало и тотчасъ же обратила его противъ Венгріи. Въ силу этого начала, вся Венгрія

мгновенно должна была распасться на множество особыхъ народностей, болѣе или менѣе враждебныхъ между собою. Поляки теперь жалуются, и за Поляковъ жалуются другіе, на угнетенія и притѣсненія, которымъ подвергается польская народность; въ самомъ же дѣлѣ, Поляки хотятъ не возстановленія своей народности, а возстановленія своего прежняго государства, вопреки началу народности; ибо власть стараго польскаго государства простиралась не на однихъ только людей польскаго языка, но и на многочисленныя народонаселенія другаго языка и другой вѣры. Да и теперь, еслибы слѣдовать въ строгости принципу народности, пришлось бы и изъ нынѣшняго Царства Польскаго выдѣлить нѣкоторую долю заселенную не польскимъ, а русскимъ людемъ, какъ на примѣръ Холмская область. Еслибы дѣло шло только о неприкосновенности языка и національнаго обычая Поляковъ, еслибы весь вопросъ состоялъ только въ томъ, чтобы на всемъ томъ протяженіи земли, гдѣ живетъ чисто польское народонаселеніе, въ школахъ учили по-польски, въ судахъ судили по-польски, въ церквахъ молились по-польски или по-латыни, чтобъ обычай, нравы и все въ чемъ выражается народная особенность имѣло право на существованіе, пользовалось честью и отнюдь не оскорблялось, то и не могло бы быть никакого спора между русскою и польскою народностями, и дѣло, по всему вѣроятію, давно бы уладилось очень выгоднымъ для польской народности образомъ. Но вопросъ между Польшей и Россіей есть вопросъ о государствѣ: польскому ли государству существовать, или государству русскому? А такъ какъ польское государство погибло, а русское существуетъ, то весь вопросъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли уничтожить нынѣ существующее государство русское, съ тѣмъ чтобы возстановить существовавшее нѣкогда государство польское. Вотъ весь вопросъ,—и въ рѣшеніи этого вопроса весь интересъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли поставить польскую народность такъ чтобъ она постоянно имѣла виды на уничтоженіе русскаго государства, или же напротивъ такъ, чтобъ эти виды стали совершенно невозможны. Виды на возстановленіе стараго польскаго государства и на уничтоженіе нынѣшняго русскаго государства могутъ соединяться съ надеждами или на немедленное осуществленіе, или на осуществленіе постепенное. Можно надѣяться разомъ извергнуть нынѣшнее русское государство и на мѣсто его

поставить польское: это надежда революціонеровъ и вооруженныхъ враговъ Россіи, желающихъ войны съ ней. Можно также разчитывать на такое устройство польскаго края, которое мало-по-малу, путемъ постепеннаго усиленія польскихъ государственныхъ притязаній и соответственнаго ослабленія русской государственной силы, привело бы дѣла безъ всякаго риска къ тому же самому результату: это политика благоразумныхъ польскихъ сепаратистовъ, а также задача иностранныхъ недруговъ Россіи, пока они дѣйствуютъ не оружіемъ, а дипломатическими средствами.

Итакъ, вопросъ ставится не о правахъ польской или другой какой народности въ предѣлахъ русской государственной области, а о правахъ и силѣ самой этой области. Борьба идетъ не между двумя племенами, или двумя народностями за языкъ, за обычаи, за вѣру; борьба имѣетъ своимъ предметомъ существованіе русскаго государства.

Впрочемъ, добровольно отказаться отъ Царства Польскаго не такъ-то легко. Польское Царство присоединено къ Россіи въ силу трактата, которымъ опредѣлено и закрѣплено нынѣ существующее положеніе Европы. Присоединеніе Царства Польскаго или извѣстной части Герцогства Варшавскаго къ Россіи было дѣломъ европейской необходимости, и есть одно изъ существенныхъ условій политическаго равновѣсія. Россія была бы не властна самовольно оторвать отъ себя эту часть своихъ владѣній. Вотъ тутъ она дѣйствительно связана международнымъ актомъ. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на желанія изъясняемая иностранною печатью и государственнымъ людьми въ парламентахъ относительно отдѣленія Польши, едва ли бы Россія могла легко исполнить это желаніе, еслибъ она, повѣривъ его искренности, серьезно возымѣла намѣреніе исполнить его. Отдѣленіе Царства Польскаго отъ Россіи произвело бы сильнѣйшее замѣшательство въ цѣлой международной системѣ, и чтобъ отдѣлить отъ себя Царство Польское, Россія должна однимъ и тѣмъ же актомъ гарантировать его самостоятельность и требовать, чтобъ всѣ другія державы приняли его въ свою систему какъ самостоятельное государство. Въ противномъ случаѣ, съ удаленіемъ нашихъ войскъ изъ польскаго края, оно неминуемо будетъ занято войсками сосѣднихъ державъ. Возникнетъ вопросъ, можетъ ли Европа допустить это нарушеніе

установившагося въ ней порядка, могутъ ли другія державы допустить самостоятельное существованіе Польши въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, — и по всему вѣроятію, этотъ вопросъ былъ бы рѣшенъ отрицательно, и нынѣшнее Польское Царство должно было бы увеличить собою территорію другаго государства или подвергнуться раздѣлу. Результатомъ было бы только то, что русская государственная область уменьшилась бы на столько, на сколько увеличилась бы территорія сосѣднихъ съ нею государствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ была бы заявлена внутренняя слабость государственной силы Россіи. Изъ слабости рождается не крѣпость, а слабость; изъ ослабленія слѣдуетъ дальнѣйшее ослабленіе. Нѣтъ причины остановиться на отдѣленіи какой-либо одной части государственной области, если государство само отказывается отъ какой-либо части своихъ владѣній въ пользу другихъ государствъ.

Государство можетъ еще добровольно соглашаться на уступку части своихъ владѣній въ томъ случаѣ, когда эта уступка не сопряжена съ ущербомъ его силы, то-есть когда она сопровождается соотвѣтственною уступкою со стороны другихъ заинтересованныхъ государствъ. Во всякомъ другомъ случаѣ уступка территоріи будетъ явнымъ ущербомъ и достоинства, и силы государства, который поведетъ за собою цѣлый рядъ новыхъ ущербовъ. Государство останется безъ закрѣпы, и для того чтобы закрѣпить себя снова, ему придется рано или поздно напрягать всѣ усилія своего народа, и какимъ-нибудь чрезвычайнымъ заявленіемъ силы возстановлять свое утраченное значеніе. Изъ спокойнаго самодовольнаго организма, оно по необходимости должно превратиться въ болѣзненно-раздражительную, недовольную силу, и стать безпокойнымъ членомъ международнаго союза. А такое положеніе, по необходимости, сопряжено съ непрерывными опасностями какъ внутренними, такъ и внѣшними. Вотъ почему человекъ, любящій свое отечество, не можетъ не принимать къ сердцу уничтоженія его достоинства, нарушенія его границъ, оскорбленія его чести и всякой ослабляющей его уступки.

Но, скажутъ, отдѣленіе собственно польскаго края отъ Россіи было бы можетъ-быть не столько ослабленіемъ, сколько укрѣпленіемъ нашего отечества; ибо обладаніе Царствомъ

Польскимъ всегда было для насъ не столько элементомъ силы, сколько элементомъ слабости. Въ Царствѣ Польскомъ, присоединенномъ къ Россіи, многіе патріоты склонны видѣть нѣчто въ родѣ чужаднаго тѣла въ организмѣ, нѣчто въ родѣ рака, который надобно не оставлять въ организмѣ, а скорѣе выдѣлать изъ него. Можетъ-быть въ этомъ сознаніи есть нѣкоторая доля правды, или, лучше сказать, можетъ-быть это сознаніе не лишено основанія. Есть обстоятельства, которыя могутъ, дѣйствительно, расположить и здоровомыслящихъ, и патріотическихъ людей къ такому взгляду. Впервыхъ, Россія допустила европейское вмѣшательство въ свои отношенія къ польскому краю: отдѣляя отъ себя Польшу, Россія освободилась бы отъ всякаго повода къ этому вмѣшательству. Вовторыхъ, польская національность, съ своими неугомонными притязаніями клонящимися ни больше ни меньше какъ къ уничтоженію Россіи, будетъ всегда въ ея составѣ внутреннимъ врагомъ: стало-быть чѣмъ скорѣе Россія выведетъ изъ себя этого врага, тѣмъ спокойнѣе, безопаснѣе, тѣмъ стало-быть сильнѣе, а не слабѣе будетъ Русское государство. Втретьихъ, польская національность, по мнѣнію однихъ, цивилизованнѣе русской, а потому и не можетъ довольствоваться одинаковымъ съ нею государственнымъ устройствомъ и управленіемъ, или, по мнѣнію другихъ, польская національность хотя и не выше русской, но прониклась началами до такой степени чуждыми русскому духу, что имъ невозможно ужиться въ системѣ одного государственнаго цѣлаго.

Но вмѣшательство европейскихъ державъ въ польскія дѣла происходитъ именно отъ того, что насъ считаютъ слабыми, и мы только подтвердимъ это мнѣніе, если поспѣшимъ отдать кому-нибудь съ рукъ на руки ту часть нашихъ владѣній, которая служить поводомъ къ вмѣшательству. Въ наши дѣла не вступались пока насъ считали сильными, и мы не избавимся отъ вмѣшательства, если дадимъ новое доказательство нашей слабости или неувѣренности въ своей силѣ: европейское вмѣшательство не замедлитъ найти себѣ новый предлогъ, и мы встрѣтимся съ нимъ неожиданно въ другихъ пунктахъ. (Бздили же въ прошломъ году какіе-то Черкесы въ Лондонъ, съ прошеніемъ къ королевѣ Викторіи о защитѣ отъ Россіи! И въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, Англичане что-то съ особеннымъ участіемъ и нѣжностію погова-

риваютъ о кавказскихъ горахъ.) Ионическіе острова, находясь подъ протекторатомъ Англіи, постоянно были недовольны и желали отложиться. Европа однако не вмѣшивалась въ отношенія Англіи къ Ионическимъ островамъ, и не давала ей совѣтовъ, не угрожала ей войною. Съ отношеніями Англіи къ Ионическимъ островамъ было несравненно менѣе сопряжено ея государственное достоинство нежели съ отношеніями Россіи къ Польшѣ. Ионическіе острова не были приобрѣтены Англіей такою дорогою цѣной, какою герцогство Варшавское приобрѣтено было Россіей. Ионическіе острова никогда не злоумышляли противъ Англіи, и никогда не были завоеваны ею. Они не были присоединены къ Англіи, а только даны ей на сохраненіе. Они предоставлены ей трактатомъ не какъ неразрывная часть ея владѣній, а только какъ depositum. Англія легко можетъ отдѣлить ихъ отъ себя безъ ущерба для своего достоинства и силы; этого мало: при тѣхъ условіяхъ, которыя побуждаютъ ее присоединить ихъ къ Греческому королевству, она руководится вѣрнымъ разчетомъ, который сохранить за нею всѣ выгоды соединявшіяся съ обладаніемъ Ионическими островами, безъ тѣхъ пожертвованій и усилій, которыхъ ей стоило это обладаніе. Можетъ-быть и Россія, не безъ основательнаго разчета, могла бы отдѣлить отъ себя собственно польскій край своихъ владѣній для присоединенія, на примѣръ, къ Австріи, еслибъ этимъ актомъ были окончательно замирены польскія притязанія, и Австрія очутилась бы черезъ то въ такомъ точно отношеніи къ намъ, въ какомъ должна находиться къ Англіи создаваемая ею теперь Греція. Можетъ-быть, и выгодно было бы намъ удовлетворить внутреннему влеченію польской національности, еслибъ она тяготѣла къ другому политическому цѣлому, какъ Ионическіе острова тяготеютъ къ Греціи. Эльзась де тянетъ къ Германіи, хотя онъ и оторванъ отъ нея, и Франція остается спокойна въ обладаніи этимъ краемъ. Но Голштинское герцогство, принадлежа Даніи, тянетъ къ Германіи, и можетъ-быть для Даніи было бы выгодно отдѣлаться отъ Голштейна, съ тѣмъ чтобы черезъ это навсегда обезпечить себя отъ германскихъ притязаній на Шлезвигъ. Но, относительно польскаго края находящагося въ обладаніи Россіи, до сихъ поръ, какъ извѣстно, подобныхъ разчетовъ даже и гадательно не представлялось, тѣмъ болѣе что польская національность ни

къ какому другому государству такъ не тяготеетъ, какъ къ самой Россіи, хотя до сихъ поръ это тяготѣніе было враждебнаго свойства.

Польская народность, дѣйствительно, находилась и находится во враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Мы знаемъ, почему эти отношенія враждебны; мы знаемъ, къ чему клонятся польскія притязанія; мы знаемъ, что они клонятся къ восстановленію стараго и умершаго Польскаго государства на развалинахъ нынѣшней Россіи. Но мы знаемъ также, и это знаетъ вся Европа, что польскія притязанія клонятся къ невозможному, что умершіе организмы не воскресаютъ, особенно если они и при жизни своей походили болѣе на живыхъ мертвецовъ. Мы знаемъ, что бывшее нельзя сдѣлать не бывшимъ, и что исторію передѣлать невозможно. Слѣдовательно, враждебныя намъ притязанія польской національности не могли бы быть очень опасны для насъ, еслибы мы сами не содѣйствовали такъ или иначе ихъ развитію. Если польская національность, въ составѣ нашего государства, кажется зловреднымъ чужероднымъ тѣломъ, то причины тому надобно искать не въ одномъ лишь свойствѣ этой національности, а можетъ-быть еще болѣе въ насъ самихъ. Еслибъ оказалось, что сама Россія поддерживаетъ въ польской національности вражеское свойство, то прежде чѣмъ думать объ операціи, которая отдѣлила бы отъ насъ Польшу, было бы несравненно разумнѣе поискать истинной причины зла и постараться удалить ее. Этимъ, и только этимъ, мы помогли бы себѣ, и вышли бы изъ состоянія слабости, грозящей разложеніемъ нашего государственнаго организма. Тѣ же самыя причины, которыя отравляютъ отношенія къ намъ Польши, могутъ точно также испортить наши отношенія и къ другимъ частямъ нашего государственнаго состава. Еслибы намъ и удалось механическою операціей отдѣлать отъ себя Польшу, то впервыхъ мы не избавились бы отъ ея притязаній, а вовторыхъ мы этимъ возбудили бы духъ сепаратизма и разложенія повсюду въ остальной нашей государственной области. Мы стали бы не сильнѣе, а слабѣе, и очень можетъ быть, что въ самыхъ здоровыхъ и крѣпкихъ частяхъ нашей территоріи стали бы развиваться притязанія аналогическія польскимъ. Мы не хотимъ распространяться объ этомъ предметѣ и пускаться въ предположенія тягостныя для всякаго Русскаго, но всякій

легко можетъ взвѣсить брошенный нами намекъ и согласить ся, что предусматриваемыя нами послѣдствія—дѣло не совсѣмъ несбыточное.

Что же касается до того, что польская народность имѣетъ свои особенности, то въ нихъ не можетъ быть повода къ отторженію польскаго края отъ Россіи. Могущественныя государства всегда слагались изъ разнородныхъ элементовъ, и только благодаря этой разнородности развивается сильная и богатая государственная жизнь. Никогда и нигдѣ историческое государство не состояло изъ одного сплошнаго элемента, и чѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче обозначались особенности вступавшихъ въ составъ его разнородныхъ элементовъ, тѣмъ крѣпче оно организовалось, тѣмъ плодотворнѣе было его развитие. Но мысль, что польская національность не можетъ входить въ составъ Русскаго государства, потому будто бы что она выше народности русской вслѣдствіе своего историческаго развитія, вслѣдствіе своей цивилизаціи и культуры, не заслуживала бы опроверженія какъ слишкомъ очевидная нелѣпность. На подобную мысль, которая свидѣтельствовала бы только о нашемъ крайнемъ благодушіи, можетъ отчасти служить отвѣтомъ статья иностранца, помѣщенная выше, въ этой самой книжкѣ нашего журнала. Иностранецъ, не имѣвшій надобности простирать слишкомъ далеко свое благодушіе, ограничился строгою правдою въ характеристикѣ взаимныхъ отношеній, опредѣлившихъ судьбу обѣихъ народностей, русской и польской. И всякій правдивый Полякъ въ душѣ своей согласится, что нѣтъ никакихъ основаній превозносить польскую цивилизацію и искать въ ней рѣшительныхъ правъ на предпочтеніе польской народности передъ русскою. Въ Европѣ, отъ начала до сихъ поръ, ничего не было слышно о какой-либо польской цивилизаціи. Хвалили и хвалятъ польскую отвагу въ битвахъ,—и только. Ни одного имени, ни одного воспоминанія, ни одного памятника въ польской цивилизаціи, съ которыми соединялось бы какое-нибудь общее значеніе,—по крайней мѣрѣ ничего, съ чѣмъ не могла бы болѣе или менѣе соперничать русская народность, несмотря на то что она позднѣе вступила въ систему европейской цивилизаціи, несмотря даже на то что всѣ силы русскаго народа главнымъ образомъ шли до сихъ поръ на утвержденіе единства русскаго государства, уже давно получившаго всемірное

значеніе. Въ дѣлѣ образованія, въ дѣлѣ наукъ, искусствъ, литературы и общественнаго развитія, наша цивилизація, конечно, не можетъ выдерживать никакого сравненія съ старыми европейскими націями. Но ей нечего опасаться сравненія съ польскою. Еслибы дѣло шло о сравнительной оцѣнкѣ между умственной культурой Германіи и Россіи, то русскому человѣку, конечно, не оставалось бы ничего иного какъ только сослаться въ этомъ отношеніи на свои надежды въ будущемъ, и согласиться, что въ дѣлѣ полного и всесторонняго человѣческаго образованія можно обойтись безъ знанія русскаго языка или русской литературы, а не такъ легко обойтись безъ знакомства съ литературою нѣмецкою; но и Полякъ точно также долженъ согласиться, что безъ знакомства съ плодами польской цивилизаціи, Европа обходится очень удобно, и никто не считаетъ себя человѣкомъ недостаточно образованнымъ, не зная сокровищъ польской науки, польскаго искусства, польской литературы. Самая промышленность въ Царствѣ Польскомъ, тоже очень мало способствующая всемірному благосостоянію, впервые получила нѣкоторое развитіе и стала способствовать, по крайней мѣрѣ, польскому благосостоянію, только подъ русскимъ владычествомъ. Но еслибы и въ самомъ дѣлѣ Поляки имѣли передъ нами какое-либо преимущество въ своей цивилизаціи, то это никакъ не могло бы послужить препятствіемъ къ дружному соединенію ихъ подъ однимъ скипетромъ. Какова бы ни была польская цивилизація, она ограничивается лишь самыми верхними слоями общества и отнюдь не можетъ быть названа достояніемъ цѣлаго польскаго народа, самобытною, народною цивилизаціей; она есть принадлежность касты, которая вездѣ, куда только простиралось польское владычество, находилась во враждебномъ разобщеніи съ остальнымъ народомъ, и народъ былъ еще болѣе чуждъ ей чѣмъ индоевропейскій народъ въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ по отношенію къ высшимъ нѣмецкимъ классамъ, которые тамъ господствуютъ. Если германская цивилизація могла и можетъ существовать подъ русскою державою въ полномъ политическомъ соединеніи съ ея другими владѣніями, то не неаппо ли сослаться на какія-то особыя преимущества польской цивилизаціи, будто бы препятствующія ей находиться въ такомъ же соединеніи съ Россіей? Не очевидно ли изъ одного этого, что вовсе не степень, а также не особенности цивилизаціи, служатъ истин-

нымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи? Не очевидно ли, что препятствіемъ является нѣчто другое, — именно тѣ притязанія польскаго патриотизма, не имѣющія ничего общаго съ особенностями какой бы то ни было цивилизаціи, тѣ притязанія, которыя клонятся къ тому, чтобъ уничтожить нынѣ существующее Русское государство, и на мѣсто его поставить нѣкогда существовавшее и оказавшееся неспособнымъ къ жизни Польское государство?

Итакъ, всѣ затрудненія польскаго вопроса заключаются единственно въ тѣхъ притязаніяхъ, которыя не можетъ допустить Россія, съ которыми не можетъ вступать въ сдѣлку ни одинъ русскій человѣкъ. Этихъ притязаній нельзя допустить ни въ какомъ видѣ, ни въ какой степени. Все что можетъ питать и поддерживать ихъ есть очевидно бѣльшая или меньшая степень одного и того же зла. Такихъ притязаній Россія не можетъ допустить ни внутри, ни внѣ своихъ предѣловъ. На такія притязанія извнѣ она должна отвѣчать развитіемъ всей своей оборонительной силы; на такія притязанія внутри она должна отвѣчать энергическимъ развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ. Но еслибы мы почему-либо оказались неспособными подавить это зло, то конечно лучше желать, чтобъ оно дѣйствовало на насъ извнѣ чѣмъ внутри нашего государственнаго состава. Зло извнѣ, дѣйствительно, менѣе опасно чѣмъ зло внутри. Если мы положительно считаемъ себя неспособными уладить дѣло съ Польшею такъ чтобъ она не могла имѣть враждебныхъ противъ Русскаго государства притязаній, то русскимъ людямъ, конечно, не остается желать ничего иного, какъ полная отдѣленія ея, хотя бы то было сопряжено съ ущербомъ государственному достоинству и силѣ Россіи. Изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее. Но не грустно ли подумать, что Россія должна торжественно заявить свою неспособность уладить правильнымъ образомъ возникшее внутри ея затрудненіе именно въ ту пору, когда она чувствуетъ себя обновленною, и когда она болѣе чѣмъ когда-либо становится достойною своего всемірнаго положенія? Россія держала Польшу въ ту пору, когда ея общественныя силы были бездѣйственны: должна ли Россія признать себя несостоятельною въ ту пору, когда ея общественныя силы призываются къ дѣятельности, должна ли Россія признать себя несостоятельною именно теперь, когда она вступаетъ въ

новый періодъ своего существованія, — теперь, когда наконецъ должно постепенно раскрыться все разнообразіе элементовъ, содержимыхъ и ограждаемыхъ Русскимъ государствомъ, и этотъ таинственный незнакомецъ, народъ русскій, доселѣ безмолвный и невидимый, долженъ заговорить и явить себя міру? Почему же Россія не въ состояніи держать Польшу именно теперь, когда падаютъ и послѣднія основанія для укорень, которые со всѣхъ сторонъ на насъ сыплются, и которыми мы сами такъ безпощадно бичуемъ себя?

Европа вступается за Польшу. Право Европы на вмѣшательство во внутреннія отношенія Россіи къ польскому краю очень сомнительно; но, къ сожалѣнію, мы допустили его. Чего же Европа можетъ если не требовать, то желать относительно соединенія Польши съ Россіей? Европа можетъ желать, чтобы Польша была управляема хорошо; но она ни въ какомъ случаѣ не можетъ требовать, чтобы Россія давала этой части своихъ владѣній такое положеніе, которое обратилось бы въ ущербъ цѣлому. Европа ни въ какомъ случаѣ не можетъ требовать отъ Россіи, чтобы она воспитывала и поддерживала, укрѣпляла и развивала тѣ притязанія польскихъ магнатовъ или польской шляхты, которыя явно клонятся къ гибели Россіи. За отсѣченіемъ этихъ притязаній, которыхъ Россія не можетъ допустить ни подъ какимъ видомъ, ни въ какой степени, остаются лишь такія желанія и потребности, которыя могутъ только вести къ полному политическому сліянью Польши съ Россіей, какъ того требуетъ точный смыслъ Вѣнскаго трактата, постановившаго чтобы Польша была неразрывно связана съ Россіей своимъ государственнымъ устройствомъ. Всѣ тѣ общественные интересы и нужды, которыя обезпечиваются и удовлетворяются государствомъ, все собственно политическое должно быть для Польши и Россіи совершенно одинаково. Только при этомъ условіи исчезаетъ напряженность отношеній между двумя народностями, только при этомъ условіи Польша можетъ оставаться въ соединеніи съ Россіей; только такимъ образомъ исполняется требованіе Вѣнскаго трактата и окончательно упраздняется вмѣшательство Европы въ польскія дѣла, потому что при этомъ условіи польскія дѣла становятся окончательно внутренними дѣлами Русскаго государства.

Но, возразятъ намъ державы, не охотно разставаясь съ предлогомъ къ вмѣшательству,—Польша отдана Россіи на нѣкоторыхъ условіяхъ, обезпечивающихъ благоуправленіе этого края: Европа не желала бы, чтобы страна, которую она укрѣпила за Россіей, была управляема дурно, чтобы личность и собственность не были ограждены въ ней надлежащимъ образомъ, и чтобы общественные интересы въ ней не могли заявлять себя правильнымъ образомъ. Наконецъ, въ трактатѣ упомянуто о народномъ представительствѣ.

Въ трактатѣ, дѣйствительно, упомянуто о народномъ представительствѣ, но характеръ его не предопредѣляется; трактатъ предоставляетъ политическое устройство Польши въ полное распоряженіе Россіи, и напротивъ, требуетъ только того, чтобы этотъ край былъ неразрывно соединенъ съ нею этимъ устройствомъ. Хороши или дурны условія управленія Россіи, во всякомъ случаѣ Польша должна довольствоваться ими или желать ихъ улучшенія наравнѣ съ остальными владѣніями принадлежащими скипетру Россіи, совокупно и солидарно со всѣми прочими ея подданными. Часть ни въ какомъ случаѣ не можетъ предписывать законы цѣлому. Хорошо цѣлому, хорошо и частямъ; дурно цѣлому, дурно и частямъ. Основательны или неосновательны желанія Поляковъ, они только тогда могутъ быть допущены, когда будутъ имѣть своимъ предметомъ благо цѣлаго, а не клониться въ ущербъ ему. Но не всякое желаніе можетъ быть исполнено, ибо не всякое желаніе основательно и разумно. У всякаго барона можетъ быть своя фантазія; у всякаго можетъ быть свой планъ въ головѣ, какъ лучше устроить то или другое во благо цѣлаго государства и на счастье цѣлаго міра. Польша изъ своего прошедшаго не можетъ почерпнуть ничего, что могло бы годиться для благоустроеннаго общества; въ исторіи ея стараго погибшаго государства нѣтъ образцовъ годныхъ для подражанія, и гораздо лучше вовсе забыть эту несчастную исторію. Въ какомъ бы положеніи ни находилась Польша подъ скипетромъ Россіи, оно все-таки лучше того, въ какомъ была эта страна до присоединенія своего къ Россіи. Польшѣ стало-быть остается въ своихъ политическихъ желаніяхъ примкнуть къ Россіи, согласить свои виды на благоуправленіе съ видами Россіи, и усвоить себѣ тѣ начала, которыя выработались и вырабатываются полити-

ческимъ развитіемъ русскаго народа. Если дать волю своему воображенію и пуститься въ отвлеченныя комбинаціи, въ праздныя сочетанія понятій, то можно придумать безчисленное множество всякаго рода плановъ; но хороши только тѣ планы, которые соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ условіямъ. Такихъ плановъ никогда не бываетъ много, или лучше сказать, на каждый предметъ можетъ быть только одинъ такого рода планъ. Всѣ добросовѣстные стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы найти этотъ единственный путь улучшенія, а не къ тому чтобы, во что бы то ни стало, придумывать свое и разбѣгаться по всѣмъ тропинкамъ, которыя открываются для отвлеченной мысли или для разыгравшагося воображенія.

Россія не можетъ допустить никакой комбинаціи, относительно своего политическаго устройства, составленной на основаніи чуждыхъ ей условій, или не вытекающей прямо изъ практическихъ условій ея быта,—никакой комбинаціи, которая не будетъ прямымъ отвѣтомъ на ея дѣйствительныя потребности, или которая можетъ повести къ ослабленію ея государственнаго состава. Ни Польша, ни вся Европа, не могутъ вынудить Россію принять чуждую ей формулу политическаго устройства. Да и какая польза была бы отъ того, еслибы Россія дала навязать себѣ какую-нибудь комбинацію, которая не могла бы привести ее ни къ чему, кромѣ замѣшательства и бессмысленнаго броженія? Страна, призванная къ великой исторической жизни, Россія имѣетъ свой оригинальный типъ и свойственный ей ритмъ развитія. Не одніе племенные особенности чисто русскаго народонаселенія Россіи опредѣлили этотъ типъ; онъ есть результатъ многихъ условій историческихъ и географическихъ, и всякая отдѣльная часть Русскаго государства можетъ подчиниться этому типу безъ униженія и оскорбленія для своей особой національности. Этотъ общій типъ, выработанный долгою, трудовою, до сихъ поръ исключительно ему посвященною исторіей, способенъ ко всевозможному усовершенствованію, и можетъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи удовлетворить всѣмъ потребностямъ человѣческой жизни и человѣческаго общества. Только на твердой основѣ этого типа, народонаселенія входяція въ составъ Русскаго государства могутъ заботиться о своемъ политическомъ благосостояніи. Одни и тѣ же

результаты достигаются разными путями и разными способами. Мы не можемъ повторять для себя исторію другихъ народовъ; мы имѣемъ свою исторію, которая до сихъ поръ еще ни разу не спотыкалась. Мы пережили времена мрака, неурядицъ, иноплеменнаго варварскаго ига; мы потерпѣли всевозможныя плѣненія и бѣдствія, перенесли всѣ невзгоды и всѣ тягости, сопряженныя съ развитіемъ единого и крѣпкаго государства, вытерпѣли всякаго рода диктатуры. Мы прошли тяжелую и долгую школу. Намъ незачѣмъ идти снова въ школу или передѣлывать у себя то что было у другихъ народовъ.

Со временъ Вольтера и Монтескье вниманіе Европы постоянно было обращено на политическое устройство Англии. Объ англійскихъ учрежденіяхъ писалось и пишется вкривь и вкосъ на всѣхъ европейскіихъ языкахъ; они копировались на практикѣ въ разнообразныхъ видахъ, и вотъ выработалась общая схема политическаго устройства, которая подъ именемъ *конституціи* считается обязательною для всякаго государства, желающаго стать съ вѣкомъ наравнѣ. Всѣ европейскія государства нарядились въ конституціи. Франція уже нѣсколько разъ, какъ извѣстно, мѣняла этотъ нарядъ. Кто изъ людей здравомыслящихъ не согласится, что всѣ эти наряды, всѣ эти сочиняемыя конституціи, не имѣютъ никакого существеннаго значенія, никакой дѣйствительной силы? Вся исторія Франціи, начиная съ 1789 года по сіе время, служитъ тому доказательствомъ. Происходяція теперь передъ нами печальныя и вмѣстѣ забавныя явленія въ прусской *конституціи* служатъ также очень интересною характеристикой духа и значенія всѣхъ этихъ сочиняемыхъ и дѣлаемыхъ государственныхъ устройствъ. Всѣ эти новѣйшія государственныя устройства, всѣ эти конституціонныя наряды, несмотря на высокую цивилизацію тѣхъ странъ, которыя въ нихъ облакаются, не представляютъ ничего по истинѣ серіознаго, ничего твердаго, и служатъ только выраженіемъ переходнаго состоянія европейскихъ обществъ; никого не удовлетворяя, они производятъ только броженіе и смуту, ведутъ къ вреднымъ столкновеніямъ и подвергаютъ опасности всѣ основы государственнаго и общественнаго порядка. Ничья мысль не можетъ успокоиться на этихъ сочиненныхъ конституціяхъ; онѣ сами лишены всякой вѣры въ свое существованіе

Въ самомъ дѣлѣ, кто рѣшится сказать, что европейскія государства находятся теперь въ состояніи сколько-нибудь утвердившемся и прочномъ? И вотъ всѣ снова обращаются къ Англіи; всѣ спрашиваютъ, почему только ея государственное устройство въ цѣлой западной Европѣ твердо и неизменно въ своихъ основаніяхъ. Разница между англійскимъ устройствомъ и всеми этими фальшивыми конституціями, которыя покрыли теперь всю Европу, состоитъ въ томъ, что первое органически выросло, а эти послѣднія сочинены и сдѣланы. Первое во всѣхъ своихъ подробностяхъ есть плодъ долгой и трудной исторіи, и все въ немъ вышло изъ жизни, все выработано практикой и опытомъ; а новѣйшія конституціи, которыя сочиняются въ другихъ европейскихъ государствахъ,—фальшивая копія, лишенная всякаго духа жизни и не имѣющая никакихъ корней въ дѣйствительныхъ условіяхъ страны. Какъ бы ни были результаты англійскихъ учрежденій, учрежденія эти хороши прежде всего тѣмъ, что они не теорія, а практика, что въ нихъ понятіе не предшествовало дѣлу, а напротивъ само вырабатывалось изъ дѣла. Подражать англійскимъ учрежденіямъ, копируя ихъ формы, значить не понимать ни смысла, ни силы ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не далеко отъ оригинала какъ копія, ничто такъ не разнородно съ живою дѣйствительностію, какъ снимокъ съ нея, какъ бы онъ ни былъ тщательно сдѣланъ. Какъ бы ни былъ точенъ и вѣренъ портретъ, но надобно быть сумашедшимъ, чтобы видѣть въ немъ одно и то же явленіе съ живымъ человѣкомъ, котораго онъ изображаетъ. За то какъ бы ни были несходны между собою живые люди, всѣ они сходствуютъ между собою именно въ томъ, что они живыя существа, а не призраки.

Какое же положеніе должна принять Россія, занимающая столь важное мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ и имѣющая на рукахъ своихъ Польшу, о благоустройствѣ которой такъ попечительно хлопочетъ теперь Европа? Посовѣтуютъ ли ей изъ живаго существа превратиться въ призракъ? Посовѣтуютъ ли ей прервать теченіе своей собственной государственной жизни и приняться за сочиненіе конституціоннаго наряда по образцамъ представляемымъ теперь Европой? Должна ли Россія, въ видахъ благоустройства, брать чужія формы и прилаживать ихъ къ себѣ,

забывая и свою исторію, и дѣйствительныя условія своего настоящаго быта, и вмѣсто естественнаго развитія элементовъ дѣйствительно въ ней существующихъ, начать изнурительную игру въ теоретическія комбинаціи, и тѣмъ подвергнуть крайней опасности свое существованіе? Должна ли она погнаться за словами и формулами, и оставить въ небреженіи существенное дѣло?

Польша, соединяясь съ Россіей въ общемъ государственномъ устройствѣ, не имѣетъ надобности желать, чтобы это устройство было лживою формулой. Основная черта того государственнаго типа, который выработана Россіей и отъ котораго Россія не можетъ отречься, есть довѣріе между верховною властью и народомъ. Россія не можетъ допустить ничего похожаго на договоръ, или контрактъ, между монархомъ и его подданными. Всякій волею сочинять про себя какой угодно проектъ политическаго устройства, но всякій, не лишенный здраваго смысла, долженъ понять, что, вопервыхъ, монархическое начало не только есть коренное начало для Россіи, но есть сама Россія, и вовторыхъ, никакое раздѣленіе не возможно въ Россіи между верховнымъ представителемъ этого начала и народомъ. Вотъ основанія, которыя должны быть неизбѣжно приняты, и внѣ которыхъ не возможна никакая политическая комбинація въ Россіи.

Слово *конституція*, очень невинное по своей этимологіи и по своему первоначальному смыслу, стало въ наше время однимъ изъ самыхъ дурныхъ политическихъ терминовъ, благодаря тѣмъ фальшивымъ и безобразнымъ сочетаніямъ представлений, которыя оно возбуждаетъ въ умахъ. Оно потеряло всякое серьезное значеніе, опозорилось, опоплилось и запачкалось; имъ украшаетъ себя глупость, имъ прикрываетъ свои виды сумасбродство; оно по большей мѣрѣ служитъ геральдическимъ символомъ педантическаго доктринерства. Никто, слыша или произнося это слово, не можетъ освободиться отъ всякаго рода смутныхъ ассоціацій, непременно имъ вызываемыхъ; рѣдкаго обращаетъ оно къ чему-нибудь положительному, практическому, годному для жизни; всякаго, напротивъ, увлекаетъ оно неволью въ міръ идей не имѣющихъ ничего общаго съ окружающею дѣйствительностію, съ ея истинными потребностями, съ ея практикой, съ ея опытомъ; у много развертываются въ головѣ чужеземныя

воспоминанія, вычитанныя изъ разныхъ исторій, сцены бесплодныхъ агитацій, интригъ и честолюбія, недостойной ораторской игры народнымъ благосостояніемъ и существенными интересами общества, сцены ужаса или смѣха; иной замыкается въ отвлеченную, безсильную, педагогическую формулу, въ которой напрасно кружится умъ, не находя никакого выхода къ жизни. Откидывая въ сторону всѣ смутныя представленія, всю ту внѣшнюю обстановку, которая соединяется съ значеніемъ этого слова, мы получимъ въ остаткѣ понятіе, на которомъ болѣе или менѣе сходятся разные люди какъ на самомъ существенномъ смыслѣ его. Это понятіе есть договоръ, или контрактъ, между верховною властію страны и народомъ. Въ такомъ договорѣ, или контрактѣ, и поклонники и порицатели такъ-называемаго конституціоннаго устройства готовы видѣть главное значеніе конституціоннаго порядка, хотя до сихъ поръ не находится нотариуса, который могъ бы скрѣпить этотъ актъ, и не оказывается судилица, которое могло бы гарантировать его силу. Мы видѣли и видимъ жалкую участь постигающую эти сдѣлки, — какъ рвались и рвутся эти хартіи, какъ безсильны эти торжественныя обязательства, и какъ мало зависятъ отъ нихъ ходъ событій и сила вещей. Но, скажутъ, есть однако страна, гдѣ конституціонное устройство—истина, а не пустое слово. Оставляя въ сторонѣ достоинства или недостатки англійскихъ учрежденій, особенный типъ ихъ, нельзя не согласиться, что государственная организація Англіи отличается прочностію и твердостію. Есть же стало-быть возможность основать твердый порядокъ вещей на договорномъ началѣ, и стало-быть Magna Charta, которую въ давнія времена вытребовали англійскіе бароны, и отъ которой ведетъ свое начало англійская конституція,—эта хартія оказалась же стало-быть не простымъ клочкомъ бумаги, а дѣйствительною силою, гранитнымъ основаніемъ общественной свободы и прочнаго государственнаго порядка. Увы, какое заблужденіе! Эта пресловутая Великая Хартія англійскихъ бароновъ была такой же тлѣнный матеріалъ, какъ и всякая хартія; она также, какъ и всякая бумага, рвалась въ клочки и разносилась всѣми вѣтрами. Въ этой Великой Хартіи выговорено было право вооруженнаго сопротивленія коронѣ, какъ будто для вооруженнаго сопротивленія очень

нужна юридическая санкція. Будучи порожденіемъ темныхъ вѣковъ кудачнаго права, въ сущности это узаконенное право возстанія было то же самое, что и право польскихъ дворянъ составлять конфедерации, которое погубило Польшу и котораго пагубное значеніе такъ хорошо объяснено въ помѣщенной выше статьѣ, изъ *Quarterly Review*; только англійскіе бароны были умнѣе польскихъ пановъ: они старались не отдѣлять себя отъ остальнаго народа. Но главное дѣло въ томъ, что между этою хартіей и нынѣшнимъ положеніемъ Англіи лежитъ вся исторія этой страны. Эту хартію отдѣляютъ отъ нынѣшней Англіи слишкомъ шесть вѣковъ, и въ теченіи такого долгаго времени страна эта подвергалась всевозможнымъ бѣдствіямъ, посреди которыхъ Magna Charta оказывалась такою же бумагой, какъ и всякая бумага. Между этою хартіей и нынѣшнею свободою Англіи прошли цѣлые вѣка всевозможныхъ насилій и бѣдствій. Между этою хартіей и нынѣшнею англійскою свободою прошли въ этой странѣ цѣлыя династіи деспотовъ, были свои Иваны Грозные и своего рода Петры Великіе, предъ которыми все безмолвно трепетало и склонялось, или все падало подъ рукою палача. Стало-быть и для этого стараго контракта не нашлось ни нотаріуса, ни компетентнаго судилища. Стало-быть напрасно думаютъ, будто твердость и сила нынѣшняго порядка Англіи основывается на какомъ-нибудь контрактѣ или договорѣ. Теорія общественнаго контракта и договорнаго начала въ организаціи государствъ есть одна изъ фикцій, которыми такъ обильно было прошлое столѣтіе. На Англію тогда ссылались, какъ на живое доказательство организующей силы этого начала; но Англія стала крѣпка и тверда, не въ силу этого начала, а почти, можно сказать, вопреки ему; она стала тверда и сильна не прежде какъ послѣ многихъ и долгихъ вѣковъ самой трудной и тяжкой исторіи, не прежде какъ заросло и позабылось въ ней всякое договорное начало. Англія сильна не силою невозможнаго контракта, а напротивъ тѣмъ, что она не знаетъ писанной конституціи. Никакая сторона не ссылается тамъ ни на древнюю „великую хартію“, ни даже на „декларацію правъ“ болѣе поздней, смутной эпохи. Англія сильна силою установившагося обычая. Какъ ея суды судятъ не по кодексу, а въ силу установившейся практики, въ силу бывшихъ случаевъ, такъ точно ея политическія власти управляются и дѣйствуютъ въ

силу установившейся практики, которая растетъ отъ времени, приумножаясь каждымъ новымъ случаемъ и слагаясь изъ всѣхъ бывшихъ случаевъ, опираясь на нихъ и ища въ нихъ, а не въ какой-нибудь бумажной конституціи, разрѣшенія для возникающихъ затрудненій. Вотъ въ этомъ-то и состоитъ огромная разница между англійскимъ государственнымъ устройствомъ и тѣми конституціями, которыя плодятся и исчезаютъ въ остальной Европѣ, производя только смуты и колебанія, и не ограждая, а напротивъ стѣсняя и затрудняя и общественную свободу, и народную жизнь, искажая и извращая самыя коренныя условія порядка и свободы.

И въ самомъ дѣлѣ, не явное ли безсиліе въ этихъ попыткахъ основать отношенія между верховною властью и народомъ на договорѣ или контрактѣ? Не явная ли ложь въ этомъ искусственномъ разъединеніи двухъ силъ, которыя въ дѣйствительности неразрывно соединены между собою? Не явное ли зло въ этомъ организованномъ недобріи между верховною властью, которая ничего не значитъ безъ народа, и народомъ, который ничего не значитъ безъ верховной власти? Какое странное зрѣлище представляютъ эти два лагеря, часто ничего другаго не дѣлающіе какъ только злобно сѣдѣющіе другъ за другомъ и ищущіе какъ бы обмануть и перехитрить другъ друга! Какая страшная трата времени и силъ, какое безплодное для народной жизни занятіе, это непрерывное и подозрительное наблюденіе другъ за другомъ двухъ сторонъ, которыя заботятся пуще всего о соблюденіи формальностей безсильнаго контракта! Какая польза отъ контракта, исполненіе котораго ничѣмъ не можетъ быть обезпечено? Польза во всякомъ случаѣ очень сомнительная, а вредъ очевидный. Бессильный предупредить зло, онъ достаточно силенъ, чтобы кореннымъ образомъ испортить отношенія между верховною властію и народнымъ представительствомъ, и сообщить какъ той, такъ и другому, несвойственный имъ характеръ, развить въ нихъ отдѣльные интересы и себялюбивыя инстинкты и поставить ихъ въ ложное отношеніе, вредное какъ для государства, такъ и для общества, опасное какъ для порядка, такъ и для свободы.

Всеобщіе законы природы и исторіи одни и тѣ же для всѣхъ странъ и народовъ, и Россія, нѣтъ сомнѣнія, не изъята отъ нихъ. Въ Россіи, гочно также какъ и вездѣ, огонь

жжется и рѣки текутъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Экономическіе, нравственные, политическіе законы, какъ вездѣ, такъ и въ Россіи, одни и тѣ же. Русскія ассигнаціи имѣютъ совершенно такія же свойства, какъ и ассигнаціи австрійскія или турецкія; одинаковыя нравственныя причины, какъ вездѣ такъ и въ Россіи, производятъ одинаковыя послѣдствія. Но, точно также какъ и все въ мірѣ, Россія имѣетъ свои особенности, свои индивидуальныя черты, которыя не противорѣчатъ общимъ законамъ, а напротивъ изъ нихъ же объясняются. Россія имѣла свою исторію и вышла изъ нея съ характеристическими особенностями, которыя предопредѣляютъ дальнѣйшій ходъ ея исторіи. И друзья, и враги Россіи привыкли считать ее младенцемъ или по крайней мѣрѣ очень незрѣлымъ юнымъ существомъ. Напрасно! Хороша она или дурна, но она представляетъ собою очень зрѣлое существо, съ глубоко-укоренившимися, ничѣмъ неистребимыми инстинктами и историческими навыками ставшими ея натурой. Съ нею нельзя шутить, и только малодушіе и ребячество могутъ замышлять самовольныя радикальныя перемены въ ея организаціи. Россія есть зрѣлая, крѣпкая, глубоко укоренившаяся сила, а не зрѣлы, шатки и смуглы тѣ понятія, которыми мы, люди судящіе о Россіи, судимъ о ней. Въ нашихъ понятіяхъ мы живемъ постоянно внѣ Россіи, и эта двойственная жизнь производитъ страшный хаосъ и въ нашихъ понятіяхъ, и въ нашей дѣйствительности. Что ни скажете, все переведется въ нашей головѣ на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ, и мы отъ нашего русскаго быта, отъ нашихъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и мужичковъ, мгновенно унесемъ за тридевять земель. Скажите: Миссиссипи, а мы подумаемъ: Готтентотъ. Скажите: народное представительство, и въ нашей головѣ сейчасъ же засуетятся всѣ начитанныя нами понятія о разныхъ конституціяхъ, и мы невольными ассоціаціями представлений, перенесемъ на берега Сены. Незрѣлость наша состоитъ не въ томъ, чтобъ историческая жизнь нашего народа содержала въ себѣ мало прошедшаго, и вслѣдствіе того была скудна, слаба и молодая, а въ томъ что мы невольно и безсознательно смотримъ на нашу жизнь чужими, не соответствующими ей понятіями. Корова намъ кажется лошадыю, а лошадь коровою; въ глазахъ у насъ все перепутывается, и мы сплошь и рядомъ

дѣлаемъ то чего не хотимъ сдѣлать, и не дѣлаемъ того что хотимъ. Въ этомъ наше современное бѣдствіе, въ этомъ органическій порокъ нашего теперешняго состоянія. Вотъ поэтому-то мы кажемся себѣ и другимъ малыми дѣтьми, а не потому что мы не произошли многихъ наукъ и уступаемъ Нѣмцамъ въ учевости; вотъ поэтому-то старый дьякъ Московскаго государства, не знавшій ни по-французски, ни по-нѣмецки, не слушавшій университетскихъ лекцій, не походилъ какъ мы, на ребенка, но былъ настоящимъ человѣкомъ, зрѣлымъ мужемъ, судилъ о вещахъ здравомысленно и какъ слѣдуетъ зрѣлому мужу. Почитайте только наши старые юридическіе акты и посравните ихъ съ лепетаньемъ нашихъ нынѣшнихъ ученыхъ юристовъ, и вы поймете всю разницу между зрѣlostію дѣйствительной жизни и младенчествомъ новорожденныхъ понятій, которыя съ ней не ладятъ и не имѣютъ ничего общаго.

Мы никогда не могли хладнокровно слышать сужденій о политической незрѣлости русскаго народа. Отрицайте у него все что хотите, отнимайте у него что угодно, сомнѣвайтесь въ его зрѣлости во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но только оставьте за нимъ его несомнѣванную государственную зрѣлость. Въ этомъ заключается вся его исторія, а исторія его не призракъ. Позднѣе другихъ историческихъ народовъ началась его исторія; но за то она шла неизмѣнно въ одномъ направленіи, и вся сумма этой исторіи, безъ всякаго вычета, составляетъ государственную зрѣлость русскаго народа. Скорѣе можно назвать его перезрѣлымъ нежели незрѣлымъ въ этомъ отношеніи; а при политической зрѣлости всѣ другіе недостатки маловажны въ дѣлѣ политическаго устройства.

Тѣ признаки младенчества и несостоятельности, которые мы видимъ на поверхности нашего общества, ограничиваются нашими сужденіями, сбившимися съ толку вслѣдствіе того неорганическаго смѣшенія чужихъ понятій съ своеземными условіями, которое въ нашихъ канцеляріяхъ господствуетъ можетъ-быть еще болѣе чѣмъ въ самомъ обществѣ.

Правда, между нами нѣтъ преизбытка ученыхъ профессоровъ или говоруновъ-адвокатовъ; но развѣ желательно, чтобы въ Россіи явилася когда-нибудь такой спектакль какъ блаженной памяти французская трибуна, или такое посмѣшище какъ собраніе ученыхъ (дѣйствительно

ученыхъ) нѣмецкихъ профессоровъ и теоретиковъ въ церкви Св. Павла во Франкфуртѣ? Да упасетъ Богъ Россію отъ подобнаго сюрприза въ наши дни, потому что за два отдаленныхъ нашихъ потомковъ можемъ мы оставаться совершенно спокойны! Но мы смѣемъ сказать, что въ Россіи не можетъ явиться что-либо подобное не вслѣдствіе незрѣлости ея, а напротивъ, благодаря ея совершенной зрѣлости въ государственномъ отношеніи.

Ученые и теоретики, профессеры и адвокаты—люди очень хорошіе, но на своемъ мѣстѣ, у своего дѣла. Мысль, привыкшая обращаться въ кругу отвлеченныхъ занятій, теряетъ болѣе или менѣе воспріимчивость и гибкость, необходимыя для пракческаго дѣла, и очень вѣрѣдко глубокомысленный мыслитель и основательный ученый окажется совершеннымъ глупцомъ въ дѣлѣ требующемъ такта и смѣтливости, ребенкомъ въ живомъ политическомъ вопросѣ. Что же касается до преимуществъ здраваго смысла и практической смѣтливости, то едва ли русскій народъ, при всей скудости своего ученаго образованія и общественнаго быта, можетъ уступить въ нихъ какому-либо другому народу. Это его естественные дары, которые признаютъ за нимъ и самые враги: если же эти дары до сихъ поръ приносили мало пользы въ его внутреннемъ благоустройствѣ, такъ это лишь потому что мы слишкомъ таращимъ глаза на чужія преимущества, а не хотимъ видѣть своихъ и пользоваться ими какъ должно.

Россія никому въ угоду не приметъ никакой изъ тѣхъ бумажныхъ конституцій, которыя такъ часто и такъ быстро возникаютъ и падаютъ въ остальной Европѣ, и представляютъ собою контрактъ или договоръ между верховною властью и подданными. Ни въ какой бумажной конституціи Россія не будетъ искать благоустройства и дѣянія отъ своихъ недуговъ и золъ, — не потому чтобъ она была слишкомъ молода и не зрѣла, а потому что въ силу своей исторической зрѣлости, она ничего подобнаго не хочетъ. Мы говоримъ о зрѣлости ея исторіи, но не можемъ ручаться за младенческую мудрость нашихъ понятій, которыя постоянно вносили и вносятъ грустное замѣшательство и смуту въ нашу общественную жизнь и въ условія нашего народнаго быта. Отъ этой мудрости останется все; она пожалуй захочетъ искусственно произвести у насъ

то, чего и тѣмъ нѣтъ въ дѣйствительныхъ условіяхъ нашего народнаго быта.

Россія не допуститъ договора между народомъ и верховною властью, точно также какъ не допуститъ договорнаго начала между своими частями или чего-нибудь похожега на федерацію. Но система довѣрія, исключаящая всякую мысль о договорѣ между верховною властью и народомъ,—система полагающая въ основаніе полное и неразрывное единство между ними способна къ великому и благотворному развитію. Русь запечатѣла всю свою исторіей вѣрность этому началу; она выдержала самыя суровыя испытанія; она вытерпѣла Ивана Грознаго съ его опричниной и лютыми казнями; она привела всевозможныя жертвы для того чтобы сохранить нерушимо и утвердить это начало. Послѣ такихъ великихъ жертвъ нельзя и думать, чтобы она могла отказаться отъ результата всей своей исторіи. Отказаться отъ него значило бы отказаться отъ себя самой. Пусть не думаютъ, что начало полнаго единовластія, котораго держится русскій народъ, есть начало даровое и первобытное. Нѣтъ, вся наша исторія показываетъ, съ какимъ трудомъ и какъ продолжительно выработывалось это начало. Только истинно историческіе народы выработывали его, и вездѣ покупалось оно цѣною великихъ жертвъ, долгимъ рлдомъ вѣковъ полныхъ событіями.

Россія начала съ того, на чемъ остановилась Польша. Общественное состояніе, которое было для Россіи начаткомъ ея исторической жизни, въ Польшѣ оцѣнѣно, не подвергшись процессу, чрезъ который проходили всѣ историческіе народы, и только испортилось и загло, вслѣдствіе наносной цивилизаціи. Точно также какъ польская шляхта сходилась дралась, и продавала свое отечество на сеймахъ и сеймикахъ, сходился людъ нашихъ старыхъ вѣчевыхъ городовъ; тамъ также царствовало своего рода *liberum veto*, такая же стояла усобица предававшая ихъ всякому въ руки, и точно также, нашъ вѣчевой людъ и призывалъ, и прогонялъ своихъ князей. Разница только въ томъ, что мы подверглись суровой и жестокой школѣ исторіи, какъ и всѣ другіе государственные народы, и вотъ у насъ наше первобытное состояніе сократилось и упало въ скромные размѣры незамѣтной ячейки общественнаго организма, сельской общины съ ея миромъ, громадой и сходками; а у

Поляковъ это самое состояніе, въ уродливомъ, неорганическомъ наростѣ шляхетской касты, осталось до конца единственнымъ типомъ ихъ цѣлаго государственнаго быта.

Но неизбежное зло нашей исторіи состояло въ томъ, что довѣріе соединявшее народъ съ верховною властью въ неразрывное цѣлое, и создавшее русскую землю, не было совершенно обоюднымъ и взаимнымъ. Дальнѣйшій ходъ русской исторіи долженъ состоять въ укрѣпленіи этого единства, сообщеніемъ полной взаимности тому довѣрію, которое соединяетъ у насъ власть съ народомъ. Въ развитіи взаимнаго довѣрія между верховною властью и народомъ должно заключаться все наше политическое развитіе, все наше будущее благоустройство. Если разнаго рода конституціи, основанныя на контрактѣ и представляющія собою организованное недовѣріе между двумя, въ дѣйствительности свято и неразрывно соединенными, силами, представляютъ собою фикцію безплодную, безсильную и часто пагубную, то Россіи можетъ быть свойственно только такое политическое устройство, которое представляло бы въ своемъ основаніи полное взаимное довѣріе между властію и народомъ.

Если Польша должна соединиться съ Россіей въ одномъ государственномъ устройствѣ, если она, поддерживаемая Европой, желаетъ пользоваться выгодами представительства, то она должна знать, что это представительство не можетъ имѣть значеніе власти ограничивающей верховную власть, или пораждать призракъ двоевластія. Народное представительство, котораго Польша можетъ ожидать отъ Россіи, никогда не должно имѣть такого направленія, которое клонилось бы къ разрыву, или даже разобщенію между верховною властью и народомъ. Источникъ всякой власти долженъ безусловно принадлежать главѣ государства. Принципъ власти долженъ быть одинъ, какъ бы ни была сложна ея организація. Пусть всякій самъ сдѣлаетъ надъ собою опытъ для того чтобъ удостовѣриться, согласно ли сказанное съ дѣйствительностію, и такой опытъ сдѣлать очень легко. Пусть всякій русскій чловѣкъ попробуетъ собрать свои мысли съ серіозною практическою цѣлью, пусть онъ поставитъ себя посреди дѣйствительныхъ условій русской государственной жизни, — онъ разомъ почувствуетъ всю невозможность договорнаго начала въ русскихъ владѣніяхъ. Ему самъ собою уяснится единственно возможный характеръ народнаго представи-

тельства, возможнаго подъ скипетромъ Русскаго Царя. Оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ подтвержденіемъ, раскрытіемъ и оживленіемъ связи между верховною властію и народною жизнью. Съ одной стороны, оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ правильнымъ заявленіемъ дѣйствительныхъ потребностей, интересовъ и чувствованій страны передъ престоломъ; съ другой—ничѣмъ инымъ какъ лучшимъ, вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ проводникомъ закона въ народную жизнь, лучшимъ, вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ блюстителемъ всѣхъ его отпращиваній. Представительство въ этомъ смыслѣ можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ правильно-организованною силою общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени. Но сила эта можетъ хорошо дѣйствовать только тогда, когда она группируется вокругъ какой-нибудь правильной и законной организаціи. Бываютъ времена въ народной жизни, когда правительство принимаетъ характеръ диктатуры. При правильномъ ходѣ такой системы, совершенно послѣдовательно принимаются мѣры къ тому, чтобы никакого общественнаго мнѣнія не было. Политическая печать, при диктаторскомъ управленіи, существовать не можетъ. Никакое мнѣніе о дѣйствіяхъ власти, о началахъ, которыми она руководствуется, объ учрежденіяхъ, которыя она создаетъ, о законахъ, которые она обнародываетъ, не только порицательное, но и одобрительное, не должно высказываться. Никому при этой системѣ не дозволяется принимать участіе въ дѣлѣ общаго интереса, и общаго дѣла между людьми не допускается. Люди разрознены, общественныхъ силъ нѣтъ, и нѣтъ общественнаго мнѣнія. Обо всѣхъ предметахъ общаго интереса должны исключительно заботиться официальные люди, взятые какъ рекруты изъ общества и отдѣленные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціей, какъ причиною. Но коль скоро наступаетъ другое время, когда признается значеніе общественнаго мнѣнія, когда обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣній о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда пробуждаются и даже призываются къ дѣятельности общественныя силы, то ближайшею серіозною задачей должна быть кака-нибудь правильная организація общественныхъ силъ призываемыхъ къ дѣятель-

ности. Безъ правильной организаціи образуется фальшивое и зловредное общественное мнѣніе, или лучше сказать, фальшивое подобіе его. Все что только есть дурнаго, бессмысленнаго и сумасброднаго въ обществѣ всплыветъ наверхъ и будетъ дѣйствовать, и дѣйствовать не безуспѣшно, не встрѣчая себѣ никакого отпора, отравляя и развращая беззащитную среду. Всякое громко сказанное мнѣніе можетъ вызвать послѣдствія совершенно несоотвѣтствующія истинному настроенію умовъ и расположенію интересовъ въ данныхъ обстоятельствахъ. Что такое общественное мнѣніе? Конечно, результатъ множества отдѣльныхъ мнѣній. Но если нѣтъ такой организаціи, въ которой люди, представляющіе собою общественные интересы, могли бы чувствовать себя серіозно призванными къ заявленію этихъ интересовъ, то каждый высказываетъ только то что приходитъ ему въ голову, безъ всякаго чувства нравственной отвѣтственности за высказываемое мнѣніе. Ничье мнѣніе, при этомъ условіи, не сопровождается сознаніемъ долга и серіознаго дѣла; каждый думаетъ и говоритъ спустя рукава, не придавая пракческаго значенія своему мнѣнію. И вотъ, изъ этихъ-то мнѣній, зараждаемыхъ въ праздномыслии, безъ всякой серіозной цѣли, не сопровождаемыхъ нравственною отвѣтственностію и высказываемыхъ случайно, съ салонахъ, въ трактирахъ, на улицахъ, наконецъ въ самой печати, изъ этихъ-то беспорядочныхъ, необдуманныхъ, распущенныхъ мнѣній, слагается тотъ призракъ общественнаго мнѣнія, который можетъ давать самое фальшивое понятіе о дѣйствительномъ состояніи общества, и не освѣщать страну для правительства, а напротивъ облекать ее въ туманъ и фантазмагорію. И сколько изъ этой фантазмагоріи можетъ происходить роковыхъ недоразумѣній! Безъ крайней опасности для государства и общества отнюдь не должно, отнюдь не можетъ быть ничего средняго между тою политическою системою, которая отвергаетъ всякое содѣйствіе живыхъ общественныхъ силъ, и тою системою, которая принимаетъ въ свой составъ правильно организованное содѣйствіе общества.

Правильная организація живыхъ общественныхъ силъ, призываемыхъ къ участію въ дѣлахъ общаго интереса, правильная организація общественнаго мнѣнія,—вотъ единственно возможное значеніе политическаго представительства, котораго Польша можетъ ожидать подъ Русскою державой. Вотъ все, — но этого не мало. Значеніе это велико и благотворно. Въ своемъ правильномъ развитіи, оно можетъ удовлетворить всемъ

потребностямъ и власти и свободы, упрочивая и за тѣмъ и за другимъ началомъ свойственную ему сферу дѣйствія и усиливая то и другое ко взаимной пользѣ. Представительство, въ такомъ смыслѣ понятое и мудро устроенное, дать должную и спасительную силу всѣмъ основнымъ началамъ общественной жизни, дать должное вліяніе и на умы, и на дѣла, всѣмъ уважительнымъ интересамъ и черезъ это образуетъ великую нравственную силу. Собирая людей, пользующихся довѣріемъ общества и представляющихъ собою положительные интересы его, и ставя ихъ не гдѣ-нибудь въ углу, а у самаго центра государственныхъ дѣлъ, ставя ихъ передъ лицомъ верховной власти, и въ то же время не скрывая ихъ отъ взоровъ цѣлой страны, оно должно удесятѣрить силы каждаго, возвысить въ каждомъ чувство нравственной отвѣтственности и долга, сосредоточить человѣка, оно заставитъ его думать о дѣлахъ общаго интереса серьезно и дѣльно, заставитъ его тщательно провѣрять свои понятія, осторожно и заботливо прилагать ихъ къ дѣлу, потому что каждый будетъ мыслить и судить не отъ нечего дѣлать, не вдали отъ дѣла, а подъ непосредственнымъ его впечатлѣніемъ, подъ его гнетомъ. Возьмите человѣка въ праздную минуту: смотря по расположенію духа или по случайной обстановкѣ, онъ можетъ предаваться крайнему легкомыслію не только о какихъ-нибудь отдаленныхъ и очень общихъ предметахъ, но даже о своемъ ближайшемъ, кровномъ дѣлѣ. Но возьмите этого самаго человѣка въ ту минуту, когда это кровное дѣло его лѣвится передъ нимъ со всею настоятельностью, когда оно серьезно озаботитъ его, когда его хозяйство, его домъ, его поле, потребуютъ отъ него безотлагательныхъ распоряженій: вы увидите какъ онъ измѣнится, какъ измѣнятся и складъ его мысли, и тонъ его рѣчи. Люди, наиболѣе заинтересованные такимъ или другимъ оборотомъ общественнаго вопроса, судятъ о немъ безтолково и часто даже вопреки собственному образу мыслей, пока они не одушевлены увѣренностью, что ихъ сужденія имѣютъ какое-либо практическое значеніе, пока они не чувствуютъ себя призванными подумать о дѣлѣ серьезно. Совсѣмъ иное, когда человѣкъ обсуждаетъ дѣло съ чувствомъ серьезнаго призванія: онъ становится чутокъ и внимателенъ; онъ соображаетъ всѣ условія; и то, что при обычной распущенности мысли, казалось ему удобоисполнимымъ или полезнымъ, сейчасъ же окажется совершенно невозможнымъ, и наоборотъ.

Общество и правительство никакъ не должны находиться между собою въ положеніи двухъ противоположныхъ лагерей. Этого не должно быть, это противно всемъ требованіямъ и общественной свободы и общественного порядка. И однакожъ, къ сожалѣнію, такъ есть и такъ бываетъ. Въ этомъ именно и состоитъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ современныхъ обществъ и правительствъ. Искусственная конституція возводитъ эту рознь въ принципъ, и усиливаетъ болѣзнь. Правительство и общество одной и той же страны образуютъ — странное дѣло! — какъ бы двѣ чуждыя области, какъ бы два сосѣднія государства, находящіяся между собою въ мирѣ, потому только что оба готовы къ войнѣ. Это, безъ сомнѣнія, болѣзнь. Но найдутся люди, которые, пожалуй, готовы будутъ видѣть въ этомъ явленіи нормальное состояніе, и разрозненность правительства съ обществомъ будутъ считать за характеристическій признакъ свободы; такого сорта люди готовы будутъ полагать всю силу общественной свободы именно въ антагонизмъ между обществомъ и правительствомъ. Но указывая на Англію какъ на образецъ общественной свободы, эти глубокомысленные политики забываютъ, что изъ всѣхъ государствъ западной Европы, одна Англія составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, именно въ Англіи не только нѣтъ никакого антагонизма между правительствомъ и обществомъ, но нѣтъ почти никакого явственнаго раздѣла между ними, такъ что трудно указать гдѣ начинаются дѣйствія правительства и гдѣ оканчиваются дѣйствія общества. Именно въ Англіи, при той общественной свободѣ, которая такъ нравится этимъ господамъ, видимъ мы полнѣйшую солидарность между правительствомъ и обществомъ, начиная отъ самыхъ важныхъ государственныхъ интересовъ до самыхъ мелкихъ ежедневныхъ явленій. Не говоря уже о предметахъ общей и международной политики Англіи, гдѣ всѣ партіи какъ бы составляютъ заговоръ и дѣйствуютъ сообща, нѣтъ такой полицейской обязанности, въ которой Англичанинъ видѣлъ бы исключительное дѣло правительственныхъ агентовъ, и не считалъ напротивъ своимъ долгомъ всячески способствовать ея отпраменію. Если чѣмъ особенно можетъ похвалиться Англія, такъ именно тѣмъ, что тамъ нѣтъ и понятія о такихъ интересахъ, которые исключительно принадлежали бы одному правительству, и которыхъ частные люди должны были бы чуждаться или стыдиться. Въ томъ-то и состоитъ характеристическая черта свободнаго

общества, что оно не знаетъ никакого антагонизма между собою и правительствомъ, и въ томъ же, съ другой стороны, заключается главное условіе силы правительства и успѣшности его дѣйствій. Въ Англіи есть борьба партій, есть антагонизмъ между лицами; но бессмысленно было бы искать тамъ антагонизма между правительствомъ и обществомъ.

Но неужели полная солидарность между правительствомъ и обществомъ есть нѣчто исключительно принадлежащее Англіи, ея учрежденіямъ и формѣ ея политическаго быта? Неужели ни при какихъ иныхъ условіяхъ невозможенъ такой же результатъ, и не нелѣпо ли думать, что одна Англія можетъ имѣть эту привилегію, и что только исторія этого острова могла выработать такое нормальное состояніе общества и уберечь его отъ эпидемической язвы, свирѣпствующей въ новѣйшее время въ прочихъ европейскихъ странахъ? Было бы странно такъ думать. Нѣтъ, причина этой язвы заключается не въ естественныхъ условіяхъ той или другой страны подверженной этому злу, а напротивъ, въ уклоненіи отъ этихъ условій. Зло это главнымъ образомъ является послѣдствіемъ прерыва въ естественномъ ходѣ историческаго развитія; оно является послѣдствіемъ той смуты, которая возникаетъ и въ учрежденіяхъ страны, и въ умахъ людей, въ ней живущихъ, отъ искусственныхъ комбинацій, отъ заимствованныхъ понятій и воззрѣній.

Мы замѣтили, что искусственныя конституціи вездѣ успивали это зло; и если Европа не желаетъ Польшѣ зла, то она не должна навязывать ей никакой подобной комбинаціи. Европа должна удовольствоваться для Польши представительствомъ, основаннымъ безъ всякаго фальшиваго притязанія на власть и съ единственною цѣлью служить ей пособіемъ. Такое представительство можетъ принести власти дѣйствительно незамѣнимое пособіе, приводя ее въ непосредственное соприкосновеніе съ обществомъ и раскрывая передъ ней мнѣнія и настроенія его въ вѣрномъ и серіозномъ ихъ выраженіи, а не въ случайныхъ отзывахъ, не въ праздномысленной распушенности. Съ другой стороны, общество, призванное въ лицѣ своихъ представителей для пособія и поддержки власти, и посвящаемое правильнымъ образомъ въ дѣла, проникнется здравымъ политическимъ духомъ и станетъ бдительно на стражѣ всѣхъ интересовъ, съ которыми неразрывно связаны интересы всѣхъ и каждаго. Не въ томъ ли состоитъ вся задача политическаго благоустройства, чтобы правительство и

общество были согласны между собою въ побужденіяхъ и дѣлахъ, чтобы между ними не было никакихъ недоразумѣній, чтобы они знали другъ друга въ лицо и чтобы на всѣхъ путяхъ могли они дѣйствовать совокупно и солидарно?

Характеръ представительства опредѣляется при его основаніи. Если оно въ своемъ началѣ будетъ ложно понято, то эта ложь испортить все его значеніе и ляжетъ проклятіемъ на его судьбу. Оно отнюдь не должно быть замышляемо съ характеромъ власти, ограничивающей или уравнивающей верховную власть. Оно не должно имѣть на тѣни подобнаго притязанія. Малѣйшая капля яда отравитъ все смѣшеніе. Малѣйшій намекъ на возможность подобнаго притязанія съ самаго начала поставитъ представителей въ фальшивыя отношенія и къ верховной власти, и ко всему народу, и наконецъ къ тѣмъ интересамъ, которымъ оно должно послужить. Фальшивый намекъ не останется безъ послѣдствій; онъ скажется во всемъ; онъ безсознательно примѣшается къ каждой мысли, къ каждому слову, къ каждому дѣйствию; онъ будетъ тайнымъ источникомъ всякихъ недоразумѣній; онъ расплодится во множествѣ сорныхъ и зловредныхъ травъ, и будетъ все болѣе и болѣе плодиться, пока не будетъ вырванъ и послѣдній корешокъ фальши, загнившійся въ основаніи дѣла.

Дѣло благоустройства будетъ испорчено, если при основаніи его будетъ присутствовать та мысль, что верховная власть дѣлаетъ въ немъ какую-либо уступку изъ полноты своихъ правъ. Ничего не можетъ быть неразумнѣе и бѣдственнѣе такого представленія дѣла, что верховная власть скупо и крѣпко держитъ въ своей рукѣ разныя льготы, и выпускаетъ ихъ неохотно, въ видѣ уступки, такъ что народъ какъ бы выигрываетъ именно на столько, на сколько проигрываетъ власть. Такой взглядъ на отношенія власти къ народу столько же нелѣпъ, сколько и пагубенъ; онъ ставитъ власть и народъ въ отношенія невозможныя, противныя природѣ вещей. А между тѣмъ именно такой взглядъ присутствуетъ при сочиненіи фальшивыхъ конституціонныхъ комбинацій.

И власть и народъ должны понимать, что никакая общественная льгота, никакое улучшение въ правительственномъ аппаратѣ не должны быть понимаемы какъ какая-либо уступка въ ущербъ власти и на пользу народа. Улучшеніе въ правительственной системѣ не только не должно умалять, умажать или ослаблять верховную власть, но напротивъ должно укрѣплять и

возвеличивать ее. Такъ должна быть понимаема всякая льгота, всякое расширение правъ, даруемое обществу. Тѣмъ болѣе при основаніи представительства не должно быть и тѣни мысли, что оно является въ ущербъ верховной власти, или въ качествѣ однородной силы, ее ограничивающей. Оно отнюдь не должно быть понимаемо какъ уступка верховной власти, отрывающей часть своихъ правъ и своей силы, чтобъ отдать ее жадному до власти обществу. Всякій подобный взглядъ есть верхъ неразумія въ теоретическомъ отношеніи; а въ практическомъ онъ можетъ повести только къ пагубному и невозможному многовластію въ одномъ и томъ же государствѣ. Вездѣ главная сила историческаго развитія состояла въ томъ, чтобъ искоренять многовластіе, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось, и величайшія жертвы приносились народами для утвержденія единой власти. Возможно ли же, при свѣтѣ яснаго политическаго сознанія, совершать такое анти-историческое, самоубійственное дѣло введеніемъ начала многовластія въ видахъ политическаго благоустройства? Возможно ли дѣло возобновлять, подъ видомъ улучшенія и прогресса, старое зло, съ которымъ, въ многообразныхъ формахъ, такъ тяжко боролась исторія? А коль скоро о многовластіи не можетъ и не должно быть рѣчи, то и народное представительство, въ видахъ лучшаго политическаго устройства, отнюдь не должно имѣть характеръ власти, въ собственномъ и тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Какъ бы ни было организовано представительство, въ немъ не должно быть и тѣни мысли, что оно имѣетъ власть издавать законы, или что согласіе его необходимо верховной власти для изданія закона. Всякій проектъ, какъ бы онъ ни былъ годенъ стать закономъ, можетъ стать имъ единственно и вполне въ силу акта верховной власти. Мнѣніе представителей, хотя бы оно соединило въ себѣ всѣ голоса, должно оставаться не болѣе какъ простымъ мнѣніемъ, и сколько бы оно ни переходило испытаній, оно не должно пріобрѣтать ни малѣйшей юридической обязательности, не должно становиться ни полузакономъ, ни четвертью закона, ни собою долей его, до рѣшенія верховной власти.

Что же отсюда выходитъ? Коль скоро представительство, при своемъ основаніи, будетъ совершенно чисто отъ всякой фальшивой примѣси, коль скоро въ немъ не будетъ и тѣни притязанія на власть, коль скоро его мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться обязательнымъ, то каковъ

бы ни вышелъ составъ его, оно во всякомъ случаѣ будетъ совершенно безвредно. Разомъ исчезаютъ всѣ опасенія съ какой бы то ни было стороны, и не остается мѣста для мнительной заботливости о томъ, чтобы придумать сколь можно болѣе рациональныя или безвредныя формы для его устройства и дѣятельности. Коль скоро дѣло, при своемъ основаніи, будетъ чисто отъ всякаго живаго притязанія, то оно будетъ точно также чисто и отъ чувства страха, — а страхъ плохой воспріемникъ новорождаемаго дѣла. Падаютъ всякіе поводы къ спорамъ между разными системами избирательныхъ правъ или избирательнаго ценза, и дѣло такимъ образомъ обходится безъ всякаго сочинительства, безъ сложныхъ теоретическихъ хитросплетеній; оно начинается безъ всякой ломки, безъ всякихъ сборовъ, и примкнетъ къ простымъ и очевиднымъ условіямъ, непосредственно даннымъ. Улучшенія въ его организаціи будутъ въ послѣдствіи вырабатываться практикой, а не предпишутся бойкимъ перомъ теоретика. Пока дѣло будетъ идти хорошо, никакихъ улучшеній и не потребуетъ, потому что отъ добра добра не ищутъ; если же въ немъ окажется недостатокъ, то существеннаго вреда отъ этого не будетъ; къ тому же, вмѣстѣ съ недостаткомъ окажется и способъ къ его устраненію.

Коль скоро общественное мнѣніе въ этой организаціи будетъ оставаться только мнѣніемъ, то нѣтъ причины стѣснять сферу предметовъ, которыхъ оно можетъ касаться. Все что доступно общественному мнѣнію, при извѣстной свободѣ сужденія, еще въ большей мѣрѣ можетъ быть доступно для призванныхъ представителей его, которые должны послужить надежною и вѣрною подмогой для верховной власти, и которые въ то же время должны предстательствовать за самые существенныя, самые положительныя и самые основныя элементы общественнаго порядка и народнаго благосостоянія. Коль скоро основанія цѣлаго института свободны отъ фальшивой примѣси, то нечего опасаться ни размѣровъ его состава, ни размѣровъ его занятій. Чѣмъ многочисленнѣе будетъ его составъ, чѣмъ шире будетъ кругъ его занятій, тѣмъ несомнѣннѣе польза, которую онъ можетъ принести, тѣмъ значительнѣе и важнѣе его услуга для верховной власти, тѣмъ уважительнѣе, тѣмъ почтеннѣе будетъ онъ въ глазахъ цѣлой страны, а это необходимо для того, чтобъ онъ могъ оказывать вліяніе на умы и регулировать общественное мнѣніе за дверьми своихъ

засѣданій. Напрасно стали бы мы думать, что люди будутъ судить о дѣлѣ лучше и полезнѣе, когда мы ограничимъ сферу ихъ занятій и дадимъ имъ лишь то что менѣе значительно. Люди способны заинтересовываться дѣлами лишь въ той мѣрѣ, въ какой будетъ раскрываться имъ связь между ними и существенныя стороны ихъ. Только при этихъ условіяхъ можно ожидать отъ людей и дѣльнаго совѣта, и полезнаго вліянія; только при этихъ условіяхъ цѣлое учрежденіе можетъ внушать къ себѣ уваженіе.

Чистое въ своихъ началахъ, не имѣя за собой никакой роковой ошибки, которая могла бы исказить его развитіе и испортить его будущность, оно будетъ имѣть свою судьбу въ своихъ рукахъ. Будетъ ли оно дурно дѣйствовать, оно ничему не повредитъ своею несостоятельностью; будетъ ли оно дѣйствовать хорошо, оно обезпечитъ свое значеніе. Каждое полезное дѣйствіе, каждая услуга оказанная имъ государству, будетъ незабываемымъ прецедентомъ.

Итакъ, польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ для Россіи и для Польши, если Польша откажется отъ тѣхъ притязаній, которыхъ ни въ какой мѣрѣ, ни подъ какимъ видомъ, Россія допустить не можетъ. Польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ только посредствомъ полного соединенія Польши съ Россіей въ государственномъ отношеніи. Россія можетъ дать Польшѣ болѣе или менѣе близкіе виды на такое управленіе, которое вполнѣ удовлетворитъ всѣмъ законнымъ требованіямъ ея народонаселенія и далѣе которыхъ не могутъ простираются виды европейскихъ державъ, которымъ угодно заниматься теперь судьбою Польши. Польскій край можетъ имѣть свое мѣстное самоуправленіе, быть обезпеченнымъ во всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ интересахъ своихъ, сохранять свой языкъ и свои обычаи. Но децентрализованная сколько возможно въ административномъ отношеніи, Польша должна быть крѣпкою частію Россіи въ политическомъ отношеніи. Что же касается до политическаго представительства, то, въ соединеніи съ Россіей, Польша можетъ имѣть его не иначе какъ въ томъ духѣ и смыслѣ, которые выработались исторіей Россіи, а не по какому-нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской и русской исторіи.

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Британія.

Огромные часы на угловомъ зданіи стараго университета показывали два часа. Изъ новаго университета, по его нѣсколько наклоненному двору, выходили уже студенты. Внизу юридическихъ аудиторій молодцоватый студентъ надѣвалъ на себя калоши и шинель; а со спиральной лѣстницы, съ самой верхней ея площадки, другой студентъ, свѣсивъ голову за перилы, нѣсколько знакомымъ намъ голосомъ, кричалъ ему:

- Баклановъ, вы въ Британію?
- Въ Британію, отвѣчалъ старый нашъ пріятель.
- И я приду!
- Ну да! подтвердилъ Александръ, и когда онъ торопливо

проходилъ черезъ средній подъездъ, швейцаръ Михайло дружелюбно замѣтилъ ему:

— Чтò, не сидится, видно, на лекціи-то!

— Дѣло есть поважнѣй лекцій-то! отвѣчалъ ему Баклановъ серьезно.

Михайло усмѣхнулся ему въ слѣдъ.

Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нашимъ героемъ, онъ значительно возмужалъ: бакенбарды его подросли, лицо сдѣлалось выразительнѣе. Во всей его походкѣ, во всѣхъ движеніяхъ, было что-то мужественное, смѣлое.... Видно, что онъ рѣшился бойко идти на встрѣчу жизни.

Перейдя улицу, онъ, прямо противъ манежа, повернулъ въ трактиръ, съ грязноватою вывѣскою, и началъ взбираться по деревянной, усыпанной пескомъ, лѣстницѣ. Это-то и была Британія! Стоявшій за прилавкомъ прикащикъ, нѣскольکو модно и съ улыбкой, поклонился ему. Баклановъ мотнулъ ему головой, и пройдя залу, повернулъ въ комнату направо. Въ чистой, бѣлой рубахѣ половой, съ блѣднымъ и умнымъ лицомъ, съ подстриженною небольшою бородой и съ намавленной головой, почти дружески снялъ съ Бакланова шинель и положилъ ее на давно, какъ видно, приуроченное для нея мѣсто.

— Бирхманъ и Ковальскій были? спросилъ Баклановъ, сядя на диванъ.

— Нѣтъ еще-съ, не приходили, отвѣчалъ половой.

Баклановъ приподнял ногу на стулъ, причемъ обнаружилъ тончайшіе, франтовскіе шальвары. Его сюртукъ, съ маленькимъ голубымъ воротникомъ, тоже сидѣлъ на немъ щеголевато.

Половой подаль ему трубку и растрепанный номеръ *Репертуара*.

— А кто въ биллиардной есть? спросилъ Баклановъ.

— Проскриптскій, кажется-съ....

— О, чортъ съ нимъ! произнесъ, съ досадой, Баклановъ.

Половой усмѣхнулся.

— Вчера у нихъ съ Варегинымъ и была же поповщина.

— Въ чемъ?

— Да все о душѣ-съ.

— И кто же кого?

Половой пожалъ плечами.

— Богъ ихъ знаетъ: Варегинъ-то, словно бы, правильнѣе на словахъ говорилъ.

— Варегинъ умница!

— Да-съ, согласился и половой,—господишь большаго разсудка. Говорять, онъ изъ нашего, изъ простаго званія-съ.

— Онъ мѣщанинъ. Тогда Наслѣдникъ съ Жуковскимъ путешествовалъ. Ему его и представили: задачи онъ, въ головѣ, самоучкой рѣшалъ. Тотъ велѣлъ его взять въ гимназю; въ два мѣсяца какіе-нибудь, читать не умѣвши, въ третій классъ приготовился.

Половой, съ удовольствіемъ, улыбался.

— Чтò оно, значить, природное-то! произнесъ онъ съ какимъ-то благоговѣніемъ; а потомъ, торопливо подавъ порцію чаю вновь пришедшимъ посѣтителямъ, опять подошелъ къ Бакланову.

— Прокриптъскій этта-съ.... можетъ, изволите знать: изъ Думы сюда ходить чиновникъ.... чинъ тоже получилъ и ходилъ къ Иверской молебень служить.... онъ на него и напалъ: „у червяка, говоритъ, голова, и у васъ; червяку отрѣжь голову и вамъ, и оба вы умрете!“ Такъ того, бѣднаго, пробралъ....

— Пявка!... ко всѣмъ льнетъ!... отвѣчалъ Баклановъ.

— Ужь именно-съ!... подтвердилъ половой.

Вошли Бирхманъ и Ковальскій. Первый изъ нихъ былъ длиннѣйшій Нѣмецъ. Годубые глаза его имѣли нѣсколько телячье выраженіе; но очертанія лица были довольно тонки и сквозь бѣлую, нѣжную кожу просвѣчивали на лбу тоненькія жилки. Одѣтъ онъ былъ въ нескладный вице-мундиръ и въ уродливѣйшую, казенную, сѣро-синюю шинель, подбитую зеленою байкой съ бѣленькими лапками. Ковальскій, напротивъ, былъ маленькій, приземистый мужчина, сутуловатый, съ широкими, приподнятыми вверхъ, какъ на статуѣ Геркулеса, плечами. Онъ, какъ пришелъ, такъ сейчасъ же взялъ съ комода щетку и началъ ею чистить свой сюртукъ, полы котораго, въ самомъ дѣлѣ, были страшно перепачканы въ грязи.

— Гдѣ это ты такъ вывалялся? крикнулъ ему Баклановъ.

— Это онъ меня везъ! отвѣчалъ за него и совершенно спокойно Бирхманъ, садясь на стулъ къ столику противъ Бакланова.

— Чтò жъ, заказывай по условію-то!... произнесъ угрюмо Ковальскій, подходя и тоже садясь около столика.

— Сосисекъ дай! сказалъ Бирхманъ, попрежнему равнодушнымъ образомъ и не повертывая даже головы къ половому.

— Если самъ будешь ѣсть, такъ заказывай двѣ порціи, прибавилъ Ковальскій.

— Ну, двѣ! сказалъ и на это тѣмъ же тономъ Нѣмецъ.

Оба эти молодые люди были изъ Александровскаго сиротскаго института и жили вмѣстѣ въ казенномъ домѣ. Бирхманъ, имѣвшій кое-когда денжонки, нерѣдко, особенно въ темные, осенніе вечера, прїѣзжалъ въ Британію верхомъ на прїятелѣ и угощалъ его за это водкой, пивомъ, кушарьями.

— Какъ у тебя силы хватаетъ нести такую дубину? спросилъ его Баклановъ.

— Да ничего бы, отвѣчалъ Ковальскій, передернувъ слегка плечами,—болтается только, не сидитъ никакъ крѣпко.

— Это меня вѣтромъ сдуваетъ, отвѣчалъ Бирхманъ, хотя бы съ малѣйшимъ слѣдомъ улыбки на лицѣ; но прочіе всѣ, не выключая и половаго, засмѣялись.

— Чортъ знаетъ чтò такое! говоритъ Баклановъ:—А чтò, господа, прибавилъ онъ,—въ пятницу мы въ театрѣ?

— Въ театрѣ, отвѣчалъ равнодушно Бирхманъ.

— О, разумѣется! подхватилъ Ковальскій. Онъ надѣялся и назадъ протащить прїятеля на своихъ плечахъ и получить за это съ него билетъ въ раекъ.

— Надобно, господа, надобно, говорилъ Баклановъ,—а то этотъ господинъ теперь прїѣхалъ, привезъ свою мерзавку; эту несчастную гонять. Они дойдутъ, наконецъ, до того, что вытурять и Щепкина, и Садовскаго, и Мочалова, и пришлютъ вамъ братьевъ Каратыгиныхъ.

Бирхманъ сдѣлалъ движеніе головой, которымъ какъ бы говорилъ: „нѣтъ, они у меня этого не сдѣлаютъ!“

— Впервыхъ, продолжалъ Баклановъ,—эту госпожу надо отвистать,—она дрянъ, а та—божество, талантъ!

— Отвистать! произнесъ Бирхманъ.

— Можно сдѣлать такую машину... какъ ее поставишь сейчасъ промежъ колѣвъ, подавишь—шкнетъ какъ сто человѣкъ! подхватилъ Ковальскій. Кромѣ необыкновенной силы, онъ былъ еще и искусникъ на всѣ механическія работы.

— Финкель, портной, приходилъ, вмѣшался въ разговоръ половой,—онъ говоритъ, если господамъ, говорить, угодно, я пришло въ театръ своихъ подмастерьевъ. Одинъ, говоритъ, такъ у меня свиститъ, что лошади на колѣвна падаютъ, и теперь если ему—старога, говоритъ, платя у меня много,—дать

ему фракъ и взять только, значить, ему надо бидеть въ кресла.

— Это можно будетъ, но главное вотъ что... продолжалъ Бакалановъ, одушевляясь:—этой нашей госпожѣ надобно у нихъ, канальевъ, подъ носомъ подарить вънокъ или колечко какое-нибудь брилліантовое.... У меня моихъ собственныхъ сто цѣлковыхъ готовы—нарочно выпустилъ мужика на волю... Вы, Бирхманъ, сколько дадите?

— Я дамъ столько, сколько у меня въ то время въ карманѣ будетъ, отвѣчалъ положительно Бирхманъ.

— Я дамъ тоже сколько у него будетъ! подхватилъ и Ковальскій.

— Мы дадимъ оба сколько у насъ тогда будетъ, сказалъ еще опредѣлительнѣе Бирхманъ.

— Превосходно! воскликнулъ Бакалановъ.—Венявина я поспалъ съ подписнымъ листомъ.... Тамъ, на первомъ курсѣ, пропасть аристократшкоровъ поступило.... посмотримъ, сколько отваять и поддержать ли университетъ!

На эти слова его, въ комнату, какъ бы походкой гienы, вошелъ сутуловатый студентъ, съ нѣсколькими старческимъ лицомъ и въ очкахъ. Кивнувъ слегка нашимъ пріятелямъ головой, онъ прошелъ и сѣлъ у другаго столика.

— Дай мнѣ *Отечественныя Записки!* проговорилъ онъ пискливымъ голосомъ.

Половой молча подалъ ему.

Между тѣмъ у Бакаланова, съ приходомъ этого лица, какъ бы языкъ прилипъ къ гортани.

— Вы видѣли ее въ *Гризельдѣ?* продолжалъ онъ, гораздо тише и какъ-то не такъ бойко.

— Видѣлъ! отвѣчалъ попрежнему громко Бирхманъ.

— Вѣдь это, чертъ знаетъ что такое! Летучая мышь! говорилъ Бакалановъ, не возвышая голоса.

Въ это время явился Венявинъ—усталый, запыхавшійся, волосы его торчали въ разныя стороны.

— Какъ некая лучше все устроилось, говорилъ онъ, подходя прямо къ Бакаланову:—юристы подписались на семьдесятъ пять рублей, математики тоже изъявили согласіе и медиковъ человекъ двадцать будетъ въ театрѣ.

— Ну, умяца! паивька! сказалъ Бакалановъ:—Дай ему за это чаю! обратился онъ къ половому.

— Нѣтъ, лучше водочки дайте! говорилъ Венявинъ, какъ

бы начиная уже кокетничать, а потомъ, такъ какъ около Бакланова не было мѣста, онъ сѣлъ рядомъ съ Проскриптскимъ. Тотъ ядовито на него посмотрѣлъ.

— Что это вы такъ хлопчете? проговорилъ онъ своимъ обычнымъ дискантомъ.

Венявинъ, по своему добродушію, сейчасъ же сконфузился.

— Что дѣлать, нельзя! отвѣчалъ онъ.

— Хлопчете, какъ и всѣ порядочные люди! обратился, наконецъ, Баклановъ къ Проскриптскому, гордо поднимая голову.

— Вы бы ужь лучше въ гусары шли, обратился тотъ опять къ Венявину.

— А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство составляетъ? перебилъ его Баклановъ.

— У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность, возразилъ Проскриптскій.

— Искусствомъ актера, значить, наслаждаться нельзя! сказалъ Баклановъ.

— Хи, хи, хи! засмѣялся Проскриптскій. — Что же такое искусство актера?... Искусствѣ сдѣлать то что другіе дѣлаютъ.... искусство не быть самимъ собой — хи, хи, хи!

— Въ балетѣ даже и этого нѣтъ! возразилъ Баклановъ.

— Балетъ я еще люблю; въ немъ, по крайней мѣрѣ, насчетъ клубнички кое-что есть, продолжалъ насмѣхаться Проскриптскій.

— Въ балетѣ есть грація, которая живетъ въ рафаэлевскихъ Мадоннахъ, въ Венерѣ Милосской, говорилъ Баклановъ, и голосъ его дрожалъ отъ гнѣва.

— Хи, хи, хи! продолжалъ Проскриптскій, — въ реторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, милое и наивное.

— Ну, пошелъ! проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія. — А, Варегинъ! прибавилъ онъ, дружельно обращаясь къ вошедшему, лѣтъ двадцати пяти, студенту, съ солиднымъ лицомъ, съ солидною походкой и вообще всею своею фигурой внушающему какое-то почтеніе къ себѣ.

— Вивать, вивать Петру Александрычу! пропѣлъ Ковальскій, достаточно упитавшійся полученными имъ за труды сосисками.

— Gut morgen! проговорилъ пришедшему пріятливо и Бирхманъ, который, во все время спора Бакланова съ

Проскриптускимъ отчаянно и молча курилъ, хотя въ то же время его нѣжное лицо то краснѣло, то блѣднѣло. Не надѣясь на свое внимательство словомъ, онъ, кажется, съ большимъ бы удовольствіемъ отдубасилъ Проскриптскаго кулаками.

— Здравствуйте! здравствуйте! говорилъ, между тѣмъ, Варегинъ, подавая всѣмъ руку.—Здравствуйте ужь и вы! прибавилъ онъ, обращаясь къ Проскриптускому.

— Здравствуйте-съ! отвѣчалъ тотъ, и опять постарался зашгваться.

— Въ грацію ужь не вѣрять! сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптскаго.

— Во вздоръ вѣрять, а въ то что передъ глазами—нѣтъ! отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ.

— Что такое вѣрять? Я не знаю, что такое значить вѣрять; или, въ самомъ дѣлѣ, вѣра есть уповаемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличеніе! хи, хи, хи!

— Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину! подхватилъ Баклановъ.

— А что такое мысль, истина? Что сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали же люди землю плоскостью!

— Стало-быть, и Коперникъ вретъ? спросилъ ужь Варегинъ.

— Вѣроятно!

— Но какъ же пророчествуютъ по астрономическимъ вычисленіямъ?

— Случайности!

— Случайность вы полагаете? произнесъ протяжно Варегинъ.

Студентовъ, такъ какъ ужь было около четырехъ часовъ, набиралось все больше и больше. Дымъ густыми облаками ходилъ по комнатамъ. Меньше всѣхъ обнаруживали участіе къ спору двое студентовъ-медиковъ. Они благоразумно велѣли подать себѣ, на одномъ дальнемъ столикѣ, водки и борщу, и только молча показывали другъ другу головой, когда, по ихъ разчету, слѣдовало пропустить по маленькой. Около Проскриптскаго помѣстились двое его поклонниковъ, одинъ—молоденькій студентъ съ впалыми глазами, а другой—какой-то чрезвычайно длинноволосый, нечесаный и безпрестанно заглядывавшій въ глаза своему патрону. Бирхманъ съ досады пилъ съ Ковальскимъ седьмую бутылку пива. Баклановъ тоже ѣлъ ростбифъ и пилъ портеръ.

— Вотъ вѣдь что досадо: зачѣмъ же вы вѣрите въ социализмъ-то, въ кисельные-то берега и медовыя рѣки? говорилъ онъ Проскриптовскому.

— Э, вѣрить! разговоры только это! упражненіе въ діалектикахъ! подхватилъ Варегинъ.

— Что жь такое діалектика? Человѣчество до сихъ поръ только и занималось, что діалектикой! подтвердилъ Проскрипскій.

— А желѣзныя дороги тоже діалектика? спросилъ Варегинъ.

— Полезная слесарямъ и инженерамъ! Хи, хи, хи! смѣялся Проскрипскій.

— Но вѣдь, чортъ возьми, они связываютъ людей, соединяютъ ихъ! воскликнулъ Баклановъ.

— А зачѣмъ человѣчеству нужно это? Дикіе, живущіе въ степяхъ американскіихъ, конечно, счастливые меня! возразилъ, какъ бы съ наивностію, Проскрипскій.

— Именно! подхватилъ, почему-то вдругъ одушевившись, студентъ съ впалыми глазами.

— Ну да, разумѣется! подтвердилъ за нимъ и длинноволосый.

Венявинъ, выпившій двѣ рюмки и совсѣмъ отъ этого захмѣлѣвшій, толковалъ Ковальскому.

— Я люблю науку... люблю....

— Отчего же вы изъ римскаго права единицы получаете? окрысился на него Проскрипскій.

— Ну, да, что жь такое! И получаю, а все-таки люблю науку! говорилъ Венявинъ.

Въ другомъ мѣстѣ между кучками студентовъ слышалось:

— Рѣдкннъ, чудо какъ, сегодня говорилъ о колонизаціяхъ.

— Что жь, въ чемъ это чудо заключалось? обратился вдругъ къ нимъ Варегинъ.

— Да онъ говорилъ въ томъ же духѣ, какъ и Грановскій! отвѣчали ему.

Варегинъ усмѣхнулся.

— Тѣхъ же щей, да пожиже влей! произнесъ онъ.

— Грановскій душа человѣкъ, душа! подтверждалъ Венявинъ.

— Старая чувствительная дѣвка! оказалъ Проскрипскій.

Варегинъ при этомъ только посмотрѣлъ на него.

Баклановъ, которому надоѣли эти споры, всталъ, и надѣвъ шинель, проговорилъ:

— Кто жь, господа, въ пятницу будетъ въ театрѣ?

— Мы! и мы! отозвались почти со всѣхъ сторонъ; но потомъ вдругъ мгновенно все смолкло.

— Тертiевъ поетъ! воскликнулъ Венявинъ, и перескочивъ почти черезъ голову Ковальскаго, убѣжалъ.

Баклановъ пошелъ за нимъ же.

Въ бильярдной они увидѣли молодого, блѣдураго студента, который, опершись на кii и подобравъ высоко грудь, пѣлъ чистымъ теноромъ:

„Ужъ какъ кто бы, кто жовжу горю поможетъ.“

Слушали его нѣсколько студентовъ. Венявинъ шмыгнулъ съ ногами на диванъ и превратился въ олицетворенное блаженство.

Въ сосѣдней комнатѣ, Кузьма, (знакомый намъ половой), прислонившись къ притолку, погрузился въ глубокую задумчивость. Прочiе половые также слушали. Многiе изъ гостей купцовъ, не безъ удовольствiя, повернули свои уши къ дверямъ. Не слушали только—Проскриптскiй, сидѣвшiй уткнувъ глаза въ книгу, и двое его почитателей, которые, вѣроятно изъ подражанiя ему, вели между собою довольно громкiй разговоръ.

Начали, наконецъ, засвѣчать огни.

Баклановъ пошелъ домой и на лѣстницѣ встрѣтился съ Проскриптскимъ.

— И вы уходите? проговорилъ было онъ ему довольно вѣжливо.

— Да, ухожу-сь! отвѣчалъ тотъ обыкновеннымъ своимъ смѣшкомъ.

Сойдя съ лѣстницы, они разошлись: Баклановъ пошелъ къ Кремлевскому саду, а Проскриптскiй на Арбатъ.

— Кутейникъ! проговорилъ себѣ подъ носъ Баклановъ.

— Барченокъ! прошепталъ Проскриптскiй.

А изъ трактира, между тѣмъ, слышалось пѣнье Тертiева:

„Руки ноги скованы, его красная рубаха вся-то поизорвана!“

ГЛАВА II.

Милое, но нелюбимое существо.

Луна, точно гигантовъ какихъ, освѣщала кремлевскія башни. Дорожки сада она покрывала бѣловатымъ свѣтомъ. Еще не совсѣмъ облетѣвшіе кусты деревьевъ представлялись черными кучами. Баклановъ шелъ быстро и распустивъ свою шинель. Его благородная кровь (предокъ Александра, при Иоаннѣ Грозномъ, былъ повѣшенъ; другой предокъ, при Петрѣ, отличился подъ Полтавой, а при Екатеринѣ Баклановы служили землемѣрами) — его юношеская кровь, легко и свободно текла въ здоровомъ тѣлѣ. Пройдя садъ, онъ повернулъ въ одинъ изъ переулковъ и вошелъ въ калитку небольшого деревяннаго домика. Это была его квартира, которую нанялъ онъ, съ самаго своего поступленія въ университетъ, у пожилой Польки-вдовы, панны Фальковской. Если ужъ непременно необходимо что-нибудь сказать о свойствахъ этой дамы, то, вопервыхъ, она очень любила покушать.

— Цо то значе, яко мало ѣдзо млоды людзи! говорила она, относя эти слова къ постояльцу и къ дочери, и если въ супѣ оставался хоть маленькій кусочикъ мяса, она его сейчасъ же вытаскивала и доѣдала.

Послѣ обѣда она любила заснуть и при этомъ такъ засыпала свои маленькіе глазки, что встрѣчаясь въ такомъ видѣ съ Баклановымъ, даже совѣстилась.

— Ой! не глядите, не глядите, стыдно! говорила она, закрывая лицо руками и отвертываясь.

На каждомъ окнѣ у нея были цвѣты и канарейки, а по всему дому, не выключая и сѣней, посланы ковры.

Баклановъ собственно занималъ двѣ комнаты. Одна изъ нихъ была у него убрана стульями и маленькимъ фортепіано; а въ другой стояли въ порядкѣ: прибранный письменный столъ, передъ нимъ вольтеровское кресло, по стѣнѣ мягкій, покойный диванъ, на которомъ лежала прелестно вышитая шерстями подушка, подарокъ хозяйкиной дочери, пани Казиміры, о которой я упоминалъ уже въ первой части моего романа. Въ

углу комнаты, на нарочно посланной подстилке, лежала лягавая собака, которая, при появлении хозяина, сейчас же взошла и начала прыгать.

— Здравствуй, Пегасушко, здравствуй! говорил Баклановъ, раскланиваясь передъ ней.

Собака тоже передъ нимъ раскланивалась, опускаясь на переднія лапы и слегка пролаивая.

Благообразный лакей, котораго Александръ нарочно выбралъ для себя изъ дворовыхъ мальчиковъ, снялъ съ него сюртукъ, подаль ему надѣть вмѣсто него черный, стеганый архадукъ и зажегъ на столѣ двѣ калетовскія, въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, свѣчки.

Вообще во всемъ этомъ обиходѣ домашней жизни молодаго челоуѣка была замѣтна порядочность и нѣкоторое стремленіе къ роскоши и щегольству.

— Александръ Николаичъ, вы пришли? посышался изъ соседней комнаты женскій голосъ.

— Пришелъ-съ.

— Можно къ вамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Дверь отворилась и въ комнату вошла дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, скромная на видъ, не красавица собой, но и не дурная, довольно со вкусомъ одѣтая въ холстинковое платье: это была пани Казимира. Она сейчасъ же сѣла на вольтеровское кресло. Лягавая собака не замедлила подойти къ ней. Казимира приласкала ее.

— Что вы не приходили обѣдать?... мамаша ждала, ждала васъ, проговорила она.

— А теперь она спитъ?

— Спитъ....

— Вверхъ брюшкомъ?

— Да; отвѣчала Казимира съ улыбкой;—но гдѣ же вы были цѣлый день? прибавила она.

— Возиася все съ этимъ театромъ, отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну что это! Что вамъ за охота! проговорила дѣвушка, и покачала головой.

— Какъ что за охота? Надобно же показать, что мы дорожимъ вашими талантами; а то это проклятое чиновничество чортъ знаетъ что надѣляетъ! отвѣчалъ Баклановъ, беря лежавшую на диванѣ красную феску и надѣвая ее себѣ на голову.

Казимира невольно потупилась. Молодой человекъ, въ этой, надѣтой нѣсколько на бекрень, красной шапочкѣ, которая еще болѣе отгнѣяла его черные, вьющіеся волосы, былъ очень красивъ.

Онъ усады на диванъ въ небрежной позѣ.

— Вы вѣрно влюблены въ эту Санковскую, начала опять Казимира.

— Хмъ.... усмѣхнулся Бакаловъ.—Вы, кажется, должны хорошо знать, что я ни въ кого не могу быть влюбленъ, прибавилъ онъ, бросая на дѣвушку выразительный взглядъ.

Существующія, въ настоящее время, между молодыми людьми отношенія были довольно странны: Казимира влюбилась въ Бакалова съ первыхъ же дней, какъ онъ поселился у нихъ. Со своею богатою обстановкой, со своимъ крѣпостнымъ лакеемъ, онъ, умный, добрый и красивый, казался ей какимъ-то миллионеромъ, и въ то же время полубогомъ, болѣе даже чѣмъ Венявину. Бакаловъ, съ своей стороны, особенно послѣ его неудачной любви къ Сонѣ, тоже шутилъ съ ней.... любезничалъ.... смѣялся.... Все это, какъ бы напитанная ядомъ стрѣлы, входило въ сердце пылкой пани. Разъ—это было въ полутемноватомъ московскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ они, въ сопровожденіи старухи Фальковской, ходили кое-что закупать, Казимира шла подъ руку съ Александромъ и все старалась оставить мать позади, а потомъ вдругъ крѣпко, крѣпко оперлась на его руку.

— Скажите мнѣ, говорила она, — что это такое со мной?... Съ тѣхъ поръ, какъ вы у насъ живете, я такъ счастлива, такъ всѣхъ люблю!...

Бакаловъ на это только усмѣхнулся.

— Неужели я въ васъ влюблена? прибавила Казимира.

Александръ покраснѣлъ.

— Послушайте, началъ онъ. Голосъ его слегка дрожалъ.— Вы чудная, прекрасная дѣвушка, и я хочу быть въ отношеніи васъ благороденъ: не любите меня.... я люблю другую... проговорилъ онъ, и вздохнулъ.

— Кого же? спросила Казимира, совсѣмъ уничтоженная.

— Послѣ.... послѣ вы все узнаете, отвѣчалъ Александръ и остановился чтобы подождать старуху Фальковскую.

Послѣ это настало невдолгѣ. Въ одни сумерки, они остались вдвоемъ. Казимира, подъ вліяніемъ своихъ тяжелыхъ

думъ, сидѣла тихо за работой, а Баклановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы видали у меня эту вещь? заговорилъ онъ, останавливаясь передъ ней и вынимая изъ подъ жилета висѣвшій на груди его маленькій медальйонъ.

— Что такое тутъ? спросила Казимира, устремляя на него невольнo нѣжный взоръ.

— Посмотрите! и Баклановъ раскрылъ медальйонъ.

Тамъ хранилась знакомая намъ записочка Соли. Онъ бережно вынулъ ее и подаль Казимиръ.

— Это отъ той, которую вы любите? проговорила она, болѣе машинально прочитавъ написанное.

— Да, отвѣчалъ Баклановъ.

— Зачѣмъ же она такъ пишетъ? спросила, послѣ короткаго молчанія, Казимира, и точно при этомъ спряталась вся въ свои кресла.

— Что дѣлать! обстоятельства!... жизнь!...

— О, какія же могутъ быть для этого обстоятельства! воскликнула Казимира.

Въ голосъ ея слышалась грусть и насмѣшка.

— А такія... отвѣчалъ Баклановъ и не докончилъ.

— Вы и теперь еще переписываетесь? спросила Казимира. Лицо ея при этомъ поблѣднѣло.

— Нѣтъ.

— Но чѣмъ же все это должно кончиться?

— Не знаю! охъ, хо, хо, хо! произнесъ Баклановъ, со вздохомъ.

Разговоръ, въ этомъ родѣ, опять въ непродолжительномъ времени возобновился между молодыми людьми, и сталъ повторяться довольно часто. Александръ чувствовалъ какое-то особенное наслажденіе говорить съ Казимирой объ ея соперницѣ.

Въ настоящій вечеръ, бывъ особенно въ припадкѣ чувствительности, онъ не преминулъ заговорить о томъ же.

— Кто разъ любилъ хорошо, тому долго не собраться съ силами на это чувство! произнесъ онъ.

— Вы какихъ лѣтъ ее полюбили? спросила Казимира. Она, въ свою очередь, тоже находила какое-то болѣзненное удовольствіе слушать Александра, когда онъ разказывалъ о любви своей къ другой, хотя, по временамъ, это становилось ей очень и очень тяжело.

— Почти что съ дѣтскихъ лѣтъ, отвѣчалъ Баклановъ, разваливаясь на диванѣ.—Мы росли съ ней вмѣстѣ и, разумѣется, какъ дѣти, играли въ разныя игры, между прочимъ и въ овадьбы: я будто мужъ, а она жена.... заберемя въ темный уголъ и сидимъ тамъ...

Казимира склонила голову на руку и, кажется, вся кровь прилила ей къ лицу.

— Потомъ, продолжалъ Баклановъ,—я жилъ съ матерью, въ деревнѣ: только разъ гулялъ въ полѣ, прихожу домой, говорятъ, Басардины прѣѣхали; вхожу и вижу, вмѣсто маленькой дѣвочки—совсѣмъ сформировавшуюся, и не съ двумя, а съ одною ужъ косою, съ длинными, бѣлыми, чудными ручками!... (При этомъ онъ невольно взглянулъ на исколотые иглою и слегка красноватые пальцы Казимиры.) Мнѣ такъ какъ будто бы что-то въ сердце ударило.... чувство настоящее заговорило.

— Да, понимаю, отвѣчала Казимира, со вздохомъ, припоминая собственное чувство къ Александру.

— Ну, потомъ, я учился въ гимназiи, а она въ пансионѣ, и ѣздила къ намъ... Въ домѣ у насъ огромная зала.... ходимъ мы съ ней, бывало, и она все меня спрашиваетъ: „Кто мой идеаль?“ Баклановъ такъ при этомъ одушевился, что даже попристалъ.—Я говорю: „Вы его знаете, выдали.“ „Гдѣ?... Когда?...“ „Въ зеркалѣ“, говорю.

Казимира въ это время держала свою голову обѣими руками: О! для чего это счастье выпало не на ея долю!

— Она сконфузилась, говорилъ Баклановъ,—а въ то время было стихотворенiе: *Не говори ни да, ни нѣтъ!* Я ужъ къ ней сталъ приставать: „да или нѣтъ?“ спрашиваю. „Да“, говорить.

Казимира вздохнула.

— Ну и что же?

— А тоже, что были минуты полнаго, безумнаго счастья!

— Какъ, неужели дошло до конца? проговорила, съ нѣкоторымъ удивленiемъ, Казимира.

— Да!

Баклановъ такъ привыкъ по этому случаю прилыгать, что даже и самъ не замѣчалъ, когда дѣлалъ это.

— Какъ же она въ такомъ видѣ вышла за другаго? проговорила Казимира, уже вставая. Сердце ее не въ состоянiи было долѣе переносить эту муку.

— Вы читали, какъ она вышла, отвѣчалъ Баклановъ.— Но погодите, постойте! куда же вы? прибавилъ онъ, беря Казимиру за руку.

— Та отвернулась отъ него, какъ бы затѣмъ чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.

— Посидите! сказалъ онъ, и посадилъ ее почти силой на диванъ.

— Нѣтъ! пустите, пустите! проговорила вдругъ Казимира, и пошла: на глазахъ ея видны были слезы.

Баклановъ посмотрѣлъ ей задумчиво въ сѣдъ.

— Будь покойна, мое кроткое существо.... я не погублю тебя! произнесъ онъ тономъ самоотверженія.

Но въ самомъ дѣлѣ, Казимира просто не нравилась ему своею наружностью.

ГЛАВА III.

Андреянова на Московской сценѣ.

Къ подъѣзду большаго театра, почти непрерывною цѣпью, подъѣзжали кареты. По коридорамъ бѣгали чиновники почему-то почище и посвѣжѣ одѣтые. Зала театра, кромѣ люстры, была освѣщена еще двумя рядами свѣчъ. Изъ директорской ложи видѣлись полныя и гладко выбритыя физиономіи. Декораціи, изображавшія какой-то трудно даже вообразимый, но все-таки прелестный и полный фантастическихъ тѣней видъ, блистали явною новизной. Кордебалетъ, тоже весь одѣтый до послѣдней ниточки въ свѣжій газъ и трико, къ величайшему наслажденію сидѣвшаго въ первомъ ряду, съ отвислою губой, старикашки, давно ужъ поднималъ передъ публикой ноги, и остановившись въ этой позѣ, замаралъ на нѣсколько минутъ, а потомъ, вдругъ повернувшись, поднималъ ножки передъ стоящимъ въ мрачной позѣ героемъ балета, чтобъ и его не обидѣть; затѣмъ, ставъ на колѣна и раскинувъ надъ собой разноцвѣтныя покрывала, изображалъ какъ бы роскошнѣйшій цвѣтникъ.

Баклановъ и Венявинъ, оба въ мундирахъ, бѣлыхъ перчаткахъ и при шпагахъ, сидѣли во второмъ ряду. Подмастерье отъ Финкеля, хотя и во фракѣ, но сидѣлъ въ купонѣ. Въ райкѣ,

съ правой стороны, видѣлись физиономіи Бирхмана и Ковальскаго, а съ лѣвой—сидѣла почти цѣлая шеренга студентовъ-медиковъ. Математики навяли себѣ три ложки. Изъ молоденькихъ юристовъ человѣкъ десять сидѣли въ креслахъ. Наконецъ примадонна, высокая, стройная, не совсѣмъ только граціозная, вылетѣла. Костюмъ ея былъ прелестенъ. Какъ-то порывисто вытянувъ свою правую ногу назадъ, она наклонилась къ публикѣ, причеиъ обнаружила довольно пріятной формы грудь, и стала на другой ногѣ повертываться. Въ директорской ложѣ ей слегка похлопывали. Въ публикѣ сначала ей застучали саблями два офицера, имѣвшіе привычку встрѣчать аплодисментами всѣхъ примадоннъ. Хлопали также дежурный квартальный и человѣкъ три театральныя чиновниковъ, за которыми, наконецъ, грохнуло и купечество, когда примадонна очень ужъ высоко привскочила! Заговорщики еще себя сдерживали: между ними положено было дать ей протанцевать цѣлый актъ и потомъ, какъ бы убѣдившись въ ея неуксусствѣ, проявить свое мнѣніе.

— Бумъ! бумъ! бумъ! ревели барабаны. Примадонна дѣлала частенькіе, мелкіе па; потомъ, повернувшись, остановилась лицомъ передъ публикой, развела руками и ангельски улыбнулась; наконецъ, все больше и больше склоняясь, скрылась въ глубь сцены. Ей опять захопала. Заговорщики все еще продолжали не заявлять себя, но когда кордебалетъ снова высыпалъ со всѣхъ сторонъ на авансцену, дѣлавшуюся темнѣе и темнѣе, потолокъ тутъ, раскинулся потомъ на разнообразнѣшія группы, и когда, посреди ихъ, примадонна, выбѣжавъ съ жѣнъ-премьеромъ, поднялась на его рукахъ въ позѣ улетающей феи, и изъ передней декорации, для произведенія большаго эффекта, освѣтили ее электрическимъ свѣтомъ,—Ковальскій въ райкѣ шикнулъ въ свою машинку на весь театръ. Его поддержали шиканьемъ человѣкъ двадцать медиковъ, а изъ купона раздаея свистъ подмастерья. Частный приставъ бросился туда.

— Кто это, господа, тутъ свиститъ? сказалъ онъ.

— Это, должно-быть, вы сами свистнули; здѣсь никто не свистѣлъ, отвѣчалъ ему господинъ совершенно почтенной наружности.

Частный приставъ, очень этимъ обидѣвшись, вышелъ въ коридоръ.

— Пошлите пожарныхъ на лампу, чтобы хлопала тамъ! крикнулъ онъ квартальному.

— Примадонна дурно! опустите занавѣсъ! слышалось на сценѣ за декорациями.

— Нѣтъ, ничего, дотанцуетъ! возражалъ другой голосъ, и примадонна, въ самомъ дѣлѣ, хоть и очень разстроенная, но дотанцовала, пока не унесена была слетѣвшими духами на небо. Занавѣсъ упалъ. Пожарные еще похлопывали надъ люстрой. Публика хлынула въ кофейную; слышались разнообразнѣйшіе толки.

— Помилуйте, за что это? У ней есть и грація, и умъ! говорилъ театральныи чиновникъ.

— Ничего у нея нѣтъ, ничего! возражалъ ему запальчиво Баклановъ.

— Все есть, все! повторялъ чиновникъ.

— Можетъ-быть все, только не то, что надо, отвѣчалъ ядовито Баклановъ.

Въ коридорѣ полицеймейстеръ распекалъ частнаго.

— Студенты, помилуйте, студенты! оправдывался тотъ.

— Начальство ихъ надо сюда! говорилъ полковникъ, и ко второму акту, въ заднихъ рядахъ, показался синій вице-мундиръ субъ-инспектора.

Баклановъ и Венявинъ торжествовали.

Примадонна, оскорбленная, огорченная и взволнованная, дѣлала все что могла. Танецъ ея былъ страстный: въ какомъ-то точно опьяненіи, она то выгибалась всѣмъ тѣломъ и закатывала глаза, то вдругъ, съ какимъ-то дѣтскимъ ужасомъ, отбѣгала отъ преслѣдующаго ея жѣнь-премьера, — но агитаторы были неумолимы: въ тотъ самый моментъ, когда она, внявъ мольбамъ прелестнаго юноши, подлетѣла къ нему легкою птичкой, откуда-то сверху, изъ ложи, къ ея ногамъ упала, громко звякнувъ, черная масса. Примадонна, съ ужасомъ, отскочила на нѣсколько шаговъ. Жѣнь-премьеръ, тоже съ испугомъ, поднимая передъ публикой брошенное.

— Мертвая кошка! произнесъ чей-то голосъ въ креслахъ.

Общій хохотъ раздался на всю залу.

— Bravo, мертвая кошка! bravo! кричалъ неистово въ креслахъ Баклановъ, такъ что всѣ на него обернулись.

— Мертвая кошка! повторялъ за нимъ Венявинъ.

Съ примадонной въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось дурно. Въ

директорской ложѣ совершенно опустѣло: оттуда всѣ бросились наверхъ, откуда была брошена мертвая кошка.

— Мертвая кошка! продолжалъ кричать Баклановъ.

— Пожалуйте къ субъ-инспектору, сказалъ подошедшій къ нему капельдинеръ.

— Убирайся къ чорту! отвѣчалъ ему Александръ.

На сценѣ, между тѣмъ, безтолково прыгалъ кордебалетъ. Субъ-инспекторъ, пробовавшій было вызвать по крайней мѣрѣ хоть кого-нибудь изъ математиковъ, сидѣвшихъ въ ложахъ въ бель-этажѣ и передъ глазами всей публики хохотавшихъ, шикавшихъ и хлопавшихъ, но не успѣвъ и въ томъ, поскакалъ на извожикѣ въ университетъ доложить начальству. Соло за примадонну исполнила одна изъ пансіонерокъ.

Когда занавѣсъ упалъ, Баклановъ сдѣлалъ знакъ Казиміръ и паннѣ Фальковской, сидѣвшимъ въ третьемъ ярусѣ и для которыхъ онъ нарочно нанималъ ложу, а потомъ, мотнувъ головой Венявину, гордо вышелъ изъ залы.

Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ сошлись въ сѣняхъ его дамы, и всѣ они поѣхали въ каретѣ домой. Панна Фальковская, расфранченная и очень довольная что побывала въ театрѣ, всплескивая своими коротенькими ручками, говорила:

— Какъ это возможно! за что ее, бѣдную, такъ?

— А за то, что тутъ правда, истина, которыя однѣ только имѣютъ законное право существовать, онѣ тутъ страдаютъ! толковалъ ей запальчиво Александръ.

Казиміра, съ чувствомъ и съ грустью, глядѣла на него. Она искренно видѣла въ немъ поборника истины и бойца за правду. О, еслибъ онъ, любилъ ее хоть сколько-нибудь!

ГЛАВА IV.

Платонъ Степановичъ.

— Это что еще? А? Что вы еще придумали? говорилъ инспекторъ студентовъ, въ своемъ флотскомъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, горячася передъ стоявшими передъ нимъ въ довольно комическихъ позахъ Бурхманомъ,

Венявинымъ, Ковальюкимъ, двумя-тремя медиками и нѣсколькими математиками. Впереди всѣхъ ихъ впрочемъ, стоялъ, Баклановъ.

— Позвольте, Платонъ Степанычъ! говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу и все больше и больше выступая впередъ.

— А вотъ и нѣтъ!.. Не позволю! говорилъ ему тотъ, въ свою очередь, тоже съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Какъ же это?

— А такъ же!.. Ты скажешь два слова, а мнѣ послѣ тебя и говорить больше нечего будетъ.

— Странно! проговорилъ Баклановъ, пожимая плечами, и потомъ прибавилъ довольно громко въ слухъ:—Я не солдатъ, а вы еще не полковникъ, чтобы говорить мнѣ ты.

— Не полковникъ! произнесъ Платонъ Степановичъ, кидая на него свирѣпый взглядъ. Стрѣла была пущена прямо въ цѣль: полковничій чинъ былъ для него до самой смерти какою-то неосуществляемою мечтой.

— Вы-то это что? Вы-то? накинулся онъ на Бирхмана. — Правительствомъ взяты, воспитаны, взлелѣяны, и вотъ благодарность!.. Вѣдь солдатъ на всю жизнь!.. на всю жизнь! прибавилъ онъ, грозно потрясая рукой. Онъ имѣлъ привычку мрачную картину всегда еще больше поразукрасить; но Бирхмана это нисколько, кажется, не пробрало.

— Не знаю, что я противъ правительства сдѣлалъ, проговорилъ онъ.

— А, не знаете! прикрикнулъ Платонъ Степановичъ, — а вейвхандлунгъ такъ знаете!

— Вы сами-то пуще не знаете! бѣхнулъ прямо Бирхманъ.

— Я знаю.... разумѣется.... произнесъ Платонъ Степановичъ, какимъ-то страннымъ голосомъ: улыбка, какъ онъ ни старался скрыть, проскользнула по его лицу.

Баклановъ въ это время опять ужъ на него наступалъ.

— Если теперь, Платонъ Степанычъ....

— Ну-съ! отвѣтилъ ему тотъ, совершенно позабывъ, что сейчасъ только запрещалъ ему говорить.

— Если теперь писатель, говорилъ Баклановъ,—изъ которыхъ, напримѣръ, Иванъ Андреичъ Крыловъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ Дмитриевъ—тайный совѣтникъ....

На слова „дѣйствительный и тайный совѣтникъ,“ онъ нарочно попіударилъ.

— Ну, ну-съ! торопилъ его Платонъ Степановичъ.

— И тѣхъ можно хвалить и порицать, продолжалъ Бакаловъ,—а какую-нибудь тащовщицу, которая умѣетъ только вертѣть ногами, нельзя.

— Тутъ не въ тащовщицѣ, сударь, дѣло! Тутъ Императорскій театр! крикнулъ Платонъ Степановичъ.

— Да, вѣдь, императора тутъ вѣтъ! возразилъ Бакаловъ.

— Онъ невидимо тутъ присутствуетъ! порѣшилъ Платонъ Степановичъ, и опять слегка улыбулася. — Вотъ соколикъ-то! продолжалъ онъ, указывая на Ковальскаго и, по возможности, стараясь сохранить строгій тонъ:—по театрамъ ходить, а изъ греческаго едипицы получаетъ.

— Да я знаю-съ, помилуйте, Платонъ Степановичъ: спросите-съ меня, отозвался тотъ.

— Есть мнѣ когда васъ спрашивать! сказалъ, серьезнѣйшимъ образомъ, Платонъ Степановичъ, и потомъ вдругъ крикнулъ:—Ермоловъ!

Въ дверяхъ появился солдатъ.

— Вотъ, возьми этого господина, продолжалъ онъ, указывая на одного изъ медиковъ, сведи въ цирюльню и остриги его на мой счетъ. Вотъ тебѣ и четвертакъ! прибавилъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ подаль солдату четвертакъ.

— Да какъ же это-съ? возразилъ было студентъ.

— Не прощу! Не прощу! закричалъ Платонъ Степановичъ, хватая себя за голову и махая руками.

Студентъ, дѣлать нечего, пошелъ.

Волосы были какимъ-то пунктомъ помѣшательства Платона Степановича. Говорилъ, что ему иногда во снѣ снилось, что они, наконецъ, у него у самого отростаютъ: онъ ихъ стрижетъ, а они все растутъ, такъ что онъ, въ ужасѣ и весь въ поту, просыпался!

— Ну, что мнѣ съ вами дѣлать?... что? говорилъ онъ оставшимся предъ нимъ студентамъ, и какъ бы въ самомъ дѣлѣ недоумѣвая что ему дѣлать.

— Вы кто такой? обратился онъ, тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, къ одному черноватому математику.

— Я Руссия, ваше высококорodie, отвѣчалъ тотъ пѣвучимъ голосомъ.

Платону Степановичу отвѣтъ такой понравился.

— На чужой сторонѣ, сударь, надобно скромно себя вести!

сказалъ онъ ему, и снова возвратился къ прежней своей мысли.

— Что мнѣ съ вами дѣлать? Вы ступайте въ карцеръ на день, на два, на три! объявилъ онъ Бакаланову. Онъ въ этомъ случаѣ ему немного мстилъ за его намекъ на полковничій чинъ.

— Я пойду пойду хоть на мѣсяцъ, отвѣчалъ тотъ, размахивая руками,—а ужъ свои убѣжденія имѣю и всегда буду имѣть.

— Свои убѣжденія! повторялъ ему въ садѣ Платонъ Степановичъ:—а вы ступайте по домамъ! объявилъ онъ прочимъ студентамъ.—Вамъ еще хуже будетъ! Еще!... Еще!... повторялъ онъ неоднократно.

Что подъ этимъ: „еще хуже будетъ!“ онъ всегда разумѣлъ, для всѣхъ обыкновенно оставалось тайной.

— Графу, я полагаю, доложить надо-съ, подошелъ къ нему и сказалъ сладкимъ голосомъ субъ-инспекторъ.

— Знаю-съ! отвѣчалъ Платонъ Степановичъ, съ досадою, и выйдя на крыльцо, сейчасъ сѣлъ на своего неказистаго коня и поѣхалъ.

— Свои убѣжденія, рассуждалъ онъ дорогой почти вслухъ:—и я бы ихъ имѣлъ, да вонъ тутъ вонъ господинъ живеть!... и онъ указалъ на генераль-губернаторскій домъ. — Тутъ другой, прибавилъ онъ, и ткнулъ по воздуху пальцемъ въ ту сторону гдѣ была квартира генерала Перфильева.

— Свои убѣжденія! повторялъ онъ.

Здѣсь мы не можемъ пройти молчаніемъ: миръ праху твоему добрый человекъ! Ты любилъ и понималъ юность! Ты былъ только ея добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ!

ГЛАВА V.

Знай нашихъ!

Черезъ два - три дня назначенъ былъ бенефисъ Санковской. Само небо, какъ бы покровительствуя заговорщикамъ, облеклось густыми и непроницаемыми тучами. Фонари тускло свѣтились. На Театральной площади то тутъ, то тамъ, видѣлись небольшія кучки студентовъ.

— Къ третьему акту, что ли, велѣно сходиться?

— Да, да! А то, пожалуй, прогнать, слышалось въ одной изъ нихъ.

— Платонъ проѣхалъ! объявилъ, подходя, высокій студентъ.

— У кого подарокъ-то? У кого?...

— У Бакланова, разумеется!

— Функель ужь тамъ; у него человекъ двадцать въ райкѣ расажено.

Въ театрѣ, между тѣмъ, было не много свѣта и чѣмъ и на улицѣ. Музыканты играли какъ-то лѣнливо. Старыя декорации *Дьвы Дунай* чернѣли закончѣлыми массами на плохо освѣщенной сценѣ. Одно дерево, долженствовавшее провалиться, вдругъ заупрямилось, и когда его стали принуждать къ тому, оно совсѣмъ распалось на составныя части, причемъ обнаружило свой картонный задъ и стоявшаго за нимъ мужика въ рубахѣ, который, къ общему удовольствію публики, поспѣшилъ убѣжать за кулисы.

Платонъ Степановичъ, дѣйствительно бывшій въ театрѣ и сидѣвшій въ первомъ ряду кресель, пока еще блаженствовалъ, потому что, сверхъ даже ожиданія его, все было совершенно тихо и благочинно. Помѣщавшійся въ третьемъ ряду субъ-инспекторъ былъ тоже спокоенъ и только, по временамъ, съ удовольствіемъ взглядывалъ на начальника.

Въ послѣднемъ актѣ, наконецъ, бенефициантка должна была дѣлать финальное соло, и вдругъ изъ всѣхъ дверей, въ креслахъ, ложахъ, стали появляться студенческіе сюртуки. Платонъ Степановичъ завертѣлся на мѣстѣ и едва успѣвалъ повертываться туда и сюда.

По среднему проходу, между креслами, прошелъ Баклановъ. Платонъ Степановичъ не утерпѣлъ и погрозилъ ему пальцемъ; но тотъ сдѣлалъ видъ, какъ бы этого не замѣтилъ.

— Bravo! bravo! рявкнула въ райкѣ компанія Функеля.

— Bravo! bravo! повторили за ними въ ложахъ.

Платонъ Степановичъ вскочилъ на ноги, и повернувшись лицомъ къ публикѣ, съ раскраснѣвшеюся и потерявшеюся физиономіей и безпрестанно повертывая голову точно за разлетающимися птицами, сталъ глядѣть на раекъ, на ложи, на кресла, а потомъ, какъ будто бы кто его кольнулъ въ задъ, опять обернулся къ сценѣ. Тамъ Баклановъ, перескочивъ черезъ барьеръ, отдѣляющій музыкантовъ, дѣвзъ на возвышеніе къ

капельмейстеру и что-то такое протягивалъ въ рукѣ къ сценѣ. Бенефициантка въ это время раскланивалась передъ публикой.

— Это даръ нашъ! примите его въ уваженіе вашего высокаго дарованія! проговорилъ студентъ.

Бенефициантка приняла, поблагодарила, съ граціозною улыбкой, его и публику, и подаренную ей вещь надѣла на голову. Это былъ золотой вѣнокъ, блеснувшій небольшими, но настоящими брилліантками.

— Bravo!... bravo!... *Bis!*... ревели въ публикѣ.

Платонъ Степановичъ махнулъ рукой и пошелъ изъ театра. Къ нему подошелъ субъ-инспекторъ.

— Чтò прикажете дѣлать-съ?

— А чтò хотите: вы умнѣй меня, отвѣчалъ старикъ, съ досадою, и ушелъ.

Субъ-инспекторъ нашелъ возможнымъ остаться только съ распущенными руками и съ потупленною головою. Въ публикѣ, между тѣмъ, неистовство росло: когда занавѣсъ упалъ, къ студентамъ пристала прочая молодежь, и они по крайней мѣрѣ съ полчаса кричали: Санковскую! Санковскую!... bravo!... чудо!...

Къ этимъ фразамъ иногда прибавлялась и такая:

— Долой Андреянову, давай намъ Санковскую!

По окончаніи спектакля, въ Британіи все больше и больше набиралось студентовъ.

— Каковы каналы! какъ занавѣсъ-то долго не поднимали, когда вызывать ее начали! говорили одни.

— Разъ семь вызвали? спрашивали, съ величайшимъ любопытствомъ, не бывшіе въ театрѣ.

— Восемь! отвѣчали имъ.

— Финкеля въ часть взяли!... съ квартальнымъ схватился... стучалъ ужъ очень палкой, сообщилъ спокойно Бирхманъ.

— Спасать его! пойдѣте спасать! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Ну его къ чорту!... откупится! возразили болѣе благоразумные.

Вошелъ Баклановъ.

— А, Баклановъ!... молодецъ!... молодецъ!... закричали ему со всѣхъ сторонъ.

— Знай нашихъ! произнесъ онъ самодовольно и, какъ человекъ совершившій не маловажное дѣло, сѣлъ на диванъ и успѣшилъ вздохнуть поспокойнѣе.

ГЛАВА VI.

Тайная причина горя.

Неустанно летитъ богъ времени, пожралъ онъ водолея, рыбъ, овна, тельца, съ крыльевъ его сметѣли уже зефиры, флора стала убирать деревья и поля зеленью и цвѣтами.

Въ круглой, съ колоннами и темноватой залѣ стараго университета, совершалось таинство экзаминованія. Къ четыремъ, довольно далеко разставленнымъ одинъ отъ другаго, столикамъ, студенты, по большей части съ заискивающими лицами, подходили, что-то такое говорили, размахивали руками, на что профессора или утвердительно качали головой, или отрицательно помахивали ею вправо и влево. Студенты при этомъ краснѣли въ лицѣ и дѣлали какіе-то глупые глаза.

Бакланова вызвали почти изъ первыхъ. Отвѣтивъ довольно хорошо, онъ даже не поинтересовался посмотреть, много ли ему поставили, а молча, съ серьезнымъ видомъ, отошелъ отъ стола. Онъ зналъ, что одинъ и два лишнѣхъ бала ничего для него не сдѣлаютъ.

— Подождешь меня? спросилъ Венявинъ, почти тотчасъ же послѣ него слѣдовавшій по списку.

— Нѣтъ! отвѣчалъ угрюмо Баклановъ.— Найми лошадей, мы сегодня вечеромъ выѣдемъ.

— Хорошо, проговорилъ тотъ, привыкшій безусловно во всемъ повиноваться другу.

Когда Баклановъ возвратился домой, у панны Фальковской былъ уже накрытъ столъ. Александръ молча сѣлъ за свой приборъ и ничего почти не ѣлъ.

— Что, вы кончили? спросила Казиміра, не спускавшая съ него глазъ.

— Все, совсѣмъ.... Сегодня послѣдній экзаменъ былъ, отвѣчалъ Баклановъ, и вздохнулъ.

Послѣ обѣда онъ не уходилъ къ себѣ въ комнату и, какъ показалось Казиміръ, хотѣлъ поговорить съ ней откровенно. Сердце ея невольно замерло.

— Вотъ вы теперь вступате въ жизнь, начала она впрочемъ сама.

— Да, пора ужъ! А то такъ безумно провести, какъ я провелъ эти десять лѣтъ... началъ Баклановъ.

Казиміра посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Въ гимназіи рѣшительно ничего не дѣлалъ и не зналъ. Что и дома-то французскому языку выучили, и то было забыть. Въ университетѣ тоже... все это больше какимъ-то туманомъ осталось въ головѣ.

— Но отчего же вы такъ умны? перебила его Казиміра.

— Умень! повторилъ Баклановъ, нѣсколько сконфузась, но и не безъ удовольствія:—я не знаю, умень ли я или нѣтъ; но я вамъ говорю факты. На первомъ курсѣ я занятъ былъ этою глупою любовью къ кокеткѣ-дѣвчонкѣ!..

Казиміръ это пріятно было слышать.

— Потомъ, съ горя отъ неудачи въ этой любви, на второмъ и третьемъ курсахъ, пьянствовалъ, и наконецъ этотъ годъ, заключилъ онъ,—глупѣй ничего ужъ и вообразить себѣ нельзя, что дѣлалъ: клякеромъ былъ!

— Да, подтвердила на это Казиміра:—впрочемъ, что же, вѣдь? Не вы одни: всѣ такъ! прибавила она.

— Нѣтъ, не всѣ! воскликнулъ Баклановъ.—Вонъ Проскриптскаго видѣли вы у меня?

Казиміра, съ гримасой, покачала головой.

— Нечего гримаски-то дѣлать. Онъ идетъ, куда слѣдуетъ; знаетъ до пяти языковъ; пропасть научныхъ свѣдѣній имѣеть, а отчего? Оттого что семинаристъ: его и дома, можетъ-быть, и въ ихней тамъ семинаріи въ дугу гнули, характеръ по крайней мѣрѣ въ человѣкѣ выработали и трудиться пріучили.

На все это Казиміра отрицательно усмѣхнулась: по ея мнѣнію, Александръ и характеру больше всѣхъ имѣлъ, и ученія всѣхъ былъ.

— Или Варегинъ вонъ у насъ,—совсѣмъ настоящій человекъ: умень, трудолюбивъ, добръ, куда хочешь поверни, а тоже отчего? уличнымъ мальчишкой въ семьѣ, семьи не имѣлъ.

— Ну что хорошаго безъ семьи, чи вы? возразила Казиміра.

— Нѣтъ, именно отъ семьи все и происходитъ! воскликнулъ Баклановъ.—У меня, бывало, матушка только и говорить: „Сашенька, батюшка, не учишь, боленъ будешь!..“

Сашенька, батюшка, покушай. Сашенька, поколоти дворового мальчишку, какъ это онъ тебѣ грубиянить," вотъ и вынычиди себѣ на шею такого оболтуса.

— Что это, оболтусъ? повторила Казимира, уже смѣясь.

— Ну къ чему я теперь годець, на что? спрашивалъ Баклановъ, повидимому, совершенно искреннимъ тономъ.

— Служить будете, что-й-то, Господи! отвѣчала она.

— Да я не умѣю; я ничего не смыслю. Въ корпусахъ, по крайней мѣрѣ, ну, выучать человѣка маршировать,—и пошлютъ маршировать, выучать мосты дѣлать,—и пошлютъ его ихъ дѣлать; а тутъ, чортъ знаетъ чѣмъ набили голову: всѣмъ и ничѣмъ, ступай по всѣмъ дорогамъ и ни по какой!

— Не знаю! сказала Казимира. Она окончательно перестала понимать, къ чему все это говоритъ Баклановъ.

— Только и осталось одно: продолжалъ онъ, какъ бы думая и соображая,—одѣлаться помѣщикомъ... Около земли все-таки трудъ честный, и я знаю, что буду полезенъ моимъ полуторастамъ, или тамъ двумъ стамъ душамъ, которыя мнѣ принадлежать!

— Ну и прекрасно! воскликнула Казимира, оживленнымъ голосомъ:—а меня возьмите въ экономки... Я бы за маленькую, маленькую плату пошла...

— Непремѣнно, очень радъ! отвѣчалъ Александръ, и затѣмъ, вздохнувъ, пошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ велѣлъ человѣку укладывать вещи.

Невдогадъ Казимира, съ блѣднымъ и испуганнымъ лицомъ, заглянула къ нему.

— Вы ужь увѣжаете? спросила она.

— Да-съ! отвѣчалъ ей Баклановъ почти грубо.

Часовъ въ десять вечера, на извоищьеѣй тройкѣ, подъѣхалъ Венявинъ. Александръ зашелъ къ Фальковскимъ только на минуту—отдать деньги и распротиться. У самой старухи онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ поцѣловалъ руку.

— Благодарю васъ за все, за все! проговорилъ онъ.

— Ничего, ничего, что это, помилуйте! отвѣчала та со слезами на глазахъ.

Казимиръ онъ ничего не сказалъ; но она ему сама сказала, крѣпко, крѣпко сжимая его руку:

— Смотрите же, возьмите меня въ экономки.

Бѣдная дѣвушка думала хоть на этой мысли успокоиться.

— Непременно, отвечала ей Александръ разсѣяннымъ голосомъ.

Когда они выѣхали за заставу, утренняя заря, которая въ началѣ юня обыкновенно сходится съ вечернею, показалась на горизонтѣ.

— Прощай Москва! проговорилъ Баклановъ, и потомъ потеръ себѣ лобъ.—Глупо, братъ, мы съ тобой сдѣлали, что вышли не кандидатами! прибавилъ онъ, обращаясь къ Венявину.

— Что жь, ничего! возразилъ тотъ.

— Нѣтъ, не ничего! повторилъ Александръ и вздохнулъ.

Онъ договорился, наконецъ, до истинной своей болячки: его мучило честолюбіе. Проскриптскаго, вышедшаго кандидатомъ, и Варегина, оставленнаго при университетѣ, онъ не въ состояніи былъ видѣть, и переносилъ только Венявина за его безконечную доброту, и за то что тотъ вышелъ подъ звѣздочкой.

Заря на востокѣ, точно пророчествуя молодымъ людямъ объ ихъ жизни впереди, все больше и больше разгоралась и открывала передъ ними окрестности.

ГЛАВА VII.

Усадьба Лапухи.

Александръ подѣзжалъ къ дому часовъ въ пять яснаго, лѣтняго вечера. Отъ цвѣтущей черемухи въ небольшомъ перелѣскѣ и отъ сосѣднихъ, подъ горою, луговъ воздухъ былъ напоенъ почти опьяняющимъ благоуханіемъ. Жаворонокъ, летя вверхъ прямою стрѣлой, отчаянно пѣлъ; яровыя поля по сторонамъ ярко, ярко зеленѣли. Вишневый и яблочный садъ представлялся издали какой-то темною зеленью. Изъ-за него показывалась красноватая, черепичная крыша дома. Когда подѣзжали къ воротамъ, огромный дворовый пестъ, откуда-то выскочивъ, неся, какъ бы затѣмъ чтобы разразиться лаемъ; но увидѣвъ сидѣвшаго на облучкѣ лакея Бакланова, тотчасъ же завилалъ хвостомъ и началъ весело около него прыгать. Сидѣвшій въ тарантасѣ лягашъ Александра тоже соскочилъ къ собрату, и обнюхавшись, они сейчасъ же побѣжали нѣсколько въ сторону, какъ бы желая,

послѣ столь долгой разлуки, поскорѣе и по секрету, что-то такое сообщить другъ другу. Изъ прочихъ живыхъ существъ никого было не видать. Бакаловъ выдвѣзъ изъ экипажа и вошелъ въ домъ черезъ огромное среднее крыльцо, двери котораго были настежь отворены. Въ залѣ, черезъ открытыя окна, всюду ходилъ свѣжій вѣтеръ, и по всѣмъ столамъ были разсыпаны, для высушки, цѣлые кусты розоваго листу. „Какъ здѣсь славно!“ неволью проговорилъ Бакаловъ, и пошелъ въ гостиную. Тамъ ключница Еремѣвна, очень благообразная старушка, въ очкахъ, старательно чистила землянику.

— Ай, батюшки! воскликнула она, точно ее кто испугалъ. — Маменькѣ сказать надо! прибавила она, вставая и отрахивая подола; а потомъ сейчасъ же побѣжала частенькою походкой и начала сходить съ лѣсенки балкона. Александръ пошелъ за ней. Аполонарія Матѣевна, предувѣдомленная другой дѣвчонкой, бѣжала, запыхавшись и поднявъ платье, по длинной аллеѣ, идущей немного въ гору.

Бакаловъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Здравствуй, ангель мой! дружокъ мой! говорила она, цѣлуя сына, по обыкновенію, со слезами; а потомъ, совсѣмъ раскиснувъ, оперлась на его руку и вошла съ нимъ на балконъ.

— Ухъ! ухъ! говорила она, тяжело опускаясь на кресло.

Александръ довольно почтительно сѣлъ около нея.

— Чаю, Еремѣвна, чаю! говорила Аполонарія Матѣевна.

— Сію минуточку, сію! говорила старуха, и дѣйствительно, всадъ же за симъ, подъ ея надзоромъ, молодая и краснощекая, какъ макъ цвѣтъ, горничная, взглядывая нѣсколько изподлобья на молодого барина, притащила на балконъ самоваръ и поставила на нарочно приготовленный для него столикъ. Самоваръ шипѣлъ, горячился, какъ будто бы своею искусственною жизнію хотѣлъ перецеголять окружающую его со всѣхъ сторонъ настоящую, живую жизнь, въ которой и пчелы жужжали въ растущемъ около балкона чертополохѣ, и воробы чирикали, разсѣвшись огромною кучей по палочкамъ въ горохѣ, и наконецъ, изъ куртинъ съ цвѣтами и изъ травы на лугу слышались тѣ міриады звуковъ, которыми дышетъ весенняя природа. Александръ всѣмъ этимъ бесконечно наслаждался.

Еремѣвна, притащивъ слобныхъ булокъ и густѣйшихъ

сливокъ , разлила чай и подала сначала барчику, а потомъ Аполлиаріи Матвѣевнѣ.

— Ай, кѣтъ! Мнѣ квасу бы напередъ, сказала та, и въ самомъ дѣлѣ отдернула сначала два стакана квасу, а потомъ сейчасъ же принялась пить и чай со сливками.

— Всѣ ужъ ты свои ученья кончила, милый другъ? спросила она какъ-то робко сына.

— Всѣ-съ.

— Вонъ нынче какія по этому почмейстерству мѣста славныя!

— Чѣмъ же это?

— Да вонъ Климентія Гаврилыча Хляева, знаешь, чай?... Самый пустой былъ дворяншишко... Черезъ какого-то тоже благодѣтеля въ Петербургѣ получилъ это мѣсто и такъ теперь грабить, что и Господи! Прежде брали по двѣ копейки съ рубля, а онъ наложилъ по четыре... Чтò слезъ въ народѣ, а ему хорошо.

— Канальямъ вездѣ хорошо! сказалъ Александръ, невольно улыбаясь наивному объясненію матери.

— Вотъ бы тебѣ такое мѣсто, право!... Хоть бы черезъ братца, что ли!... Написалъ бы ему и попросилъ, прибавила она, и не подозрѣвая чтò такое говорить.

Александръ посмотрѣлъ на нее строго.

— А вы считаете меня на это способнымъ? сказалъ онъ.

— Не знаю я... отвѣчала тетеха.

Александръ вздохнулъ и сошелъ съ балкона. Тутъ онъ какъ-то особенно свистнулъ, и къ нему, перескочивъ огромнѣйшій тынъ, явился его Пегасъ.

— Пойдемъ... пойдемъ! говорилъ Александръ.

Собака визжала отъ удовольствія. Войдя въ аллею, онъ остановился съ ней передъ однимъ деревомъ.

— Чтò это, птичка? говорилъ онъ ей, указывая на сидящую на самой вершинѣ птицу.

Собака вытянула голову.

— Пиль! крикнулъ Александръ.

Собака прискочила и пролаяла.

Александръ схватилъ ее за морду и началъ цѣловать.

Заглушивъ въ себѣ мечты честолюбія, онъ хотѣлъ невзначайными радостями быть счастливъ. Черезъ небольшую калиточку онъ вышелъ изъ сада въ поле. Грудь его свободно вдыхала свѣжій воздухъ; подъ горой, какъ озеро, разливался

омутъ рѣки, на концѣ котораго стояла живописно окрашенная вечернимъ освѣщеніемъ мельница.

Баклановъ гадѣлъ на все это и не могъ наглядѣться; а потомъ, въ пріятномъ раздумьѣ, повернувшись и весело взмахнувъ головой, пошелъ домой. Аполлиарію Матвѣеву онъ засталъ еще на балконѣ. Ей, стоя внизу на травѣ, о чемъ-то, должно-быть, докладывалъ, дворовый челоуѣкъ. Александръ, прищурившись, сталъ въ него всматриваться и узналъ въ немъ нашего стараго знакомаго, мрачнаго лакея. Семень ему вѣжливо, хоть и издали, поклонился.

— Здравствуй! отвѣчалъ Баклановъ и сѣлъ на балконѣ.

Семень продолжалъ докладывать.

— Навозъ теперь вывозили-сь.

— Вывозили! повторила за нимъ Аполлиарія Матвѣевна, не глядя, впрочемъ, на него.

— Теперь, значитъ, Косулинскихъ послать можно начать косить, а дворовымъ велѣтъ копань поднимать.

— Копань поднимать, повторила опять Аполлиарія Матвѣевна, и опять таки не глядя на докладывающаго.

Семень, постоявъ немного, повернулся и пошелъ.

— Какой франтъ онъ сталъ! проговорилъ Баклановъ, глядя ему въ слѣдъ.

Аполлиарія Матвѣевна сдѣлала умиленную фізіономію.

— Преусердный челоуѣкъ! проговорила она, и потомъ сейчасъ же поспѣшно прибавила:

— А чтò, можно кушать подавать?... ужинать?

Вообще она точно боялась сына.

— Очень радъ! Я усталъ съ дороги, отвѣчалъ Александръ и вышелъ въ залу.

Тамъ трехаршинный гайдукъ покойнаго Бакланова накрывалъ на столъ, сильно нагибаясь своимъ длиннымъ тѣломъ, когда ставилъ тарелки и разставлялъ солонки.

— Здравствуй, Петруша! сказалъ ему привѣтливо Баклановъ.

Саженный Петруша подошелъ и поцѣловалъ у него руку.

— Я ружье тебѣ въ подарокъ привезъ, отличное! проговорилъ Александръ.

— Благодаримъ, батюшка, покорно! сказалъ Петруша, и лицо его сильно просвѣтлѣло.

— Дичи, какъ-то нынче, совсѣмъ очень мало стало! прибавилъ онъ, пожимая плечами.

— Найдём! подхватилъ баринъ.

Петруша, летая какъ метеоръ, сталъ накрывать на столъ, и черезъ минуту все было готово. Александръ и Аполинарія Матвѣевна сѣли. Довольно занимательно было видѣть вмѣстѣ мать и сына. Одинъ — столичный фравтъ, въ легонькомъ пальто, съ вьющимися, какъ у художника, волосами, съ благородною, какъ бы нѣсколько шиллеровскою физиономіей; другая—расплывшаяся квашня, съ красно-багровымъ и ничего не выражающимъ, кромѣ физическаго пресыщенія, лицомъ. Одѣта Аполинарія Матвѣевна, на этотъ разъ, была въ распашной капотъ и въ вышитую на подолѣ юбку, довольно плотно облегающую ея круглый животъ. Живота этого Александръ никогда не могъ видѣть равнодушно.

— А чтò, Софи Ленева давно ли вы видѣли? спросилъ онъ.

— Давно... продали они здѣшнее имѣнье-то... сестру посадили въ сумашедшій домъ, а сами уѣхали... Не хорошо, говорятъ, живутъ-то, все ругаются... промотались, говорятъ, совершенно... Онъ-то старый этакой, а она-то франтиха, да щеголиха!

Баклановъ вздохнулъ. Онъ много разчитывалъ на свиданье съ Софи.

— Надежда-то Павловна, ну-ка, Саша, померла: тосковала, тосковала по дочери; та-то ее не взяла, и кончила жизнь. Нынче дѣтушки-то, жди отъ нихъ благодарности: ты имъ все дѣлай, а они ничего!

Аполинарія Матвѣевна любила завывать на эту тему, и Александръ обыкновенно останавливалъ ее тѣмъ, что сердито начиналъ смотрѣть на нее.

— А гдѣ же самъ Басардинъ? перебилъ онъ ее.

— Онъ-то живъ, чтò ему сдѣлается.... Не знаю только, гдѣ.

Въ это время вошелъ молодой лакей Александра, успѣвшій уже прифрантиться въ модную жакетку.

— Гдѣ изволите почивать: въ спальнѣ или въ сушиль?

— Въ сушиль, оказалъ ему Александръ:—и не вели тамъ ни кожъ, ни вѣшниковъ убирать.... Я люблю чтобы все это было.

— Слушаю-съ,

— У меня въ сушиль хорошо, отлично, замѣтила Аполинарія Матвѣевна.

Послѣ ужина, простившись съ матерью, Александръ отправился на свой ночлегъ. На дворѣ было совершенно темно.

За нимъ шелъ его молодой лакей и гайдукъ Петруша. Последній несъ свѣчу, заслоняя ее рукой, чтобы не задуло

— Ну что, какъ поживаетъ? спросилъ Александръ, трепая его по плечу.

— Что, какое ужь, батюшка, наше житье, отвѣчалъ, печальнымъ голосомъ этотъ могучій человекъ.

— Ничего, погоди, теперь лучше будетъ.

— Да только на вашу милость и надежду имѣемъ, сказалъ Петруша, и когда они всѣ влѣзли въ сушило, которое было не что иное какъ верхъ надъ погребомъ, то представившаяся картина, при освѣщеніи сальной свѣчи, была довольно оригинальна: кровать, съ бѣлыми какъ снѣгъ подушками, и съ бѣлымъ одеяломъ, какъ-то рѣзко отдѣлялась отъ пыльных стѣнъ, отъ висѣвшихъ на стѣнахъ бараньихъ шкуръ, отъ стоявшей въ одномъ углу кадки съ дегтемъ, отъ наваленнаго въ другомъ углу колеснаго ската; но все это впрочемъ дышало какимъ-то живительнымъ и здоровымъ запахомъ. Александръ поспѣшилъ раздѣться и отправить прислугу.

— Прощенья просимъ! проговорилъ Петруша, и слѣзъ съ молодымъ своимъ камрадомъ съ сушильни.

— Въ деревнѣ славно жить! подумалъ Александръ, и съ удовольствіемъ зѣвнулъ.

ГЛАВА VIII.

Что прежде всего.

Отъ обуховскихъ болотъ, кругомъ мельницъ, по небольшой тропинкѣ шелъ Александръ въ низенькой охотничьей шляпѣ съ зеленою лентой, въ свромѣ, съ зеленою выпушкой, ридинготъ и въ высокихъ болотныхъ сапогахъ; черезъ плечо у него было перекинута щегольское ангайтское ружье на шерстяной перевязи, вышитой тою же искусною рукой влюбленной Казиміры. За нимъ могуче шагала дивная Петруша, тоже съ новымъ ружьемъ и тоже въ какомъ то свренкомъ чепанѣ. Пегасъ, поднимая морду и граціозно переступая ножками, шелъ верхнимъ чутьемъ по болоту. Баклановъ остановился, снялъ свою шляпу и отеръ катившійся съ лица потъ.

— Не много же мы съ тобой, Петруша, настрѣляли, сказалъ онъ.

— Совсѣмъ вымче птицы мало стало, повторилъ тотъ свою любимую фразу.

Они снова взяли ружья на плечи и пошли. Пегасъ вдали что-то пролаялъ.

— Можетъ, другой здѣсь дичи-то много! проговорилъ Александръ и посмотрѣлъ на Петрушу.

Тотъ тоже на него смотрѣлъ.

— Что въ юбкахъ-то ходять, прибавилъ Александръ.

Петруша усмѣхнулся и почесалъ у себя за ухомъ.

— Пожалуй, что добра этого есть не мало.

Пегасъ опять пролаялъ и съ какою-то даже тоской въ голосъ.

Александръ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— А кто же у насъ по лучше-то?... которая?... продолжалъ онъ разспрашивать.

— Да кто ихъ—прахъ знаетъ! Самъ-то я этими дѣлами не занимаюсь.

Встрѣтился маленькій лѣсокъ, и путники должны были разойтись, а потомъ они снова соединились.

— Если не для себя, такъ, по крайней мѣрѣ, для пріятеля бы: вотъ хоть бы для меня постарался!

— Чтò жь, это можно будетъ, отвѣчалъ Петруша, улыбаясь какою-то кривою улыбкой.

— Да кто же у насъ, какія есть? продолжалъ Баклановъ, быстро идя и со свойственною его темпераменту живостью весь пылая.

— Сами вы, вѣдь, всѣхъ знаете, отвѣчалъ Петруша уклончиво.

— У скотицы, я видѣлъ, дочка не дурна.... Машей, кажется, зовутъ.

— Да, Марьей-съ... дѣвушка ужь на возрастъ, отвѣчалъ Петруша.

— Нельзя ли какъ? Переговори-ка!...

Петръ молчалъ.

— Пожалуста! повторилъ Александръ.

— Ой, баринъ, какой вы право: всѣ въ папелъку.... проговорилъ Петруша.

— А чтò жь?

- Да такъ-съ. Баловникъ тоже, покойный, свѣтъ, былъ.
- Ну если папенька дѣлалъ, такъ отчего же и мнѣ нельзя?
- Известно-съ! отвѣчалъ гайдуку съ совершенно искреннимъ лицомъ.

Подойдя къ усадьбѣ, Александръ опять повторилъ ему:

- Ты сегодня же переговоры.
- Слушаю-съ, отвѣчалъ неторопливо Петруша.
- Сейчас же.
- Слушаю-съ! повторилъ еще разъ Петръ. Ему, впрочемъ, не совсѣмъ, кажется, хотѣлось исполнять это щекотливое порученіе.

Александръ, придя въ домъ, въ свою комнату, и сбросивъ свой охотничій костюмъ, сталъ, въ волевіи, ходить взадъ и впередъ. Окна кабинета выходили на красный дворъ. Онъ безпрестанно заглядывалъ въ нихъ, все поджидая Петра, который сначала прошелъ къ себѣ въ избу, а оттуда, не скоро выйдя, прошелъ, наконецъ, и на дворъ.

— Ты туда? крикнулъ ему, полупшепотомъ, Александръ.

Петръ мотнулъ ему, вмѣсто отвѣта, головой. Въ это время выплыла на дворъ Аполлиарія Матвѣевна погулять. Александръ спрятался за косякъ, чтобъ она не увидала его и не вступила съ нимъ въ разговоръ. Петръ не возвращался съ полчаса. Наконецъ онъ появился. У Александра сердце замерло. Петръ сначала прошелъ кругомъ всего двора, а потомъ, будто случайно, повернулъ и вошелъ въ горницы.

— Ну что? спросилъ Александръ, съ захватывающимъ дыханіемъ.

Выраженіе лица Петруши было мрачно.

- Говорилъ-съ! Дуры, вѣдь!
- Что жъ она говорить?
- Да своей матки и вашей маменьки опасается....
- Да какъ же онъ узнаютъ?
- Толковалъ ей-съ!... понимаетъ развѣ что-нибудь!
- Ты денегъ ей обѣщай.
- Что деньги-то? И толку, чай, въ нихъ еще не знаешь!
- Ну! хорошо же, произнесъ Баклановъ, ложась въ волевіи на диванъ.
- Не переговарите ли вы лучше сами-съ! произнесъ Петруша, послѣ короткаго молчанія.
- Да гдѣ жъ я ее, къ чорту, увижу!

— Что это такое, что вы говорите! кричалъ онъ обыкновенно на нее.

— Ну, батюшка, виновата я, виновата, не буду! отвѣчала она, махая рукой, и потомъ, съ прислугой своею, все распустила:

— И взгляды-то, дѣвоньки, у него, точно у покойника барина: словно съѣсть тебя хочетъ!

Разъ, передъ обѣдомъ, подѣхалъ къ крыльцу чей-то тарантасъ. Александръ чуть не вскрикнулъ отъ радости, и вышелъ на крыльцо встрѣтить гостя.

Пріѣхавшій былъ имъ нѣсколько родственникъ и довольно близкій сосѣдъ по деревнѣ: Иона Мокеичъ Дѣдовкинъ. По его тридцатилѣтней штатской службѣ, покойный Бакаловъ, по крайней мѣрѣ, разъ пятнадцать парилъ его у себя въ угольной палатѣ и, по своей мистической терминологіи, называлъ его: Иона Циникъ. Александръ, по преимуществу, обрадовался этому гостю, потому что Иона Мокеичъ, сведя уже, по его выраженію, всѣ итоги жизни и бывъ въ земной юдоли ни при чемъ, то-есть будучи окончательно выгнанъ изъ службы, отащался какою-то особенною, довольно занимательною откровенностью и все обыкновенно разказывалъ про самого себя.

— Ту, ту, ту, чортова куколка! говорилъ онъ хохоча и весело вытѣзая изъ тарантаса.

Александра онъ обнялъ и троекратно поцѣловалъ.

— Ай, грѣховодникъ! какъ это такъ давно не бывалъ! вскрикнула Ионѣ Мокеичу Аполонарія Матвѣвна, когда онъ подходилъ къ ней къ рукѣ.

— Не больше твоихъ грѣховъ, кумушка, не больше!.. отвѣчалъ онъ ей, грозя пальцемъ.

— Ну, ужъ я думаю!.. произнесла на распѣвъ Аполонарія Матвѣвна.

Александръ велѣлъ подавать обѣдать и радушно угощалъ Иону Мокеича кушаньями и наливками. Тотъ ѣлъ, пилъ, хоталъ, хоталъ и пилъ.

Послѣ обѣда оба они комфортабельнѣйшимъ образомъ разлеглись съ сушиль, одинъ на одной постелѣ, а другой—на другой. Прохладный, сентябрскій вѣтерокъ обдувалъ ихъ сквозь немшовыя стѣны.

— Ну, Иона Мокеичъ, разказывайте что-нибудь, говорилъ Александръ, разстегивая у себя жилетъ отъ полноты желудка.

— Что жь тебѣ разказывать, другъ сердечный?

— Какъ, напримѣръ, вы служили: взятки брали?

— Брали! отвѣчалъ Иона Мокенчъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ поглаживая себѣ животъ.

— И съ вымогательствомъ?

— Съ вымогательствомъ... Часики, братецъ ты мой (и Иона Мокенчъ повернулся при этомъ къ Александру лицомъ) у одного нашего дворянина Каркарева понравились мнѣ; пристаалъ я къ нему: „продай, подари!“ „Нѣтъ!“ говорить. Только тѣмъ временемъ попался къ намъ въ судъ арестантъ-бродяга. „Не приставаешь ли, говорю, ты у такого-то дворянина Каркарева?“ а самъ тоже не зѣваю: показываю ему изъ-подъ стола въ рукѣ рубль серебромъ. „Приставаешь“, говорить. „Не такого ли, говорю, у него расположенья домъ?“ „Точно такого“, говорить. „А не знаешь ли, говорю, ты его любовницу,—дворовую дѣвицу Евампію, и не передавалъ ли ты ей завѣдомо краденыхъ вещей?“ „Передавалъ“, говорить. Записали все это... Командировали меня. „Ну, говорю, Захаръ Ивановичъ, давай-ка, говорю, мы Евампію-то твою веревками свяжемъ.“ „Какъ? что такое? говорить. Батюшки мои, берите, что хотите.“ „Часики, говорю, подай!“ Онъ чуть, сердечный, не сплалъ отъ досады... Видить, что весь карамболь нарочно подведенъ, а дѣлать нечего, привезъ... и часики отличные были... невѣста тогда хорошая изъ-за нихъ за меня пошла... въ нихъ и вѣнчался!..

— Ну, а эта невѣста и будущая жена ваша естественною смертию умерла, или вы ей немощко поспособствовали? спросилъ Александръ.

— Не очень-то берегъ—это что говорить: попадало ей во все, а паче того въ зубы—капризъ была баба, ухъ какой!

— Ну, а другихъ женщинъ, по службѣ, вы склоняли на любовную связь?

Александръ нарочно задавалъ Ionъ Мокенчу самые рѣшительные вопросы.

— Склонялъ! отвѣчалъ Иона, какъ бы ничего этого не замѣчая и не столько, кажется, говоря правду, сколько желая потѣшить разговоромъ молодаго человѣка.

— Но какимъ же образомъ?

— А вотъ такимъ, отвѣчалъ Иона,—что попадетъ при свидѣствіи хорошенькая бабенка: въ избѣ-то, на вопросъ, на нее потопашь, а потопъ въ сѣки выйдешь за ней, тамъ ужь прила-

окаешь, и какъ цвѣточки полевые передъ морозомъ, такъ и жмутъ передъ тобой головки свои!..

— Ну, а благородныхъ побѣждали такимъ образомъ?

— Побѣждалъ и благородныхъ, и какая еще расписанная красавица была: дѣвчонку свою она мленько неосторожно поскла; та прямо, съ запекшеюся-то спиной, къ губернатору. Пріѣхалъ я къ ней. „Ахъ, Боже мой, Боже мой“, такъ и умоляетъ меня своимъ миленькимъ голоскомъ: „спасите меня, спасите!“ „Извольте, говорю, сударыня“, и въ тотъ же день, среди прелестнѣйшихъ долинъ, сыгралъ любви съ ней пантомимъ.

— Счастливецъ вы! воскликнулъ Александръ.

— Да что, братъ, счастливецъ! Что Суворовъ на то говорилъ: разъ счастье, два счастье, а на третій надо же и умѣнье.

— Разумѣется!

— Да, произнесъ, съ самодовольствомъ, Иона.

— Ну, а смертоубійства вы покрывали? спросилъ Александръ, послѣ короткаго молчанія.

Иона Мокенчъ сдѣлалъ нѣсколько болѣе серіозную фizioномію.

— Больно я не люблю, какъ дѣкаришки-то эти пачкаться-то въ мертвецъ начнутъ... брызгаивъ я... изъ-за этого много проглядывалъ.

— Ну, а изъ-за деньжонокъ этакъ?

— Гмъ! Иона Мокенчъ усмѣхнулся:—врагъ человѣческой снелень, соблазнительна эта мзда-то проклятая!.. тоже гдѣ этакъ хорошенькаго-то покойничка поднимаешь, гдѣ чувствуютъ и понимаютъ, что ты для нихъ дѣлаешь, за медикомъ пошлешь хромага разсылнаго; онъ и дома-то еле съ печки на полати ходитъ, а до городи-то тѣпаетъ, тѣпаетъ... а ты ему вслѣдъ строжайшія предписанія за нумерами пишешь, о скорѣйшемъ исполненіи возложеннаго на него порученія. Покойника-то промежъ тѣмъ на солнышкѣ парить, а не то такъ въ баню топленую на полокъ стащишь: смерть этого ужъ не любятъ!

— Отчего же?

— Въ гнилъ сейчасъ пойдутъ! отвѣчалъ Иона.—Ну, а медики пьяницы все на-голо былъ народъ; его еще верстъ-за пятнадцать до селенія такъ накатятъ, что не то что инструмента въ рукѣ держать (навезетъ тоже съ собой всякой этой страмоты-то), а, пожалуй, и головой въ овинъ не по-

падетъ. Пишетъ: „мягкихъ частей, по гнилости, освидѣтельствовать нельзя было“; ну, а кости-то тоже не у всякаго переломаны.

При этомъ разказѣ Александръ не смѣялся.

— Неужели же всѣ чиновники такіе мошенники? спросилъ онъ.

Но этимъ замѣчаніемъ Іона почему-то обидѣлся.

— Али нѣтъ?.. Вотъ хоть бы твой папаяка грабитель былъ на то изъ первыхъ, отвѣчалъ онъ.

Александръ нѣсколько сконфузился.

— Тогда попалась къ нему, продолжалъ Іона, какъ бы невиннѣйшимъ тономъ,—цѣлая Болковская вотчина подъ судъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій: мужики-то возами возили къ нему деньги. Такъ еще сумлѣвается, настояція ли! „Положите, говорятъ, въ ломбардъ, да ломбардными билетами мнѣ принесите.“

— Я и отца за это презираю, отвѣчалъ Александръ, стараясь ужь прекратить этотъ разговоръ.

— Да ты тамъ презирай али нѣтъ, какъ знаешь, продолжалъ Іона,—а онъ усадѣбку эту, и домъ въ городѣ, все такимъ манеромъ благоустроилъ; только, бывало, и говорилъ всякому: „Ты, говорятъ, не кланяйся мнѣ много разъ, а одинъ, да хорошенько!“

Александръ дѣлалъ видъ, будто не слышитъ и спитъ.

— Не понравилось, видно! проговорилъ Іона, и самъ тоже, повернувшись къ стѣнѣ, постаралась заснуть.

Проснувшись вечеромъ, они оба очень ласково, какъ бы ничего между ними не происходило, заговорили между собой, а потомъ отправились, взявъ съ собой Пегаса и Петрушу, на охоту. Александръ при этомъ убилъ двухъ утокъ, Дѣдовхинъ бекаса; Александръ еще двухъ утокъ, Дѣдовхинъ зайца. Все это еще болѣе оживляло ихъ бесѣду.

— Поѣдемъ-ка, другъ сердечный, завтра въ Дубны на праздникъ, сказалъ Іона Мокенчъ.—Помолимся сначала въ церкви Божіей, а потомъ къ ея превосходительству Клеопатрѣ Петровнѣ на обѣдище отправимся.

— А она еще жива?

— Поди-ка, какая еще ядреная: однако, постой-ка, паря, сказалъ Іона, уставая палецъ въ лобъ:—сколько это тому лѣтъ было.... въ девяносто седьмомъ году словно бы она

тово.... и при этомъ онъ сдѣлалъ какой-то странный знакъ руками.

— Э, вздоръ какой! перебилъ Александръ:—у того была одна.... известная....

— Вѣрно это, ты не спорь!... тогда, значить, когда все это повстрѣчалось (и Иона опять сдѣлалъ какой-то знакъ руками), сыновья и вдовствующая супруга ей и говорятъ: „отправляйтесь-ка, говорятъ, въ деревню...“ Я это ужъ помню, на моей памяти,—тысячи полторы душъ тогда за селомъ-то записано было.... и что опосля того къ ней жениховъ посыпало, Боже ты мой!... Одинъ такъ съ пистолетикомъ въ рукѣ прѣхалъ и сталъ на колѣни: „или осчастливьте, говоритъ, вашей рукой, или застрѣлюсь!“ Она ему только рукой на портретъ указала: „вотъ, говоритъ, кѣмъ я была любима!“

Къ этому разговору, съ замѣтнымъ вниманіемъ, прислушивался и Петруша.

— Женщина умная, столичнаго тона! заключилъ, съ серіозною миной, Иона Мокеичъ.

Ему какъ будто бы даже и не пристало говорить о такихъ возвышенныхъ предметахъ!

— А оттуда, продолжалъ онъ гораздо болѣе искреннымъ тономъ,—ко мнѣ. У меня, братъ, въ Кузьмищевской, казенной деревнѣ, такія дѣвки—чудо! На посѣдки къ нимъ съѣздимъ!

— Хорошо, отвѣчалъ Александръ, и когда они пришли въ усадьбу, онъ ушелъ въ свой кабинетъ и все думалъ: въ его воображеніи неволью рисовалась эта нѣкогда бывшая фрейлина, можетъ-быть, когда-то хорошенькая, молоденькая, рисовались украшающія ее фижмы, парикъ и красные каблучки.

ГЛАВА X.

Александръ того стыдится, чѣмъ бы могъ гордиться.

Храмовой праздникъ въ селѣ Дубнахъ былъ, какъ видно, не маловажнымъ событіемъ.

Съ раннего еще утра, по замерзшей нѣсколько, на утреннемъ холодкѣ, дорогѣ, ѣхали мужики въ раскрашенныхъ телѣжкахъ, съ раскрашенными дугами, въ картузахъ и синихъ

кафтанахъ, съ женами, тоже въ синихъ поддевахъ, красныхъ платкахъ и красныхъ сарафанахъ. Мужики, посвѣтѣ, вѣлаи верхами, а между пѣшеходами были все больше женщины въ котлахъ и съ поднятыми подолами; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были грудные младенцы на рукахъ.

Изъ Лапуховъ со двора, тоже на разукрашенной телѣжкѣ, съ ковромъ на бесѣдкѣ, на маленькомъ шлоходѣ въ наборной збруѣ, съѣхалъ мрачный Семень, а теперь, по своему прикащичьему званію, Семень Фожищъ. Онъ былъ въ шляпѣ, въ голубомъ шарфѣ съ огромною стеклянною булавкой, въ полосатомъ гарусномъ жилетѣ, во фракѣ; руки у него, по лакейской еще привычкѣ, были въ нитяныхъ, бѣлыхъ перчаткахъ, которыми онъ, самъ правя, держалъ дехтарныя возжи, и въ этомъ нарядѣ, кажется, считалъ себя наряднѣе всего міра. Кучеръ Тома, въ красной рубахѣ, съ расчесанною бородой и намаасленою головой, хлопоталъ около выкаченной изъ сарая прекрасной четверомѣстной коляски, а другой подкучерокъ мылъ, чистилъ и расплеталъ гривы у четырехъ вороныхъ лошадей. Видно, что приготавлился самый парадный выѣздъ, заведенный еще покойнымъ Баляновымъ. Александръ одѣвался въ своей комнатѣ. Вдругъ къ нему заглянула въ двери, въ новой юбкѣ, папильоткахъ и чепцѣ, Аполинарія Матвѣевна.

— Мнѣ можно съ тобой, душенька, вѣхать? спросила она.

— Это что еще такое? почти воскликнулъ Александръ.— Вы тутъ боитесь, кричать начнете въ дорогѣ... очень весело съ вами ѣздить!

— Ой, да Клеопатра-то Петровна больно, было, меня звала!

— Ну, такъ и поѣзжайте однѣ, а я не поѣду! возразилъ Александръ, бросая съ гнѣвомъ на столъ щетку и гребенку. Ему стыдно было вѣхать съ матерью.

Та, по обыкновенію, струсила.

— Нѣтъ, коли ужъ такъ, я лучше не поѣду, сказала она смиренно и, придя въ свою комнату и снявъ съ себя парадный чепчикъ, горестно усѣлась подъ окошечкомъ.

— Глупа-то я больно, что ли, бабушки, ни отъ кого-то мнѣ житья на свѣтѣ нѣтъ, и отъ сына-то, что есть? спрашивала она себя, и затѣмъ залилась обильнѣйшими слезами, что этакой праздникъ она и въ церкви Божіей не побываетъ.

Иона Мокеищъ, тоже во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и съ новымъ картузикомъ въ рукахъ, бѣвъ свидѣтелемъ всей этой

сцены между сыномъ и матерью, слегка улыбался и поматывалъ, въ раздумьи, головой.

Александръ былъ готовъ. Костюмъ его состоялъ изъ чернаго фрака, изъ бархатнаго коричневаго, по тогдашней модѣ, жилета; курчавые волосы его были красиво зачесаны назадъ. Выходи, онъ накинулъ на себя, подбитый настоящимъ бархатомъ, плащъ-алмазину, и живописно раскинувъ на плечахъ его отвороты, сѣлъ, нѣсколько развалясь, въ коляску и съ удовольствіемъ полюбовался толстою спиной молодцоватаго кучера. Гайдукъ Петръ, тоже въ новой, съ иголки, ливреѣ, вскочилъ на запятки. За нимъ въ сѣдѣ смиренно ѣхалъ Іона Мокеичъ въ своемъ тарантасикѣ. Александръ его не пригласилъ ѣсть съ собою изъ того же чувства, по которому не взялъ и мать.

Экипажъ, быстро везомый четырьмя добрыми конями, слегка и ровно покачивался. Александръ, завернувшись въ свой плащъ и скрестивъ руки, глядѣлъ и поглядывалъ на всѣ окрестности. Въ жизни не много такихъ положеній, которыя бы, какъ ѣзда по деревенскимъ дорогамъ въ хорошемъ экипажѣ и на бойкихъ лошадяхъ, могли настолько возбуждать въ человѣческомъ сердцѣ чувство гордости. „Я сквайръ.... пропріетеръ.... Все это что ни идетъ, ни встрѣчается, все это ниже меня“, самолюбиво отзывалось, разумѣется, и въ молодой душѣ Александра. „И, пріѣхавъ въ церковь, думалъ онъ, или тамъ на обѣдъ къ какой-нибудь Фефелѣ Ивановѣ, вѣроятно, буду лучше всѣхъ одѣтъ. Я могу жить, ничего не дѣлая и ни въ комъ не нуждаясь.... Я знаю науки, а тутъ никто ни одной. Тамъ, можетъ-быть, я встрѣчу какую-нибудь молоденькую, не дурненькую собой, даму; она влюбится въ меня, потому что мужъ у нея уродъ, такъ какъ здѣсь они всѣ уроды....“ Но всѣ эти самолюбивыя мысли сразу прошли, когда изъ-за недалекой горы показался справа огромный каменный домъ Клеопатры Петровны, а слѣва—садъ другаго владѣльца села Дубновъ, помѣщика Спинова. Посреди всего этого виднѣлась церковь, около которой кишмя кишѣлъ народъ. Александръ почувствовалъ даже робость. Онъ хоть и считалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ, но въ сущности былъ, какъ всѣ поумнѣе молодые люди, очень застѣнчивъ.

— Іона Мокеичъ, что вы тутъ сидите, пересядьте ко мнѣ! говорилъ онъ, велѣвъ кучеру остановиться.

Она уже чувствовала некоторую необходимость въ покровительствѣ своего стараго сосѣда.

— Да что жь ты всю дорогу-то, чертенокъ, молчалъ и заставлялъ меня трястись въ тарантасикѣ! отвѣчалъ тотъ, выдвѣвая изъ своего экипажа и пересаживаясь въ коляску.

Вскорѣ они вѣхали въ село.

— Ну, братъ, вѣтъ: въ церковь не продерешься.... проговорилъ Иона.

И въ самомъ дѣлѣ, отъ храма до самой ограды танулся цѣлый хвостъ народу, или, лучше сказать, бабъ, которымъ негдѣ ужь было помѣститься въ церкви.

— Куда жь мы поидемъ: къ Клеопатрѣ Петровнѣ или къ Спировымъ? спросилъ, съ замѣтнымъ безпокойствомъ, Александръ.

— А вотъ потолкаемся пока по базару, отвѣчалъ тотъ, и совершенно спокойною и привычною походкой началъ проходить между народомъ.

Александръ слѣдовалъ за нимъ.

На плохо огороженномъ кладбищѣ, обсаженномъ нѣсколькими березками, на могильной плитѣ, сидѣли съ горестивѣйшими лицами двѣ старухи-крестьянки.

— Ну-ка, матушка, говорила одна печальнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ другая тоже простиывала:—только глазки-то она закатила....

Александръ думалъ, что сидя на человѣческомъ кладбищѣ, онѣ вспоминаютъ о какой-нибудь ихъ дочери или внучкѣ.

— Потянула я за хвостикъ-то, а она ужь и не жива!... заключила говорившая.

Старухи разговаривали о коровѣ.

Вдругъ его толкнулъ въ бокъ Иона Мокеичъ. Александръ обернулся и самъ чуть не вскрикнулъ. Опершись на ограду и нѣсколько склонившись на нее, стояла невдалекѣ молодая, высокая крестьянка. Отъ всей отъ ней, какъ отъ Гоголевской Аннунціаты, красота такъ и блистала во всѣ стороны.

— Какова птичка-то? произнесъ Иона.

Александръ все еще не могъ отвести глазъ.

Крестьянка, между тѣмъ, замѣтивъ что на нее смотрять, не столько, кажется, изъ стыдливости, сколько изъ солидности, опустила глаза въ землю, и наклонивъ нѣсколько голову, пошла неторопливо въ другую сторону.

— Это изъ Кузмищева.... На посѣдкахъ, мы, можетъ-быть, увидимъ ее.

— Ахъ, пожалуста! произнесъ Александръ.

Съ кладбища они прошли на базаръ, съ выстроенными на скорую руку деревянными лавочками, въ которыхъ съ испитыми лицами, въ нанковыхъ сюртукахъ и по большей части рыжеволосые торговцы торговали краснымъ товаромъ.

— Мадамъ! мадамъ! говорилъ одинъ изъ нихъ, зазывая толстую бабу, съ разинутымъ ртомъ проходившую мимо лавки.

— Вы будьте спокойны: въ трехъ целокахъ стирайте, не полиняетъ! увѣрялъ другой нѣсколькихъ бабъ, съ недовериемъ смотрѣвшихъ, какъ онъ прикидывалъ на аршинъ шубящій ситецъ.

Въ церкви на колокольнѣ зазвонили къ молебну. Весь почти народъ перекрестился, а въ томъ числѣ и торговецъ съ разными сластями, который только что пояснилъ двумъ горничнымъ стоявшимъ передъ нимъ и покупавшимъ у него пряники:

— Была у меня, сударыни, жена Маланья, варила мнѣ супъ изъ крупъ, что тротуары посыпаютъ.

— Ахъ, Боже мой, скажите! говорили горничныя.

— Да-съ, продолжалъ торговецъ, жарила она мнѣ котлету, что не съѣшь ее во все лѣто.

Горничныя смѣялись.

— Всѣхъ бы я васъ, миленькія, обзолотилъ и брилліантами пустилавилъ и на тѣло для сбереженья поставилъ.... заключилъ торговецъ.

Горничныя совсѣмъ фыркали отъ смѣха.

— Охъ вы, пряничницы! погрозилъ имъ пальцемъ, проходя, Иона Мокеичъ.

— Нельзя, сударь, Иона Мокеичъ, отвѣтилъ за нихъ торговецъ:—гдѣ ужъ, батюшка, обозы, тамъ и козы.

Передъ мужикомъ, продававшимъ лемехи, гвозди, серпы, Дѣдовхинъ остановился: — Я, братъ, твоими-то косами тебѣ бороду выбрѣю! Хочешь?

Но мужикъ, кажется, этого не хотѣлъ.

— Что же такъ-съ? спросилъ онъ.

— Да тупѣй моего языка.

— По камнямъ-то, Иона Мокеичъ, какъ станете косить, такъ всякая иступится.... Выгодчикъ тоже! прибавилъ мужикъ, когда Дѣдовхинъ былъ уже довольно далеко:—и около чужихъ всѣхъ пней ладить выкосить траву.

Александръ продожалъ думать о красивой бабѣ.

На большой дорогѣ они увидѣли, что растрепанный мужикъ ползъ на четверенькахъ.

— Что, паря, преклонилъ ужъ Господь? Словно рано бы еще! замѣтилъ Иона Мокеичъ.

— Порра! произнесъ мужикъ съ ожесточеніемъ, и повалившись вверхъ животомъ, закрылъ въ изнеможеніи глаза.

— Ну-те, ребята, нарвите крапивки, да подъ рубашку ему.... посоветовалъ Иона Мокеичъ стоящимъ вблизи, въ красныхъ рубахахъ, мальчишкамъ.

Тѣ этому очень обрадовались, сейчасъ же нарвали крапивы и насовали мужику за платье. Мужикъ почувствовался, принялся чесать себя съ ожесточеніемъ, а потомъ бросился за шалунами, но на первыхъ же шагахъ упалъ и опять было обезпамятълъ. Мальчишки, которымъ Иона Мокеичъ снова подмигнулъ, опять насовали ему крапивы. Мужикъ всталъ и уже гораздо тверже побѣжалъ за ними.

— Я и себя всегда такъ веду дома отрезвлять. Отличнѣйшій способъ! объяснилъ Иона Мокеичъ Александру, и потомъ они пошли къ дому Клеопатры Петровны.

— Хозяйка вѣрно въ церкви! предостерегъ было его Александръ.

— О, чортъ! Велика важность! отвѣчалъ Иона, и дерзко отворилъ тяжелыя дубовыя двери.

— На довольно парадной лѣстницѣ они увидѣли сходящую комнатную женщину съ маленькимъ платочкомъ на головѣ.

— Пожалуйте-съ! пригласила она ихъ.

— Ахъ, благодаримъ покорно! отвѣчалъ Иона тоже въ тонъ ей тоненькимъ голоскомъ. — Ну-те, цѣлуйте прибавилъ онъ, останавливаясь передъ ней.

Женщина перешла было на другую сторону ступеньки; но Иона Мокеичъ шаркнувъ ножкой, опять очутился передъ ней.

— Все-то, вы шутите, Иона Мокеичъ!... говорила женщина, уклоняясь отъ него; однако Иона все-таки успѣлъ обнять и поцѣловать ее въ шею.

Женщина, вся раскраснѣвшись, поспѣшно ушла въ корридоръ, подъ лѣстницей. Александръ пожималъ только плечами. Войдя въ домъ они прошли малую гостиную, среднюю и оставились въ большой гостиной. Александру неволью кинулся въ глаза огромный портретъ императора Павла, въ золотой рамѣ и убранный, по старинной модѣ, балдахиномъ.

Мебель была хоть и старинная, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже бѣлая съ позолотой, но вездѣ обитая или штофомъ или бараканомъ. Вся эта барская роскошь начала еще болѣе тревожить Александра.

— Чтò жь мы будемъ тутъ дѣлать? спросилъ онъ своего товарища, преспокойно расхаживавшаго и препокойно на все поглядывавшаго.

— А вотъ ужь и подходятъ изъ церкви, отвѣчалъ онъ.

По деревяннымъ мосткамъ, идущимъ отъ самой церкви до дому, дѣйствительно, два лакея, въ огромныхъ, треугольныхъ шляпахъ, надѣтыхъ поперегъ, вели подъ руку самое старую фрейлину, совсѣмъ сгорбившуюся, но еще въ букляхъ и въ роскошнѣйшемъ платьѣ. Волѣдъ за ней, скромно приложивъ руки къ груди, шли двѣ ея приживалки, одна Алива, другая—Полива.

Старуха проходила свои огромныя залы, съ длинными зеркалами, все склоняя голову, какъ бы кланяясь на парадномъ выходѣ; наконецъ въ гостиной, увидѣвъ живыхъ людей, она проговорила:

— Здравствуйте!

Иона Мокеичъ поспѣшилъ раскланяться и представить ей Александра.

— Аполинарѣи Матвѣвны сынъ! оказалъ онъ.

— Вотъ какой ужь большой сталъ. Здравствуйте! проговорила ему старуха.

— Какъ здоровье моего ангела Аполинарѣи Матвѣвны? спросила одна изъ приживалокъ, закатывая глаза.

— Слава Богу! отвѣчалъ Александръ. Приемъ этотъ нѣсколько удивилъ его. Все-таки, видно, здѣсь знаютъ его мать, а не его!

По мосткамъ въ это время шли еще двое господъ, старый генералъ съ приподнятыми плечами, зачесанными вверхъ бакенбардами, съ усами, торчащими прямо, и маленькимъ хохломъ на плѣшивой головѣ. И между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ какъ бы весь подавался впередъ, ноги его, въ плюсовыхъ сапогахъ, почти не поднимаясь, шаркали по мосткамъ. Рядомъ съ нимъ шелъ прямой господинъ, совсѣмъ какъ бы не имѣвшій способности гнуться и какъ бы насаженный на желѣзный стержень.

— Доброга дѣя! сказалъ генералъ, воиш и подавая руку

Ионъ, но не обертываясь, впрочемъ, къ нему лицомъ. — Гдѣ хозяйка?

— Сейчасъ выйдетъ, ваше превосходительство, поспѣшилъ отвѣтить Иона Мокеичъ.

Генералъ сѣлъ на диванъ, на то мѣсто гдѣ обыкновенно садятся дамы.

Лакеи стали ставить закуску.

Высокій господинъ сталъ около доходящаго до полу окна и приложилъ шляпу къ козѣву.

Александръ, не безъ удивленія, замѣтилъ, что фракъ на этомъ гостѣ сидѣлъ гораздо лучше чѣмъ на немъ; сукно было гораздо высшаго сорта, а покрой чистѣйшаго англійскаго свойства. По скромному его и тоже, должно-быть, дорогому жилету изящно пролеглая платинная цѣпочка.

— Кто это такой? спросилъ онъ Иону Мокеича.

— Князь Темиръ-Подольскій, отвѣчалъ онъ.

У Александра опять немного сердце сжалось конфузомъ.

Но по мосткамъ шелъ еще новый франтъ также щегольски одѣтый; но только онъ шелъ гораздо развязнѣе и, заботливо оглядываясь изъ стороны въ сторону, имѣлъ на глазахъ ринсе-пез.

Александръ Бога возблагодарилъ, что онъ не взялъ своего ринсе-пез.

— Ну, да, да! говорилъ этотъ новый гость входя въ гостиную, и потомъ прямо подошелъ къ генералу.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, закупилъ косъ, ремней, граблей!

— Такъ, такъ, прекрасно! говорилъ покровительственно генералъ.

— Нельзя, ваше превосходительство, ни у отца, ни у матери моей, ни у дѣда не бывало, — а у меня овесъ самъ-пятнадцать пришелъ.

— Прекрасно! прекрасно! военный человекъ на все, выходить, способенъ!

— На все, ваше превосходительство! подхватилъ весело вошедшій господинъ.

Въ душѣ Александра неволью шевелинулась зависть.

„Въ самомъ дѣлѣ, военный человекъ не способенъ ли на все?“ подумалъ онъ.

Вошла Спирова въ чепцѣ съ бантами и въ шелковомъ платьѣ.

Дама эта была хоть и худоцава, но чрезвычайно, должно быть, полнокровна.

— Ухъ, жарко въ церкви! сказала она.

— Да, подтвердилъ генераль.

Мше Спирова вынула батистовый платокъ и стала имъ обмахиваться, произведя при этомъ сильный запахъ пачулей.

Александра и это удивило.

„Здѣсь и духи эти модные знаютъ?“ спросилъ онъ себя мысленно.

Между тѣмъ господина въ ринсе-пез онъ опять уже увидалъ на площади, толкающагося посреди мужиковъ.

„Счастливецъ! а наше отвратительное университетское образование, къ чему оно готовить человѣка?“ подумалъ Александръ.

Хозяйка, наконецъ, переодѣвшись въ болѣе легкое платье, но, попрежнему, въ блондовомъ чепцѣ и букалахъ, появилась, въ сопровожденіи своихъ приживалокъ.

— Что же вы, подавайте! сказала она, кинувъ привычно строгій взглядъ на стоявшихъ у притолокъ лакеевъ.

Тѣ мгновенно схватили со стола подносы и стали подносить небольшому числу гостей.

— Кушай, батюшка! сказала старуха, садясь около генерала.

— Бѣмъ! отвѣчалъ тотъ.

Онъ, дѣйствительно, не давъ еще унести подноса, взялъ и наложилъ себѣ на тарелку паштета.

— Кто это? спросилъ онъ хозяйку полу-на-ухо, показывая на Александра.

— Аполинаръи Матвѣвны сынокъ! почти крикнула ему та. Генераль былъ сильно глуховатъ.

Александръ выходилъ изъ себя отъ такой нецеремонной рекомендаціи: опять и вездѣ упоминалась Аполинарія Матвѣвна; но старый генераль, лично имъ заинтересовавшись, больше еще ему нравился. Онъ рѣшился съ нимъ заговорить. Замѣтивъ, что не вдалекѣ отъ него осталось свободное мѣсто, онъ подошелъ и сѣлъ.

— Вы не были у обѣдни? спросилъ его довольно ласково старикъ.

— Нѣтъ, я пріѣхалъ довольно поздно... ужь къ великому таинству.

— Къ какому это великому таинству? спросилъ генераль, сдѣлавъ руками знакъ удивленія.

— Да въ обѣднѣ-съ!

— Въ обѣднѣ есть великій выходъ, а не таинство... Какъ же вы этого не знаете, молодой человекъ? а, а, а! сказала, качая головой, старикъ.

Александръ, и самъ очень хорошо видѣвшій, что, по то-ропливости своей, совралъ, сначала было заспорилъ, что есть...

— Да нѣтъ же! Неужели васъ и этому не научили? а-а-а! произнесъ рѣшительно генералъ.

Александръ готовъ былъ провалиться сквозь землю, но, къ вѣщему еще страданію его, лакей раскрылъ зеленый столъ. Иона Мокеичъ разнесъ карты себѣ, хозяйкѣ, генералу и князю Пододьскому. Они сейчасъ же сѣли, оставивъ Александра съ дамами.

Разговаривать со Спировой и двумя приживалками Александръ рѣшительно не хотѣлъ, но тѣ, впрочемъ, и сами скоро ушли во внутреннія комнаты, такъ что онъ остался совершенно одинъ.

Онъ ходилъ, глядѣлъ въ окно, сидѣлъ на мѣстѣ, подходилъ къ игрокамъ, и все это такъ было глупо, что онъ готовъ былъ этого проклятаго Иону прибить, за то что онъ привезъ его къ подобнымъ скотамъ. Наконецъ, судьба какъ бы сжалилась надъ нимъ: къ крыльцу подѣхалъ экипажъ съ дамами, съ которыми Александръ непременно рѣшился познакомиться и даже начать за ними ухаживать. Онѣ вскорѣ вошли въ гостиную: мать какъ-то изподлобья и злобно посматривала на всѣхъ, а дочери, сначала одна, а потомъ другая вернули хвостомъ передъ хозяйкой и затѣмъ скрылись вмѣстѣ съ маменькой.

Къ крыльцу подѣхалъ еще экипажъ. Генералъ, вытянувъ свой взглядъ на окно, проговорилъ:

— Это, должно-быть, гг. офицеры!

Изъ тарантаса, въ самомъ дѣлѣ, вышли три офицера. Одинъ изъ нихъ и собой очень невзрачный, и далеко ужъ не умнаго лица; шумно вошелъ въ гостиную, расцѣловалъ у хозяйки ручку, сѣлъ около нея и сталъ учить ее играть въ карты, а двое другихъ, тоже очень развязно поклонившись хозяйкѣ, черезъ пять же минутъ, какъ видѣлъ Александръ, разговаривали съ барышнями, на секунду вернувшими хвостами въ гостиную.

Видимо, между всѣми этими людьми были общіе интересы

и протекала общая жизнь; одинъ только герой мой былъ тутъ какъ отрѣзанный ломоть.

За обѣдомъ всѣ усѣлись по приличнымъ имъ мѣстамъ — даже Иона затесался чуть-ли не рядомъ съ хозяйкой, а Александръ очутился въ самомъ заднемъ концѣ между попами. Въ продолженіе всего обѣда онъ былъ мраченъ до неприличія.

Когда встали наконецъ изъ-за стола, и въ лакейской заиграли полковые музыканты, привезенные офицерами, Александръ сейчасъ же взялъ шляпу и подошелъ къ хозяйкѣ.

— Что-й-то, батюшка, куда это? спросила та его.

— Матушка не такъ здорова.

— А! произнесла старушка, какъ видно, совершенно принявъ въ уваженіе подобную причину.

Александръ сѣлъ въ коляску.

Кучеръ Оома и гайдукъ Петруша были мрачны. Они никакъ не ожидали, что баринъ такъ скоро увидеть съ праздника, а потому не успѣли еще обойдти деревню и закатить хорошенько.

— Когда жъ на посѣдки-то? крикнулъ Александру съ балкона Иона Мокеичъ.

— Послѣ какъ-нибудь, отвѣчалъ тотъ, и велѣлъ скорѣе ѣхать.

„Что жъ это такое?“ разсуждалъ онъ самъ съ собою, проѣзжая довольно темнымъ лѣсомъ.

Онъ очень хорошо понималъ, что былъ въ самомъ аристократическомъ деревенскомъ кругу.

„Или они глупы, или я!“ рѣшалъ онъ мысленно.

„Они!“ смѣемъ мы успокоить молодаго человѣка.

ГЛАВА XI.

Иона Мокеичъ дома.

Александръ, не зная чѣмъ себя занять, началъ безпрестанно думать о красивой женщинѣ, видѣнной имъ на базарѣ въ Дубнахъ. Разъ послѣ обѣда, онъ вдругъ надѣлъ на себя полный охотничій костюмъ, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ къ Ionу Мокеичу.

Цивикъ жилъ отъ нихъ верстахъ въ десяти.

Въѣхавъ въ перелѣсокъ и подѣвжая къ одному изъ овражковъ, Александръ сталъ попридерживать своего довольно сердитаго коня. Тотъ отъ этого еще больше и красивѣе сталъ раскидывать свои переднія ноги. Когда надобно было подниматься изъ оврага, Александръ вдругъ опустил поводья, нагнулся надъ сѣдломъ, и крикнувъ, выхватилъ свой охотничій ножъ и понесся маршъ-маршъ! Потомъ вдругъ опять останавливалъ лошадь сразу и снова несся. Въ эти минуты онъ воображалъ себя Черкесомъ — доказательство, что еще былъ молодъ душою.

Дмитровка,—жилище Ионы Мокеича, находилась въ сельцѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ домовъ бѣдныхъ дворянъ. Его же собственная усадьба отдѣлялась отъ прочихъ высокимъ тыномъ и отличалась довольно большимъ садомъ, въ которомъ прятался хоть и низенькій, но довольно широкій домъ, и своею оттого нѣсколько таинственною наружностью какъ бы говорилъ, что онъ заключаетъ въ себѣ хоть и стараго, но великаго грѣшника.

Иона Мокеичъ увидалъ Александра еще изъ окна.

— А, солнышко красное! сказалъ онъ, отворяя ему двери.

Самъ онъ былъ одѣтъ въ какихъ-то турецкихъ шароварахъ, въ туфляхъ и въ ермолкѣ.

Александръ былъ въ первый еще разъ у него въ домѣ.

— Это вотъ моя гостиная, а это моя пустыническая спальня, говорилъ Иона, вводя гостя въ свое довольно уютное помѣщеніе.

— А тамъ, продолжалъ онъ совершенно тѣмъ же тономъ, показывая на заднюю половину дома: — тамъ мой сераль.

— Сколько же женъ у васъ? спросилъ его Александръ.

— Три всего... по состоянію, братецъ!.. Чтѣ дѣлать, больше не могу, отвѣчалъ Иона, пожимая плечами.

— Это чтѣ такое? продолжалъ Александръ, останавливаясь передъ довольно большою, масляными красками написанною картиною, изображающею нагую женщину.

— Подареніе твоего отца! отвѣчалъ Иона Мокеичъ.—Этакого, говорить, страму нигдѣ, какъ у Ионы въ комнатахъ, и держать нельзя! Но это, братъ, чтѣ! а вотъ гдѣ шутка-то! прибавилъ онъ, и взявъ Александра за руку, ввелъ въ свою спальню и тамъ показалъ ему уже закрытую занавѣской картину.

Александръ сейчасъ же отвернулся.

— Что за мерзость! произнесъ онъ, хоть бы вы рисовать-то велили получше, покрасивѣе, а то чудовища какія-то!

— По состоянію! отвѣчалъ и на это Іона:— но что тутъ, другъ сердечный, рисованье! продолжалъ онъ:—одно только напоминаніе, а тамъ ужъ, какъ это по-вашему, по-ученому сказать, добавлять надо своими фантазеріями!

— А что жъ мы на посѣдки ѣдемъ? спросилъ Александръ.

— Непременно. Мареуша! крикнулъ Іона Мокеичъ, приотворивъ маленькую дверь въ соседнюю комнату, дай-ка намъ наливочки!

— Что! къ чему это послѣ обѣда!

— Наливки-то? Да, вѣдь, ее всегда можно; это не водка, успокоилъ его Іона Мокеичъ.

Мареа, лѣтъ двадцати дѣвка, съ толстыми губами и грудями, принесла на подносѣ бутылку наливки и двѣ рюмки, и все это поставила на столъ.

— Честь имѣю рекомендовать: это главная моя султанша! объяснилъ о ней Іона Мокеичъ.

Мареа при этомъ хоть бы бровью повела. Она, видно, совершенно привыкла къ подобной рекомендаціи, и съ такимъ же лицомъ, съ какимъ пришла, съ такимъ и ушла.

— Какая женщина, у! дополнилъ о ней еще Іона Мокеичъ

— Вѣроятно! подтвердилъ Александръ.

— У!.. повторилъ Іона, и заставилъ Александра выпить рюмку наливки.

Тотъ выпилъ и чуть не выплюнулъ назадъ, говоря:

— Она совсѣмъ не подслащена!

— Совершенно! подтвердилъ и Іона. Сахаръ, вѣдь, искусственная вещь... букету ужъ при немъ такого нѣтъ, а тутъ сама натура, какъ есть.

— Какой тутъ, чортъ, букетъ.

— Нѣтъ, ты попробуй, выпей-ка еще одну, такъ и увидишь, что такъ надо.

Александръ отвѣкивался было.

— Да полно, что-й-то, выпей!.. произнесъ Іона, какъ бы нѣсколько обидѣвшись.

Александръ выпилъ и; въ самое дѣло, не съ такимъ отвращеніемъ.

— А что, мы скоро поѣдемъ на посѣдки? сказалъ онъ.

Въ головѣ у него начинало пошумливать.

— Все надо, другъ милый, по порядку, чинно, не торопясь,

отвѣчалъ Иона Мокеичъ; самъ онъ билъ уже четвертую рюмку.—Гаврюха, Гаврюха! подкликнулъ онъ, стуча въ окно, проходившаго мимо высокаго мужика.

Тотъ вошелъ въ комнату. Это былъ его собственный ткачъ Гаврила, сначала, по наружности, смотрѣвшій очень обыкновеннымъ человѣкомъ.

— Впервыхъ, скажи ты мнѣ, милый человѣкъ, спросилъ его баринъ:—что, въ Кузмищевѣ начались посѣдки?

— Начались бы словно, отвѣтилъ тотъ довольно громко.

— Тсъ!.. тше! крикнулъ ему шепотомъ Иона Мокеичъ и отнесся къ Александру:—не любить у меня этого моя главная-то барыня. „Дома, говорить, что хошь дѣлай, по чужимъ мѣстамъ, по крайности, не срамись!“

— Ну, другъ милый, обратился онъ снова къ Гаврилѣ:—вотъ тебѣ мои ключи драгоценные, поди ты потихохоньку отъ Мареуши.. я ее вызову сюда, будто одѣвать себя.. возьми ты тамъ въ чуланѣ четыре бутылочки наливки, пряничковъ, изюму, орѣшковъ; положи все это въ корзиночку, поставь ты ее подъ бесѣдку, въ мою, знаешь, телѣжку, запряги ты мнѣ ворона коня и выѣзжай къ намъ къ крыльцу.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Гаврила, видимо съ полною готовностью, и вышелъ.

— Безцѣнный насчетъ этого человѣка! хоть три ночи простойтъ, гдѣ ужъ окажешь—не тронется! объяснилъ и объ немъ Иона Мокеичъ, а затѣмъ вышелъ, позвалъ Мареу и сильно, какъ было слышно черезъ перегородку, старался завлечь ее самыми разнообразными разговорами.

Черезъ полчаса, они уже сидѣли: Александръ верхомъ на своемъ конѣ, а Иона Мокеичъ и Гаврила въ телѣжкѣ. Мареа провожала ихъ на крыльцо.

— Когда ждать-то прикажете? Куда это поѣхали? спрашивала она.

— Да вотъ къ нему, погостить не надолго! отвѣчалъ Иона Мокеичъ смиренно.

Несмотря на вольнодумный характеръ, онъ, кажется, находился въ сильныхъ лапахъ у своей главной султанши.

Когда два наши рыцаря, съ своимъ могучимъ оруженосцемъ, тронулись на свои романческія приключенія, Мареа проговорила, зѣвая во весь ротъ:

— Какой тотъ молодецкій-то баринъ смазливый, не то что нашъ плѣшивый чортъ!

ГЛАВА XII.

Александръ стыдится, чего дѣйствительно стыдится.

Кузмищево, казенная деревня, расположенная по большой дорогѣ, тянулась въ длину версты на двѣ. Во всѣхъ окнахъ избъ мелькали огоньки, и въ одной изъ нихъ, довольно большой, свѣтъ былъ какъ-то поярче. На улицѣ была совершенная тишина: изрѣдка развѣ проѣдутъ запоздалые извозчики, или выведетъ кто-нибудь изъ мужиковъ лошадь попить къ колодцу, или, наконецъ, быстро промелькнетъ какая-нибудь женская тѣнь съ пряслицей и устремится къ этой именно избѣ. Александръ и Иона Мокеичъ, выѣхавъ откуда-то съ задовъ, тоже подѣхали къ ней.

— Прежде всего, другъ сердечный, надо подкрѣпитесь! сказалъ, кряхтя и вылѣзая изъ своей повозки, Иона, и вытаскивая изъ корзинки бутылку, изъ которой заставилъ Александра выпить цѣлый стаканъ, а самъ выпилъ два. Потомъ они вошли въ сѣни, оставивъ Гаврилу у лошадей. Въ довольно большой избѣ, по всѣмъ переднимъ лавкамъ, сидѣли молодая женщина и дѣвушки, по большей части все не дурныя собой.

Подъ полатами стояли молодые парни, а нѣкоторые изъ нихъ, по преимуществу, имѣвшіе въ рукахъ гармоникъ, сидѣли и промежъ дѣвушекъ; но тѣ всегда при этомъ старались ихъ выпихнуть и выжить отъ себя.

— Не примете ли странниковъ, идемъ изъ далекихъ мѣстъ: обносилась, обовшиведа! сказалъ, входя, Иона Мокеичъ. Корзинку онъ захватилъ съ собою.

Хозяйка избы, довольно еще молодая женщина, сейчасъ же его узнала,

— Милости просимъ! сказала она, смѣясь, и согнавъ съ одной скамейки ребятшекъ, предложила ее гостямъ.

— Чей такой—молодой-то баринъ? сказала она Іоанъ, указывая на Александра.

— Дворянинъ Нищинъ, изъ усадьбы Огородова, подъ прясломъ родился, на тычинкѣ выросъ, и теперь на колѣ верхомъ

изволить русскую землю объѣзжаты!... отрекомендовалъ его Иона Мокеичъ.

— Да полноте, дѣшье, это изъ Лапуховъ баринъ-то; я видала его... ягоды носила! толковала другая баба въ толпѣ.

— Какой нарядный! военный, знаты! замѣчали иныя.

Александръ, не безъ удовольствія, видѣлъ, что онъ составляетъ предметъ общаго вниманія. Но, впрочемъ, взглянувъ въ одинъ изъ болѣе темныхъ и многолюдныхъ угловъ, онъ увидѣлъ свою красавицу-крестьянку.

— Здравствуй! мы съ тобой нѣсколько знакомы, сказалъ онъ.

— Вы мнѣ, что ль, это говорите? спросила она пріятнымъ голосомъ.

— Тебѣ... Я тебя видѣлъ и восхищался тобой въ Дубнахъ.

— Гмъ! усмѣхнулась на это женщина.

Александръ взялъ небольшой деревянный стулъ и сѣлъ противъ нея.

— Ты замужемъ?

— Али нѣтъ! отвѣчала красавица, кидая на него лукавый взглядъ.

— Гдѣ же у тебя мужъ, въ Питерѣ?

— Въ Питерѣ, чтобъ бока повытерли! отвѣчали за нее другія бабы и засмѣялись.

Одинъ изъ стоявшихъ подъ полатями парней и какъ-то мрачно на все это смотрѣвшій подошелъ и зажегъ освѣщавшую лучину посвѣтлѣе. Красавица Александра еще больше выглянула передъ намъ во всей своей красотѣ.

— О, ты дивно хороша! воскликнулъ онъ, ероша свои курчавые волосы.

— Ну, вотъ что! Какой онъ! говорила, смѣясь, та.

Иона Мокеичъ, между тѣмъ, ходилъ и угощалъ наливкой.

— Выпей, душевка, говорилъ онъ, подходя къ Александру.

Тотъ въ сильномъ волненіи и не видя самъ что дѣлаетъ, выпилъ стаканъ залпомъ, а потомъ другой.

— А, краля писаная! воскликнулъ Иона Мокеичъ, увидавъ бабу-красавицу. — Ну, выпей!.. Бѣлогрудая, бѣлозубая, пей! говорилъ онъ ей.

Та отпила немного изъ стакана.

— Ой, не люблю я этого: крѣпкое какое, песь!

— Да что вы орѣхи-то бережете?... давай орѣхъ-то, ска-

зали другія бабы, отъ глаза которыхъ не ускользнули лежащія въ корзинѣ сласти.

— О, сейчасъ! воскликнулъ Александръ, вскакивая, и схвативъ оттуда цѣлый тюрикъ орѣховъ, поднесъ ихъ и сталъ передъ своею красавицей на колѣни.

— Все тебѣ, царица души моея! все!

— Ой, дѣвоньки, какой онъ! смѣялись бабы.

Иона Мокеичъ въ это время суетился около другихъ дѣвухъ и женщинъ.

— Пейте, мои голубушки, пейте! говорилъ онъ имъ, угощая ихъ пряниками и наливкой. Последняя, впрочемъ, больше за нимъ самимъ оставалась.

„Калинушка съ малинушкой“, затаили наконецъ посадыщицы.

„Лазоревый цвѣтъ“, подхватилъ за ними Иона довольно чистымъ теноромъ.

„Веселая бестыдушка“, пѣли тѣ.

„Гдѣ милый мой пѣтъ!“ ухъ! допѣвалъ Иона, и затѣмъ такъ разчувствовался, что сѣлъ промежъ дѣвухъ и двухъ, ближайшихъ къ себѣ, обнявъ и сталъ прижимать ихъ къ бокамъ своимъ. Одна изъ нихъ колотила его при этомъ легонько кулакомъ въ голову, а другая подносила къ лицу зажженную куделю. Онъ только отфыркивался и повертывался отъ одной къ другой.

Александръ тоже не отставалъ отъ пріятеля. Онъ декламировалъ передъ своею красавицей:

*„Все въ ней гармонія, все диво;
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красть торжественной своей.“*

Дѣвушки и женщины смѣялись, а парни, напротивъ, все что-то между собой переглядывались, а нѣкоторые даже и перешептывались....

Иона Мокеичъ дошелъ, наконецъ, до полнѣйшаго неистовства: онъ обнималъ, хотъ и не старуху, но безобразнѣйшую бабу, и припавъ къ ея плечу головой, началъ для чего-то слегка проставывать. — Охъ, охъ, говорилъ онъ, а потомъ вдругъ вскочилъ, и выхвативъ лучину изъ свѣтца, бросилъ ее на полъ.

Тотъ же мрачный мадыъ быстро подошелъ, поднялъ ее, разжегъ и вставилъ въ свѣтецъ.

— Пошто вы бадуете? почти крикнулъ онъ на Іону Мокеича.

— Оставь, погаси ее.... погаси ее.... крикнулъ тотъ на него, и опять было потянулося, чтобы погасить лучину.

— Не трожьте ее! Али въ самотко и здѣсь эту страмоту завести хотите? Страмники! проговорилъ парень и оттолкнулъ Іону.

Тотъ наскочилъ и ударилъ его по лицу; парень тоже не остался въ долгу: какъ хватилъ на отмахъ кулакомъ, такъ баринъ и растянулся на полу.

— Чтò такое? вскрикнулъ Александръ, приподнимаясь и обертываясь, но все-таки еще оберегая рукой свою красавицу.

Въ это время въ избѣ затрещала рама.

— Барина бьютъ! раздался голосъ и въ избу влѣзаль Гаврила.

Все это было дѣломъ одной минуты.

— Ты чтò, чортъ, дѣлаешь? обратился онъ прямо къ молодому парню, и оба потомъ, не говоря ни слова, схватились, какъ два дикіе звѣря, и начали возиться по избѣ, издавая по временамъ злобные звуки и ругательства.

— Хорошенько его, хорошенько! кричалъ съ полу Іона.

— Робя, бьютъ! произнесъ наконецъ парень, почти съ трескомъ костей упавая на полъ подъ желѣзнымъ натискомъ Гаврилы. Нѣсколько человѣкъ бросились къ нему на помощь; но Гаврила такъ съ ними распорядился, что какъ толкнетъ огромнымъ сапожищемъ своимъ кого въ рыло, кого въ грудь, кого въ брюхо, такъ тотъ въ углу избы и очутится. Отбитые такимъ образомъ, они накинудились на подвигавшагося Іону и начали его тузить и даже драть за волосы.

— О - о - ой! о-о-ой! кричалъ онъ, повертывая имъ то тотъ бокъ, то другой и хватаясь за голову.

— Перестаньте! перестаньте! кричалъ Александръ. Но суматоха сдѣлалась всеобщая. Дѣвки и бабы, подъ поднятыми кулаками мужиковъ, убѣгали изъ избы. Красавица его тоже юркнула вонъ.

— Прочь! закричалъ наконецъ Александръ, продираясь сквозь толпу, чтобы спасти какънибудь Іону, и при этомъ выхватилъ свой охотничій кинжалъ.

— Коли такъ, робя, берись въ колья! раздалось снова, и

въ ту же минуту, Богъ знаетъ откуда, появились въ воздухѣ полѣнья и палки. Александръ чувствовалъ, что вся кровь прилила ему въ голову. Онъ выхватилъ свой маленькій охотничій пистолеть.

— Если кто хоть съ мѣста пошевелится, я сейчасъ пуцу пулю, и въ тебя!.. и въ тебя!.. и въ тебя!.. говорилъ онъ, перекладывая пистолеть съ рожи одного мужика на другаго, на третьяго.

Тѣ сейчасъ же начали отступать.

— Онъ, паря, и въ самъ дѣлъ стрѣльнеть.

— Если кто саово произнесетъ! кричалъ Александръ, дрожа всѣмъ тѣломъ и, съ помощью Гаврилы, который своего врага вышвырнулъ въ сѣни и даже за лѣстницу, вытащилъ охающаго и все-таки продолжающаго ругаться Иону Мокеича изъ избы и сталъ его укладывать въ телѣжку.

При этомъ одинъ изъ бывшихъ его парней даже подсоблялъ имъ это дѣлать.

Александръ, сѣвъ на лошадь и выѣхавъ изъ селенья, былъ какъ сумашедшій.

— Это чортъ знаетъ что такое! говорилъ онъ, хватая себя за голову.

— Такой буянь народъ, пояснялъ ему и Гаврила, впрочемъ совершенно спокойно сидѣвшій на облукѣ: — каждый праздникъ, что немножко, сейчасъ же и въ колья. Ну, тоже и къ намъ когда попадутъ, такъ угощаемъ тоже.

— Тоже? спросилъ Александръ, съ удовольствіемъ.

— Тоже. У насъ изъ бѣдвыхъ этихъ дворянчиковъ, пожалуй, такіе есть лоботрясы, что и чорта уберуть.

Александръ безпокоился объ Ionъ Мокеичъ.

— Чтось онъ не умеръ! сказалъ онъ.

— Нѣтъ, вотъ онъ, чу, спитъ ужъ! отвѣчалъ Гаврила.— Не въ первый вѣдь разъ: завтра въ баню сходить, все и пройдетъ.

— Ну, такъ я поѣду домой?

— Поѣзжайте! успокоилъ его Гаврила.

ГЛАВА XIII.

Побѣгъ отъ своей собственной совѣсти.

На другой день Баклановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ; голова у него трещала; ему представлялось, что, вѣроятно, теперь узнается по всей губернии, какъ они прѣзжали на поѣдки пьяные, произвели тамъ драку; наконецъ сами мужики могутъ на него жаловаться, потому что онъ обнажалъ оружіе. Словомъ, его мучили тѣ разнообразныя страхи, которые обыкновенно бываютъ у человѣка съ разстроеннымъ пищевареніемъ, такъ что, когда къ нему въ комнату заглянулъ гайдукъ Петруша и проговорилъ какимъ-то не совсемъ обыкновеннымъ голосомъ: „пожалуйте, на минуточку сюда-съ!“ онъ даже задрожалъ.

— Что такое? спросилъ онъ, вставая.

— Мама тамъ васъ спрашиваетъ-съ, поговорить ей нужно съ вами-съ.

Баклановъ глядѣлъ въ лицо гайдука.

— Гдѣ же она? спросилъ онъ.

— Въ овинѣ на гумнѣ дожидается-съ.

Александръ пошелъ. Ему не совсемъ пріятно было это объясненіе: „Пожалуй, еще чувствительность выражать будетъ! На что глупа, а это ужъ понимать начинается!“ думалъ онъ.

Въ овинѣ, совсемъ почти темномъ, Мама сидѣла на кучкѣ дровъ и плакала.

— Что это такое? объ чемъ? спросилъ ее Баклановъ.

— Маменька ваша-съ, отвѣчала Мама, призывала меня вчера къ себѣ-съ!

— Н-ну?

— По щекамъ прибила-съ... „Мерзкая, говорить, ты...“ замужъ приказываетъ идти-съ за Антипова сына.

— Но, вѣдь, ты не хочешь?

— Нѣту-съ, что хотѣть-то-съ!.. Я къ крестьянству, помилуйте, совсемъ тоже, какъ есть, не прилучена.... домъ тоже бѣдный....

— Ну, и не ходи, если не хочешь!

— Выклестать хочется, коли, говорить, не пойдешь; а я, помилуйте, чѣмъ виновата? Не своей охотой тоже пла-съ.

— Вздоръ!... Не ходи!... Я не позволяю тебѣ этого! говорилъ Баклановъ и пошелъ къ матери.

Но какъ было заговорить о подобномъ предметѣ.

— Вы тамъ, маменька!... дѣвушка у насъ Марья есть!.. Вы хотите ее насильно замужъ выдать?...

— Непремѣнно!... Непремѣнно! проговорила, вспыхнувъ, Аполинарія Матвѣевна, и махнула при этомъ какъ-то рѣшительно рукой.

— Не непременно-съ! вскричалъ Александръ:—Нельзя такъ вамъ вашими подлымъ крѣпостнымъ правомъ пользоваться.

Аполинарія Матвѣевна ужь задрожала.

— Нѣту, нѣту, я ужь рѣшилась! говорила она.

— Въ такомъ случаѣ и я рѣшусь, продолжалъ Баклановъ, —и завтра же уѣду въ Петербургъ.

Онъ зналъ, что ничѣмъ такъ не могъ напугать мать, какъ своимъ намѣреніемъ уѣхать въ Петербургъ. Аполинарія Матвѣевна больше всего на свѣтѣ хотѣла, чтобы сынъ остался при ней, получилъ бы у нихъ въ губерніи какое-нибудь выгодное мѣсто, женился бы на богатой невѣстѣ, и оба бы: онъ и невѣстка ужасно къ ней были почитательны.

— Вы ни звука, ни вѣсточки не будете получать обо мнѣ! говорилъ онъ.

— Ну, Богъ съ тобой! Богъ съ тобой! говорила Аполинарія Матвѣевна и затѣмъ заревѣла.

Этого Баклановъ рѣшительно не могъ вывести.

— О-го, мерзость какая! сказалъ онъ, уходя и хлопая дверьми.

Онъ опять прошелъ въ овинъ къ Машѣ.

— Ну, я говорилъ матери: не выдадутъ... сказалъ онъ, полагая, что угроза его подѣйствуетъ на Аполинарію Матвѣевну.

— Нѣтъ, баринъ, какъ не выдадутъ?... выдадутъ!... сказала Маша и еще больше расплакалась.

Бакланова окончательно это взбѣсило.

— Чтобы чортъ васъ обѣихъ побралъ! произнесъ онъ, уходя изъ овина.

Напуганная словами сына, Аполинарія Матвѣевна не отложила своего намѣренія, а послала за Іоной Мокеичемъ.

„Онъ этакій говорунъ, разговорить, можетъ-быть, его!“ думала она.

Александръ, больной и разстроенный, только было прилежъ послѣ обѣда, въ своемъ кабинетѣ, какъ двери отворились и вошелъ Иона Мокеичъ чистенькій, примазанный, какъ бы ничего съ нимъ передъ тѣмъ и не случилось.

— Что дяденька, а? говорилъ онъ, входя.

Баклановъ поднялся на диванъ.

— Вотъ кто! ну что, какъ ваше здоровье? произнесъ онъ.

— Да, ничего! отвѣчалъ Иона, садясь противъ него:—поостелъ маненько... Что у васъ-то такое натворилось?

Александръ развелъ руками.

— Чортъ знаетъ, что такое тутъ происходитъ! сказалъ онъ.

Иона усмѣхнулся.

— Вы слышали? спросилъ его Баклановъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ только пріѣхалъ!

— Я тутъ жилъ съ одною дѣвушкой нашей...

Иона, въ знакъ согласія, мотнулъ головой.

— И вдругъ моей матушкѣ вздумалось выдавать ее замужъ.

Иона опять усмѣхнулся.

— Что это такъ?... произнесъ онъ.

— Да, подите, вотъ!

— Отъ зависти, надо полагать, старухи это дѣлаютъ! объяснилъ Иона Мокеичъ.

— Вѣроятно! подхватилъ Баклановъ.

— Зачѣмъ-то нарочно присылала за мой... Думаетъ, можетъ, что я это похаю! продолжалъ Дѣдовкинъ.

— Вы ей скажите, началъ Александръ рѣшительнымъ тономъ:—что если она это сдѣлаетъ, я сейчасъ же уѣду; и что-бы сыномъ своимъ меня не смѣла потомъ считать.

— Эхма! сказалъ Иона съ грустью и ушелъ къ Аполлинару Матвѣеву.

Баклановъ, насупившись, сѣлъ у окна.

Иона Мокеичъ совѣщался съ своею сосѣдкой по крайней мѣрѣ часа два и возвратился отъ нея съ потомъ на лбу.

— Совсѣмъ баба съ ума спятила, началъ онъ, входя къ Бакланову.

— Что же? спросилъ тотъ.

— Боятся, что ты женишься на дѣвчонкѣ-то этой.

Александръ ужъ захохоталъ.

— Да что же я дуракъ али сумашедшій, что ли?

— Эти соколы вонъ, вѣроятно, все наслетничали! сказалъ Иона, кидая злобный взглядъ на гайдука Петрушу,

который въ это время былъ у барина въ кабинетъ и приближалъ его платье.

— Никогда мы думать даже не смѣемъ, чтобы говорить что-нибудь про господина, отвѣчалъ ему тоже съ злобнымъ взглядомъ Петруша:—а что прикащикъ точно что докладывалъ госпожѣ, такъ какъ Марья не стала слушаться и на работу ходить.

— Сама дѣвчонка, чу! хвасталась, что ты женишься на ней.

— Да я точно что говорилъ ей, отвѣчалъ Александръ.

— Вообразите: дѣвushку къ вамъ приводятъ почти силой.... надобно же было чѣмъ-нибудь утѣшить ее: ну, я и говорю: „я женюсь на тебѣ!“

При этихъ словахъ Петруша вздохнулъ: устыдился ли онъ содѣяннаго имъ поступка, или находилъ, что къ нему мало благодарности чувствуютъ.

Иона Мокеичъ не переставалъ лукаво усмѣхаться.

— Цѣпки онъ, проклятыя, за эти слова-то!

— Да вы говорили матери, что я уѣду въ Петербургъ? спросилъ его Александръ.

— Говорилъ! Поди, вонъ, реветъ на весь домъ, какъ по покойникѣ.

— А намѣренія своего не отмѣняетъ?

— Нѣтъ! „У насъ и то, говорить, въ роду дѣдушка былъ женатъ на дѣвкѣ, такъ та, говорить, мерзавка была меня.“ Все теперь и имѣть это въ своемъ воображеніи.

— Да что же мнѣ дѣдушка-то за примѣръ! воскликнулъ Баклановъ.

— Необразование! объяснилъ Иона Мокеичъ.—„Пусть, говорить, съ замужней женщиной съ какой хочеть гуляетъ, не мое дѣло; а съ дѣвкой не позволю.“

Баклановъ пожалъ плечами.

Въ это время по двору прошла цѣлая толпа женщинъ, и между ними Александръ сейчасъ же замѣтилъ Марью, идущую съ потупленною головою.

— Что это, куда идутъ? спросилъ онъ безпокойно Петрушу.

Тотъ мрачно посмотрѣлъ въ окно.

— Невѣсту, надо быть, въ баню ведутъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Александръ, съ вспыхнувшимъ лицомъ.

— Неможко пообчистить да пообгладить! отвѣчалъ Иона Мокеичъ. — Сегодня, что ли, въначанье-то? спросилъ онъ Петрушу.

— Сегодня, сказываютъ! отвѣчалъ тотъ, грустно потупляя глаза.

— Какъ сегодня! воскликнулъ Александръ:—вѣдь это ужъ прямо, значить, надругаться!

— Небольшіе тоже, видно, парады-то хотятъ справлять! сказалъ Иона Мокеичъ.

— О-то, скотство какое! произнесъ Баклановъ съ бѣшенствомъ въ голосъ.

Петруша, какъ бы не дѣ состоянїи будучи видѣть страдающей барина, ушелъ изъ кабинета.

— Не сокрушайся, другъ сердечный! принялся его утѣшать Иона.

— Да, вѣдь, поймите же всю мерзость моего положенїя! говорилъ Александръ, колотя себя въ грудь:—вопервыхъ, я ее люблю немножко, во вторыхъ, мнѣ ее жаль, совѣстно, стыдно противъ нея, и въ то же время я ничего не могу сдѣлать.... Ну, что я сдѣлаю?... Словами матери не внушишь; она не пойметъ ихъ. Не бить же мнѣ ее.

— Какъ можно мать бить! сказалъ на это Иона.—Ты ужъ лучше потышь ее въ этомъ случаѣ, прибавилъ онъ, какимъ-то заискивающимъ голосомъ. — Машка-то къ тебѣ стаетъ и бабой бѣгать....

— О-то, скотство какое! повторилъ еще разъ Баклановъ, сжимая кулаки и устремляя взоръ на потолокъ.

Черезъ часъ времени Иона Мокеичъ, будто такъ, случайно, вышелъ на дворъ и пошелъ прогуляться по усадьбѣ.

Александръ остался одинъ и продолжалъ сидѣть у окна. Вдругъ онъ услышалъ по дорогѣ стукъ колѣсъ: сначала проѣхала одна телега съ мужиками; потомъ другая съ мужиками и съ женщинами; наконецъ третья съ одними женщинами, изъ которыхъ сидѣвшая по срединѣ была вся покрыта бѣлымъ.

Сердце замерло у Бакланова.

Вскорѣ послѣ того къ нему возвратился Иона.

— Чтѣ это, свадьба ужъ проѣхала? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ Иона протяжно и съ улыбкой.

— Чтѣ жъ она? скажите! спросилъ, съ чувствомъ, Баклановъ.

— Побрыкалась маленько! Ну, да я тоже сказалъ ей: „баринъ, говорю, тебя и хлѣбомъ, и деньгами—ничѣмъ не оставить.“

— Я готовъ дать все, чтѣ хотите!

— Дадутъ всего!.. Старуха и сама того желаетъ: „Я ихъ домъ, говорить, подниму.“

— Скоты мы, подлецы, мерзавцы! сказалъ Александръ Ionъ Мокеичу.

— Въ мирѣ, что въ морѣ: всего бываетъ! объяснилъ ему тотъ.

Иона Мокеичъ вообще въ этотъ разъ былъ въ какомъ-то тихомъ, философскомъ настроеніи, что всегда съ нимъ случалось послѣ, какъ самъ онъ выражался, сильной пересынки.

По просьбѣ Аполитаріа Матвѣевны и самого Александра, онъ остался у нихъ ночевать, и на этотъ разъ, спавъ, по обыкновенію, съ хозяиномъ въ одной комнатѣ, завелъ съ нимъ совсѣмъ другаго рода разговоръ и разказывалъ даже, какъ былъ, въ молодости, влюбленъ.

— Въ кого же это? спросилъ Баклановъ.

— Да тутъ одна дворяночка у насъ бѣдненькая была.

— Что жь, она хороша собой была?

— Нѣтъ, не то чтобы красавица; а помадой хорошей помадилась.... Прочія-то маслицемъ мажутся, такъ воспаютъ отъ головищъ-то, ну, а она, этакъ, помадкой, такъ тѣмъ больше плѣнцла.

Баклановъ былъ, впрочемъ, грустенъ и почти не слушалъ его.

На другой день онъ цѣлое утро собирался и съ матерью не хотѣлъ даже видѣться; но ему надо было какую-то вещь взять изъ гостиной: онъ пошелъ. Аполитарія Матвѣевна сидѣла тамъ съ лицомъ распухшимъ отъ слезъ. При видѣ сына, она очень сконфузилась.

Передъ ней стояли обвѣчанные вчера молодые, которые пришли къ ней на поклонъ.

У Бакланова едва достало присутствія духа не вернуться назадъ.

Мама стояла съ потупленнымъ лицомъ, а мужъ ея, молодой малый, глупо на все посматривалъ: онъ еще въ первый разъ въ жизнь свою былъ въ барскихъ горницахъ.

Мама показала ему что-то глазами, и оба они сейчасъ же подошли къ рукѣ Бакланова.

— Поздравляю васъ, поздравляю, говорилъ тотъ и поспѣшилъ уйти.

— Ты сегодня увѣжаешь, другъ мой! сказала ему въ слѣдъ Аполитарія Матвѣевна.

— Сегодня-съ! отвѣчалъ онъ ей грубо.

У Марьи при этомъ лицо замѣтно все вспыхнуло, а у Апо-

ливаріи Матвѣевны сначала задергало обѣ щеки, а потомъ и слезы потекли.

— Подите! могла она только проговорить молодымъ.

Тѣ ушли.

Передъ тѣмъ, какъ свѣсть въ экипажъ, Баклановъ не сходилъ даже проститься съ матерью.

— Поди, сходи! уговаривалъ его Иона.

Александръ ничего ему не отвѣчалъ и молча сѣлъ въ коляску.

Тутъ было подошелъ къ нему проститься мрачный Семень.

— Прочь, мерзавецъ! закричалъ на него Баклановъ, заскрежетавъ зубами.

Тотъ мрачно и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Съ Петрушей, напротивъ, Баклановъ разцѣловался.

Поѣхали.

Стоявшая, у курятной избы, пожилая женщина выла на всю усадьбу:

— Жиль-то нашъ батюшка промежь насъ, и никого-то не обидѣлъ ни словомъ, ни яснымъ взглядомъ своимъ.

Когда отѣхали отъ усадьбы довольно далеко, молодой лакей, опять поѣхавшій съ Александромъ, обернулся назадъ и проговорилъ:

— Маша бѣжить-съ!

Баклановъ сдѣлалъ недовольную мину.

— Стойте! сказалъ онъ.

Кучеръ остановился.

Маша, нагнавъ ихъ, вскочила на подножку коляски, обняла барина и стала цѣловать его.

— Прощай, Марья, прощай! говорилъ онъ торопливо.—На вотъ тебѣ! прибавилъ онъ, и подаль ей сторублевую.

Но Маша и деньгамъ, кажется, была не рада: какъ-то небрежно засунувъ ихъ за пазуху, она нехотя слѣзла съ подножки и долго, долго провожала глазами удаляющійся отъ нея экипажъ.

Въ усадьбу она возвратилась, объѣжавъ кругомъ все поле. Отъ мужа своего потомъ, какъ ночь придетъ, такъ и пропадетъ куда-нибудь, такъ что онъ никакъ ее не найдетъ.

Аполитарія Матвѣевна, по отѣздѣ сына, сдѣлалась серьезно больна.

Иона Мокеичъ остался у нея и все ее утѣшалъ.

— Онъ теперь не проститъ меня! говорила она, рыдая и лежа на постелѣ.

— Проститъ! успокаивалъ ее Иона Мокеичъ.

ГЛАВА XIV.

У Палкина ужь, видно, не въ Британіи.

Мелкій осенній петербургскій дождикъ, какъ сквозь частое сито, съѣлъ на тротуары Невскаго проспекта. Въ старомъ Палкинскомъ трактирѣ начинали засвѣчать огни. У одного изъ столиковъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ скромномъ черномъ фракѣ. Передъ нимъ стояли три накрытыхъ прибора.

— Чтѣ за чортъ, еще нѣтъ до сихъ поръ! говорилъ онъ, съ нетерпѣніемъ посматривая на часы; наконецъ въ трактирѣ вошелъ другой молодой человѣкъ.

— Вы здѣсь, Варегинъ? проговорилъ онъ.

Вошедшій былъ Баклановъ. Онъ сильно постарѣлъ и похудѣлъ.

— Долго вы! сказалъ ему пріятель.

— Задержали, отвѣчалъ Баклановъ и сказалъ неправду. Онъ хотѣлъ совсѣмъ не придти обѣдать, чувствуя къ Варегину, составившему себѣ ученую карьеру и ѣхавшему теперь за границу, невыносимую зависть.

— Ну чтѣ, скажите, нѣтъ ли кого-нибудь еще изъ нашихъ здѣсь?... Венявина, напримѣръ? продолжалъ тотъ добродушно.

Пріятели въ тотъ день только поутру сошлись на Невскомъ случайно.

— Нѣтъ, Венявинъ служить въ губерніи помощникомъ прavitеля канцеляріи губернатора, совершенно доволенъ своимъ мѣстомъ: губернатора считаетъ за идеалъ чести, а прavitеля канцеляріи за идеалъ ума, отвѣчалъ Баклановъ.

Варегинъ слегка усмѣхнулся.

— Да, произнесъ онъ,—у него въ сердцѣ маленькое, но чистое золото, и онъ сумѣетъ имъ позолотить всю жизнь свою.

— А вы скоро ѣдете за границу?

— Дня черезъ два,—вонъ, чистоганомъ изъ казны видали! отвѣчалъ Варегинъ и звякнулъ передъ глазами Бакланова червонцами.

Тотъ даже отвернулся, не потому чтобы это были деньги, а потому что онъ были даны человѣку за труды и способности.

— Куда жъ вы прежде поѣдете?

— Сначала въ Берлинъ; поразспрошу тамъ, гдѣ, по моимъ предметамъ, профессора получше, и стану потомъ колесить по Германіи.

Бакланову самому ужасно хотѣлось за границу, и онъ бы даже мѣгъ это сдѣлать, но зачѣмъ? Въ чемъ ему и въ какихъ наукахъ было усовершенствоваться? и онъ разспрашивалъ Варегина, какъ бы затѣмъ чтобы еще болѣе себя намучить.

— А на магистра вы когда будете держать?

— Я ужъ выдержалъ, отвѣчалъ спокойно Варегинъ.

„И это говорить сынъ мѣщанина“, думалъ Баклановъ, „начавшій съ пятнадцати лѣтъ учиться грамотѣ, а онъ—дворянинъ, обставленный всѣми средствами къ образованію, и что сдѣлалъ?“

Въ это время къ Варегину подошелъ лакей и спросилъ:

— Прикажете подавать-съ?

— Нѣтъ еще, погоди!... Прокриптскаго я жду, прибавилъ онъ Бакланову.

— А!... а онъ развѣ здѣсь? спросилъ тотъ.

— Здѣсь, и хотѣлъ придти.

Баклановъ сдѣлалъ гримасу.

— Что, вы все еще, попрежнему, не любите его? продолжалъ, съ улыбкою, Варегинъ.

— Да, отвѣчалъ Александръ.

— Нѣтъ, онъ человѣкъ не дурной, продолжалъ Варегинъ, нахмуривая свой большой лобъ:—но, разумѣется, какъ и вся ихъ порода, на логическіе выводы мастеръ, а ужъ правды въ основаніи не спрашивай.... Мистификаторы, по самой натурѣ своей: съ пятнадцатаго столѣтія этимъ занимаются!...

— Вы думаете? спросилъ Баклановъ, играя брелоками часовъ.

— Рѣшительно! У нихъ въ крови сидитъ эта способность надувать самихъ себя и другихъ разнымъ вздоромъ.

— Идетъ! остановилъ его Баклановъ.

Варегинъ повернулъ голову. Въ комнату, въ самое дѣлѣ, входилъ, своею вкрадчивою походкой, Прокриптскій.

— Здравствуйте! сказалъ онъ прежде всего Варегину.—Здрав-

ствуйте-съ! прибавилъ потомъ и Бакланову, несмотря, впрочемъ, на него глазами.

— Какъ васъ дождемъ замочило! замѣтилъ ему тотъ.

— Благодарю, я и не замѣтилъ, отвѣчалъ Проскриптскій, близоруко ища стула и садясь на него.

— Какъ же не замѣтили? Васъ всего пробило? спросилъ, захохотавъ, Варегинъ.

— Я никогда не замѣчаю, что въ воздухѣ: дождь или ясно, отвѣчалъ Проскриптскій.

— Даже и самого, я думаю, воздуха.

— Какъ это-съ? что такое?

— А такъ: хорошъ воздухъ или нѣтъ!... разницу, напримеръ, между городскимъ воздухомъ и деревенскимъ.

— Для меня все равно-съ, отвѣчалъ Проскриптскій.

— Все равно! повторилъ Варегинъ, перегалянувшись съ Баклановымъ.

— Можетъ-быть, продолжалъ Проскриптскій своимъ настойчивымъ тономъ:—человѣку азотъ, котораго больше въ городахъ, нужнѣе, чѣмъ кислородъ.

— Все можетъ быть, отвѣчалъ Варегинъ.

— Рѣшительно все, и я такъ полагаю, сказалъ Проскриптскій, и взявъ газету, сталъ ее внимательно пробѣгать.

Человѣкъ подалъ горячее.

— Какого же намъ вина спросить? сказалъ Варегинъ.

— Я никакого не пью, произнесъ, тономъ голоскомъ, Проскриптскій.

— А я мало! отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну, такъ дай намъ одну бутылку краснаго! сказалъ Варегинъ человѣку.—Такъ ли, бывало, въ Британіи? прибавилъ онъ полушутя.

— О! Британія! произнесъ, съ восторгомъ, Баклановъ.

Проскриптскій, между тѣмъ, какъ-то торопливо ѣлъ, не переставая читать. Обѣдъ прошелъ совершенно молча, только и всего, что Варегинъ, обратясь къ Бакланову, спросилъ его не громко:

— А что вы намѣрены здѣсь дѣлать?

— Самъ еще не знаю... Вы знаете, что я больше всего люблю искусства, отвѣчалъ тотъ не совсѣмъ рѣшительно.

Варегинъ нѣсколько минутъ размышлялъ.

— Но все-таки надобно же взять что-нибудь опредѣленное! проговорилъ онъ.

Проскрипскій, все еще не перестававшій читать, при этомъ улыбулся. Послѣ обѣда онъ тотчасъ же взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Вы служите, что ли, здѣсь? спросилъ его Бакаановъ.

— Да-съ, служу-съ. Мы отъ жизни не много требуемъ: отъ чего намъ не служить!

— Что жь, это все такъ и пойдетъ? замѣтилъ ему Бакаановъ.

— Нѣтъ-съ, когда можно будетъ, такъ мы потребуемъ; только не того что вы!

Проговоря это, онъ пожалъ руку у пріятелей и вышелъ.

— Хорошо видѣть, когда добрый человѣкъ сердится; но когда злецъ злится—гадко! произнесъ Варегинъ.

— Вы замѣтили, что онъ въ пиццѣ вкуса не понимаетъ, вѣсть какъ ни попало и что ни попало! проговорилъ Бакаановъ.

Варегинъ ничего ему не отвѣчалъ и, какъ кажется, былъ занятъ собственными мыслями.

— Все-таки это хоть какая-нибудь да сила, а не распущенность, проговорилъ онъ наконецъ, потупая свои умные глаза.

Бакаановъ этотъ намекъ принялъ нѣсколько на свой счетъ.

— Ну, мнѣ къ дядѣ еще надо, проговорилъ онъ.

— Прощайте, другъ мой милый, сказалъ, цѣлуясь съ нимъ, Варегинъ.—А такъ ли бы мы разошлись изъ Британіи? повторилъ онъ еще разъ.

— Да, произнесъ и Бакаановъ въ томъ же тонѣ.

„Не такъ бы разошлись!“ повторяемъ и мы за нимъ.

Молодые люди еще только вступали въ жизнь, а она уже, видимо, наложила на нихъ свою лапку.

ГЛАВА XV.

Масонъ.

Бакаановъ шелъ быстро. Онъ не останавливался ни передъ однимъ магазиномъ, не заглянулъ ни подъ одну изъ верѣдко попадавшихся шляпокъ. Выраженіе лица его было почти сурово. Онъ не любилъ и побаивался бывать у дяди своего Евсевія Осиповича Ливанова, тайнаго совѣтника и любимца многихъ вельможъ.

По темнымъ семейнымъ разказамъ, Евсеій Осиповичъ сыль масономъ: бывъ еще очень молодымъ человекомъ, онъ погибаль было въ развратъ; но его полюбила одна вдовица и, какъ скудную ленту евангельскую, принесла ко Христу.

Евсеій Осиповичъ воспрянулъ и въ послѣдствіи до такой степени успѣль развить въ себѣ мистическій духъ, что врядъ ли не имѣль степени *каленщика*, и былъ наконецъ, что важнѣе всего, другомъ того, чьей рукой было писано завѣщаніе о наслѣдствѣ Россіи. Въ его передней, нѣкогда, толпились графы и министры; теперь, со смертію этого лица, все ужъ, разумется, кончилось; но Ливановъ все-таки, силою ума и характера, сумѣль удержать за собою одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ кругу петербургской бюрократіи. Благодарствовать роднымъ онъ любиль, только требоваль, чтобъ они при этомъ, какъ собаки, ползали у его ногъ. Онъ-то покойнаго Бакланова (тоже отчасти масона) жениль на своей родственницѣ Аполинаріи Матвѣевнѣ, ублаживъ его тѣмъ, что дѣвица сія благоухаетъ простотой сердца, и все время потомъ благодушествоваль ихъ браку, но птенца ихъ, нашего героя не совсѣмъ прилюбиваль, или, по крайней мѣрѣ, тотъ возмущаль его и своимъ тономъ, и своими манерами,

Въ Почтамтской, подойдя къ дому дяди, Баклановъ приостановился чтобы перевести дыханіе и овладѣть нѣсколько собой, а потомъ, не совсѣмъ смѣлою рукой, отвориль дверь.

— У себя его превосходительство? спросиль онъ тихо и нетвердымъ голосомъ.

— Господинъ Баклановъ? спросиль его, въ свою очередь, тоже тихо швейцаръ, съ какимъ-то совсѣмъ идиотски-кроткимъ взглядомъ.

— Да! отвѣчалъ Александръ.

— Пожалуйте-съ.

Александръ сталъ взбираться по мозаиковой лѣстницѣ. Въ довольно большой залѣ онъ неволью кинуль взглядъ на висѣвшій въ углу образъ Спасителя, который былъ нарисованъ съ треугольникомъ въ рукѣ, а голова была пронзена двумя стрѣлами.

Въ гостиной, передъ столомъ, на которомъ горѣла лампа съ абажуромъ, сидѣль старикъ съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, въ свромъ широкомъ сюртукѣ, съ пришпиленною на немъ анненскою звѣздой. Все это онъ носиль, кажется, не столько изъ чехвальства, сколько изъ желанія внушить къ себѣ болѣе

страха. Въ его, съ строгими чертами, лицѣ было что-то хищническое, что-то напоминающее лица инквизиторовъ. Противъ него сидѣлъ другой старикъ, въ чемъ-то въ родѣ подрясника, подпоясаннымъ кожаныиъ ремнемъ. Густые волосы его, совершенно нечесаные, были не стрижены; но, отъ полнѣйшаго пренебреженія къ нимъ, сами обсыпались и были коротки. Борода его начинала расти почти отъ самыхъ глазъ. Теперь онъ, пуская сквозь бороду густѣйшій дымъ, курилъ очень дорогой табакъ, не сознавая ни достоинства, ни цѣны его. Лицо его, впрочемъ, было добродушно и походило на тѣ лица, которыя встрѣчаются у здоровыхъ, но заботливыхъ и задумчивыхъ мужиковъ.

Передъ ними, на столѣ, стояла бутылка малаги.

Увидѣвъ племянника, Евсеиі Осиповичъ, проговорилъ: „здравствуйте!“ и протянулъ къ нему, не вставая съ мѣста, руку.

Тотъ принялъ ее, и сильно, какъ видно, старался при этомъ избѣгнуть подобострастной позы.

Другой старикъ, напротивъ, сейчасъ же всталъ и отвѣсилъ Бакланову, въ полспины, добродушнѣйшій поклонъ.

Тотъ успѣшилъ ему отвѣтить тѣмъ же.

Всѣ наконецъ усѣлись.

— Вы долго ли тамъ жили? заговорилъ Евсеиі Осиповичъ, продолжая начатый еще прежде имъ разговоръ съ его собесѣдникомъ.

— Пять лѣтъ! отвѣчалъ тотъ какимъ-то необыкновенно искреннимъ голосомъ.—Первые-то два года на цѣпи, было, держался; ну да тоже тѣломъ-то, что ли, хлѣбокъ, ажно раны по всему пошли!.. Народу ко мнѣ много ходило; стали уговаривать: „батьюшка, говорятъ, что ты такъ мучаешься-то! спусти себя съ цѣпи-то...“ однакоже я не слушался!

— Не слушался!.. повторилъ Евсеиі Осиповичъ, въ одно и то же время съ благоговѣніемъ и удивленіемъ.

— Да... только другой ужъ странникъ, сибирякъ тоже нашъ, приходитъ ко мнѣ... поговорилъ я съ нимъ... Вижу, наставникомъ мнѣ можетъ быть... открылся я ему... „Что жь, говоритъ, видно, Богъ не приеиетъ этой жертвы! Аще не имати силы творити, да отмѣтешия! Можетъ, теперь ты и въ міру ставешь жить крѣпко.“ Однакоже, братъ, какъ вышелъ, такъ и ускулся.

— Чѣмъ же? спросилъ Евсеиі Осиповичъ съ строгимъ лицомъ.

— Да всего и есть, что въ лѣсъ погулять вышелъ; а лѣсица тамъ, и Господи! какіе райскіе: эта лиственница... береза наша сладкосочная... трава густая, пахучая... сладкогласныя цвицы поють... Я соблазнилъ, грѣшнымъ дѣломъ, да грибокъ и понабралъ,—молоденькихъ все такихъ, и пришелъ въ сусѣднее селенье, тамъ насъ хорошо, ласково принимаютъ!..

— Хорошо? спросилъ Евсеіѳ Осиповичъ.

— Да, все равно что за отцовъ родныхъ... Попросилъ я одну старушку.... „зажарь;“ говорю. „Ай, отче, говорить, поведи только!“ и нажарила мнѣ, братецъ большущую, большущую сковороду, все на маслицѣ, я и съѣлъ, и такъ послѣ того моторить меня стало. „Нѣтъ, думаю, баста! шалишь, не гожусь еще въ мірѣ жить,“ и въ келью опять...

— Это онъ въ землянкахъ и въ дѣбряхъ сибирскихъ жилъ, обратился Евсеіѳ Осиповичъ къ Бакаланову, и нѣсколько времени не спускалъ съ него глазъ, какъ бы желая извѣдать, что такое онъ думаетъ о томъ что теперь слышитъ и видитъ передъ собой.

Александръ, съ своей стороны, не находилъ ничего дѣлать, какъ глядѣть себѣ на ногти.

— Въ человѣкѣ два Адама: одинъ вѣтхій, грѣховный; а другой—новый, во Христѣ обновленный. Если теперь тѣлеса наши, этого Адама грѣховнаго, не бичевать, они сейчасъ блажь возымутъ....

— Нѣсколько ужъ виднѣй имѣлъ, объяснилъ, совершенно серіознымъ образомъ Евсеіѳ Осиповичъ о своемъ гостѣ.

— Табакъ я нюхать люблю, продолжалъ и тотъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ:—сидишь этакъ—вдругъ подходитъ къ тебѣ дѣвка или баба—красивая такая: „Отче, говорить, на-ка, табачку понюхай!“ Ну, перекрестился и видишь, что навожденіе одно!..

Евсеіѳ Осиповичъ сидѣлъ, распутивъ отъ умиленія руки.

— А я тѣ сказывалъ, какъ гора мнѣ сказала: „аминь?“ спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Евсеіѳ Осиповичъ, какъ бы очнувшись.

— Иду я, братецъ, Пермской губерніи, и такъ присталъ, Боже ты мой!—ноги обтеръ... спиницу разломило, хоть ложись да умирай тутъ,—шашать! Только я, братецъ, и взмолился: „Господи! говорю, въ скорбяхъ, недугахъ и печаляхъ вопію къ тебѣ,“ такъ, знаешь, молитвинку отъ себя свою

проговорилъ.... Только, братецъ ты мой, гора-то... большущая такая была, на которую я перъ-то: „аминь!“ говорить.

— Да почему же ты знаешь, что это гора сказала?.. спросилъ даже Евсеvй Осиповичъ, съ нѣкоторымъ сомнѣнiемъ.

— Да никого, друже мое, никого, окромя ее, не было... такъ-таки твердымъ мужскимъ голосомъ и говорить: „аминь!“ говорить. Ну ужъ я и взмолился, всплакалъ тутъ....

Баклановъ все это слушалъ, какъ ошеломленный, и думалъ: „Что эти два человѣка помѣшаны или только плуты?“ Но дядя былъ замѣчательнаго ума человѣкъ, а странникъ казался такимъ добрымъ и откровеннымъ. Невольно мелькавшая въ это время улыбка на губахъ Бакланова не открылась отъ блестящаго и холоднаго, какъ сталь, взгляда дяди.

Собесѣдникъ его, наконецъ, началъ вставать и прощаться.

— Выпей на дорожку посомокъ-то! сказалъ ему Евсеvй Осиповичъ.

— Ты вотъ меня сладкимъ виномъ угощаешь, отвѣчалъ старикъ, выпивая рюмку; а я больше водку мужицкую, простую люблю, да не пью!

— И не пей, гадость! подтвердилъ Евсеvй Осиповичъ.

— „Не упивайтесь виномъ: въ немъ же есть блудъ,“ а она наша матушка российская, такая насчетъ этаго разбористая... говорилъ старикъ, ища свой посохъ и клобукъ.

— Ну прощайте! сказалъ онъ.

— Прощайте, отче!

— Князь Василью Петровичу скажи, что какъ назадъ пойду, такъ къ нему жить зайду, безпремѣнно, не кучился бы!

— Скажу!

— А у графини Вареньки я посомокъ свой желѣзный оставилъ; скажи, чтобъ она владѣла имъ на здоровье да во спасенье.

— Скажу, скажу, повторялъ Евсеvй Осиповичъ, и проводивъ странника и возвратившись въ гостиную, сѣлъ и погружился въ глубокую задумчивость!

ГЛАВА XVI.

Протекція.

Дядя и племянникъ, по крайней мѣрѣ съ полчаса, сидѣли, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Евсевій Осиповичъ былъ сердитъ на Александра за его насмѣшливый видъ, въ продолженіе всей предыдущей сцены.

— Что же вы поговорить о чемъ-то со мной хотѣли? спросилъ онъ его, наконецъ, суровымъ голосомъ.

— Да, я, дядюшка, насчетъ того.... началъ тотъ:—теперь я пріѣхалъ въ Петербургъ.... что мнѣ дѣлать съ собой?

Евсевій Осиповичъ нѣсколько времени смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Что же вы служить, что ли, намѣрены здѣсь? спросилъ онъ.

Багдановъ пожалъ плечами.

— Главная моя любовь и склонность, отвѣчалъ онъ, это искусства!

Евсевій Осиповичъ снова уставилъ на племянника проница-тельный взглядъ.

— И теперь, помилуйте, продолжалъ тотъ замѣтно начинающимъ робѣть голосомъ:—я вотъ былъ въ Эрмитажъ: каталога тамъ порядочнаго нѣтъ!

Лицо Евсевія Осиповича начало принимать какъ бы нѣсколько бессмысленное выраженіе.

— Или теперь, говорилъ Александръ, хотя въ горлѣ его и слышалась хрипота:—заграницей тоже нѣтъ русскаго гуда ни для галлерей, ни для музеевъ.... Чтобы стоило правительству кого-нибудь послать для этого... и наконецъ, и здѣсь я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, служить при театрѣ!

Далѣе у Александра не достало и воздуха въ груди говорить.

Евсевій Осиповичъ продолжалъ молчать и не измѣнялъ своего положенія; потомъ, какъ бы все еще подъ вліяніемъ одо-лѣвающихъ его недоразумѣній, началъ съ разстановкой:

— Ничего я не понимаю, что вы такое говорите: здѣсь гуда нѣтъ.... заграницей указателя.... служить наконецъ при театрѣ... Богъ знаетъ что такое!

— Я, можетъ-быть, дядюшка, не ясно выражаюсь, произнесъ окончательно растерявшійся Баклановъ.

— Совершенно не ясно-сь! повторилъ за нимъ Евсевій Осиповичъ.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Вонъ, если хотите, началъ Ливановъ, у меня есть тутъ одинъ господинъ.... на побѣгущкахъ у меня прежде былъ, а теперь совѣтникомъ служить и любимецъ, говорятъ, министра. Я напишу ему. Вы вѣдь не кандидатъ?...

— Нѣтъ, отвѣчалъ Баклановъ, конфузясь.

— Значить, вамъ надо въ губернскомъ вѣдомствѣ начинать. Я напишу ему, онъ возьметъ васъ.

Александръ, на первыхъ порахъ, обидѣлся этимъ предложеніемъ.

— Я бы желалъ, по крайней мѣрѣ, дядюшка, у васъ, подъ вашимъ начальствомъ служить.

— Да мнѣ-то куда дѣвать васъ? возразилъ ему Евсевій Осиповичъ:—я и безъ того слишкомъ взысканъ милостями Государя Императора моего, да какъ еще всю родню-то валить на него, такъ густо будетъ!

— Я, дядюшка, не о томъ прошу, а чтобы вы дали мнѣ хоть маленькій ходъ.

— Нѣтъ, вы больше того просите. У меня ваканцій нѣтъ! Значить: вы хотите, чтобы я для васъ выгналъ какого-нибудь честнаго труженника и, въ виду всѣхъ, на позоръ себѣ, посадилъ на его мѣсто васъ, моего племянника—вотъ вы чего хотите.

— Я этого не говорилъ-сь! сказалъ Баклановъ, окончательно обидѣвшись.

— Дать ходъ, продолжалъ Евсевій Осиповичъ, вамъ даютъ его—ступайте! Въ васъ есть *нѣкоторый умъ, нѣкоторое образование, нѣкоторыя способности...*

На словахъ *нѣкоторые* Евсевій Осиповичъ дѣлалъ замѣтное удареніе.

— Все это, разумѣется, въ васъ забито и загажено полу-воспитаніемъ. (Настоящимъ воспитаніемъ Евсевій Осиповичъ считалъ только ихнее, сектанское); но исправляйтесь, трудитесь!....

— Я трудиться готовъ! произнесъ Баклановъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—Позвольте, по крайней мѣрѣ, хоть къ этому господину письмо!

— Подайте мнѣ перо и листъ бумаги.... тамъ въ кабинетѣ на шифоьеркѣ..... сказалъ Евсевій Осиповичъ.

Александръ пошелъ въ кабинетъ.

— Не разбейте тамъ и не уроните чего-нибудь!.... У меня вещи все хорошия!... крикнулъ ему Ливановъ.

„Вотъ скоть-то!“ съ бѣшенствомъ думалъ Баклановъ.

Записку Евсевій Осиповичъ написалъ не длинную:

„Емелюшка прокаженный! прими сего юнца къ себѣ на службу,—это мой племянникъ!“

Запечатавъ ее, онъ отдалъ Бакланову.

Слово: *Емелюшка прокаженный* было Ливановымъ употреблено въ видѣ ласки, такъ какъ Нетопоренко, тоже нѣсколько принадлежавшій къ ихъ толку, разказывалъ, что въ молодости онъ сидѣлъ съ сведенными руками и ногами и изцѣлился отъ этого чудомъ.

— Заходите, когда будете имѣть время! проговорилъ Ливановъ вставая и зѣвая.

— Непремѣнно-съ! отвѣчалъ Баклановъ; а самъ съ собой думалъ: „только бы мѣсто найди, нога моя у тебя, чорта, не будетъ!“

Евсевій Осиповичъ тоже, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ отдалъ племяннику прощальный поклонъ.

ГЛАВА XVII.

Совѣтничшко палатскій.

Не знаю, существуютъ ли до сихъ поръ въ російской государственной службѣ Нетопоренки; но въ то время, какъ начиналъ ее герой мой, ихъ было достаточное количество.

Въ юности обыкновенно совѣтничество для нихъ такая недосыгаемая мечта, на которую они едва осмѣливаются поднять свои лукавые и подслѣповатые взоры; но, съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени, видятъ, что все больше и больше могутъ прилагать свои способности.

У каждаго изъ нихъ обыкновенно есть благодѣтель въ

Петербургъ, котораго маленькія слабости они знаютъ до тонкости: любить ли онъ женщинъ молоденькихъ, или поводить хорошо, или только охотникъ деньгу хапнуть,—для всего этого они сейчасъ ему каналъ открываютъ.

Большая часть крестовъ, украшающихъ ихъ грудь, даны имъ за подобные подвиги!

Для ума и сердца вашего не ждите отъ этихъ людей ничего; но для тѣлесъ и всей слѣдующей къ онымъ обстановкѣ они безцѣнны.

Еслибъ авторъ былъ хоть сколько-нибудь значительное лицо, то, по слабости человеческой, онъ непременно бы покровительствовалъ какому-нибудь подобному каналѣ.

Точно такъ и Евсеіи Осиповичъ разумѣлъ и понималъ Нетопоренка, и чтобы не держать его очень близко около себя, онъ сыскалъ ему мѣсто по другому вѣдомству ассессора въ палатѣ, а затѣмъ на мѣсто совѣтника Нетопоренко самъ уже перешагнулъ, и такъ тамъ укрѣпился, что, говорятъ, считался за образцоваго чиновника.

Но онъ былъ не глупъ: по какому-то чутью въ воздухъ или даже изъ-подъ земли вынюхивая, онъ предчувствовалъ, что невдолгѣ кругомъ его будетъ происходить совсѣмъ не то, что теперь происходитъ, и что звѣзда его померкнетъ окончательно и навсегда.

Чтобъ обезпечить себя на этотъ случай, онъ жилъ скопидомомъ и скалачивалъ копѣйку на черный день.

Баклановъ чуть не задохнулся, всходя къ нему по вонючей лѣстницѣ. Ободранная, грязная дверь, которую точно двадцать собакъ рвали, была не заперта. Нетопоренко только сейчасъ проснулся, и брившись, пылью пилалъ казеннаго парня, котораго онъ взялъ къ себѣ будто бы затѣмъ чтобы приучить его къ письменной части, а въ самомъ дѣлѣ заставляя даже бѣлье себѣ мыть.

— Эка шельма!... неумо!... рыло поганое!... говорилъ онъ.

Малый не обращалъ никакого вниманья на эти слова и молча обмахивалъ съ грязной мебели пыль метелкой.

— Къ вамъ пришли-сь! обернулся онъ наконецъ и сказалъ.

— Кто тамъ? крикнулъ было Нетопоренко сердито; но, увидѣвъ, что входитъ хорошо одѣтый господинъ, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Извините меня, пожадуста! говорилъ онъ, запахивая свой грязный халатъ.—А дверь у тебя была опять не заперта!

прибавилъ онъ почти съ судорогами въ лицѣ парню. Но тотъ и этимъ нисколько не сконфузился: его упорно спокойное лицо какъ бы говорило: „да и завтра не запру и добьюсь того, что ты меня прогонишь.“

— Ну, я же тебя! прошипѣлъ Нетопоренко, поколотивъ пальцемъ по столу: онъ въ свою очередь тоже, видно, рѣшился переупрямить парня.

— Что вамъ угодно? обратился онъ, наконецъ, къ Бакланову. Тотъ подалъ ему письмо.

— Прошу покорнѣйше присѣсть! сказалъ Нетопоренко, взглянувъ на почеркъ.

Александръ сѣлъ.

Нетопоренко прочелъ и какъ бы нѣкоторое время оставался въ недоумѣннн.

— Служить вамъ угодно у меня? проговорилъ онъ, склоняя голову на бокъ.

— Да, я желалъ-бы.

— Конечно, я для его высокопревосходительства долженъ и стремлюсь всей душой сдѣлать все!... сказалъ Нетопоренко, модничая и не безъ важности.

Изъ письма Ливанова онъ очень хорошо увидѣлъ, что тотъ не слѣшкомъ близко къ сердцу держалъ племянника.

— Ваша прежняя служба? прибавилъ онъ.

— Я изъ университета.

— А, да! Но тамъ вѣдь есть разные факультеты?

— Я юристъ.

— А, да!

Важность Нетопоренка все больше и больше увеличивалась.

— Это, впрочемъ, для службы все равно. Почеркъ вашъ позвольте видѣть.

— Я писать умѣю, отвѣчалъ Баклановъ, съ улыбкою, и не снимая перчатки, на первомъ же попавшемся ему клочкѣ началъ писать: *Милостивый Государь!*

— Нѣтъ, ужъ вы потрудитесь дома тамъ, что-ли, на акуратномъ этакомъ листикѣ бумажки написать.... Я генералу долженъ показать.

Генераломъ Нетопоренко называлъ своего управляющаго.

— Я это могу и здѣсь сдѣлать, отвѣчалъ Баклановъ, и взявъ со стола совѣтника листъ бумаги, написалъ на немъ отчетливо нѣсколько строчекъ. Почеркъ, впрочемъ, у него

былъ очень хороши; но смѣлость, съ которой онъ это сдѣлалъ, не понравилась Нетопоренку: стоя за спиной Бакланова въ то время, какъ тотъ писалъ, онъ покачивалъ на него голозой; потомъ, посмотрѣвъ съ серьезнымъ видомъ на написанное и положивъ молча бумагу на столъ, онъ явно хотѣлъ поговорить передъ своимъ будущимъ подчиненнымъ и дать ему нѣкоторое понятіе о своемъ взглядѣ на вещи.

— Ученіе?... Образование?... началъ онъ какъ-бы вопросительно и разваливаясь въ креслахъ:—но надобно смотрѣть, согласно ли оно съ религіей, съ нравственностью и наконецъ, какъ вліяетъ оно на самое поведеніе человѣка.

— Образование, я думаю, не портитъ ничего этого, проговорилъ Баклановъ.

— О, нѣтъ! Не скажите! воскликнулъ Нетопоренко.—Изъ наукъ, конечно—исторія вотъ... Я самъ любилъ ее въ молодости... описывается жизнь монарховъ и другихъ великихъ особъ—все это, разумѣется, въ нравственномъ духѣ! Или математика — учить тамъ разнымъ вычисленіямъ, объясняетъ движеніе свѣтилъ небесныхъ.

Бакланову даже совѣстно было слушать всю эту чепуху.

— Но ваша философія, господа, продолжалъ Нетопоренко, нѣсколько даже взвизгивая и возвышая голосъ почти до совершенной фистулы:—она прямехонько подкапываетъ основы государства... Я бы запретилъ имя ея упоминать для молодыхъ людей.

Баклановъ мрачно молчалъ.

— Вѣдь, ученье—это еще одни разсужденія, а служба ужъ дѣло!.. настоящее!.. продолжалъ Нетопоренко, приходя въ нафосъ разговора... Вонъ предсѣдатель нашъ... Я всегда это, безъ лести, про него говорилъ... Онъ, какъ прочтеть дѣло, такъ и начнетъ его разбирать, какъ ленты: эту прядку—сюда; эту—сюда... Смотришь, оно ужъ у него и поѣтъ! Это умъ! соображеніе!... А ваши всѣ эти финтифлюшки—все это еще буки!

— „Вотъ мерзавецъ-то!“ думалъ Баклановъ.—Когда же я могу получить отвѣтъ и могу ли я надѣяться имѣть хоть какое-нибудь класное мѣсто? проговорилъ онъ вслухъ и вставая.

— Ничего я еще не могу сказать: впервыхъ, первоначально повѣдаюсь съ вашимъ дядюшкой, желаю отъ него слышать нѣсколько болѣе опредѣленную рекомендацію объ васъ;

потомъ доложу генералу... Я человекъ маленькій: мнѣ что прикажутъ, то я и дѣлаю...

— Я постараюсь заслужить ваше довѣріе, проговорилъ Александръ, и самъ не зная зачѣмъ онъ это говоритъ.

— Вѣрю-съ! отвѣчалъ ему, не безъ ядовитости, Нетопоренко.— Хотя въ то же время, прямо долженъ вамъ сказать, продолжалъ онъ,—что вы гг. университетскіе мало годитесь для нашей службы: слишкомъ поверхностны... слишкомъ любите высшіе взгляды кидать, а что нужно для дѣла, то пропускаете.

Баклановъ ничего не возразилъ и раскланялся.

Главное, его удивляло то: какимъ образомъ этотъ человекъ масонъ, значить, все-таки принадлежитъ къ кружку людей честныхъ и образованныхъ? По своей молодости и неопытности онъ не зналъ еще, что ко всѣмъ добрымъ начинаніямъ, когда они войдутъ въ силу и моду, какъ къ памятникамъ въ губернскихъ городахъ, всего больше напристанеть грязи и навозу.

Нетопоренки и теперь занимаются не менѣе благороднымъ дѣломъ: они вольнодумничаютъ и читаютъ со слезами на глазахъ Шевченко!

ГЛАВА XVIII.

Мѣсто, гдѣ Нетопоренко—божокъ.

Не безъ робости, черезъ четыре дня, Баклановъ вошелъ въ палату. Въ передней онъ увидалъ сторожа и нѣсколькихъ мужиковъ съ печальными лицами. Въ слѣдующей комнатѣ молодой чиновникъ печаталъ конверты; а другой, совсѣмъ старый, съ глубокомысленнымъ видомъ, записывалъ ихъ въ книгу и выставлялъ на нихъ номера.

Баклановъ подошелъ къ нимъ.

— Я желалъ бы видѣть г-на Нетопоренка! сказалъ онъ.

— А зачѣмъ вамъ? спросилъ его, съ любопытствомъ, молодой чиновникъ.

— Я на службу здѣсь поступаю, отвѣчалъ откровенно Баклановъ.

— Да куда же? Здѣсь, вѣдь, нѣтъ ваканцій! проговорилъ молодой чиновникъ.

— Какъ нѣтъ! забрызжалъ на него старикъ:—вчера помощнику во второмъ столѣ велѣли подавать въ отставку.

— За что же это такъ? спросилъ, уже съ нѣкоторымъ негодованіемъ, молодой человекъ.

— Нагрубилъ тамъ, что ли, совѣтнику! отвѣчалъ старикъ равнодушно.

Бакланову сдѣлалось неловко: неужели это для него выглядели человекъ изъ службы? Однако онъ промолчалъ.

— Это, значить, вамъ въ хозяйственное отдѣленіе надо... туда ступайте! сказалъ молодой чиновникъ, показывая ему на слѣдующую комнату.

Баклановъ вошелъ и увидѣлъ у средняго простѣнка столъ; по прочимъ двумъ стѣнамъ тоже стояли столы съ надписями: 1-й, 2-й, 3-й... У простѣночнаго стола сидѣлъ чиновникъ, съ Станиславомъ на шеѣ, съ лицомъ точно крапленнымъ сажей и въ очкахъ.

При входѣ Бакланова, онъ сейчасъ же обернулся и сталъ на него смотрѣть, но не въ очки, а черезъ нихъ, какъ будто бы онъ ихъ берегъ на разсматриваніе болѣе достойныхъ предметовъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ наконецъ.

— Я ожидаю г-на Нетопоренка, отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну такъ подождите тамъ... Здѣсь не мѣсто! проговорилъ чиновникъ.

Это былъ дѣлопроизводитель отдѣленія, тоже Малороссъ и любимецъ Нетопоренка.

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, всѣ націи, кромѣ русской, имѣютъ свои партіи и члены ихъ тянутъ другъ друга за уши на ступеняхъ житейской лѣстницы.

Баклановъ, дѣлать нечего, опять вышелъ въ прежнюю комнату.

— Что же вамъ тамъ сказали? спросилъ его, съ любопытствомъ, молодой чиновникъ.

— Да тамъ не велѣтъ и стоять! отвѣчалъ Баклановъ.

Молодой чиновникъ покачалъ головой.

Бакланову ужасно хотѣлось съѣсть. Онъ начиналъ чувствовать усталость и какую-то невыносимую тоску, которую иначе нельзя назвать, какъ *тоской просителей* въ присутственныхъ мѣстахъ.

Будучи не въ состояніи долѣе стоять на ногахъ, онъ сѣлъ на окно. Чиновники, между тѣмъ, какъ шмели, безпрестанно шмыгали мимо его. Проходилъ иногда и правитель дѣлъ, съ озабоченнымъ лицомъ и съ перомъ за ухомъ. Всякій разъ онъ не совсѣмъ дружелюбно поглядывалъ на Бакланова и, наконецъ, проговорилъ ему:

— На окнахъ сидѣть нельзя-съ; они не для того сдѣланы.

— Гдѣ жъ мнѣ сидѣть? я усталъ, отвѣчалъ Баклановъ уже дерзко.

— Приемная комната у насъ вотъ гдѣ-съ! отвѣчалъ дѣлопроизводитель, указывая на темную переднюю гдѣ стояли мужики.

Баклановъ однако туда не пошелъ и продолжалъ сидѣть на окнѣ. Тоска доходила въ немъ почти до отчаянія. Наконецъ, часовъ въ двѣнадцать, все какъ-то засуетилось, и въ присутственной комнатѣ послышался звонокъ. Туда пробѣжалъ сторожъ. Стали потомъ проходить и выходить съ почтительными физиономіями столоначальники.

Баклановъ догадался, что это пріѣхалъ Нетопоренко.

„И этакому скоту подобная честь!“ подумалъ онъ, и въ то же время, не зная какъ добраться до таинственнаго святилища присутственной комнаты, онъ снова обратился къ молодому чиновнику, принимавшему въ немъ хоть маленькое участіе.

— Нельзя ли обо мнѣ доложить г-ну Нетопоренку? сказалъ онъ.

— Я не могу этого!... Съ большимъ бы удовольствіемъ, но намъ не приказано: у насъ только сторожъ докладываетъ, отвѣчалъ тотъ вѣжливо и пожимая плечами.

Баклановъ подошелъ къ сторожу.

— Доложи, пожалуйста, г. Нетопоренку, что я пришелъ.

— Теперь занимаются, нельзя! отвѣчалъ солдатъ рѣшительно.

— Но онъ, можетъ-быть, и все будетъ заниматься! возразилъ Баклановъ.

— Ну, и все будутъ! повторилъ солдатъ.

— Емельянь Ѳомичъ самъ велѣлъ имъ придти! вмѣшался въ разговоръ молодой чиновникъ.

— Велѣлъ.... а кто его знаетъ?

— Да, вѣдь, тебѣ говорятъ, братецъ; какой ты, помилуй! подтверждалъ чиновникъ.

— Велѣлъ?... кажинный разъ ругается, бормоталъ солдатъ; однако пошелъ и черезъ нѣсколько секундъ возвратился и прошелъ прямо въ свою переднюю.

— Что же? спросилъ его, съ нетерпѣніемъ, Баклановъ.

— Докладывалъ.

— Что же?

— Ничего не сказалъ.

Баклановъ, съ бѣшенствомъ, отошелъ и всталъ къ своему прежнему окну, готовый плюнуть на все: и на палату, и на дядю, и на Петербургъ.

Наконецъ изъ дверей присутствія раздался голосъ Нетопоренка: „Пожалуйте, г. Баклановъ!“ Баклановъ вошелъ и увидѣлъ огромный столъ, покрытый отличнымъ краснымъ сукномъ; щегольское, рѣзное золотое зеркало; мягкія эластичныя кресла; каминъ.

Лакейская фигура Нетопоренка ужасно нешла ко всему этому комфорту.

— Ну-съ, встрѣтилъ онъ Бакланова,—я видѣлся съ вашимъ дядюшкой.... мѣсто у насъ есть, если угодно, помощника столоначальника.

— О, помилуйте, я очень радъ! проговорилъ Александръ, въ самомъ дѣлѣ обрадованный.

Вся физиономія Нетопоренка какъ бы мгновенно измѣнилась въ его глазахъ.

— Я могу, значить, сейчасъ и прошеніе подать? проговорилъ онъ.

Нетопоренко усмѣхнулся.

— Нѣтъ, нельзя-съ! сегодня суббота—день не присутственный.... Какъ же вы этого не знаете? А еще юрится! проговорилъ онъ и покачалъ Бакланову головой.

Тотъ, впрочемъ, вышелъ отъ него, совершенно съ нимъ примиренный и довольный, и въ регистратурѣ съ нѣкоторою уже важностью поклонился своему прежнему покровителю, молодому чиновнику!

ГЛАВА XIX.

Канцелярское важничанье.

Въ слѣдующій понедѣльникъ Баклановъ, съ просьбой въ карманѣ, по крайней мѣрѣ ждалъ часа два. Къ сердцу его начинала опять подступать *просительская тоска*.

Управляющій наконецъ пріѣхалъ. Это былъ высокій мущина, черноволосый, съ черными густыми бакенбардами, въ мундирѣ и съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Проходя въ присутствіе, онъ не отвѣтилъ никому изъ чиновниковъ на ихъ поклоны.

Бакланова сейчасъ же позвали.

Въ присутствіи онъ увидѣлъ, что управляющій сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ подалъ ему прошеніе. Управляющій, нахмуривъ брови, развернулъ его, и быстро прочтя, спросилъ:

— Отчего же оно не по *титულъ*?

Нетопоренко заглянулъ въ бумагу и поблѣднѣлъ.

— Не сказано, кто просить; *Дабы* пропущено... говорилъ управляющій.

Нетопоренко качалъ укоризненно Бакланову головой.

— Рукоприкладство не по пунктамъ и мѣста жительства нѣтъ.....

— Зачѣмъ же мѣсто жительства? спросилъ сильно сконфуженный Баклановъ.

— Какъ зачѣмъ? отвѣчалъ ему, въ свою очередь, вопросомъ управляющій.

— Позвольте я ему поправлюсь, говорилъ Нетопоренко, и взявъ просьбу, во мгновеніе ока, написалъ на ней наверху: по *титулъ*, потомъ кто просить, и наконецъ вставилъ гдѣ слѣдуетъ *дабы*.

— Учатъ тоже у насъ, а спросили бы чему! говорилъ онъ, возвращая Бакланову прошеніе.

— На-те, перепишите тамъ-съ, прибавилъ онъ почти съ пренебреженіемъ.

Баклановъ горѣлъ отъ стыда и досады; однако, выйдя въ регистратуру, переписалъ прошеніе, которое у него и приняла.

Нетопоренко самъ его потомъ повелъ въ отдѣленіе.

— Вотъ ваше мѣсто и вашъ начальникъ! сказалъ онъ, подводя его ко второму столу.

Столоначальникъ Бакланова оказался очень еще молодой человекъ, высокій, стройный, съ поднятою вверхъ физиономіею и чрезвычайно, должно-быть, самолюбивый. Онъ не опривѣтствовалъ своего новаго подчиненнаго, не только какимъ-нибудь ласковымъ словомъ, но даже хоть сколько-нибудь внимательнымъ взглядомъ, и почти не глядя на него, проговорилъ, показывая ему на дѣлу связь дѣлъ:

— Вотъ дѣла къ *разрѣшенію*-съ.

Баклановъ взялъ. Онъ, собственно говоря, и фразы этой: къ *разрѣшенію*, не понималъ. Пересмотрѣлъ одно дѣло, другое, третье; но спросить своего молодаго столоначальника не хотѣлъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое! повторялъ онъ больше про себя и шепотомъ.

Юный столоначальникъ наконецъ услышалъ это.

— Надобно написать распоряженіе по послѣдней бумагѣ, проговорилъ онъ неторопливо и нехотя.

— Благодарю! сказалъ Баклановъ, и смѣкнувъ въ чемъ дѣло, принялся работать.

Послѣдняя бумага была донесеніе земскаго суда о томъ, что одно дѣло имъ не кончено, но что при первой возможности къ нему будетъ приступлено.

Перелистывая бумаги, Баклановъ видѣлъ, что земскому суду разъ пять по этому дѣлу подтверждали, а потому, не думая долго, онъ распорядился: земскому суду сдѣлать выговоръ и объявить: если онъ не кончитъ сего дѣла въ недѣльный срокъ, такъ, на его счетъ, будетъ посланъ нарочный.

Во второмъ дѣлѣ было отношеніе консисторіи о совращеніи въ расколъ крестьянской дѣвки Марьи Емельяновой, семидесяти лѣтъ и глухонѣмой отъ рожденія. Баклановъ еще въ деревнѣ слышалъ какъ притѣсняютъ раскольниковъ, и при чтеніи этой бумаги воспылавъ благороднымъ негодованіемъ, написалъ: „Такъ какъ крестьянкѣ Марьѣ Емельяновой семьдесятъ лѣтъ, и она глухонѣмая, то къ какому бы она толку не принадлежала — все равно, и подвергать ее изслѣдованіямъ жестоко и безчеловѣчно!“ Покончивъ это, онъ приостановился, зѣвнулъ, и

имъ овладѣла другаго рода тоска, которую можно назвать *канцелярской* и которою страдаютъ сами чиновники. Спину у него ломило, но болѣе всего ему былъ непріятенъ этотъ запахъ бумаги и какое-то повсемѣстное чувство пелену, а между тѣмъ и вѣсть начинало хотѣться.

— Что мы, въ которомъ часу выходимъ изъ присутствія? спросилъ онъ столоначальника, но тотъ не отвѣтилъ ему на это, а объяснилъ одинъ изъ писцовъ:

— Въ пять-съ!

Баклановъ съ ужасомъ взглянулъ на часы, на которыхъ всего было три часа. Чтобы какъ-нибудь спастись отъ скуки, онъ снова принялся заниматься; но уже настольнымъ реэстроимъ.

— Тутъ вписывается содержаніе дѣла, сказалъ, увидѣвъ это, столоначальникъ, попрежнему не глядя на самого Бакланова.

— Знаю-съ, отвѣчалъ тотъ, и началъ вписывать одно дѣло листахъ на двухъ, другое на трехъ, третье на четырехъ,—такимъ образомъ дѣлъ десять до самыхъ пяти часовъ.

— Ухъ! проговорилъ онъ самодовольно и едва разгибалъ спину.

Съ столоначальникомъ передъ выходомъ онъ опять было порывался проститься по-дружески; но тотъ едва протянулъ ему конецъ руки.

Молодой человѣкъ этотъ былъ побочный сынъ побочнаго сына министра, что, можетъ-быть, и развило въ немъ такъ самолюбіе!

ГЛАВА XX.

Надругательство надъ моимъ героемъ.

Когда на другой день Баклановъ пришелъ на службу, столоначальникъ его былъ ужъ тамъ.

По свойственной всѣмъ людямъ слабости—слѣдить за своими умственными дѣтищами, Баклановъ сейчасъ же замѣтилъ, что рѣшенные имъ вчера дѣла лежали на столѣ; но всѣ резолюціи его были сверху до низу зачеркнуты и вмѣсто ихъ написаны другія.

— Что жъ, развѣ то что я написалъ, не годится? спросилъ онъ не совсѣмъ спокойно столоначальника.

— Да-съ! отвѣчалъ тотъ, съ своею, по обыкновенію, гордо поднятою физиономіей, и какъ бы сказавъ самую обыкновенную вещь, отошелъ и сталъ разговаривать съ дѣлопроизводителемъ.

Баклановъ однако не хотѣлъ сразу отказаться отъ своего труда.

— Почему же нельзя ужъ земскій судъ припугнуть? спросилъ онъ насмѣшливо, когда столоначальникъ снова возвратился на свое мѣсто.

— Потому что на него мы можемъ представлять только въ губернскае правленіе, отвѣчалъ тотъ, и преспокойно взявъ листъ бумаги, началъ на немъ писать.

Баклановъ закусилъ губы. Онъ видѣлъ, что молодой начальникъ его былъ правъ и не изъ пустаго каприза перемаралъ резолюціи.

— Но почему же объ раскольникахъ не прошла резолюція? спросилъ онъ не такимъ ужъ рѣшительнымъ голосомъ.

— То какая-то безсмыслица, отвѣчалъ столоначальникъ и, сверхъ обыкновенія, даже улыбнулся.

— Но, вѣдь, это еще доказать надо! проговорилъ Баклановъ.

— Консисторія намъ сообщаетъ, чтобы командировать депутата—только! отвѣчалъ столоначальникъ, и какъ бы не желая больше разсуждать о подобныхъ пустякахъ, снова принялся писать.

— Но позвольте-съ! воскликнулъ Баклановъ, я самъ видѣлъ на мѣстѣ, въ жизни, какъ несправедливо притѣсняють раскольниковъ.

— Что жъ изъ того? спросилъ столоначальникъ.

— А то, что мы, какъ защитники крестьянъ, должны же за нихъ заступаться!

— Депутата для того и командируютъ; наконецъ это дѣло будетъ въ судебномъ мѣстѣ, рѣшеніе пришлютъ намъ на заключеніе.

Баклановъ опять видѣлъ, что молодой столоначальникъ правъ. Будь это старикъ, Баклановъ перенесъ бы терпѣливо, но такой молокососъ и такъ славно знаетъ дѣло! „Какъ у него, канальи, все это ясно и просто въ головѣ,“ думалъ онъ и робѣя взявшись за резолюціи, сталъ заниматься настольнымъ. Исписавъ въ одномъ дѣлѣ всю бумагу, онъ обратился къ столоначальнику.

— Что тутъ, пришитъ надо? У меня больше нѣтъ мѣста! спросилъ онъ его совершенно спокойно.

— Какъ мѣста нѣтъ! спросилъ столоначальникъ и даже покраснѣлъ; но, взявъ реестръ въ руки, рѣшительно пришелъ въ ужась.

— Что вы такое тутъ надѣлали? спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Баклановъ тоже струсилъ.

— Что такое? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Вы всю книгу испортили: она выдана на годъ, а вы по двадцати дѣламъ всю бумагу исписали—это сумашествіе наконецъ!

— Но, вѣдь, какъ же, иначе нельзя.... говорилъ, заикаясь, Баклановъ.

— Какъ нельзя-съ!... Вы чортъ знаетъ какихъ выраженій тутъ насовали: „странныя распоряженія“ уѣзднаго суда, „возмутительная медленность“ гражданской палаты, тогда какъ она выжидаетъ апелляціонные сроки.

Столоначальникъ взялъ книгу и пошелъ къ секретарю. Оба они нѣсколько времени, какъ бы совершенно потерявшись, разговаривали между собой. Наконецъ секретарь обратился къ Бакланову.

— Что это вы въ кабакъ сюда пришли?... Вѣдь только мужикамъ въ кабакахъ такъ пишутъ просьбы!...

Стыду и оскорбленію моего героя въ эти минуты предѣловъ не было. Онъ не въ состояніи даже былъ ничего отвѣчать.

— Спросить надо Емельяна Ѳомича; докладъ особый придется писать... толковали, между тѣмъ, его начальники.

„И къ Емельяну Ѳомичу еще пойдутъ, къ скоту этому!“ думалъ Баклановъ, совсѣмъ поникнувъ головой.

Столоначальникъ прошелъ въ присутствіе.

Баклановъ, стыдно сказать, дрожалъ, какъ школьникъ.

— Г-нъ Баклановъ! крикнулъ, наконецъ, изъ присутствія голосъ Емельяна Ѳомича.

Считай Баклановъ хоть сколько-нибудь себя правымъ, онъ всѣмъ бы имъ наговорилъ дерзостей; но онъ ясно понималъ, что тутъ навралъ и былъ гаупъ: вотъ что собственно его уничтожало.

— Васъ опредѣлили, а вы не хотите ни у кого спросить? Вѣдь это не стихи писать! Нѣтъ: не стихи! повторилъ

нѣсколько разъ Непопоренко и съ такимъ выраженіемъ, что какъ бы презрѣннѣе стиховъ ничего и на свѣтѣ не было.

— Ученые тоже, ахъ, вы! Вотъ вамъ примѣръ молодой человѣкъ!

При этомъ онъ указалъ на стоявшаго гордо у стола столоначальника.

— Съ перваго разу въ службу вникнулъ какъ слѣдуетъ; а отчего? оттого что умъ есть, а у васъ вѣтеръ! Ступайте!

Баклановъ, и тутъ ни слова не отвѣтивъ, вышелъ. „Подать въ отставку!“ подумалось ему; но это значило бы явно показать, что онъ струсилъ службы и не можетъ ее понимать.

Домой онъ возвратился въ совершенномъ отчаяніи.

„На что я способенъ и чему меня учили?“ думалъ онъ съ бѣшенствомъ.

Бѣдному молодому человѣку и въ голову не приходило, что въ своемъ посрамленіи онъ былъ живой человѣкъ, а унижающіе его люди—трупы. Что какъ ни нелѣпы на видъ были его распоряженія, но въ нихъ онъ шелъ все-таки къ смыслу ихъ мертваго и бессмысленнаго дѣла!

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

САВИНЬИ

И ЕГО ОТНОШЕНІЕ

БЪ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦІИ

13-го (25) октября 1861 года, скончался въ Берлинѣ, на 83-мъ году своей жизни, Фридрихъ Карлъ фонъ-Савиньи, одинъ изъ главнѣйшихъ двигателей науки XIX столѣтія. Заслуги его не ограничиваются тою отраслю правовѣдѣнія, которая была предметомъ его спеціальныхъ занятій (римское, преимущественно гражданское, право): его метода, примѣненная другими юристами къ остальнымъ вѣтвямъ правовѣдѣнія и къ законодательствамъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, повсюду имѣла глубоко-преобразовательное вліяніе. Въ настоящей статьѣ мы сообщимъ краткую біографію этого ученаго, и займемся критическимъ разборомъ его сочиненій. Мы укажемъ при этомъ на громадную задачу, которую оставилъ послѣ себя Савиньи современной юриспруденціи, и сдѣлаемъ это не съ цѣлью порицать человека, стоящаго на уединенной высотѣ въ ряду правовѣдовъ всѣхъ временъ, но въ томъ сознаніи, что достойнѣе почтить память великаго мужа добросовѣстнымъ и отчетливымъ выраженіемъ правды нежели работнымъ къ нему благоговѣніемъ.

Предки Савиньи были французскаго происхожденія. Павелъ де-Савиньи родился въ Мецѣ, въ 1622 году, и девяти лѣтъ отъ роду оставилъ Францію. Позже мы встрѣчаемъ его въ шведской арміи, въ которой онъ служилъ до 1650 года; потомъ онъ былъ губернаторомъ крѣпости Альтъ-Лейнцингена и умеръ въ Кирхгеймѣ въ 1685 году. Сынъ его, Лудовикъ, посвятившій себя правовѣднію, преимущественно занимался публичнымъ правомъ; онъ былъ президентомъ въ Вильбургѣ и представителемъ Верхне-Рейнскаго округа на Рейсвикскомъ конгрессѣ. Въ качествѣ публициста, онъ выступилъ, въ своемъ сочиненіи *La dissolution de la réunion*, смѣлымъ поборникомъ германскихъ интересовъ противъ произвольнаго поступка Лудовика XIV, присоединившаго къ Франціи нѣкоторыя составныя части Германской имперіи. Внукъ Лудовика Савиньи, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, окончательно онемечился, сдѣлавшись членомъ дворянства Германской имперіи, нассаускимъ тайнымъ совѣтникомъ и представителемъ на Германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. 4-го марта 1779 года у него родился сынъ, Фридрихъ Карлъ фонъ-Савиньи, жизнь и труды котораго составляютъ предметъ предлагаемой статьи.

Савиньи очень рано лишился своихъ родителей: отца въ 1791, а матери въ 1792 году; но несмотря на то что онъ осиротѣлъ на тринадцатомъ году, религія, благодаря вліянію матери успѣла, пустить глубокіе корни въ его воспріимчивой душѣ; о научномъ же его образованіи заботился задушевный другъ отца его, ассессоръ при рейхскаммергерихтѣ (вышемъ апелляціонномъ судѣ Германской имперіи) фонъ-Нейратъ, попеченія котораго были увѣнчаны такимъ успѣхомъ, что на шестнадцатомъ году (1795) Савиньи могъ уже для изученія правовѣднія, поступить въ Марбургскій университетъ, откуда потомъ на нѣкоторое время перешелъ въ Геттингенскій. Вернувшись въ Марбургъ и опять пробывъ тамъ нѣсколько времени, Савиньи предпринялъ путешествіе, во время котораго посѣтилъ университеты: Іенскій, Лейпцигскій и Галльскій. Изъ его „*vitae curriculum*“, гдѣ онъ, въ качествѣ ищущаго степени доктора правовѣднія, изложилъ на латинскомъ языкѣ, по обычаю германскихъ университетовъ, ходъ своихъ занятій, мы видимъ, что онъ слушалъ лекціи (подробное изложеніе системы римскаго гражданскаго права) у профессоровъ Эркслебена и Вейсса, германское право у Бауера, латинское—

у Рунде, публичное у Пюттера, уголовное—у Мейстера; въ-которые считаютъ его ученикомъ знаменитаго Гуго, но это мнѣніе ошибочно. Объ его университетскихъ занятіяхъ мы имѣемъ самые блистательные аттестаты, преимущественно относящіеся къ обычнымъ въ тогдашнее время репетиціямъ. Такъ, напримѣръ, профессоръ Вейссъ, въ выданномъ молодому Савиньи аттестатѣ, по прошествіи перваго полугодія его пребыванія въ университетѣ, отозвался о немъ въ слѣдующихъ словахъ: „онъ представилъ столько доказательствъ своихъ отличныхъ дарованій, мѣткости ума, основательныхъ свѣдѣній въ римскомъ правѣ, что я не затрудняюсь объявить его первымъ изъ моихъ слушателей, какихъ я только имѣлъ случай узнать въ продолженіе моей академической дѣятельности“. Другіе аттестаты отъ университетскаго начальства удостовѣряютъ, что молодой Савиньи можетъ служить образцомъ для всѣхъ учащихся въ университетѣ, и что государство въ правѣ возлагать на него самыя блистательныя надежды.

31-го декабря 1800 года Савиньи получилъ въ Марбургскомъ университетѣ степень доктора правъ. Тема его диссертациі¹ взята была изъ уголовного права, на которое онъ, ровно какъ и на римское право, сдѣлавшись въ томъ же году университетскимъ преподавателемъ, обращалъ особенное вниманіе. Въ 1803 году, онъ издалъ свое сочиненіе *О правѣ владѣнія* (*Das Recht des Besitzes*), плодъ пятимѣсячнаго труда, который доставилъ 24-лѣтнему автору незабвенное имя въ лѣтописяхъ науки. Въ слѣдующемъ году онъ женился на Кунигундѣ Брентано, принадлежавшей, по своему происхожденію, къ семейству извѣстному въ германской литературѣ. Оставивъ Марбургскій университетъ и не принявъ приглашенія отъ Гейдельбергскаго и Грейфвальдскаго университетовъ, онъ употребилъ слѣдующіе затѣмъ годы на путешествіе съ ученою цѣлью, которое, наконецъ, привело его въ Парижъ. При самомъ вѣздѣ въ Парижъ, Савиньи понесъ весьма чувствительную потерю: чемоданъ, заключавшій въ себѣ богатые матеріалы, которые должны были служить основаніемъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій его въ парижскихъ библіотекахъ, былъ отрѣзанъ отъ кареты. Этотъ несчастный случай, однако, не произвелъ въ немъ того унынія, которому подверглась бы большая часть

¹ *De concursu formali delictorum.*

ученыхъ на его мѣстѣ: напротивъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, онъ думалъ только о томъ, какъ бы, и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, продолжать свои занятія.

Въ 1808 году Савиньи снова вступилъ на поприще академической дѣятельности, принявъ каведру римскаго права, предложенную ему Ландсгутскимъ университетомъ, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ только полтора года, и перешелъ, по приглашенію, во вновь учрежденный Берлинскій университетъ. Несмотря на кратковременное пребываніе, его вліяніе въ Ландсгутѣ было самое благотворное, такъ что всему университету, и сотоварищамъ и слушателямъ, тяжело было съ нимъ разстаться.¹ Приглашенію Савиньи въ Берлинъ извѣстный Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ придавалъ большое значеніе, чему доказательствомъ служить его письмо отъ 11 января 1810 года, въ которомъ онъ поставляетъ на видъ, что прибытіе Савиньи до открытія университета не только чрезвычайно важно для организациі новаго заведенія, но и привлечетъ другія знаменитости.

Въ Берлинѣ, Савиньи, считаясь однимъ изъ корифеевъ университета, получилъ въ 1811 году званіе члена академіи наукъ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы онъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ движенія и возрожденія Германіи; со всѣхъ сторонъ осыпали его доказательствами особеннаго къ нему довѣрія. Въ 1812 году, при самой мрачной обстановкѣ, онъ принялъ на себя, на основаніи особеннаго королевскаго предписанія, исправленіе должности ректора университета, хотя, при его приглашеніи въ Берлинъ, ему предоставлено было право отказываться отъ участія въ административныхъ дѣлахъ университета. Въ слѣдующемъ же году, онъ обнаружилъ значительную дѣятельность, въ качествѣ члена комиссіи для народнаго ополченія. Нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, выступавшихъ въ поле, онъ экипировалъ на свой счетъ.

По водвореніи мира, въ 1814 году, Савиньи издалъ сочиненіе: *Задача нашего времени по отношенію къ законодательству и правоподѣлю*², трудъ не большой по объему (въ десять листовъ), но за то въ высшей степени замѣчательный по

¹ См. *Briefwechsel Göthes mit einem Kinde*, 1853, томъ 2-й, письмо Беттаны отъ 20 мая 1810 года и *Annales Ingolstadienses*, продолженная Периандромъ для Ландсгута и Мюльхера, стр. 314.

² *Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*. Berlin. 1814.

взгляду на происхождение и характеръ положительнаго права. Сочиненіе это было вызвано проявившимся въ Германіи, по испроверженіи французскаго ига, стремленіемъ—составить общее для всей Германіи гражданское законодательство, которое замѣнило бы неудовлетворительное во многихъ отношеніяхъ и непонятное для неспеціалистовъ римское право, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, ограничило бы особенную дѣятельность законодательной власти въ каждой отдѣльной территоріи. Этому стремленію установить общее для всей Германіи законодательство далъ надлежащее выраженіе Тибо, профессоръ Гейдельбергскаго университета, въ сочиненіи появившемся въ 1814 году, подъ заглавіемъ: *О необходимости общаго гражданскаго законодательства для Германіи*. Основная мысль этого сочиненія состояла въ томъ, что всякое законодательство, для прочнаго существованія, должно соответствовать высшимъ началамъ, вытекающимъ изъ человѣческаго разума, причемъ, однако, характеръ народа, мѣстность и время могутъ, въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ, служить поводомъ къ отступленію отъ означенныхъ высшихъ началъ. Мудрый законодатель соответствуетъ такимъ образомъ механику, который на первомъ планѣ придерживается отвлеченныхъ математическихъ исчисленій, а на второмъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторые коэффициенты, взятые изъ опыта и уменьшающіе эффектъ машины. Въ сущности такое воззрѣніе совпадаетъ съ философіей права XVIII столѣтія, которая считала возможнымъ одно общее законодательство для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; разница состоитъ только въ томъ что Тибо дѣлаетъ нѣкоторыя уступки практической, дѣйствительной жизни, требуя отъ законодателя примиренія общечеловѣческихъ началъ съ характеромъ и потребностями извѣстнаго народа и отказываясь отъ мысли, установить одно общее для всѣхъ народовъ законодательство. Сави́ньи выступилъ въ своемъ сочиненіи противъ предложенія обще-германскаго гражданскаго законодательства. Право, по его мнѣнію, не исходитъ первоначально отъ верховной власти, но есть продуктъ народнаго духа, подобно языку и нравамъ народа; слѣдовательно право въ томъ видѣ, въ какомъ оно по необходимости вытекаетъ изъ народнаго духа, есть самое совершенное, потому что оно наиболѣе еоответствуетъ стремленіямъ народа; безусловно же совершеннаго права нѣтъ. Такъ какъ каждый

народъ находится въ непрерывномъ процессѣ развитія, то и право, которое представляетъ только одну сторону народнаго быта, развивается согласно духу и потребностямъ народа; исторія права есть только отрасль исторіи цивилизаціи. Задача законодателя состоитъ поэтому не въ томъ чтобъ установить законы по своему философскому усмотрѣнію, но въ томъ чтобы сформировать правила, заключающіяся въ убѣжденіи народа; при этомъ ему содѣйствуютъ юристы изслѣдованіемъ историческаго матеріала, и значеніе юристовъ, являющихся такимъ образомъ представителями народнаго убѣжденія, возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ первоначальная простота въ бытѣ народа исчезаетъ и отношенія становятся многосложнѣе. Если законодатель выходитъ за предѣлы ему начертанные и отрывается отъ твердой почвы исторіи, то выстроенное имъ зданіе непременно разрушается. Итакъ, для установленія законодательства, для кодификаціи, прежде всего требуется тщательное изслѣдованіе историческихъ элементовъ права, чтобы свести ихъ потомъ къ одной системѣ; но это именно изслѣдованія, это обладаніе историческимъ матеріаломъ дѣйствующаго въ Германіи права, заключающаго въ себѣ и римскіе, и германскіе элементы, Савиньи отрицалъ у нѣмецкихъ юристовъ. Споръ о кодификаціи, возникшій между Тибо и Савиньи, продолжался долго, хотя скоро оказался совершенно непрактичнымъ. Но воззрѣніе Савиньи на происхожденіе права, и значеніе, которое онъ придавалъ его исторической сторонѣ, нашли себѣ сильный отголосокъ, такъ что въ слѣдующемъ (1815) году Савиньи, во вновь основанномъ имъ, при содѣйствіи Эйхгорна и Гошена, *Журналъ для историческаго правовѣдѣнія* могъ уже говорить о цѣлой исторической школѣ, раздѣляющей его взглядъ. О значеніи исторической школы будетъ сказано ниже, при разборѣ сочиненій Савиньи.

Вѣрный своей программѣ, по которой прежде всего слѣдовало овладѣть историческимъ матеріаломъ дѣйствующаго въ Германіи права, Савиньи принялся за одну половину этой задачи, именно за ту, которая относится къ римскому элементу, между тѣмъ какъ разработка германскаго элемента выпала на долю Эйхгорна и Якова Гримма. Сочиненіе Савиньи, посвященное этому предмету, явилось въ теченіе 1815—31 годовъ, въ шести томахъ. Къ нимъ во второмъ изданіи прибавленъ былъ

еще седьмой), подъ заглавіемъ: *Исторія римскаго права среднихъ вѣкахъ*. Въ этомъ сочиненіи, отличающемся цѣлительнымъ трудолюбіемъ, авторъ слѣдитъ за таинственною римскаго права, со времени распадавшейся Римской имперіи до возрожденія этого законодательства въ XI столѣтіи, въ школахъ глоссаторовъ, а также за литературною дѣятельностью этихъ послѣднихъ, въ продолженіи четырехъ столѣтій. Въ первыхъ двухъ томахъ излагается, какимъ образомъ римское право непрерывно сохраняло свою силу въ государствахъ, занявшихъ мѣсто Западной Римской имперіи; въ трехъ послѣднихъ, обнимающихъ дѣятельность глоссаторовъ, заключается преимущественно исторія догматовъ.

Въ 1817 году Савиньи былъ приглашенъ во вновь организованный государственный совѣтъ, а въ 1819 назначенъ высшаго апелляціоннаго суда для рейнской провинціи. Это открыло ему и практическое по правовѣднію занятіе. Только на шестьдесятъ второмъ году своей жизни, онъ приступилъ къ изданію самаго важнаго изъ своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: *Система нынѣшняго римскаго права*. Два года спустя, онъ навсегда сошелъ съ академическаго поприща, на которомъ, въ продолженіе своего тридцатидвухлѣтняго пребыванія въ Берлинскомъ университетѣ, дѣйствовалъ такъ плодотворно. Довѣріе къ нему тогдашняго прусскаго короля, который, въ свое время, тоже принадлежалъ къ числу его слушателей, призвало его, весною 1842 года, къ управленію министерствомъ юстиціи, съ цѣлью обревизованія прусскаго законодательства, а также къ предсѣдательству въ государственномъ совѣтѣ и кабинетѣ министровъ. Въ мартѣ 1848-го года Савиньи навсегда вышелъ въ отставку.

Относительно его законодательной дѣятельности мы упомянемъ, что онъ употребилъ всѣ усилія для введенія въ Пруссію гласности и устности въ судопроизводствѣ, причемъ онъ обратилъ вниманіе на возможно большее научное образованіе судей и адвокатовъ. Ему удалось ввести лучшее судопроизводство къ дѣламъ о разводѣ.² Составленный имъ и предло-

¹ По увѣренію Лабурэ (*Histoire du droit de propriété foncière en occident*, 1839, стр. 4.), Hautserre (Алтегерра) еще за два столѣтія до Савиньи доказалъ, что римское право непрерывно имѣло обязательную силу въ среднихъ вѣкахъ.

² См. его *Различныя сочиненія*, томъ 5-й стр. 222.

наг
пр
бы
рл
ко
за
че
на
ист
то
о

анный въ 1845-мъ году проектъ уголовного уложенія дышетъ идеалами правосудія и человѣколюбія; въ этомъ проектѣ отменены телесное наказаніе, квалифицированная смертная казнь и конфискація имущества. ¹ Наконецъ, проектъ вексельнаго уложенія, сдѣлавшагося первымъ *общимъ* закономъ Германіи, тоже долженъ быть приписанъ Савиньи.

Въ продолженіе этого времени, вышеупомянутое его сочиненіе, *Система нынѣшняго римскаго права*, такъ успѣшно продвигалось впередъ, что въ 1849-мъ году, съ изданіемъ осьмаго тома, была окончена его общая часть. Изъ особенной части появились въ 1851—53 г. два тома объ обязательствахъ. Сверхъ того, Савиньи въ 1850-мъ году издалъ, въ пяти томахъ, собраніе своихъ отдѣльныхъ статей, разсѣянныхъ въ журналахъ и въ мемуарахъ Берлинской академіи наукъ.

Послѣдніе годы своей жизни Савиньи проводилъ въ тихомъ уединеніи, въ кругу своего семейства. Его супруга оставалась неразлучною его спутницею до самой кончины, а изъ дѣтей пережили его два достойные сына. Когда онъ въ 1850-мъ году праздновалъ свой докторскій юбилей, то со всѣхъ концовъ свѣта получены были доказательства искренняго участія. Монаршее благоволеніе къ нему сохранилось до самыхъ послѣднихъ минутъ; послѣ смерти Александра фонъ-Гумбольдта онъ назначенъ былъ канцлеромъ ордена „*pour le mérite*“, и сверхъ того принятъ въ члены первой палаты, но никакъ не могъ рѣшиться снова вступить на политическое поприще.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о личности Савиньи. Въ немъ сочетались высокія нравственныя достоинства, тонкость и изящество чувства, глубокая религіозность и философскій духъ; вмѣстѣ съ сознаніемъ собственной силы у него соединялось полное признаніе чужихъ заслугъ. Какъ преподаватель, Савиньи повсюду проливалъ теплоту и свѣтъ, не только для тѣхъ, которые спеціально занимались предметомъ имъ преподаваемымъ, но и для тѣхъ, которые, въ его духѣ, взялись за разработку другихъ отраслей науки; вездѣ онъ поощрялъ и помогалъ. Его университетскія лекціи отличались округленностью, пластичностью и благородствомъ, отсутствіемъ всякой ядовитой

¹ Однако проектъ этотъ, прежде нежели онъ былъ предложенъ соединеннымъ комитетамъ обѣихъ палатъ въ 1848-мъ году, подвергся разнымъ измѣненіямъ.

полемики и желанія производить эффектъ, наглядною ясностью и, при всемъ томъ, необыкновенною основательностію, причемъ онъ старался сообразоваться съ уровнемъ понятій даже слабѣйшихъ изъ своихъ слушателей. И по выбытіи изъ университета, онъ продолжалъ принимать живое участіе во всѣхъ факультетскихъ дѣлахъ; драгоценнѣйшую часть своей библіотеки онъ отказалъ Королевской Библіотекѣ, съ цѣлью предоставить спеціалистамъ возможность пользоваться этимъ богатымъ матеріаломъ. Какъ писатель, онъ заслуживаетъ признательность тѣмъ, что первый поставилъ нѣмецкую юридическую литературу, относительно высшихъ формъ, въ уровень съ произведеніями изящной литературы; слогъ его сравниваютъ съ слогомъ Гёте.

Такова была личность Савиньи. Не многіе могутъ похвалиться такими высокими умственными способностями, такимъ благородствомъ чувства какимъ отличался этотъ знаменитый юристъ. Тѣмъ не менѣе и онъ не избѣжалъ общей участи всѣхъ смертныхъ, — старались и его очернить; стали выдавать его за представителя реакціонной партіи въ Германіи. Но такъ какъ для такого обвиненія нельзя было найти уликъ въ его политической дѣятельности, то за доказательствами обращались къ его ученымъ трудамъ. По мнѣнію Савиньи, право, дѣйствующее у извѣстнаго народа, есть самобытное, независимое отъ верховной власти явленіе, продуктъ народнаго духа, результатъ, какъ бы осадокъ прошедшаго. При такомъ взглядѣ, который какъ бы устранялъ вліяніе законодателя на дальнѣйшее развитіе права, представился нѣкоторый поводъ къ обвиненію въ реакціонномъ направленіи, тѣмъ болѣе что люди, прославившіеся своимъ реакціоннымъ духомъ, какъ Гассенпflugъ, Шталь, Линде, Келлеръ, принадлежали, по своимъ теоретическимъ вѣрованіямъ, къ школѣ Савиньи. Но эти обвинители-либералы забыли, что духъ народный, который составляетъ зерно системы Савиньи, представляется въ исторіи, то гладкимъ зеркаломъ тихаго озера, то все испровергающимъ вихремъ. Съ другой стороны, нашлись и такіе противники, которые видѣли въ Савиньи проповѣдника опасныхъ революціонныхъ началъ. Такъ напримѣръ Гённеръ, извѣстный профессоръ Ландсгутскаго университета, еще въ 1815 году, счелъ нужнымъ предостеречь въ особенной брошюрѣ (*Über Gesetzgebung und Rechtswissenschaft unserer Zeit*)

всѣ правительства отъ исторической школы въ правовѣдѣніи, приверженцы которой будто бы стараются отнять у правительства законодательную власть, чтобы передать ее въ руки юристовъ и народа ¹.

Итакъ мы видимъ, что духъ народный, исходная точка всѣхъ приверженцевъ исторической школы, главою которой считается Савиньи, есть мечъ обоюдоострый. Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію основныхъ началъ этой школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ разбору главнѣйшихъ сочиненій Савиньи.

Историческое направленіе въ области правовѣдѣнія въ устахъ многихъ поборниковъ этого направленія, превратилось въ фразу лишнюю смысла. Сущность историческаго направленія безспорно состоитъ въ томъ, чтобы отыскать ключъ къ уразумѣнію права, дѣйствующаго у извѣстнаго народа, въ его исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно послѣдовательно, историческая школа признаетъ дѣйствующимъ правомъ только тѣ правила, которыя, путемъ обычая или на основаніи установленій законодательной власти, приняты въ извѣстномъ государствѣ; за то она оспариваетъ характеръ обязательной силы у всѣхъ чисто-умозрительныхъ выводовъ, по скольку они не имѣютъ себѣ опоры въ обычномъ правѣ или въ законахъ. До сихъ поръ все совершенно справедливо; но когда многіе приверженцы исторической школы приходятъ къ тому убѣжденію, что она исключаетъ всякое философское воззрѣніе на происхожденіе и характеръ права, то можно только сожалѣть о такомъ недоразумѣніи. Ни Гуго, ни Савиньи, основатели исторической школы, не были такого мнѣнія; они, напротивъ, при своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, исходили отъ точно-опредѣленныхъ философскихъ воззрѣній, а тѣ послѣдователи исторической школы, которые, въ потѣ лица, отовсюду собираютъ историческіе матеріалы, воображая, что они тѣмъ уже дѣйствуютъ въ духѣ Савиньи, по неволѣ напоминаютъ слова Шиллера: „wenn die Kö-

¹ Савиньи удостоилъ эту нелѣпную выходку отвѣтомъ въ *Журналь историческаго правовѣдѣнія*, I, стр. 373—423, доказывая, что онъ никогда не имѣлъ въ виду опредѣлить форму, организацію государствъ; онъ только желаетъ отъ верховной власти (которая можетъ быть въ рукахъ абсолютнаго монарха, сената или народнаго собранія), чтобы она не создавала законовъ по произволу, но сообразовалась съ существующимъ уже народнымъ убѣжденіемъ.

nige baun, haben die Kärner zu thun“¹. Можемъ ли мы составить себѣ понятіе объ организмѣ, если, не обращая вниманія на отправленія его органовъ, видимъ въ немъ только плоть, да кости? И дѣйствующее въ извѣстномъ государствѣ право мы должны принимать за организмъ, органы котораго служатъ къ осуществленію религіозныхъ, умственныхъ и экономическихъ стремленій народа. Итакъ правовѣднію надлежитъ изыскать связь юридическихъ учрежденій съ духовными и матеріальными влеченіями народа. При такомъ изслѣдованіи мы непременно вступаемъ въ предѣлы философіи, задача которой отыскивать связь между человѣческимъ духомъ и внѣшнимъ міромъ.

Наше убѣжденіе, что и историческая школа не можетъ обойтись безъ твердаго философскаго начала, получить еще болѣе силы когда удастся намъ опредѣлить ту философскую систему, изъ которой вытекаетъ историческое направленіе Савицьки. Для этого не будетъ излишнимъ предпослать нѣсколько словъ о его великомъ предшественникѣ, Гуго, котораго можно назвать первымъ, по времени, основателемъ исторической школы.

Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, преимущественно подъ вліяніемъ Вольфовой философіи, въ Германіи распространено было то мнѣніе, что единственнымъ источникомъ права можетъ считаться человѣческой разумъ; что слѣдовательно философія права можетъ выставить такую систему, которая, въ видѣ естественнаго права, имѣла бы обязательную силу у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Этотъ односторонній раціонализмъ способствовалъ строго-систематической формѣ правовѣднія въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ во французскомъ, и въ прусскомъ но онъ заглушилъ всякое стремленіе повимать право, какъ оно проявляется въ исторіи, въ дѣйствительности, у отдѣльныхъ народовъ.

Противъ этого вреднаго раціонализма первый изъ нѣмецкихъ юристовъ, возсталъ въ 1798 году Гуго, профессоръ Геттингенскаго университета, высказывая въ своемъ учебникѣ естественнаго права ту мысль, что философія права можетъ почерпнуть свой матеріалъ только въ исторіи, которую она вообще должна считать своею наставницею, и что идея о

¹ Постройки царей доставляютъ работу рабочимъ.

правосудію, сама по себѣ, не можетъ доставлять намъ никакого матеріала для составленія естественнаго права, а можетъ только руководить насъ при выборѣ наилучшихъ юридическихъ правилъ, представляющихся въ исторіи, въ дѣйствительности. Очевидно, что такое воззрѣніе на право беретъ свое начало въ критической философіи Канта и что Гуго старался примѣнить ее къ праву удачнѣе даже нежели самъ Кантъ.} Кенигсбергскій философъ пришелъ, посредствомъ критическаго анализа человѣческой души, къ тому результату,¹ что наши понятія получаютъ смыслъ и значеніе лишь тогда, когда они направлены на предметы являющіеся во времени и пространствѣ; но коль скоро они обращаются къ сверхъчувственнымъ идеямъ, то они превращаются въ туманныя мечты. Эти сверхъчувственные идеи, хотя онѣ и представляются нашему внутреннему самосозерцанію, совершенно неуловимы для нашего ума и служатъ только для того чтобы свести къ единству пестрый матеріалъ взятый нами изъ опыта. Этотъ Кантовъ взглядъ Гуго примѣнилъ къ праву, которое, по его мнѣнію, представляется намъ во времени и пространствѣ, нося на себѣ различный характеръ въ разные времена и у разныхъ народовъ; идея же о правосудіи служитъ только для оцѣнки этого матеріала и для того чтобы его привести въ порядокъ. Гуго мыслилъ о правѣ болѣе въ духѣ Канта нежели самъ Кантъ, котораго взглядъ на право² находится въ довольно слабой связи съ его общими метафизическими принципами. Но Гуго приостановился на полудорогѣ, когда ему пришлось провести означенную мысль въ *Исторіи римскаго права*;³ при его незнакомствѣ съ социальными науками, которыя одна могли бы разъяснить ему какое вліяніе на право оказываетъ обстановка окружающая человѣка, онъ и не могъ разчитывать на успѣхъ; сѣмя же, брошенное гениальнымъ Монтескье, въ его *Esprit des lois*, къ сожалѣнію, не возшло на почвѣ, полуприготовленной геттингенскимъ профессоромъ. Тѣмъ не менѣе, Гуго имѣетъ ту неоспоримую заслугу, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ поощрялъ юристовъ къ тщательному

¹ *Kritik der reinen Vernunft*, 1781.

² *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre* 1797.

³ Тутъ онъ, въ предисловіи, указываетъ только вкось на то, что страна, національность, характеръ народа и степень его образованности обнаруживаютъ вліяніе на право.

изученію источниковъ, вытѣсняя изъ юриспруденціи всѣ понятія, занесенныя только рутинною и произволомъ ученыхъ, а не имѣющія себѣ опоры въ самихъ источникахъ. Этому своему стремленію Гуго самъ придалъ названіе историко-систематической методы, причѣмъ, очищая правовѣдѣніе отъ неосновательныхъ предположеній и опредѣленій, онъ не могъ не навлечь на себя упрека въ мелочномъ педанствѣ.¹

Сочиненіе Савиньи *О правѣ владѣнія* появившееся въ 1803 году, когда источники и памятники права стали предметомъ болѣе тщательнаго изученія, когда возникло убѣжденіе въ необходимости вторичной повѣрки всего запаса юридическихъ понятій, принявшихъ, подъ вліяніемъ юридической литературы, часто несоотвѣтственное источникамъ значеніе,— было въ полномъ смыслѣ слова осуществленіемъ идеала Гуго. Тутъ мы въ первый разъ встрѣчаемъ: разсмотрѣніе всѣхъ трудовъ по этому предмету, начиная съ глоссаторовъ; повѣрку понятія о владѣніи на основаніи источниковъ и его юридическаго значенія; точное опредѣленіе встрѣчающейся въ источникахъ терминологіи и строгое разграниченіе римскаго элемента съ германскимъ. Трудъ, съ которымъ Савиньи въ первый разъ выступилъ въ ученый міръ, представляетъ какъ бы цвѣтъ историко-систематической методы Гуго, а самому Савиньи вскорѣ суждено было перевести историческое направленіе въ новую фазу.

Мы видѣли, что Гуго, хотя онъ и не провелъ систематически и въ подробности своего взгляда на право, въ сущности опирался на критицизмъ Канта, и что слѣдовательно историко-систематическая метода вовсе не есть противоположный философіи полюсъ. Возникло другое направленіе въ философіи и не преминуло отразиться на самой исторической школѣ. Изъ узкихъ стѣнъ Тюбингенской лютеранской семинаріи, почти въ одно и то же время, вышли Шеллингъ и Гегель, изъ которыхъ каждый имѣлъ огромное вліяніе на правовѣдѣніе, первый на Савиньи и его школу, второй на такъ-называемыхъ историко-философскихъ юристовъ (Гансъ, Кестлихъ, а изъ новѣйшихъ — Лассаль).

¹ Его работы такого рода заключаются въ многочисленныхъ рецензіяхъ, разсыпанныхъ въ журналахъ: *Civilistisches Magazin in Göttinger gelehrte Anzeigen*: его полемика преимущественно направлена была противъ Гёпфнера и Глюка.

Въ составъ нашей задачи входитъ только разсмотрѣнiе влiянiя Шеллинговой системы на Савинью. Шеллингъ, какъ извѣстно, перешелъ разныя степени, прежде чѣмъ далъ своимъ философскимъ воззрѣнiямъ надлежащее выраженiе. Онъ съ теченiемъ времени выставилъ пять различныхъ системъ, изъ которыхъ третья, имъ самимъ приспособленная ко всѣмъ отраслямъ философи, энциклопедически изложена въ его *Vorlesungen über das academische Studium* (1803).

По этой системѣ, исторiя есть зеркало всемирнаго духа, высшая степень природы, и представляетъ въ идеальномъ мiрѣ то, что природа представляетъ въ реальномъ; исторiя есть реальное выраженiе идеи, которая осуществляется въ силу необходимости, при кажущейся свободѣ отдѣльныхъ лицъ; государство же есть внѣшнiй организмъ для примиренiя свободы съ необходимостью, въ силу которой осуществляется идея въ исторiи. Ходъ исторiи совершается не по понятiямъ чело-вѣческаго разума; однако въ немъ присутствуетъ также и логическое начало; но оно открывается только тому, кто обладаетъ даромъ умственнаго созерцанiя, необходимаго для каждой философи. ¹

Подобнаго взгляда, то-есть объективнаго идеализма, придерживался и Савинья, когда онъ въ 1814-мъ году написалъ свое сочиненiе *Задача нашего времени по отношенiю къ законодательству и правопыднiю*. Право, по его мнѣнiю, не вытекаетъ изъ чело-вѣческаго разума, то-есть изъ разума и свободы отдѣльныхъ лицъ, но изъ *народнаго духа*, который не совпадаетъ съ стремленiями отдѣльныхъ членовъ народа, но представляетъ какую-то высшую силу, которая, подобно таинственной нити, проходя по всѣмъ поколѣнiямъ, смѣняющимъ одно другое, связываетъ настоящее съ прошедшимъ и будущимъ. Духъ народный доступенъ для того, кто не членъ этого народа, только по отдѣльнымъ проявленiямъ; за то членамъ народа онъ раскрывается съ помощiю непосредственнаго созерцанiя ². Спрашиваемъ, есть ли какая-нибудь разница между общимъ философскимъ воззрѣнiемъ Шеллинга и между

¹ См. преимущественно лекци 4-ю, 7-ю и 10-ю. Замѣчательно еще то, что, по Шеллингу, исторiя права, лишь настолько заслуживаетъ названiя науки, насколько въ историческомъ матеріалѣ выражается идея; большая же часть законовъ, по его мнѣнiю, лишены всякой идеи, относясь только ко внѣшнему организму государства.

² См. также *Систему* стр. 20 и 38.

взглядомъ Савиньи на право? И у того, и у другаго мы встрѣчаемъ ту же самую, независимую отъ отдѣльныхъ лицъ, высшую силу, въ видѣ всемірнаго или народнаго духа. У Шеллинга идея и всемірный духъ доступны только тому, кто одаренъ интеллектуальнымъ созерцаніемъ; по Савиньи духъ народный раскрывается членамъ этого народа съ помощію непосредственнаго созерцанія; не членамъ же народа онъ обнаруживается лишь въ отдѣльныхъ, отрывочныхъ проявленіяхъ. Поэтому можно положительно утверждать, что Савиньи, представитель исторической школы, не только никогда не становился противъ философіи въ правовѣдѣніи, но даже самъ исходилъ отъ точно-опредѣленной философской системы, именно отъ объективнаго идеализма; онъ отвергалъ только ту псевдофилософію, которая весьма поверхностно и совсѣмъ неудачно-примѣнила къ правовѣдѣнію выводы Вольфовой системы¹. Правда, онъ самъ никогда не указывалъ на тѣ метафизическія начала, которыя служили ему исходною точкой, но тѣмъ не менѣе мы легко можемъ воспроизвести и опредѣлить ихъ съ точностію. Самъ Гансъ, замѣчательнѣйшій противникъ методы Савиньи, признаетъ за нимъ философское основаніе, которое онъ, впрочемъ, находитъ ложнымъ, потому что историческая школа, по его мнѣнію, не допускаетъ въ исторіи ни настоящей свободы, ни разумной необходимости.²

Упрекъ въ недостатокъ внутренняго развитія при изложеніи исторіи права относится ко второму отдѣлу *Исторіи римскаго права въ среднихъ вѣкахъ*, который Савиньи издавалъ, начиная съ 1826-го года, касающемуся исторіи науки въ продолженіе четырехъ столѣтій по возникновенію школы глоссаторовъ. Тутъ замѣчательнѣйшія личности представляются въ самомъ отвлеченномъ, полиняломъ видѣ, внѣ всякой связи съ идеями, господствовавшими въ ихъ время, и безъ разъясненія того вліянія, которое эти личности обнаружили на своихъ

¹ Мѣсто, давшее поводъ къ тому недоразумѣнію, будто Савиньи отвергаетъ возможность философской разработки правовѣдѣнія, находится въ его сочиненіи *Задача нашего времени по отношенію къ законодательству*, на стр. 48; но око по узнанію самого автора, никогда не имѣло безусловно враждебнаго къ философіи смысла; см. третье изданіе означеннаго сочиненія (1840) въ предисловіи стр. V, и предисловіе къ *Сист.*, I стр. XIII.

² Гансъ, *Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung*, I, предисловіе стр. XIII.

современниковъ и на слѣдующія за ними поколѣнія. Съ другой стороны, мы считаемъ преувеличеннымъ тотъ упрекъ, будто историческая школа унижаетъ безусловную идею, проявляющуюся въ исторіи, тратя свое время и свои усилія на самыя мелочныя и микрологическія изысканія¹; напротивъ, мы должны быть благодарны за раскрытіе и кажущихся маловажными данныхъ, потому что они часто служатъ средствомъ къ повѣркѣ характера отдаленныхъ временъ и важныхъ событій. Причину же, по которой Савиньи склонялся къ тому философскому возрѣнію, которое видитъ въ исторіи міръ аналогическій міру природы, мы должны отнести къ пробуждавшемуся въ то время, подъ вліяніемъ романтизма и естественной философіи, стремленію возвратиться отъ отвлеченныхъ разсужденій и космополитическихъ тенденцій къ созерцанію реальныхъ явленій въ природѣ и въ исторіи. Сверхъ того Шеллингова мысль, что и природа и идеальный міръ (исторія, государство) въ сущности подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ, встрѣчается уже у Цицерона², искуснаго посредника между греческою философіей и возрѣніями римскаго народа, а также у нѣкоторыхъ замѣчательныхъ римскихъ юристовъ³. Чтò же мудренаго, что она привилась и къ Савиньи, который весь былъ проникнутъ античнымъ духомъ.

Итакъ духъ народный, который впрочемъ не есть одно и то же съ стремленіями и взглядами отдѣльныхъ членовъ народа, по мнѣнію Савиньи, составляетъ источникъ права. Этотъ духъ народный, открывается отдѣльными членами народа чрезъ непосредственное созерцаніе, но лишь въ отрывочныхъ проявленіяхъ обнаруживается предъ тѣми, которые не принадлежатъ къ членамъ этого народа. Это-то послѣднее обстоятельство не могло остаться безъ глубокаго вліянія на методу, которую долженъ былъ принять Савиньи при разработкѣ системы римскаго законодательства. Видя передъ собою только разрозненные отрывки служащіе выраженіемъ народнаго духа, онъ долженъ былъ обратиться къ аналитической методѣ, которая восходитъ отъ частныхъ случаевъ къ общимъ началамъ. Савиньи могъ изучать римское законодательство только извнѣ, съ помощію памятниковъ;

¹ Гаусъ, тамъ же на стр. XX.

² Cicero de republica, III, 22.

³ Dig. I, 3. L. 2 (Марціанъ). Dig. I, L. 1. p. 3 (Ульпіанъ).

онъ долженъ былъ свести разбросанныя повсюду данныя къ единству, чтобъ отыскать общія начала, скрывающіяся въ этомъ обильномъ матеріалѣ, а въ этомъ-то и состоитъ сущность аналитической методы ¹. Подобно химику разлагающему сложное вещество на простые его элементы, онъ успѣлъ воспроизвести тѣ общіе, простые, юридическіе типы (юридическія учрежденія), которые, сливаясь между собою, вступаютъ въ разнообразныя сочетанія, въ видѣ отдѣльныхъ юридическихъ отношеній, представляющихся въ дѣйствительности, на практикѣ. При этомъ онъ разъяснилъ не только юридическую сторону юридическихъ учрежденій, но указалъ и на ихъ связь съ матеріальною, экономическою жизнію народа. Польза, которую онъ аналитическою методою и добытыми ею результатами принесъ не только теоріи, но и практической юриспруденціи всѣхъ цивилизованныхъ странъ, была велика, потому что и для юриста-практика гораздо важнѣе быть знакомымъ съ элементами, изъ коихъ какъ бы слагаются отдѣльныя юридическія отношенія, чѣмъ владѣть какимъ бы то ни было количествомъ частныхъ рѣшеній, которыми все-таки никогда нельзя исчерпать всѣхъ могущихъ встрѣтиться въ дѣйствительности случаевъ. Нынѣ Система Савиньи имѣетъ полное право гражданства въ высшихъ судилищахъ даже тѣхъ странъ, гдѣ римское законодательство не имѣетъ обязательной силы.

Было бы неумѣстно разбирать здѣсь вопросъ, всегда ли удавалось Савиньи отыскать самыя высшія начала, изъ которыхъ вытекаютъ отдѣльныя юридическія правила; замѣтимъ только, что онъ останавливался иногда на полудорогѣ, выставляя нѣсколько разрядовъ правилъ тамъ, гдѣ можно выставить *одинъ* принципъ, къ которому эти разряды относятся какъ выводы ². Прибавимъ еще, что такая неудача была неизбежна для Савиньи каждый разъ, когда дѣло шло о предметахъ внутренняго, психологическаго опыта, напри-

¹ Каждый съ перваго взгляда убѣдится въ томъ, что Савиньи въ своей Системѣ *нѣмцяннаго римскаго права* слѣдуетъ аналитической методѣ; если тутъ каждой главѣ и предпосылаются общія замѣчанія и правила, то это дѣлается только съ тою цѣлью, чтобы дать читателю возможность предварительно ориентироваться въ громадномъ матеріалѣ, изъ котораго выводятся общія начала.

² Напримѣръ въ ученіи о вліяніи заблужденія, объ обратнo-дѣйствующей силѣ законовъ.

жръ о свободномъ рѣшеніи. Подобные вопросы не могутъ быть рѣшены съ помощію матеріала, извѣ намъ представляющагося, но только на основаніи данныхъ психологическаго опыта. Савиньи, взоръ котораго преимущественно устремленъ былъ на духъ народный и его проявленія въ дѣйствительности, не вникалъ внутрь человѣческой души, которая, для разрѣшенія многихъ юридическихъ вопросовъ, есть единственный источникъ.

Мы уже говорили, что Савиньи, видя въ правѣ произведеніе духа народнаго, старался проникнуть въ него посредствомъ тщательнаго анализа его проявленій, а это не могло сдѣлаться иначе, какъ отысканіемъ общихъ началъ, заключающихся въ исторіи и дѣйствительности. Однакожь Савиньи не успѣлъ дойти до *высшаго* единства, до разъясненія самого духа народнаго. Если мы и знаемъ общіе типы, общія начала, съ которыми сообразуются и должны сообразоваться у извѣстнаго народа всѣ отдѣльныя юридическія отношенія, то мы все еще не понимаемъ, какимъ образомъ эти высшія начала вытекаютъ изъ народнаго духа, который составляетъ для насъ пока неразрѣшимую загадку. Мы знаемъ только то, что юридическія учрежденія—иныя у Римлянъ, иныя у германскихъ или славянскихъ народовъ; но та таинственная сила, которая производитъ различія въ юридическихъ учрежденіяхъ у разныхъ народовъ, неуловима. Духъ этихъ народовъ долженъ быть различенъ, потому что ихъ юридическія учрежденія разнятся; но на вопросъ, въ чемъ состоитъ духъ римскаго или германскаго народа, Савиньи не даетъ намъ отвѣта и даже прямо отъ него уклоняется, говоря, что этотъ вопросъ не можетъ быть предметомъ историческаго изслѣдованія¹. Такимъ образомъ, опираясь на понятіе о народномъ духѣ, Савиньи принужденъ, при средствахъ находящихся въ его распоряженіи, отказаться отъ его опредѣленія. Историческая школа, группирующаяся около знамени народнаго духа, не можетъ быть въ претензіи на того, кто въ видахъ мистицизма (какъ напр. Шталь) или въ другихъ, болѣе или менѣе благородныхъ видахъ, придаетъ этому неопредѣленному понятію любое значеніе. Этотъ пунктъ исторической школы не можетъ не допускать

¹ См. *Задача нашего времени*, стр. 8 и *Сист. I*, стр. 14.

личныхъ толкованій, вслѣдствіе чего и Савиньи навлекъ на себя своими учеными трудами названіе реакціонера, несмотря на то что онъ предоставилъ народному духу обширный просторъ для безостановочнаго развитія, признавая за верховною властью только вспомогательное вліяніе¹.

Существовавшая для Савиньи невозможность дать своему принципу, народному духу, надлежащее опредѣленное выраженіе, возбудила то мнѣніе, что онъ, при разработкѣ системы римскаго права, оказалъ услугу юристамъ лишь тѣхъ странъ, гдѣ оно непосредственно можетъ быть примѣнено къ дѣйствительности; но что, съ другой стороны, не опредѣливъ степени цивилизаціи, на которую человѣчество возведено было римскимъ законодательствомъ, онъ не принесъ значительной пользы тѣмъ юристамъ, которые, по необязательности римскаго права въ ихъ странѣ, могутъ смотрѣть на него только съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи. Мы вполне согласны въ томъ, что Савиньи не разъяснилъ основныхъ идей, выработанныхъ римскимъ народомъ и составляющихъ предметъ исторіи цивилизаціи; онъ не разъяснилъ, что цивилизаціонный элементъ, заключающійся въ римскомъ законодательствѣ, состоитъ во владычествѣ индивидуальной воли, то-есть въ той свободѣ, которая, доходя наконецъ до послѣдней крайности, приходитъ въ столкновеніе съ природою вещей и кончается матеріализмомъ и всеобщимъ застоємъ; онъ не показалъ, какъ отразился на всѣхъ учрежденіяхъ римскаго народа принципъ владычества индивидуальной воли и нераздѣльная съ нимъ участь. Но это и не входило въ составъ его задачи. Написать исторію цивилизаціи съ юридической точки зрѣнія и писать сочиненіе для юридической техники не одно и тоже; написать эстетику не то что образовать художниковъ, приучая ихъ нервъ къ чувству изящнаго. Савиньи, какъ бы вводя насъ въ мастерскую римскихъ юристовъ, приучаетъ насъ къ тому юридическому мышленію, которое всегда считалось и всегда будетъ считаться образцовымъ и классическимъ. Это послѣднее названіе, придаваемое римской юриспруденціи, вполне ею заслужено. Право есть идея, осуществляющаяся въ области индивидуальной воли направленной на внѣшній міръ; слѣдовательно для права требуется и общее содержаніе (идея),

¹ См. *Сист.* I, стр. 17 и стр. 40, 41.

и форма или сфера, въ которую это содержаніе передливается. У Римлянъ основная идея была владычество индивидуальной: воли у нихъ, стало-быть, содержаніе и форма совпадали, и право нашло у Римлянъ самое прозрачное, самое изящное выраженіе. Римскіе юристы, вполне проникнутые духомъ индивидуальной свободы, инстинктивно слѣдовали этому неотразимому для нихъ стремленію въ своихъ рѣшеніяхъ, а Савиньи, раскрывая передъ нами аналитическимъ путемъ матеріалъ разработанный римскими юристами, посвящаетъ насъ въ самый принципъ индивидуальной свободы, которому въ гражданскомъ правѣ безспорно принадлежить первая роль. Если же въ послѣднее время нѣкоторые возстали противъ изученія римскаго законодательства, то лишь вслѣдствіе того что вовсе не понимаютъ значенія индивидуальной свободы для права, и преимущественно для гражданского права, или потому что стараются забыть этотъ принципъ въ угожденіе нѣкоторымъ политическимъ видамъ. Современныя законодательства, если они не вовсе уронили принципъ индивидуальной свободы, всегда должны возвращаться къ римскимъ юристамъ; Савиньи же, который наглядно воспроизвелъ начала, извлеченныя римскими юристами изъ многочисленныхъ юридическихъ отношеній, представляющихъ въ жизни, оказалъ юристамъ всѣхъ-странъ такимъ соединеніемъ теоріи съ практикой услугу болѣе важную чѣмъ та, которую можно ожидать отъ разработки римскаго права съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи¹. Французскіе юристы, вполне оцѣнивая пользу принесенную имъ Савиньи, обращаютъ все болѣе и болѣе вниманія на его систему римскаго права, несмотря на то что во Франціи изученіе римскаго права въ высшей степени стѣсняется.

¹ Савиньи во многомъ пополнилъ и разъяснилъ не только прусское и австрійское, но и французское законодательство (см. напр. *Сист. IV*, стр. 293). Конечно, это пополненіе было бы вовсе излишнимъ и неудобнымъ, еслибы оно было сдѣлано только потому, что многія правила римскаго права вошли въ составъ этихъ законодательствъ. Но не это служило Савиньи основаніемъ для исполненія и разъясненія другихъ законодательствъ по началамъ римскаго права, а то обстоятельство, что гражданское законодательство всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ преимущественно зиждется на принципѣ индивидуальной свободы, которую дышитъ римская юриспруденція.

Теперь мы можем объяснить себѣ ту магическую силу, съ которою Савиньи дѣйствовалъ на юристовъ всѣхъ лагерей, не только на тѣхъ которые посвятили себя исключительно собиранію историческаго матеріала и на тѣхъ которые стараются примѣнить къ правовѣдѣнію общественныя науки, но даже на тѣхъ которые разрабатываютъ положительное законодательство съ точки зрѣнія Гегелевой философіи. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ этихъ двухъ послѣднихъ направленіяхъ въ правовѣдѣніи.

Гегелева философія старалась найти научную методу для моментовъ внутренняго развитія права. Принципъ Гегеля состоитъ въ томъ, что природа и міръ духовный, къ которому и относится исторія, въ сущности одинаковы; что одинъ и тотъ же всемірный разумъ, въ разныхъ фазахъ своего развитія, представляетъ на низшей ступени природу, на высшихъ же ступеняхъ—человѣческой разумъ, дальше духъ объективный (то-есть право, мораль, семейство, общество, государство и исторію, которая состоитъ въ борьбѣ духа отдѣльныхъ народовъ), наконецъ духъ абсолютный (то-есть художество, религію и абсолютную философію или абсолютное самосознаніе человѣчества). Такъ какъ человѣческой разумъ есть одна изъ ступеней въ развитіи всемірнаго разума, и такъ какъ всѣ ступени этого всемірнаго процесса не могутъ не быть въ согласіи между собою, то каждой категоріи (основному понятію) человѣческаго разума соответствуетъ какая-нибудь сторона природы или духовнаго міра. Поэтому для философскаго уразумѣнія природы, исторіи и т. д., не требуется особеннаго дара созерцанія, но требуется только, чтобы мы дали развернуться логическимъ категоріямъ своего разума. Развитіе этихъ-то категорій, въ извѣстномъ внутреннемъ порядкѣ, представляетъ въ то же время и порядокъ развитія въ природѣ, въ исторіи и т. д. и называется методомъ діалектическою или абсолютнымъ мышленіемъ. Гамсъ и Лассаль, приспособившіе Гегелеву философію къ правовѣдѣнію, и преимущественно къ исторіи права, могли перенять отъ исторической школы Савиньи „духъ народный“, отъ опредѣленія котораго они, въ противоположность Савиньи, не отказались, имѣя въ своей діалектической методѣ способъ подвести духъ каждаго народа подъ одну изъ категорій человѣческаго разума; діалектическое развитіе этой категоріи вмѣстѣ съ тѣмъ и выражаетъ

исторію права извѣстнаго народа, въ отдѣльныхъ ея моментахъ. Очевидно, что діалектическая метода, приспособленная къ правовѣдѣнію, имѣя своею цѣлью уловить духъ народный въ его сущности и въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, есть завершеніе исторической школы Савиньи¹. Но самое предположеніе, что исторія развивается по порядку извѣстныхъ категорій, разрушается вмѣстѣ съ метафизическими началами Гегелевой философіи.

Трудность и даже невозможность подвести духъ какого-нибудь народа подъ одну общую категорію, изъ которой діалектическимъ путемъ можно было бы вывести всѣ подробности, видна уже изъ того, что послѣдователи діалектической метода совершенно различно опредѣляютъ духъ одного и того же народа. Такъ, напримѣръ, Гансъ, видя духъ римскаго народа въ непрерывномъ противорѣчїи, въ борьбѣ между двумя противоположными принципами (всеобщности и индивидуальной свободы),

¹ Gans, *das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung*, 4 тома 1824—35. Lasalle, *das System der erworbenen Rechte*, 2 тома 1861. Изъ криминалистовъ можно сюда отнести Кестана, *Wendepunkt des deutschen Strafverfahrens*, 1849. Лассаль, въ противоположность Гансу и самому Гегелю, отрицаетъ ту философію права, которая видитъ свою задачу въ томъ чтобы выставить безусловные, нормальные типы права и государства; по его мнѣнію, философія права можетъ заниматься только историческими категоріями, то-есть тѣми ступенями, чрезъ которыя всемірный духъ проходитъ въ своемъ историческомъ развитіи у отдѣльныхъ народовъ. Такимъ образомъ философія права совпадаетъ съ строго-научною исторіей права: обѣ, по выраженію Лассала, другъ съ другомъ примиряются. Лассаль, исправляя такимъ образомъ Гегелеву систему въ ея метафизическихъ началахъ, признаетъ непреклонный характеръ только за категоріями, соответствующими природѣ и субъективному духу человѣка; съ другой стороны всѣ категоріи соответствующія объективному и абсолютному духу (праву, государству, религіи и т. д.) имѣютъ только относительное, переходящее значеніе, потому что на нихъ всегда отражается духъ извѣстнаго народа. При такомъ похвальномъ самоотверженіи, съ какимъ Гегелева школа отказывается, въ пользу исторіи, отъ своихъ безусловныхъ, непреклонныхъ категорій, остается еще неразрѣшеннымъ тотъ вопросъ, желаетъ ли и можетъ ли эта школа напередъ опредѣлить всѣ фазы (категоріи), по которымъ человѣчеству предстоитъ еще пройти въ исторіи; если же нѣтъ, то чѣмъ, въ такомъ случаѣ, будетъ отличаться исторія цивилизаціи основанная на Гегелевой системѣ, отъ всякой другой исторіи, которая тоже старается выискать въ идеи выработанныя отдѣльными народами и человѣчествомъ? Неужели только тѣмъ дешевымъ увѣреніемъ, что эти идеи суть проявленіе всемірнаго духа, а не продуктъ нравственнаго и умственнаго труда человѣка?

старается отыскать эту раздвоенность въ юридическихъ учрежденіяхъ Римлянъ; Лассаль же, приписывая римскому народному духу только одинъ принципъ, принципъ владычества индивидуальной воли, который онъ діалектически излагаетъ, приходитъ къ инымъ результатамъ. Діалектическая метода, будучи только игрою логическихъ понятій, хороша для того чтобы слѣдить за исторіей догматовъ и различныхъ направленій въ наукѣ права, такъ какъ всѣ они продуктъ человѣческой логики; но она далеко недостаточна для изложенія историческаго развитія какого-нибудь законодательства, съ котораго она вообще, въ ущербъ исторической истинѣ, можетъ снять только искаженную и блѣдную картину. Однимъ словомъ, духъ народный, составляющій зерно исторической школы Савиньи, а также историко-философскаго правовѣдѣнія подъ вліяніемъ Гегелевой системы, или остается загадкою, какъ у Савиньи, или превращается въ какую-нибудь логическую категорію, въ немогущую тѣнь, которая не имѣетъ ничего общаго съ реальными силами дѣйствующими въ исторіи.

Убѣжденіе въ несостоятельности объективнаго и абсолютнаго идеализма вызвало въ послѣднее время въ правовѣдѣніи направленіе болѣе естественное, отказывающееся отъ духа народнаго: оно считаетъ себя продолженіемъ и какъ-бы усугубленіемъ исторической школы, но основывается, собственно говоря, на совершенно другихъ философскихъ воззрѣніяхъ. Зародышъ и этого направленія мы находимъ у Савиньи, который, по невозможности опредѣлить духъ народный а priori, принужденъ былъ слѣдовать аналитической методѣ, и обращая вниманіе на связь юридическихъ учрежденій съ дѣйствительною жизнію народа, тѣмъ самымъ сближался съ методою естествоиспытателей.

Вмѣсто того чтобы принимать за источникъ права духъ народный, который все-таки неуловимъ, существуя лишь въ созерцаніи идеалистовъ, стали опять искать начало права въ человѣческой душѣ, но уже не въ голомъ человѣческомъ разумѣ, а въ человѣкѣ, окружаемомъ извѣстною обстановкой. Обстановка эта зависитъ отъ экономической дѣятельности человѣка, отъ общественной среды, въ которой онъ находится, отъ степени цивилизаціи этой среды. Образъ экономической дѣятельности человѣка, то-есть его стремленія добывать себѣ внѣшнія блага природы, непременно возла-

гаетъ на него извѣстную печать, извѣстный характеръ. Кромѣ того возникаютъ, частію вслѣдствіе различія экономической дѣятельности и происходящаго отсюда различія имуществъ, частію по другимъ причинамъ, группы, сословія, вступающія между собою въ борьбу. Итакъ, стремленія, встрѣчающіяся въ различныхъ видахъ въ каждомъ обществѣ, образъ и отрасли экономической дѣятельности, степень умственного, нравственного и религіознаго развитія составляютъ характеръ, духъ народа¹. Духъ народный, такимъ образомъ, скидаетъ маску неразрѣшимой загадки, онъ можетъ быть разобранъ аналитически при помощи общественныхъ наукъ, преимущественно политической экономіи и теоріи общества. Если же право (а это не подлежитъ сомнѣнію) имѣетъ своею цѣлю прочное осуществленіе стремленій и идей, развивающихся у извѣстнаго народа, то общественныя науки могутъ слѣдовать ключомъ къ уразумѣнію права каждаго народа. Стоитъ только исторически изслѣдовать отрасли экономической дѣятельности извѣстнаго народа, взаимное отношеніе и борьбу его сословія, преобладаніе тѣхъ или другихъ интересовъ, наконецъ степень его цивилизаціи въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Это новое направленіе, ставящее правовѣдніе въ связь съ общественными науками, тоже заслуживаетъ и уже подучило названіе исторической школы; но оно не есть только дополненіе послѣдней, а представляетъ собою новый видъ ея.

Выше было сказано, что воззрѣніе Савиньи на право вытекаетъ изъ объективнаго идеализма, въ особенности изъ того предположенія, что въ исторію, слѣдовательно и въ исторію права, проявляется какая-то высшая сила, часто до такой степени отаичная отъ стремленій отдѣльныхъ членовъ народа, что она, какъ-бы сверху, навязываетъ имъ извѣстный характеръ. Новое же направленіе исторической школы относитъ все, не къ народному духу, этой высшей, непонятной силѣ, но къ человѣческой душѣ, какъ она выходитъ изъ борьбы съ природою, изъ столкновенія и соединенія съ другими людьми. Поэтому новая историческая школа возвра-

¹ Уже Монтескье подразумѣваетъ подъ духомъ народнымъ (*esprit général d'une nation*) совокупность силъ дѣйствующихъ въ людяхъ и происходящихъ отъ климата, религіознаго, нравственнаго и умственнаго развитія. См. *Esprit des lois*. L. XIX, ch. 4.

цается къ исходной точкѣ Кантовой философіи. Кантъ, какъ извѣстно, разграничилъ (въ *Kritik der reinen Vernunft*) бластью идей, заключающихся въ человѣческой душѣ, съ областью познаній, почерпнутыхъ нами изъ вѣшняго міра; онъ доказалъ, что наши идеи служатъ только для того, чтобы привести въ порядокъ матеріалъ добытый опытомъ, а сами не могутъ расширить кругъ нашихъ свѣдѣній. Прилагая этотъ взглядъ Канта къ праву, мы должны сказать, что оно не содержитъ въ себѣ ничего, что было бы независимо отъ общественной обстановки окружающей человѣка. Всякое содержаніе, которое мы приписываемъ праву, мы вносимъ въ него извнѣ. Формулируя его, напримѣръ, какъ общее правило, по которому каждый долженъ согласовать свою свободу съ свободою другихъ, мы вносимъ въ него историческій элементъ, свойственный извѣстной степени цивилизации, такъ какъ у менѣе цивилизованныхъ народовъ свобода одного класса людей часто черезчуръ расширяется въ ущербъ другихъ классовъ.¹

Изъ писателей, отличившихся на этомъ новомъ поприщѣ, мы приведемъ только самыхъ важныхъ. Изъ политико-экономовъ упоминаемъ Штейна,—который въ своей теоріи общества разъясняетъ причины возникновенія сословій, ихъ борьбу, вліяніе преобладанія того или другаго сословія на государственныя учрежденія, а также на гражданское и уголовное право; но его нельзя не обвинить въ нѣкоторой односторонности, потому что онъ всѣ различія возникающія въ человѣческомъ обществѣ, даже религіозныя, относитъ къ различіямъ въ имуществѣ;—Рошера,—который въ своей системѣ политической экономіи вывелъ важнѣйшія учрежденія гражданского права изъ экономической дѣятельности человѣка;—Гаснера,—который въ своей системѣ политической экономіи

¹ Кантъ самъ, излагая философію права въ *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*, совершенно отступилъ отъ метафизическихъ началъ своей общей системы. Впрочемъ, разборъ этой непоследовательности не относится сюда; мы только замѣтимъ, что при оцѣнкѣ плодотворности извѣстной философской системы недостаточно рассмотреть ту философію права, которая написана была самимъ создателемъ метафизическихъ началъ этой системы, но прежде всего надобно убѣдиться въ последовательности самого философа, который по незнакомству съ правовѣдніемъ, легко впадаетъ въ заблужденіе. Это относится и къ Гегелю, какъ выше было показано.

посвящаетъ особенный отдѣлъ разсмотрѣнiю юридическихъ учрежденiй съ точки зрѣнiя политической экономiи, и вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ новый свѣтъ на ихъ классификацію, —наконецъ экономиста Россбаха. Изъ публицистовъ укажемъ на Гельди, автора замѣчательнаго и всесторонняго сочиненiя *Государство и общество*, томъ I, 1861; изъ энциклопедистовъ на Аренса; изъ цивилистовъ на Лейста и преимущественно на Данкварта. Данквартъ, разсматривая, съ помощiю политической экономiи, положенiя римскаго законодательства, доказываетъ, что оно обязано своимъ успѣхомъ на Западѣ своей цѣлесообразности для торговли и промышленности, но что съ другой стороны современные народы, далеко опередившия Римлянъ въ этомъ отношенiи, принуждены преобразовать римскiя положенiя, насколько они вошли въ составъ новыхъ законодательствъ. Но мы не можемъ вполнѣ отнести сюда извѣстное сочиненiе Игеринга *Духъ римскаго права*, хотя авторъ и называетъ свою методу естествоиспытательною. Игерингъ, стараясь указать на функцiю юридическихъ учрежденiй въ жизненномъ процессѣ народа, обыкновенно останавливается на половинѣ дороги, не будучи въ состоянiи, по незнакомству съ общественными науками, разъяснить отличительныя черты римскаго законодательства изъ общественнаго быта народа. Игеринга должно принимать за послѣдняго сторонника старой исторической школы правовѣдѣнiя.

Упрекали было это новое направленiе, которое можно назвать историко-физиологическимъ, въ какой-то наклонности къ материализму; говорили, будто право такимъ образомъ лишается своего нравственнаго содержанiя, превращаясь въ средство къ осуществленiю матеріальныхъ интересовъ, и будто правовѣдѣнiе и философія права окончателно поглощаются социальными науками. Но подобныя возраженiя неумѣстны. Если мы и утверждаемъ, что общественныя науки могутъ служить ключомъ къ уразумѣнiю положительнаго законодательства, то за правовѣдѣнiемъ все-таки остается собственная, независимая отъ нихъ область; ему надлежитъ обозначить предѣлы воли въ которыхъ экономическіе и общественные интересы могутъ быть осуществляемы. Начертанiе этихъ предѣловъ воли, la *pointe juridique*, есть особенная задача, которая не можетъ быть разрѣшена общественными науками; экономическіе и общественные интересы, для своего осуществленiя, уже пред-

полагаютъ существованіе предѣловъ, среди которыхъ воля отдѣльныхъ лицъ можетъ обнаруживаться. Съ другой стороны, и философія права не устрояется. Общественныя науки, на основаніи опыта и исторіи, доказываютъ, что между юридическими учрежденіями и между общественною обстановкой есть тѣсное взаимное отношеніе, но онѣ не могутъ рѣшить того вопроса, заключается ли въ человѣческой душѣ понятіе о правѣ, хотя и въ зародышѣ, съ самаго начала, ожидая только толчка снаружи для своего развитія, или же это понятіе порождается только подъ вліяніемъ общественныхъ потребностей. Подобные вопросы, а также общая связь между правомъ, нравственностью и религіей ускользаютъ отъ всякаго изслѣдованія на одномъ только основаніи внѣшняго опыта, а требуютъ философскаго разумнѣнія. Во всякомъ случаѣ эта новая историко-физиологическая школа разлагаетъ „духъ народный“ на его составныя элементы и замѣняетъ его жизненнымъ процессомъ народа, доступнымъ для научнаго изслѣдованія. Согласно этому направленію, и законодателю, лишь бы онъ ознакомился съ реальными силами дѣйствующими въ народномъ организмѣ, и человѣческой самодѣятельности, можно предоставить болѣе простора чѣмъ какъ думалъ Савиньи, старавшійся какъ можно болѣе ограничить вліяніе законодателя, изъ опасенія чтобъ онъ не посягнулъ на духъ народный.

Въ уголовномъ правѣ уже давно пришли въ тому убѣжденію, что односторонне-философскія и отвлеченныя теоріи о наказаніи далеко не достигаютъ своей цѣли, потому что одно и то же наказаніе, у разныхъ народовъ и въ разныя времена, можетъ дѣйствовать, то благотѣльно, то вредно. Криминалисты прибѣгаютъ къ опыту, къ статистикѣ; обращаютъ вниманіе на нравственное развитіе народа, на общественную обстановку, облегчающую или затрудняющую преступнику выходъ въ общество по совершеніи наказанія и т. п.; въ наукѣ же гражданскаго права, идея о духѣ народномъ долго препятствовала систематическому и всестороннему разсмотрѣнію связи между отвлеченными юридическими учрежденіями и дѣйствительною жизнью народа.

Тѣмъ болѣе должны мы отдать справедливость Савиньи что онъ, несмотря на объективный идеализмъ, отъ котораго исходилъ, часто, особенно въ теоріи объ обязательствахъ, пользовался, съ свойственною ему оригиналь

ностью, результатами политической экономіи. Такъ напримеръ отдѣлу о юридическомъ значеніи денегъ онъ предпослалъ политико-экономическое изложене, которое сдѣлало бы честь любому политико-эконому. Новая историко-физиологическая школа идетъ въ этомъ отношеніи по стопамъ Савиньи, систематически и сознательно завершая то, къ чему Савиньи, по своей геніальности, стремился инстинктивно.

Великій вождь правовѣдѣнія нашего столѣтія сошелъ съ поприща. Лучи истины, которые онъ сосредоточилъ какъ бы въ одномъ фокусѣ, теперь опять разсѣваются по разнымъ направленіямъ: есть юристы, которые исключительно занимаются собираніемъ историческихъ матеріаловъ; есть и такіе, которые все еще исходятъ отъ духа народнаго какъ метафизическаго начала; наконецъ есть такіе, которые въ юридическихъ учрежденіяхъ видятъ органы народнаго организма, разбираемаго съ помощію общественныхъ наукъ на его составные элементы. Этимъ дѣятелямъ, раздѣлившимъ между собою трудъ по одному и тому же предмету, не слѣдовало бы забывать, что они въ окончательномъ результатѣ должны возвратиться къ единству, которое такъ изящно выражалось въ историко-систематическихъ изслѣдованіяхъ Савиньи.

Справедливая и благодарная оцѣнка великихъ заслугъ Савиньи, возбудила мысль о сооруженіи ему памятника. Юридическое общество въ Берлинѣ, съ своей стороны, считаетъ наиболее приличнымъ выраженіемъ признательности юристовъ основаніе такого учрежденія, которое дадо бы возможность великому ученому дѣйствовать плодотворно и послѣ его смерти. Согласно этому, приступили къ составленію капитала подъ названіемъ „Savigny Stiftung“, съ цѣлью содѣйствовать процвѣтанію сравнительнаго правовѣдѣнія. Изъ средствъ этого учрежденія способнымъ ученымъ всѣхъ націй будетъ предоставляема возможность путешествовать въ чужихъ краяхъ, чтобъ ознакомиться съ юридическими учрежденіями разныхъ народовъ. Отличныя сочиненія по части сравнительнаго правовѣдѣнія будутъ удостоиваться премій. Кроме большинства германскихъ ученыхъ, многія юридическія знаменитости другихъ странъ обнаружили самое живое участіе къ этому общенародному дѣлу, которое въ истинномъ смыслѣ слова будетъ „monumentum aere perennius“.

ЮСИФЪ КЕНИГЪ.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЕ АРХІЕРЕЙ .

I. Начало раскола старообрядства.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписчики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибки переписчика дѣлались уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ-называемые „худые номоканонцы“ были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученія не только миряне, но и духовные путались во множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, не согласные съ древними греческими, не извѣстные въ южной, кievской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старинны сѣвернаго края. Таковы: сугубая амалуія, двуперстное сложе-

¹ Для удобства читателей, при второй половинѣ этой статьи, прилагаемой до слѣдующей книжки, будетъ приложена карта населеній раскольниковъ въ югозападной и средней Россіи, со славянскихъ австрійскихъ, турецкихъ и молдавскихъ.

ніе, ходы посолонь и пр. На сѣверѣ, то-есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, то-есть со времени раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины, московскую и литовскую, окончательно же утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ ¹. Ослабленіе связей съ Константинополемъ и потомъ полная, автокефальная независимость московской церкви, обусловливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла, между тѣмъ какъ литовская половина Руси до конца XVII столѣтія зависѣла непосредственно отъ цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образовалось раскола: до сихъ поръ въ Малороссіи и западномъ краѣ

¹ И. Д. Бѣляевъ такъ опредѣляетъ происхожденіе дуперстного сложѣнія, обряда, которому старообрядцы наши придаютъ особеннo важное, догматическое значеніе. „Дуперстіе распространилось въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси по случаю распространенія тамъ армянь-монофизитовъ. Отсюда, въ XV вѣкѣ, оно перекесено въ Новгородъ, и было усвоено многими, какъ оппозиція ереси Схаріи, или, такъ-называвшихся, „жидовствующихъ“. Затѣмъ Феодоритъ, ученикъ Св. Зосимы Соловецкаго, написалъ извѣстное Слово Феодоритово, вошедшее въ Стоглавъ. (См. День 1863, №№ 9 и 10.) Двойная алаалуія, другой важный, по мнѣнію старообрядцевъ, обрядъ пошелъ, какъ извѣстно, изъ Пскова, тоже въ XV столѣтіи. Во время архіепископа новгородскаго Геннадія (1485—1504), и двоили и троили алаалуію, какъ видно изъ слѣдующей отписки къ нему Дмитрія Старога (Дмитрія Толмача): „Господину преосвященному архіепископу Новгороду и Пскова владыцѣ Геннадію, слуга вашъ, святительства твоего Дмитрій Старой челоуъ бьетъ. Веаѣлъ еси, господице, отписати къ собѣ о трегубной ала или уіа высмотривъ въ книгахъ. Имо, господице, того и здѣсь въ книгахъ не описано какъ говорити трегубно ли, сугубно ли. Но мнѣ ся помнитъ, что и у насъ споръ бывалъ межъ великихъ людей и ницъ обоя одново осудили ала или уіа, и въ четвертое слава тебѣ, Боже являетя трипостасное божество и единосущнаго, а сугубное ала или уіа являетъ въ двѣ естествѣ едино божество. Имо, какъ глаголетъ челоукъ тоу мыслию тако добро. Азъ ил уіа толкуется: азъ—прииде, ил—явися, уіа—Богъ—пойте и хващите живаго Бога.—Инако толкуется: азъ ил уіа—хващите Богу или хващите Господа, или сущаго хващите, якоже и Давидъ вопіаше, глаголя: Богъ азѣ приидеть, Богъ нашъ не премолчать.“

расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванъ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ началѣ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантию съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ Мордвинъ, родомъ изъ села Вельдеманова¹, человѣкъ обширнаго ума и непреклонной воли, „собинный другъ“ царя Алексѣя Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, во что бы то ни стало исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ *Службеникъ*. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и попы, и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители старины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патриархомъ обнаружилось тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патриархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Маріи Ильиничны.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но не развитая, благочестивая, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованіемъ встрѣтила Никоновы „новшества“. Всѣ окружающіе ее, самые близкіе къ ней люди, недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Старикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери—Морозова и княгиня Урусова, самыя любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по

¹ Нижегородской губерніи, Клягичинскаго уѣзда, на горѣ Тяпкиной.

воспитанію¹; вся родня ея, то-есть, Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старины. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильиничны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о „новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ,“ обрядахъ. Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были однихъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стали царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго Кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало участія. Со времени изданія *Служебника*, Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ полился расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы, изъ всѣхъ заставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколоучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту—въ Суздаль, Аввакума—въ Юрьевцѣ, Лазаря—въ Романовѣ, Даниила—въ Костромѣ, Логгина—въ Муромѣ, Никифора—въ Симбирскѣ, Андрея—въ Коломнѣ, Серапіона—въ Смоленскѣ, Варлаама—въ Псковѣ и проч. По селамъ приобыхшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленные книги на клиросахъ, и не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по-старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ перемѣны. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ быть принятъ. Въ монастыряхъ служили по-новому, въ приходахъ по-старому. Народъ, видя такую разнь, соблазнялся. И пошли толки. Между тѣмъ монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы „ему ослушны: по новымъ книгамъ, его исправленія, службы Божіей

¹ Изъ нихъ Алексѣй Прокофьевичъ вмѣстѣ съ Циклеромъ казненъ Петромъ 1, Морозова и кн. Урусова удержали въ Боровскѣ въ тюрьмѣ, гдѣ содержались за расколъ.

въ приходныхъ церквахъ не поють.“ По такимъ доносамъ начались розыски: съ поповъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ брали денежные пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началъ, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патриаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая что страдаютъ за правду, за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за „старую вѣру“, укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи воли святѣйшаго Никона. А между тѣмъ изъ Москвы, изъ палатъ и хоромовъ политическихъ враговъ патриарха, бывшаго тогда почти полновластнымъ правителемъ государства неслись по сельщизнѣ и деревенщизнѣ недобрыя вѣсти: „Никонъ старую вѣру рушить.“ И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, русскій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объясняетъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности недѣльны, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никономъ.

Откуда эти „новшества“? Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творить онъ? Такіе вопросы, двѣсти лѣтъ тому назадъ, задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, діаволь, всегда искій кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіянскому. А за нимъ—папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и Великоруссы и Южноруссы были страшно озлоблены противъ Поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ Кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи Южноруссовъ и Бѣлоруссовъ въ унию. Малороссія только-что поддавалась „подъ высокую руку“ православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ

побѣдомосно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильно и Гродно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданіи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состояніи. Всякое зло приписывалось ненавистнымъ Полякамъ и козьямъ римскаго двора и іезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненіями, писанными въ литовской Руси съ цѣлю охранить православіе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятіямъ, заѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мірѣ другой ереси не было. И пустиаи враги Никона по народу слухъ неаѣный, но за то быстро распространившійся отъ Днѣпра до Байкала и повсюду принятый за истину, не требующую доказательства. „Поляки да римскій костелъ, чрезъ врага Божія Никона, хотять замутить русскою землею.“ И пошла по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мірская молва, что по морю морская волна. И было много смятенія въ людяхъ.

„Православный государь за многія неправды польскаго короля и пановъ рады и всея рѣчи посполитой, съ помощію Божіею, и своимъ государевымъ счастіемъ отмщеніе чинить и храбрствомъ своимъ, добротствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и по томъ христіюбиваго воинства, православныя церкви отъ предеевнаго папежскаго насилія боронить; — а на Москвѣ сидитъ Мордвинъ и всемъ царствомъ мутить, держа руку государевымъ злодѣямъ и послѣдую богоотметному римскому костелу.“ Такъ говорили въ Московскомъ государствѣ.

„Яко новый Иуда и святыхъ православныя вѣры догматы отметникъ, Исидоръ митрополитъ зломудренный, на злочинномъ флоренскомъ соборѣ латинскую ересь прія и римскому папежу любезно прилѣпился; яко бѣсовскій сынъ и страдникъ Игнатій Грекъ, во дни растригины на патриаршемъ престолѣ бывшій и Божіимъ попущеніемъ, врага же человѣческаго діавола дѣйствомъ, жезлъ святителя Петра въ скверной рудѣ своей державшій, пагубному костелу и зловѣрнымъ езуитамъ, тако же и папежу римскому себѣ предаде; — тако и сей многоматежный Никонъ, смутитель россійскія земли, латинскую, Богомъ ненавидимую ересь прія, къ римскому костелу прилѣпился, повелѣнія зломудраго папежа творяи, проклятаго папы Формоза и сына погибельнаго Петра Гутниваго

преданія соблюдаютъ, крайнюю лѣсть богомерзкаго латинскаго ученія... въ людяхъ Московскаго государства проповѣсть, хотяи всѣхъ православныхъ христіанъ широкими путями пространнаго житія въ кромѣшную бездну адову ко отцу своему діаволу привести.“ Такъ говорили на Москвѣ, такъ говорили по городамъ, по селамъ, по деревнямъ.

„Никонъ, толковали, приѣмшій латинскій (четвероконачный) крѣзь, ругаяся истинному, святому и животворящему кресту Господню, трисоставному, осмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своими ногама ежечасно попираетъ святое знаменіе, его же бѣси трепещуть и еже вселенную утверди.“

„Никонъ, говорили, отметнувъ святыи жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ нуждную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ зміи антихристови нѣмецкою хитростію устрои, и егда свою литургію богоотметную служить, благочестивые и хриstopодражательніи людіе во очію зрятъ, яко не святыи омофоръ, но нѣкій мерзкій и претрашный, чермный зміи на плечахъ его висить, ползая и трегощуще.“

Таковы были народныя толки о Никонѣ.¹ И раздался по городамъ и селамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, тотъ самый ясакъ², который лѣтъ сорокъ до того „воздвигъ отъ сна уснувшихъ“, по выраженію Минина³. Ясакъ тотъ былъ: „погибаетъ вѣра православная!“ Еще живы были старики, что въ юности порадили дѣлу земскому ходили съ Кузьмой Захарьевичемъ, да съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ очищать Москву „отъ польскихъ людей и отъ русскихъ воровъ“. „На то ли мы боронили святоотеческую, православную церковь, говорили они теперь,—чтобы съ Никономъ отступникомъ зловѣрію послѣдовать и впадше въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесами погибнуть?“ Противленіе патриарху до того дошло, что не только по многимъ церк-

¹ Все это буквально взято изъ раскольнической рукописи *Пореченія на новилаленскаго Арія, Несторія же и Диоскора, рекше Никона патриарха*. Рукопись въ восьмьюшку, 152 страницы, безъ конца, новаго письма, вышедшаго столѣтія; но она, по всему видно, списокъ съ сочиненія современнаго Никону. Рукопись, какъ видно изъ надписи, принадлежала какому-то Тарасу Колюсову.

² Клакъ.

³ *Ельнинскій хронографъ*. См. *Отеч. Записки* 1842, № 7.

вамъ царствующаго града Москвы, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ, священники и причетъ не переставали служить по-старому, по-Иосифовски. При самомъ служеніи патриарха въ этомъ храмѣ, священникъ Иванъ Нероновъ не допускалъ чтецовъ трюить аллилуію и много разъ споривалъ о томъ съ самимъ Никономъ, къ явному соблазну богомольцевъ. Нероновъ былъ въ милости при дворѣ, и Никонъ въ то время еще не рѣшился строго поступить съ нимъ¹. „И мнози, говоритъ одинъ изъ извѣстѣннѣйшихъ раскольническихъ писателей, яко отъ священныхъ, тако и отъ мирскихъ, о того (Никона) новинахъ смущахуся, и великія молвы и мятежи въ Россійской земли совершаху².“

А между тѣмъ чума ходила по Россіи и были повсемѣстные неурожаи. Страшная была гибель народа. Мы, современники холеры, не можемъ вполне представить всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось моровое повѣтріе 1654 года. Города опустѣли; посадскіе люди и крестьяне, которые не умерли, разбрелись врознь. Хоронить было некому; трупы гнили въ домахъ; иныя деревни вымерли поголовно.³ Поля остались не засѣянными, кустарниками поросли. Оттого голодъ пошелъ, и на все непомѣрная дороговизна. Народъ молился, женщины по ночамъ таинственно опахивали селенія, мужчаны по обѣту строили „обыденныя“ церкви, обрѣтались чудотворныя иконы и, какъ гласятъ благочестивыя преданія, избавляли цѣлыя города отъ мора. Народъ страдалъ и всю бѣду сваливалъ на того же Никона. „То—Божіе наказаніе, говоритъ онъ, за то, что многіе христіане, посѣдуя за Божіимъ врагомъ, отринули святоотеческіе заветы и преданія.“ Стояли необычайные морозы, были страшныя бури, градомъ выбивало поля, а на небесахъ то-и-дѣло видимы бывали знаменія: столпы кровавыя ходили, солнце меркло, явилась огромная звѣзда съ метлой... „Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Вышній фіалъ ярости своея, грѣхъ ради нашихъ. А за то всеблагій Творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистой Богородицы—волка Никона!“

И малая доля подобныхъ толковъ проникая въ крестовую

¹ Семени Денисова *Россійскій Виноградъ. Повѣсть о Никонѣ патриархѣ.*

² Тамъ же.

³ Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря.

патріаршую палату могла бы смутить всякаго, носившаго жемчужныхъ херувимовъ на головѣ и бархатную мантию на плечахъ, но не таковъ былъ Никонъ. Онъ, ужь по природѣ своей, никакъ не могъ своротить съ разъ избраннаго пути, никакъ не могъ сдѣлать какой-либо уступки, словомъ, ни одного шага назадъ. Препятствія лишь усиливали его энергію, и онъ, писавшійся „*Божією милостію* патріархомъ“, всѣмъ объемомъ души вѣрилъ въ свое божественное право учить и повелѣвать. За отсутствіемъ царя, онъ правилъ государствомъ, и передъ нимъ, вельдемановскимъ Мордвиномъ, крестьянскимъ сыномъ, волей-неволей преклонялись гордые, заносчивые, родословные люди Московскаго государства. Боярская дума думала такъ какъ хотѣлось Никону. Во всѣхъ приказахъ творилась его воля; для непокорныхъ же—тюремъ и застѣнковъ было не занимать стать. Врачь душевный каралъ тѣлеса и каралъ тяжко. Непокорные попы томились въ ссылкахъ или въ монастырскихъ поварняхъ и погребахъ съ цѣпями на шеѣ. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполне безопасною. Здоровье ея сильно разстраивалось.

Никонъ счелъ нужнымъ строго, властію всей церкви, утвердить исправленный обрядъ. По правиламъ, это возможно было лишь посредствомъ помѣстнаго собора. Собору же быть безъ воли и личнаго присутствія государя, по тѣмъ же правиламъ и всѣмъ бывшимъ примѣрамъ какъ въ русской такъ и въ византійской церкви, нельзя. А государь все въ Литвѣ. И невольно медлилъ Никонъ, досадуя, давя волю гнѣву, и въ то же время, постясь, молясь и нося тяжелыя вериги, умерщвляя плоть свою. Въ это время онъ начиналъ уже дѣятельную переписку съ восточными патріархами. Объ уступкахъ, о снисхожденіи, объ умиреніи народа патріархъ не помышлялъ: онъ презиралъ народъ и его желанія не меньше чѣмъ въ послѣдствіи Петръ.

Какъ скоро Алексѣй Михайловичъ воротился въ Москву, Никонъ созвалъ соборъ русскихъ архіереевъ (1656) еще разъ утвердившій новоисправленный обрядъ, приравнявшій дуперстіе къ ересямъ несторіевой и армянской и проклявшій крестящихся двумя перстами¹. Тогда же, для повсемѣстнаго прекращенія службы по-старому, Никонъ приказалъ по всѣмъ

¹ Скрижаль I—д. 11, на обор.

приходамъ, и городскимъ, и сельскимъ, отобрать старыя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду примѣръ патриарха Филарета, не только повсюду отобравшаго, но даже и сжегшаго *Уставъ*, напечатанный въ Москвѣ въ 1610 году. Но что удалось царскому отцу, не прошло благополучно при сынѣ вельдемановскаго крестьянина. Двуперстники на соборную аналою отвѣчали аналою, а разосланнымъ для отобранія старыхъ, свято чтимыхъ книгъ „по многимъ городамъ и селамъ не отдавали, и служить по нимъ не переставали.“ Посланные мѣстами прибѣгали къ насиліямъ; бывали драки и даже увѣчья изъ-за книгъ, а изъ нѣкоторыхъ церквей мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги, и какъ драгоценность, уносили съ собой въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго Сѣвера. До крайности крутая мѣра отобранія старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрясла всѣхъ, а особенно людей простыхъ. „Какъ же, говорили они,—вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ божественную службу правил, вѣдь по этимъ книгамъ святыя тайны совершали и насъ освящали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ книгамъ святыя отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали! Кто же правѣе, кто же святѣе: святыя отцы и преподобные или Никонъ?“ Вразумлять такъ говорившихъ, что таинство и души человѣческія освящаются не внѣшнимъ обрядомъ, и не старыми или новыми книгами, а вѣрою и благодатію, что исправленіе обряда необходимо—было совершенно невозможно. Простые сердцемъ и не книжные люди этого не понимали, да и понять не могли. Что же вышло? Всѣ люди набожныя, всѣ люди преданные церкви уклонились отъ Никона и образовали *расколъ*. Сюда принадлежало преимущественно простонародье, особенно женщины. Напротивъ люди болѣе или менѣе равнодушные приняли все введенное Никономъ. Сюда принадлежало большинство людей высшихъ классовъ тогдашняго общества. Не легко было и имъ переучиваться креститься: по привычкѣ, усвоенной съ младенчества правая рука все складывала для крестнаго знаменія два перста, но понемногу эти люди приобрѣли навыкъ креститься по-новому.

Никонъ въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на авторитетъ восточныхъ православныхъ патриарховъ и надѣялся на нихъ, какъ на каменную стѣну. Но люди Московскаго государства Грековъ ставили ни во что. Въ XVII столѣтіи патриархи,

митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческіе то и дѣло къ намъ ѣздили: привозили они четки іерусалимскіе, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины, и въ замѣнъ того получали червчатые бархаты венецейскіе, дорогіе аксамиты и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Чтобы получить побольше милостыни отъ набожнаго царя и благочестивыхъ его подданныхъ, Греки возбуждали ихъ къ большей щедрости преувеличенными нерѣдко разказами о паденіи православія на Востокѣ. „Отъ тѣсноты и гоненія агарянскаго, говорили они, померче православія свѣтъ на Востокѣ; только во единой Москвѣ, семь третіемъ Римѣ, истинная вѣра сіяетъ яко свѣтило.“ Такія рѣчи приходились русскимъ людямъ по сердцу; онѣ льстили народному самолюбію. Иные Греки говорили: „къ вамъ въ Москву надо ѣздить учиться благочестію“. Это еще болѣе радовало Русскихъ и прибавляло хорошіе лишки къ милостынямъ, подаваемой „раззореннымъ Грекамъ“. Но уважать Грековъ не уважали. Слова: „суть же Греци льстивы (то-есть обманщики) до сего дня“ со временъ преподобнаго Нестора не выходили изъ сознанія русскихъ людей. Бывавшіе въ Москвѣ греческіе патріархи и митрополиты (1649—1654)¹ видя рознь московскихъ обрядовъ съ греческими, не одобряли ее и совѣтовали Никоноу поскорѣе приступить къ рѣшительному исправленію. Аѳонскіе старцы тоже говорили, что московскій обрядъ не хорошъ и жгли книги московской печати. Русскій народъ не слушалъ ни патріарховъ, ни аѳонскихъ монаховъ, за то послушалъ старца Арсенія Суханова, своего Русскаго, посланнаго царемъ и Никономъ на Востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ все, что видѣлъ, описалъ въ своемъ *Проскинитаріи*, и списки съ этого сочиненія быстро разошлись въ народѣ. Въ немъ русскій паломникъ описалъ всѣ несходства обряда греческаго съ нашимъ, но еще болѣе описывалъ небреженіе Грековъ къ обряду. А для русскихъ людей это больше всего значило. Равнодушіе Грековъ къ памятникамъ святыни, сообщенія ихъ съ ино-вѣрцами, несоблюденіе постовъ въ томъ строгомъ видѣ, въ какомъ установились они въ послѣднее время у насъ на Сѣверѣ,

¹ Паисій, патріархъ іерусалимскій, въ 1649 г.; Гавриилъ, митрополитъ назаретскій, въ 1652; Аѳанасій, патріархъ константинопольскій, въ 1653; Макарій, патріархъ аятіохійскій, и Михаилъ, патріархъ сербскій, въ 1654 г.

странная для московскаго глаза одежда духовныхъ лицъ и самихъ монаховъ, ношеніе мірянами европейскаго платья— все это до глубины души возмущало Суханова, и онъ съ наивностію стариннаго паломника записать свои впечатлѣнія. Особенно поразило нашихъ предковъ, когда они прочитали у Суханова о Гречанкахъ. На Москвѣ женщины были особенно набожны и приходили въ церковь не иначе какъ подъ фатой и становились особо отъ мужчинъ. Гречанки же, по словамъ Суханова, „ходятъ по-франкски (то-есть по французской модѣ), рубашекъ не застегиваютъ, груди всѣ голы, вся шея до сисекъ нага и держатъ шею и сиськи чисто гораздо, якобы для прелести. И тако ходятъ не токмо жены, но и дѣвицы. И женятся Греки у Франковъ и Франки у Грековъ ¹.“ Это на московскіе глаза было самою страшною ересью и самымъ сильнымъ развратомъ. Никогда не пользовавшіеся добрымъ мнѣніемъ нашихъ предковъ, Греки, съ появленіемъ Сухановскаго *Проскинитарія* упали еще ниже. Въ то же время узнали на Руси, что многіе Греки признали главенство папы римскаго, что изъ самихъ константинопольскихъ патріарховъ иные склонялись къ латинству, что въ Константинополѣ нѣкоторые Греки уклонились и въ кальвинство. Еще двадцати лѣтъ не минуло, какъ тамошній патріархъ Кириллъ Лукарисъ, явный протестантъ, былъ утопленъ Турками. И не только въ западной Руси, въ самой Москвѣ явились было кальвинисты послѣдователи Лукариса. Хотя дѣло объ этомъ ведено было въ большомъ секретѣ, однакоже слухъ о патріархѣ-кальвинистѣ ходилъ по Москвѣ ².

„У Грековъ вѣра пестра, говорили двуперстники: по взятіи турскимъ салтаномъ Царьграда православіе у нихъ погибло, и они теперь, подъ личиною православія, содержатъ ереси латинскую, кальвинскую и армянскую.“ „А Никонъ къ намъ хочетъ вводить сію пеструю вѣру!“ говорили другіе. И когда указывали имъ на восточныхъ патріарховъ, сѣдящихъ на апостольскихъ престолахъ, что и они содержатъ тѣ самые обряды, которые Никонъ теперь

¹ Арсеній Сухановъ *Проскинитарій*. Описаніе острова Хіо.

² Дѣло о послѣдствіяхъ уклоненія Лукариса въ кальвинство до сихъ поръ, кажется, запечатано, хотя и миковали уже два вѣка послѣ его производства.

велѣлъ на Москвѣ исполнять, что эти патріархи вполне одобрили новыя книги—слушать ничего не хотѣли двуперстники, начитавшіеся *Проскинитарія*, и отвѣчали увѣщателямъ: „знаемъ мы тѣхъ патріарховъ, знаемъ мы какъ они съ богомерзкими Турками съ одного блюда мясо ѣдятъ.“ А тутъ Аввакумъ - протопопъ изъ заточенія разсылаетъ грамотки; двуперстники переписываютъ ихъ въ сотняхъ экземпляровъ. И говоритъ Аввакумъ въ слухъ всей Россіи: „мудры б—ны дѣти Греки; да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленыя курки, а Русачки миленькіе не такъ: въ огонь полѣзутъ, а благовѣрія не предадутъ!¹“

Задавали себѣ русскіе люди, ревнители старины и стараго обряда, вопросъ: православны ли Греки? и всегда почти рѣшали такой вопросъ отрицательно. Вѣдь сами же Греки сказывали, что имъ надо ѣздить въ Москву учиться православію, а теперь сами хотятъ насъ учить.

„Сказываютъ, толковали на Руси и въ домахъ, и на базарахъ, и на другихъ многолюдныхъ собраніяхъ,—сказываютъ, что и крещены-то Греки не въ три погруженія, а обливаны, какъ обливаютъ въ римскомъ костелѣ. И крещеніе такое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. И въ черкасскихъ городахъ (Малороссіи) тоже обливаютъ, и въ Кіевѣ водится тоже ересь, и у Бѣлорусцевъ, а все отъ того, что тамошніе люди всегда были подъ греческимъ цареградскимъ патріархомъ, а не подъ нашими, православными. Оттого святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, и велѣлъ крестить Бѣлорусцевъ совершенно².“

¹ Аввакумъ: *Второе посланіе къ Симеону*.

² Ложный слухъ о полувательномъ крещеніи у Грековъ введенъ былъ поздѣе въ самый *Проскинитарій* Арсенія Суханова безпоповцами, что много послужило къ распространенію между русскими старообрядцами убѣжденія, будто Греки не имѣютъ правильнаго, въ три погруженія, крещенія. Старообрядецъ, авторъ написаннаго въ 1861 году сочиненія: *Сказаніе о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древлеправославной церкви священной іерархіи и утверженіе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*, такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: „Есть выпущенная тетрадь, въ видѣ отрывка Арсеніева въ путешествіи описанія, въ которой доказывается, что якобы Арсеній видѣлъ обливательное крещеніе у Грековъ, но это совершенная ложь; ибо оная тетрадь, какъ мы безсомнительно дознались, сочинена поморскими безпоповцами съ такою цѣлю, чтобы поддержать свою, на песокъ основанную, секту. Чего въ подлинной книгѣ Арсеніева путешествія, которую мы сами отъ перваго даже до послѣдняго листа съ великимъ прилежаніемъ изсаждовали, отнюдь не обрѣ-

„Вездѣ нарушена вѣра православная, только въ Московскомъ государствѣ до дней нашихъ стояла она твердо и сіяла яко солнце. А теперь и у насъ врагъ Божій Никонъ хочетъ ее извести...“— „Что же это значитъ? Къ чему все это идетъ?“ спрашивали грамотеевъ скорбные, упавшіе духомъ люди. Грамотеи раскрывали свято почитаемую народомъ и опороченную Никономъ *Книгу Вѣры*, собирали вокругъ себя кружки, и возгласивъ: „внемлите православные,“ такъ читали и толковали:

„По тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова бысть развязанъ Сатана, и Римъ отпаде со всѣми западными церквами отъ восточныя церкви. Въ 595 лѣто по тысящи жители въ Малой Руссиі къ римскому костелу приступили и на всеи воли римскаго папы, заручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіянъ отъ восточныя церкви. Егда же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто бы отъ преже бывшихъ виныи нѣкаковаго не пострадати и намъ.“

Роковой годъ приближался. Число 666 есть число апокалипсическаго звѣря... Не родился ли въ лицѣ Никона антихристъ? Такой вопросъ возникъ у двуперстниковъ и былъ рѣшенъ положительно. Возненавидѣли Никона всѣ отъ малодо велика и не было ему другаго имени, какъ врагъ Божій да антихристъ. А онъ строилъ себѣ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ съ боярами, поссорился и съ царемъ. Самовольно оставивъ престоль святителя Петра, засѣлъ онъ въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ и ни шагу въ Москву. Между тѣмъ расколъ церковный съ каждымъ днемъ развивался болѣе и болѣе. Государь то и дѣло изъ всѣхъ концовъ царства получалъ челобитныя на Никона съ просьбою возстановить нарушенный имъ обрядъ. Двуперстники твердо были увѣрены, что долго созываемый соборъ для суда надъ Никономъ, отвергнетъ его „новшества“. Соборъ какъ нарочно собрался въ роковомъ 1666 году. Никонъ былъ осужденъ, но всѣ распоряженія его по исправленію обряда одобрены и утверждены, а ревнители старин-

тается; нѣтъ сего и во всѣхъ списанныхъ съ оной у многихъ частныхъ лицъ находящихся книгахъ. Сверхъ того, тетрадь, доказываая время и мѣсто Арсеніева самовидѣнія, сама открываетъ подлогъ, ибо по описанію еминимъ Арсеніемъ путешествія его съ означеніемъ времени и мѣста, когдѣ и гдѣ находился, онъ въ то время тамъ вовсе не былъ“. Подлинникъ *Прскинитарія* находится въ бібліотекѣ Троицко-Сергіевой лавры.

преданы анаѳемѣ... „Погибло православіе!“ завопилъ народъ, ревностно преданный старинѣ. И былъ стонъ и плачь по селамъ и деревнямъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ. Стали ждать съ часу на часъ трубы архангела. „Міръ кончается, антихристъ явился, близокъ часъ страшнаго суда Христова!“ говорили повсюду. При такомъ настроеніи умовъ окончательно совершился въ русской церкви *расколъ старообрядства*.

III. Первая мысль исканія архіерейства.

На сторонѣ противниковъ Никона, ревнителей упраздненнаго въ господствующей церкви обряда, оказались не исключительно одни бѣлые священники, были и монахи, были даже архіереи. Таковы, по сказаніямъ раскольниковъ, были: Макарій новгородскій († 1663), Маркелъ вологодскій († 1656), Александръ вятскій († 1679) — три іерарха сѣверной части Великой Россіи, гдѣ первоначально появились, дольше употреблялись и сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь укрѣпились обряды, отвергнутые Никономъ и проклятые соборомъ 1667 года. Изъ названныхъ архіереевъ дожилъ до этого собора одинъ только Александръ. Онъ былъ призванъ къ соборному суду, раскаялся въ своемъ заблужденіи, былъ принятъ въ общеніе съ церковью, но черезъ семь лѣтъ опять пошелъ по старинѣ, самовольно оставилъ вятскую кафедру и удалился въ пустыню, подлѣ Сольвычегодска. Не видно однакоже изъ письменныхъ памятниковъ того времени, какъ церковныхъ такъ и раскольничьихъ, не сохранилось и въ преданіяхъ, чтобъ архіереи новгородскій, вологодскій и вятскій при самомъ началѣ раскола поставили для старообрядцевъ желаемаго ими архіерея.

Болѣе явно, болѣе гласно воспротивился Никону епископъ Павелъ коломенскій. Онъ былъ землякъ Никону и у нихъ были старые между собою счеты. Подъ соборнымъ постановленіемъ 1654 года (при изданіи *Службника*), Павелъ написалъ слѣдующій протестъ: „аще кто отъ обычныхъ преданій святыхъ каѳолическія церкви отыметъ или приложитъ, или инако развратитъ, анаѳема да будетъ.“ Никонъ увлекся: осудилъ личнаго врага своего, безъ собора, и сослалъ его въ монастырь Палеостровскій, что на берегу Онежскаго озера.

Имѣли старообрядцы поповъ довольно, но не было у нихъ архіерея. Отдѣлясь отъ господствующей церкви не изъ-за

догматовъ, не изъ-за формъ церковной администраціи, а лишь изъ-за обряда, они признавали, согласно православному ученію, что въ истинной церкви, которая, по слову Спасителя, будетъ стоять до скончанія міра, необходимо нужны три чина іерархіи: епископскій, іерейскій и діаконскій, съ преемственнымъ отъ самихъ апостоловъ рукоположеніемъ. Необходимость имѣть архіерея была для нихъ крайне чувствительна. Потому приходившіе къ Павлу въ палеостровское заточеніе, для сообщенія и ради благословенія, старообрядцы - двуперстники просили его о посвященіи имъ архіерея. Видно, Палеостровскій монастырь вовсе не былъ такою крѣпкою тюрьмой, какою представляютъ его нѣкоторые раскольническіе писатели, разказывая о темничномъ заточеніи страдальца Павла. Къ нему имѣли свободный доступъ. Онъ поучалъ приходящихъ, приказывалъ имъ свято хранить преданія и крѣпко держаться Іосифовскихъ книгъ и старыхъ обрядовъ, поддерживалъ въ нихъ ревность къ старинѣ, ненависть къ Никону и его „новшествамъ“, но вопреки нѣкоторымъ позднѣйшимъ сказаніямъ, рѣшительно отказывался отъ посвященія не только архіерея, но даже и священника.

— Какъ же мы сохранимся въ благочестіи, владыко святыи? говорили Павлу, слезно рыдая, ревнители стараго обряда. — Какъ же мы сохранимся въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, понеже ни одинъ архіерей, подобенъ тебѣ остался? Всѣ они (архіереи) волею и неволею Никоновы книги и новые чины приахъ. Посвяти намъ епископа правовѣрнаго.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Павелъ, — не могу сего сотворити, понеже хотя безвинно осужденъ есмь, самому же ся отмстити не повелѣно. Уже праведный судія Христосъ, Богъ нашъ, будетъ насъ съ Никономъ судить.

— Но какъ же намъ быть бѣзъ епископа, владыко святыи?

— Поищите отъ епископовъ, отвѣчалъ палеостровскій заточенникъ: — хотъ они и подписалися Никоновы преданія хранить, но еще благодать Божія, по нуждѣ, за преступленіе, отъ нихъ, до времени, не отступила.

Много и неустанно молили Павла старообрядцы, но онъ оставался непреклоннымъ. Безъ сомнѣнія, самъ Павелъ не воображалъ какъ далеко зайдетъ расколъ церковный въ послѣдствіи. Слѣдуя его совѣту, двуперстники искали кого-либо изъ великороссійскихъ архіереевъ, который бы пошелъ къ

нимъ, или бы согласился посвятить для нихъ особаго епископа, но „сего сдѣлать, лютаго ради гоненія, не могоша.“¹ Такъ и умеръ Павелъ, не поддавшись на многія и частыя прошенія приходившихъ къ нему старообрядцевъ.

Въ 1667 году московскій соборъ предалъ непокорныхъ господствующей церкви двуперстниковъ анаемѣ; они на анаемѣ отвѣчали анаемой. Дѣло зашло уже слишкомъ далеко, такъ далеко, какъ не думали и не предвидѣли первые поборники стараго обряда, толковавшіе о Никоновыхъ „новшествахъ“ въ боярскихъ хоромахъ и въ теремахъ царицы Маріи Ильиничны. Примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Отлученные отъ церкви хорошо понимали, что имъ уже нѣтъ возврата въ ея нѣдра. Но такъ какъ они не отвергали ни

¹ Иона Курносый. Рукопись XVIII ст. въ 8-ку.—Отсюда взятъ буквально разговоръ старообрядцевъ съ Павломъ Коломенскимъ. Въ дальнѣйшемъ разказѣ разговоры заимствованы мною также буквально изъ сочиненія Ионы. Иона Курносый, раскольническій писатель поповщискаго толка, жилъ во второй половинѣ XVIII ст. въ Комаровскомъ скиту (верстахъ въ 25 отъ города Семенова, подлѣ деревни Елафиновой), основанномъ раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ сюда, на Керженецъ, изъ Тверской губерніи. Въ этомъ скиту была мужская обитель, въ которой въ половинѣ прошлаго вѣка былъ настоятелемъ старецъ Ефремъ; въ его-то обители и жилъ Иона, одинъ изъ самыхъ умныхъ и вѣстныхъ старообрядцевъ того времени. Въ Комаровѣ крѣпко держались правила, чтобы приходящихъ отъ великороссійской церкви поповъ и мірянъ принимать *сторымъ чиномъ* т. е. посредствомъ муропомазанія. Хотя „діаконовщина“, требовавшая отъ приходящихъ только „исправы“ и „проклятія ересемъ“ (пріемъ *третьяго чиномъ*), возникла здѣсь же на Керженцѣ отъ Александра-діакона, казненнаго въ мартѣ 1720 году въ Нижнемѣ, однако послѣдователей этого толка мало осталось здѣсь: послѣдователи его почти всѣ ушли въ Стародубье; на Керженцѣ же оставались немногіе въ Оленевскомъ скиту, гдѣ и держались даже до 1853 года. Иона Курносый былъ ревностный приверженецъ ученія „перемазыванія“ и на московскомъ соборѣ поповщины, бывшемъ въ 1779 году и окончательно утвердившемъ это правило, крѣпко стоялъ за него (Амд. Иона. Журавлева *Ист. изв. о раскольникахъ*, стр. 321 и слѣд.). Онъ написалъ для этого собора *Исторію о бѣстующемъ селѣнствѣ* и другія сочиненія. Его *Исторію о бѣстующемъ селѣнствѣ* не должно смѣшивать съ сочиненіемъ Ивана Алексѣева подъ тѣмъ же названіемъ. *Исторія о бѣстующемъ селѣнствѣ* Ионы Курносаго напечатана Г. В. Есиповымъ въ приложеніяхъ ко второму тому *Раскольничьяго дѣла XVIII столѣтія*, гдѣ однако не означено почему-то имя автора. Рукописная исторія Ионы Курносаго, та самая, что напечатана Г. Есиповымъ, 20 іюля 1799 года была представлена казанскимъ архіепископомъ Амвросіемъ (см. дѣло московскаго губернскаго архіепископа старыхъ дѣлъ 1799 г. № 181, 171, на 29 листахъ). У Г. Есипова не

догматовъ, ни правилъ православія, ни уставовъ церковныхъ, дѣйствовавшихъ до Никона, и только нѣкоторые обряды вѣшняго богочтенія совершали по старинѣ, по-Іосифовски, то естественно должны были озаботиться о полнотѣ священнаго чина въ своей церкви, которую считали единою истинною и православною. Въ священникахъ на первый разъ недостатка у нихъ не было: бѣлаго духовенства уклонившагося въ расколь, при самомъ началѣ его, было довольно; но гдѣ же взять епископа, который бы рукополагалъ имъ новыхъ священниковъ, освящалъ миро и антимины, судилъ духовныя дѣла и правоправилъ клиромъ и церковью?

Въ первое время послѣ анафемы, провозглашенной въ московскомъ Кремлѣ на непокорныхъ дуперстниковъ, заботы

достаетъ конца исторію Іоны Курмосаго. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ *Письмо соборнаго старца, первѣйшаго во время собранія или соборованія о нужнѣйшихъ случаяхъ заступателя*. Оно, повидимому, писано, было къ заводскимъ старообрядцамъ, т. е. къ ушедшимъ съ Керженца и поселившимся на Уралѣ, на заводахъ Демидова (Нижегатагальскомъ и др.). На это посланіе мы преимущественно ссылаемся въ этомъ сочиненіи. Въ предисловіи къ посланію говорится между прочимъ: „купно согласовалъ оны, писатель (Іона), и своему игумену, отцу Ефрему, и прочимъ старшимъ отцемъ, помудренѣе его, писателя“. Іона Курмосый считается у керженскихъ старообрядцевъ праведнымъ, у его гробницы (въ Комаровскомъ скиту) растетъ большая ель, называемая *Іониною елью*, стволъ ея весь изгрызенъ. Набожные старообрядцы приходятъ на гробницу для поклоненія, поютъ „какогъ за единоумершаго,“ и молятся. Особенно много ходитъ сюда большихъ зубами. Приписывая „Іониной ели“ силу чудотворенія, они грызутъ ее и, какъ увѣряютъ, вылѣчиваются. Послѣ Ефрема, Іона былъ настоятелемъ обители, которая съ того времени и получила названіе „Іониной“. Въ этой обители до тридцатыхъ годовъ вѣнчашаго столѣтія сохранялись сочиненія Іоны (см. іеросхимонаха Іоанна *Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ*. Москва 1841 стр. 42). Въ 1832 году умеръ послѣдній настоятель Іониной обители Павелъ. Онъ былъ тайный православный, оставаясь ради житейскихъ выгодъ игуменомъ раскольнической обители. По духовному завѣщанію всѣ строенія и движимое имущество обители, офиціально значившіяся частною его собственностью, завѣщалъ онъ въ церковь села Пафлутова и тамошнему священнику, своему тайному духовнику. Куда при этомъ дѣлались рукописи неизвѣстно. Оставшіеся монахи и бѣльцы, въ числѣ 8 человекъ, послѣ смерти Павла разошлись по сторонамъ. Старая большая деревянная часовня съ колокольнею, построенная еще Іоною, и ветхія деревянныя келіи, съ службами, оставлены были безъ всякаго призора и разваливались постепенно: въ 1850 году въ нихъ уже опасно было ходить; ихъ сломали. Было въ началѣ сороковыхъ годовъ намѣреніе устроить тутъ женскую единовѣрческую общину, но по недостатку денежныхъ средствъ, это не состоялось.

ихъ объ отысканіи архіерея не были очень сильны. Тогда, какъ сказано уже, распространилось въ народѣ всеобщее, глубокое убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. Повсюду слышались толки, что наступили послѣднія времена, что скоро померкнетъ солнце, звѣзды спадутъ съ неба и сгоритъ земля, а на ней и всѣ дѣла человѣческія. Были твердо и несомнѣнно убѣждены, что царство антихриста началось съ 1666 года, согласно прореченію автора *Книги Вѣры*.

По Апокалипсису же власть антихриста должна продлиться ни болѣе, ни менѣе, какъ два съ половиною года. Стало-быть, въ 1669 году кончина міра неминуемо должна послѣдовать. И вотъ, по Поволжью, гдѣ особенно силенъ былъ расколъ, а также въ лѣсахъ и пустыняхъ отдаленнаго Сѣвера, собираются люди толпами, постятся, молятся, приносятъ другъ другу покаянія въ грѣхахъ, приобщаются старинными дарами, и противившись съ земнымъ міромъ, ожидаютъ въ страхѣ и трепетѣ трубы архангела. Одни надѣваютъ черныя рясы монашества, другіе отказываются отъ пищи и добровольно умираютъ голодною смертію, „запощеваются“. Изстари было и до сихъ поръ повсемѣстно сохранилось въ русскомъ народѣ суевѣрное убѣжденіе, будто кончина міра послѣдуетъ не иначе, какъ ночью, въ самую полночь, или съ субботы на воскресенье передъ масленицей,—въ это воскресенье въ старину въ Москвѣ, на площади, подлѣ Успенскаго собора, совершался даже особый обрядъ страшнаго суда,—или въ ночь на Троицынъ день. Эти ночи въ 1669 году старообрядцы нижегородскіе, а вѣроятно и другихъ мѣстъ, безъ сна проводили въ лѣсахъ и оврагахъ. Надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложились они въ заранѣе приготовленные долбленные гробы и, лежа въ нихъ, пѣли заунывнымъ, протяжнымъ, за душу хватающимъ напѣвомъ:

Древняъ гробъ сосновый,
 Ради мене строень.
 Въ немъ буду лежати,
 Трубна гласа ждати.
 Ангели вострубятъ,
 Изъ гробовъ возбудятъ.
 Я, хотя и грѣшнъ,
 Пойду къ Богу на судъ.
 Къ судуъ двѣ дороги,
 Широкія, долги;

Одна-то дорога—
 Во царство небесно,
 Другая дорога—
 Во тѣмъ кроуѣшау ¹.

Другіе по чину церковному сами себя отпѣвали, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ земля потрясется, камни распадутся, солнце и луна померкнутъ, звѣзды какъ дождь посыплются на землю, и протекутъ рѣки огненныя, и пожрутъ тѣ рѣки всю тварь земнородную. Не только изашнмимъ, но даже богоборнымъ дѣломъ считали заботы о земномъ. Еще съ осени 1668 года забросили поля, не пахали, не засѣвали, а въ 1669 обросили и дома. Голодная скотина, брошенная на произволъ судьбы, бродила безъ пастуховъ и жадобнымъ мычаніемъ вторила заунывному пѣнію лежавшихъ въ гробахъ хозяевъ. Ясачная Мордва и бортники, а вмѣстѣ съ ними и русскіе люди, не подвергшіеся влиянію нравственной эпидеміи, забирали безпризорный скотъ и расхищали дочиста покинутыя деревни. ²

Миновали страшныя ночи, миновалъ и весь роковой годъ, а міръ стоитъ попрежнему.

Что же это? Какъ же не исполнилось святое, не мимо-идущее слово Апокалипсиса? Два съ половиной года прошло, а кончины міра не бывало. Не знаемъ, много ли было благо-разумныхъ, отрезвившихся при этомъ, но мысль о близкой кончинѣ міра долго и послѣ того не покидала старообрядцевъ. Вспомнили, что *Книга Вѣры* начинается свое пророчесственное лѣтосчисленіе съ года Рождества Христова, а вѣдь Сатана, говорили они, былъ связанъ въ день спасительнаго воскресенія Іисуса Христа. Разчитали, повтому, что антихристъ придетъ въ 1699 году, конецъ же міра наступитъ не ранѣе половины 1702 года, ибо тридцать три года было земной жизни Спасителя. Тогда будетъ кончина міра, тогда непременно будетъ антихристъ чувственный, антихристъ во плоти пришедшій. И завладѣетъ онъ царствомъ и надѣнетъ на главу свою вѣнецъ и на мѣстѣ святѣ учинитъ мерзость запустѣнія, Даниломъ пророкомъ прореченную, и муками и великими прещеніями истребитъ онъ поклоненіе Господу Іисусу Христу.

¹ Это—пѣсня такъ-называвшихся въ XVIII столѣтіи „гробопологателей“, которую они „пѣли во гробахъ“. Вѣроятно, она перешла къ намъ изъ описываемой эпохи.

² Акты Печерскаго монастыря.

Это было вѣрованіе, подготовившее Григорія Талицкаго и иныхъ, огласившихъ Петра I антихристомъ и тѣмъ навлекшихъ на раскольниковъ страшныя гоненія порфиророднаго плотника. Начались толки о пршествіи въ 1666 году антихриста не во плоти, не „чувственнаго“ а пока еще „духовнаго“. Начались выкладки и разчисленія апокалипсическихъ двухъ съ половиною лѣтъ и даниловыхъ седмиць. День страшнаго суда отсрочили, но не надолго; съ часу на часъ ждали антихриста во плоти. Глава раскола, Аввакумъ, прежде сильною и искреннею рѣчью поддерживалъ въ старообрядцахъ твердую увѣренность въ дѣйствительность совершившагося уже, въ 1666 году, пршествія „чувственнаго“ антихриста. Онъ даже прямо, какъ будто очевидецъ, писалъ прежде своимъ приверженцамъ: „Я, братія моя, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную, право, видѣлъ. Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ, по немъ царь нашъ послѣдуетъ, и власти, и множество народа“¹. Теперь онъ, пустозерскій заточеникъ, заговорилъ иное: „А о послѣднемъ днѣ и о антихристѣ не блазнитесь: еще онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ. Нынѣшніе бояре комнатные, ближніе друзья его, еще возятся, яко бѣси, путь ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. А какъ вычистятъ вездѣ, такъ еще Ілія и Енохъ, обличители, прежде придуть, а потомъ антихристъ въ свое время“². Слова „изяцнаго страдальца“ за старую вѣру, „протосингела російскія церкви“, какъ называли раскольники Аввакума Петровича, какъ и самъ онъ называлъ себя, были въ ту пору высшимъ авторитетомъ для отлучившихся отъ общенія съ церковью. Смутное время деннонощнаго ожиданія архангельской трубы прекратилось, но за то день за день ждали Ілію и Еноха, а за ними и настоящаго антихриста.

Но годы шли за годами, а труба архангельская все не гремѣла и жизнь міра все попрежнему шла своею обычною чередой. Въ семействахъ старообрядцевъ мааденцы возмужали, люди взрослые постарѣли, пожилые сошли въ могилы дряхлыми стариками, не дождавшись свѣтопреставленія. А поповъ

¹ Аввакумъ: *Посланіе о видѣніи антихриста* (рукопись).

² *Посланіе изяцнаго страдальца, протосингела Аввакума, потосингела російскія церкви, еубе посла изъ темницы своея, обичиши на брезъ окіана* (рукопись).

съ каждымъ годомъ становилось у нихъ меньше да меньше, къ исходу же XVII вѣка и совсѣмъ вымерли попы, что оставили господствующую церковь при самомъ появленіи никоновскаго *Служебника*, тѣ, которые ни разу не обошли налож противъ солнца, ни разу не перекрестились тремя перстами. Смерть брала свое.

При такомъ „оскудѣніи священства“, однѣ раскольническія общины рѣшились остаться вовсе безъ поповъ. „Самъ Христосъ, говорили они, будетъ для насъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной.“ „Сами себя освящайте, сами себѣ священники бывайте“ — эти слова Златоустовскаго *Мargarита* сдѣлались теперь для нихъ основнымъ пунктомъ догматствованія. И не отвергая священства по принципу, они отвергли его по факту. „Благодать Божія взята на небо, сказали они, нѣтъ болѣе ни священства, ни освященія и не будетъ его до кончины міра, она же не закоснѣетъ.“ Такъ образовался расколъ *безпоповщины*, вскорѣ распавшійся на многіе толки. Безпоповщина рѣшительно отвергла бракъ и снисходительно отнеслась къ блудной жизни и самому разврату. Идеаломъ ея было общество монаховъ, самый суровый аскетизмъ и все подавляющая мертвая обрядность. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ Заонежскомъ краѣ, въ Поморьѣ, въ лѣсахъ Сѣвера и Сибири, вдали отъ городовъ и большихъ селеній, среди пустынной, унылой, мертвенной природы. Эта суровая, мрачная природа имѣла не малую долю вліянія на ту суровость міросозерцанія, которую истые безпоповщинскіе раскольники всецѣло удержали даже до дней нашихъ.

Не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, вообще въ мѣстахъ, гдѣ населеніе жило тѣснѣе, гдѣ было больше жизни, гдѣ изстари тѣснѣе были завязаны узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ-называемая *поповщина*. Послѣдователи ея не чуждались міра и связей семейныхъ, считали ихъ необходимыми, и необходимымъ считали правильное церковное благословеніе брачнаго сожитія, т. е. таинство брака. Они твердо держали въ своей памяти, что бракъ, какъ и другія таинства, пріемлемыя православіемъ, должны, по слову Спасителя, существовать до скончанія міра. Поэтому считали необходимымъ священство, считали еще болѣе необходимымъ имѣть поповъ, какъ свершителей таинствъ. Но не имѣя архіерея, преемственно отъ апостоловъ

получившаго власть святительскую, который бы имѣлъ право и власть рукополагать новыхъ поповъ, старообрядцы толка поповщины стали привлекать къ себѣ священниковъ отъ господствующей церкви „старого“ т. е. до-Никоновскаго рукоположенія и „старого“ крещенія. Черезъ немного лѣтъ вымерло поколѣніе поповъ, посвященныхъ ранѣе 1654 года, по старымъ книгамъ. Тогда поповщина „нужды ради“ стала принимать къ себѣ поповъ „новаго“ рукоположенія, но крещенія „старого“. Прошли еще годы и вымерло почти все поколѣніе людей, родившихся прежде 1654 года и крещенныхъ по Иосифовскимъ книгамъ. Это почти совпало съ тѣмъ временемъ, когда южнорусскія церкви подчинены были духовной власти московскаго патріарха и много священниковъ, а особенно архіереевъ, родомъ изъ Малороссіи, явилось по городамъ великорусскимъ. Это были люди ученые, получившіе въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ такое образованіе, о какомъ и не случилось тогдашнимъ людямъ Московскаго государства. Но раскольники давно уже заподозрили Малороссію въ нѣкоторомъ отступленіи отъ православія, въ уклоненіи къ римскому костелу, чему особенно подавало поводъ „обливательное крещеніе“ нерѣдко бывавшее въ малороссійскихъ церквахъ, да и въ Великой Россіи въ крайнихъ случаяхъ, т. е. въ случаѣ болѣзни младенца допускавшаея „требникомъ“ перваго московскаго патріарха Іова. Обливательное крещеніе, по понятіямъ раскольниковъ, есть еретическое, а крещеніе еретическое, сказано въ старыхъ книгахъ, „нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“. Потому, рѣшившись принимать бѣглыхъ поповъ отъ церквей православныхъ, послѣдователи старообрядческой поповщины поставили непремѣннымъ условіемъ принимать поповъ лишь великороссійскихъ, а отнюдь не малороссійскихъ и притомъ такихъ, которые бы получили рукоположеніе отъ архіереевъ-Великоруссовъ, крещенныхъ въ три погруженія¹.

Затѣмъ возникъ вопросъ какъ принимать поповъ великороссійскихъ: перекрещивать ли ихъ, какъ еретиковъ, или миропомазывать, какъ схизматиковъ, или же ограничиться одною „исправою“ (покаяніе) съ проклятіемъ ересей. Объ этомъ было много толковъ, споровъ и словопреній. Для рѣшенія этихъ вопросовъ собирались на Керженцѣ особые соборы. Первоначально поповъ, переходившихъ въ расколъ, перекре-

¹ Іова Курносый.

щивали, потомъ принимали ихъ только съ „исправой“, за тѣмъ стали принимать „вторымъ чиномъ“ т. е. посредствомъ муропомазанія. Такъ ведется и до сего времени, особенно съ 1779 года, когда на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, окончательно было рѣшено „перемазаніе“.

Но архіереевъ все не было въ поповщинѣ, хотя послѣдователи этого согласія и употребляли много трудовъ, много стараній, чтобы „снискать чинъ епископскій“. Мысль, что старообрядство не есть истинная церковь, ибо не имѣетъ трехъ чиновъ духовной іерархіи, тяготила совѣсть отдѣлившихся отъ православія. Неграмотные, или мало сидѣвшіе надъ свято чтимыми книгами, люди молодые, которымъ было все равно, относились къ этому предмету равнодушно, но пожилые грамотеи рано или поздно дочитывались въ старыхъ книгахъ, что безъ епископа церковь не церковь, а „самочинное оборище“. Они приходили въ ужасъ отъ такихъ словъ, сказанныхъ святыми отцами, и говорили набожнымъ людямъ: „у насъ нѣтъ епископа, стало-быть церковь наша не истинна, стало-быть нѣтъ въ ней спасенія; тщетны наши труды, тщетны наши страданія, напрасны лишенія и самопожертвованія!...“

Въ утѣшеніе ли себѣ, въ подкрѣпленіе ли колеблющихся, старообрядцы, еще въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка, распустили слухъ, что хотя они и не имѣютъ въ Россіи епископа, но есть на землѣ мѣста сокровенныя, Богомъ спасаемые грады и обители, гдѣ твердо и нерушимо соблюдается „древлее благочестіе“ и епископы правовѣрные сіяютъ какъ солнце. Иначе и быть не можетъ, говорили они, вѣдь должна же церковь Христова съ богопреданнымъ священствомъ и епископами, стоять до скончанія міра. „Удобнѣесть есть солнцу отъ теченія своего престати, неже церкви Божіей безъ вѣсти быти“¹. Какая же вѣсть о ней? Гдѣ она, эта святая церковь по древлему благочестію? Въ какой странѣ, въ какомъ царствѣ?

„Далеко, далеко, тамъ, на Востокѣ“, говорили поборники старообрядства, но гдѣ именно на Востокѣ, точно сказать не умѣли.

И вотъ, Богъ знаетъ когда, Богъ знаетъ откуда, распространился слухъ, что не всѣ восточные патріархи отъ притѣсненія турецкаго ослабли въ правовѣріи и исказили вѣру

¹ *Ирзусскій Сборникъ* (рукопись), л. 147 на оборотѣ.

христову латинскою и кальвинскою ересями, что патриархъ антиохійскій съ подвѣдомственными ему церквами, непреложно и нерушимо хранитъ святоотеческія правила, преданія и обряды во всемъ, и твердо содержитъ „древнее благочестіе“. Почему именно старообрядцы отнесли это къ антиохійскому, а не къ другому патриарху, трудно теперь сказать. Развѣ отъ того, что Арсеній Сухановъ, не бывъ въ Антиохіи, ничего не говорилъ о ней. Антиохійскій патриархъ, Макарій, два раза былъ въ Москвѣ и даже проѣзжалъ Волгой, жилъ нѣкоторое время въ Желтоводскомъ Макарьевѣ монастырѣ, вокругъ котораго расколъ былъ въ полномъ разгарѣ. Отлучившіеся отъ церкви своими глазами могли видѣть и видѣли, что „патриархъ Божія града Антиохіи“ не соблюдаетъ ихъ обрядовъ. Но они говорили: „такъ, Макарій дѣйствительно отступилъ отъ православія, это вѣрно; но Господь не допустилъ его до „Божія града“ да не внесетъ въ него разврата и еретическаго ученія: на пути онъ злою смертію издше, и благочестіе сіяетъ въ Антиохіи попрежнему.“ Слухъ объ антиохійскомъ патриархѣ былъ принятъ за неоспоримую истину не только поповщиной, но и безпоповцами. Онъ держится даже до сихъ поръ. Въ XVIII столѣтіи, по всей вѣроятности во второй уже половинѣ его, распространилось по раскольническимъ обществамъ рукописное путешествіе безпоповщинскаго инока Марка изъ монастыря Топозерскаго. ¹ Ходилъ этотъ старецъ въ Сибирь, добрался до Китая, перешелъ степь Гоби и дошелъ до Японіи, до „Опоньскаго царства“, что стоитъ на океанѣ морѣ, называемомъ „Бѣловодіе“ на семидесяти островахъ. Искавъ съ долгимъ терпѣніемъ древяго благочестія на востокѣ, Марко нашелъ его въ Японіи. Тамъ видѣлъ онъ 179 церквей „асирскаго языка“. Тамошніе христіане, говоритъ Марко, имѣютъ своего, православнаго, патриарха, антиохійскаго поставленія, и четырехъ митрополитовъ. А русскихъ церквей въ Японіи сорокъ, и Русскіе имѣютъ митрополита и епископовъ, которыхъ посвятилъ тотъ патриархъ „асирскаго языка“. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народа (греческаго?) уклонилось въ тѣ самые восточные предѣлы, а Россіяне, во время измѣненія благочестія, уклони-

¹ Топозерскій безпоповщинскій скитъ въ Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, на берегу Топозера, основанный въ концѣ XVII ст. и существовавшій до 1854 года.

лись сюда изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ: много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто¹. Что въ китайскихъ владѣніяхъ (въ принадлежащей теперь Россіи Амурской области) издавна селились бѣглецы изъ Сибири раскольники, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: объ этомъ производилось нѣсколько дѣлъ. Но о старообрядцахъ въ невѣдомой Японіи говоритъ, сколько намъ извѣстно, одинъ лишь Марко Топозерскій, да еще въ 1807 году поселянинъ Бобылевъ подавалъ объ нихъ правительству особую записку. Не отрицаемъ и не утверждаемъ, во всякомъ случаѣ, любо-

¹ *Путешественникъ сирѣчь маршрутъ въ Опоное царство писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшимъ въ Опоное царствѣ. Его самый путешественникъ (рукопись). Вотъ эта замѣчательная рукопись: „Маршрутъ сирѣчь путешественникъ. Отъ Москвы на Казань, отъ Казани до Екатеринбургъ и на Тюмень, на Каменогорскъ, на Выбернувъ деревню, на Избелскъ, вверхъ по рѣкѣ Катуни на Красноярскъ, на деревню Устьюбу, во оной спроситъ стравоприимца Петра Кириллова. Около ихъ пещеръ множество тайныхъ, и мало подаѣтъ отъ нихъ снѣговыхъ горы распространяются на триста верстъ и снѣгъ никогда на оныхъ горахъ не таетъ. За оными горами деревня Уиьмьска (по другому списку Устьмелюка) и въ ней часовня; инокъ схимникъ Иосифъ. Отъ нихъ есть проходъ Китайскимъ государствомъ, 44 дни ходу, чрезъ Губань (Гобанъ) потомъ въ Опоное государство. Тамъ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ окіана-моря называемое Бѣловодіе. Тамъ жители на островахъ семидесяти, нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстъ разстояніемъ, а малыхъ острововъ изчислить невозможно. О тамошнемъ же пребываніи оного народа извѣщено хриstopодражателямъ древаго благочестія святыхъ соборныхъ и апостольскія церкви. Со истиню завѣряю, понеже я самъ тамо былъ, со двѣма иноками, грѣшныи и недостойныи старецъ Марко. Въ восточныхъ странахъ съ великимъ нашимъ любопытствомъ и стараніемъ искали древаго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію, съ помощію Божіею и обрѣли. Асирскаго языка 179 церквей, имѣютъ патріарха православнаго, антиохійскаго поставленія, и четыре митрополита. А русскіихъ до сорока церквей, тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу уклонилось въ тѣ самыя восточныя страны, а Россіяне во время измѣненія благочестія уклонились изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ. Много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣетъ сомнѣніе, то поставлю Бога во свидѣтеля нашего: имать прикоснута безкровная жертва до втораго пршества Христова. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи приимаютъ первымъ чиномъ: крестятъ совершенно въ три погруженія, желающихъ тамо пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инокъ согласились вѣчно обтаться: припали святое креще-*

пытнаго извѣстія о Русскихъ въ Японіи. Не мудро, что сибирскіе раскольники и пробрались на Курильскіе острова, а оттуда въ Японію, но патріархъ японскій, и митрополиты, и 179 православныхъ церквей, по всей вѣроятности, — плодъ изобрѣтательной способности старца Марка. Тѣмъ не менѣе извѣстіе его убѣдило русскихъ старообрядцевъ въ томъ, что у нихъ есть своя іерархія, хотя они и оторваны отъ нея дальностію разстоянія и другими обстоятельствами. Это успокоивало ихъ совѣсть. У насъ есть епископы, стадо-быть церковь наша истинна, говорили они. Тоаки о „патріархѣ асирскаго языка“, живущемъ въ Японіи, сильнѣй и сильнѣй

иде. И глаголютъ они: „вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ чловѣкъ и не прикасайтесь имъ, змія, голящагося за жемчуж; невозможно ему постигнути скрывшейся жемчужы въ разсѣляннхъ земляхъ“. Въ тамошнихъ мѣстахъ татбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычныя съ разсѣдками землями. И громы съ землетрясеніемъ не малымъ бываютъ. И всякіе земныя плоды бываютъ: родится виноградъ и сорочинское пшено. И въ *Шведскомъ путешественникѣ* сказано, что у нихъ золота и серебра нѣсть числа, драгоценнаго каменія и бисера драгаго весьма много. А оныя Опонцы въ землю свою никого не пускаютъ и войны ни съ кѣмъ не имѣютъ: отдаленная ихъ страна. Въ Китаѣ есть градъ удивительный, яко подобаго ему во всей подсолнечной не обрѣтается. Перва у нихъ столица—Кабанъ.“

Шведскій путешественникъ о которомъ упоминаетъ старецъ Марко Топозерскій есть подобаго же раскольническое сочиненіе о старообрядцахъ живущихъ въ Финляндіи, Норвегіи и Швеціи. Въ немъ говорится о богатствѣ металлами тѣхъ странъ и затѣмъ присовокупляется, что „на восточныхъ отощхъ, идѣ же отъ древнѣйшихъ временъ блюдется истинная вѣра, золота и серебра и драгоценнаго каменія еще множае“.

Въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть дѣло объ японскихъ и китайскихъ раскольникахъ, производившееся въ 1807 году (по архивной описи № 1). Въ 1807 году пріѣхалъ въ Петербургъ поселянинъ Томской губерніи Бобылевъ и донесъ министерству, что на морѣ Океанѣ, въ Бѣловодѣ, живутъ старообрядцы, русскіе подданные, ушедшіе туда во время церковныхъ раздоровъ, бывшихъ при царѣ Алексіи Михайловичѣ, во время осады Соловецкаго монастыря царскими войсками. Тамъ, говорилъ Бобылевъ, они имѣютъ *своихъ епископовъ*, священниковъ и церкви, въ которыхъ служатъ по старымъ книгамъ; при крещеніи младенцевъ и при бракѣ ходятъ посоломъ, молятся двуперстнымъ крестомъ, книгъ напечатанныхъ при Николѣ патріархѣ и послѣ него не принимаютъ, за государя и за войско молятся. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что государь Александръ Павловичъ позволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону, то они изъявили

распространялись въ послѣдствіи, и наконецъ распространились по всему русскому старообрядству, точно также какъ въ средніе вѣка распространилось и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій признавалось за неоспоримую истину—существованіе гдѣ-то на востокѣ пресвитера Іоанна. И дѣйствительно вся обстановка средневѣковаго пресвитера Іоанна вполнѣ сходна съ обстановкой раскольничьяго „асирскаго патріарха, что въ Опоньскомъ царствѣ.“ И тотъ и другой первосвя-

желаніе служить его величеству вѣрно, нести всѣ тягости и повинности и испрашиваютъ за оставленіе отечества прощенія. Живутъ они, по утврѣженію Бобылева, въ трехъ мѣстахъ; къ нимъ ѣхать надо по дорогѣ изъ Бухтарминской волости чрезъ китайскую границу: въ одномъ мѣстѣ ихъ слышкомъ тысяча душъ, въ другомъ до семи сотъ, а въ „Бѣловодьѣ“ болѣе полумилліона. Дани никакому государству не платятъ. Бобылевъ вызывался отправиться къ нимъ и исполнить все что будетъ ему приказано, для того чтобы тѣ старообрядцы возвратились въ подданство русскаго императора. Правительство приняло предложеніе Бобылева. Ему дали 150 руб. и приказали явиться къ сибирскому генералъ-губернатору, отъ котораго онъ получитъ дальнѣйшія приказанія. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился и пропалъ безъ вѣсти. Его розыскивали, но нигдѣ не нашли. Въ декабрѣ 1839 года къ семеновскому исправнику Граву представляемъ былъ бродяга, взятый въ Поломскихъ лѣсахъ, гдѣ жилъ и, вѣроятно, доселѣ живутъ въ землякахъ раскольническіе пустынножители, близъ керженскихъ скитовъ. Но вопросъ, кто онъ такой? бродяга сказался поданнымъ Японскаго государства и старообрядцемъ. Онъ увѣрялъ что въ Японіи живетъ много русскихъ людей старообрядцевъ, что тамъ и много церквей старообрядческихъ, есть и архіереи старообрядческіе и даже патріархъ. Разумѣется, все это было принято за сказку. Бродягу, какъ непомятаго родства (онъ такъ и сказался), сослали на поселеніе въ Сибирь. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія многіе изъ жителей Бухтарминскаго края бѣжали въ китайскіе предѣлы для поселенія въ загадочномъ „Бѣловодьѣ“. Скитаясь тамъ долгое время по степямъ и истощивъ съѣстные припасы, вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ, которое они взяли съ собою, искатели Опоньскаго царства въ самомъ жалкомъ состояніи возвратились въ мѣста своего жительства, не найдя своего Эльдорадо, о изобиліи котораго и богатствѣ ходили между ними обольстительныя слухи. Въ послѣдствіи, по случаю отлучки за границу двухъ иородцевъ Бобровыхъ, находившихся тамъ въ бѣгахъ болѣе трехъ лѣтъ, въ июлѣ 1861 года изъ деревень Бухтарминской волости, Алтайскаго горнаго округа, начался снова отлучки крестьянъ за китайскую границу для отысканія сказочнаго „Бѣловодья“. Бѣжавшіе всѣ были раскольники безповнщинскаго толка. Вслѣдствіе возврата на родину нѣкоторыхъ изъ ходившихъ и не нашедшихъ „Бѣловодья“ и Опоньскаго царства съ „патріархомъ асирскаго языка“, въ 1862 году движеніе за китайскую границу и самыя толки о загадочной странѣ между бухтарминскими раскольниками нѣсколько уменьшились.

щеники, и тому и другому подсудны всѣ мірскія дѣла. Тамъ свѣтскаго суда не имѣютъ, говоритъ Марко, управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти, и преступленій тамъ нѣтъ. Совершенно то же что и въ царствѣ Іоанна Пресвитера. Далѣе вся эта обстановка таинственной земли Опонойской: эти земныя разсѣдины, эти необычайные морозы, при которыхъ однако растутъ и виноградъ и рисъ, эти землетрясенія и безпрестанные громы и молніи—все это такъ сродно, если не совсѣмъ похоже на средневѣковыя европейскія сказанія о таинственныхъ земляхъ отдаленнаго востока. Старообрядцы твердо были увѣрены въ дѣйствительности патриарха и епископовъ въ „Бѣловодѣ“, и нерѣдко бывали случаи, что люди недобросовѣстные, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, пользовались увѣренностью раскольниковъ въ дѣйствительности японской іерархіи: самозванцы-попы сказывались священниками, ходившими за посвященіемъ въ Опонойское царство, показывали какія-то ставленныя грамоты отъ небывалыхъ архіереевъ и собирали деньги за исправленіе требъ.

Увеличенію и разнообразію раскольническихъ толковъ о „сокровенныхъ епископахъ древляго благочестія“ не мало помогала и народная фантазія. Пошли по народу толки о невидимыхъ городахъ и монастыряхъ, колокольный звонъ которыхъ бываетъ будто бы слышенъ въ тихія лѣтнія ночи. Пошли толки о Млевскихъ монастыряхъ¹, о невидимомъ градѣ Большомъ Китежѣ, о старцахъ горъ Кирилловыхъ и Жигулевскихъ и т. п.² Ко всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ

¹ Млевскіе монастыри въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Это древніе земляные окопы на р. Мстѣ, близъ села Млева. Разказываютъ, что тутъ были монастыри, но когда-то опустились въ землю, что до сихъ поръ въ нихъ живутъ монахи и монахини, къ которымъ можно пройти, но съ чрезвычайными затрудненіями. Говорятъ, что по большимъ праздникамъ слышенъ бываетъ звонъ невидимыхъ млевскихъ монастырей.

² Большой Китежъ—невидимый городъ на берегу озера Свѣтлояра, въ нижегородскомъ Заволжѣ Макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи, подлѣ села Владимірскаго, имѣнія князя Сибирскаго). Другой Китежъ, Малый, на Кирилловыхъ горахъ, въ селѣ Городцѣ (Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, на Волгѣ). Жигули или Жигулевскія горы—на Волгѣ же, въ Симбирской и Самарской губерніяхъ. Городъ Китежъ не упоминается въ лѣтописяхъ, но имя его встрѣчается въ народныхъ быличкахъ о древнихъ богатыряхъ. (См. *Пѣсни* Курьезскаго.) Кажется, въ Китежѣ было свое братство богатырей, подобное кievскому братству при дворѣ Володимира Красна Солышка. Вообще Китежъ въ народныхъ преданіяхъ представ-

мѣстамъ, народная фантазія, подъ вліяніемъ раскола, приурочивала и „архіереевъ древаго благочестія“.

Но сказочное антихрітское старообрядческое архіерейство и разказы о Японіи, Китежѣ, Млевскихъ монастыряхъ и т. п., не могли вполнѣ удовлетворить старообрядцевъ, искавшихъ нефантастическаго архіерейства. Они съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй чувствовали необходимость епископовъ въ своей средѣ. Вслѣдствіе того еще въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія возникло у нихъ сильное стремленіе какимъ бы то ни было способомъ добыть себѣ архіерея. Но какъ и откуда взять его? За мѣстомъ его водворенія, за безопасностію отъ неминуемыхъ преслѣдованій со стороны правительства дѣло не стало бы. Много было укромныхъ мѣстъ и дома, а еще болѣе за границей. Но къ великороссійскимъ архіереямъ и подступитъ было нельзя съ предложеніемъ перейти въ расколъ, къ малороссійскимъ еще болѣе, да къ тому же они всѣ поголовно заподозрѣны были въ обливанствѣ.

ается столькимъ городомъ суздальской, великороссійской земли, какъ Кіевъ столькимъ городомъ кіевской, южнорусской. Въ *Китежскомъ Лѣтописи* (рукопись, особенно распространенная между поволожскими раскольниками), говорится, что когда подступилъ къ Большому Китежу Батый—,градъ сдѣлался невидимымъ и будетъ окъ стоять невидимымъ до скончанія вѣка“. Тамъ есгь и церкви, и монастыри, и множество народа; лѣтними вечерами на Свѣтлоярѣ озерѣ слышится звонъ китежскихъ колоколовъ. Въ *Китежскомъ Лѣтописи* описываются эти церкви, монастыри, городскія стѣны, ихъ лаица и пр. Въ большомъ ходу у раскольниковъ, даже и у православныхъ: *Посланіе къ отцу отъ сына изъ оного сокрушеннаго монастыря, дабы о немъ сокрушенія не имѣли и въ жертвы не сжигали, скрышавося изъ міра. Въ лѣто 7209 (1702) іюня въ 20 день.* Приводимъ это посланіе, замѣтвляя его изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII ст. Оно даетъ понятіе о томъ воззрѣніи, какое имѣлъ и имѣеть нашъ народъ на невидимые монастыри: „Г. І. Х. С. Б. п. в. а. (то-есть Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь) Родителямъ моимъ, батюшкѣ моему, имярекъ, и матушкѣ моей, имярекъ, по поклоу до лица земли отъ мене, сына вашего, имярекъ. Здрави будьте. Пишу вамъ азъ, родители мои, о семъ, чтъ вы хотите меня поминать и псалтырь говорить друга моего свѣтлаго (жену) заставляете. И вы о семъ преставайте: азъ еще живъ; егда придетъ смерть, тогда я вамъ вѣдомость пришаю, нынѣ же сего не творите. Азъ живу въ земномъ царствіи, съ отцы святыми. въ мѣстѣ покойнѣ. По истинѣ, родители мои царство земное. И покой, и тишина, и веселіе, и радость духовная, а не тѣлесная. Си бо святіи отцы, съ кими же азъ живу, процвѣтошъ, яко крива сельяныя, и яко финики, и яко кипарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнный бисеръ, и яко древа не старѣющіяся, и яко звѣзды небесныя. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва къ Отцу небесному, яко

Есть преданіе будто бы нижегородскій митрополитъ Исаія (1699—1707), человекъ престарѣлый и набожный, приверженъ былъ къ старымъ обрядамъ и потворствовалъ раскольникамъ¹, что раскольники питали надежду на его согласіе перейти къ нимъ. Но это преданіе требуетъ подтвержденія, тѣмъ болѣе что оно, кажется, не отличается древностію, а сложилось въ позднѣйшее время². Былъ еще въ то же время архіерей, сочувствовавшій раскольникамъ: Игнатій Тамбовскій, пріятель Григорія Талицкаго, распространявшаго около 1700 года мѣвнѣ, что Петръ I есть антихристъ. Этого Игнатія лишили сана и сослали въ Соловецкій монастырь въ Головленкову тюрьму³. Но ни изъ дѣла о немъ не видно, ни преданій не сохранилось, чтобъ онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми раскольниками.

Кажется, всего бы проще было старообрядцамъ избрать

емиамъ благоуханный, и яко кадило избранное, и яко миро добровольное. И едва ночь придетъ, тогда отъ устъ ихъ молитва видима: яко столпы пламенные со искрами огненными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ велій не токмо мѣсту оному свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молнія. Въ то время книги чести или писати можно, безъ свѣтлаго сіянія. Иже возлюбима Бога всѣмъ сердцемъ и всею душою и всѣмъ помышленіемъ своимъ, тѣмъ и Богъ ихъ возлюбитъ и приклонитъ ухо свое съ высоты святыхъ своеръ, и возлюбитъ ихъ, яко мати любимого си чада, и что просятъ въ молитвѣ своей отъ Бога, все подаетъ. Иже возлюбима безмолвіе и вся добродѣтели исправима всѣмъ сердцемъ, и Богъ ихъ возлюбитъ, и хранитъ ихъ, яко зѣвцу ока, и покрывъ ихъ невидимо даянію своею, аже достойно и праведнѣ Тому припадающихъ, по словеси Господню, могутъ горы представить съ мѣста на другое мѣсто. Но того убо не похотѣша отцы наши, но паче желаютъ житія на небесѣхъ, ниже богатство временное, но паче возлюбима богатство на небесѣхъ, егда придетъ Господь судити живымъ и мертвымъ и воздастъ имъ за труды ихъ царство небесное, и покой, и радость и веселіе. Вы же, родители, чего ради возлюбили себѣ свѣтъ прелестный и временный, и богатство тлѣнное? Но паче пощитте себѣ богатства на небесѣхъ, аже и тля не тлитъ, ни молие пощадитъ, ни татіе крадутъ. И еще другу моему любимому (женѣ) поклонъ отъ меня отдайте. Амѣнь.* На озерѣ Нестіарѣ (Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи), тоже слышится звонъ невидимыхъ монастырей. Подобныя мѣста есть въ Архангельской губерніи, въ Сибири.

¹ Макарія архимандрита *Исторія нижегородской епархіи*. См. *Нижег. губ. Вѣд.* 1848. № 34.

² Дѣло о ссорѣ митрополита Исаіи съ Ив. Алекс. Мусинымъ-Пушкинымъ и о ссылкѣ его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь еще не извлечено изъ архивовъ. Оно должно разъяснить, вѣрно ли приведенное арх. Макаріемъ преданіе.

³ Г. В. Есипова *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*. I, 59—84.

изъ своей среды вліятельнаго, уважаемаго и достойнаго человека, и возвести его на степень первосвятительства. Но по первому апостольскому правилу и по шестидесятому кареагенскаго помѣстнаго собора, необходимо чтобъ епископъ былъ рукоположенъ епископами и притомъ не менѣе какъ двумя или тремя. Стало-быть старообрядцамъ надобно было просить православныхъ архіереевъ, чтобъ они посвятали имъ епископа. Иного средства не было. Но ни великороссійскіе, ни малороссійскіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не согласились бы исполнить такую просьбу раскольниковъ. Они были довольно обезпечены, а въ случаѣ согласія на просьбу старообрядцевъ имъ предстояло бы по меньшей мѣрѣ кончить жизнь на Соловецкомъ островѣ или въ Рогервикѣ. Оставалось обратиться къ православнымъ архіереямъ заграничнымъ, которые, не зная русскаго языка и не разумѣя хорошо въ чемъ именно состоитъ образовавшійся въ русской церкви расколъ и что такое значать слова „старый обрядъ“, „древлее благочестіе“, могли имъ посвятить архіерея. Старообрядцы и остановились на этой мысли.

Эта мысль явилась у нихъ еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. Поповщинскія общины рѣшили послать на Востокъ, къ Грекамъ, хорошаго человека, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова въ самомъ дѣлѣ у Грековъ вѣра. Выборъ палъ на старца Леонтія. Въ концѣ 1701 года онъ поѣхалъ въ Кіевъ, а отсюда въ февралѣ 1702 года пустился въ заграничное странствіе. Черезъ польскія владѣнія и черезъ Яссы Леонтіи проѣхалъ въ Галацъ и отсюда плылъ водою до Константинополя. Пробывъ здѣсь четыре мѣсяца отправился онъ въ Египеть и Іерусалимъ и въ іюлѣ 1703 года воротился въ Россію. Вѣсти, привезенныя Леонтіемъ были не утѣшительны для старообрядцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ на Востокѣ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители „древляго благочестія“. Въ его сочиненіи: *Разгласіе Грековъ съ древними святыихъ отецъ преданіемъ восточныхъ церкви*, гораздо сильнѣе чѣмъ въ *Проскритаріи* Суханова представлены мнимыя отступленія отъ православія восточныхъ христіанъ. Такъ начинается это сочиненіе старообрядческаго паломника: „Греки въ крещеніи обливаются, а не погружаются; крестовъ на себѣ не носятъ; крестятся въ моленіи нештово, ни на чело, ни на плечо не доносятъ рукою, махаютъ сѣмо и овамо: въ церкви

стоять въ шапкахъ, не скидаютъ, какъ молятся; въ церкви стоять въ стойлахъ ¹, искрився, гордо, а гаядятъ на стѣну, а не ко образамъ святымъ; служатъ литургію на одной просфорѣ, и то на черствой; мірскіе у нихъ, не говѣвъ, приобщаются; патріархи, митрополиты и прочій духовный чинъ табакъ пьютъ и въ грѣхъ того не ставятъ; патріархи, митрополиты и попы усы себѣ подбриваютъ, и гуменцовъ не постригаютъ, но нѣкакo странно—съ низу голову кругомъ подголяютъ до полголовы, какъ обысы махаметанскіе подбриваютъ, такъ бритися у нихъ научилися; въ постъ великій всякія гадины и ползающія животныя въ морѣ и въ рѣкахъ, ѣдятъ, и въ прочіе дни также тѣ ползающія ѣдятъ; мірскіе и женскій полъ сквозѣ царскія двери въ олтарь ходятъ, и затворяютъ двери жены, а кадятъ простолюдины по-поповски: когда полъ съ переносомъ идетъ, а мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, кадиломъ машетъ на святыхъ; Греки когда за трапезу придутъ, то сядутъ, „Отче нашъ“ сидя говорятъ, также послѣ трапезы за „Достойно“ не встаютъ, сидя говорятъ. Евангеліе въ церкви чтутъ, оборота на западъ. Патріархъ греческой церкви на откупъ погодно отдаетъ по 100 рублей и по 200“. А кто больше таларей дастъ въ годъ, хоць таларь передастъ, такъ тому и церковь отдастъ. Свѣчи у нихъ воскъ съ саломъ, да съ смолою мѣшаютъ, а воскъ бѣлый, а когда въ церкви свѣчи горятъ, свѣжему человѣку зѣло тяжко, а когда свѣтильня на свѣци нагоритъ, и тогда снявъ свѣчу съ подсвѣчника, наступя ногою да и оторветъ свѣтильню—странно зѣло! Часовъ предъ обѣденою не поютъ, развѣ обѣдни не будетъ; Греки на заутрени „Богъ Господь“ никогда не поютъ, а пѣсни во псалтырѣ предъ канономъ всегда говорятъ; а церкви у нихъ, какъ простая хоромина: крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ, противъ воскресенія ходитъ пономарь по улицамъ кричитъ, чтобы шли до церкви.... а въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ, съ Турками во всемъ смѣсились. Греки непостоянны и обманчивы, точію христіянами словутъ, а и слѣду благочестія въ нихъ нѣтъ, да и не откуду имъ благочестію и научиться, ибо книги имъ печатаютъ Латыни въ Венеціи; каковыя пришлютъ Латыни, по нихъ и служатъ и поютъ. Греки нравы и поступки внѣшніе и духовные держатъ

¹ Это такъ-называемыя „формы“ находящіяся въ греческихъ церквахъ особенно же монастырскихъ.

всѣ съ турецкаго переводу; духовный чинъ у Грековъ хуже простаго народа. Крестятся странно въ церкви: рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза, а митрополиты и въ церкви зѣло неискусны, во время пѣнія со стороны на сторону съ Греками говорятъ крикомъ и смѣются, что и пѣнія не слышать отъ ихъ неискусства... Грекамъ жену или сына поучить и побить нельзя: скажетъ: „я потурчуся“. Греки московскихъ людей зѣло не любятъ... Сами Греки сказывали Леонтію Москвитянину: ни близъ де христіанства не хранятъ, въ посты, и въ великій постъ, такоже во весь годъ среду и пятокъ мясо ѣдятъ; греческія власти (архіереи) у себя въ келіи красиковъ держатъ, а Греки о семъ ихъ весьма злословятъ и поносятъ недобрымъ именемъ. Турки милостивѣе Грековъ, и Жиды нравами лучше Грекъ и т. д.“¹.

¹ Въ рукописномъ *Цѣптникѣ* XVIII ст. въ 8-ку (изъ подписи видно что принадлежалъ добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головану) помѣщена вслѣдъ за сочиненіями Аввакума протопопа противъ Грековъ, большая выписка изъ *Проскинитарія* Арсенія Сухакова, раскольничьей редакціи, потомъ, *Тактионъ, еже есть чиновникъ, како Греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ*. За нимъ статья *Изъ похождения Леонтія старца въ Иерусалимъ. Лѣта 7211. Разгласіе Грековъ з древними святыми отцы преданіемъ восточныхъ церквей*. Начало этой статьи здѣсь напечатано. За нею слѣдуетъ: „Хожденіе было Леонтіево лѣта 7210“ и затѣмъ нѣчто въ родѣ поденной записки путешествія. Потомъ въ *Цѣптникѣ* между прочимъ находится: *Житіе Марка фряческаго, Сказаніе Меводія Александрійскаго объ Александрѣ Македонскомъ и о послѣднихъ дняхъ, Слово на Рождество Христова обличительное противъ святочныхъ увеселеній* и пр. Въ *Русскомъ Архивѣ* издаваемомъ на 1863 годъ при Чертковской библиотекѣ П. И. Бартевельмъ помѣщено: *Путешествіе въ Олутю Землю московскаго священника Ивана Лукьянова церквей Покрова пресвятыхъ Богородицы, и ему предпослана данная ему отъ имени Петра I проѣзжая грамота отъ 15 Іюня 1710 года*. Оказывается, что *Разгласіе* старца Леонтія и статья изъ *Путешествія Лукьянова* названная *О несогласіи греческомъ съ восточною церковью* (*Русск. Арх.* II 154—155) одно и то же. Маршрутъ съ означеніемъ чиселъ и мѣсяцевъ хожденія Леонтія и Лукьянова совершенно сходны. Кто же ходилъ въ Палестину: старообрядческій старецъ Леонтій Москвитянинъ, или московскій попъ Лукьяновъ? Когда было хожденіе? Въ 1702 и 1703 какъ у Леонтія, или въ 1711 и 1712 году, какъ у Лукьянова? Леонтій, говоритъ, что онъ выѣхалъ изъ Кіева 3 февраля 7210 то-есть 1702 года; Лукьяновъ—3 февраля 1711. Въ томъ же году 22 марта (и тотъ и другой показываютъ) прибыли въ Константинополь,—въ четвертокъ пятой недѣли поста, прибавляетъ Лукьяновъ. Но въ этомъ году четвертокъ пятой недѣли былъ 29 марта. Леонтій говоритъ, что изъ Иерусалима въ Константинополь онъ пріѣхалъ

Такого рода „разгласій“ греческихъ обычаевъ съ старорусскимъ обрядомъ было больше чѣмъ достаточно для совершеннаго убѣжденія тогдашнихъ нашихъ раскольниковъ, что ни въ Царьградѣ, ни въ Иерусалимѣ и нигдѣ на Востокѣ нѣтъ истиннаго православія. Особенно смущало ихъ то обстоятельство, что Греки, по словамъ Леонтія, совершаютъ обливательное крещеніе. Это всегда смущало русскихъ старообрядцевъ и даже въ настоящее время значительную часть поповщины отворачиваетъ отъ бѣлокриницкой іерархіи, главою и источникомъ которой былъ Грекъ-Амвросій, многими заподозрѣнный въ обливанствѣ.

Но нужду въ архіерей такъ сильно чувствовали старообрядцы, особенно на Вѣткѣ, что вскорѣ началось исканіе архіерейства въ Молдавіи.

III. Зарубежныя старообрядцы. Исканіе архіерейства въ Молдавіи.

Въ началѣ XVIII столѣтія, когда старообрядцы поповщинскаго толка начали искать архіерейства, ихъ общины уже находились не только въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границей. Преслѣдованія раскола со временъ собора 1667 года, а въ особенности извѣстныя двѣнадцать статей царевны Софіи Алексѣевны 1685 года апрѣля 7,¹ были причиной переселеній раскольниковъ за границу.

1703 года, апрѣля 21, въ день преполовенія; въ этомъ году дѣйствительно преполовеніе приходилось въ это число. Кто же у кого списалъ хожденіе? повѣли Лукьяновъ ѣздившій въ 1711 и 1712 году списалъ „хожденіе Леонтія,“ бывшее въ 1702 и 1703 году, или старообрядцы въ послѣдствіи сдѣлали выдержки изъ путешествія Лукьянова, и приписавъ его Леонтію, отнесли къ 1702 и 1703 году? Замѣтимъ однако, что въ прозаической грамотѣ, отпечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* № 1, и отнесенной къ 1710 году, говорится, что Лукьяновъ ѣдетъ въ „государство великаго государя Мустафы“ и о турецкомъ султанѣ говорится, какъ о союзникѣ. Но Мустафа владѣлъ еще 23 августа 1703 года, а въ 1710, году Россія была въ разрывѣ съ Ахмедомъ III, а въ ноябрѣ 1710 то-есть до выѣзда еще Лукьянова, Турція объявила войну Россіи. Еще: Лукьяновъ въ 1711 говоритъ, о Паліи и Паліевцѣхъ, а Палій былъ убитъ въ молдавскомъ сраженіи 27 июля 1709 года (*Кописскаго Исторія Руссовъ* стр. 109).

¹ По этимъ статьямъ полагалось: а) *обечь* въ срубѣ: тѣхъ которые хулятъ господствующую церковь и производятъ въ народѣ мятежъ или

Раскольники уходили изъ городовъ и селились по лѣсамъ, какъ нѣкогда казаки, отодвигаясь далѣе и далѣе отъ Москвы къ украинамъ государства. Вскорѣ отдаленное Поморье и южныя украинны на Дону, на Волгѣ, на Яикѣ, въ Сибири наполнились старообрядцами. Казаки поступили въ расколъ почти поголовно. Московское правительство не ослабляло между тѣмъ мѣръ преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны раскольниками. Царевна Софія, или вѣрнѣе сказать, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, Малоруссъ, самый ужасный изъ всѣхъ говителей раскола, въ 1689 году велѣлъ „смотришь накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся—самихъ ссылатъ, пристанища ихъ раззорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву“¹. Пресвященный Макарій въ своей *Исторіи раскола* говоритъ, что „расколъ рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи и никто ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ не смѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или таили вѣру свою, или убѣгали въ пустыни и лѣса, гдѣ заводили для себя пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища ихъ раззоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій, а въ случаѣ нераскаянности предавали градскому суду и часто смерти“². И этихъ словъ достаточно для уразумѣнія того безвыходнаго, страшнаго положенія, въ какомъ находились раскольники, особенно во время Іоакимова патріаршества. Имъ

сблзаязъ и остаются упорными, а также и тѣхъ которые у казни покорятся Св. церкви, но потомъ снова обратятся въ расколъ; тѣхъ которые увлекли другихъ къ самоожигательству. б) *Казни съ смертію*: тѣхъ которые перекрещивали людей въ свою секту; тѣхъ, которые, перекрестившись, не соглашались возвратиться къ церкви. в) *Вить кнутами и ссылатъ въ дальніе города*: раскольниковъ, скрывающихъ принадлежность свою къ расколу, хотя бы песаъ и раскаялись; всякаго званія людей (то-есть и не раскольниковъ) укрывавшихъ раскольниковъ у себя въ домѣ, зная что они раскольники, и не дошедшихъ о нихъ начальству. Игноріе казнимыхъ и ссылаемыхъ конфисковалось на томъ основаніи, что на прогоны и на жалованье „сыщикамъ“ по государству раскольниковъ, „много шло государевой казны“.—См. *Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.* т. I, и *Акты Арх. Эксп.* т. IV.

¹ *Акты историческіе.* V. № 223.

² Макарія епископа вилницкаго (нынѣ архіепископа харьковскаго) *Исторія русскаго раскола*, стр. 133.

не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ волостяхъ, ни въ дѣсахъ, ни въ пустыняхъ. Куда же было дѣваться? Ушли они въ дѣса поморскіе, сибирскіе, печорскіе, чердынскіе, кайгородскіе, керженскіе, ушли туда, гдѣ, быть-можетъ, до того и ноги человѣкъ не накладывалъ, но сыщики и тамъ ихъ находили. Ихъ ловили, и если они объявляли себя раскольниками, но не отказывались отъ своихъ вѣрованій, не присоединялись, въ виду казни, къ господствующей церкви, готовъ былъ сружь или костерь. Если не сознавались въ расколѣ, готовъ былъ кнутъ, а за нимъ ссылка и конфискація имѣнія. Если же, наконецъ, они обращались въ православіе, имъ все-таки, на основаніи Софіинскихъ статей 1685 года „чинили наказаніе“, послѣ чего отправляли въ домъ патріарха или епархіальнаго архіерея „ради исправленія“, на тяжкія работы, за замки и затворы, на хлѣбъ и на воду. Раскольники бѣгали по дѣсамъ съ раззоренныхъ жилищъ въ глубокія трупцы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ.

Въ это тяжкое для старообрядцевъ время изъ конца въ конецъ русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: „за рубежомъ древлее благочестіе во ослабѣ“¹. И громадныя толпы бросались въ Швецію, въ Пруссію, въ Польшу, въ Турцію, за Кавказъ, въ китайскія владѣнія и даже, если вѣрить Марку Топозерскому, въ Японію.

Переселеніе за рубежъ въ случаѣ какой-либо невзгоды на родинѣ одно изъ самыхъ старыхъ и самыхъ обыкновенныхъ явленій русской жизни. До XVII столѣтія оно составляло даже весьма важное и въ теченіи долгаго времени упорно отстаиваемое право аристократіи, право, для сокрушенія котораго Иванъ Грозный употреблялъ самыя энергическія мѣры, а все-таки не смогъ въ конецъ сокрушить его. Самая торная, въ продолженіи вѣковъ протоптанная русскими выходцами дорога, вела за литовскій рубежъ, въ то время не очень далекій отъ Москвы. По этой-то дорогѣ преимущественно и устремились раскольники. Особенно сильно было переселеніе ихъ по кончинѣ царя Федора Алексѣевича.

Московскій попъ Кузьма, прихода Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, бывший въ числѣ тѣхъ бѣлыхъ священниковъ города Москвы, которые съ самаго начала церковнаго раздора

¹ То-есть за границей старообрядство свободно, не пресѣдуется.

открыто пошам противъ Никона, поддерживалъ въ средѣ уважавшихъ его, за добрую жизнь и благочестіе, прихожанъ отвращеніе отъ „новшества“ и ревность къ старому обряду. Прихожане по большей части были посадокіе люди, занимавшіеся городскою промышленностью и мѣстною торговлею. Люди были все достаточные. Когда соборъ 1667 года провозгласилъ анафему, попъ Кузьма не захотѣлъ оставаться въ Москвѣ, которую теперь называлъ „Вавилономъ“. Съ двадцатью семействами самыхъ ревностныхъ къ старому обряду прихожанъ бѣжалъ онъ на самый рубежъ литовскій, въ украину стародубскую. Здѣсь у него былъ пріятель, вѣроятно, одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка¹, Гавриилъ Ивановичъ. Снисходя къ просьбѣ попа Кузьмы, велѣлъ онъ курковскому атаману Ломакъ поселить московскихъ выходцевъ въ мѣстечкѣ Понуровкѣ. Подлѣ этого мѣстечка на рѣкѣ Ревнѣ явилось въ 1669 году первое раскольническое поселеніе въ Стародубѣ. Слухъ объ этомъ прошелъ между старообрядцами въ Москвѣ и въ около-московныхъ городахъ. О Кузьмѣ говорили, какъ о нѣкомъ святителѣ, страстующемъ „ради старыя вѣры“. Въ первый же годъ бѣглые изъ Россіи раскольники, стремившіеся по сѣдамъ попа Кузьмы, населили четыре слободы: Бѣлый Колодезь, Синій Колодезь, Шелому и Замѣшево. Пятнадцать лѣтъ жили они спокойно въ лѣсахъ стародубскихъ. Сюда къ нимъ пришелъ и другой священникъ изъ города Бѣлева, по имени Стефанъ, и съ нимъ много старообрядцевъ изъ нынѣшнихъ Тульской и Калужской губерній. Они основали слободу Митьковку. Царевна Софія и патріархъ Іоакимъ узнали объ этихъ поселеніяхъ. Тамошнему полковнику повелѣно было притѣвлять, относительно поселившихся въ Стародубѣ, 12 статей 1685 года, и возвращать ихъ на родину. „Таковому указу разгласившуся, говорить одинъ раскольническій писатель, ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсышася... Говенію же въ Великороссіи на старообрядцы належащу, мнози

¹ А не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣстующемъ священствѣ* (Н. С. Тихокурова *Лѣтопись Русской литературы и древности* т. IV, смѣсь, стр. 56. Ср. преосвященнаго Макарія *Исторія русскаго раскола* стр. 293). Изъ стародубскихъ полковниковъ не было ни одного, котораго бы звали Гавриилою Ивановичемъ (Маркевича *Исторія Малороссіи*. V—169).

оставляюще своя отечества.“¹ Насельники старообрядскихъ слободъ перешли рубежъ литовскій, бывшій отъ нихъ всего верстахъ въ пятнадцать. Здѣсь, у самой почти русской границы, они нашли для себя удобное мѣсто. На пустомъ островѣ р. Сожи, текущей въ Двѣпръ, недалеко отъ нынѣшняго города Гомеля, они построили первую слободу, названную по имени острова Вѣткою. Паяъ Халецкій, которому принадлежалъ этотъ островъ, былъ очень радъ пришельцамъ, отвелъ имъ пустовавшую дотолѣ у него землю, и получая за несъ старообрядцевъ хорошій чиншъ (оброкъ), защищалъ ихъ сколько могъ. Это было въ 1685 году. Послѣдователи поповщины, жившіе въ Россіи и подвергавшіеся преслѣдованіямъ, узнавъ что за литовскимъ рубежомъ „старая вѣра во слабѣ,“ устремились изъ разныхъ мѣстъ „во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованія паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустая мѣста и звѣропаственная населяхуся, и вмѣсто дровесъ людей умноженіе показася; трава и тернія растуція въ вертограды и садовія обратшася, гради вторіи показашеся населеніемъ человѣкъ, ими же населихуся Косецкая, Романово, Леонтиево.“² Всего въ самое короткое время старообрядцы населили четырнадцать большихъ слободъ.

Черезъ десять лѣтъ по основаніи Вѣтка сдѣлалась средоточіемъ всей поповщины, какъ бы ея митрополіей. Это случилось вслѣдствіе переселенія сюда изъ Керженскихъ скитовъ чернаго попа Θεодосія. Много странствовалъ на своемъ вѣку этотъ человѣкъ. При началѣ церковнаго раздора ушелъ онъ изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ, но былъ пойманъ, судимъ и по лишеніи сана заточенъ въ Кириловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Здѣсь сидѣлъ Θεодосій семь лѣтъ и обратился къ церкви, но когда его заставили читать синодикъ и дали ему нѣкоторую свободу, онъ бѣжалъ въ Поморье, а оттуда въ Керженскіе лѣса, гдѣ вмѣстѣ съ пошехонскимъ дворяниномъ, Феодоромъ Яковлевичемъ Токмачевымъ, поселился сначала на Белмашѣ, а потомъ въ скиту Смольяны³, который

¹ Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣгствующихъ священствѣ въ Литовскихъ русской литературы и древности*, т. IV. Смѣсь стр. 58.

² Тамъ же.

³ Этотъ скитъ былъ основанъ Сергіемъ Салтыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и другими Смольянами, пришедшими изъ Бизюкова монастыря на

былъ тогда центромъ всего Керженца и Чернораменна. Прежде жилъ тутъ Діонисій Шуйскій, у котораго былъ доволный запасъ мѣра и Св. даровъ, освященныхъ еще при патриархѣ Іосифѣ. Это возвысило Діонисія, на степень главы старообрядчества, а жительство его, Керженецъ, сдѣлало какъ бы митрополіей всѣхъ послѣдователей поповщины. Не имѣя ни антимиасовъ, ни одиконовъ, ни Діонисій, ни другіе попы, уклонившіеся въ расколъ, не могли служить литургій, и тотъ у кого было болѣе старыхъ запасныхъ даровъ, дѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ. За дарами пріѣзжали на Керженецъ издалека и повсюду распространялась слава Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлившагося на секты. Θεодосій около 1690 года сдѣлался преемникомъ Діонисія и вмѣстѣ съ Токмачевымъ правилъ всѣмъ Керженцомъ: собиралъ соборы, распространялъ и поддерживалъ расколъ и этимъ обратилъ на себя зоркое вниманіе правительства. Начались розыски. Токмачевъ былъ арестованъ, его судили и сожгли, а другъ и собесѣдникъ его, Θεодосій успѣлъ бѣжать въ Калугу. Смольяны были раззорены до тла. Это было въ 1694 году. Не имѣя болѣе при себѣ ни мѣра, ни запасныхъ даровъ, которые, при скоромъ бѣгствѣ, оставилъ въ Смольяныхъ, Θεодосій чувствовалъ, что онъ лишился вліянія на старообрядцевъ, что слава его, какъ главы раскола, миновала. Въ Калугѣ представился однако ему

Керженецъ около 1656 г. Это мѣсто недалеко отъ деревни Ларионова, что близъ города Семенова. За Шарпанскимъ скитомъ, уничтоженнымъ въ 1853 году, въ густомъ лѣсу, по болоту, есть тропинка. На ней мѣстами уцѣлѣли полусгнившія сосновыя и еловыя кладки. Ковнаго вѣду, кажется, тутъ никогда и не бывало. Тропинка приводитъ пѣшехода до признаковъ стараго скита, уже поросшихъ материмъ лѣсомъ. Замѣтны погребныя ямы, сѣды огородныхъ грядъ и кладбища. На кладбищѣ двѣнадцать могилъ, на могилахъ двѣнадцать камней. Тутъ похоронены Діонисій Шуйскій, бывшій некогда главою поповщины, и другіе одиннадцать поповъ. Урочище это называется Смольяны или Смольяны. Преданіе говоритъ, что тутъ былъ большой скитъ, раззоренный еще прежде Питурича, въ которомъ жили царскіе бояре не захотѣвшіе принять Никоновыхъ повозведеній. Это „Старый Керженецъ“, первый раскольническій скитъ, основанный еще въ 1656 году. Белмашъ, рѣчка впадающая въ Керженецъ (въ Макарьевскій уѣздъ Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою). Здѣсь, на устьѣ Белмаша, въ XVII столѣтіи, старообрядцы устроили скитъ, уничтоженный Питуричомъ, который по указу Петра въ 1708 году устроилъ тутъ Троицкій Белмашскій женскій монастырь, доселѣ существующій.

счастливыи и совершенно не ожидаемый случай поправить дѣла. Выше сказано было, что старообрядцы въ то время нигдѣ не служили обѣдни, и что у нихъ повсюду чувствовался крайній недостатокъ въ святыхъ дарахъ.¹ Въ Калугѣ стояла одна ветхая церковь Покрова Богородицы. Много лѣтъ уже не отправлялось въ ней, за ветхостію, церковной службы; но она не была нарушена: въ ней былъ и престолъ и антиминсъ, освященные еще при патриархѣ Іосифѣ, и иконостасъ времени Ивана Грознаго. Старикъ Θεодосій, уже болѣе полулѣтка не служившій обѣдни, изыскалъ случай, ночью, въ великій четвертокъ 1695 года, совершить въ этой запустѣлой церкви литургію и освятить запасные дары. Все сдѣлано было сообразно требованіямъ самыхъ строгихъ ревнителей стараго обряда. Въ до-Никоновской церкви, на до-Никоновскомъ антиминсѣ, до-Никоновскаго рукоположенія священникъ совершилъ литургію по старому *Служебнику*. Святость даровъ, освященныхъ Θεодосіемъ была для всѣхъ несомнѣнна; даже самые безпоповцы просили у него совершенныхъ имъ даровъ. Θεодосій разослалъ частицы ихъ по всѣмъ сторонамъ, гдѣ жили старообрядцы и его падавшая было слава возникла въ новомъ, большемъ прежняго, блескѣ. Осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ Θεодосій получилъ доступъ въ калужскую церковь, но полагать надобно, что тутъ дѣйствовали деньги, ибо вскорѣ послѣ того Θεодосій сдѣлался владѣтелемъ Иоанновскаго антиминса, сто лѣтъ слишкомъ находившагося въ калужской церкви, въ которой удалось ему отслужить обѣдню, доставившую ему столько славы и вліянія. Въ русскихъ предѣлахъ съ такими пріобрѣтеніями Θεодосію оставаться было небезопасно; розыски его не кончились. За литовскимъ рубежомъ было не въ примѣръ надежнѣе и безопаснѣе. На Вѣтку усердно звали его тамошніе старообрядцы, свѣдавъ какимъ сокровищемъ онъ обладаетъ. Вѣтковскіе отцы послали искуснаго старца Нифонта съ другими въ Калугу, съ просительными письмами къ Θεодосію, приглашая его къ себѣ на жительство. Θεодосій согласился, и въ 1695 году перешелъ литовскій рубежъ и явился на Вѣткѣ, „идѣ же радостными при-

¹ Запасные дары мѣшали съ мукой и испеченные изъ этой муки хлѣбы принимали, какъ таинство; тѣсто съ крупяцами святыхъ даровъ намазывали на полотки и лоскутками его пріобщались. См. Андрея Иоаннова Журавлева *Историческое извѣстіе о раскольникахъ*, стр. 279.

вѣтствы возблагодаривъ приходъ его къ нимъ, и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе купно и веселящеся на вступленіе того, вси увядшіе печалію весело хождаху.“¹ Посмотрѣвъ Θεодосій: видитъ вѣтковская моленная мала, не можетъ вмѣщать всѣхъ богомольцевъ, ибо съ каждымъ днемъ населеніе тамошнихъ слободъ увеличивалось бѣглыми за границу старообрядцами. И велѣлъ ее распространять. Обрадованные Вѣтковцы живо схватились за топоры и въ нѣсколько дней срубили изъ дубоваго лѣса большую церковь. Θεодосій поставилъ въ ней каужскій иконостасъ и вмѣстѣ съ двумя попами: роднымъ братомъ своимъ, Александромъ, и пріѣхавшимъ изъ Москвы Григоріемъ, освятилъ церковь во имя Покрова Богородицы, на антиминосѣ, который былъ на Вѣткѣ еще до водворенія въ ней Θεодосія. Предшественнику его, вѣтковскому попу Іоасафу, привезла этотъ старинный антиминосѣ, по всей вѣроятности выкраденный изъ какой-нибудь православной церкви, старица изъ города Бѣлева, по имени Меланія. Это была первая раскольническая церковь, и литургія, совершенная тремя попами въ день освященія вѣтковской церкви была первая раскольничья обѣдня.

Вѣтка съ церковью и обѣднями стала быстро возвышаться; толпы за толпами приходили на берега Сожи. Русскіе старообрядцы вскорѣ населили здѣсь четырнадцать большихъ слободъ. Въ нихъ было до сорока тысячъ жителей. Явились монастыри, мужскіе и женскіе. Міряне занимались торговлей и управлялись выборными людьми. Θεодосій сдѣлался главою всей поповщины, онъ разсылалъ благословеніе и святыя дары по всѣмъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ и разсылалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Нигдѣ не могли принять попа безъ благословенія настоятеля вѣтковской покровской церкви. Самый Керженецъ преклонился передъ Вѣткой: туда, въ это бывшее дотолѣ средоточіе всей поповщины, Θεодосій посылалъ грамоты, какъ власть имѣющій. Не доставало мѣла: старое Іосифовское старообрядцы разбавляли деревяннымъ масломъ. Черезъ полѣтка и разбавленнаго такимъ образомъ было очень мало. Θεодосій сварилъ и мѣло.

¹ Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ*, стр. 62.

Во время вторженія Карла XII и измѣны гетмана Мазепы раскольники вѣтковскіе, а также и оставшіеся въ Стародубѣ, сами собрались и стали противъ враговъ русской земли. Они оказали услуги Петру I, отбивая у Шведовъ обозы, нападая на малые отряды, однимъ словомъ, ведя въ это время партизанскую войну. Нѣсколько сотъ Шведовъ было убито старообрядцами, а захваченныхъ плѣнниковъ жители стародубскихъ слободъ представили лично Петру. Государь былъ доволенъ такимъ доказательствомъ ихъ вѣрности, простилъ бѣглецовъ и утвердилъ за ними тѣ земли Стародубья, на которыхъ они поселились. Вѣтковцевъ не велѣлъ трогать. Это обстоятельство много способствовало къ возвеличенію тамошнихъ раскольническихъ общинъ. Стародубскія слободы, запустѣвшія было за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ, вновь заселились больше прежняго. Черезъ нѣсколько лѣтъ Стародубскія слободы были сильны и вліятельны не менѣе самой Вѣтки.

Гоненія были только въ Москвѣ, на Керженуцъ и по Волгѣ. Петра вооружили противъ тамошнихъ старообрядцевъ распространяемые ими по народу толки о томъ, что Петръ Нѣмецъ, Шведъ, подметный царь, антихристъ, что не повиноваться ему, „братися съ нимъ, яко со врагомъ Господнимъ, съ антихристомъ,“ самъ Богъ повелѣваетъ. Мы уже говорили, что въ 1669 году, ошибшіеся въ разчисленіяхъ о кончинѣ міра, раскольники высчитали, что антихристъ придетъ въ 1699 году, а кончина міра послѣдуетъ въ 1702 году. Въ 34 году по Р. Х. распять былъ Спаситель, говорили они, и тогда же связанъ Сатана на тысячу лѣтъ, то-есть до 1034 года, когда отпала римская церковь отъ православія. Съ этого времени до явленія антихриста долженствовало исполниться число лѣтъ, равное апокалипсическому числу въ имени антихриста, то-есть 666. Итакъ онъ долженъ явиться въ 1699 или 1700 году, а черезъ два съ половиной года, то-есть въ 1701 или 1702 году должно послѣдовать свѣтопреставленіе. Когда исполнялись эти года, Петръ I воротился изъ-за границы, обритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, и сталъ передѣлывать Русь на „нѣмецкій манеръ“. Свѣдали старообрядцы, что возвратясь въ Москву, онъ, не заѣзжая ни въ Кремль, къ тамошнимъ чудотворцамъ, ни къ Иверской Божіей Матери, прямо проѣхалъ на Кокуй въ Нѣмецкую слободу, въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ

прокутилъ цѣлую ночь¹. На другой день по прїѣздѣ, когда представлялись къ нему бояре, онъ обрилъ ихъ, кромѣ только двухъ, и затѣмъ велѣлъ всѣхъ русскихъ людей бороды лишить и всѣмъ нѣмецкое платье надѣвать. Черезъ пять дней, въ день новаго года (1-го сентября), вопреки древнему, свято чтимому обычаю, Петръ не явился на кремлевской площади въ царскомъ облаченіи, и не принялъ, по древнему обыкновенію, благословенія патриарха и поздравленія отъ боярѣ и отъ народа, и самъ не „здравствовалъ народъ“ съ новолѣтіемъ. За то въ этотъ самый день былъ на пиру у Шеина, много пилъ и велѣлъ шутамъ рѣзать послѣднія боярскія бороды. Черезъ недѣлю по прїѣздѣ, былъ пиръ у Лефортова; на пиру бритый царь, бритые бояре, и Нѣмцы съ женами и дочерьми сильно выпили. Музыка гремѣла; царь плясалъ съ Нѣмками. Черезъ двѣнадцать дней по прїѣздѣ, не допустивъ царицу на глаза къ себѣ, постригъ ее и заточилъ ее въ монастырь. Отправивъ пиры, принялся Петръ за кровавый пиръ—за стрѣльцовъ: черезъ три недѣли по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ начался стрѣлецкій розыскъ. Стѣны Кремля были утыканы стрѣлецкими головами и самъ царь въ Преображенскомъ рубилъ головы стрѣльцамъ. Петръ публично ѣлъ скоромное по постамъ. Измѣнилъ исчисленіе, перенесъ новый годъ съ сентября на январь. Соблазнились и смутились русскіе люди больше чѣмъ сто лѣтъ передъ тѣмъ смущались они во дни Гришки Отрепьева. „Да впрямь царь ли онъ? Не по-царски поступаетъ. Не новый ли это у насъ Гришка Растрига объявился?“ говорили въ народѣ. И пошли толки: „благочестивый царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ въ Стеклянное государство² и тамъ пропалъ безъ вѣсти.“ Исключительно русское воззрѣніе! Стали спрашивать: „а кто же теперь на Москвѣ царство держитъ?“ Отвѣчали: „сказываютъ, что нѣкій Жидовинъ отъ колѣна Данова³. Какъ скоро-де онъ наѣхалъ на Москву и все сталъ творить по-жидовски: у патриарха благословенія не принялъ, въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, на поклоненіе ризъ Господней, пречестной Владимірской иконѣ Богородицы, писанной Лукой евангели-

¹ Устряловъ. *Исторія царствованія Петра Великаго*. III—621. Довесеніе Гваріента императору Леопольду отъ 12 сентября 1668 года.

² Русскіе Стокгольмъ называли „Стѣкляно“; отсюда и Стеклянное царство.

³ По сказаніямъ антихристъ будетъ Еврей изъ колѣна Данова и явится на Сѣверѣ.

Стожь, и къ цѣльбоноснымъ мощамъ московскихъ чудотворцовъ не пошелъ, потому что звалъ: сила Господня не допуститъ его, окаяннаго, до святаго мѣста. Къ Архангелу не ходилъ, гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того что они ему чужи и весьма ненавистны. Въ Кремлевскіе чертоги не вошелъ, глаумяся надъ ними и сожечь ихъ замышляя... Никого изъ царскаго рода, ни царицы, ни царевича, ни царевень не видалъ, боясь что они обличать его, скажутъ ему, окаянному: „ты не нашъ, ты не царь, а Жидъ проклятый“. Для того царицу и царевень постригъ, а маленькаго царевича, сына благочестиваго царя Петра Алексѣевича, коему бы достояло теперь пріяти великій скифетръ московскаго государства и всея Россіи, Нѣмцамъ отдалъ, а потомъ убилъ. Народу въ день новолѣтія не показался, чая себѣ обличенія, якоже и Гришкѣ Растригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по-растригинуму поступаетъ: святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не бываетъ, живетъ блудно, съ погаными Нѣмцами заедино, и нынѣ на Московскомъ государствѣ Нѣмецъ сталъ великъ человекъ. Самый ледащій Нѣмецъ теперь выше боярина и самого патріарха. Да онъ же, Жидовинъ, съ блудницами Нѣмками всенародно пляшетъ... Бояръ перебрилъ и въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ и всѣхъ русскихъ людей велѣлъ бороды лшати и всѣмъ нѣмецкіе кафтаны носить. Пьетъ вино не во славу Божію, а нѣкакo нелѣпно и безобразно, яко кабацкіе пропойцы, безобразно во пьянствѣ валяся, и глаумяся во пьянствѣ, своихъ же пьяницъ, оваго святѣйшимъ патріархомъ нарицаеть; овыхъ же митрополитами, и архіепископы и епископы, себѣ же протодіакономъ, горло веліе имѣяи и срамоты со священными глаголы смѣшивая, велегласно вопія на потѣху своимъ нѣмецкимъ людямъ, паче же на поруганіе святыни. Самъ табакъ пьетъ и другихъ пить сіе треклятое зеліе повелѣваетъ, а при благочестивыхъ царѣхъ тѣмъ, кто табакъ пьетъ, носы рѣзали. Патріаршій чинъ упраздни, и митрополитовъ такожде упраздняя. У Бога восемь лѣтъ украль¹, чая да

¹ Въ свято чтимыхъ раскольниками старопечатныхъ книгахъ говорилось что отъ сотв. міра до Р. Х. не 5508 а равно 5500 лѣтъ. Когда Петръ заимѣвалъ старинное лѣтосчисленіе отъ сотворенія мира общеприятнымъ въ Европѣ численіемъ отъ Р. Х. и при этомъ 7.208 годъ стали считать не 1708 а 1700, отъ этого и пошелъ толкъ о томъ, что Петръ I у Бога восемь лѣтъ украль. Этотъ толкъ внесень во многія раскольническія сочиненія.

не явится въ людѣхъ прореченное о немъ тайновидцомъ Иоанномъ Богословомъ исчисленіе времени, — да не явится антихристомъ въ міръ пришедшимъ, еже и бысть. Страдничества же того Жидовина, и всякихъ дѣлъ его нечестивыхъ всѣхъ по ряду не возможно описать, аще бы вся богопротивныя дѣла сего Жидовина описать, мною со евангелистомъ Иоанномъ міру цѣлому не вмѣстити пишемыхъ книгъ. Оле! разоренія благочестія, оле! попранія святыни Господней, оле же запустѣнія на мѣстѣ святѣ, прореченнаго Данииломъ пророкомъ¹:

Подъ вліяніемъ подобныхъ толковъ образовалось въ раскольникахъ убѣжденіе, что антихристъ, ожидаемый ими въ 1699 году, никто другой, какъ Петръ I. Явились грамотеи прилежно занявшіеся составленіемъ выписокъ объ антихриствѣ изъ разныхъ церковныхъ книгъ, съ примѣненіями ихъ къ личности Петра I. Тотчасъ по возвращеніи его изъ-за границы такими выписками, между прочими, занялся переписчикъ

¹ *Сказаніе вкратцѣ о послѣднихъ губительныхъ временахъ крайнаго антихриста*—въ сборникѣ XVIII ст. въ которомъ помѣщены и другія раскольническія сочиненія. Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа видно, что на Керженцѣ и между кержаками, переселившимся въ Пермскую губернію и Сибирь были такія рѣчи:

„Петръ Шведъ обманывалъ, потому догадывайся, дѣлаеть Богу противно: противъ солнца крестятъ и сватъбы вѣнчаютъ, и образа пишутъ съ шведскихъ персонъ, и посту не можетъ воздержатъ, и платье возлюбилъ шведское, и со Шведами петь и вѣст, и изъ ихъ королевства не выходитъ, а паче того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу, и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобъ съ нею царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ: своими руками убилъ для того чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ за себя Шведку, царицу Екатерину Алексѣевну, и та царица дѣтей не родитъ, и онъ (Петръ I) сдѣлалъ указъ, чтобы за предбудущаго государя крестъ цѣловать—и то крестъ цѣлуеть за Шведа; одноконецъо станетъ царствовать Шведъ, родственникъ царицы Екатерины Алексѣевны или братъ; и великій князь Петръ Алексѣевичъ (Петръ II) родится отъ Шведки — мѣроу въ аршиахъ съ четвертью съ зубами—не простъ человекъ: онъ антихристъ.... а онъ (Петръ I) съ царицею Екатериною Алексѣевною сжиася прежде вѣнца....“ (Г. В. Есиповъ *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, II, 41, 46, 47.) Когда царствовала Елисавета Петровна, при которой раскольниковъ преслѣдовали, они говорили, что она не прямая царица.... а что настоящій законный царь есть—Иванъ Антоновичъ, отрасль благочестиваго царя Ивана Алексѣевича, за котораго стрѣльцы стояли и головы свои за него сложили, по той причинѣ что царь Иванъ Алексѣевичъ будто бы былъ старообрядецъ. За такіа разглашенія трое керженскихъ келейныхъ жителей въ 1744 году биты кнутомъ съ вырваніемъ коздрей и сосланы въ Нерчинскъ на горные заводы.

Книгъ, Григорій Талицкій¹. Писанія его одобрялись не только священниками, но даже однимъ архіереемъ — тамбовскимъ Игнатіемъ. Подражателей Талицкому было много; не мало было ихъ и на Керженцѣ, и по Волгѣ. Фанатики гибли на кострахъ и плахахъ, умирали съ радостью, утѣшая себя мыслию, что гибнутъ отъ руки самого антихриста и потому несомнѣнно будутъ удостоены царства небеснаго. По мѣстамъ являлись люди, называвшіе себя, кто Енохомъ, кто Иліей пророкомъ, пришедшими для обличенія антихриста. Въ 1701 году опять явились „гробополагатели“ и, лежа въ саванахъ, опять отпѣвали себя, опять тоскливо пѣли:

Древнѣй гробъ, сосновый,
Ради меня строекъ.
Въ немъ буду лежати,
Трубка гласа ждати....

По городамъ толковали и Талицкій писалъ, какъ Петръ пойдетъ на войну, начинавшуюся тогда со Шведами, то бы

¹ Выпуска изъ дѣла о Григоріи Талицкомъ представляемая въ 1750 году императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, напечатана Г. В. Есиповымъ (*Раскольническія дѣла XVIII столѣтія*, I, 59—86). Его пытали на Красной площади передъ народомъ. Желябужскій говоритъ: „въ томъ же году (1701) мученъ разными пытками на Красной площади вѣдомый воръ Гришка Талицкой въ великомъ государствennomъ дѣлѣ, и сожженъ; и многіе всякихъ чиновъ люди и отъ приходовъ изъ монастырей дьячки ловлены и пытаны; и розыски были великіе.“ (Сахарова: *Записки русскихъ людей. Записки Желябужскаго*, стр. 86). Епископъ Игнатій по лишеніи сана сосланъ въ Соловки; епархія тамбовская уничтожена; три попа, одинъ пономарь и одинъ иконовикъ казнены вмѣстѣ съ Талицкимъ; девять чело-вѣкъ бито кнутомъ и сослано въ Сибирь; жену Талицкаго, двухъ попадей и жену иконовика сослали въ Сибирь. Талицкій намѣревался свое сочиненіе выпустить въ видѣ прокламаціи и для того иконовикъ вырѣзывалъ его на деревѣ. Кажется, Григорій Талицкій былъ родомъ изъ Талиць, отчего и прозывался Талицкимъ. Талицы Большая и Талицы Малая двѣ смежныя, составляющія одну населенную мѣстность деревни, Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи, на границѣ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи, близъ рѣки Узолы и извѣстнаго по своей торговлѣ удѣльнаго села Коверкина. Населеніе Талиць сплошь раскольническое. Верстахъ въ пятнадцать отъ Талиць начинались керженскіе и чернораменскіе скиты. Раскольники въ Талицахъ самые закоренѣлые. Въ окрестностяхъ жители, желая сказать о комъ-нибудь что онъ упорный раскольникъ, говорятъ: „да онъ, что твой Талицкой“. Мысль, что Петръ I — антихристъ до сихъ поръ держится въ Талицахъ, и сохранялось преданіе, что кого-то изъ ихъ деревни антихристъ-Петръ мучилъ, на Москвѣ живемъ жегъ.

разосланнымъ стрѣльцамъ собраться въ Москву и посадить царевича Алексѣя Петровича на царство, а если и онъ въ жидовство пошелъ и Нѣмцемъ во всемъ учинился, то выбрать царя православнаго. Указывали даже на кандидата въ цари на престарѣлаго и богатаго князя Михаила Алегуковича Черкаскаго, которому и Петръ не посмѣлъ обречь бороды. Петръ приказалъ Стефану Яворскому написать книгу „О знаменіяхъ прішествія антихристова“, чтобы народъ, читая ее, не вѣрилъ раскольническимъ разглашеніямъ, а раскольниковъ объявилъ „лютыми неприятелими, государству и государю непрестанно зло мыслящими.“ Особенное вниманіе обратилъ онъ на Керженскіе лѣса, которые Св. Дмитрій Ростовскій почему-то назвалъ Брынскими. Тамъ было 77 скитовъ и въ нихъ болѣе семи сотъ монаховъ и сашкомъ 1800 монахинь. Деревенскій же народъ поголовно былъ въ расколѣ. Тамъ писались выписки и слагались розказни о Петрѣ-антихристѣ; тамъ бывали раскольническіе соборы; тамъ принимались бѣглые отъ церкви попы и разсылались по Россіи.

Въ 1706 году жившій самъ прежде въ кельяхъ на Керженцѣ и находившійся долгое время въ расколѣ, игуменъ Переславскаго Никольскаго монастыря, Питиримъ, посланъ былъ раздраженнымъ Петромъ на Керженецъ для истребленія раскола. Этотъ Питиримъ своими „равноапостольскими“¹, по выраженію Петра, подвигами почти въ конецъ раззорилъ скиты керженскіе и чернораменскіе. Изъ раззоренныхъ имъ скитовъ старообрядцы бросились за рубежъ, на Вѣтку. Питиримъ и до Вѣтки сталъ добираться. Ровно за двадцать лѣтъ до „вѣтковой выгонки“, въ 1715 году, предлагалъ онъ Петру раззорить раскольничьи селенія за рубежомъ, а особенно церковь на Вѣткѣ, говоря что „велія будетъ въ томъ польза, понеже бѣжать будетъ некуда.“² На раззореніе Вѣтки, находившейся въ чужихъ владѣніяхъ, Петръ, какъ видно, не рѣшился, хотя во время розысковъ надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и посылалъ зачѣмъ-то на Вѣтку рекомендованнаго ему Питиримомъ

¹ Г. В. Есипова *Раскольническія дѣла XVIII столѣтія*, II, 234—239.

² Собственноручная резолюція Петра I на доносеніи отъ Питирима 8 марта 1715 года; находится вмѣстѣ съ другими письмами Петра къ Питириму въ Нижегородской духовной консисторіи.

³ Г. В. Есипова *Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія*, II, 220.

Юрьевца Поволжскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія¹. Результаты Аврааміевой поѣздки остались намъ неизвѣстны. Вѣтка между тѣмъ благоденствовала. Паденіе Керженца, ослабленнаго Θεодосіевою церковью, внутренними раздорами и безошадными преслѣдованіями Питурима, придало еще болѣе блеску и значенія Вѣткѣ. У нея не стало соперника. Въ безопасности своей тамошніе жители были вполне увѣрены. Они платили хорошій чиншъ пану Халецкому, и Халецкій стоялъ за нихъ горю. „У Петра рука долга, а сюда не хватитъ,“ говаривали самодовольные Вѣтковцы. „И наста (на Вѣткѣ) тихое житіе и дѣла изобильна.“²

Вѣтковцы недовольствовались такимъ, сравнительно съ остававшимися въ Россіи ихъ одновѣрцами, счастливымъ положеніемъ. Они хотѣли бѣльшаго блеска, бѣльшей славы въ средѣ старообрядцевъ, бѣльшаго глѣннѣя на нихъ своей Вѣтки. Они хотѣли сдѣлать ее дѣйствительною митрополіею всѣхъ ревнителей стараго обряда, гдѣ бы они ни жили.

Мысль, что только та церковь истинна, въ которой сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи, мысль, что должно имѣть самостоятельную церковь со святителями, а не „обкрадывать церковь великороссійскую“, занимала почти всѣхъ вліятельныхъ людей на Вѣткѣ. Отчасти побуждала Вѣтковцевъ искать архіерея и увеличивающаяся подлѣ нихъ съ каждымъ годомъ сила Стародубья.

Съ 1715 года началось у старообрядцевъ дѣятельное *исканіе архіерея*. Дѣло, какъ сейчасъ сказано, было начато за рубежомъ. Въ Россіи не всѣ старообрядцы поповщинскаго толка были согласны на исканіе архіерейства. Въ Стародубѣ нашлось не мало сочувствовавшихъ вѣтковскому предпріятію, а также въ общинахъ Московскои, Тверскои, Новоторжскои, Ржевскои, но

¹ Въ Нижегородскои духовной консисторіи въ книгу: *Переписка Петра I съ Памириломъ* переплетены: а) пась, данная Авраамію 10 марта 1718 года въ Москвѣ за собственноручнымъ подписомъ Петра (во время розыска о царевичѣ никому не давалось паспортовъ и подорожныхъ илаче какъ съ личнаго дозволенія царя и за его подписомъ), и б) подорожная на двѣ лошади, данная Авраамію 12 марта 1718 за подписомъ графа Ивана Мусала Пущкама. Въ этой подорожной сказано: „отъ Москвы до Калуги, и до Брянска, и до Стародуба, и до польскаго рубежа.... Отпущень оны по Его Великаго Государя имянному указу, по *збеланію его*, въ Польшу.“

² Иона Курносый.

Керженецъ еще не павшій въ то время отъ руки Питурима, и старообрядцы, ушедшіе съ Керженца на Демидовскіе уральскіе заводы ¹, а также жившіе въ Казани и по Волгѣ, были несогласны на приѣмъ архіерея. Не знаемъ, какъ была принята эта мысль на Дону, гдѣ все казачество находилось въ расколѣ. Такимъ образомъ, на востокѣ, вдали отъ зарубежной церкви, оказалось среди старообрядцевъ несогласіе на исканіе епископа, но чѣмъ ближе жили старообрядцы къ литовскому рубежу, тѣмъ болѣе замѣчалось сочувствія къ этому предпріятію. Впрочемъ и здѣсь многіе блазнилися, говоря: „какъ же мы отъ обливанцевъ епископа примемъ? Не будетъ ли сія послѣдняя вещь горше первой? Не будетъ ли такое дѣло еретичествомъ, паче самаго никоніанства?“ Вѣтковскіе старшины, предвидя, какія огромныя выгоды будетъ получать ихъ слобода, если въ ней поселится старообрядческій епископъ, сколько денегъ перевезется на Вѣтку изъ разныхъ концовъ Россіи, сначала и думать не хотѣли объ обливанствѣ и опасенія строгихъ ревнителей называли блажью. Къ тому же, живя въ Бѣлоруссіи и видя что тамошніе православные священники не поливаютъ, а погружаютъ въ три погруженія, не очень то и довѣряли они тому, что у Грековъ содержится обливательное крещеніе. Тѣмъ не менѣ рѣшились искать архіерейства, не у Грековъ, а въ Яссахъ, у молдовлахійскаго митрополита: онъ былъ поближе, и притомъ поселившіеся въ Бессарабіи и Молдовлахіи русскіе выходцы, старообрядцы, съ клятвою увѣряли, что въ тамошнихъ мѣстахъ у православныхъ о поливательномъ крещеніи и слуху нѣтъ, а водится оно только у подвластныхъ римскому костелу униатовъ.

По предварительному соглашенію съ Вѣткой, жившіе въ Молдавіи старообрядцы вошли въ сношеніе съ тамошнимъ митрополитомъ Антоніемъ, обѣщавъ ему за поставленіе епископа построить для него въ Яссахъ каменную церковь. Они „удобоприступна себѣ яскаго митрополита Антонія обрѣтоша, говоритъ Иванъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*, къ нему же тамо живущіе старовѣрцы свободный входъ въ разговоръ имуще, чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно

¹ Демидовъ, получивъ отъ Петра I земли на Уралѣ сзывалъ туда поселниковъ изъ другихъ мѣстъ. Съ Керженца много пришло туда раскольниковъ. Оттого въ Пермской губерніи и до сихъ поръ всѣхъ раскольниковъ зовутъ *керѣбаками*, даже слова „содержать расколъ“, „раскольничать“ замѣняютъ словомъ „керѣбачить“.

просиша его, да посвятить имъ отъ нихъ челоуѣка во епископа. Онъ же на се созволи и повелѣ подати доношеніе, кое поданное явѣ сотворено бысть господарю и совѣтникомъ его.“ Господарь былъ не прочь: и онъ, и Антоній, едва ли хорошо знали, что такое русскій расколъ и въ чемъ состоитъ раздѣленіе русской церкви. „И вси радостно созволяху на то“, прибавляетъ Иванъ Алексѣевъ. Это было въ 1730 году.

Молдавскіе раскольники не замедлили сообщить своимъ вѣтковскимъ оновѣрцамъ объ успѣхѣ дѣла. Немедленно черныи попъ Власій, игуменъ Вѣтковского монастыря, собралъ соборъ изъ духовныхъ и мирскихъ; на соборѣ были и выборные изъ стародубскихъ слободъ діаконовскаго толка. Избрали кандидата и вмѣстѣ съ выборными людьми, какъ вѣтковскими, такъ и стародубскими, въ 1731 году отправили его въ Яссы. Здѣсь явились они и господарю Михаилу и митрополиту Антонію, тому и другому, поднесли грамоты отъ Власія и отъ всего собора. Дѣло совсѣмъ было уладилось, но, на бѣду старообрядцевъ, неожиданно - негаданно пріѣхалъ въ Яссы константинопольскій патріархъ, въ зависимости котораго были и молдавская митрополія и Западная Русь, гдѣ находилась Вѣтка. Антоній доложилъ патріарху объ искательствѣ старообрядцевъ. Патріархъ пожелалъ видѣться съ ними и лично переговорить. Старообрядцы представились патріарху; подали и ему прошеніе. Фанариотъ обошелся съ ними ласково, привѣтливо, ибо люди они были богатые, митрополиту дорогую каменную церковь вызывались построить. Много говорить съ старообрядцами патріархъ не могъ: онъ не зналъ по русски, они по гречески, однакожь передалъ имъ черезъ переводчика, что объ ихъ дѣлѣ онъ, по возвращеніи въ Царьградъ, посовѣтуется съ другими вселенскими патріархами и пришлетъ отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣсколько времени обѣщанный отвѣтъ дѣйствительно былъ полученъ Антоніемъ. Это были двѣнадцать пунктовъ, принятіе которыхъ кандидатомъ во епископа патріархи вселенскіе поставляли непремѣннымъ условіемъ. Тутъ произошелъ совершенно неожиданный для старообрядцевъ оборотъ дѣла, такъ хорошо было пошедшаго. Вѣтковцы съ стародубскими діаконовцами хотя и заодно пріѣхали и объ одномъ хлопотали, однакоже, не имѣя между собой общенія „ни въ ястіи, ни въ питіи, а тѣмъ паче въ рѣчей согласованіи“,

дѣйствовали каждая сторона особо. Когда въ Яссахъ получены были патриаршіе пункты, написанные, разумѣется, по гречески, Вѣтковцы, отдѣльно отъ Стародублянъ, пришли къ митрополиту. Онъ показалъ имъ пункты. Вѣтковцы просили перевода ихъ на русскій языкъ, и Антоній исполнилъ ихъ просьбу. Получивъ переводъ, Вѣтковцы не сказали о томъ Стародублянамъ. Эти въ свою очередь, пошли къ митрополиту узнать нѣтъ ли какого отвѣта изъ Царьграда. Антоній усумнился, но показалъ и имъ патриаршіе пункты. Когда же стародубскіе старообрядцы также попросили перевода, митрополитъ разсердился и „возмѣвъ шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себе.“¹ Двѣнадцать пунктовъ или статей, о которыхъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ при разказѣ объ этомъ происшествіи, составляли именно то исповѣданіе вѣры, которое, по церковному уставу, всякій новопосвящаемый архіерей долженъ передъ хиротоніей прочитать въ слухъ всѣхъ предстоящихъ въ церкви, въ отвѣтъ на вопросъ старшаго изъ посвящающихъ: „како вѣруеши?“² Прочитать вѣтковскому кандидату символъ и правила по-своему—значило бы не получить хиротоніи; читать противное убѣжденію не позволяла совѣсть и было зазорно и отъ своихъ и чужихъ. Вообще страннымъ представляется поступокъ митрополита, какъ о немъ разказываетъ Иванъ Алексѣевъ, изъ сочиненія котораго преимущественно заимствовали мы разказъ о посольствѣ старообрядцевъ въ Яссы 1731 года. Сначала соглашаются на предложеніе и государь, и митрополитъ, и даже патриархъ, а потомъ вдругъ отказъ изъ-за самой пустой причины, изъ-за того что старообрядцы во второй разъ попросили перевода. Скорѣй можно было бы предположить, что Антоній, узнавъ точнѣе въ чемъ состоитъ расколъ образовавшійся въ великороссійской церкви, не захотѣлъ имѣть дѣла съ его послѣдователями и посвящать для нихъ епископа. Но въ такомъ случаѣ, какъ же онъ послѣ того хотѣлъ было посвятить Варлаама Казанскаго, зная также что онъ раскольникъ. Не тянулъ ли онъ дѣло нарочно подольше, чтобы получить отъ пріѣхавшихъ за архіерействомъ больше

¹ Иванъ Алексѣевъ: *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ въ Лѣтоя. русск. ист. и древн. IV, свѣсь, стр. 64.*

² Иванъ Алексѣевъ *Исторія о бѣгствующемъ священствѣ, стр. 64:* „пункты же оныя присланные 12, бяху въ таковомъ разумѣ, да хотѣя ставитися, исповѣданіе дастъ новотворные догматы хранили и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити.“

денегъ, и когда получилъ ихъ достаточное количество, прогналъ отъ себя старообрядцевъ, придравшись къ ничтожному предлогу. Подобный поступокъ былъ совершенно въ нравахъ тогдашней румынской церкви и фанаріотовъ, которыхъ присылали туда изъ Царяграда на митрополичьи и епископскія каѳедры.

Пока Вѣтковцы и Стародубцы хлопотали въ Яссахъ, у поморскихъ безпоповцевъ также возникло желаніе получить епископа изъ-за границы. И ихъ, видно, тяготила мысль, что церковь ихъ не организована сообразно каноническимъ правиламъ и остается безъ пастырей и святителей. Избравъ изъ своей среды благочестиваго и набожнаго старика Якова Сидорова, большаго начетчика и искуснаго въ догматствованіи, они снарядили его въ заграничное путешествіе и дали значительную сумму денегъ для полученія хиротоніи. По приговору ихъ, Сидоровъ долженъ былъ ѣхать не въ Грецію и не въ Молдавію, а къ автокефальному патріарху Сербіи, независимому отъ патріарха цареградскаго. Не знаемъ объ обстоятельствахъ поѣздки Сидорова, но она почему-то также не увѣнчалась успѣхомъ.

Тогда и поповщина и безпоповщина, испытавъ, каждая въ свою очередь, по неудачѣ, рѣшились дѣйствовать сообща. Соглашеніе происходило въ Стародубѣхъ. Послали на Востокъ трехъ выборныхъ: одного отъ вѣтковской поповщины, другаго отъ стародубской дьяконщины, третьяго отъ безпоповцевъ поморскаго согласія. Соглашеніе было истиннымъ праздникомъ для старообрядцевъ. Видя то-и-дѣло вновь возникающіе изъ-за обряда толки и разгласія, видя что старообрядство болѣе и болѣе распадается на секты, изъ которыхъ одна ненавидитъ другую, они думали, что наконецъ настанетъ теперь полное согласіе между всѣми ревнителями стараго обряда, и „будетъ едино стадо и единъ пастырь“. Не терпя прежде другъ друга, какъ еретиковъ, они вошли теперь въ общеніе, и въ умиленіи душевномъ пѣли за общею трапезой: „се что добро и что красно, во еже жити братіи вкупѣ.“ Не понравились однако такое сближеніе и такіе замыслы безпоповцамъ ни въ Поморьѣ, ни въ Москвѣ, ни на Керженцѣхъ... Но кого, изъ которой партіи избрать человека, который бы сдѣлался у всѣхъ епископомъ и первостоятелемъ церкви? Рѣшеніе этого вопроса, каково бы оно ни было, непременно перессорило бы соединившіяся секты? Отвращая это и зная притомъ уже по опыту, что трудно, даже невозможно

получить за границей хиротонію для раскольника, какого бы толка онъ ни былъ, собравшіеся на соборъ въ Стародубь рѣшились на то, что удалось потомкамъ ихъ лишь въ 1846 г. Они приговорили стараться склонить къ себѣ какого-либо безудѣльнаго епископа, какихъ на Востокѣ много и теперь, много было и тогда. И такого епископа, „исправивъ“, признать за святителя всѣхъ старообрядцевъ. Главнымъ руководителемъ этого дѣла былъ поморецъ Михаилъ Ивановичъ Витатинъ, одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ людей своего времени, пользовавшійся самымъ высокимъ уваженіемъ не только отъ единомысленныхъ съ нимъ поморцевъ, но и отъ старообрядцевъ прочихъ согласій. Это былъ одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи и въ чужихъ краяхъ, много видѣлъ, много зналъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы релігіозныхъ убѣжденій они ни были. Но и эта попытка не удалась. Долго странствовали соединенные отъ разныхъ согласій посланцы и нигдѣ не успѣли. Витатинъ умеръ въ галицкомъ городѣ Кутахъ, въ небольшомъ раскольническомъ монастырѣ, не задолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ. ¹ Спутники его воротились безъ всякаго успѣха.

Вѣтковцы послали новое посольство, не дожидаясь результатовъ поѣздки Витатина. Хотѣлось имъ какъ можно поскорѣе обзавестись архіереемъ. Инициатива новаго предпріятія принадлежала попу Василію Кондратьевичу Казанскому,

¹ Куты или Куть на галицкомъ берегу рѣки Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу Галиціи съ Буковиной, а въ XVIII ст. границу королевства Польскаго съ Молдавіей. Противъ Куты, на буковинской сторонѣ Черемоша, городъ Вишняца. Это не подалеку отъ знаменитой рывѣ Бѣлой Криницы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Витатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и Стародубцы воротились по смерти своего предводителя домой, а поморцы такъ любили Витатина, что не хотѣли разстаться съ его могилой. Въ послѣдствіи съ ними видѣлся безпоповщинскій писатель Иванъ Алексѣевъ, авторъ сочиненія: *Тайна брака* (См. *Описаніе сочиненій писанныхъ раскольниками*, сочиненіе Александра Б. изданіе Д. Е. Кожанчикова, I, 269). Но здѣсь г. Александръ Б. смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ: автора *Исторіи о бгвствующемъ священствѣ* и автора *Тайны брака*, принявъ два разныхъ лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій словарь въ статью г. Аристова: „Алексѣевъ.“

незадолго передъ тѣмъ перешедшему литовскій рубежъ. Это былъ чрезвычайно энергическій человекъ, гордый, не уживчивый, сварливый, но обладавшій большими свѣдѣніями въ писаніи и необыкновеннымъ даромъ убѣжденія. Бѣжавъ отъ великороссійской церкви, долго онъ священнодѣйствовалъ у старообрядцевъ въ Казани и былъ главою поволжскаго раскола. Оттого и прозвали его Казанскимъ. Онъ не давалъ много воли мірскимъ людямъ, которые по своему богатству и вліянію на народъ давно господствовали во всѣхъ поповщинскихъ общинахъ и управляли дѣлами секты. Василій Кондратьевичъ, по ссорѣ съ „мірскими правителями“, оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и ушелъ на Керженецъ. Онъ былъ еще не старыи человекъ и на Керженцѣ о немъ сомнѣвались, не посвященъ ли онъ епископомъ малороссійскимъ, обливанцемъ, хотя въ дѣйствительности рукоположенъ онъ былъ митрополитомъ казанскимъ, Тихономъ, уроженцемъ Нижняго Новгорода, стало-быть ни въ какомъ случаѣ не обливанцемъ. Разсорясь съ жителями Керженца и Чернораменя, Василій Казанскій уѣхалъ на Демидовскіе заводы, на Уралъ, но и тутъ, по тѣснымъ, постояннымъ связямъ тамошнихъ жителей съ Керженцомъ, былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего сана отъ архіерея-обливанца. Тогда проклявъ и керженскихъ, и заводскихъ старообрядцевъ, поѣхалъ онъ за литовскій рубежъ. На Вѣткѣ, какъ уже было замѣчено, не очень вѣрили обливанству, по крайней мѣрѣ была тамъ сильная партія, не вѣрившая въ обливанство Малороссіянъ и Бѣлоруссовъ. Василій Казанскій сошелся съ ними и очаровалъ ихъ своимъ умомъ, знаніемъ Св. писанія и учительскими дарованіями. Въ то время сама Москва, въ которой еще и въ заводѣ не было Рогожскаго кладбища, когда на мѣстѣ его еще хоронили тѣла запытаныхъ въ Преображенскомъ раскольниковъ, сама Москва (то-есть московскіе старообрядцы) просила Вѣтку прислать въ нее священника, мужа учительнаго и истиннаго пастыря душъ человѣческихъ. Вѣтка послала Василья. Онъ былъ въ Москвѣ, ѣздилъ и по другимъ городамъ и волостямъ „дондеже наполни чпакъ серебромъ и златомъ“¹. Возвратясь на Вѣтку съ большими деньгами, попъ Василій Казанскій постригся въ монахи и былъ нареченъ Варлаамомъ. Возвратился онъ на Вѣтку

¹ Иова Курносый.

въ то самое время, когда тамъ кипѣло дѣло объ исканіи архіерейства. Василій Казанскій, или теперь уже Варлаамъ, присталъ къ сторонѣ нетерпѣливо желавшей имѣть, какъ можно скорѣе, архіерея. Такъ учительно и такъ красно говорилъ онъ о необходимости имѣть епископскій чинъ, такія выказалъ при этомъ способности на соборѣ вѣтковскомъ, что всѣ, даже и не согласные до тѣхъ поръ на новое посольство въ восточныя страны, не дождавшись результатовъ поѣздки Витатина, убѣдились словами Варлаама. Единогласно рѣшили Вѣтковцы послать въ Яссы къ митрополиту Антонію кого-либо изъ своихъ, чтобы посвятилъ его въ епископы. Заша рѣчь о томъ, кого послать, кого епископомъ имѣть. „Ты, отецъ Варлаамъ, поѣзжай,“ заговорили всѣ въ одинъ голосъ. А онъ тому и радъ: давно желалъ архіерейства.

Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и вѣтковскими деньгами. Видно, на деньги онъ уже очень надѣлся; не хотѣлъ смирить своего нрава и передъ митрополитомъ, говорилъ съ нимъ свысока, пускался въ многоглаголаніе, желая учить его, вообще вель себя „съ бойствомъ и велерѣчіемъ“, какъ выражается Иона Курносый. Митрополитъ принялъ однако прошеніе Варлаама, принялъ и „подарунки,“ то-есть подарки, конечно не дешевые, былъ привѣтливъ и любезенъ съ грубымъ, высокомернымъ, но щедрымъ и богатымъ просителемъ, и сказалъ ему: „Будь готовъ къ посвященію.“ Варлаамъ сталъ готовиться. Осуществлялось давнишнее, усердное желаніе старообрядцевъ, исполнялось горячее желаніе властолюбиваго Варлаама. День хиротоніи былъ назначенъ. Наканунѣ призываетъ его митрополитъ и бесѣдуетъ съ нимъ наединѣ.

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ, говоритъ Антоній. — Но когда я посвящу тебя во епископы, какъ ты будешь меня разумѣть? Благочестивъ я, или нѣтъ?

Варлаамъ помолчалъ и уклончиво отвѣчалъ митрополиту:

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній понялъ въ чемъ дѣло, и оскорбился. Слово за слово, и закричалъ раздражительный Грекъ:

— Такъ ты меня благочестивымъ не хочешь не только разумѣть, но даже назвать! Фельдшера сюда!

Фельдшеръ явился по зову, и митрополитъ, указывая на Варлаама, сказалъ:

— Обрѣй этому раскольнику и еретіку бороду и волосы. А потомъ въ рудники его, въ шахты, въ оковы, пусть, скованный, руду копаеть.

И обрилъ фельдшеръ въ митрополичьихъ покояхъ честную брану Варлаама Казанскаго, и попалъ будущій вѣтковскій архіерей въ тюрьму. Посланные съ нимъ изъ Вѣтки, вида такой неожиданный оборотъ дѣла, перетрусили и не знали что дѣлать и какъ быть. А надо же чѣмъ-нибудь пособить обриту кандидату во епископы. Стали ходить съ подарками къ яскимъ властямъ, стали ихъ улещать и просить чтобы заступились за Варлаама, походатайствовали бы за него у грознаго митрополита. И едва умоленъ былъ Антоній: не послалъ Варлаама въ рудники. Избавившись отъ бѣды, онъ съ товарищами и съ пустымъ чпагомъ наскоро ускакалъ изъ Молдавіи, пожилъ гдѣ-то въ укромномъ мѣстѣ, и когда отросла борода, пріѣхалъ въ Вѣтку. Тамъ, передъ соборомъ духовныхъ и мірскихъ, Варлаамъ и съ нимъ бывшіе разказали все что происходило въ Яссахъ. И не похвалили Вѣтковцы Варлаама за то что такъ отвѣчалъ митрополиту. „Ты все дѣло испортилъ“, сказали они.

Выбрали другаго кандидата и послали въ Яссы. Видя однако по двумъ неприятымъ опытамъ, что дѣлу ихъ отъ того больше успѣха нѣтъ, что яскій митрополитъ затрудняется посвятить раскольника, Вѣтковцы повелѣли вновь посланному исполнять всѣ обряды, не принятыя старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, только бы получить желаемое архіерейство.

„Послѣ исправу примешь и проклянешь ереси“, говорили они на соборѣ смутившемуся кандидату.

Онъ затруднялся: человекъ былъ совѣстливый, какъ и оба его предшественника.

„Хоть присягу прими, говорили ему Вѣтковцы,—а не дѣлай такъ, какъ Варлаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ“.

И отправились въ Яссы.

Но въ это самое время по старообрядческимъ общинамъ вдругъ усилились толки о поливательномъ крещеніи у Грековъ и вообще въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Причиною того была изданная Θεофаномъ Прокповичемъ книга: *Истинное оправданіе православныхъ христіанъ крещеніемъ поливательнымъ во Христа креща-*

¹ Гома Курносый. Слова Антонія и Варлаама приведены буквально.

елыхъ. Она возбудила сильныя толки. Стадо-быть справедливо, заговорили старообрядцы даже и на Вѣткѣ, что въ Малороссіи и въ Грекахъ есть поливательное крещеніе. Когда Теофанъ, самъ сущій поливалецъ, защищаетъ и похваляетъ такое, святыми отцами не преданное, крещеніе. Много было отъ этой книги Прокоповича соблазна и для православныхъ, а еще болѣе для раскольниковъ. Посланный Вѣтковцами новый кандидатъ въ епископы, прибывъ на мѣсто, сталъ прежде всего розыскивать какъ крестятъ въ Молдавіи, у Грековъ: въ три погруженія или поливательно? откуда родомъ Антоній и какъ онъ крещенъ? Вѣрно или не вѣрно, сказали ему, что яскскій митрополитъ крещенъ поливательно. Не желая получать хиротоніи отъ обливанца, посланный воротился на Вѣтку и сказалъ отчего онъ много не хлопоталъ о хиротоніи. Не понравилось и это на Вѣткѣ, гдѣ всѣмъ, и мірскимъ и духовнымъ, очень хотѣлось хоть какого-нибудь да своего архіерея. „Они, слышавши, прискорбни бѣша“; говоритъ Іона Курносый.

(Оконч. слѣд.)

П. МЕЛЬНИКОВЪ.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ

ИЛИ

ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ИЗГНАННИКА ¹

Счастлиное стеченіе обстоятельствъ дало мнѣ возможность проникнуть въ домашнюю жизнь Англiи; тамъ, въ этомъ сильномъ и нравственномъ бытѣ, я нашель, какъ мнѣ казалось, элементы прочныхъ политическихъ учрежденiй, которыми пользуются сосѣди наши по ту сторону Канала, и я полагаю, что окажу услугу моему отечеству, если раскрою ему эту жизнь.

Смѣло могу сказать, что въ этомъ разказѣ нѣтъ ничего выдуманнаго; факты, цифры совершенно вѣрны; я не преувеличивалъ ничего, и описываемая мною деревня нисколько не составляетъ исключенiя: она вѣрное изображенiе того что повсюду встрѣчается въ Англiи. Можетъ-быть меня спросятъ, почему я не ограничился простымъ описанiемъ устройства англiйской деревни, вмѣсто того чтобы занимать читателя моими личными воспоминанiями?—Потому, скажу я, что дѣйствуя такимъ образомъ, я бы не достигъ своей цѣли: въ этой странѣ не столько замѣчательны самыя учрежденiя, сколько мощная индивидуальность англiйской жизни. Я готовъ скорѣе подвергнуться насмѣшливой улыбкѣ чѣмъ дать недостаточное понятiе о странѣ, которая, по правдѣ сказать (хотя это и очень странно), извѣстна во Франціи не болѣе Чили или Перу.

¹ *La vie rurale en Angleterre.* Paris. 1862. Книга эта передается здѣсь съ значительными сокращенiями. Исключены мѣста, не представляющiя ничего характеристическаго, по отношенiю къ главному предмету, и мало интересныя.

I.

Пріятель мой, священникъ Норрисъ, съ которымъ я познакомился въ бытность мою въ Швейцаріи, получивъ отъ меня уведомленіе о прибытіи моемъ въ Лондонъ, неотступно звалъ меня къ себѣ въ Кингсфордъ; дорога къ нему шла близъ Линмора, гдѣ жила графиня ***, близко знакомая когда-то съ моимъ семействомъ (у меня было и рекомендательное письмо къ ней отъ моей сестры), а потому я и рѣшился воспользоваться случаемъ, чтобъ, отправляясь къ моему пріятелю, посѣтить эту даму. Пастору я отвѣчалъ, что принимаю его обязательное приглашеніе и вскорѣ буду у него.

Я предпринялъ это маленькое путешествіе въ одно прекрасное и свѣжее апрѣльское утро. Какая разница между Лондономъ и его окрестностями! Съ какимъ наслажденіемъ разстался я съ удушливою и дымною атмосферой большого города! Съ какимъ восторгомъ я смотрѣлъ то на зеленые дуга, то на голубое небо, усѣянное бѣлыми облачками! Мнѣ же чѣмъ въ часъ я доѣхалъ до линморской станціи. Такъ какъ было еще слишкомъ рано, чтобъ явиться съ визитомъ къ дамѣ, то я попросилъ начальника станціи добыть мнѣ экипажъ къ полудню, а въ ожиданіи этого отправился пѣшкомъ полюбоваться красотой англійскаго ландшафта. Передо мною разстилалась широкая дорога; по бокамъ ея тянулись довольно высокія изгороди; мѣстами однообразіе ихъ перерывали высокія деревья; тамъ и сямъ деревянная рѣшетка, запертая висячимъ замкомъ, доказывала какъ владѣлецъ дорожить своимъ полемъ; однимъ словомъ, прогулка моя казалась мнѣ страшно монотонною, и я воротился на станцію уже сильно предубѣжденный противъ красоты, которую Англичане приписываютъ своимъ деревнямъ; но удовольствіе дышать весеннимъ воздухомъ и любоваться апрѣльскимъ солнцемъ, освѣжало мнѣ сердце и заставляло забывать мое разочарованіе.

Я весело вспрыгнулъ въ ожидавшую меня дрянную колясочку, съ хромою лошадыю. Этотъ экипажъ по-англійски называется *fly*. А такъ какъ *fly* значитъ „летать“,

то это названіе, которое такъ мало оправдывалось на дѣлѣ, заставило меня подумать, не черта ли это англійскаго юмора; вдругъ, мой молодой кучеръ, которому не совсѣмъ нравилось мое молчаніе, обратился ко мнѣ съ такимъ громкимъ возгласомъ, что его разслушалъ бы и глухой. Полагаю, что самое доброе намѣреніе было причиною этого оглушительнаго возгласа: онъ думалъ, что иностранецъ лучше пойметъ его такъ, во когда онъ замѣтилъ, что я понимаю по-англійски, то понизилъ голосъ, и готовъ былъ возвысить его снова, какъ только я начиналъ медлить отвѣтомъ. Вскорѣ мы своротили съ большой дороги на красивую проселочную, извивавшуюся болѣе или менѣе высокими кустарниками, изъ-за которыхъ выглядывали виллы многочисленныхъ *сквайровъ*, о которыхъ мнѣ разказывалъ мой кучеръ. По временамъ очаровательный маленькій коттеджъ служилъ ложею привратнику; иногда деревья исчезали, уступая мѣсто красивымъ лугамъ, на которыхъ паслись коровы и овцы; тамъ и сямъ возвышался замокъ изъ краснаго кирпича съ каменными столбами, и маленькій павильонъ такой же архитектуры служилъ входомъ и ложею привратнику.

— Вотъ паркъ графини, сказалъ мнѣ мой возница, указывая на ряды сосенъ и другихъ высокихъ деревьевъ, составлявшихъ одну изъ аллей замка.

Мы не въѣхали въ нее, а сдѣлали объѣздъ и добрались до рѣшетки, выходившей на *соттон*¹; до сихъ поръ мнѣ попадались одни богатая жилища, и потому я просилъ своего проводника указать мнѣ дома бѣдныхъ людей. Вскорѣ мы добрались до мѣста, откуда видны были тамъ и сямъ четверугольные кирпичные домики, раздѣлявшіеся большею частію на два жилья. Каждое изъ двухъ помѣщеній имѣло свой особый входъ, нѣчто въ родѣ деревенскихъ сѣней подпертыхъ деревянными столбами, покрытыми зеленою вьющихся растений. Маленькій палисадникъ, огороженный очень опрятнымъ заборомъ, отдѣлялъ эти строенія отъ дороги; позади ихъ тянулась обширная полоса обработанной земли.

— Видите, сказалъ мнѣ мой кучеръ, эти маленькіе коттеджи: въ нихъ живутъ бѣдные люди, а вотъ это *соттон*; оно примыкаетъ къ дому графини.

То, что онъ называлъ *соттон*, было большое пусто-пожвее мѣсто. Оно стало для меня новымъ предметомъ

¹ Соттон—общинная земля, выгонъ.

удивленія. Зачѣмъ, думалъ я, эта необработанная земля посреди такихъ богатыхъ жилищъ? Я тогда не понималъ еще всей прелести, какую въ Англіи для всѣхъ сельскихъ жителей имѣютъ эти запущенныя мѣста, гдѣ всякій можетъ гулять и дышать на свободѣ. Паркъ графини отдѣлялся отъ *соттон* только ровомъ, что давало возможность прохожему любоваться красивыми аллеями и великолѣпными деревьями.

Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ мой остановился у воротъ замка Линморъ-Парка. Это было довольно величественное зданіе, построенное въ стилѣ, бывшемъ въ большой модѣ въ Англіи лѣтъ сто тому назадъ, то-есть въ формѣ длиннаго, не высокаго четырехугольника, покрытаго бѣлою штукатуркой и украшеннаго двумя великолѣпными магноліями, широкія листья которыхъ закрывали бѣольшую часть фасада, и портикъ подпертый высокими колоннами. Я поднялся вверхъ по лѣстницѣ, позвонилъ и вручилъ слугѣ мою карточку и письмо.

— *Her ladyship* еще не выходила изъ спальни, сказалъ онъ мнѣ:—она не можетъ васъ принять.

Не безъ нѣкотораго тайнаго удовольствія я подчинился этому рѣшенію. Такъ какъ къ священнику я долженъ былъ прѣхать не прежде четырехъ часовъ, то я рѣшился отправиться пѣшкомъ на станцію, и поразсмотрѣть *соттон* и селеніе Линморъ. Я отпустилъ моего любезнаго возницу.

Передо мной лежали двѣ дороги: я могъ идти по большой дорогѣ и спуститься съ покатаго холма, по направленію къ деревнѣ, или же пробраться по маленькой тропинкѣ пересѣкавшей *соттон* и упиравшейся въ лицевую сторону цѣлаго ряда хижинъ. Я выбралъ послѣднюю, и черезъ нѣсколько минутъ очутился посреди дикой растительности, напоминавшей французскія *ланды*. Растеніе, называемое здѣсь *gauge*, родъ иглистаго дрока, расло съ такою силой, какой не замѣтно и на югѣ Франціи. Уже нѣсколько желтыхъ цвѣтовъ возвѣщали время его цвѣтенія; малиновка заливалась полною грудью на высотѣ ея густой листвы; чудный запахъ распространялся отъ кустарниковъ и множества невидимыхъ растеній. Вѣтеръ гналъ облака и мимолетныя тѣни ихъ, быстро пробѣгая, еще болѣе украшали ландшафтъ: все дышало какимъ-то счастіемъ и свободой.

Поровнявшись съ хижинами, я остановился. Первая окружена была маленькимъ, очень густымъ садикомъ, отдѣленнымъ отъ общинной земли (*соттон*) деревянными перилами.

Я любовался опрятнымъ видомъ этого жилища и гераніями, украшавшими главное окно, какъ вдругъ у дверей появилась пожилая женщина съ престранною черною шляпкой на головѣ, и сказала мнѣ:

— Войдите къ намъ, сударь; милости просимъ.

Она приглашала меня такъ настоятельно, что я согласился, и черезъ садъ послѣдовалъ за нею въ ея гостиную. Это была довольно скромная комната, но съ хорошенькими обоями, украшенная картинами и фарфоромъ. Я замѣтилъ мебель обтянутую черною волосяною матеріей, гравированный портретъ королевы, еще нѣсколько гравюръ и горшокъ съ мяскомъ, наполнявшій запахомъ своимъ всю комнату. Должно быть лицо мое выражало удовольствіе, потому что эта добрая женщина попросила меня сѣсть, и сказала:

— Если вамъ угодно нанять маленькую квартиру, то эта гостиная и еще одна или двѣ комнаты къ вашимъ услугамъ.

И поднявшись на лѣстницу, она показала мнѣ спальню, такую же свѣженькую и чистенькую, какъ гостиная.

— Сколько вы возьмете за это, и можете ли вы кормить меня?

— Извольте, отвѣчала она:—двадцать два шиллинга¹ въ недѣлю за квартиру и столъ; и ручаюсь вамъ, что вы останетесь довольны.

Я согласился провести нѣсколько недѣль въ этомъ уединеніи.... Могъ ли я предвидѣть, что эта фантазія будетъ имѣть такое вліяніе на мою жизнь?...

Время шло, и, боясь опоздать къ поѣзду, я сообщилъ мое имя и адресъ моей хозяйкѣ, и отправился на станцію. Черезъ полчаса я былъ уже въ Кингстонъ, гдѣ меня ожидалъ мальчикъ, посланный мистеромъ Норрисомъ, чтобъ указать мнѣ его жилище и перенести туда мой чемоданъ; я прошелъ нѣсколько шаговъ и былъ уже у пасторскаго дома. Любезная жена пастора тотчасъ же выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу, привѣтствовала меня и съ жаромъ благодарила за мои попеченія о ея мужѣ, во время встрѣчи нашей въ Швейцаріи.

— Генри играетъ въ крикетъ съ молодыми людьми, сказала она,—онъ скоро воротится.

Почти въ ту же минуту я услышалъ голосъ, веселые звуки

¹ Около семи рублей серебромъ.

котораго я не забылъ еще, и почувствовалъ дружеское пожатіе руки этого превосходнаго человѣка. Впрочемъ, какъ ни тровуль меня радушный приѣмъ, я съ любопытствомъ осматривалъ странный костюмъ моего пріятеля. Онъ съ головы до ногъ одѣтъ былъ въ бѣлую фланель.

— А! вы разсматриваете меня, сказалъ онъ:—видно, что вы пріѣзжіи. Я одѣтъ крикетеромъ. Два раза въ недѣлю я играю съ моими питомцами; но мы вамъ покажемъ это и еще многое другое, потому что, я надѣюсь, вы проведете съ нами нѣсколько мѣсяцевъ.

Несмотря на свой костюмъ, не совсѣмъ приличный его духовному сану, онъ бы конечно сталъ бесѣдовать со мною обо всемъ случившемся послѣ нашей разлуки, еслибы жена его не воспользовалась минутнымъ перерывомъ разговора и не напомнила ему, что время уже обѣдать и что ему пора переодѣться. Мы провели вечеръ въ прелестномъ кабинетѣ, который онъ называлъ своимъ *study*. Онъ показалъ мнѣ свои любимыя книги, разспрашивалъ меня о моемъ отечествѣ, и о моихъ предположеніяхъ. Мистриссъ Норрисъ шла что-то и рѣдко вмѣшивалась въ разговоръ, но останавливалась отъ времени до времени и посматривала на насъ съ улыбкою удовольствія. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ красота и глубокая преданность освѣжаютъ умъ и сердце. Она отличалась удивительною кротостію, терпѣніемъ и спокойствіемъ характера, и если ей часто случалось умѣрять нѣсколько горячность своего мужа, то единственною цѣлю ея было упрочить успѣхъ его добрыхъ дѣлъ.

Часовъ въ девять мы оставили *study* и перешли въ болѣе просторную комнату, гдѣ насъ ждали воспитанники и служители. Тамъ, по прочтеніи главы изъ Евангелія, священникъ произнесъ торжественнымъ и внятнымъ голосомъ вечернюю молитву. Отъ того ли, что я не привыкъ къ такимъ собраніямъ или отъ того, что пробуждаемое имъ религіозное чувство находить всегда отголосокъ въ нашей душѣ, но я тронуть былъ до такой степени, что вскорѣ потомъ удалился въ свою комнату, почувствовавъ, какъ сжалось у меня сердце. И по странному противорѣчію, этотъ тихій вечеръ, это зрѣлище счастья и даже дружба, которую мнѣ оказывали, возбудили во мнѣ чувство глубокой грусти о разлукѣ съ моими. Впрочемъ, я старался подавить въ себѣ это чувство, почти похожее на слабость и неблагодарность.

На другой день, послѣ утренней молитвы, мы завтракали вмѣстѣ съ молодыми людьми. Ихъ было пятеро; самому молодому было лѣтъ пятнадцать, старшему девятнадцать. Мистеръ Норрисъ позавтракалъ на скорую руку, чтобы до начала уроковъ побывать на деревнѣ, и назначилъ мнѣ свиданіе въ полдень. Послѣ завтрака, воспитанники выбѣжали въ поле, гдѣ въ продолженіи получаса занимались самыми рѣзвыми играми. Я любовался этими невинными лицами, разгорѣвшимися отъ движенія, и самъ готовъ былъ принять участіе въ ихъ играхъ. Въ девять часовъ они возвратились въ классы, и оставшись одинъ, я принялся разсматривать эти мѣста, гдѣ все было для меня такъ ново.

Мистеръ Норрисъ жилъ не въ простомъ и скромномъ домикѣ сельскаго священника, но въ красивомъ готическомъ замкѣ, выстроенномъ частію изъ камня, частію изъ краснаго и синяго кирпича, надъ которымъ возвышалась башня съ часами, показывавшими время всѣмъ жителямъ селенія. Садъ былъ не очень великъ, но границы его замаскированы были такъ искусно, что вся окрестность какъ будто входила въ его составъ. Широкая и длинная терраса, покрытая тою красивою зеленью, которую такъ тщательно оберегаютъ Англичане, замѣняла дугъ; я долго прогуливался по ней, любясь то пасторскимъ домомъ, то ландшафтомъ. Небо было сѣровато, и я находилъ что-то грустное въ этихъ лугахъ, спускавшихся къ рѣкѣ, почти совсѣмъ закрытой травой, растущею по ея берегамъ: зеленый берегъ, поднимавшійся по ту сторону рѣки, почти закрывалъ отъ меня горизонтъ.

Нагулявшись вдоволь, я возвратился въ кабинетъ и остался тамъ въ ожиданіи священника. Я не боялся сдѣлать какую-нибудь нескромность, продолжая изученіе пасторскаго жилища даже въ этомъ кабинетѣ, куда допускались только бѣдняки и искренніе друзья. Одна стѣна его вся занята была книгами. На каминѣ стоялъ маленькій бюстъ Шиллера, и мнѣ отрадно было видѣть гравюры Христа-Утѣшителя и Беатрисы великаго живописца нашего Ари Шеффера; портреты Вашингтона, Лютера и Шекспира довершали убранство этой комнаты. Широкія стеклянныя двери вели въ садъ. Все свидѣтельствовало о литературныхъ вкусахъ пастора, все говорило о его доводствѣ; невольно сравнивалъ я это роскошное жилище съ домами нашихъ сельскихъ священниковъ,

и мнѣ казалось иногда, что наши живутъ сообразнѣе съ своимъ званіемъ.

Въ эту минуту вошелъ мистеръ Норрисъ, чтобы проводить меня въ свою церковь.

Только что мы вышли, какъ намъ повстрѣчалась толпа деревенскихъ дѣтей, вырвавшихся изъ школы съ криками и рѣзвостью, обычными во всякой странѣ. Ни одинъ изъ мальчиковъ не прошелъ мимо насъ, чтобы не остановиться и не сдѣлать намъ привѣтствія; ни одна дѣвочка не прошла, чтобы не поклониться съ скромною улыбкой. Церковь была не далеко; дорога къ ней лежала мимо деревни. Жилины, построенныя изъ бревенъ, окрашенныя въ темную краску, проштукатуренныя гипсомъ и покрытыя соломой, окаймляли дорогу на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой; фасадъ украшенъ былъ вьющимися растеніями, спереди небольшой палисадникъ отдѣлялъ ихъ отъ большой дороги; тамъ и сямъ видѣлись кирпичные дома, окруженные болѣе обширными садами: то было жилище какого-нибудь значительнаго человѣка, какого-нибудь фермера или купца изъ сосѣдняго города, покинувшаго торговлю. Видъ этого уголка казался мнѣ очаровательнымъ.

— Надо видѣть его лѣтомъ, сказалъ мнѣ мистеръ Норрисъ, — въ то время, когда цвѣтутъ всѣ растенія. Самый бѣдный изъ нашихъ крестьянъ любитъ цвѣты, и я такъ убѣжденъ въ нравственномъ значеніи этой склонности, что дѣлаю все возможное, чтобы поощрить ее. Во всемъ околоткѣ не найдете такого попрошайки, какъ я, когда дѣло коснется до растеній и сѣменъ; и какъ только удастся мнѣ составить себѣ коллекцію, я тотчасъ же дѣлюсь ею съ поселянами. Вы не можете себѣ представить, какъ это располагаетъ ихъ ко мнѣ.

Кингсфордская церковь, возвышающаяся четвероугольною башнею, очень мала и относится къ XVI вѣку. Наружнымъ видомъ она ничѣмъ не отличается отъ нашихъ; только на кладбищѣ, окружающемъ ее, не видно крестовъ, а одни надгробные камни, большею частью поставленныя стоймя въ два - три фута вышиною. Нѣсколько старыхъ тисовыхъ деревьевъ придаютъ торжественный видъ этому жилищу смерти. Внутренность церкви проста, какъ вообще въ протестантскихъ храмахъ. Вниманіе мое привлекли большія ромбоидальныя картины подъ каждою изъ колоннъ, подпирающихъ куполъ,

съ изображеніями гербовъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ, похороненныхъ подъ сводами церкви.

На возвратномъ пути, мистеръ Норрисъ постучался у дверей одной изъ хижинъ. Мы не вошли туда, потому что былъ часъ обѣда; но я съ удовольствіемъ могъ замѣтить порядокъ и опрятность за столомъ, хотя, по словамъ священника, обѣдъ на немъ подавался самый скудный. „Люди эти рѣдко ѣдятъ говядину: хорошо если ежедневно является у нихъ на столѣ кусокъ свинины. Желая посвятить васъ во всѣ подробности нашей жизни, я остановился у нихъ, чтобъ освѣдомиться объ ихъ дочери, которую жена моя помѣстила въ услуженіе къ одному изъ сосѣдей. У насъ постоянно живутъ двѣ молодыя дѣвушки, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати,—одна на кухнѣ, другая въ горничныхъ; онѣ живутъ у насъ по году; жена моя отчасти продолжаетъ заниматься ихъ образованіемъ и, по истеченіи этого срока, мы находимъ имъ мѣсто въ какомъ-нибудь почтенномъ семействѣ. Вы безъ труда повѣрите, что пребываніе въ нашемъ домѣ составляетъ предметъ честолюбія нашихъ молодыхъ дѣвушекъ, и считается какъ бы наградою за хорошее поведеніе въ школѣ. Надежда на это отличіе побуждаетъ матерей оставлять дочерей своихъ въ школѣ нѣсколько долѣе, потому что вообще очень трудно удержать въ школьной скамьѣ дѣтей, достигшихъ двѣнадцати и тринадцати-лѣтняго возраста.

— Слова ваши, отвѣчалъ я ему,—возбуждаютъ во мнѣ снова тѣ же размышленія, которымъ я предавался сейчасъ въ вашемъ кабинетѣ; но я боюсь показаться нескромнымъ.... Ну, такъ и быть, продолжалъ я, послѣ минутной нерѣшимости,—скажу вамъ откровенно, жилище ваше мнѣ кажется слишкомъ роскошно для сельскаго священника.

— Странно, отвѣчалъ онъ, — что я не предвидѣлъ вашего замѣчанія. Различіе между бытомъ нашего духовенства и вашего, должно было непременно броситься вамъ въ глаза.

Онъ помолчалъ съ минуту, и продолжалъ:

— Объясненіе это потребуетъ много времени; теперь уже часъ, и обѣдъ насъ ожидаетъ; вчера мы съѣли поздно за столъ, потому что ожидали васъ; вечеромъ, послѣ чаю, мы возвратимся къ этому предмету.

Послѣ обѣда, мы осмотрѣли школу, въ сопровожденіи мистриссъ Норрисъ. Зданіе школы щеголевато, въ сельскомъ вкусѣ,

съ небольшими крыльцами на каждой оконечности; одно для входа дѣвочекъ, другое для мальчиковъ. Къ великому удивленію моему, дѣти обоюго пола помѣщались въ одной залѣ; ихъ было до восьмидесяти, и всѣ были одѣты очень опрятно. Зала, въ которой воздухъ былъ очень хорошъ, не имѣла много потолка, кромѣ высокихъ стропиль кровли, изъ полированного дуба. Утромъ, учитель одинъ занимается въ классѣ; послѣ обѣда жена его наблюдаетъ за рукодѣльемъ.

— Вы не находите неудобнымъ, спросилъ я у мистера Норриса,—это соединеніе дѣтей обоюго пола, что не допускается у насъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ онъ: — мальчики не только причаются обращаться съ дѣвочками вѣжливо, но самыя манеры ихъ отъ этого сближенія становятся мягче. Дѣвочки сами по себѣ играютъ вмѣстѣ, мальчики также; но сдѣлайте видъ, что вы хотите принудить ихъ къ тому, и съ той минуты необходимо будетъ раздѣлить ихъ совершенно. Я убѣжденъ въ пользѣ нашихъ такъ называемыхъ смѣшанныхъ школъ.

Мистеръ Норрисъ предложилъ мнѣ сдѣлать дѣтямъ нѣсколько вопросовъ, но не вполне твердо владея англійскимъ языкомъ, я ограничился тѣмъ, что назначилъ старшимъ разныя темы для сочиненій, какъ напримѣръ: „дождь, вѣжливость, дубъ, осень, корова.“ Тотчасъ же всѣ принялись за дѣло; черезъ пять минутъ, мальчики и дѣвочки показали мнѣ свои аспидныя доски, покрытыя очень хорошо написанными буквами, и сколько я могъ судить, самыя сочиненія, хотя и очень простыя, были вообще удачны. Я воспользовался минутою, когда священникъ разговаривалъ съ учительницею, и подошелъ къ учителю, чтобы сказать ему нѣсколько комплиментовъ относительно поведенія дѣтей. Онъ показался мнѣ человекомъ вполне образованнымъ и достойнымъ.

— Не проходитъ дня, сказалъ онъ мнѣ,—чтобы нашъ священникъ не пришелъ, по крайней мѣрѣ, на полчаса побесѣдовать съ дѣтми, посмотрѣть ихъ уроки или дать имъ какое-нибудь наставленіе.

Вышедши изъ школы, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи повторить эти слова учителя моему любезному хозяину.

— Онъ не отдаетъ себѣ справедливости, отвѣчалъ мистеръ Норрисъ,—ему одному принадлежитъ вся заслуга; я могу приписать себѣ только одно: я стараюсь придать ученію прочность; я требую, чтобы дисциплина была самая строгая, чтобы болѣе

всего заботились о порядкѣ и чистотѣ, и чтобы уроки были занятіемъ серіознымъ. Такъ какъ основаніе было положено хорошее, то дѣти оказали быстрые успѣхи и преподаваніе въ нашей школѣ считается примѣрнымъ во всемъ околоткѣ, такъ что къ намъ приходятъ дѣти изъ окрестныхъ деревень, хотя я и заставляю ихъ платить по три пенса въ недѣлю вмѣсто одного пенни, вносимаго нашими прихожанами.

Относительно платы за ученіе, мистеръ Норрисъ сообщилъ мнѣ одно очень интересное обстоятельство. Жители деревни¹ состоятъ, большею частію, изъ пахарей, которымъ трудно вносить еженедѣльно свой пенни; нѣкоторые фермеры, служители и мелкіе торговцы, желая сохранить нѣсколько высшее положеніе, просили у священника позволеніе вносить за себя за треть года впередъ, и добрый священникъ похвалилъ ихъ за такое чувство гордости. Я замѣтилъ ему, что во Франціи бѣдняку очень трудно рѣшиться на издержки по воспитанію своихъ дѣтей, и правительство обязано содержать даровыя школы для неимущихъ.

— Въ Англiи, отвѣчалъ онъ,—опытъ доказалъ, напротивъ, что бѣднякъ цѣнитъ только то за что онъ заплатилъ, и если вы изслѣдуете наши учрежденія, самыя благотворительныя, вы убѣдитесь, что этотъ фактъ обратился въ принципъ.

Жалованье учителя и учительницы (мужа и жены) простирается до 75 фун. стерл., около 470 руб. с., кромѣ квартиры, которою они пользуются въ зданіи школы. Сумма эта составляетъ изъ 125 руб., взимаемыхъ съ учениковъ, изъ 70 руб., собираемыхъ по подпискѣ съ прихожанъ, и къ немалому удивленію моему я узналъ, что осталъная сумма выдается почти сполна изъ кармана самого священника.

Такъ какъ мальчики одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ могутъ всегда заработать себѣ нѣсколько денегъ, то рѣдко случается, чтобы они оставались въ школѣ, перешедши этотъ возрастъ. Чтобы нѣсколько пополнить такой краткій періодъ ученія, мистеръ Норрисъ устроилъ вечерніе классы, открытые ежегодно въ теченіи восьми мѣсяцевъ; изъ этихъ классовъ выходятъ отличные молодые люди, получающіе дипломы отъ экзаминаціоннаго *jury*, установленнаго корпораціей графства. Я сообщу ниже объ этой корпораціи, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и полезныхъ въ Англiи.

¹ Килгсфордъ, съ населеніемъ въ 300 душъ.

II.

Вечеромъ, когда мы собрались въ маленькомъ *study* (кабинетъ) и отдохнули за чаемъ отъ дневныхъ трудовъ, я напомнилъ священнику его обѣщаніе; онъ улыбулся, и обратясь къ женѣ, сказалъ:

— Знаешь ли, Агнеса, нашъ гость находить не совсѣмъ приличнымъ, что мы такъ богаты, и этотъ большой домъ, который для насъ такъ неудобенъ, кажется ему слишкомъ великолѣпнымъ для сельскаго священника.

— Онъ совершенно правъ, отвѣчала она:—мы охотно уступили бы ему этотъ домъ, еслибы онъ могъ дать намъ въ замѣнъ другой поменьше; тогда мы избавились бы отъ множества хлопотъ.

— Объясненіе этой загадки, сказалъ мистеръ Норрисъ,—заставить меня войти въ нѣкоторыя подробности относительно устройства нашей церкви. Въ Англіи, какъ вамъ извѣстно, духовенство нисколько не зависитъ отъ государства: приходы принадлежать частнымъ лицамъ. Казна также имѣетъ нѣсколько приходовъ, которыми распоряжается правительство, но число ихъ очень ограничено. Нечего и говорить вамъ, что приходы со всѣми ихъ принадлежностями обязаны своимъ существованіемъ благочестію, и что многіе изъ нихъ относятся ко времени предшествовавшему эпохѣ Генриха VIII. Но, можетъ-быть, васъ неприятно поразитъ то, что эти имуществва продаются только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они сохраняли свое религіозное назначеніе. Почти вся мѣстная аристократія владѣетъ такими имуществами, и нрѣдко у одного богатаго собственника бываетъ ихъ по нѣсколькѣ въ родовыхъ владѣніяхъ. Если у него три или четыре сына, то онъ непременно назначаетъ одного изъ нихъ въ священники и передаетъ ему самый выгодный приходъ. Приходъ, гдѣ я теперъ служу, принадлежитъ одной изъ знатныхъ англійскихъ фамилій, и мѣсто мое постоянно занималъ кто-нибудь изъ ея членовъ. Священники нашего прихода были всегда богаты сами по себѣ, и походили болѣе на достаточныхъ джентльменовъ чѣмъ на обыкновенныхъ сельскихъ священниковъ. Строитель этого красиваго дома нисколько не думалъ

о бѣдномъ священникѣ, который долженъ былъ со временемъ наследовать ему, а законъ велить намъ, если мы беремъ приходъ, брать на свое попеченіе и священническій домъ. Я въ правѣ отдать этотъ домъ въ наймы на нѣсколько мѣсяцевъ, но обязанъ жить въ немъ остальную часть года. Когда мы встрѣтились съ вами въ Швейцаріи, у меня жилъ здѣсь постоялецъ. Можетъ-быть вы лучше поймете меня, когда я сообщу вамъ нѣкоторыя подробности моей жизни. Я сынъ священника, продолжалъ онъ. Приходъ моего отца, находившійся въ сѣверной Англіи, давалъ средства только для существованія его самого, его жены, и меня, ихъ единственнаго сына. Въ характерѣ моего бѣднаго отца было нѣсколько пуританской строгости; я его боялся, хотя онъ любилъ меня, если не очень нѣжно, то по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторою гордостью, и пламенно желалъ чтобъ изъ меня вышелъ *scholar*, то-есть знатокъ классической литературы, какимъ онъ былъ самъ.

— Но, прервалъ я мистера Норриса—кто внушилъ вашему отцу такую любовь къ литературѣ?

— Вы, вѣроятно, знаете, отвѣчалъ онъ,—что бѣольшая часть англиканскаго духовенства обучается въ Оксфордскомъ или въ Кембриджскомъ университетѣ. Этому воспитанію, посреди отличнѣйшихъ людей Англіи, и обязано наше духовенство тѣмъ, что не составляетъ въ обществѣ отдѣльнаго сословія, и много содѣйствуетъ умственному прогрессу своего вѣка. Высокое образованіе, соединенное съ религіознымъ характеромъ его обязанностей, даетъ англиканскому священнику почетное мѣсто въ обществѣ, и въ нашемъ обществѣ, столь аристократическомъ, священникъ, какъ бы ни было незначительно его состояніе, принятъ почти вездѣ такъ же хорошо, какъ и богатѣйшій изъ землевладѣльцевъ. Отецъ мой умеръ, когда мнѣ было десять лѣтъ. Къ счастью, онъ успѣлъ помѣстить меня въ одну изъ школъ, основанныхъ старинною корпораціей, которая не только даетъ безвозмездно отличное образованіе, но еще назначаетъ лучшимъ ученикамъ стипендіи достаточныя для трехлѣтняго пребыванія ихъ въ университетѣ. Я принялся за дѣло, и скоро почувствовалъ ту же страсть къ греческому языку, какую отецъ мой чувствовалъ къ латинскому: греческіе писатели болѣе говорили моей душѣ. Я работалъ такъ усердно, что черезъ два года получилъ *сcolarship* (*scholarship*), доставшійся мнѣ по конкурсу. *Сcolarship* есть право на полученіе, въ теченіи трехъ лѣтъ, ежегодной

стипендіи въ 30 фунтовъ и сверхъ того преміи въ 10 фунтовъ, которую я употребилъ на покупку необходимыхъ мнѣ книгъ. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ коллегіи, и до истеченія срока второму *сcolarshipу*, я участвовалъ въ конкурсѣ на *феллоушипъ* (*fellowship*), то-есть на мѣсто *товарища* въ коллегіи, открывающее университетское поприще, и мнѣ посчастливилось получить его. Мнѣ минуло двадцать три года, когда я сдѣлался *товарищемъ*. Положеніе мое было въ то время очень хорошее; я пользовался нѣкоторою репутаціей за моимъ классическія познанія, и многіе молодые люди желали учиться подѣ моимъ руководствомъ. Я сдѣлался *туторомъ*, и въ то же время, чувствуя въ себѣ все болѣе и болѣе влеченія къ святымъ обязанностямъ религіи, сталъ готовиться къ званію священника. Товарищеское содержаніе вы можете сохранить на всю жизнь, если сердцемъ вашимъ не овладѣютъ черныя глазки, и вы будете довольствоваться однѣми книгами. Со мною, какъ видите, случилось иначе. Когда я посѣщалъ семейство Агнесы, я часто проповѣдывалъ въ ихъ сельской церкви. Разъ, въ воскресенье, владѣлецъ прихода, гостившій въ окрестностяхъ, услышалъ меня. Онъ искалъ священника; моя проповѣдь ему понравилась; онъ пришелъ ко мнѣ, поговорилъ со мною, и на другой день предложилъ мнѣ этотъ приходъ. Я колебался принять его предложеніе; жалованье на первый взглядъ казалось выгоднымъ; оно простирается до 400 фунтовъ (2.500 р.), но я долженъ былъ содержать этотъ большой домъ, платить болѣе 50 фунтовъ (320 рублей) налога въ пользу бѣдныхъ и тратиться на школу. Однимъ словомъ, за всѣми издержками, мнѣ очищалось не болѣе 200 фунтовъ въ годъ (1250 руб.). Я посоветовался съ Агнесой, и она сказала мнѣ: „Почему же тебѣ не принять этого мѣста? Ты возьмешь себѣ учениковъ, и будешь попрежнему писать для журналовъ; мы будемъ жить бережливо.“ Я принялъ мѣсто, и вотъ уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; я такъ полюбилъ эту деревню, что недавно отказался отъ другаго гораздо болѣе выгоднаго прихода, предложеннаго мнѣ нашимъ епископомъ.

На другое утро я простился съ пасторскимъ домою и его почтенными хозяевами, которые попеняли мнѣ, что я не остался жить съ ними, и отправился въ Лондонъ, чтобы устроить тамъ нѣкоторыя дѣла, до переселенія своего въ Линморъ.

III.

Переселеніе мое въ новое жилище въ Ливморѣ сопровождалось не такими благоприятными обстоятельствами, какъ мое первое посѣщеніе этой мѣстности. Вмѣсто того чтобы насладиться прекраснымъ апрѣльскимъ утромъ, я продрогъ до костей отъ ледянаго тумана и мелкаго дождя, бившаго мнѣ въ лицо во все время переѣзда отъ станціи до общинной земли (common). Меня везъ уже не словоохотный маленькій кучеръ, а какое-то грубое существо объявившее мнѣ на отрѣзѣ, при поворотѣ съ большой дороги, что экипажъ его не можетъ двигаться по такой скверной дорогѣ. Что было дѣлать? я пришелъ въ такой гнѣвъ, что всѣ англійскія слова, которыя я зналъ, какъ будто вылетѣли у меня изъ головы. Однако нужно же было найдти какое-нибудь средство переправить мои пожитки. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, было рѣшено, что кучеръ понесетъ мой чемоданъ, а я подержу его лошадей, и что по возвращеніи его, я заберу всю остальную поклажу и пойду пѣшкомъ. Стая великолѣпныхъ бѣлыхъ гусей, встревоженная нашимъ споромъ, отмстила мнѣ своими нестройными криками; забѣглая собака, почуя во мнѣ чужака, заграждала мнѣ путь и надѣдала своимъ лаемъ; наконецъ даже осель, твореніе вообще самое мирное, привѣтствовалъ мое приближеніе ревомъ. Рѣшительно, подумавъ я, надо быть черезъ-чуръ безразсуднымъ, чтобы закабалить себя въ такомъ мѣстѣ! И я подошелъ къ дверямъ коттеджа мистриссъ Джонсъ (имя моей хозяйки), почти стыдясь самого себя и проклиная послѣдственность, съ которою я принялъ первое предложенное мнѣ обиталище.

Добрая женщина ожидала меня и приготовила все, чтобы доставить мнѣ всевозможный комфортъ. Большой огонь разведенъ былъ въ гостиной, чайникъ *тѣлъ на очагъ*, какъ говорятъ Англичане, и къ ужину все было готово. Моя спальня съ своими заново выбѣленными стѣнами, съ своими бѣлыми какъ снѣгъ занавѣсками, блистала чистотой. Я открылъ мои чемоданы, вынулъ оттуда книги, друзей милыхъ даже и тогда, когда живешь съ тѣми кого любишь, и еще болѣе драгоцѣнныхъ въ одиночествѣ, и бросивъ взглядъ

на печальную картину окончилъ тѣмъ, что примирился съ своимъ положеніемъ.

Въ новомъ помѣщеніи моемъ все было для меня чуждо: я совершенно равнодушно смотрѣлъ на черную волосаную софу съ блестящими гвоздиками, на гладкій краснаго дерева столъ на коверъ съ большими разводами, на коллекцію чашекъ, разставленныхъ на узкой доскѣ камина, и на маленькія картины развѣшанныя по стѣнамъ. Я чувствовалъ, что между нами нѣтъ никакой симпатіи. Исключеніемъ былъ только маленькій, вышитый по канвѣ, ландшафтъ, представлявшій домикъ и три-четыре деревца, на которыхъ сидѣли птицы, величиною съ домъ. Подъ этимъ дѣтскимъ произведеніемъ подписано было: Люси Джонсъ. Люси было имя моей матери, и это заставило меня обратить особенное вниманіе на это шитье. Впрочемъ, судя по тканію, съ которымъ оно было вставлено въ рамку, очевидно было, что это какая-нибудь семейная драгоценность, можетъ-быть работа дочери мистриссъ Джонсъ. Что касается до меня, то я видѣлъ на ней только имя „Люси“, служившее для меня дорогимъ воспоминаніемъ; утромъ и вечеромъ, за завтракомъ и обѣдомъ, я садился передъ этою вышитою картинкой, несмотря на то что меня можно было упрекнуть въ неуваженіи къ портрету королевы висѣвшему прямо противъ нея на другой стѣнѣ.

Если вы желаете, любезный читатель, знать обычный порядокъ дня на англійской фермѣ, то я сообщу вамъ, что я завтракалъ въ восемь часовъ, обѣдалъ въ часъ и пилъ чай въ семь часовъ. Нисколько неразборчивый на кушанье, я предоставилъ мистриссъ Джонсъ полную свободу въ этомъ отношеніи. На завтракъ она подавала мнѣ чаю съ хорошими славками, хлѣба и отличнаго масла и при этомъ или кусокъ ветчины, или свѣжихъ яицъ. За обѣдомъ не рѣдко бывали разныя рагу, сильно приправленныя лукомъ, вареная баранина, а иногда очень жесткій бифстексъ, картофель, часто вареная капуста и при этомъ стаканъ добраго пива и кусокъ сыру. Десерта не было; только изрѣдка пудингъ, въ которомъ молока было больше чѣмъ сахару. По воскресеньямъ было постановлено закономъ подавать ростбифъ и пломпудингъ. Вечерній чай похожъ былъ на завтракъ. Если я спрашивалъ ужинать, то мнѣ давали холоднаго мяса, хлѣба, салату безъ приправы и стаканъ пива.

Хотя я и просилъ мистриссъ Джонсъ вполнѣ распоряжаться

моимъ столомъ; да къ тому мнѣ бы очень трудно было заказывать себѣ обѣдъ, но она непремѣнно являлась каждое утро во время моего завтрака *за приказаніями*, какъ она говорила. Это была съ ея стороны маленькая хитрость, чтобы доставить работу своему нѣсколько болтливому языку. Я могъ выносить потокъ рѣчей, изливавшихся при этомъ случаѣ изъ устъ добрѣйшей мистриссъ Джонсъ тѣмъ терпѣливѣе, что она была очень невзыскательна на отвѣты и что время отъ времени она сообщала мнѣ интересныя вещи. Мистриссъ Джонсъ очень любила говорить о себѣ, и почти на другой день послѣ моего переселенія, я узналъ, что она вдовѣтъ уже четыре года, что она провела большую часть своей жизни въ услуженіи у одного сосѣдняго семейства, по имени Мэсона, что вышла замужъ за одного изъ служителей мистера Мэсона, и что послѣдній въ награду за долговременную и вѣрную службу мужа и жены, уклонился отъ своей теоріи о невыгодахъ мелкаго хозяйства и великодушно устроилъ маленькую ферму въ восемь акровъ, которую и отдалъ на аренду мистеру и мистриссъ Джонсъ. По смерти мужа, мистриссъ Джонсъ продолжала неумоимо обрабатывать свою землю, и въ ту минуту, когда я поселился у нея, она владѣла тремя коровами, нѣсколькими свиньями, курами и гусями. Кромѣ красиваго лужка, большаго огорода и маленькаго садика, она имѣла право на общинную землю, и гуси, такъ невѣжливо поступившіе со мной, составляли ея собственность.

Что касается до личности этой доброй женщины, то въ ней была привлекательна только ея опрятность. Возрастъ ея относился къ той таинственной эпохѣ, которая заключается между сорока и шестидесятью годами. Лицо у нея было умное, но болѣе всего она отличалась своимъ нѣсколько воинственнымъ видомъ и черною шелковою шляпкой, которая сидѣла на маковкѣ, и опускаясь на лицо, закрывала его до половины. Обѣ ленты были тщательно приколоты булавами къ тульѣ, и концы ихъ развѣвались по обѣ стороны шляпки, подобно султану венсенскихъ стрѣлковъ. Она никогда не снимала этой шляпки, и я довольно нескромно спрашивалъ иногда самъ у себя, куда она дѣваетъ ее по ночамъ. Когда мистриссъ Джонсъ бесѣдовала со мною о себѣ или о семействѣ Мэсоновъ, я поднималъ глаза на шитье, какъ бы приглашая ее сказать мнѣ что-нибудь о Люси Джонсъ; но обѣ этомъ она хранила упорное молчаніе, и уже долгое время

спустя, я узналъ отъ мистрисъ Мэсонъ и отъ одной старушки, сосѣдки мистрисъ Джонсъ, тягостныя обстоятельства, заставлявшія ее молчать.

Понятно, что эта почтенная дама не могла замѣнить мнѣ всякое другое общество. Она въ высшей степени обладала качествами и недостатками людей своей страны. Во Франціи, женщины изъ простаго народа очень откровенны, а фермерша, какъ бы она ни была необразованна, найдетъ всегда средство заинтересовать васъ своими дѣлами и вмѣшаться въ ваши. Въ Англіи же, напротивъ того, болтая о разныхъ пустякахъ, она ни о чемъ не заговоритъ серьезно по отношенію къ вамъ лично. Она служитъ вамъ гораздо лучше, потому что видитъ въ васъ господина, гостя, котораго званіе и достоинство старается возвысить какъ можно болѣе, какъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ возвышая и себя въ собственныхъ глазахъ.

Въ этомъ-то и обнаруживается особенность отношеній между различными классами англійскаго общества. Общество это глубоко аристократическое; нѣтъ мѣщанина, какъ бы радикаленъ онъ ни былъ, который бы не поднялся въ своихъ собственныхъ глазахъ, если къ нему обратится лордъ съ самою простою вѣжливостію; нѣтъ служителя, который бы не предпочелъ господина нѣсколько высококомѣрнаго въ обращеніи, потому что такое обращеніе кажется ему признакомъ превосходства. Здѣсь кстаи припомнить слова Руссо: „Клара утѣшается тѣмъ, что она хуже Юліи, потому что безъ Юліи она казалась бы еще хуже.“ Особенно странно то, что подобное кажущееся униженіе встрѣчается въ Англіи именно между людьми, которыя наиболѣе отличаются своими нравственными качествами и самоуваженіемъ. Это отъ того, что у нихъ вниманіе къ высшимъ становится чѣмъ-то въ родѣ вѣжливости, умѣнья жить въ свѣтѣ, отъѣаки котораго понимаетъ только одинъ джентльменъ, что впрочемъ не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшаго признака раболѣвства; уваженіе къ высшимъ классамъ соединяется здѣсь съ самоуваженіемъ. Эта особенность англійскихъ нравовъ поразила меня тѣмъ болѣе что она представляетъ рѣзкую противоположность съ тѣмъ что замѣчается у насъ. Для уясненія себѣ этой разницы, необходимо принять въ соображеніе роль, всегда принадлежавшую англійской аристократіи, которая гораздо счастливѣе французской и успѣла сохранить обаяніе, окружающее дворянскіе титулы и большія помѣстья.

Никакъ не должно смѣшивать этихъ двухъ словъ: аристократія и дворянство. Первая составляетъ вѣятельную политическую власть, которая дѣйствуетъ на націю и въ хорошемъ и въ дурномъ отношеніи; второе — ничто иное, какъ личная почестъ, которая льститъ тщеславію однихъ, возбуждаетъ зависть другихъ, но не имѣетъ никакого дѣйствительнаго и серіознаго значенія въ управленіи страной. Къ несчастію, у насъ во Франціи есть только дворянство и нѣтъ аристократіи. Мы видимъ въ исторіи Англіи съ XIII вѣка, что бароны вытребовали у короля хартію, обезпечившую свободу всѣхъ его подданныхъ, и что эта аристократія, поддерживаемая *общинами*, ревниво слѣдила за всѣми притязаніями короны, тогда какъ у насъ дворянство допустило поработить себя, и за привилегіи и почести отказалось отъ своего политическаго значенія.

Аристократія въ Англіи вовсе не то чѣмъ была наша аристократія до 89 года, — вовсе не каста, поставленная надъ прочими классами общества. Она не только наполняется изъ среднихъ классовъ, но младшіе сыновья, братья лордовъ, принадлежатъ къ среднимъ классамъ. Въ аристократическихъ семействахъ только тотъ изъ сыновей, которому закономъ предоставлено пользоваться долею власти принадлежащей его титулу, становится въ исключительное положеніе; остальные дѣти не имѣютъ никакихъ привилегій, и смѣшиваются съ прочими классами общества, отчего и образуются безчисленныя связи, соединяющія аристократовъ съ массою гражданъ. Въ противоположность нашимъ стариннымъ дворянамъ, потомство которыхъ осуждено было на бездѣвствіе и почитало всякое занятіе ниже своего достоинства, сыновья англійскихъ лордовъ занимаютъ разными профессіями и приносятъ пользу своей странѣ.

Вслѣдствіе этого постояннаго перемѣщенія, опускающаго аристократическія фамиліи въ средніе классы, а людей изъ среднихъ классовъ поднимающаго въ аристократію, всѣ классы въ Англіи соединены между собою и поддерживаютъ другъ друга не уничтожаясь. Время и обстоятельства, а не людской произволь, дали возможность англійской аристократіи держаться въ соединеніи съ демократическою силою, которая стремится охватить современныя общества.

Скажу откровенно, что при всѣхъ либеральныхъ принципахъ, за которые я ратовалъ на родинѣ, и которые навлекли на меня

всѣ бѣдствія изгнанія, я завидую Англіи, гдѣ существуетъ подобная аристократія; въ ней заключается одинъ изъ величайшихъ элементовъ ея силы и прочности.

По моему мнѣнію, самыми счастливыми націями могутъ называться тѣ, которыя признають и уважають общественное неравенство; тѣ же, въ которыхъ потребность равенства заставляетъ забывать самую свободу, увлекаются пустымъ тщеславіемъ. Общество здраво организованное, по самой натурѣ своей, должно чувствовать расположеніе и уваженіе къ своей аристократіи. Это начало до такой степени присуще природѣ человѣческой, что если хоть десять человѣкъ поселятся вмѣстѣ, то по прошествіи нѣкотораго времени одинъ изъ нихъ, по своему нравственному или физическому превосходству, непременно приобрѣтетъ авторитетъ, который признають девять другихъ. Если этотъ авторитетъ окажется нравственнымъ и благотворнымъ, то его будутъ любить и почитать; если же онъ будетъ стремиться къ цѣлямъ личнымъ и эгоистическимъ, то онъ возбудитъ къ себѣ ненависть и не продержится долго. Вотъ, по моему мнѣнію, въ нѣсколькихъ словахъ изображеніе всего человѣческаго общества; будетъ ли это общество республика или монархія—все равно, всегда явятся личности, которыя силою вещей отдѣлятся отъ массъ; необходимо только, чтобъ эти личности пользовались своимъ первенствомъ разумно и ко благу общества, и чтобъ онѣ понимали, что высокое положеніе обуславливается великими обязанностями. Исторія убѣждаетъ насъ, что большая часть волненій и бѣдствій съ народной жизни, происходила отъ того, что высоко стоящія лица забывали свои обязанности относительно своихъ согражданъ, и дѣйствуя съ гордостью и эгоизмомъ, возбуждавшимъ къ нимъ ненависть, вызывали реакцію, слѣдствіемъ которой слѣшкомъ часто было уничтоженіе правильной аристократіи и замѣна ея сначала нѣсколькими народными трибунами, а подъ конецъ однимъ деспотомъ.

Итакъ, если англійская аристократія до сихъ поръ еще сильна и могущественна, то это не потому, чтобъ она властвовала надъ народомъ рабскимъ и покорнымъ, а потому что она была силою энергической и благотворною. Интересы массъ были всегда и ея интересами; она употребляла свою власть для возвышенія своей страны; она не была кастою и дѣйствовала заодно съ народомъ, она всегда стояла

во главѣ прогресса и просвѣщенія, и что всего важнѣе, никогда не сглаживалась, никогда не отрекалась отъ себя; оттого она не возбуждаетъ къ себѣ ни ненависти, ни боязни, ни зависти. Еще и до сихъ поръ многіе члены этой аристократіи, вѣрные своему разумному образу дѣйствій, не ограничиваются политическимъ поприщемъ, но принимаютъ великодушную инициативу во всѣхъ предпріятіяхъ, которыя въ состояніи улучшить участь массъ. Такъ напримѣръ, какой-нибудь герцогъ употребляетъ часть своего огромнаго состоянія на важныя земледѣльческіе опыты, успѣхи которыхъ, добытые деньгами и терпѣніемъ, водворили въ Англіи систему земледѣлія, удесятерившую ея производство. Отправьтесь къ нему, и вы увидите, какъ этотъ знатный господинъ, этотъ любитель рѣдкостей и произведеній искусства, этотъ эллинистъ, въ юности своей увѣнчанный Оксфордскимъ университетомъ, объѣзжаетъ свои обширныя владѣнія, въ костюмѣ фермера и въ сопровожденіи своего управителя, для того чтобы разумно и неутомимо слѣдить за работами и интересными опытами, которымъ онъ самъ далъ толчокъ, устремивъ все свое честолюбіе на разведеніе турнепса на вновь поднятой землѣ, или на изобрѣтеніе лучшаго способа откармливать быковъ. Посмотрите также на этого пера Англіи, преданнаго образованію и нравственному улучшенію рабочихъ классовъ; онъ неутомимый филантропъ, онъ служитъ словомъ своимъ всякому благотворительному дѣлу, онъ будетъ президентомъ, не почетнымъ, но дѣйствительнымъ, пятидесяти обществъ; онъ растратитъ свою жизнь и свои доходы на то чтобъ отыскать какое-нибудь средство противъ общественныхъ бѣдствій. Вотъ счастливые полководцы въ благородныхъ и мирныхъ бояхъ: имена ихъ служатъ знаменемъ, собирающимъ вокругъ себя тысячи людей, которые, будучи неспособны дѣйствовать одни, даютъ сильную поддержку тѣмъ, кто желаетъ руководить ими. Эти-то примѣры самоотверженія, которыхъ можно насчитать безчисленное множество, поддерживаютъ обаяніе англійской аристократіи. Блескъ ея, можетъ-быть, слишкомъ часто отражается на личностяхъ мало того достойныхъ, на этихъ эксцентрическихъ лордахъ, которыхъ слишкомъ хорошо знаетъ Франція и которыхъ она совершенно напрасно приняла за типъ англійской аристократіи, но число такихъ личностей очень незначительно. Послѣ этого понятно, что Англія не только не желаетъ унижить или

уничтожить аристократію, но гордится ею и допускаетъ вліянію ея проникать во всё слою своего общества.

Первый прекрасный день, улыбнувшійся мнѣ въ Ланморѣ, было воскресенье. Торжественный звонъ колоколовъ оглашалъ воздухъ и смѣшивался съ веселымъ пѣніемъ птицъ. Тысячи капель блестяли на легкихъ паутинкахъ, висѣвшихъ по игламъ дрока. Я взялъ книгу, намѣреваясь провести утро на воздухѣ.

— Церковь отпирають въ 11 часовъ, сказала мистриссъ Джонсъ, вполне убѣжденная, что я собираюсь къ службѣ. Я вышелъ, она послѣдовала за мною, заперла на ключъ всѣ двери, и остановясь на минуту у одного коттеджа, чтобы захватить съ собою ссѣдку, продолжала путь. Я пошелъ по другой тропинкѣ, но меня вдругъ остановила мистриссъ Джонсъ, полагая что я ошибся, и показала мнѣ дорогу въ церковь. Такая настойчивость ясно доказывала, что я могу потерять ея уваженіе, если не воспользуюсь ея предложеніемъ, и я спустился вмѣстѣ съ нею съ холма по дорогѣ, извивавшейся между широкими полосами зелени, и покрытой тѣнью высокихъ деревьевъ. У подошвы этого холма стояла церковь, окруженная зеленыющимъ кладбищемъ и красивыми деревьями; стѣны и колокольня сверху до низу покрыты были плющомъ. Трогательное зрѣлище представляла эта спокойная мѣстность, оживленная только присутствіемъ благочестивыхъ богомольцевъ, шедшихъ къ божественной службѣ. Внутренность церкви поразила меня еще болѣе. Слова священника, богослуженіе столь простое, видъ молящихся, симпатическое пѣніе дѣтей, все это произвело на меня впечатлѣніе, какого я не ожидалъ. При этомъ безмолвномъ соприкосновеніи съ душами, обращающимися къ Богу, я почувствовалъ, что укротилась горечь наполнявшая мое сердце. Я благословлялъ Бога за то, что я и среди совершенно мнѣ чуждыхъ людей сознавалъ себя членомъ великой человѣческой семьи. Мнѣ думалось, что если различіе націй, странъ, нравовъ, можетъ еще, во время счастья, раздѣлять людей, то вѣдшее и случайное различіе исчезаетъ, когда великія испытанія побуждаютъ насъ заглянуть въ глубину нашей природы.

Погруженный въ эти размышленія, а равно и занятый книгою Тацита, которую я для приличія держалъ передъ собою вмѣсто молитвенника, я не обратилъ вниманія на архитектуру церкви. Особенно любопытнымъ и характеристичнымъ показалось мнѣ обнаруженіе аристократическаго чувства Англичанъ

даже въ этомъ собраніи молящихся. Нѣкоторыя семейства, не довольствуясь тѣмъ, что занимали особыя скамьи, отдѣльныя довольно высокими деревянными перегородками, почти совершенно ихъ закрывавшими, прибавляли къ этимъ перегородкамъ еще занавѣски. Другія довольствовались менѣе высокими перегородками, а люди попроще занимали простыя закрытыя скамьи¹. Я помѣстился на одной изъ послѣднихъ. Дѣти сидѣли по ступенямъ алтаря, какъ-будто церковь, нѣжная мать, желала приблизить ихъ къ своему сердцу. Въ другой части церкви, до полудюжины дѣтей, подъ руководствомъ очень милой дѣвицы, исполняли должность пѣвчихъ. Они пѣли очень вѣрно старинныя псалмы, носившіе на себѣ характеръ самаго безыскусственнаго благочестія, и часто голоса ихъ сливались съ голосами многочисленныхъ богомольцевъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ общимъ пѣніемъ, безъ аккомпанимента органа, было въ высшей степени религіозное.

По окончаніи пѣнія и передъ началомъ проповѣди, регентша хора сошла съ своего мѣста, перешла церковь и исчезла за занавѣской одной изъ большихъ трибунъ.

На другой день я спросилъ мистрисъ Джонсъ, кто была эта молодая дѣвица, и зачѣмъ она перемѣнила мѣсто.

— Это миссъ Мери, отвѣчала она.

— Стало-быть мистеръ и мистриссъ Мэсонъ занимаютъ эту маленькую каморку?

— Точно такъ, сударь, а графиня занимаетъ мѣсто въ галлерей.

Имя графини напомнило мнѣ, что я долженъ былъ отправиться къ этой дамѣ, которая уже письменно пригласила меня къ себѣ. „Я стара, говорила она въ своей запискѣ, и давно уже не слыхала о вашемъ семействѣ; но тѣмъ не менѣе я сохранила искреннюю привязанность къ нему, и если вамъ угодно будетъ пожаловать когда-нибудь ко мнѣ завтракать, то вы доставите мнѣ большое удовольствіе.“

Меня тронуло такое радушное приглашеніе; я отправился къ этой почтенной дамѣ, которая, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ и на болѣзнь, давно уже не позволявшую ей вставать съ мѣста, сохранила большую живость ума и интересовалась всѣмъ что дѣлалось вокругъ нея; она даже сохранила

¹ Такія скамьи есть только въ старинныхъ церквяхъ, и священники стараются всадъ ихъ уничтожить.

нѣкоторую страсть къ нарядамъ, которая подчасъ возбуждала невольную улыбку. Чистымъ французскимъ языкомъ спросила она меня о нѣкоторыхъ членахъ моего семейства, которыхъ она знавала лично или по слуху, и съ видимымъ удовольствіемъ, которое столь свойственно пожилымъ людямъ, заговорила о своей юности. Воспоминаніе это необыкновенно одушевило ее: повернувшись на своемъ диванѣ, она показала мнѣ прекрасную картину Лоренса, представлявшую ее во всемъ блескѣ ея двадцатилѣтняго возраста.

— Вотъ, сказала она мнѣ, съ видомъ очень понятнаго кокетства,—какова я была, когда знавала вашего родственника.

На картинѣ изображена была чисто англійская красавица: большіе голубые глаза, бѣлокурые волосы, густыми локонами выбивавшіеся изъ-подъ гребенки, маленькій дѣтскій съ надутыми губками ротикъ, и тотъ румянецъ, который такъ любилъ изображать Лоренсъ. Одѣтая въ черное бархатное платье, со множествомъ браслетъ на рукахъ и съ открытою, по тогдашней модѣ, шейю, графиня отличалась тѣмъ видомъ достоинства и роскошной граціи, который умѣлъ придавать своимъ оригиналамъ этотъ живописецъ, столь нѣжно любимый современными ему дамами: конечно, шестьдесятъ лѣтъ значительно измѣнили оригиналъ. Оставался только цвѣтъ глазъ, лицо еще довольно свѣжее и нѣсколько локоновъ, увы! фальшивыхъ, служившихъ ей слабымъ утѣшеніемъ въ потерѣ ея натуральныхъ косъ. Впрочемъ, графиня сохранила еще грацію и достоинство своего званія и даже своихъ воспоминаній, и смотря на картину Лоренса, она могла даже сказать, что годы пощадили ее. Въ тотъ же вечеръ я получилъ приглашеніе къ обѣду; это было мое первое появленіе въ чисто англійскомъ обществѣ, потому что я не могу назвать англійскимъ лондонское свѣтское общество, мало отличающееся отъ общества всѣхъ большихъ городовъ, только съ прибавкою лишняго этикета и тщеславія. При этомъ случаѣ я познакомился съ большею частью сосѣднихъ семействъ.

— Вотъ мой племянникъ, мистеръ Лесли, сказала мнѣ графиня, представляя меня высокому молодому человѣку, котораго блѣдное и нѣсколько задумчивое лицо показалось мнѣ не совсемъ незнакомымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, то былъ священникъ, котораго я слышалъ въ прошлое воскресенье и который теперь игралъ роль хозяина и долженъ былъ представить меня всѣмъ гостямъ. Прежде

всѣхъ, меня подвели къ сосѣднему священнику; за нимъ слѣдовалъ старый полковникъ Браунъ, типъ добродушія и простоты, не состарѣвшійся отъ тридцатилѣтней военной службы въ Индіи; потомъ мистеръ и мистриссъ Вудлендъ, богатые землевладельцы, считавшіе за честь быть твердыми торіями; наконецъ мистеръ, мистриссъ и миссъ Мэсонъ. Я очень интересовался послѣдними,—такъ часто мнѣ расхваливала ихъ мистриссъ Джонсъ. Мнѣ показалось, что и онѣ посмотрѣли на меня дружелюбно. Но вмѣсто блѣдной и скромной молодой дѣвицы, которую я замѣтилъ въ церкви, передъ моими глазами была живая и блестящая особа. Загадка объяснилась, когда меня представили миссъ Розѣ Мэсонъ, предлагая мнѣ подать ей руку. Я обязанъ былъ этою честью легкости, съ которою эта дѣвица объяснялась по-французски, и радовался своему счастью. Живая, откровенная и милая, миссъ Роза обладала вполне прелестями своего восемнадцатилѣтняго возраста. Физиономія, исполненная доброты, умные глаза, прекрасные зубы, восхитительный цвѣтъ лица и нѣкоторая полнота, обнаруживали здоровье, не испорченное еще ни атмосферою гостиныхъ, ни утомительными развлечениями городовъ. Можетъ-быть свѣтская дама осудила бы свободу, съ которою она тотчасъ же начала со мною разговоръ, спрашивала меня нравится ли мнѣ жизнь въ Ливморѣ, и въ свою очередь сообщила мнѣ разныя подробности о моей странѣ. Я вскорѣ узналъ, что у миссъ Розы, кромѣ миссъ Мери, есть еще маленькая сестра и два брата, изъ которыхъ старшій учился въ Итонской коллегіи, а младшій въ частной школѣ. Священникъ произнесъ молитву, и обѣдъ начался. Даже въ Лондонѣ, на церемоніальныхъ обѣдахъ, садясь за столъ, громко читаютъ молитву; тѣмъ болѣе соблюдается этотъ обычай въ деревнѣ. Послѣ десерта всѣ дамы удалились въ гостиную, и я не безъ удивленія увидѣлъ, что мой задумчивый молодой священникъ всталъ съ своего мѣста и перешелъ на другую сторону, куда собрались мужчины; на его долю выпала обязанность угощать собесѣдниковъ множествомъ разнаго рода винъ, обыкновенно входящихъ въ составъ англійскаго десерта. Мистеръ Мэсонъ сѣлъ подлѣ меня, и мы обмѣнялись нѣсколькими привѣтствіями. Такъ какъ въ Англіи, всякій разговоръ начинается съ погоды, то очень естественно, что эти господа толковали о вліяніи на жатву постоянныхъ дождей, такъ сильно надѣждавшихъ мнѣ. Говорили о различныхъ

предметахъ, которые однимъ казались интересными, другимъ скучными, потому что нѣсколько времени спустя двое изъ гостей заснули, и я бы охотно послѣдовалъ ихъ примѣру. Такъ продолжалось три четверти часа, потомъ подали кофе, и это значило, что мы должны были возвратиться въ гостиную. Тамъ побесѣдовали съ полчаса, миссъ Роза сыграла что-то на фортепiano, и потомъ стали развѣзжаться. Всѣ гости, даже дамы и дѣвицы, пожали мнѣ руку по англійскому обычаю, и этимъ заключилось собраніе.

Благодаря графинѣ, съ этой минуты я былъ принятъ въ ливморское общество, а такъ какъ въ Англіи обѣды есть родъ посвященія, безъ котораго нельзя назваться пріятелями, то мнѣ необходимо было обѣдать у всѣхъ, кому графиня благоволила меня представить. Церемоніальные обѣды бываютъ у сосѣдей по два раза въ годъ; только одинъ священникъ пользуется привилегіей менѣе церемоннаго приема. Вслѣдствіе этого можно прожить десять лѣтъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не имѣя никакихъ короткихъ сношеній съ своими сосѣдями. Бѣлая часть Англичанъ недовольна этимъ обычаемъ, но сила привычки такъ велика что рѣдко встрѣчается семейство, которое бы рѣшилось освободиться отъ этого этикета. Я былъ такъ счастливъ, что въ пользу мою допустили исключеніе.

IV.

Случай сблизилъ меня въ Ливморѣ съ однимъ изъ самыхъ добрыхъ семействъ, въ которомъ гостепріимство было удовольствіемъ и потребностью. Не прошло мѣсяца, и меня принимали въ немъ, какъ стараго друга. Я говорю о семействѣ Мэсонъ. Мистеръ Мэсонъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти. Простой и прямой, онъ всю жизнь свою дѣлалъ добро, самъ того не подозревая. Я видалъ много такихъ людей въ Англіи, и мнѣ казалось, что они-то и составляютъ постоянную силу и истинное величіе этой страны.

Мировой судья и попечитель о бѣдныхъ, мистеръ Мэсонъ проводилъ большую часть своего времени въ исполненіи этихъ чисто почетныхъ обязанностей. Онъ почелъ бы грѣхомъ не явиться на какой-нибудь изъ многочисленныхъ митинговъ, куда призывали его эти обязанности, и онъ бы удивился, еслибъ я вздумалъ сказать ему, какъ высоко я цѣню его

дѣятельность, — такъ естественнымъ казалось ему все что онъ дѣлалъ. Утонченно-вѣжливый какъ съ бѣднымъ, такъ и съ богатымъ, любезный въ сношеніяхъ со всѣми, мистеръ Мэсонъ забывалъ себя для другихъ, почиталъ первымъ долгомъ отдавать всякому строгую справедливость, тщательно соблюдалъ религіозныя обязанности, и вполне заслуживалъ то общее уваженіе, которымъ пользовался; его жена и дѣти почитали его лучшимъ изъ людей, видѣли въ немъ примѣръ для себя и питали къ нему чувство истиннаго благоговѣнія.

Мистриссъ Мэсонъ была Ирландка и отличалась всѣми качествами своей націи. Добрая, откровенная, она горячо сочувствовала всякому несчастію; Лигморъ могъ назвать ее своимъ вторымъ Провидѣніемъ. Невозможно было видѣть ее, слушать ея рѣчи въ пользу бѣдныхъ и оставаться равнодушнымъ; оттого она умѣла передать своему мужу, который по природѣ своей былъ преимущественно строгимъ исполнителемъ долга, часть ревности и пламенной благотворительности, составлявшихъ основаніе ея характера.

Я уже говорилъ о миссъ Розѣ; она была идоломъ своего отца, который не могъ на нее наглядѣться. Снисходительная, добрая, миссъ Роза видѣла во всемъ одну хорошую сторону и всегда была весела.

Напротивъ того, сестра ея Мери была большею частью грустна; несчастный случай, потеря старшаго нѣжно любимаго брата, усилила ея задумчивость. Судя по словамъ мистриссъ Мэсонъ, этотъ братъ былъ юноша умный и чрезвычайно даровитый. Мери нѣсколько лѣтъ провела съ братомъ, раздѣляя съ нимъ его серіозныя занятія и сочувствуя всѣмъ его душевнымъ мыслямъ. Эти постоянныя попеченія о больномъ и умъ развитый не по лѣтамъ уже разстроили ея здоровье, когда смерть похитила у нея того, чья любовь наполняла всю ея жизнь. Когда я увидѣлъ ее, она еще не совсѣмъ оправилась и была очень слаба. Она была дика и застѣнчива, такъ что одинъ взглядъ посторонняго человѣка приводилъ ее въ краску. Несмотря на ея блѣдность и болѣзненный видъ, ея кроткое и ясное лицо напоминало Рафаэлевскую мадонну; можетъ-быть гармоническое очертаніе ея головы и золотистые волосы содѣйствовали этому впечатлѣнію.

Около Мери часто вертѣлась маленькая Алиса, прелестная пятилѣтняя дѣвочка, съ головкою херувима, смѣшеніе рѣзвости и застѣнчивости, смѣха и слезъ; всѣ баловали ее,

но только одна Мери умѣла укротить вспышки ея гнѣва и непослушанія.

Лоджъ, жилище семейства Мэсонъ, расположено очень живописно на высотѣ, съ которой открывался великолѣпный видъ; съ сѣвера оно защищено было лѣсомъ, доходившимъ почти до дома моей хозяйки. Подобно многимъ англійскимъ вилламъ, домъ у нихъ былъ одноэтажный и занималъ большое мѣсто. Окна гостиной отворялись на галерею, кровлю которой поддерживали сосновые столбы, не очищенные отъ сучьевъ и обвитые шевръ-фѣлемъ, жасминами и розами. Это было любимое мѣсто всего семейства, и лѣтомъ рѣдко проходилъ день, чтобы тамъ не собирались всѣ, хоть на нѣсколько минутъ. Широкая терраса вела въ садъ наполненный цвѣтами; далѣе, посреди зеленыхъ луговъ, паслись красивыя коровы. Рядъ деревьевъ совершенно закрывалъ обработанную землю, потому что Англичане, которые такъ гордятся своимъ земледѣліемъ, не любятъ смотрѣть изъ своихъ оконъ на вспаханныя поля. Они не могутъ надивиться, что у насъ, во Франціи, пшеница растетъ чуть не подъ окнами нашихъ гостиныхъ; что до нихъ касается, то они не потерпѣли бы даже виноградниковъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Можетъ-быть, въ этомъ обыкновеніи есть своя доля тщеславія. Отъ жилища своего они удаляютъ то что слишкомъ напоминаетъ трудъ и барышъ; они гораздо охотнѣе окружаютъ себя тѣмъ что обнаруживаетъ роскошь и нѣкоторый досугъ. Впрочемъ, страсть къ цвѣтамъ господствуетъ во всѣхъ классахъ англійскаго общества. Даже бѣднякъ всегда старается украсить свое жилище, примѣшивая нѣсколько розъ и фуксій къ своему картофелю и бобамъ.

Вскорѣ случаи бывать въ домъ мистера Мэсона стали встрѣчаться чаще и чаще: Мистеръ Мэсонъ былъ охотникъ играть на бильярдѣ и приглашалъ меня къ себѣ вмѣстѣ съ Лесли на партію; онъ любилъ толковать о своихъ работахъ, которыя вель разумно и съ большимъ успѣхомъ, а я съ своей стороны слушалъ его съ большимъ интересомъ, зная что земледѣльческая наука въ Англіи сильно двинулась впередъ, и что я могъ почерпнуть много полезныхъ уроковъ въ этихъ частыхъ бесѣдахъ. Когда же онъ предлагалъ мнѣ сопутствовать ему въ его земледѣльческихъ поѣздкахъ, то я всегда съ удовольствіемъ принималъ его предложеніе.

— Послушайте, сказалъ онъ мнѣ разъ вечеромъ послѣ партіи въ триктракъ:—не хотите ли побывать со мною на фермѣ?

Я согласился, и рѣшено было отправиться на другой день.

Я пришелъ въ Лоджъ въ десять часовъ утра; меня ждали уже у дверей. Роза бодро сидѣла на своемъ красивенькомъ пони, и вокругъ нея прыгала огромная нью-фаундендская собака носившая названіе Гелерта. Мы тотчасъ же отправились. Дорогою мистеръ Мэсонъ сообщилъ мнѣ, что его ферма занимаетъ до 600 акровъ земли. Только небольшая часть ея, по сосѣдству съ домою, оставлена подъ пастбище; бѣольшая же часть засѣяна турнепсомъ, пшеницею, ячменемъ, дятлиною и mangold-wurzel (родъ свеклы); но, какъ и во всякомъ большомъ хозяйствѣ въ Англіи, основаніемъ земледѣлія былъ турнепсъ. Мнѣ очень любопытно было видѣть одно изъ тѣхъ знаменитыхъ полей, о которыхъ я слышалъ такъ часто. Проѣхавши лугъ, на которомъ паслись шесть, семь коровъ, принадлежавшихъ къ породѣ альдернейской (съ острова Альдернея) и множество воловъ, мы прибыли на мѣсто въ ту минуту, когда производились приготовительныя работы. Сѣвальная машина, какъ будто одаренная разумомъ, проводила борозду, клала въ нее удобреніе, засыпала его землею и сѣяла зерна, все это одною и тою же операциею.

— Необходимо, сказалъ мнѣ мистеръ Мэсонъ,—между удобреніемъ и сѣменами оставлять земли на два англійскіе фута, для того чтобы молодыя волокна растенія пришли въ соприкосновеніе съ удобреніемъ тогда только, когда корни его довольно сильны чтобы выдержать и принять въ себя эту сильную пищу; иначе они сгорятъ отъ нея.

Можно будетъ составить себѣ понятіе о трудѣ и расходахъ сопряженныхъ съ этою культурою, если скажу, что земля эта вспахана была три раза, въ ноябрѣ, январѣ и маѣ, и въ январѣ удобрена была десятию тоннами навозу на акръ.

— Когда вы узнаете, спросилъ я мистеръ Мэсона,—что вы выручите за столько трудовъ и издержекъ?

— Не такъ-то скоро, отвѣчалъ онъ:—мы еще далеко отъ расчета. Черезъ мѣсяць покажется нѣсколько листиковъ; тогда необходимо будетъ тщательно вырвать часть растеній, чтобы очистить необходимое для нихъ мѣсто. Мущина, привыкшій къ этому дѣлу, проводитъ линію, и указываетъ что дѣлать женщинамъ и дѣтямъ. Потомъ окапываютъ каждый турнепсъ. Вы подумаете можетъ-быть, что по окончаніи этого дѣла, стоить только предоставить все дождю и солнцу до октября

мѣсяца. Вы не знаете еще какихъ заботъ и надзора требуетъ это поле. У насъ множество разныхъ враговъ готовыхъ уничтожить нашу жатву. Впервыхъ, маленькія черныя гусеницы, которыя являются тысячами, но отъ нихъ можно избавиться; мы употребляемъ на это жеванцы и дѣтей. Совсѣмъ иное дѣло—гангрена и мошки.

Я полюбовался нѣсколько времени, съ какою чудною правильностію сѣятель продолжалъ свою работу, и потомъ мы отправились къ другому полю.

Въ Англии всѣ поля защищены живою изгородью. Воротами служить широкая деревянная рѣшетка. Та, которая находилась передъ нами, заперта была висячимъ замкомъ. Мы съ мистеромъ Мэсономъ безъ труда черезъ нее перелѣзли, но Роза съ своимъ пони приостановилась.

— Ну же, сказалъ къ великому удивленію моему мистриссъ Мэсонъ:—покажи-ка нашему гостю, какъ твоя Фери скачетъ черезъ заборы.

— Только не черезъ этотъ, сказала она умоляющимъ голосомъ:—онъ такъ высокъ.

Нѣсколько далѣе былъ просвѣтъ въ изгороди заложенный жердью. Роза поскакала въ ту сторону, осадила лошадь, быстро перескочила черезъ жердь и, совершенно довольная, подѣхала къ отцу.

— Маленькая трусиха! сказалъ онъ смѣясь, и мы продолжали нашу прогулку.

— Вотъ, сказалъ мнѣ мистеръ Мэсонъ, указывая на поле съ ячменемъ:—вотъ какой посѣвъ слѣдуетъ обыкновенно за турнепсомъ.

Потомъ онъ объяснилъ мнѣ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда собираютъ турнепсъ, въ опустѣлое поле выгоняютъ овецъ, которыя топчутъ его и удобряютъ землю, и удобреніе это тѣмъ дѣйствительнѣе, что ихъ кормятъ отчасти выжимками сѣменя.

— Сколько у васъ овецъ? спросилъ я.

— Семьсотъ и до шестидесяти быковъ.

— Вотъ какъ! Но чтобы вести дѣло такимъ образомъ, нужно имѣть большой капиталъ.

— Вы совершенно правы, отвѣчалъ онъ—земледѣліе тоже что и всякая другая промышленность; изъ ничего не выйдетъ ничего, а земля производитъ только соразмѣрно съ положеннымъ въ нее капиталомъ. По моему разчету, фермеру нужно употребить до 10 фунтовъ (около 65 руб. сер.) на акръ.

— Я удобряю ежегодно половину моихъ земель десятию тоннами обыкновеннаго удобренія на акръ, не считая другихъ предметовъ, каковы известь, гуано, селитра и выжимки. Земледѣлецъ, чтобы быть въ выгодѣ, долженъ извлекать изъ своей земли въ пять разъ болѣе той цѣны, во что обходится ему наемъ фермы; но и въ этомъ случаѣ онъ получить только одну пятую чистаго барыша; да и изъ этого ему нерѣдко придется вычесть потери причиняемыя разными случайностями, какъ напримѣръ болѣзнью скота.

Разговоръ прервался, когда мы подошли къ тому, что въ Англии называется *home stead*, то-есть собственно ферма гдѣ живетъ фермеръ и гдѣ находятся конюшня и зданія, назначенныя для скота и для земледѣльческихъ орудій. При этомъ первомъ осмотрѣ англійской фермы, меня поразило незначительное число и малое пространство зданій назначенныхъ для хозяйства. Я сравнивалъ ихъ съ тѣми огромными постройками, которыя, на нашихъ фермахъ во Франціи, покрываютъ такое обширное пространство земли, и увеличивая расходы землевладѣльца, нерѣдко лишаютъ его чистаго барыша. Я просилъ мистера Мэсона объяснить мнѣ эту разницу.

— Забудьте, сказалъ онъ мнѣ,—что всѣ произведенія нашей земли сохраняются на открытомъ воздухѣ. Эти многочисленные скирды, что вы видите покрытыя соломой, не что иное какъ сараи, въ которыхъ хранится сѣно, пресованное и доведенное до десятой части своего объема, въ ожиданіи того времени, когда оно понадобится фермеру для прокормленія его скота, самый скотъ остается въ полѣ, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, иногда безъ всякаго убѣжища, кромѣ досчатой или тростяковой кровли, поддерживаемой четырьмя столбами врытыми въ землю.

Домъ фермера, построенный изъ кирпича, похожъ былъ на коттеджъ мистриссъ Джонсъ; только онъ былъ украшенъ красивымъ сельскимъ навѣсомъ. Мы вошли въ гостиную, (въ Англии только лишь крайніе бѣдняки не имѣютъ гостиной), отдѣланную обоями и украшенную гравюрами и фарфоровою посудой. Посрединѣ стоялъ изящный столъ краснаго дерева, гладкій какъ зеркало, на который фермерша поставила подносъ съ бисквитами, сыромъ, пивомъ и виномъ. Мистеръ Мэсонъ сказалъ мнѣ, что отнюдь не должно отказываться отъ этого угощенія, и мы закусили,

бесѣдуя съ хозяйкой; потомъ, въ сопровожденіи фермера, осмотрѣли хлѣва, въ которыхъ откармливался скотъ назначенны на продажу.

Мистеръ Мэсонъ заразился нѣкогда маніей, общею всѣмъ хозяевамъ, воспитывать быковъ на выставки; но онъ признался мнѣ, что долженъ былъ отказаться отъ этой забавы, которая по карману только однимъ богачамъ.

Довольно длинная дорога отдѣляла *home stead* отъ полей, описанныхъ мною выше, и вдоль по этой дорогѣ расположены были жилища людей служащихъ при фермѣ. То были красивые домики, раздѣленные на двѣ квартиры, со входами и крыльцами по бокамъ; передъ ними тянулись маленькіе садки, служащіе работнику занятіемъ въ часы досуга. Когда я любовался ими, то мистеръ Мэсонъ сказалъ мнѣ, что работники не всегда пользуется этимъ удовольствіемъ. Страсть къ собственности, столь укоренившаяся въ нашихъ селеніяхъ, невѣстна земледѣльческимъ классамъ Англіи. Примѣръ Ирландіи, гдѣ земля была слишкомъ раздроблена, утвердилъ еще болѣе, между крупными землевладѣльцами въ Англіи, и безъ того уже сильно вкоренившееся мнѣніе о пагубныхъ слѣдствіяхъ мелкаго хозяйства. Я не впаду въ преувеличеніе, если скажу, что въ южныхъ графствахъ Англіи, крестьянинъ владѣющій десятиною земли, есть рѣдкость. Вѣроятно, этой невозможности сдѣлаться мелкимъ собственникомъ должно приписать страсть англійскаго крестьянина къ украшенію внутренности своего жилища. Если онъ скопитъ себѣ что-нибудь, то употребитъ, на покупку мебели или на украшеніе своей хижины, деньги, которыя во Франціи онъ отложилъ бы на приобрѣтеніе клочка земли; отъ того нѣтъ ничего общаго между грязными хижинами нашихъ крестьянъ и жилищемъ англійскаго поселенина со всѣми утонченностями доступной для него роскоши и комфорта. Вообще англійскій крестьянинъ живетъ не такъ экономно и издерживаетъ на свою пищу вдвое болѣе французскаго крестьянина; конечно, и климатъ требуетъ тамъ болѣе существенной пищи чѣмъ у насъ.

Я посѣтилъ нѣсколько маленькихъ коттеджей, которые мистеръ Мэсонъ отдаетъ въ наймы своимъ работникамъ. Почти всѣ они построены по одному плану и содержатъ въ себѣ одну большую комнату въ передней части, служащую столовой и гостиной, маленькую кухню съ печью и очагомъ, и прачеш-

вую съ чугуныи котломъ (въ Англии никогда не ходять мыть бѣлье на рѣку); затѣмъ слѣдуютъ: сарай для каменнаго угла, пожарная труба и маленькій дворъ, въ глубинѣ котораго расположенъ свиной хлѣвъ. Лѣстница ведетъ изъ кухни на верхъ, въ спальни, устроенныя большею частью поодну кроватю; ихъ обыкновенно двѣ, а когда семья велика, то мистеръ Мэсонъ приказываетъ раздѣлять перегородкою ту, которая попросторѣе. Постояльцамъ строжайше запрещено принимать къ себѣ на житье чужихъ. Эти двойные коттеджи обошлись владѣльцу въ 300 фунт. (около 1900 руб. сер.) каждый. За каждую квартиру назначена плата, по 2 шиллинга въ недѣлю (65 к. с.), Заработная плата пахаря, колеблется отъ 12 до 14 шиллинговъ (приблизительно отъ 3 р. 90 к. до 4 р. 50 к.) въ недѣлю въ обыкновенное время, и значительно увеличивается во время жатвы, такъ что здоровый работникъ можетъ заработать круглымъ счетомъ отъ 5 до 6½ рублей въ недѣлю. Почти всѣ работники имѣютъ большія семьи, платятъ за квартиру и взносятъ еженедѣльно небольшую сумму въ общество взаимнаго вспоможенія, а равно и въ школу для обученія своихъ дѣтей, и несмотря на то живутъ, повидимому, очень достаточно.

Передъ дверью одного изъ этихъ коттеджей, лежала большая собака Гелертъ.

— Гелертъ на караулѣ, сказалъ мнѣ мистеръ Мэсонъ:—Мери должна быть здѣсь.

И въ самомъ дѣлѣ мы нашли ее у бѣдной больной, которой она читала что-то поучительное. Увидѣвъ насъ, Гелертъ бросился къ намъ на встрѣчу, полизалъ руку у своего господина, потомъ, однимъ прыжкомъ, положилъ обѣ лапы ко мнѣ на плечи.

„Это добрый знакъ, сказалъ я самъ себѣ, — онъ принимаетъ меня какъ друга дома“, и эта мысль очень утѣшила меня. Гелертъ — необыкновенная собака: онъ робокъ и ворчливъ съ тѣмъ кого не знаетъ, и сверхъ того одаренъ тѣмъ тактомъ, которымъ не всегда отличаются существа стоящія выше его въ порядкѣ творенія; онъ умѣетъ различать людей и обращаться съ ними, на основаніи этого различія. Такъ напримѣръ онъ не осмѣлился бы оскорбить достоинства мистера Мэсона и положить ему лапы на плечи; онъ удовольствовался только его ласкою. Онъ прыгалъ и рѣзвился съ Розою, но смирно шелъ подлѣ Мери. Что касается до Алисы, то не было шутокъ и скачковъ, которыхъ бы онъ

не дѣлалъ для нея: дотѣхи, я готовъ былъ затерять все съ свѣтѣ, чтобы угодить ей. Очевидно было, что онъ какъ бы считалъ себя покрайней мѣрѣ и защитникомъ общаго дѣла. Надо было видѣть кто затрудняется, когда онъ, вышедши вмѣстѣ изъ дому, расходился въ разные стороны: селени; онъ, бѣгая отъ одной къ другой, въ концѣ концовъ обыкновенно оказывалъ предпочтеніе Маріи. Какъ только во время своихъ прогулокъ, я замѣчалъ, что онъ ходитъ на пороги: а жаль, что я зналъ уже кто, волеетъ въ эту хижину.

На возвратномъ пути къ жилищу мистера Мэсона, мы отъѣхали большою охотою по полямъ, съ бранью, востомъ, и майгономъ, клеверомъ и дятлиною; недалеко отъ Доджа расположились были хатка для коровъ и свиней, и равно и птичьи къ, состоявшій подъ особымъ покровительствомъ Розы и Пурлока и чистота, какъ извѣстно, господствуютъ во всѣхъ частяхъ англійскаго хозяйства. Хозяйство мистера Мэсона не составляетъ исключенія: коровникъ, выстроенный изъ шипши, снабженъ былъ вентиляторами, и его ежегодно изнутри бѣлила известью. Жидкое удобреніе стекало по желобамъ изъ омывовъ въ резервуаръ, а данныя трубы, приделанные къ посконной трубѣ, давали прямою струю распрѣдѣлять эту жидкость по всѣмъ частямъ сада.

Хотя мы не боялись пыли, провели это утро, мистеръ Мэсонъ пригласилъ меня еще осмотрѣть поля съ птичьими, позади дома, на выротахъ принадлежавшихъ къ выгоду. Онъ производилъ на нихъ опыты удобренія, которое ему очень хвалили для земель легкихъ и песчаныхъ. Это было смѣшеніе селитры и обыкновенной соли; онъ положилъ одну стокъ селитры и два стона соли на 25 акровъ; одна половина этой смѣси кладется въ землю въ мартѣ, другая половина позже; операція эта, какъ онъ говорилъ мнѣ, не легка, но той правды восту, съ которою необходимо распрѣдѣлять удобреніе. Пшеница, посаженная была въ октябрѣ на клеверномъ полѣ, удобрена передъ началомъ пшени семью или восемью тоннами обыкновеннаго навоза, и онъ надѣялся получить доходу отъ этой пшеницы болѣе чѣмъ съ другихъ полей, гдѣ еще не было сделано этого опыта.

Такимъ образомъ, окончилась эта приятная прогулка. Въ первый разъ увидѣлъ вполнѣ воедостоинство земледѣльческаго искусства. Онъ былъ около 14½ русскыхъ фунтовъ.

промысла, и убаюкая, какъ они боятся тѣхъ, которые считаютъ образованіе ненужнымъ для земледельцевъ въ настоящее время. Большая опытность и постоянно-бодрая плутовство понять и употребить въ двоякія новыя способы, посредствомъ которыхъ самая скудная почва становится плодотворною.

До сихъ поръ я говорилъ только о динморскомъ *соттон* и о нѣкоторыхъ окрестныхъ замкахъ. Теперь постараюсь познакомить моихъ читателей съ деревнею и ея бытвомъ, одинаковымъ во всѣхъ деревняхъ Англии. Населеніе динморскаго прихода состоитъ изъ тысячи душъ, и хотя большая часть домовъ и хижинъ разсыяны по полямъ, деревня сама по себѣ довольно значительна. Съ лавками различныхъ товаровъ и мастерскими, плотно примыкающими другъ къ другу, она походитъ на маленькій городокъ.

На одной оконечности, по дорогѣ къ Лондону, находится трактиръ, подъ вывѣскою герба графини, осѣненный древнимъ вязомъ, прожившимъ пять столѣтій. Отличное пиво мистера Джона и его веселый нравъ привлекали къ нему, не только мѣстныхъ жителей, но и множество изъ окрестностей. Англичане выпиваютъ неимоверное количество пива, и подвѣздъ къ трактиру всегда заставлены маленькими повозками и тележками, владѣльцы которыхъ угощаютъ внутри свою жажду.

Иногда, сидя на скамьѣ у вѣковаго вяза, я забавлялся обществомъ проехавшими у меня передъ глазами. Сколько ружей, остроты, поговорокъ и привѣтствій, и какіе громадные кувшины съ пивомъ! Иногда цѣлая семья, переходя изъ одной деревни въ другую, останавливалась угощать жажду; отецъ сходилъ съ повозки, выносилъ изъ трактира большой жестяной кувшинъ, и угощалъ пивомъ жену свою и всѣхъ дѣтей поочередно. Страшно было видѣть сколько пива утекало такимъ образомъ.

Но трактиръ мистера Джона былъ не только оборнымъ мѣстомъ весельяхъ поселянъ; сцены иного рода разыгрывались тамъ по два раза въ мѣсяцъ. Туда мистеръ Мэсонъ и окрестные судьи собирались судить несчастныхъ бракомъеровъ и другихъ бродягъ, обвиненныхъ въ какомъ-нибудь проступкѣ.

Болѣе всего поражали меня въ Англіи встрѣчающіяся такъ противоположность и кажущаяся несвязность учрежденій. Начиная съ главныхъ политическихъ собраній до организациі малѣйшей деревни, чувствуешь, что тамъ ничто не составлено симметрически; повсюду видны слѣды постепенныхъ прибавокъ и примѣсей, которыя оставляютъ въ силѣ старый порядокъ вещей; все вмѣстѣ представляетъ какое-то странное, пестрое цѣлое, котораго никакъ не могутъ понять Французы, привыкшіе къ симметріи, особенно въ дѣлѣ управленія. Такъ, напримѣръ, въ англійской деревнѣ, которая, впрочемъ, управляется исключительно своими жителями, нѣтъ ни общиннаго дома, ни залы собранія. Для этого считаютъ достаточною трактирную комнату; тамъ воздвигаютъ судилище; тамъ устраиваютъ всѣ деревенскія дѣла; тамъ же даются многочисленные банкеты съ ихъ тостами и рѣчами, которые составляютъ характеристическую принадлежность англійской общественной жизни.

Большая зала линморскаго трактира носить на себѣ отпечатокъ многочисленнаго и разнообразнаго употребленія, которому она удовлетворяетъ. Старый турецкій коверъ, разостланный надъ длиннымъ столомъ краснаго дерева, почернѣвшимъ отъ времени, кресла и высокія этажерки, украшавшія въ свои лучшіе годы замокъ знатнаго землевладѣльца, придавали комнатѣ какой-то торжественный видъ, между тѣмъ какъ многочисленные раскрашенные эстампы, съ сильнымъ преобладаніемъ краснаго цвѣта, представлявшіе скаковыхъ лошадей, быковъ громадной величины и охотничьи подвиги, равно какъ и маленькія зеркала, развѣшенныя по стѣнамъ и окруженныя свѣчами, служили вѣрнымъ признакомъ, что тамъ происходили собранія охотниковъ-аристократовъ, богатыхъ хозяевъ и любителей хорошаго стола.

Впрочемъ, сильно ошибется тотъ, кто подумаетъ, что правосудіе имѣетъ менѣе торжественный характеръ въ этой странной залѣ чѣмъ въ нашихъ судебныхъ палатахъ. Присутствіе г. Масона, полковника Брауна и прочихъ сосѣднихъ мировыхъ судей, въ сопровожденіи ихъ клерка, прибытіе писарей съ ихъ арестантами, озбоченный видъ свидѣтелей, важная наружность адвоката, и болѣе всего этого обширная власть мировыхъ судей, имѣющихъ право приговаривать къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ,

придаютъ очень серьезный характеръ этой странной судебной залѣ.

Мировые судьи, или *justices of the peace*, или *magistrates*, въ Англіи нѣто, что наши мировые судьи, чиновники состоящаго на жалованьи и пользующіеся нѣкоторыми судебными правами высшаго разряда. Они скорѣе составляютъ родъ поземельной аристократіи, и занимаютъ въ одно и то же время должности попечителей надъ бѣдными и судей облеченныхъ большою властью. Число мировыхъ судей не опредѣлено, и они не получаютъ никакого содержанія. Почти всякій землевладѣлецъ, нѣсколько значительный, облеченъ этимъ званіемъ для чего требуется тотько утвержденіе отъ короны черезъ посредство лорда-лейтенанта графства, и въ деревнѣ часто эту должность несутъ священнослужители. Два раза въ мѣсяцъ, а если нужно, то и чаще, трое или четверо мировыхъ судей соединяются вмѣстѣ для рѣшенія дѣлъ; такія собранія называются *petty sessions* (малыя засѣданія); они составляютъ судъ, который подвергаетъ исправительнымъ наказаніямъ проступки, каковы обыкновенное воровство, похищеніе дичи, грабительство. Тотъ судъ произноситъ въ одно и то же время рѣшеніе о фактѣ и постановляетъ наказаніе безъ посредства присяжныхъ, и несетъ на себѣ всю отвѣтственность за приговоръ, который можетъ быть произнесенъ какъ однимъ, такъ и многими судьями. Наказанія назначаемыя ими—пена и тюремное заключеніе. Если дѣло идетъ о болѣе важныхъ преступленіяхъ, каковы воровство со взломомъ, то судьи отправляютъ подсудимаго въ общія собранія мировыхъ судей, *quarter sessions*; впрочемъ если обвиненный *pleads guilty*, то-есть сознается въ винѣ, то мировые судьи и въ маломъ засѣданіи могутъ, по его желанію, вершить дѣло; такъ всегда и случается, если только подсудимый желаетъ избѣжать сложной процедуры и предварительнаго задержанія подъ арестомъ.

Мировые судьи соединяются также, по временамъ, въ назначенный день, на административное засѣданіе, гдѣ они выдаютъ патенты на продажу крѣпкихъ напитковъ и рѣшаютъ дѣла, относящіяся къ налогу въ пользу бѣдныхъ.

Quarter sessions, то-есть четвертныя засѣданія, есть судъ, собирающійся каждыя три мѣсяца въ главномъ городѣ, и состоящій изъ всѣхъ мировыхъ судей графства, въ числѣ тридцати или сорока человекъ; они избираютъ себѣ

президентомъ самаго опытнаго изъ своей среды, — почти влекущій за собою большую отвѣтственность, потому что этотъ президентъ собственно и есть судья, а всѣ прочіе не что иное какъ засѣдатели, выносящіе только совѣщательный голосъ. Должность эта пожизненная, и нѣрѣдко она становится первымъ ступенемъ къ великой политической карьерѣ.

Права этого трибунала очень обширны и простираются до осмысли включительно; на него нѣтъ апелляцій и только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о преступленіяхъ уголовныхъ, подсудимый отсылается на ассизный судъ; отъ того процедура въ этомъ вѣдомствѣ та же самая, какъ и въ нашихъ *cours de justice*.

Судъ присяжныхъ, состоящій изъ землевладельцевъ графства, доходъ которыхъ не ниже 20 фун. (125 руб. сер.), обязанъ произносить рѣшеніе о виновности; пренія въ немъ устныя.

Независимо отъ этихъ судебныхъ обязанностей четвертные засѣданія (называемыя такъ потому что они собираются по четыре раза въ годъ), подобно малымъ засѣданіямъ (*petty sessions*), отправляютъ обязанности административныя, и отъ того сходны въ этомъ отношеніи съ нашими департаментскими совѣтами. Они завѣдываютъ полиціей, дорогами, заведеніями для умалишенныхъ и другими подобными тому предметами.

Въ заключеніе этого очерка важныхъ обязанностей мировыхъ судей, не могу не упомянуть о томъ, съ какою ревнивою заботливостью законъ охраняетъ индивидуальную свободу. Всякое лицо, какъ бы оно ничтожно ни было, какъ бы преступно ни казалось, не можетъ быть задержано безъ особаго приказа судьи; этотъ подписанный судьей указъ называется *warrant*; онъ даетъ право полицейскому агенту задержать подсудимаго и вести его передъ судьей; но послѣдніе могутъ всегда, по своему благоусмотрѣнію, предоставить подсудимому свободу за обезпеченіе, цѣнности котораго они сами опредѣляютъ.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, какія важныя обязанности возложены на поземельную аристократію въ Англіи, или правильнѣе на *джендльменовъ*, проживающихъ въ деревнѣ, потому что всякій, кого общественное положеніе и уваженіе сосѣдей ставятъ на видное мѣсто, можетъ быть утверждень въ званіи мирового судьи, хотя бы

незаслуженная ответственность его была незначительна. Все почитают за честь отправленіе этой должности.

Не знаю, поразили ли другихъ, подобно мнѣ, та странная особенность, что въ странѣ, гдѣ господствуетъ по преимуществу принципъ раздѣленія труда, замѣчается непрерывное смѣшеніе разныхъ обязанностей въ отношеніяхъ политическомъ и административномъ; между тѣмъ, какъ во Франціи, гдѣ въ обыкновенной жизни человекъ считается на все способнымъ, раздѣленіе обязанностей въ общественной жизни определяется съ точностію, часто неразумною и почти всегда вредною для общества. Можетъ-быть этой особенності свѣдѣтъ нравовъ Англичане обязаны великою силою своей колонизаціи, которой мы лишены совершенно.

Возвратимся къ Лимбору. Я сказалъ, что трактиръ стоялъ на краю деревни; на другомъ краю, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилищъ, стояла описанная мною выше церковь. Тамъ находилась площадка, окруженная школою, богадѣльнею, пасторскимъ домомъ и церковью съ оя кладбищемъ. За кладбищемъ протекала рѣчка, слабое журчаніе которой смѣшивалось съ шелестомъ развѣсистыхъ деревьевъ, обнявшихъ ея берега. Я не могу описать всей мирной прелести этихъ мѣстъ, посвященныхъ дому Божію и дѣтямъ; я часто напивалъ туда мою прогулку и любилъ разсматривать нѣкоторые изъ этихъ странныхъ надгробныхъ памятниковъ, украшавшихъ кладбище. Иногда я садился на берегу рѣчки и предавался мечтамъ своимъ, которыя нерѣдко прерывались радостными криками дѣтей, вылетающихъ изъ школы, или прибытіемъ Десди, возвращавшагося отъ тетки своей, графини, по сельскому шоссе, соединявшему паркъ съ кладбищемъ и пасторскимъ садомъ. Иногда онъ оставался со мною на берегу; но чаще мы отправлялись прогуливаться по великолѣпной аллѣе вязовъ и липъ, окаймлявшей паркъ.

Десди былъ еще очень молодъ (ему было не болѣе двадцати семи лѣтъ) для такого значительнаго прихода, какъ лимборскій; онъ чувствовалъ всю тяжесть этой ответственности, и часто подвѣрялъ мнѣ свои горести и затрудненія. „Какъ бы я желалъ, повторялъ онъ не разъ, — промѣнять этотъ видный приходъ на какой-нибудь болѣе скромный, гдѣ бы я могъ имѣть дѣло съ бѣдными крестьянами, не приходя въ столкновеніе съ лавочниками, которые только умничаютъ, и гдѣ бы мнѣ не нужно было проповѣдывать передъ людьми, подвергающими

критикъ каждое слово мое. "Я понималъ это чувство въ человѣкѣ столь скромномъ, но ужь конечно не соглашался съ нимъ; напротивъ, я старался внушить ему еще большую увѣренность къ себѣ.

— Напрасно вы жалуетесь сказалъ я ему:—васъ такъ любить бѣдные и цѣнять богатые; къ тому же, дѣйствительно, вы такъ проповѣдуете, что увлекаете всѣхъ.

— Не говорите о моей проповѣди, отвѣчалъ онъ:—при одномъ воспоминаніи о ней меня дрожь беретъ. Еслибы вы знали, чего мнѣ стоитъ взойти на кафедру! я едва держусь на ногахъ. Конечно, я дурно дѣлаю, что ропщу. Богъ все устраиваетъ къ лучшему; я попалъ сюда по его святой волѣ.

Если не отдавалъ себѣ справедливости. Проповѣди его были понятны, поучительны и даже краснорѣчивы, хотя онъ и читалъ ихъ по тетради, какъ это дѣлается въ Англіи. Когда онъ стоялъ на кафедрѣ, онъ казался самымъ кроткимъ и спокойнымъ существомъ. Лицо его сіяло благочестіемъ, и его голосъ, звучный и важный, вливалъ въ души волновавшее его чувство. Никогда никто не могъ бы заподозрить этого молодого человѣка въ робости и уныніи. Одинъ изъ аргументовъ, которые я употреблялъ въ разговорахъ съ нимъ, составляла противоположность между священниками въ Англіи и во Франціи.

— Вы жалуетесь, говорилъ я ему,—на ваше безсиліе, вы, кого любятъ и поддерживаютъ всѣ знаменитости вашего селенія. Чтò же было бы, еслибы вы имѣли несчастіе быть священникомъ на моей родинѣ? Тамъ священнику слишкомъ часто приходится одному бороться съ невѣжествомъ или равнодушіемъ своихъ прихожанъ. Онъ самъ бѣденъ и не можетъ ничего сдѣлать чтò влечетъ за собою какія-нибудь издержки. А какое доброе дѣло можетъ совершиться безъ его участія! Лишенный семейной жизни и почти всякаго образованнаго общества, принужденный почитать себя какимъ-то особымъ существомъ, онъ долженъ имѣть большой тактъ и много добродѣтели, чтобъ его приняли какъ равнаго себѣ значительныя лица его прихода. Прибавьте къ этому равнодушіе къ богослуженію, слишкомъ часто встрѣчающееся у насъ, и вы поймете насколько положеніе ваше лучше положенія нашихъ священниковъ.

— Вы правы, отвѣчалъ мнѣ Лесли:—благодарю васъ за ваши слова; они мнѣ очень утѣшительны.

Онъ разставался со мною какъ бы успокоенный, и я продолжалъ свою прогулку, и самъ не могъ надвинуться рѣшимости своей проповѣдывать о мужествѣ духовному лицу.

Хотя сознаніе величія своей обязанности сильно тяготило повременамъ совѣсть моего молодого друга, однако я замѣтилъ, что не всѣ его печали имѣли такой святой источникъ, и что ссоры и враждебныя отношенія къ нему нѣкоторыхъ изъ его прихожанъ были также причинами его огорченій.

— Завтра, оказалъ онъ мнѣ однажды съ нетерпѣніемъ:— у насъ будетъ *vestry meeting* для соглашенія о починкѣ колокольни. Сколько оскорбленій придется мнѣ вынести отъ Сея (столяръ жившій рядомъ съ мистеромъ Джонсомъ и бывшій главнымъ оракуломъ линморскихъ методистовъ). Я надѣюсь, что г. Мэсонъ поддержитъ меня, потому что намъ предстоитъ много преній.

— Что это за собраніе, спросилъ я,— и гдѣ оно будетъ?

— Вотъ *vestry*, отвѣчалъ онъ мнѣ, указывая на выступъ церкви, гдѣ, по всѣмъ признакамъ была ризница: — но завтрашнее собраніе будетъ слишкомъ многочисленно и не помѣстится тамъ; оно соберется въ трактирѣ. Прежде эти митинги происходили въ самой церкви, и вы не можете себѣ представить сколько затрудненій встрѣтилъ мой предшественникъ, когда задумалъ прекратить такое оскорбленіе дома Божія; такъ и во всемъ: нелзя ничего сдѣлать, чтобы не придти въ столкновеніе съ полдюжиной портныхъ и столяровъ.

— А, понимаю, сказалъ я ему смѣясь:— вы бы желали неограниченной власти.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, избави Боже! Я желалъ бы только, когда предстоитъ дѣло справедливое и простое, чтобы оно обходилось безъ такого множества преній и ссоръ.

— Значить, возразилъ я,— вы бы допустили преніе съ тѣмъ только условіемъ, чтобы оно не было ни серьезно, ни шумно, и чтобы воля ваша исполнялась. Это либерализмъ тѣхъ кто не любитъ противорѣчій, и я часто видалъ какъ имъ руководствуются въ нашихъ несчастныхъ собраніяхъ. Не жалуйтесь на небольшую оппозицію вашего приходскаго собранія, вашего *vestry*; вы пользуетесь жизнью и свободой только подъ условіемъ переносить ихъ неудобства. Лучше избытокъ независимости и противорѣчія чѣмъ апатія и раболѣпство.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

«И я не понимаю, сказать бы, что могут быть Общяго наши деревенскія собранія съ вашими политическими воззрѣніями?»

«То, возразилъ я, — что все зависитъ отъ общественной организаціи, и если свобода такъ прочно утвердилась у насъ, то это потому только, что она пустила корни въ свободныхъ прежнихъ вашихъ сельскихъ ораторовъ.»

— О о! воскликнулъ онъ: — вы хотите сказать, что мистеръ Селъ патриотъ! Хорошо, на будущее время, я постараюсь видѣть въ немъ не признаннаго Гамдена.

— И вы будете правы, отвѣчалъ я.

Эти *vestry meetings*, сходки въ ризницѣ, смущившія такъ сильно спокойствіе Лесли, въ действительности играли роль какихъ муниципальных совѣтовъ. Только вмѣсто мера, въ нихъ предсѣдательствуетъ священникъ¹, и церковь есть ихъ средоточіе. Сташа старинная приходская система. Разъ въ году, во время Пасхи, всѣ плательщики податей собираются въ церковную ризницу, чтобы выбрать представителя своего въ деревнѣ, носящаго названіе *church warden*, или хранителя церкви (церковный староста). Священникъ въ свою очередь назначаетъ еще отъ себя такого же церковнаго старосту. Эти агенты, не получающіе никакого вознагражденія, обязаны не только заниматься устройствомъ церкви, полицейскою частью, назначеніемъ окаяей прихожанамъ, но они должны наблюдать за священникомъ, за его поведеніемъ, даже за его доктринами и доносить обо всемъ епархіальному епископу. Приходское собраніе назначаетъ налогъ для освященія церкви и другихъ расходовъ, повѣряетъ отчеты церковныхъ старостъ, а иногда избираетъ *trustees*, то-есть лица распоряджающіяся некоторыми благотворительными капиталами, оставленными по духовнымъ завѣщаніямъ.

Почти значительное большинство прихожанъ принадлежатъ къ англиканской церкви, все идетъ для священника довольно удобно, но какъ только между ними появится некоторое число диссидентовъ, то положеніе его становится подчасъ затруднительнымъ; такъ какъ диссиденты платятъ церковный налогъ (*church rate*), то очень натурально, что они также являются на приходскія собранія, и тамъ изливаютъ гнѣвъ свой на то, что платятъ за содержаніе

¹ Въ Англіи, меръ и муниципальных совѣтъ существуютъ только въ городахъ.

церкви, которая, въ ихъ глазахъ, есть старшая дочь папизма, а стало-быть близкая родственница идолопоклонства.

Въ Лимморѣ была маленькая часовня методистовъ, и бѣдный Лесли испытывалъ на этихъ митингахъ въ ризницѣ довольно грубыя оскорбленія со стороны мелкихъ политикановъ этой секты. Но правдѣ оказавъ, онъ страдалъ гораздо болѣе отъ формы этихъ нападеній чѣмъ отъ ихъ сущности. Молодой аристократъ съ изящными манерами не могъ переносить равнодушно оскорбленій; нелюбимымъ ему какимъ-нибудь пьянымъ торговцемъ или чоботаремъ.

На митингъ, въ которомъ идетъ рѣчь, а который такъ увлекъ меня, дѣло о колокольнѣ восторжествовало, благодаря тактикѣ мистера Мэсона, успѣвшаго заранѣе устранить все предлоги къ раздору между прихожанами, и нерелигиозное предложеніе одного члена радикальной партіи повело къ совершенному униженію диссидентовъ. Этого несчастный, слишкомъ ревностный приверженецъ общества утѣренности, вздумалъ жаловаться на то, что общественныя деньги тратились на покупку вина для причащенія! И должно прибавить, что даже самое пораженіе диссидентовъ недостаточно было, чтобы утѣшить Лесли, вышедшаго изъ себя отъ подобнаго скандала.

Эти мелочныя распри заставляютъ читателя улыбнуться; меня онѣ очень интересовали, потому что черезъ нихъ я ознакомился съ жизнью и дѣятельностью англійской деревни. Какая разница съ нашими деревнями, гдѣ господствуетъ апатія и скука! У насъ государство не даетъ никакого простора индивидуальной дѣятельности; все подаетъ поводъ къ его регламентаціи и надзору, даже самыя благотворительныя учрежденія. Въ Англии деревня зависитъ только отъ самой себя; она занимается собственными дѣлами, и правительственная власть не принимаетъ въ нихъ никакого участія. Чиновники, избираемые болѣею частью плательщиками податей, исполняютъ обязанность свою безъ всякаго вознагражденія. Должности мирового судьи, также какъ и попечителя бѣдныхъ и церковнаго старосты (*church warden*), чисто почетныя, предлагается тѣмъ, кто чувствуетъ какую-нибудь способность къ дѣламъ или ревность къ общему благу. Понятно, что большее число достаточныхъ людей, торговцевъ, отставныхъ офицеровъ, живя въ виду жизнь полезную и дѣятельную, труппируются около англійской деревни, вмѣсто того чтобы теряться въ большихъ городахъ, что такъ часто бываетъ у насъ.

VI.

Рядомъ съ общественными учрежденіями, въ Англіи существуетъ безчисленное множество маленькихъ учрежденій частной благотворительности, которыя не менѣ первыхъ заслуживаютъ изученія. Созданныя индивидуальными усиліями, они должны необходимо отличаться нѣсколько одни отъ другихъ въ каждомъ селеніи, сообразно съ потребностями бѣдныхъ; я прибавляю, что на мой взглядъ, это огромное преимущество, котораго лишены учрежденія устраиваемыя правительствомъ.

Опытъ научилъ людей, интересующихся въ Англіи работающими классами, что милостыня унижаетъ того, кто ее получаетъ. Въслѣдствіе этого, они старались найти средство помочь бѣдняку, не лишая его чувства собственнаго достоинства, и пришли къ тоймысли, что побуждая его дѣйствовать заодно съ тѣми, которые оказываютъ ему пособіе, можно будсть и помочь ему въ нуждѣ, и приобрѣсти благотворное вліяніе на его нравственность. Вотъ начало многочисленныхъ обществъ, называемыхъ *клубами*, и существующихъ во множествѣ въ англійскихъ деревняхъ. Всѣ благотворительныя учрежденія въ Ливморѣ были организованы въ этомъ духѣ ассоціаціи. *Клубъ каменнаго угля, клубъ для одежды, клубъ родильницъ, клубъ для больныхъ*,—всѣ они не что иное, какъ краткосрочныя страховыя общества, основанныя на одномъ принципѣ: побудить бѣняка къ сбереженіямъ, обезпечивая ему барышъ скорый и вѣрный.

Общества эти состоятъ изъ членовъ почетныхъ и дѣйствительныхъ. Первые—покровители ассоціаціи, вносящіе ежегодно въ ея кассу опредѣленную сумму; вторые вносятъ по нѣсколько копѣекъ еженедѣльно. Въ концѣ года вся собранная сумма раздѣляется между дѣйствительными членами, соразмѣрно количеству ихъ вкладовъ. Такъ, напримѣръ, если работникъ, круглымъ числомъ, вносилъ по пяти копеекъ въ недѣлю, то къ концу года взносъ его дойдетъ до 2 р. 60 к. с., которыя онъ и получитъ, приобрѣтая сверхъ того отъ 1 р. 25 к. с. до 2 р. 50 к. с., смотря по тому какъ богаты и щедры сосѣднія семейства, вписавшіяся въ число почетныхъ членовъ;

такъ идетъ дѣло въ лиморскомъ *каменно-угольномъ клубѣ*. Лицо, завѣдывающее этимъ клубомъ, сверхъ того принимаетъ на себя обязанность запастись заранее потребнымъ количествомъ угля и потомъ перепродаетъ его въ разницу, по уменьшенной цѣнѣ, членамъ клуба, которые такимъ образомъ пользуются двойною выгодой: большими процентами на свои деньги и углемъ дешевымъ и хорошаго качества, тогда какъ торговцы слишкомъ часто готовы воспользоваться нуждою и затрудненіемъ мелкаго покупателя.

Клубъ для одежды преимущественно предоставленъ женщинамъ; организаціею своей, онъ ничѣмъ не отличается отъ предыдущаго. Въ Лиморѣ, каждую субботу, всѣ бѣдныя хозяйки отправляются въ школу и отдають свои копѣйки учителю, который передаетъ ихъ пастору; а въ ноябрѣ мѣсяцѣ онѣ получаютъ контрамарку, по которой торговцы даютъ имъ платья на внесенную ими сумму. Такъ какъ оба лиморскіе торговца платемъ соперничали между собою, то каждый изъ нихъ старался привлечь къ себѣ покупателей качествомъ и дешевизною своихъ товаровъ, и всѣ фланели, коленкоры и ситцы, выставлявшіеся ими на продажу, были отличнаго качества. Само собою разумѣется, что щегольство не можетъ пользоваться благотвореніями клуба. Въ Кингсфордѣ, гдѣ деревня была слишкомъ мала и не представляла подобной конкуренціи, мистеръ Норрисъ выписывалъ торговцевъ изъ сѣдняго города, и продажа производилась въ школѣ, не рѣдко, въ присутствіи мистриссъ Норрисъ. Подобные клубы существуютъ почти во всѣхъ деревняхъ Англіи подъ покровительствомъ священника. Въ Лиморѣ, мистеръ Лесли ежегодно разсылалъ по достаточнымъ домамъ книгу, въ которую они вписывали свои взносы. Мистеръ Мэсонъ давалъ пять фунтовъ на школу, столько же на каждый клубъ и два фунта на пріютъ.

Число вкладчиковъ каменно-угольнаго клуба простаралось до 102; лепты дѣйствительныхъ членовъ составляли вмѣстѣ 150 р. с., подписка почетныхъ членовъ 156 р. 25 к. с. Цифры *клуба для одежды* были почти тѣ же.

Въ *клубѣ для родильницъ* всякая женщина, во время своей беременности, могла, при взносѣ въ кассу суммы въ пять шиллинговъ, получить, въ минуту своего разрѣшенія, сверхъ того еще пять шиллинговъ и взять въ ссуду пеленокъ и

бѣля на мѣсяцъ. По странному стеченію обстоятельствъ, явились клубы для родильницъ, завѣдывала старая дѣвица . . .

Кроме этихъ трехъ клубовъ, въ Дунморѣ существовалъ еще одинъ клубъ для снабженія одеждою дѣтей младе двѣнадцати лѣтъ и находився подъ управленіемъ Розы Мэсонъ. Устроившись своимъ онъ отчасти даже нѣсколько отъпроникъ тѣмъ, что каждый мѣсячный платежъ долженъ былъ доулучить рекомендацію отъ дамы, которая обязывалась взносить за него, въ концѣ года, по пяти шиллинговъ; дѣтя обязано было еще сдѣлать на одному пенни. Каждый понедеѣльникъ, утромъ, тебѣ дѣтей являлась въ Доджъ (домъ Мэсоновъ), и каждый приносилъ Розѣ свой пенни. Можно было подумать, что тѣмъ доулучиваются, береженія; нѣсколько! Дѣвцы Мэсонъ завѣдывали еще берегательною кассой для дѣтей, и маленькою библіотекой, въ которой малютки добродѣивались съ матою до помуденія въ мѣсяцъ.

Подъ предлогомъ изученія англійскихъ обычаевъ, я просилъ дозволенія присутствовать иногда въ понедеѣльникъ, утромъ при этой сценѣ доулученія книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ можетъ быть, трогательнѣе и граціознѣе дѣтей, когда они чувствуютъ, что ихъ понимаютъ и любятъ?

Мари, завѣдывавшая библіотекою, умѣла особенно развеселить и заинтересовать дѣтей. Я моуговался, съ какою тактомъ она разспрашивала ихъ о томъ, что они прочитали, заставляла ихъ размышлять, и въ концѣ бы тѣмъ давала имъ добрыя примѣры для ихъ уроки нравственности и науки; она прѣдлагала имъ этому, прѣподаванію, нѣсколько благожелательныхъ словъ, нѣсколько размышлений, чтобы внушить имъ, что, не смотря на свой ребячскій возрастъ, они подлежатъ уже нравственной отвѣтственности за свою проступку и исполнять обязанности въ отношеніи къ Богу и своимъ ближнимъ. Дѣти толпились вокругъ нея, слушали ее, не сводя съ неѣ глазъ; что доказывало, какъ она умѣла привлечь ихъ вниманіе.

— Конечно, сказалъ я ей однажды, вы должны шѣтъ очень болынее заіаніе она дѣтей?

— Это правда, отвѣчала она, и черезъ нихъ я дѣствую на матерей. Я могу назвать вамъ нѣсколько бѣдныхъ людей, смотрѣвшихъ съ недоуірчивостію на тѣхъ, кто не дѣлалъ такъ добра, а теперь совершенно измѣнившися, потому что только что мы съ любовью обращаемся съ ихъ дѣтьми.

И Маѣ остается сказать еще о *медицинскомъ клубѣ* и о клубѣ взаимнаго вспомоуствования. Первый состоитъ только

изъ членовъ, имѣющихъ постоянное жителство въ Линморъ. Прочіе имѣютъ членовъ во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ. Въ Англии законъ о бѣдныхъ предписываетъ, чтобы приходъ принималъ на себя содержаніе врача для бѣдныхъ. Бѣднаго больнаго не только лѣчатъ, но онъ получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ лѣкарства, а равно и пищу, которой требуетъ состояніе его здоровья. Но это даровое лѣченіе представляетъ многія неудобства. Впервыхъ, должно отправиться къ оффиціалу, которому поручено отъ начальства работнаго дома (*Workhouse*) выдавать разрѣшенія на бесплатное лѣченіе, потомъ надобно сходить къ врачу, потомъ отправиться къ нему вторично за лѣкарствами; все это сопряжено съ проволочками и безконечною ходьбой. Впрочемъ настоящая причина, препятствующая бѣднику прибѣгать къ *parish doctor* (приходскій докторъ), заключается въ нежеланіи его пользоваться чѣмъ-либо отъ прихода. Мнѣ случалось видѣть бѣдняковъ, которые издерживали всѣ свои сбереженія, и даже дошли до 10 и 12 р. с. постороннему врачу, прежде чѣмъ рѣшались прибѣгнуть къ благотворительности. Это гордость, если угодно, но гордость заслуживающая полного уваженія. Такъ думалъ молодой Альфредъ Мэсонъ, который, на одрѣ болѣзни, устроилъ клубъ, названный имъ *медицинскимъ клубомъ*, для удовлетворенія этому справедливому желанію независимости и для открытія новаго пути посвященной благотворительности.

Эта ассоціація содержитъ въ себѣ три разряда членовъ; одни, называемые *full members* (полные члены), уплачивая регулярно по восьми пенсовъ въ мѣсяць, пользуются визитами врача и лѣкарствами; другіе, называемые *half members* (полу-члены), за одинъ пенни въ недѣлю, пользуются консультаціями и имѣютъ право на лѣкарства; наконецъ почетные члены, которые не что иное какъ благотворители ассоціаціи. Эти послѣдніе покупаютъ контрамарки по 5 шиллинговъ для выдачи ихъ *полу-членамъ*, которые нуждаются въ лѣченіи на дому. Мистеръ Мэсонъ бралъ обыкновенно такихъ контрамарокъ въ годъ по десяти. Контрамарка имѣетъ обязательную силу для врача только въ теченіи одного мѣсяца. Все устроено такъ, что врачъ получаетъ опредѣленную сумму въ 250 руб. сер. за ежегодное лѣченіе членовъ; такимъ образомъ плата ему обезпечена.

Нужно замѣтить, что потребность въ некоторой строгости, чтобы принудить бѣднаго производить взносъ свой въ клубы. Для обезпеченія ея достаточно исключить некоторыхъ членовъ, слишкомъ опоздавшихъ взносомъ.

Дамы выдающія контрамарки, обыкновенно сами наблюдаютъ за потребностями своихъ бѣдныхъ больныхъ, которые становятся тогда записными клиентами особы выдающей имъ медицинскій билетъ. Тѣ, кому случалось заниматься раздачею пособій, оцѣлять всю пользу патроната, предупреждающаго злоупотребленія, слишкомъ обыкновенныя между бѣдными, готовыми получать втихомолку подаваніе изъ нѣсколькихъ рукъ.

Что касается до клубовъ взаимнаго вспоможенія, то они имѣютъ одинаковую цѣль съ подобными учрежденіями у насъ во Франціи, отличаясь отъ нихъ только сложностью своихъ уставовъ, а главное независимостью своею отъ государства: пособие въ случаѣ болѣзни, запасная касса, погребеніе на счетъ общества, выдача денегъ вдовѣ покойнаго, наконецъ запасный капиталъ на праздникъ и на ежегодную процессію въ Троицынъ день—таковы разнообразныя занятія этихъ клубовъ. Мнѣ понравилось болѣе всего то, что они имѣютъ отрасли свои даже въ самыхъ маленькихъ деревушкахъ.

Я довольно подробно говорилъ о Кингсфордской школѣ, и потому не стану распространяться о Линморской. Последняя была не смѣшенная, и хотя Лесли и деревенскія дамы постоянно посѣщали ее, въ ней не было той живости и охоты къ ученью, которыя умѣлъ придать воспитанникамъ своимъ Норрисъ. Впрочемъ, учитель и учительница исполняли должность свою ревностно. Они даже просили содѣйствія нашего въ преподаваніи. Такъ, я принялъ на себя по два раза въ недѣлю уроки ариѳметики; миссъ Мери учила географію; другія дѣвицы приходили читать въ слухъ и упражнять дѣвочекъ въ рукодѣльѣ.

Но, изъ всѣхъ заведеній, мнѣ болѣе всего понравилась хозяйственная школа. Недавнее устройство ея доказало мнѣ какъ легко въ этой странѣ привести въ исполненіе всякое благотворительное предпріятіе. Линморскія дамы, видя недостатокъ чистоты, порядка и бережливости въ многихъ бѣдныхъ хозяйствахъ, рѣшились помочь этому, давая спеціальное воспитаніе бѣднымъ дѣвочкамъ. Онѣ поручили одной изъ опытныхъ хозяекъ за умѣренную плату пяти шиллинговъ въ недѣлю, принять къ себѣ шесть бѣдныхъ дѣвушекъ лѣтъ тринадцати и четырнадцати для обученія ихъ тому, что необходимо въ хозяйствѣ: шить, мыть и гладить, печь хлѣбъ, готовить кушанье, держать въ чистотѣ домъ, и особенно содержать

себя въ опрятности. Главною цѣлю этого ученія было косвенное вліяніе на бытъ самихъ семействъ этихъ дѣвушекъ, но успѣхи ихъ оказались такъ значительны, что ихъ часто принимаютъ въ услуженіе въ достаточные дома по сосѣдству. Болѣе всего обратилъ на себя мое вниманіе въ этой школѣ смысленый и довольный видъ дѣвочекъ; видно было, что имъ нравится ихъ положеніе; онѣ гордились своими новыми хозяйственными познаніями, и ясно было что занятія ихъ благотворно дѣйствовали на ихъ нравственность. Три старшія завѣдывали понедѣльно кухней и хозяйствомъ, а младшія были ихъ помощницами. Дежурная вела расходную книгу, и чтобы дать понятіе о бережливости соблюдаемой въ этой школѣ, стоить только сказать, что обѣдъ со включеніемъ хлѣба обходится по 1½ пенни (около пяти копѣекъ) на человѣка. Дѣти отправляются туда утромъ и возвращаются вечеромъ. Каждую субботу бываетъ особое угощеніе. Въ этотъ день, въ четыре часа, дежурная дѣвица подаетъ кофе съ тартинками изъ хлѣба, ею самой испеченнаго. Нельзя себѣ представить какъ довольны были эти дѣвочки, одѣтыя въ платье, сшитое и вымытое ихъ собственными руками, усаживаясь вокругъ этого гостепріимнаго стола послѣ дневной работы. Дамы, интересующіяся этимъ заведеніемъ, нерѣдко приходятъ пить кофе вмѣстѣ съ ними. Оттого лишеніе этого угощенія служить однимъ изъ главныхъ средствъ дисциплины.

Два раза въ недѣлю, Роза Мэсонъ и другая молодая дѣвица занимаются умственнымъ образованіемъ этихъ дѣвочекъ. Заведеніе это болѣе всякаго другаго требуетъ со стороны дамъ-патронессъ дѣятельнаго и разумнаго надзора. То же самое должно сказать и о клубахъ, описанныхъ мною выше; безъ этого надзора они [не могли бы существовать. Впрочемъ, опытъ всѣхъ благодѣтелей человѣчества доказываетъ намъ, что цвѣтущее состояніе великаго благотворительнаго учрежденія зависитъ не столько отъ денегъ, сколько отъ личнаго участія и нравственной поддержки со стороны богатыхъ.

VII.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Линморъ, тамъ праздновали день 1-го мая. Это очень древній обычай, относящійся вѣроятно къ временамъ предшествовавшимъ появленію Римлянъ. При Елизаветѣ, царствованіе которой Англичане почитаютъ чѣмъ-то въ родѣ своего золотого вѣка, исполненнаго весельемъ, эти майскіе праздники были очень популярны. Королева всегда предсѣдательствовала на нихъ сама въ Ричмондѣ, куда собирался дворъ для увеселеній. По невѣроятному количеству бифтексовъ и огромныхъ кружекъ пива которые она уничтожала, по смѣлости ея остротъ нельзя было не узнать эту королеву-дѣвственницу, заслужившую въ народѣ прозваніе *веселой королевы*, мало впрочемъ соответствующее ея историческому характеру.

Но времена измѣнились. Теперь много-много если увидите, что дюжина маленькихъ шалуновъ и нѣсколько дѣвочекъ бѣгутъ по деревнѣ съ вѣнками дрянныхъ искусственныхъ цвѣтовъ на головахъ и съ пестрыми лохмотьями на платьяхъ. Большая ивовая клѣтка, вся покрытая зелеными вѣтвями, въ которыхъ укрывается мальчикъ, заставляющій ее двигаться, заступила мѣсто славнаго *May-Pole*, или майскаго дерева, вокругъ котораго происходили игры и пляски. Дѣти ходятъ изъ дому въ домъ съ этою клѣткой, выпрашивая мелкихъ денегъ и очень счастливы, если ихъ не надѣляютъ крупною бранью. Впрочемъ многіе сожалеютъ объ этихъ народныхъ праздникахъ, которые соединяли въ обществѣ веселья всѣ классы общества. Одинъ достойный пасторъ изъ сосѣдней съ Линморомъ деревни принялъ на себя обязанность возобновить праздникъ 1-го мая и устроилъ его къ великой радости своихъ маленькихъ учениковъ. Ежегодно за нѣсколько дней до наступленія праздника дѣти выбираютъ изъ своей среды короля и королеву, которымъ 1-го мая надѣваютъ на голову цвѣточные вѣнки, при рукоплесканіяхъ товарищей и многочисленныхъ зрителей, собирающихся со всей деревни чтобы принять участіе въ дѣтскихъ забавахъ. Чай съ большимъ количествомъ хлѣба и масла, оканчиваетъ торжество. Праздникъ этотъ не лишень нравственной пользы. Объявляя царственные

особы исполняютъ въ теченіе года разныя обязанности школьной дисциплины; они занимаютъ почетное мѣсто на праздникахъ, и на Рождествѣ, при раздачѣ бѣднымъ мяса, чаю и фланели, имъ предоставляется честь относить это подаваніе. Понятно, что мѣсть этихъ всѣ домогаются наперерывъ другъ передъ другомъ.

— Я часто удивлялся, сказалъ мнѣ пасторъ,—вѣрности взгляда и чувства справедливости въ дѣтяхъ: выбираются всегда самые лучшіе ученики въ школѣ.

За праздникомъ 1-го мая, послѣдовалъ, въ понедѣльникъ пятидесятницы въ Духовъ день, праздникъ общественнаго вспомоществованія. Этотъ праздникъ показался мнѣ особенно интереснымъ: тутъ мнѣ въ первый разъ удалось присутствовать на одномъ изъ тѣхъ обѣдовъ, которые носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ англійскихъ обычаевъ. Дѣйствительные члены клубовъ и сосѣдніе землевладѣльцы, носящіе званіе почетныхъ членовъ, одни имѣютъ право въ нихъ участвовать; но по просьбѣ мистера Мэсона, и я былъ допущенъ къ участию въ обѣдѣ,—честь, которую я постарался оправдать, включивъ свое имя въ число членовъ обоихъ линморскихъ клубовъ.

Собраніе всѣхъ клубовъ изъ окрестныхъ селъ и деревень происходило въ десять часовъ. Около этого времени начали показываться на разныхъ тропинкахъ, ведущихъ къ общинной землѣ, процессіи членовъ изъ окрестныхъ деревень съ знаменами всевозможныхъ цвѣтовъ, на которыхъ изображены были слова: *миръ, союзъ, счастье, королева*, или девизы, какъ напримѣръ: *вѣра, надежда и благотворительность*, или *дружба, любовь и истина*. Большое линморское знамя, изъ голубаго атласа, особенно возбуждавшее одобрителный говоръ въ толпѣ, несли два человѣка. На немъ вышиты были серебромъ евангельскія слова: *другъ друга тяготы носите*. Прибавьте къ этому флюгера всевозможныхъ цвѣтовъ; разноцвѣтныя ленточки, отличающіе членовъ каждой деревни; музыку во главѣ шествія, состоявшую изъ флейты, барабана и трубы, наигрывавшихъ чтò понадо, не обращая нисколько вниманія другъ на друга, и вы составите себѣ понятіе о восторгѣ поселянокъ, бѣжавшихъ со всѣхъ сторонъ взглянуть на своихъ мужей, жениховъ и братьевъ, которые принимали участіе въ торжествѣ такого прекраснаго дня.

Вслѣдствіе неизбѣжныхъ остановокъ при движеніи двухъ или

трехъ сотъ человѣкъ, процессія прошла передъ рѣшеткою мистера Мэсона позже назначеннаго часа, и мы явились въ самую пору, чтобы видѣть все, начиная отъ большого линморскаго знамени, предшествуемаго музыкантами, до самыхъ малѣйшихъ значковъ. Члены клуба всѣ во фракахъ и сюртукахъ съ ленточками въ петлицахъ и съ букетами въ рукахъ, двигались въ сопровожденіи женщинъ и дѣтей. Алиса привѣтствовала шествіе громкими криками восторга.

По окончаніи богослуженія, Лесли сказалъ проповѣдь о любви къ ближнему, которая, говорилъ онъ, должна была одушевлять всѣхъ членовъ ассоціаціи, гораздо болѣе мысли о своемъ собственномъ интересѣ. „Вамъ, говорилъ онъ, должна служить отрадою мысль что, становясь членами одного изъ этихъ клубовъ, вы помогаете вашимъ братьямъ переносить несчастія и горести; что вы придаете силы бѣднымъ женщинамъ, которыя, при видѣ своихъ больныхъ мужей безъ денегъ, безъ хлѣба, могутъ возмутиться и возроптать на Провидѣніе, что наконецъ вы поощряете молодежь вашимъ примѣромъ, научая ее бережливости, порядку и особенно внушая ей спасительную мысль, что тотъ, кто желаетъ заслужить благословеніе Божіе, долженъ приучиться съ малолѣтства къ борьбѣ съ своими желаніями, даже самыми невинными, и отказывать себѣ въ маленькихъ минутныхъ наслажденіяхъ въвиду высшихъ интересовъ.“

Не знаю, были ли тронуты честные поселяне этою нравственною стороною своей ассоціаціи, но они слушали Лесли съ видомъ глубокаго вниманія и когда собрались на кладбищѣ, чтобъ отправиться въ трактиръ, то ждали его тамъ для изъявленія своей благодарности. По существующему обычаю, клубъ подноситъ священнику одинъ фунтъ стерлинговъ онъ же, въ свою очередь, вписывается на эту сумму въ число почетныхъ членовъ.

Такъ какъ въ Линморѣ существуютъ два клуба *Benefit club* и клубъ *Odd fellows*¹, то устроены были и два обѣда. Обѣдъ *Benefit club'a* происходилъ въ большой залѣ мистера Джона, второй въ трактирѣ не столь знаменитомъ. Мы обѣ-

¹ Послѣдній составляетъ часть большой ассоціаціи, центромъ которой служитъ Манчестеръ.

дали въ первомъ. Простой и сытный обѣдъ состоялъ изъ огромныхъ массъ варенаго и жаренаго мяса, картофеля, пшеничныхъ тортовъ, сыру и пива. Послѣ обѣда Сей, президентъ клуба, прочиталъ годичный отчетъ. Потомъ, съ громкимъ ура, пили за здоровье королевы, принца Альберта и королевской фамилии, и наконецъ за здоровье арміи и флота. Затѣмъ послѣдовали частные тосты, за здоровье мистера Вудденда, почетнаго президента, и прочихъ почетныхъ членовъ. Мистеръ Вуддендъ сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, на которыя отвѣчали громкими ура. Потомъ очередь произнести спичъ перешла къ мистеру Лесли. Онъ искренно привѣтствовалъ Сея за отличное положеніе, въ которое поставленъ былъ клубъ подъ его предсѣдательствомъ (Сей дѣйствительно распоряжался имъ какъ нельзя лучше), и съ такимъ тактомъ сказалъ нѣсколько общихъ мѣствъ, обычныхъ въ подобныхъ собраніяхъ, что заслужилъ общее и единодушное одобреніе. Обѣдъ окончили любезностію, къ которой я нѣсколько не приготовился: предложенъ былъ тостъ за мое здоровье и за Францію, а такъ какъ мистеръ Мэсонъ отказался благодарить за меня, то я долженъ былъ, какъ умѣлъ, произнести небольшой благодарственный спичъ. Обѣдъ начался въ два часа, а было уже пять; собесѣдники дошли до крайняго одушевленія; мы полагали, что намъ время уже удалиться, тѣмъ болѣе что мы обѣщали членамъ другаго клуба зайти также и къ нимъ. Къ счастью, мы пришли такъ поздно, что избѣжали необходимости наполнять стаканы и произносить спичи. Мистеръ Мэсонъ нѣсколькими словами отблагодарилъ собраніе отъ имени всѣхъ почетныхъ членовъ, за здоровье которыхъ предложены были тосты, упомянулъ съ похвалою объ отчетѣ, и мы выпили за благоденствіе клуба *Odd-fellows*. Безконечные ура! и рукоплесканія окончили это послѣднее засѣданіе. Мы съ большимъ удовольствіемъ выбрались на чистый воздухъ, оставивъ клубистовъ съ ихъ пѣснями, трубками и весельемъ.

— Только бы не пришла завтра, сказалъ мнѣ мистеръ Мэсонъ, — просить моего судейскаго вмѣшательства въ пользу какой-нибудь бѣдной женщины, которую побилъ мужъ по возвращеніи.

— Неужели, воскликнулъ я, — подобные люди быють своихъ женъ?

— Случается иногда, спокойно отвѣчалъ мнѣ мистеръ

Масонъ,—за то я и сказалъ имъ, что еслимнѣ придется судить ихъ на другой день, послѣ праздника, то я удаюсь изъ общества. Клубы эти имѣютъ дурную привычку собираться въ шинокъ разъ въ мѣсяцъ, для устройства своихъ дѣлъ. Содержатель шинка предоставляетъ въ ихъ распоряженіе комнату, за наемъ которой уплачиваютъ великимъ истребленіемъ пива, и когда наступаетъ день праздника, то они считаютъ долгомъ изъявлять свою благодарность возліянiami саашкомъ обильными.

Несмотря на послѣднія слова мистера Масона, которыя къ счастью не оправдались, праздникъ клубовъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Дружелюбіе членовъ, живое участіе, которое принимали въ этихъ ассоціаціяхъ люди такъ мало увлекающіеся, какъ мистеръ Вудлендъ, успѣхъ Лесли, повидимому, обезпечивавшій ему уваженіе методистовъ,—все это вмѣстѣ произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе. Больше всего поразилъ меня покровительственный тонъ джентльменовъ и какое-то не совсѣмъ ловкое, но довѣрчивое уваженіе къ нимъ крестьянъ. Въ этомъ собраніи, гдѣ каждый такъ хорошо сознавалъ свое положеніе, замѣтно было какъ сильно уваженіе къ аристократіи вкоренилось въ нравы Англичанъ.

Въ самый вечеръ клубнаго обѣда, мы съ Лесли пили чай у Масоновъ, и тамъ составлена программа была праздника, который предстояло дать, передъ началомъ вакацій, дѣтямъ обучающимся въ школахъ. Эта программа имѣла свое значеніе, потому что дѣло шло о количествѣ пироговъ, которые велитъ приготовить мистриссъ Масонъ, о томъ что доставятъ графиня и три-четыре другія сельскія дамы. По зрѣломъ размысленіи, рѣшено было, что во исполненіе желанія графини, праздникъ данъ будетъ въ ея паркѣ, что она доставитъ чай, молоко, хлѣбъ и масло, что двадцать огромныхъ пироговъ изготовитъ мистриссъ Масонъ и что съ своей стороны мистриссъ Вудлендъ пришлетъ варенья. Мимоходомъ скажемъ, у мистриссъ Вудлендъ были странности, требовавшія въ обращеніи съ нею большой осторожности. Она почитала себя самою знатною особой въ околоткѣ, послѣ графини, и не совсѣмъ довольна была, что Лесли прибѣгалъ за совѣтами къ мистриссъ Масонъ гораздо чаще чѣмъ къ ней. Правду сказать, Лесли не всегда щадилъ ея цекотливое самолюбіе, хотя боялся ее почти столько же,

сколько и методиста Сая. Мистриссъ Вудлендъ имѣла очень опредѣленныя богословскія мнѣнія, и хотя въ обыкновенномъ разговорѣ нельзя было замѣтить въ ней большой силы ума, но въ двѣхъ догматахъ она обладала діалектикою, которая сдѣлала бы честь любой консисторіи. Убѣжденная въ обязанности своей предупреждать всякое проявленіе *пюезизма*, она слѣдила рысьимъ взглядомъ за малѣйшими новостями, которыя пытались ввести въ церковныя распоряженія.

— Нашъ молодой другъ, говорила она мнѣ иногда о Лесли,— не видитъ опасностей, окружающихъ въ наше время священника. Эта манія нововведеній не что иное, какъ дверь, въ которую пробирается папизмъ. Намъ, его истиннымъ друзьямъ, необходимо предостеречь его; что до меня касается, то я рѣшилась всѣми силами противоудѣствовать новымъ идеямъ, хотя бы для этого мнѣ пришлось сдѣлаться даже методисткой.

Я не требовалъ отъ почтенной дамы дальнѣйшихъ объясненій, не сознавая въ себѣ большаго призванія къ богословскимъ тонкостямъ. Я угадывалъ, что она намекала на желаніе Лесли потревожить большія трибуны съ занавѣсками, о которыхъ я упоминалъ выше и которыя занимали въ церкви слишкомъ много мѣста. Но если мнѣ можно было пропускать слова ея мимо ушей, не то было съ бѣднымъ Лесли, который, по обязанности своей часто посѣщалъ мистриссъ Вудлендъ, и долженъ былъ пускаться съ нею въ длинныя объясненія. Возлагать на пастора ответственность во всѣхъ маленькихъ деревенскихъ проступкахъ было конькомъ мистриссъ Вудлендъ, и такъ какъ она собирала свѣдѣнія обо всемъ что дѣлалось, то приводила его въ смущеніе знаніемъ такихъ подробностей, о которыхъ онъ не имѣлъ никакого понятія, и это сильно досаждало ему. Конечно, Лесли находилъ позволительнымъ многое, что до крайности не нравилось мистриссъ Вудлендъ, какъ напримѣръ потанцовать разъ или два въ годъ, поиграть въ карты или даже прогуляться по общинной землѣ, въ воскресенье послѣ богослуженія. Несмотря на все это, мистриссъ Вудлендъ была очень добра; она много раздавала бѣднымъ, даже слишкомъ много, говорилъ Лесли; и была чрезвычайно милостива ко всѣмъ, кто признавалъ надъ собою ея покровительство. Итакъ рѣшено было, чтобы Лесли отправился къ мистриссъ Вудлендъ съ предложеніемъ

доставить дѣтямъ къ чаю варенья, на что она очень любезно изъявила свое согласіе и обѣщала еще снабдить ихъ игрушками. Все заготовлено было за двѣ недѣли впередъ, и по просьбѣ мистриссъ Мэсонъ, праздникъ назначили 22-го іюня, потому что 21-го вынѣ ея, Джорджъ, долженъ былъ пріѣхать домой на вакацію.

Раздача наградъ происходила въ залѣ училища безъ особенной церемоніи въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ дѣвицъ, преимущественно занимавшихся школою. Лесли сказалъ нѣсколько ласковыхъ и поощрительныхъ словъ дѣтямъ, но всѣмъ намъ доставилъ большое удовольствіе экзамень, который сдѣлалъ имъ одинъ изъ друзей мистера Лесли, священникъ Вильсонъ, предлагавшій вопросы, которые выказывали гораздо болѣе степень развитія дѣтей чѣмъ повѣрку того, что они вытвердили на память. Я сказалъ мистеру Лесли, какъ мнѣ пріятно было слышать такіе отвѣты.

— Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, сказалъ мистеръ Вильсонъ:—эти форменные экзамены — одно изъ главныхъ неудобствъ, при новой системѣ инспекторовъ правительства.

— Что это за новая система? спросилъ я.—Мнѣ казалось, что у васъ правительство нисколько не вмѣшивается въ дѣло воспитанія.

— Вы были бы правы лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, отвѣчалъ онъ,—но теперь и государство принуждено вмѣшиваться въ дѣла большей части нашихъ школъ.¹

Онъ хотѣлъ сказать еще болѣе, какъ вдругъ Лесли, найдя, что экзамены задержали насъ слишкомъ долго, взялъ насъ обоихъ за руки и увелъ съ собою въ паркъ.

Болѣе ста пятидесяти дѣтей, расположились на газонѣ, тамъ и сямъ пересѣченномъ клумбами цвѣтовъ; нѣсколько далѣе толпились поселяне, между которыми я замѣтилъ добрую

¹ Вмѣшательство государства въ народное обученіе начинается только съ 1832 г. Въ это время парламентъ назначилъ сумму въ 20.000 ф. ст. для поощренія первоначальныхъ нормальныхъ школъ. Въ 1839 году парламентъ учредилъ совѣтъ для народнаго образованія и предоставилъ въ его распоряженіе капиталъ въ 30.000 ф. ст. на постройку домовъ для школъ въ бѣдныхъ приходяхъ. Нынѣ это пособіе, имѣющее много другихъ назначеній, простирается до 800.000 фунт. Для полученія помощи отъ совѣта приходжане должны собрать сумму, равную той, которую они требуютъ. Государство предоставляетъ себѣ право наблюденія надъ школами, получающими такое пособіе.

хозяйку мою, мистриссъ Джонсъ. Множество дамъ толпились около графини. Всѣ дѣти заѣли одинъ изъ тѣхъ старинныхъ гимновъ, широкая и простая мелодія которыхъ наполняетъ душу священнымъ трепетомъ. Нѣсколько куплетовъ и *God save the Queen* послѣдовало за гимномъ. Потомъ каждый изъ дѣтей получилъ отъ графини по шиллингу и, прыгая отъ радости, сѣлся на траву, гдѣ мы должны были угощать всѣхъ чаемъ. Я говорю *мы*, потому что каждый изъ насъ старался наполнять принесенныя чашки. Алиса, Роза и Мери, вмѣстѣ съ прочими дѣвцами, раздавали тартинки, которыя изготовяла мистриссъ Мэсонъ съ помощію мистриссъ Джонсъ. Мистеръ Лесли, мистеръ Мэсонъ, школьный учитель, Джоржъ и я—мы развозили огромные чайники, и, глядя съ какою быстротою исчезали тартинки, я любовался здоровымъ аппетитомъ этой молодежи. По окончаніи угощенія, подавъ былъ сигналъ начинать игры, которыми и заключился праздникъ.

Во Франціи сильно завидуютъ великимъ политическимъ учрежденіямъ Англіи, и не безъ причины; но тамъ не понимаютъ, что эти учрежденія составляютъ только вѣнецъ общественнаго зданія и что основаніемъ имъ служить жизнь безконечно болѣе разнообразная и дѣятельная. Проникать въ эту жизнь, изучать ее во всѣхъ ея различныхъ видахъ, сдѣлалось для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ занятій.

VIII.

Мистеръ Лесли пригласилъ меня однажды сопутствовать ему въ клубъ молодыхъ людей, скромный кружокъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, открытый по вечерамъ, гдѣ позволялось курить, пить чай и кофе. Тамъ читались вчерашніе журналы, присылаемые мистеромъ Мэсономъ и другими джентльменами. Рядомъ съ этою комнатою и въ особенной залѣ, смышленный поселянинъ подъ руководствомъ Лесли, завѣдывалъ небольшою школою, гдѣ дѣти и даже взрослые продолжали свое первоначальное ученіе. Въ школу допускался всякій желающій учиться; зала же клуба открыта была только для членовъ, правильно избираемыхъ молодыми людьми. Священникъ и школьный учитель часто отправлялись къ нимъ читать вмѣстѣ съ ними или журналы, или какую-нибудь занимательную

и поучительную книгу. Я скоро замѣтилъ что чтеніе утомляетъ мистера Лесли, усталого отъ дневныхъ трудовъ, и предложилъ замѣнить его два раза въ недѣлю, потому что достаточно уже успѣлъ въ англійскомъ языкѣ.

Нѣтъ ничего печальнѣе сознанія, что живешь на свѣтѣ, не принося никому пользы. Несчастіе и большія неудачи дѣлаютъ человѣка скромнымъ, и я дошелъ до того, что почелъ бы себя счастливымъ, еслибы могъ содѣйствовать благу хотя одного существа. Оттого я почувствовалъ живѣйшее удовольствіе, когда въ первомъ засѣданіи клуба, я замѣтилъ, что могу разчитывать на вниманіе моихъ скромныхъ слушателей. Школьный учитель, человѣкъ восторженный, искренно преданный своему дѣлу, замѣтивъ съ какимъ интересомъ я принялся за преподаваніе, разъ вечеромъ подошелъ ко мнѣ и робко спросилъ, не соглашусь ли я дать ему нѣсколько совѣтовъ относительно изученія французскаго языка.

— Приходите ко мнѣ, когда вамъ вздумается, отвѣчалъ я,— и я всегда буду радъ вамъ.

Нѣсколько дней спустя, онъ явился въ мою маленькую приемную. Смущенный видъ его заставилъ меня предположить, что онъ отказался отъ своего намѣренія, и пришелъ поблагодарить меня.

— Я думалъ, сэръ..., нервѣнительно произнесъ онъ, и остановился въ смущеніи.

— Не стѣсняйтесь, сказалъ я,— можетъ-быть вамъ нѣтъ времени...

Бѣдный малый колебался, краснѣлъ, повертывая въ рукахъ свою шляпу. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою отчаянное усиліе, онъ продолжалъ:

— Нисколько, сэръ, но я боюсь не покажется ли вамъ дерзостью съ моей стороны, если я попрошу васъ принять этотъ трудъ не для меня одного.

— Что же вы хотите? сказалъ я.

— Вотъ что, сэръ: вы бы совершенно осчастливили Сея и еще одного человѣка, еслибы дозволили имъ воспользоваться вашими уроками... а вѣдь вамъ все равно говорить съ однимъ или съ троими.

— Вы совершенно правы, сказалъ я, стараясь скрыть улыбку.— Садитесь-ка и скажите мнѣ, какъ вы думаете все это устроить.

Онъ отказался сѣсть и продолжалъ говорить и, по прошествiи нѣсколькихъ минутъ, рѣшено было, что если мистеръ Лесли позволить, то два раза въ недѣлю въ вечерней школѣ будетъ французскiй урокъ. Да, французскiй урокъ въ маленькой англiйской деревушкѣ.—Но, спросилъ я, захочетъ ли Сей приходитъ въ школу священника?—На лицѣ учителя появилась насмѣшливая улыбка, и онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Эти люди никогда не задумаются идти туда, гдѣ можно приобрести что-нибудь. Потому онъ прибавилъ съ лукавою усмѣшкой:—Это сдѣлаетъ насъ друзьями.

Какъ видите, этотъ честный учитель умѣлъ понять намѣренiя своего священника. Мы вскорѣ составили планъ нашего ученiя, и когда я явился въ школу, то нашель въ классѣ шесть-семь поселянъ, которые, надо сказать правду, обнаруживали большую неловкость и какъ будто стѣснялись своимъ положенiемъ. Трудности, сопряженныя съ изученiемъ иностраннаго языка, устрашили нѣкоторыхъ и они уже не являлись на мои уроки; вскорѣ у меня осталось только четыре ученика, но смысленныхъ и прилежныхъ.

Боже сохрани меня преувеличивать результаты вечеровъ, проведенныхъ мною въ клубѣ и въ школѣ. Впрочемъ, положи руку на сердце, я долженъ признаться, что какъ ни маловажны были мои успѣхи, они доставили мнѣ истинное удовольствiе. Вечеромъ, возвращаясь въ мое уединенiе, я говорилъ самъ себѣ: „Какъ дурно поступаютъ тѣ, которые пренебрегаютъ этими маленькими средствами употреблять въ пользу свою жизнь!“

Мои ляморскiе друзья оцѣнили мое новое званiе школьнаго учителя; они даже изъявили мнѣ слишкомъ много благодарности, и принимая это за доказательство сочувствiя къ ихъ собственной дѣятельности, еще ближе сошлись со мною. Мистеръ Лесли приглашалъ меня посѣщать вмѣстѣ съ нимъ его бѣдныхъ, и нерѣдко это посѣщенiе производило на меня сильное впечатлѣнiе. Въ этихъ обитателяхъ хижинъ я встрѣчалъ по истинѣ замѣчательную оригинальность мысли и рѣчей, чѣмъ они обязаны были постоянному чтенiю Св. Писанiя. Поразительный примѣръ этого представляла одна столѣтняя старушка. Съ желѣзнымъ здоровьемъ, съ выраженiемъ достоинства во всей своей наружности, она соединяла религiозную экзальтацию, которая дѣлала ее очень похожую на пророчицу. Когда Лесли представилъ ей меня въ первый разъ, то счелъ своею обязан-

ностью сказать мнѣ, что мистриссъ Дженкинсъ не *scholar*, не учевый, намекая на то, что она не умѣетъ читать.

— Какъ, воскликнула она, я не *scholar*? вы забываете, что я принадлежу къ великой школѣ Христовой!—И обращаясь ко мнѣ, она прибавила:—По правдѣ сказать, и вы, и я, мы знаемъ то, чему насъ учить Слово!—Впрочемъ это не помѣшало ей подать мнѣ Библию и пригласить меня присѣсть и почитать ей.

IX.

Работный домъ (*Workhouse*) есть нѣчто въ родѣ богадѣльни и пріюта для нищихъ, принадлежащихъ къ нѣсколькимъ приходамъ. Онъ построенъ на счетъ этихъ приходовъ и всѣ издержки на него покрываются извѣстнымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, взимаемымъ съ поземельнаго дохода собственниковъ.¹ Это общее дѣло называется *союзомъ* (*Union*) и часто бѣднякъ, говоря о самомъ работномъ домѣ, даетъ ему названіе *союза*. Союзъ, къ которому принадлежитъ Линморъ, состоитъ изъ восьми приходовъ, или сельскихъ общинъ, и соотвѣтствуетъ нашему кантону; онъ заключаетъ въ себѣ 18.000 душъ на пространствѣ 40.000 акровъ. Для представительства своего въ собраніи, носящемъ названіе *board of guardians* (совѣтъ попечителей) и собирающемся два раза въ недѣлю въ работномъ домѣ, Линморъ отправляетъ полковника Брауна, избраннаго плательщиками податей, и мистеровъ Мэсона и Вудленда, которые въ званіи мировыхъ судей, считаются членами его по праву. Попечители (*guardians*) разсматриваютъ прошенія о пособіи и повѣряютъ раздачу, сдѣланныя ихъ уполномоченными, а равно и отчеты смотрителя богадѣльни.

Самое названіе работнаго дома показываетъ уже, что всякій кто ищетъ въ немъ убѣжища, обязанъ посвятить ему нѣкоторую часть своего труда. Если здоровый работникъ, за неимѣніемъ занятія, принужденъ искать убѣжища въ работ-

¹ Трудно опредѣлить количество этого налога, взимаемаго вмѣстѣ съ другими налогами графства. Мнѣ говорили, что среднимъ числомъ совокупность этихъ налоговъ составляетъ до двухъ шиллинговъ на фунтъ стерлинга поземельнаго дохода, причемъ до двухъ третей идетъ на налогъ въ пользу бѣдныхъ (*poor rate*); налогъ этотъ измѣняется отъ времени до времени и не одинаковъ въ различныхъ приходяхъ. Числовники, заведывающіе имъ называются *Over-seers*.

ромъ домѣ, то онъ работаетъ на дорогахъ и получаетъ харчи и нѣскольکو денегъ, соразмѣрно съ потребностями его семейства; но отъ больныхъ и стариковъ не требуется никакой работы за выдаваемое имъ пособіе. Послѣдніе частію получаютъ это пособіе на дому, частію помѣщаются въ богадѣльнѣ. Къ помѣщенію въ богадѣльню бѣднякъ прибѣгаетъ только въ послѣдней крайности, когда у него изсякнутъ всѣ средства къ существованію; и дѣйствительно, передъ нимъ открывается самая печальная перспектива: мужъ долженъ разлучиться съ женой, а дѣти помѣщаются въ школы союза. Для поступленія туда, онъ долженъ продать все, что имѣетъ. Подумавъ хорошенько, тотчасъ поймешь необходимость этого грустнаго правила. Къ счастью, рѣдко случается, чтобы цѣлая семья должна была прибѣгнуть къ нему. Вообще въ линморскомъ союзѣ, гдѣ число жителей простирается до 18.000, до 500 [бѣдныхъ] пользовались ежегодно пріютомъ въ работномъ домѣ, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Можетъ-быть цифра эта покажется слишкомъ высокою, но не должно забывать, что въ нее введены постоянно живущіе въ пріютѣ старики, также дѣти, обучающіяся въ школахъ, и что сюда же причислены бродячіе работники, каковы косцы, жнецы, носильщики и пр., которыхъ принимаютъ въ работный домъ, въ случаѣ болѣзни. Такимъ образомъ для бѣдныхъ, проживающихъ въ приходахъ союза, эта цифра уменьшается до 300. Пособія на дому розданы были въ 1855 году 2.371 лицу.

Третій разрядъ бѣдныхъ составляютъ прохожіе, частію работники, частію бродяги, огромная цифра которыхъ въ этомъ самомъ году простиралась до 2.474. Значительное число ихъ пользовалось ночлегомъ въ работномъ домѣ и кускомъ хлѣба на дорогу. Самая грустная и безотрадная изъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на служащихъ въ работномъ домѣ, сказалъ мнѣ мистеръ Мэсонъ—сношеніе съ этими несчастными, изъ которыхъ болѣшая часть живетъ на большихъ дорогахъ, переходя отъ одного работнаго дома до другаго.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, необходимо прибавить, что каждый приходъ принимаетъ на себя издержки по содержанію своихъ бѣдныхъ больныхъ и умалишенныхъ. Если какой-нибудь бѣднякъ проживающій, напримѣръ, въ Линморѣ, принадлежитъ къ другому приходу, то этотъ послѣдній долженъ платить за его содержаніе въ линморскомъ работномъ домѣ и принять на себя путевыя издержки при возвращеніи его на

родину. Зданіе работнаго дома очень красивое, въ готическомъ вкусѣ, раздѣлено на двѣ части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои принадлежности; съ одной стороны помѣщаются мушеры, съ другой женщины. Вездѣ господствуетъ необыкновенная чистота; свѣтъ и воздухъ въ изобиліи, и если вы вздумаете руководствоваться однимъ первымъ впечатлѣніемъ, то скажете непременно, что жить тамъ очень весело. Старики сидѣли на своемъ дворѣ, на скамейкѣ, грѣлись на солнцѣ, и посматривали на проходящихъ по большой дорогѣ. Кто былъ еще въ силахъ, тѣ работали въ саду. Мери раздала имъ привезенные ею свертки съ табакомъ. Потомъ мы отправились посмотрѣть старухъ; послѣднія поступаютъ въ работный домъ гораздо въ меньшемъ числѣ чѣмъ мушеры. Бѣдныя обитательницы работнаго дома не сидѣли на дворѣ и не грѣлись на солнцѣ; ихъ было пять-шесть въ большой залѣ; однѣ шили что-то, другія сидѣли сложа руки. Зала эта была вмѣстѣ и столовой; тамъ каждое утро надзирательница читала имъ молитву. При заведеніи находится священникъ; онъ посѣщаетъ его два раза въ недѣлю, не считая воскреснаго богослуженія.

Потомъ мы осматривали просторныя спальни, въ которыхъ воздухъ былъ очень чистъ; желѣзныя кровати составляли ихъ единственную мебель. Не мнѣ, иностранцу, было подавать совѣты, но я не могъ не сказать, какое непріятное впечатлѣніе производили на меня эти спальни, гдѣ бѣдныя люди не имѣли ни стула, который могли бы назвать своею собственностью.

— Неужели, сказалъ я мистеру Мэсону, нельзя позволить старикамъ имѣть что-нибудь свое?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ,—со временемъ мы и устроимъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Мы уже сдѣлали кой-что, отдѣливъ старухъ отъ молодыхъ женщинъ, хуже которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Во время нашего посѣщенія число послѣднихъ было очень незначительно. Между ними была одна, мрачное и безстрастное лицо которой меня поразило. Она мыла бѣлье на все заведеніе.

— Конечно, спросилъ я у надзирательницы:—вы даете ей кого-нибудь на помощь?

На вопросъ мой я получилъ слѣдующій грустный отвѣтъ:

— Мы часто пытались дать ей въ помощь одну или двухъ дѣвушекъ, но у ней такой дурной характеръ, что никто съ ней не можетъ ужиться; она гораздо охотнѣе исполняетъ

одна всю работу и мы даемъ ей за то нѣсколько лишнихъ порцій пива, а за пиво она готова сдѣлать все на свѣтъ.

На кухнѣ мы нашли двухъ другихъ дѣвушекъ. — А этихъ какъ вы вознаграждаете? спросилъ я у надзирательницы.

— Опять таки пивомъ, отвѣчала она мнѣ совершенно равнодушно.

— И вы никогда имъ не даете денегъ? Онѣ не могутъ надѣяться скопить что-нибудь, чтобы выйдти отсюда?

— О нѣтъ! имъ здѣсь хорошо; если бы даже онѣ и вышли отсюда, то скоро были бы принуждены воротиться назадъ.

Мери посмотрѣла на меня, какъ бы желая сказать: „поговорите еще, похлопочите объ этихъ несчастныхъ.“ Но мистеръ Масовъ находилъ это очень естественнымъ. Такъ-то привычка примирять съ бѣдствіями человѣческими самая сострадательная сердца.

Въ заключеніе мы осмотрѣли поля. Управитель союза, добрейшій толстякъ, съ гордостью показывалъ намъ обильный сборъ свеклы, пшеницы, и картофелю, сдѣланный подъ его надзоромъ обитателями работнаго дома, которые, какъ само собою разумѣется, не получаютъ заработной платы. Несмотря на небольшое пространство, земля эта давала значительный доходъ, помѣщавшійся на приходъ въ бюджетъ.

Не лишнимъ считаю прибавить ко всему вышесказанному, что расходы Линморскаго союза простираются среднимъ числомъ до 6.000 фунтовъ или до 37.500 рублей ежегодно. Разчитываютъ, что каждый бѣдный въ пріютѣ обходится по 1 р. 25 коп. сер. въ недѣлю, считая пищу и одежду.

Наше посѣщеніе работнаго дома затянулось такъ долго, что мы могли удѣлать лишь нѣсколько минутъ для осмотра школы союза, расположенной на нѣкоторомъ разстояніи.

Впрочемъ зданіе, назначенное для школы, было только что отстроено и еще не занято; оно было одинаковой архитектуры съ работнымъ домомъ, и должно было помѣщать въ себѣ не только бѣдныхъ дѣтей Линморскаго союза, но и двухъ другихъ сосѣднихъ союзовъ, участвовавшихъ въ его построеніи; предполагалось собрать довольно значительное число дѣтей, и не только доставить имъ первоначальное образованіе, но и обучать ихъ разнымъ ремесламъ, что дало бы имъ возможность, тотчасъ же по выходѣ изъ школы, поступать въ ученіе къ какому-нибудь ремесленнику. На счетъ союза,

воспитываются или сироты, или дѣти такихъ родителей, которыхъ нищета заставила вступить въ работный домъ. Мистеръ Мэсовъ весьма справедливо приписывалъ большое значеніе этому практически-полезному обученію; опытъ доказалъ, говорилъ онъ, что сироты и дѣти, выходящіе изъ приютовъ, гдѣ они обучались разнымъ работамъ, и помѣщающіеся у ремесленниковъ, отлично ведутъ себя; тѣ же, которыхъ берутъ къ себѣ родственники, нерѣдко возвращаются въ работный домъ, что и заставляетъ говорить въ Англіи, что пауперизмъ есть зло наследственное.

Мнѣ болѣе всего понравились поля, которыя окружали школу и воздѣлывались руками мальчиковъ. Печально показалось мнѣ положеніе работнаго дома, за то устройство школы привело меня въ совершенный восторгъ: въ ней принято было въ соображеніе все, что могло содѣйствовать нравственному и физическому развитію дѣтей.

Усаживаясь въ карету, я принялся анализировать, тяжелое чувство, возбужденное во мнѣ работнымъ домомъ. Сцены, которыя мнѣ часто случалось видѣть въ Италіи, при раздачѣ пищи бѣднымъ у монастырскихъ воротъ, приходили мнѣ въ голову и составляли рѣзкую противоположность съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Англіи. Какъ объяснить разницу этихъ впечатлѣній? Конечно нищета вездѣ отвратительна, но живописная мѣстность, ясное небо и тотъ поэтическій оттѣнокъ, какой имѣетъ все въ Италіи, придали самой бѣдности этой страны иной характеръ чѣмъ въ Англіи; впрочемъ это не вполне могло объяснить разницу моихъ впечатлѣній. Дѣло въ томъ, что въ Италіи благотворительность производится съ увлеченіемъ и безусловно, между тѣмъ какъ въ Англіи, она подчинена строгимъ правиламъ, каковы на примѣръ: обязательная работа, разлука съ семействомъ и родъ тюремнаго заключенія. На первый взглядъ кажется, что Италія права, что она выказываетъ болѣе христіанскаго милосердія; но вдумываясь глубже доходишь до убѣжденія, что господствующая тамъ благотворительность безъ правилъ происходитъ отъ безпечности и той привычки къ нищенству, которая, составляетъ одну изъ величайшихъ язвъ этой страны. Если бы такая благотворительность была возможна у насъ, то она была бы гибелью для общества.

Можетъ-быть, вмѣсто того чтобъ упрекать Англію за ея законъ о бѣдныхъ и за ея работные дома, слѣдо-

вало бы похвалить ее за то, что она, не безъ успѣха, пытается согласовать уничтоженіе нищенства съ правомъ пособія, обезпечить убѣжище старику и больному, не допуская здороваго работника до праздности. Сдѣлать изъ работнаго дома пріятное мѣсто, предоставить жителямъ его свободу выходить, когда они захотятъ, освободить ихъ отъ дисциплины и обязательнаго труда, — не было ли бы это, помимо всего прочаго, крайнею несправедливостью въ отношеніи къ той честной и мужественной бѣдности, которая трудомъ и добрымъ поведеніемъ успѣваетъ избавиться отъ бѣдствій нищеты? Печалить насъ долженъ не работный домъ а нищета, для которой онъ служитъ только палліативнымъ средствомъ. Любопытно было бы изслѣдовать, нельзя ли оправдать и въ другихъ отношеніяхъ налогъ для бѣдныхъ, столь сильно порицаемый у насъ. Во Франціи, благотворительныя лица, сдѣлавшія болѣе или менѣе значительныя денежныя пожертвованія, полагаютъ уже, что они выполнили всѣ обязанности свои къ человѣчеству. Въ Англіи же, гдѣ то, что дается для существенныхъ потребностей бѣдняка, сливается подъ именемъ *poor rate* съ прочими налогами, обязанности къ человѣчеству остаются какъ бы не выполненными, и благотворительность, не имѣя надобности заниматься первыми потребностями, можетъ посвятить себя высшей дѣятельности: воспитанію дѣтей, распредѣленію сбереженій, и проч.

Конечно, злоупотребленія могутъ вкратъся и въ работные дома; можетъ встрѣтиться въ нихъ и жестокое обращеніе, и потворство, не менѣе губельныя. Наблюдать за этимъ должны тѣ, кому поручено управленіе этими заведеніями: попечители о бѣдныхъ должны строго исполнять свои христіанскія обязанности для искорененія этихъ злоупотребленій¹. Впрочемъ, не заключается ли въ этомъ дѣятельномъ наблюденіи вся тайна цвѣтущаго состоянія всевозможныхъ заведеній? Постановленія, превосходныя въ теоріи, становятся стѣснен-

¹ Особенно въ большихъ городахъ, гдѣ по несчастію высшіе классы слишкомъ часто уступали демоногіи, начальствующіе надъ работными домами оказывались иногда виновными въ чрезвѣрной безпечности, можно даже сказать въ безразличности. Въ этихъ громаднхъ заведеніяхъ, которыя, въ эпоху промышленныхъ кризисовъ, доставляютъ убѣжища тысячамъ людей, происходятъ самыя возмутительныя сцены. Въ послѣдніе годы лондонская публика была сильно взволнована тѣмъ, что происходило въ работныхъ домахъ, и я знаю, одного очень знатнаго молодого

тельными или недостаточными на практикѣ, если тотъ, кто руководствуется ими, не имѣетъ свѣтлаго ума и добраго сердца. Вотъ почему люди, одаренные образованіемъ и любовью къ добру, не должны въ доступномъ для нихъ дѣлѣ, передавать въ руки наемниковъ работы, часто требующія тщательнаго обсужденія и самой тонкой отѣвки. Впрочемъ, вслѣзя ли намъ примѣнить это правило не къ одной благотворительности? Еслибы во Франціи, также какъ въ Англіи, всѣ тѣ, кому ихъ воспитаніе, умъ, изящныя манеры даютъ авторитетъ, составляющій истинную аристократію, желали употребить свое высокое положеніе на благо общества; еслибы честная и разумная часть нашего населенія сбросила съ себя апатію и исполняла обязанности гражданъ, то учрежденія наши приобрѣли бы жизнь и силу, которой имъ часто не достаетъ; тогда мы достигли бы той свободы, въ которой мы такъ завидуемъ Англіи, и могли бы надѣяться на прекращеніе эры революцій.

Х.

Сѣнокосъ приближался къ концу. Сѣно было отвезено на ферму и сложено на сосѣднемъ полѣ въ скирды величиною съ домъ (въ Англіи сѣно не складываютъ въ сараи); наступило время созвать косцовъ и ихъ семейства на праздникъ, котораго обыкновенно давалъ имъ по этому случаю мистеръ Мэсонъ.

Въ назначенный день, накрыты были длинные столы въ обширныхъ сараяхъ принадлежащихъ къ фермѣ; гирлянды зелени, перемѣшанные съ большими букетами цвѣтовъ, развѣшаны были по сводамъ и украшали стѣны этихъ импровизованныхъ залъ; бѣлыя скатерти покрывали столы, на которыхъ тамъ и сямъ мелькали вазы съ великолѣпными цвѣтами. Видъ былъ прелестный. Въ два часа назначенъ былъ обѣдъ для мужчинъ; для женщинъ и дѣтей приготовленъ былъ чай. Но въ полдень сосѣдній лугъ уже

директъора, который, желая произвести реформы въ работномъ домѣ своего прихода, добился избранія своего въ *guardian*. Онъ разказывалъ мнѣ, что провелъ шесть дней и шестъ ночей въ заведеніи, наблюдая, что тамъ дѣлается. Самкомъ долго бы было описывать всѣ значительныя улучшения, которыя ему удалось ввести въ управленіе этимъ работнымъ домомъ.

огласился веселыми криками дѣтей и говоромъ взрослыхъ. Женщины, сидя на лугу маленькими группами, болтали между собою, между тѣмъ какъ мужчины, расхаживая между скирдами, разсуждали о дѣлѣ рукъ своихъ съ такимъ же глубокомысленнымъ видомъ и съ такою же гордостью, какъ архитекторъ о воздвигнутомъ ими зданіи. Всѣ служащіе на фермѣ были въ праздничномъ платьѣ, и лохмотья пестрѣли только на бѣдныхъ Ирландцахъ, которые были не въ состояніи явиться на пиршество въ приличномъ нарядѣ.

Главная разница между обѣдомъ кощовъ и тѣмъ, который дается по уборкѣ хлѣба, состоитъ въ томъ, что на первомъ мистеръ Мэсонъ и мистеръ Лесли присутствуютъ только въ качествѣ зрителей, тогда какъ на второмъ они сами садятся за столъ. Итакъ, мы оставили кощовъ на свободѣ угощаться огромными массами говядины и баранины, картофеля и капусты и пришли только къ концу обѣда полюбоваться ихъ удовольствіемъ и принять участіе въ ихъ тостахъ. Первый тостъ предложилъ мистеръ Мэсонъ, обратясь къ служителямъ своимъ съ коротенькою рѣчью, въ которой выразилъ имъ похвалу за поведеніе ихъ во все время сѣнокоса.

„Теперь всѣ вы, сказалъ онъ имъ, собрали порядочную сумму денегъ. Послушайтесь моего совѣта, отнесите ее тотчасъ же въ сберегательную кассу, или, если, находите болѣе удобнымъ, довѣрьте ее мнѣ. Удержитесь отъ соблазна, очень естественнаго послѣ такой тяжелой работы, и не предайтесь бездѣйствию, которое всегда доводитъ васъ до шипка. Пусть каждый изъ васъ удержитъ сосѣда отъ входа въ это мѣсто, которое онъ самъ возненавидитъ на другой же день. Слѣдуйте болѣе всего совѣтамъ вашихъ женъ и удерживайтесь отъ всякихъ соблазновъ. Вы слышали объ *надѣлахъ* (*allotments*) какіе недавно завело въ вашемъ обществѣ *Общество друзей земледѣльца*¹; я видѣлъ эти *allotments* и нахожу что для того, у кого нѣтъ огорода подлѣ его жилья, они составляютъ истинное благодѣяніе. Я толковалъ съ Кепперкомъ (управляющій) и надѣюсь нанять для желающихъ по

¹ *Labourer's friend society*, общество, положившее себѣ спеціальною цѣлю устраивать въ городахъ и деревняхъ здоровыя и удобныя квартиры для работниковъ и крестьянъ. Оно покупаетъ или наемаетъ земли и отдаетъ въ наемъ по участкамъ. Ежемѣсячные отчеты этого общества весьма поучительны.

каочку земли, на которой можно будетъ разводить картофель. Какъ стыдно будетъ тому, кто истративъ деньги свои въ шипкѣ, пропуститъ подобный случай. Итакъ, друзья мои, воспротивитесь дьяволу, и онъ побѣжитъ отъ васъ, какъ говоритъ апостоль. Теперь я предлагаю тостъ за здоровье благородной дамы, служащей образцомъ всѣхъ добродѣтелей, любимой своими подданными отъ крестьянина до перваго лорда: за здоровье нашей всемогущейшей королевы!"

Эти умныя слова встрѣчены были восторженными ура, и отвѣчать на нихъ поручено было старшему работнику на фермѣ, который долженъ былъ провозгласить тостъ за здоровье мистера Мэсона. Но, ни сытный обѣдъ, ни все выпитое имъ пиво, не могли придать ему бодрости, когда онъ вставалъ съ мѣста. Нужно было много поощрительныхъ возгласовъ со стороны сосѣдей, много толчковъ и пинковъ, чтобы придать ему храбрости. Наконецъ онъ заговорилъ:

„Вы не хуже меня знаете, сказалъ онъ, что я намѣренъ оказать: у насъ добрый господинъ, добрая госпожа, добрыя барышни: на сто миль въ окружности не отыщите такихъ. Я старый слуга, на моихъ глазахъ родились молодые джентльмены и молодые люди, я это знаю лучше всякаго другаго. Предлагаю вамъ выпить за здоровье мистера и мистриссъ Мэсонъ, молодыхъ леди и молодыхъ джентльменовъ; ну вотъ и все!"

И въ полномъ восторгѣ, что кончилъ свою рѣчь, онъ сѣлъ на мѣсто среди рукоплесканій. Тогда поднялся управитель, и намекнувъ на рѣчь мистера Мэсона, предложилъ выпить за здоровье мистера Лесли и мое. Лесли сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ благодарности, и мы вышли, оставивъ гостей на свободѣ пѣть застольныя пѣсни. Черезъ полчаса, они оставили залу, и присоединились къ намъ на лугу, гдѣ провели вечеръ, куря и играя въ крикетъ.

Было уже девять часовъ, когда окончился праздникъ.

Когда мы возвратились въ Лоджъ, Мери разливала чай, а Роза приготовляла столъ съ триктракомъ для своего отца; Джорджъ уже легъ спать. Мы начали съ мистеромъ Мэсономъ партію въ триктракъ и по обыкновенію я оставилъ Лоджъ послѣ вечерней молитвы. Эта молитва, при которой присутствовали всѣ служители, происходила въ столовой. Мери

читала главу изъ евангелія, а мистеръ Мэсонъ молитвы. Такъ дѣлалось и поутру. Какъ бы желательнымъ было, чтобъ этотъ обычай, распространенный въ Англіи повсюду, заведенъ бы былъ и у насъ: это лишняя связь не только между членами семейства, но и между господами и служителями.

XI.

Пріѣздъ семейства Актоновъ былъ событіемъ въ мирной жизни Лиммора. Мистеръ Актонъ одинъ изъ богатѣйшихъ лондонскихъ банкировъ. Вѣрность его взгляда въ дѣлахъ привлекала къ нему не только людей, для которыхъ богатство служить неотразимою приманкой, но государственныхъ людей и министровъ, прибѣгавшихъ къ нему за совѣтами. Вслѣдствіе этого, жена его, мистриссъ Актонъ, пользовалась въ лондонскомъ аристократическомъ свѣтѣ такимъ уваженіемъ, какое это общество, рѣдко оказываетъ женамъ банкировъ. За то она не упускала изъ виду ничего, что могло бы упрочить за нею ея положеніе. На этомъ основаніи концерты ея были безукоризненны, обѣды сервированы отлично, балы такъ блистательны, какъ у любой герцогини. Бѣлокурая, высокая ростомъ, исполненная граціи и достоинства, она вполне соответствовала и своимъ щегольскимъ нарядамъ, и своимъ изящнымъ салонамъ. Принадлежавшіе къ ея кругу восхваляли ея тактъ и умѣніе жить въ свѣтѣ; исключенные изъ этого круга обвиняли ее въ гордости и въ излишней свѣтскости. Въ дѣйствительности же она не была ни гордою, ни особенно свѣтскою и ловкою женщиной. Она имѣла ровно столько ума, чтобы выполнять свои свѣтскія обязанности, гораздо болѣе сложныя въ Лондонѣ чѣмъ въ Парижѣ. Она была, если можно такъ выразиться, прекрасно воспитанная кукла, постоянная загадка для тѣхъ, кто посѣщалъ ее изрѣдка, особа совершенно безвредная для тѣхъ, кто видалъ ее часто. Ея утонченная вѣжливость и беззлобность замѣняли ей сердце; оттого ее почти любили въ Лимморѣ. Не надо забывать при этомъ, что даже простые люди многое прощаютъ тѣмъ, кого окружаетъ ореолъ богатства и пышности.

Дочери ея были добрыя дѣвушки, любили свѣтъ, пока жили въ немъ, и были очень счастливы, когда, по окончаніи сезона, могли возвратиться къ дѣлательной и свободной дере-

венской жизни. Особенно, старшая, миссъ Эмилия, была дѣвушка очень даровитая. Она знала въ совершенствѣ музыку и отлично рисовала. Прибавьте къ этимъ талантамъ большую самоувѣренность, привычку къ обществу, быстрый умъ, скватывавшій верхушки всехъ вопросовъ, и вы поймете, что Мери, у которой душа была безконечно выше, увлеклась этою, самою обыкновенною, натурой. Съ своей стороны Эмилия чувствовала искреннюю привязанность къ Мери; посвященная въ тайны изящнаго вкуса и свѣтской жизни, она нуждалась въ простодушномъ удивленіи Мери, которое какъ бы оправдывало ея превосходство. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, Эмилия и сестра ея Анна, которую можно назвать копіею ея въ миниатюрѣ, были добрыя дѣвушки, предупредительныя, веселыя и живыя.

Нѣсколько рѣзкія и безцеремонныя, онѣ не имѣли такого вліянія на бѣдныхъ, какъ Мери; мнѣ казалось даже, что онѣ болѣе изъ самолюбія чѣмъ изъ участія помогали тѣмъ, которыхъ посѣщали. Но можетъ-быть мое мнѣніе о нихъ было не что иное какъ слѣдствіе моего дурнаго расположенія духа. Онѣ ревностно исполняли обязанности, которыя брали на себя, и почти не проходило дня, чтобъ я не видалъ въ деревнѣ или на дорогѣ которую-нибудь изъ нихъ, когда она въ свромъ платьѣ и круглой, очень кокетливой, шляпкѣ, отправлялась читать библію какому-нибудь бѣдному или больному поселянину. Эмилия тотчасъ же заняла при дѣтяхъ должность учительницы пѣнія, которую до нея исполняла Мери, съ сожалѣніемъ разставшаяся съ занятіемъ, которое было ей такъ по сердцу. Миссъ Анна также ревностно какъ и Роза занялась воскреснымъ преподаваніемъ, носившимъ названіе: *Sunday school*. Я не говорилъ еще объ этомъ учрежденіи, которое Англичане ставятъ очень высоко; постараюсь теперь пополнить этотъ пробѣлъ.

Въ Англіи существуетъ тридцать три тысячи воскресныхъ школъ, и въ нихъ обучаются два съ половиною милліона воспитанниковъ, какъ говоритъ одинъ пасторъ въ брошюрѣ, трактующей объ этомъ предметѣ. „Школы эти, прибавляетъ онъ въ восторгѣ, составляютъ основаніе величія и благоденствія Великобританіи“. Всякій Англичанинъ, который страстно любитъ какое-нибудь дѣло, непремѣнно видитъ въ немъ величіе и славу своей страны и совершенно убѣжденъ въ этомъ. Такъ мнѣ случилось слышать, что игра

въ крикетъ есть одно изъ величайшихъ учрежденій Англии, учрежденіе, которое не только содѣйствуетъ воспитанію въ ней атлетическаго племени, но и образуетъ людей порядка и нравственности. Было время, когда та же честь оказывалась лошадинымъ скачкамъ, но съ тѣхъ поръ какъ эти скачки переправились за Ламаншъ и когда дознано было на опытѣ, что онѣ не всегда предохраняютъ страну отъ революцій и государственныхъ переворотовъ, онѣ потеряли въ Англии бѣольшую часть своего обаянія.

Можно посмѣяться иногда надъ этими ультра-патріотическими фразами и даже сравнить ихъ съ вѣчнымъ призывомъ моихъ любезныхъ соотечественниковъ о Франціи, которая, по ихъ мнѣнію, есть главная двигательница цивилизаціи въ мірѣ, но необходимо также изслѣдовать и то, что можетъ извинить подобныя убѣжденія. Не должно забывать, что то или другое постановленіе, взятое отдѣльно, недостаточно для объясненія силы Англии, какъ бы того желали его сторонники, хотя всѣ они содѣйствуютъ ей до извѣстной степени. Люди не долго сохраняютъ пристрастіе къ химерамъ. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ воскресныя школы оправдываютъ энтузіазмъ англійскихъ пасторовъ.

Прежде всего въ этихъ школахъ поразило меня то, что уроками въ нихъ безмездно занимаются главнымъ образомъ мелкая буржуазія, купцы и даже дочери или сыновья фермеровъ. Нѣсколько молодыхъ людей хорошихъ фамилій принимаютъ въ нихъ участіе, но они составляютъ меньшинство.

Ученіе происходитъ въ школьной залѣ подѣ наблюденіемъ пастора и его жены; оно продолжается часъ и открывается краткою молитвою и пѣніемъ псалма. Дѣти раздѣлены на классы по числу учителей, которые относительно способа преподаванія пользуются почти неограниченною свободою, а такъ какъ дѣло идетъ о преподаваніи исключительно религіозномъ, то эта свобода не имѣетъ никакого неудобства. Впрочемъ маленькія книжки, составленныя для воскресныхъ школъ, служатъ руководствомъ для учащихся. Признаюсь рѣдко случалось мнѣ видѣть что-нибудь трогательнѣе этихъ собраній, куда бѣдныя работницы и молодые сидѣльцы являлись затѣмъ, чтобы посвящать единственныя свободныя минуты свои умственному воспитанію бѣдныхъ дѣтей. Нельзя себѣ представить, сколько мужества нужно, чтобы посвятить себя

этому дѣлу. Впервыя, вмѣсто того чтобъ отдохнуть утромъ дома до богослуженія, они во всякую погоду должны спѣшить къ девяти часамъ въ школу. Эта жертва можетъ показаться легкою для тѣхъ, кто дѣлаю недѣлю ничего не дѣлаютъ, но она становится истинною жертвою для людей трудящихся. И какъ трудно заставить дѣтей понять предметы часто отвлекаемые, овладѣть ихъ вниманіемъ, преодолѣть скуку и заставить ихъ сидѣть смиренно во время такого серьезнаго занятія.

Нравственная выгода, которую безсознательно приобрѣтаютъ лица, занимающіяся преподаваніемъ въ этихъ школахъ, по мнѣнію моему также значительна, какъ и та, которою пользуются дѣти. Прибавьте къ этому, что для обученія другихъ, часто нужно учиться самому, и не бездѣльца приохотить къ умственному занятію тѣхъ, кого могла бы совершенно поглотить ручная работа. Мистеръ Норрисъ сказывалъ мнѣ, что въ этомъ преподаваніи наиболѣе успѣха оказываютъ женщины; чѣмъ терпѣливѣе и благочестивѣе онѣ, тѣмъ болѣе имѣютъ вліянія на дѣтей: такъ-то справедливо, что сердцемъ, а не умомъ, человекъ усвоиваетъ себѣ религіозныя истины.

Нѣкоторые священники завели похвальный обычай собирать отъ времени до времени всѣхъ, принимающихъ участіе въ воскресномъ обученіи, для совѣщанія съ ними о затруднительныхъ пунктахъ ихъ занятій. Если, по своей застѣнчивости, не предсѣдательствовалъ на этихъ собраніяхъ; Норрисъ же находилъ въ нихъ большое удовольствіе. Онъ приглашалъ эти лица разъ въ мѣсяцъ къ себѣ пить чай; потомъ начиналась конференція. Часто они излагали письменно вопросы или замѣчанія, которыя казались имъ нужными.

Этотъ обычай пить чай при всякомъ случаѣ, который намъ кажется нѣсколько страннымъ, сдѣлался у Англичанъ неизбѣжнымъ; множество благотворительныхъ митинговъ начинается чаемъ, который повидимому заключаетъ въ себѣ волшебную силу, которая размыкаетъ англійскую сосредоточенность. Даже потерянные люди большихъ городовъ посредствомъ чая сближаются съ благотворительными и ревностными миссіонерами, старающимися отозвать ихъ отъ ихъ позорной жизни. Но возвратимся къ нашему предмету, къ преподаванію въ воскресной школѣ.

Преподаваніе это такъ утомительно, что Мери должна была

отъ него отказаться; за то она собирана къ себѣ по вечерамъ дѣтей кучера, садовника и сельскихъ рабочихъ. Такихъ было человѣкъ десять, начиная съ шести-лѣтняго мальютки, съ большимъ трудомъ разбираваго нѣсколько стиховъ изъ Евангелія, до четырнадцати-лѣтней краснощекой дѣвочки. Мери особенно любила учить дѣтей; она посвящала на это всѣ свои способности, воображеніе, знаніе Св. Писанія, быстроту мысли и необыкновенное терпѣніе. Первою заботою ея было убѣдиться, что дѣти понимаютъ слова ими употребляемыя, предосторожность, необходимая, когда дѣло идетъ о релігіозныхъ предметахъ, гдѣ слова имѣютъ какъ бы стереотипный характеръ. Такимъ образомъ, читая главу изъ Евангелія о блаженствахъ, она требовала у дѣтей объясненія на каждый стихъ. Такъ она брала, на примѣръ, стихъ: *Блаженны миротворцы*, заставляла объяснить себѣ его смыслъ, потомъ спрашивала у дѣтей, какимъ образомъ они могутъ попасть въ число миротворцевъ? „Скажите мнѣ, говорила она, какимъ образомъ вы, въ нашей школѣ, можете сдѣлаться примирителями?“ Въ другой разъ, взявъ темою какой-нибудь псаломъ, она спрашивала дѣтей о дѣлахъ Божіихъ. Этотъ урокъ казался имъ особенно интереснымъ. Потомъ она выбирала какое нибудь слово, на примѣръ *соблазнъ*, и приглашала дѣтей разказать ей разные случаи, въ которыхъ оно упоминается. „Разкажите мнѣ, говорила она, какую-нибудь исторію изъ Библии, которая показываетъ что такое соблазнъ,“ потомъ она прибавляла: „скажите мнѣ, какъ вы сами можете иногда подвергаться соблазну.“

Понятно, какой интересъ возбуждали въ дѣтяхъ подобные уроки, особенно когда Мери, или въ награду имъ, или для того чтобъ они поняли какую-нибудь изъ притчей Христовыхъ, какую-нибудь не вдругъ доступную имъ мысль, разказывала маленькую исторію, которую сама придумывала съ этою цѣлю. Мери изобрѣла очень остроумный способъ, чтобы заставить дѣтей заниматься въ теченіе недѣли; она диктовала имъ по десятку словъ, которыя они должны были вставить въ маленькій разказъ. Она давала награду тому, кого товарищи признавали особенно достойнымъ; и замѣчательно, что въ этихъ дѣтскихъ разказахъ встрѣчалось много забавнаго и интереснаго.

Воскресенье никакъ нельзя назвать у благочестивыхъ Англичанъ днемъ отдыха и, по правдѣ сказать, мнѣ жаль было

бѣдныхъ дѣтей, которымъ приходилось молиться и учиться цѣлый день. Они не только присутствуютъ при утреннемъ классѣ, потому при божественной службѣ, продолжающейся два часа, но еще послѣ полудня занимаются катихизисомъ и обязаны еще разъ присутствовать при богослуженіи. Несмотря на все это, тѣ кому я указывалъ на такое строгое соблюденіе воскреснаго дня, какъ на слишкомъ тягостное для дѣтей, всегда отвѣчали мнѣ, что я ошибаюсь, что имъ пріятнѣе ходить въ школу чѣмъ оставаться у родителей. Признаюсь, этотъ отвѣтъ мнѣ казался равносильнымъ отвѣту Джорджа, который на упрекъ мой въ жестокости, съ которою онъ насаживалъ несчастнаго червя на крючокъ, увѣрялъ меня, что если червякъ корчится, то это отъ удовольствія. Впрочемъ на этомъ свѣтѣ дѣло идетъ не о пріятномъ только, но и о томъ чтобы сформировать характеры мужественные и твердые. Можетъ-быть, эти-то нравы, которые кажутся намъ столь строгими, и заключаютъ въ себѣ причину той серьезности англійскаго характера, которая составляетъ предметъ нашей зависти.

Много значитъ также, что дѣти рано приучаются къ тому, что я позволю себя назвать религіозною метифизикой. Позднѣ способности грубѣютъ, и имъ становится гораздо труднѣе усвоивать себѣ первые элементы спиритуализма, иногда слишкомъ тонкіе.

Насъ всегда интересуеетъ то что мы хорошо знаемъ, и если чтеніе Священнаго Писанія такъ распространено въ Англіи, если оно служитъ источникомъ столькожъ утѣшеній, то это происходитъ отъ того что умы приготовлены къ его пониманію, и что его божественныя уроки остаются въ сердцахъ вмѣстѣ съ дорогими воспоминаніями дѣтства, которые одинаково милы намъ въ какомъ бы мы ни находились общественномъ положеніи.

(Оконч. въ слѣд. №.)

ОБЩИННЫЕ НАЛОГИ

И

МИРСКІЕ СБОРЫ

Жизнь каждаго общества, какъ совокупности лицъ многихъ классовъ, складывается изъ личныхъ интересовъ всѣхъ его членовъ, и протекающихъ отсюда общихъ потребностей и взаимныхъ интересовъ. Родъ, племя, не составляютъ еще, какъ извѣстно, цѣльной, вполне развитой, органической единицы; въ родовомъ и племенномъ быту связь между членами болѣе естественная, кровная, природная, безсознательная. Общественныя силы и связи, возникающія изъ общности вѣрованій и языка, территории и климата, основываются почти исключительно на преданіяхъ и обычаяхъ, и проходятъ иногда очень долгій періодъ времени, пока изъ народа образуется сложный государственный организмъ, съ его областными и общинными членами.

Физиономія, характеръ и свойства политической жизни каждаго народа опредѣляются прямо тѣми отношеніями, какія существуютъ между его различными общественными единицами, каковы: община, округъ, провинція, область, и наконецъ государство.

Историческія судьбы народовъ измѣняютъ и разнообразятъ до безконечности эти отношенія; но при всемъ этомъ многообразіи, не возможно, кажется, отрицать, что жизнь

каждой общественной единицы стремится сама собою и естественно къ зависимости отъ другаго высшаго единенія, на столько именно, на сколько необходимо, и на сколько содѣйствуетъ эта зависимость индивидуальному развитію человѣка.

Если зависимость каждой изъ общественныхъ единицъ, отъ другихъ высшихъ единицъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ и интересамъ страны и ея гражданъ, то это можетъ быть только послѣдствіемъ несовершенства и незрѣлости всего общественного организма, или обнаруживаетъ его ненормальное состояніе, болѣзнь. Общественная жизнь двигается тогда несвободно въ несоотвѣтствующихъ ей формахъ; всѣ связи ея, въ однихъ направленіяхъ слишкомъ натянутыя, въ другихъ замѣтно слабѣютъ; нравственные и экономическіе интересы страны падаютъ и страдаютъ, и находятъ себѣ единственно правильный исходъ въ необходимыхъ и безотлагательныхъ реформахъ.

Если человѣкъ, по его натурѣ, назначенъ жить въ обществѣ, и такъ или иначе служить ему, то несомнѣнно и то, что община, какъ первая ступень общественной жизни, служитъ каждому изъ ея членовъ на столько, на сколько простираются ея силы для охраненія личности и имуществъ каждаго члена. Общинная связь тогда только имѣетъ сильную и самостоятельную жизнь, когда взаимные интересы, связывающіе членовъ общины, также достаточно сильны, и общія ихъ потребности достаточно разнообразны и ясно сознаваемы. Но эти интересы и потребности будутъ оставаться, въ свою очередь, весьма слабыми до тѣхъ поръ, пока интересы и потребности разныхъ личностей, составляющихъ общину, будутъ ограничены и маловажны, какъ напримѣръ въ такомъ случаѣ, когда общину слагаетъ государственная власть изъ такихъ именно лицъ, всѣ интересы которыхъ почти единственно заключаются въ добываніи средствъ къ своему дневному пропитанію.

Очевидно, что только съ усиленіемъ и развитіемъ личныхъ потребностей и интересовъ растетъ и крѣпнетъ жизнь самой общины, и что только при этомъ условіи зависимость послѣдней отъ областныхъ и государственныхъ учреждений и интересовъ пріобрѣтаетъ характеръ живой и самостоятельной связи, содѣйствующей къ охраненію и развитію личныхъ интересовъ и потребностей людей, равно какъ и къ охраненію цѣлости самаго государства.

Извѣстно, до какой степени удовлетворяли этимъ условіямъ

наши сельскія общины, крѣпостныя и казенныя, въ томъ видѣ какъ засталъ ихъ манифестъ 19 февраля.

Съ окончательнымъ утвержденіемъ, постепеннымъ усиленіемъ и расширеніемъ крѣпостнаго права, во все продолженіе XVIII вѣка, народная жизнь въ крѣпостныхъ общинахъ свернулась, съжалась и ушла въ глубины почти недоступныя никакому изслѣдованію. Двѣнадцатый годъ разбудилъ народъ, какъ бы для того именно чтобы доказать, что народъ еще живъ, и живы тѣ общинныя и областныя связи, которыя ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ спасли государство, и дали ему возможность самобытнаго существованія. Но по изгнаніи двенадцати иноплеменныхъ языковъ, народъ отслужилъ благодарственный молебень, сложилъ въ Кремлѣ забранныя имъ пушки и знамена, и замкнулся попрежнему въ свои невидныя общины, въ которыхъ остался до тѣхъ поръ, пока манифестомъ 19 февраля не былъ вызванъ къ новой жизни.

Кромѣ общинъ крѣпостныхъ, у насъ существуютъ еще общины, какъ ихъ прежде называли, черносшныя, монастырскія, экономическія, казенныя, переименованныя наконецъ, въ 1838 году, въ государственныя. Общины обывальныхъ, потомъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, были подведены, какъ извѣстно, подъ тотъ же уровень крестьянъ государственныхъ, *водворенныхъ на собственныя земли*.

Замѣчательно, что и эти общины представляютъ въ сущности почти тѣ же самыя задатки для самостоятельной жизни и дальнѣйшаго развитія, какъ и общины крѣпостныя.

Слово *государственные крестьяне, государственная община*, какъ *государственное имущество*, съ удивительною мѣткостью и силой выражаетъ здѣсь самую мысль и самый фактъ. Это названіе разомъ опредѣляетъ значеніе, какое имѣетъ община въ отношеніи къ ея самостоятельной дѣятельности и къ другимъ общественнымъ союзамъ, областному и государственному. Въ немъ, въ этомъ названіи, окончательно выразилась идея такъ-называемаго собиранія Русской земли, идея московскаго единства, такъ что идти далѣе по тому же пути къ искомому государственному единству, едва ли уже возможно.

Но еслибы мы захотѣли, во чтò бы то ни стало, отыскать сѣды общинной жизни, то, во всякомъ случаѣ, мы должны обратиться къ общинѣ государственной, уже потому что такой собственникъ, какъ государство, по самой отдаленности

его и по его отвлеченности, не могъ имѣть такого рѣшительнаго вліянія на подчиненіе всѣхъ общинныхъ интересовъ своимъ собственнымъ, какое имѣлъ помещикъ на свою крѣпостную вотчину. Вотъ почему, говоря о современномъ состояніи сельской общины, мы все-таки должны обратиться къ общинѣ государственной и спросить у нея, — что въ ней осталось самостоятельнаго, какія условія и залога представляетъ она для дальнѣйшаго развитія?

Невозможно отрицать, конечно, признаковъ жизни и въ сельской общинѣ крѣпостной; но для изученія явленій органическихъ въ такого рода экземплярахъ, нужно было бы имѣть подъ руками слишкомъ сильныя микроскопы, рискуя во всякомъ случаѣ, и при такомъ пособіи, не открыть никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ какой-нибудь борьбы и движенія.

Гдѣ между различными классами людей, занимающихъ извѣстное пространство земли, не успѣло образоваться той связи, которая возникаетъ вслѣдствіе равноправности, взаимнаго сосѣдства, свободнаго экономическаго движенія и общихъ, ясно сознаваемыхъ потребностей, тамъ община держится первобытными и простыми связующими началами. Церковь, приходъ, приходскій праздникъ, кладбище, погостъ — вотъ центръ, около котораго люди сходятся и узнаютъ другъ друга.

Невозможно не признать, что мысль—принять приходъ въ основу общиннаго территориальнаго устройства освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, имѣетъ за собою всѣ достоинства мысли, коренящейся въ дѣйствительной почвѣ народной жизни. Но мы, на основаніи собственнаго опыта, къ сожалѣнію, должны сказать, что и это средоточіе, и эта связь, поддерживающая и сохраняющая нашъ общинный союзъ, подвергается нерѣдко, очень грубому прикосновенію внѣшней власти. Посягательства на отчужденіе общины отъ церкви, отъ прихода, съ которыми бываетъ она нерѣдко связана цѣлая сотня лѣтъ, происходятъ, къ удивленію, со стороны самихъ же представителей интересовъ церкви, со стороны епархіальныхъ начальствъ. Нѣкоторыя епархіальныя начальства, принимая въ основаніе, при образованіи приходовъ, доходы обезпечивающіе содержаніе церковныхъ причтовъ, разрѣзываютъ приходы административнымъ порядкомъ: нѣкоторыя деревни, выселки, слободы отчисляются отъ приходовъ, къ

которым принадлежали они съ незапамятныхъ временъ, и приписываютъ къ другимъ для уравненія численности душъ или доходовъ получаемыхъ причтами. Различная степень личнаго благоволенія къ причтамъ или къ владѣльцамъ, желающимъ на чужой счетъ расширить средства своихъ доходовъ, играетъ здѣсь конечно также не маловажную роль. Крестьяне, которымъ угрожаетъ такая отписка, начинаютъ тогда свое хожденіе въ консисторію для поклоненія и умо-лостивленія епархіальнаго начальства. Они представляютъ начальству свою преданность древнему мѣстному образу, кладбищу ихъ дѣдовъ и пращуровъ, участіе отцовъ ихъ въ постройкѣ, въ возобновленіи церкви; но всѣ эти наивные аргументы остаются часто безъ всякаго вниманія. Священникъ прежняго прихода получаетъ приказаніе, не отправлять, ни подъ какимъ видомъ, подъ строгою отвѣтственностію, никакихъ требъ по желанію крестьянъ, отписанныхъ къ другому приходу, и такъ какъ „платить, дескать, обуха не перешибеть,“ то и кончается тѣмъ, что крестьяне, волей-неволей, оставляютъ свою прежнюю церковь. Но съ такою ли охотою, съ такимъ ли теплымъ вѣрованіемъ и участіемъ къ благоустройству своей новой церкви, относятся крестьяне къ навязанному имъ приходу,—это можетъ рѣшить каждый, кто знаетъ какъ дороги крестьянамъ вѣковыя преданія, связывающія ихъ съ родными кладбищами и старыми приходами.

Случалось, что прежніе прихожане обирались толпою, въ свой прежній приходъ, служили съ горькими слезами прощальные молебны предъ своимъ мѣстнымъ образомъ, и при разгорячившемся настроеніи давали взаимный обѣтъ къ новому священнику ни за какими требами не относиться, но собрать съ общества деньги, и послать ходока въ святѣйшій синодъ съ жалобой. Настойчивость и упорство крестьянъ иногда брали свое, и ихъ *возсоединяли* съ первоначальнымъ приходомъ.

Кромѣ прихода, общинное владѣніе землею, при совмѣстномъ жительствѣ въ селеніяхъ, не могло остаться безъ вліянія на болѣе тѣсное сближеніе членовъ сельской общины, или, по крайней мѣрѣ, на сохраненіе общинной связи, при всѣхъ условіяхъ неблагопріятныхъ этому сохраненію. Объ общинномъ владѣніи землею писали и спорили у насъ доволно; но тѣмъ не менѣе, вопросъ выясненъ еще очень слабо.

Само собою разумѣется, что какъ душевой надѣлъ, такъ и передѣлъ земли при каждой ревизіи, могли возникнуть въ общинѣ не иначе какъ вслѣдствіе подушной системы налоговъ и указовъ о ревизіи. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобъ общинный способъ владѣнія землею былъ не болѣе, какъ правительственною мѣрой, и не составлялъ самобытной черты въ экономическомъ бытѣ нашей сельской общины. Душевой надѣлъ, также какъ и передѣлъ земли, отнюдь не составляетъ непремѣнныхъ условій общиннаго владѣнія; и то и другое навязано общинѣ извнѣ, и по необходимости привязано къ ней, вслѣдствіе подушной системы податей и связанныхъ съ нею ревизіи и прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Памятники и свидѣтельства, приводимыя въ доказательство повсемѣстной будто бы малолюдности въ прежнее время нашихъ селеній, далеко еще недостаточны; но даже допустивъ такую повсемѣстную малолюдность селеній и не принимая во вниманіе, что бывшіе у насъ многолюдные города, были тѣ же села мы и въ этомъ случаѣ не видимъ никакой причины приписывать такое экономическое явленіе какъ общинное пользованіе землею дѣйствию государственной и помѣщичьей власти. Гораздо вѣроятнѣе, что крѣпостное право, подушная подать и ревизія, уже застали общинное владѣніе.

Совмѣстное жительство и поселеніе нѣсколькихъ дворовъ, у которыхъ весь первоначальный капиталъ заключается въ необходимыхъ земледѣльческихъ орудіяхъ и небольшомъ количествѣ скота, уже достаточно объясняетъ причину общиннаго пользованія землею. Подъ словомъ общиннаго владѣнія должно разумѣть владѣніе въ общей межѣ, съ раздробленіемъ всѣхъ полей, на основаніи: вопервыхъ трехъ-польнаго сѣвооборота, во вторыхъ разнообразія въ качествѣ почвы; въ третьихъ сообразно мѣстному расположенію всей земли вокругъ селенія. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить экономическія выгоды, проистекающія отъ устройства общими силами водопоевъ, хозяйственныхъ построекъ, отъ общихъ выгоновъ, пастбищъ и луговъ, и наконецъ выгоды отъ совмѣстнаго жительства въ такомъ климатѣ, гдѣ зимою засыпаетъ снѣгомъ цѣлыя деревни, и прекращаются всякія пути. Сообразивши всѣ эти условія нашего земледѣльческаго быта, общинное владѣніе объясняется очень просто и легко, какъ неизбѣжная экономическая потребность сельской общины.

Къ вышесказанному мы можемъ еще присоединить, что *неоднократные опыты* министерства государственныхъ имуществъ привлечь крестьянъ къ поселенію на пустопорожнія земли, съ тѣмъ чтобы дворы селились отдѣльно и владѣли участками отъ 40 до 100 десятинъ, *никогда не имѣли успѣха*, даже когда эти земли, какъ напримѣръ въ Ефремовскомъ и Новосильскомъ уѣздахъ Тульской губерніи, были превосходнаго качества, представляли всѣ удобства для поселковъ и находились въ той же губерніи, даже въ тѣхъ же уѣздахъ, откуда вызывались для поселенія крестьяне.

Нѣтъ поэтому никакой нужды прибѣгать для объясненія происхожденія общиннаго владѣнія къ правительственнымъ мѣрамъ или къ распоряженіямъ помѣщичьей власти. И тѣ и другія, безспорно, имѣли прямое вліяніе на способъ перехода поземельныхъ участковъ общиннаго владѣнія изъ однихъ рукъ въ другія; но общинное владѣніе одинаково существуетъ, какъ извѣстно, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, на какихъ въ различныхъ случаяхъ пользуются землею члены общины. Такъ напримѣръ, земли, населенныя мелкопомѣстными дворянами, однодворцами, крестьянами, откупившимися по различнымъ договорамъ отъ помѣщиковъ, крестьянами съ надѣломъ тягловымъ, душевымъ и проч., всѣ подобныя земли находятся въ общинномъ владѣніи, хотя способы перехода земельныхъ участковъ или правъ владѣнія на эти участки во всѣхъ вышеисчисленныхъ случаяхъ совершенно различны.

Государство не создало у насъ общиннаго владѣнія, точно также какъ, во все продолженіе XVIII вѣка, ни одна изъ правительственныхъ мѣръ не содѣйствовала ни мало къ образованію у насъ общинъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова; но государство внесло своими законодательными мѣрами въ поземельное устройство нашей земледѣльческой общины такіе элементы, которые нарушили, исказили и окончательно уничтожили существовавшее поземельное право въ общинномъ владѣніи землею. Такими законодательными мѣрами были: прикрѣпленіе всего земледѣльческаго населенія къ указаннымъ землямъ; подушная подать съ ревизскихъ душъ, и лишеніе всего земледѣльческаго класса людей права приобрѣтенія земли въ собственность. Эти правительственныя мѣры тѣсно замкнули каждую общину въ безвыходный кругъ, въ которомъ государство предоставило ей вѣдаться, какъ она

знаеть, во всемъ что касается до права каждаго изъ ея членовъ на землю, лишь бы только община исполняла гуртожъ всѣ налагаемыя на нее государственныя подати и повинности. Такого рода *самоуправленіе*, въ существѣ своемъ, значило только то, что вся масса земледѣльческаго населенія поставлена была въ отношеніи къ имущественному поземельному праву, даже въ своей общинѣ, *вне всякаго закона*. Обычай рождался и крѣпнеть, когда выражаемая имъ общественная потребность не подвергается безпрерывному искаженію, нарушенію и гнету отъ дѣйствія внѣшней силы, и только при этомъ условіи обычай можно считать первоначальнымъ источникомъ права. Но гдѣ предварительно, завѣдомо, отрицается всякое право, тамъ не имѣеть мѣста и сильный, всѣми равно признаваемый, обычай. Тамъ общество остается жертвою случайности, самоуправления необузданнаго своеволія, или такого обычая, который явно и сознательно для самого общества противорѣчить его прямымъ выгодамъ и интересамъ. Такимъ-то образомъ возникли въ государственной, *soi-disant*, свободной общинѣ, душевой надѣлъ и передѣлъ земли при каждой ревизіи, несообразность которыхъ усмотрѣло само правительство въ экономической инструкціи 1770 года. Изъ этого же источника, произошла въ поземельномъ владѣніи однодворцевъ, нынѣ четвертныхъ государственныхъ крестьянъ, и крестьянъ водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, вся та страшная неурядица, о которой съ трудомъ можетъ составить себѣ понятіе тотъ, кто не былъ ея очевидцемъ.

Изъ подробныхъ плановъ, снятыхъ по поводу оцѣнки казенныхъ земель въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, видно, что въ однодворческихъ селеніяхъ множество домохозяевъ имѣють по нѣскольку десятинъ, разбѣянныхъ въ различныхъ мѣстахъ въ двадцати и болѣе участкахъ, и изъ нихъ нѣкоторые въ двѣ и въ одну соху; а луговые участки—въ двѣ, въ одну и наконецъ въ полъ-косы. Почти каждое большое однодворческое селеніе раздѣлено всегда на двѣ партіи: душевыхъ и четвертныхъ. Первые договорились подѣлить землю по душамъ, вторые владѣють участками потомственно, и та и другая партія старается всякими мѣрами и всякимъ насильствомъ привлечь на свою сторону другую. Послѣдствіемъ постоянной вражды между этими партіями бывають ежегодныя драки побоища; земли не удобряются; цѣлые участки лежать впустѣ;

землю, которую самъ хозяинъ не въ силахъ обработать, никто не рѣшается и не рискуетъ нанять; хлѣбъ засѣянный однимъ крестьяниномъ, силою убираетъ другой; слабый становится жертвою сильнаго, и канцелярія волостнаго правленія полно-властно царитъ въ этой неурядицѣ и смутѣ. Запутанность въ поземельномъ владѣніи тѣхъ селеній, въ которыхъ крестьяне водворены на собственныхъ земляхъ, проистекаетъ вслѣд-ствие того, что договоры и условія, заключавшіеся между крестьянами и бывшимъ помѣщикомъ при отпускѣ ихъ на волю, составлялись всегда отъ лица цѣлыхъ обществъ, между тѣмъ какъ деньги, которыя вносились помѣщику одновременно и уплата долговъ опекунскому совѣту распределялись въ началѣ на различныхъ домохозяевъ въ различныхъ размѣрахъ, смотря по средствамъ каждаго изъ крестьянъ. Эти взаимныя сдѣлки между различными членами сельскаго общества не имѣютъ, обыкновенно, никакого юридическаго значенія, и стало-быть въ случаѣ спора не подлежатъ никакому правильному судебному разбирательству. Легко себѣ представить, какимъ образомъ рѣшаетъ эти споры и недоразумѣнія, на основаніи, не столько письменныхъ документовъ, сколько словесныхъ показаній, сельскій сходъ, напримѣръ, въ селѣ Ижевскомъ, Рязанской губерніи, въ которомъ считается болѣе 3.500 душъ.

Мы остановились нѣкоторое время на общинномъ способѣ владѣнія землею, съ цѣлю выдѣлить изъ этого факта, въ его современномъ видѣ, во первыхъ то что принадлежитъ въ немъ самой общинѣ, вытекло изъ ея экономиче-скихъ потребностей, образуетъ связь между ея различными членами, и служитъ укрѣпленію общиннаго единенія; и во вторыхъ то что внесено въ общинное владѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общину, со стороны государства.

Мы видѣли, какія произошли послѣдствія для общиннаго владѣнія, съ одной стороны, отъ положительныхъ, болѣе и болѣе стѣснявшихъ права крестьянъ, законодательныхъ мѣръ, а съ другой стороны отъ совершеннаго пренебреженія крестьянскаго имущественнаго права законодательствомъ. Отсюда, легко одѣлать, между прочимъ, заключеніе, на сколько справедливо мнѣніе, что такъ-называемая государственная, сословная община XVIII вѣка, составляетъ чувствительный и важный шагъ, въ прогрессивномъ движеніи общиннаго союза.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общинное владѣніе не возможно считать какимъ-то идеаломъ поземельнаго устройства общины, и что невозможно предвидѣть какая форма поземельнаго владѣнія выработается еще для нашей общины въ будущемъ. Но для насъ ясно по крайней мѣрѣ то, что общинное владѣніе наиболѣе обезпечиваетъ для каждого члена общины крайне необходимыя средства для его физическаго существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поддерживаетъ между членами общины ту связь, которая, при всѣхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ, препятствуетъ окончательному распаденію общиннаго союза.

Понятно также, что община, какъ самостоятельный членъ государственнаго цѣлаго, имѣетъ еще очень слабыя основанія, пока членовъ ея соединяетъ, съ одной стороны только, одинаковость вѣрованій и преданій, а съ другой, общинное владѣніе землею. Этого рода связи относятся къ первоначальнымъ, естественнымъ и самымъ простымъ.

Болѣе прочное основаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, осязательное выраженіе взаимной связи между членами общины, есть *общинный налогъ*. Это очень прозаично, за то и очень вѣрно. Гдѣ нѣтъ общиннаго налога, тамъ никогда не возникало и не можетъ возникнуть, ни прочнаго общиннаго союза, ни самоуправленія, ни свободы, точно также какъ безъ государственныхъ податей не мыслимо государство. Ничто такъ не соединяетъ между собою различные классы людей, населяющихъ одну мѣстность, ничто такъ не содѣйствуетъ политическому ихъ воспитанію, ничто наконецъ не свидѣтельствуетъ съ такою очевидностію о самостоятельномъ значеніи общины, какъ общинные налоги и повинности. Отношеніе между цифрами общинныхъ и государственныхъ налоговъ служитъ самымъ вѣрнымъ масштабомъ для опредѣленія той роли, какую занимаетъ община въ государствѣ, и тѣхъ отношеній, которыя между ними существуютъ въ дѣйствительности.

Матеріалы, собранные въ *Статистическомъ обзорѣ государственныхъ и муществъ, за 1858 годъ*, даютъ намъ возможность узнать до какой степени самостоятельности достигла въ этомъ отношеніи, наша государственная сельская община и до какой степени успѣло развиваться въ ней, подъ опекою государства, сознаніе общинныхъ потребностей и интересовъ. Но предварительно мы должны сдѣлать оговорку касательно

выраженія *Общинный налогъ*. Когда говорится объ общинныхъ налогахъ, земскихъ, уѣздныхъ, губернскихъ, или мірскихъ сборахъ, то подъ этимъ разумѣется не только то, что налогъ или сборъ назначается для удовлетворенія потребностей общины, уѣзда, губерніи, или міра, но и то, что вся сумма налога поступаетъ въ кассу общины или того участка, который выноситъ налогъ, и что употребленіе такого налога на удовлетвореніе общинныхъ или мѣстныхъ потребностей, происходитъ не иначе какъ по распоряженію общиннаго или мѣстнаго управленія и подъ контролемъ самой общины. Различныя подати и сборы съ 9.396.581 ревизскихъ душъ государственныхъ крестьянъ, въ 1858 году, были слѣдующія:

1) Подушной и оброчной подати	28.221.610	р.
2) Общественнаго сбора	4.782.464	„
3) Въ капиталъ продовольствія	483.427	„
4) Земскій сборъ	7.189.391	„
5) Сборъ за лѣсъ	376.743	„
6) Страховыхъ платежей	668.878	„
	<hr/>	
	Всего	41.936.654 „
7) Мірской сборъ	2.906.538	р.

Собственно государственная подать заключается въ первой цифрѣ: подушной и оброчной. Въ *Статистическомъ обзорѣ* не помѣщено никакихъ свѣдѣній о томъ, какая часть оброчной подати лежала въ 1858 году на землѣ. Цифра такъ-называемаго *общественнаго сбора*, переложенаго также на землю, показана по каждой губерніи итогомъ, безъ означенія, на какія именно общественныя потребности, происходитъ этотъ общественный сборъ. Между тѣмъ извѣстно, что въ числѣ этихъ потребностей значатся въ смѣтахъ и такія, какъ медицинская часть, содержаніе школъ, устройство хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Но на всѣ эти предметы расходуется только весьма малая доля общественнаго сбора, котораго главная часть идетъ на содержаніе палатъ и подвѣдомственныхъ имъ управленій. Что касается до содержанія министерства съ его департаментами и другими учрежденіями, то на этотъ предметъ ассигнуется особая сумма изъ государственнаго казначейства, по бюджету на 1862 годъ, 2.360.891 руб. Несмотря однакожь на то, что предметами общественнаго сбора служатъ исключительно мѣстныя

общинныя и губерскія потребности, характеръ налога чисто государственный; ибо весь сборъ поступаетъ въ непосредственное распоряженіе центральнаго государственнаго управленія, опредѣляющаго не только предметы потребностей, но и суммы для удовлетворенія оныхъ. Такимъ образомъ напрасно стали бы мы искать въ цифрѣ сбора, называемаго *общественнымъ*, выраженія какой бы то ни было доли самоуправленія, предоставленнаго государствомъ общинѣ, хотя бы даже въ такихъ предметахъ, какъ устройство хлѣбнаго магазина, содержаніе фельдшера и учителя въ сельской школѣ. Въ числѣ 34 различныхъ капиталовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, и исчисленныхъ на стр. 749 *Статистическаго Обзора*, находятся и капиталы: на устройство сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ 726.342 р.; капиталъ училищный въ 189.278, медицинскій въ 14.626; торфяной въ 80 рублей, и пр. Причины образованія всѣхъ подобныхъ капиталовъ объясняются очень легко. Въмѣсто того чтобъ опредѣлить предварительно потребность общины, хотя бы, напримѣръ, въ устройствѣ хлѣбнаго магазина и предоставить этой общинѣ произвести съ ея членовъ соотвѣтственный сборъ, назначался на этотъ предметъ одинаковый сборъ со всѣхъ общинъ государства, не спрашивая у общинъ, нужны ли имъ магазины и какіе именно, и потомъ изъ этого сбора разсылались уже по распоряженію министерства деньги, на устройство магазиновъ, согласно предварительно разсмотрѣннымъ представленіямъ и смѣтамъ палаты. Такимъ образомъ затрачено множество капиталовъ самымъ непроизводительнымъ образомъ; ибо изъ существующихъ, въ настоящее время, магазиновъ, не говоря уже о такъ-называемыхъ *центральныхъ*, множество стоитъ или безъ хлѣба, или только съ половиною закромовъ, засыпанныхъ хлѣбомъ, безъ всякой потребности и безъ всякой возможности засыпать ихъ когда-нибудь вполнѣ¹. Съ другой стороны, во множествѣ селеній, которыхъ потребность въ магазинахъ совершенно одинакова съ потребностями этого рода другихъ селеній, не

¹ Не трудно себѣ представить, каковы должны быть качества такого хлѣба, котораго скопается въ нѣкоторыхъ магазинахъ многія тысячи четвертей. Способъ очищенія испортившагося хлѣба заключается въ томъ, чтобы раздавать его крестьянамъ въ обмѣнъ на сѣнѣй. Какъ ни простъ этотъ способъ, исполненіе его на практикѣ всегда представляло однако же нѣкоторое затрудненіе.

имѣется до сихъ поръ никакихъ помѣщеній для хлѣбныхъ запасовъ, хотя съ этихъ селеній и собирали, и продолжаютъ еще собирать деньги на постройку магазиновъ болѣе двадцати лѣтъ. *Остатки*, которыхъ не успѣвали распределять по губерніямъ изъ суммъ, собираемыхъ ежегодно на устройство магазиновъ, образовали особый капиталъ на устройство хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Такимъ же путемъ образовались и капиталы медицинскій, училищный и пр.

Объяснивъ значеніе общественнаго сбора въ отношеніи къ общинѣ, обратимся къ слѣдующимъ податямъ и сборамъ:

Сборъ въ капиталъ продовольствія, простиравшійся къ 1859 году, до 6.940.902 рублей, невозможно также отнести къ общиннымъ налогамъ; ибо и этотъ сборъ находится, также какъ и самый капиталъ, въ полномъ распоряженіи центрального управленія, которое дѣлаетъ ссуды крестьянамъ разныхъ губерній, постигнутыхъ неурожаемъ. Счеты и отчетность по этимъ капиталамъ совершенно неизвѣстны не только общинамъ, но и мѣстнымъ губернскимъ управленіямъ, такъ что этого рода сборъ представляетъ собою налогъ государственный, въ строгомъ значеніи этого слова.

Земскіе сборы, по самому раздѣленію своему на государственные и губернскіе, не принадлежатъ исключительно заѣмыванію не только земщины, но и губернскаго управленія, и вся сумма этого налога, выпадающая на долю государственныхъ крестьянъ, имѣетъ для нихъ безусловно то же значеніе, какъ подушная, оброчная или вообще всякая казенная подать. Коммиссія, учрежденная съ цѣлю преобразованія всей нашей системы налоговъ, имѣла уже случай, въ обнародованныхъ ею изслѣдованіяхъ о недостаткахъ настоящей системы, разъяснить все смѣшеніе и безсвязность, простирающіяся отъ неопредѣлительности границъ между земскими и государственными повинностями. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о какомъ-нибудь самостоятельномъ участіи общины въ назначеніи или въ раскладкѣ и въ употребленіи того разряда налоговъ, которые называются земскими сборами.

Затѣмъ слѣдуетъ сборъ за лѣсъ. Считаемо лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о способѣ взиманія этого прямого государственнаго налога, который въ 1858 году простирался до 376.743 р., а въ бюджетѣ 1862 года достигаетъ цифры 691.923 р. Въ числѣ земель, которыми надѣлены государственные крестьяне, находятся и лѣсныя дачи, которыя

на ряду со всѣми бывшими черносошными и монастырскими землями, хотя перешли въ собственность казны, но оставлены въ пользованіи крестьянъ. Наравнѣ съ собственно казенными лѣсами, не приписанными къ крестьянскимъ обществамъ, лѣса крестьянскіе находятся также въ управленіи лѣснаго вѣдомства въ числѣ 12.657.483 десятинъ. Судя по числу всѣхъ казенныхъ селеній, простирающемуся до 90.137, надо полагать, что масса крестьянскихъ лѣсовъ разбѣяна по всему пространству Имперіи, во многихъ десяткахъ тысячъ различныхъ дачъ и урочищъ. Лѣсной департаментъ назначаетъ ежегодно, на основаніи представленій и смѣтъ палатъ, сколько строевыхъ бревенъ, сколько кольевъ, саженей дровъ и возовъ хворосту могутъ вырубить крестьяне изъ каждой дачи, находящейся въ ихъ пользованіи, безъ истощенія самихъ дачъ. Такія назначенія предполагаютъ, должно думать, что на каждую изъ лѣсныхъ дачъ, имѣются планы съ подробными означеніями всѣхъ насажденій, и что каждый лѣсничій, у котораго находится въ завѣдываніи иногда до пятидесяти и болѣе дачъ, ведетъ во всѣхъ дачахъ правильное лѣсохозяйство. Чтобы въ смѣтахъ палатъ не заключалось требованій излишнихъ, департаментъ для повѣрки требовалъ отъ мѣстныхъ управленій свѣдѣній, какъ велика потребность въ лѣсѣ для каждаго крестьянскаго двора, а по окончаніи года требовалъ вѣдомостей о томъ сколько саженей дровъ и прочаго лѣснаго матеріала оставалось невыбраннымъ крестьянами изъ каждой дачи, согласно смѣтѣ. Вмѣстѣ съ смѣтою на вырубку, палаты представляютъ и оцѣнку, или таксы на лѣсной матеріалъ, въ его различныхъ видахъ и въ различныхъ мѣстностяхъ для каждой дачи. Лѣсной налогъ опредѣляется въ 50% стоимости по таксѣ того лѣснаго матеріала, который разрѣшается къ вырубкѣ крестьянамъ. Налогъ этотъ назначался прежде въ общественный сборъ; но въ настоящее время поступаетъ въ видѣ особой государственной подати. Сборъ за лѣсъ показанъ въ таблицахъ *Статистическаго Обзора* не по всѣмъ губерніямъ. Исключенія составляютъ болѣею частію губернія безлѣсныя, или весьма изобилующія лѣсами.

Подъ рубрику государственныхъ податей отнесены, въ таблицѣ о денежныхъ податяхъ, также *страховые платежи*. Эти платежи происходятъ изъ обязательной системы застрахованія отъ огня всѣхъ домовъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ въ Европейской Россіи. Здѣсь не мѣсто

касаться вопросов о достоинствах и недостатках этой системы; но известно, что въ некоторыхъ губерніяхъ выдача ежегодныхъ вознагражденій крестьянамъ за погорѣвшіе дома далеко превосходитъ, иногда въ два, даже въ три раза, сумму страховыхъ премій, уплачиваемыхъ крестьянами этихъ губерній. Въ *Статистическомъ Обзоре*, къ сожалѣнію, не заключается никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы узнать что-нибудь объ общихъ по всему государству, ежегодныхъ результатахъ принятой системы застрахованія. Теперь, когда вопросъ о застрахованіи домовъ въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ составляетъ насущную потребность сельскаго населенія, позволительно кажется желать о распубликованіи всѣхъ свѣдѣній, какими обладастъ въ настоящее время вѣдомство государственныхъ имуществъ объ успѣхахъ дѣла, интересующаго сельскихъ обывателей всего государства.

Если вычтемъ сумму страховыхъ платежей изъ всего количества перечисленныхъ нами денежныхъ сборовъ, то получится цифра 41.267.776 р., выражающая количество прямыхъ денежныхъ налоговъ съ государственныхъ крестьянъ. Хотя изъ этихъ налоговъ около $\frac{1}{7}$ части назначается на удовлетвореніе мѣстныхъ губернскихъ и общинныхъ потребностей, и не принадлежитъ къ податямъ государственнымъ; однако всѣ они, безъ исключенія, имѣютъ, какъ мы видѣли, характеръ податей чисто государственныхъ. Въ этой безразличной массѣ податей, платимой государственными крестьянами, нисколько не обозначается разграниченіе такихъ общественныхъ единицъ, какъ государство, область, община. Последняя является здѣсь не больше какъ административно-финансовою единицей, устроенною сообразно видамъ болѣе удобнаго обложенія ея податями и бездоимочнаго съ нея взысканія этихъ податей.

Но вотъ, за общою цифрой государственныхъ податей, слѣдуетъ въ таблицѣ особая графа *мирскихъ сборовъ*, простиравшихся въ 1858 году до 2.906.535 р. Этого рода сборы по самой сущности своей не имѣютъ характера государственныхъ податей; назначеніе ихъ имѣетъ цѣлю удовлетвореніе потребностей собственно *мирскихъ*: отдѣльныхъ селеній, сельскихъ обществъ, и не дѣлае какъ волостей. Количество мирскихъ сборовъ для различныхъ селеній не только въ одной губерніи, но и въ одной волости, можетъ

быть поэтому весьма различно. Но тѣмъ не менѣе, средняя цифры мірскихъ сборовъ на каждую душу, въ различныхъ губерніяхъ, представляютъ явленіе довольно характеристическое.

Разительную особенность представляютъ въ этомъ отношеніи всѣ, безъ исключенія, восемь западныхъ губерній. Здѣсь средняя цифра мірскихъ сборовъ несравненно меньше нежели во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ, за самыми малыми исключениями, которыя впрочемъ, вѣроятно, должно отнести къ неточности и недостаточности свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Мірскіе сборы въ западныхъ губерніяхъ простираются отъ 1¼ копѣйки до 9¼ коп. на душу, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ они достигаютъ размѣровъ вообще отъ 25 коп. до 1 рубля. Исключеніе относится къ малороссійскимъ губерніямъ, Черниговской, Харьковской, Полтавской; въ первыхъ двухъ показанъ мірской сборъ въ 1½ коп. на душу, а въ Полтавской, также какъ въ Лифляндской, вовсе не показано никакого мірскаго сбора. Наконецъ, нѣкоторая особенность выражается также въ весьма малыхъ сборахъ двухъ губерній, Казанской по 9 коп. и Олонецкой по 3¼ коп.

Въ колоніяхъ, мірскіе сборы превосходятъ вообще этого рода налоги сравнительно съ другими мѣстами. Въ колоніяхъ южнаго края они простираются до 2 руб. 49 коп. на душу; а въ приволжскихъ до 81 коп.

Хотя количество мірскихъ сборовъ не можетъ быть опредѣлено офиціальнымъ путемъ съ тою же точностію и достовѣрностію, какъ прочіе денежные сборы, но тѣмъ не менѣе изъ вышеприведенныхъ среднихъ выводовъ, мы имѣемъ полное основаніе заключить, что крестьяне нашихъ западныхъ губерній значительно уступаютъ крестьянамъ великороссійскимъ въ способности къ самоуправленію, или по крайней мѣрѣ, что общинныя, потребности, а слѣдовательно и общинныя связи между сельскими обывателями нашего западнаго края оказываются на дѣлѣ замѣтно слабѣе нежели въ общинахъ великороссійскихъ.

Въ этомъ результатѣ нѣтъ ничего новаго для всякаго, кто хотя нѣсколько знакомъ съ исторіей и современнымъ состояніемъ крестьянскаго сословія въ западномъ краѣ; но для насъ важно то, что приведенный фактъ именно подтверждаетъ и оправдываетъ значеніе общественнаго налога какъ

наиболѣе вѣрнаго выраженія способности общины къ самоуправленію, къ самостоятельной жизни.

Способы для удовлетворенія различныхъ потребностей общины заключаются въ общинныхъ налогахъ и въ управленіи членами общины различныхъ должностей, соотвѣствующихъ этимъ потребностямъ. Совокупность того и другаго, налоговъ и должностей, очевидно и составляетъ существо общинной жизни и самоуправленія общины.

Въ виду предстоящихъ реформъ всѣхъ нашихъ земскихъ учрежденій, равно какъ и предполагаемаго сліянія всѣхъ сельскихъ обывателей въ одно цѣлое, было бы излишне, и уже несвоевременно, входить во всѣ различныя подробности, касающіяся до мирскихъ сборовъ въ казенной сельской общинѣ.

Однако, нѣкоторыя, болѣе рѣзкія, черты этого рода налога, и отношеніе, въ какомъ находится этотъ налогъ къ общинѣ и къ ея управленію, подали бы можетъ-быть поводъ къ нѣкоторымъ полезнымъ соображеніямъ при устройствѣ нашей будущей сельской общины.

Мирскіе сборы отличаются, какъ уже выше замѣчено, отъ прочихъ податей и сборовъ прежде всего тѣмъ, что здѣсь *предварительно* опредѣляются самыя *потребности* общины, а *потомъ* уже, соотвѣтственно потребностямъ, община опредѣляетъ и *налогъ*, какъ средство для удовлетворенія онымъ.

Затѣмъ, всякій мирской сборъ имѣетъ законную и обязательную силу не иначе, какъ по мирскимъ приговорамъ, составленнымъ и утвержденнымъ въ законномъ порядкѣ. Самый сборъ вездѣ происходитъ по-душному. Къ этому можно было бы присовокупить законоположеніе, по которому мирской сборъ долженъ быть взимаемъ прежде нежели всѣ остальные подати и сборы, еслибы такое законоположеніе дѣйствительно когда-нибудь исполнялось на практикѣ.

Вышеизложенныя условія показываютъ, что мирской сборъ есть единственный, который имѣетъ у насъ до извѣстной степени, характеръ общиннаго налога.

Предметы назначенія мирскихъ сборовъ опредѣлялись прежде распоряженіемъ министерства, и притомъ въ самомъ незначительномъ числѣ; но въ послѣдствіи право сельскихъ обществъ и волостей расширилось, въ этомъ отношеніи, почти неограниченно, чему болѣе всего содѣйствовала необходимость обращенія многихъ натуральныхъ повинностей въ денежные.

Такое расширеніе правъ сельской общины производить сборы съ своихъ членовъ, на удовлетвореніе собственныхъ ея потребностей или для обращенія повинностей натуральныхъ въ денежные, могло бы оказать значительное вліаніе на развитіе такъ-называемаго самоуправленія общины, еслибы такому развитію не противодействовало территоріальное и сословное устройство нашей общины.

Какого рода потребности опредѣляетъ община въ своихъ мирскихъ приговорахъ? Какія потребности могутъ образоваться въ ея средѣ, и какія изъ нихъ встрѣчаемъ мы въ смѣтахъ мирскихъ сборовъ?

Судъ, правильный, скорый и дешевый, составляетъ, конечно, одну изъ важнѣйшихъ потребностей всякаго общества, а въ томъ числѣ и сельской общины. Но въ другомъ мѣстѣ¹, мы имѣли случай показать, какой судъ успѣла выработать для себя наша сельская община, поставленная въ тѣ условія, въ какихъ жила она съ тѣхъ поръ какъ прикрѣпленіе людей къ землѣ и сословныя разграниченія легли въ основу государственнаго устройства XVIII вѣка. Выше мы замѣтили также, какого рода имущественное поземельное право успѣло образоваться въ общинѣ, предоставленной самой себѣ во всѣхъ сферахъ, гдѣ жизнь общины не могла служить матеріаломъ, полезнымъ для сложенія государственнаго порядка по идеямъ XVIII вѣка.

А между тѣмъ нельзя не признать, что сельская община, при всей скудости ея средствъ, могла бы заявить свое существованіе въ юридической жизни, въ иныхъ болѣе правильныхъ и болѣе практическихъ формахъ нежели составленіе, подъ руководствомъ становыхъ, поварныхъ обысковъ и приговоровъ мирскими сходками къ ссылкѣ на поселеніе членовъ общины, оставленныхъ судами въ подозрѣніи по уголовнымъ преступленіямъ. Такое участіе общины въ судѣ, очевидно, выражаетъ не болѣе какъ только сознаніе уголовного законодательства въ недостаточности существующей въ немъ системы доказательствъ и уликъ.

Такимъ образомъ въ спискѣ мирскихъ сборовъ нѣтъ мѣста никакимъ расходамъ по судебной части. Есть жалованье предсѣдателя волостнаго суда и его членамъ, добросовѣстнымъ, по сознанію общины, людямъ самымъ бесполезнымъ и без-

¹ „Крестыянскіе волостные суды.“ *Русск. Вѣстн.* 1862 г. № 9.

толковымъ; но это жалованье назначается и уплачивается не общиною и не изъ мірскихъ сборовъ, но самимъ государствомъ изъ суммъ общественнаго сбора.

Потребность мѣстной полиціи выражается въ мірскихъ сборахъ жалованьемъ *сотскихъ*, этимъ непосредственнымъ исполнителямъ распоряженій земской полиціи. Отправление этой повинности установилось издавна; она представляется одною изъ самыхъ необходимыхъ и законныхъ. Къ сожалѣнію, раздвоенность, бывшая и существующая досель, двухъ главныхъ группъ нашихъ сельскихъ обывателей, крѣпостныхъ и казенныхъ, не допускаетъ надлежащей правильности въ отпращиваніи даже и этой повинности.

Потребности внутренняго хозяйства въ предѣлахъ общины могли бы заключаться въ устройствѣ и ремонтірованіи училищныхъ домовъ, приходскихъ церквей, кладбищъ, мірскихъ мельницъ, запрудъ, колодезь, хлѣбо-запасныхъ амбаровъ, тюремныхъ заключеній, въ назначеніи жалованья учителю школы, лѣкарю или фельдшеру, сторожамъ, полѣсовщикамъ и проч.

Подъ рубрикою мірскаго сбора очень рѣдко, однакоже, встрѣчается назначеніе суммъ на нѣкоторыя изъ этихъ потребностей; но и это обыкновенно бываетъ по предложеніямъ начальниковъ, а не по требованію самихъ мірскихъ сходовъ; другія изъ вышеисчисленныхъ потребностей вовсе не значатся въ смѣтахъ мірскихъ сборовъ, и это происходитъ частію потому, что на нѣкоторыя изъ нихъ расходуются суммы общественнаго сбора, частію вслѣдствіе недовѣрія крестьянъ къ волостнымъ правленіямъ, которыя распоряжаются и завѣдываютъ употребленіемъ мірскихъ сборовъ. Постояннымъ предметомъ сбора бываетъ только жалованье сторожамъ при церквахъ и волостныхъ правленіяхъ, и изрѣдка только встрѣчаются сборы на устройство или поправленіе церквей.

Въ наибольшемъ числѣ случаевъ, крестьяне не считаютъ нужнымъ вносить въ свои приговоры потребности и количество денежныхъ сборовъ на предметы ихъ внутренняго хозяйства; но производятъ эти сборы и употребляютъ ихъ въ дѣло, помимо формальныхъ смѣтъ и утвержденій начальственнымъ порядкомъ.

Кромѣ стѣсненій и проволочекъ происходящихъ при составленіи законнымъ порядкомъ мірскихъ приговоровъ, и при

утвержденіи послѣднихъ палатами, крестьяне не имѣютъ возможности контролировать какъ слѣдуетъ расходование мірскихъ суммъ волостными правленіями, хотя по закону никакой расходъ не считается правильнымъ до тѣхъ поръ, пока общество не утвердитъ правильности употребленія мірскаго сбора своимъ приговоромъ. Надобно согласиться, что письменные акты и приговоры, подписываемые сотнею людей, не имѣющихъ ни читать, ни писать, могутъ имѣть на практикѣ совершенно особенное значеніе, въ сравненіи съ актами, которые подписываются грамотными людьми.

Изъ повинностей дорожной и мостовой, переходятъ въ мірской сборъ тѣ, которыя, по неудобству отправленія натурою, перелгаются на деньги, по приговорамъ самихъ крестьянъ. Основанія для этого сбора были бы совершенно правильны, еслибъ общины представляли у насъ дѣйствительно совокупность жителей, населяющихъ извѣстный участокъ земли, безъ различія вѣдомствъ и сословія. Но такъ какъ послѣдняго условія не существуетъ, то понятны всѣ непреодолимая затрудненія, которыя встрѣчаются въ раскладкахъ мостовой и дорожной повинности. Распространяться о неудобствахъ и недостаткахъ этой системы губернскаго, уѣзднаго и общиннаго хозяйства, накануне ея кончины, было бы совершенно напрасно. Мы можемъ здѣсь только замѣтить, что употребленіе мірскихъ сборовъ на устройство и содержаніе мостовъ, гатей и перевозовъ, находится внѣ всякаго дѣйствительнаго контроля. Подрядчики извѣстною платой извѣстнымъ властямъ, обыкновенно обезпечиваютъ себя отъ всякой отвѣтственности предъ обществомъ за неисправное исполненіе контрактовъ по принятымъ ими на себя обязательствамъ содержанія мостовъ и перевозовъ. Изъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, наиболѣе отяготительныя для государственныхъ крестьянъ составляютъ: вопервыхъ, охраненіе казенныхъ лѣсовъ, не исключая и тѣхъ которые находятся въ пользованіи самихъ крестьянъ, и вовторыхъ, повинность стоичная, заключающаяся въ обязанности давать лошадей для развѣздовъ чиновникамъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Въ прежнее время, казенныя лѣсныя дачи должны были охранять крестьяне ближайшихъ казенныхъ селеній, которыя имѣли за то право пользоваться изъ этихъ дачъ лѣснымъ

матеріаломъ для своихъ потребностей. Въ послѣдствіи право это уничтожилось, но повинность осталась. Ближайшія къ казеннымъ лѣсамъ деревни отстоятъ иногда на нѣскольکو десятковъ верстъ отъ лѣсныхъ казенныхъ дачъ, въ которыхъ, между тѣмъ, даже не бываетъ устроено никакихъ удобообитаемыхъ жилищъ для полѣсовщиковъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить, что каждая самовольная порубка, хотя бы на одну копѣйку, судится у насъ уголовнымъ порядкомъ, причемъ, въ случаѣ неоткрытія виновныхъ въ порубкѣ, полѣсовщикъ подвергается по суду тѣлесному наказанію и денежному взысканію сообразно цѣнности порубки. Въ случаѣ несостоятельности полѣсовщика къ уплатѣ, взысканіе обращается на общество, выбравшее полѣсовщика. При такихъ условіяхъ понятна вся тяжесть лѣсной повинности для крестьянъ, которые не могутъ притомъ обратитъ ее изъ натуральной въ денежную, ибо общество несетъ отвѣтственность за неисправность полѣсовщика. Вообще, въ этой отрасли управления и въ этой повинности заключается такъ много любопытнаго и занимательнаго, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ, что мы предоставляемъ себѣ удовольствіе поговорить объ этомъ предметѣ въ особой статьѣ; но здѣсь ограничимся только однимъ замѣчаніемъ, что кромѣ обязанности охранять казенные лѣса, государственные крестьяне *ближайшихъ* селеній привлекаются также къ доставленію средствъ для устройства казенныхъ лѣсовъ.

Этого рода повинность заключается въ доставленіи рабочихъ, необходимыхъ при сѣмкѣ, межеваніи, производствѣ просѣкъ и проч. въ лѣсныхъ дачахъ, простирающихся иногда до десяти и болѣе тысячъ десятинъ. Понятно, что исполненіе такой повинности натурою, и притомъ въ рабочую пору, становится для селеній ближайшихъ къ лѣснымъ дачамъ, во множествѣ случаевъ, дѣломъ невозможнымъ.

По этому поводу съ крестьянъ производится также мірской сборъ, распространяющійся для облегченія ихъ на всю губернію. Такой сборъ очевидно имѣетъ характеръ подати чисто-государственной, несмотря на мірскіе приговоры, выражающіе *согласіе* крестьянъ.

Вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія казенныхъ селеній по пространству цѣлой губерніи и различныхъ уѣздовъ, и сосредоточенія управления въ прежнихъ окружныхъ прав-

леніяхъ и въ палатахъ, возникла административная потребность въ стоичной повинности. Палата опредѣляетъ мѣста для станцій и число лошадей, которыхъ содержаніе отдается обыкновенно съ торговъ, потому что крестьяне предпочитаютъ лучше платить деньги, нежели подвергаться этой повинности натурою во всякое время, не исключая и рабочаго.

Въ прежнее время количество этого сбора въ уѣздахъ, съ большимъ населеніемъ государственныхъ крестьянъ, достигало до весьма *крупныхъ* цифръ, и вообще самый сборъ былъ источникомъ весьма *крупныхъ* злоупотребленій.

Изъ разсмотрѣнія различныхъ потребностей, для удствленія которыхъ назначается мірской сборъ, мы видимъ, что наибольшая часть этого сбора употребляется на замѣну натуральныхъ повинностей, государственныхъ или губерnskихъ, денежными. Сборы на такіе предметы, какъ напримѣръ содержаніе училищъ, медиковъ, оспопрививателей, хозяйственныхъ общественныхъ построекъ и пр., не входятъ въ смѣты мірскаго сбора, несмотря на то что подобные предметы должны были бы составлять, вмѣстѣ съ расходами на судебную и полицейскую часть, ближайшіе потребности мѣстнаго населенія. Въ то же время потребности *уѣлоу* губерніи, *уѣлаго* уѣзда или нѣсколькихъ волостей, обращаются въ предметы мірскаго сбора по приговорамъ каждой *отдѣльной* волости и даже *отдѣльныхъ* селеній.

Но какъ бы то ни было, мірской сборъ все-таки составляетъ единственный налогъ, въ которомъ обществу предоставляется нѣкоторая самостоятельность. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ, когда селенію предстоитъ или выслать рабочихъ за 100 верстъ, или замѣнить такую повинность *предлагаемымъ* мірскимъ сборомъ, то при подобной дилеммѣ, общество не можетъ долго колебаться въ своихъ рѣшеніяхъ и соображеніяхъ; но въ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, по поводу устройства училища, назначенія вознагражденія за службу старостѣ, сторожамъ, сборщику податей и пр., община сохраняетъ, извѣстную долю самостоятельности и независимости въ своихъ рѣшеніяхъ и приговорахъ.

Нѣкоторыя противорѣчія и несообразности, недостатокъ твердой законности, яснаго разграниченія повинностей мѣстныхъ и государственныхъ, ровно какъ и контроля надъ

употребленіемъ мірскихъ суммъ, всѣ эти явленія неизбежно встрѣчаются въ этомъ единственномъ общинномъ налогѣ, каковъ мірской сборъ, вслѣдствіе территоріальнаго и сословнаго устройства нашей сельской общины.

Поземельное владѣніе нашей государственной общины, можно, конечно, нанести на географическую карту; но если ея мѣсто можетъ быть отыскано легче чѣмъ мѣсто какого-нибудь кочевья, то почти единственная причина тому заключается въ прикрѣпленіи населенія общины къ каждому поземельному надѣлу. Въ Англіи границы нынѣшнихъ графствъ сохранились съ удивительнымъ постоянствомъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ они были во времена гептархіи и Альфреда Великаго, то-есть около десяти вѣковъ тому назадъ. У насъ областныя границы стерлись прежде нежели мы выучились назначать ихъ на картахъ; одна часть общинъ съ ихъ землею и населеніемъ сдѣлалась достояніемъ частнаго права, а другая часть обратилась въ финансовыя единицы, приспособленныя къ наиболѣе удобному сбору съ нихъ податей и различныхъ повинностей.

При такихъ условіяхъ, допускавшихъ всяческое раздробленіе и совокупленіе населенныхъ пространствъ, не въ видахъ общиннаго устройства администраціи, полиціи и суда, а въ видахъ болѣе удобнаго сосредоточенія разнаго рода властей, наша община въ территоріальномъ отношеніи получила характеръ случайности, кочевья, въ которомъ границы и управленіе передвигаются безъ всякаго труда съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ съ архивами и канцеляріями волостныхъ и сельскихъ правленій.

Сельскую общину исключительно составляетъ у насъ *земледѣльческое крестьянское сословіе*. Если мѣщанинъ, дворянинъ, купецъ, ремесленникъ, живутъ постоянно въ селеніи, имѣютъ въ немъ дома и усадьбы, имѣютъ свои земли не только по сосѣдству, но даже внутри границъ общиннаго владѣнія, то всѣ эти лица, какъ не принадлежація къ крестьянскому сословію, не входятъ и не могутъ входить членами въ общинный союзъ, и остаются лицами совершенно для него посторонними. Наша свободная государственная община замкнута такимъ образомъ въ сословную крѣпость, въ которой всѣ выходы и входы загромождены разнообразными препятствіями и регламентаціями. Въ одномъ участкѣ, иногда на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верствъ,

живутъ въ сосѣдствѣ люди различныхъ сословій и вѣдомствъ между которыми нѣтъ никакой взаимной органической связи нѣтъ никакихъ общихъ потребностей, которыя могли бы составить основаніе общинной жизни и найти свое выраженіе въ соответственныхъ учрежденіяхъ, въ общинныхъ налогахъ и должностяхъ. При этой взаимной разрозненности людей, населяющихъ одну и ту же мѣстность, при этой отчужденности, въ какой живетъ сельская община, отъ среды ея окружающей, въ нее открытъ со всѣхъ сторонъ свободный и широкій доступъ безконтрольному и безответственному вліянію бюрократіи.

Казенныя селенія, разбросанныя съ ихъ землями, самыми разнообразными группами и клочками, между усадьбами и землями помѣщиковъ и общинными землями и селеніями крестьянъ другихъ вѣдомствъ, соединены въ волости, которыя выдѣлены государствомъ какъ особенныя общественныя группы изъ среды ближайшихъ и сопредѣльныхъ къ нимъ жителей и земель. Чуждые для этой среды, казенныя селенія, расположенныя иногда въ мѣстностяхъ совершенно разнородныхъ по промысламъ и образу жизни жителей, связываются, какъ плотною паутиной, сѣтью станцій и маршрутовъ для разъѣздовъ чиновниковъ. Эти чиновники пріѣзжаютъ лѣзчить людей и скотину, строить амбары, ревизовать управленія, отводить лѣсосѣвки, собирать подати. Общинная жизнь при такой чисто внѣшней формальной связи не можетъ быть, конечно, слышна въ этихъ, дѣйствительно оторванныхъ другъ отъ друга, массахъ населенія. Такого рода територіальный и сословный характеръ нашей общины, устраняетъ всякую возможность ея политическаго развитія, равно какъ и образованія въ ней какого-либо сознанія общинныхъ потребностей и интересовъ.

Необходимыя условія общины какъ элементарной общественной единицы, существуютъ въ природѣ вещей, въ натурѣ человѣка; условія эти не выдумываются, и не изобрѣтаются; онѣ рождаются и возникаютъ сами собой, и существуютъ всегда на лицо, въ дѣйствительности, если только постороннія, внѣшнія силы не заглушаютъ этихъ общественныхъ силъ, и не препятствуютъ ихъ образованію и свободному развитію. Если люди населяютъ извѣстный участокъ земли, и имѣютъ на немъ осѣдность, то какъ бы ни были разнообразны ихъ занятія, ихъ образъ жизни, богатство.

степень образованія, сословія и званія, всё они неминуемо имѣють общія потребности, какъ слѣдствіе ихъ совмѣстнаго жительства или сосѣдства. Соотвѣтственно этимъ потребностямъ, всё эти лица обязываются нести извѣстныя повинности: платить налоги и отправлять извѣстныя общественныя должности.

Мы уже выше замѣтили, что предварительное опредѣленіе потребностей, и потомъ уже соотвѣтственныхъ этимъ потребностямъ налоговъ, есть условіе весьма важное для самоуправленія; ибо только при этомъ условіи каждый членъ общины *знаетъ*, для какой именно цѣли уплачиваетъ онъ налогъ, какъ бы ни былъ онъ малъ. Съ другой стороны, для того чтобъ общинный налогъ служилъ дѣйствительнымъ матеріальнымъ основаніемъ общинной жизни и самоуправленія, а вмѣстѣ и источникомъ яснаго сознанія общинныхъ интересовъ и потребностей, равно какъ самостоятельности и политическаго развитія каждой общины, для этого необходимо, чтобы прямой налогъ распространялся на всякую собственность, видимо и дѣйствительно приносящую доходъ, безъ всякаго различія лицъ, владѣющихъ такою собственностію, и наконецъ чтобы сборы, употребленіе сборовъ и контроль происходили въ предѣлахъ того округа, который несетъ налогъ. Вотъ, свойства, въ которыхъ заключается все значеніе мірскихъ сборовъ для самоуправленія. Но не должно думать, что непремѣннымъ условіемъ самоуправленія должно быть право каждой общины *самой* опредѣлять свои потребности, съ тѣмъ чтобы производить для удовлетворенія такихъ потребностей мірскіе сборы. Такая мысль есть грубая ошибка, не имѣющая для себя оправданій ни въ практикѣ, ни въ теоріи.

Когда мірскому сходу предъявляются тѣ потребности, которымъ необходимо должно удовлетворить, то не слѣдуетъ однакоже предполагать, чтобъ этимъ предъявленіемъ или требованіемъ нарушалось самоуправленіе общины; въ общину втѣсняется чуждый для нея элементъ, нарушающій порядокъ самоуправленія въ томъ только случаѣ, когда предъявленіе потребностей общинныхъ *есть предписаніе начальника, или административное распоряженіе, а не положительный актъ законодательной власти.*

Есабы наши мірскіе сходы имѣли ничѣмъ неограниченное право опредѣлять свои потребности и производить

соотвѣтственныя симъ потребностямъ сборы, то самоуправленіе общины отъ этого права не выиграло бы ровно ничего, и осталось бы на той же степени своего развитія какъ и нынѣ.

Мірскимъ сходамъ иногда предоставляется на практикѣ право опредѣлять самимъ свои потребности и назначать для ихъ удовлетворенія сборы; но эти сходы, *безъ чьей-либо внешней инициативы*, никогда не имѣли ни малѣйшаго попозновенія не только къ точному формулированію, но и просто къ опредѣленію какой бы то ни было общественной потребности.

Даже если община приметъ характеръ *не сословный*, но дѣйствительно *земскій*, если общину будетъ составлять совокупность всѣхъ безъ изъятія лицъ, населяющихъ данный участокъ, уѣздъ, или округъ, и всѣ члены общины одинаково будутъ привлечены къ отправленію общинныхъ повинностей,—то и въ этомъ случаѣ назначеніе потребностей самою общиной не можетъ быть допущено безъ ослабленія общиннаго единенія, и безъ нарушенія ея общественнаго и политическаго значенія въ единеніи болѣе обширномъ, областномъ и государственномъ. Такая децентрализація воевъ не желательна для общины, въ интересахъ земскаго дѣла. Вообще подобныя мысли о децентрализаціи въ самоуправленіи, могли только родиться въ странахъ, которыя сами никогда не пользовались выгодами самоуправления, и гдѣ это понятіе извѣстно болѣе изъ перевода англійскаго слова *self-government*. Въ Англіи, въ этой классической странѣ самоуправления, каждая потребность общины, какъ бы малозначительна она ни была, опредѣляется не иначе, какъ биллемъ парламента, и никакая мѣстная власть не имѣетъ права производить общинный сборъ, на какую бы то ни было потребность, не опредѣленную законодательною властію государства. Вслѣдствіе этого условія, отличительный характеръ общинныхъ налоговъ въ Англіи есть ихъ *специализація*, доводимая иногда даже до излишества. Тамъ каждая отрасль извѣстнаго рода общинныхъ потребностей, съ точностію подраздѣляется на десятки и сотни другихъ, накопившихся въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, и каждая изъ послѣднихъ имѣетъ санкцію законодательной власти. Мировые судьи ни на какой предметъ не имѣютъ права назначать сбора, не установленнаго со всею

точностию закономъ, такъ что въ этомъ смыслѣ для общинныхъ налоговъ существуетъ самая сильная централизація.

Въ этомъ также заключается причина, почему англійское самоуправленіе съ такимъ трудомъ укладывается въ какую бы то ни было теоретическую систему, или болѣе или менѣ красивую рамку, и въ то же время оказывается такимъ удобнымъ на практикѣ. Но централизація законодательной власти въ Англии не ограничивается назначеніемъ и исчисленіемъ всѣхъ общинныхъ потребностей; она опредѣляетъ также и характеръ общиннаго налога и требуетъ обязательной службы отъ членовъ общины. *При такихъ условіяхъ*, все остальное предоставляется уже самой общинѣ.

Въ этомъ счастливомъ сочетаніи государственнаго и общиннаго единства, должно искать корень того самоуправления, которое составляетъ предметъ гордости каждаго Британца; ибо только при этой системѣ, разные классы людей, составляющіе одну общину, могли остаться въ равновѣсіи, и тяжесть налоговъ не могла пасть исключительно на низшіе и бѣднѣйшіе классы, какъ это было, на примѣръ, во Франціи, и еще остается у насъ.

Мы привели здѣсь въ примѣръ Англію, не для того конечно, чтобъ искать въ ея общинномъ устройствѣ образца для предстоящаго намъ устройства нашей земщины, но съ цѣлію показать, что децентрализація для общиннаго самоуправления можетъ быть полезна далеко не въ томъ смыслѣ, какой многіе придаютъ этому слову.

Изъ всего, что разсмотрѣно было нами выше, не трудно вывести заключеніе о томъ, во первыхъ, въ какомъ состояніи находится наша сельская община, и вторыхъ, при какихъ условіяхъ возможна для нея самостоятельная жизнь въ предстоящемъ устройствѣ нашихъ земскихъ учрежденій.

Изъ разсмотрѣнія различныхъ податей и сборовъ, или прямыхъ налоговъ, которыми облагаются наши государственные крестьяне, мы видѣли, что только мирской сборъ представляетъ нѣкоторыя свойства общинныхъ налоговъ; всѣ остальные имѣютъ характеръ податей чисто государственныхъ.

При отсутствіи такого матеріальнаго и наиболѣе прочнаго основанія для общинной единицы, какъ общинный налогъ, единственною связью для этой единицы остаются—общій церковный приходъ и общинное поземельное владѣніе.

Не трудно убѣдиться, что установленіе общиннаго налога, какъ матеріальнаго основанія для самоуправленія и для образованія земщины, невозможно и немыслимо до тѣхъ поръ, пока наша сельская община не утратитъ окончательно своего сословнаго характера, не выйдетъ изъ того круга, въ которомъ насильственно ввинуло и въ которомъ замкнуло ее государство; до тѣхъ поръ, наконецъ, пока къ участию въ общинной жизни, со всѣми ея потребностями и интересами, не будутъ призваны безразлично всѣ классы сельскаго населенія.

Безъ этихъ условій всевозможныя комбинаціи различныхъ правъ различныхъ сословій останутся безсильными для водворенія земскаго порядка и мѣстнаго самоуправленія.

Мысль о томъ, что изъ нашихъ мірскихъ сходовъ и сословно-крестьянскихъ общинъ, взятыхъ отдѣльно, можетъ выработаться для страны земское начало, самоуправленіе и общинная жизнь, есть пустое и праздное слово.

Міровѣдъ—вотъ единственный типъ, единственный политическій характеръ, который успѣлъ выработаться въ современной общинѣ. Дальше этого типа она ничего уже не можетъ создать, и будетъ обречена вращаться вѣчно въ одномъ и томъ же кругу.

Для того чтобы была община, и было земство, необходимо прежде всего—платить земству подати и служить земству.

Н. ВОРОНЦОВЪ-ВЕЛЬЯМИНОВЪ.

У Н І Я

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Въ великомъ Римѣ есть дворець,
Созданье многихъ поколѣній,
Гдѣ въ роскоши, средь обольщеній,
Спасается святой отецъ;
Гдѣ подъ личиною искусства,
Символы сладострастныхъ думъ
Волнують, возбуждаютъ чувства
И омрачаютъ гордый умъ.
Чтобы воздвигнуть это зданье,
Грѣхами папа торговалъ,
Творенья кисти и ваянья
Цѣною душъ оны покупалъ.
Здѣсь каждый мраморъ смертью брата
И преступленьемъ заклеименъ,
Здѣсь полонъ мерзостью разврата,
Здѣсь адомя воздухъ пресыщенъ;
Здѣсь древней похоти кумиры,—
Приапъ, Венера, Купидонъ,
Въ сплетеньяхъ Нимфы и Сатиры,
Среди распятій и Мадоннъ...

И вотъ намѣстникъ мнимый Бога,
 Среди Мадоннъ и Афродитъ,
 На тронѣ золотомъ сидитъ,
 Подъ сѣнью дивнаго чертога....
 Но время Борджіевъ прошло,
 Поблекли римской жизни розы,—
 И ереси могучей зло
 Весь міръ латинскій потрясло
 И новыя готовить грозы.
 И ужъ теперъ не Медицисъ
 Несетъ, шутя, яро тiары;
 Язычества пиры и чары
 Подъ бурей въ бездну пронеслись;
 Протестантизма духъ свирѣпо,
 Надъ жизнью гнусной и нелѣпой
 Держа топоръ, твердитъ: „проснись.“
 И съ хитростью своей обычной,
 Понявши время, римскій дворъ
 Облекся строгостью приличной
 И скрылъ свой внутренній позоръ...
 Теперъ на тронѣ воссѣдаетъ
 Глубокомысленный старикъ,
 Умомъ невзгоды упреждаетъ,
 Всѣ тайны времени проникъ.

Передъ владыкой Ватикана
 Стоитъ умнѣйшій іезуитъ;
 Изъ чуждаго прибывши стана,
 Онъ рѣзко правду говоритъ:
 „Отецъ святѣйшій, все напрасно!
 Повсюду злобы сѣмена
 Разсыпаны рукой несчастной,
 И міръ отбросилъ самовластно
 Святой неволи бремена;
 Покорства нѣтъ въ сердцахъ надменныхъ;
 Въ Европѣ нѣтъ уже людей
 Во прахъ колѣнопреклоненныхъ,
 Съ глубокой вѣрой прежнихъ дней,
 Предъ гласомъ догматовъ священныхъ
 Непогрѣшимости твоей!

Издаде дерзкаго обмана!
 Растеть средь хижинъ и палатъ,
 И нынѣ громы Ватикана
 Ужь никого не устрашатъ!...
 Вездѣ поругана святыня,
 Побиты райскіе цвѣты,
 И сатанинская гордыня
 Лелѣветъ адскія мечты.

„Желаньемъ мерзостнаго счастья
 Раствлилась наша сторона;
 Гнилою язвой сладострастья
 Душа людей поражена....
 Кипятъ германскіе народы
 Въ разгарѣ буйной суеты,
 Разсудку требуя свободы
 Въ дѣлахъ смиренной простоты.
 Испанія въ борьбѣ несчастной
 Сгорѣла, сгибла вся до тла;
 И царство Галліи прекрасной,
 Волнуясь, тонетъ въ морѣ зла.
 Нигдѣ нѣтъ силы, нѣтъ спасенья!
 Повсюду смрадъ и гниль раставня;
 Затмилась церкви красота!
 А мы безъ слезъ, безъ покаянья,
 Зовемъ на помощь злодѣянья,
 Позоримъ Господа Христа!

„Святой отецъ! грѣхи и бѣды
 Безчестятъ наши знамена!
 И если хочешь ты побѣды,
 Зови другія племена!...“

И медленно подъялъ Григорій
 Своѣ поникшее чело;
 Все тайное былыхъ исторій
 Мгновенно передъ нимъ прошло....

„Тамъ, гдѣ я былъ, въ странѣ далекой,“
 Прибавилъ умный Поссевинъ,
 „Безвѣстно, тайно, одиноко,
 Въ снѣгахъ полуночи глубокой,

Возросъ могучій исполинъ.
Народъ великій и покорный,
Терпѣнья и надежды полнъ,
На камнѣ вѣры непритворной,
Среди прибоя вражьихъ волнъ,
Въ сознаньи силы необъятной,
И Богомъ видимо хранимъ,
Стоитъ народъ сей непонятный,
Смирень, могучь, непобѣдимъ....
И вотъ ударилъ часъ великій!
Пора воспользоваться имъ!
Ужь раздались призыва клики:
Москва зоветъ на помощь Римъ.
Безуміемъ царя Ивана
Взволнована вся Русь до дна,
Шатается вослѣдъ тирана,
Недуговъ и скорбей полна.
Позоромъ царскаго безславья
Народъ впервые пораженъ,
И въ благости самодержавья
Впервые усумнился онъ.
Такой превратностью нежданной,
Мы можемъ крѣпкій русскій мечъ
Въ союзъ любви давно желанной,
Въ систему унии привлечь;
И овладѣвъ громадной силой
Покорныхъ преданныхъ сердець,
Сломить мятежъ Европы хилой,
И ересь поразить въ конецъ.“

КАРТИНА ВТОРАЯ

Уже Косинскій замурованъ,
Съ Павлюги кожа содрана,
Въ Москвѣ Отрепьевъ коронованъ.
Украина мукамъ предана.
Повсюду мечъ и злодѣянье
Расторгли братскую любовь;
Костры пылають въ воздаянье
За службу вѣрныхъ казаковъ.
Повсюду въ изступленьи духа,
На грудахъ пепла и костей,
Какъ сладкій гимнъ для Божья слуха,
Гремятъ удары палачей.
Кипятъ взволнованныя страсти,
Смѣнила вѣру суета,
И Польша, ради папской власти,
Забыла Господа Христа,
Для православныхъ нѣтъ ужъ клира
И Божій благовѣстъ молчитъ,
Священника разить сѣкира,
А церковь арендуетъ Жидъ.
Съ иконъ небесныя Царицы
Алмазъ горитъ въ грудяхъ блудницы,
Или въ узорахъ чепраковъ,
А изъ сосудовъ кормятъ псовъ....

Былъ вечеръ; городъ волновался,
Какъ духомъ бури бездна водъ,
По стогнамъ ропоть разливался,
Нетерпѣливо ждалъ народъ.
Онъ казни ждалъ!... Среди Варшавы
Стоитъ и рдѣтъ мѣдный быкъ;
Подъ нимъ огонь; огонь кровавый
Всю плоть чудовища проникъ.

Толпа дрожитъ и алчетъ звука;
 Толпа въ чаду потѣхи злой....
 День цѣлый страшно длилась мука;
 Во чревѣ мѣдномъ тлѣлъ герой.¹
 Каратель Польши, въ ярыхъ битвахъ
 Сразилъ онъ цвѣтъ ея сыновъ;
 И матери въ своихъ молитвахъ
 Просили воину оковъ.
 Онъ взять!... И матерямъ въ забаву
 День цѣлый вопли казака
 Должны всю оглашать Варшаву,
 Какъ ревъ громаднаго быка.
 Но исполнѣнъ казацкой чести
 До сердцевины весь истлѣлъ,
 И не потѣшилъ вражьей мести,
 И мѣдный быкъ не заревѣлъ....

АЛЕКСАНДРЪ ЦУРИКОВЪ.

1858 года.
 С. Лебедка,
 Ораовск. уѣзда.

¹ Гетманъ Павелъ Наливайко.

ОЧЕРКИ

I.

КОЛЛЕКЦІЯ СТАРИЧКОВЪ И СТАРУШЕКЪ.

Въ домъ, къ тетускѣ моей, много ходило старичковъ и старушекъ. Она любила ихъ компанію, особенно старушечью. Такіе, бывало, безконечные разговоры у нихъ затянутся, что тетуска и не замѣчаетъ какъ часовая стрѣлка отсчитываетъ часъ за часомъ, а пѣтухи, выпавшись, встрѣчаютъ ужъ утреннюю зарю. Старушки-гостильщицы почти никогда не переводились у ней; иногда ихъ собиралось нѣсколько штукъ заразъ, тогда бесѣда шла еще живѣй и длилась дольше: и Богу помодятся, и раздѣвнутся, и на постель ужъ лягутъ, а все не наговорятся. Хоть и грѣшно, на постелѣ лежа и Богу помолившись, разговаривать, да по слабости человѣческой поговорить-то очень ужъ хочется; ну опять же разговоры ихніе были не то чтобы какіе-нибудь, чему бѣсы радуются, а все душеспасительнаго свойства: о моровой язвѣ, о двѣнадцатомъ годѣ, о холерномъ годѣ, о понедѣльничаньѣ, о томъ что легче, табакъ ли въ церкви нюхать или щи съ масломъ въ постъ ѣсть?... Пить ли чай въ прикуску или въ чашку, съ изюмомъ или сахаромъ?—ибо сахаръ дѣлается изъ костей лошадиныхъ, а потому онъ скоромный... Чихнувъ, слѣдуетъ ли плюнуть и перекреститься, или только плюнуть, и сколько разъ, одинъ или три раза—а плевать слѣдовало на лѣвую

сторону, ибо на лѣвомъ плечѣ дьяволъ сидитъ, а на правомъ ангелъ,—и не грѣхъ ли плевать, если по лѣвую сторону чело-вѣкъ правымъ бокомъ сидитъ, ибо можно въ ангела наплевать? Грѣхъ ли сморкаться въ мѣченые носовые платки или не грѣхъ? Одна старушка была того мнѣнія, что во всякій носовой платокъ сморкаться христіанину православному грѣхъ великій, ибо ни въ одномъ житіи не сказано, чтобы святые мученики сморкались въ платки носовые, и платки эти для того и завезены къ намъ басурманщиной, чтобы совратить насъ съ вѣры Христовой.

Наговорившись вдосталь о разныхъ предметахъ, старушки наконецъ замолчать; но все-таки не спать: лежать, лежать да и вздохнуть, сперва одна, за ней другая; потомъ кашлянуть, потомъ зѣвнуть, да норовятъ погромче зѣвнуть, или еще, чего добраго, какая-нибудь посмѣлѣе старушка чихнетъ; ну, какъ утерпѣть? Надо пожелать доброй ночи и спокойнаго сна; а лиха бѣда начать, тамъ ужь пойдетъ какъ по маслу, и снова завяжется у нихъ бесѣда.

Изъ старичковъ бывали у тетюшки чаще другихъ Сергѣй Николаевичъ и Иванъ Ивановичъ.

Сергѣй Николаевичъ былъ въ чинѣ коллежскаго ассесора и кавалеръ, годковъ семидесяти съ хвостикомъ. Зимой и лѣтомъ онъ носилъ одно и то же одѣяніе: синюю, подбитую байкой, бекешь; подъ нею коричневую бекешь, не подбитую байкой; съ гербовыми пуговицами жилетъ; черные, всунутые въ высокіе смазные сапоги, штаны; высокій, митробразный картузь и длинную палку, на манеръ священническаго посоха, съ большимъ мѣднымъ набалдашникомъ, въ ушки котораго продѣтъ снурокъ съ шелковою кисточкой. Каждая изъ этихъ вещей имѣла свои довольно характеристическія особенности: картузь, напримѣръ, по словамъ тетюшки, лѣтъ двадцать тому назадъ былъ синяго цвѣта, а въ послѣднее время принялъ рѣшительно темно-бурый цвѣтъ и отъ времени покрылся лакомъ. Служилъ онъ для Сергѣя Николаевича не столько картузомъ, сколько чемоданомъ. Въ немъ помѣщались листы писчей бумаги, письма, платки шейные и носовые, просфоры, хлопчатая бумага съ ракъ угодниковъ, клубки—съ нитками и иголками, поминанье, пряники, финифтяные образки, подтяжки, пуговицы оторвавшіяся отъ его платья и бѣлья, конфеты, духовныя картинки и дудочки... Всѣз его измѣнялся по сезонамъ: къ концу

лѣта онъ доходилъ до двадцати фунтовъ, затѣмъ спускался все ниже и ниже, и къ началу великаго поста останавливался на десяти фунтахъ; съ первой же недѣли поста опять поднимался и къ Ѳомину Понедѣльнику доходилъ до двадцати фунтовъ, потомъ опять спускался въ продолженіи полутора мѣсяца, а съ начала лѣта опять возвышался. Вообще весной и лѣтомъ Сергѣй Николаевичъ носилъ на головѣ тяжести больше чѣмъ осенью и зимой. Причиной тому было то, что великимъ постомъ, на Святой недѣлѣ и лѣтомъ, Сергѣй Николаевичъ занимался странствіями по монастырямъ, и изъ каждаго странствія приносилъ какую-нибудь цѣлительнаго свойства вещь: образокъ, ломтикъ трапезнаго монастырскаго хлѣба, пузырекъ съ деревяннымъ масломъ, душеспасительную картинку, и складывалъ всѣ эти вещи въ свой картузъ, а потомъ раздавалъ ихъ своимъ многочисленнымъ знакомымъ.

Если картузъ вѣсилъ среднимъ числомъ до пятнадцати фунтовъ, то въ бекети было, по крайней мѣрѣ, до полутора пуда. Служилъ онъ для Сергѣя Николаевича тоже чемоданомъ; но помѣщались въ немъ болѣе громоздкія вещи, какъ-то: просфоры крупныя, гривенничнаго, четвертаковаго и даже полтинничнаго вѣса; образа побольше; картины—поларшиннаго и даже аршиннаго достоинства. Были здѣсь, кромѣ того, свѣчи восковыя съ фольгой; полотенца утиральныя; баночки съ помадой; мыло; крендели; сушеная малина на случай перхоты; ночныя рубашки; сапожныя щетки; вакса; сладкіе пирожки; духовныя книги; вороново крыло для чистки платя.... Штаны Сергѣя Николаевича тоже были чемоданъ, съ тою только разницей, что хранившіяся въ нихъ вещи предназначались къ немедленной раздачѣ. Вообще, картузъ и бекети были какъ бы запасными кладовыми, а штаны буфетнымъ шкафомъ. Въ сапогахъ находилась тоже поклажа; но уже низшаго достоинства: шерстяные дырявые носки съ сальнымъ огаркомъ для прикладыванія къ горлу отъ кашля; банная суконка; пластыри; кусочки сургуча; пробки; гвозди обернутые бумагой чтобъ не колоди ногъ.

Сергѣй Николаевичъ такъ и сидѣлъ въ комнатахъ во всѣхъ своихъ чемоданахъ, кромѣ картуза, и только въ самые знойные лѣтніе дни, или когда въ комнатахъ было нестерпимо душно, снималъ свой верхній чемоданъ.

Говорили, что Сергѣй Николаевичъ носилъ вериги; но я сомнѣваюсь въ этомъ: налагать на себя такую мученическую

зпитимію было не въ натурѣ Сергѣя Николаевича. Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, онъ былъ необыкновенно крѣпокъ на ходьбу: съ Дорогомиловской слободки пройти до Перваго Кадетскаго Корпуса и, отстоявъ тамъ-обѣдню и пообѣдавъ, идти ночевать на Дѣвичье Поле—это было ему на почемъ. Идетъ себѣ, постукивая палкой, картузомъ потрахиная, да платкомъ обтирааясь, какъ ни въ чемъ не бывало.

Сергѣй Николаевичъ былъ прежде бѣлозерскимъ помѣщикомъ, но крестьянъ отпустилъ на волю, подаривъ имъ землю и усадьбы; служилъ онъ въ сенатѣ, при Павлѣ Петровичѣ и Екатеринѣ, выслужилъ пенсію, но и отъ нея, какъ говорили, отказался. Хотя состоянія такимъ образомъ у него никакого не было, но жилъ онъ безъ нужды, имѣлъ всегда платье и бѣлье; водились у него и денежки. Однажды мы полюбопытствовали посмотреть, что такое находится въ его узелкахъ, уже года два лежавшихъ у насъ на чердакѣ, развязали одинъ изъ нихъ, и въ немъ оказалось: двѣ пары шерстяныхъ носокъ, шейный шелковый, дорогой платокъ, стеклянка съ духами, штопоръ, пачка синихъ ассигнацій рублей на тридцать — деньги тогда считались на ассигнаціи — и два гнилыхъ зуба въ бумажкѣ. Дотронулись до другаго узелка, но отпрыгнули въ сторону: изъ него выскочила пара огромныхъ крысъ. Когда страхъ прошелъ, мы подняли этотъ узелокъ, и изъ него выпали: какія-то крошки, вѣроятно отъ просфоръ, два невадѣвые жилета, кошелекъ съ серебряными пяточками и личная скорлупа, вѣроятно затащенная крысами. Годныя вещи и деньги мы вынули и отдали Сергѣю Николаевичу; но онъ ничего себѣ не взялъ, ужасно на насъ разсердился и отдалъ все прислугѣ.

Квартиры Сергѣй Николаевичъ никогда не нанималъ, а ночевалъ по своимъ знакомымъ. У однихъ чаю утренняго напьется; у другихъ позавтракаетъ; у третьихъ пообѣдаетъ и выпится послѣ обѣда; у четвертыхъ чаю вечерняго напьется, голову себѣ вымоетъ и одежду съ сапогами вычиститъ (впрочемъ, для занятія туалетомъ у него не было опредѣленнаго часа, а такъ, когда заблагоразсудится); къ пятому пойдетъ ночевать. Всѣ знакомые обыкновенно любили его, во-первыхъ, за то что онъ никогда ни про кого дурнаго слова не сказалъ: всѣ у него были хорошіе люди; во-вторыхъ, за то что онъ зналъ всѣ московскія новости: гдѣ новый колоколь повѣсили;

гдѣ соборнаго протодьякома обѣдню служить нанимали; какой протопопъ прихожанъ своихъ праздничною кулебякой съ визигой угощалъ; какая попадья двойною родила; какого генерала съ музыкой на кладбище везли; какая купчиха, отъ чрезмѣрно усерднаго розговѣнья, Богу душу отдала; какого преступника плетью на Конной пороги; третьихъ принимали Сергѣя Николаевича, за то что надъ нимъ пошутить можно было. Но шутки онъ допускалъ только приличныя; грубости не извѣдалъ, и держалъ себя вообще независимо. Никому не льстилъ, ни передъ кѣмъ не унижался, и дѣлалъ это совершенно безсознательно, потому что натура у него была такъ проста, что и понять не могла, для чего это люди льстятъ, заискиваютъ, говорятъ не то что думаютъ. Сергѣй Николаевичъ держалъ себя съ генералами и съ первостатейными купцами такъ же просто и фамиліарно, какъ съ ихъ дворниками и кухарками. Трубочку нужно набить ему, онъ скажетъ хозяину: „Набей-ка маѣ трубочку, голубчикъ!“ Бекешъ надо въ рукава надѣть, а въ передней лакеевъ нѣтъ, онъ прямо идетъ въ кабинетъ къ хозяину, хотя бы у того гости сидѣли, и говорить ему: „Подержи-ка, голубчикъ, въ рукава надѣть.“ Безхитростную душу его ничто въ мірѣ не интересовало, кромѣ Богдановскихъ колоколовъ, храмовыхъ праздниковъ съ соборными протодьяконами, цвѣточнаго чая съ вареньемъ, похоронъ, на которыхъ можно поѣсть жирной кулебяки съ визигой и выпить пива съ медомъ, именинъ, гдѣ можно похрустѣть сладкимъ слоенымъ пирогомъ и выпить вина сладенькаго.

Разговаривать Сергѣй Николаевичъ тоже любилъ; но разказы его были иногда такого темнаго свойства, что при самомъ усиленномъ вниманіи рѣшительно нельзя было понять, о чемъ онъ разказывалъ. Умеръ онъ лѣтъ пять тому назадъ у одного замоскворѣцкаго купца, и умеръ, кажется, рѣшительно не отъ болѣзни какой, а просто отъ старости.

Другой старичокъ, ходившій къ тетулкѣ и называвшійся Иваномъ Ивановичемъ, былъ тоже лѣтъ подъ семьдесятъ, съ дѣтскими, пріятными чертами лица, съ тихимъ, слабымъ голоскомъ, съ свѣтло-голубыми глазами и съ длинными, вившимися свѣдыми волосами. Происхожденія онъ былъ крѣпостнаго; учился въ рисовальной школѣ, гдѣ выучился, кромѣ иконописанія, двумъ иностраннымъ языкамъ; потомъ былъ актеромъ на барскомъ театрѣ; потомъ за не понравившуюся барину игру въ пантомимѣ Бахуса былъ разжалованъ въ

птичники; птичникомъ его жемли на прачкѣ; лѣтъ пятидесяти овъ былъ отпущенъ на волю; купилъ себѣ крошечный домикъ съ огородомъ на Бутыркахъ, гдѣ и жилъ съ своимъ семействомъ, занимаясь иконописаньемъ и продажей огородныхъ овощей. Человѣкъ овъ былъ услужливый, скромный, совѣтливый, о чемъ-то все задумывавшійся, съ незобовою, дѣтски-невинною душой и имѣлъ большое рвеніе къ духовному: раздувалъ въ церкви кадило, выносилъ свѣчи при церковномъ богослуженіи, звонилъ въ колокола, пѣлъ на клиросѣ. Пѣть духовныя пѣсни овъ страстно любилъ. Взойдетъ, бывало, къ тетущкѣ, поздоровается, улыбнется, сядетъ въ уголокъ, вздохнетъ и задумается.

— О чемъ это вы, Иванъ Ивановичъ, задумались? спросить она его.

Иванъ Ивановичъ еще глубже вздохнетъ....

— Вы бы спѣли намъ что-нибудь духовное!...

Иванъ Ивановичъ встрепетается и встанетъ.

— Чтò же-съ? я, право-съ, и забылъ много-съ. Давно ужъ не пѣлъ-съ, ей Богу-съ! отвѣтитъ овъ, немного смутившись, а самому смерть хочется спѣть. — Вотъ-съ развѣ канонъ Маріи Магдалинѣ-съ? Чудный-съ напѣвъ, словно ангели на небесахъ поютъ-съ, право-съ? Да ужъ голосъ-то, того-съ, слабовать-съ, право-съ?

Иванъ Ивановичъ часто употреблялъ въ разговорѣ вопросительную форму, вѣроятно, изъ скромности.

— Ну спойте же канонъ! просить тетущка.

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго-съ! скажетъ Иванъ Ивановичъ, перекрестится, станетъ передъ образомъ, положить рука-на-руку и запоетъ. Пѣлъ овъ фальшиво, голосъ его дребезжалъ, обрывался; но я бы не промѣнялъ на него первокласснаго пѣвца: столько въ семидесяти-лѣтнемъ голоскѣ его было глубокаго, страстнаго, религіознаго чувства, такъ вся его худенькая фигурка сіяла безпредѣльнымъ восторгомъ, юношескимъ увлеченіемъ! Овъ дрожалъ, захлебывался отъ слезъ! Кончить канонъ, утереть рукавомъ мокрые отъ слезъ глаза, вздохнетъ, поклонится намъ и застыдится. Его стануть хвалить, а овъ вздохнетъ да и скажетъ:

— Послужилъ-то я мало-съ Господу Богу, и радъ бы радѣшекъ, да ужъ того-съ, право-съ, силы-то нѣтъ-съ, право-съ? Ужъ, видно-съ, къ концу подходитъ-съ?.. — И еще больше задумается.

Приходилъ Иванъ Ивановичъ къ тетущкѣ всегда съ подаркомъ: груздочковъ баночку своего набора принесетъ, горшокъ двѣтовъ, бумажку съ сѣменами, мѣшочекъ стручковъ съ своего огорода, образокъ своего рукодѣяья, бисерное перышко.... Какъ, безо всего, ходить въ гости ему было совѣстно. Принесетъ онъ подарочекъ, оставитъ его въ передней на залавкѣ, а самъ и не знаетъ, какъ ему съ нимъ быть. Войдетъ къ тетущкѣ, сядетъ въ уголокъ и все беспокоится: откашливается, сморкается, затылокъ чесать. Заговорить ему хочется, а совѣстно. Тетущка, конечно, догадывается въ чемъ дѣло.

— Должно быть вы, Иванъ Ивановичъ, опять затѣяли тамъ что-нибудь? Вѣрно, принесли мнѣ подарокъ? спроситъ она.

Иванъ Ивановичъ обрадуется.

— Да такъ-съ, пустячки-съ, Анна Ивановна-съ! Право-съ? Не побрезгуйте-съ? скажетъ онъ улыбаясь, и принесетъ изъ передней мѣшочекъ.

— Не взыщите-съ, Анна Ивановна! Право-съ. Получше бы надо-съ? прибавитъ онъ, отдавая тетущкѣ свой подарокъ, а самъ весь такъ и пылаетъ отъ стыда.

Если тетущка давала ему на прощаньи какую-нибудь монетку, Иванъ Ивановичъ принималъ ее всегда послѣ сильныхъ доказательствъ и, принявъ, говорилъ:

— Не много ли-съ? Вѣдь, деньги-то грѣхъ брать-съ, Анна Ивановна!

— Какой же грѣхъ, Иванъ Ивановичъ? Вѣдь, не воздухомъ же питаться въ самомъ дѣлѣ? На что муха? И та воздухомъ не проживетъ!

— Ужь гдѣ намъ воздухомъ-съ питаться, Анна Ивановна! воскликнетъ Иванъ Ивановичъ, покурить голову и задумается.

— Духъ бо бодръ, да плоть-съ немощна-съ! Да и самого-то ужъ въ могилу тянетъ-съ! Приспѣ бо время—предстать предъ Судьею всеблагимъ и воздастся каждому по дѣломъ его, и стануть праведницы одесную, а грѣшницы ошую! И возрыдають несчастные грѣшницы: „горе намъ грѣшнымъ и окляклымъ и гнуснымъ!“ Лучше бы имъ и совсѣмъ на свѣтъ не родиться-съ! Право-съ, Анна Ивановна? Все бы легче было-съ? И возликують-съ, восторжествуютъ, вострепещутъ о Бозѣ своемъ праведницы непорочныя!

Проговоря это, Иванъ Ивановичъ опуститъ еще ниже голову на грудь и долго, долго стоитъ задумавшись.

Прощался Иванъ Ивановичъ больше такимъ образомъ—подойдетъ къ тетулкѣ, поцѣлуетъ у ней руку и скажетъ:

— Пошли вамъ Господь мира и любовнаго согласія-съ. Господь милостивъ ко всѣмъ намъ грѣшнымъ-съ, Анна Ивановна! право-съ?—Вздохнетъ и почешетъ въ затылкѣ.—Желато ужь у меня больно озлоблена-съ; все не по ней-съ, Анна Ивановна! закаючить онъ.

— За что жь, Иванъ Ивановичъ, на васъ она озлоблена? спросить тетулка.

— Да все не потрафлю-съ. Вѣстимо, лукавый опуталъ. И отчитывать принимался-съ, да не беретъ-съ; видно ужь больно запусталъ-съ? скажетъ Иванъ Ивановичъ, вздохнетъ, поклонится всѣмъ намъ, и пойдетъ.

Кромѣ пѣнія, Иванъ Ивановичъ еще очень любилъ птицъ кормить: никогда хлѣба за обѣдомъ и за чаемъ не доѣстъ, непременно для галокъ и для воробьевъ оставить, за что отъ супруги своей переносилъ не только ругательства, но даже побои: бывало, только она поставитъ пугало въ огородъ, Иванъ Ивановичъ подкрадется и перенесетъ пугало; накрѣтъ жена сѣтью садовыя деревья, Иванъ Ивановичъ сѣть потихоньку отъ жены раздеретъ; дастъ ея знакомая барыня сѣстнаго чего-нибудь, онъ половину нищимъ дорогой раздастъ, а половину птицамъ побросаетъ. Иванъ Ивановичъ такъ и умеръ въ своемъ огородѣ, лежа подъ армухой и глядя на звѣзды: это было его любимымъ времяпровожденіемъ въ лѣтнее время, когда въ комнатѣ становилось темно, и нельзя было иконы писать. Опустѣлъ садъ него огородъ: наставили въ немъ пугаль, опутали кусты сѣтями; и перестали бывать въ немъ прежніе безчисленные крикливые гости его!

Бѣжалъ еще къ тетулкѣ раза два въ годъ ея своякъ. Впрочемъ заѣзжалъ онъ не нарочно къ ней, а по добротѣ отъ своего шурина, жившаго на одномъ дворѣ съ тетулкой. Старикъ онъ былъ богатый, права вспыльчиваго, насмѣшливаго, крутаго, такъ что ужиться ни съ кѣмъ не могъ; пробовалъ онъ служить, но изъ службы всегда выгоняли его за дерзости; женился три раза и каждый разъ развелся; впрочемъ человекъ онъ былъ не злой и даже честный; стѣнать не любилъ и церемонничать не любилъ: всѣхъ моложе себя онъ называлъ уменьшительными именами: Васькой, Митькой, Гришккой. Кого дуракомъ понималъ, тому говорилъ прямо въ глаза: „Ты,

братъ, дуракъ!“ считалъ ли кого подлецомъ, и тому объяснялъ: „Ты, братъ, подлецъ!“ Впрочемъ эти эпитеты онъ употреблялъ иногда и въ ласковомъ тонѣ. Носилъ онъ зеленый козырекъ на глазахъ и чернаго стекла очки, потому что имѣлъ темную воду въ обоихъ глазахъ; почти не выпускалъ трубки изо рта, даже ночью приказывалъ себя будить чтобы затянуться; любилъ лакомиться, и еще любилъ ловить мухъ на окнѣ. Къ тетущкѣ онъ заходилъ минутъ на десять; выпьетъ рюмку водки, затанется трубкой, пуститъ одинъ за другимъ кружковъ двадцать дыма изо рта, справится о сердечныхъ побѣдахъ тетущки, — ей тогда было лѣтъ подь шестьдесятъ, — посоветуетъ ей почаще о грѣхахъ своихъ плакать, потому что это придаетъ интересъ лицу, или собакъ паршивыхъ завести, такъ какъ отъ этого красота ея выиграть можетъ, подзоветъ меня къ себѣ, возьметъ за руку, назоветъ разбойникомъ Митькой, ощупаетъ лицо, скажетъ, что весь въ мошенника отца вышелъ, погладитъ по головѣ, потреплетъ по щекамъ, спроситъ, гоняюсь ли за дѣвками, — мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, — пожелаетъ тетущкѣ успѣха въ сердечныхъ дѣлахъ и уйдетъ. Тетущка хотя и не чувствовала къ нему особеннаго расположенія, но шутками его не обижалась и думала его всегда ласково.

Въ качествѣ племянника, я ѣзжалъ къ дядѣ по большимъ праздникамъ и въ день его ангела съ поздравленіемъ. Онъ мнѣ дѣлалъ такой приемъ: войду я въ его кабинетъ, и такъ какъ дядя былъ сѣпной, то лакей доложитъ ему, что пріѣхалъ такой-то и что онъ здѣсь въ комнатѣ. Выпустивъ трубку изо рта, дядя отплюнется и скажетъ:

— „А... это Митька, ерникъ-то арбатскій!.. Подай его сюда! Здорово, братецъ, здорово!—Возьметъ меня за руку и по щекамъ потреплетъ.“

— Е... дядюшка, тетущка свидѣтельствуетъ почтеніе и поздравляетъ васъ съ праздникомъ, скажу я.

— А? эта юбка-то старая? Все еще цѣла? Все со старниками, небось, вздыхаетъ? А старый колпакъ Петька (его шурина, восьмидесятилѣтній старикъ, разбитый парочкомъ) все еще, попрежнему, потѣшаетъ честной на...? Небось, еще лучше антраша сталъ выкидывать. А ты, мошенникъ, ждешь, небось, не дождешься, когда вздохнетъ старый хрычъ? Однихъ колпачковъ сколько?

Всѣ, небось, тебѣ откажетъ, на поминъ своей провонялой душонки?

Я молчу, а онъ велитъ лакею трубку наложить.

— Чтò жь, шельмецъ, пьешь, что ль, водку? Небось, батька въ наслѣдство-то не хуже своей глотку-то оставилъ. Оттого и въ царство небесное попалъ такъ скоро! Тридцати лѣтъ еще не было, а ужь на какую высоту вознесся,—а? Не то что нашъ братъ—до семидесяти дотянуль, пора бы ужь, кажется, представить, за выслугу лѣтъ; авъ лѣтъ, жди-пожди, пока позовутъ!

Наговорившись, онъ затаенется, такъ что трубка зашипитъ, и выпуститъ дѣловое облако дыма, потомъ велитъ принести лакомства, поподууетъ меня и самъ поѣсть. Я посижу съ четверть часа и подойду прощаться. Онъ оцупаетъ меня; потрещетъ по плечу; пожметъ руку; скажетъ, что я выросъ, что проку изъ меня не будетъ, что рожа у меня разбойничья, и что вся родня моя подлецы; велитъ подоставить мнѣ цѣку, поцѣлуетъ ее, и кликнетъ экономку накласть мнѣ лакомствъ въ узелокъ.

Однажды я прїѣхалъ къ дядѣ на дачу. Погулявъ по рошѣ, я хотѣлъ было ѣхать домой; но пошелъ дождикъ, небо обложилось тучами, и я долженъ былъ остаться ночевать. Мы вмѣстѣ съ старикомъ поужинали, выпили смородиной наливки, съѣли лукошко вшерь и распорочались. Я пошелъ въ спальню и легъ. На новомъ мѣстѣ, по обыкновенію, спится дурно: напрасно я отворилъ окно, натаскалъ сѣна и легъ у самаго окна; стало ужь разсвѣтать, потянуло изъ сада утреннею влагой, проснувшіяся птички чирикали, а я все еще не спалъ. Вдругъ слышу: въ дядиной спальнѣ что то хруститъ. Я подкрался къ двери, приложилъ глазъ къ ключной дырочкѣ и увидалъ слѣдующую картину: дядя, нагишомъ, лежитъ растянувшись на туфякѣ, и вотъ яблоко; съѣвъ его, онъ полѣзъ рукой подъ подушку и вытащилъ грушу; съѣвъ грушу, досталъ изъ-подъ туфяка пару финиковъ и ихъ съѣлъ; потомъ поболталъ между губами языкомъ, зѣвнулъ и захрапѣлъ. Прошло часа два, слышу: дядя плюется. Взглянулъ я въ щелку и увидалъ, что онъ ужь уписываетъ крыжовникъ, а кожицу выплевываетъ; покончивъ съ крыжовникомъ, дядя свистнулъ раза два перепеломъ, перевернулся съ бока на бокъ, потянулся и захрапѣлъ.

Въ восьмомъ часу онъ позвалъ лакея и велѣлъ ему одѣвать

себя, а во время одѣванья происходилъ между ними такой разговоръ:

— А что этотъ разбойникъ Митька, небось, еще дрыхнетъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, они ужь проснулись, отвѣчалъ лакей.

— Какъ же онъ смѣлъ, мошенникъ, прежде дяди? Набей-ка трубку, да вишневки принеси. Да пошли-ка этого шельмеца сюда!

Когда все это было исполнено, я вошелъ къ дядѣ и поздоровался съ нимъ. Онъ погладилъ меня по головѣ и спросилъ, какъ я смѣлъ такъ рано проснуться. Я отвѣчалъ, что спать не хочется.

— Что жь, разбойникъ, продолжалъ онъ, чаю, небось, запросишь? Тетка-то избаловала тебя? Все сухарики да кренделечки? Охотница старая, чтобъ ей костяшки-то цѣловали! Не даромъ странниковъ къ себѣ таскаетъ; благо еще не всѣ деньжонки-то промотала! Какъ на икону молятся на нее, словно къ мощамъ чудотворнымъ прикладываются.

Когда дядя одѣлся, лакей повелъ его въ садъ. Я взялъ его за другую руку. Гуляли мы съ часъ. Онъ то ругался, то говорилъ мнѣ чтобъ я ягоды рвалъ:

— Хоть бы теткѣ-то нарвалъ гостинцу; а то какъ пріѣдешь съ пустыми-то руками, дѣвка съ горя натащитъ странниковъ такую гурьбу, что послѣ персидской ромашкой блохъ-то чихихъ не выморышь!..

Иногда онъ приказывалъ лакею прогнать ворону, каркающую съ дерева, мимо котораго мы проходили; ругался на комаровъ, кусавшихъ его, на песокъ, хрустѣвшій подъ его ногами. Послѣ прогулки, онъ напился со мной чаю, и приказавъ подать завтракъ, подошелъ къ окну и сталъ ловить мухъ: мелкихъ мухъ онъ давилъ, а крупныхъ давалъ мнѣ и говорилъ чтобъ я отвезъ ихъ теткѣ на варенье.

Къ завтраку пріѣхали къ нему гости, его зятя съ семействами. Дядя былъ въ духѣ, смѣялся и насмѣивался. Подали пирогъ съ грибами. Онъ ему не понравился. Не думая долго, онъ плюнулъ на пирогъ и велѣлъ его выбросить. О дядиной привычкѣ плевать на не нравившіяся ему кушанья рассказывали слѣдующее: былъ когда-то парадный обѣдъ у именитаго купца. Гостей было много, въ томъ числѣ и дядя. Во время обѣда все шло благополучно. Дядя хоть иногда

и отпускалъ шуточки, отъ которыхъ красѣли дѣвушки, а дамы показывали видъ будто не слышать ихъ, но вообще онъ велъ себя снисхо. Подаютъ сладкій именинный пирогъ. Дядя беретъ кусокъ, а за кускомъ таяется волось; не вытерпѣвъ дядя, плюнулъ на пирогъ, выкочивъ изъ-за стола, обругавъ повара съ хозяиномъ свиньями и ускоривъ домой.

Послѣ описаннаго мною свиданья, я дяди больше не вижу. Онъ вкорѣ послѣ того померъ, семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, оставивъ завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, отказывалъ тетускѣ дюжину вставныхъ зубовъ, корсетъ и свою слабую собаку съ хромымъ котомъ. А умиралъ онъ такимъ образомъ: призывалъ своихъ дочерей, благословилъ ихъ и не велѣлъ имъ ѣсть сладкаго, потому что отъ сладкаго портится желудокъ и болятъ зубы.

— Да что тутъ толочно-то толочъ! Лучше заснуть на поспадкахъ. До ночи-то, видно, ужъ не дотянешь! Иванъ набей-ка, братецъ, мнѣ на прощаньи трубочку! закаючилъ онъ, взявъ трубку, затянулся раза три, икнулъ и сталъ кончаться.

Старушекъ, бывавшихъ у моей тетуски, было нѣсколько разрядовъ: были старушки, приходившія только по утрамъ съ просвирками и съ поздравленіемъ, были старушки-гостильницы, молчаливыя и только что не глуховѣмыя; были старушки и говорливыя, собственно собесѣдницы.

Изъ поздравительницъ были особенно замѣчательны „Пискулька“ и „Трясучка“. Обѣ онѣ были богатыянки и разговорчивыя. „Трясучкой“ прозвали мы одну изъ нихъ за то, что у ней голова тряслась, а тряслась она у ней отъ того, что владѣтельница ея „по морямъ-окіанамъ въ Соловецкую обитель ѣздила и приключилась съ кораблемъ ихнимъ буря водная и такая буря ужасенная, что весь корабль ихній моремъ поглотило; и наглядѣлись же они, странники Божіи, чудовищъ морскихъ! Ужъ какихъ, какихъ тамъ не было! И двухголовыя и безголовыя, и съ рогами, и съ щитами радужными, и драконье крылатое! Видѣли они и рыбу елифовъ, птицу, у которой вмѣсто глазъ черное поломя горѣло! А на днѣ морскомъ росли свѣчи морскія, жезлы огненные и перья изумрудныя— да и не перечешь всего! А брилліантовъ, да золота, да серебра такъ такъ кучки грядками и лежали, словно ихъ стрѣлою кто вытянулъ! И на третью ужъ сутки разступилась вода и вышелъ

корабль ихъ на свѣтъ Божій, къ самой-то къ Соловецкой обители. А братія вся съ крестами третьи сутки на берегу ихъ ждала, потому тамъ обычай такой: какъ провѣдаетъ братія, что изъ Россіи корабль богомольцевъ везетъ, такъ она и выходитъ вся на берегъ съ крестами странниковъ встрѣчать. И жили они, людя Божіи, въ обители той ровнехонько полгода. И за братскую трапезу ходили, съ нихъ денегъ за то нисколько не взяли и дали имъ на прощаньи по зерну горчичному и по камню самоцвѣтному, и наказали имъ крѣпко-накрѣпко то зерно и камень-самоцвѣтъ бросить на дно морское, въ окіянь-море, въ ту самую минуту, какъ обитель святая изъ глазъ ихнихъ скроется. Вотъ поѣхали странники Божіи опять по бездонному морю-окіяну на возвратъ въ Россію и покорыстовались они: жалко стало имъ не зерна горчичнаго, а камня самоцвѣтнаго, — вѣстимо, бѣсовское обольщеніе прельстило!.. Только вдругъ поднялась такая буря водяная и ураганъ съ вихремъ, что окіянь-море за самую облака заходилъ, и что съ ними было опосля, они ужъ не вспоминаютъ. А какъ проснулись, куда что дѣвалось! Ни моря, ни урагана водянаго нѣтъ, и корабля ихъ нѣтъ; а очутились они на островѣ необитаемомъ, а островъ тотъ былъ въ пять сажень длины и въ пять ширины, круглый какъ столъ или кольцо подвѣнечное, и на немъ все кости человѣческія да адамовы головы разбросаны. И прожили они на острову томъ два дня и два мѣсяца; не ѣли и не пили, все на Божія звѣзды смотрѣли, да на колѣняхъ со слезами молились. И услышалъ Господь молитву ихнюю, послалъ имъ корабль на всѣхъ парусахъ. Съели они на корабль тотъ, и привезъ онъ ихъ въ Россію назадъ, къ самому берегу. И какъ пристали къ русскому берегу, всѣхъ ихъ словно кто по спицѣ палкой ударилъ, и сдѣлался съ ними со всеми съ той поры зудъ въ ногахъ и головная боль-трясучка.“

Трясучка разказывала это приключеніе безчисленное множество разъ и всегда съ вариантами, такъ что выходило въ нѣкоторомъ родѣ совсѣмъ не то что прежде. Тетушка не совсѣмъ-то ей вѣрила, но признаться въ этомъ боялась. Бывало, скажетъ: „Неужели, Матрена Ивановна, и въ самомъ дѣлѣ это было?“ Да сама и испугается своему невѣрью и перекрестится.

Матрена Ивановна до того однажды завралась, что

начала разказывать, какъ она заумирала, и заумирала, ни мало ни много три дня и три мѣсяца; и чего-чего не наглядѣлась она въ это время! Была она и въ обители воздушной, райской; гуляла тамъ по дорожкамъ райскимъ, а дорожки тѣ воробьевскимъ песочкомъ крупичатымъ усыпаны и столбики въ нихъ натыканы съ дощечками для прохожихъ. А какія птицы райскія пѣли, и уму непостижимо! А пѣли онѣ голосами человѣческими, словно по нотамъ, и все псалмы духовные. А цвѣточки цвѣли все живые, улыбались ей, и головками кудрявыми къ себѣ ее, грѣшную рабу, манили! Но все это еще бы ничего; можно бы, пожалуй, еще и повѣрить. Но вотъ добралась Матрена Ивановна до бесѣдочки райской, отворилась въ ней дверцы съ музыкой, вошла Матрена Ивановна въ бесѣдочку и вдругъ, откуда ни возьмись, столикъ передъ ней, на столикѣ салфетка бѣлоснѣжная, а на салфеткѣ ни больше, ни меньше какъ—что бы вы думали? — самоварчикъ золотой!

Для объясненія этой райской странности, нужно сказать, что тетушка на этотъ разъ Матрену Ивановну чаемъ еще не подчивала. Смѣкнувъ къ чему разказъ этотъ клонился, тетушка сейчасъ же велѣла поставить самоваръ; но сама разказица сильно упала въ ея глазахъ, и какъ потомъ Матрена Ивановна ни старалась поправиться, какіе чудесные разказы ни заводила — тетушка ее ужъ не слушала и даже избѣгала говорить съ нею, боясь грѣха осужденія.

Вторая поздравительница тетушки называлась Пискулькой, потому что имѣла пискливый голосокъ, точно воробей пищала. Хотя она тоже была богадѣленка, но не обладала такимъ пылкимъ воображеніемъ, какъ Матрена Ивановна. Она была болѣе практическаго направленія и шла къ цѣли ближе чѣмъ Трясучка. Имѣла она самый горемычный видъ, покрывалась тряпьемъ и говорила самыя жалостныя слова: то у ней богадѣленки, платье украли, то деньги. „Да добро бы ужъ свои, такъ не бѣда; а то чужіе, матушка!“ хныкала она. То поговѣтъ ей захочется, да не знаетъ, ужъ говѣтъ ли ей. „Душу-то ей все лукавый мутитъ, и диви бы чѣмъ-большимъ, а то всего-то платочка шейнаго для причастнаго дня вѣтъ! Думаю ужъ, не отложить ли, матушка?“ объясняла она тетушкѣ, и тетушка, нечего дѣлать, давала ей платокъ шейный; не врага же, въ самомъ-дѣлѣ, изъ такой драги

потѣшать! То архангелъ съ огненнымъ мечомъ являлся ей во снѣ и приказывалъ свѣчу полтинничную передъ своею иконою поставить, а если не поставитъ, такъ смертію погибнетъ; и тетушка хоть не совсѣмъ вѣрила ея оновидѣнію, но все-таки страшилась быть виновницей ея погибели смертной, и давала ей полтинникъ на свѣчу. Разказывала Пискулька и о томъ притчу, какъ купецъ молодой на ярмарку ѣздилъ торговать: сначала торговалъ онъ хорошо, а потомъ словно что нашло, годъ отъ году хуже да хуже, просто хоть банкротомъ себя объявляй. Лежить однажды купецъ злосчастный въ ночное время на ложѣ своемъ и горькую думу онъ думаетъ: откуда съ нимъ такое горе злое приключилось и кто напустилъ на него и за что? Вдругъ свѣтъ по комнатѣ, яко отъ молніи, и предсталъ предъ нимъ старецъ сѣдовласый съ каюкой въ рукѣ, и велѣлъ тотъ старецъ какъ можно скорѣй свезти бѣднымъ три воза манныхъ крупъ и калачей крупчатыхъ. Обрадовался купецъ видѣнію, чуть свѣтъ бросился на рынокъ, накупилъ калачей и крупъ манныхъ и отвезъ все въ богадѣльню; и сталъ купецъ торговать съ тѣхъ поръ такъ, что всѣхъ сосѣдей своихъ въ конецъ раззорилъ. „Сама, матушка моя, собственными ушами слышала отъ купца. Коль не вѣришь, спроси его, онъ не далече отсюда живетъ;“ и Пискулька называла адресъ и фамилію счастливаго купца, и конечно все врала. Но тетушка не вѣритъ ей окончательно не рѣшалась, потому что, Господь ее знаетъ, можетъ врать, а можетъ и не врать.

Другой разрядъ старушекъ составляли молчаливыя гостильщицы. Принимала ихъ тетушка потому же, почему висѣли у ней на окнахъ клѣтки съ старенькими канарейками, уже давнымъ-давно потерявшими отъ старости голосъ и сидѣвшими по цѣлымъ днямъ неподвижно на жердочкѣ, спрятавъ носикъ подъ крылышко или уткнувъ его въ клѣточную стѣнку; то-есть, потому что тѣ и другія были Божія созданія, живыя, да еще и старенькія. Одно изъ такихъ живыхъ, хотя почти безмолвныхъ созданій, называлось Катериной Петровной или Катенькой. Катенька была преглаупенькая, препослушная, безропотная, беззубая и потому вѣчно улыбававшаяся, и для чего-то на одну ногу подпрыгивавшая. Она почти постоянно жила у тетушки, дѣла никакаго не дѣлала, а если что и дѣлала, то послѣ нея вдвое дольше нужно было передѣлывать: или разобьетъ, или прольетъ, или уронитъ, или зацѣпитъ за

что-нибудь, а потому ей формально запрещено было прикасаться къ чему бы то ни было. Но такъ какъ приказанія этого нельзя было въ точности исполнить, потому что Катенька все-таки была физическое тѣло, то она безпрерывно подвергалась нареканію отъ тетушки и брани отъ присауга. Выговоры выслушивала Катенька безропотно, съ полнымъ сознаниемъ своей вины, и отвѣчала только: „Виновата-сь, Анна Ивановна!“ или: „Слушаю-сь, Анна Ивановна!“ или: „Какъ вамъ угодно!“ Днемъ вязала она чулокъ у окна, и вязала его обыкновенно по полугоду, но все-таки не кончала, и еслибы двадцать лѣтъ его вязала, то и тогда-бы не связала: то петлю спустить, то иглу выронить, то клубокъ на уаицу уронить, то кошка его утащить. Пойдетъ она клубокъ искать, чулокъ потерять; чулокъ найдетъ, очки пропадутъ; очки найдетъ, иглу выдернетъ. Чулокъ ея, послѣ трехъ, четырехмѣсячнаго вязанія, принималъ такую грязную наружность, что гадко было смотрѣть на него: точно цѣлый годъ его съ ноги не снимали.

„Какъ вамъ не стыдно, Катерина Петровна, такую гадость въ рукахъ держать!“ скажетъ ей тетушка, возьметъ у ней изъ рукъ чулокъ и дастъ ей клубокъ свѣжихъ нитокъ; а Катерина Петровна не разсердится, съ покорностью отдастъ чулокъ, съ покорностью возьметъ новый клубокъ нитокъ, скажетъ: „Какъ вамъ угодно-сь, Анна Ивановна!“ помякаетъ табакъ, накинеть петлю на спицу и заковыряетъ новый чулокъ, и будетъ ковырять его до тѣхъ поръ, пока не станетъ онъ грязнѣй половика и не отниметъ его тетушка и не дастъ ей свѣжаго клубка нитокъ. Въ такихъ занятіяхъ проходилъ день у ней. Вечеромъ она удалялась въ темную комнату, садилась къ окну и смотрѣла по цѣлымъ часамъ то въ окно, когда въ него ни зги не видать, то на кота, обыкновенно садившагося противъ нея на кресло. Для чего она смотрѣла въ окно и о чемъ думала, я не знаю. Впрочемъ, едва ли она думала, а такъ себѣ сидѣла: кресло было мягкое, комната теплая, сама она накормлена, напоена, чего же больше?

— Что вы въ окнѣ видите, Катерина Петровна?... спрашивала ее тетушка.

— Ничего-сь! отвѣчала она.

— Зачѣмъ же вы смотрите, когда ничего не видите?

— Такъ-сь. Смотрю-сь.

— Да вы бы лучше къ намъ подѣли, къ огню-то; все бы веселѣй вамъ было.

— Какъ вамъ угодно-сь, Анна Ивановна! отвѣтитъ Катенька, сядетъ къ огню и сидитъ такъ, сложа руки.

— Чтò жь вы ничѣмъ не занимаетесь? Хоть бы чулокъ вя-зали, а то хоть бы голову причесали,—все жь занятіе!...

— Не хочется-сь, Анна Ивановна! отвѣтитъ Катенька и захихикаетъ своей острогъ, да такъ, что даже кашель съ ней одѣлается.

— Вотъ видите, вамъ не велѣли смѣяться, а вы все по своему! Экой неслухъ какой! пожуричь ее тетушка, а Катенькѣ сдѣлается еще смѣшнѣй, такъ смѣшно, что слезы потекутъ изъ глазъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, утерпѣть, не засмѣяться? Она, образецъ кротости и послушанія, вдругъ сдѣлалась неслухомъ! Вѣдь это хоть кого разсмѣшитъ!

Ходила Катенька ежедневно съ тетушкой въ церковь и хоть была отъ природы туга на ухо, но постаралась сдѣлать уши свои еще болѣе бесполезными, затыкая ихъ хлопчатой бумагой и завязывая крѣпко-на-крѣпко головную косынкой. Когда же ее спрашивали, зачѣмъ она законопачиваетъ себѣ такимъ образомъ уши, Катенька отвѣчала:

— Да какъ же-сь.... я вѣдь вдова; а вдовѣ ходить съ откры-тыми ушами грѣхъ, самъ Богъ указалъ на то!

— Гдѣ же объ этомъ Богъ указалъ? спрашивали ее.

— Не знаю-сь, отвѣтитъ Катенька.

— Чтò же вы знаете?

— Ничего-сь.

— Ужь и ничего?! Вотъ грѣхъ-то чтò, такъ знаете, небось!

Вмѣсто отвѣта Катенька захихикаетъ и закашляется и даже въ снѣи иногда выйдетъ, и тамъ все всхлипываетъ отъ смѣха. Бывало, за обѣдомъ, тетушка ее спроситъ:

— Чего вы хотите, Катерина Петровна, щей или похлебки?

— Чтò вамъ угодно-сь, Анна Ивановна, отвѣтитъ Катенька.

— Да чтò лучше любите?

— Все равно-сь.

— Не можетъ быть, чтобы все равно.... Чтò-нибудь да лучше любите?

— Щи люблю-сь.

— А похлебки не любите?

— Нѣтъ-съ, и похлебку люблю.

— Да что жь лучше? подтруниваетъ тетушка, а Катенька ужь и захихикаетъ, потому вопросъ-то такой мудреный. Вотъ еслибы спросили у ней, была ли она замужемъ, или который часъ, тутъ задумываться не о чемъ.

— Въ ваши лѣта, Катерина Петровна, говорятъ ей тетушка, будто разсердившись,—кажется, не прилично такъ вести себя за столомъ! Вы бы младшимъ должны пригѣвъ подавать, а вы сами хохочете какъ сумашедшая! А еще изъ духовнаго званія! (Катенька была пономариха).

Этотъ попрекъ духовнымъ званіемъ, производилъ на нее такой смѣшливый припадокъ, что у ней отъ всхлипыванья слезы такъ градомъ и лились изъ глазъ.

— Я щей налью вамъ, Катерина Петровна, скажетъ тетушка, и нальетъ ей щей.

— Что нальете, то и буду ѣсть-съ, отвѣтитъ Катенька, утирая слезы.

— Зачѣмъ же лгать? Вѣдь помой не будете ѣсть?

— Какъ же можно помой-съ? Помой одаѣ безсловесная ѣдятъ-съ!

— Да, вѣдь, вы сами сказали, что все будете ѣсть, или не говорили этого? Отъ своихъ словъ отпираться хотите? Вишь, хитрая старушка какая!

И Катенька опять разхихикается до слезъ отъ удовольствія, что ее назвали хитрою старушкой; но все-таки не скажетъ, что она лучше любить, щи или похлебку.

Кромѣ Катеньки, гащивала у тетушки Марѳа Ивановна. Принадлежала она больше къ молчаливымъ чѣмъ къ собесѣдницамъ. Прежде всего, впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что Марѳа Ивановна приходилась тетушкѣ мачихой. Дѣдушка мой былъ богатый купецъ, но фамиліи Веневцевъ; Марѳу Ивановну взялъ онъ за красоту и безъ приданого; но передъ смертію имѣлъ несчастіе обанкрутиться: у Марѳы Ивановны хоть и остались послѣ него деньжонки, но она связалась съ какимъ-то мошенникомъ, странчимъ. Тотъ втянулъ ее въ процессы, деньги обобралъ, процессы проигралъ, и осталась Марѳа Ивановна безъ копѣйки, а потому она была характера озлобленнаго, особенно противъ Веневцевыхъ. Тетушка звала было ее жить къ себѣ; но она скорѣе рѣшилась уйти въ богадѣльню чѣмъ одолажаться Веневцами.

— так звала она потомство моего дѣда. Марѳа Ивановна всѣмъ говорила: ты, и съ тетушкой держала себя такъ, какъ будто дѣлала ей большое одолженіе тѣмъ что гостить у ней, а гостила она почти безвыходно круглый годъ, потому что въ богадѣльнѣ, кромѣ дровъ, ничего не давали. Марѳа Ивановна, въ сознаниіи своего прежняго положенія, позволяла себѣ иногда даже грубыя выходки противъ тетушки, но та, изъ уваженія къ ея старости, несчастію и родственнымъ связямъ, не только прощала ей, но и обходилась съ ней ласково и почтительно.

Не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ и глазъ съ бѣльмомъ, Марѳа Ивановна считала себя красивою женщиной; смотрѣлась безпрестанно въ зеркало; натурала себѣ щеки свеклой, вмѣсто румянъ, и сурмила саломъ съ сажей брови; для этого она носила въ ридикюль винтовой ключъ, который коптла на свѣчкѣ, и копоть растирала свѣчнымъ саломъ, дѣлая это, разувается, ночью. Для приданія себѣ большей прелести, она выходила иногда при гостяхъ на босу ногу, носила платье съ открытымъ лифомъ, чуть не *decolté*; прятала подъ тюлевой чепецъ свои сѣдые волосы; сердилась, когда дякомъ святою водою ей въ лицо кропилъ; носила супирь на лѣвомъ мизинцѣ; гадала то и дѣло на бубновомъ королѣ и пила декоктъ отъ старости. Однажды тетушка вздумала было наемкнуть ей, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что неприлично въ ея лѣта кокетничать, что надъ ней только смѣются всѣ. Марѳа Ивановна въ такой азартъ вошла, что чашку кулакомъ въ дребезги разбила, прокляла всю Венециану до послѣдняго колѣна, хлопнула дверью со всего размаха, ушла въ богадѣльню, и только два дня спустя пришла опять къ тетушкѣ гостить.

Въ нѣкоторыя минуты къ Марѳѣ Ивановнѣ невозможно было отнестись ни съ какимъ словомъ. Сидитъ, бывало, за чулкомъ въ углу, шепчетъ что-то такое сама съ собой, подмигиваетъ кому-то, улыбается коварнѣйшею улыбкой, да вдругъ плюнетъ и ногой разотретъ.

— На кого это вы разсердились, Марѳа Ивановна? спросить ее тетушка.

— А тебѣ пола, что ль, жаль? Не безпокойся, свѣтъ, сама помъ твой утру; не привыкать стать, при отцѣ твоємъ еще помомойкой была! Вотъ до чего дожила! И плевать-то ужъ не

велятъ! Ай да Веневица! Ай да Веневица! заключить она съ скрежетомъ зубовъ и харкнетъ еще громче.

— Плюйте, сколько вамъ угодно. Я не поль жалѣю; а васъ Мнѣ показалось, что вы разсердились на что-то

— Да что ты духовникъ, что ли, мой? Исповѣдываться, чтоль, я пришла къ тебѣ? Коли хлѣба жалко, такъ хоть сейчасъ уйду. Слава Богу, есть еще свой уголъ; и безъ Веневицны съ голоду не умру!

На такого рода выходку тетушка однажды имѣла неосторожность отвѣчать такимъ образомъ: „Мнѣ не жалко для васъ хлѣба. Живите, сколько хотите, мѣсто для васъ найдется!“ Господи! какъ поднялась Марѣя Ивановна. „Живите!... воскликнула она,—да съ чего ты взяла что я живу у тебя? Стула этого, что ли, жаль стало? Комкино мѣсто заняла?“ И пошла, и пошла! И живыхъ, и мертвыхъ по косточкѣ разобрала. И мужа-то своего обругала, и мать-то свою, зачѣмъ отдала ее замужъ за лысаго старика съ грыжей, и всю родню-то свою Веневскую, не исключаая пятимѣсячнаго ребенка, которымъ была тяжела дѣдушкина внучка. А тетушка только вздыхала да головой покачивала. Ругалась, ругалась Марѣя Ивановна, все мало: поймала муху, да ногтемъ и придавила ее къ столу: „вотъ, молъ, что мнѣ твоя Веневица! На, молъ, тебѣ!“ хлопнула дверью и ушла въ другую комнату.

Замѣчательна была Марѣя Ивановна еще тѣмъ, что ненавидѣла, кромѣ Веневскаго поколѣнія, всѣхъ стариковъ и старухъ на свѣтѣ. Сергѣя Николаевича называла просвирней толстопузою, сѣдою крысой, поповскою кулебякой; Ивана Ивановича—угодникомъ лысымъ, угольщикомъ, за то что кидала въ церкви раздуваль, стручкомъ перечнымъ. А старухъ, ходившихъ къ тетушкѣ, рѣшительно видѣть не могла. Бывало, пьетъ чай Марѣя Ивановна, взойдетъ старушка съ просвирой—Марѣя Ивановна и чая не допьетъ, плюнетъ, схватитъ ридикюль и уйдетъ въ другую комнату и ни за что не войдетъ въ ту комнату, гдѣ старуха сидитъ, а Катерину Петровну называла она въ глаза дурицей, беззубою пономарихой, и еще хуже, такъ что и сказать неловко.

Между старушками-собесѣдницами и ночевальницами особенно славилась цирюльникова вдова, Анна Яковлевна. Она разказывала о томъ, какъ въ прежнее, счастливое время

дамы носили платья съ фижмами и мушки налѣпляли къ лицу; башмачки же были атласной матеріи свѣтлыхъ цвѣтовъ, а волосы пудрили, не то что теперь, и смотрѣть не на что!... Передъ баломъ дамы по два дня не ѣли ничего кромѣ бѣлаго хлѣба, и не пили ничего кромѣ уксуса, для того чтобы придать интересъ лицу и чтобы обморока на балу не сдѣлалось и платью не лопнуло, потому что платья тогда шили очень узкія; танцы же были въ старину такіе мудреные, что по цѣлому году учились одному танцу, и то не всѣ выучивались, не такъ какъ нынче, взглянулъ разъ да и танцуй; оттого и танцы теперь падаютъ въ хорошихъ домахъ, потому что танцовать умѣть всякій. Жили же тогда гораздо веселѣй и роскошнѣе. Кавалеры ходили съ косичками и съ пріятною припрыжкой; съ дамами говорили все улыбаясь, и были гораздо любезнѣе и занимательнѣе нынѣшнихъ кавалеровъ, такъ что если случится дамѣ на балу бантикъ съ башмачка потерять, то кавалеръ бантикъ тотъ прищипливалъ къ своему камзолу противъ самаго сердца и такъ съ этимъ бантикомъ и танцевалъ, на что дама потерявшая бантикъ улыбалась, и тѣмъ давала знать кавалеру, что онъ ей очень нравился. Показывали дамы и другими способами свою благосклонность къ кавалерамъ: терли переносицу или завязывали узелокъ на носовомъ платочкѣ, глядя на кавалера, а осчастливленный кавалеръ это ужъ понималъ и прикладывалъ руку къ сердцу или конфету къ губамъ, смотря на даму томными взорами и склонивъ голову на бокъ. Кромѣ этихъ свѣтскихъ разказовъ, Анна Яковлевна любила предаваться и духовнымъ бесѣдамъ, и врядъ ли не была въ нихъ еще сильнѣе: по самой натурѣ своей, она была женщина строгаго, религіознаго настроенія, прочитавшая не только Библію, но и Четыи-минеи, очень памятливая, злая, кривая, ходившая всегда въ черномъ, ничего не ѣвшая по середамъ и пятницамъ и въ теченіи всего великаго поста пребывавшая на сухояденіи, пившая чай безъ сахару, выскабливавшая варенье изъ сладкаго пирога и считавшая за смертный грѣхъ макать въ солонку, смотрѣться въ зеркало и чесать волосы на головѣ. Состязаться съ ней было не легко: самого архіерея напусти на нее, такъ и то не ударила бы себя въ грязь лицомъ. Спорить она особенно любила съ молодыми людьми, и если они ужъ больно напирала на нее, тексты ея разбивали текстами же, силлогизмы ея ломали силлогизмами и доводили ее до необходимости покориться,

Анна Яковлевна и тутъ не сдавалась: вскакивала со стула и стуча кулакомъ объ столъ, кричала:

— Быть вамъ, книжницы и фарисеи, въ гееннѣ огненной, уготованной діаволамъ и псамъ его! Заскрежете тамъ зубами, какъ черти-то васъ на сковородѣ въ печь посадятъ, да смолы въ сковороду-то подольютъ! говорила она и уходила изъ комнаты.

— Анна Яковлевна, что жь вы ушли? Зачѣмъ же сердиться-то? Вѣдь, мы не сердимся же, когда вы насъ переспориваете! Поговоримте! говорилъ кто-нибудь изъ насъ.

— Нечего мнѣ съ вами толковать! Камни камнями и останутся! отвѣчала она изъ другой комнаты, а самой смерть хочется переспорить; и спицы-то у ней изъ чулка вываливаются, и кошка-то ей мѣшаетъ, и стулъ-то скрипитъ.

— Да полно вамъ, Анна Яковлевна, мозоли-то натирать! Лучше поговоримте, благо разговорились. Вотъ тетушка говоритъ, что маковое масло грѣшнѣ коноплянаго... Какъ вы думаете?

Не утерпѣвъ Анна Яковлевна и воидеть опять въ нашу комнату подѣ предлогомъ чулочную спицу перемѣнить, а у самой глаза такъ и сверкають.

— Такъ какъ же, Анна Яковлевна, вы думаете? Неужели въ маковомъ маслѣ больше грѣха заключено, чѣмъ въ конопляномъ? Да и есть ли еще грѣхъ-то въ маслѣ? Гдѣ объ этомъ сказано?—И снова завяжется у насъ споръ. Забудетъ Анна Яковлевна про спицу чулочную, и чулокъ свой броситъ на столъ, щеки у ней разгорятся, въ глазахъ огонь, косынка на затылокъ съѣдетъ.

Предметы споровъ были различные: попадетъ ли, напримѣръ, Французъ въ рай или нѣтъ? Анна Яковлевна была того мнѣнія, что не видать ему рая, какъ ушей своихъ; потому что Французъ проклятъ и въ гробахъ не гниеть, оттого и земля у нихъ дорога и хлѣбъ не родится, а проклятъ онъ, потому что король французскій, Гендрихъ злочестивый, кровью своего сына причастился. Или могутъ ли князья и графы греческой вѣры быть святыми? Анна Яковлевна была убѣждена, что князья, а, пожалуй, еще и генералы полковые могутъ быть святыми; но что графы и бароны, хотя бъ и русскаго подданства и даже греческой вѣры, святыми быть не могутъ, потому что графы происходятъ отъ грифовъ, а грифы были птицы съ человѣческою душой, питавшіяся костями мучениковъ,—давно.

ужь это было, когда еще семь цѣломудренныхъ дѣвъ домогвомъ управляли,—а баронамъ нельзя святыми быть, потому что они съ кровожаднымъ царемъ Фараономъ мучителемъ въ родствѣ состоятъ. Спорилось также о томъ, какъ слѣдуетъ спать: тыломъ къ верху или тыломъ къ низу? Анна Яковлевна была увѣрена, что слѣдуетъ тыломъ къ низу, а что тыломъ къ верху спать преступленіе и одною степенью только ниже грѣха богохульства, и въ доказательство этого приводила въ примѣръ пономаря, осмѣлившагося нечаянно, во время разговора съ архіереемъ, обернуться къ нему задомъ и за то отданнаго въ солдаты. Были и такіе споры: грѣшно ли въ зеркало смотрѣться? Анна Яковлевна говорила что грѣшно, потому что въ зеркалѣ представляются намъ двойники наши, то-есть, нечистые, и что если поклонится человѣкъ двойнику своему въ часъ полночный на годовою праздникъ, то человѣкъ тотъ запоетъ, а дѣти у него будутъ золотушныя. Сердилась Анна Яковлевна на тетушку жестоко, за то что у ней были ломберные часы, которые Геркулесъ на головѣ держалъ. Такъ какъ часы эти были маленькіе и стояли низко, то мы, чтобы посмотрѣть который часъ, нагибались, а нагибаться значить кланяться; Геркулесъ же былъ истуканъ; значить, мы кланялись истукану, идолу, и поэтому были идолопоклонники.

Анна Яковлевна, дѣйствительно, въ глубинѣ души своей, негодовала на такое посрамленіе вѣры христіанской и даже грозилась пожаловаться архіерею на тетушку.

Противиться и не уступить Аннѣ Яковлевнѣ въ цѣломъ домѣ могла одна только Марѣа Ивановна. Обѣ онѣ терпѣть не могли другъ друга, и не только что никогда не разговаривали между собой, но даже отвертывались одна отъ другой. Если нужно войдти Марѣѣ Ивановнѣ въ ту комнату, гдѣ сидитъ Анна Яковлевна, то Анна Яковлевна уйдетъ изъ комнаты; если же Аннѣ Яковлевнѣ понадобится войдти въ комнату, гдѣ сидитъ Марѣа Ивановна, то Марѣа Ивановна уйдетъ изъ комнаты. Если захочется Марѣѣ Ивановнѣ квасу напиться, а изъ кваснаго стакана пила передъ ней Анна Яковлевна, то стаканъ тотъ Марѣа Ивановна сперва выполощетъ чисто-на-чисто, перекреститъ три раза, да потомъ ужь налить въ него квасъ. Также поступала и Анна Яковлевна съ кваснымъ стаканомъ, если пила изъ него передъ ней Марѣа Ивановна. Если Анна Яковлевна разговариваетъ, то Марѣа

Ивановна въ другой комнатѣ фыркнувъ, плюется или кривитъ дернеть за хвостъ, чтобы та запищала; а если Марѳа Ивановна станетъ ругать Венещину, то Анна Яковлевна хлопнетъ дверью хлопнетъ и наперстокъ застучитъ объ столъ. Если Анна Яковлевна пойдетъ въ свой приходъ, то Марѳа Ивановна въ чужой приходъ. Если Марѳа Ивановна станетъ встать передъ обѣдомъ Ѳедору Студиту, то Анна Яковлевна не пойдетъ Ѳедору Студиту ни за что въ свѣтъ молиться не станетъ, а станетъ молиться Древу Честному, и наоборотъ. Если Анна Яковлевна засмѣется, то Марѳа Ивановна изъ другой комнаты назоветъ ее душой и двинетъ стуломъ, такъ что даже старенькая канарейка проснется и пискнетъ съ испуга; а если Марѳа Ивановна злобно захохочетъ надъ Венещиной, то Анна Яковлевна спрыгнетъ со стула, вбѣжитъ въ ту комнату гдѣ сидитъ ненавистный ей врагъ, попроситъ у тетюшки табаку нюхальнаго, хотя въ другихъ случаяхъ она табаку никогда не нюхала, и чихнетъ нѣсколько разъ. Если Анна Яковлевна прощается съ тетюшкой, то Марѳа Ивановна скажетъ мнѣ: „Скажи ентои чертовкѣ косоглазой, что подола всѣ ужь обила, по чужимъ дворамъ таскайся!“ А если Марѳа Ивановна шла прощаться, то Анна Яковлевна садилась въ передней на залавкѣ и ждала, пока Марѳа Ивановна мимо ея пройдетъ, и когда та проходила мимо ея, то Анна Яковлевна повертывалась къ ней спиной и плевала ей въ слѣдъ, на что Марѳа Ивановна отвѣчала ей тѣмъ же, да еще слюни ногой растирала.

Жиль я не мало на свѣтъ, видалъ не мало враговъ смертельныхъ; но такихъ враговъ, какъ эти старушки, я не встрѣчалъ. Я увѣренъ, что каждая изъ нихъ, ни на минуту не задумавшись, согласилась бы идти на самое дно адское, въ таръ-тарары, какъ говорила Марѳа Ивановна, чтобы только поохотатъ надъ кривляньями своего истязуемаго врага. Тетюшка видѣла все это, конечно, и сокрушалась духомъ. Вздохнетъ, бывало, покачаетъ головой и скажетъ: „Охъ, Господи помилуй насъ! Грѣхи наши грѣшныя!“

Вражда между этими старушками принимала иногда почти опасный характеръ: разказывала однажды Анна Яковлевна про муки адскія, кому какіа муки назначены. Дошла очередь до блудницъ кровоточивыхъ. Стала описывать она, какъ блудницъ, разбѣленныхъ, разрумяненныхъ, съ насурмленными бровями, съ открытыми грудями

дасть чашею вина въ рукѣ, будетъ возить по тар-тару змій седмиглавыи, съ огненными языками и съ раскаленными, шипящими крыльями; а въ блудницу ту черти будутъ вилами пихать, и горячею смолой поливать. Все это еще бы ничего; но угораздило другую старушку спросить у Анны Яковлевны: „Неужели румяниться и сурмить брови такой грѣхъ большой?“ Анна Яковлевна обрадовалась случаю уязвить Марее Ивановну; а случай былъ хорошій: тетушки не было дома, а Марее Ивановна сидѣла въ другой комнатѣ и все слышала.

— Такой грѣхъ, отвѣтила Анна Яковлевна громче прежняго, злобно посматривая въ отворенную дверь, — что живи этотъ человекъ тысячу лѣтъ и каждый день клади по тысячѣ поклоновъ, и то не замолишь грѣха сего содомскаго; особливо коль румянится и сурмится старуха, да еще въ богоугодномъ домѣ живетъ, на милостыню румяны покупаетъ!

О, боги! Какою яростью способна иногда заклокотать седемидесятилѣтняя грудь старушки! Откуда сила берется въ дряхломъ тѣлѣ! Услыхавъ злую насмѣшку, Марее Ивановна затряслась вмѣстѣ со стуломъ, бросилась потомъ на свою злодѣйку, поблѣднѣла, — куда и свекольный румянецъ дѣвался, — сверкнула глазомъ съ бѣльмомъ, налившимся кровью, сжала кулаки и прошипѣла только:

— А ты кто?

О, въ эту минуту сама фуриа была не страшнѣй Марее Ивановны!

Анна Яковлевна хоть бы слово пикнула! Только отодвинулась подальше.

— Ты кто, чертовка косоглазая? прошипѣла вторично Марее Ивановна и еще ближе подступила къ Аннѣ Яковлевнѣ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это, еслибъ въ эту самую минуту не отворилась дверь изъ передней и не вошла тетушка со странникомъ.

Въ заключеніе разкажу про незлобивую, кроткую и шутивую старушку Анну Семеновну. Была она дѣвушка и ходила простоволосая, потому что дѣвушкамъ такъ опредѣлено ходить простоволосыми и только этимъ онѣ будутъ отличаться отъ женщинъ на страшномъ судѣ. Анна Семеновна кошкекъ называла злодѣями, носила вату въ ушахъ отъ вѣтру, и даже спала съ ватой, потому что была очень мнительнаго характера; пришенетывала, на чтѣ очень сердилась; стряпала

отлично слоеные сладкіе пироги, для чего тегушка шала ее нарочно; была большая постница и рукодѣлщица шелкомъ пуговики обшивала; носила деньги въ мѣшечкѣ шейномъ снуркѣ, а на платкѣ носовомъ завязывала по четыре узелка, и въ каждомъ узелкѣ было завязано по одной соблазнительной мысли, которая потомъ по утрамъ, как только съ постели вставала, и сжигала она на огнѣ, то-есть, вытряхивала ихъ въ печку во время тонки. Впрочемъ разговаривать она была небольшая мастерица и только когда была въ духѣ, то-есть, когда въ комнатѣ была духота нестерпимая и слоеный пирогъ ей удавался. Разказывала она больше о двухъ предметахъ: о своихъ сердечныхъ побѣдахъ и о хлыстовской вѣрѣ. Жениховъ было у ней множество, отбоя отъ нихъ не было; потому что въ молодости была она хороша собой и умѣла нравиться; но по своей разборчивости осталась въ дѣвушкахъ, за чтѣ и благодарить Господа Бога, потому что дѣвушки Ему угоднѣй чѣмъ женщины. Ухаживалъ за ней между прочимъ и молодой прикащикъ дѣдушкинъ, угощалъ онъ ее пряниками и шепталой и на гитарѣ игралъ ей забавныя пѣсни, а она за уши его драла и по щекамъ била, то-есть, ласкала его. Прикащикъ этотъ ей нравился и назначень былъ ужъ сговоръ; какъ на бѣду повадился онъ очень часто цѣловаться съ ней, и замѣтила она что у него зуба кореннаго нѣтъ. Какъ увидала она это, такъ ей словно подъ ложечкой чтѣ кольнуло, и почувствовала она съ той минуты къ нему холодность; потому: какой же онъ женихъ, когда у него зуба кореннаго нѣтъ? Такъ и разошлось дѣло. О хлыстовской вѣрѣ она знала, потому что прежде жила у хлыстовки. Разказывала она о хлыстовщинѣ страхи большіе. Соберутся хлысты въ моленную баню, запрутъ всѣ ставни, приставятъ караульныхъ къ баннѣмъ дверямъ и къ воротамъ, надыматъ баню можжевельникомъ густо-на-густо, потомъ мушкетеры и женщины, раздѣвшись, начнутъ бѣгать кругомъ чана, хлыща другъ друга прутьями до крови, а сами причитаютъ: „хлыщу, хлыщу, Христа ищутъ!“ и кружатся они такимъ манеромъ до той поры, когда въ глазахъ потемнѣетъ; тогда запищатъ крысы въ подпольѣ, а изъ чана дьявола попретъ, и какъ выпретъ его во весь ростъ, рыгнетъ онъ, подыметъ хвостъ и почнетъ хлыстовщинѣ деньги метать, а хлыстовщина въ благодарность за это прикладываетъ къ нему.

Старички и старушки ужь умерли, и опустѣла тетушкина комната. Не кипятъ больше лютыя страсти въ озлобленныхъ сердцахъ Марѣы Ивановны и Анны Яковлевны; не бурлитъ самоваръ такъ забіячливо, какъ въ прежнее время, когда около него старички и старушки изъ блюдечекъ чай похлебывали, изюмцемъ прикусывали и душеспасительныя бесѣды вели; нѣтъ и ката, такъ любившаго смотрѣть на Катерину Петровну; и канареекъ старенькихъ нѣтъ, сидѣвшихъ безмолвно на жердочкѣ, уткнувъ носикъ въ кѣвочную стѣнку и прислушивавшихся къ старушечьимъ разказамъ. Котъ пропалъ безъ вѣсти; канарейки схоронены въ стѣнныхъ ящичкахъ отъ сардинокъ въ палисадникѣ; а ученые и неученые, задорные и смиренныя, хитрые и простоватыя, благочестивые и неблагочестивые старички и старушки разложены теперь по могилкамъ на разныхъ кладбищахъ, и долго ли пролежатъ они тамъ, даже сама ученая Анна Яковлевна не въ силахъ была бы предсказать того.

Г. ЛОСЕВЪ.

* * *

Съ какой я нѣгою желанья
Одной звѣзды искалъ въ ночи,
Какъ я любилъ ея мерцанье,
Ея алмазные лучи.

Хоть на зарѣ, хотя мгновенно,
Средь избѣжавшихъ тучъ видна,
Она такъ ясно, такъ нетлѣнно—
На небѣ теплилась одна.

Любовь, участіе, забота,
Какъ сны неслись къ душѣ моей,
Въ степи, съ рѣчнаго поворота,
Съ ночнаго зеркала морей.

Но столько думы молчаливой
Не шлетъ мнѣ лучъ ея нигдѣ,
Какъ у корней плакучей ивы
Въ твоемъ саду, въ твоемъ прудѣ.

А. ФЕТЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

С. Н. ГЛИНКИ¹

I.

Отъ театра перешелъ я, 1795 года, въ міръ московской словесности. Я. Е. Шушеринъ² познакомилъ меня съ поэтомъ Шатровымъ³. Шатровъ поступилъ на поприще стихотворства изъ такой же хижины, какъ и Ломоносовъ. Съ того времени рѣемы часть отъ часу болѣе распространялись и наконецъ надобѣли. Но въ то время и четыре ловкіе стиха могли доставить извѣстность. Шатровъ почиталъ своимъ наставникомъ Н. П. Николева⁴ и былъ постояннымъ его вожатымъ; ему предсказывали, что отъ этого и его глаза пострадаютъ

¹ Извѣстный патриотъ и безкорыстѣйшій человекъ, Сергій Николаевичъ Глинка, умершій въ 1847 году, оставилъ послѣ себя любопытныя записки, изъ которыхъ отрывокъ доставленъ редакціи *Русскаго Вѣстника* сыномъ покойнаго писателя. Авторъ писалъ ихъ, повидимому, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, по однимъ воспоминаніямъ. Поэтому въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя неточности и недоразумѣнія. Они указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, составленныхъ М. Н. Логиковымъ, вмѣстѣ съ другими объяснительными замѣтками. *Ред.*

² Род. 1754, ум. 1812. См. о немъ *Воспоминанія* С. Т. Аксакова.

³ Род. 1765, ум. 1832. См. тамъ же.

⁴ Род. 1758, ум. 1816. См. тамъ же.

(что и сбылось), но онъ не измѣнилъ своему усердью. Одна засталъ я Шатрова у камина; съ досадою рвалъ онъ какъ то тетрадь, и бросалъ доскутки въ огонь.

— Что это ты дѣлалъ? спросилъ я.

— Истребляю мой стихотворный *Каминъ*. *Каминъ* Пушкина ¹ превозносятся до небесъ, а мой и въ грошъ не ставятъ.

— Тебя подразнили, отвѣчалъ я,—Пушкина *Каминъ* игрушка, а твой относится ко всѣмъ опустошителямъ и завоевателямъ вселенной.

Не стану упоминать ни о *Каминѣ* Шатрова, ни о его предложеніи псалмовъ и другихъ стихотворенійхъ. Скажу только, что Шатровъ познакомилъ меня съ Н. П. Николевымъ. Николевъ на шестнадцатомъ году ослабъ ². Но умъ его не закончалъ въ потемкахъ. Онъ зналъ всѣхъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Отдѣляя перо свое отъ пера другихъ писателей, онъ говоритъ:

„Сумароковъ въ эпистолахъ,
Не мой указчикъ воли.
Свой обычай у семьи.“

Пишу не разборъ сочиненій, предлагаю просто взгляды на тогдашнюю нашу словесность. Нѣтъ двухъ совершенно сходныхъ лицъ; то же самое можно сказать и о писателяхъ: и у превосходныхъ и у обыкновенныхъ своя какая-нибудь цѣль. Николева можно назвать поэтомъ метафизическимъ. Онъ любилъ и въ произведеніяхъ своихъ, и въ разговорахъ блистать какою-то живою новостію, изворачивать и раздроблять мысли. Дурную оказали ему услугу, напечатавъ сочиненія его въ пяти (1795—1796) томахъ, не отбросивъ даже и грѣховъ его юности. Державина Николевъ называлъ поэтомъ внѣшней природы.

Николевъ былъ очень остеръ, но всегда воздерживался отъ острыхъ и язвительныхъ шутокъ. Однажды только онъ явно

¹ Это было первое напечатанное стихотвореніе двадцатитрехлѣтняго Василія Львовича Пушкина. Оно появилось въ журналѣ Крылова *Санктпетербургскій Меркурій* 1793, ноябрь, стр. 109.

² Это, кажется, ошибка. Николевъ родился въ 1758 году. Зрѣніе его стало слабѣть послѣ курьерской поѣздки изъ Крыма въ Москву, во время которой онъ простудился. Въ 1785 году онъ женился на княжнѣ Е. А. Долгоруковой и ослабъ уже послѣ. (См. *Соврем.* 1856, № 7, стр. 22).

изъявилъ своему правилу. По случаю изданія *Аонидъ*¹, былъ торжественный обѣдъ у Н. М. Карамзина. За столомъ, при заздравныхъ тостахъ, главный издатель ихъ, Карамзинъ, сказалъ:

— Кто въ наше время напишетъ вялый и водяной стихъ, тому именнымъ указомъ должно запретить писать стихи.

Николевъ съ улыбкою возразилъ:

— Объ насъ что говорить; мы что за поэты! Но, Николай Михайловичъ, вамъ бы надобно пощадить себя.

И Николеву, въ свою очередь, Мельпомена подносила вѣнки. Играли трагедію его *Сорену*. При рѣзкихъ выходкахъ противъ тирановъ и тиранства раздавались громкія рукоплесканія. Нашлись люди услужливые, которые, прѣхавъ изъ театра къ тогдашнему московскому градоначальнику графу Брюсу, такъ настраивали его трагедіей Николева, что Брюсъ запретилъ вторичное представленіе и извѣщалъ императрицу, что принялъ эту мѣру по причинѣ многихъ стиховъ о тиранахъ и тиранствѣ. Екатерина отвѣчала графу Брюсу: „Запрещеніе трагедіи *Сорены* удивило меня. Вы пишете, что въ ней вооружаются противъ тирановъ и тиранства. Но я всегда старалась и стараюсь быть матерью народа. А потому предписываю отнюдь не запрещать представленія *Сорены*“².

Павель I любилъ Николева и подарилъ ему трость съ золотымъ набалдашникомъ, осыпаннымъ бриліантами съ надписью: *à l'aveugle clairvoyant*“ (слѣпцу зорко видящему). Николевъ далеко заглядывалъ въ міръ политическій. Въ концѣ же прошлаго столѣтія онъ писалъ о политическихъ учрежденіяхъ въ примѣчаніяхъ къ посланію къ княгинѣ Дашковой³. У него были тогда свои читатели и свои приверженцы. Но въ обществѣ человѣческомъ изъ всего завязывается борьба: изъ куска золота, изъ клочка земли, изъ стиховъ и прозы, изъ мимолетныхъ словъ, изъ призраковъ славы и громкаго имени. 1795 года, въ словесности, противная сторона, боровшаяся съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, бросила боевую перчатку рукою Шатрова. Н. М. Карамзинъ, перепечатавъ свои сочиненія изъ *Московского Журнала* (1792—1793), издалъ ихъ подъ названіемъ *Мои бездѣлки*. Шатровъ написалъ:

¹ Въ первой книжкѣ *Аонидъ* (1796) помѣщены стихи Николева: *Рондо Петру Первому* (стр. 78).

² См. *Русскій Вѣстникъ*, 1860, № 4, стр. 638.

³ См. *Сочиненія Николева*; ч. 3, стр. 143.

„Ни слова — дива,
Лишь надпись справедлива.“

Противная сторона возразила:

„Бога разумъ видитъ ны во образѣ Шатрова,
Пошлуй Боже насъ отъ разума такого.“

Бѣдную Лизу Карамзина всѣ тогда читали, восхищались ею, и тотъ прудъ подѣ *Симоновымъ*, гдѣ, по словамъ повѣсти, она кончила жизнь свою, названъ былъ *Лизинымъ прудомъ*; туда со всѣхъ сторонъ спѣшили чувствительныя сердца.

Вслѣдъ за *Бездѣлками* Карамзина вышли стихотворенія Дмитріева: *И мои бездѣлки* (1795). Изъ этихъ бездѣлокъ, сказка *Модная жена*, на ряду съ *Лизой*, заполонила московскій большой свѣтъ и разлеталась далѣе. Въ ней вѣрный снимокъ тогдашняго общества.

Судъ о поэтахъ былъ тогда отрывистъ и непрекословенъ. При первой встрѣчѣ со мною въ Москвѣ, въ Благородномъ Собраніи, В. Л. Пушкинъ сказалъ мнѣ: „*Голубокъ*¹ Дмитріева стоитъ на ряду съ *Россиадою* Хераскова“. вмѣстѣ съ *Голубкомъ* слѣдующія пѣсни *Нелединскаго* вездѣ откликались: *Вечоръ милая сидѣла подѣ кустомъ у ручейка*²; *Мѣста тобою украшены* и пр. Его же переводъ *Доратовыхъ* стиховъ *Къ любовницѣ*, былъ напечатанъ на особомъ листкѣ и разбѣгался по рукамъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ стиха:

„И если ты не богъ, то бога я не знаю“
„Et si tu n'est pas dieu, je n'en connais pas d'autre“

Была въ ходу и *Николева* пѣсня:

„На толь, чтобы печали
Въ любви намъ находить,
Намъ сердце боги дали
Способное любить.“

Съ рукописью моихъ стихотвореній отправился я въ университетъ къ тогдашнему профессору *Чеботареву*³, и представилъ ему мою рукопись. Пересмотрѣвъ ее онъ сказалъ:
— Я не пропущу.

¹ Пѣсня Дмитріева *Стонетъ сизый голубчикъ*. Соч. Дмитр. 1822, ч. 1, стр. 110).

² Соч. *Нелединскаго* (1850), стр. 23.

³ Харитонъ Андреевичъ ум. 1815 г.

— Отчего вы не пропустите?

— Тутъ есть вольнодумство.

— Какое?

— Ваша ода о *Суевѣрїи* наполнена имъ. Да и вѣдаете ли вы что такое суевѣрїе?

— То, что противно духу Евангельскому. Вѣра требуетъ любви, милосердія и снисхожденія къ человѣчеству. А во имя суевѣрїя воздвигались костры на площадяхъ Европы и инквизиторъ Торквемада, первый зажигатель костровъ святотатственныхъ, сожигалъ тысячи жертвъ въ губительномъ ихъ пламени. Во имя вѣры добродѣтельный Пенъ покупаетъ въ Сѣверной Америкѣ землю, заселяетъ ее дикими, и голосомъ любви призываетъ ихъ подъ знаменіе креста. Во имя суевѣрїя Лудовикъ XIV, по внушенію духовника своего Лашеза, изгоняетъ изъ Франціи тысячи трудолюбивыхъ протестантовъ, которые въ чужія области перенесли съ собою оборотливый умъ, промышленность и свѣтъ наукъ.

— Вижу, вижу, что вы хорошо учились исторїи.

— Я не учился исторїи, а читалъ ее, да и думаю, что и тѣ, которые берутся учить исторїи, часто лгутъ на исторїю; нельзя смотрѣть чужими глазами, нельзя слушать чужими ушами, нельзя и чужимъ умомъ всматриваться въ событія минувшихъ вѣковъ.

— О, да какъ же вы рѣчисты! Но я все-таки не пропущу вашей оды. Выбросьте ее; все прочее тотчасъ подпишу.

Долго у насъ еще шли переговоры, и окончились тѣмъ, что я не согласился выбросить оды, а цензоръ не пропустилъ моей рукописи.

II.

Модный московскій свѣтъ, на ряду съ петербургскимъ, размежевался на два отдѣленія; въ одномъ отличались англومانъ, въ другомъ галломанъ. Въ Петербургѣ было болѣе англومانовъ, то-есть любителей повѣрїй англійскихъ; въ Москвѣ болѣе было галломановъ. Въ модныхъ домахъ появились будуары, диваны, и съ ними начались истерики, мигрени; спазмы и такъ далѣе.

Изъ обветшалой Франціи XVIII столѣтія нахлынуло къ

намъ волокитство, вмѣстѣ съ Доратами, Парми и такъ-на-
 ваемою любезностью петиметровъ.

Какъ будто бы для сбереженія своихъ сердецъ, щеголи
 большого свѣта надѣли золотыя цѣпи. Это однакоже бы-
 не парижская мода, а своя—московская. Въ утренніе раз-
 ѣзды и на обѣды ѣздили съ гайдуками, скороходами, на бы-
 стрыхъ четверняхъ и шестерняхъ¹.

Вечеромъ домашкіе театры, гдѣ большею частію играли
 французскія комедіи; балы и маскарады. По воскресеньямъ
 и въ праздничные дни, подѣ Донскимъ были кулачныя схватки,
 пляски, хоры пѣсельниковъ и санный бѣгъ. Въ честь побѣди-
 теля раздавались рукоплесканія. По ночамъ кипѣлъ банкъ.
 Тогда уже ломбарды болѣе и болѣе затѣснялись залогомъ
 крестьянскихъ душъ. Быстры, внезапны были переходы отъ
 роскоши къ разоренію. И у насъ въ большомъ свѣтѣ заве-
 лись мѣнялы. Днемъ разѣзжали они въ каретахъ по домамъ,
 съ корзинками, наполненными разными бездѣлками и промѣни-
 вали ихъ на чистое золото и драгоценныя каменья, а вече-
 ромъ увивались около тѣхъ счастливецъ, которые проиг-
 рывали свое имѣніе, и выманивали у нихъ почетное пода-
 ніе.

Одинъ изъ новыхъ англійскихъ писателей представляетъ
 роскошь въ блестящемъ головномъ уборѣ, въ пышной одеждѣ,
 а подѣ нею голыя, изможденныя ноги, около которыхъ, съ
 одной стороны, уцѣпилась женщина, а съ другой глупость.
 Но этого не замѣчали въ 1795 году. Москва пировала въ
 полномъ разгулѣ жизни веселой. Въ заграничномъ европей-
 скомъ мірѣ гремѣло оружіе республиканскихъ легионовъ и на
 поляхъ Италіи, и на берегахъ Рейна, а въ предѣлахъ древней
 Батавіи разѣввались знамена трехцвѣтныя; но для насъ все
 это было на краю какого-то другаго свѣта.

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій² былъ государ-
 ственный и военный человѣкъ, но у него въ домѣ не
 было ни одного иностраннаго журнала, ни одного листочка
 заграничныхъ вѣдомостей. По утрамъ занимался онъ своею

¹ Тогда ѣзда парюю называлась мѣщанскою ѣздой.

² Род. 1740, ум. 1830. Авторъ немного заходитъ тутъ впередъ. Князь
 Ю. В. былъ главнымъ начальникомъ Москвы уже при Павлѣ I (1796—
 1797). Въ концѣ царствованія Екатерины онъ командовалъ войскомъ, рас-
 положеннымъ въ Москвѣ, а потомъ вышелъ въ отставку (1795).

должностію, зналъ обо всѣхъ происшествіяхъ московскихъ, наблюдалъ обстоятельства петербургскія; послѣ обѣда и вечеромъ игралъ въ бостонъ, и не слышно было ни одного слова о дѣйствіяхъ войны европейской. О чемъ же говорили мы, молодые его адъютанты, между собою? О балахъ, театрахъ и маскарадахъ. Я былъ у князя Юрія Владиміровича на вѣстяхъ, благотворенія принималъ, прошенія отъ неимущихъ, представлялъ общій докладъ князю и развозилъ пособія его.

О доказательствѣ бѣдности просителей не нужно было справляться. „У насъ въ Москвѣ, писалъ принцъ де-Линь къ Екатеринѣ, бѣдныя хижины стоятъ подлѣ великолѣпныхъ палатъ и не боятся ихъ.“ Гдѣ теперь эти палаты? Стѣны ихъ остались, но перешли въ руки промышленниковъ, и прежней пышности ихъ какъ будто не было. Возразять, что такой переворотъ произошелъ отъ иноплемennаго нашествія двѣнадцатаго года. Но и до этого времени сколько было вторженій роскоши и модъ въ Москву, и сколько погибло труда земледѣльческаго отъ расточенія и пренебреженія сельскаго быта! О послѣднемъ обстоятельстве приведу свидѣтельство изъ собственноручныхъ записокъ князя Юрія Владиміровича.

„Наслѣдственныя мои и братьевъ моихъ вотчины, говорилъ онъ, почти вовсе раззорились отъ трехъ постороннихъ управленій.“ Вотъ почему князь взялъ все подъ свой собственный надзоръ; учредилъ суконную фабрику и винокуренный заводъ. Увѣряли, будто бы Екатерина однажды укоряла князя, что отъ него отзывается винокуреніемъ. Это неправда. Все установленное закономъ непричастно презрѣнію. Князь Н. В. Репнинъ,¹ въ званіи начальника Смоленской губерніи, несправедливо гналъ откупщиковъ; для соблюденія закона, нужно только безпристрастное наблюденіе, чтобы предупреждать пронырства вредныя обществу.

Сильныя были нападки на князя Юрія Владиміровича и за то, что онъ не платилъ долговъ своего сына Я лично зналъ князя Василія Юрьевича.² Онъ былъ прекрасный и образованный молодой человекъ, но сталъ жертвою игроковъ и

¹ Въ послѣдствіи фельдмаршалъ, другъ Новикова и Лопухина род. 1734, к. 1801.

² Въ послѣдствіи генералъ-адъютантъ. Род. 1776, ум. 1810.

вошелъ въ неоплатные долги. Что же было дѣлать отцу? Отдать ли на новое раззореніе имѣніе, имѣе самое устроенное? Каково было бы бѣднымъ крестьянамъ переходить изъ рукъ въ руки, подвергаться непривычнымъ для нихъ работамъ, тяжелымъ взысканіямъ и горестной неизвѣстности о судьбѣ своей? Князь поступилъ обдуманно; но это приписывали его скупости. Это пустая молва и клевета. Онъ былъ даже расточителемъ на пользу и добро. Старшинѣ московскихъ ямщиковъ Ширяеву, на различныя его заведенія, давалъ онъ по пятидесяти тысячъ и болѣе, безъ всякаго залога и обязательства; а за одного изъ прежнихъ своихъ адъютантовъ, А. П. Апухтина, который, въ генеральскомъ чинѣ, находясь при строеніи Нижегородской ярмарки, не представилъ отчета во ста тысячахъ, заплатилъ все сполна и никогда не требовалъ возврата. Князь и мнѣ давалъ двадцать тысячъ, съ тѣмъ чтобы я переводилъ изъ *Энциклопедіи* части относящіяся къ художеству и ремесламъ; но я зналъ, что и Дидро, особенно занимавшійся тѣмъ, съ трудомъ доискивался у парижскихъ художниковъ и ремесленниковъ подлиннаго значенія ихъ работъ, и потому я отказался.

Въ домѣ князя жили двѣ дочери его и нѣсколько дѣвицъ, дочерей бѣдныхъ родителей, существовавшихъ его помощью и благодѣяніями. У Юрія Владиміровича были двѣ слабости: пристрастіе къ происхожденію отъ Рюрика колѣна и къ голубой лентѣ. Однажды князь Ник. Борис. Юсуповъ (1750—1831) звалъ его на свадебный обѣдъ къ одному изъ иностранцевъ, у котораго онъ былъ посаженнымъ отцомъ. Князь отвѣчалъ: „Я пріѣду въ голубой лентѣ, надѣньте же и вы свою.“ Но по любви своей къ московскимъ гражданамъ, князь былъ членомъ мѣщанскаго клуба. Несмотря на то, ему не по сердцу были неровные браки. Броневскій, родной братъ того Броневскаго, который былъ соучастникомъ Крылова въ изданіи *Зрителя*, управляя Никольскою суконною фабрикой князя, помолвленъ былъ на дочери актера Померанцова. Она воспитывалась въ домѣ князя, который изъявилъ свое согласіе, далъ ей приданое, и былъ посаженнымъ отцомъ. Но когда на другой день свадьбы, Броневскій пришелъ его благодарить, князь сказалъ: „Очень радъ, но все-таки она дочь актера.“

Чему это приписать? Родовую честь называютъ предразсудкомъ, внушаемымъ воспитаніемъ и привычкою. Но

если мысль о знатности рода переходила изъ вѣка въ вѣкъ, то какъ управиться съ нею? Не берусь быть стряпчимъ за князя. Скажу только, что въ князѣ не было ни черты гордости и спѣси; онъ уважалъ всѣ званія, для него не было такъ-называемаго *последняго человека*. По должности своей и по влеченію добраго сердца, онъ выслушивалъ равно и вельможу, и гражданина, и бѣдняка въ скудной одеждѣ. Душа его всегда готова была спасать страдальцевъ. Изъ множества примѣровъ предложу здѣсь одинъ разительный. 1797 года снова запрещенъ былъ банкъ и притомъ позднія вечернія собранія. Тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Эртель, за-полночь проѣзжая Арбатомъ, усмотрѣлъ огонь во второмъ этажѣ каменнаго дома, поспѣшилъ туда и засталъ игру. На бѣду свою тутъ случился Сибирякъ Безсоновъ, поручикъ Архаровскаго полка (гдѣ и я служилъ), казначей своего батальона, любимый и уважаемый всѣмъ полкомъ за честность и добросовѣстность. Не участвуя въ игрѣ, онъ спалъ въ этой комнатѣ на диванѣ. Оберъ-полицеймейстеръ разбудилъ его. Безсоновъ сказалъ:—„Оставьте меня, завтра нашему батальону ранній смотръ. Вы видите, что я спалъ. Не стыдите меня передъ начальникомъ. Для меня честь дороже жизни.“—„Ступайте,“ прикрикнулъ оберъ-полицеймейстеръ.—„Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскаялись.“—Часа въ четыре ночи привели игроковъ и Безсонова въ домъ начальника полка, гдѣ, по-тогдашнему, обыкновенно стояли и полковыя знамена. Выходитъ Иванъ Петровичъ Архаровъ, разбуженный тревогою, въ колпакѣ и халатѣ. Взглянулъ на Безсонова и сказалъ: „Какъ, и ты здѣсь?“ Посадили приведенныхъ подъ знамена. На заботливые разспросы челоуѣколюбиваго нашего начальника, полицеймейстеръ волею-неволею признался, что онъ поручика Безсонова засталъ спящимъ. „Грѣшно было тебѣ, братецъ, будить!“ Смущенный полицеймейстеръ просилъ дозволенія сказать Безсонову что до него не будетъ дѣла.—„Не надобно было и заводить шума, прибавилъ Архаровъ:—отъ искры пожаръ загорается. Поди, братецъ, поправь свой грѣхъ.“—Полицеймейстеръ пошелъ къ Безсонову и сказалъ, что онъ свободенъ. „Поздно! закричалъ Безсоновъ:—я говорилъ тебѣ, не води меня сюда. Ты привелъ: вотъ тебѣ!“ Была схватка. Безсоновъ отданъ былъ подъ судъ. Офицеры нашего полка были судьями, они плакали; но въ силу устава Петра I, выставили въ приговорѣ: лишеніе руки.

Князь Юрій Владиміровичъ, вышедшій въ отставку при Екатеринѣ, 1795 года, былъ опять¹ градоначальникомъ московскимъ. Приговоръ поступилъ къ нему; въ ночь роковаго происшествія, дворецкій князя пріѣхалъ ко мнѣ въ Лефортовскій дворецъ съ извѣстіемъ, что князь меня требуетъ. Было три часа ночи. Я засталъ князя одѣтымъ.—„Я не могъ уснуть, сказалъ онъ,—надобно спасти Безсонова. Онъ не кстати упрямится, и не просить извиненія у оберъ-полицеймейстера. Онъ тебя любитъ, повѣдемъ къ нему.“ Послѣ рѣшенія суда, Безсонова перевезли въ острогъ, куда мы и поѣхали часу въ пятомъ. Князь послалъ унтеръ-офицера провѣдать, чтó дѣлаетъ Безсоновъ. Услышавъ, что онъ спитъ, князь приказалъ, доложить, когда проснется. Безсонова разбудили, и я отъ имени князя пошелъ его уговаривать; но тутъ не нужно было сильное краснорѣчіе. Одно слово: самъ князь пріѣхалъ тебя спасти, все рѣшило. Князь вошелъ къ нему и сказалъ: „Ну слава Богу, что ты пересталъ упрямится. Твой соперникъ подаль отношеніе, что подлинно засталъ тебя спящимъ. Вы оба успокоили меня, будь же и ты спокоенъ.“ Отвѣтомъ на это были одни слезы Безсонова. Взаимное чистосердечное признаніе, подкрѣпленное ходатайствомъ князя подѣйствовало у государя. Князь далъ у себя обѣдъ примиреннымъ соперникамъ.

Выше упомянуто, что 1795 года, въ домѣ князя Юрія Владиміровича не было ни разговора и никакихъ иностранныхъ извѣстій о происшествіяхъ заграничныхъ.

Въ первый разъ услышалъ я отъ него, объ имени Наполеона, когда онъ уже былъ первымъ консуломъ и когда разнеслась молва объ адокой машинѣ². „Англичане, сказалъ князь, нарушили права народныя, и человечества, посягнувъ такъ безчестно на жизнь генерала Бонапарта.“ Многие у насъ приписывали это Англичанамъ, но это событіе и теперь еще не разгадано. Въ исходѣ 1795 года князь Юрій Владиміровичъ занятъ былъ единственно событіями отечественными. Онъ явно былъ противъ похода въ Персію.

„Зубовъ,³ говорилъ онъ, хочетъ вписать брата своего⁴ въ

¹ Не опять, а въ первый разъ, какъ сказано выше.

² Въ 1802 году.

³ Князь Платонъ Александровичъ (1767—1822), тогдашній временщикъ.

⁴ Графа Валеріана Александровича (1771—1804) назначеннаго начальникомъ персидскаго отряда.

число героев и всеми силами домогается открыть ему путь туда, гдѣ Петръ I воевалъ по нуждѣ и покорилъ Дербентъ; но теперь эта война вовсе бесполезна. Еслибъ и мой родной отецъ одобрялъ ее, я бы и съ нимъ не согласился.“ У Зубова были въ Москвѣ свои приверженцы, и молва о мнѣнїи князя долетѣла въ Петербургъ. Между ними вспыхнуло неудовольствїе, князь подалъ въ отставку и былъ предварительно извѣщенъ объ увольненїи, отъ свояка своего, графа Н. И. Салтыкова.¹

Князь стоялъ у камина, когда получилъ это извѣстіе. „Я бы еще послужилъ, сказалъ онъ,—но не хочу связываться съ Зубовымъ.“ Обратясь ко мнѣ промолвилъ: „Ты, братъ, возьми отпускъ, ты давно не былъ у своихъ; я знаю, что московскїе батальоны не пойдутъ въ походъ. Княгиня даетъ гостинецъ для твоей матери. Стыдно было бы изъ нашего дома отпустить тебя съ пустыми руками.“ И я получилъ отпускъ. Снова спѣшу на родину, не гонится въ слѣдъ за мною мысль о веселїяхъ московскихъ. 1796 года не наступило еще перерожденїе души моей въ жизнь *отечественную*, въ жизнь *русскую*. Родина была жизнїю души моей. Любилъ я читать исторїю, но тогда простился и съ нею. Имена отца, брата, сестры сильнѣе всѣхъ именъ историческихъ сливались съ новымъ бытїемъ сердца. Ихъ видѣть, дышать однимъ съ ними воздухомъ было тогда верховнымъ моимъ благомъ... Весело жилъ я на родинѣ, но вдругъ пришло извѣстіе изъ Петербурга, что московскїе батальоны стоятъ лагеремъ подъ *Осиновыми рощами*, и что батальоны поступили подъ начальство Кутузова², строгаго блюстителя дисциплины воинской. Съ отставкою князя Юрія Владиміровича я снова былъ откомандированъ въ полкъ, и потому на главномъ смотрѣ, не видя меня при ротѣ, Кутузовъ сказалъ: „А, это тотъ Глинка, котораго я называлъ писателемъ. Но если онъ вздумаетъ возиться съ перомъ, то пусть уступить шпагу другому, поревностнѣе его къ службѣ“. Родители мои ужаснулись, и я немедленно долженъ былъ вѣхать въ полкъ. Снова разстался я съ родиной. Разстался какъ страстный любовникъ, прощаясь съ жизнїю души своей. Чтò занимало меня на родинѣ? Она

¹ Вице-президента тогдашней военной коллегїи. Онъ род. 1736, ум. 1816.

² Въ послѣдствїи князь Смоленскїй (1745—1813).

сама и обитатели ея. Родной небосклонъ, родныя поля и рощи веселили меня болѣе тѣхъ зрѣлищъ, которыя видѣлъ я на театрѣ. Воспоминанія о дняхъ жизни на родинѣ и теперь еще, въ уединенныхъ моихъ прогулкахъ, носятя передо мною какъ легкіе радужные призраки.

Дорогою въ первый разъ узналъ я силу и душу русскихъ пѣсень. Вотъ какимъ образомъ.

На одной станціи встрѣтился я съ тѣмъ Дороховымъ, который въ 1812 году былъ раненъ подъ Малымъ Ярославцемъ, и которому Кутузовъ приказалъ сказать: „Ты раненъ при взятіи укрѣпленія Вереи. Умри, Дороховъ! ты защитилъ Малороссію!“ Дороховъ былъ старѣе меня нѣсколькими годами, и служилъ тогда майоромъ. Въ молодости не долго до знакомства: мы скоро съ нимъ сблизились и сѣли въ одну повозку. Былъ часъ одиннадцатый; ночь дышала прохладою, луна свѣтила полнымъ блескомъ: зазвенѣлъ колокольчикъ и ямщикъ запѣлъ:

„Вспомни! вспомни мой любезный!...“

Русская пѣсня—это голосъ сердца, которое испрашиваетъ у мысли исхода. Такъ среди зимнихъ бурь, метелей и вьюгъ, глаза выпрашиваютъ у туманнаго небосклона солнечнаго луча. Съ заунывными, томными звуками пѣсни, сливались наши слезы. То былъ отголосокъ изъ тѣхъ заунывныхъ пѣсень, которыя какъ будто несутся изъ какой-то вѣковой дали, и всегда щемятъ сердца. Съ восхищеніемъ также внималъ я пламеннымъ разказамъ Дорохова о швейцарской природѣ, о вершинахъ ея горъ, гдѣ пала гордыня Караа Сѣдлаго отъ пастуховъ швейцарскихъ, самоотреченныхъ защитниковъ отчизны.

„Ты не будешь служить!“ сказалъ мнѣ Кутузовъ, какъ выше упомянуто; и онъ угадалъ. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, въ лагерь гоняли сквозь строй рядоваго, причемъ и я былъ по должности. Едва я услышалъ крикъ и увидѣлъ кровь, голова моя закружилась, въ глазахъ потемнѣло; я упалъ въ обморокъ и очулся подъ арестомъ.

Въ мое вре я въ лагерномъ быту офицеры ни въ чемъ не нуждались. У полковниковъ были тогда хозяйственныя сумы отъ различныхъ денежныхъ статей и употреблялись безотчетно. У нашего батальоннаго начальника, Петра Степановича Бибикова, былъ каждый день открытый столъ для

всѣхъ офицеровъ. Кофе, чай, закуска, ужинъ не сходили со столовъ. Сверхъ того немущимъ офицерамъ покупали шарфы, а иногда снаряжали и полный мундиръ. Всѣ молодые полковники въ московскихъ батальйонахъ были молоды въ полномъ смыслѣ. Въ числѣ ихъ находился и князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій¹. Онъ первый привезъ въ лагерь подъ *Осиновья рощи* посланіе *Къ женщинамъ* Карамзина². На подхватъ летало оно тогда изъ рукъ въ руки. Съ поэзіей стихотворною сливалась у насъ и поэзія военная. Нерѣдко по вечерамъ, послѣ веселыхъ пиршествъ, полковники наши приказывали ротамъ, а иногда батальйонамъ заряжать ружья (разумѣется холостыми зарядами), и вступать въ бой. О стрѣльбѣ нашей доходили вѣсти до Екатерины, и она говорила: „Пусть себѣ веселятся, имъ скоро будетъ дѣло.“ Французская революція, которую дальновидный Жанъ-Жакъ Руссо предсказывалъ до 1789 года, превратясь въ грозную бурю, опрокинула всю Францію, и перешла въ области сопредѣльныя. Войска республиканскія гремѣли на берегахъ Рейна; Бонапартъ, по словамъ Суворова, „смѣло шагая“, обходилъ испанскія вершины горъ Альпійскихъ, чрезъ которыя съ такимъ усиліемъ переходилъ Аннибалъ. Кипѣло сердце ветерана славы и побѣдъ, сердце Суворова. Непрестанно писалъ онъ къ Екатеринѣ: „Матушка! Вели идти противъ Французовъ!“ И Императрица готовила ополченіе на сушѣ и на морѣ, но только готовила не торопясь и, какъ было сказано, выжидая времени.

Нашимъ батальйонамъ данъ былъ приказъ сперва расположиться въ Тверскихъ уѣздахъ, а потомъ идти въ Литовскія губерніи. Это былъ первый мой походъ, или лучше сказать, моя первая военная прогулка. Вездѣ раздавались пѣсни солдатъ; офицеры гарцовали на коняхъ и бились объ закладъ, кто кого обгонитъ. Веселый мигъ настоящаго отдалялъ отъ насъ будущее. На привалахъ и ночлегахъ, мы пировали подъ открытымъ небомъ, играли въ карты, шутили, смѣялись. Хотя я вполнѣ втянулся въ жизнь военную, однакоже иногда читалъ, писалъ стихи, прозу, но вовсе не помышлялъ о названіи писателя; чернильный мой скарбъ бросилъ въ огонь.

Батальйонъ нашъ вступилъ въ Ржевъ, а я отправленъ былъ

¹ Во послѣдствіи посланникъ въ Гагъ и Неаполѣ. Род. 1770 ум. 1829.

² 1796 года.

въ Петербургъ, дипломатомъ въ канцелярію князя Зубова и къ Николаю Петровичу Архарову¹, тверскому намѣстнику, съ просьбою, чтобы дозволено было батальону нашему расположиться по сопредѣльнымъ увѣздамъ. Въ Петербургъ оставился я въ домѣ генеральши Лебедниковой, родной сестры Свистунова, переводчика *Дѣтскаго Чтенія* г-жи Бомондъ². Тутъ жилъ и зять ее, Литвиновъ, учившій рапирному искусству внуковъ Екатерины. Для меня каждый день въ семействѣ Литвинова былъ праздникомъ гостепріимства, потому что я видѣлъ, что сходство нравовъ, мыслей, все соединяло счастливую чету. Ласка—магнитъ сердца; и теперь живеть въ моей памяти ихъ заботливость обо мнѣ. Жена Литвинова страдала чахоткою и умерла.

„Я не переживу ея, говорилъ Литвиновъ.—Днемъ и ночью образъ ея въ глазахъ моихъ. Слышу ея голосъ, она зоветъ меня.“ И онъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

Однажды шелъ я по Литейной улицѣ, мимо каменнаго дома. Изъ раствореннаго окна втораго этажа слышу голосъ „Сергѣй Николаевичъ!“ Оглядываюсь. То былъ голосъ Владислава Александровича Озерова³. Спѣшу къ нему. Онъ сочинилъ тогда свою трагедію *Олега*⁴. Съ торопливостію авторскою онъ принялся мнѣ читать ее, прося быть его цензоромъ. Въ ятомъ дѣйствиіи я предложилъ нѣкоторыя измѣненія; сочинитель согласился, и при мнѣ сдѣлалъ поправки. Озеровъ и въ лаврахъ трагика не перемѣнился ко мнѣ. Я узналъ Озерова въ стѣнахъ корпуса; онъ читалъ мнѣ тамъ первый свой опытъ въ русскомъ стихотворствѣ; то было посланіе *Абеларда къ Элоизъ*, переведенное изъ сочиненія Коларда⁵. Это былъ слабый отблескъ подлинныхъ писемъ Абеларда къ Элоизъ. Отъ *Олега* до *Эдина*⁶ шагъ исполнскій. Въ памяти Озерова вмѣщался весь театръ Корнеля, Расина, Вольтера. Превосходно зналъ онъ французскій языкъ; игралъ французскія трагедіи въ нѣкоторыхъ домахъ вельможъ и съ блескомъ высказывалъ свои рѣчи.

Среди славы своей Озеровъ безвременно угасъ, отъ той

¹ Извѣстный своею строгостію генералъ. Ум. 1814.

² Напечатано въ С.-Петербургѣ 1783 года.

³ Извѣстный трагическій писатель. Род. 1770, ум. 1816.

⁴ Играла на театрѣ въ 1798 году.

⁵ Напечатано въ 1794 году.

⁶ *Эдинъ* игралъ на сценѣ въ 1804 году.

чувствительности, которая творитъ писателя, а нерѣдко и ведетъ его къ жребію пѣвца освобожденнаго Иерусалима.

Мнѣ случилось обѣдать у Анны Никитишны Нарышкиной¹, помѣщицы села Тарутина, гдѣ 1812 года былъ ставъ Кутузова и откуда онъ писалъ къ ней, „чтобы сохранены были тамошнія укрѣпленія въ память потомству.“ За кофеемъ хозяйка завела рѣчь о скоротечности временной жизни. Она была очень умна. Казалось, что какъ будто слышалъ я какъ объ этомъ говорили древніе и новые философы.

Изъ Петербурга въ октябрѣ отправился я къ батальйону и привезъ дозволеніе занять уѣзды прикосновенныя къ Ржеву, гдѣ первоначально мы остановились. Но вскорѣ пришло приказаніе изъ Тверской губерніи выступить намъ въ Литву. Мы выступили; но одинъ день, одинъ часъ, одно мгновеніе—и все переимѣнилось. Не было никакой вѣсти о болѣзни Екатерины, и 1796 года ноября 6-го ея не стало.

По кончинѣ Императрицы московскіе батальйоны, вмѣсто Литвы, по предписанію вступили въ Москву. Павелъ I не желалъ и не искалъ случая къ войнѣ.

Однажды по вступленіи моемъ въ караулъ на гауптвахту Ивана Великаго, дѣлалъ я переключку, по списку, находившимся арестантамъ. Окончивъ весь распорядокъ по должности моей, сѣлъ обѣдать. Отъ тогдашняго Московскаго субарита Федора Григорьевича Карина, на каждый караулъ приносили мнѣ и роскошныя блюда, и лучшія вина. Сидя въ скромной своей шинели, арестантъ Каченовскій² пристально посматривалъ на меня. Полагая, что его прельщаетъ мой обѣдъ, я приглашалъ раздѣлить его со мною; но онъ отвѣчалъ, что уже обѣдалъ. „На что вы такъ пристально смотрите?“ спросилъ я.

„На ваши книги“ отвѣчалъ онъ. Такъ началось мое знакомство съ Михаиломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ. Онъ былъ тогда въ военной службѣ, а въ послѣдствіи профессоромъ, издателемъ журнала *Вѣстникъ Европы*³ и ректоромъ Московскаго университета⁴. О первоначальномъ моемъ съ нимъ знакомствѣ упомянуто было въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и въ отдѣленіи

¹ Рожденная Румянцева. Род. 1730; ум. 1820.

² Въ послѣдствіи извѣстный ученый род. 1775, ум. 1842.

³ Въ 1805—1807 годахъ одинъ, въ 1809—1810 съ Жуковскимъ, въ 1811—1813 и 1815—1830 годахъ одинъ.

⁴ Съ 1837 по 1842 годъ.

Русскаго слова С.-Петербургской Академіи Наукъ. Доводилась ли мнѣ очередь въ караулъ, я всегда запасался книгами; на этотъ разъ были со мною двѣ большія части примѣчаній Болтина на *Русскую исторію сочиненную Леклеромъ*.¹ Услышавъ отъ Каченовскаго, что онъ охотникъ до чтенія, я передалъ ему мои книги, оставилъ ихъ у него и послѣ смѣян моей. Приходя въ караулъ на упомянутую гауптвахту, я нарочно бралъ съ собою нѣсколько книгъ и дѣлился ими съ печальнымъ арестантомъ, что продолжалъ дѣлать и при перемѣщеніи его на Воскресенскую гауптвахту.

Не желая пробуждать никакихъ непріятныхъ воспоминаній въ умѣ арестантовъ, я никогда не тревожилъ ихъ разспросами о причинахъ ареста. Обращайте вниманіе на горестнаго человѣка,—сердце его само собою раскроется вамъ. Познакомясь со мною покороче, Каченовскій разказалъ мнѣ о своей участи. По распоряженіямъ къ заграничной войнѣ, Ярославскій полкъ стоявшій въ Москвѣ назначенъ былъ въ корпусъ Корсакова, слѣдовавшій въ Швейцарію², а Каченовскому поручено было продать въ Москвѣ ненужныя полковыя вещи, въ числѣ которыхъ былъ и порохъ. Увлекаясь страстію къ ученью, онъ замѣшкалъ продажей вещей. Наконецъ бывшіе съ нимъ рядовые пришли къ нему съ вѣстію, что для покупки вещей нашлись охотники, и пора ихъ продать. „Я разбиралъ въ это время, сказалъ мнѣ Каченовскій,—съ помощію словаря, VI пѣснь изъ Вольтеровой *Генриады*, и уносился въ небо, забылъ землю. Признаюсь также, что по неопытности моей, я не зналъ, что для продажи пороха нужно предварительное свидѣтельство отъ коменданта, а потому приказалъ рядовымъ продать все гуртомъ. Продажа была явная; комендантъ узналъ о порохѣ, и я подвергся аресту.“ Но Каченовскій былъ счастливъ. У начальника его, генералъ-лейтенанта Дурасова, было сердце всегда готовое на добро. Освѣдомясь о бѣдѣ своего аудитора, онъ препроводилъ на высочайшее имя письмо слѣдующаго содержанія: „Въ военныхъ процессахъ Петра I сказано, что собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта. Признаюсь Государь, что аудиторъ моего полка, по приказу моему, продавалъ порохъ и потому подвергаю себя суду.“

¹ С.-Петербургъ 1788.

² Въ 1799 году.

Генералъ Дурасовъ продолжалъ свой путь, а Каченовскій былъ освобожденъ. Говорятъ, что благодаренія часто происходятъ или отъ личныхъ выгодъ или отъ тщеславія. Но жаль однако, что и подлинное добро иногда забывается.

Помѣстивъ въ *Вѣстникъ Европы* хорошую статью *О духовныхъ витіяхъ*, онъ могъ бы припомнить слѣдующія слова Іоанна Златоуста: „Передъ цѣлымъ міромъ вознесу имя благодарителя питавшаго меня въ скудости моей.“ Прибавлю къ этому, что М. Э. Дурасовъ былъ въ свою очередь жертвою той чувствительности, которая и при жизни часто отдаляетъ человѣка отъ свѣта.

Съ Ѳ. Г. Каринымъ познакомили меня не одни роскошные караульные обѣды. Насъ болѣе всего сблизила взаимная склонность къ тогдашней русской и французской словесности¹.

Приготовленія къ новой войнѣ шли какъ будто мимо насъ. О Голландіи и островахъ Англіи видѣ не было и помину. Съ Италіей знакомили насъ богачи, расточавшіе золото на покупку оттуда подлинныхъ и поддѣльныхъ картинъ. Швейцарія была неизвѣстна, потому что уроженцы ея начали замѣнять въ Москвѣ французскихъ наставниковъ. Съ Каринымъ у насъ были споры о французскихъ и нашихъ писателяхъ. Служа въ молодости своей въ гвардіи, онъ отличался въ блестящихъ обществахъ ловкостью обращенія и остроуміемъ.

Однажды на пирѣ у Я. Б. Княжнина, князь Таврическій за бокаломъ шампанскаго сказалъ Карину:

„Ты, Каринъ,
Милый кривъ,
И лице
Мнѣ милѣ.“

Каринъ отвѣчалъ, что цвѣты скоро вянутъ, а лавры его безсмертны. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ былъ онъ въ

¹ Старшіе братья Карина, Александръ (ум. 1766) и Николай (ум. 1768) комогардейскіе офицеры, умершіе въ молодости, также были стихотворцы, печатавшіе стихи въ журналахъ. Александръ перевелъ съ италянскаго драму *Графъ Карамалли*, напечатанную въ Москвѣ, въ 1759 году.

связи со всѣми современными писателями, кромѣ Дмитриева и Карамзина. У Карина въ свое время часто гостилъ баснописецъ Хемницеръ, оставилъ рукописныя *Сказки*¹, которыя укрылись и отъ печати, и отъ пересудовъ. Они были въ духѣ вольныхъ Лафонтеновскихъ сказокъ. На обѣдахъ у Карина познакомился я съ Крыловымъ, извѣстнымъ тогда по изданію только *Зрителю*². Е. И. Костровъ³ почти у него жилъ, и у него большею частію переводилъ онъ міровую *Илиаду*⁴ и *Оссіана*⁵. Съ Ѳ. Г. Каринымъ познакомился я тогда, когда отъ семи тысячъ осталось у него три тысячи душъ. Первые мѣсяцы брака своего⁶ (ужаснаго послѣдствіями) раздѣлялся онъ съ долгами, и у него была одна только дочь. Карточной игры онъ не терпѣлъ и не предавался тогдашнему волокитству. Какая же враждебная сила увлекла у него четыре тысячи душъ? Несчастное воспитаніе и неумѣніе цѣнить труды земледѣльцевъ. Въшній блескъ столицы заслонялъ тяжелыя заботы сельскаго быта отъ питомцевъ большаго свѣта; въ деревняхъ у богачей нерѣдко бывали заграничныя наставники, уподоблявшіе нашихъ крестьянъ скотамъ. Повторяю и здѣсь съ благодарностію, что корпусный мой наставникъ графъ Ангальтъ училъ насъ цѣнить труды русскаго земледѣльца и передавалъ намъ глубокое свое уваженіе къ здоровому ихъ смыслу. Каринъ былъ ловкій молодой человекъ, пріятно объяснялся по-французски, обогатился различными свѣдѣніями, и основательно зналъ русскій языкъ. Но способностямъ его не доставало необходимой дѣятельности, и потому праздность и тщеславіе пристрастили его къ псовой охотѣ. У него былъ цѣлый полкъ нарядныхъ егерей, псарей и стрѣлковъ и стаи гончихъ и борзыхъ собакъ. На все была у насъ мода. За лихую борзую собаку, наперерывъ другъ передъ другомъ платили по тысячѣ цѣлковыхъ и хвастали своею покупкой. Въ отъѣзжія поля, во Владимірское помѣстье, за Каринымъ тянулся обозъ съ винами

¹ Род. 1744 ум. 1784. Басни его явились въ печати въ 1782 году.

² Журналъ 1792 года.

³ Род. 1752 ум. 1796.

⁴ 1787 года.

⁵ 1792 года.

⁶ Онъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Голицыной (ум. 1813), родной влукѣ князя Михаила Алексѣевича, котораго свадьба съ Калмычковой Бужениновой праздновалась въ 1749 году въ Ледяномъ домѣ.

и со всѣми прихотями роскошныхъ причудъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему пріатели и льстецы; и на этихъ потѣхахъ возобновлялась пышность древнихъ азіятскихъ сатраповъ, исчезало время и богатое наслѣдство. Лѣтъ за пять до моего знакомства уже все перемѣнилось. Подагра приковала Карина къ постели и къ кресламъ. Его причисляли къ какимъ-то Вольтеріанцамъ, но у него и помину не было ни о какомъ вольнодумствѣ философовъ XVIII столѣтія. Онъ весь, такъ сказать, жилъ въ трагедіяхъ Расина, переводилъ его *Ифигенію*; нѣсколько разъ переводилъ отъ перваго до послѣдняго стиха, и пѣвнясь французскимъ подлинникомъ, переносилъ въ свои стихи даже строчные знаки. Я сперва возражалъ на это, что языкъ имѣетъ свои обороты, и что должно передавать духъ писателя а не внѣшнюю оболочку его слога; но наконецъ уступилъ его настойчивости. Переводъ *Ифигенію* отжилъ съ переводчикомъ.¹

Я слышалъ, что до размолвки своей съ женою, Каринъ былъ снисходителемъ и кротокъ въ домашнемъ быту, а потомъ сдѣлался сварливымъ и безпокойнымъ. Мнѣ удавалось останавливать его порывы, за чтѣ и прислуга его всегда радовалась моему пріѣзду, а это было почти каждый день. Имѣніе Карина было отдано подъ опеку. Въ числѣ его опекуновъ былъ Юрій Александровичъ Нелединскій². Пріѣзжая по дѣламъ, онъ читалъ хозяину свои пѣсни. Изъ всѣхъ тогдашнихъ писателей, одинъ Нелединскій не дарилъ меня никогда ни привѣтомъ, ни разговоромъ. Однажды только, но это было послѣ Карина, 1804 года, я былъ съ Нелединскимъ на обѣдѣ у княгини М. И. Голицыной. Разговаривая съ французскимъ учителемъ онъ сказалъ: „Теперь французскіе маршалы получили почести и богатства, имъ нечего болѣе желать: и теперешняго своего роскошнаго быта не захотятъ промѣнять на дымные бивуаки; французская революція кончилась.“ Учитель соглашался. Я возразилъ изреченіемъ Мирабо, что революція кончится тогда, когда изъ Европы перейдутъ въ Америку. Они пропустили это мимо ушей. Обстоятельства опровергали

¹ Изъ переводовъ Ф. Г. Карина напечатано переведенное имъ съ французскаго *Разсужденіе о добродѣтеляхъ и наградѣннхъ*. С.-Петербургъ 1769. Въ 1770 году въ Москвѣ вышла книжка его: *Правоучительныя правила выбранныя изъ свойствъ покойной графини М. В. Салтыковой*.

² Извѣстный стихотворецъ. Род. 1752, ум. 1829.

ихъ предположенія. Нелединскій былъ игрокъ; а давно сказано что у горячихъ игроковъ, никакая политика не вырветъ картъ изъ рукъ. У нихъ свои соображенія. Меня не удивляла опрометчивость сужденій Нелединскаго.

Но, вотъ, чему я не могъ не удивиться. Н. П. Николевъ, какъ было выше упомянуто, прибавилъ очень основательными политическiя замѣчанiя къ посланiю своему къ княгинѣ Дашковой.¹ Онъ былъ лучшимъ другомъ Карина, навѣщалъ его почти каждый день. Шатровъ, постоянный его вожатый, читалъ новыя его сочиненiя, но и онъ ни слова не говорилъ о тогдашнихъ необычайныхъ заграничныхъ происшествiяхъ. Даже въ исходѣ 1798 года переворотъ европейскiй и наши приготовления къ войнѣ — все это было для насъ дѣломъ постороннимъ.

Воспитанiе, богатство, роскошь, праздность отравили жизнь Карина, но сердце у него было доброе. По смерти московскаго архитектора Карина, остались въ горькой участи вдова его, два сына и двѣ дочери. Они не были ни въ какомъ колѣнѣ въ родствѣ съ Ф. Г. Каринымъ. По одному только имени онъ усыновилъ сиротъ. Заботился онъ и обо мнѣ. Однажды подаль мнѣ бумагу и сказалъ: „это ваше“. То была на мое имя купчая или дарственность на шестьдесятъ калужскихъ его душъ. Я изорвалъ записку и сказалъ: „Не возьму; я никогда не буду имѣть человека какъ собственность, и притомъ не понимаю сельскаго быта.“

Но былъ и для меня душевный праздникъ. Каринъ переводилъ для Сандуновой оперу: *Медея*. Нуженъ былъ человекъ который бы зналъ языки и музыку. Съ Д. Н. Кашинымъ познакомилъ меня Сандуновъ, а я ввелъ его къ Карину. Кашинъ принадлежалъ тогда Г. И. Бибикову. Восхищаясь музыкальнымъ его искусствомъ и голосомъ русскихъ пѣсень, Каринъ сказалъ мнѣ: „Надобно какъ-нибудь освободить Давиду Никитича изъ крѣпостнаго состоянiя. Сперва нападемъ на сердце его господина, а если эта попытка не удастся, я ничего не пожалѣю, чтобъ его выкупить. Вѣдь я еще не совсѣмъ промотался.“

Кашинъ былъ въ восторгѣ; а я предложилъ, чтобы для этого пригласить на совѣщанiе и Сандунова. Это было для за три до 1799 года, памятнаго для меня и незабвеннаго для

¹ Соч. Николаева, ч. 3 стр. 143.

Кашина. Сандуновъ тотчасъ пришелъ и по общему согласію положено было, чтобъ я писалъ то, что мы трое будемъ соображать. Вотъ начало письма. „Вы называете меня крестникомъ старшаго сына вашего Александра Гавриловича. Онъ крестилъ меня, отправляясь для укрощенія пугачевского бунта¹. Между различными должностями, былъ онъ начальникомъ русскаго петербургскаго театра, и по любви ко всему отличному, онъ желалъ, чтобъ я, крестникъ его, былъ актеромъ или музыкантомъ. Вы поручили меня знаменитому Сартію. Я былъ съ нимъ въ то время въ Яссахъ, когда мой наставникъ сочинилъ для князя Таврическаго концертъ: *Тебе Бога хвалилъ*, сопровождаемый ста пушечными выстрѣлами. Кромѣ музыки я приобрѣлъ знаніе языковъ. Италіанскій языкъ ознакомилъ меня съ Аріостомъ и съ Тассомъ. Вы дали мнѣ новую жизнь и я вашъ *крѣпостной слуга*.“ Я хотѣлъ прибавить: „Вы отецъ всѣхъ вашихъ людей.“ Каринъ прервалъ: „Къ чему это? двухъ дѣлъ не надо смѣшивать; мы просто говоримъ объ одномъ Кашинѣ.“ Сандуновъ совѣтовалъ написать, что такъ какъ Кашинъ даетъ уроки въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ, то наши бояре говорятъ: „конечно Кашинъ искусный музыкантъ; мы бываемъ въ его концертахъ; но онъ крѣпостной человекъ, и намъ неловко призывать его для уроковъ нашимъ дочерямъ.“ Я включилъ въ письмо слова Сандунова и съ общаго согласія прибавилъ: „Вы не только ничего не взыскиваете съ меня, но позволяете мнѣ жить въ домѣ своемъ; вы не употребляете меня ни для какихъ домашнихъ должностей. Но осмѣливаюсь сказать: вы въ крѣпостномъ моемъ состояніи не можете еще вполне убѣдиться въ приверженности моей къ вамъ. Окажите мнѣ послѣднее благодѣяніе, переимѣните мою участь, и вы увидите всю приверженность, и благодарность къ вамъ свободнаго моего сердца.“ Кашинъ поспѣшилъ къ своему господину. Часа черезъ два онъ прибѣжалъ къ намъ, запыхавшись и въ восторгѣ душевномъ, и бросясь обнимать насъ, повторялъ: „Я свободенъ, я свободенъ!“ И шампанское закупѣло въ бокалахъ. И съ какимъ выраженіемъ игралъ Кашинъ на фортепіанахъ русскія пѣсни! То былъ первый день его свободы.

¹ Тутъ явная ошибка. Отецъ Александра Ивича, побѣдителя Пугачева, Илья Александровичъ умеръ еще въ 1784 году. Дѣло, конечно, идетъ о другихъ Бибиковыхъ.

III.

Между тѣмъ Бонапартъ, возмужавшій побѣдами на поляхъ Италиі, подобно Юлію Цезарю, какъ будто въ одно мгновеніе мелькнулъ въ трехъ частяхъ древняго міра, и на водахъ моря Средиземнаго и у пирамидъ Египетскихъ и въ предѣлахъ Сиріи. Въ то же время, т.-е. въ 1799 году, по всему пространству Рейна, отъ истока его до впаденія въ море кипѣли битвы грозныя, непрерывныя. Англія опасалась потрясенія владычества своего въ Восточной Индіи; Австрія видѣла паденіе древняго зданія германскаго. Англія и Австрія прибѣгли къ Павлу I и въ вожди войскъ ихъ просили Суворова. Павелъ принялъ на себя санъ покровителя вѣковаго рыцарства Мальтійскаго и изъявилъ согласіе. А Суворовъ, говоря его словами, изъ сельскаго своего уединенія, гдѣ въ скромной церкви на клиросѣ „пѣлъ басомъ, полетѣлъ пѣтъ Марсомъ“.

Но, побѣждая штыками, Суворовъ принужденъ былъ сражаться и съ батареями дипломатическими. И въ этой борьбѣ герой Италиі писалъ къ графу Ростопчину, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ: *1* „Дайте мнѣ волю или вольность. Чужую кровлю кроя, свою не должны раскрывать.“ И были побѣды за побѣдами, къ поддержанію *кровель* Англіи и Австріи.

Но ряды побѣдъ требуютъ новыхъ вспомогательныхъ рядовъ войскъ. Въ это время въ число вновь назначенныхъ войскъ включенъ былъ и *осьмисотный* отрядъ изъ осьми батальоновъ нашего Архаровскаго полка. Офицеры всѣхъ нашихъ батальоновъ собраны были на обширный дворъ Лефортовскихъ или Головинскихъ казармъ. Начался выборъ изъ насъ въ походъ, въ присутствіи начальника нашего, Ивана Петровича Архарова² и московскаго коменданта, Гессе. Изъ

¹ Т.-е. первоприсутствующему въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

² Братъ Николая Петровича, начальникъ извѣстнаго Архаровскаго полка.

батальйона гдѣ я служилъ назначили капитана Есипова. „Ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ: „у меня дѣлѣти разстроенныхъ душъ, да я же и языковъ не знаю; а штабсъ-капитанъ Глинка, говоритъ по французски.“ Есиповъ былъ любимецъ нашего полковника, почему и былъ подкрѣпленъ имъ. Отъ несправедливости сердце мое всегда кипѣло, и тутъ сильно вспыхнуло: вынувъ изъ кармана пяти-рублевую ассигнацію, я сказалъ: „Вотъ теперь все мое состояніе: но я иду!“ Тутъ стали обнимать меня начальники, и полковникъ А. Н. Сухотинъ сказалъ мнѣ: „Третьяго дня я сердился на васъ, полагая, что вы умышленно громко возразили на мои слова. Но теперь вижу что еще громче вызываетесь на поле битвы и славы.“

Много еще сыпалось на меня похвалъ. А я думалъ: пусть умру, пусть убьютъ, и пусть смерть моя сохранить жизнь другаго. Жизнь вещественная никогда не льстила меня и я никогда не заботился о ней.

Но Провидѣніе мимо меня заботилось обо мнѣ. На другой день послѣ вызова моего, тогдашній рачительный обер-полицеймейстеръ, Эртель, пріѣхалъ къ Архарову съ докладомъ и съ какими-то рукописными стихами, которые относили на мой счетъ. Иванъ Петровичъ возразилъ: „Не всякому слуху вѣрьте. Штабсъ-капитанъ Глинка вчера передъ цѣлымъ полкомъ доказалъ и показалъ усердіе къ государственной службѣ. Онъ самъ вызвался въ походъ.“ Походъ нашъ въ Италію не состоялся. По приходѣ нашего отряда въ Брестъ-Литовскъ, русскія войска возвращались уже изъ-за границы.

Въ Москву возвратился я капитаномъ. Рота моя ознакомилась и сблизилась со мною. Надо мною подшучивали, будто я не зналъ и дороги въ свою роту. Это не правда. Кто знаетъ дорогу къ сердцамъ солдатъ, тому нельзя не знать дорогу къ жилищу ихъ. Я зналъ когда надобно ходить, и ходилъ безъ повѣстокъ.

Но то правда, что я не любилъ затороплять и суетить людей. Училъ менѣ другихъ, а у меня молодецки выбрасывали ружьемъ. Голосъ у меня былъ споровистый, а ласка одушевляла солдатъ. Болѣе года управлялъ я ротою, и въ это время только двумъ рядовымъ дано по пятнадцати палокъ, и то по особенному случаю: ихъ подняла хмѣльными на улицѣ полиція. На другой день рота черезъ унтеръ-офицера

просила, чтобы виновные были наказаны, *ибо они дѣлаютъ стыдъ ротѣ*. Въ это время роты подъ Головинскимъ дворцомъ не были еще расчищены. Густота ихъ способствовала побѣгу солдатъ: у меня не было ни одного бѣглеца. Нерѣдко доводилось мнѣ ходить въ караулъ за майора, и тогдашней главнокомандующей, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ,¹ каждый разъ говорилъ мнѣ: „пора! пора въ майоры; у васъ и голосъ не капитанскій.“ Но у меня не то было на умѣ. Готовясь къ войнѣ, я еще болѣе убѣдился, что не способенъ къ ней, и что на поприще ея не заманивали меня ни чины, ни почести.

Въ исходѣ 1800 года я вышелъ въ отставку. Походъ и принятіе роты, отклонили меня отъ работы на театрѣ, отъ чего я нуждался въ деньгахъ. Рота, узнавъ объ этомъ, нарядила ко мнѣ фельдфебеля Такаева и унтеръ-офицера съ блюдомъ и на немъ съ двумястами рублей: „Рота, сказали они, узнала, что у васъ нѣтъ на дорогу денегъ. Помня вашу любовь къ намъ и ваши награды, рота проситъ васъ вмѣсто хлѣбъ-соли принять двѣсти рублей.“ Я благодарилъ моихъ добрыхъ сослуживцевъ, но денегъ не взялъ.

Опера моя, *Наталья боярская дочь*², сблизила меня съ Сандуновымъ, и при посредствѣ его я продалъ князю Долгорукову бібліотеку мою за триста рублей.

Припомню здѣсь, что послѣ перваго представленія моей *Натальи*, въ первый маскарадъ въ залѣ Благороднаго Собранія, князь Ю. В. Долгорукій явился въ одеждѣ боярина *Матюева*; зять его Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ³ въ одеждѣ *Алексыя*; знаменитая княгиня Дашкова въ нарядѣ *Натальи*, и такъ далѣе. Такимъ образомъ вся опера моя перешла въ маскарадъ, и послѣ сошла съ театра, уступивъ мѣсто драмѣ моей того же имени, также давно отжившей.

Незадолго до отставки моей, умеръ мой добрый пріятель Панценбитеръ, вышедшій изъ кадетскаго корпуса тремя годами прежде трагика Озерова. Превосходно зналъ языки и очень умно писалъ по-русски; на французскомъ языкѣ сочинилъ онъ трагедію *Красъ* и *Посланіе къ сибариту*; но жизнь

¹ Сынъ знаменитаго побѣдителя Фридриха II, графа Петра Семеновича род. 1737, ум. 1805.

² Напечатана уже позже, именно въ 1806 году, въ Москвѣ.

³ Въ посѣдствіи военный министръ. Род. 1769, ум. 1817.

его была далеко отъ нѣги сибаритской, и, странное дѣло, богатыя его познанія не доставляли ему никакой службы. Я не былъ еще тогда знакомъ съ Н. М. Карамзинымъ; а пріятель мой часто съ нимъ обѣдалъ и когда Карамзинъ послѣ обѣда курилъ трубку, онъ читалъ ему свою комедію: *Пять тысячъ рублей*. Слѣдующія мѣста особенно забавляли Карамзина:

ЛЮБОДЕНЬГИНЪ.

Племянницѣ моей сыскался женишекъ,
 Богатый секретарь, почтенный старичекъ.
 Я съ рода моего, въ теченіи полѣтка,
 Не выдывалъ еще честище челоуѣка.
 Онъ денегъ за женой не проситъ ничего;
 Нельзя не выдать мнѣ Клариссы за него.
 Пусть качествами онъ съ Клариссою несходенъ:
 Не качествами мужъ,—количествами годенъ.

Еще болѣе смѣялся Карамзинъ, слушая любовную челобитную *Секретаря Закарючкина* къ племянницѣ *Любоденьгина*, вотъ она:

Я, имеванный Василій Закарючкинъ,
 Въ теченіи двадцати и девяти годовъ,
 Лишился двухъ супруговъ и днесъ остался вдовъ;
 Супругу третью мнѣ потребно того ради,
 А послѣку вы зависите отъ дяди,
 Который обѣщалъ поставить мнѣ жену....

Важнѣе всего то, что содѣйствіемъ Н. М. Карамзина, бывшій тогда начальникомъ Московскаго театра князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ¹ купилъ для театра *Пять тысячъ рублей* за пятьдесятъ рублей! Было время, когда для насъ, инвадидныхъ труженниковъ чернильныхъ, и это казалось очень много.

Высказалъ я причину, что вызывало меня въ отставку, но по младенческой моей безпечности, не придумалъ: *чѣмъ и какъ буду жить въ отставку?* Изъ дома я ничего не получалъ, отъ работы отдалился, оставляя Москву. Но отдавъ себя безусловно подъ щитъ Провидѣнія, я и теперь, на западѣ жизни, не заношусь вдалѣ; живу какъ живется и не строю воздушныхъ замковъ. Возвратясь на родину, послѣ отставки, я увидалъ, что со смертію отца все измѣнилось. Послѣ него имѣніе осталось чистое; по заемнымъ письямамъ слѣдовало намъ еще получить значительную сумму.

¹ Въ послѣдствіи оберъ-камергеръ. Род. 1760, ум. 1834.

Но вскорѣ я замѣтилъ, что я на родинѣ былъ лицо постороннее. Старшій братъ мой Василій продалъ лучшую деревню нашу на Воицѣ, гдѣ цвѣли рощи дубовыя, гдѣ нивы золотились жатвою обильной, и гдѣ луга прірѣчные доставляли травы ароматныя. Страшно мнѣ было видѣть, когда продалъ онъ девять человѣкъ промышленнику рекрутами. Стыдъ великій, позоръ и горе той странѣ, гдѣ торгуютъ человѣчествомъ! 1801 года, противъ обыкновенія своего, родительница моя отправилась на масленицѣ за Смоленскъ въ деревню Рай, въ семи верстахъ отъ города, принадлежащую одному изъ родственниковъ нашихъ. Для три я былъ въ развѣздахъ по роднымъ, и возвратясь въ Рай, засталъ мать мою сидѣвшую въ креслахъ съ повязанною шеей. Цѣлую руку и слышу: „Сергѣй, я умру!“— „Не умирайте, сказалъ я, прослезясь:—при васъ мнѣ ничего не нужно, а безъ васъ все брошу на родинѣ и уѣду въ Украйну учителемъ.“

Сердце мое сильно волновалось; но я не подозрѣвалъ, что роковой часъ на шагъ отъ матери моей; зная, что при каждомъ усиленіи долготѣней ея болѣзни опасность близка, она въ тотъ же мигъ послала за священникомъ.

Хозяева и гости пошли ужинать. Я остался у постели матери моей. Вдругъ слышу ея рыданіе. Въ смущеніи душевномъ спрашиваю, о чемъ вы матушка плачете?

— Я умру! отвѣчала она: а сестра твоя, единственная моя дочь, останется въ бѣдности.

— Я отдамъ ей все мое наслѣдство, сказалъ я.

— Отдашь?

— Богомъ свидѣтельствую, что отдамъ!

Тутъ она меня перекрестила, и это было послѣднее ея благословеніе.

Я исполнилъ это святое слово, и отдалъ сестрѣ все наслѣдство движимое и недвижимое. Не хвалюсь этимъ. Я отдалъ крестьянъ какъ будто бы бремя тяготившее меня: люблю человѣчество, но людьми править не умѣю. Я отдалъ движимость, потому что мнѣ некуда было ее дѣвать.

Липась отца и матери и отдавъ все мое наслѣдство, я остался круглымъ сиротою на бѣломъ свѣтѣ. Куда преклонить голову? Куда ѣхать и зачѣмъ ѣхать? Но я шелъ подъ щитомъ Провидѣнія. А для этого не нужны ни торговыя, ни маклерскія книги, а довѣренность и безусловная надежда на Провидѣніе. .

ОТКЛОНЕНІЯ ОТВѢСА

ВЪ

МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ

Любопытныя изслѣдованія извѣстнаго профессора Московскаго университета, Б. Я. Швейцера, надъ отклоненіями отвѣса въ Московской губерніи, не только возбудили интересъ въ ученыхъ кружкахъ, но и въ публикѣ вызвали не мало вопросовъ и толковъ. Заговорили о пустотѣ, будто бы скрывающейся въ недрахъ земли подъ нашею древнею столицей и обнаруженной благодаря изслѣдованіямъ почтеннаго профессора; другіе толковали, что изслѣдованія г. Швейцера доказываютъ существованіе громаднѣхъ слоевъ каменнаго угля, залегающихъ подъ Москвою и обѣщающихъ намъ несмѣтныя богатства; говорили уже, что эти слои, указанные теоріей, найдены на практикѣ и т. д. Имѣя въ виду интересъ, возбужденный изысканіями московскаго астронома, мы желаемъ въ настоящей статьѣ ознакомить читателей съ истиннымъ характеромъ и значеніемъ изслѣдованій г. Швейцера.

Въ послѣднія сто лѣтъ ученые съ большимъ рвеніемъ занимались изслѣдованіемъ вида и величины земли, и изслѣдо-

ванія эти, сопряженныя съ огромными трудами и издержками, подвинулись на столько, что въ настоящее время мы съ большою точностью знаемъ ту геометрическую фигуру, которая очень близко подходитъ къ фигурѣ нашей планеты.

Точныя изслѣдованія показали, что геометрическое тѣло, близко подходящее къ истинной фигурѣ земли, есть эллипсоидъ вращенія или сфероидъ, происшедшій отъ обращенія нѣскольکو растянутаго круга или эллипсиса около меньшаго его поперечника. Меньшій поперечникъ (дiameterъ) земнаго сфероида идетъ по направленію оси вращенія земли, а большій лежитъ въ плоскости экватора; полярный diameterъ меньше экваторіальнаго приблизительно на 40 верстъ; первый относится ко второму какъ 298 къ 299. Эта $\frac{1}{299}$ доля большаго поперечника, которою разнится отъ него меньшій поперечникъ, называется *сжатіемъ* земнаго сфероида.

Такъ какъ это сжатіе имѣетъ небольшую величину, то въ случаяхъ, когда не требуется очень большой точности, землю можно разсматривать какъ правильный шаръ. Почти излишне прибавлять, что когда тѣло идетъ объ общей фигурѣ земли, то нѣтъ надобности обращать вниманіе на неровности ея поверхности, такъ какъ эти неровности вполне ничтожны въ сравненіи съ размѣрами нашей планеты.

Но и самый эллипсоидъ вращенія, какъ сказано, только *приблизительно* представляетъ наружное очертаніе земли, ибо измѣреніе земли по различнымъ меридіанамъ даетъ не совсѣмъ одинаковое сжатіе, такъ что, строго говоря, землю нельзя принять за совершенно правильное геометрическое тѣло.

Общее понятіе о фигурѣ земли выводится изъ совокупности наблюденій, произведенныхъ на большомъ протяженіи. Но съ вопросомъ объ общей фигурѣ нашей планеты тѣсно связанъ вопросъ о подробномъ изслѣдованіи земной поверхности, въ различныхъ мѣстахъ, на маломъ протяженіи, напримѣръ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, съ цѣлью изучить особенности и отступленія объ общей формы земной поверхности въ различныхъ частныхъ случаяхъ.

Если мы будемъ разсматривать поверхность геометрическаго сфероида, представляющаго фигуру нашей планеты, на маломъ протяженіи, то эта поверхность будетъ мало разниться отъ поверхности сферической; другими словами, малую часть поверхности сфероида можно разсматривать какъ часть сферы. Отъ такого приведенія сфероидальной поверхности

къ сферической не страдаетъ точность, а соображенія упрощаются. Переходя отъ поверхности воображаемаго сфероида къ дѣйствительной поверхности земли, мы можемъ поставить своею задачею сравненіе теоретической поверхности съ тѣмъ что дѣйствительно встрѣчается въ данной мѣстности. Чтобъ уяснить себѣ задачу и сдѣлать наши разсужденія по возможности простыми, отнесемъ ихъ къ ровной поверхности океана, покрывающаго значительнѣйшую часть земнаго шара и не представляющаго тѣхъ неровностей, возвышеній и углубленій, какія встрѣчаются на сушѣ. Безъ сомнѣнія, точное изслѣдованіе поверхности моря на практикѣ представило бы неодолимыя затрудненія, но теоретическое разсмотрѣніе этого случая позволить намъ ясно представить условія задачи, которую распространимъ потомъ и на случаи суши. Есть любопытное физическое явленіе, имѣющее важное значеніе при опредѣленіи фигуры земли и ближайшимъ образомъ связанное съ видомъ свободной поверхности жидкой массы. Извѣстно, что направленіе нити, на которой помѣщено тяжелое дѣло, направленіе называемое *отвѣсомъ*, перпендикулярно къ свободной поверхности жидкости помѣщенной подъ этимъ отвѣсомъ. Эти два явленія: направленіе отвѣса и поверхность, принимаемая жидкою массой, связаны между собою, потому что зависятъ отъ одной и той же причины, отъ дѣйствія земнаго притяженія, съ одной стороны, на тѣло висѣщее на нити, съ другой, на частицы жидкости, свободная поверхность которой, вслѣдствіе удобоподвижности частицъ жидкой массы, во всякой точкѣ располагается перпендикулярно къ направленію силы, дѣйствующей въ этой точкѣ. Потому поверхность океана въ данномъ мѣстѣ уже опредѣляетъ направленіе отвѣса въ этомъ мѣстѣ, и наоборотъ, направленіемъ отвѣса совершенно точно опредѣляется направленіе поверхности океана, ибо отвѣсъ перпендикуляренъ къ малой части поверхности океана, лежащей непосредственно подъ нимъ. Но съ другой стороны, на сферической поверхности *радіусъ* также перпендикуляренъ къ малой части поверхности (элементу), разсматриваемой около точки, чрезъ которую этотъ радіусъ проведенъ. Слѣдовательно, если поверхность океана въ данной мѣстности есть поверхность сферическая, то отвѣсы, помѣщенные въ разныхъ точкахъ этой мѣстности, должны направленіемъ своимъ совпадать съ направленіемъ радіусовъ соотвѣтствующихъ этимъ точкамъ, и будучи мысленно

продолжены, должны пересѣчься въ одной точкѣ—центрѣ земли. Отвѣсная линія, горизонтальная плоскость (то-есть плоскость перпендикулярная къ направленію отвѣса) суть физическія линія и плоскость, ихъ направленіе строго можетъ быть опредѣлено нашими снарядами, и потому съ помощію астрономическихъ наблюденій можно съ большою точностію опредѣлить относительное направленіе отвѣсовъ въ различныхъ точкахъ данной мѣстности и углы, которые они образуютъ между собою въ случаѣ пересѣченія. Съ другой стороны, измѣривъ на изслѣдуемой поверхности кратчайшее разстояніе двухъ пунктовъ, мы можемъ, въ случаѣ если эта поверхность есть сферическая, опредѣлить на основаніи простыхъ геометрическихъ соображеній уголъ между радіусами, проходящими чрезъ эти пункты, и потомъ сравнить этотъ уголъ съ угломъ между отвѣсами, полученнымъ изъ непосредственныхъ астрономическихъ наблюденій. Отвѣсныя линіи въ разсматриваемой нами части земной поверхности, въ случаѣ правильности ея, должны идти по радіусамъ сферы проведеннымъ чрезъ тѣ же точки, а въ случаѣ неправильности, отклоняться отъ нихъ. Конечно, производить геодезическія операціи и съ точностію измѣрять разстоянія на поверхности моря невозможно, но всѣ предыдущія разсужденія могутъ быть приложены и къ случаю суши, если только подъ именемъ *земной поверхности* въ изслѣдуемомъ мѣстѣ будемъ разумѣть не кажущееся очертаніе суши, а нѣкоторое условное понятіе, значеніе котораго постараемся теперь объяснить.

Понятно, что направленіе отвѣсовъ въ различныхъ точкахъ изслѣдываемой мѣстности на сушѣ можно изучать безъ особыхъ трудностей, но, конечно, нельзя сказать, что направленіе отвѣса перпендикулярно къ твердой поверхности земли въ томъ мѣстѣ гдѣ этотъ отвѣсъ помѣщенъ. Для того чтобы воспользоваться указаніями отвѣсовъ, условились подъ именемъ земной поверхности въ данномъ мѣстѣ разумѣть не ту *видимую* поверхность, которая представляется нашимъ глазамъ, то въ видѣ горъ и горныхъ хребтовъ, то въ видѣ равнинъ, низменностей и долинъ, но нѣкоторую идеальную поверхность, которая помощію наблюденій отвѣса и уровня можетъ быть вполне опредѣлена для каждой мѣстности. Эта идеальная поверхность, есть какъ бы продолженная въ воображеніи по всему земному шару спокойная поверхность

океана. Упомянутое выше свойство отвѣса даетъ намъ возможность продолжать повсюду на землѣ поверхность океана внутрь суши, начиная съ береговъ; во всякомъ мѣстѣ, какъ бы неровно оно ни было, отвѣсъ съ точностію указываетъ направленіе той идеальной поверхности, которая разстигается подъ этимъ мѣстомъ. Такимъ образомъ, идя съ отвѣсомъ въ рукахъ отъ береговъ океана внутрь суши, можно мысленно срѣзать всю сушу какъ разъ по идеальной поверхности; при этомъ получится та фигура земли, которую изслѣдуетъ и измѣряетъ геодезія.

Принявъ въ соображеніе показанія отвѣса, мы можемъ геодезическія измѣренія, совершаемыя на неровной поверхности суши отнести къ поверхности идеальной, какъ будто бы они совершались на этой послѣдней.

Всѣ соображенія и выводы, какіе мы сдѣлали относительно ровной поверхности океана, мы можемъ приложить и къ этой идеальной поверхности и изслѣдовать, на сколько она разнится отъ теоретической поверхности, какую даетъ разсмотрѣніе общей фигуры нашей планеты. Какъ уже сказано, уголъ между двумя отвѣсными линіями опредѣляется съ большою точностію при помощи астрономическихъ наблюденій; уголъ между двумя радіусами сферы можно точно вычислить по измѣренному разстоянію между тѣми точками, чрезъ которыя проведены эти радіусы, а разстояніе измѣряется при помощи геодезическихъ дѣйствій, которыя удобно произвести на сушѣ.

Если случится что въ какомъ-нибудь мѣстѣ идеальная поверхность земли не совпадаетъ съ теоретической, которую для простоты разсматриваемъ какъ поверхность сферическую, то и радіусы сферической поверхности не совпадутъ съ отвѣсами, и насколько расходятся направленія этихъ двухъ поверхностей, настолько же будутъ отклоняться отвѣсы отъ соотвѣтствующихъ радіусовъ. Сказать, что фигура земли имѣетъ неправильность въ какой-нибудь мѣстности—все равно что сказать, что въ этой мѣстности существуетъ отклоненіе отвѣса.

Какъ отклоненіе стрѣлки вѣсовъ отъ вертикальнаго направленія указываетъ на отклоненіе коромысла отъ горизонтальнаго положенія, такъ точно отклоненіе отвѣса отъ радіуса сферы, или точнѣе отъ нормали сфероида, указываетъ на уклоненіе идеальной поверхности земли отъ геометрической

правильной поверхности, принимаемой за основную форму земли.

Отъ какихъ же причинъ можетъ происходить отклоненіе отвѣса въ данной мѣстности? Легко понять, напримѣръ, что если между двумя пунктами данной мѣстности находится удивенная горная масса, то притяженіе ея можетъ произвести въ разсматриваемыхъ пунктахъ отклоненіе отвѣсовъ отъ нормальнаго направленія. Но замѣтимъ, что по наружному очертанію почвы еще нельзя сдѣлать заключенія о существованіи отклоненія отвѣсовъ или, что все равно, о правильности или неправильности идеальной поверхности земли въ данной мѣстности. Отклоненіе отвѣса зависитъ главнымъ образомъ отъ распредѣленія массъ внутри земной коры въ данной мѣстности.

Такъ, напримѣръ, возможно, что отъ дѣйствія вулканическихъ силъ въ какой-нибудь части земной коры, состоявшей изъ правильныхъ слоевъ, образовалось значительное возвышеніе, которое между тѣмъ очень мало измѣнило распредѣленіе массъ въ этомъ мѣстѣ; напротивъ того, совершенно ровная поверхность почвы можетъ прикрывать лежащія одинъ вблизи другаго слои веществъ различной плотности. Такимъ образомъ отвѣсъ можетъ довольно незначительно отклоняться около большой горы и претерпѣвать сильное отклоненіе на ровномъ мѣстѣ.

Отсюда мы видимъ, что по наблюденію отклоненій отвѣса, по положенію нулевыхъ и проч. линій, можно дѣлать заключенія о распредѣленіи плотности въ земной корѣ данной мѣстности.

Ислѣдованіе такихъ мѣстныхъ отклоненій отвѣса, или, что тоже, такихъ мѣстныхъ неправильностей въ фигурѣ земли, сдѣлалось возможно только съ тѣхъ поръ, когда довольно точно была опредѣлена основная форма земли, потому что неправильности суть только отступленія отъ этой основанной формы.

Отклоненія отвѣса дѣйствительно замѣчены въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности. Такъ Лежандръ, подвергая строгимъ вычисленіямъ измѣренія произведенныя по Парижскому меридіану, пришелъ къ заключенію, что слои земли въ этой мѣстности должно принять неоднородными и что эта неоднородность производитъ отклоненія отвѣсной линіи по различнымъ направленіямъ относительно странъ свѣта. Бессель говоритъ, что точныя измѣренія въ Восточной Пруссіи

несомнѣнно указываютъ на отклоненія идеальной поверхности земли отъ правильной геометрической поверхности, и прибавляетъ, что, вѣроятно, первая изъ этихъ поверхностей такъ относится ко второй, какъ неровная поверхность приведенной въ движеніе воды къ поверхности воды въ спокойномъ состояніи. Отклоненія отвѣса замѣчены также вблизи горъ, на примѣръ, около Шимборазо, въ сосѣдствѣ съ цѣпью Альповъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Но нигдѣ подобныя отклоненія не были изслѣдованы такъ подробно и точно, какъ въ окрестностяхъ Москвы, директоромъ Московской астрономической обсерваторіи, Б. Я. Швейцеромъ. Наблюденія, изъ которыхъ выведены отклоненія, и полученные изъ наблюденій результаты помѣщены въ недавно вышедшемъ сочиненіи г. Швейцера, подъ заглавіемъ: *Изслѣдованіе мѣстной аттракціи, существующей около Москвы.*

Выше мы говорили объ углѣ между двумя отвѣсными линіями. Астрономія прямо опредѣляетъ собственно не этотъ уголъ, но углы каждаго изъ отвѣсовъ съ плоскостію экватора и съ плоскостію какого-нибудь меридіана, принятаго за главный; первый уголъ есть географическая широта, второй—долгота. Но по широтамъ и долготамъ двухъ пунктовъ простымъ вычисленіемъ опредѣляется уголъ между ихъ отвѣсными линіями.

Когда мы говоримъ, что уголъ между двумя отвѣсами не таковъ, каковъ долженъ быть, судя по разстоянію между ними на поверхности земли, то это значитъ, что разность ихъ широтъ, или долготъ, или широтъ и долготъ вмѣстѣ, не соотвѣтствуетъ этому разстоянію, то-есть не равна подобнымъ разностямъ для радіусовъ сферы, проходящихъ чрезъ тѣ точки, въ которыхъ помѣщены отвѣсы.

Такъ, на примѣръ, широта села Богородицкаго (Московской губ.) есть $55^{\circ} 10' 33''.2$, а широта Ивана Великаго равна $55^{\circ} 44' 53''.3$, разность этихъ широтъ есть $34' 20''.1$, между тѣмъ какъ по точно измѣренному разстоянію и взаимному положенію Богородицкаго и Ивана Великаго разность ихъ широтъ должна простираться до $34' 29''.4$, то-есть должна быть больше предыдущей разности, полученной изъ астрономически опредѣленныхъ положеній отвѣсныхъ линій въ этихъ пунктахъ, на 9 секундъ.

Опредѣливъ астрономически широту Богородицкаго и

придавая къ ней $34^{\circ} 29'.4$, мы ожидаемъ найти широту Ивана Великаго равной $55^{\circ} 45' 2''.6$, а между тѣмъ непосредственно опредѣленная широта Ивана Великаго равна, какъ видѣли выше, $55^{\circ} 44' 53''.3$. Широту какого-нибудь пункта (въ нашемъ примѣрѣ Ивана Великаго), полученную не прямо изъ астрономическихъ наблюдений, но выведенную изъ непосредственно полученной широты другаго пункта (въ нашемъ примѣрѣ Богородицкаго), при помощи геодезически измѣрннаго относительнаго положенія обоихъ пунктовъ, условимся—для краткости—называть *геодезическою* широтой, въ отличіе отъ непосредственно опредѣленной, *астрономической* широты.

Когда изъ астрономической широты Ивана Великаго вычтемъ $34^{\circ} 29'.4$, то получимъ геодезическую широту Богородицкаго, которая будетъ $55^{\circ} 10' 23''.9$, между тѣмъ какъ астрономическая широта его есть $55^{\circ} 10' 33''.2$.

Изъ такого несогласія астрономической и геодезической широты слѣдуетъ, что отвѣсная линія отклонена либо въ Богородицкомъ, либо у Ивана Великаго, либо и въ томъ и въ другомъ пунктѣ. Какъ теперь опредѣлить, гдѣ именно и на сколько отклоненъ отвѣсъ?

Для этого нужно взять значительное число пунктовъ, разнообразно расположенныхъ относительно Богородицкаго и Ивана Великаго, то-есть находящихся отъ нихъ на различныхъ разстояніяхъ и по различнымъ направленіямъ,—къ сѣверу, къ югу, къ западу, къ востоку и т. д.

Если эти новые пункты лежатъ за предѣлами мѣстной неправильности земли, то сравненіе широты каждаго изъ нихъ съ широтами Богородицкаго и Ивана Великаго, подобное тому, какое выше было сдѣлано относительно двухъ послѣднихъ пунктовъ, укажетъ мѣсто отклоненія отвѣса и величину этого отклоненія. Такъ, если найдемъ, что геодезическая широта Богородицкаго получается одна и та же (конечно въ предѣлахъ погрѣшностей наблюдений) изъ всѣхъ пунктовъ и притомъ равна астрономической его широтѣ, а для Ивана Великаго являются между геодезическою и астрономическою широтами такія же разности какъ и прежде, то будемъ имѣть право заключить, что мѣстное отклоненіе отвѣса существуетъ именно около Ивана Великаго и, по широтѣ, равно 9 секундамъ.

Отъ этого примѣра, дающаго понятіе объ исслѣдованіяхъ

надъ отклоненіями отвѣса, перейдемъ къ подробностямъ изслѣдованій произведенныхъ въ Московской губерніи.

Основаніемъ для изысканій г. Швейцера послужили геодезическія измѣренія генеральнаго штаба, произведенныя между прочимъ и въ Московской губерніи. При этихъ измѣреніяхъ были опредѣлены астрономическія широты семи пунктовъ Московской губерніи, расположенныхъ въ различныхъ направленіяхъ относительно Москвы. Ближайшій изъ этихъ пунктовъ, Жирово, находится почти въ 60 верстахъ отъ Москвы, а отдаленнѣйшій, Рождествено, въ 145 верстахъ.

Когда изъ широтъ этихъ пунктовъ, при помощи геодезическихъ измѣреній, была выведена геодезическая широта Ивана Великаго, то получилось среднимъ числомъ $55^{\circ} 45' 2.''9$, а астрономическая широта есть, какъ видѣли уже, $55^{\circ} 44' 53.''3$, такъ что разность между ними болѣе 9 секундъ.

Мало того — почти такая же разность между астрономической и геодезической широтами Ивана Великаго получается изъ другихъ, еще болѣе отдаленныхъ пунктовъ. Изъ широтъ Валдая, Смоленска и Петербурга (башня Академіи Наукъ) получается геодезическая широта, разнящаяся отъ астрономической больше чѣмъ на $8''$.

Такимъ образомъ нужно заключить, что отклоненіе отвѣса является въ той мѣстности гдѣ находится Иванъ Великій, и что причина, производящая его, перестаетъ дѣйствовать, или производитъ значительно меньшее дѣйствіе въ сказанныхъ семи пунктахъ Московской губерніи, не говоря уже о пунктахъ болѣе отдаленныхъ.

Чтобъ опредѣлить границы того пространства вокругъ Ивана Великаго, на которомъ имѣетъ мѣсто отклоненіе отвѣса, и изслѣдовать величину этого отклоненія, нужно сравнить геодезическія и астрономическія широты какъ можно большаго числа пунктовъ, лежащихъ около Москвы на меньшихъ разстояніяхъ чѣмъ прежде взятые пункты.

Такое изслѣдованіе начато было г. Швейцеромъ въ 1848 г. Но астрономическому опредѣленію широтъ значительнаго числа пунктовъ представилось много препятствій, которыя могли быть устраняемы только мало-по-малу. Съ одной стороны необходимы были денежные средства для совершенія экспедицій вокругъ Москвы; съ другой стороны требовались точные переносные инструменты для опредѣленія широты съ точностью по крайней мѣрѣ одной секунды, а такіе инстру-

менты могли быть употреблены въ дѣло только съ 1858 года. Наконецъ въ геодезическихъ данныхъ генеральнаго штаба находились значительныя погрѣшности, которыя нужно было исправить, и самыя измѣренія провѣрить въ важнѣйшихъ пунктахъ новыми измѣреніями.

Все это только въ послѣднее время было выпомнено на столько, что сдѣлалось возможнымъ вывести довольно опредѣленные заключенія относительно хода явленія и границъ того пространства, на которомъ оно имѣеть мѣсто.

Выводы г. Швейцера основываются теперь на разсмотрѣніи около ста пунктовъ, лежащихъ вокругъ Москвы на различныхъ отъ нея разстояніяхъ и по различнымъ направленіямъ. Широты этихъ пунктовъ были получены съ одной стороны непосредственно астрономически, съ другой стороны онѣ были выведены изъ астрономическихъ широтъ отдаленныхъ пунктовъ, при помощи геодезическихъ измѣреній. Разности между астрономическими и геодезическими широтами показываютъ и здѣсь существованіе отклоненій отвѣса въ направленіи меридіановъ.

Въ величинахъ этихъ отклоненій и въ распредѣленіи ихъ по пространству Московской губерніи обнаруживается замѣчательная правильность. Предполагая, что читатель имѣеть предъ собою подробную карту Московской губерніи, можно слѣдующимъ образомъ очертить ходъ явленія.

1) Въ направленіи съ В. С. В. на З. Ю. З., подъ угломъ почти въ 80° съ меридіаномъ Москвы, тянется по прямой линіи полоса, въ которой отвѣсъ не претерпѣваетъ никакого отклоненія; полосу эту можно назвать *нулевой зоной*. Она начинается, на сколько можно судить по имѣющимся наблюденіямъ, на востокъ отъ Москвы, между Никольскимъ и Зюзинымъ, и тянется въ сказанномъ направленіи между Косинымъ, и Островомъ, Коломенскимъ и Борисовымъ, Воронцовымъ и Ясеновымъ, Вязѣмами и Петровскимъ, Кубинскимъ и Дютковымъ. Меридіанъ Москвы пересѣкается ею подъ широтою $55^\circ 38'$. Въ точкахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ этой зоны отвѣсъ (нижняя его оконечность) отклоненъ къ сѣверу; въ точкахъ, находящихся южнѣе нулевой зоны, отвѣсъ отклоненъ къ югу.

2) Къ сѣверу и къ югу отъ нулевой зоны величины отклоненій отвѣса быстро возрастаютъ до тѣхъ поръ, пока не достигаютъ съ обѣихъ сторонъ наибольшей величины, около 8

секундъ; затѣмъ, при большемъ удаленіи отъ нулевой зоны къ сѣверу и къ югу, отклоненія мало-по-малу уменьшаются и совсѣмъ исчезаютъ, на сѣверѣ, около Пупкина и Архангельскаго, а на югѣ, около Матвѣевскаго.

3) Зоны *наибольшихъ* отклоненій отвѣса тянутся по обѣимъ сторонамъ нулевой зоны, главнымъ образомъ по тому же направленію, какъ и эта послѣдняя; но нулевая зона прямолинейна, а зоны наибольшихъ отклоненій замѣтно искривлены.

Сѣверная зона наибольшаго отклоненія (зона положительнаго наибольшаго отклоненія) проходитъ вблизи пунктовъ: монастыря Св. Саввы, Аксицина, Ивана Великаго, Андроніева монастыря и т. д.

Зона наибольшаго отклоненія къ югу (зона отрицательнаго наибольшаго отклоненія) проходитъ около Нара-Фоминскаго, Станислава, Суханова, Дыдылина и Чулкова. Разстояніе между зонами наибольшихъ отклоненій въ меридіанѣ Москвы достигаетъ 24—25 верстъ.

На востокъ и на западъ отъ Москвы въ настоящее время нельзя указать тѣхъ предѣловъ, гдѣ прекращаются отклоненія отвѣса; для этого нужно еще опредѣлить значительное число пунктовъ въ сказанныхъ направленіяхъ и на большихъ разстояніяхъ отъ Москвы чѣмъ тѣ пункты, до которыхъ въ настоящее время доведены наблюденія, и въ которыхъ еще вполне обнаруживаются дѣйствія причины производящей отклоненія отвѣса.

Такъ какъ въ долготѣ Москвы не оказывается такой разности между астрономическими и геодезическими результатами, какъ въ широтѣ, то можно заключить, что отклоненія отвѣса имѣютъ мѣсто только, или главнымъ образомъ, по направленіямъ меридіановъ.

Таковъ ходъ явленія и его предѣлы выведенные изъ наблюденій г. Швейцеромъ. Критическая оцѣнка астрономическихъ наблюденій и геодезическихъ измѣреній и истинно-научная осторожность въ заключеніяхъ, отличающія изслѣдованія г. Швейцера, не нуждаются въ похвалахъ: кто прочтетъ сочиненіе, заглавіе котораго приведено выше отдастъ имъ самъ должную справедливость.

Второй шагъ въ изслѣдованіи составляетъ теоретическое объясненіе явленія во всѣхъ его подробностяхъ.

Разности между астрономическими и геодезическими

широтами, описанныя выше, никоимъ образомъ нельзя приписать ошибкамъ наблюдений и измѣреній. Самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ отклоненій отвѣса на такомъ ровномъ мѣстѣ какъ окрестности Москвы можетъ служить гипотеза сильной мѣстной аттракціи, производимой неравномѣрнымъ распределеніемъ массъ въ слояхъ земли, лежащихъ подъ поверхностью Московской губерніи.

Разсмотримъ, какимъ образомъ неравномѣрность въ распределеніи массъ можетъ производить отклоненіе отвѣса. При этомъ останемся на самыхъ простыхъ условіяхъ, отъ которыхъ легко перейти и къ болѣе сложнымъ.

Вообразимъ себѣ большой шаръ, который будетъ представлять намъ землю. Пусть въ этомъ шарѣ вещество распределено равномѣрно, такъ что плотность шара одинакова во всѣхъ точкахъ. При такомъ условіи, отвѣсы, помѣщенные надъ различными точками поверхности шара, будутъ притягиваться по направленію къ его центру и слѣдовательно совпадутъ съ направленіями радіусовъ шара. Если теперь въ нашъ однородный шаръ введемъ небольшой шарикъ, изъ болѣе плотнаго вещества чѣмъ большой, и помѣстимъ его на небольшой глубинѣ подъ поверхностью этого послѣдняго, то отвѣсъ, находящійся на прямой линіи, соединяющей центры обоихъ шаровъ, не будетъ отклоненъ отъ радіуса большаго шара. Дѣйствительно, онъ притягивается въ направленіи къ центрамъ какъ большаго, такъ и малаго шара, и укрѣпленъ на линіи ихъ соединяющей, а слѣдовательно и совпадетъ съ этой линіей, которая есть въ то же время радіусъ большаго шара. Отвѣсы, помѣщенные вокругъ перваго, центральнаго, отвѣса на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, будутъ нѣсколько отклонены отъ соответствующихъ имъ радіусовъ большаго шара; ибо центръ малаго шара, притягивающаго отвѣсы всѣмъ избыткомъ своей массы, помѣщенъ для нихъ въ сторонѣ отъ того направленія, по которому дѣйствуетъ притяженіе большаго шара. Отклоненіе отвѣсовъ будетъ обнаруживаться по всѣмъ направленіямъ до такихъ разстояній отъ центральнаго отвѣса, на которыхъ масса малаго шара, или, точнѣе, избытокъ его массы, по своей отдаленности отъ отвѣсовъ, не будетъ въ состояніи измѣнить дѣйствіе большаго шара. Далѣе этихъ разстояній отклоненіе будетъ ничтожно, и отвѣсы направляются уже по радіусамъ большаго шара. Перехода отъ какого-нибудь изъ крайнихъ отвѣсовъ къ центральному чрезъ отвѣсы

промежуточные, мы будемъ, слѣдовательно, замѣчать, что отклоненія въ направленіи къ массѣ возмущающей дѣйствіе большаго шара постепенно увеличиваются; на нѣкоторомъ разстояніи отъ центральнаго отвѣса, которое опредѣляется величиною возмущающаго шара, его плотностью и глубиною подъ поверхностью большаго шара, отклоненіе будетъ имѣть наибольшую величину, и затѣмъ, съ большимъ приближеніемъ къ центральному отвѣсу, оно постепенно будетъ уменьшаться и наконецъ обратится въ нуль.

Еслибы мы подкрѣпили эти соображенія чертежомъ, мы увидѣли бы, что отъ центральнаго отвѣса до наиболѣе отклоненнаго величинны отклоненія возрастаютъ быстрѣе чѣмъ отъ крайнихъ къ наиболѣе отклоненнымъ, то-есть, другими словами, наиболѣе отклоненные отвѣсы значительно ближе къ центральному отвѣсу чѣмъ къ крайнимъ. Пространство на поверхности сферы, на которомъ проявляется дѣйствіе возмущающей массы будетъ ограничено кругомъ, который можно назвать нулевой линіей, потому что тутъ уже прекращается отклоненіе. Внутри этой кривой расположатся концентрическія съ нею кривыя одинаковаго отклоненія: во всѣхъ точкахъ каждой изъ нихъ величина отклоненія одна и та же. Между ними замѣчательнѣе другихъ будетъ линія наибольшаго отклоненія; наконецъ въ центрѣ помѣщается нулевая точка.

Если возмущающее тѣло будетъ не шаръ, но напримѣръ кольцо, опоясывающее весь большой шаръ на нѣкоторой глубинѣ подъ его поверхностью, то въ такомъ случаѣ внутренняя нулевая точка очевидно растянется въ цѣлую линію, которая будетъ представлять кругъ на большомъ шарѣ; параллельно этой линіи пойдутъ по обѣимъ сторонамъ ея линіи наибольшаго отклоненія и наконецъ еще далѣе отъ нулевой линіи, также параллельно ея направленію будутъ находиться внѣшнія нулевыя линіи. Отклоненіе отвѣсовъ, висѣщихъ по той и по другой сторонѣ нулевой линіи будетъ направлено къ этой послѣдней.

Если возмущающій шаръ будетъ имѣть меньшую плотность чѣмъ вещество большаго шара, или если это будетъ шаровидная пустота, то отклоненіе отвѣсовъ обнаружится и въ этомъ случаѣ, но направленіе отклоненій будетъ противоположно тому, какое имѣло мѣсто въ предыдущемъ случаѣ: оно будетъ направлено въ сторону отъ центральнаго отвѣса, отъ нулевой точки. Для пустаго кольца откло-

неніе будетъ направлено также не къ нулевой линіи, но отъ нея.

При избыткѣ массы, направленія двухъ отвѣсовъ, висящихъ по обѣ стороны нулевой линіи, сходятся быстрѣе чѣмъ соотвѣтственные имъ радіусы большаго шара, такъ что они пересѣкутся между поверхностію шара и его центромъ; при недостаткѣ массы пересѣченіе произойдетъ по ту сторону центра.

Предыдущія соображенія приведены для того чтобы показать, какимъ образомъ по наблюденію отклоненій отвѣса, по положенію нулевыхъ и пр. линій, можно дѣлать заключенія о плотности, формѣ и положеніи возмущающаго тѣла.

Когда возмущающее тѣло имѣетъ неправильную фигуру, то въ главныхъ чертахъ выводы останутся тѣ же, но линіи нулевая, наибольшихъ и равныхъ отклоненій будутъ такъ же неправильно искривлены. Въ этомъ случаѣ будетъ значительно труднѣе изъ наблюденій надъ отклоненіями отвѣса вывести заключенія о фигурѣ, плотности и положеніи возмущающаго тѣла. Придется дѣлать различныя гипотезы относительно возмущающаго тѣла, вычислять при каждой изъ такихъ гипотезъ отклоненія отвѣсовъ, производимыя возмущающимъ тѣломъ, и сравнивать эти вычисленныя отклоненія съ наблюдаемыми. Чѣмъ меньше будутъ разности такихъ сравненій тѣмъ удовлетворительнѣе гипотеза, — конечно, если она въ то же время болѣе другихъ согласна съ тѣми свѣдѣніями о строеніи земной коры, которыя въ настоящее время предлагаетъ геологія.

Послѣ многихъ, болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, г. Швейдербъ пришелъ къ тому заключенію, что можно вполне удовлетворительно объяснить всѣ явленія, какія представляетъ отклоненіе отвѣса въ меридіанѣ Москвы, если мы допустимъ, что поперекъ меридіана, съ востока на западъ, проходитъ слой земли, плотность котораго равна почти половинной плотности земной коры (pour fixer les idées, напр, плотности каменнаго угля или лигнита), а ширина простирается приблизительно отъ 24 до 29 верстъ, и что къ сѣверу и къ югу отъ этого слоя тянутся другіе два слоя, шириною въ 33 версты, плотность которыхъ въ полтора раза больше плотности земной коры. Толщина слоевъ при этомъ принимается въ 1584 русскихъ футовъ.

Нулевая зона тянется надъ среднимъ, менѣе плотнымъ

слоемъ. Можно принять, что слои эти лежатъ очень не глубоко подъ поверхностію земли, такъ какъ наблюденія не даютъ, повидимому, яснаго указанія на болѣе глубокое положеніе ихъ внутри земли.

Хотя предположеніе о двухъ слояхъ, плотность которыхъ въ полтора раза больше плотности земной коры, и представляется нѣсколько сомнительнымъ, однакоже плотность эту можно привести къ обыкновенной, напримѣръ къ плотности песчаника или известняка, измѣняя размѣры этихъ слоевъ, удваивая, напримѣръ, ихъ толщину. Указывая на эту возможность, г. Швейцерь замѣчаетъ также, что можно уменьшить толщину менѣе плотнаго слоя, при томъ или другомъ выборѣ ширины слоевъ.

Но эти изслѣдованія онъ отлагаетъ на будущее время, а до тѣхъ поръ считаетъ прочнымъ только тотъ выводъ, что менѣе плотный слой по срединѣ и болѣе плотные и не очень толстые слои по сторонамъ его могутъ произвести совершенно такія отклоненія отвѣса, какія дѣйствительно замѣчаются въ Московской губерніи.

При изслѣдованіи отклоненій отвѣса оставались безъ вниманія неровности почвы. Хотя эти неровности и могутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на положеніе отвѣса, дѣйствуя на него въ ту или въ другую сторону, однакоже въ нихъ нельзя искать причины отклоненій отвѣса около Москвы, такъ какъ около Москвы эти неровности очень незначительны. Дѣйствительно, чтобъ отклоненія отвѣса происходили по тѣмъ направленіямъ, которыя указываются наблюденіями, т. е. въ сторону отъ нулевой зоны, надобно было бы полагать, что тамъ, гдѣ проходитъ нулевая зона, т. е. къ югу отъ Коломенскаго, находится и самое низкое мѣсто; что отсюда къ сѣверу и къ югу, т. е. къ Подольску и къ Москвѣ, почва повышается равномерно и быстро. Но на самомъ дѣлѣ отъ Коломенскаго до Москвы почва быстро понижается, а къ Подольску хотя и повышается, но всего лишь на двѣ сажени. Эти данныя относительно неровности почвы заимствованы г. Швейцеромъ изъ нивелированія пространства отъ Москвы до Подольска, произведеннаго для постройки желѣзной дороги.

• Что касается до геогностическаго строенія верхнихъ слоевъ земной коры, которое также не остается безъ вліянія на отклоненіе отвѣса, то оно еще не изслѣдовано надлежащимъ образомъ, такъ что не имѣется точныхъ свѣдѣній о распредѣ-

леніи различныхъ веществъ у поверхности земли въ Московской губерніи. Скудныя и не вполне достовѣрныя данныя указываютъ только на то, что по рѣкѣ Пахрѣ, отъ Подольска до Москвы, находятся значительные слои известняка; почти параллельно этому направленію, отъ Дмитрова до Клина, лежатъ значительные каменные пласты, тогда какъ вся остальная мѣстность по большей части должна быть щебнистаго строенія.

Причину отклоненій отвѣса можно подвергнуть изслѣдованію еще инымъ способомъ, отличнымъ отъ того, который былъ разсмотрѣнъ выше. Способъ этотъ состоитъ въ наблюденіяхъ надъ качаніями маятника въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ замѣчены отклоненія отвѣса. Извѣстно, что, подъ данною широтой, маятникъ, совершающій одно колебаніе въ опредѣленное время, долженъ имѣть строго опредѣленную величину. Присутствіе подъ почвой массъ дѣйствующихъ на отвѣсъ, то-есть измѣняющихъ нѣсколько въ данной мѣстности общее притяженіе земли, не можетъ оставаться безъ вліянія и на колебанія маятника, продолжительность которыхъ зависитъ съ одной стороны отъ длины маятника, а съ другой отъ напряженности той силы, которая заставляетъ его колебаться.

Если произойдетъ измѣненіе въ этой силѣ, то при одной и той же длинѣ маятника измѣнится продолжительность его колебаній. Тотъ маятникъ, который по своей длинѣ въ Москвѣ долженъ бы былъ совершать одно колебаніе ровно въ секунду, секундный маятникъ, будетъ совершать въ различныхъ пунктахъ разсмотрѣнной выше полосы одно колебаніе во время большее или меньшее одной секунды, смотря по тому, будутъ ли подземныя массы ослаблять, или усиливать общее притяженіе земли въ данномъ пунктѣ. Точныя опредѣленія этихъ возмущеній маятника въ большомъ числѣ пунктовъ дадутъ возможность судить о распредѣленіи массъ подъ почвой.

При дальнѣйшихъ изысканіяхъ своихъ г. Швейцеръ намѣренъ для изслѣдованія мѣстной аттракціи произвести также наблюденія надъ маятникомъ.

Остается пожелать, чтобы внѣшнія обстоятельства были какъ можно благоприятнѣе этимъ чрезвычайно интереснымъ изысканіямъ.

Е. БРЕДИХИНЪ.

О НѢКОТОРЫХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

*Описаніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній Франціи, Бельгіи и Пруссіи.
Полковника Апухтина. С.-Петербургъ. 1863.*

Подъ этимъ заглавіемъ недавно вышло въ свѣтъ сочиненіе полковника Апухтина, который, по распоряженію бывшаго управляющаго межевымъ корпусомъ М. Н. Муравьева, былъ командированъ за границу для осмотра и изученія учебныхъ заведеній, отъ которыхъ можно было бы позаимствовать что-либо полезное для организациіи школъ межеваго вѣдомства. Въ первомъ отдѣлѣ книги, посвященномъ учебнымъ заведеніямъ Франціи, авторъ знакомитъ насъ съ устройствомъ знаменитой Политехнической школы въ Парижѣ и спеціальныхъ французскихъ школъ: генеральнаго штаба, артиллерійской и инженерной въ Мецѣ; далѣе сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о французскихъ лицеяхъ, не входя, впрочемъ, въ обсужденіе общей системы народнаго образованія во Франціи. Второй отдѣлъ книги посвященъ Бельгіи. Съ любовью останавливаясь на описаніи Брюссельской военной школы,

авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ подробно говоритъ объ устройствѣ бельгійскихъ первоначальныхъ школъ и атенеевъ, такъ какъ въ слѣдствіе болѣе продолжительнаго пребыванія въ Бельгіи и особенной доступности бельгійскихъ заведеній для иностранца, онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ общою системою образованія въ этой странѣ. Въ отдѣлѣ, посвященномъ Пруссіи, авторъ основательно знакомитъ читателя съ Королевско-прусскимъ кадетскимъ корпусомъ и наконецъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о прусскихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ.

Изъ этого перечня можно видѣть, что г. Апухтинъ не былъ исключителенъ въ своихъ наблюденіяхъ; онъ осматривалъ и гражданскія и военныя школы, и его замѣтки имѣютъ общій интересъ.

Книга г. Апухтина, какъ нельзя болѣе кстати, является въ печати теперь, когда подняты вопросы о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній, объ учрежденіи въ Москвѣ сельскохозяйственной академіи, о новомъ уставѣ для гимназій и училищъ и т. д. Въ виду всѣхъ этихъ начинаній знакомство съ лучшими заграничными школами можетъ быть въ высшей степени поучительно. Не имѣя въ виду подробно знакомить читателей съ содержаніемъ книги г. Апухтина, обратимъ вниманіе на нѣкоторые пункты, которые кажутся намъ особенно интересными.

У насъ, напримѣръ, часто толкуютъ о вступительныхъ экзаменахъ. Иной разъ весьма почтенные люди говорятъ въ пользу послабленія, допущенія возможно-большаго числа желающихъ къ источнику свѣта. Посмотримъ, какъ этотъ вопросъ разрѣшается въ заведеніи, приобрѣтшемъ всемірную славу тѣмъ, что большая часть славныхъ французскихъ математиковъ и естествоиспытателей нашего столѣтія, вышли изъ его стѣнъ. Мы говоримъ о знаменитой парижской Политехнической школѣ. Методы ученья въ заведеніи, выпускающемъ такихъ учениковъ, конечно заслуживаютъ полнаго вниманія.

Вступительный экзаменъ въ Политехническую школу производится публично. Отъ вступающаго требуются и словесные и письменные отвѣты. Экзаминаторовъ для вступительнаго экзамена пять. Они назначаются военнымъ министромъ на три года и производятъ экзаменъ въ Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Франціи, каждый разъ для этого

назначаемыхъ. Они получаютъ жалованье такое же, если не ошибаемся, какъ профессора, и имѣютъ своею единственною обязанностию производить вступительное испытаніе. Экзаменъ раздѣляется на двѣ степени; двое изъ экзаменаторовъ производятъ экзаменъ предварительный, или *первой степени*, а трое другихъ—окончательный или экзаменъ *второй степени*.

Предварительный экзаменъ производится съ цѣлю устранить недостаточно приготовленныхъ, и на основаніи его составляется списокъ кандидатовъ, допускаемыхъ къ окончательному испытанію.

Прежде всего каждый кандидатъ представляетъ известное число вычисленій, плановъ и рисунковъ, имъ самимъ сдѣланныхъ и засвидѣтельствованныхъ тѣмъ учителемъ, подъ руководствомъ котораго онъ занимался. Если какимъ-либо образомъ откроется, что какая-нибудь изъ этихъ работъ сдѣлана не самимъ кандидатомъ, то онъ немедленно устраняется отъ испытанія.

Потомъ до начала словеснаго экзамена, кандидатамъ предлагаютъ для письменныхъ отвѣтовъ вопросы, заранее приготовленные и отнюдь не выходящіе изъ программъ; кромѣ того пишутся сочиненія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такъ какъ часто письменное и словесное испытаніе производятся въ различныхъ городахъ, то письменные отвѣты дѣлаются въ присутствіи не экзаминаторовъ, но особыхъ, назначаемыхъ военнымъ министерствомъ, офиціальныхъ лицъ, обыкновенно артиллерійскихъ и инженерныхъ, по большей части изъ бывшихъ учениковъ Политехнической школы. Имъ вменяется въ обязанность строго наблюдать, чтобы кандидаты писали сами, а не списывали другъ у друга. Всякая попытка къ нарушенію этого правила со стороны кандидата сопровождается немедленнымъ устраненіемъ отъ испытанія.

Каждому кандидату дается на всѣ письменные отвѣты около 24 часовъ, распределяемыхъ по предметамъ на нѣсколько дней: въ день приходится два засѣданія по три или четыре часа каждое. Письменные отвѣты экзаменующихся запечатываются въ ихъ присутствіи и потомъ передаются экзаминаторамъ, которые, по разсмотрѣніи отвѣтовъ, устраняютъ вполнѣ неудовлетворительныхъ. Прочіе допускаются къ словесному испытанію. Первая часть этого испытанія производится, какъ сказано, двумя экзаминаторами, причемъ каждый

кандидатъ изъ каждаго предмета экзаменуется порознь и тѣмъ и другимъ экзаминаторомъ.

По окончаніи этой части словеснаго испытанія отвѣтки обоимъ экзаминаторовъ сравниваются, и въ случаѣ разногласія кандидатъ переэкзаминовывается обоими экзаминаторами вмѣстѣ. Такимъ образомъ выходитъ, что словесное испытаніе бываетъ двойное, а иногда тройное, по каждому предмету. По сравненіи отвѣтовъ составляется списокъ кандидатовъ, допускаемыхъ къ экзамену второй степени.

На строгомъ основаніи правилъ, каждый изъ трехъ экзаминаторовъ долженъ спросить каждаго изъ испытуемыхъ и употребить на это по каждому предмету около полутора часа времени. Впрочемъ это строгое требованіе на практикѣ не вполнѣ соблюдается.

Списки кандидатовъ съ отвѣтками экзаминаторовъ, какъ по словеснымъ такъ и по письменнымъ отвѣтамъ, представляются военному министру, который передаетъ ихъ начальнику школы для составленія классификаціи.

Классификація дѣлается особою комиссіей, состоящею, подъ предсѣдательствомъ начальника, изъ его помощника, директора классовъ (*directeur des études*, въ родѣ нашего инспектора классовъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ), трехъ членовъ совѣта усовершенствованія Политехнической школы и пяти экзаминаторовъ.

На эту комиссію возлагается обязанность рассмотреть всѣ документы, относящіяся до каждаго кандидата, и баллы полученные каждымъ изъ нихъ. Эти баллы по каждому предмету особо помножаются на число, *показывающее степень важности* предмета (*coefficient d'importance*); сумма произведеній опредѣляетъ мѣсто кандидата въ списокѣ. Коэффициенты важности у насъ не въ употребленіи, но во Франціи и въ Бельгіи они встрѣчаются во многихъ школахъ.

Каждый кандидатъ извѣщается особымъ письмомъ о принятіи его въ школу, и, въ случаѣ неявки къ назначенному сроку, исключается.

Полагаютъ вообще, что къ поступленію въ Политехническую школу готовятся до четырехъ тысячъ молодыхъ людей, экзаменъ держатъ до тысячи двухъ сотъ, и поступаютъ въ школу около ста семидесяти.

Прибавимъ еще, что экзамирующійся въ Политехническую школу долженъ уже имѣть степени бакалавра словесныхъ и

бакалавра математическихъ наукъ, и что курса нашихъ гимназій особенно по математическимъ предметамъ далеко не достаточно для приготовленія къ этому экзамену.

Еще бѣльшими формальностями окруженъ вступительный экзаменъ въ Брюссельское военное училище. Впервыхъ отъ испытанія кандидата устраняются тѣ экзаминаторы, которые принимали какое-либо участіе въ его приготовленіи къ экзамену. Всему ходу экзамена ведется самый акуратный протоколъ, въ которомъ по числамъ записываютъ, подъ чьимъ предсѣдательствомъ былъ экзаменъ, кто изъ кандидатовъ, изъ какого предмета, въ продолженіи какого времени и какими именно профессорами былъ спрошенъ, кто именно изъ профессоровъ и сколько времени занимался оцѣнкою письменныхъ работъ. Наконецъ въ этомъ же протоколѣ выражается мнѣніе комиссіи объ общемъ результатѣ испытаній. Такъ въ протоколѣ за 1859 годъ значится, что изъ 62 державшихъ экзаменъ двое оказались совершенно неудовлетворительными, и только 29 могутъ быть приняты въ школу; что комиссія, по этому результату и вообще по всему ходу экзаменовъ, единогласно признаетъ познанія экзамирующихся весьма слабыми; что письменные отвѣты изъ математики показали полное незнаніе этого предмета многими изъ кандидатовъ, и что, наконецъ, комиссія считаетъ своею обязанностію обратить вниманіе высшей власти, на необходимость серіозныхъ улучшеній преподаванія въ атенейхъ и другихъ школахъ государства.

Считаемо не лишнимъ замѣтить, что комиссія составляется изъ профессоровъ университетовъ и атенеевъ (гимназій), и что посторонніе профессора за каждый часъ засѣданія получаютъ по 5 франковъ и, сверхъ того, если они не изъ Брюсселя, за всякій день по 20 франковъ. Такъ производятся вступительныя испытанія въ значительныхъ спеціальныхъ заведеніяхъ Франціи и Бельгіи.

Въ прошлое лѣто бывъ за границею я имѣлъ случай присутствовать на вступительныхъ экзаменахъ въ нѣкоторыхъ техническихъ заведеніяхъ и говорить объ этомъ предметѣ со многими учеными. Въ Германіи и Швейцаріи извѣстнѣйшіе педагоги высказывали мнѣ сожалѣніе о послабленіи вступительныхъ испытаній въ нѣкоторыхъ политехническихъ школахъ, число которыхъ теперь довольно велико. Многіе убѣждены, что такое послабленіе будетъ имѣть вредное

вліяніе на среднія учебныя заведенія, и можетъ быть причиною упадка серіозныхъ занятій наукою какъ въ приготовительныхъ училищахъ, такъ и въ высшихъ школахъ. Наконецъ наполненіе заведеній мало подготовленными слушателями нерѣдко служитъ источникомъ печальныхъ отклоненій учащихся отъ своего долга, и слѣдовательно, вредитъ успѣхамъ преподаванія. Все это я неоднократно слышалъ по поводу незначительныхъ безпорядковъ въ Цюрихской политехнической школѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе профессора высказывали мнѣніе, что въ высшія школы, къ пользованію всеми учебными пособіями, выгоднѣе допускать только избранныхъ, нежели всѣхъ безъ различія, такъ какъ непризванные будутъ только мѣшать желающимъ серіозно учиться.

Послѣ вступительныхъ экзаменовъ обратимъ вниманіе еще на другую особенность Политехнической школы въ Парижѣ и Брюссельской военной школы. Мы говоримъ о *разучиваніи лекцій*. Разучиваніе лекцій въ высшемъ учебномъ заведеніи! Еслибъ у насъ кто-нибудь заикнулся о подобной мѣрѣ, то такую антилиберальную ересь наши прогрессисты, конечно, сочли бы ниже всякой критики. Дѣло въ томъ, что знаменитые основатели Политехнической школы сочли нужнымъ требовать отъ учащихся немедленной разработки урока, немедленнаго приведенія въ порядокъ замѣтокъ, сдѣланныхъ на лекціи. Правило это перенесъ Шапелье въ Брюссель, гдѣ онъ устроилъ военную школу, пользующуюся весьма почетною извѣстностію, и которая въ меньшихъ размѣрахъ выполняетъ въ Бельгіи то же назначеніе, какъ Политехническая и прикладная (артиллерійская, инженерная и генеральнаго штаба) во Франціи.

Такъ какъ нельзя предположить, говорить г. Апухтинъ, чтобы всѣ ученики поняли хорошо то что прочитано профессоромъ, и такъ какъ чрезвычайно полезно, вслѣдъ за урокомъ, когда онъ еще въ свѣжей памяти, заняться его разучиваніемъ, то по окончаніи каждаго урока употребляется два съ половиною часа на это разучиваніе и разработку записокъ. При этомъ присутствуютъ профессоръ и репетиторъ, и объясняютъ ученикамъ то что ими не понято. Г. Апухтинъ бывалъ неоднократно, на этихъ, такъ-называемыхъ, *études sur la matière de la leçon*, и находитъ ихъ чрезвычайно полезными. Обыкновенно ученики раздѣляются на группы, и лучшіе изъ нихъ, около небольшихъ черныхъ досокъ, объясняютъ

только что прочитанный урокъ, и въ случаѣ малѣйшаго недоразумѣнія обращаются къ профессору или репетитору. Потомъ всѣ садятся за свои тетради и приводятъ ихъ въ порядокъ, причемъ весьма часто обращаются или другъ къ другу или къ наставникамъ и весь урокъ излагаютъ на бумагѣ. Такимъ образомъ этотъ урокъ, прослушанный на лекціи профессора, разученный вмѣстѣ съ товарищами, и потомъ самостоятельно разработанный на бумагѣ, дѣйствительно плотно улегается въ головѣ.

Кромѣ того существуютъ такъ-называемыя *общія* и *частныя репетиціи*.

Общія репетиціи дѣлаются какъ и у насъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; это—спрашиваніе въ классахъ при началѣ или въ концѣ урока. Частныя же репетиціи производятся въ особо для того устроенныхъ кабинетахъ, причемъ въ бельгійскихъ школахъ съ каждымъ ученикомъ порознь, а въ Политехнической школѣ въ кабинетъ призываются отъ 6 до 8 человѣкъ.

Этотъ порядокъ испытаній требуетъ значительнаго числа достойныхъ репетиторовъ; но онъ полезенъ, и особенно въ закрытыхъ заведеніяхъ, которыя берутъ на себя и учебную и воспитательную часть. Цѣль частныхъ испытаній—повѣрка знаній ученика, просмотръ записокъ и другихъ работъ учащагося, объясненіе непонятаго каждому порознь.

Кромѣ того въ Политехнической школѣ каждый профессоръ требуетъ еще письменныхъ отвѣтовъ на данныя имъ вопросы. Этотъ обычай имѣетъ весьма полезное вліяніе на успѣшность преподаванія.

Прибавимъ нѣсколько словъ о строгой дисциплинѣ, которой подчинены воспитанники Политехнической школы. И въ школѣ и внѣ школы воспитанники должны соблюдать предписанную форму въ одеждѣ. Всякое общее совѣщаніе, всякое общее дѣйствіе, всякія письменныя воззванія, съ какой бы цѣлью они ни дѣлались, безусловно воспрещаются. Воспитанникамъ запрещено приносить въ школу журналы, газеты, брошюры или циркуляры. Точно также нельзя пріобрѣтать книги и рисунки, относящіеся даже къ курсу ученья, безъ предварительнаго на то разрѣшенія. Всякіе знаки одобренія или порицанія, всякая громкая манифестація формально воспрещаются.

Мы упомянули выше, чтог. Апухтинъ имѣлъ случай довольно

подробно ознакомиться съ системою народнаго образованія въ Бельгii. По основнымъ законамъ государства, преподаваніе въ Бельгii совершенно свободно. Кромѣ заведеній содержащихъ или поддерживаемыхъ правительствомъ, есть еще заведенія устроенныя духовенствомъ, и наконецъ совершенно свободныя или частныя, которыя подлежатъ одному только общему полицейскому надзору, но отнюдь не со стороны преподаванія. Правительство имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи два рода заведеній: во первыхъ, тѣ которыя оно содержитъ на свой счетъ, и во вторыхъ, тѣ которымъ оно даетъ субсидіи, пользуясь за это правомъ надзора за преподаваніемъ. Эти послѣднія не нужно смѣшивать съ совершенно свободными заведеніями.

Учебныя заведенія Бельгii могутъ быть раздѣлены на четыре разряда:

- 1) Первоначальныя школы.
- 2) Атеней, среднія школы, промышленныя и коммерческія, земледѣльческія училища и пр.
- 3) Университеты, высшія инженерныя школы при университетахъ, агрономическій институтъ.
- 4) Военныя училища.

Въ 1860 году всѣхъ вообще общинныхъ первоначальныхъ школъ было до 6.000 и въ нихъ болѣе 600.000 учащихся. Въ нѣкоторыхъ школахъ введено преподаваніе земледѣлія, огородничества и дрововодства. Надзоръ предоставляемъ самимъ общинамъ, особымъ инспекторамъ (9 провинціальныхъ и 100 кантонныхъ) и духовенству. Разъ въ году провинціальные инспекторы подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, разсуждаютъ обо всѣхъ вопросахъ, относящихся къ преподаванію въ первоначальныхъ школахъ. Учители первоначальныхъ школъ также собираются каждые полгода подъ предсѣдательствомъ кантонныхъ инспекторовъ для разсужденія о книгахъ, методахъ преподаванія, средствахъ къ улучшенію школъ и т. д. Учительскія конференціи приносятъ большую пользу первоначальному образованію народа. Общество смотритъ на званіе учителя, какъ на званіе почетное и многотрудное, и въ свою очередь требуетъ, чтобъ и учитель смотрѣлъ серьезно на свою обязанность.

Нельзя не сочувствовать такому настроенію общества, потому что личность воспитателя имѣетъ рѣшительное вліяніе на успѣхъ образованія.

Атенеи суть заведенія для средняго образованія, соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣють пансіоны, но вообще это заведенія откритыя.

Бельгіискіе атенеи имѣють ту особенность, что они состоятъ изъ двухъ совершенно различныхъ отдѣленій: классическаго и реального (*séction des humanités* и *séction professionnelle*). Вводя такую систему, правительство имѣло въ виду удовлетворить главнымъ нуждамъ *всѣхъ* классовъ общества, для которыхъ одного первоначальнаго образованія недостаточно. Классическое отдѣленіе назначается преимущественно для тѣхъ молодыхъ людей, которые по своему положенію или по своимъ способностямъ могутъ изучать съ успѣхомъ высшія отрасли знанія, приготовляющія человека къ служенію высшимъ интересамъ общества, какъ-то, законодательству, врачеванію, преподаванію, литературѣ и т. п.

Реальное отдѣленіе назначается для тѣхъ, которые по положенію или призванію должны приобрѣтать познанія преимущественно въ точныхъ наукахъ, въ новѣйшихъ языкахъ и въ графическомъ искусствѣ.

Реальное отдѣленіе состоитъ также изъ двухъ разрядовъ: низшаго и высшаго. Низшій разрядъ назначенъ для юношей, которые, по достиженіи шестнадцати лѣтъ, оставляютъ теоретическія занятія для практическихъ: въ торговлѣ, въ ремеслахъ, администраціи. Это нѣчто въ родѣ предполагаемыхъ у насъ прогимназій. Ни въ низшемъ ни въ высшемъ разрядѣ реального отдѣленія древніе языки не преподаются, между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ Германіи преподаваніе латинскаго языка введено не только въ реальныя гимназіи, но и въ кадетскіе корпуса.

Не входя въ сужденіе о выгодахъ и невыгодахъ этой системы, приведемъ тѣ доводы, которые послужили основаніемъ для введенія ея въ учебныя заведенія Бельгіи. Съ этими доводами мы можемъ ознакомиться изъ приведенной въ книгѣ г. Апухтина рѣчи г. Тразенстера (*Trasenster*), произнесенной имъ въ 1852 году по случаю раздачи наградъ на конкурсѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Бельгіиское министерство въ отчетѣ о ходѣ средняго образованія ссылалось на эту рѣчь, какъ на вѣрное изложеніе видовъ правительства при организаціи атенеевъ. Приведемъ изъ рѣчи г. Тразенстера то что онъ говоритъ о составѣ курса этихъ заведеній.

„Программы составлены такъ, что *первое мѣсто занимаетъ изученіе языковъ*. Рѣчь такъ тѣсно соединена со всѣми отправлениями ума, что изученіе ея составляетъ первую, самую плодотворную, и самую необходимую изъ всѣхъ наукъ. Она приводитъ въ дѣйствіе всѣ способности души, и такими способами, которые приличны всѣхъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ. Изученіе рѣчи есть наука по преимуществу для молодыхъ лѣтъ, наука, неизученіе которой почти невознаградимо въ послѣдствіи, когда умъ не имѣетъ болѣе должной гибкости.

„Вотъ что заставляло Наполеона говорить: „Я люблю науки математическія и физическія. Каждая изъ нихъ есть прекрасное частное проявленіе человѣческаго ума; но словесность, это есть самый умъ; изученіе словесности, это—общее воспитаніе, которое приготавливаетъ ко всему, воспитаніе души.“

„Но чрезвычайно трудно овладѣть вполне языкомъ, изучая его отдѣльно. Поэтому, когда приобретены достаточныя познанія въ отечественномъ языкѣ, лучшее средство для постиженія его свойствъ, для анализированія значенія его терминовъ и для уразумѣнія правилъ общей грамматики есть присоединеніе къ изученію отечественнаго языка изученія какого-либо другаго языка.

„Съ этой точки зрѣнія, конечно ничто не сравнится съ знаніемъ языковъ древнихъ, столь гармоническихъ и столь точныхъ, и обладающихъ во всѣхъ родахъ совершеннѣйшими образцами слога. Изученіе ихъ, освященное вѣками и опытомъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, останется навсегда основаніемъ высшаго литературнаго образованія.

„Послѣ столькихъ краснорѣчивыхъ защитниковъ, какихъ имѣли древніе языки, нѣтъ надобности распространяться о необходимости классическаго образованія. Если оно и имѣетъ серіозныхъ противниковъ, то только потому что его хотѣли положить исключительно въ основаніе средняго образованія.

„Въ отдѣленіи реальномъ на первомъ планѣ поставлено также образованіе словесное, но не посредствомъ древнихъ языковъ, а исключительно посредствомъ новыхъ: французскаго, фламандскаго, нѣмецкаго и англійскаго.

„И это не безъ основанія. Классическое образованіе бесплодно и даже вредно для тѣхъ, которые могутъ посвятить только небольшое число лѣтъ на посвященіе училища.

„Опытъ показываетъ также, что оно вообще мало полезно для подготовленія, фабрикантовъ и торговцевъ преданныхъ своему дѣлу.

„Высокое литературное образованіе, развивая воображеніе, поддерживая идеи на той умственной высотѣ, гдѣ ясны только общіе факты и гдѣ факты частные и матеріальные занимаютъ такъ мало мѣста, часто отнимаетъ склонность, а иногда, даже и способность заниматься тѣми сухими подробностями, изъ которыхъ слагается ежедневное занятіе во всякой промышленности и торговлѣ. Чтобы успѣть въ этихъ занятіяхъ, нужны дѣятельность, терпѣніе, экономія, которыя пріобрѣтаются только навыкомъ съ юныхъ лѣтъ. Нужно особенное для этого воспитаніе. Въ отдѣленіи реальномъ, молодые люди вмѣстѣ съ серіознымъ умственнымъ развитіемъ, которое сдѣлаетъ изъ нихъ полезныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ, найдутъ и спеціальныя познанія, которыя дадутъ имъ средства сдѣлать за всѣми улучшеніями и пользоваться, съ знаніемъ дѣла, всѣми раціональными нововведеніями.“

Высшій разрядъ реального отдѣленія приготовляетъ однихъ къ торговлѣ, другихъ къ мануфактурной промышленности, и наконецъ третьихъ къ поступленію въ высшія инженерныя училища.

Причина, почему реальныя отдѣленія не организованы въ отдѣльныя реальныя школы, а входятъ въ составъ атенеевъ, чисто экономическая. Такъ сдѣлано было для облегченія бюджета. Съ этою же цѣлью высшія спеціальныя школы, вмѣсто того чтобы составлять отдѣльныя заведенія, присоединены къ университетамъ. Такъ при Гентскомъ университетѣ находится инженерная и техническая школа, при Люттихскомъ горная и техническая школа. Кромѣ того для подготовленія учителей при Гентскомъ университетѣ находится нормальная школа математическихъ наукъ, при Люттихскомъ—нормальная школа словесныхъ наукъ.

Имѣя въ виду высшее техническое образованіе, которымъ въ настоящее время интересуются многіе изъ нашихъ молодыхъ людей, окончившихъ университетскій курсъ, мы приведемъ нѣсколько подробностей о Люттихской технической школѣ, заимствуя ихъ отчасти изъ книги г. Апухтыва, отчасти изъ другихъ источниковъ, и въ заключеніе сообщимъ нѣсколько свѣдѣній объ извѣстной Парижской Центральной

технической школы (Ecole centrale des arts et manufactures). Замѣтимъ кстату, что для горнаго инженернаго дѣла мы имѣемъ въ Петербургѣ превосходно устроенный горный институтъ.

Высшая техническая школа при Люттихскомъ университетѣ раздѣляется на два отдѣленія: механическое и технологическое. Въ первомъ курсъ трехлѣтній, а во второмъ четырехлѣтній. Университетскія лекціи посвящаются всѣми учащимися, къ какому бы разряду они ни принадлежали, вмѣстѣ съ студентами университета; бібліотека и нѣкоторыя коллекціи также общія у школы и университета. Но рисовальныя залы, лабораторіи, специальная бібліотека, коллекція моделей машинъ, мастерская для построения машинъ и классныя комнаты—устроены для школы отдѣльно отъ университета.

Для поступленія въ школу требуются слѣдующія познанія:

1) Латинскій или одинъ изъ новѣйшихъ языковъ: фламандскій, или нѣмецкій, или англійскій (чтеніе безъ лексикона).

2) Исторія и географія Бельгіи подробно; всеобщая исторія и географія вкратцѣ.

3) Ариметика, алгебра (гимназическій курсъ), геометрія, прямолинейная и сферическая тригонометрія, аналитическая геометрія на плоскости, начертательная геометрія—первая часть (о точкѣ, прямой линіи и плоскости).

4) Черченіе и рисованіе.

За экзаменъ (въ началѣ октября) платятъ 20 франковъ. Принятый по экзамену студентъ вноситъ за первый годъ ученія 200 франковъ, за слѣдующіе годы вносится по 100 франковъ въ годъ; студенты механическаго отдѣленія платятъ за первый годъ только 150 франковъ. Кромѣ того 20 франковъ уплачивается за химическіе опыты и 20 франковъ за черченіе.

Поступивши въ школу, ученики обоихъ отдѣленій слушаютъ первый годъ вмѣстѣ элементарную механику, физику, начертательную геометрію съ ея приложеніями и занимаются черченіемъ; порознь преподаются: въ технологическомъ отдѣленіи химія съ работами въ лабораторіи, а въ механическомъ—элементы химіи неорганической и работы въ мастерской. Этотъ первый годъ извѣстенъ въ Люттихѣ подъ названіемъ приготовительной школы.

Собственно-спеціальному ученію посвящается въ технологическомъ отдѣленіи три года, а въ механическомъ два.

Первый годъ технологическаго отдѣленія заключаетъ слѣдующіе курсы: практическая механика, прикладная физика, минералогія, пробирное искусство и черченіе.

Второй годъ—геологія, промышленная химія: неорганическая и органическая, первая часть металлургіи и разработки рудниковъ, черченіе.

Третій годъ—вторая часть металлургіи и разработки рудниковъ, топографія, заводская архитектура, промышленная экономія, черченіе и составленіе проектовъ.

Въ механическомъ отдѣленіи двухлѣтній курсъ обнимаетъ: практическую механику, прикладную физику, съемку и черченіе машинъ, заводскую архитектуру, редакцію проектовъ и построеніе машинъ. Для практическаго образованія учащихся устроена механическая мастерская, которая сдается арендатору съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ производствѣ предметовъ было достаточное разнообразіе и чтобы было мѣсто для работъ 12 студентовъ. Арендаторъ или его повѣренный должны содѣйствовать всѣмъ зависящимъ отъ нихъ мѣрами практическому образованію учениковъ въ дѣлѣ построенія машинъ. Арендаторъ получаетъ отъ школы 4.000 франковъ въ годъ.

По дешевизнѣ жизни, положенію въ центрѣ промышленности и хорошему устройству школы, Люттихъ можно рекомендовать нашимъ молодымъ людямъ.

Бывшіе воспитанники школы составляютъ особое общество, котораго члены находятся во всѣхъ странахъ свѣта во главѣ значительныхъ промышленныхъ предпріятій и пользуются репутаціей дѣльных инженеровъ.

Центральная техническая школа въ Парижѣ имѣетъ цѣлью образовать инженера для всѣхъ отраслей промышленности и для такихъ общественныхъ работъ и службъ, управленіе которыми не принадлежитъ необходимо казеннымъ инженерамъ.

По окончаніи курса ученики получаютъ или *дипломъ инженера* или *удостовереніе въ способности*, смотря по успѣху испытанія. Имена окончившихъ курсъ публикуются въ официальной газетѣ. Всѣ ученики вольноприходящіе. Иностранцы принимаются наравнѣ съ французскими подданными. Курсы продолжаются *три года*. Плата за ученіе 800 франковъ въ годъ со всѣми другими расходами. Кромѣ того каждый учащійся даетъ залогъ въ 35 франковъ на случай порчи и потери вещей. Стипендіи назначаются бѣднымъ и способнымъ людямъ

только на одинъ годъ; но это назначеніе можетъ быть продолжено, и стипендія даже можетъ быть увеличена для особенно достойныхъ по поведенію и успѣхамъ.

Пріемъ учениковъ производится по конкурсу. Публичное испытаніе для этой цѣли бываетъ два раза въ годъ: въ августъ и въ октябръ. Требуемая познанія изъ математики почти тѣ же что и въ Лютгихской школѣ, но кромѣ того, поступающіе должны знать: механическую часть физики, о металлоидахъ изъ химіи и основанія физиологіи, ботаники и зоологіи. Изъ языковъ одинъ только французскій, но основательно. Вступающіе въ школу должны имѣть не менѣе 18 лѣтъ отъ роду.

Возвращаясь къ сочиненію г. Апухтана, прибавимъ, что въ этомъ почтенномъ и добросовѣстномъ трудѣ читатели найдутъ обильные матеріалы для изученія описываемыхъ авторомъ заведеній. Въ числѣ прочаго г. Апухтинъ приводитъ подробныя программы курсовъ политехнической школы, французскихъ лицеевъ, прусскихъ гимназій и нѣкоторыхъ другихъ заведеній.

А. ЕРШОВЪ.

СИБИРСКАЯ ТАЙГА

V.

— О, чтобы провалиться этим проклятым приискамъ: работаешь, работаешь, устанешь какъ собака, запачкаешься какъ свинья, да тебя же еще изкалѣчить.

Такъ жаловался, вечеромъ, въ балаганѣ, Тимоѳею Юшкевичъ который еще утромъ ушелъ съ работы, подъ предлогомъ сильного ушиба ноги, упавъ съ полатей въ шурфъ. Однако его жалобные возгласы и сѣтованья не только не возбуждали въ его товарищахъ сочувствія; но, напротивъ, вызывали съ ихъ стороны однѣ лишь насмѣшки.

— Эка, говорилъ одинъ,—гляньте-ка, ребята, какъ бѣдвяжка на работѣ примаялся: кожа да кости только и остались. Гляючи на него, ажъ слеза прошибаетъ.

— Все оттого, возразилъ другой,—что больно ретивъ собака. За что ни примется, все изъ рукъ валится, али самъ упадетъ.

Всѣ засмѣялись.

— Ты, небось, работникъ? возразилъ ему Юшкевичъ.—Съ кѣмъ другимъ, а съ тобой-то я еще потягаюсь; за поясъ заткну!

— Поясъ-то развяжи, а то, гляди, какъ подтянулся! Не то что меня, некуда рукавицу запихать.

— Не затыкай, Юшкевичъ, пожалѣй хоть пояса-то, подхватилъ другой,—вѣдь онъ у тебя больно крѣпокъ.

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 1 и 2.

Слова послѣдовалъ общій смѣхъ, раздражившій еще болѣе Юшкевича, азамъ котораго буквально представлялъ какую-то необъяснимую смѣсь дохмотьевъ, подпоясанныхъ худенькою веревкой.

— О, чтобъ у тебя глаза лопнули, а языкъ отсохъ, варнакъ проклятый!.. На себя-то взгляни, отвѣчалъ онъ съ злостью.

— Не трожь его, ребята, сказалъ одинъ, какъ будто съ собоюнованіемъ:—вишь, парень въ несчастіи, а вы смѣетесь. Бѣдняжка ножку помялъ, да и драгоценныя ламиды замазать изволилъ. Ну, какъ не жалъ? А поди-ка, Юшкевичъ, ты дорого за хорошіе-то запастилъ, какъ худыя пропилъ?

— Ну, пропилъ, такъ и пропилъ; а тебѣ что, чортово твое памя? Ты мнѣ не указъ.

— Вотъ, поди ты! Объ немъ сожалѣешь, а онъ лаетъ какъ собака...

— Чтобы пусто всімъ вамъ было!.. началъ было Юшкевичъ; но остановился, увидя что я вошелъ въ балаганъ.

— Ну, что твоя нога, Юшкевичъ?

— Да что? Известно, болитъ. Въ лапѣ ломить, ступить не даетъ! Гляди, на! отвѣчалъ онъ съ худо открытою досадою, протягивая ко мнѣ ногу, на которой не было видно ни мѣлшаго сѣда ушиба.

— Гдѣ ты чувствуешь боль?

— Сказалъ, въ лапѣ. Коли такъ будетъ болѣть, такъ завтра и на работу не пойду.

— Ожался ты надъ нимъ, погѣчи парня-то, сказалъ, улыбаясь, одинъ изъ рабочихъ, обращаясь ко мнѣ.—Жалость глядѣть какъ онъ убивается, что завтра на работу не пойдетъ. Все окрушается: какъ безъ него-то обойдутся.

— Съ тоски ажъ похудѣлъ, бѣдняга, подхватилъ другой со смѣхомъ,—прилежень больно, собака; одинъ всімъ дѣломъ орудуешь!

— Вѣдь онъ, что конь безъ ногъ, куда ретивъ, заговорилъ третій,—вотъ вѣсть, ашь спать, это не по его части. Этого онъ вовсе не любить, а работать—мастеръ!

Всѣ засмѣялись.

Чтобъ успокоить Юшкевича, считавшагося во всей партіи за самаго отчаяннаго дѣтла и обжору, я далъ ему какую-то прапочку и велѣлъ завернуть ногу трепкой.

— Эка, какой выискался красавецъ драгоценный, помеломъ

писанный, бороной выглаженный! говорилъ онъ, злобно обращаясь къ насмѣхавшемуся надъ нимъ парню.

— Да я, братъ, что, свѣчалъ тотъ смиренно,—о красотѣ своей не забочусь. Для меня жизнь—копѣйка, голова ни почему. А вотъ у вашего благородія ножка заболѣла, такъ охотъ да аховъ въ два короба не уберешь. Эхъ ты, чучело горькое! А не хочь ли домашняго лѣкарства; а те вотъ этимъ живо вылѣчу? И рабочій, поднимая здоровый кулакъ, заманулся, какъ бы желая ударить Юшкевича.

— Не трожь, а то самъ сдачи дамъ. А вотъ ты помани мое слово и плюнь въ рожу, коли не сдержу: баста ходить на приски! Пропадай они! Развѣ чортъ затыкаетъ.

— Ай, да, Юшкевичъ, смѣясь, заговорили рабочіе.—Такъ, такъ, знай нашихъ! Вишь, какой богачъ выискался. Что ему деньги! У него ихъ куры не клюютъ!

— А брешеть же онъ, дурню, неожиданно заговорилъ холма Черненко, сидѣвшій до сего безмолвно за печанкой своихъ бродней.—Якъ гроши пропьеть въ первомъ шивкѣ, такъ опять полизеть.

— У тебя, холма, только кабакъ на умѣ. А мнѣ онъ что? Тыфу! возразилъ Юшкевичъ и плюнулъ въ сторону.

— Авъ пропьешь!

— А не пропью! Чтобъ мнѣ провалиться!

— Онъ въ монахи, братцы, пойдетъ; деньги будетъ копить, да свѣчку чорту купить, подхватилъ закадычный другъ Юшкевича Шупляковъ, рябой мамай, низенькій, съ узкими плутоватыми глазами.—Эхъ ты, голова съ хрѣномъ! продолжалъ онъ:—ну, гдѣ намъ съ тобой мимо кабака пройти, посуди самъ? Изъ-за чего бьемся? О чемъ думаемъ? Много разъ, братъ, зарокъ мы съ тобой клали; а какъ ни поглядишь, все сюда угодишь!

— Лукавый силея; хотъ кого опутаетъ, глубокомысленно замѣтилъ Юшкевичъ.

— То-то лукавый! Ваи на него, благо молчить.

Наступило молчаніе.

— А что, Шупляковъ, ты давно ходишь по прискамъ?

— Давно. Почитай, лѣтъ десять таскаюсь, чтобы провалиться или изъ проклятымъ.

— За что ты ихъ бранишь?

— Да за что и хвалить. Работа—что твоя каторга; а толку все нѣтъ: все голъ, какъ соколъ.

— Отчего же? Развѣ мало зарабатываешь?

— Всяко случается,—много и мало: какъ поработаешь, да какой фартъ выйдетъ.

— Много ли же денегъ ты приносишь домой?

— Домой? Вишь, чего захотѣлъ! Гдѣ у нашего брата посельщика домъ. Домъ! продолжалъ онъ, какъ будто съ ироніей:—Гдѣ его найдти? Вездѣ нашему брату домъ. Гдѣ день, гдѣ ночь, лишь бы сутки прочь.

— Нѣтъ, не тѣ ужь новѣ времена, братцы вы мои, заговорилъ неожиданно одинъ изъ довольно пожилыхъ рабочихъ, Егоръ Ивановъ, отличавшійся своею молчаливостью.—Какъ посмотришь во всемъ хуже становится. Хоть бросай прииски!

— Такъ, такъ, отвѣчали иные, не тѣ времена!

— А развѣ прежде лучше было?

— Не въ примѣръ! продолжалъ Егоръ:—въ ту пору и золото лучше шло, и заработки были хорошіе, да и хозяева тороватые. Молодцы—одно слово!... Нынѣшніе имъ въ подметки не годятся. Тогда нашъ братъ на приискъ аѣзъ, а нонѣ хотъ бѣги съ нихъ. Одну только привычку эту взяли. Нонѣ такихъ хозяевъ, какъ М—овъ, царство ему небесное, днемъ съ огнемъ не сыщешь. Послушаешь, что говорятъ о немъ, какъ самъ жилъ, да рабочихъ держалъ, такъ ажно зависть беретъ. Ты объ немъ слыхалъ?

— Какъ не слыхать, слыхалъ. Говорятъ, широко жилъ.

— Да ужь нынѣшнимъ супротивъ его не живать.... далеко куцему до зайца. Вотъ хотъ для примѣра, такъ сказать, нонѣ прослышишь, что хозяинъ тамъ ѣдетъ на приискъ, аль съ прииска увѣзжаетъ, и не подумаешь: скатертью дорога. Еще, пожалуй, другой разъ и ругаешь, какъ почувешь что на приискъ ѣдетъ; потому, значить, примѣрно, работы пойдутъ сильнѣй, тяжелѣй будетъ, а окромя этого, для тебя толку никакого. Небось, лишней чарки не дадутъ! А какъ прослышать бывало, что М—овъ вѣздетъ, такъ на всемъ приискѣ гулъ стоитъ, радость да веселье, потому, знаи, что праздникъ будетъ. Аль опять увѣзжаетъ онъ изъ тайги, такъ, вѣдь, какъ пораскажутъ, просто ума помраченье.

— Что же было особеннаго въ его увѣздахъ?

— Важно ѣхалъ; денегъ не жалѣлъ. Увѣзжалъ онъ изъ тайги всегда не одинъ, а съ цѣлою ватагой. Экипажей десять, али болѣе было съ нимъ. Напередъ пошлетъ оказать по деревнямъ что ѣдетъ: чтобы ждали. Вотъ какъ получать эту

въ восточку, всѣ деревни и подымутел. Бабы, дѣвки, мужики— всѣ разрядятся что ни на есть въ лучшія платья. Всѣх лошадей, какія есть въ деревнѣ, разукрасятъ, да всѣ за деревню и выйдутъ ждать его. День ждутъ, два ждутъ, а другой разъ и болѣе, — въ домъ взойдти не смѣютъ. Боились; значить, ну, какъ часомъ найдетъ, да не застанетъ—бѣда. Какъ только придетъ, сейчасъ осмотритъ все ли въ порядкѣ, что ни лучшихъ лошадей выберетъ подъ свой экипажъ; кто попроситъ денегъ—дастъ, аль чѣмъ-нибудь поможетъ и опять полетѣлъ. За лошадей же денегъ не проситъ,—куда не любилъ! Тамъ у него сзади вѣшалъ такой довѣренный, тотъ деньги отдавалъ. И платилъ хорошо; потому что обидѣть не смѣлъ. Коли обидѣлъ кого, скажи только слово М—ву, бѣда будетъ, со свѣту согонитъ. Ты, скажетъ, коли хочешь у меня служить, не плутуй, мужика не обижай. И работники у него, бывало, жили, какъ у Христа за пазухой! Лафа была, денегъ же выносили много.

— Много?

— Шибко много. Тысячами.

— Какъ? Серебромъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, на ассигнаціи; въ ту пору на ассигнаціи считали.

— Ты у него бывалъ?

— Гдѣ мнѣ бывать, не бывалъ, а слыжалъ!... Вѣдь старики еще помнятъ: на ихъ памяти было.

— Поди-ка, многіе разбогатѣли?

— Челдоны¹, тѣ разбогатѣли. Другой шибко денегъ нагребасталъ; въ гору пошелъ; человѣкомъ сталъ. А изъ рабочихъ, почитай, ни о комъ что-то не слыжать.

— Это отчего?

— Да какъ тебѣ сказать? Разъ, челдонъ хитрѣе и скупѣе нашего брата; у него и домъ есть, ну да онъ и здѣшній, а посельщикъ что? Ему бы кутнуть было на что, да погулять вдоволь, вотъ и ладно. А то на кой прахъ ему деньги,— также пропадутъ. Дай ему хоша того больше, всѣ прахомъ пойдутъ. Какъ встарь было, такъ и нынѣ ведется.

— Отчего же не прибечъ копѣйку на черный день?

— На черный день? съ усмѣшкой возразилъ Егоръ:— у насъ братъ, почитай, всѣ дни-то не больно бѣлы, такъ

¹ Такъ называютъ туземныхъ крестьянъ.

чернаго не разбирать статью. Гулай душа, пока денюги есть; а тамъ и зубы на полку, жди у моря погоды.

— Ну да и народъ новѣ, паря, не тотъ сталъ, подхватилъ одинъ изъ рабочихъ. Какъ почнуть разказывать, что прежде выдѣлывали, такъ дигу дашься. Такія колѣна откалывали что ума попрачешь.

— Известно, киса была толста, отвѣчалъ Егоръ: — ну, и правдою было. Сказано: не то теперь.

— Что же прежде дѣлали?

— Да что дѣлали?... Тѣшились, какъ хотѣли. Никто перечесть не могли; денюги, молъ, платимъ! Сказываютъ, въ ту пору одному молодцу вздумалось по селу на дѣвкахъ прохѣть, ну и прохѣлъ! А новѣ попробуй-ка?

— Да гдѣ же онъ дѣвокъ набралъ?

— Гдѣ? Известно, у челодовъ. Тѣ подмацы за денюги дочь родную готовы продать. Душу изъ себя за аатынъ вынуть. А то, вотъ, говорятъ, другой къ своей квартирѣ изъ кабака дорожку ассигнаціями выкалалъ, да по ней и прошелъ, а денюги на бѣдныхъ отдалъ. Много такихъ штукъ дѣлали.

— Да ужь не врутъ ли, братъ? Гдѣ же взять простому рабочему столько денегъ.

— Чего врутъ, какъ бы обидясь, отвѣчалъ Егоръ. Старики за достовѣрное сказываютъ, на ихъ памяти было. Вѣдь, и теперь они прежними-то прищичками намъ глаза колютъ. „Не умѣете вы, говорятъ, жить и супротивъ прежнихъ вамъ не выстоять.“ А мы, кажись, на руку охулки не положимъ. Дальше Енисейкова¹ никто еще заработка-то не унашивалъ, да, вишь, все не то! Денюгъ, не въ примѣръ, меньше. Опять же новѣ начальства много расплодилось.

— Что же, строже стало?

— Нѣтъ, оно не то чтобы строже, а прежде, вишь ты, какъ немного-то его было, такъ на смазку его меньше выходило. А теперь поди-ка, попробуй, ублажи всѣхъ, такъ смотришь, капиталовъ-то и не хватаетъ. Вотъ, значитъ, и кути съ огалкой, да не попадайся.

— А если попадешься, плохо бываетъ?

— Оно не то чтобы больно плохо, а главное досадно. Коли попался, такъ будь у тебя хоша сколько денюжокъ, ужь простишь съ ними. Уйдешь голъ, какъ соколъ. Вотъ, значитъ,

¹ Такъ называютъ рабочіе уѣздный городъ Енисейскъ.

заво и возьмешь. Трудилась, трудилась, а что все только о томъ и думалъ какъ бы покутить на эти денешки денешка три а тутъ шипъ возьми!

— Неужели же вы только и ходите на приноски, чтобы заработать лишнюю копѣйку на кутежъ?

— А то для чего же? Да ты не забывай, что ли?

— Нѣтъ, я еще только что прѣхалъ въ Сибирь.

— То-то! Давно я по Сибири ботаюсь и на всѣхъ пріискаяхъ бывалъ; почитаю, всѣхъ довѣрваемыхъ знаю, а тебя не примѣчалъ что-то. Ты не съ В—мъ ли прѣхалъ? Вѣдь, онъ васъ много навезъ.

— Съ нимъ.

— А откуда ты?

— Изъ Вологды.

— Знаю. Дрянъ городишка.

— Это почему? Ты развѣ бывалъ тамъ?

— Спроси ты, милый человекъ, гдѣ я не бывалъ.

— Чѣмъ же тебѣ Вологда не приглянулась?

— Супротивъ другихъ городовъ постройкой хуже будетъ да и болотина кругомъ. Пожалуй, Пермь и еще хуже, да то, почитаю, ужъ Сибирь; съ нея и взыску вѣтъ. Ну да и люди у васъ обходительностью, а въ другихъ прочимъ, не взяли. Вотъ хоша бы примѣромъ Тула, куда лучше!

— Да, важнѣйшій городъ Тула, вмѣшалася Шупляковъ.— Народъ—просто душа. Жить тамъ рай; отдай всё, да мало. А сколько тамъ нашего брата, такихъ паутовъ, какъ я, да Юшкевичъ, такъ страхи Господни!

— О себѣ толкуй, а меня не трожь! отвѣчалъ Юшкевичъ на эту неожиданную выходку своего товарища.

— Виновать-съ! отвѣчалъ ему Шупляковъ и снова обратился ко мнѣ:—Тамъ, братцы вы мои, есть золотой народецъ—оружейники. Въ ухо ваьзеть, въ другое вываьзеть, и все шито да крыто; то-есть, комаръ носу не подточить. Я вамъ доподлинно скажу: съ ними компанію пріятно водить.

— А ты водилъ?

— Еще бы! За одного и сюда-то угодилъ; и то ни почему, не жалю. Душа былъ человекъ. Теперича, доберись туда, такъ и чортъ тебя не отыщетъ, коли самъ не сплоснешь. Далеко только!

Наступило молчаніе.

— Значить, ты здѣлываешь нашихъ порядковъ не знаешь? спросилъ Егоръ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, поживешь, такъ увидишь. А вотъ, какъ изъ тайги станешь выѣзжать, такъ въ Енисейскомъ погяди, какъ кутить нашъ братъ, горемычный поселенецъ. Любо! Есть чего посмотреть.

— Ну, въ Енисейскомъ не такъ вольтотно, а вотъ въ Рыбную¹ прѣвжай, оказалъ Шупляковъ.

— Въ Рыбной, извѣстно, свободнѣй! За то въ Енисейскомъ насчетъ разныхъ матеріаловъ и всего прочаго не въ примѣръ лучше. Знамо, городъ—народъ образованнѣе.

— Да чтѣ въ томъ толку? Развѣ одно, что съ тебя же больше спать.

— А ужъ какъ же въ ту пору мы славно гуляемъ! началъ воодушевляясь, Шупляковъ:—Деньги есть... свободнѣ... на работу тебя не погонять... почетъ большой. Ты еще въ тайгѣ оборванцемъ ходишь, на работѣ томишься, а тебя ужъ давнымъ-давно ждуть.

— Кто же?

— Да разные лица. Перво-на-перво цѣловальникъ. Тотъ, тамъ, для этакаго торжества готовится загодя и все-то къ этому времени позапасеть: чего хочешь, того и прошишь! Пей, не хочу! Вторымъ дѣломъ, ждуть тебя купцы какъ барина какого. Ихъ поваждетъ множество и все съ разными товарами. Только денежки подавай. Ну, ждуть тебя и дѣвушки красныя. Знаютъ, проклятыя, когда мы выходимъ; разрядятся такъ, что любо дорого смотрѣть! Изъ разныхъ мѣстъ даже поваждутъ,—одна другой краше. А намъ это и любо. На пріискахъ-то, самъ знаешь, по этой части голодъ.

— Съ чего жь у васъ начинается кутежъ?

— Начинается, что получимъ, по первоначально, расчетъ и сейчасъ же, безъ оглядки, рабы Божьи, пойдемъ по домамъ. А домъ нашъ извѣстно гдѣ: у перваго тычка. Гдѣ пригрѣло, тамъ и ладно. Въ ту пору хоша мы и ненарядны, но любви всѣмъ; деньги, значить, въ карманахъ побрякиваютъ. Еще не успѣешь къ деревнѣ подойти, а ужъ тебя и встрѣчаютъ дѣвки и бабы, такія привѣтливыя, да ласковыя къ

¹ Одна изъ большихъ деревень на сѣверной системѣ золотыхъ приисковъ Енисейской губерніи.

нашему брату. Другъ у дружки даже перебиваютъ. Одна кричить: „Къ намъ молодецъ хорошій; у насъ все есть; останешься доволенъ.“ Другая: „Къ намъ, говорить, ступай; не слѣшай ея; мы те ублажимъ,“—и пойдутъ, и пойдутъ. А ты, извѣстно, ломаешься, да важничаетъ; а самъ не зѣваетъ; выберешь, что ни есть лучшую, да и пойдешь съ ней. Сперва пооглядишься на фатеръ, а потомъ пойдешь платье покупать. Это первымъ долгомъ. Одѣнешься франтомъ; купишь что ни на есть лучшей одежи, не жалючи денегъ; а старое барохла¹ такъ и бросишь; бери кто хошь. Ну тоже не забудешь—шелей, платковъ, и всякихъ этакихъ разныхъ разностей для дѣвокъ и для хозяекъ, значить. Въ кабакъ сходишь. А тамъ компанія, народу гибель: шумъ, гамъ, плясъ.... Ну, разумѣется, не постничать пришелъ! и самъ выпьешь сколько, то-есть, можешь; глядишь: пора на фатеру отправляться, а тамъ ужъ ждутъ тебя; всякая водка и закуска приготовлены! Ну да и другое прочее есть. Гуляй, значить, душа!

— На долго ли же хватить твоихъ денегъ при такой гулянкѣ?

— Какое на долго! Дай Богъ, чтобы дня на три хватило. Опять и тутъ есть своя сноровка! Дѣвушка гуляй, а дѣльца не забывай. Тоже, вѣдь, бережешь копѣйку; всю-то въ первый день не пропьешь, а про запасъ, къ Енисейску оставляешь. Какъ ни хорошо въ Рыбной, аль въ другой деревнѣ, а въ Енисейскомъ все же лучше. Вотъ и приберегаешь. Коли Богъ грѣхами потерпитъ, да туда деньги вынесешь, тамъ себя во всей красѣ покажешь. Лихача возьмешь, краску дѣвушку подхватишь, ну, и кути малина!

— Значить, тамъ еще больше выходитъ денегъ?

— Знамо дѣло! Тамъ вся оставишь, до послѣдней копѣйки. Одного жаль! Не долго нашему брату даютъ тамъ кутить, всего три дня.

— Это отчего?

— Такой обычай. Хошь, не хошь, а черезъ три дня изволь убираться во свояси. Видишь, въ ту пору много нашего брата, прищиковъ, изъ тайги подходятъ, такъ и турятъ.

¹ Такъ называютъ въ Сибири имущество, къ которому относится и платье. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, имущество человека называется еще оригинальнѣе—хламъ.

— И не жаль вамъ бросать такъ безаутно ваши трудовыя деньги?

— А чего ихъ жалѣть? Деньги вещь важная, были бы руки, а то ихъ достанешь.

— Ну, ты прокутишься въ Енисейскѣ, а потомъ какъ же? Вѣдь, еще нужно дойти до волости?

— Да ужь кое-какъ перебиваешься. На-перво,—продашь хорошую одежду и худенькую купишь. Другой разъ такая оказія случится: твое же барохаю, что прежде бросаешь, тебѣ же и попадется. Такой грѣхъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ! Что мы бросаемъ, то челоды подбираютъ и припрятываютъ, а потомъ, какъ мы прокутимся, намъ же и продаютъ. Такіе душегубцы! Ну, коли эти деньги не пропьешь, такъ на нихъ кое-какъ дотащишься.

— А если прокутишь?

— Отправляйся, какъ знаешь. Да мы не унываемъ. Снаровку только имѣй, а то дойдешь. Тутъ ужь, не прогнивайся, всяко бываетъ: часомъ съ квасомъ, а порой съ водой. Иной разъ, Христа ради попросишь, а другой разъ какъ сыръ въ масѣ катаешься: вдовомъ наугощаешься.

— Кто же угощаетъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Кто попадется. Найдешь какого-нибудь олуха, обойдешь его тамъ разными розказнями, аль фокусами,—вотъ и покутишь. Другой разъ прикинешься знахаремъ: травы станешь разнымъ раздавать, на воду шептать, али другое что прочее дѣлать. Глядишь, какая-нибудь дура баба и раскошелится: на эту штуку больше бабы идутъ. Она тебя напоить и накормить. А не то у мужицка который попростоватѣй и побогатѣй, надъ коровой, аль лошадью что-нибудь сдѣлаешь, самъ прикинешься коволаомъ, да и давай увѣрять, что у него тамъ не все благополучно, что безпремѣнно лѣчить скотину нужно, и другаго сердечнаго такъ увѣришь да напугаешь, что онъ тѣ каляться начнетъ; угостить до отвала, денегъ дать. Смѣлкаку нужно! А то въ дорогѣ не пропадешь! Ну опять вѣдь, посеальчикъ, что твой ребенокъ, что увидить, то и тащить.

Многіе засмѣялись; Шупляковъ улыбулся и принялся раскуривать свою трубку.

— Ну, тогда и вашему брату довѣренному часто достается

отъ насъ, вдругъ заговорилъ Юшкевичъ какимъ-то злобнымъ голосомъ.—Помнить другой долго поселщиковъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ! Тогда ухо остро держи, — въ оба гляди! А коли чуть сплоснаеъ, ну и пропаеъ. Вотъ сунься-ка въ наемку, такъ мы тебѣ покажемъ! И Юшкевичъ громко засмѣялся; но тотчасъ же замоакеъ. Его выходка, вместо одобренія, встрѣчена была присутствующими съ негодованіемъ.

— Ну что ты, рыжая сатана, смущаешь, заговорилъ Егоръ, — мелево—мелево и ееть.

— Да я такъ, братцы, только къ слову сказалъ, отвѣчалъ Юшкевичъ, опуская свой голосъ тономъ ниже.

— То-то къ слову! Не слушаи ты его, дурака; видишь, вѣдь, онъ какой.....

— Да, вѣдь, онъ правду сказалъ, замѣтилъ я.

— Еще бы неправду, заговорилъ, ободрившись, Юшкевичъ.— Ну что скажете? Развѣ не надувають доврѣнныхъ? Да еще во какъ!

Присутствующіе молчали.

— Расскажи, старикъ, какъ это надувають? обратился я къ Егору:—я человекъ новый, мнѣ это будетъ въ пользу.

— Что тебѣ рассказывать-то.... Известно, заговорилъ тотъ, улыбаясь:—прослышимъ, напримѣръ, что вріхалъ доврѣнный въ деревню и закутилъ. Наемка у него большая; съ писаремъ худо живетъ, и нанимаетъ онъ всѣхъ, кто мимо идетъ. Ну сейчасъ и разузнаешь что, молъ, и какъ? чей доврѣнный и кто такой? Коли онъ тамъ по водочкѣ прохаживается, да съ дѣвущками занимается—это намъ съ руки; къ такому иди смѣло. Пока у него хмѣль да чадъ въ башкѣ бродить, онъ билета хорошенько не посмотритъ, примѣтъ не повѣрить: известно не то на умѣ; тутъ его и лови. Сразу ему чужой, либо старый, билетъ и подсунешь, задатокъ возьмешь, да и былъ таковъ. А тамъ ици вѣтра въ полѣ. Другаго на этой штукѣ такъ облапошишь, что либо-дорого.

— Да гдѣ же ты возьмешь старый билетъ?

— Объ этомъ ужъ ранѣе нужно подумать да промыслить на всякій случай. А то вотъ съ такимъ доврѣннымъ и этакую штуку можно сдѣлать. Сговорись съ кѣмъ-нибудь,—хотя примѣромъ съ Шупляковымъ:—пойдемъ, молъ, въ наемку, а тамъ, коли вынесетъ кривая, раздѣлимъ барышъ пополамъ. Ладно! Сейчасъ же явимся въ волость, заявимъ, что билеты

затеряли и попросимъ, чтобы дали намъ новые на проходъ. Ну, знамо, безъ подмазки не обойдется. Выдадутъ намъ билеты, а со старыми-то мы отправимся къ довѣренному. Шупляковъ за меня найметса, а я за него. Коли довѣренный сплосналъ, да въ волости о насъ справку не вьзятъ, ну, значить, и прощай его денежки; только онъ ихъ и видѣлъ! Мы сейчасъ же изъ деревни вонъ, а потомъ ужъ насъ не найдутъ.

— Да вѣдь онъ можетъ васъ потребовать.

— А мы объявимъ, что къ такому и не нанимались, что билеты мы потеряли, а кто за насъ нанялся, не знаемъ. Поди, ищи тамъ. Пока онъ хлопочеть, мы въ своей волости къ другому наймемса, да и на приискъ.

— И часто случаются такіа продѣлки?

— Случаются. А то вотъ и такіа штуки дѣлають. Примѣромъ, довѣренный не пьетъ и съ волостнымъ писаремъ пріатель. Вотъ, мы,—чтобы побольше отъ него денегъ повыманить, соберемса артелью—человѣкъ пять аль шесть, молодецъ къ молодцу, и прихватимъ съ собой еще какого-нибудь старика. Его научимъ, чтобъ онъ тоже шедъ въ наемку къ довѣренному и задатку просилъ какъ можно больше, а ужъ мы не выдадимъ. Старика, это, выберемъ, выгладимъ, подмуштруемъ, и явимса. У довѣреннаго-то, какъ увидить такихъ молодцовъ-рабочихъ, ажъ глаза разбѣгутса. Сейчасъ къ писарю: „Можно-ли нанять такихъ-то и такихъ-то.“ Тотъ отпашеть, что можно. Станеть смотрѣть насъ довѣренный: все рабочіе хотъ куда, только одинъ плоховать. Вотъ и скажетъ: „Ты ужъ, братецъ, старъ, куда тебѣ?“ А тотъ: „Чтѣ за старъ? я еще работникъ.“ Ну коли довѣренный заупрямитса,—мы и объявимъ, что молъ нанимаемса артелью, и безъ старика нейдёмъ. Жаль довѣренному отпустить насъ, да и старика взять не хочетьса. Вотъ и станеть онъ уговаривать иди безъ него. Мы упремса: „Нѣтъ, молъ, безъ него нейдёмъ; какъ хошь, а то пойдёмъ къ другому.“ Ну нечего дѣлать, побьется, побьется: видить—уперлисъ! Начнеть спрашивать о задаткѣ, сколько, молъ, нужно? А мы и говоримъ: „Не знаемъ, молъ, ваше почтеніе. Спросите большака.“ А большакъ такую задомить цѣну, что просто бѣда. Опять станеть довѣренный торговаться; мы не уступаемъ. Ну, видить онъ, что дѣлать нечего,—дасть.

— Какая же вамъ выгода отъ этого?

— А вотъ **какая**. Разъ, больше задатку,—значить, дольше покутить можно; а, второе, и стариковы деньги намъ же поступать. Вѣдь, онъ ни къ чорту не годенъ, и знаетъ, что изъ дому не уйдетъ.

— Зачьмъ же нанимать такихъ стариковъ?

— Какой ты безтолковый, отвѣчалъ Юшкевичъ: — хорошихъ рабочихъ всякому довѣренному отпустить жаль, а коли они безъ старика нейдутъ, что тутъ дѣлать? Ну, довѣренный подумаетъ, да въ умъ и разчитаетъ, что старика куда-нибудь тамъ на приискъ сунетъ, хошь въ хлѣбонеки, аль въ другую какую-нибудь легкую работу...

— Значить, и онъ можетъ быть полезенъ.

— Да, коли дойдетъ.

— Но, вѣдь, можно съ него вытребовать деньги.

— Держи карманъ! Что ты возьмешь съ поселщика? Голь непроходная. Да притомъ же старикъ, какъ придетъ время идти на приискъ, не отказывается: „Бери, говоритъ, я иду.“ А куда ты его поведешь! Еще наплачешься съ нимъ; умереть дорогой, аль заболѣетъ; бѣды да хлопотъ себѣ наживешь. Другой довѣренный увидитъ, что его поддѣли, — плюнетъ, и броситъ. Пропали, значить, его денежки.

— Однако съ вами, ребята, надо быть осторожнѣе.

— Чего осторожнѣй? Разсудокъ только надо имѣть.

— Какой же разсудокъ?

— А такой, что какъ прїѣдешь ты въ волость, перво-на-перво, ублажи хорошенько писаря. Это, братъ, всему дѣлу голова! Тамъ, братъ, эти засѣдатели, исправникъ, аль другіе какіе чиновники, все плевое дѣло! Первое лицо въ волости писарь. Это такъ ты и знай; онъ всѣмъ орудуетъ. Второе, не бросайся нанимать изъ чужихъ волостей прохожихъ работниковъ. Надуютъ, какъ разъ, потомъ ищи ихъ! А главное, себя соблюдай: не кути и за дѣвчатами не бѣгай, а то такъ оплетутъ, что и не опомнишься!

— Спасибо, братъ, за совѣтъ! Непремѣнно воспользуюсь.

— Да, вотъ еще что: коли тебѣ случится нанимать въ деревнѣ въ ту пору, какъ выходятъ прищипки изъ тайги, будь ты терпѣливъ и ничѣмъ не обиждайся. Много тебѣ придется вытерпѣть въ то время. Станутъ надъ тобой прищипки куражиться, разныя штуки выдѣлывать, смѣяться; ты не серчай, а помалчивай. Въ ту пору нашъ братъ гуляетъ; значить, толку никакого нѣтъ; хмѣль въ головахъ бродитъ; а главное,

у всѣхъ деньги есть. Другой еще нарочно навется, и къ дѣвчонкѣ пойдетъ, штофъ съ собой притащить, сладеть, рѣчь заведетъ, подбивать, аль смѣяться надъ тобой станеть. Попробуй-ка тогда осерчать, аль выбрать, ну, и самъ не радъ будешь. Онъ еще пуще приважится. Коли же ты промолчишь, да поймешь, что онъ хочетъ показать себя: глады, моля, какъ гуляетъ нашъ братъ и вами пренебрегаетъ,—коли выждешь время, когда онъ пропьется, все будетъ ладно. Въ твоихъ рукахъ будетъ, далеко не уйдетъ. Таковъ, братъ, обычай. Жуль ли, хорошъ ли, не нами заведешь, не нами и кончится.

Егоръ замолчалъ. Въ балаганѣ воцарилась тишина. Я не хотѣлъ болѣе продолжать разговора на эту тему. Мнѣ сдѣлалось какъ-то невыносимо больно, когда я узналъ еще одну грустную сторону жизни нашихъ поселенцевъ-рабочихъ. Рабочіе тоже молчали и, повидимому, находились сами подъ вліяніемъ какого-то непріятнаго впечатлѣнія.

Такъ прошло минуты двѣ.

— Развѣ разказать вамъ, братцы, вы, мои любезные, вдругъ прервалъ эту тишину Юшкевичъ, начавъ свой монологъ самымъ робкимъ голосомъ: — развѣ разказать вамъ, какъ надулъ я разомъ цѣловальника и дистаночнаго?

— Ну-ка, ну-ка, разкажи, рыжая твоя борода! посидѣнно заговорили почти всѣ рабочіе.

— Было это, братцы мои, въ нашей волости, началъ Юшкевичъ, — былъ у насъ цѣловальникъ, Николай Петровичъ прозывался; малый такой плутъ и проныра, что другого такого поискать только. Какъ тамъ начальство ихнее не балось, чтобы, значить, поймать его, и чего, чего для этой причины не дѣлало, все вывертывался!... Разъ, такъ подъ вечеръ, пошелъ я въ кабакъ, не то чтобы выпить, а такъ, престо, посидѣть: въ карманѣ-то пусто было, заложить тоже нечего; а онъ, подлець, въ долгъ, не то что нашему брату, помещицику, а отцу родному не вѣрилъ. Вотъ, подложу это я къ кабаку, и вижу, стоитъ кто-то у окошка и посматриваетъ что тамъ дѣлается. Думаю,—кто бы это такой? Остановился я и сталъ приглядываться. Вижу: дистаночный. Я было и пошелъ своею дорогой. Вдругъ онъ оборотился, подошелъ ко мнѣ, и спрашиваетъ меня таково ласково: „Куда идешь, малый человекъ?“ — „Въ кабакъ“, говорю.— „Вотъ, братъ, и хорошо; мнѣ такого-то и нужно. Хочешь я тебя угощу?“ — „Какъ,

говору, не хотѣть, хочу!“— „А ты мнѣ услужишь?“— „Извольте, говорю, ваше почтеніе, чѣмъ только могу?“— Посмотрѣлъ онъ на меня таково пристаивно, значить, взглядѣться хотѣлъ, да и говорить:— „Видишь ты, братецъ, я не здѣшній, и хотѣлъ бы купить водки, да самому въ кабакъ идти совѣство; купи для меня?“— „Извольте, говорю, съ нашимъ удовольствіемъ! Сколько вамъ нужно?“— „Да хоть полведра. Я тебѣ дамъ пять рублей, ты возьми водки въ кабакъ какъ есть съ посудой, да смотри, носи осторожнѣй. Коли дадутъ за печатью, не сломай, а коли отольютъ изъ бочки, не пролей. Посаь сколько хочешь дамъ, а теперь, пожалуста, осторожнѣй. Вотъ тебѣ деньги, ступай, а я здѣсь подожду.“— Взялъ я деньги и пошелъ, а самъ думаю: шалишь, братъ, цѣловальнику яму хочешь вырыть, подкузмить; а меня съ подсыломъ посылаешь. Хотя онъ и лаутъ, а все мнѣ выдавать его не рука — пригодится. Вошелъ я въ кабакъ, и прямо къ стойкѣ. Цѣловальнику мигнулъ: „Дѣло, молъ, есть.“ Тотъ догадался; поднялъ стойку, пропустилъ меня и спрашиваетъ: „Что, говоритъ?“— „Дистаночный, молъ, здѣсь.“— „Гдѣ?“— „Да у кабака; меня съ подсыломъ послалъ.“— „Сослужишь, говоритъ, службу, утащишь вотъ это?“ Да и показываетъ подъ стойкой два полуштофа и ведерную бутылъ съ водкой.— „Даяча не утащить, утащу“, говорю.— „Ну, такъ забирай, да съ Богомъ, чрезъ заднія двери, и бѣги къ Дормидонту,— знаешь?“— „Знаю“, говорю. Пихнулъ я полуштофы за пазуху, бутылъ взялъ въ руки, да и былъ такъ. Вышелъ на дворъ и думаю: вотъ, молъ, судьба-то! Не было ни гроша, вдругъ сталъ алтынъ, — деньги и водка,—эка благодать привалила! И зачѣмъ мнѣ къ Дормидонту нести; развѣ я самъ выпить не умѣю. Вѣдь цѣловальникъ эту водку у православныхъ же укралъ; значить, и мнѣ грѣха не будетъ украсть у него. Раздумалъ я такъ, да и пошелъ домой; забрался въ свой чуланъ; малую толику выпилъ, а прочее прищипалъ, и самъ съ собою надъ обоими посмѣиваюсь. Посидѣлъ я это дома, и разобрало меня любопытство: что подѣлываетъ дистаночный на фатерѣ? Поѣду, молъ, къ нему, — благо хозяинъ пріятель. Однако, подумалъ, такъ опять идти неозко: неразно признаеть. Дай-ка, молъ, выбрѣюсь. Сейчасъ это, значить, бороду долой; волосы подрѣзалъ; другой азлыкъ на дѣлъ и отправился. Ну, наверно, какъ увидѣлъ меня хозяинъ безъ бороды, принялся было разспрашивать: что такое значить? Я ему мигнулъ: „молчи, молъ, дада, оносая скажу.“ Онъ

и замочалъ. Ждать, пождать, смотримъ, катить мой приятель,—ругательски ругается! „Обманули, говорить, какъ дурака; только денежки мои пропади. Ничего у паута не нашель. И куда эта другая бестія дѣвалась! Точно сквозь землю проваалился.“ Онъ ругается, а я сижу да посмѣиваюсь. Сталъ онъ на меня искоса поглядывать, а потомъ и привалялся: „Ужь не ты ли, говорить, сыгралъ со мной такую штуку, что-то твоя рожа мнѣ знакома!“ Извѣстно, сталъ я заператься, да еще въ обиду вошелъ. „Что ты это, говорю, даешься? Съ чего взялъ честнаго человѣка корить? меня вся деревня знаетъ,“ и пошелъ, и пошелъ. Хозяинъ за меня заступился, ну, дистаночный и опѣшилъ; видить, взять нечего; пошелъ на мировую; насъ же еще водочкой угостилъ. Смѣхъ, право! Спровалили мы его. Сходилъ я домой; принесъ водки, что отъ цѣловальника взялъ, и стали мы ее въ свою сласть распивать. Вдругъ, глядимъ, катить самъ цѣловальникъ, такой сердитый, прямо на хозяина и накинулся, зачѣмъ онъ не далъ ему вѣточки о дистаночномъ. Извѣстно, хозяинъ пустился оправдываться. Побранились они немного, а потомъ цѣловальникъ и говорить мнѣ: „Ну спасибо, Тимоѣеюшка, выручилъ, голубчикъ.“—„Радъ, говорю, стараться, Николай Петровичъ.“—„Считай другъ за мной поштофъ.“—„И на томъ молъ благодарствуйте.“—„Ну, а снесъ ты къ Дормидонту, что я далъ-то.“—„Что, молъ, такое?“—„А посудыны-то?“—„Какія посудыны?“—„Какъ какія, говорить, аль не помнишь? Какія взялъ?“—„Что-то, говорю, позапамятовалъ, Николай Петровичъ. Да не другому ли вы отдали, поглядите-ка хорошенько?“—Поглядѣлъ онъ на меня и понялъ въ чемъ дѣло.—„Ахъ ты, говорить, пауть эдакой, Иуда окаянный! Не стыдно?“—„Что же вы браните безвиннаго?“—„Толкуй безвиннаго,“ говорить.—„Ну а за штофомъ-то завтра зайдти прикажете?“—„Не много ли будетъ, братъ, и то жирно сцаналъ?“—„Другой разъ, говорю, услугу, а вѣтъ такъ подведу.“—„Ну, да ладно, ладно,“ говорить...

— Выходи ужинать! Эй, ребята, ужинать, ужинать,—выходи! закричалъ громко кашеваръ.

Возмась этотъ магически подѣйствовалъ на обитателей балагана. Всѣ, безъ исключенія, не дослушавъ дальнѣйшихъ похощеній Юшкевича, вскочили и быстро отправаились къ котламъ. Я тоже, чтобъ освѣжиться и разогнать тяжелое впечатлѣнiе этого вечера, пошелъ за ними.

Ужинъ обыкновенно былъ у насъ самымъ оживленнымъ

часомъ. Тутъ рабочіе, отдохнувъ отъ своихъ тяжелыхъ занятій, дѣлались веселы и шутливы. У котловъ уже толпился народъ: иные наливали щи; другіе крошили говядину; нѣкоторые обгладывали кости, или, усѣвшись артелями, въ ожиданіи когда подадутъ имъ общія чашки, болтали между собой. Глядя на эти довольныя, веселыя лица, слыша искренній смѣхъ, оживленный разговоръ, совершенно невозможно было подумать, чтобы въ слышанныхъ мною разказахъ о кутежахъ, обманахъ, и другихъ проделкахъ прищиковъ, могла идти рѣчь обо всѣхъ этихъ людяхъ. Вѣроятно, думалъ я, только не многіе употребляютъ такъ безпутно свой заработокъ, плодъ тяжкихъ трудовъ и лишеній. Въ этой мысли утверждало меня еще и то обстоятельство, что артель, къ которой принадлежалъ Юшкевичъ съ товарищами, пользовалась нехорошею репутацией. Я рѣшился спросить обо всемъ этомъ людей болѣе порядочныхъ! Вотъ хоть бы Иванъ, Дубровинъ и другіе. Всѣ они живутъ въ одномъ балаганѣ; всѣ они ссыльные, значить, пользуются однимъ и тѣмъ же положеніемъ въ обществѣ; а между тѣмъ они и здѣсь ведутъ себя гораздо лучше другихъ. Я пошелъ къ нимъ. Выслушавъ нѣсколько сказокъ и анекдотовъ, я склонилъ разговоръ на интересующую меня тему, и разказавъ сущность всего что слышалъ отъ ихъ товарищей, прямо спросилъ, неужели правда что прищики такъ безпутно тратятъ свои трудыя деньги?

Всѣ замолчали и посмотрѣли другъ на друга. Первый заговорилъ Иванъ:

— Что грѣха таить? Всѣ мы здѣсь на одинъ ладъ: изъ-за того только и бьемся на приискахъ, чтобы кутнуть въ Енисейскѣ. Какъ хошь дѣйствуй, а туда, попадешь! Потому и заведенье такое,—это что говорить... И онъ, махнувъ рукой, замолчалъ.

— Эхъ, сударь, повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить, заговорилъ Дубровинъ. Стоить разъ втянуться, а тамъ не вырвешься. Да и сами вы разсудите, что намъ остается дѣлать. Участь наша горькая. Думаете, съ радостью идемъ мы на прииски? Вѣдь здѣсь каторга, а право другой бѣднякъ со слезами уходитъ отсюда. Вѣдь, здѣсь онъ сытъ, обутъ, подъ кровомъ; а въ волости что онъ? Другому некуда и голову приклонить.

— Вы бы могли обезпечить себя хоть немного, если бы не пропивали вашихъ заработковъ. Вѣдь ваши заработки не маленькіе.

— Да, по расчетнымъ листамъ; а на дѣлѣ много ли получимъ? Вотъ, начнемъ хоть съ задатку. Ну, положимъ, возьмемъ при наймѣ рублей шестьдесятъ, али болѣе¹; изъ нихъ безпремѣнно отдай писарю рубля три, если не болѣе; да вычтуть съ тебя рублей тридцать податей.

— Чтѣ ты, братецъ? Гдѣ берутъ такія подати?

— Гдѣ берутъ? Здѣсь, въ Сибири. Съ насъ вычитаютъ на какіе-то тунные расходы: не дашь—сиди дома! Это вѣрно.² Не то писарь подвернетъ тебѣ такую ковычку, что и не выпутаешься.

— Все чтѣ ты говоришь, возразилъ Дубровину Иванъ,—коли хощь, и такъ да не такъ. Скажи лучше: доля наша такая, да и сами мы не тѣ люди,—вотъ чтѣ.

— Да, отвѣчалъ Дубровинъ, правда твоя... Чтѣ дѣлать,—судьба значить. Живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велѣлъ.

— Такъ, знать, на роду написано, продолжалъ Иванъ съ тяжелымъ вздохомъ:—не тотъ я былъ не такимъ и быть хотѣлъ,—чтѣ дѣлать!

— Но кто же ты былъ Иванъ? спросилъ я.

— Кто? повторилъ онъ горько усмѣхнувшись. Кто? Пропзвѣстнѣй челоувѣкъ, вотъ кто! Однако баринъ поздно, спать пора. Утро вечера мудренѣе. Прощай, добавилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, закрываясь азымомъ.

Всѣ послѣдовади его примѣру. Съ грустнымъ, тяжелымъ чувствомъ вышелъ я изъ этого балагана и долго, долго въ ухахъ моихъ слышались эти слова и тонъ, которыми они были сказаны.

¹ По закону, поселенцу велѣно давать въ задатокъ по 7 р. 50 к., но какъ этотъ законъ исполняется извѣстно всякому золотопромышленнику. Задатковъ выдаютъ отъ 50 руб. сер. и болѣе. Это фактъ.

² Въ 1859 году, въ Енисейской губерніи, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, дѣйствительно съ поселенцевъ взимающихся на прииски взыскивалось отъ 25 и болѣе рублей. Эти деньги платили довѣренныя при насѣкѣ. Куда поступали онѣ, я положительнао сказать не умѣю, но вѣрно то, что сумма ихъ отнѣчалась обыкновенно писаремъ на билетахъ карандашомъ, и потомъ удерживалась довѣреннымъ и передавалась въ волость. Какъ теперь дѣлается, я не знаю. Но что это было, могутъ подтвердить всѣ кто частвовалъ въ насѣкѣ.

VI.

По случаю отдаленности главного прииска нашей Ко, съ котораго моя партія получала провіантъ и людей, въ случаѣ недостатка въ рабочихъ, у меня было поставлено за правило давать вновь прибывшимъ въ партію два дня отдыха. Это распоряженіе очень нравилось пришельцамъ, и мнѣ ни разу не случалось замѣтить, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, въ теченіи льготныхъ дней, принялся за работу, несмотря на то, что бездѣйствіе начинало, видимо, тяготить ихъ со втораго же дня прибытія въ партію. Въ одинъ вечеръ, явились ко мнѣ съ главного прииска пять человекъ рабочихъ и плотникъ. Предъявивъ свои билеты и выслушавъ съ большимъ удовольствіемъ распоряженіе о льготныхъ дняхъ, эти люди тотчасъ же принялись за постройку балагана. На другой день утромъ я примѣтилъ, что одинъ изъ вновь прибывшихъ работаетъ что-то топоромъ. Предполагая, что онъ хлопочетъ объ окончаніи своего жилища, я, не обративъ на это особеннаго вниманія, пошелъ на работы; но возвращаясь обратно, замѣтилъ того же работника уже съ долотомъ въ рукахъ; а какъ этотъ инструментъ для постройки балагановъ не употреблялся, то меня заинтересовало, что онъ дѣлаетъ?

— Чѣмъ ты занимаешься, братецъ? спросилъ я, подходя къ нему.

— Стоякъ дѣлаю, ваше почтеніе. Нарядчикъ говоритъ, что нужно.

— Оставь, братецъ. Стоякъ еще не уйдетъ. Отдохни, вѣдь ты вчера пришелъ, небось, усталъ?

— Чтѣ за отдыхъ? Нашему брату безъ дѣла не привычно, да и въ балаганѣ лежать—скука. Дѣло-то не тяжелое, все какъ будто веселѣе.

— Ты плотникъ?

— Плотникъ.

— Какъ твоя фамилія.

— Блиновъ.

— Молодецъ. Спасибо за прилежаніе. Если хочешь, работай; но помни, что въ эти два дня я съ тебя занятій не требую.

— Знаю, да ужъ я поработаю. Чтѣ бакауши-то бить.

Въ балаганѣ я засталъ своего нарядчика Александра Яковлева за чаемъ. Разказавъ ему о ревности Блинова, я похвалилъ его за прилежаніе.

Нарядчикъ засмѣялся.

— Чему ты смѣешься?

— А тому, что видно онъ малый не промахъ, и должно быть, плутъ. Вы вотъ повѣрили, что онъ прилеженъ, а онъ просто задобрить хочетъ, заискиваетъ.

— Ну, какой вздоръ. Чтò ему за надобность?

— Чтò за надобность? Вы говорите, что это плотникъ.

— Плотникъ.

— Ну, вѣрно ничего не смыслите, отвѣчалъ рѣшительнымъ голосомъ нарядчикъ.

— Да, съ какой же стати послали бы худаго въ шурфовку? Я просилъ хорошаго.

— Ждите! такъ вамъ Х...нъ и дастъ хорошаго! Хорошіе-то имъ самимъ нужны, а въ шурфовкѣ и какой-нибудь сойдеть. Вотъ и послали плохенькаго!

— Если это и такъ, какая же надобность ему заискивать?

— Какой вы право!... О томъ, что у насъ въ партію жить хорошо, всѣмъ извѣстно. Всѣ знаютъ, что пищи вдоволь, заработокъ хорошъ, да и В...въ вамъ съ руки. Попросите за кого, такъ все сдѣлаетъ; вотъ и лѣзутъ сюда.

— Но почему же ты думаешь, что Блиновъ плохой плотникъ?

— Думаю я, что онъ плохой, потому что, какъ я вамъ говорю, хорошаго не пошлютъ; а второе, еслибъ онъ смыслилъ свое дѣло, не сталъ бы заискивать и раньше времени работать; а лежалъ бы на боку, благо дано два дня отдыху. У хорошаго рабочаго увѣренность есть, что, молъ, хоша и пролежу, да потомъ себя покажу. А этотъ, какъ чувствуетъ что плохъ, вотъ и думаетъ: дай, молъ, возьму хоть тѣмъ, что на первыхъ порахъ покажусь прилежнымъ, авось понравится, и довѣренный будетъ помилостивѣе, коли чтò и плохо сдѣлаю. Плутъ народъ эти поселенцы: вездѣ разчетъ!

— Но, кажется, Блиновъ не поселенецъ. Онъ такъ порядочно одѣтъ, такой скромный, притомъ и старъ.

— А! это тотъ, чтò съ сѣдою бородой? Челдонъ, должно-быть. Ну, это еще хуже нашего брата поселщика; плуты первой руки. И нарядчикъ началъ самыми яркими красками описывать испорченность челдоновъ:—Вотъ, помяните мое

слово, что Блиновъ плохой плотникъ, заключилъ онъ свою рѣчь.

— Увидимъ! отвѣчалъ я съ сомнѣнiемъ.

— Увидимъ! повторилъ не безъ досады, нарядчикъ.—Я тебѣ покажу его сразу: пойду сейчасъ, да дамъ ему работу,— не стоякъ дѣлать,—это чтò! Есть у насъ дѣло похитрѣе. Пусть-ка покажетъ свою удалъ.

— Ну-ка испытай. Да, чуръ, не бранить его.

— Зачѣмъ бранить; вѣдь не съ К...мъ въ партiю. Вы всѣмъ потачку даете: ну, и съ Богомъ. Мое дѣло сторука; вашъ отвѣтъ.

Нарядчикъ ушелъ, видимо разсерженный, а я занялся чаемъ.

— Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился.

— Далъ работу Блинову? спросилъ я.

— Далъ-съ.

— Да смотри, не трудную ли какую-нибудь?

— Какую трудную? велѣлъ сдѣлать колѣно къ помпѣ.

На этотъ разъ нашъ разговоръ тѣмъ и окончился.

Прошло три дня, колѣно не было готово, несмотря на то что хорошему рабочему нужно было употребить на эту работу развѣ всего нѣсколько часовъ. Занятый болѣе серьезными дѣлами, я сперва не обратилъ на это вниманiя; но наконецъ спросилъ нарядчика:

— А чтò же колѣно?

— А спросите Блинова, отвѣчалъ онъ, лукаво улыбаясь:— угодно, я позову его?

— Нѣтъ! пойдемъ вмѣстѣ.

— Пойдемте.

Мы отправились. Взглянувъ на работу Блинова, я тотчасъ же удостоверился, что нарядчикъ правъ, и что Блиновъ дѣйствительно ничего не понимаетъ. Онъ не сумѣлъ не только что придѣлать, но даже хорошенько выдолбить колѣна. Признаюсь, я разсердился и велѣлъ, чтобы работа непременно была кончена къ вечеру, причемъ обѣщалъ, въ противномъ случаѣ, завтра же отослать его на главный приискъ. Блиновъ выслушалъ мой выговоръ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго возраженiя. Повидимому, онъ растерялся и только похаживалъ вокругъ лежащей передъ нимъ колоды, и постукивалъ топоромъ. Лицо его, чрезвычайно добродушное и симпатичное, приняло самое страдальческое и тоскливое выраженiе. Когда же я объявилъ о высылкѣ его обратно, онъ

такъ побѣднѣлъ, что мнѣ стало невыразимо жаль его. Что бы скрыть невольное смущеніе, я повернулся и быстро отошелъ прочь.

— Ну что, чья правда? спросилъ меня торжествующій нарядчикъ, когда мы пришли въ балаганъ.

Я молчалъ.

— А вѣдь помпа, не будетъ готова, продолжалъ онъ,—старикашка топора въ рукахъ держать не умѣетъ и не чадовъ, а нашъ братъ поселящикъ.

— Можетъ ли быть? быстро спросилъ я.

— Право. Что вы будто удивились?

— Да у него такое доброе, тихое лицо, необдуманно отвѣчалъ я.

— Мало ли у нашего брата тихихъ-то лицъ, возразилъ, какъ бы обидѣвшись, нарядчикъ; видно, что вы новичокъ. Эти тихіе только проводятъ такихъ, какъ вы.... Нарядчикъ хотѣлъ было прибавить какой-то жесткій эпитетъ, но удержался.—А раскусите-ка, такъ узнаете, гдѣ раки зимуютъ.

Я не сталъ болѣе говорить съ нимъ о Блиновѣ, и въ этотъ день не подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ старикъ работалъ. Мнѣ было досадно на себя за мою горячность и выговоръ, особенно когда я представлялъ себѣ страдальческую болѣзненную фигуру старика, полную не притворной печали. Моя симпатія еще болѣе увеличилась, когда я узналъ, что этотъ добродушный, тихій человекъ—ссылный, значить, преступникъ.

Работы уже кончились. Люди въ ожиданіи ужина занялись своимъ дѣломъ; но съ той стороны, гдѣ долбилъ Блиновъ свою злосчастную помпу, все еще слышался стукъ долота. Я подошелъ къ нему.

— Пора, братецъ, кончать; скоро позовутъ ужинать, сказалъ я.

— Хочется додѣлать, ваше почтеніе. Завтра, быть-можетъ, другое что найдется.

— Брось, братъ. Утро вечера мудренѣе.

— Слушаю, отвѣчалъ онъ, не переставая работать.

Послѣ ужина, когда я пилъ чай, въ мой балаганъ вошелъ Блиновъ.

— Ваше почтеніе! началъ онъ, низко кланяясь.—Сдѣлай ты божескую милость, пожалѣй меня, старика, не обижай. Богъ тебя наградитъ.

— Чѣмъ же я тебя обижаю, любезный? отвѣтилъ я, удивленный этимъ вступленіемъ.

— Да давѣ ты пообѣщала отослать меня на приискъ.

— Ну?

— Да вѣдь это смерть моя; пропаду я злосчастный, заговорилъ онъ, видимо взволнованный.

— Чтѣ ты? Богъ съ тобой! Развѣ не все равно работы — что здѣсь, что тамъ?

— Какъ для кого, а для меня не все равно. Пошлешь ты меня, выгонять старика съ прииска; вотъ я и пропала. А выгонять безпремѣнно.

— За чтѣ же? помилуй!

— Да ужъ это, какъ Богъ святъ. Чтѣ грѣхъ на душу брать? Какой я плотникъ! топора въ рукахъ держать не умѣю, обманулъ я окаянный, на старости лѣтъ, вотъ Богъ и попуталъ. Х...нъ къ тебѣ съ тѣмъ послалъ: „Коли, говорить, не уживешься тамъ, такъ вонъ ступай.“ А я ужъ безъ того въ заборѣ, значить, пропаду. Вся надежда на тебѣ!

— Зачѣмъ же ты нанимался въ плотники, когда не знаешь этого дѣла?

— Вотъ, поди жъ ты! отвѣчалъ онъ, разводя руками.—Алчность разобрада. Довѣренныя въ рабочіе не нанимають— старь. А коли бы и наняли, мало бы денегъ вынесъ, силы вѣтъ, а въ плотникахъ-то и денегъ много, да и работа какъ бы полегче. Грѣшнымъ дѣломъ думалъ, авось сумѣю угодить. А нѣ дѣло-то вышло не подходящее. Х...нъ-то къ тебѣ посылая, такъ и сказалъ: „Здѣсь, говорить, на приискѣ тебя держать нельзя, потому что на глазахъ, а ты ничего не знаешь; неравно В...въ увидить, бѣда будетъ; ступай въ шурфовку, тамъ авось удержишься; а коли выгонять оттуда, ну, такъ убирайся.“ Не погуби, сдѣлай божескую милость, заключилъ онъ свою рѣчь, низко кланяясь.

— Ну, если такъ, Богъ съ тобой, оставайся. Дѣла здѣсь немного, привыкнешь.

— Спасибо, кормилецъ, отвѣчалъ Блиновъ повеселѣвъ.—Дай Богъ тебѣ здоровья. Вотъ коли бъ я за свое ремесло принялся, ну тогда не ударилъ бы лицомъ въ грязь.

— А какое твое ремесло?

— Да былъ я садовникъ и огородникъ. Этимъ жилъ.

— Ты откуда?

— Казанской губерніи, Козьмодемьянскаго уѣзда.

— Давно здѣсь?

— Да ужь на порядкахъ. Десятый годъ пошелъ.

— Сосланъ?

— Да, вотъ поди жь ты! Переслали въ крестьяне, такъ и описанъ; да это, почитай, что въ сымаку, не лучше. Раззорили въ пухъ. Такой грѣхъ.

— За что же тебя переслали?

— Да, по правдѣ сказать, такъ и самъ не знаю. По приговору, слышь, общества; а общество, вотъ тѣ Богъ, и дѣла-то не знало. Задаромъ погибъ. Просто по волѣ начальства угодилъ сюда.

— Можетъ ли быть?

— Вотъ тѣ Христоръ; такая притча вышла, что и ума не приложу.

— Разкажи, братецъ, пожалуста! Да что ты стоишь? Садись.

— Отчего не сказать? Для меня не зазорно. Скажу твоей милости все, безъ утайки; какъ передъ Богомъ откроюсь, началъ Блиновъ, садясь на землю.—Видишь ты, былъ я государственныи крестьянинъ Казанской губерни, Козьмодемьянскаго уѣзда, села Спаскаго; жилъ я не богато, да и не бѣдно, а такъ себѣ, напорядкахъ. Занимался огородамъ и садъ держалъ, тѣмъ и промыслялъ. Тоже и обществу служилъ: восемь лѣтъ писаремъ былъ при сельской расправѣ; мальчиковъ грамотѣ обучалъ, и думалъ попасть въ волостные писаря, авъ въ Сибирь угодилъ. Село наше богатое, продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія,—стоитъ на самой Волгѣ, значить, на бойкомъ мѣстѣ; и было выстроено оное, такъ себѣ, плохонько; дома старые, приходились все, почитай, въ плотную другъ къ другу; только въ серединѣ былъ у насъ хорошій домъ и жилъ тамъ нашъ же братъ крестьянинъ, Тюргинъ прозывался. Онъ былъ всѣхъ позажиточнѣе; умѣлъ хорошо дѣла вести. Случилось у него несчастье, загорѣлся домъ, а отъ него-то и сгорѣла, почитай, вся деревня. Ну, извѣстно, при этомъ несчастіи многіе православные по міру пошли. Вотъ, какъ велѣли новую разверстку произвести, чтобы, значить, выстроить деревню по плану, міръ возьми, да мѣсто его мѣсто и отдай, а Тюргину отведи, почитай, что за самою деревней. Это, вишь ты, съ сердца въ сдѣлали; знай же, молъ, что сердцаемъ и уваженія тебѣ не оказываемъ. Ну ладно. Тюргинъ съ міромъ не поспорилъ. Мѣсто хоша и взялъ, но строиться не сталъ, а куда-то уѣхалъ. Долго онъ у насъ

не былъ, такъ что я тѣмъ временемъ и поустроился мало-мальски. Домшко сталъ ставить, садикъ разводить, и радовался, что Богъ далъ мнѣ такое счастье — получить, почитай, что ни есть лучшее мѣсто. Пріѣхалъ это Тюргинъ; опять въ споръ съ міромъ не пошелъ, а только сказалъ: „Ну, ладно, я и безъ васъ обойдусь.“ Взялъ и уѣхалъ въ уѣздный городъ, а городъ-то отъ насъ всего въ шести верстахъ былъ. Вотъ, прошло еще немного времени, вдругъ требуютъ меня въ окружное правленіе. Пошелъ я и думаю: зачѣмъ бы это? Дѣловъ, кажись, у меня никакихъ нѣтъ, провинности такъ же, что за притча? Прихожу. Повели меня прямо къ окружному, — а онъ первымъ дѣломъ и спрашиваетъ: „Ты, говорить, Блиновъ, получилъ по разверсткѣ мѣсто Тюргина?“ — „Получилъ, говорю, ваше высокородіе.“ — „Отдай, говорить, назадъ.“ — „Какъ же это, говорю, ваше высокородіе, вѣдь міръ мнѣ отдалъ?“ — „Что, говорить, значить твой міръ! Возьми, говорить, да и промѣняйся полюбовно, вотъ и все.“ — „Да, помилуйте, говорю, за что же я буду уступать ему хорошее мѣсто? Своимъ я доволенъ, да ужъ и построился; еще колибы по началу, такъ куда ни шло.“ — „Это все, говорить, вздоръ; ты промѣняйся.“ — „Ну, я сталъ доводы приводить; куда те, не слушаетъ! Присталъ ко мнѣ: отдай, да отдай. Я поуперся и напоследокъ говорю: „Помилуйте, ваше высокородіе! гдѣ же слыхано, чтобъ отъ своего добра отказывался человекъ. Поди-ка, васъ попробуй теперь куда-нибудь въ худое мѣсто послать, вѣдь не захотите, — такъ-то и мнѣ.“ Ну окружному пришлось это не по праву; разбранилъ онъ меня, да и говорить: „Смотри, не наживи бѣды, не упрямясь. Даю тебѣ три недѣли сроку, подумай.“ Съ тѣмъ я и ушелъ. Пришелъ я домой, рассказалъ обо всемъ сусѣдамъ; тѣ говорятъ: „Чего тебѣ бояться, міръ отдалъ; ты, значить, правъ; безъ міру ничего окружный не подѣлаетъ.“ Спрошаль я кое у кого совѣта: какъ молъ будетъ дѣло; всѣ говорятъ, что мое дѣло правое, и бояться нечего. Даже самъ засѣдатель уѣзднаго суда, и становой, и тѣ говорили, что со мной ничего не подѣлаютъ. Вотъ я и понадѣялся. Черезъ три недѣли окружный опять потянулъ меня къ себѣ, опять сталъ приставать съ тѣмъ же. А я и говорю: „Нѣтъ, ваше высокородіе! дѣлайте что хотите, а я не согласенъ, да и только.“ — „Ну, говорить, смотри: коли что худо будетъ, на себя пеняй!“ — А я ему и отвѣтилъ: „Ничего, молъ, не будетъ ваше высокородіе; мое дѣло правое,

не боюсь я никого.“ Съ тѣмъ мы и разстались. Забылъ я въ ту пору, продолжалъ съ тяжелымъ вздохомъ Баиковъ,—что Тургинъ богатъ, а я бѣденъ, вотъ и пропалъ. Прошло послѣ того, почитай, съ полгода. Меня никто и не трогалъ; я ужъ думаю: слава Богу, забыли. Вдругъ снова требуютъ меня въ окружное правленіе. Воля начальства, какъ не пойдти? Пришелъ. Самаго окружнаго въ ту пору дома не было; меня прямо посадили въ арестантскую; удивился я; думаю, вѣрно по ошибкѣ; сижу. На другой день повели въ полицію. Смотрю, а тамъ и солдаты съ ружьями, и при нихъ унтеръ съ сумкой. Чтѣ, молъ, такое? „Да, говорятъ, ступай въ Казань.“—„Зачѣмъ молъ?“—„То не наше дѣло. Вѣрно отправить тебя за буйство, да за неповиновеніе начальству.“ Взывъ я благимъ матомъ „Помилосердствуйте, говорю, когда же я буйнилъ?“—„Ну, говорятъ, тамъ разчитывайся, а мы тебѣ не судьи. Ступай.“ Отправили меня, да таково скоро, что и женѣ вѣсточки дать не успѣлъ. Нечего дѣлать, пошелъ. Все еще думалъ оправдаюсь. Анъ вышло не такъ. Посадили меня въ острогъ, а тамъ слышу, и въ Сибирь выслать ладятъ. Слышь ты, по приговору будто общества. Диву я дался тогда? Вотъ передъ Богомъ, баринъ, коли я лгу, чтобы мнѣ провалиться,—вся моя вина въ томъ состоитъ, что, значить, бѣднякъ я былъ, а пошелъ противъ богатаго. Вѣришь ли? и приговора-то не было! Ну какъ бы мнѣ не знать? Да и какой я грубиянъ, а въ жизни моей курицы не обидѣлъ, не только что человекъ. Вся деревня знаетъ.

— Отчего же ты не жаловался?

— Какъ не жаловался, жаловался, да ничего не помогло. Жена, какъ услышала, прикатила сердечная въ Казань. Ужъ пытали подавать прошенія и въ палату, и прокурору, и губернатору,—ничто не помогло. У нашего окружнаго сильная рука была, ну и оклеветалъ невиннаго. Суди Богъ моего лиходѣя. Такъ всѣхъ обморочилъ, что на, поди! Такъ меня съ полгода волочили. Наконецъ вижу я, что противъ меня сила. Покорился, рукой махнулъ,—думаю, чтѣ будетъ, то будетъ, знать плетью обуха не перешибешь; оставилъ хлопотать. Богъ съ вами, съ моими злодѣями; заплатитъ имъ Господь на своемъ праведномъ судѣ.

— Гдѣ твоя жена?

— Умерла подъ Томскомъ, царство небесное моей голубушкѣ. Пошла было со мной въ Сибирь, да не дошла сердечная.

— А семья твоя?

— Не было у меня семьи. Была правда одна дочь девяти лѣтъ, да ту еще допрежь того взялъ дядя на воспитаніе. Онъ бездѣтный. Та въ Россіи осталась....

Блаиновъ замолчалъ.

— Да вотъ, ваше почтеніе, что я еще скажу тебѣ. У меня приговоръ есть. Становой нашъ мнѣ прислалъ, дай Богъ ему здоровья, — добрый былъ баринъ. Подъ приговоромъ всѣ крестьяне нашей деревни подписались, что я сосланъ невинно. Нарочито онъ и составилъ его. Это какъ меня-то сослали, становой случаемъ въ нашу деревню и наѣхалъ, да какъ усамышалъ, что сосланъ, удивился; взялъ да отъ сусѣдей подписку и отобралъ, гдѣ меня всѣ одобрили и подписали, что я невиненъ. Эту подписку онъ сюда переслалъ ко мнѣ, чтобъ я хлопоталъ о себѣ.

— Что жь ты съ ней сдѣлалъ?

— На первыхъ порахъ хотѣлъ было въ ходъ пустить, да какъ померла жена, такъ вѣришь Богу, обо всемъ забылъ, — растеряся. Потомъ, опять, далеко очень попалъ; вѣдь годъ съ мѣсяцемъ шель, — наскучило. Сперва все откладывалъ день ото дня, а потомъ на хлопоты денегъ не случилось, а тамъ хилъ сталъ больно: думаю, когда еще выйдетъ рѣшеніе, може къ тому времени и умру, да пожалуй и не дойду, такъ и оставилъ. А подписка-то у меня и до сихъ поръ въ волости хранится. Коли, Богъ дастъ, будешь у насъ, — покажу.

— Чѣмъ же ты здѣсь занимаешься?

— Да чѣмъ? Ремесломъ своимъ заниматься не могу, земля, значить, не такая, а крестьянской работы я не знаю, да и никогда ея не зналъ. На первыхъ-то годахъ по приускамъ ходилъ, думалъ деньгу зашибу.

— Ну и что же?

— Куда тебѣ, ничего изъ тайги не вынесъ.

— Отчего же?

— Да какъ тебѣ сказать? Въ первый-то годъ въ худую артель попалъ, соблазнили окаянныя. Вышелъ изъ тайги, да всѣ денежки-то прокутилъ. Такой грѣхъ случился! На второй-то годъ не посчастливилось, — въ плохой компаніи служилъ: заработокъ былъ, да и забору было много, такъ что ничего не вынесъ. Бросилъ приуски, не сталъ ходить.

— Значить, ты всего здѣсь въ третій разъ?

— Въ третій. До нынѣшняго года на станціи писаремъ

былъ, да, вишь ты, содержатель старый умеръ; а съ новыми мы не поладили. Вотъ я и пошелъ на приискъ; думаю, авось поправлюсь.

— А хотѣлъ бы побывать на родитѣхъ?

— Какъ бы не хотѣлъ! Кажись бы, полетѣлъ, да, вишь, старъ больно, не дойдти. Опять же обтерпѣлся; девять лѣтъ здѣсь живу. Богъ милостивъ, авось дотяну, ваше почтеніе, закончилъ онъ; поднимаясь и кланяясь:—не обижай старика, не высылай на приискъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Будь спокоенъ, не вышаю, не бойся!

— Ну и спасибо. Дай Богъ тебѣ здоровья. Какъ-нибудь заслужу. И поклонясь, не дождавшись отъ меня болѣе никакого вопроса, Блиновъ быстро вышелъ изъ балагана. Какія чувства волновали и какія горькія воспоминавія пробудились въ его душѣ—пусть судить читатель.

VII.

— Вамъ не мѣшало бы съѣздить на Наготу¹, сказалъ мнѣ однажды нарядчикъ.

— Зачѣмъ?

— Туда, говорятъ, отправилась партія отъ Р—ва и уже нашла богатое золото.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Конюхи, что привозили къ намъ провизію. Имъ сказывалъ зимовщикъ. Третьяго дня прошла мимо зимовья партія; а вчера, слышно, карочный проскакалъ на Г—скій приискъ. Нужно ѣхать, добавилъ нарядчикъ, — право нужно, какъ бы не проморгать.

— Твоя правда. Думать нечего, ѣзжать нѣкогда.

— Коли ѣхать, такъ сегодня; а то, чего добраго, заявятъ подъ носомъ, останемся въ дуракахъ. Я пойду распоряжусь.

— Ступай, братецъ, распорядись какъ можно скорѣе.

Нарядчикъ ушелъ, а я началъ собираться въ путь-дорогу съ какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ. Вѣсть о томъ, что въ 60-ти верстахъ партія чужой компаніи отыскала золото, да еще богатое, произвела на меня дѣйствіе электрической искры: я уже началъ входить во вкусъ золотопромышленности.

¹ Одна изъ рѣкъ сѣверной системы Енисейскихъ приисковъ.

Сборы были не долги. Скоро были осѣданы три лошади: для меня, конюха и рабочаго; партія сдана нарядчику; а мы, вооружась кнѣлами, топорами и лопатами, отправились искать прерѣяннаго металла.

Было утро, когда я оставилъ свою стоянку, и нигдѣ не останавливаясь, пробираясь для сокращенія дороги напрямикъ двѣствѣннымъ лѣсомъ, переваливая съ хребта на хребетъ, переплывая ручьи и рѣчки, руководимый лишь компасомъ и соображеніями моихъ провожатыхъ, лишь къ вечеру прибылъ на зимовье, выстроенное на рѣкѣ Наготѣ г. Л—мъ.

Мы и лошади устали до крайности; нужно было остановиться, подкрѣпить себя и собраться съ новыми силами на дальнѣйшіе поиски.

На зимовьѣ, къ которому мы пріѣхали, былъ новый, хорошенькій домъ, съ тремя комнатами: первая, довольно большая и опрятная, предназначалась для такъ-называемыхъ служащихъ, то-есть, управляющихъ, довѣренныхъ и другихъ лицъ, составляющихъ присковую администрацію; другая, нѣсколько поменьше, для прислуги и конюховъ—тоже лицъ немаловажныхъ на прискахъ; а третья, большая, съ русскою печкой и нарами вокругъ стѣнъ, для рабочихъ, во время ихъ прихода и выхода изъ тайги. Саженяхъ въ тридцати отъ дома, подъ утесомъ, обросшимъ лѣсомъ, тянулись большія конюшни, съ кладовыми и амбарами. Всѣ эти зданія, полныя жизни и движенія весной и осенью, были теперь пусты и глядѣли такъ мрачно и непривѣтливо, что мы рѣшились лучше расположиться на открытомъ воздухѣ чѣмъ провести ночь подъ ихъ кровомъ.

Пока конюхъ распрягалъ и стреноживалъ коней, мы съ рабочимъ занялись приготовленіемъ чая и ужина.

Въ тайгѣ не станешь прихотничать и будешь довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ, и вотъ одинъ изъ двухъ взятыхъ нами мѣдныхъ котелковъ, былъ обращенъ въ самоваръ; а въ другой положенъ кусокъ солонины.

Скоро закипѣла вода съ кирпичнымъ чаемъ, и мы втроемъ, усѣвшись около костра, пустились весело болтать, строя разныя предположенія о завтрашнемъ днѣ и объ исходѣ нашей экспедиціи.

Такъ прошло часа два. Мы стали подумывать о ночлегѣ: я и конюхъ разостлали кошмы, положили подъ голову сѣдла и улеглись подъ открытымъ небомъ, а рабочій отправился

въ домъ. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ явился обратно, видимо озабоченный.

— А вѣдь здѣсь, братцы, не ладно, сказалъ онъ, подходя.

— Что такое?

— Да здѣсь люди!

— Кто и гдѣ?

— Да вонъ въ комнатѣ лежитъ человекъ, и Богъ его знаетъ, умеръ ли онъ или умираетъ, я не посмотрѣлъ хорошенько.

Мы повскакали съ своихъ мѣстъ и бросились въ комнату. На полу, повернувшись ничкомъ, лежалъ человекъ, повидимому, уже мертвый. Его одежда, покрытая лохмотьями, вся была запачкана кровью и грязью; на затылкѣ видѣлась рана, изъ которой сочилась кровь, и собираясь на полу, образовала довольно порядочную лужу. Когда мы приподняли его и повернули на спину, онъ протяжно застоналъ, и у рта показалась пѣна; лицо было искривлено судорогами; глаза закрыты.

— Да это шорникъ съ нашего Н—го прииска, сказалъ конюхъ, всматриваясь въ несчастнаго.—Бѣдняга! Все дѣло было болель; знать, домой пробирался.

— Эко дѣло! проговорилъ рабочій, почесывая затылокъ.

— Что же намъ дѣлать? спросилъ конюхъ.—Того и гаяди умретъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что намъ дѣлать? Вопросъ былъ самый естественный и самый затруднительный. Положеніе наше было ужасно. На нашихъ глазахъ умиралъ человекъ, а мы были не только безсильны помочь ему, но даже облегчить его страданіе. Лѣкарствъ съ нами не было, приискъ далекъ лошади измучены. Что тутъ дѣлать? Пока мы стояли въ недоумѣніи, страдалецъ глубоко вздохнулъ, на мгновеніе открылъ помутившіеся глаза, потянулся и захрапѣлъ. Еще одно, другое конвульсивное движеніе, и передъ нами былъ трупъ.

— Царство ему небесное! проговорили мы всѣ трое, крепясь.

Первый, пришедшій въ себя отъ этой неожиданности, былъ конюхъ. Онъ закрылъ аязмомъ трупъ и, взявъ его котомку, хотѣлъ подложить подъ голову.

— Стой, Иванъ! сказалъ рабочій:—это, братъ, не дѣло. Вишь, у него кровь течетъ; а можетъ въ котомкѣ пашпортъ аль деньги,—запачкаешь.

— И то дѣло, отвѣчалъ конюхъ.—Посмотрите, что у него тамъ, продолжалъ онъ, подавая мнѣ котомку.

Въ ней, кромѣ двухъ рубахъ, худенькаго азяма, проходнаго билета, выданнаго съ Н—го прииска, и квитанціи на получение въ енисейской конторѣ 50 рублей, ничего болѣе не оказалось. Денегъ не было ни копѣйки.

— Разчитанъ, значить! сказалъ рабочій.

— А ужь его обшарили, замѣтилъ конюхъ.—Эки аспиды! Креста нѣтъ на вороту.

— Почему ты думаешь? спросилъ я. — Кому же въ тайгѣ придетъ въ голову обшарить умирающаго?

— Статочное ли дѣло, чтобы человѣка выпустили съ прииска безъ денегъ? отвѣчалъ конюхъ.

— Но у него квитанція?

— А на проходъ все же дали! Безъ того нельзя. Квитанція квитанціей, а деньги деньгами. Знать, росписку-то, бѣдняга, самъ взялъ, чтобы не такъ опасно было идти. Да, вишь, не дошелъ!

— Но кто же могъ его ограбить?

— Да вѣдь, поди-ка, не одинъ шелъ, все же товарищи были. Куда ужь такому больному тащиться одному. Жаль бѣдняжку; тихій былъ парень, продолжалъ конюхъ,—я давно его знаю. Онъ, почитай, лѣтъ десять все на наши прииски ходилъ. А—нѣ его любилъ. Да и торникъ же былъ бѣдовый! Вонъ наши сѣдла, всѣ онъ дѣлалъ. Одно за нимъ было: пить былъ лють, да до дѣвокъ охочъ.

— Отчего кровь на немъ? Ужь не убили ли?

— И, нѣтъ! Какая корысть убить такого убогаго. Вотъ еслибы при немъ денегъ было много, аль паспортъ, ну, то другая статья! Поди чай, самъ разбился. Онъ, вишь ты, припадочный былъ. Частенько, бывало, стоитъ, стоитъ, да вдругъ и упадетъ. Да вотъ, посмотрите, продолжалъ конюхъ, осматривая трупъ,—экъ, хватился сердечный, ажъ раму выломалъ.

И конюхъ, поднявъ руку умершаго, разжалъ окровавленный кулакъ, въ которомъ былъ обломокъ оконной рамы, да нѣсколько осколковъ стекла, глубоко врѣзавшихся въ тѣло. Я посмотрѣлъ на окно. Рама была разбита и одинъ переплетъ выломанъ.

— Эко, парень, дѣло, заговорилъ рабочій,—поди жь ты, гдѣ привелось умереть. Побылъ бы денька два на приискѣ, хоша бы похоронили по-христіански.

— Да и теперь похоронять, сказалъ я.

— Теперь жди, когда еще попъ найдетъ; вѣдь не близко. На приискѣ все бы повадѣе.

— Однако тутъ ему лежать не приходится, сказалъ конюхъ.

— Нужно въ амбаръ вынести. Ишь, какая жара, вѣдь протухаетъ. И сюда, вишь, часомъ навъзаютъ. Когда еще похоронять, Богъ вѣсть. Бери-ка, Петруха, за ноги; а я подхватчу за голову.

Мы вынесли трупъ, обмыли, одѣли, сколотили гробъ и положили въ одномъ изъ чулановъ возлѣ конюшенъ.

Это происшествіе сильно подѣйствовало на насъ, и мы долго сидѣли, толкуя и разсуждая о немъ. Поздно легли мы и поздно встали на другой день. Первый предметъ, поразившій насъ, былъ густой, вѣдкій туманъ, закрывшій всю окрестность.

— Тайга горитъ, сказалъ рабочій.—Знать, проклятые Тунгусы палы пустили.

— Зачѣмъ это? спросилъ я.

— У нихъ такой обычай: коли звѣрь близко отъ стада бродитъ, аль волкъ оленя зарѣзалъ, вотъ они палы и пусятъ.

— Будто одни Тунгусы жгутъ лѣсъ?

— Всяко случается! Другой разъ какой-нибудь бродяга оставить костеръ, вотъ и пойдетъ пазгашъ, только держись. А то часомъ и нашъ братъ, рабочій, огонька подложить. Такъ, для потѣхи. Дай, молъ, погляжу, какъ ешь, аль сосна загорится. А тутъ глядь, огонь-то хватить, и пошла потѣха. Да что лѣсу-то жалѣть? Вишь, глушь какая, на вѣкъ хватить, закончилъ рабочій.

— Однако пора вѣхать, сказалъ конюхъ, — разъ, поздно, а второе, какъ бы насъ не охватило: гдѣ горитъ не знаемъ, а какъ попадемъ въ огонь,—бѣда будетъ. Я пойду коней ловить, а вы тутъ собирайтесь.

Мѣшкать было нечего; скоро мы отправились въ путь-дорогу. Но экспедиція наша была не удачна. Партіи мы не нашли (оказалось потомъ, что ея и не было). Только три дня бесполезно проболтались въ тайгѣ, едва не сгорѣли, и спаслись только тѣмъ, что забрались въ средину рѣки и вѣхали по водѣ до тѣхъ поръ, пока не попали на мѣсто, до котораго еще не дошелъ огонь. Къ вечеру четвертаго дня мы прибыли опять къ зимовью. Это мѣсто, пустынное и печальное,

теперь представляло самое грустное зрѣлище. Лѣсъ кругомъ сгорѣлъ. Нѣкоторые пни еще тлѣли, распространяя ѣдкій дымъ. Конюшни и амбары сгорѣли до тла, издавая отвратительное зловоніе отъ тлѣющаго навоза. Мы были поражены этимъ зрѣлищемъ.

— Вотъ тѣ и шорникъ. Поминай, какъ звали, проговорилъ рабочій.—Знать, сгорѣлъ бѣдняга!

— Знать сгорѣлъ, сердечный! отвѣчалъ конюхъ. Эка напасть сердечному,—и не похоронили путемъ.

— Горемычная жизнь! проговорилъ рабочій.

— Да братъ, не красна была его жизнь, отвѣчалъ конюхъ, на своемъ вѣку не много радости видалъ, да и умереть-то какъ привелось. Царство ему небесное.

Молча, разсѣдлали мы лошадей; молча стреножили ихъ и отправились отыскивать остатки несчастнаго шорника. Скоро подъ развалинами, мы нашли совсѣмъ обгорѣлый трупъ: отъ человѣка осталось только нѣсколько внутренностей и по какому-то случаю уцѣлѣлъ одинъ бродень. Собравъ въ грудь остатки, мы сдѣлали новый гробъ и положили ихъ туда.

— Похоронимъ-ка его, сказалъ конюхъ, а то, пожалуй, еще звѣрь съѣстъ. Чтò отдавать христіанское тѣло на поруганіе. Попъ отпоетъ и послѣ.

— Да какъ же это сдѣлать? Вѣдь еще слѣдствіе будутъ наряжать?

— И баринъ! сказалъ рабочій,—кто тамъ будетъ слѣдовать? Умеръ человѣкъ, да еще посельщикъ,—вотъ и вся не долга. Отмѣтятъ на пачпортѣ, да пошлютъ въ волость, и шабашъ дѣлу. Станутъ много заботится о нашемъ братѣ! Ему-то, бѣднягѣ, все же легче будетъ, хоть косточки успокоятся. Право, похоронимъ.

Мы вырыли яму, положили туда остатки несчастнаго шорника, и наваливъ груду камней, прочли, какія знали, молитвы.

Все это произвело на меня такое грустное впечатлѣніе, что я началъ тотчасъ же собираться изъ зимовья. Спутники мои тоже были довольны этимъ. Они съ поспѣшностью принялись ловить и сдѣлать лошадей. Вскорѣ мы уѣхали отъ этого печальнаго мѣста, и несмотря на усталость, остановились, проѣхавъ не менѣе десяти верстъ, на лужайкѣ, среди лѣса пощаженнаго огнемъ. Всѣмъ намъ было, чтò называется, не по себѣ; разговоръ не вязался, и мы тотчасъ же легли спать. На другой день вечеромъ я

былъ у своей партіи, и затѣмъ таежная жизнь потекла обычнымъ порядкомъ.

Въ концѣ августа я былъ вызванъ на главный приискъ. Другой доверенный принялъ мою партію. Съ особеннымъ чувствомъ простился я съ рабочими. Повидимому, и они не совсемъ равнодушно разставались со мной. Забудутъ ли они меня или вспомнятъ когда-нибудь? Но изъ моей памяти никогда не изгладятся ни они, ни ихъ рассказы, ни то время, которое провелъ я въ сибирской тайгѣ.

К. ЗОЛОТИЛОВЪ.

ЕЩЕ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ Г. РЖЕВСКАГО: *ДА, ИЛИ НѢТЪ?*

Въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1862 годъ напечатана рецензія г. Ржевскаго подъ заглавіемъ: *Да, или нѣтъ?* на статью мою, помѣщенную въ томъ же журналѣ, въ августовской книжкѣ того же года: *Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и въ Пруссіи*.

Рецензентъ задаетъ себѣ сначала вопросъ: для чего я писалъ мою параллель освобожденія крестьянъ въ Россіи и въ Пруссіи? Потомъ онъ приступаетъ къ разсмотрѣнію по порядку всѣхъ примѣчаній, встрѣчающихся въ выноскахъ моей статьи. Третьему примѣчанію, о томъ какими исключительными правами пользуется по законамъ о состояніяхъ русское дворянство, г. Ржевскій посвящаетъ значительную часть своихъ разсужденій. Далѣе слѣдуютъ многіе вопросы. Объявляю ли я себя противникомъ или адептомъ коммунистическихъ теорій? Признавая обязательнымъ для помѣщиковъ выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ, имѣлъ ли я въ виду заставить ихъ насильно брать кредитныя бумаги вмѣсто земли и денегъ? Имѣло ли мое предложеніе еще тотъ смыслъ, чтобы, вслѣдствіе вычета кредитными установленіями

въ заложенныхъ имѣніяхъ всего долга казнѣ изъ выкупной ссуды, произвести, обязательнымъ для помѣщиковъ выкупомъ, преждевременную, насильственную ликвидацію и нарушение контракта между землеладельцами и кредитными учреждениями? Добивался ли я того, чтобы въ практическомъ результатѣ предложеніе объ обязательномъ выкупѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не нашло никакого примѣненія, а нѣкоторымъ землеладельцамъ причинило значительный вредъ, и еще болѣе поколебало понятіе о неприкосновенности права собственности и безъ того слишкомъ слабо развитое въ нашемъ народѣ?

Хотя разсужденія г. Ржевскаго, предпосылаемыя этимъ вопросамъ, совершенно не соответствуютъ тому, что мнѣ кажется довольно ясно выражено въ моей статьѣ, гдѣ въ главныхъ основаніяхъ представлена, такъ-сказать, программа дѣйствительнаго и окончательнаго освобожденія крестьянъ въ Россіи, какъ я его понимаю на основаніи историческихъ событій, вслѣдствіе которыхъ сложилось у насъ крѣпостное состояніе,—тѣмъ не менѣе вопросы эти требуютъ отвѣта и разъясненія.

Мысли изложенныя въ моей статьѣ представляютъ мои убѣжденія, неизмѣнившіяся съ тѣхъ самыхъ поръ какъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ обратился на себя всеобщее вниманіе. Теперь дѣлается возможною повѣрка теоріи настоящимъ дѣломъ, опытомъ самой жизни, усваивающей себѣ только то, что ей пригодно, и отбрасывающей все что не приравнивается къ живому организму общества. Увѣренный, что только разносторонній взглядъ людей съ различными и даже съ противоположными направленіями можетъ привести къ удовлетворительному разрѣшенію столь трудной задачи, я снова поднялъ вопросъ о выкупѣ обязательномъ для помѣщиковъ, вопросъ какъ бы заглохшій отъ разныхъ причинъ въ нашей литературѣ и до сего времени ею неразрѣшенный.

Я не намѣренъ входить въ личную полемику, не считая полезнымъ и занимательнымъ для читателя отвѣчать на всѣ замѣчанія г. Ржевскаго, болѣе или менѣе остроумныя, но не относящіяся прямо къ дѣлу; я буду продолжать развитіе мыслей, которыя въ прежней статьѣ моей представлены только въ общихъ очертаніяхъ, и постараюсь досказать то, что въ тѣсной рамкѣ общаго обзора не было выражено съ должною

полнотой. Тогда отвѣты на вопросы, поднятые г. Ржевскимъ, вытекутъ сами собою изъ изложенія моихъ мыслей.

На первой страницѣ моей статьи я сказалъ, что любопытно сравнить явленія, сопровождавшія освобожденіе крестьянъ въ Россіи, съ явленіями сопровождавшими подобныя событія въ другихъ государствахъ Европы. Наша Академія Наукъ въ 1857 году предлагала написать на конкурсѣ сочиненіе: *Историческія и статистическія изслѣдованія объ освобожденіи крестьянъ въ государствахъ западной Европы*, съ преміей въ 500 червонцевъ для лучшаго изъ трудовъ; прислано было 9 сочиненій, изъ которыхъ ни одно не признано достойнымъ преміи. Это показываетъ, что задача была съ одной стороны полезна, а съ другой и не легка. Разработкѣ такого труда надо бы было посвятить все время тому, кто пожелалъ бы заняться подобнымъ изслѣдованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе явленій, какими въ различныхъ государствахъ сопровождается однородное событіе, явленій сходныхъ въ нѣкоторыхъ чертахъ, но различныхъ во всѣхъ отнѣнкахъ весьма полезно, такъ какъ такое сравненіе особенно хорошо уясняетъ самое дѣло. Я съ своей стороны взялъ Пруссію, гдѣ государственная и гражданская жизнь, какъ и во всей западной Европѣ, сложилась изъ феодальныхъ началъ, тогда какъ въ Россіи она возникла изъ сплотившихся удѣловъ. Я проводилъ сравненіе съ моей точки зрѣнія. Въ Пруссіи принятая система освобожденія крестьянъ основывалась на выкупѣ. Та же система полагается и у насъ единственною и окончательною развязкой этого дѣла. Прусское правительство, послѣ сложнаго регулированія и борьбы съ дворянствомъ, прямо признало землю, бывшую во владѣніи крестьянъ, ихъ собственностію и назначило способъ удовлетворенія за нее помещика. У насъ такой образъ дѣйствія былъ невозможенъ, ибо наша исторія совершенно иная; потому-то у насъ надлежало изыскивать другія средства, чтобы привести дѣло къ той же цѣли, то-есть къ окончательной его развязкѣ. Если сравненіе вообще полезно, то какъ понять восклицаніе г. Ржевскаго: „для чего я такъ трудился, къ чему было заѣзжать изъ Пруссіи: это дѣло можно было обдѣлать и дома.“

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣла вообще обдѣлываются дома лучше нежели въ гостяхъ, и я не раздѣляю убѣжденія тѣхъ, которые находятъ полезнымъ цѣликомъ заимствовать учрежденія у другихъ государствъ, даже если они представляются образ-

цовыми въ своемъ родѣ и развиты въ полной стройности. Люди такого мнѣнія часто говорятъ: что намъ еще выдумывать, когда лучше этого уже не сдѣлаешь? тутъ разсуждать нечего, надо просто взять учрежденіе, если оно хорошо; умъ, наука, все надъ нимъ работало, зачѣмъ же намъ трудиться, когда стоить только перенять, и т. п. Но кромѣ ума и науки должна работать жизнь, то есть весь живой организмъ общества. Пересадить учрежденіе цѣликомъ на другую почву невозможно, если принять во вниманіе, что къ нему должна разумно относиться народность той страны, куда учрежденіе переносится. Къ сожалѣнію еще въ началѣ текущаго столѣтія было очень мало сознаваемо, что каждый народъ составляетъ органическое цѣлое, и эта истина вовсе не проникала въ политику европейскихъ кабинетовъ. Нечего и говорить о томъ, что если въ какомъ-нибудь учрежденіи заимствовать лучшія его части одну у одного государства Европы, другую у другаго, и примѣнять все это къ нашему отечеству, стоявшему особнякомъ до Петра I, то создаваемая такимъ способомъ учрежденія будутъ платьемъ сшитымъ лучшими портными, но по мѣркамъ, взятымъ по частямъ, съ разныхъ людей. Будетъ ли впору такое платье кому-нибудь? Заимствовать легче, нежели самому создавать изъ сыраго матеріала, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но мой взглядъ на это таковъ: нѣтъ сомнѣнія, что истины, добываемыя во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, кровью и слезами народа, суть конечно достояніе всѣхъ народовъ и племенъ; онѣ одинаково прилагаются на материкѣ Европы и на островахъ Тихаго Океана. Кто будетъ, напримѣръ, спорить, что необходимое качество суда есть справедливость; что для правдиваго приговора необходима независимость судей, а слѣдовательно отдѣльность судебной власти отъ всякой другой въ государствѣ, какъ законодательной, такъ и административной; что лучшій контроль надъ судьями, и единственно дѣйствительный, есть гласность и общественное обсужденіе и т. п. Но вопросъ въ томъ въ какомъ видѣ учрежденіе суда является въ данной странѣ, когда оно становится уже приложеніемъ добытой истины къ дѣлу, насажденіемъ ея на извѣстной почвѣ? Въ этомъ смыслѣ учрежденія, повидимому, тождественныя, и носящія, пожалуй, одни и тѣже названія, у разныхъ народовъ не будутъ одинаковы, если только тѣ истины, на которыхъ они основаны, и тѣ элементы, изъ которыхъ они составлены,

вполнѣ приспособлены къ быту, привычкамъ и характеру народа. Итакъ, заимствовать, въ упомянутомъ выше значеніи учрежденія у другихъ государствъ бесполезно, а еще страннѣе шивать ихъ по кусочкамъ. Народъ обноситъ всякую одежду, но каково будетъ ему чужое платье? Ходить въ мѣшкѣ не совсѣмъ покойно, а еще хуже если платье натягивается съ трудомъ, и будетъ развѣзжаться по швамъ.

Это краткое отступленіе приводитъ насъ къ тому, что для Россіи нѣтъ готоваго образца освобожденія крестьянъ, и самый разборъ соответствующихъ явленій въ другихъ государствахъ именно служить къ подтвержденію этой мысли. Дѣло у насъ еще совершается; оно не кончено, новыя формы гражданскаго и хозяйственнаго быта далеко еще не обрисовались. Положеніе 19-го февраля 1861 года твердо поставило начало дѣла, начертало правила этого переходнаго состоянія ведущаго къ окончательному освобожденію, но оно оставляетъ еще широкій просторъ будущему, когда сама жизнь сложитъ новыя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Этимъ отношеніямъ нужна свобода, но нуженъ и опредѣленный путь; поэтому никакое разсужденіе, если оно пригодно къ дѣлу, не будетъ лишнимъ; сказать свое слово никому еще не поздно, и напрасно г. Ржевскій называетъ „ретроспективнымъ вразумленіемъ“ статью касающуюся этого предмета.

Установивъ правила временныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, Положеніе 19-го февраля приняло конечную ихъ развязку въ выкупъ. Выкупъ обязателенъ для помѣщиковъ относительно крестьянскихъ усадебъ, а относительно надѣловъ указано только на выкупъ, какъ на добровольный выходъ изъ срочно-обязаннаго періода, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано предложеніе, о принятіи на себя казною, на извѣстныхъ условіяхъ, сдѣлокъ съ помѣщиками за отходящую отъ нихъ землю. Здѣсь для полнаго уясненія характера Положенія слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что существенными и самыми важными основаніями дѣла, представляются три части его, выработанныя трудомъ редакціонныхъ комиссій, и если время все измѣняющее и ихъ когда-нибудь измѣнить, то все-таки онѣ сохранятся долго и останутся ступенями, безъ которыхъ нельзя было бы и придти къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Эти существенныя части трудовъ комиссій слѣдующія. Впервыхъ *уставныя грамоты*. Это какъ бы кадастры, коими приводятся въ ясность, въ

самое короткое время, и наиболее простымъ и легкимъ способомъ, неопредѣленные отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Въ вторыхъ *цифры надѣловъ*, установленію которыхъ положили основаніе губернскіе комитеты. Эти цифры составлены съ величайшимъ трудомъ и усиліемъ,¹ и тѣ, отъ кого слышатся упреки въ неравномѣрности количества надѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, не должны забывать, что трудившіеся не виноваты, если свѣдѣнія, которыя доставлялись самими владѣльцами, были недостаточны или неполны и часто сбивчивы. Предоставленіе же этой работы изслѣдованіямъ еще особыхъ мѣстныхъ комиссій затянуло бы дѣло на неопредѣленное время, и все-таки, можно полагать съ достовѣрностью, не привело бы къ отысканію непогрѣшительныхъ и вѣрныхъ нормъ надѣла для цѣлой Россіи. Редакціонныя комиссіи положили держаться крестьянскаго надѣла существующаго въ каждомъ имѣніи, если онъ не выходилъ изъ предѣловъ высшаго и низшаго размѣра, назначеннаго для каждой отдѣльной мѣстности, и это правило оградило, по возможности, весь трудъ отъ большихъ ошибокъ и несправедливостей. Наконецъ, третьихъ — *уѣздныя мировыя учрежденія*, которыя пособляютъ, внѣ бюрократической среды, по возможности, приводить въ исполненіе трудную задачу устройства новаго быта крестьянъ. Если они и отживутъ какъ особыя учрежденія, то все еще слѣды ихъ останутся въ другихъ реформахъ, стоящихъ нынѣ на очереди, какъ напримѣръ въ реформахъ по судопроизводству и судоустройству въ государствѣ, для которыхъ они будутъ какъ бы предшественниками и подготовителями.

Такимъ образомъ конечный исходъ изъ современнаго намъ положенія крестьянскаго дѣла все таки выкупъ, и нынѣшнія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ могутъ быть только временными. Г. Ржевскій говоритъ, что обязательную продажу

¹ Свидѣтельствомъ тому служатъ: *Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ комиссій*, представляющія извлеченіе изъ описаній имѣній (по 100 душъ и свыше) по 28 великороссійскимъ губерніямъ 1860 г.; въ 6 томахъ съ дополненіями, а также повѣрочныя работы и выводы по опредѣленію высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣла, составляющія двѣ книги: XV и XVI части перваго изданія *Матеріаловъ редакціонныхъ комиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крепостной зависимости*, (третій періодъ) 1860 года.

земли оправдать трудно. Въ самомъ дѣлѣ, доказать, что отчужденіе земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ можетъ быть сдѣлано на основаніи существующихъ статей закона также невозможно, какъ и доказать, что крестьяне освобождены отъ крѣпостной зависимости на основаніи IX тома Свода Законовъ, изданія 1857 года. Но большая разница дѣлать что-нибудь совершенно произвольно или поступать сообразно съ духомъ законовъ и въ порядкѣ ими указанномъ. Потому-то я, несмотря на достовѣрность выписки сдѣланной г. Ржевскимъ изъ моей статьи, вовсе не утверждалъ, будто бы правительство имѣетъ право отчуждать земли помѣщиковъ на основаніи 575 ст. 1 ч. X т. Свода Законовъ Гражданскихъ. Напротивъ на одной изъ послѣдующихъ страницъ моей статьи сказано: „Установленіе права выкупа должно, по справедливости, опираться не на правѣ отчужденія правительствомъ частной собственности, присвоенномъ ему въ извѣстныхъ только, и опредѣленныхъ закономъ, случаяхъ, а прямо и непосредственно на „особомъ (историческомъ) правѣ выкупа, которое въ нашемъ законодательствѣ для одного случая уже существуетъ.“ Следовательно, если я признаю обязательный выкупъ *не противозаконнымъ*, то во всякомъ случаѣ не *законнымъ*, а *сверхзаконнымъ*.

Въ нашемъ законодательствѣ, какъ и въ другихъ, опредѣлены случаи, когда правительство имѣетъ право распоряжаться частною собственностью. Общее ихъ основаніе—необходимость пожертвовать, когда это неизбѣжно, интересамъ меньшинства для спасенія цѣлой массы. Но весьма важенъ способъ, какимъ допускается такое распоряженіе, по закону, въ дѣлахъ обычнаго гражданского хода, каково и крестьянское въ дальнѣйшемъ его развитіи. Тутъ нужна законность, и отступленіе отъ нея колеблетъ уже дѣйствительное право собственности. Я повторю для ясности высказанную мною мысль. По духу нашего законодательства правительство можетъ отчуждать частную собственность, но налагать на нее сервитуты, входить за участвующія стороны въ условія и договоры, имѣющіе силу только когда они заключены свободно самими договаривающимися, однимъ словомъ распоряжаться по усмотрѣнію собственностью владѣльца,—на это законодательство наше не предоставляетъ права даже и правительству. Отъ выраженія этой мысли и сообщенія этого факта г. Ржевскій

приходитъ въ ужасъ и восклицаетъ: „Что же это такое? Кто это пишетъ? чей это отсталый, опальный, недозвольный голосъ?“ и прочее. Онъ не видитъ, что эта мысль, основанная на самомъ законѣ, отстаиваетъ одно изъ нашихъ гражданскихъ правъ, и защищаетъ отъ вторженія, именованнаго правительства, какого-нибудь неразборчиваго должностнаго лица въ собственность каждаго.

Въ этой защитѣ правъ собственности никакъ уже нельзя видѣть приверженности къ коммунистическимъ теоріямъ, а развѣ напротивъ можно видѣть только уваженіе къ ней; но такъ или иначе, на чемъ бы ни основалось обязательное отчужденіе, это обстоятельство въ настоящемъ положеніи дѣла не имѣетъ важности. Отнять у крестьянъ землю, послѣ размежеванія окончательно отведенную въ ихъ распоряженіе, было бы дѣломъ не безопаснымъ, если не сказать вовсе невозможнымъ. Во всякомъ случаѣ, если г. Ржевскій находитъ, что обязательный выкупъ есть *экспроприація*, то надо спросить его, что же такое какъ не та же экспроприація установленное закономъ право безсрочнаго или вѣчнаго пользованія крестьянъ помѣщичьей землей? Отношеній челоука къ чужой собственности можетъ быть только три: или сервитутъ, лежащій на ней въ его пользу, и дѣлающійся ей присущимъ; или свободный договоръ на временное распоряженіе чужимъ имѣніемъ, или наконецъ совершенное отчужденіе его въ собственность другаго. Вѣчное или безсрочное владѣніе имѣніемъ, помимо воли того, кому это имѣніе принадлежитъ, обращаетъ его въ собственность владѣющаго (основаніе закона давности). Это я и старался показать въ моей статьѣ сближеніемъ трехъ различныхъ системъ освобожденія крестьянъ съ землею.

Экспроприація, о которой говоритъ г. Ржевскій, уже есть на дѣлѣ: это совершившійся фактъ. Рѣчь идетъ только о выборѣ одной изъ трехъ системъ. Или, несмотря на все это, г. Ржевскій жаждетъ и считаетъ возможнымъ освободить крестьянъ безъ земли? Тогда ему слѣдовало бы выразить свое мнѣніе откровенно, безъ обиняковъ, и въ его разсужденіяхъ было бы болѣе послѣдовательности. Но системѣ вѣчнаго пользованія онъ отдаетъ преимущество. Ясно, что имъ овладѣваетъ боязнь только слова; ему представляется страшнымъ отчужденіе. Что касается до меня, лучше пусть отобрали бы у меня землю и отдали другому, нежели признавъ

ее моею собственностью, въ то же время навсегда предоставили бы другимъ право распоряжаться ею. Г. Ржевскій высказываетъ мнѣніе, что Положеніе о крестьянахъ во всякомъ случаѣ законодательный фактъ, и остается только желать, чтобы реформа имъ опредѣляемая скорѣе перешла въ область фактовъ вполнѣ совершившихся, чего желаютъ и весьма многіе. Но какъ можетъ она осуществиться безъ обязательнаго выкупа, этого я понять не могу. Кто ведетъ помѣщику соглашаться на выкупъ, если условія сдѣлки для него не выгодны, каковы напримѣръ: скидка 20 % съ рубля, (что составляетъ собственно лишь финансовый расчетъ правительства), удержаніе вдругъ всего казеннаго дога въ заложенныхъ имѣніяхъ, и полученіе затѣмъ въ руки половины, а иногда и менѣе капитала, да еще и не деньгами, которыя землевладѣльцу необходимо нужны при радикальной реформѣ въ хозяйствѣ? Развѣ самая крайняя нужда или тягость и безвыходность обязательныхъ отношеній; но тогда выкупъ становится уже принудительнымъ. Чѣмъ же этотъ видъ его предпочтительнѣе обязательнаго? Почему г. Ржевскій смѣшиваетъ вычетъ всего казеннаго долга разомъ изъ выкупной ссуды, вычетъ, нарушающій контрактъ между землевладѣльцемъ и кредитными учрежденіями—*съ обязательностью* выкупа, и полагаетъ, что въ ней-то и заключается анти-юридическое и анти-общественное обстоятельство,—я не знаю. Этотъ анти-юридическій характеръ лежитъ не въ сущности выкупа, а въ томъ способѣ сдѣлки, который предложенъ казною. Помѣщикъ не виноватъ въ необходимости освобожденія крестьянъ, и если сила вещей принуждаетъ его рѣшиться на выкупъ, хотя бы онъ былъ и не обязательный, нарушение, о которомъ идетъ рѣчь, все-таки остается. ¹ Есть довольно легкій способъ обойти его; а именно, достаточно, чтобы казна, имѣющая въ этомъ случаѣ право только на замѣнъ одного залога другимъ, удерживала всякій разъ при выдачѣ выкупной ссуды такую часть ея, проценты съ которой равнялись бы ежегодному взносу

¹ Считаю нужнымъ замѣтить, что при добровольномъ выкупѣ не можетъ быть рѣчи объ анти-юридическомъ характерѣ его условій. Эти условія могутъ быть тяжелы или легки; они могутъ затруднять выкупъ или ускорять ходъ выкупной операціи, но коль скоро они принимаются добровольно, никто не въ правѣ утверждать будто бы ими нарушается контрактъ между землевладѣльцемъ и кредитными установленіями. Ред.

съ имѣнія въ кредитное учрежденіе и уплачивала бы себя ими долгъ, до истеченія срока погашенія займа, возвращая послѣ того удержанный въ залогъ капиталъ его владѣльцу.

Успѣшность выкупной операціи, какъ она теперь предложена, не можетъ быть еще достовѣрно извѣстна; и хотя, по статистическимъ даннымъ, выкупныхъ сдѣлокъ совершается довольно, но значительнѣйшая часть ихъ принадлежитъ мелкопомѣстнымъ и небольшимъ имѣніямъ, для которыхъ операція гораздо болѣе выгодна, какъ по особымъ льготамъ дарованнымъ мелкопомѣстнымъ дворянамъ, какъ и потому что въ случаѣ небольшихъ выкупныхъ ссудъ болѣе значительная часть ихъ выдается деньгами и пятипроцентными билетами, нынѣ хорошо принимаемыми; отношенія выкупныхъ сдѣлокъ въ оброчныхъ имѣніяхъ къ цифрѣ ихъ въ барщинныхъ изъ свѣдѣній, которыя печатаются, не видно.

Я считалъ лишнимъ говорить въ первой моей статьѣ о томъ, что при установленіи *обязательнаго* для помѣщиковъ выкупа не можетъ быть допущено никакой скидки процентовъ изъ капитала, представляющаго стоимость земли по оцѣнкѣ Положенія, ибо, само собою разумѣется, что такая скидка ничѣмъ бы не оправдывалась въ тѣхъ губерніяхъ Россіи гдѣ земскій миръ не подвергся нарушенію. Но если казна при огромной суммѣ (болѣе миллиарда) потребной для покупки всѣхъ крестьянскихъ земель въ Россіи, не можетъ нынѣ принять на себя операцію выкупа, безъ вычета 20%, то единственное средство устранить необходимость такого пожертвованія со стороны помѣщиковъ пятою частью капитала есть—сдѣлать выкупъ для нихъ обязательнымъ, то есть отсрочить пока невыгодную сдѣлку, упрочивъ ее нынѣ же для будущаго утвержденіемъ закона. Тогда дѣло въ гражданскомъ порядкѣ было бы уже сдѣлано; оставалось бы только разчитаться при возможности; между тѣмъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ оставались бы пока въ томъ видѣ какъ они опредѣлены Положеніемъ, что уже было отчасти высказано въ моей статьѣ. Жизнь сама могла бы указать на другіе способы удовлетворенія помѣщиковъ крестьянами, кромѣ денежныхъ: таковы—работы сверхъ оброка, опредѣленнаго Положеніемъ, тамъ гдѣ онѣ нужны, на нѣсколько лѣтъ, по обоюдному договору, и внесеніе вмѣстѣ съ тѣмъ отъ времени до времени незначительной части капитала,

деньгами, по расчету; уплата натуральными произведеніями и т. п. Много пособили бы успѣху дѣла даваемая землевладѣльцами разсрочки платежей выкупной суммы, подъ условіемъ уплаты наличными деньгами, въ которыхъ большая потребность. Такимъ образомъ покупка крестьянами надѣловъ у многихъ помѣщиковъ могла бы совершиться помимо помощи правительства, которому было бы несравненно легче кончить операцію, когда число не выкупленныхъ земель уже значительно бы уменьшилось. Казнѣ пришлось бы ссужать иныхъ крестьянъ, подобно тому какъ она ссужала помѣщиковъ, подъ залогъ имѣній, и притомъ во многихъ случаяхъ только частью капитала, въ который оцѣнена по Положенію земля, такъ какъ у нѣкоторыхъ крестьянъ остальная часть была бы, конечно, готова, а у иныхъ даже и выплачена. Выкупленная земля была бы твердымъ фондомъ въ обезпеченіе сдѣланной ссуды, а сверхъ того вѣрность уплаты, была бы еще въ значительной части Россіи обезпечена круговою порукой. Съ предложеніемъ крестьянамъ средствъ выкупа можно было бы въ послѣдствіи установить и срокъ, въ продолженіи котораго, если они сами не расплатятся съ помѣщиками, или не обратятся къ предложенной имъ ссудѣ для удовлетворенія владѣльца за выкупаемая земли, они уже теряли бы навсегда право выкупа.

Надежить объяснить здѣсь еще, что выкупъ можетъ быть обязательнымъ только для помѣщика, но никакъ не для крестьянина, а слѣдовательно и не для обоихъ вмѣстѣ, потому что обязательно, въ неизбѣжномъ случаѣ, можетъ быть только продажа; обязательная же покупка совершенно не мыслима безъ допущенія начала опеки и особаго покровительства, которое искало бы облагодѣтельствовать человѣка, помимо его воли; а такое насильное благотвореніе бываетъ нерѣдко хуже много лишенія, потому что оно есть во всякомъ случаѣ отнятіе свободы, всегда столько драгоцѣнной человѣку. Признаніе выкупа обязательнымъ для крестьянъ, когда помѣщикъ самъ того пожелаетъ, и было первоначальною причиною того, что помѣщики поставлены иногда въ необходимость терять дополнительный платежъ къ выкупной ссудѣ, опредѣленной Положеніемъ со скидкой 20% съ установленной имъ оцѣнки. Въ самомъ дѣлѣ, при требованіи помѣщикомъ отъ правительства исполненія сдѣлки, помимо

согласія крестьянъ, какая же была бы справедливость заставлять ихъ вносить еще дополнительную сумму, тогда какъ они могли бы иногда имѣть желаніе и совсѣмъ отказаться отъ выкупа надѣла?

Въ моей статьѣ я не касался экономической стороны вопроса, да и едва ли кто-нибудь можетъ нынѣ положительно доказать выгоды или невыгоды выкупа. Такіе вопросы не разрѣшаются теоретическими разсужденіями; одинъ опытъ можетъ дать на нихъ отвѣтъ положительный и ясный, такъ какъ это дѣло совершенно новое. Легко привести доказательства, какъ легко относительно такого новаго дѣла впасть въ ошибочныя предположенія. Такъ на примѣръ, при составленіи Положенія о крестьянахъ многіе думали, что выборъ посредниковъ одними дворянами не можетъ быть допущенъ, такъ какъ такіе посредники будутъ стоять за своихъ избирателей; для отстраненія этого зла придумывали разные способы: нѣкоторые предлагали, чтобы крестьяне избирали посредниковъ по списку дворянъ составленному предводителемъ. Вышло однакоже такъ, что во многихъ уѣздахъ посредники избраны были дворянами, и въ этихъ именно уѣздахъ большинство ихъ стоитъ исключительно за крестьянъ. Съ экономической стороны необязательное для крестьянъ право на выкупъ надѣла и отъ нихъ самихъ зависящая возможность пріобрѣтенія земли, даютъ полную свободу высказаться общимъ потребностямъ. Это всего лучше покажетъ, нужна ли имъ земля и полезна ли система выкупа. Они плательщики за нее—они и рѣшители дѣла, а для самой производительности труда необходима свобода гражданскихъ отношеній. Пока, изъ официальныхъ свѣдѣній видно, что число выкупныхъ сдѣлокъ совершаемыхъ безъ содѣйствія правительства составляетъ одну треть совершаемыхъ при его содѣйствіи¹. Потому нѣтъ сомнѣнія, что еслибы правительство отсрочило свое пособіе, то число этихъ сдѣлокъ безъ содѣйствія его было бы значительнѣе. Не такъ думаетъ г. Ржевскій; по его мнѣнію, „предложеніе объ обязательномъ выкупѣ въ

¹ Выкупныя сдѣлки съ содѣйствіемъ правительства, по 19 марта 1863 года простираются на 931.348 человекъ, а безъ содѣйствія на 313.054. *Санктпетербургскія Вѣдомости* № 69, 27 марта.

огромномъ большинствѣ случаевъ не нашло бы никакого примѣненія.“

Здѣсь кстати еще замѣтить, что безсрочное пользованіе землей и выкупъ суть двѣ въ существѣ своемъ различныя и даже исключаютія одна другую системы. Первая, оставляя помѣщику право собственности на землю (хотя и мнимое, потому что право собственности остается только на оброкъ или его капитализацію), требуетъ отъ времени до времени переоброчки повинности, такъ какъ извѣстно, что рента съ теченіемъ времени увеличивается; а между тѣмъ основаніе выкупа есть неизмѣнность повинности, ибо съ возвышеніемъ ея возрастаетъ и цѣна земли, и такимъ образомъ, выкупъ болѣе и болѣе затрудняется.

Такъ тѣсно связаны между собою всѣ части цѣлаго, и неправильное развитіе одной изъ нихъ сдѣлаетъ неправильнымъ развитіе другихъ. Я этимъ хочу сказать, что предоставленіе крестьянамъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто или воля, безъ обязательнаго для помѣщиковъ выкупа, не обезпечиваетъ благосостоянія крестьянъ, и врядъ ли крестьянинъ имъ тогда воспользуется, а если будетъ пользоваться, то съ дарованіемъ такой воли необходимо какое-нибудь естественное прикрѣпленіе къ землѣ. Съ удержаніемъ барщины крестьяне не могутъ наслаждаться свободой и употреблять свои рабочія силы самымъ выгоднымъ для себя способомъ по своему усмотрѣнію. Необходимость раздѣла помѣщика съ крестьянами и размежеванія черезполосныхъ полей и общихъ угодій, къ которому мы теперь приходимъ, требуетъ времени и даетъ мѣсто естественному переходному положенію. Всякое искусственное построеніе такого переходнаго періода можетъ только стѣснить экономической бытъ. Это время и надо употребить на изысканіе всѣхъ возможныхъ обоудно выгодныхъ способовъ расплаты крестьянъ съ помѣщиками, а этому можетъ пособить только обезпеченіе крестьянъ правомъ на выкупъ ихъ надѣловъ.

Еслибы всѣ помѣщики тотчасъ потребовали выкупа, на предложенныхъ имъ условіяхъ, то казна встрѣтила бы немалое затрудненіе въ удовлетвореніи огромнаго количества сдѣлокъ, и кредитныя бумаги вѣроятно упали бы, а это нанесло бы значительный вредъ сельской производительности всего государства. Свобода экономическихъ отношеній и общественныя потребности, одинъ, скорѣе всѣхъ регламентацій

обязательнаго труда, могли бы поднять общее благосостояніе. Вотъ почему въ первой моей статьѣ представлена такая программа окончательнаго освобожденія крестьянъ: 1) Признаніе ихъ полноправности, 2) возвращеніе имъ прежней воли, т.-е. разрѣшеніе свободнаго перехода, 3) дѣятельное содѣйствіе правительства къ размежеванію крестьянскихъ земель съ помѣщичьими къ однимъ мѣстамъ, 4) уничтоженіе барщины и обязательный переходъ на оброкъ и 5) предоставленіе крестьянамъ права на выкупъ отведенныхъ имъ, послѣ разграниченія, надѣловъ. Разсмотрѣнію третьяго и четвертаго изъ этихъ вопросовъ мы посвящаемъ остальную часть этой статьи.

Въ большинствѣ имѣній черноземной полосы Россіи доселѣ существуетъ черезполосность между землями состоящими въ распоряженіи помѣщика и тѣми, которыя составляютъ крестьянскій надѣлъ. Полный раздѣлъ въ способѣ пользованія ими можно встрѣтить очень рѣдко, и въ немъ не было надобности, пока крестьяне сами составляли собственность господина. Хотя этотъ предметъ у насъ вовсе не разработанъ и не представляется научныхъ данныхъ для яснаго уразумѣнія дѣла, но, кажется, не безъ основанія можно искать начало черезполосности въ томъ періодѣ нашей исторіи, когда въ централь-ныхъ и довольно густо населенныхъ губерніяхъ Россіи весь успѣхъ земледѣлія зависѣлъ отъ природныхъ качествъ почвы, и худшіе участки земли убыточно было исправлять удобреніемъ и тщательною обработкой. Понятно, что тогда, при раздѣлѣ имѣній, и въ другихъ случаяхъ, наследники или вообще приобрѣтатели ихъ имѣли въ виду полученіе участковъ лучшаго качества, не обращая вниманія на ихъ черезполосность и большее или меньшее отдаленіе отъ поселеній, ибо эти послѣднія неудобства считались вполне вознагражденными хорошимъ качествомъ земель. Напротивъ того, чѣмъ земледѣліе становится совершеннѣе и хозяйство рациональнѣе, тѣмъ необходимѣе особеннакъ, какъ первое условіе опредѣленности и прочности экономического быта. Въ доказательство справедливости этихъ соображеній мы можемъ привести то, что въ сѣверныхъ губерніяхъ, напримѣръ въ Вологодской, гдѣ земля безъ удобренія не можетъ поднять хлѣба, и вѣроятно не могла и прежде, мы не встрѣчаемъ такой черезполосности. Тамъ вся

земля обрабатываемая крестьянами, лежитъ въ недалекомъ разстояніи около ихъ поселеній, особнякомъ; только лугами и лѣсами крестьяне и помѣщики съ сосѣдями пользуются обща; кромѣ того есть не размежеванныя пустоши. Помѣщики въ старину, владѣя душами, рѣдко занимались сами своимъ полевымъ хозяйствомъ и рѣдко входили во всѣ его подробности; они не вмѣшивались много въ распределение земель въ своихъ имѣніяхъ, даже не хлопотали о совершенной раздѣльности съ сосѣдями. Поземельныя отношенія въ Россіи такъ запутались неопредѣленностію владѣнія въ помѣщичьихъ дачахъ и отсутствіемъ ясныхъ границъ, что привели само правительство, которое въ отдѣльныхъ случаяхъ, при началіи какаго-нибудь спора о землѣ не могло и разобрать этихъ отношеній, къ принятію общей государственной мѣры—размежеванію всѣхъ земель.

Для разбора основаній поземельнаго владѣнія еще въ 1754 и 1766 годахъ сочинены были межевыя инструкціи. Сначала опредѣлены были генеральнымъ размежеваніемъ крупныя очертанія дачъ, внутри которыхъ оставалась однако и продолжала еще болѣе распространяться самая дробная черезполосность земель разныхъ владѣльцевъ. Правительство не переставало съ тѣхъ поръ принимать законодательныя мѣры, для опредѣленія поземельныхъ отношеній, и наконецъ 8-го января 1836 года учреждено было полюбовное специальное размежеваніе дачъ, черезъ особыхъ посредниковъ. Только въ послѣднее время оно было распространено и на Малороссію, но и донынѣ не вездѣ приведено къ желаемому окончанію. Обстоятельства вели дѣло такъ, что оно отчасти совпало съ реформой освобожденія крестьянъ, и нынѣ предстоитъ развязать этотъ крѣпко затянутый узелъ. Тамъ, гдѣ имѣнія помѣщиковъ не размежеваны еще съ сосѣдями, сила вещей приводитъ къ тому, что, по окончанію размежеванія, крестьянамъ будутъ дѣлаться новыя отводы надѣловъ, и конечно къ однимъ мѣстамъ, при необходимости раздѣла съ ними бывшихъ ихъ помѣщиковъ, въ количествѣ опредѣленномъ уставными грамотами. Но въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ полюбовное размежеваніе развело уже землевладѣльцевъ, тамъ картина черезполосности у помѣщиковъ съ крестьянами другая. При трехпольной системѣ хозяйства, наиболѣе у насъ распространенной, вся пахатная земля въ одномъ

имѣннѣ помѣщика составляетъ обыкновенно три большія поля; въ каждомъ изъ нихъ отрѣзана часть крестьянамъ и не всегда въ одномъ кускѣ, потому что мѣстность, качество земли, большее или меньшее отдаленіе полей отъ крестьянскихъ усадебъ полагали тому, при прежнихъ отношеніяхъ, препятствіе, сверхъ того угодыя, то-есть луга, выгоны и проч. отводились еще въ другихъ, часто отдаленныхъ отъ ихъ полей мѣстахъ и нерѣдко остаются и понынѣ общими, то-есть нераздѣльными съ помѣщикомъ. Разныя другія случайности разнообразяютъ эту черезполосность до безконечности.

Такое поземельное пользованіе очевидно могло держаться только при условіи полной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльца. Нынѣ помѣщику предстоитъ отвести себѣ землю къ одному, а крестьянскій надѣлъ къ другому мѣсту, то-есть привести свое имѣніе въ два особняка. Нѣсколько особняковъ для помѣщика возможно сдѣлать лишь тамъ, гдѣ ему принадлежитъ обширное пространство земель, изъ котораго можетъ образоваться нѣсколько удобныхъ имѣній или фермъ. Это задача вообще сложная. Необходимость *особняка* въ способѣ пользованія поземельною собственностію едва ли нужно доказывать. Относительно порядка веденія хозяйства, черезполосность представляетъ непреоборимыя затрудненія. Положимъ, напримѣръ, что тотчасъ за общимъ съ помѣщикомъ выгономъ лежитъ клинъ помѣщичьяго поля, а за нимъ крестьянскій, на которомъ хлѣбъ уже сжать, тогда какъ на помѣщичьемъ онъ еще на корню. Есть ли въ такомъ случаѣ какое-нибудь средство для крестьянина прогнать скотину на свое поле, въ такое время года, когда луга уже выбиты и не должна ли она чрезъ это на нѣсколько дней лишиться корму? Если перебирать и отыскивать всѣ различные случаи безвыходнаго неудобства сельскаго сосѣдства посреди дачи или вблизи усадебъ и хозяйственныхъ заведеній, то не достало бы, кажется, для этого и бумаги. Все это слишкомъ хорошо извѣстно нашимъ сельскимъ жителямъ и хозяевамъ. Не даромъ русская пословица говоритъ: „не купи двора, купи сосѣда.“ Слѣдовательно во всякомъ случаѣ размежеваніе помѣщиковъ съ крестьянами есть дѣло первой важности.

Спеціальное размежеваніе 1836 года имѣло основаніемъ любовныя соглашенія, и по инструкціи данной тогда сѣдовало межеваться по крѣпостямъ, но наши крѣпостные акты

прежняго времени не представляли къ тому никакихъ дан-ныхъ: они совершались по большей части на число душъ съ владѣною землею. Такимъ образомъ количество земли оставалось въ неизвѣстности, и, на практикѣ, такъ какъ межеваніе было полюбовное, владѣльцы опредѣляли количество своихъ земель по факту владѣнія. Если было бы принято то же основаніе для полюбовныхъ соглашеній между помѣщикомъ и его бывшими крестьянами, то развязка дѣла сдѣлалась бы столько затруднительною, что нельзя было бы и надѣяться увидѣть когда нибудь ея окончаніе. Помѣщикъ, владѣющій сотнями десятинъ, а иногда и болѣе, имѣлъ возможность при полюбовномъ размежеваніи пожертвовать нѣсколькими десятинами для общаго спокойствія, и соглашенія могли улаживаться; но крестьянинъ имѣющій всего, напримѣръ, двѣ или три десятины на душу, будетъ стоять за каждый кустикъ, за каждую полоску, которую онъ будетъ считать болѣе удобною, хотя бы она была замѣнена равноцѣннымъ кускомъ. Такое основаніе для полюбовнаго соглашенія было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и крайнею несправедливостью, потому что крестьянинъ не собственникъ, а вся земля въ имѣніи признана Положеніемъ 19-го февраля принадлежащею владѣльцу, пока она не выкуплена. Слѣдовательно за владѣльцемъ по справедливости и остается право отвода крестьянамъ земли, такъ какъ уставныя грамоты, приведеніемъ въ извѣстность отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, утверждаютъ за первыми только размѣръ надѣла, въ количествѣ его и качествѣ, а не самую землю; право же требовать обязательнаго для крестьянъ размежеванія признается за однимъ помѣщикомъ. Мѣстныя учрежденія должны только наблюдать, чтобы крестьяне не были обижены, чтобы, напримѣръ, при разности достоинства прежняго надѣла и новаго, крестьяне имѣли право просить раздѣлки земель какъ отъ нихъ отходящихъ, такъ и вновь имъ отводимыхъ, и чтобы тѣмъ или другимъ образомъ уравнены были выгоды или невыгоды прежняго ихъ положенія съ новымъ.

Крестьяне ограждаются достаточно въ этихъ случаяхъ какъ силою вещей, такъ и постановленіями Положенія 19-го февраля. За надѣломъ ихъ, у помѣщика остается весьма рѣдко болѣе половины его земли, чаще одна половина и менѣе, а въ иныхъ случаяхъ лишь одна треть. Какая же есть возможность, еслибы даже у помѣщика и было такое желаніе, при

отрѣжкѣ къ новымъ мѣстамъ, въ особнякѣ, выбрать для крестьянъ все худшія земли; хотя съ другой стороны нельзя, конечно, избѣжать, чтобъ и у крестьянъ не осталось въ какомъ-нибудь небольшемъ количествѣ худшей земли. Всякая регламентація въ этихъ случаяхъ, также какъ и требованіе чтобъ у крестьянъ оставалась относительно та же пропорція луговъ и пахатной земли, не выполнимы и должны убиты дѣло, потому что природа не вкладывается въ рамки предписаній, иногда нельзя обойти оврага, въ другой разъ невозможно перенести на другое мѣсто рошу, которую помѣщикъ желаетъ и имѣть право оставить за собой. Тутъ надо держаться одного общаго правила: дача должна быть разрѣзана для развода между помѣщикомъ и крестьянами такъ, чтобы представляла наилучшій и обоюдно выгодный способъ раздѣла между ними.

Крестьяне огораживаютъ и тѣмъ, что, по прежнему порядку, при череполосности, въ крестьянскій надѣлъ отводилась, весьма часто, земля худшаго качества; и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ она черезъ извѣстное число лѣтъ навозится, въ силу постоянного правила, изъ крестьянскихъ земель удабривались только поля, лежація подъ дворами. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, при сколько-нибудь удовлетворительномъ хозяйствѣ помѣщика, крестьяне, получая господскія поля въ обмѣнъ своихъ, проиграть не могутъ. Обязательное переселеніе на земли новаго надѣла, по Положенію, производится на счетъ помѣщика. Этимъ достаточно обуздывается всякій произволъ съ его стороны, потому что никто безъ крайней нужды не рѣшится бросать деньги напрасно въ такое время, когда недостатокъ капитала останавливаетъ всякое дѣло, и необходимость имѣть его слышится отовсюду. Крестьянскія строенія въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ переселеніе составляетъ особую необходимость, не представляютъ вообще значительной цѣнности. Это очень часто курныя избы; еще недавно, при спеціальномъ полюбовномъ размежеваніи между помѣщиками, онѣ переносились цѣлыми поселками за нѣсколько верстъ, на вновь отведенныя дачи, и крестьяне, переселявшіеся съ помощью помѣщиковъ, которая состояла въ матеріалѣ для перестройки, въ отдачу имъ нѣсколькихъ рабочихъ дней изъ господской барщины и рѣдко, въ небольшихъ дельгахъ, сколько мнѣ извѣстно, не тяготились особенно своимъ

переходомъ на новыя мѣста, если, разумѣется, эти мѣста находились по близости того же имѣнія.

Такимъ образомъ, чтобы размежеваніе крестьянъ съ помѣщикомъ могло удобно совершиться, для помѣщика необходимо: 1) право отвода земель крестьянамъ въ одномъ мѣстѣ, помимо полюбовныхъ съ ними соглашеній; 2) отсутствіе всякихъ регламентацій на этотъ предметъ; и наконецъ 3) содѣйствіе правительства приготовленіемъ достаточнаго числа земельровъ и правильное учрежденіе этой части. Съ другой стороны для огражденія крестьянъ необходимо: 1) право крестьянъ требовать раздѣлки отводимаго вновь надѣла; 2) обязанность помѣщика сохранить въ крестьянской дачѣ мѣсто удобное для переселенія вообще; 3) принудительное для крестьянъ переселеніе производить на счетъ помѣщика, въ порядкѣ указанномъ Положеніемъ 19-го февраля. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ случайно разграниченіе устраивается по обоюдному согласію, нѣтъ причины тому препятствовать, такъ какъ тамъ, гдѣ нѣтъ вовсе чрезполосности, нѣтъ и основанія допускать размежеваніе.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о барщинѣ въ Россіи. При крѣпостной зависимости крестьянъ, она была послѣдствіемъ права господина располагать рабочею силою народа; а при дарованіи крестьянамъ свободы, она представляетъ собою способъ уплаты за землю, отводимую имъ въ надѣлъ, уплаты натурою, то-есть трудомъ, который подчиняется особымъ правиламъ и опредѣляется урочнымъ положеніемъ. Другаго значенія, при возникающемъ въ нашемъ отечествѣ новомъ хозяйственномъ бытѣ, барщина имѣть не можетъ. Крестьяне одни имѣютъ нынѣ право отъ нея освободиться, замѣняя ее денежною повинностію или оброкомъ; но землевладелецъ въ такомъ имѣніи, которое, при объявленіи Положенія 19-го февраля, было все на барщинѣ, не можетъ (если не пойдетъ на предложенный выкупъ съ пожертвованіемъ пятой части капитала) потребовать никакого другаго способа удовлетворенія, за отданную въ распоряженіе крестьянъ землю. Способовъ удовлетворенія помѣщика обязательнымъ трудомъ можетъ быть только три. Первый—*выставка работниковъ* въ распоряженіе помѣщика на нѣсколько часовъ въ сутки и на извѣстное число дней въ недѣлю. Это то же что подемная работа, способъ самый неудовлетворительный, и болѣе всѣхъ

другихъ носящій характеръ барщины. Въ этомъ случаѣ землевладѣльцу отдается въ распоряженіе рабочая сила, для употребленія ея по его усмотрѣнію. Въ практическомъ примѣненіи такой способъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Если въ назначенный для полевой уборки день пошелъ дождь и нельзя, напримѣръ, косить, то время не возвратно пропадаетъ, какъ для помѣщика, такъ и для крестьянина, и помѣщику часто остается обратить послѣдняго на бесполезную и малопроизводительную работу, чтобы совсѣмъ не потерять его труда. Между тѣмъ, сѣно или хлѣбъ должны быть убраны, подъ страхомъ ихъ утраты; остается нанимать еще работниковъ. А такъ какъ за трудъ крестьянъ заплачено впередъ тѣми участками земли, которые отданы въ постоянное ихъ пользованіе и которыхъ помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ отобрать не можетъ, то невольно приходитъ на мысль соображеніе: какой же подрядчикъ, при свободныхъ отношеніяхъ, согласится удовлетворить своихъ наемныхъ работниковъ всѣми деньгами впередъ и производить за тѣмъ съ ними работы? Количества работы и качества, при такомъ ея отправленіи, опредѣлить невозможно. Второй способъ есть *урочное положеніе*; онъ удовлетворительнѣе перваго, но опредѣляетъ только количество работы, а качество ея остается неудовимымъ. Чаще всего въ сельскомъ быту совсѣмъ невозможно исправить худо сдѣланную работу; такъ, если трава скошена на половину ея вышины, опять косить ее нельзя, и половина сѣна пропадаетъ; взысканіе же за убытокъ можетъ превышать средства крестьянина и сдѣлаться потому невозможнымъ. Въ этомъ случаѣ, когда работа передѣлана быть не можетъ, остается прибѣгнуть къ денежному взысканію. Но если крестьянинъ можетъ оплачиваться деньгами, то нѣтъ причины, почему бы онъ не могъ платить оброка. Во всякомъ случаѣ привлеченіе полиціи къ безконечнымъ разбирательствамъ, возникающимъ изъ такихъ обязательныхъ отношеній, не можетъ содѣйствовать процвѣтанію сельскаго хозяйства; подобные споры разбирать очень трудно, а часто и невозможно. Третій способъ есть способъ такъ-называемой *участковой обработки*, то-есть воздѣлываніе за опредѣленное количество земли такого же количества или какой-нибудь части ея. Этотъ способъ установить очень трудно; онъ не подходитъ ни подъ какую общую регламентацію, и если онъ изъ всѣхъ приведенныхъ есть

дѣлѣй совершенный, то можетъ сдѣлаться производительнымъ только по добровольному договору, а отнюдь не по принужденію. Онъ дѣйствителенъ только въ такомъ случаѣ, если за исполненіе работы можно отобрать отданную землю.

Изъ этого слѣдуетъ, что какъ ни регламентировать обязательный трудъ, онъ не можетъ не привести помѣщиковъ къ разоренію, а крестьянъ часто къ напрасной потерѣ времени, обидѣ же вмѣстѣ лишитъ всякой предприимчивости. Такія обязательныя отношенія — истинный параличъ всякой сельской производительности. Заведеніе помѣщикомъ рабочаго инвентаря, то-есть земледѣльческихъ орудій необходимыхъ при переходѣ къ новому хозяйству, выгодно сдѣлать вдругъ; но при существованіи барщины ему не извѣстно, когда крестьяне захотятъ перейти на оброкъ, сколько изъ нихъ перейдетъ, и потому неизвѣстно въ какомъ размѣрѣ должно обзавестись. Далѣе, возможность располагать тремя днями барщины въ недѣлю, нужны они ему или нѣтъ, да еще съ условіемъ назначать ихъ заранѣе, заставляють землевладѣльца имѣть постоянную подмогу, то-есть нанимать еще работниковъ, не говоря уже о караулахъ и другихъ потребностяхъ, а чрезъ это, даже и при полученіи прежнихъ доходовъ, расходы непомѣрно увеличиваются. Если такія отношенія продолжатся, то при отсутствіи особаго свободнаго капитала, положеніе небогатыхъ и средняго состоянія помѣщиковъ можетъ сдѣлаться безвыходнымъ. Производительность губерній черноземной полосы, гдѣ болѣе имѣній на барщинѣ, должна упасть значительно и запашки должны уменьшиться. Я не вижу никакихъ заслуживающихъ уваженія причинъ къ удержанію барщины. Ее необходимо, по моему понятію, уничтожить законодательнымъ порядкомъ, и чрезъ то дать мѣсто свободнымъ гражданскимъ отношеніямъ. Одно изъ самыхъ сильныхъ возраженій, которыя были приводимы противъ этого мнѣнія, состоитъ въ слѣдующемъ: какъ заставить платить крестьянина, когда у него нѣтъ денегъ? Это возраженіе падаетъ само собою, если принять во вниманіе, что помѣщику необходимо имѣть работниковъ на землѣ, остающейся у него въ распоряженіи: не лежать же ей впустѣ. Слѣдовательно, крестьянину останется всегда средство трудомъ уплатить свою повинность; разница будетъ только въ томъ, что эта работа будетъ производиться по добровольному соглашенію, помимо

регламентацій, и трудъ не будетъ ужь пропадать напрасно. По всему этому я глубоко убѣжденъ, что всѣ затрудненія перехода къ новой системѣ хозяйства и повсемѣстный застои въ дѣлахъ, главнѣйшимъ образомъ происходятъ отъ сохраненія барщины на неопредѣленное время и отъ лишения такимъ образомъ землевладѣльцевъ права за отданную крестьянамъ землю получать опредѣленную Положеніемъ повинность въ другомъ видѣ. Перейдутъ ли добровольно всѣ крестьяне на оброкъ — это вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, при теперешней обстановкѣ дѣла, для нихъ этотъ переходъ не совсѣмъ выгоденъ. Заставить исправно работать, при отсутствіи права непосредственнаго взысканія со стороны землевладѣльца, весьма трудно, тогда какъ денежное взысканіе произвести несравненно легче, и оно всегда обезпечивается имуществомъ. Конечно, такъ или иначе, переходъ крестьянъ на оброкъ долженъ совершиться, но сколько принесетъ ущерба сельскому хозяйству всякое случайное отдаленіе этого необходимаго перехода! Никогда потеря общая и неизбѣжная не можетъ произвести такого неудовольствія, какъ постоянное уменьшеніе ежегодныхъ доходовъ. Ничто не раздражаетъ такъ сильно человѣка какъ непрерывное противодѣйствіе и преграды въ мелочахъ жизни, на каждомъ шагу хозяйственной дѣятельности. Пока трудъ не будетъ освобожденъ и размежеваніе не совершится, поднятіе экономическаго быта въ Россіи и развитіе внутреннихъ ея силъ, а также прочность и опредѣленность отношеній между помѣщиками и крестьянами, по моему мнѣнію, невозможны. Русскій народъ всего болѣе нуждается въ свободахъ развитія силъ.

Н. СЕМЕНОВЪ.

28 марта, 1863 года.

OCT 4 - 1950

